ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Мария ГИМБУТАС

Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы

Москва
РОССПЭН
2006

УДК 902/904
ББК 63.4
Г 48

Редакционный совет
серии «Гендерная коллекция – зарубежная классика»:

Венедиктова Т. Д., Воронина О. А., Гениева Е. Ю., Дубин Б. В., Дробижева Л. М., Зверева Г. И., Казавчинская Т. Я., Кон И. С., Кочкина Е. В., Ливергант А. Я., Петровская Е. В., Посадская-Вандербек А. И., Садомская Н. Н., Самойло Е. Н., Сорокин А. К., Утешева Н. Т., Федорова Л. Н., Хасбулатова О. А., Чистяков Г. П., Юрьева Н. Ю., Ярыгина Т. В.

Научный редактор *О. О. Чугай*
Рецензент *Е. В. Антонова*
Перевод с английского *М. С. Неклюдовой*

This Russian edition was published
by arrangement with the Estate
of Marija Gimbutas

Гимбутас М.

Г 48 **Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы.** – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 572 с. – (Серия «Гендерная коллекция – зарубежная классика»).

ISBN 5-8243-0600-1

В данной книге автор исследует способы существования, социальные структуры и верования народов, населявших Европу с VII по III тыс. до н. э. (до прихода индоевропейцев), когда формировались стабильные земледельческие общины, значительно увеличилась численность населения, были созданы богатый художественный язык и сложная символическая система, связанная с различными проявлениями культа Великой Богини. Описываются матрилокальные сообщества культур, существовавшие с 6500 по 3500 г. до н.э., их размещение, хронология, искусство и архитектура, религия, письменность, социальный уклад. В заключительной главе рассказывается об упадке этих культур, о чужаках – носителях иного хозяйственного, социального и идеологического уклада, чей приход изменил мир древней Европы.

Цель книги – привлечь внимание к важнейшим аспектам доисторической Европы, по сей день неизвестным или ранее не рассматривавшимся в общеевропейском масштабе.

ББК 63.4

ISBN 5-8243-0600-1

© 2006 by the Estate of Marija Gimbutas
© «Российская политическая энциклопедия», перевод, 2006
© А.Б.Орешина, оформление серии, 2006

Предисловие

Мария Гимбутас принадлежит к блистательной плеяде ученых-гуманитариев XX века, труды которых дали толчок для создания целого ряда работ по истории, этнографии, религиоведению и в гендерной области. Более двадцати монографий вышло из-под пера исследовательницы. Начав публиковать статьи, посвященные языческим культам в Литве, она в дальнейшем расширяет ареал своих исследований на Восточную Европу и страны Балтии. После выхода в середине пятидесятых годов книги «Доисторическая Восточная Европа» и вскоре другой работы «Древнейшие символы в народном искусстве Литвы» она заслуженно становится в один ряд с крупнейшими исследователями европейской истории и культуры. Наиболее значительной монографией того периода стала замечательная книга «Боги и Богини Древней Европы». Коллега Марии Гимбутас профессор Джозеф Кемпбелл в предисловии к книге «Язык Богинь» сравнивает ее заслуги перед наукой с заслугами Ф.Шампольона, расшифровавшего египетские иероглифы. В начале шестидесятых Гимбутас назначают куратором международной программы раскопок европейского неолита и она в течение пятнадцати лет посвящает свою жизнь археологическим раскопкам в Югославии, Греции, Северной Италии и Румынии. Итогом многолетней работы стали ее последние монографии: «Язык Богинь» и «Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы». Эта книга, пишет исследовательница, описывает способы существования, социальные структуры и верования народов, населявших Европу с седьмого по третье тысячелетие до нашей эры. Сенсационные археологические открытия середины двадцатого века в Европе кардинально изменили представления людей об истоках цивилизации. Список древнейших центров мировой культуры пополнился таким огромным ареалом, как Южная и Восточная Европа. Египет и Месопотамия уступили пальму первенства Малой Азии и Средиземноморью, а известное еще по раскопкам девятнадцатого века украинское село Триполье вкупе с румынской деревушкой Кукутень стали центрами великой европейской цивилизации.

В исторической науке существовали две точки зрения на поздний неолит и ранний бронзовый век. Гимбутас в своей последней книге ставит вопрос о существенном различии этих эпох. Именно при энеолите происходит смена матриархальной формации на патриархальную. В советской археологической науке многие исследователи как раз не усматривали существенных различий в этих культурах, поскольку бронзовые изделия встречались и в слоях, относящихся к неолиту. Они склонялись к выводу о постепенном нарастании бронзовых изделий в культурах новокаменного века. Гимбутас пишет о коренном изменении характера культуры и упадке земледельческих сообществ, которые угасали под натиском вторгшихся с востока кочевых племен. Бронзовые зеркала, браслеты и фибулы уступили место оружию. В коллективных захоронениях земледельцев встречались предметы обихода, статуэтки богинь и украшения, а в богатых могилах скотоводческих вождей были кони, оружие и убитые слуги.

Земледельцы не знали колеса как средства передвижения, но использовали его как сакральный символ небесной богини. Металл и колесо – вот истинные признаки культуры кочевников-индоевропейцев. Не меньшей заслугой Гимбутас стало иное определение цивилизации. Она поставила вопрос о существенной коррекции этого понятия: «Слово "цивилизация" нуждается в объяснении. С точки зрения археологов и историков, оно подразумевает наличие политической и религиозной иерархии, военного искусства, классов и высокого разделения труда. Такого рода структуры действительно характерны для патрилокальных сообществ... Я не согласна с тем, что понятие "цивилизация" приложимо исключительно к патриархальным и воинственным сообществам».

Высокий уровень жизни города с большой численностью населения, священные письмена, изысканные предметы искусства, ремесла, торговля – все это объединяла собой религия Великой Богини с очень сложным пантеоном. Неоспоримое богатство религиозного символизма Центральной Анатолии и Древней Европы – результат непрерывного развития, начавшегося в эпоху позднего палеолита. Книга Гимбутас – научное исследование, которое будет востребовано отечественными историками, археологами, культурологами и внесет весомый вклад в современные гендерные исследования. Простота и доступность изложения дает возможность прочесть эту книгу любому читателю, интересующемуся мировой историей. Привлеченный автором изобразительный и картографический материал дает возможность использовать монографию как учебное пособие очень высокого класса.

Ольга Чугай

Что такое цивилизация?

Цель этой книги – привлечь внимание к важнейшим аспектам доисторической Европы, по сей день неизвестным или ранее не рассматривавшимся в общеевропейском масштабе. Собранные в ней данные могут в корне переменить наше представление о прошлом, о потенциале настоящего и будущего. Наша общая историческая память должна быть сфокусирована по-новому. Необходимость эта тем более велика, что, как мы видим, путь «прогресса» ведет к уничтожению самих условий существования жизни на земле.

Эта книга исследует способы существования, социальные структуры и верования народов, населявших Европу с VII по III тыс. до н.э.: применительно к этой эпохе я буду использовать термин «Древняя Европа», имея в виду европейский неолит до прихода индоевропейцев. В этот период формируются стабильные земледельческие общины, значительно увеличивается численность населения, наши предки создают богатый художественный язык и сложную символическую систему, связанную с различными проявлениями культа Великой Богини.

Убедительные свидетельства существования быстро развивавшейся неолитической культуры с середины VII тыс. до н.э. присутствуют в Эгейском регионе, на Балканах, в Центральной и Восточной Европе. Вторая очаговая зона – центральная часть Средиземноморья. В западных прибрежных районах Средиземноморья окончательный переход от охоты и собирания продуктов питания к земледелию занял все VII тыс. до н.э., а в Западной Европе эта смена произошла лишь в начале V тыс. до н.э.

Первая часть книги посвящена описанию сообществ культур, существовавших с 6500 по 3500 г. до н.э. (в случае Западной и Северной Европы – несколько долее 3500 г. до н.э.), их размещению и хронологии. Искусство и архитектура этих региональных групп отличались удивительным богатством стилей, изобретательностью и воображением. Далее речь пойдет о религии, письменности и социальных структурах. В заключительной главе рассказывается об упадке этих культур, о чужаках, носителях иного хозяйственного, социального и идеологического типа, чей приход изменил мир Древней Европы. За этими событиями – не только распад цивилизации Древней Европы, но и переход к патрилокальным и воинственным типам общества. Как свидетельствуют междисциплинарные исследования в области археологии, лингвистики, мифологии и древнейшей истории, это изменение хронологически совпадает с индоевропеизацией Европы.

Слово «цивилизация» нуждается в объяснении. С точки зрения археологов и историков, оно подразумевает наличие политической и религиозной иерархии, военного искусства, классов и высокого уровня разделения труда. Такого рода структуры действительно характерны для патрилокальных сообществ, в том числе и для индоевропейского, в отличие от описываемых в этой книге матрилокальных культур. Цивилизация, существовавшая в Древней Европе между 6500 и 3500 гг. до н.э., а на Крите – вплоть до 1450 г. до н.э., знала долгий период ничем не потревоженного мира, благодаря чему был создан художественный язык удивительной красоты и изящества – верный признак того, что для нее было характерно более высокое качество жизни, нежели для многих патрилокальных и классовых типов общества.

Я не согласна с тем, что понятие «цивилизация» приложимо исключительно к патриархальным и воинственным сообществам. Генерирующие способности любой цивилизации определяются уровнем творческих и эстетических достижений, наличием нематериальных ценностей и свободы, делающей существование осмысленным и радостным, а еще – сбалансированным распределением отношений между полами. Европейский неолит не был периодом «доцивилизационным» (как его окрестил Колин Ренфрю в своей книге «До цивилизации: радиоуглеродная революция и доисторическая Европа», 1973 г.). Напротив, это была цивилизация в самом лучшем и истинном смысле слова. В V и в начале IV тыс. до н.э., на излете ее существования в Центральной и Восточной Европе, у древних европейцев были города, объединявшие значительную часть населения, святилища высотой в несколько этажей, священные письмена, просторные жилища из четырех-пяти комнат, профессиональные керамисты, ткачи, медники, золотых дел мастера и другие ремесленники, чья продукция отличалась сложностью и разнообразием. Благодаря существованию сети торговых путей такие товары, как обсидиан, раковины, мрамор, медь и соль, могли перемещаться на сотни километров.

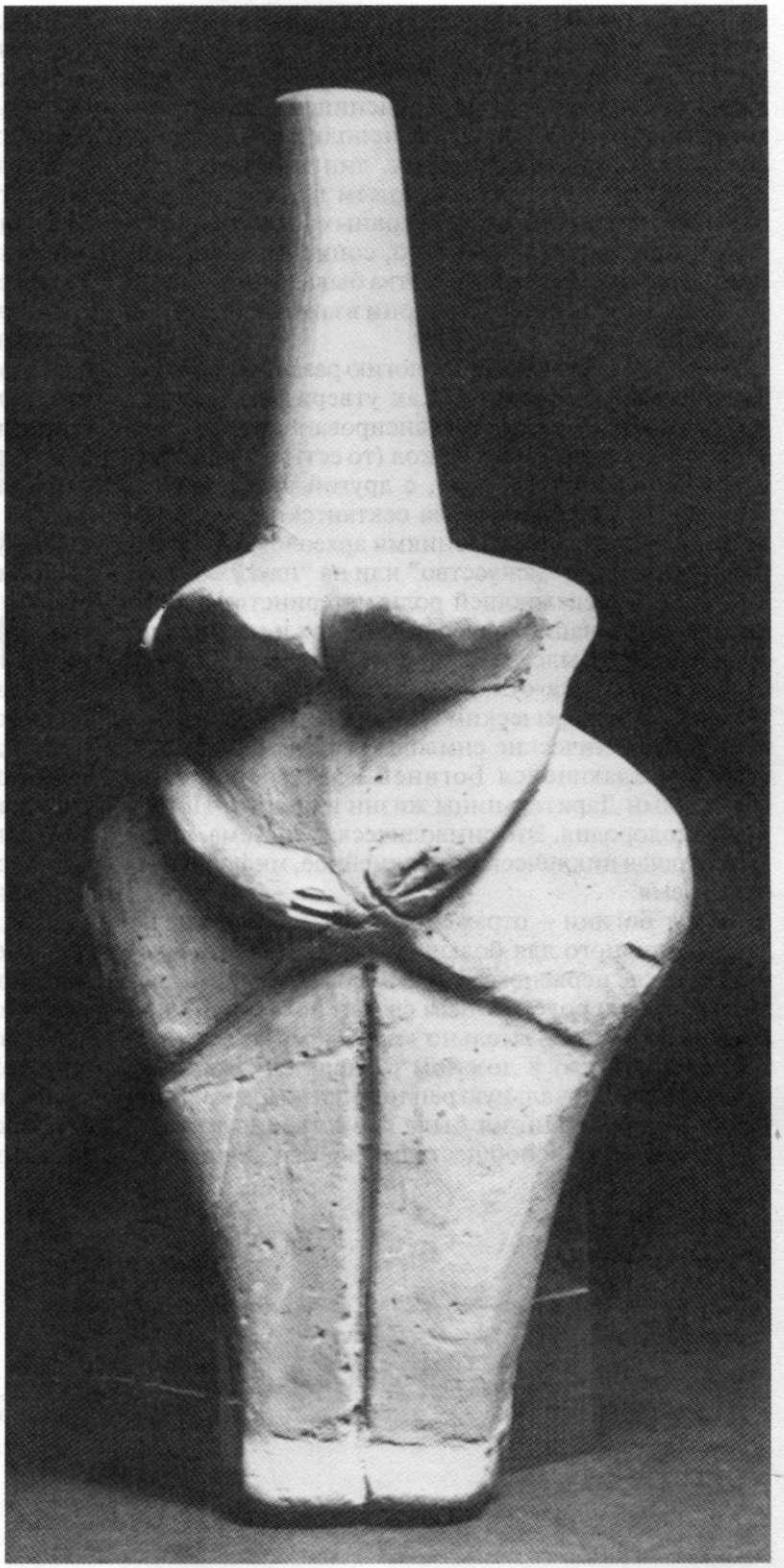
Конечно, все это не возникло на пустом месте. Рядом, в анатолийском поселении Чатал-Хююк, много-

численные святилища были украшены поразительно богатыми и искусными стенными росписями еще за тысячу лет до того, как Европа достигла высокого уровня в архитектуре, фресках, скульптуре и керамике. А Чатал-Хююку предшествовал трехтысячелетний эволюционный переход к земледелию и оседлым формам существования. Неоспоримое богатство религиозного символизма Центральной Анатолии и Древней Европы – результат непрерывного развития, начавшегося в эпоху позднего палеолита.

Серьезное заблуждение считать, что неотъемлемой частью человеческого состояния является война. Действительно, начиная с бронзового века и до нынешнего времени жизнь людей нередко сопровождалась боевыми схватками и возведением укреплений. Однако это не так в случае палеолита и неолита. Среди пещерных рисунков эпохи палеолита нет изображений боевого оружия (то есть оружия, направленного против себе подобных), как нет и свидетельств его существования в эпоху древнеевропейского неолита. Ни один из примерно 150 дошедших до нас рисунков из Чатал-Хююка не запечатлел конфликты, сражения, войны или пытки.

Местоположения древнеевропейских поселений не слишком выгодны с точки зрения обороны: как правило, их выбор обусловлен соображениями удобства, наличием хорошей воды, плодородной земли и пастбищ для скота. Древняя Европа не знала ни труднодоступных укреплений на возвышенностях, ни кинжалов, копий или алебард. Неолитические поселения порой бывали окружены рвом и очень редко – деревянной или каменной изгородью. Земляные укрепления и другие оборонительные сооружения появились в эпоху позднего неолита и в медном веке, когда возникла необходимость защиты от набегов чужаков. В Центральной Европе эти изменения стали заметны лишь к концу V и в IV тыс. до н.э.

Это исследование сфокусировано на религии, и этот выбор сам по себе значим. В книгах по европейскому неолиту нередко рассматриваются жилища, инструментарий, керамика, торговый обмен и проблемы окружающей среды, однако они не касаются «второстепенного» вопроса – религии. Такой подход трудно объясним, поскольку в рассматриваемую эпоху повседневная и религиозная жизнь были неразделимы. Упуская из виду сакральную



Глиняная статуэтка (столбообразная) культуры хаманджия из могильника Чернаводэ, ок. 4800 г. до н. э.

составляющую жизни эпохи неолита, мы рискуем не понять культуру в целом. Но археологам не удастся до бесконечности прятаться за научный материализм, открещиваясь от многодисциплинарного подхода. Лишь при комплексном использовании археологических, мифологических, лингвистических и исторических данных мы сможем прийти к пониманию и материальных, и духовных реалий доисторических культур. Кроме того, социальная организация неолитического общества была неразрывным образом связана с религией: они взаимно друг друга отражали.

Последние полвека археологию раздирают противоположные тенденции. Как утверждает Джеймс Мелларт: «Необходима сбалансированная амальгама лучших элементов обеих школ (то есть, с одной стороны, раскопок "мусора", с другой – святилищ), которая бы препятствовала сектантским раздорам между разными направлениями археологии, ориентированными на "искусство" или на "науку"»[1].

В силу определяющей роли материнства исконное божество наших палеолитических и неолитических предков было женским. Не известно ни одно изображение Бога-отца, которое можно было бы датировать доисторическим периодом. Палеолитические и неолитические символы и образы связаны с самозарождающейся Богиней и с ее основными функциями Дарительницы жизни и смерти, Источника плодородия. Это символическая система, представляющая циклическое, нелинейное, мифологическое время.

Культ Богини – отражение общественного уклада, характерного для большей части древнего человечества, где первенствующее положение принадлежало матери и родственным связям по материнской линии. Это не обязательно «матриархат», если истолковывать его в ложном смысле как женское «правление», зеркальную реплику патриархата. Матрилокальная традиция была свойственна ранним земледельческим сообществам Европы, Анатолии, Ближнего Востока и Крита минойского периода. В отличие от культур патриархальных, стремившихся к господству, культуры этого типа были в первую очередь направлены на развитие знаний, способствовавших поддержанию человеческой жизни.

Древнеевропейская структура общества была прямо противоположна сменившей ее индоевропейской. Как свидетельствуют археологические, исторические, лингвистические и религиозные данные, ядром древнеевропейского общества была теократическая храмовая община, управляемая главной жрицей, ее братом или дядей и женским советом, имевшим функции руководящего органа. Однако, несмотря на то, что в рамках религиозного бытия статус женщины был сакрализирован, судя по раскопкам захоронений V и большей части IV тыс. до н.э., в отношениях между полами не было ни диспропорции, ни подчинения одного пола другому. Напротив, они предполагают взаимоуважение. И женский и мужской погребальный инвентарь символически связан с сакральным циклом смерти и возрождения, и в то же время он отражает личные достижения в искусствах, ремеслах, торговле и других сферах деятельности.

Древнеевропейское общество не знало централизованной организации индоевропейского типа, во главе которой стоял вождь. Однако неверно было бы утверждать, что на всем протяжении неолита и медного века оно представляло собой не более чем конгломерат мелких разрозненных сообществ. Раннеолитическое общество Древней Европы действительно складывалось из небольших земледельческих общин, но в V тыс. до н.э. в него уже входили значительные по размеру и сложные объединения. Центральноевропейские и восточноевропейские поселения много больше самых внушительных протоурбанистических теллей Ближнего Востока. Когда примерно в 4000–3500 гг. до н.э. позднекукутенская культура достигла урбанистического этапа развития, в ее городах, окруженных средними и мелкими поселениями, могло жить до десяти тысяч человек*.

* В настоящем исследовании используется датирование по радиоуглероду, выверенное по счету древесных колец (так называемые калиброванные даты). Хронологические данные, связанные с культурными сообществами VII–III тыс. до н.э., представлены в приложении («до н.э.» обозначает точные даты, *«до н.э.»* – относительные, а «до н.в.» – количество лет, предшествующих нашему времени).

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Конец последнего ледникового периода принес потепление климата на всем земном шаре, способствовавшее как изобилию дикой растительности и процветанию животного мира, так и росту численности населения. Примерно между 9000 и 6500 гг. до н.э. происходит постепенный переход от охоты и собирательства к оседлости, одомашниванию животных и окультуриванию растений. Более мягкие климатические условия, сложившиеся примерно в VIII тыс. до н.э. во время бореального периода и приведшие к значительному повышению уровня моря, кардинально повлияли на пищевые ресурсы людей и животных. В прибрежных областях и вокруг внутренних озер образовались болотистые и торфяные местности, идеальные места обитания для рыбы, моллюсков, ракообразных и водяных птиц. Наличие подобных пищевых источников и распространение лиственных – дубовых – лесов обусловили переход человека к более оседлому образу жизни. В Средиземноморье начинается выращивание овощей и фруктов.

Приручение различных животных и окультуривание растений происходили далеко не одновременно и зачастую в разных географических точках. Так, в Центральной Европе домашняя собака обособилась от волка уже в мадленскую эпоху позднего палеолита[1]. Овца стала домашним животным еще до 7000 г. до н.э. на горных склонах Загроса (Иран, Ирак) и Тавра (Турция), где ранее охотились на ее диких предков. Крупный рогатый скот и свиньи были одомашнены в Анатолии между 7500 и 6500 гг. до н.э.; этот процесс продолжался в разных частях Европы с 6500 по 5500 гг. до н.э.[2]. Домашняя лошадь не появится ни на Ближнем Востоке, ни в Центральной и Восточной Европе вплоть до конца V тыс. до н.э.

Первобытное земледельческое хозяйство основывалось на освоении трех зерновых культур: пшеницы-однозернянки или полбы (Triticum monococcum), пшеницы-двузернянки или эммера (Triticum dicoccum) и двурядного ячменя (Hordeum vulgare ssp. distichum). Эти злаки были окультурены в VIII и VII тыс. до н.э. на территориях между Юго-Восточной Европой и Афганистаном. По сей день пшеница, как полба, так и эммер, произрастает в диком виде между Грецией и Афганистаном, а дикий ячмень можно встретить между Эгейским морем и Балхом (Северный Афганистан)[3].

Переход к оседлой жизни также происходил постепенно. Предшественниками оседлых землепашцев были полуоседлые собиратели, жившие за несколько тысячелетий до того, как началось развитие земледелия: их можно рассматривать как промежуточное звено между поздним палеолитом и неолитом. Таковы натуфийцы, которые населяли восточное побережье Средиземного моря в 10 000 – 8000 гг. до н.э. и обитали не только в пещерах, но и на открытых пространствах.

С антропологической точки зрения, натуфийцы не отличались от современного человека, они походили на нынешний средиземноморский тип[4]; их жизнь зависела от урожаев дикой пшеницы и ячменя. В местах их поселений археологи находят ступки и камни для растирания зерна и семян, равно как кремневые зубчатые вкладыши для серпов. Встречаются тут и костяные орудия: шилья, иглы, лопатки, жатвенные ножи, рыболовные крючки и гарпуны – набор, который на протяжении тысячелетий будет представлять типичный неолитической инструментарий. О продолжении позднепалеолитических традиций говорят натуфийские костяные изображения животных, а наличие раковин денталиум (Dentalium) с берегов Средиземного и Красного морей, из которых изготовлялись бусы, – о существовании морского сообщения с отдаленными регионами. Натуфийцы охотились на газелей, оленей и свиней; у них были прирученные собаки, но более никакой другой домашней живности.

К 8000 г. до н.э. в Восточном Средиземноморье происходит окончательное окультуривание злаков, и здесь, как и в Анатолии, натуфийская культура сменяется докерамическим неолитом (культурой, знакомой с производством продуктов питания, но еще не знавшей глиняной посуды). К 7000–6500 гг. до н.э. Ближний Восток и Юго-Восточная Европа обладали полноценной земледельческой системой; обитатели их поселений могли прокормить себя благодаря разнообразию и многочисленности злаков, овощей (гороха и чечевицы), а также поголовью овец, коз, свиней и крупного рогатого скота. В этот период возникает искусство керамики. А поскольку глиняные изделия не поддаются полному разрушению, то именно они – наиболее часто встречающиеся остатки неолитической культуры, о каком бы из ее периодов ни шла речь.

Распространение земледелия в Европе

Некоторые теории

Теория «революции»

В наши дни уже совершенно невозможно принять гипотезу, согласно которой европейский земледельческий комплекс был в готовом виде привнесен с Ближнего Востока. Действительно, во времена В.Гордона Чайлда (1892–1957) было модно говорить о приходе агрокультуры как о своеобразной «революции», однако теперь процесс развития неолита в Европе представляется исследователям гораздо более сложным – длительным, неоднородным, во многом обусловленным природными и географическими условиями.

Биологическая модель распространения

Благодаря интенсивному изучению мезолитических и ранненеолитических поселений в восточных областях Средиземноморья утратила актуальность и другая теория. В 1936 г. генетик Р.А.Фишер предложил биологическую модель распространения сельского хозяйства; позднее его идеи продолжили и развили А.Дж.Аммерман и Л.Л.Кавалли-Сфорца, авторы труда «Неолитическая эволюция и генетика европейских народов» (1984). Они рассматривают распространение земледелия как диффузионный процесс, обусловленный ростом и миграцией населения. Согласно этой модели, распространение получила не идея земледелия, но непосредственно сами земледельцы. Как утверждают исследователи, в тех случаях, когда рост численности населения совпадает с локальной миграцией, возникает эффект волнового взрыва, который распространяется с равномерной радиальной частотой и поддается математическому исчислению. Считается, что миграционное продвижение равно 18 километрам для одного поколения (25 лет), или же одному километру в год. Хотя с теоретической точки зрения данный метод вполне логичен, в особенности в тех случаях, когда рост населения действительно сопровождается миграционными процессами, однако его нельзя без разбора применять ко всем регионам Европы. Наши рассуждения должны опираться на реальные археологические данные и на результаты радиоуглеродного анализа.

Переход от собирательства к земледелию и миграция земледельцев

На территории Европы первые признаки перехода от уклада, связанного с охотой и собирательством, к производящему хозяйству обнаруживаются в Средиземноморском регионе. В основном процесс неолитизации шел в двух направлениях: в западной и центральной частях Средиземноморья местные собиратели начинают заниматься земледелием; а в Юго-Восточной и Центральной Европе его распространение происходит за счет миграции земледельцев из юго-восточных регионов в северо-западные, что сочеталось с переходом местного населения к земледельческому укладу.

Западное и Центральное Средиземноморье

Постепенный переход к доместикации в эпоху южнофранцузского и испанского мезолита

Долгое время считалось, что неолит пришел сюда из Восточного Средиземноморья вместе с керамикой кардиал или импрессо (в глину вдавливались края раковины cardium edule), характерной для центральных и западных районов Средиземноморья. Но в 1980-е гг. стало очевидно, что неолитизация прибрежных областей Западного Средиземноморья была обусловлена постепенным переходом к доместикации, который происходил в рамках местной мезолитической культуры кастельновьен, охватывавшей восточные районы Испании и юг Франции. Кроме того, в южных районах Франции протоземледельческое использование бобовых и зеленных культур имело место уже около 10 000 лет назад. Исследование ряда мезолитических поселений в Провансе и Лангедоке выявило наличие там машсалата, чечевицы, гороха, вики, дикорастущего и турецкого гороха[5]. Присутствие овец и коз, потребление овощей и зелени, преемственность по отношению к позднепалеолитическим производственным навыкам – все это говорит о том, что между охотниками-собирателями и нарождающимися земледельцами не было кардинального разрыва. Судя по раскопкам пещерных и околоскальных стоянок в прибрежных районах Восточной Испании и Южной Франции, равно как и по данным радиоуглеродного анализа, этот переход имел место в VII тыс. до

н.э. (об этом см. главу VI). Тому способствовали многие факторы: улучшение климата, все большая оседлость рыболовов и собирателей раковин, природное окружение.

Согласно иберийским и французским археологическим данным, одомашнивание животных началось задолго до выращивания зерна и появления глиняных изделий. Следы присутствия не только овец, но даже свиней и крупного рогатого скота есть в докерамических культурных слоях начала VII тыс. до н.э., и не исключено, что и в более ранних. Керамика и злаки часто встречаются в слоях, восходящих к 6500–6000 гг. до н.э. А обработка камня в этих мезолитических или, точнее, протонеолитических слоях указывает на непрерывную преемственность традиции. Таким образом, весь корпус имеющихся материалов заставляет предположить, что в Западном Средиземноморье неолит возник под воздействием внутренних культурных механизмов.

Но хотя гипотеза поэтапного культурного развития представляется вполне бесспорной, нельзя отрицать и реальность восточного воздействия. Прямые предки домашних овец и коз, оставившие следы своего присутствия в мезолитических пластах, были не местного происхождения. Прародитель овцы – ближневосточный муфлон, а коза ведет свое происхождение не от местного (Capra ibex или Capra pyrenaica), а от ближневосточного вида (Capra aegagrus), что, конечно, дает археологам большой простор для гипотез. Установить, когда и как эти виды пришли сюда, – дело будущего. Можно предположить, что дикие предки козы прибыли в прибрежные районы Центрального Средиземноморья не прямо с Ближнего Востока, а из Эгейской области. Известно, что мореплаватели, у которых уже была ранняя керамика и козы, от берегов Эгейского моря доплывали до островов, расположенных к западу от Греции (например, до острова Корфу: см. главу V). Но в Западном Средиземноморье разведение коз никогда не имело такой экономической важности, как в ближневосточных, эгейских и юго-восточных областях распространения европейского неолита.

Постепенный переход к земледелию на побережье Адриатики и в Центральном Средиземноморье

В эпоху позднего палеолита и мезолита побережье Адриатики населяли собиратели, чей способ обработки камня указывает на существование длительной традиции, не прерывавшейся вплоть до прихода неолитической керамики импрессо[6]. В данном случае также маловероятно, что земледелие было занесено сюда с Ближнего Востока или даже из эгейских областей. Заселение Корсики и Сардинии донеолитическими группами происходило не позднее VIII тыс. до н.э. (самые ранние радиоуглеродные показатели на Корсике – 9140 лет до н.в. – получены в Стретте; 8650 лет до н. в. – в Арагина-Сенноле у г. Бонифачо). В этих местах неолитическая керамическая культура датируется концом VII тыс. до н.э. Вскоре на Сардинии был найден обсидиан, ставший предметом обмена и, в силу этого, настоящим катализатором связей между западными районами Центрального Средиземноморья и Адриатикой (см. главу V).

Юго-Восточная Европа

Производящее хозяйство сложилось в районе Эгейского моря еще до середины VII тыс. до н.э. Пока нам не известно, был ли этот неолитический уклад в какой-то мере принесен новыми переселенцами, или же соответствующие идеи на протяжении многих поколений проникали сюда из Анатолии постепенно и без посредства крупномасштабных миграций. И что произошло с мезолитическим населением, было ли оно поглощено? Судя по имеющимся данным, все перечисленные факторы могли сыграть определенную роль. Действительно, в самых ранних неолитических поселениях Юго-Восточной Европы основные виды скота – овцы и козы – были уже полностью одомашнены. Существенное преобладание домашних животных над дикой фауной характерно для древнейших из известных нам неолитических поселений, а это свидетельствует в пользу предположения, что и люди, и скот когда-то пришли в Европу из других мест.

К сожалению, мы почти не располагаем археологическими данными о периоде, предшествовавшем неолиту. Потепление климата в постледниковый период привело к повышению уровня моря, и не исключено, что многие памятники мезолита на островах Эгейского моря и в прибрежных районах в основном оказались затоплены. Следы мезолитических и неолитических жилищ были обнаружены лишь в районе Арголида на Пелопоннесе, в пещере Франхти, но культурная преемственность и тут не вполне очевидна. Найденные в этой пещере остатки скелетов позволяют выдвинуть два предположения: либо первоначальное население принадлежало к местным мезолитическим группам, либо было восточного происхождения[7].

Гетерогенность физического типа

Антропологический материал, обнаруженный севернее, в греческой Македонии (поселение Неа-Никомедия), с точки зрения таксономии, разнороден. Как указывает Энджел, там было представлено несколько типов: динарический – средиземноморский и так называемый основной белый тип с кроманьонскими чертами. Эта вариативность объясняется тем, что на протяжении веков происходило постепенное смешение земледельческого населения с охотниками-собирателями. Гетерогенность физического типа также отмечается в культуре старчево Центральных и Северных Балкан (см. главу II).

На Дунае, в районе Железных Ворот, можно проследить непрерывную культурную преемственность, существовавшую от позднего палеолита и на всем протяжении мезолита, о чем свидетельствует стабильность местного европейского, кроманьонского населения, способов обработки камня, религии и искусства. Это так называемая «балкано-дунайская культура эпиграветт и мезолита», или же «культура лепенски-вир» (Лепенски-Вир – одно из четырнадцати раскопанных поселений, прославившихся своими святилищами и скульптурами, к которым мы еще вернемся в главах II и VII). Производящее хозяйство пришло сюда вместе с центральнобалканской (старчевской) культурой, принесенной неолитическими племенами примерно в 6000 до н.э.[8]. Пришедшие с юга грацильные средиземноморцы либо вытеснили населявших этот регион более массивных кроманьонцев, либо постепенно они друг с другом смешались[9].

Мореплавание и торговый обмен – главные катализаторы развития культуры

По всей видимости, навыки мореплавания, торговля и натуральный обмен, увеличивая интенсивность контактов между людьми, послужили катализатором беспрецедентного расцвета неолитической культуры. Начиная с VIII тыс. до н.э., т.е. еще до наступления неолита, можно найти следы существования торгового обмена кремнем и обсидианом[10]. После установления производящего уклада о постоянном росте контактов свидетельствуют завезенный в эти места обсидиан, мрамор и раковины спондилус (Spondylus). Обсидиан – вулканическое стекло, образующееся из насыщенной кварцем лавы, идеально подходит для лезвий серпов и других режущих инструментов. Поэтому и спрос на него был большой, поэтому и находят его иногда за сотни километров от мест добычи. Основным источником обсидиана как для Эгейского региона, так и для всей Греции, был остров Мелос, расположенный в южной части Эгейского бассейна[11]. Центральную часть Средиземноморья, адриатические области и внутренние районы Западной Югославии обсидианом обеспечивали Сардиния (Монте-Арчи) и вулканический остров Липари к северу от Сицилии. А Карпатский бассейн и долины Дуная снабжались карпатским обсидианом из Северо-Восточной Венгрии и Северо-Западной Румынии. Мрамор, из которого делали чаши, блюда, украшения и статуэтки, мог происходить из многих мест, но, по-видимому, основными его источниками были острова Парос и Скирос, расположенные соответственно в южной и северной частях Эгейского моря, поскольку именно там были обнаружены неолитические поселения. Из характерных для Эгейского бассейна раковин спондилус делали бусы, подвески и браслеты. От берегов Эгейского моря они в большом количестве попадали на север, в Болгарию и Румынию, а затем, по Дунаю, – в Центральную Европу[12]. Раковины с берегов Адриатики имели хождение в западных частях Югославии и в Северо-Восточной Италии.

Развитые неолитические культуры в Греции к 6500 г. до н. э.

К 6500 г. до н.э. в прибрежных районах Греции и на примыкающих к ним равнинных территориях существовал развитый неолитический способ существования, с характерным для него производством керамики и одомашненными овцами, козами, крупным рогатым скотом, свиньями и собакой. Полный набор домашних животных появился здесь на пятьсот лет раньше, чем в Юго-Западной Азии. Население уже выращивало пшеницу, ячмень, вику, чечевицу, горох и лен. Не исключено, что эммер, рожь и овцы были занесены сюда из Анатолии, меж тем как одомашнивание крупного рогатого скота и свиньи происходило в Юго-Восточной Европе независимо от посторонних влияний. В земледельческий инвентарь входили сделанные из камня или из оленьих рогов мотыги, деревянные или костяные серпы с лезвиями из обсидиана, шерта или кремня (рис. 1-1) и зернотерки, ступки и пестики.

После того как неолитический образ жизни утвердился в Эгейском и Средиземноморском бассейнах, неолитические технологии производства довольно быстро распространяются в Восточной и Центральной Европе. Средиземноморский климат в ту эпоху был более влажным, нежели сейчас, что создавало благоприятные условия для земледелия.

Распространение земледелия с юго-востока на северо-запад

Как показывает карта распространения земледелия по Европе (рис. 1-2), быстрой диффузии идей в эпоху неолита в первую очередь способствовали морские пути. В Эгейском и Адриатическом морях, равно как и вдоль берегов Средиземного моря, навигация особых трудностей не представляла: об этом свидетельствует широкая циркуляция обсидиана и раковин. Контакты во внутренних районах происходили медленней. Понадобилось почти 500 лет, чтобы земледелие распространилось от Эгейского моря до Дуная, и еще 500 лет для того, чтобы от Среднего Дуная оно дошло до Восточной Франции и Голландии. Северная Европа, от Дании до Литвы, перешла к земледелию лишь в 4000–3500 гг. до н.э.

Неолитические города Анатолии (Турции)

Ранние формы неолита в Юго-Восточной Европе тесно связаны с аналогичной культурой Анатолии. В обоих случаях мы видим сходные орудия, украшения, скульптуру, близкие традиции возведения святилищ для поклонения одним и тем же божествам, использование единого символического языка. Археологические данные из Анатолии, равно как и из восточных областей Средиземноморья, позволяют судить о промежуточных этапах перехода от полуоседлой натуфийской культуры к докерамическому неолиту, тогда как в случае Юго-Восточной Ев-

Рис. 1-1

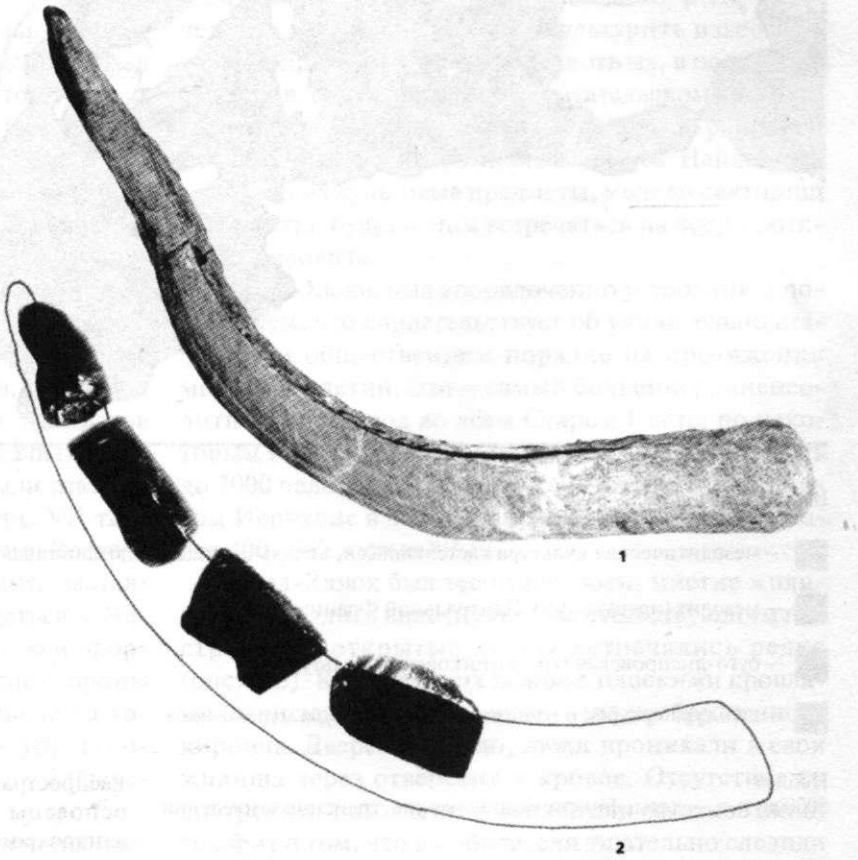
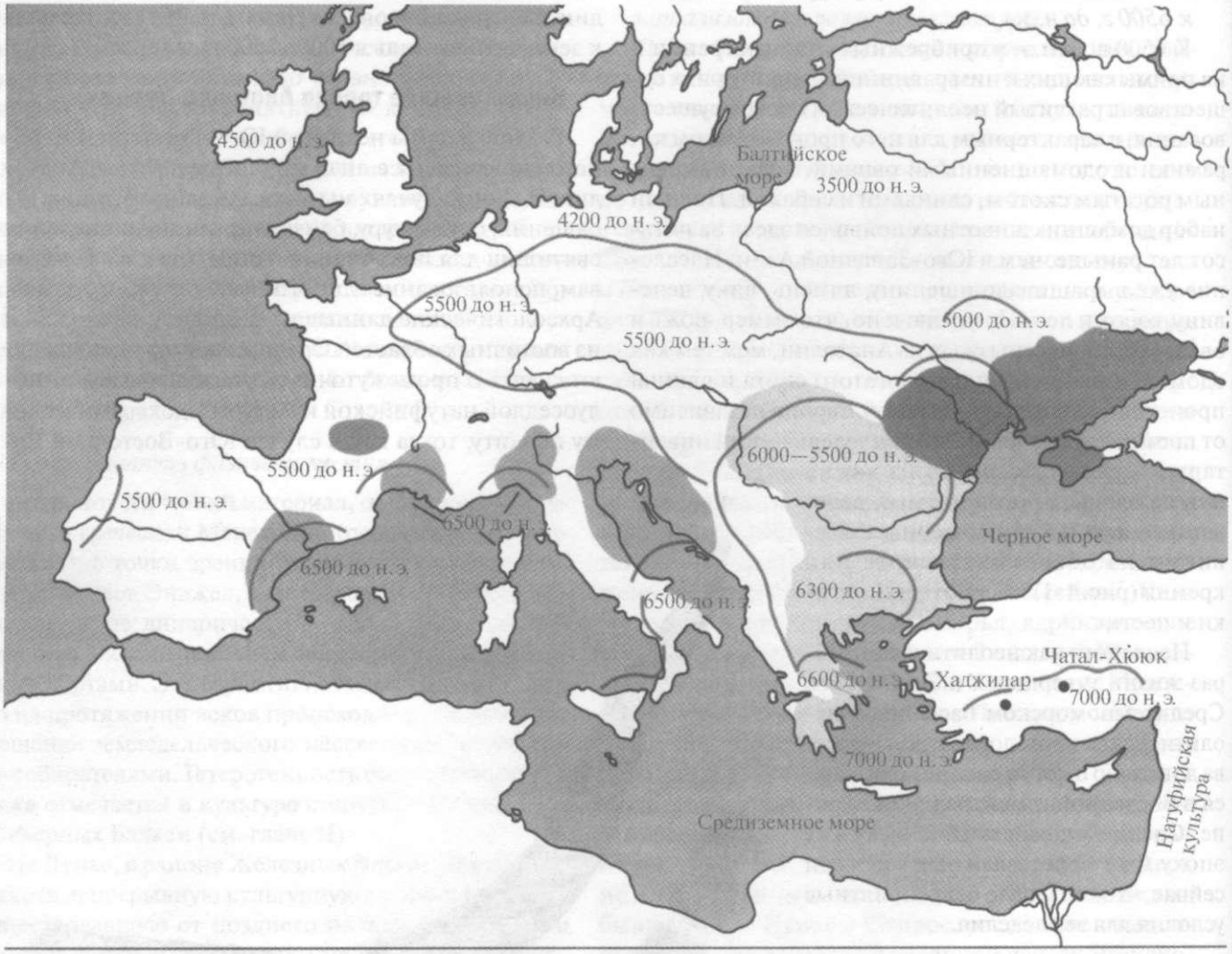


Рис. 1-1

(1) Рукоятка для серпа из оленьего рога из телля Азмак (Центральная Болгария), культура караново I, ок. 5900–5800 гг. до н.э.; длина – 30,8 см.

(2) Обсидиановые лезвия, закрепленные в деревянной рукоятке серпа. Ахиллейон, Фессалия, ок. 6200 г. до н.э.

Рис. 1-2



Верхний мезолит

— мезолитическая культура кастельновьен, начальная стадия одомашнивания животных

— мезолит (прерукадур) Центральной Франции

— буго-днепровская (гребенниковская) культура

— культура кукурек и горнокрымская культура мурзак-коба

Неолит

5000 до н. э. — даты, фиксирующие распространение земледелия

— границы керамического неолита

Рис. 1-2

Распространение земледелия по Европе. Указанные даты основаны на данных радиоуглеродного анализа и дендрохронологии; они относятся к периоду развитого керамического неолита. В Западном Средиземноморье одомашнивание животных началось приблизительно за тысячу лет до перехода к полноценному земледельческому укладу. В Юго-Восточную Европу неолит пришел вместе с полным земледельческим комплексом (выращиванием зерновых и полным набором одомашненных животных, за исключением лошади).

ропы подобная информация отсутствует. Сообщение между Грецией и Турцией, по-видимому, началось около 7000 г. до н.э., еще в докерамический период, или даже ранее. Западная Турция до сих пор мало изучена, и мы не знаем точную географию подобных контактов. Наиболее значительные из известных нам неолитических поселений располагались в Центральной Анатолии, в 300–600 км от берегов Эгейского моря. Но несмотря на разделяющее их расстояние, нет сомнения в большом культурном сходстве этих регионов.

Древнейшие города Анатолии достигли удивительно высокого уровня культурного развития: об этом свидетельствует пример Чатал-Хююка и Хаджилара, первый из которых датируется концом VIII–VII тыс. до н.э., а второй – концом VII – началом VI тыс. до н.э.

Чатал-Хююк

В 1961–1963 и 1965 гг. Джеймс Мелларт провел раскопки Чатал-Хююка, города VII тыс. до н.э., что в корне изменило представление о доисторической Анатолии и о доисторическом Старом Свете в целом[13].

Чатал-Хююк – это два «жилых холма», стоящих неподалеку от реки на сухом плато (1000 м над уровнем моря) равнины Конья (южная часть Центральной Турции). Тот, что покрупней, занимает примерно 32 акра (16 га), из которых один акр был раскопан. В нем археологи обнаружили тринадцать строительных горизонтов – остатки домов, святилищ, стенных росписей, рельефов, скульптур, предметов обмена и многое другое. Эти находки вызвали настоящее потрясение в научной среде и открыли глаза на уровень развития неолитической культуры VII тыс. до н.э. Культурная близость неолита Юго-Восточной Европы и его анатолийского варианта заставляет нас с особым вниманием приглядеться к Чатал-Хююку, этому удивительному кладезю информации, который проливает свет на многие стороны неолитического образа жизни, в том числе на хозяйственное устройство, обмен, архитектуру, на обстановку жилищ и святилищ, на религию и искусство.

Равнина Конья – одна из плодороднейших частей Старого Света, богатая дикорастущими злаками и поддающимися приручению животными. Согласно уточненной хронологии, поселение возникло здесь примерно в 7250 г. до н.э. и просуществовало более тысячи лет, вплоть до 6150 г. *до н.э.* (или с 6500 по 5750 г. *до н.э.* по относительной хронологии: именно эта датировка фигурирует в книгах и статьях Мелларта и других авторов, опубликованных до 1989 г.). Но Чатал-Хююк возник не на пустом месте. Под ним скрыты и другие напластования – двенадцать строительных горизонтов культуры, еще не знавшей керамики. Нижние слои относятся к докерамическому неолиту и поздней натуфийской культуре, а обнаруженные там материалы связаны с культурами Сирии и Палестины. На уровне докерамического неолита А были найдены модели святилища, статуэтки, пряслица, богато украшенные известняковые таблички и остатки полихромных стенных росписей. В поздненатуфийском (нижнем) слое – деревянные таблички с росписью, таблички из глинистого сланца, микролиты геометрической формы и другие находки[14]. Эти предшествующие Чатал-Хююку напластования свидетельствуют о длительном развитии данной культуры, проходившем в X–VIII тыс. до н.э. Скорее всего, в эти тысячелетия делались попытки окультурить известные злаки и приручить местных животных, в особенности туров. О творческом, изобретательском духе этого древнего народа говорит разнообразие росписей на табличках и полихромная стенопись. Найденные в этих слоях культовые предметы, модели святилищ и статуэтки будут потом встречаться на всем протяжении неолита.

Чатал-Хююк был упорядоченно устроенным поселением, что свидетельствует об удивительно стабильном общественном порядке на протяжении многих столетий. Это – самый большой ранненеолитический город во всем Старом Свете: по некоторым подсчетам, в нем одновременно могло жить до 7000 человек. (Как теперь считается, в знаменитом Иерихоне в долине Иордана могло быть не более 400–900 жителей[15].)

Чатал-Хююк был тесно застроен, многие жилища возводились вплотную к уже существующим постройкам, открытые дворы встречались редко (рис. 1-3). Каркасы этих домов с плоскими кровлями были деревянными, стены – из необожженного кирпича. Дверей не было, люди проникали в свои жилища через отверстия в кровле. Отсутствие во внутренних помещениях следов или остатков пищи говорит о том, что их обитатели тщательно следили за чистотой. Внутреннего убранства почти не было: приподнятые над полом глиняные платформы служили сиденьями и лежанками. Исходя из того, что площадь жилища равнялась примерно 25 кв. м, а также из количества лежанок, Мелларт заключил, что ни в одном из раскопанных домов не могло жить бо-

лее восьми человек. Кухни занимали примерно треть общего пространства дома, а печи располагались в нижней части стены. В кладовых стояли плетеные корзины для хранения зерна, инструментов и пр.

Жители города выращивали три вида пшеницы и один – ячменя, а также выращивали или собирали целый ряд зеленных культур, корнеплодов и фруктов. Крупный рогатый скот был главным источником мясной пищи и молока, кроме того, они держали коз и охотились на оленей и диких свиней.

На протяжении всего существования города постоянными предметами торгового обмена были обсидиан и кремень. Обсидиан, вероятно, находили у вулкана Хасан-Даг и в других местах Центральной Анатолии. Это вулканическое стекло шло не только на изготовление режущих инструментов, из него делали и зеркала, причем их умели отполировывать без единой царапины. Кальцит и алебастр (использовавшийся для изготовления украшений и статуэток) поступали, скорей всего, из окрестностей Кайсери, а белый мрамор – из Западной Анатолии. Холмы к западу от Коньи, богатые минералами, ярко окрашенными окисями железа, давали, по-видимому, некоторые краски для росписей. А вот медные руды, гематит, лимонит, марганец, галенит и лигнит добывались на склонах Тавра. Раковины попадали в эти места с берегов Средиземного моря, а горный хрусталь, сердолик, яшма, халцедон и другие минералы, из которых изготовлялись бусы и чье точное про-

Рис. 1-3

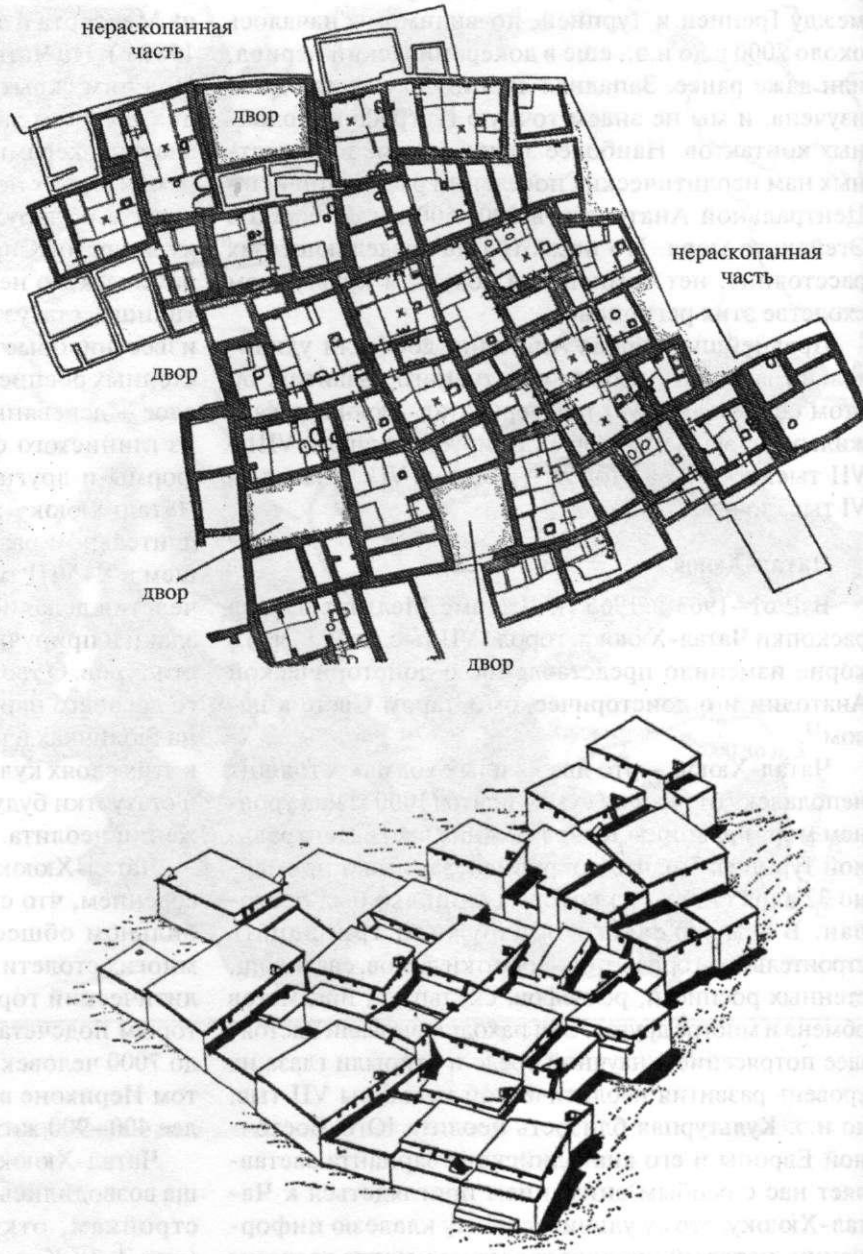


Рис. 1-3

(a) План и (b) схематическая реконструкция части города Чатал-Хююк с постройками из сырцового кирпича. Вход в них был с плоских кровель. VI уровень, середина VII тыс. до н.э. Святилища помечены знаком «Х».

исхождение не всегда можно установить, наверное, поступали очень издалека. Можно предположить, что торговый обмен немало способствовал процветанию Чатал-Хююка, где существовала специализация производства: одни люди занимались обработкой обсидиана, другие – работой с металлами или ткачеством, обработкой дерева и т.д. Многие из здешних изделий отличает необычайно высокий уровень мастерства.

Вполне очевидно, что религиозные практики были тесно вплетены в повседневную жизнь людей. Святилища располагались рядом с жилищами, в строениях, схожих с жилыми домами. Из трехсот раскопанных комнат в восьмидесяти восьми были расписаны стены. Каждая фреска была длиной от 12 до 18 м (рисунки-реконструкции многих из них опубликованы Джеймсом Меллартом в первом томе его книги «Анатолийская Богиня» [1989]). Изображения на восточных и северных стенах, вдоль которых располагались платформы, отличались поразительной изобретательностью и разнообразием рисунка, подчеркивавшегося глиняными рельефами и букраниями (бычьими головами или черепами).

Для стенописи использовались желтая и коричневая охра (из окиси железа), ярко-синие и зеленые цвета (из медной руды), темно-красный и ярко-красный (из окиси ртути и гематита), розовато-лиловый и фиолетовый (из марганца) и свинцово-серый (из галенита). Для придания блеска в краски добавляли слюдяную крошку. Мелларт отмечает, что эти стенные росписи имели обрядовое назначение, и, после того как они исполняли свою функцию, их покрывали слоем белой обмазки. Когда же снова возникала необходимость, на эту чистую поверхность наносилась новая роспись.

Основной мотив этих стенописей и рельефов – рожающая женщина в позе лягушки – связан с Богиней плодородия. Она ассоциируется с животным миром: рядом с ней можно видеть как грифа – воплощение смерти, так и бычью голову, символ обновления жизненного цикла. Картину равномерно обрамляет множество сопроводительных символов, по большей части – схематизированные изображения рогов, треугольников, ромбов или двойных треугольников, «песочных часов» или бабочек. Эти символы удваиваются, утраиваются, умножаются, накладываются друг на друга, выворачиваются наизнанку, предстают в виде позитива или негатива. Разнообразие их сочетаний практически не имеет предела. Кроме того, встречаются полуреалистические изображения охоты на оленей, женщин, несущих рыболовные сети, гор, растений и водоемов с рыбой. (Мы вернемся к святилищам Чатал-Хююка в главе VII; образцы стенописи см. на цветных вклейках 38 и 39, святилищ с грифами – на рис. 7-26, бычьих голов и рогов – на рис. 7-51 и 7-52.)

Покойников обычно закапывали под платформами, но перед этим они подвергались экскарнации (то есть скелет освобождали от мягких тканей и внутренних органов, для чего тела выставляли на поживу птицам, возможно – на открытых башнях). Под полом святилищ и под украшенными росписью стенами находят захоронения женских скелетов, окрашенных охрой. В самом большом из святилищ (E VII, 4) было обнаружено богатое захоронение женщины, вокруг головы которой лежали три нижних, клыкастых челюсти дикого кабана. На самой крупной фреске этого святилища изображен город (возможно, сам Чатал-Хююк), позади которого виден извергающий лаву вулкан. Размеры святилища и находившейся в нем стенописи, а также необычный погребальный инвентарь, заставляют предположить, что это – захоронение женщины, занимавшей высокое положение в обществе, возможно, главной жрицы. По этому и по другим европейским погребениям отчетливо видно, что немолодые женщины и девушки занимали важное положение в обществе: их хоронили под полом, рядом с домом, под длинными земляными насыпями или в могильниках, о чем речь пойдет в главе IX. Ни одна из мужских могил не обладала столь значительным символическим инвентарем.

Антропологическое исследование около 300 обнаруженных в Чатал-Хююке костяков еще не закончено. По предварительным отчетам, его население делилось на длинноголовых евроафриканцев (54,2%), длинноголовых протосредиземноморцев (16,9%) и круглоголовых (брахицефальных) альпийцев (22,9%). У наиболее многочисленной группы прослеживается сходство с верхнепалеолитическим типом из Комб-Капелль (Южная Франция), который характеризуется как средиземноморский вариант кроманьонца. Вслед за Меллартом следует подчеркнуть, что основная часть населения по-прежнему мало отличалась по типу от своих верхнепалеолитических предков.

Хаджилар и после

Хаджилар – город меньших размеров, примерно из 50 домов, расположен в 220 км к западу от Чатал-Хююка; его раскопки также проводил Мелларт[16]. Его возникновение более или менее совпадает с закатом Ча-

тал-Хююка, а существование охватывает всю первую половину VI тыс. до н.э. В этот же период происходил подъем неолитической культуры Юго-Восточной Европы – групп сескло, старчево и караново, обладавших собственным стилем в керамике и скульптуре.

Мало что известно об анатолийском неолите после Хаджилара, тогда как культура Юго-Восточной Европы процветает и достигает высшей точки развития между 5500 и 4500 гг. до н.э. Развитие этих культур пошло разными путями, и местные культурные сообщества сформировались в разных экологических и географических зонах. Их детальному описанию будет посвящена следующая глава: мы начнем с Эгейского бассейна и Балкан, а закончим Центральной Европой.

Судя по святилищам с их стенописью и статуарными изображениями, анатолийский неолит был цивилизацией Великой Богини: это подразумевает, что люди в основном поклонялись ей, веря, что она наделена таинственной производительной силой, и первостепенную роль играли святилища – общественные центры, катализаторы творческой активности и религиозного самовыражения, а кроме того, что общество обладало сбалансированной матрилинейной структурой. Начиная примерно с 6500 г. до н.э. сходные культурные признаки появляются сперва на юго-востоке, а позднее – по всей Европе, и сохраняются вплоть до распада этой цивилизации в 4500–2500 гг. до н.э. Однако на некоторых средиземноморских островах, таких как Крит и Тира, ее существование продлилось вплоть до середины II тыс. до н.э.

Даже если допустить, что в VII тыс. до н.э. Юго-Восточная Европа находилась под анатолийским влиянием, это была не своеобразная «пересадка» дерева, которая имеет свой срок, но плавное течение реки. Кроме того, нельзя ставить знак равенства между этой матриальной цивилизацией, с ее ярко выраженной любовью к искусству, и протоиндоевропейской – колыбелью индоевропейских языков – которая, согласно компаративистским работам по индоевропейской лингвистике и мифологии, была патриархальной, патрилинейной, воинственной, подвижной (конной) и имела преимущественно мужской пантеон. Когда в 1987 г. Колин Ренфрю[17] предложил не делать между ними различия, то он основывался на искаженных представлениях о культурных структурах и очевидным образом противоречил данным индоевропеистики.

ГЛАВА II

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Самые примечательные из европейских неолитических культур сложились в Юго-Восточной и Центральной Европе. И хотя многие из здешних традиций также характерны для Анатолии и Восточного Средиземноморья, искусство и архитектура этих культур поражают оригинальностью, равно как и способностью приспосабливаться к различным природным условиям.

Между культурами Эгейской области (Греция) и Анатолии (Турция) существовала теснейшая связь. Не меньшим постоянством отличался культурный обмен между юго-востоком и Дунайской равниной, включая прилегающие к ней с севера и запада районы. Распространение земледелия шло с юго-востока на северо-запад, с отклонениями на запад и на восток. Его можно сравнить с течением реки, которая катит свои волны по плодородным землям и огибает горы, замедляя свой бег у их подножья. Этот процесс происходил поэтапно: сперва, примерно к 6500 г. до н.э., он охватил прибрежные и равнинные районы Эгейского моря и Южных Балкан; затем, к 6000 г. до н.э., Нижнедунайскую и Среднедунайскую равнины, а примерно к 5500 г. до н.э. дошел до Верхнего Дуная и до лежащих к северу речных долин.

В отличие от анатолийского неолита, известного лишь по нескольким поселениям, неолитические культуры Юго-Восточной и Центральной Европы представлены материалами сотен раскопок. Это позволяет судить о распределении культурных групп и наблюдать развитие их индивидуальных черт на протяжении целого тысячелетия и даже более. Для исследователей доисторической Европы это истинная удача и, одновременно, испытание, поскольку им приходится иметь дело не с монотонно-однообразным, но с поразительно многоликим культурным материалом.

В рамках этого разнообразия на всем пространстве между Эгейским морем и Центральной Европой сформировался более или менее устойчивый (для данного периода) образ жизни, система верований, обрядов, символов и общественных структур. Родство различных культурных групп, проживавших на этой территории, объясняется тем, что обитатели южных областей постепенно продвигались вглубь, распространяя свое влияние на местных охотников и рыболовов (сохранившихся в бассейне Верхней Тисы, в районе Железных Ворот и в бассейнах Днестра и Буга), и смешивались с ними.

Далее речь пойдет о шести группах: мы начнем с Эгейского региона и будем продвигаться к бассейнам Днестра и Буга в Молдавии и на Украине. Перечислим их:

1. Культура сескло Северной Греции и ее богатейшей житницы, Фессалии. Раскопки здесь проводились в самом начале XX в., затем были продолжены во второй половине этого же столетия.

2. Культура старчево (кёрёш, криш), которая охватывала континентальную Югославию, Юго-Восточную Венгрию и Южную Румынию. Изучена она до сих пор не слишком хорошо, хотя за последние тридцать лет объем сведений о ней значительно возрос благодаря раскопкам.

3. Культура караново Центральной Болгарии, тесно связанная с культурой старчево: она была открыта в конце 1950–1960 гг. в результате интенсивных раскопок крупных теллей («жилых холмов»).

4. Центральноевропейская культура линейно-ленточной керамики, характерная для территорий, лежащих между Францией и Румынией. У нее самый обширный ареал распространения; кроме того, в XX в., благодаря усилиям французских, голландских, немецких, чехословацких, польских и румынских археологических экспедиций, она была лучше всего изучена.

5. Культура бюкк бассейна Верхней Тисы (Северо-Восточная Венгрия и Восточная Словакия): священные пещеры в Карпатах были известны уже в 1876 г., их изучение и публикация находок продолжились и в 1920-е гг., и в последние десятилетия.

6. Буго-днестровская культура черноземного региона: была открыта в 1950–1960 гг. Похоже, что одомашнивание крупного скота и свиней, как и измельчение зерен диких зерновых культур появились здесь вне зависимости от общего распространения земледелия по Юго-Восточной Европе, до того, как стало ощутимым влияние культуры старчево-криш.

Эгейский неолит: культура сескло Северной Греции

Фессалийская и Македонская равнины – плодороднейшие земледельческие области Греции. В наше время, как и на протяжении многих тысячелетий, они служат житницей для всей страны. Обширную Фессалийскую равнину орошает река Пиньос, а Маке-

донскую – Альякмон. Их многочисленные притоки берут начало в горах, сливаются в единое русло и впадают в Эгейское море. Самые ранние неолитические поселения появились здесь на естественных возвышенностях, неподалеку от водных источников – рек или ручьев. Эти области относятся к средиземноморской климатической зоне, для которой характерен сухой и жаркий летний период и холодные, дождливые зимы. 8500 лет назад здешний климат был более влажным, а растительность – богатой; речные долины были покрыты дубовыми и фисташковыми рощами.

Телли – остатки древних поселений

Равнины Северной Греции покрыты холмами, которые называют «теллями» (или, по-гречески, «magulas»): это холмообразные напластования остатков древних поселений эпохи неолита или раннего бронзового века. Если от бухты Волос держать путь на запад, пересекая равнину примерно между современными городами Кардица, Трикала и Ларисса, то можно насчитать сотни теллей, от пяти до пятнадцати метров высотой (рис. 2-1). Они хранят в себе тайны народа, обитавшего в этих краях на протяжении многих веков, 8500–4500 лет назад. Время разрушало глиняные стены жилищ, на их месте строили новые дома, и телли, слой за слоем, становились все выше и выше.

Эти рукотворные холмы окутаны тайной, и археологи одержимы желанием узнать их секреты. Мне это чувство хорошо знакомо: в 1973–1974 гг. оно подвигло меня на раскопки одного ранненеолитического телля у южной оконечности Фессалийской равнины. Это место – Ахиллейон – вблизи от города Фарсала оказалось ключом к пониманию хронологического, архитектурного, керамического, равно как и религиозного развития эгейского неолита[1].

Рис. 2-1.1

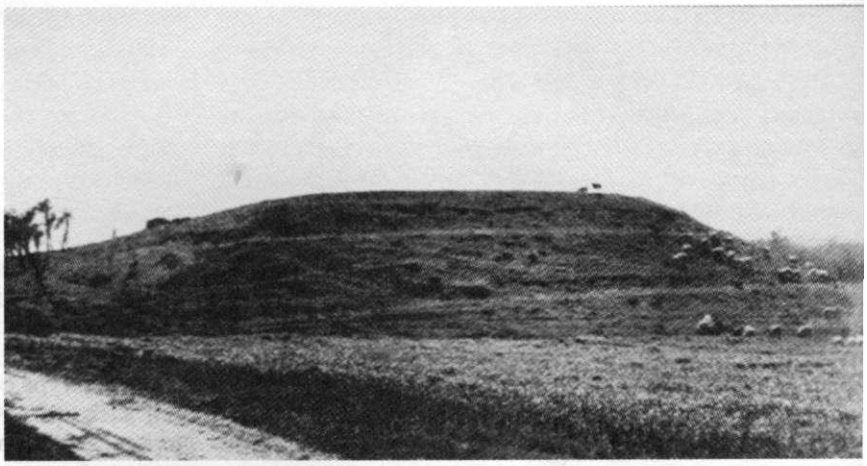


Рис. 2-1.2

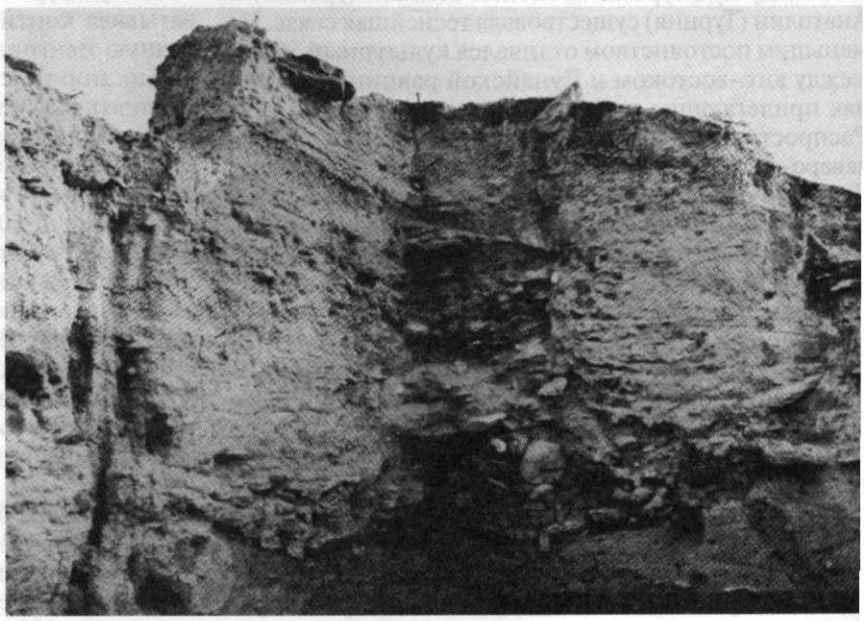


Рис. 2-1

Фессалийские телли (холмы, образующиеся на месте поселений в ре
зультате накопления отходов).
(1) Телль Аргисса, расположенный к западу от г. Ларисса: более чем 12
культурных остатков неолита и раннего бронзового века.
(2) Поперечный срез телля Сескло: приблизительно 12 м культурны
остатков, начиная с ранненеолитического (раннекерамического) сло
внизу и до слоя классической культуры сескло наверху (ок. LXV–LVI
вв. до н.э.); расположен в 14 км к западу от г. Волос, Фессалия (Север
ная Греция).

Хронология

Из сотен хорошо сохранившихся курганов объектами профессиональных раскопок в нашем веке стало только около тридцати. Их систематическое изучение началось в 1901 г., когда Хрестос Цунтас приступил к широкомасштабным раскопкам кургана Сескло[2]. Впоследствии это название закрепилось за культурой неолитических поселений Фессалии и Южной Македонии. С фессалийской культурой сескло тесно связан ранний неолит Южной Греции, Пелопоннеса и Эгейских островов, который следует рассматривать как одну из ее составляющих (рис. 2-2). Во времена Цунтаса считалось, что культура сескло восходит примерно к 3000 г. до н.э. Теперь при помощи радиоуглеродного анализа установлено, что ее самые ранние этапы, уже с керамикой, одомашненными животными, выращиванием пшеницы, ячменя, чечевицы и гороха, датируются 6500 г. до н.э. или чуть более ранним периодом.

Стратиграфия кургана Ахиллейон в Центральной Фессалии и 42 полученные там радиоуглеродные датировки помогли уточнить хронологию культуры сескло. Мы получили возможность проследить постепенный переход от одной фазы культурного развития к другой, начиная с 6500–6400 гг. до н.э., когда в Ахиллейоне возникает поселение, и заканчивая 5600 г. до н.э.

Лишь несколько теллей имеют радиоуглеродные датировки. В частности, Сескло в Фессалии, Элатея в Фокиде[3], Неа-Никомедия на западе греческой Македонии[4], Аргисса[5] и пещера Франхти на Пелопоннесе[6] дали ряд близких датировок (Табл. 1). Ранняя культура сескло соответствует раннему неолиту (6500–6000 гг. до н.э.)[7], ее классический период – среднему неолиту (6000–5500 гг. до н.э.). Высшая точка ее развития приходится на 6000 г. до н.э.

Возможно, что в первой половине VII тыс. до н.э. здесь существовала докерамическая культура: в Фессалии этому нет достаточных подтверждений, в отличие от Пелопоннеса (пещера Франхти), Крита (Кносс) или острова Китнос.

Рис. 2-2

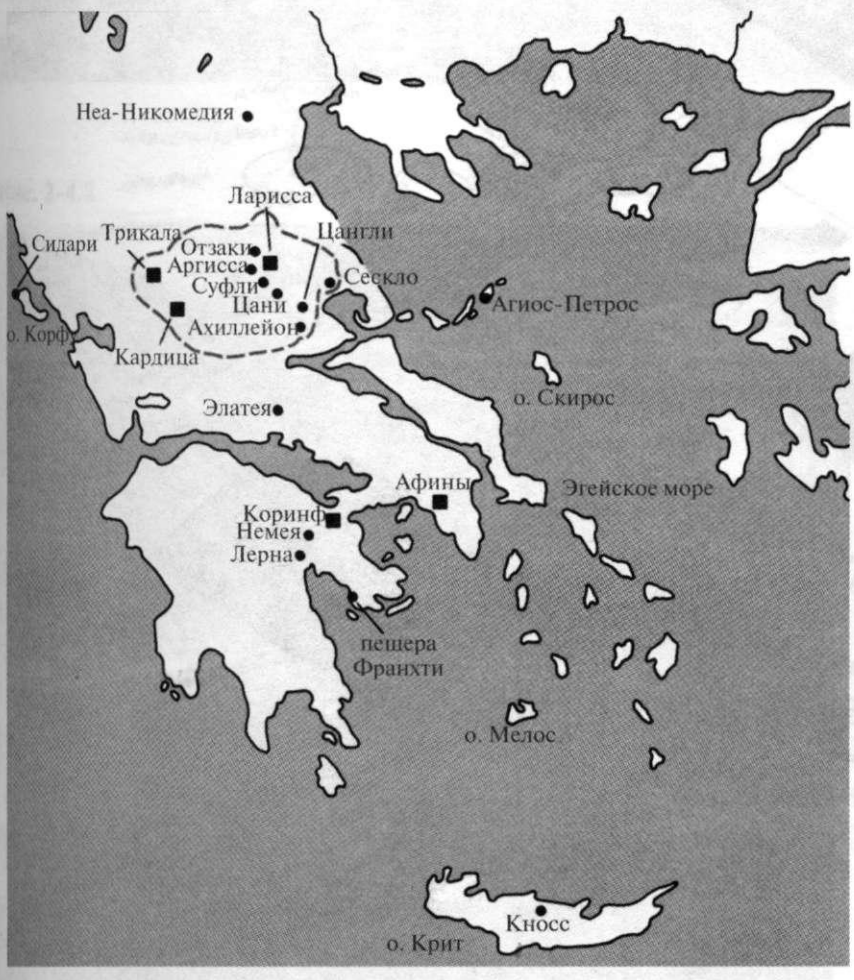


Рис. 2-2
Основные поселения Греции раннего и среднего неолита (ок. 6500–5500 гг. до н.э.).

Архитектура

В отличие от Ближнего Востока, где жилища были соединены между собой и имели общие стены, поселения культуры сескло состояли из отдельно стоящих домов. С открытой стороны среднеолитические деревни культуры сескло окружали V-образные рвы – возможно, для защиты от диких животных.

Построение жилищ засвидетельствовано на всех этапах существования Ахиллейона: их архитектура изменялась в соответствии с колебаниями климата от более прохладного и сырого (6500–6000 гг. до н.э.) к более теплому (6000–5500 гг. до н.э.). Первые постройки появились в середине VII тыс. до н.э., это были вырытые в земле обиталища, которые примерно к 6200 г. до н.э. сменились

прямоугольными домами с глинобитными стенами (рис. 2-3–2-5). В 6100–6000 гг. до н.э. появились дома с каркасами из деревянных столбов, длиной до 6 м, с обмазанными глиной плетеными стенами. Между 6000 и 5600 гг. начинают возводить прочные дома прямоугольной формы на каменном фундаменте, со стенами из сырцового кирпича (рис. 2-4).

В Сескло основное поселение из тридцати или более домов располагалось на вершине холма, отдельно от разбросанных по соседним склонам жилищ, и было окружено каменной оградой (см. его примерную реконструкцию, сделанную на основе раскопок Цунтаса: рис. 2-5). По подсчетам Деметриоса Теохариса, продолжившего раскопки Сескло в 1958–1976 гг., общая площадь поселения была 20–25 акров[8]. (О Сескло см. также главу IX.)

Дома чаще всего состояли из одного помещения: как показали раскопки в Ахиллейоне, двухкомнатные постройки были святилищами, причем одна комната отводилась собственно под святилище, а вторая – под мастерскую (см. рис. 7-46). Некоторые дома были двухэтажными или имели поддерживаемый опорами чердак. Судя по вылепленным из глины миниатюрным изображениям святилищ,

Рис. 2-3

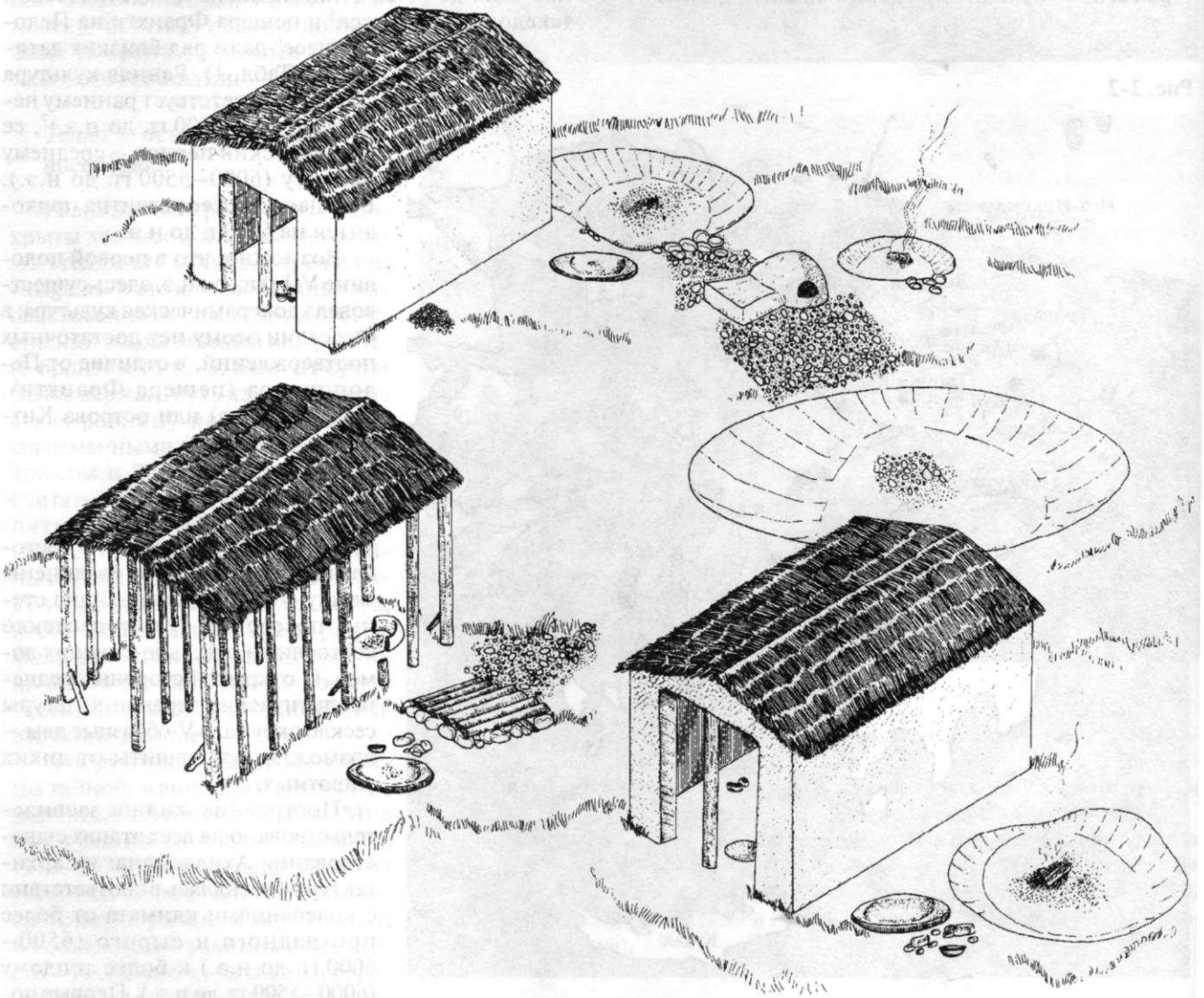


Рис. 2-3

Дома с каркасом из деревянных столбов и стенами-мазанками; двор с круглыми обмазанными глиной очагами, куполообразными печками и глиняными платформами. Ахиллейон II, неподалеку от г. Фарсала, Фессалия, 6300–6200 гг. до н. э. Реконструкция Д. Шимабуку.

Рис. 2-4.1

Рис. 2-4.2

Рис. 2-4
Каменные фундаменты жилищ культуры сескло, Фессалия, 5900–5700 гг. до н. э. (современный вид).

кровли могли быть покатыми. Куполообразные печи располагались во дворе; к ним с одной стороны была приставлена прямоугольная скамья, или перед ними располагалась большая круглая платформа (рис. 2-6. 1). Вокруг печей и на платформах часто находят статуэтки беременной богини (см. рис. 7-48 и 7-49), а поблизости от них – камни для перетирания зерна, каменные и костяные орудия, горшки и зерно. Здесь готовили еду и выполняли другие виды работ, что, по-видимому, объясняет загадочное отсутствие следов мусора в помещениях и их столь удивительную для того времени чистоту.

Хозяйственный уклад

На протяжении всего существования культура сескло была связана со стабильным хозяйственным укладом, основанным на выращивании пшеницы (эммера, однозернянки и мягкой карликовой), ячменя, проса, вики и гороха[9]. Для самых ранних слоев культуры сескло характерны смешанные посевы: подобная форма земледелия гарантирует выживание, поскольку обеспечивает урожай, независимо от климата и качества почвы. Использование этих однолетних культур позволяло сохранить избыток крупных съедобных семян, которые на протяжении всего года были для общины источником крахмала, протеина и растительного масла. Для поддержания плодородия почвы зерновые культуры засевали вместе с бобовыми, которые способны активировать азот, содержащийся в корневых узелках, и восстанавливать щелочной баланс после сезона дождей.

Среди одомашненных животных первое место занимали козы и овцы, за ними шел крупный рогатый скот и свиньи. Однако со временем доля коз постепенно уменьшалась: в Ахиллейоне I (середина VII тыс. до н.э.) их было 82%, а в Ахиллейоне IV (начало

Рис. 2-5.1

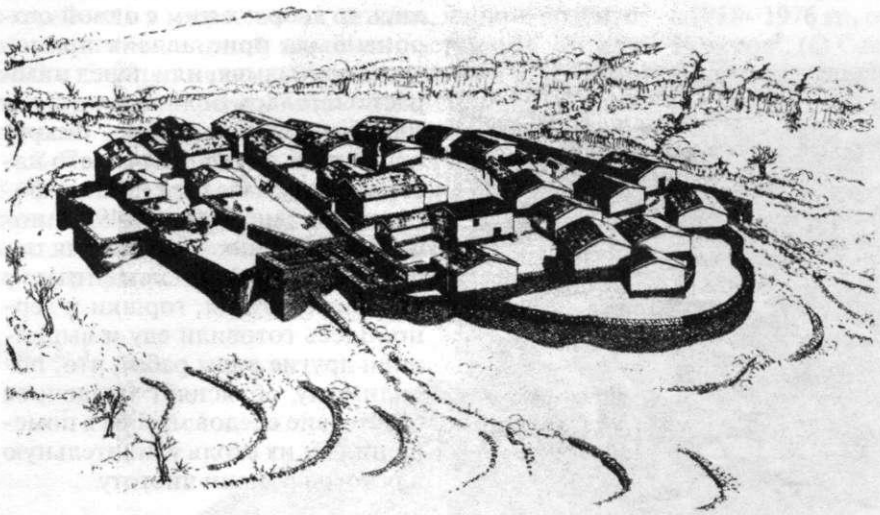


Рис. 2-5

(1) Художественная реконст-
рукция поселения классиче-
ского периода культуры сескло
Приблизительно 30 домов ок-
ружены каменными опорными
стенами и обнесены каменной
стеной. Реконструкция основа-
на на материалах раскопо
Цунтаса 1901 г.

(2) Остальная часть поселени
рассыпана по прилегающим
склонам и занимает около 20-
25 акров (5900–5700 гг. до н.э.)

Рис. 2-5.2

Рис. 2-6

(1) Куполообразные печи с
скамейкой или круглой плат
формой, найденные во двора
поселений культуры сескло
рядом с ними – кувшины
зернотерки, пестики и ступки
(a) Ахиллейон II, ок. 6300-
6200 гг. до н.э.; (b) Ахиллейо
IVa, 5900–5800 гг. до н.э. На раз
резе видно, что несколько сло
ев глиняной обмазки перемежа
ются со слоями чернозема.

(2) Каменные зернотерки и то
поры для работ по дереву, Ахил
лейон IV, Фессалия, ок. 5900-
5800 гг. до н.э. Небольшие топо
ры изготавливали из зеленог
камня. Миниатюрные тре
угольные топоры, судя по все
му, использовались крайне ред
ко и имели скорее символиче
ское назначение, хотя на и
обухах заметны повреждения
возможно, полученные при на
садке на рукоятку.

(3) Инструменты, использовав
шиеся при изготовлении тка
ных материалов: (a) глиняны
пряслица; (b) глиняные боби
ны; (c) костяные иглы. (a)
(b) – Ахиллейон III, ок. 6100-
5900 гг. до н.э.; (c) – Ахиллей
он II, ок. 6200 г. до н.э.

(4) Глиняная ложка, Ахиллей
он Ib, ок. 6300 г. до н.э.

Рис. 2-6.1

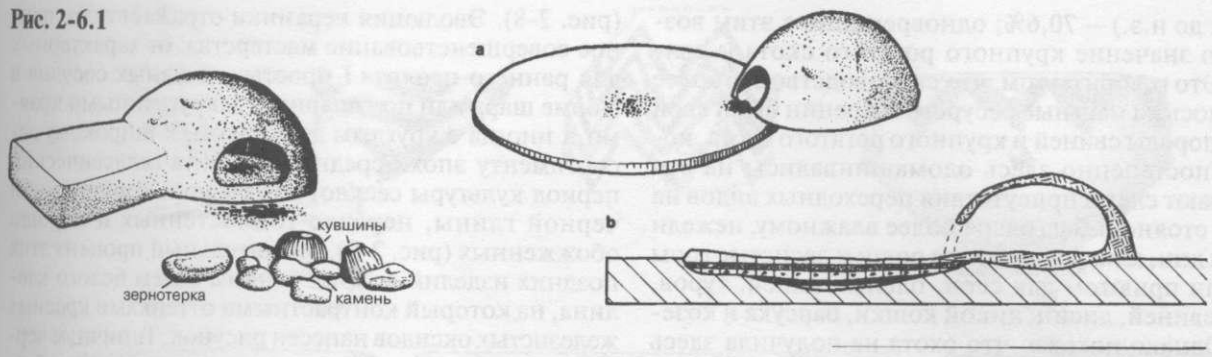


Рис. 2-6.2

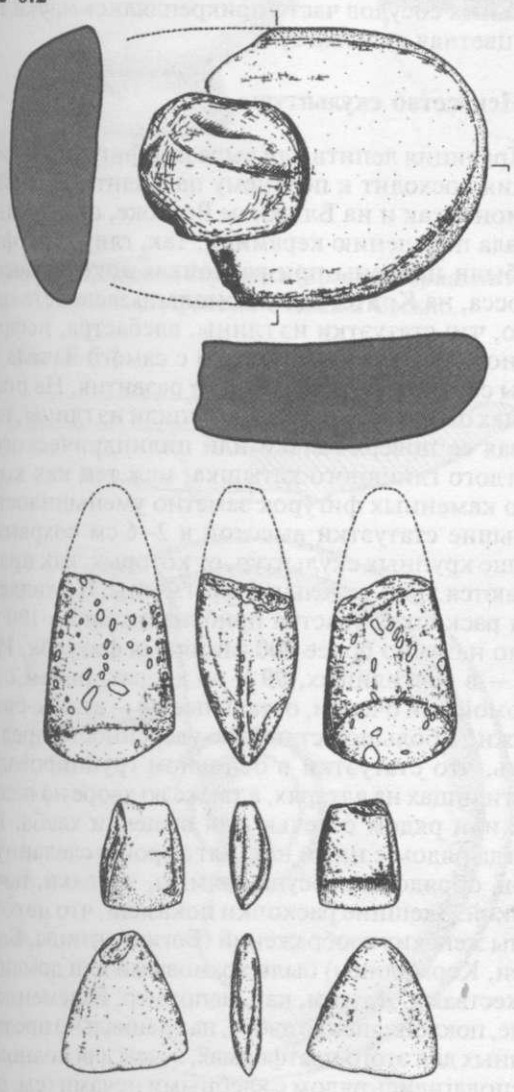


Рис. 2-6.3

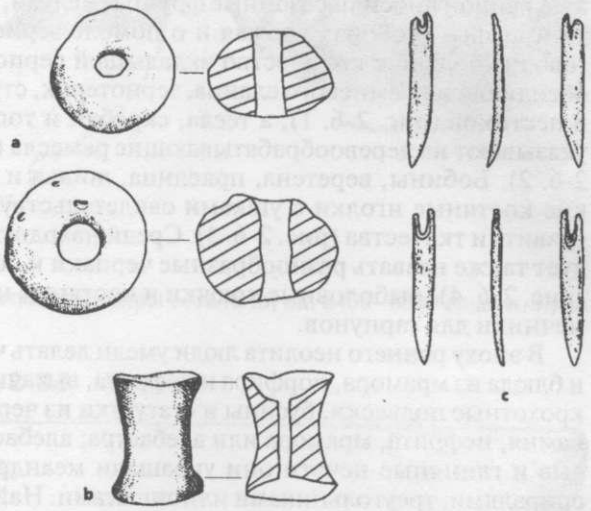
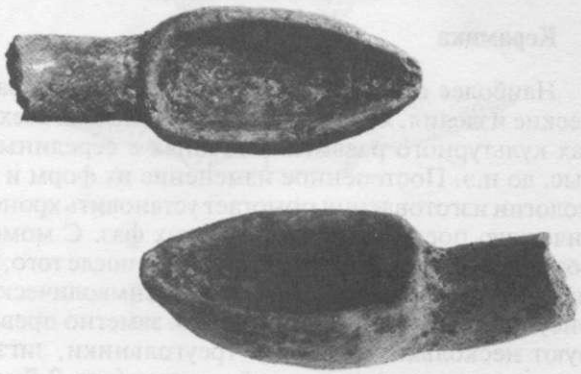


Рис. 2-6.4



VI тыс. до н.э.) – 70,6%; одновременно с этим возрастало значение крупного рогатого скота и свиней[10]. Это говорит о том, что скотоводство все более опиралось на местные ресурсы. В Греции были свои дикие породы свиней и крупного рогатого скота, которые постепенно здесь одомашнивались: на это указывают следы присутствия переходных видов на местах стоянок. Благодаря более влажному, нежели в наши дни, климату дубовые рощи и лесистые горы служили приютом для серн, оленей, ланей, туров, диких свиней, лисиц, дикой кошки, барсука и козерога. Однако похоже, что охота не получила здесь большого распространения, поскольку в Ахиллейоне и в других местах раскопок только 3% – 6% идентифицированных костей животных принадлежат диким видам. Разнообразие в продовольственный рацион вносили сезонные фрукты, желуди, орехи и ягоды. О сборах урожая и о помоле зерновых говорит большое количество вкладышей серпов из обсидиана и кремневого сланца, зернотерок, ступок и пестиков (рис. 2-6. 1), а тесла, скребки и топоры указывают на деревообрабатывающие ремесла (рис. 2-6. 2). Бобины, веретена, пряслица, шилья и тонкие костяные иголки с ушками свидетельствуют о развитии ткачества (рис. 2-6. 3). Среди находок следует также назвать разнообразные черпаки и ложки (рис. 2-6. 4), рыболовные крючки и костяные наконечники для гарпунов.

В эпоху раннего неолита люди умели делать чаши и блюда из мрамора, порфира и нефрита, вытачивать крохотные подвески, бусины и статуэтки из черного камня, нефрита, мрамора или алебастра; алебастровые и глиняные печати они украшали меандрами, спиралями, треугольниками или зигзагами. Найденная в Ахиллейоне алебастровая печать (или игральная доска с волнообразным орнаментом) – прекрасный образец этого изящного искусства (цветная вклейка 1).

Керамика

Наиболее очевидная часть инвентаря – керамические изделия, хорошо представленные на всех фазах культурного развития, начиная с середины VII тыс. до н.э. Постепенное изменение их форм и технологии изготовления помогает установить хронологическую последовательность этих фаз. С момента возникновения керамики, или вскоре после того, глиняные изделия начинают украшать символическими рисунками. К 6400–6300 гг. до н.э. заметно превалируют несколько мотивов – треугольники, зигзаги, уголки (шевроны) и сетчатый рисунок (рис. 2-7; цветная вклейка 3).

Округлые формы и круглые донышки самых ранних глиняных чаш и блюд указывают на то, что они имитировали каменные сосуды, которые продолжали изготавливать и в ранний керамический период (рис. 2-8). Эволюция керамики отражает постепенное совершенствование мастерства: от характерных для раннего неолита I простых лощеных сосудов в форме шара или полушария, с закругленными краями и иногда с круглым донышком, к широкому ассортименту эпохи среднего неолита (классический период культуры сескло) из красной, коричневой и черной глины, нередко тонкостенных и хорошо обожженных (рис. 2-9). Значительный процент этих поздних изделий покрыт тонким слоем белого каолина, на который контрастными оттенками красных железистых оксидов нанесен рисунок. Типичные черты прославленного стиля культуры сескло – изображения «языков пламени», треугольников, зигзагов, ромбов и лесенок (рис. 2-10; цветная вклейка 4). Среди прочих производились орнитоморфные (птицеобразные) и антропоморфные сосуды. К горловине ритуальных сосудов часто прикреплялись маски Богини (цветная вклейка 5).

Искусство скульптуры

Традиция лепить или вырезать фигурные изображения восходит к позднему палеолиту. В Эгейском регионе, как и на Ближнем Востоке, она предшествовала появлению керамики. Так, глиняные фигурки были найдены при раскопках докерамического Кносса, на Крите. Документально засвидетельствовано, что статуэтки из глины, алебастра, нефрита и черного камня существовали с самого начала культуры сескло и на всех фазах ее развития. На поздних этапах около 90% статуэток лепили из глины, накладывая ее поверх гальки или цилиндрического или круглого глиняного катышка, меж тем как количество каменных фигурок заметно уменьшилось. Небольшие статуэтки высотой в 2–6 см сохраняются лучше крупных скульптур, от которых, как правило, остаются лишь отдельные фрагменты. В Ахиллейоне, при раскопках участка приблизительно в 100 кв. м, было найдено более 200 глиняных фигурок. Из них 132 – в святилищах, 99 – во дворах, рядом с платформой или очагом, остальные же – в ямах-свалках. Можно с большой степенью уверенности предположить, что статуэтки в основном группировались в святилищах на алтарях, а также во дворе на платформах или рядом с печью для выпечки хлеба. Почти всегда рядом с ними находят хорошо сделанную утварь, обрядовые сосуды, лампы, черпаки, печати с ручкой. Здешние раскопки показали, что некоторые типы женских изображений (Богини-птицы, Богини-змеи, Кормилицы) были храмовыми или домашними божествами. Другим, как, например, Беременной Богине, поклонялись во дворе, на специально предназначенных для этого платформах, а ямы для подношений располагались рядом с хлебными печами (см. рис. 7.46–7-49). Из двухсот фигурок, которые были найдены в Ахиллейоне, обнаружены фрагменты толь

Рис. 2-7

Рис. 2-7
Древнейшая расписная керамика (красный орнамент на белом ангобе) культуры сескло Ib, ок. 6400–6300 гг. до н. э., из фессалийских теллей Аргисса, Отзаки и Сескло.

Рис. 2-8.1

Рис. 2-8.2

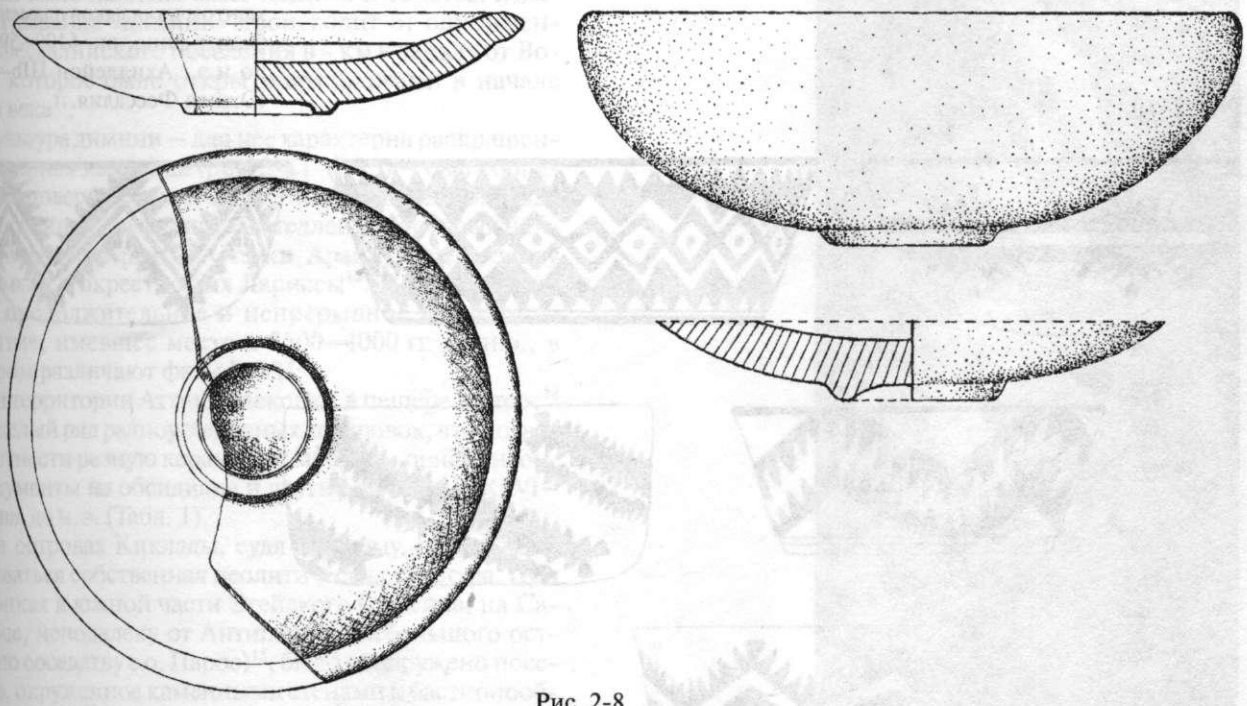


Рис. 2-8
Древнейшая керамика своими формами имитировала каменную утварь: (1) блюдо из зеленого камня и (2) керамическое блюдо, Ахиллейон Ia, ок. 6400 г. до н.э.

Рис. 2-9

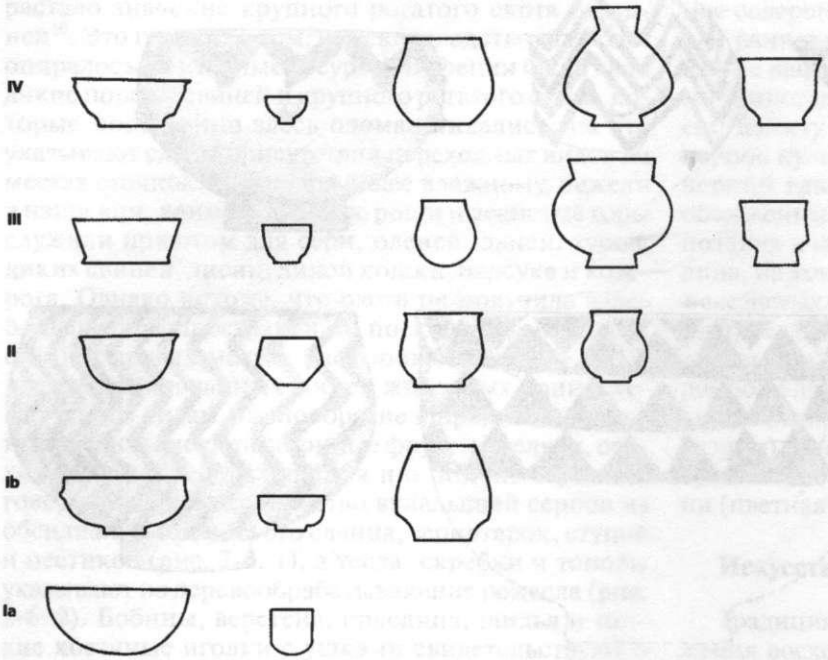


Рис. 2-9
Эволюция керамических форм от древнейшей фазы (ок. 6500–6400 гг. до н. э.) до классического периода культуры сескло (ок. 5800–5700 гг. до н. э.), установленная на основании раскопок Ахиллейона (Фессалия) и его хронологии. Фазы Ib и II ознаменованы появлением загнутых наружу краев горловины, маленьких шишечек и проткнутых ручек-ушек. Для фаз III и IV характерен большой ассортимент изделий из красной, коричневой и черной глины, во многих случаях тонкостенных и хорошо обожженных. У значительного процента изделий под росписью, выполненной контрастными оттенками красных оксидов железа, заметен тонкий белый каолиновый ангоб.

Рис. 2-10

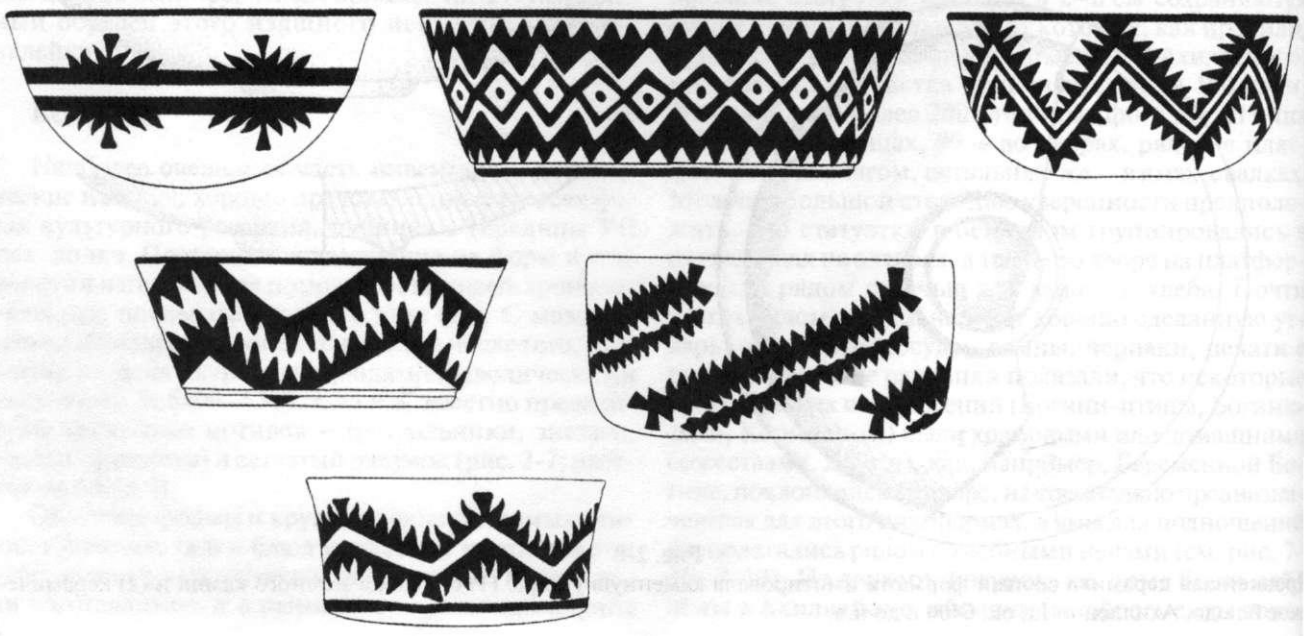


Рис. 2-10
Керамика культуры сескло из Ахиллейона с красным орнаментом из «языков пламени» на белом фоне, ок. 6100–5900 гг до н.э., Ахиллейон IIIb– IVa Южная Фессалия.

ко двух изображений мужского божества – в сидячей позе, с руками на коленях.

Абстрактное и проникнутое символизмом искусство скульптуры имело религиозное назначение – воспроизведение сезонных ритуалов, изображение домашних охранительных божеств и прародительниц, исполнение обетов. По-видимому, мастеров культуры сескло не интересовало натуралистическое изображение человеческого тела, однако они превосходно владели и этой техникой, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся статуэтки (рис. 2-11, 2-12; цветная вклейка 1).

Рис. 2-11.1

Рис. 2-11
Глиняные статуэтки сидящих женщин классического периода культуры сескло; хорошо вылощены и покрыты кремовым ангобом, ок. 5800–5600 гг. до н. э.
(1) Никея, окрестности Лариссы; высота 5,7 см.
(2) Фарсала, Южная Фессалия; высота 7 см.

Продолжение культуры сескло в эпоху позднего неолита

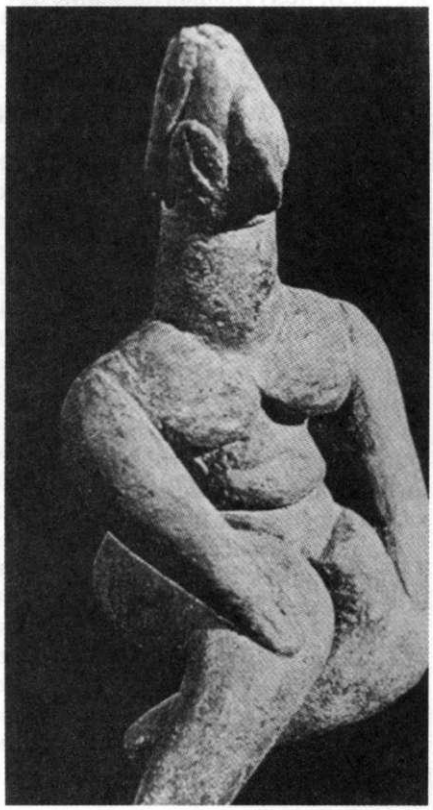
Культура сескло имела продолжение в эпоху позднего неолита, ее проявление в V тыс. до н.э. именуют культурой димини. В отличие от Дунайского бассейна, в Греции было найдено мало медных и золотых изделий. Название «димини» происходит от одноименного фессалийского поселения в 4 км к западу от Волоса, которое было открыто археологами в начале этого века[11].

Культура димини – для нее характерна раскрашенная и черная керамика (рис. 2-11–2-13) – была обнаружена поверх неолитических остатков в целом ряде многослойных фессалийских теллей, из которых наиболее значимы Аргисса, Отзаки, Арапи, Суфли, Зарку и Рахмани в окрестностях Лариссы[12]. Период димини – продолжительное и непрерывное культурное развитие, имевшее место в 5500–4000 гг. до н.э., в котором различают фазы I–VII[13].

На территории Аттики раскопки в пещере Китсос[14] дали целый ряд радиоуглеродных датировок, что позволяет отнести резную керамику с матовым орнаментом, инструменты из обсидиана и другие находки к XLVI–XLII вв. до н. э. (Табл. 1).

На островах Киклады, судя по всему, продолжала развиваться собственная неолитическая культура. При раскопках в южной части Эгейского бассейна, на Салиагосе, неподалеку от Антипароса (небольшого острова по соседству с о. Парос)[15], было обнаружено поселение, окруженное каменными стенами и бастионообразными постройками. Радиоуглеродный анализ найденных там раковин позволяет датировать Салиа-

Рис. 2-11.2



гос 5200–4600 гг. до н. э. (Табл. 1). Что же касается поселения Кефала на острове Кея, то оно имеет аналоги в Аттике и на Пелопоннесе: это – закат эгейского неолита[16]. Найденные там ритоны и мраморные сосуды напоминают изделия раннего бронзового века, обнаруженные на Кикладах.

Культура старчево (криш, кёрёш) Центральных Балкан и Нижнедунайского бассейна

В Югославии (за исключением Адриатического побережья), Южной Румынии и Юго-Восточной Венгрии неолит представлен культурой старчево (рис. 2-14), названной так по имени места близ Белграда, где в 1932 г. проводились раскопки[17]. Ее северное ответвление – культура кёрёш, имевшая распространение на территории Венгрии[18] и, как и ее румынский вариант криш (Криш и Кёрёш – одна и та же река), получившая название одноименной реки. Речь идет о едином комплексе, который своими традициями был тесно связан с культурами Фессалии и Македонии, однако его ответвления существовали в несколько отличающихся экологических нишах, отсюда и необходимость в разных названиях.

Низины, долины и равнины Балканского полуострова и Дунайского бассейна были заселены в 6300–6000 гг. до н.э.; неолитический уклад в этих местах не претерпевал коренных изменений на протяжении тысячелетия (Табл. 2). Обитатели региона строили поселки на речных террасах или на покатых берегах, где почва благоприятствовала земледелию; дома в них располагались одним рядом, лицом к реке. Поселения занимали площадь до десяти акров или раскидывались вдоль берега почти на километр. Культурный слой старчево редко бывает толще одного метра: деревянные постройки сгнили в земле, оставив мало сле-

Рис. 2-12.1

Рис. 2-12.2

Рис. 2-12
(1) Голова (маска) крупной глиняной скульптуры, телль Суфли, Ларисса, начало VI тыс. до н. э.; высота 8 см.
(2) Голова с маской и с открытым ртом, служившая носиком большого сосуда для возлияний. Ахиллейон, ок. 5800 г. до н. э.; высота 6 см. Обнаружена в святилище.

Рис. 2-13

Рис. 2-13
Кувшин культуры димини из Рахмани, Фессалия. Спиралевидный орнамент на заштрихованном фоне, на ручке – изображение шеврона; темно-коричневая роспись на кремовом фоне, середина V тыс. до н. э.

дов. Именно поэтому к северу от Македонии нет старчевских теллей.

Распространение земледелия из Фессалии и Македонии через Центральную Югославию и Западную Болгарию по Дунайскому бассейну

Распространение земледелия и скотоводства шло из Греции к северу: это подтверждают раскопки поселений Центральной Македонии, в особенности телля Анза в Овче-Поле, который находится примерно на равном расстоянии от Эгейского моря и от долины Дуная[19]. Изучение Анзы (раскопки проводились автором) показало, что климатические изменения сделали экологические условия благоприятными для распространения земледелия. Ко времени основания первого поселения Анза I (примерно 6300–6200 гг. до н. э.) климат по сравнению с нынешним был более прохладным и влажным. В лиственных лесах люди добывали древесину, охотились на диких животных, собирали желуди, орехи, кизил, дикий виноград и лесные ягоды. Ассортимент окультуренных растений и одомашненных животных был примерно тем же, что в Греции. Сперва были одомашнены овцы и козы, затем – крупный скот и свиньи. Их кости составляют 96,5 % от общего числа обнаруженных тут останков животных. Что касается злаков, то в первую очередь здесь выращивали эммер, кроме того, однозернянку и карликовую мягкую пшеницу, шестирядный ячмень, горох и чечевицу.

На сегодняшний день в Центральной Югославии, в районе Вардара и Моравы не было найдено ни одной мезолитической стоянки охотников и рыболовов. Можно предположить, что первые земледельцы в югославской Македонии были выходцами из Фессалии: это подтверждает изучение человеческих костяков, из которого следует, что население Анзы в основном принадлежало к средиземноморскому типу Эгейского региона. Материальная культура также позволяет связать македонских колонистов с фессалийцами, носителями культуры сескло. Печати-штампы, лощеные сосуды с белыми символическими рисунками на красном фоне, нефритовые поделки, глиняные свирели, ритуальные сосуды, антропоморфные и зооморфные статуэтки – все говорит о сходстве их обрядов и мифологии. По всему Нижнему Дунаю ранние земледельческие поселения имели удивительно единообразный характер. Поражает также сходство форм керамики и ее росписей в Румынии и Македонии[20].

На современном этапе научных исследований археологические данные заставляют предположить, что в северные придунайские области производящее хозяйство пришло вместе с мигрантами из Македонии. По всей видимости, их группы прошли долинами Вардара и Струмы, затем поднялись по бассейну Моравы к западу от Родопских и Балканских гор к долине Дуная (рис. 2-14, стрелки).

Население: физический тип

В большинстве изученных поселений (Течич в Центральной Сербии, Обре в Боснии, Деск в Юго-Восточной Венгрии) население по своему физическому типу принадлежало к грацильным средиземноморцам (низкорослым, узколицым). Однако в некоторых центральнобалканских (Дивостин), трансильванских (Гура-Бачулуй), расположенных в бассейне Тисы поселениях, особенно в районе Кёрёша (Юго-Восточная Венгрия), были обнаружены костяки, которые указывают на смешение долихоцефальных (длинноголовых) средиземноморцев с местными кроманьонскими и альпийскими брахицефальными (круглоголовыми) типами[21]. Эта гетерогенность говорит о том, что иммигранты смешивались с аборигенным мезолитическим населением. Как уже было отмечено в первой главе, грацильные средиземноморцы продолжали продвигаться на север до тех пор, пока не достигли района Железных Ворот, то есть долины Дуная в Северной Югославии и в Южной Румынии. Там они были остановлены местным мезолитическим населением – охотниками и рыболовами, принадлежавшими к массивному кроманьонскому типу[22], которые были представителями культуры лепенски-вир, названной в честь одноименного поселения, где было найдено более 50 святилищ и множество каменных скульптур (радиоуглеродную датировку см. в Табл. 2).

Хозяйственный уклад

Хотя иммигранты и принесли с собой хозяйственный уклад, практически идентичный тому, который существовал в неолитической Греции, его необходимо было приспособить к лесной, умеренно-влажной климатической зоне, где основными способами добывания пищи были охота и рыболовство. Большое количество гарпунов из оленьего рога, глиняных грузил для сетей, рыбьих костей и толстый слой речных раковин, которые находят в этих поселениях, сравнимы с высоким процентом обнаруживаемых там же костей диких животных – оленей, косуль, туров, кабанов, медведей, рысей, лис, барсуков и разных птиц.

Основными видами одомашненных животных по-прежнему оставались козы и овцы, хотя, как показало изучение нескольких поселений в Южной Венгрии, здешние жители делали попытки разводить и крупный рогатый скот: об этом говорит наличие промежуточной разновидности между местной дикой породой (Bos primigenius) и завезенным одомашненным видом (Bos taurus)[23]. К северо-востоку от Сараево (Босния) в Обре I кости крупного

Рис. 2-14

Рис. 2-14
Неолитические культуры Балканского полуострова и Восточной и Центральной Европы, 6300–5300 гг. до н. э.

Поселения культуры старчево (кёрёш – криш):
1. Анза, Центральная Македония (Юго-Восточная Югославия); стратифицированное поселение, где под слоем ранней культуры винча имеются еще три культурных слоя;
2. Кырча, поселение на Нижнем Дунае (Юго-Западная Румыния);
3. Девааньа, поселение культурной группы кёрёш, Восточная Венгрия;
4. Дивостин, поселение неподалеку от г. Крагуевац (Центральная Югославия) со старчевскими и поздневинчевскими культурными слоями;
5. Эндрёд-Суйошкетест, область Бекеш, Восточная Венгрия, поселение культурной группы кёрёш;

6. Галабник, бассейн Верхней Струмы, Западная Болгария, поселение культурной группы струма;
7. Градешница, поселение неподалеку от г. Враца (Северо-Западная Болгария) со старчевскими и винчевскими культурными слоями;
8. Гура-Бачулуй, поселение в Трансильвании, Северо-Западная Румыния;
9. Копанч, поселение культурной группы кёрёш, Юго-Восточная Венгрия;
10. Котачпарт-Ватататанья, поселение культурной группы кёрёш, Юго-Восточная Венгрия;
11. Лец, стратифицированное поселение в бассейне Верхнего Олта, Северная Румыния;
12. Обре I к северо-западу от г. Сараево, Босния, стратифицированное поселение позднестарчевской культуры; в расположенном рядом Обре II на смену ей пришла культура бутмир;
13. Периени, поселение на реке Прут, Северо-Восточная Румыния;
14. Породин, поселение-телль в окрестностях г. Битола, Пелагония (Южная Югославия);
15. Рёске-Лудвар, поселение культурной группы кёрёш, Юго-Восточная Венгрия;
16. Перник и Слатино, поселения в долине Верхней Струмы, Западная Болгария;
17. Сайол-Фелшёфёлд, поселение культурной группы кёрёш, Юго-Восточная Венгрия;
18. Течич, поселения и погребения в бассейне реки Морава, Центральная Югославия;
19. Велушина, телль неподалеку от гг. Битола и Породин, Пелагония (Южная Югославия);
20. Вршник, поселение неподалеку от Анзы, район г. Штип, Юго-Восточная Югославия;
21–23. Власац, Падина и Лепенски-Вир, мезолитические и ранненеолитические поселения в районе Железных Ворот, Северная Югославия (заштрихованный прямоугольник). Местная культура была продолжением верхнепалеолитической культуры граветт и, в конце концов, была поглощена культурой старчево;
24. Мехтелек, поселение культуры протобюкк (сатмар); месторождение обсидиана и кремня.

Поселения культуры карановo:
1. Азмак, стратифицированное поселение-телль у г. Стара-Загора, Центральная Болгария;
2. Чавдар, стратифицированное поселение-телль к западу от г. София;
3. Карановo, стратифицированное поселение-телль у г. Нова-Загора, Центральная Болгария;
4. Мулдава, поселение у г. Пловдив, Центральная Болгария.

рогатого скота составляли от 50% до 60% от общего числа костей домашних животных[24]. Крупный скот разводили ради мяса и молока. А вот количество свиней оставалось минимальным.

Архитектура

По всему Дунайскому бассейну для позднего периода культуры старчево характерны постройки со стенами из кольев, оплетенных прутьями, и слоя глиняной обмазки; полы у них тоже были глиняные (рис. 2-15). Как показали раскопки поселения позднестарчевской культуры Обре I (Босния), к 5500 г. до н.э. дома в основном были прямоугольной формы (до 9 м в длину и 7 м в ширину), с круглыми очагами и нередко с каменным фундаментом[25].

Как и в культуре сескло, святилищами служили дома из двух помещений. Из пяти раскопанных в Обре I жилищ святилище – самая крупная постройка, которая отличается от прочих небольших однокомнатных домов не только размером, но и рядом архитектурных деталей. Например, в святилище пол главной комнаты был выложен каменными плитами, а в других домах – покрыт хорошо утрамбованным слоем глины. Посреди комнаты был расположен очаг в форме подковы, перед которым обнаружены культовые предметы, выполненные с исключительным мастерством, – сосуды с большими круглыми ручками, плоские блюда, сосуды на ножке[26]. Можно пред-

Рис. 2-15.1

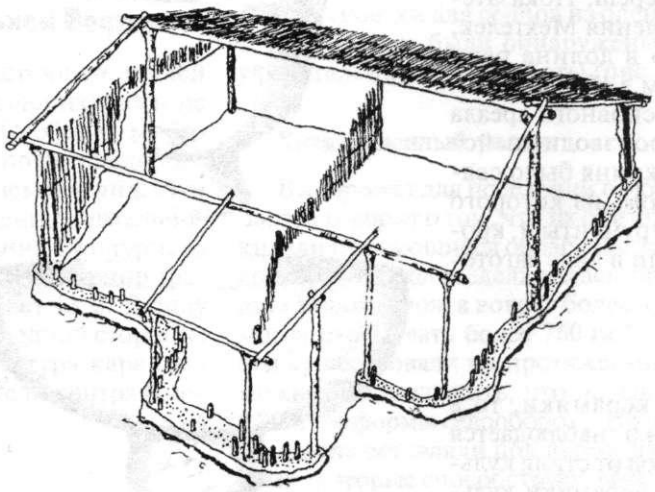


Рис. 2-15.2

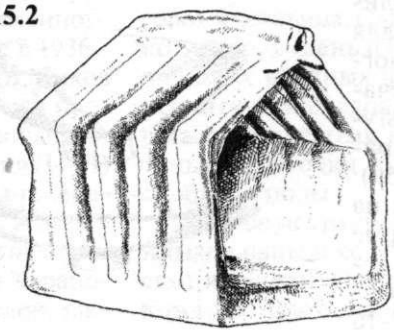


Рис. 2-15
(1) Приблизительная реконструкция жилища культуры старчево (кёрёш), Тисайенё, Юго-Восточная Венгрия.
(2) Глиняная модель бревенчатого дома (или святилища) с бычьей головой на фронтоне, Рёске-Лудвар, Юго-Восточная Венгрия.

положить, что жители использовали эти предметы при исполнении общественных ритуалов.

Торговля

Главным предметом торговли по-прежнему оставались эгейские раковины спондилус, которые использовались для изготовления браслетов, колец и бус, а также некоторые минералы, в том числе кремень и обсидиан, из которых делали лезвия, скребки, резцы, наконечники, топоры и тесла.

Необходимый для производства инструментов обсидиан импортировался по крайней мере из двух мест: один маршрут шел из Сардинии через Адриатическое море по берегу Далмации и через перевал Неретва в Боснию[27]; другой – от подножья Карпатских гор Северо-Восточной Венгрии и Восточной Словакии, снабжая культурную группу кёрёш. Показателен пример поселения Мехтелек, расположенного в долине реки Самош, более чем в 150 км на северо-восток от основного ареала кёрёш[28]. 80 % производившейся здесь обработки камня было связано с обсидианом, из которого изготовляли инструменты и, кроме того, продавали в виде заготовок.

Керамика

Что касается керамики, то в 5900–5800 гг. до н.э. наблюдается несомненный отход от стиля культуры сескло. Для керамики культуры старчево характерны оранжевый фон с коричневым криволинейным рисунком и сосуды для хранения зерна с отпечатками ногтей. Кроме того, самое примечательное достижение этой культуры – керамика барботин (украшенная тонким слоем ангоба): сферические кувшины, чаши на ножках, блюда и сосуды в форме птиц обнаруживаются даже в северных и западных районах распространения старчево (рис. 2-16

Рис. 2-16. 1

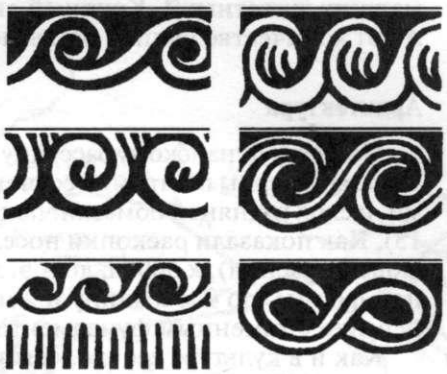


Рис. 2-16. 2

Рис. 2-16

В начале VI тыс. до н. э. одним из основных орнаментальных мотивов в керамике стали спиральные линии, оживлявшие древнеевропейские изделия своим плавным динамизмом. Эти самые ранние спиральные мотивы были выполнены темно-коричневым цветом на оранжевом фоне. Культура старчево, 5800–5500 гг. до н.э.

(1) Старчево и Винковци, Северная Югославия.

(2) Анза II неподалеку от г. Штип, Юго-Восточная Югославия.

Рис. 2-17

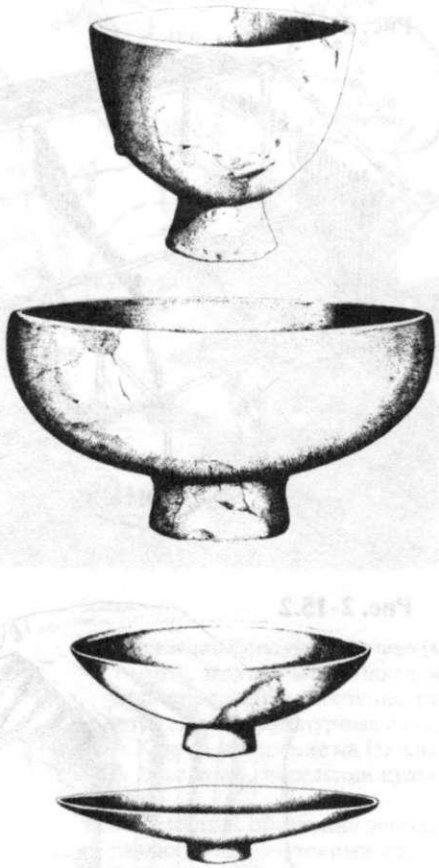


Рис. 2-17

Чаши и блюда на ножке, характерные для позднестарчевской культуры в Боснии, Западная Югославия. Обре I, к северо-западу от г. Сараево, ок. 5300 г. до н.э.

и 2-17). Об изощренности и высоком уровне творческой фантазии можно судить по удивительным антропоморфным и орнитоморфным сосудам со сложным символическим рисунком (цветная вклейка 6).

Раскопки поселения Анза (бассейн реки Вардар, Центральная Македония) позволили, при помощи стратиграфии и радиоуглеродной датировки, уточнить хронологию и эволюцию различных видов керамики (рис. 2-18). Все изящно расписанные глиняные изделия культуры старчево – сосуды с рельефными изображениями (рис. 2-19), антропоморфные и орнитоморфные (рис. 2-20), миниатюрные обрядовые сосуды на четырех ножках (рис. 2-21) и женские фигурки – имели ритуальное назначение. Что касается глиняных статуэток, то их больше на юге, чем на севере: не исключено, что на севере их изготавливали из дерева, поэтому они не сохранились.

На заключительных фазах культуры старчево становится ощутимо стороннее влияние, шедшее из Болгарии и с побережья Адриатики. Им во многом объясняются те изменения, которые где-то около 5400–5200 гг. до н.э. привели к формированию культур винча, бутмир, тиса и лендель, о которых мы будем говорить в третьей главе. В западных районах Югославии старчевские традиции продолжали существовать приблизительно до 5000 г. до н.э.[29].

Культура караново Центральной Болгарии

Центральная Болгария была настоящей землей обетованной для земледельцев, осевших здесь не позднее 6300 г. до н. э. (Табл. 2–3). Особенно много теллей в бассейне реки Марица, где почва плодородна, а мягкий климат идеален для земледелия. Эти поселения существовали на протяжении длительного времени, на что указывает толщина культурного слоя: в телле Караново, давшем имя культурной традиции данного региона, она достигает 13 м. В силу сравнительной изолированности – с одной стороны, Родопы, с другой – Балканы – культура караново имеет несколько иной характер, нежели центрально-балканский комплекс старчево.

Основные раскопки

Наиболее существенная информация о культуре караново была собрана при раскопках одноименного кургана вблизи города Нова-Загора, которые в 1936–1937 гг. и в 1947–1954 гг. проводили археологи В.Миков и Г.И.Георгиев; в 1984–1990 гг. эта работа была продолжена С.Хиллером и Б.Николовым[30]. Первоначально исследователи выделили шесть фаз развития (I–VI) культуры; позднее эта классификация была дополнена и расширена, благодаря раскопкам телля Азмак у г. Стара-Загора, которые в 1960–1963 гг. осуществил Г.И.Георгиев. При проведении новых работ в Караново под Караново I был обнаружен еще один слой, также содержащий остатки построек (материалы эти еще не опубликованы). Нет сомнения, что это поможет пролить свет на начальные фазы Караново I. Последовательные раскопки телля Казанлык у г. Стара-Загора (неолитический слой толщиной в 8 м)[31] и других поселений[32] дают достаточно ясное представление о жизненном укладе культуры караново.

Поселения и жилища

Ранние поселения культуры караново были хорошо организованными общинами, объединявшими до 300 жителей на площади в 3 га (1 га = 10 000 кв. м). Однокомнатные дома в 6–7 кв. м стояли параллельными рядами (рис. 2-22), между которыми были проложены мощеные бревнами улицы. Дома строили из кольев, которые оплетали прутьями и покрывали толстым слоем глины. Было подсчитано, что в первом слое Караново сохранились остатки примерно 60 строений. В домах имелись массивные глиняные печи и было найдено множество мраморных сосудов и керамики (рис. 2-22. 2). Печи также сооружали в пространстве между домами. Внутренние стены некоторых помещений были покрыты росписями: возможно, что часть поселковых строений использовалась в качестве святилищ. Среди земледельческого инвентаря были зернотерки, пестики, рукоятки для серпов из оленьего рога (см. рис. 1-1.1). Там же были обнаружены костяные ложки удивительно тонкой работы (рис. 2-23).

Хозяйственный уклад

Выбор мест для поселений в окрестностях г. Нова-Загора говорит о том, что их обитатели всегда подыскивали поддающиеся обработке земли[33]. Территория вокруг поселка возделывалась примерно в радиусе двух километров, а вокруг более крупных поселений могла охватывать более 760 га[34]. Так как поселения эти существовали на протяжении долгого времени, можно предположить, что население практиковало какие-то формы севооборота. По-видимому, половину земель оставляли под паром или засевали культурами, которые способствуют восстановлению содержания азота в почве. Основными зерновыми в этих местах были эммер, пшеница-однозернянка, ячмень, горох и чечевица. Однако в основном разводили только эммер, ячмень и бобовые, – на это указывает наличие их крупных и очищенных образцов. Во всех неолитических слоях также есть серпы из оленьего рога с кремневыми вкладышами, зернотерки и костяные лопаточки, с помощью которых, возможно, скоблили полы.

Первое место среди одомашненных животных занимали овцы и козы, за ними шел крупный рогатый скот и свиньи. Однако по берегам реки было слишком мало подходящих лугов для круглогодичного со-

Рис. 2-18.3

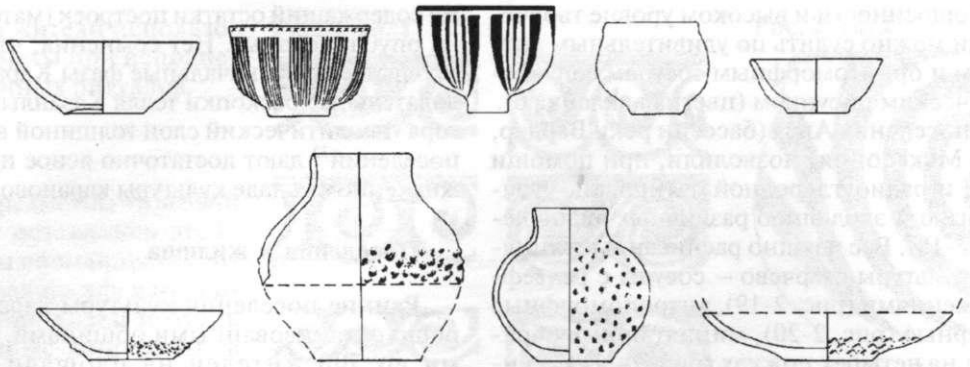


Рис. 2-18.2

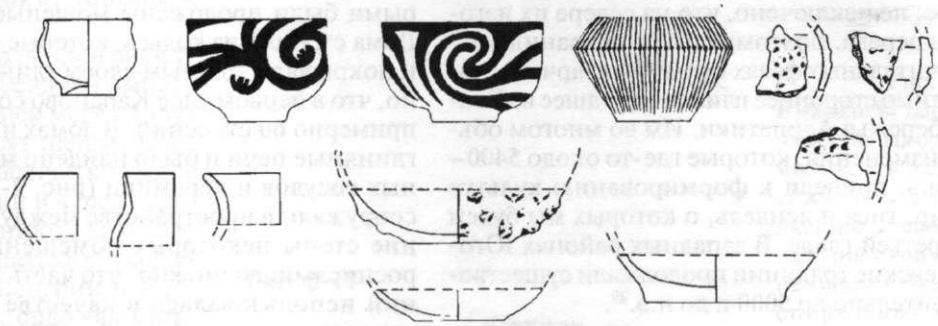


Рис. 2-18.1

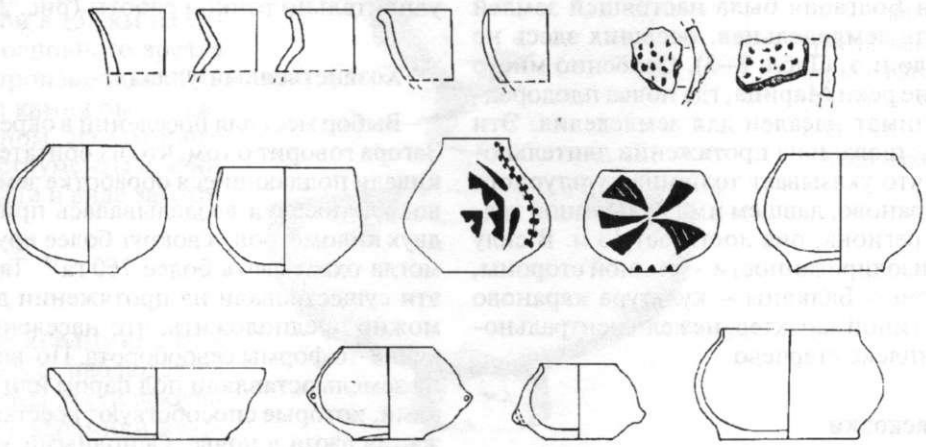


Рис. 2-18

Типы керамических изделий трех периодов развития старчевской культуры, представленные в стратифицированном поселении Анза (Анзабегово) в окрестностях г. Штип, Центральная Македония.

(1) 6300–5900 гг. до н. э.: самая древняя фаза Ia (ок. 6300–6100 гг. до н. э.) представлена тонкостенными сосудами красного лощения с темно-бордовым ангобом; вторая фаза Ib (ок. 6100–6000 гг. до н. э.) – керамикой с белой росписью на красном, коричневом или черном фоне.

(2) 5900–5600 гг. до н. э.: появляются характерные сосуды с оранжевым ангобом и шоколадно-коричневой росписью, а также криволинейный орнамент и барботиновые (накладные) украшения.

(3) 5600–5300 гг. до н. э.: продолжает появляться утварь с барботиновым и тисненым орнаментом; рисованные узоры становятся более тектоническими; на сосудах рисуют вертикальные линии, расположенные снизу доверху.

Рис. 2-19

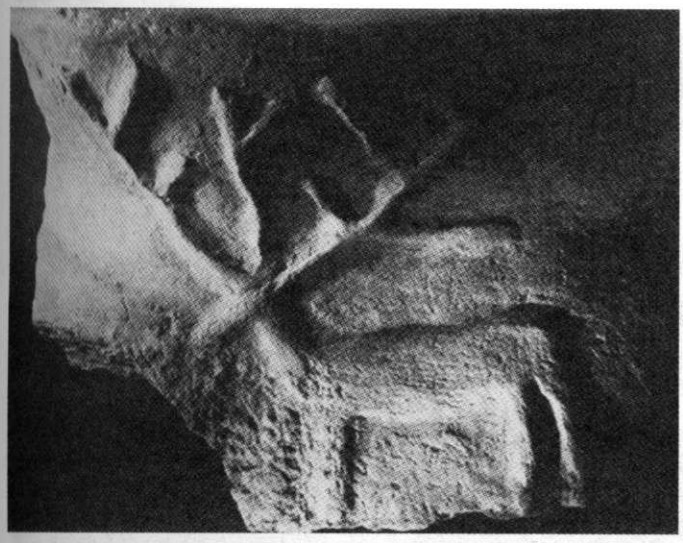


Рис. 2-19
Олень с неестественно большими рогами. Рельефное изображение на крупном сосуде из Цепы, культурная группа кёрёш, Юго-Восточная Венгрия, ок. 5500–5300 гг. до н. э.

Рис. 2-20

Рис. 2-20
Сосуды в форме птиц, культурная группа кёрёш, Юго-Восточная Венгрия, ок. 5500 г. до н. э.; высота 11 см.

Рис. 2-21.1

Рис. 2-21.2

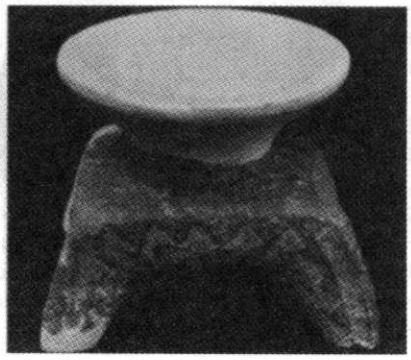


Рис. 2-21
Сосуды для приношений:
(1) Лепенски-Вир.
(2) Дудешти-Веки, Тимишоара, Западная Румыния, ок. 5700–5500 гг. до н.э.

держания скота; скорей всего, весной и ранним летом его перегоняли в холмистые местности.

Керамика

В древних слоях всех теллей, где проводились систематические раскопки, встречается удивительно зрелая, крепкая, хорошо обожженная керамика без каких-либо следов органических примесей. Это в первую очередь чаши тюльпанообразной формы и высокие кувшины с полым круглым основанием или на цилиндрических ножках, с красным ангобом и белым рисунком (рис. 2-24). Эту керамику никак не назовешь «примитивной», и, конечно, в этом регионе она – не самая древняя. Свидетельство ее высокого уровня – сосуды на ножках (рис. 2-25) и целый ряд небольших треугольных и прямоугольных в плане емкостей. В эпоху культуры караново II появилась новая технология (регулируемое уменьшение доступа воздуха), благодаря чему получаются сосуды с черной поверхностью с рифленым и гофрированным орнаментом. Во время культурной фазы караново III увеличивается разнообразие форм керамических изделий: ее характерной чертой являются высокие сосуды с зооморфными, в виде собак, ручками (рис. 2-26). Типология керамики культур караново I–III представлена на рис. 2-27.

Фигурные изображения

По видам и стилю статуэтки из поселений культуры караново обнаруживают типологическое сходство с изделиями культур сескло и старчево. Хорошо представлены терракотовые изображения Богини-птицы с клювообразным носом и выступающими яйцевидными ягодицами; беременные богини, держащие одну руку на животе; столбообразные обнаженные фигуры (бабы) с огромным лобковым треугольником и зооморфные статуэтки. Обнаженные женские фи-

Рис. 2-22.1

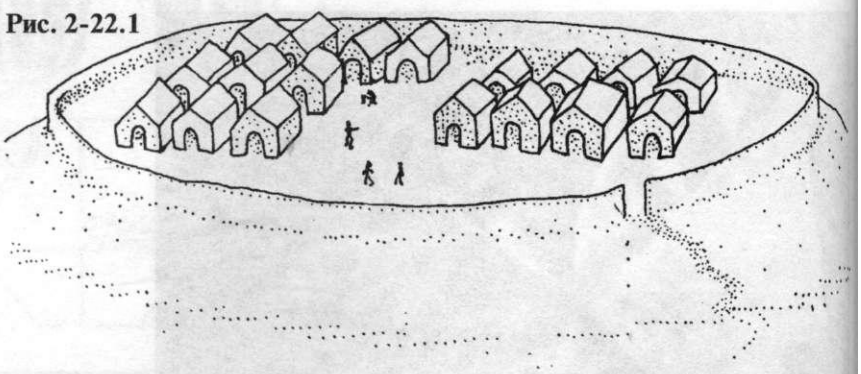


Рис. 2-22.2

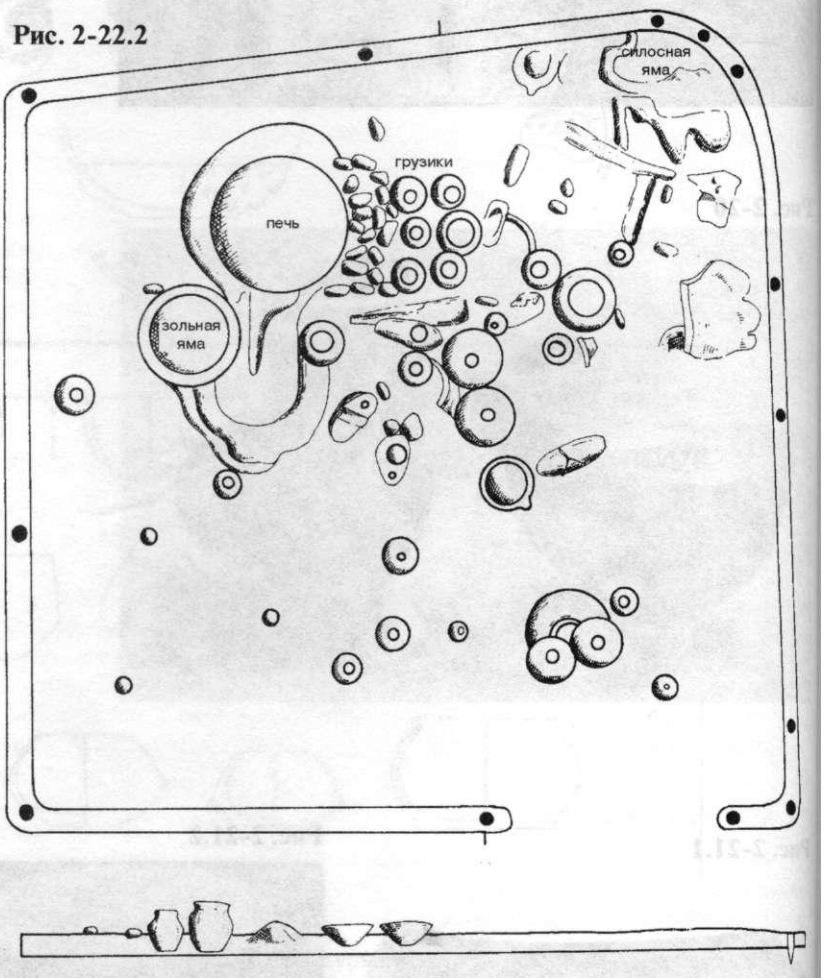


Рис. 2-22

(1) Схематический план поселения культуры караново I.

(2) Внутреннее устройство однокомнатного дома культуры караново I, телль Мулдава в окрестностях Пловдива. Слева в дальней части помещения – печь в форме улья и яма для золы, справа – скопление сосудов, грузиков и каменных инструментов. Начало VI тыс. до н.э.

Рис. 2-23

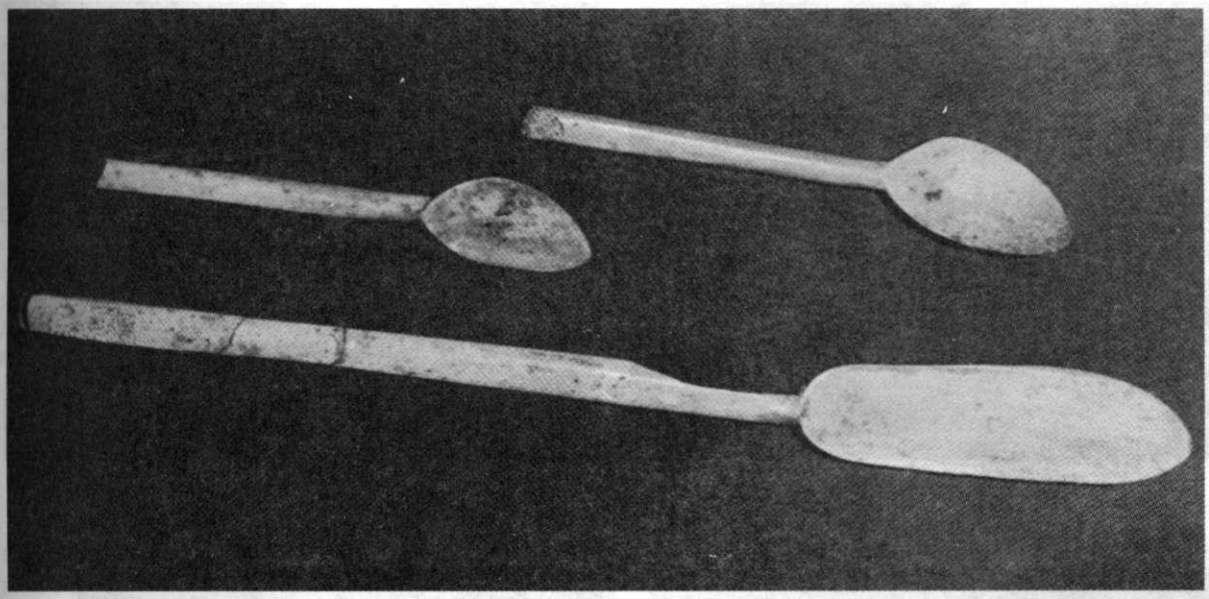


Рис. 2-23
Костяные ложки или, возможно, лопаточки для сбора зерна, культура караново I, телль Азмак, Центральная Болгария, начало VI тыс. до н.э. Музей г. Стара-Загора; 31,5 см, 14,4 см, 13,2 см.

Рис. 2-24.1

Рис. 2-24.2

Рис. 2-24
Характерные для культуры караново I тюльпановидные сосуды: (1) с белой росписью на красном фоне и с сетчатым орнаментом из треугольников и точечных полос; высота 17 см; (2) с белой росписью на красном фоне и спиралевидным орнаментом; на высокой конусообразной ножке; высота 28,4 см. Начало VI тыс. до н.э., телль Азмак у г. Стара-Загора, Центральная Болгария.

Рис. 2-25.1

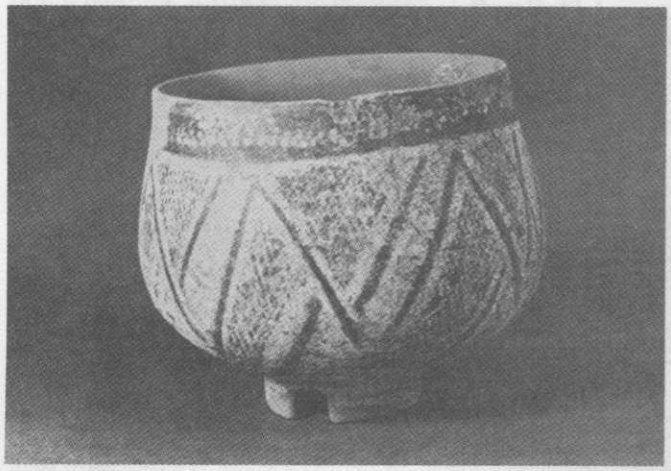


Рис. 2-25.2

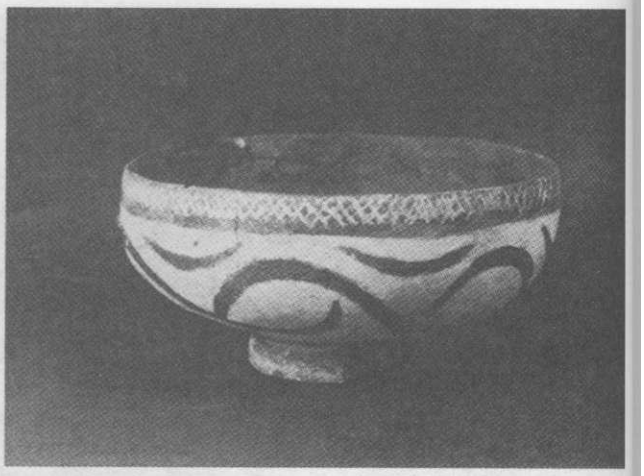


Рис. 2-26.1

Рис. 2-26.2

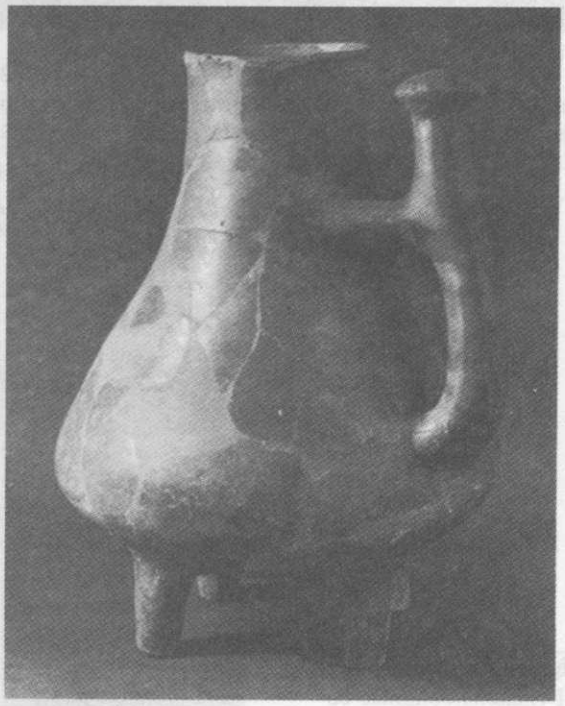


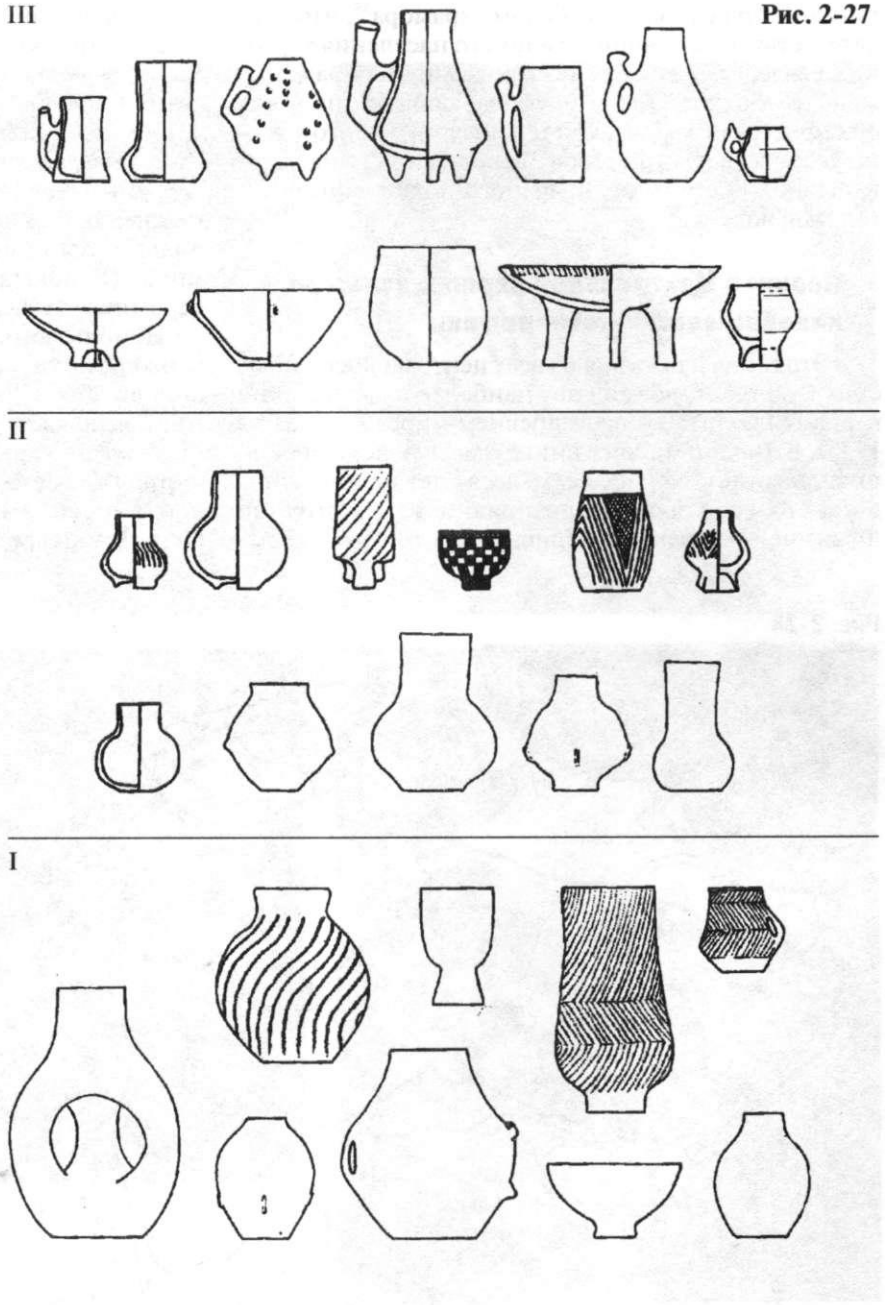
Рис. 2-26.3

Рис. 2-25
Полукруглый горшок и блюдо с круглым основанием и выемками: (1) сосуд по всей окружности украшен орнаментом из висящих и перевернутых треугольников, заполненных сетчатым узором; (2) блюдо украшено белой росписью из полумесяцев и S-образных спиралей на красном фоне. Культура караново I, поселение Мулдава, Центральная Болгария, ок. 5800 г. до н. э.

Рис. 2-26
Сосуды культуры караново III с ручками в виде собак (1, 2) и орнитоморфной / антропоморфной ручкой крышки (3). Черное лощение. Телль Азмак у г. Стара-Загора, середина VI тыс. до н.э.; высота 14 см.

Рис. 2-27
Типология керамики из Караново I (ок. 5900–5800 гг. до н. э.), Караново II (5700–5600 гг. до н. э.) и Караново III (ок. 5600–5500 гг. до н. э.).

Рис. 2-27



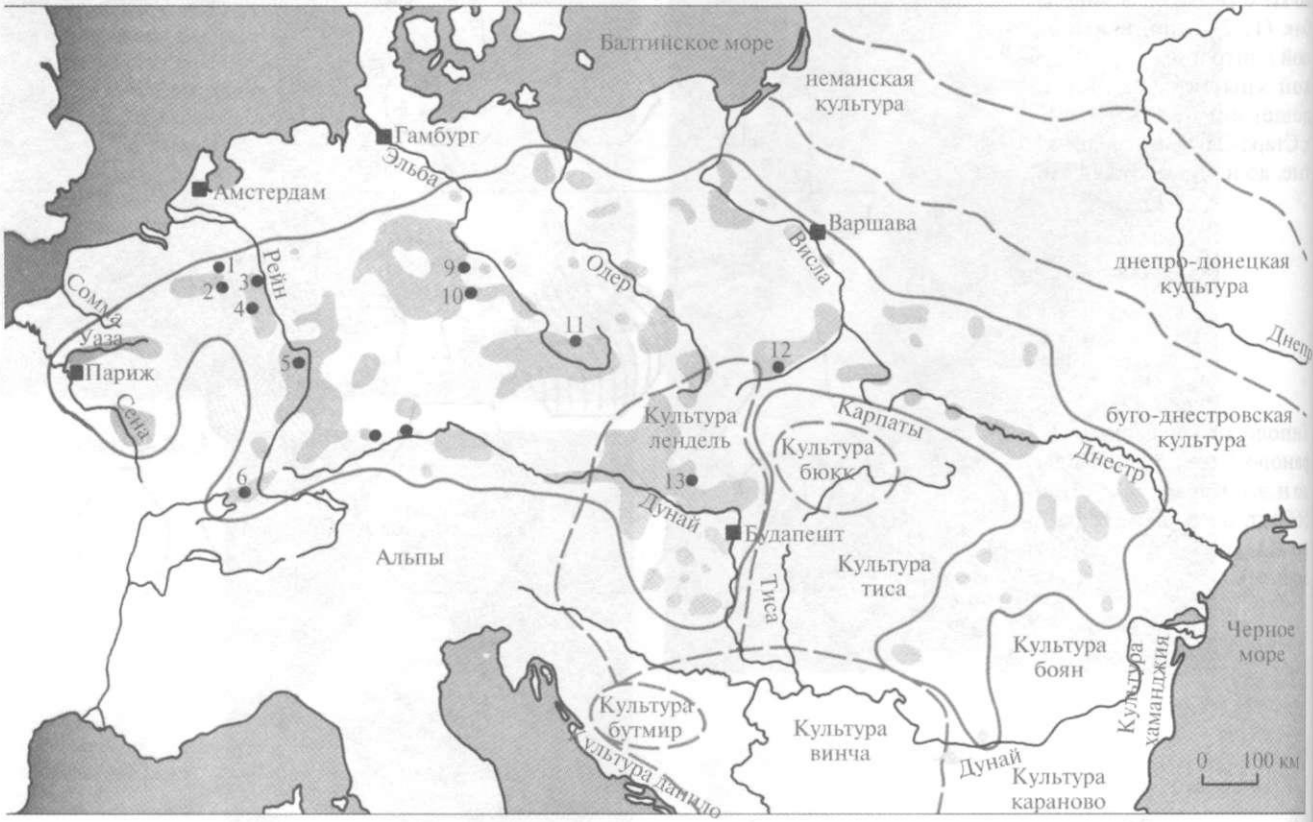
гурки часто вырезаны из белого мрамора[35], что свидетельствует о наличии у здешнего населения торговых связей с Эгейскими островами. Изображения женских божеств были преобладающими на столь обширной географической территории, что это должно указывать на существование сложной и последовательной системы религиозного поклонения многоликой богине.

Неолит в Центральной Европе: культура линейно-ленточной керамики

«Это самая известная из всех центральноевропейских культур и, возможно, наиболее классический вариант неолита во всем древнем мире», – писал в 1925 г. В. Гордон Чайлд в книге «Рассвет европейской цивилизации». И через семьдесят лет нельзя отрицать, что, если брать территорию между Восточной Францией и Румынией (рис. 2-28), то самая громкая международная известность выпала на долю именно этой культуре, во многом благодаря замечательным раскопкам, которые в последние десятилетия проводили французские, датские, немецкие, чешские, польские и американские археологи. Чайлд назвал ее дунайской I культурой, однако этот термин неточен, поскольку в ее ареал не входил нижнедунайский регион. Археологи по-прежнему пользуются немецким термином «ленточная керамика» (Bandkeramik) или английским – «линейная керамика» (Linear Pottery).

Используемый нами термин «линейно-ленточная керамика» (Linearbandkeramik) часто сокращается до аббревиатуры LBK. Однако этот вид керамики не является исключительно линейно-ленточным: среди характерных для него орнаментов есть спирали, змеи, меандры, прямоугольники, концентрические квадраты, треугольники, знаки в виде «V», шевроны, двойные и тройные линии, зна-

Рис. 2-28



1. Эльсло
2. Ситтард
3. Кельн-Линденталь
4. Альденхофен
5. Фломборн
6. Риксхайм
7. Лаутерек
8. Хинхайм
9. Рессен
10. Зондерсхаузен
11. Биланы
12. Ольшаница
13. Нитра

Рис. 2-28
Распределение культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Европе. Заштрихованные участки указывают на скопление поселений. Ок. 5500–4900 гг. до н.э.

Рис. 2-29

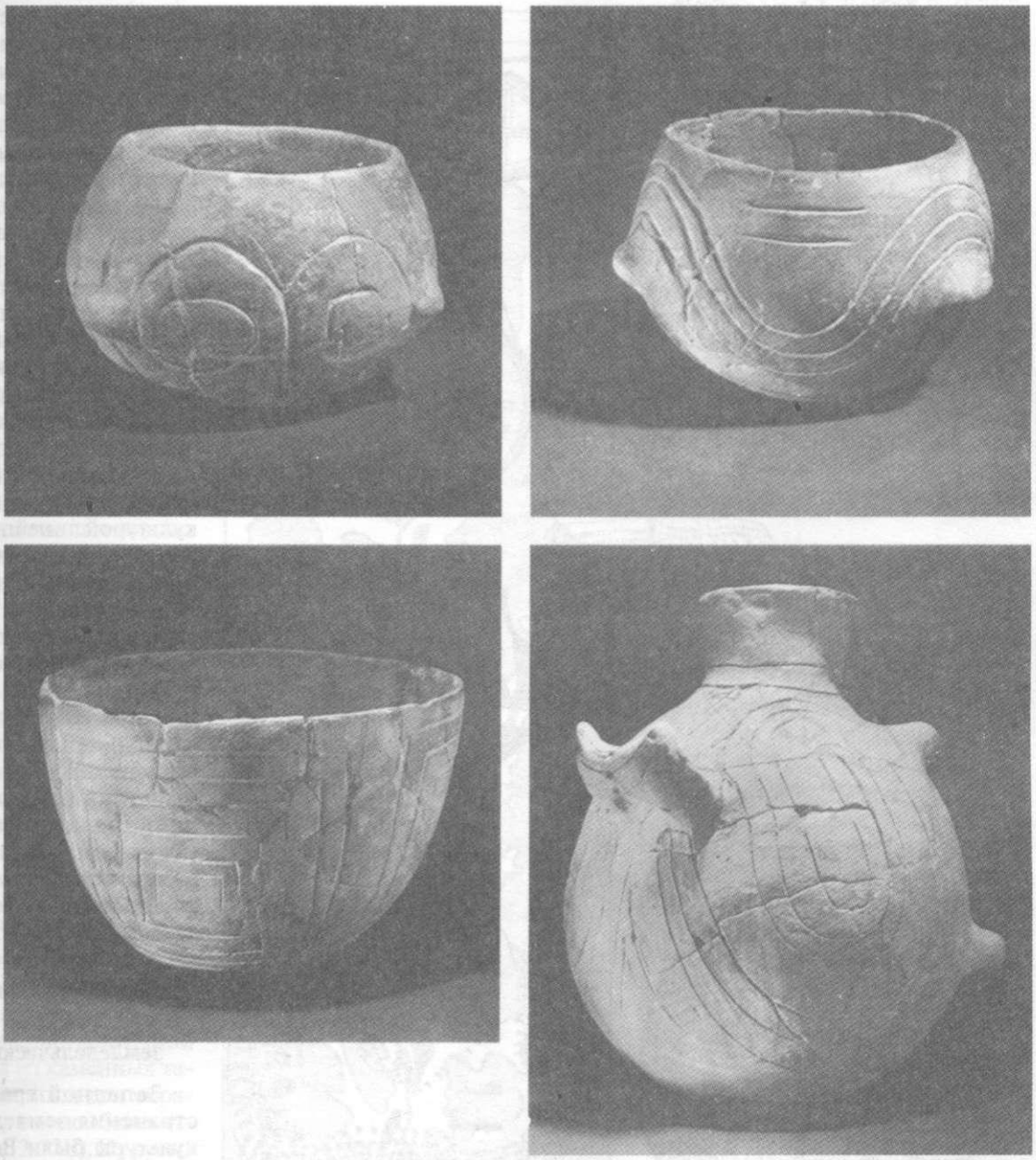


Рис. 2-29

Характерные для ранней культуры линейно-ленточной керамики сосуды, украшенные спиралями, грудями, двойными линиями, рогами и концентрическими треугольниками; поселения в окрестностях Зноймо неподалеку от Брно, Моравия, 5500–5000 гг. до н. э.

Рис. 2-30

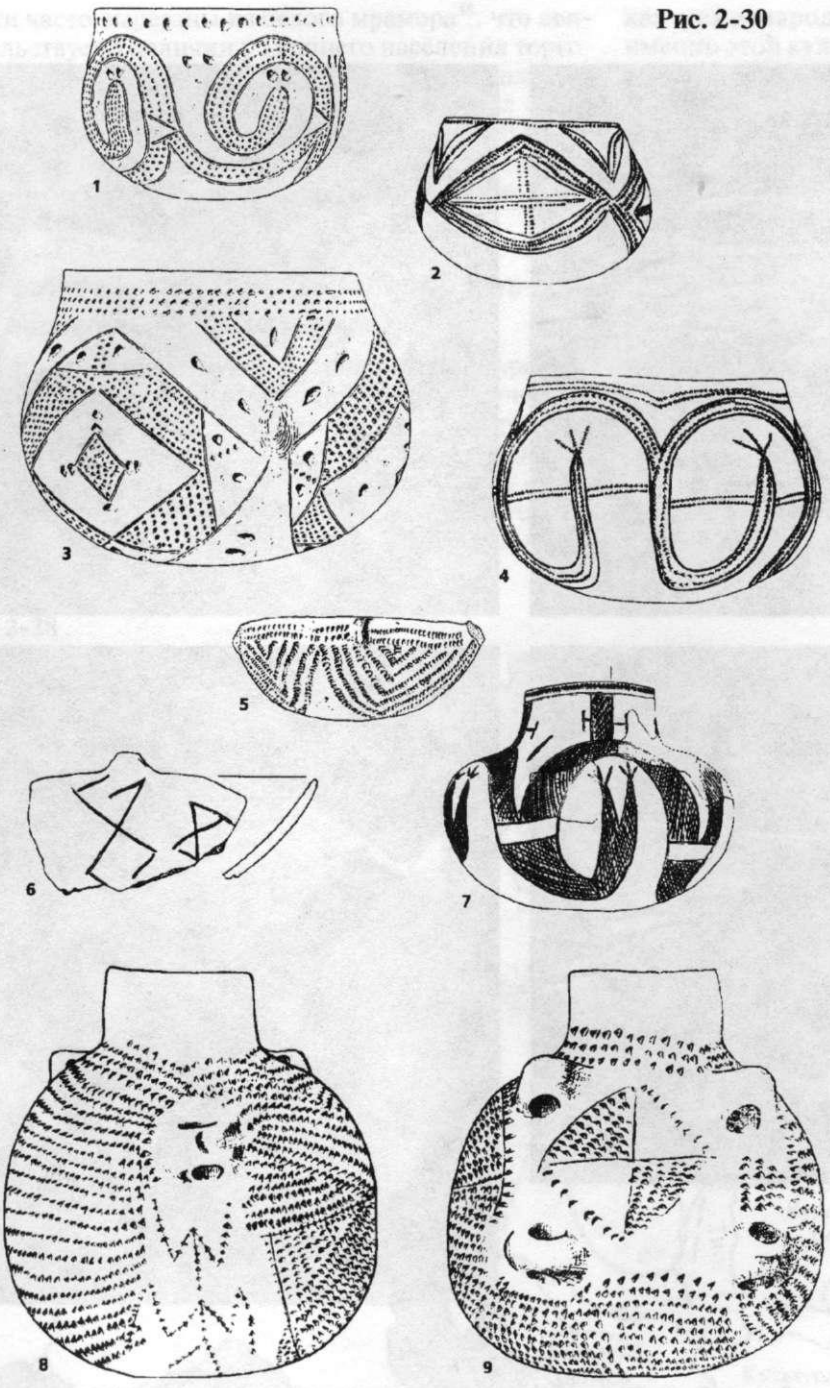


Рис. 2-30

Сосуды культуры линейно-ленточной керамики с резным символическим орнаментом: змеями, крестами, знаками «V», ромбами, шевронами, двойными треугольниками («песочными часами») и лягушками. (1, 3, 5) – ранний период; (2, 4, 6–9) – средний и поздний период; (1, 3, 5) Эльсло, Голландия; (2, 4, 8, 9) Кёнигсауэ; (6) Халле-Трота; (7) Зеехаузен, Восточная Германия; масштаб (1, 3, 5) – 1/2, (2, 4, 6, 7) – 1/3, (8, 9) – 2/3.

ки в виде «М», «Х» и др. (рис. 2-29 и 2-30). А еще – рельефные антропоморфные и зооморфные изображения, рога, груди и другие символы, универсальные для керамического искусства всей Юго-Восточной Европы. Своими формами, материалами и символикой культура линейно-ленточной керамики схожа с поздним периодом культуры старчево (кёрёш), хотя ей в общем не свойственна раскрашенная керамика.

Пятьсот лет отделяют балканский неолит (старчево) от той эпохи, когда эта культура и земледелие начали распространять свое влияние по умеренной климатической зоне Центральной Европы. Безусловное сходство между культурой старчево (кёрёш) и культурой линейно-ленточной керамики убеждает в том, что миграция населения шла с юго-востока. Первоначальная фаза культуры линейно-ленточной керамики Среднедунайского бассейна датируется примерно 5600–5400 гг. до н.э. и непосредственно связана с культурными традициями старчево (кёрёш)[36]. Что касается физического типа, то в своем большинстве носители культуры линейно-ленточной керамики были в родстве с невысокими грацильными средиземноморцами, обитателями Балкан[37].

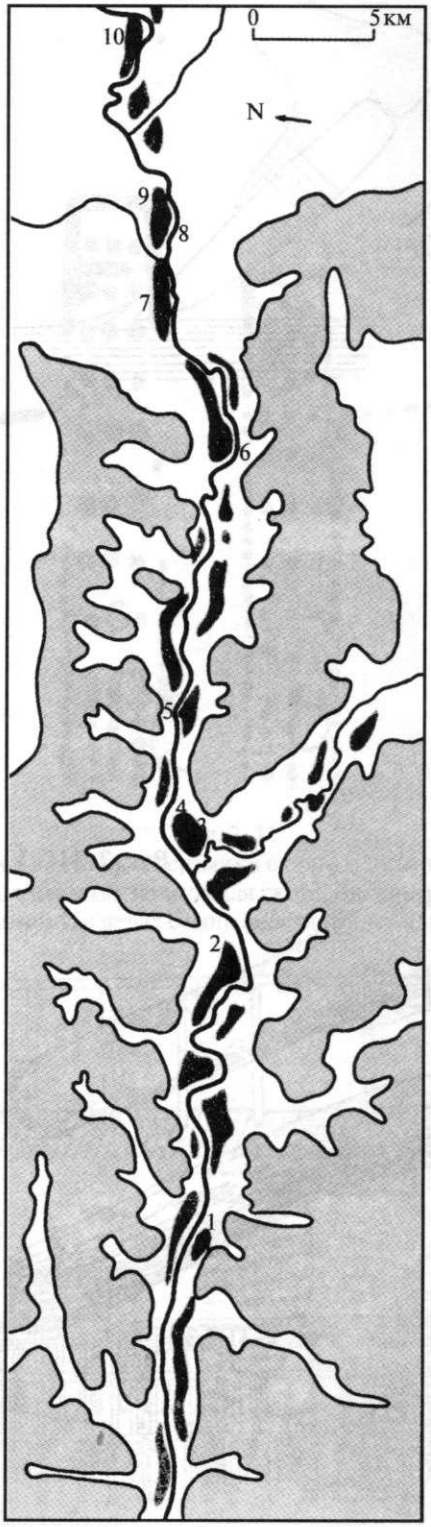
Распространение и размещение земледельческих поселений

Западной границей распространения земледельцев данной культуры были Восточная Франция и Нидерланды, северной – бассейн Нижнего Одера в Германии и Польше. От Голландии до Венгрии – почти 1000 км. В границах этого региона наблюдается значительное сходство керамических стилей и каменного инструментария: по-видимому, диффузия земледелия произошла в сравнительно короткие сроки. В VI тыс. до н.э. климат здесь был более жарким; Центральную Европу покры-

вали негустые смешанные дубовые леса. Мигрируя, носители культуры линейно-ленточной керамики чаще всего стремились занять свободные экологические ниши. Они оседали на лессовых землях (покрытых нанесенным ветром илом), которые, после уничтожения лесной поросли, легко поддавались обработке, – поэтому им не приходилось конкурировать с местным мезолитическим населением. Селясь в долинах или на солнечных речных террасах (рис. 2-31А), эти земледельцы в основном выращивали эммер, а также однозернянку, спельту и карликовую мягкую пшеницу, ячмень, рожь, просо, овес, горох, чечевицу, опиумный мак и лен. Поскольку по сравнению с другими культурами эммер менее активно поглощает питательные вещества, его можно было выращивать на лессовых почвах на протяжении долгого времени, хотя не исключено, что земледельцы использовали и севооборот[38]. Носители культуры линейно-ленточной керамики выращивали крупный рогатый скот, бывший для них главным источником мяса, молока и навоза. Кроме того, они держали овец, коз, свиней и собак, охотились на лосей, оленей и кабанов, хотя в целом роль охоты была незначительной. Многие поселки этой процветающей цивилизации существовали на протяжении 400–500 лет.

Основной инструментарий ранней культуры линейно-ленточной керамики состоял из каменных тесел и использовавшихся для обработки дерева тесел в виде «башмачной колодки» (рис. 2-32В). Из кремня, техника обработки которого продолжала традиции культуры старчево, делали микролитические круглые скребки, лезвия для ножей и серпов (которые затем вставляли в деревянные рукоятки), сверла и резцы (рис. 2-31С). Добывали кремень в местных залежах: некоторые поселения специально занимались этой работой и его распространением по окрестностям. К примеру, в Южной Польше юрский кремень

Рис. 2-31А



Аллювиальные террасы

Известковые плато

Поселения:
1. Пернан
2. Мисси-сюр-Коммюн
3. Шассеми
4. Вайи
5. Си-ла-Коммюн
6. Кири-ле-Шодард
7. Понтавер
8. Берри-о-Бак, «Ле Шмэн де ля Пешри»
9. Берри-о-Бак, «Ля КруаМегрэ»
10. Меннвиль

Рис. 2-31А
Поселения культуры линейно-ленточной керамики в долине реки Эн, Восточная Франция

Рис. 2-31В
Обработка дерева при помощи тесла в виде башмачной колодки (реконструкция).

Рис. 2-31В

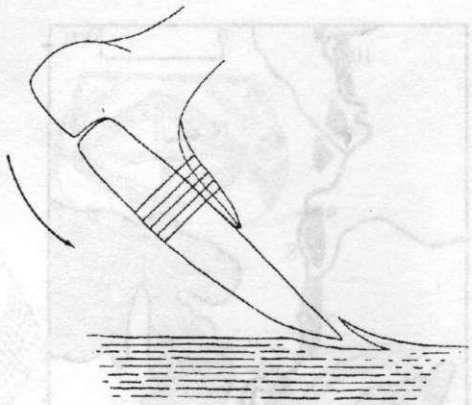


Рис. 2-31С
Типичные орудия культуры линейно-ленточной керамики:
(1) деревянные серпы с кремневыми лезвиями, закрепленными смолой (Центральная Германия);
(2) кремневые буравы (Могельнице, Моравия);
(3) концевые скребки из кремня (Ситтард, Голландия).

Рис. 2-31С.1

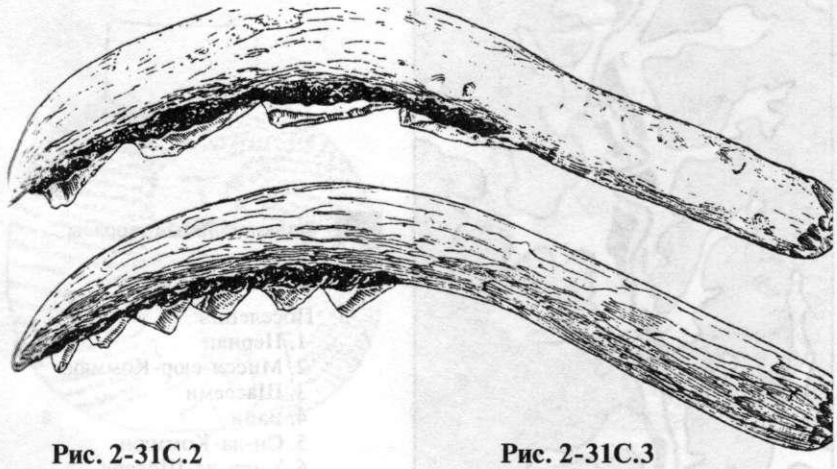


Рис. 2-31С.2

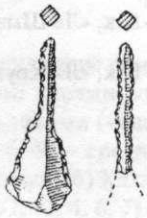


Рис. 2-31С.3

добывали жители близлежащего поселения Ольшаница[39]. А источником обсидиана для лезвий серпов, ножей и других инструментов были горы Бюкк и Татры. На поздних этапах развития этой культуры кремневые лезвия, необходимые для изготовления инструментов, поступали даже из столь отдаленного юго-восточного региона, как днестровский.

Поселения и жилища

Как правило, поселения культуры линейно-ленточной керамики были скоплениями «поселенческих ячеек», плотность которых варьировалась в зависимости от региона. Подобные анклавы могли включать в себя от восьми до десяти поселений. Например, согласно исследованиям района реки Длубня (Южная Польша), на 25 кв. км там приходилось примерно 20 поселений, хотя к северо-востоку от Кракова средняя плотность составляла один поселок на 32 кв. км[40]. Размеры поселений колебались от 125 га до более чем 500 га (примерно от 300 до 1250 акров), в самых крупных из них могло быть более 500 жителей. Чаще всего в поселке было от пяти до восьми домов, отстоявших друг от друга примерно на 20 м. Никаких оборонительных сооружений – насыпей или рвов – на ранних этапах существования этой культуры не было.

Культура линейно-ленточной керамики в первую очередь известна по длинным домам из вертикальных бревен, многочисленные образцы которых были найдены в Чехословакии, Польше, Германии, Голландии и Франции[41]. Поскольку в культуре старчево у них нет прототипа, приходится предположить, что это – результат местного развития. Древесины в этих местах много, поэтому деревянная архитектура была вполне естественна для Центральной Европы.

Жилища были просторными, имели прямоугольную форму и строились из дерева, однако из 108 строений, найденных в поселке

Рис. 2-32

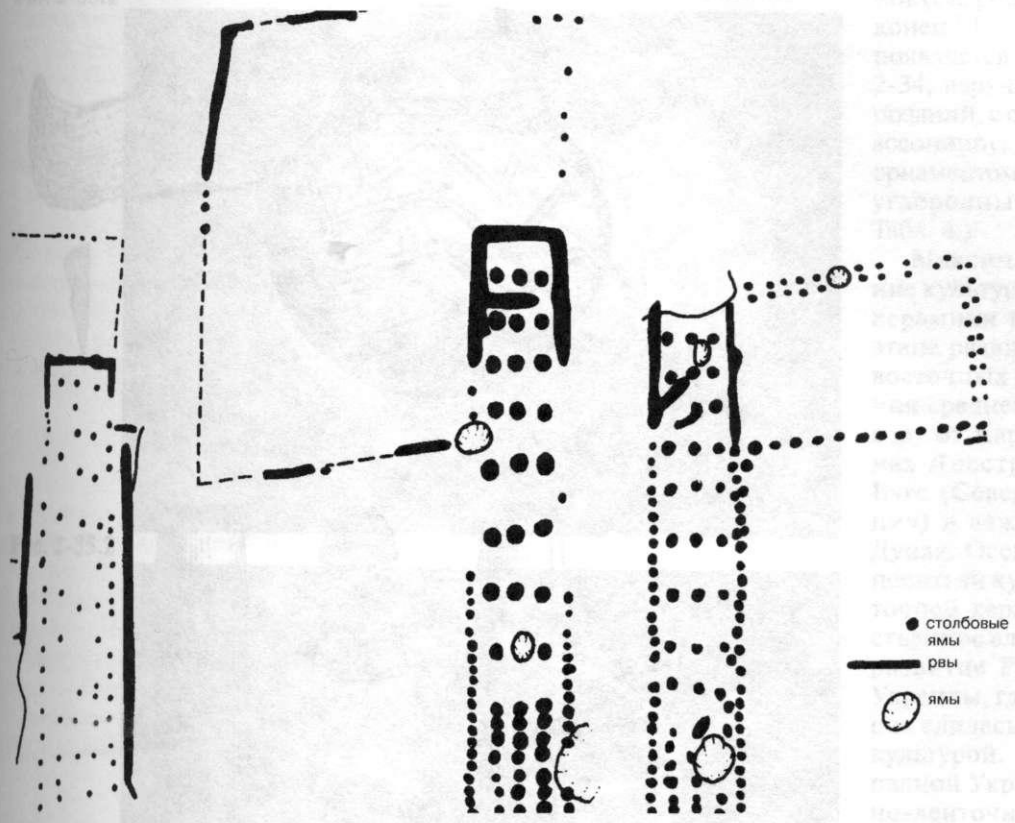


Рис. 2-32

Планы длинных домов культуры линейно-ленточной керамики с присоединенными к ним прямоугольными выгородками, которые, возможно, использовались в качестве загонов для скота. Внешние стены были обмазаны глиной. Северный конец дома часто окружал ров – по-видимому, в целях безопасности. Биланы, к востоку от Праги; раскопки Б.Соудски.

Рис. 2-33

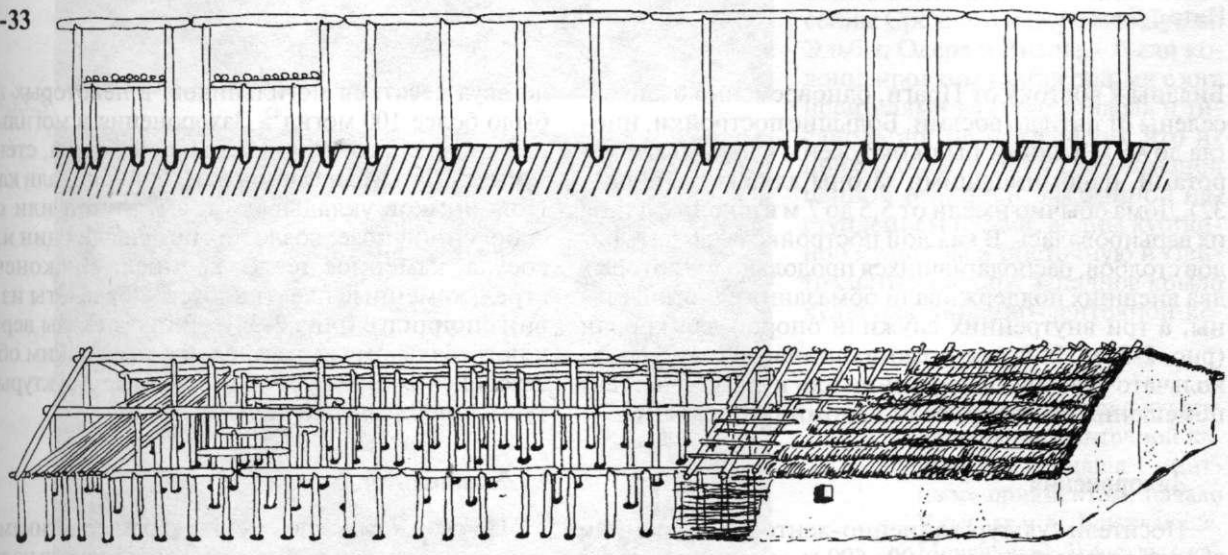


Рис. 2-33

Продольные разрез и реконструкция большого дома из Билан; раскопки Б.Соудски; конец VI тыс. до н.э. Длина ок. 45 см.

Рис. 2-34

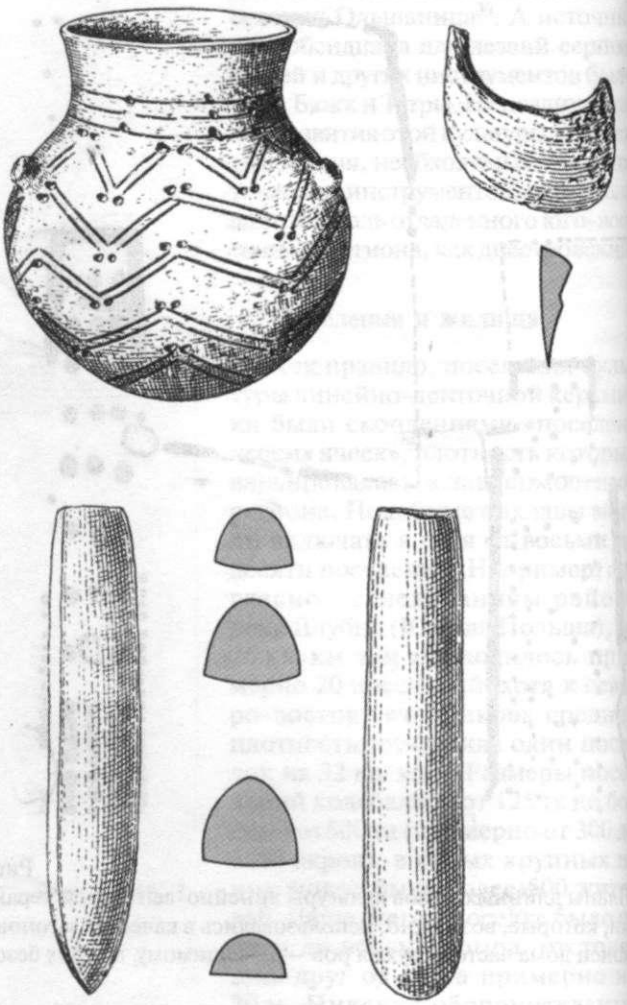


Рис. 2-34
Погребальный инвентарь культуры линейно-ленточной керамики: горшок, браслет из раковины спондилус (фрагмент) и каменное тесло (вид с двух сторон). Период керамики с «нотной» росписью, начало V тыс. до н. э., Нитра, Словакия.

Биланы к востоку от Праги, одновременно были заселены от пяти до восьми. Большие постройки, иногда до 45 м в длину, были окружены изгородью с воротами, напоминавшими загоны для скота (рис. 2-32). Дома обычно имели от 5,5 до 7 м в ширину, длина их варьировалась. В каждой постройке было пять рядов столбов, располагавшихся продольно, из которых два внешних поддерживали обмазанные глиной стены, а три внутренних служили опорой для кровли (рис. 2-33). На более поздних этапах (культуры накольчато-ленточной керамики или культуры рёссен) помещения по плану стали напоминать трапеции.

Захоронения

Носители культуры линейно-ленточной керамики хоронили покойников в 100–500 м от границ поселения, причем практиковалась как ингумация, так и кремация. Археологам удалось обнаружить и изучить около двух десятков могильников, в некоторых из них было более 100 могил[42]. Захоронения в могильниках представляли собой ямы овальной формы, стены которых обмазывали глиной или облицовывали камнем. Покойников укладывали в вытянутой или слегка скорченной позе; возле них помещали один или два сосуда, каменное тесло, кремневые наконечники стрел, каменные палетки, бусы и браслеты из раковин спондилус (рис. 2-34). (В главе IX мы вернемся к погребальному инвентарю и к тому, каким образом захоронения отражают общественные структуры культуры линейно-ленточной керамики.)

Хронология

По своим типологическим характеристикам культура линейно-ленточной керамики делится на три основных периода: ранний – вторая половина VI тыс. до н. э. – с орнаментом из спиралей, меандров и шевро-

Рис. 2-35.1

Рис. 2-35.2

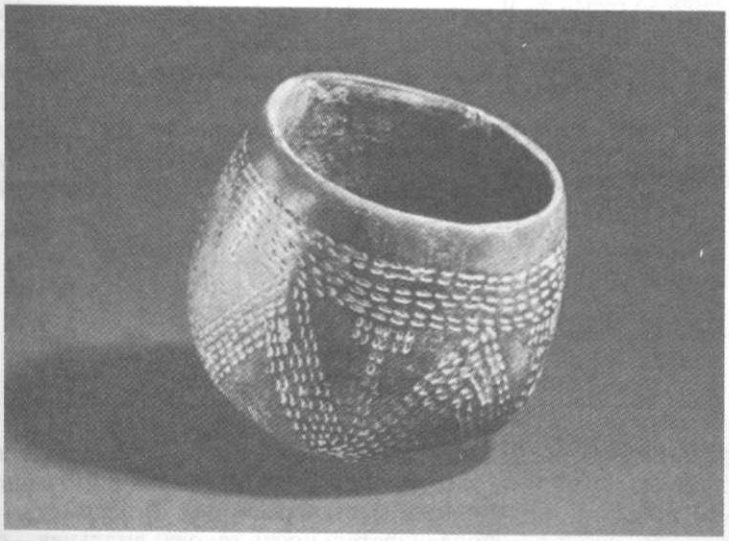
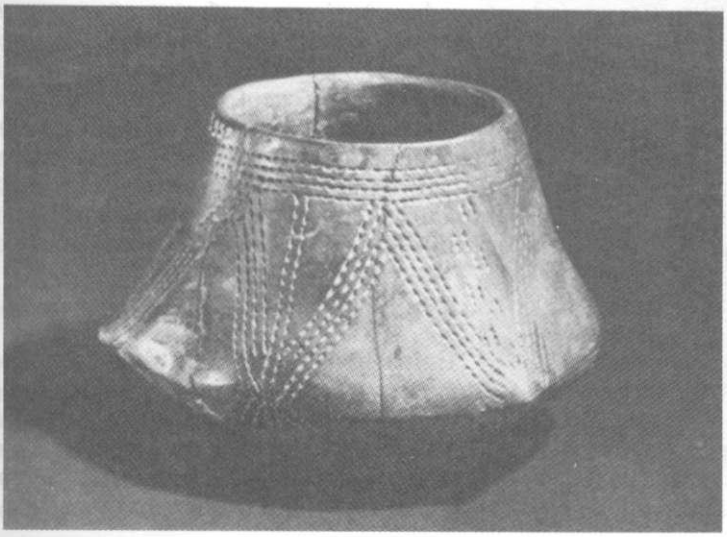


Рис. 2-35.3



нов (см. рис. 2-29, 2-30); средний – конец VI – начало V тыс. до н. э. – появляется «нотная» роспись (рис. 2-34, верхний рисунок, и 2-35.1); поздний, с середины V тыс. до н. э., ассоциирующийся с накольчатым орнаментом (рис. 2-35.2, 3). (Радиоуглеродные датировки см. в Табл. 4.)

Максимальное распространение культура линейно-ленточной керамики получила на среднем этапе развития. Если говорить о восточных областях, то поселения средней фазы имелись к северу от Карпатских гор, в долинах Днестра, Сирета, Прута и Буга (Северо-Восточная Румыния) и даже в районе Нижнего Дуная. Осевшие в этих областях носители культуры линейно-ленточной керамики оказали существенное влияние на дальнейшее развитие Румынии и Западной Украины, где, по всей видимости, она слилась с буго-днестровской культурой. В Молдавии и на Западной Украине культура линейно-ленточной керамики легла в основу кукутенской (трипольской) культуры.

Ближе к концу V тыс. до н.э. (4300–4200 гг.) центральные районы распространения культуры линейно-ленточной керамики – бассейны Среднего и Верхнего Дуная, Эльбы, Одера и Вислы – были колонизированы пришедшими с юга носителями культур лендель и тисапольгар: не исключено, что их приход объясняется своеобразной цепной реакцией, вызванной наступлением первой волны курганной культуры в Восточную и Центральную Европу. Западное крыло культуры линейно-ленточной ке-

Рис. 2-35
Средняя и поздняя культура линейно-ленточной керамики: (1) чаша с «нотным» орнаментом, начало V тыс. до н. э., Богуславице, Моравия; (2, 3) сосуды с накольчатым орнаментом из окрестностей Брно, XLVII–XLVI вв. до н. э.

1. Домица
2. Ардово
3. Аггтелек

Рис. 2-36

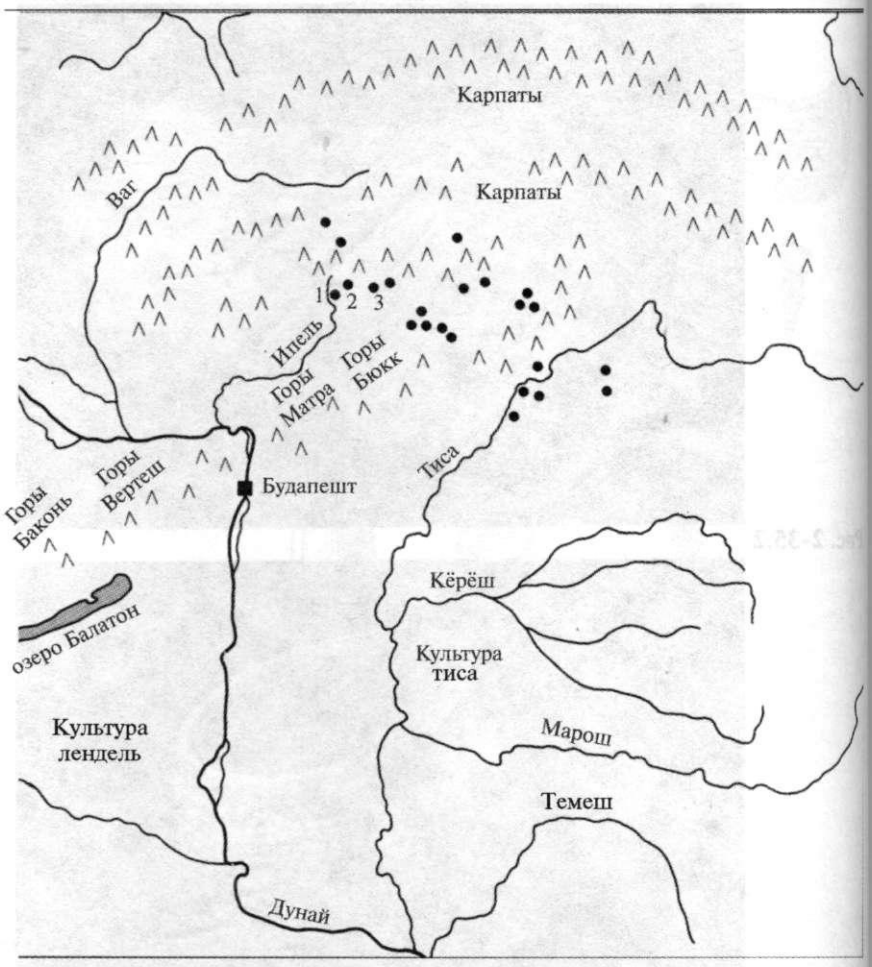


Рис. 2-36
Поселения культуры бюкк (фазы тисадоб и собственно бюкк) в бассейне Верхней Тисы, ок. 5500–5200 гг. до н. э.

рамики какое-то время продолжало существовать, однако между концом V тыс. до н.э. и около 3500 г. до н.э. его также постигли глубинные изменения. Поселения стали располагаться за пределами свойственной им экологической ниши – низинных долин, вокруг многих из них появились бревенчатые изгороди. Это говорит об изменении образа жизни: на смену мирному существованию без оборонительных сооружений пришла необходимость защищать себя от захватчиков.

Недавние исследования, проводившиеся в Голландии, Германии и Франции, показали, что среди населявших долины Рейна и Восточную Францию (районы Парижа и Эно) потомков носителей культуры линейно-ленточной керамики почти тысячу лет, вплоть до середины IV тыс. до н. э., сохранялась преемственность традиции. В Рейнском бассейне на смену собственно культуре линейно-ленточной керамики пришли фазы хинкельштейн, гроссгартах, рессен и эпирессен. Для культуры постлинейно-ленточной керамики района Парижа и Эно (именуемой во Франции постленточной [Post-Rubané]) характерна отчетливая региональная специфика, вследствие чего она известна под разными названиями, данными по основным местам раскопок. В парижском регионе их последовательность такова: вилльнев – сен-жермен (три фазы), д'ожи – сент-палей, серни, рессен III (с заметным рейнским влиянием) и эпирессен. В провинции Эно культура, существовавшая параллельно вилльнев – сен-жермен, но несколько от нее отличавшаяся, получила название «блик». Любопытной особенностью заключительной фазы культуры линейно-ленточной и постлинейно-ленточной керамики западных районов является наличие в глиняных изделиях примеси толченых обожженных костей[43].

Культура бюкк в бассейне Верхней Тисы

Наименование «бюкк» происходит от названия одноименных гор на севере Венгрии: мы его используем для обозначения культуры бассейна Верхней Тисы VI тыс. до н.э. Иногда ее еще именуют восточной культурой линейно-ленточной керамики[44]. Первые связанные с ней находки были сделаны в 1876 г. в пещере

Аггтелек на границе Северной Венгрии и Восточной Словакии. Наименование «бюкк» закрепилось в 1921 г., после выхода в свет в Будапеште труда Й.Хиллебранда и Л.Белла «Люди и культура первобытной эпохи» (Der Mensch und die Kultur der Urzeit). Кроме того, богатые материалы по этой культуре есть в книге Ференца Томпы «Линейно-ленточная керамика в Венгрии, культуры бюкк и тиса» (Die Bandkeramik in Ungarn. Die Bükker und Theiss-Kultur // Archaeologia Hungarica V–VI. Budapest, 1929). В ней, в основном, описаны керамические изделия разных фаз развития. Поселения, мастерские, захоронения и пещеры культуры бюкк стали объектом систематических раскопок лишь после Второй мировой войны.

Распространение

На севере носители культуры бюкк дошли до гор и заселили район добычи обсидиана (Токайская область). Скопления поселений обнаружены по руслу Верхней Тисы и ее притоков – Шайо, Хернада, Эгера, Бодрога и Самоша (рис. 2-36). Только в Восточной Венгрии зафиксировано 550 поселений. Если добавить сюда Восточную Словакию и Северо-Восточную Румынию, то их число превысит семь сотен: иначе говоря, плотность заселения этого региона была достаточно высокой.

Население: физические типы

Можно предположить, что местные мезолитические охотники и рыболовы перешли к земледелию под влиянием культуры старчево (кёрёш)[45]. В пользу подобной гипотезы свидетельствуют исследования костных останков из захоронений в районах Мишкольц и Боршод (Северо-Восточная Венгрия), согласно которым здешние жители принадлежали к местному европейскому (кроманьонскому) типу, радикально отличному от обнаруженного среди носителей культуры старчево средиземноморского типа[46]. Поскольку в этом регионе еще не изучены поселения VIII и VII тыс. до н. э., у нас нет конкретного материала для обсуждения особенностей его перехода от мезолита к неолиту.

Хронология

Самый ранний неолитический комплекс в бассейне Верхней Тисы известен как культура сатмар[47]. Эта фаза не имеет радиоуглеродной датировки, однако, если сопоставить ее с культурой старчево, сравнить символы, культовые статуэтки и другие изделия – скажем, костяные лопатки, то можно предположить, что окультуривание бассейна Верхней Тисы более или менее совпало со средним периодом культуры старчево, то есть происходило до середины VI тыс. до н.э. (Табл. 5).

Рис. 2-37

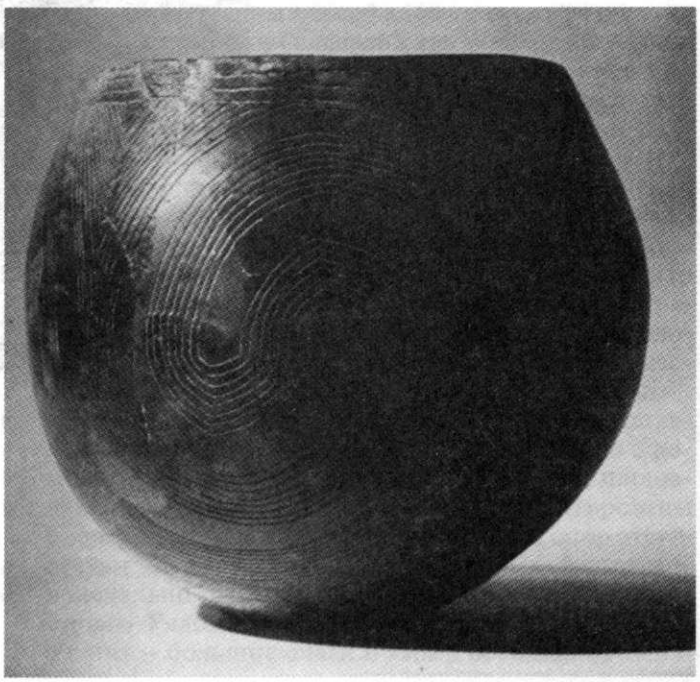


Рис. 2-37
Тонкостенный шаровидный сосуд классического периода культуры бюкк. На его зеркальной поверхности выгравирован мотив змеиного клубка и шевроны. Пещера Аггтелек на границе Венгрии и Словакии, ок. 5000 г. до н. э.; высота 20 см.

Рис. 2-38

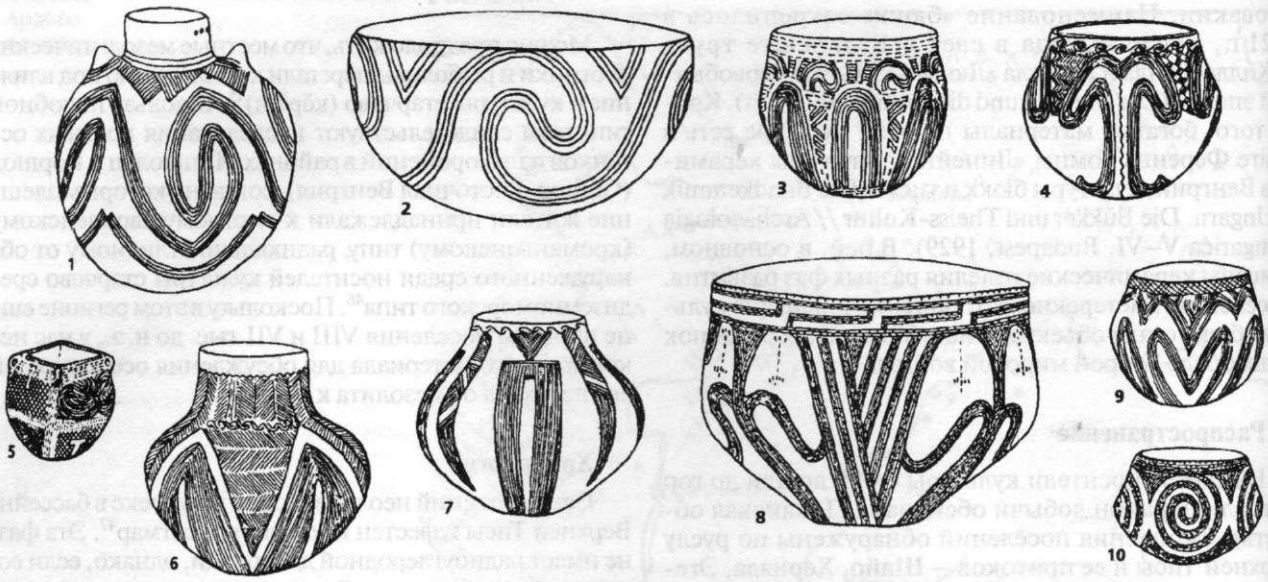


Рис. 2-38
Необычайно тонкостенные сосуды с тонким резным орнаментом, в ряде случаев инкрустированные белым, красным и желтым. Пещерные святилища Домицы (1–4, 6–10) и Ардово (5), Восточная Словакия, ок. 5000 г. до н. э.

Рис. 2-39

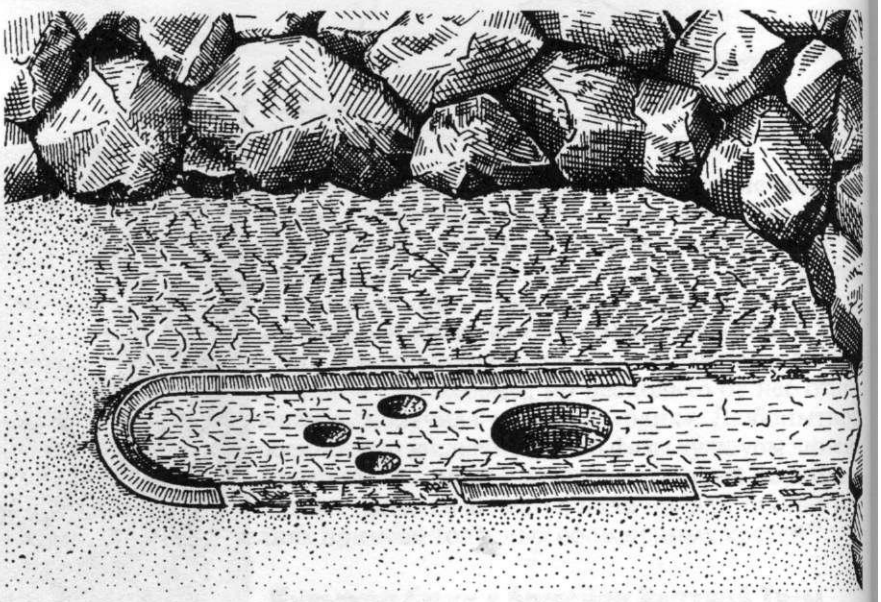


Рис. 2-39
Алтарь из пещеры Аггтелек: большая яма со следами огня и три поменьше для подносов с приношениями. Культура бюкк, ок. 5000 г. до н. э.

Рис. 2-40

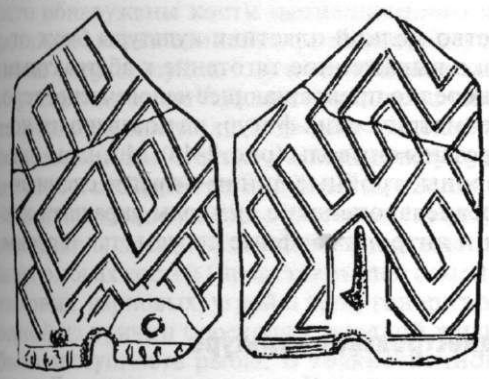


Рис. 2-40
Статуэтка культуры бюкк, покрытая меандрами и другими символами. Спереди обозначена вульва. Вторая половина VI тыс. до н. э. Масштаб 1:1

Торговля

В мастерских археологи находят в большом количестве обсидиановые нуклеусы, отщепы и лезвия, а кроме того – большие сосуды, заполненные кремневыми лезвиями одинаковой величины, которые, по-видимому, шли на экспорт[48]. На существование обмена указывает и тот факт, что в захоронениях Северо-Восточной Венгрии и Восточной Словакии обнаруживаются раковины спондилус. Очевидно, что добыча обсидиана и кремня контролировалась носителями культуры бюкк.

Хозяйство

На существование земледелия указывают отпечатки зерен (вид не определен) на остатках жилых построек, а также наличие зернотерок, мотыг из оленьего рога и плоских блюд, которые, предположительно, использовались для выпечки. Количество костей одомашненных животных колеблется от 50% до 78% (в зависимости от конкретных экологических условий), причем на первом месте среди животных останков стоит крупный рогатый скот, затем идут овцы, козы и свиньи. Судя по костям зубров, лосей и зайцев, здешнее население занималось и лесной охотой[49].

Поселения на открытых местах и в пещерах

Поселения располагались в речных долинах: как правило, на террасах у воды или на береговых склонах, иногда – на вершинах небольших холмов, а в районе Карст – на дне узких ущелий. В горах Бюкк и Матра у входов в пещеры были обнаружены остатки деревянных построек, а внутри самих пещер – следы жилья и культовых сооружений. Например, в пещере Домица (Восточная Словакия) следы обитания заметны в 700 м от входа. Поскольку внутри держалась стабильная температура +10–12°С, там можно было жить.

Такие пещеры, как расположенная на границе Восточной Словакии и Венгрии Домица-Аггтелек, Боршод в Венгрии и некоторые другие, были заселены на протяжении долгого времени. В нескольких найдены очаги и следы деревянных опор, равно как и интереснейшие образцы керамики бюкк (рис. 2-37, 2-38). Не приходится сомневаться, что пещеры в первую очередь использовались как святилища. В пещере Домица при раскопках были обнаружены ямы для опор, которые поддерживали легкую постройку площадью 3 на 4 м, с очагом посредине. Здесь же, в просторной пещерной зале у истока реки, были найдены потрясающей красоты сосуды культуры бюкк. Источником высококачественной глины для глиняных изделий были расположенные рядом колодцы[50]. Следы небольших построек сходного типа и остатки керамики найдены и в пещере Аггтелек. Там, в 200 м от входа, в нише, археологи обнаружили алтарь из обожженной глины длиной в 160 см и четыре ямы для приношений, одну большую и три маленьких. В большой имелись следы огня, а в маленькие, возможно, помещали обрядовые сосуды (рис. 2-39). Вокруг алтаря – множество черепков высококачественной керамики культуры бюкк.

Полностью раскопаны лишь немногие поселения в долинах или на берегах рек. Прекрасным примером поселения раннего периода (тисадоб) является Орош II площадью в 1000 кв. м, в котором было 12 домов. Из них восемь стояли полукругом и четыре – посередине. Эти землянки и полуземлянки площадью 4,7 на 2 м были ориентированы с северо-востока на юго-запад. Внутри – углубление в 60 см[51]. Более поздний период (собственно бюкк) представлен раскопками поселка Болдогкёваралья из 5 домов[52]. Здесь жилища были уже наземными, площадью примерно 4,5 на 2,5 м, и также ориентированы с северо-востока на юго-запад. Ямы для опор отсутствуют. Зато есть крупные булыжники, которые первоначально были прилеплены глиной к плетеным стенам. Рядом с домами располагались мастерские, а в них – большие очаги и ямы с обсидиановыми и

кремневыми нуклеусами и лезвиями. В яме к западу от дома № 5 был найден запас из 567 кварцевых лезвий: по-видимому, обитатели данного поселка специализировались на подготовке каменных инструментов для экспорта.

Захоронения располагались на территории поселений, прежде всего под строениями у входов в пещеры. В могилы клали сосуды, иногда по четыре–пять штук.

Керамика

Формы керамических изделий культуры бюкк первоначально несли черты влияния южных земледельцев: в их репертуар входили сферические горшки, полукруглые чаши, круглые блюда, кувшины бутылочной формы, сосуды на ножках и высокие «фруктовницы» с воронкообразной чашей. Гончарные мастера научились делать удивительно тонкую керамику, украшая ее тонкими надрезами, иногда наносившимися перед обжигом вертикальными или широкими горизонтальными линиями, вокруг горлышка инкрустировали красным, белым, желтым и темно-коричневым цветом (рис. 2-38). Тонкую керамику часто покрывали ангобом и лощили, а к глиняному тесту примешивали песок (в случае грубой керамики – мякину).

Статуэтки

Искусство мелкой пластики культуры бюкк отличает ярко выраженное тяготение к абстрактным формам, нередко превращающее человеческое тело в набор геометрических фигур, на поверхности которых вырезаны символы (рис. 2-40). Меандры, зигзаги, шевроны, тройные линии и другие специфические древнеевропейские символы украшали как статуэтки и антропоморфные сосуды, так и стены пещер.

Буго-днестровская культура

К северо-западу от Черного моря, между Днестром и Бугом, раскинулись плодородные молдавские земли, богатые черноземом и благоприятные для развития земледелия.

Местная доместикация

Систематические раскопки здешних поселений показали, что их обитатели – мезолитические группы охотников и рыболовов – долго экспериментировали с доместикацией животных и растений. По данным радиоуглеродного анализа, в поселении Сороки неолит представлен тремя докерамическими и пятью керамическими фазами, имевшими место между 6500 и 5000 гг. до н. э. (Табл. 2–6)[53].

Рис. 2-41

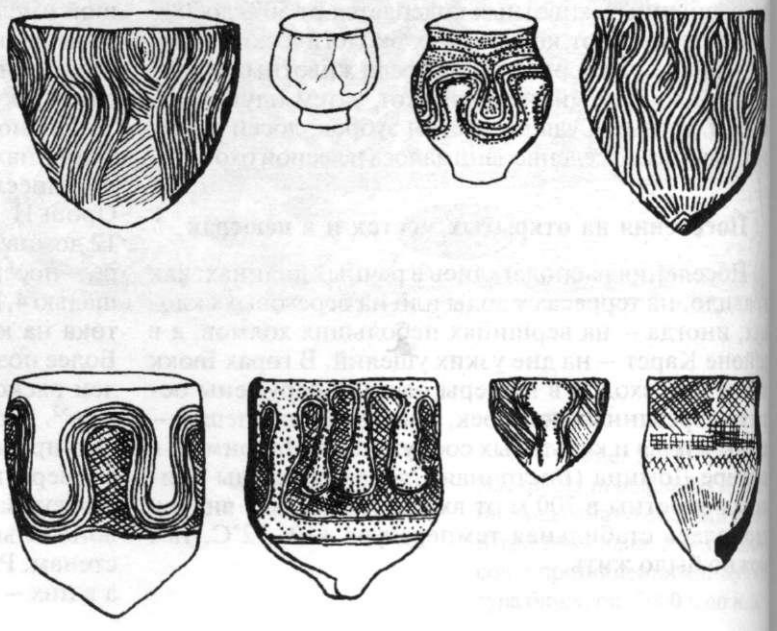


Рис. 2-41
Древнейшая керамика буго-днестровской культуры (I – Скибинец, II – Соколец, Западная Украина). Конец VII – начало VI тыс. до н. э.

В двух ранних неолитических слоях нет керамики, зато обнаружены кости одомашненного крупного рогатого скота и свиней, зерна дикорастущей пшеницы (Aegilop cylindrica) и небольшие камни для перетирания зерна[54]. Доместикацию крупного скота и свиней носители буго-днестровской культуры осуществили самостоятельно, а дикорастущую пшеницу начали собирать еще за 500 лет до столкновения с земледельцами культуры старчево (криш). Характерный для древнейших поселений высокий процент рыбьих костей (представителей семейства частиковых, карповых, угрей и щук) говорит о том, что одной из причин перехода к оседлой жизни могла быть доступность рыбы. В хозяйственном укладе буго-днестровской культуры земледелие всегда играло второстепенную роль, в отличие от рыболовства и охоты (на туров, оленей, косуль и кабанов). Керамика и пшеница-однозернянка, одна из самых распространенных культур Юго-Восточной Европы, появляются в слое, который датируется приблизительно 5800 гг. до н. э., то есть на третьей фазе буго-днестровской культуры. Судя по отпечаткам на гончарных изделиях мякины, колосьев и зерен эммера и спельты, эти сорта были распространены в целом ряде поселений. Об этом говорит и использование резаной соломы в качестве примеси при изготовлении керамики.

Поселения, дома и инвентарь

Древнейшие поселения располагались на сформированных постледниковыми потоками террасах. Во время атлантического периода возросли влажность и количество осадков, что, по-видимому, побудило людей перебраться на более высокие участки. Дома и большие длинные строения, которые на ранних этапах развития этой культуры были полуземлянками, строили из камня. Наземные жилища появились на заключительном этапе. Тогда же начали сказываться и заимствования из центральноевропейской культуры линейно-ленточной керамики.

Инвентарь буго-днестровской культуры заметно отличается от того, которым пользовались земледельцы культур старчево и караново. Здесь инструменты из полированного камня были не в ходу, а в качестве рабочего материала нередко выступали оленьи рога: из них делали топоры, которыми, по всей вероятности, обрабатывали землю перед посевом. Кроме того, можно наблюдать постепенную микролитизацию кремневых инструментов – процесс, противоположный общей эволюции обработки камня. Небольшие каменные осколки трапециевидной формы вставляли в рукоятку из кости или оленьего рога и использовали в качестве скребков и ножей. Резцы и сверла также делали из микролитов.

Керамика

Самая ранняя грубая керамика представлена большими остродонными или плоскодонными горшками, украшенными резным орнаментом в виде волнистых линий или сетчатым рисунком. Их изготовляли из глины с примесью растительных материалов (рис. 2-41). Позднее, под влиянием культуры старчево, появилась качественная, хорошо обожженная керамика, простая (серая или желтовато-коричневая) и расписная (см. сосуд на ножке стиля старчево-криш на рис. 2-18, верхний ряд). Во время фазы IV старчевские элементы были вытеснены воздействием центральноевропейской линейно-ленточной керамики. К этому моменту буго-днестровская неолитическая культура практически утратила свой оригинальный характер.

Следы влияния культуры линейно-ленточной керамики говорят о том, что ок. 5000 г. до н. э. постепенное распространение обитателей Центральной Европы дошло до столь отдаленных территорий, как долина Днестра. Позднее, в 4800–4700 гг. до н. э., их присутствие в Молдавии сыграет свою роль в формировании кукутенской культуры.

Заключение

В этой главе речь шла о неолитизации Юго-Восточной и Центральной Европы в 6500–5500 гг. до н.э. Тогда произошел невероятный скачок в развитии земледелия, торговли, ремесел, архитектуры и искусства, во многом благодаря благоприятным климатическим условиям атлантического периода. Засушливые земли Средиземноморья и Эгейского региона тогда покрывала буйная зелень. Климат Центральной Европы был теплей, чем сейчас, что способствовало росту лесной и садовой растительности. О повсеместном увеличении численности населения говорит рост поселений. А полное отсутствие следов территориальных конфликтов и боевого оружия позволяет предположить, что мирное сосуществование было естественно как для различных групп, так и для отдельных людей. Поселения не имели специальных укреплений, помимо иногда встречающихся V-образных рвов и, в случае конструктивной необходимости, опорных стен. Чаще всего они располагались у рек, ручьев или на озерных террасах: на всем протяжении этого мирного периода люди не строили жилья ни на крутых холмах, ни в других труднодоступных местах.

Первое тысячелетие неолита было отмечено многими достижениями. Удивительный прогресс произошел не только в таких областях, как одомашнивание животных и окультуривание растений, но и в керамике, строительстве жилья и некоторых других ремеслах. Как показали раскопки в Греции, последовательное изменение строительного искусства было связано с климатическими колебаниями. На

смену характерным для середины VII тыс. до н.э. постройкам с глинобитными стенами в конце тысячелетия пришли дома с деревянным каркасом и стенами, обмазанными глиной. В начале VI тыс. до н.э. появились прочные постройки со стенами из сырцового кирпича и каменным фундаментом. Серединой VII тыс. до н.э. датируется самая ранняя керамика. Технологическое совершенство, которого достигло керамическое искусство за первые четыре-пять столетий, поражает воображение: необожженные изделия сменились обожженными и лощеными, простые округлые формы – огромным разнообразием ассортимента из оранжевой, красной, коричневой и черной глины, нередко тонкой работы. Примерно с 6300 г. до н.э. глиняные изделия начинают расписывать. Это эпоха расцвета керамики, поэтому не следует воспринимать это время исключительно как «каменный век». Каменные сосуды практически ушли вместе с ранним неолитом, и можно сказать, что керамика вытеснила резьбу по камню, хотя из него продолжали делать статуэтки, печати и различные украшения.

Появление большого количества статуэток – антропоморфных и зооморфных, мужских и женских, – равно как и антропоморфных, птицеобразных и зверообразных сосудов, миниатюрных копий мебели, табуретов, столов или тронов, миниатюрных обрядовых столов и сосудов, сосудов для возлияний, ламп, уменьшенных моделей святилищ, совпадает с ранним керамическим периодом, то есть приходится на вторую половину VII тыс. до н.э. Сами эти предметы и разнообразие их форм указывают на существование развитой религиозной обрядности. Статуэтки с масками вместо лиц и более крупные скульптуры, иногда с намеками на ритуальные облачения и головные украшения или короны, могут быть найдены в самых разнообразных положениях в тех местах, которые связаны с их конкретными функциями: это свидетельствует о масштабах и богатстве неолитического пантеона и многочисленности входивших в него богинь и богов. В этот период сформировались культы, которые без существенных изменений просуществовали вплоть до конца древнеевропейской цивилизации. Есть несомненные подтверждения тому, что в последние столетия VII тыс. до н.э. в юго-восточных регионах существовали святилища. Их строили рядом с жилищами, от которых их отличал ряд признаков: наличие в большем помещении деревянного или каменного алтаря (возвышения), а в малом – мастерской для ритуальных предметов. В VI и V тыс. до н.э. эта традиция охватывала практически всю территорию Балкан и Центральной и Восточной Европы. Однако отправление культов происходило не только в святилищах, но и в других местах, например, во дворах, где также были алтари и особые места для приношений. Как мы увидим в седьмой главе, святилища и другие обрядовые места были многофункциональны и ассоциировались с разными категориями божеств.

В это тысячелетие были заложены основы, знание которых необходимо для понимания дальнейших этапов культурного развития.

ГЛАВА III

ЗЕНИТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, 5500–3500 ГГ. ДО Н. Э.

Относительно гомогенная культура эпохи неолита дала толчок к развитию региональных традиций с большим разнообразием художественных стилей, более высоким уровнем специализации и развития как медеплавильного производства, так и других ремесел. Поселения этого периода порой имели размеры города. Их площади и число возросли в два–три раза, благодаря значительному приросту населения, интенсификации эксплуатации земель и усложнению системы организации общества.

Этот период отмечен целым комплексом новых явлений, из которых можно выделить черную лощеную керамику и медные изделия: по некоторым предположениям, нескольким волнам колонизации из Анатолии или из Восточного Средиземноморья удалось преодолеть Балканские горы. Однако на сегодняшний день преобладает мнение, что в основном этот культурный рост был результатом местного развития, поскольку в нем видны лишь внутренние сдвиги. Беспрецедентное многообразие керамических стилей вряд ли является предсказуемым следствием крупных этнических перемещений. К тому же антропологические материалы указывают на то, что большая часть населения обитала здесь на протяжении значительного времени.

Хозяйственный уклад был основан на выращивании уже известных злаков и домашнего скота и продолжал неолитические традиции. Постепенно совершенствовались земледельческие и скотоводческие навыки. В первом случае главным новшеством было более широкое использование культурных сортов пшеницы и селекционированного льна, а также большая специализация ячменных культур. Кроме того, существуют косвенные свидетельства появления плуга. Что касается животноводства, то тут заметно повсеместное увеличение поголовья свиней и крупного рогатого скота и уменьшение поголовья овец. От конца неолита до конца медного века во всех поселениях Центральной и Восточной Европы поголовье скота выросло примерно на 20 %[1].

Местные леса были богаты дичью. В некоторых районах, например, в Венгрии, Молдавии, Западной Украине и Северо-Восточной Болгарии, около 40% костного материала животного происхождения, который был обнаружен в местах поселений, принадлежало диким животным. Из них самой желанной добычей считался тур (дикий бык), дававший много мяса, затем дикая свинья, олень и косуля[2]. На поросших лесом возвышенностях собирали фрукты, ягоды и орехи. При раскопках ряда поселений были найдены следы использования диких яблок, кизила, земляники, бузины, крыжовника, лесных орехов и желудей.

Зазубренные гарпуны, рыболовные крючки и наконечники копий из кости или оленьего рога изобиловали в поселениях культур тиса, винча, караново и некоторых других, что говорит об интенсификации рыбной ловли. По-видимому, такая крупная рыба, как карп, зубатка полосатая и осетр, была здесь жизненно важным продуктом, а в прибрежных районах – улитки и моллюски.

Производство меди началось около 5500 г. до н.э., и на протяжении V тыс. до н.э. значение его возрастало. Разработка залежей меди шла в Центральной Югославии (Рудна-Глава) и Центральной Болгарии (Ай-Бунар и другие). Приблизительно в середине этого же тысячелетия было открыто золото, которое стали использовать при изготовлении религиозных символов и украшений. В этот период достигает высшей точки развитие ремесел и торгового обмена, одновременно наступает расцвет керамики и архитектуры. Поражает разнообразие форм и орнаментации керамических сосудов. В число декоративных техник входили полихромная раскраска, инкрустация, черное лощение, каннелюры, окраска графитом и золотом. Уже – неожиданность для археологов! – использовали гончарный круг и печь для обжига. В качестве яркого примера уровня развития архитектуры можно назвать просторные многокомнатные дома и двухэтажные святилища. Большие возможности для реконструкции существовавших тогда верований и ритуалов мы получаем благодаря многочисленным святилищам и их моделям, выразительным антропоморфным и зооморфным скульптурам и статуэткам – на многих из них заметны символические изображения, священные письмена или следы ритуальных одеяний, – сосудам для возлияний или для других ритуальных нужд, а кроме того, непременным символам и знакам, вырезанным или нарисованным на бесчисленных сакральных предметах.

Региональные группы и их хронологические рамки

Восточная и Центральная Европа – значительный географический регион, внутри которого получило развитие множество культур, и каждая из них отличалась своеобразием жилых построек и керамики (рис. 3-1). Ниже даются краткие характеристики одиннадцати культурных ареалов от Адриатического до Черноморского побережья:

1) данило-хварская культура (побережье Адриатики);
2) бутмир (Босния);
3) винча (Центральные Балканы);
4) тиса (бассейн реки Тиса);
5) лендель (Среднедунайский бассейн и север Центральной Европы);
6) боян (Нижнедунайский бассейн);
7) хаманджия (Черноморское побережье);
8) караново (Фракия и Восточная Македония);
9) петрешти (Трансильвания);
10) кукутени (Молдавия и Западная Украина);
11) днепро-донецкая (Украина).

Мы не располагаем полной информацией о каждой из этих культурных групп, поскольку изучены они в неравной мере. Однако имеющийся материал достаточен для того, чтобы дать представление об их хронологии, устройстве жилищ, архитектуре, искусстве и религии. Лучше всего известны культуры бутмир, винча, тиса и кукутени.

Данило-хварская культура Далмации

Эта культура возникла на Адриатическом побережье Далмации примерно в 5500 г. до н.э. (рис. 3-2) и примечательна своими торговыми контактами как с западными, так и с восточными регионами. По-видимому, даниловцы были отличными мореходами. Пока археологи не находили остатков их лодок, но изображения парусников на керамических сосудах – одно из них было обнаружено в пещере Грабак на адриатическом острове Лесина (рис. 3-3) – подтверждают реальность их существования. Здешние обитатели поддерживали активные связи с Боснией и даже со столь далекими от побережья областями, как Славония и Паннония, тем самым повлияв на формирование культур бутмир и лендель. Они экспортировали раковины спондилус, вывозили из Италии обсидиан, а их собственные керамические изделия распространялись по боснийским равнинам. Не исключено, что некоторые

Рис. 3-1

Рис. 3-1
Культурные группы Восточной и Центральной Европы V тыс. до н.э.

Рис. 3-2

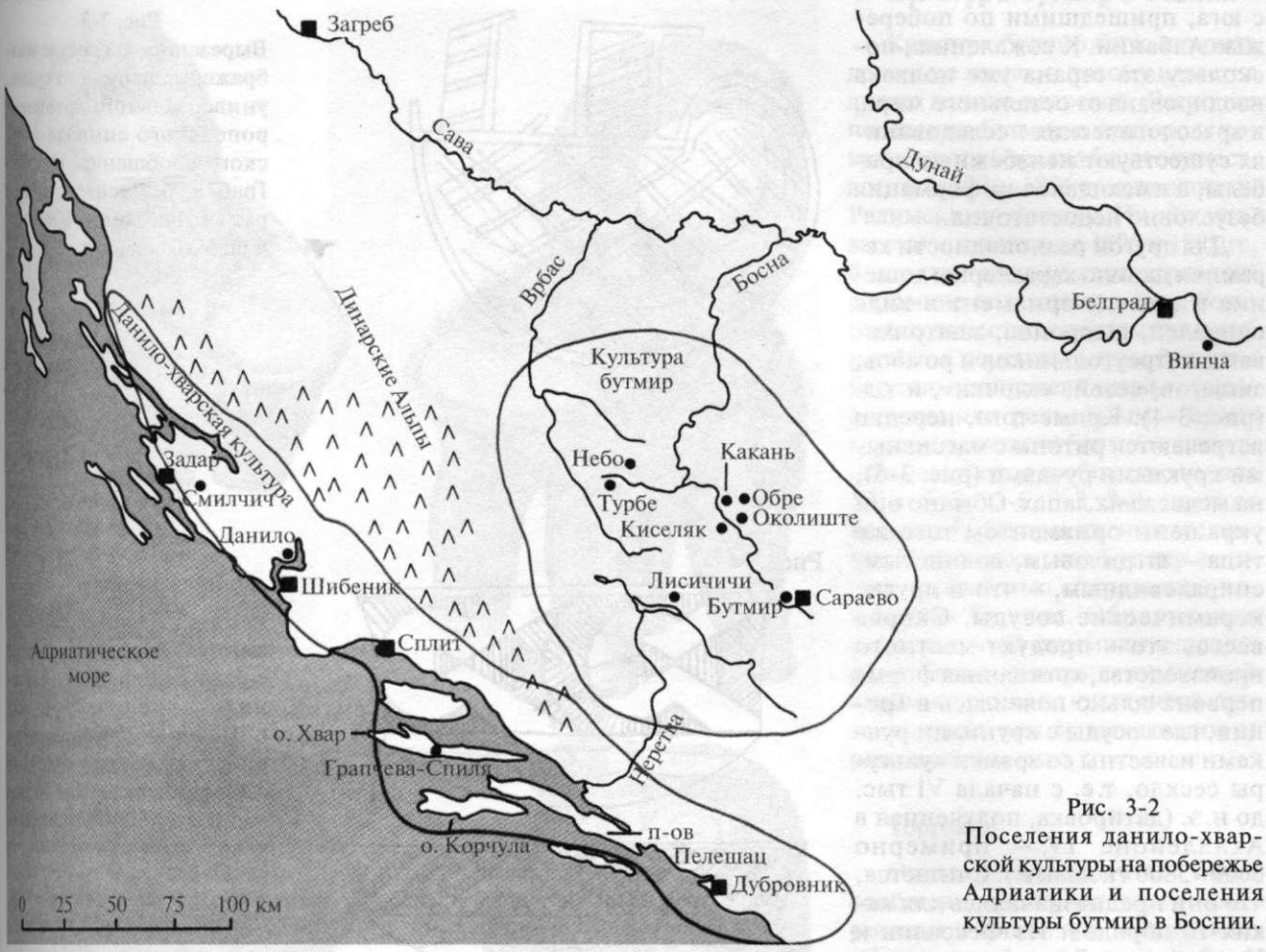


Рис. 3-2
Поселения данило-хварской культуры на побережье Адриатики и поселения культуры бутмир в Боснии.

сельскохозяйственные продукты они получали из более плодородных восточных областей, а соль – из далекой Южной Польши.

Поселения

Даниловцы строили свои поселения на открытых пространствах и окружали их одним или двумя рвами в 2–3 м шириной и около 1,5 м глубиной. Как правило, они располагались в долинах, поблизости от источника, в нескольких километрах от морского побережья, в удобном соседстве с плодородными землями. Были обжиты и большие пещеры на ближних островах и вдоль берега моря; некоторые из них явились источником высококачественной керамики позднего периода развития данной культуры. Я считаю, что их также использовали как святилища.

Раскопки в Смилчиче неподалеку от Задара (побережье Адриатики) показали, что поверх ранненеолитических слоев керамики импрессо расположены слои высококачественной, раскрашенной керамики данило[3], названной по имени поселения неподалеку от Шибеника (Далмация)[4]. Между отложениями импрессо и данило (всего 13 строительных горизонтов) – слой почвы, в котором отсутствуют следы человеческой деятельности.

Керамика

Керамика культуры данило отличается удивительным разнообразием форм и декора, которое свидетельствует об очевидном отходе от традиций импрессо и о возникновении нового стилистического направления в развитии керамического искусства и обработки камня. Высококачественные изделия культуры данило схожи с теми, что производились по другую сторону Адриатики, в Италии (Риполи). В их тесте практически нет примесей, для них характерны черный или красный орнамент на белом фоне, наносившийся до обжига, и узорное лощение. Не исключено, что культура этого типа

была принесена сюда выходцами с юга, пришедшими по побережью Албании. К сожалению, поскольку эта страна уже полвека изолирована от остального мира, в археологических исследованиях существуют неизбежные пробелы, а имеющаяся информация безусловно недостаточна.

Для другой разновидности керамики данило характерны лощение и резной орнамент в виде спиралей, шевронов, заштрихованных треугольников и ромбов, зигзагов, сетей, «елочки», и т.д. (рис. 3-4). Кроме того, нередко встречаются ритоны с массивными круглыми ручками (рис. 3-5), на медвежьих лапах. Обычно они украшены орнаментом того же типа – штриховым, волнистым, спиралевидным, – что и другие керамические сосуды. Скорее всего, это – продукт местного производства, хотя данная форма первоначально появилась в Греции, где сосуды с круглыми ручками известны со времен культуры сескло, т.е. с начала VI тыс. до н.э. (датировка, полученная в Ахиллейоне IV, – примерно 6000–5800 гг. до н.э.). Считается, что они предназначались для каких-то обрядов. Из Фессалии и Центральной Греции эти сосуды (или идея их создания) разошлись по западным областям, а затем по побережью Адриатики достигли Боснии.

Рис. 3-3

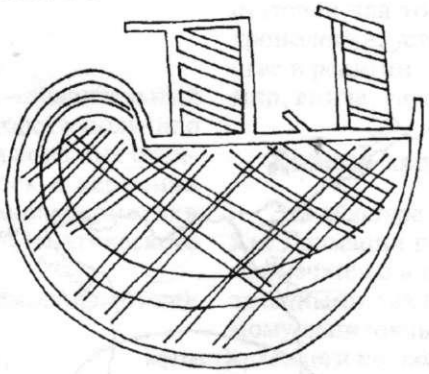


Рис. 3-3
Вырезанное на сосуде изображение парусного судна, универсального древнеевропейского символа морского сообщения. Пещера Грабак, о. Лесина у побережья Далмации, Югославия, V тыс. до н.э.

Рис. 3-4

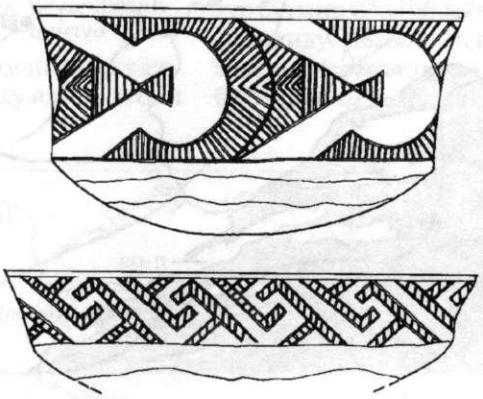
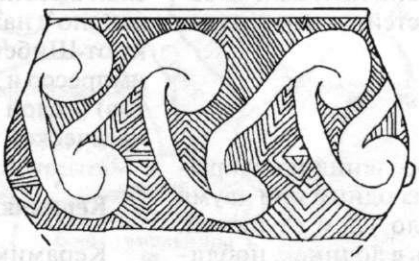


Рис. 3-4
Расписанные (красным, желтым и черным) сосуды с резным орнаментом. Данило, неподалеку от г. Шибеник, побережье Адриатики. Резкий отход от неолитической керамики импрессо. Ок. 5000 г. – начало V тыс. до н.э.



Хронология

Последняя фаза культуры данило представлена находками с острова Хвар, давшего ей свое имя[5]. Ни развитие культуры данило, ни ее заключительный этап (хвар) не имеют радиоуглеродных датировок. Однако сходство с итальянскими образцами и типологические параллели с хорошо датированными материалами из Обре (поздний период культур старчево и бутмир) позволяют отнести ее примерно к 5500–4000 гг. до н.э.

Рис. 3-5

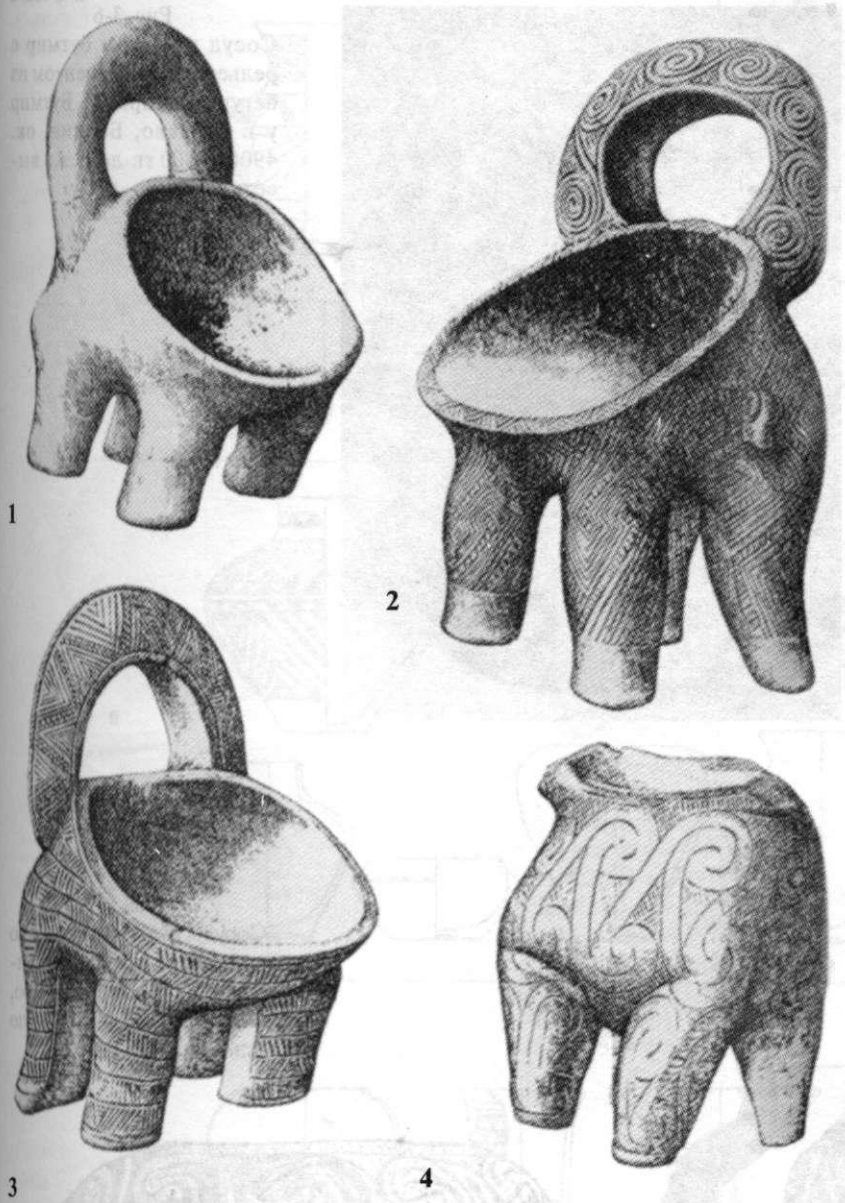


Рис. 3-5
Сосуды для приношений на медвежьих лапах с кольцеобразными ручками. Культура данило. (1–3) Смилчич, (4) Брибир у г. Задар, побережье Адриатики. Масштаб 1 : 2.

Культура бутмир в Боснии

Культура бутмир была открыта довольно давно, и потому известна лучше данило-хварской. Раскопки поселения Бутмир в пригороде современного Сараево были осуществлены в 1893–1896 гг. археологами Радимским и Фиалой. Их результаты стали известны в 1895 и 1898 гг., благодаря выходу двух огромных роскошно изданных томов с большим количеством цветных иллюстраций[6]. Сосуды культуры бутмир с бегущим спиралевидным – рисованным или рельефным – орнаментом произвели большое впечатление на ученое сообщество начала XX в. (рис. 3-6, 3-7, 3-8; цветная вклейка 7). На протяжении десятилетий считалось, что Бутмир является «колыбелью спирального искусства» Европы. Обнаружение столь развитой керамики в долине реки Босна, теперь занимающей скромное место на культурной карте, казалось чем-то выходящим за рамки возможного.

Торговля

Однако семь тысяч лет назад сообщение между западными (Адриатика и Италия) и восточными (Среднедунайский бассейн) областями проходило через цветущие долины рек Босна, Неретва и их притоков. Жители здешних мест поддерживали торговые отношения с весьма удаленными областями, что и способствовало подъему культуры бутмир. Свидетельство тому – завезенный сюда обсидиан, раковины спондилус и раскрашенная керамика.

Торговля обсидианом, с которой начались контакты с западными районами, установилась примерно к 5500 г. до н.э., еще до формирования культуры бутмир. Судя по обрядовым сосудам с круглыми ручками, на поздний период культуры старчево оказала влияние ранняя фаза культуры данило. В начале VI тыс. до н.э. в Боснию пришли раскрашенные сосуды из Южной Италии, и вплоть до кон-

ца этого тысячелетия контакты с западными областями продолжали интенсифицироваться.

Хронология

Ключом к хронологии данной культуры стали раскопки поселения Обре II в 65 км к северо-востоку от Сараево, осуществленные в 1967–1968 гг. А. Бенацем и автором настоящего исследования[7]. Это поселение дало идеальную последовательную стратиграфию мощностью в 4 м и целый ряд радиоуглеродных датировок, что позволяет расположить три периода культуры бутмир (бутмир I, II, III) между 5300 г. до н. э. и заключительными веками V тыс. до н. э. (Табл. 7). Бутмир I датируется примерно 5300–4900 гг. до н. э., бутмир II – 4900–4700 гг. до н. э. Последний период Обре, бутмир III, не имеет радиоуглеродной датировки, однако типологически сходен с культурой хвар (побережье Адриатики). Его три фазы

Рис. 3-6

Рис. 3-6
Сосуд культуры бутмир с рельефным орнаментом из бегущих спиралей. Бутмир у г. Сараево, Босния, ок. 4900–4800 гг. до н. э.; высота 20,5 см.

Рис. 3-7

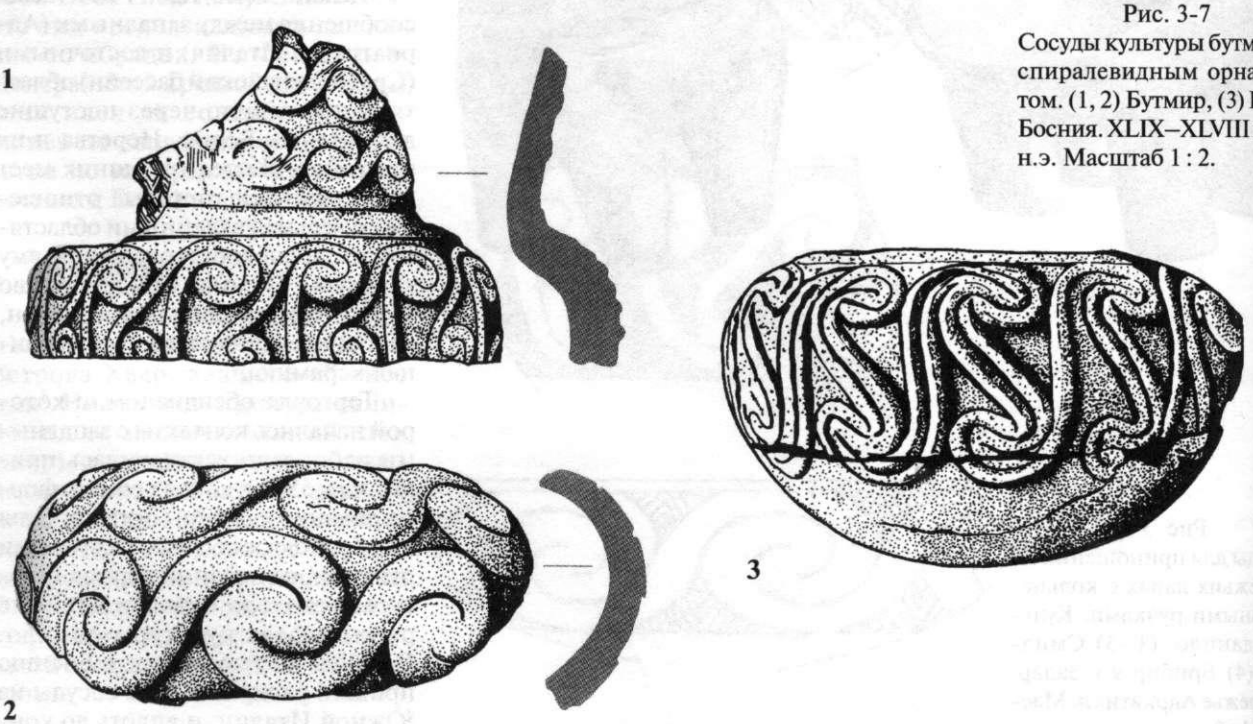


Рис. 3-7
Сосуды культуры бутмир со спиралевидным орнаментом. (1, 2) Бутмир, (3) Небо, Босния. XLIX–XLVIII вв. до н.э. Масштаб 1 : 2.

Рис. 3-8

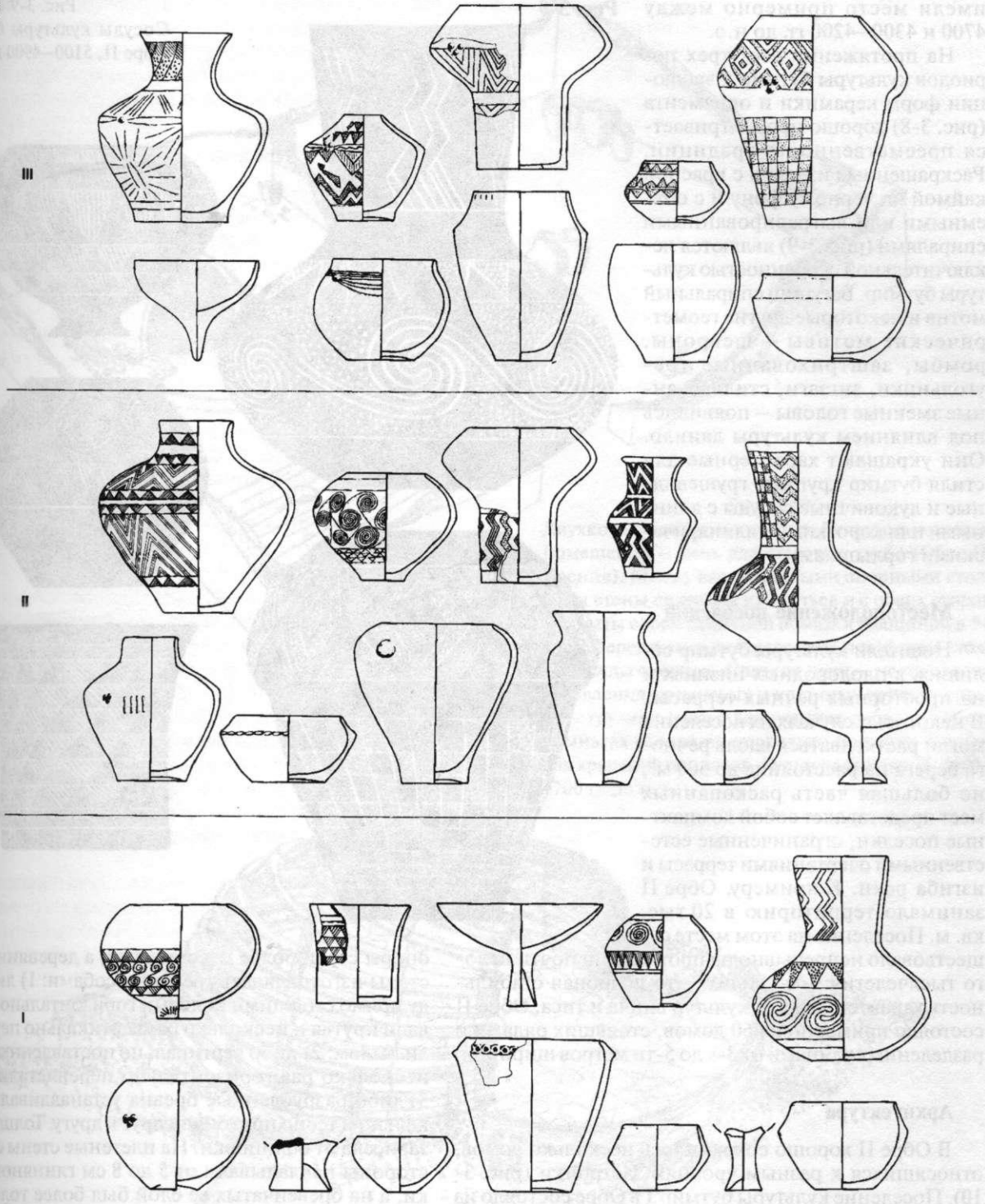


Рис. 3-8

Типология керамики культуры бутмир, основанная на хронологии и стратиграфии поселения Обре к северо-западу от Сараево, Босния. I – 5100–4900 гг. до н. э., II – 4900–4700 гг. до н. э., III – 4700–4400 гг. до н. э.

имели место примерно между 4700 и 4300–4200 гг. до н. э.

На протяжении всех трех периодов культуры бутмир в эволюции форм керамики и орнамента (рис. 3-8) хорошо просматривается преемственность традиции. Раскрашенные изделия с красной каймой по черному фону и с объемными или выгравированными спиралями (рис. 3-9) являются исключительной особенностью культуры бутмир. Бегущий спиральный мотив и некоторые другие геометрические мотивы – шевроны, ромбы, заштрихованные треугольники, зигзаги, стилизованные змеиные головы – появились под влиянием культуры данило. Они украшают характерные для стиля бутмир крупные грушевидные и луковичные сосуды с длинными или короткими цилиндрическими горлышками.

Рис. 3-9

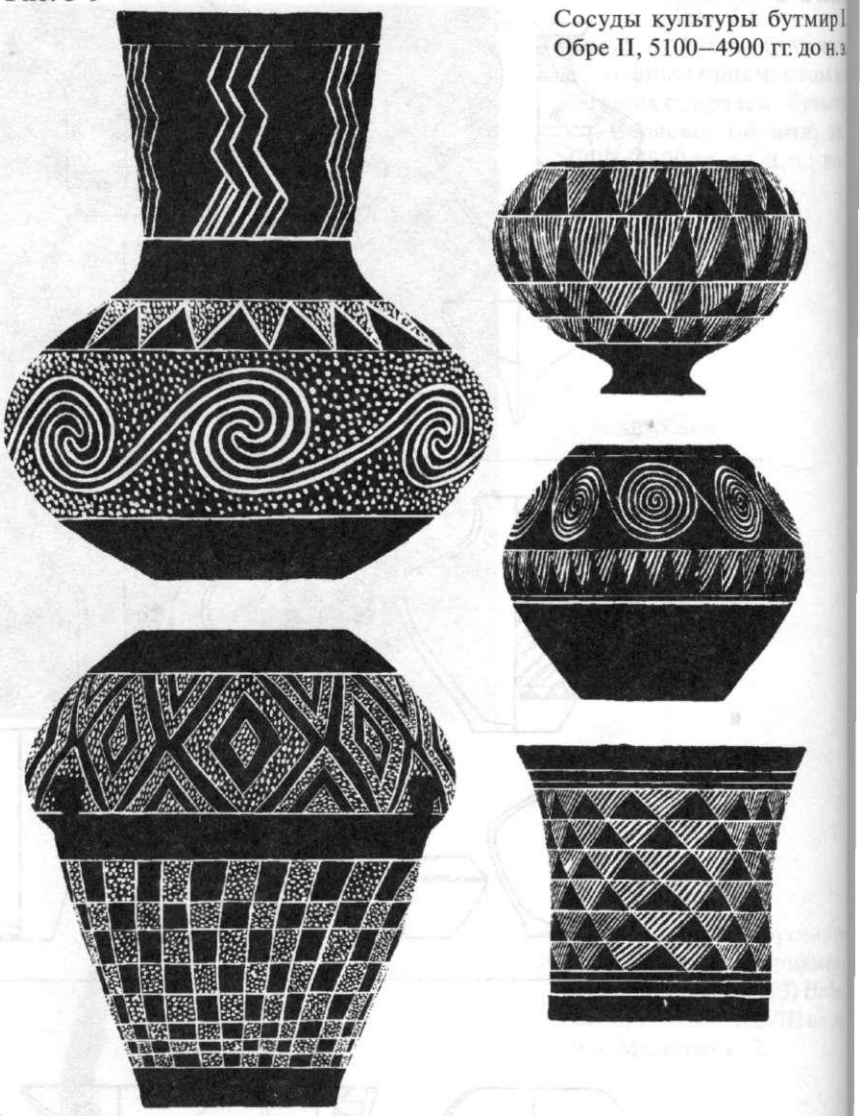


Рис. 3-9
Сосуды культуры бутмир I
Обре II, 5100–4900 гг. до н.э.

Местоположение поселений

Носители культуры бутмир селились в плодородных низинах и на просторных речных террасах. В некоторых случаях их поселения могли растягиваться вдоль речного берега на расстояние до 500 м[8], но большая часть раскопанных мест представляет собой компактные поселки, ограниченные естественными очертаниями террасы и изгиба реки. К примеру, Обре II занимало территорию в 20 тыс. кв. м. Поселение на этом месте существовало непрерывно на протяжении почти целого тысячелетия: мы увидим, что подобная стабильность характерна и для культур винча и тиса. Обре II состояло примерно из 60 домов, стоявших рядами и разделенных улицами от 3-х до 5-ти метров шириной.

Архитектура

В Обре II хорошо сохранилось несколько домов, относящихся к разным уровням застройки (рис. 3-10). Поселение культуры бутмир I в Обре состояло из легких деревянных построек: стены на каменном основании, вертикальные столбы-опоры, тонкий слой глиняной обмазки на стенах и соломенная или деревянная кровля. Эта строительная традиция была унаследована от неолитического Обре I (культура старчево). В домах культуры бутмир II вертикальные опоры стали более массивными, а деревянная часть стены изготовлялась тремя способами: 1) либо между прямо стоящими кольями горизонтально укладывали прутья и несколько раз вертикально переплетали лыком; 2) либо вертикально поставленные прутья несколько раз горизонтально переплетали лыком; 3) либо разрубленные бревна устанавливали вертикально и тесно пригоняли друг к другу. Толщина стен зависела от облицовки. На плетеные стены с каждой стороны накладывали от 5 до 8 см глиняной обмазки, а на бревенчатых ее слой был более толстым, от 10 до 12 см по обе стороны. Поверх деревянных опор лежали толстые горизонтальные балки, на которых держалась кровля. Полы были глиняными, а в помещениях с печью – устланы деревянными досками. Внутри домов стенная обмазка была покрыта ангобом и рельефным орнаментом, например, изображе-

Рис. 3-10

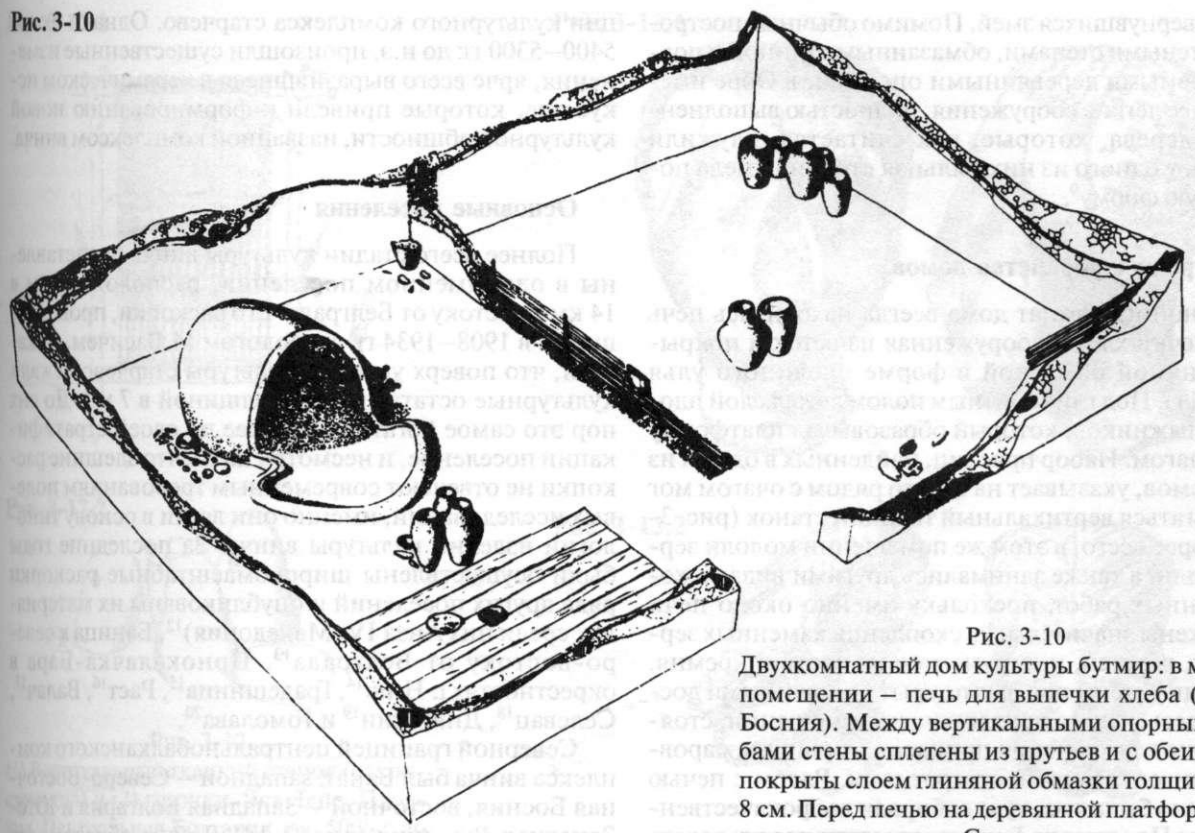


Рис. 3-10

Двухкомнатный дом культуры бутмир: в меньшем помещении – печь для выпечки хлеба (Обре II, Босния). Между вертикальными опорными столбами стены сплетены из прутьев и с обеих сторон покрыты слоем глиняной обмазки толщиной в 5–8 см. Перед печью на деревянной платформе стояли сосуды с зерном. Слева от печи – место для изготовления кремневых и костяных орудий, справа – грузики (место для ткацких работ). В обеих комнатах стояло по несколько больших сосудов для хранения припасов. Культура бутмир II, 4900–4700 гг. до н. э.

Рис. 3-11

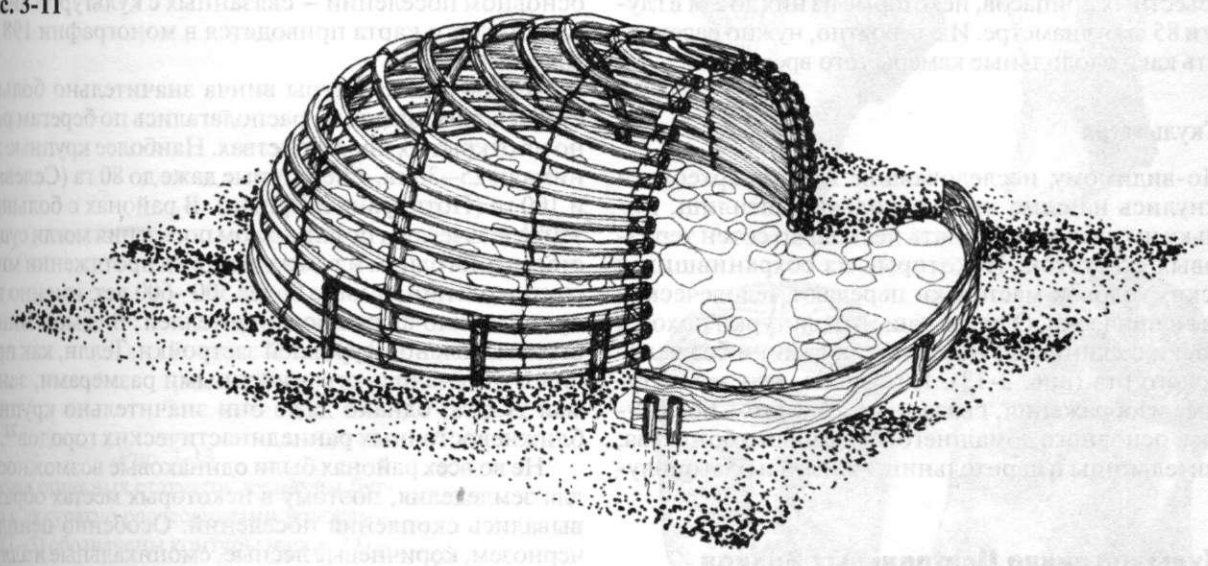


Рис. 3-11

Каркас печи из прутьев, переплетенных лыковой веревкой, с каменным основанием; сохранился только в виде головешек или отпечатков на глине. Обре, Босния, культура бутмир II, ок. 4900–4800 гг. до н. э.

ниями свернувшихся змей. Помимо обычных построек с плетеными стенами, обмазанными глиной и поддерживаемыми деревянными опорами, в Обре имелись более легкие сооружения, полностью выполненные из дерева, которые, как считается, служили сараями: у одного из них тыльная сторона имела полукруглую форму[9].

Внутреннее убранство домов

В одной из комнат дома всегда находилась печь для выпечки хлеба, сооруженная из веток и покрытая глиняной обмазкой в форме пчелиного улья (рис. 3-11). Под глинобитным полом лежал слой плоских булыжников, который образовывал платформу перед очагом. Набор пряслиц, найденных в одном из таких домов, указывает на то, что рядом с очагом мог располагаться вертикальный ткацкий станок (рис. 3-12). Скорее всего, в этом же помещении мололи зерно и пряли, а также занимались другими видами хозяйственных работ, поскольку именно около печи обнаружены значительные скопления каменных зернотерок, веретен, инструментов из кости и кремня. Напротив у стены пол был покрыт деревянными досками. Здесь, как и в прилегающем помещении, стояли сосуды для хранения припасов, горшки и жаровни с горизонтальными отверстиями. Рядом с печью неизменно была яма, куда собирали доброкачественную золу. По мнению Бенаца, ее могли использовать как моющее средство при стирке.

Неожиданностью явились обнаруженные в стенах жилищ Обре крупные полые керамические цилиндры, которые, в принципе, могли служить для вентиляции[10]. Кроме того, в домах имелись глубокие ямы для хранения съестных припасов, некоторые из них до 2 м в глубину и 85 см в диаметре. Их, вероятно, нужно рассматривать как холодильные камеры того времени.

Скульптура

По-видимому, исследовавшие Бутмир археологи наткнулись на одно или несколько святилищ, поскольку им удалось откопать несколько сотен терракотовых статуэток. Некоторые из сохранившихся женских головок мастерски передают человеческие черты и прически. Однако чаще эти фигурки похожи на маски с длинными носами, клювами, и без человеческого рта (рис. 3-13). Я полагаю, что это ритуальные изображения, связанные с культом Богини-птицы, основного домашнего и храмового божества, хранительницы и дарительницы жизни и благополучия.

Культура винча Центральных Балкан

До середины VI тыс. до н.э. на Центральных Балканах продолжали ощущаться неолитические традиции культурного комплекса старчево. Однако около 5400–5300 гг. до н.э. произошли существенные изменения, ярче всего выразившиеся в керамическом искусстве, которые привели к формированию новой культурной общности, названной комплексом винча.

Основные поселения

Полнее всего стадии культуры винча представлены в одноименном поселении, расположенном в 14 км к востоку от Белграда. Его раскопки, проводившиеся в 1908–1934 гг. археологом М.Васичем, показали, что поверх уровней культуры старчево лежали культурные остатки винча толщиной в 7 м[11]. До сих пор это самое богатое и лучшее по своей стратификации поселение, и несмотря на то, что здешние раскопки не отвечают современным требованиям полевых исследований, именно они легли в основу типологии изделий культуры винча. За последние годы были осуществлены широкомасштабные раскопки ряда других поселений и опубликованы их материалы; среди них Анза IV (Македония)[12], Баница к северо-востоку от Белграда[13], Црнокалачка-Бара в окрестностях г. Ниш[14], Градешница[15], Раст[16], Валач[17], Селевац[18], Дивостин[19] и Гомолава[20].

Северной границей центральнобалканского комплекса винча был Банат, западной – Северо-Восточная Босния, восточной – Западная Болгария и Юго-Западная Румыния (рис. 3-14). Таким образом, его ареал совпадал с территорией культуры старчево, за исключением некоторых периферийных районов, давших свои локальные вариации.

В целом, благодаря раскопкам и сбору поверхностных материалов, нам известно около 650 мест – в основном поселений – связанных с культурой винча (их список и карта приводятся в монографии 1981 г. Дж.Чэпмена)[21].

Поселения культуры винча значительно больше старчевских, они тоже располагались по берегам рек, но на открытых пространствах. Наиболее крупные занимали 25–30 га, а некоторые даже до 80 га (Селевац) и 100 га (Потпорань и Вршац). В районах с большим земледельческим потенциалом поселения могли существовать на одном и том же месте на протяжении многих поколений, иногда более 500–600 лет: именно так происходило формирование теллей. В самой Винче было выявлено 10 уровней застройки. Телли, как правило, отличались ограниченными размерами, занимая 2–6 га, однако даже они значительно крупней ближневосточных раннединастических городов[22].

Не во всех районах были одинаковые возможности для земледелия, поэтому в некоторых местах образовывались скопления поселений. Особенно ценился чернозем, коричневые лесные, смоникальные и аллювиальные (нанесенные потоками) почвы. Соответственно концентрация поселений выше всего в плодородных районах Моравии и Среднедунайского бас-

Рис. 3-12.1

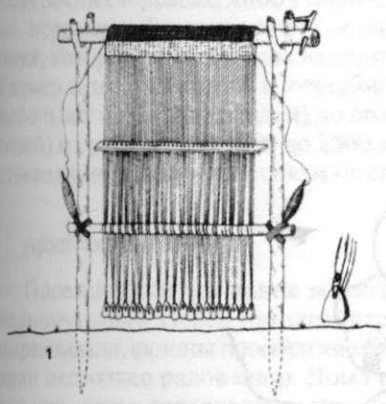


Рис. 3-12.2

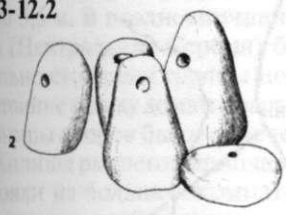


Рис. 3-12
(1) Вертикальный ткацкий станок (реконструкция) и (2) грузики. Яса-Тепе, Пловдив, Центральная Болгария, ок. 5000 г. до н.э. Похожие ткацкие станки обнаружены во всех культурных группах, описываемых в этой главе.

Рис. 3-13.1

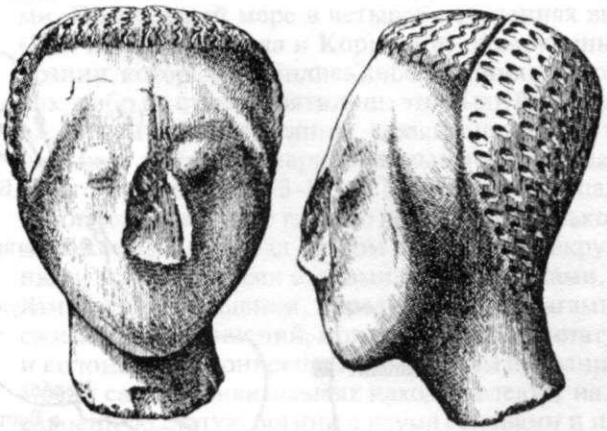


Рис. 3-13.2

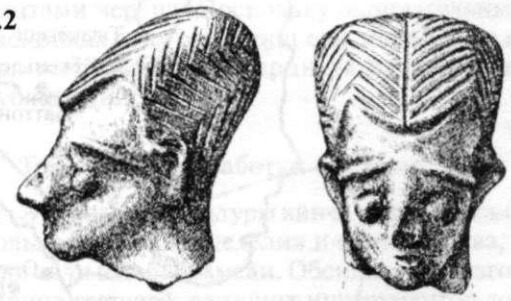


Рис. 3-13.3

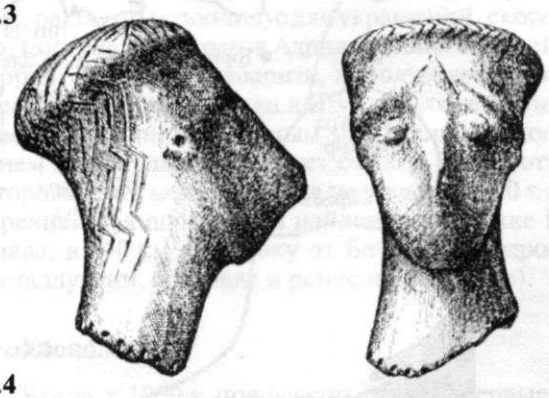


Рис. 3-13.4

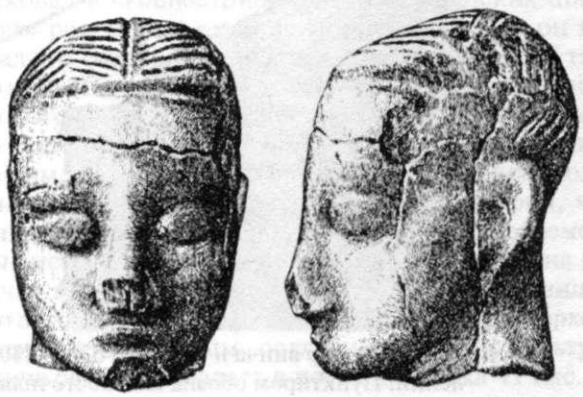


Рис. 3-13
Головы глиняных статуэток культуры бутмир с аккуратно расчесанными волосами. На (1–3) обозначены контуры масок. (4) – одно из самых реалистических изображений этого периода. Бутмир, Сараево, начало V тыс. до н.э. Масштаб 1 : 1.

Рис. 3-14

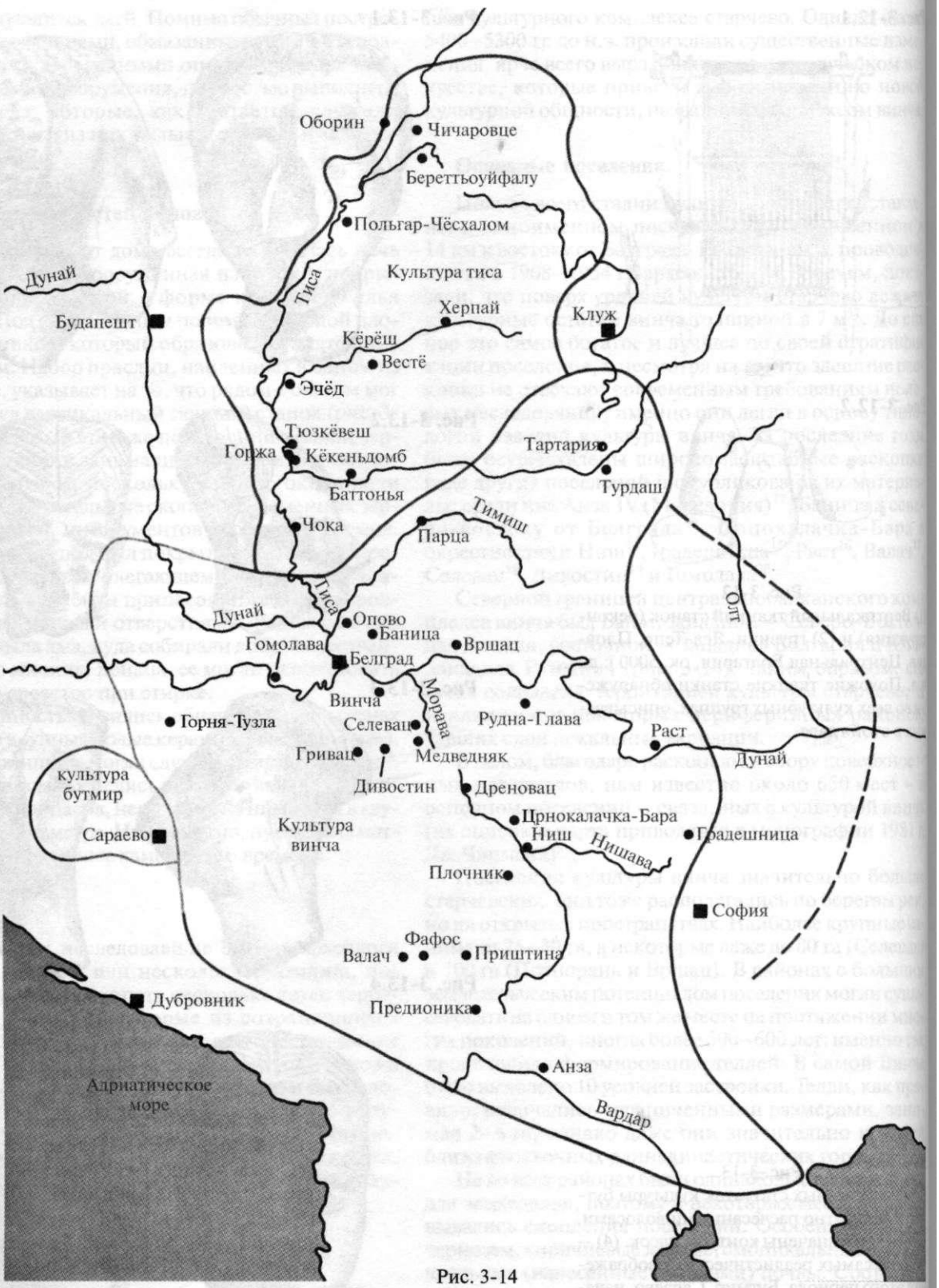


Рис. 3-14

Ареал культур винча и тиса, ок. 5300–4300 гг. до н.э., и местоположение их наиболее значительных поселений. Пунктиром обозначена восточная граница ранней культуры винча.

сейна. Как правило, они располагались либо на плоских речных террасах, либо у покатого подножия холма, нередко поблизости от ручья или горячего источника, которые почитаются священными по сей день. Размер этих поселений и городов варьировался от небольшого (до 200 жителей) до среднего (до 500 жителей) и крупного (от 1000 до 2500 жителей)[23]. Существовавшие между ними связи пока не изучены.

Архитектура

Поселки культуры винча возводились по определенному плану. Перед началом строительства почву выравнивали, склоны преобразовывали в террасы, ставили несколько рядов опор. Дома располагались более или менее параллельно друг другу, в некоторых поселках между их рядами были улицы шириной от 2,5 до 3,5 м. В поздневинчианском поселении Дивостин (Центральная Сербия) было раскопано четыре отдельно стоявших группы по три или по два дома[24]. Расстояние между домами варьировалось от 25 до 60 м, а границы дворов были отмечены камнями.

Жилища раннего периода культуры винча обычно состояли из большой комнаты с «передней» или из двух комнат приблизительно 8 м в длину и 3–4 м в ширину. Размер домов значительно вырос во время среднего периода культуры винча[25]. В ряде поселений археологи находят не только двух-, но трех-, четырех- и даже пятикомнатные постройки (рис. 3-15). Самые просторные дома могли иметь до 20 м в длину.

Каркас дома делался из бревен или досок, которые затем переплетали прутьями и обмазывали толстым слоем глины. В поселении Анза раннего периода винча приблизительно 5200 г. до н. э. зафиксировано использование досок шириной около 15 см и толщиной в 2,5 см[26]. Поверхность пола выравнивали и покрывали известковой обмазкой, а прочность ему обеспечивали положенные снизу квадратной формы бруски или бревна, или перемешанные с черепками камни, или каменные плиты. Во время раскопок Анзы IV 1960–1970 гг. на участников моей экспедиции произвели сильное впечатление основательность и качественность этих построек, резко контрастировавших с близлежащей деревней Анзабегово, где мы ютились в обмазанных навозом сараях. Анза – прекрасный пример высочайшего уровня древнеевропейской цивилизации, которая существовала семь тысячелетий назад, и современной культурной деградации, результата бесконечных войн патриархальных сообществ.

Как и в эпоху раннего неолита, святилища архитектурно почти не отличались от обычных домов. По-видимому, именно из-за этого святилища поселений культуры винча остались как бы в тени, хотя вполне очевидно, что многокомнатные постройки выделяются целым рядом особенностей. Их стены внутри и снаружи покрыты символическими рисунками – красными, синими и белыми шевронами и меандрами. По меньшей мере в четырех поселениях винчи (Винча, Парца, Жела и Кормадин) обнаружены букрании, которые крепились либо на глиняных колоннах, либо на стенах святилищ: это были бычьи черепа, покрытые слоем глины, с раскрашенными в синий цвет носами и нарисованным на лбу красным треугольником (рис. 3-16). В Парце, к юго-западу от Тимишоары, в 1980-е гг. было найдено несколько расположенных друг над другом святилищ с окруженными глинобитными стенами жертвенниками, столами для приношений, передвижными очагами для сжигания приношений, монументальными статуями и колоннами с прикрепленными к ним букраниями. Среди самых удивительных находок следует назвать сдвоенную статую богини с двумя головами и парой плеч. Рядом с ней обнаружена бычья голова с фрагментами черепа. Поскольку окончательный отчет о раскопках этих святилищ еще не вышел в свет, данная информация почерпнута из предварительных публикаций[27].

Торговля и разработки месторождений меди

Экономика культуры винча развивалась быстро не только за счет земледелия и скотоводства, но также торговли и добычи меди. Обсидиан для изготовления серпов и других режущих инструментов добывали в бассейне Верхней Тисы. Алебастр и мрамор для статуй, раковины спондилус для украшений, скорей всего, поступали с берегов Адриатического и Эгейского морей. Залежи цинабарита, использовавшегося для красильных работ, были в Шупля-Стене (Центральная Югославия). Но самым значительным достижением этой культуры следует считать разработки месторождений меди, начатые не позднее 5000 г. до н. э. Древнейшая шахта была найдена в местечке Рудна-Глава, в 140 км к востоку от Белграда (подробнее о металлургии, торговле и ремеслах см. ниже).

Хронология

Когда в 1930 г. профессор Васич впервые опубликовал в «Иллюстрированных лондонских новостях» результаты раскопок телля Винча, то он назвал его «центром эгейской цивилизации во II тыс. до н. э.». По мнению ученого, это поселение возникло в эгейском среднем бронзовом веке и продолжало существовать вплоть до завоевания этого региона римлянами. В этом убеждении он был непоколебим и незадолго до смерти вновь повторил, что Винча – греческая колония. Некоторые современные историки Балкан до сих пор ссылаются на эту точку зрения Васича, чтобы усилить свои позиции его авторитетом. Однако это не соответствует археологическим данным, согласно которым культура винча сформировалась в последние века VI тыс. до

Рис. 3-15.1

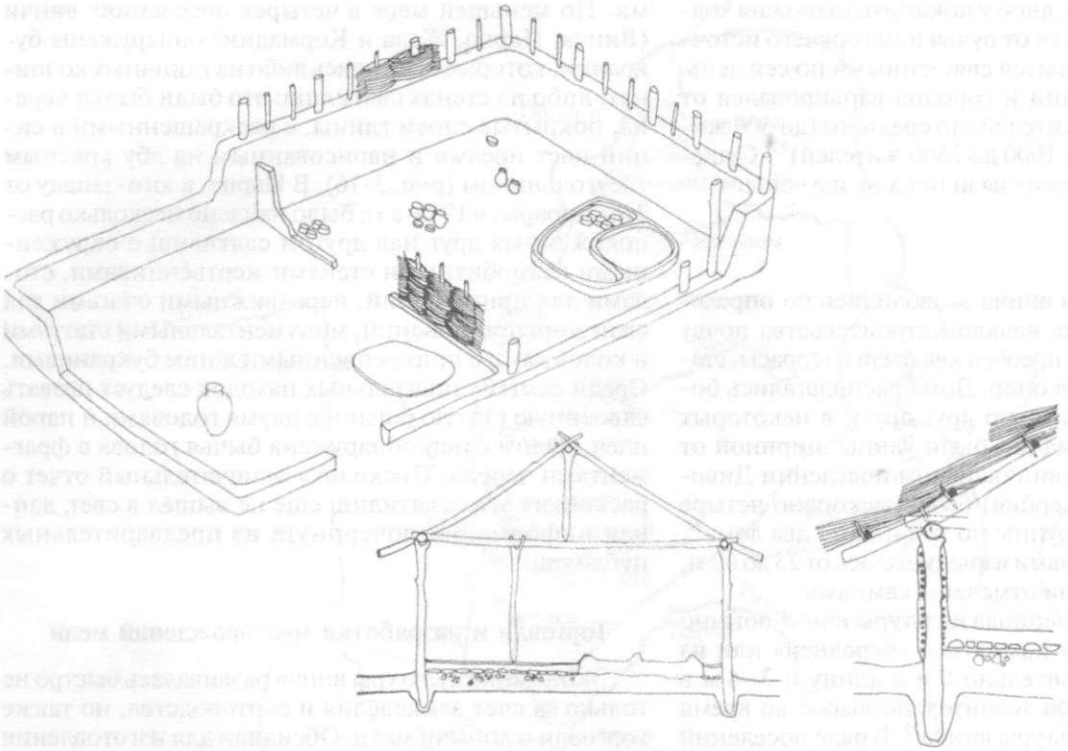


Рис. 3-15.2

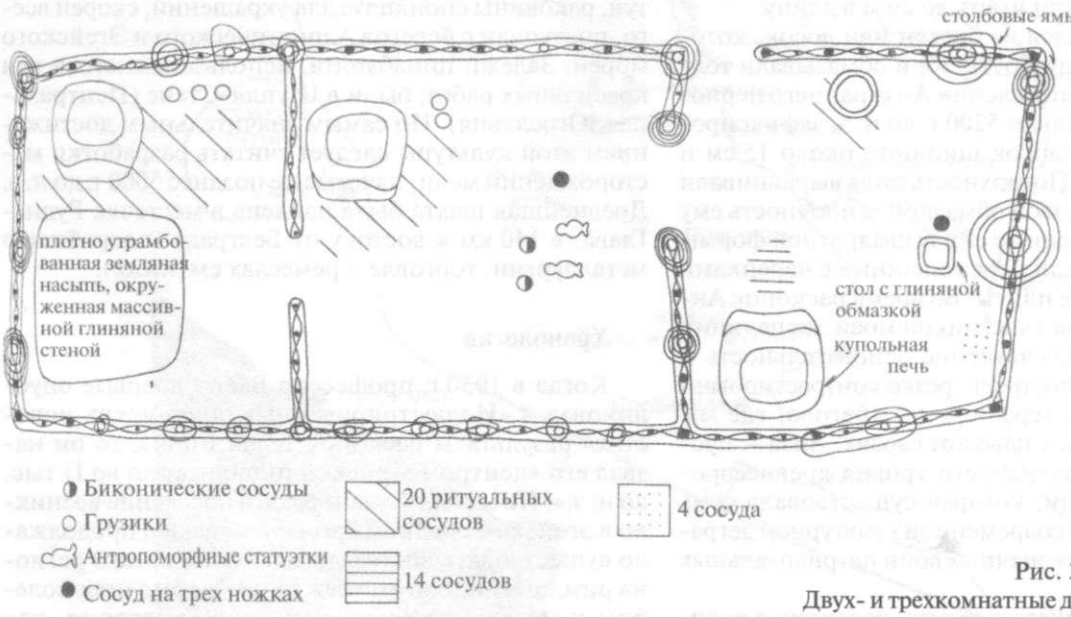


Рис. 3-15

Двух- и трехкомнатные дома из поселения поздневинчевской культуры Дивостин, Центральная Югославия. (1) Двухкомнатный дом (дом № 17) и предположительная реконструкция его стен и кровли; (2) план трехкомнатного дома (дом № 14), скорее всего, – святилища. Площадь северной комнаты – 25,3 кв. м, средней – 37,5 кв. м, южной – 25,5 кв. м.

н.э. и просуществовала около тысячи лет. Поселения культуры винча – убедительное свидетельство того, что развитие материальной культуры, искусств и религии является единым и непрерывным процессом. Современные археологи считают винчу туземной культурой, а ее расцвет – результатом постепенных социо-экономических изменений, ускоренных появлением металлургии и ростом численности населения. За тысячу лет поселения стали больше почти в два раза, меж тем как физический тип их обитателей – грацильных средиземноморцев – не изменился по сравнению с эпохой старчево[28].

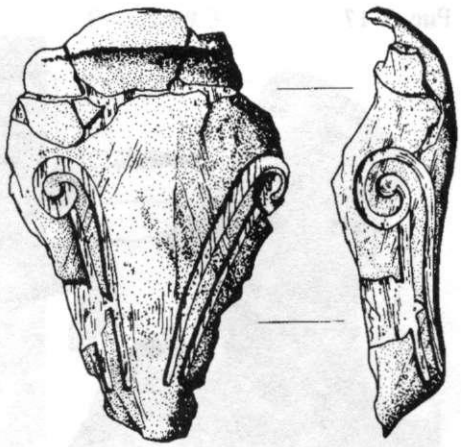


Рис. 3-16
Букрания (покрытый слоем глины череп вола) из святилища поздневинчевской культуры (телль Винча, найдена на глубине 2,89 м). Глаза стилизованы под две резные спирали, идущие к носу, который окрашен в синий цвет. Над глазами нарисован красный треугольник (выцвел); рога обломаны. Высота 44 см.

Согласно радиоуглеродной датировке и с учетом дендрохронологической корректировки, культуру винча следует поместить в промежутке между 5400–5300 и 4300–4100 гг. до н.э. (Табл. 8). Общая классификация ее примерно такова: ранняя культура винча – ок. 5400–4900 гг. до н.э., поздняя или классическая культура винча – ок. 4900–4300 гг. до н.э. (лишь в одном случае была получена более поздняя датировка, нежели 4300 г. до н.э.)[29]. Оба периода имели ряд фаз, однако в целом это была единая эволюция, чье постепенное движение хорошо прослеживается на протяжении более тысячи лет.

Керамика

Примерно в 5400–5300 гг. до н.э. в керамике возникает новый стиль, для которого характерны черные изделия с лощеным орнаментом: это заставило некоторых ученых предположить, что новая волна иммигрантов из Западной или Центральной Анатолии принесла сюда свою традицию темной керамики. На самом деле новый стиль появился под воздействием болгарской культуры караново, где производство черной керамики началось на несколько веков ранее и получило достаточно широкое распространение. К концу VI тыс. до н.э. темные сосуды появились не только в Югославии, но и в Фессалии, и даже в Южной Греции.

Переход от старчевской керамики к изделиям культуры винча хорошо прослеживается на примере поселения Анза (Македония), раскопки которого были осуществлены автором данного труда в 1969–1970 гг.[30] В Анзе самые ранние материалы культуры винча были найдены поверх позднестарчевского слоя, их радиоуглеродная датировка – ок. 5300–5000 гг. до н.э. Для слоя культуры винча характерен высокий процент высококачественных черных изделий с лощеным орнаментом (серо-черная керамика с черным ангобом, хорошо обожженная), разнообразие форм и ручек которых намного превышает ассортимент предшествующего периода. Они постепенно вытеснили оранжевые изделия культуры старчево. Теперь основными формами высококачественных изделий стали биконические сосуды, глубокие и плоские блюда, зооморфные и орнитоморфные кувшины и сосуды на высоких ножках (рис. 3-17). Лучшие экземпляры вылощены до зеркального блеска как снаружи, так и внутри. Большая часть сосудов украшена каннелюрами, которые делались при определенном способе лощения (рис. 3-18.1). Эта декоративная техника, равно как биконические формы (рис. 3-18.2) и разнообразие ручек и ушек являются характерными чертами всего периода винча. В эпоху ранней культуры винча появились также сосуды с черным верхом. На изделия наносился коричневый, желто-коричневый или красный ангоб, а затем их лощили. Черная окраска верхней части не была случайной и, скорей всего, чтобы ее получить, сосуды во время обжига переворачивали и верхнюю часть погружали в золу, в то время как остальные их части окислялись[31].

Искусство скульптуры

Искусство культуры винча обладало уникальным своеобразием[32], которое позволяет легко отличать его от других культурных групп; большое значение здесь имеет тот факт, что от нее сохранились тысячи мелких и крупных глиняных скульптур. Только на месте давшего ей имя поселения Винча было обнаружено около 2000 фигурок и антропоморфных сосудов, относящихся к разным фазам ее развития. Из них 630 были представлены Васичем в третьем томе его труда «Винча» и нашли приют в Белградском университете и в национальных музеях. Раскопки практически любого поселения культуры винча дают значительное количество статуэток. Самые интересные скульптуры (цветные вклейки 8 и 9) были найдены в Южной Югославии, особенно в районе Приштины (Косово и Метохия), одном из беднейших мест современной Европы, населенном албанцами.

Рис. 3-17

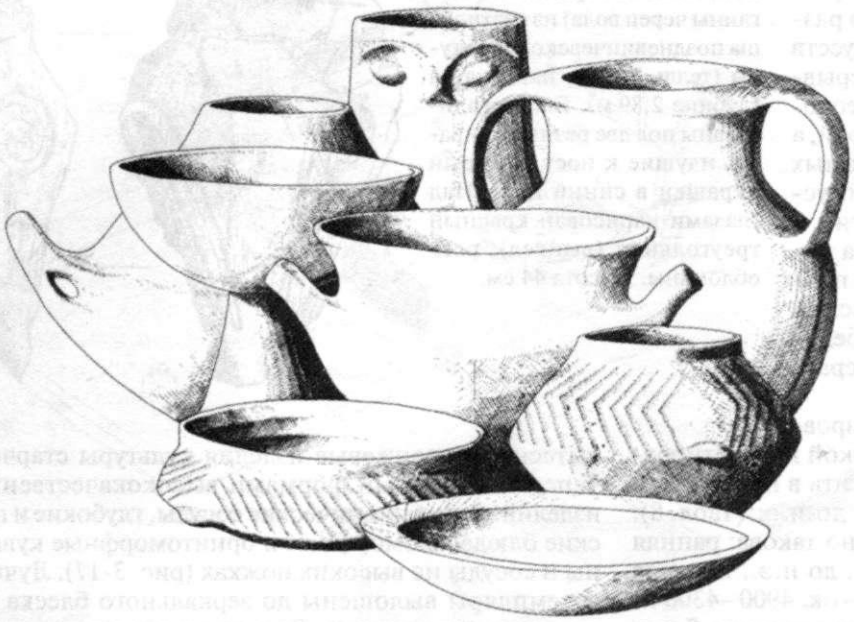


Рис. 3-17
Керамика ранневинчевской культуры черного узорного лощения: биконические сосуды с каннелюрами, блюда, кувшины с ручками, сосуд на ножке и большой кувшин с ликом Богини-птицы на горлышке. Ок. 5200-5000 гг. до н. э., Анза IV, Македония, Юго-Восточная Югославия.

Рис. 3-18.1

Рис. 3-18.2

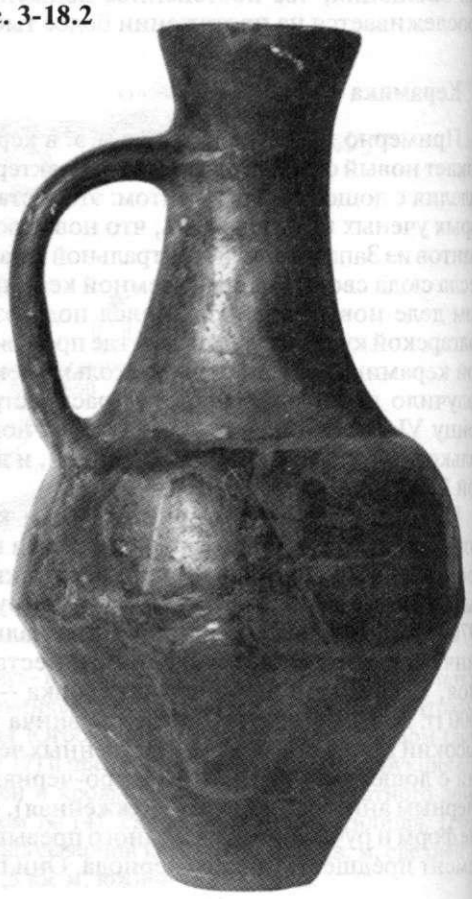


Рис. 3-18
(1) Типичный сосуд культуры винча черного лощения в виде свернувшейся змеи и с каннелюрами (ранняя фаза классического периода культуры винча, начало V тыс. до н. э.; высота 14,5 см).
(2) Черный лощеный (гладкий) сосуд из Црнокалачка-Бары у г. Ниш, Южная Югославия. Поселение ранней культуры винча, ок. 5000 г. до н. э.; высота 37 см.

Рис. 3-19.1

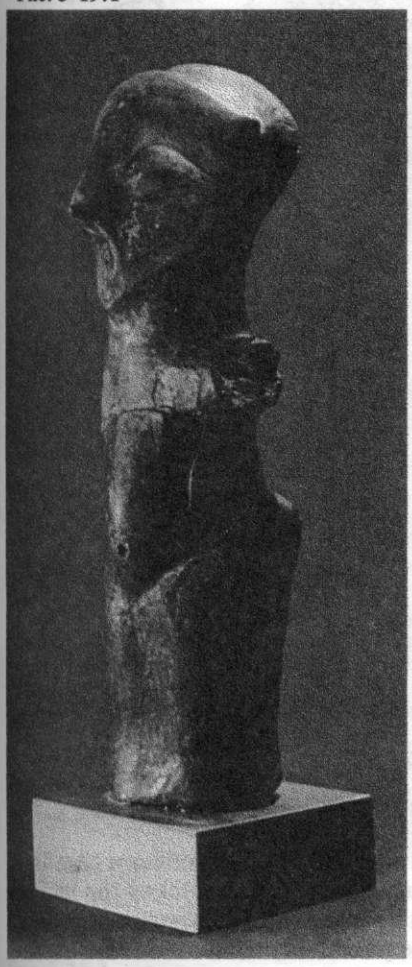


Рис. 3-19.2

Рис. 3-19.3

Рис. 3-19

Богиня-птица в маске с клювом, Винча, (1) начало V тыс. до н. э., (2, 3) середина V тыс. до н. э.

Статуэтки культуры винча, в особенности изображения Богини-птицы, представляют ряд ценных деталей: характерную безротую маску с большим носом или клювом (рис. 3-19 и 3-20); такие детали туалета, как лямки (рис. 3-20), набедренные ремни или узкие юбки (см. рис. 7-87 и 7-89–7-94), а также вырезанные или нарисованные символические обозначения божественности – знаки в виде «V», шевроны, волнистые, параллельные, двойные и тройные линии (см. рис. 7-14). В некоторых случаях изображения Богини-птицы появляются на горлышках сосудов (см. рис. 7-17) или прикрепляются к ним в качестве маски (рис. 3-19.2). Птицеобразные сосуды с человеческими масками можно считать настоящими шедеврами этого искусства. Маски характерны для всех скульптур с ясно выраженными чертами, которые представляют божественных существ. У Богини-птицы и других богов классического периода культуры винча лица закрыты пятиугольными масками с полукруглыми глазницами (рис. 3-19 и 3-20). У поздних скульптур культуры винча глазницы имеют миндалевидную форму (рис. 3-21). На плоских частях маски вырезали символические знаки. Крупные маски в натуральную величину были найдены в Южной Югославии (цветная вклейка 11).

Среди скульптур преобладают изображения Богини-птицы; это позволяет предположить, что именно она была главным божеством, которому поклонялись в святилищах культуры винча. Однако встречаются изображения и других божеств – богинь в образе змеи, мадонн (матерей с младенцами на руках, в медвежьей или птичьей маске: см. рис. 7-5 и 7-6). Около 20% статуэток составляют зооморфные фигурки – змеиные, лягушачьи, ежиные, песьи и рыбьи – и антропоморфные фигурки мужчин в бараньих или козьих масках. Чрезвычайно любопытны обнаруженные в Южной Югославии кентавры с человеческой головой, лицом-маской и туловищем быка (цветная вклейка 22). Ха-

рактерной чертой более раннего этапа искусства винча являются крышки в виде совиной головы, которыми покрывали большие биконические сосуды, скорей всего использовавшиеся как емкости для жидкости во время религиозных обрядов (цветная вклейка 10). Некоторые зооморфные и антропоморфные статуэтки вырезали из мрамора, алебастра или из опалита: прекрасный тому пример – песьи головы из светло-зеленого опалита и белого мрамора. Вместе со статуэтками археологи нередко находят столы для приношений, сосуды и масляные лампы с ножками антропоморфных или зооморфных очертаний, символической резьбой или яркой раскраской (цветная вклейка 13).

Как и тысячу лет назад, в эпоху сескло, на каждой стадии культуры винча встречаются и шедевры реалистического искусства, и схематически выполненные реплики более крупных скульптур. Схематизированные или миниатюрные статуэтки обычно покрыты символическими рисунками и знаками: их в значительных количествах изготавливали в эпоху ранней культуры винча. Не исключено, что многие фигурки со знаками имели вотивный характер.

Здесь мне хотелось бы привести пример, связанный с моими раскопками раннего поселения культуры винча в Анзе (Македония). Там в одной из построек – очевидно, разрушенном святилище – были найдены не только обычные статуэтки небольших размеров, но и огромный сосуд высотой в 92 см, украшенный красными треугольниками и шевронами, на горловине которого вырезан лик Богини-птицы (см. рис. 7-17). Неподалеку от этого места были также обнаружены сосуд в форме водоплавающей птицы длиной в 60 см (см. рис. 7-18) и скульптурное изображение свиньи в натуральную величину[33]. Размер и детальность скульптуры, естественным образом, зависели от ее предназначения.

Эстетические достижения, воплощенные в керамике и скульптуре культуры винча, заставляют по-новому взглянуть на творческие традиции Древней Европы. Ее искусство было не только пронизано мифологическими ценностями, оно достигло того уровня технического мастерства, который способствовал появлению как схематически обобщенных, так и в высшей степени реалистических изображений. По части совершенства в изображении женского тела некоторые торсы культуры винча вполне достойны соперничать с древнегреческой скульптурой (рис. 3-22).

Рис. 3-20

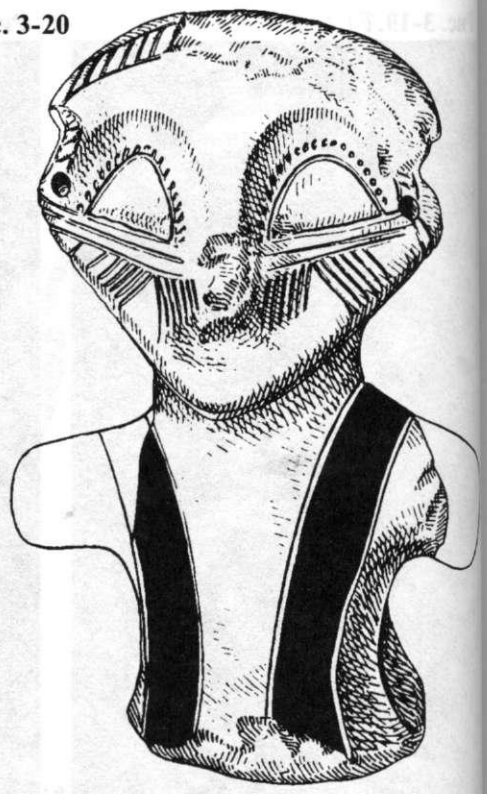


Рис. 3-20
Типичная статуэтка культуры винча в большой пятиугольной маске с полукруглыми глазницами, горизонтально рассеченной тройной линией, ниже которой идут заштрихованные участки. По плечам – черные лямки с белой каймой. Витошевац-Лукички-Брег у г. Ниш, Юго-Восточная Югославия, 5000– 4500 гг. до н. э.; высота 13 см.

Культура тиса в бассейне реки Тиса

Своим названием эта культура обязана реке Тиса, которая катит свои воды с Карпатских гор по Восточной Венгрии и Северной Югославии и впадает в Дунай (см. выше рис. 3-14). По аллювиальным возвышенностям на заливных лугах рек Тиса, Марош и Кёрёш было рассыпано немало поселений. Они отчетливо делятся на три группы, каждая из которых получила свое название: группа горжа в окрестностях Сольнока (Южная Венгрия), херпай поблизости от Дебрецена (Восточная Венгрия) и чёсхалом рядом с городом Ньиредьхаза (Северная Венгрия).

Как и винча, культура тиса берет начало в культуре старчево (кёрёш): среди ее носителей преобладает грацильный средиземноморский (старчевский) физический тип. Она отлична от культуры винча в силу специфических экологических характеристик бассейна реки Тиса; ее обособление в качестве самостоятельной культуры совпало с появлением теллей и их хозяйственного уклада.

Открытие культуры тиса и ее основные поселения

Открытие и начало изучения культуры тиса связано с раскопками в местечке Чока (теперь входящем в состав Северной Югославии), которые с 1907 по 1913 гг. проводились Ф.Морой[34]. А исследования поразитель-

Рис. 3-21.1

Рис. 3-21.2

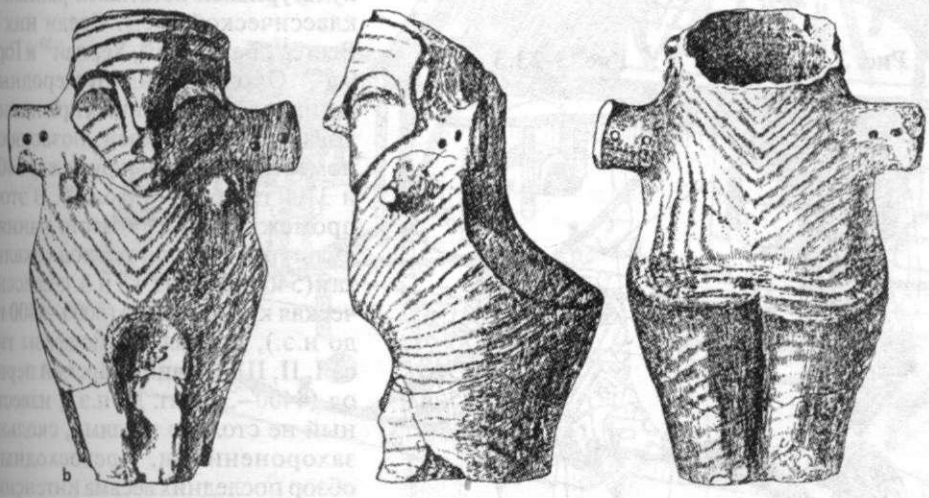


Рис. 3-21
(1) Богиня-птица культуры винча в виде сосуда с пятиугольной рельефной маской; тонкая светло-коричневая текстура, каннелюры (вылощен галькой).
(2) Вид с трех сторон; спереди и сзади – орнамент из шевронов, выполненный техникой каннелирования. Классическая культура винча, начало V тыс. до н.э.; высота 32,5 см.

Рис. 3-22
Сидящая женская терракотовая статуэтка; классическая культура винча, Чаршия, Центральная Югославия, приблизительно 4700–4500 гг. до н. э.

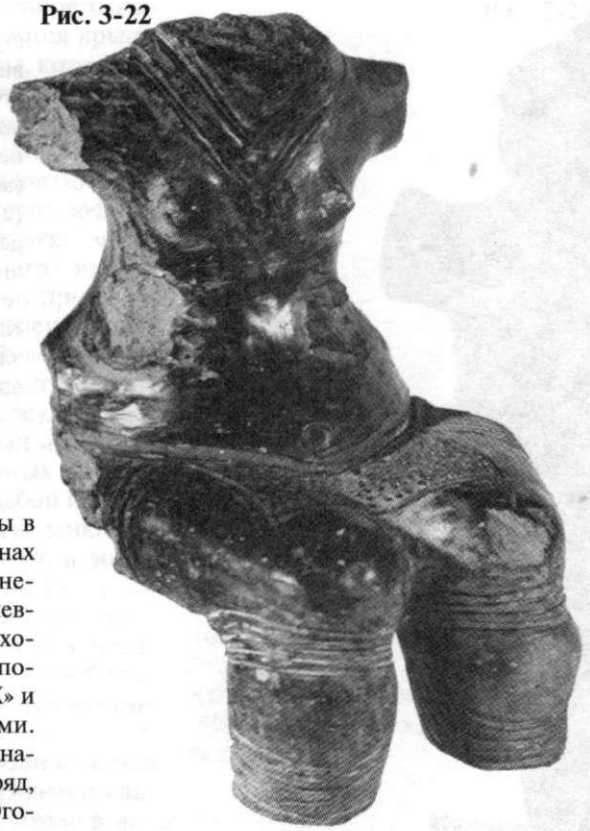
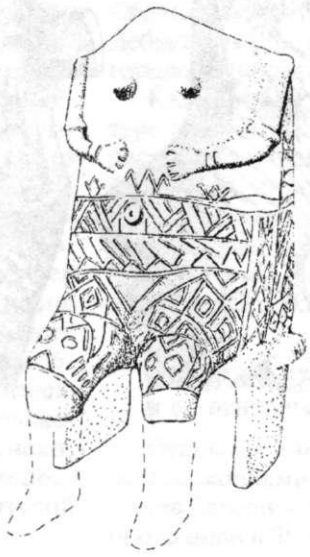


Рис. 3-23
Антропоморфные сосуды в виде восседающих на тронах богинь, украшенные панелями с орнаментом из шевронов, зигзагов, заштрихованных треугольников, полос из ромбов, знаков «Х» и священными письменами. На руках и запястьях обозначены браслеты (нижний ряд, справа). Кёкеньдомб, Юго-Восточная Венгрия, классический период культуры тиса, начало V тыс. до н.э.; высота (1) 33 см, (2) 24 см, (3) 23 см.

Рис. 3-23.1

Рис. 3-23.2

Рис. 3-23.3



но богатого телля Кёкеньдомб у города Ходмезёвашархей (Юго-Восточная Венгрия), в 1922–1944 гг. проведенные Я.Баннером, составили научную базу – и стали мощным стимулом – для изучения данной культуры[35]. Последующие раскопки Сегвар-Тюзкёвеш в Сентеше (в 1955–1964 гг. осуществлял Й.Чалог, в 1970-х гг. – Я.Корек) дали культуре тиса самостоятельный статус, во многом благодаря открытию поразительной глиняной скульптуры и антропоморфных сосудов (цветная вклейка 12). Мастера Кёкеньдомба и Сегвар-Тюзкёвеша оставили нам уникальные образцы пластического искусства, в том числе антропоморфные сосуды в виде восседающей на троне богини, богато украшенные вставками с символическими геометрическими узорами (рис. 3-23), и изображения мужских божеств, из которых самым знаменитым является так называемый «Бог с серпом» из Сегвар-Тюзкёвеша (изображение мужчины, который на плече держит предмет серповидной формы)[36].

Хронологическое деление

В 1970-х и 1980-х гг. были продолжены раскопки теллей, богатых культурными остатками ранней и классической тисы. Среди них – Вестё[37], Баттонья[38], Херпай[39] и Горжа[40]. Около 60 радиоуглеродных датировок, полученных при исследовании ряда теллей, позволяют поместить эту культуру между 5400 и 3700 гг. до н.э. (Табл. 9). В этом промежутке имели место ранняя культура тиса или период сакальхат (5400–5000 гг. до н.э.); классическая культура тиса (5000–4400 гг. до н.э.), давшая три подфазы тиса I, II, III; тисапольгарский период (4400–3700 гг. до н.э.), известный не столько теллями, сколько захоронениями. Превосходный обзор последних весьма интенсивных раскопок можно найти в вышедшем на английском языке коллективном труде под редакцией П.Рацки «Поздний неолит в районе реки Тиса» (1987).

Рис. 3-24

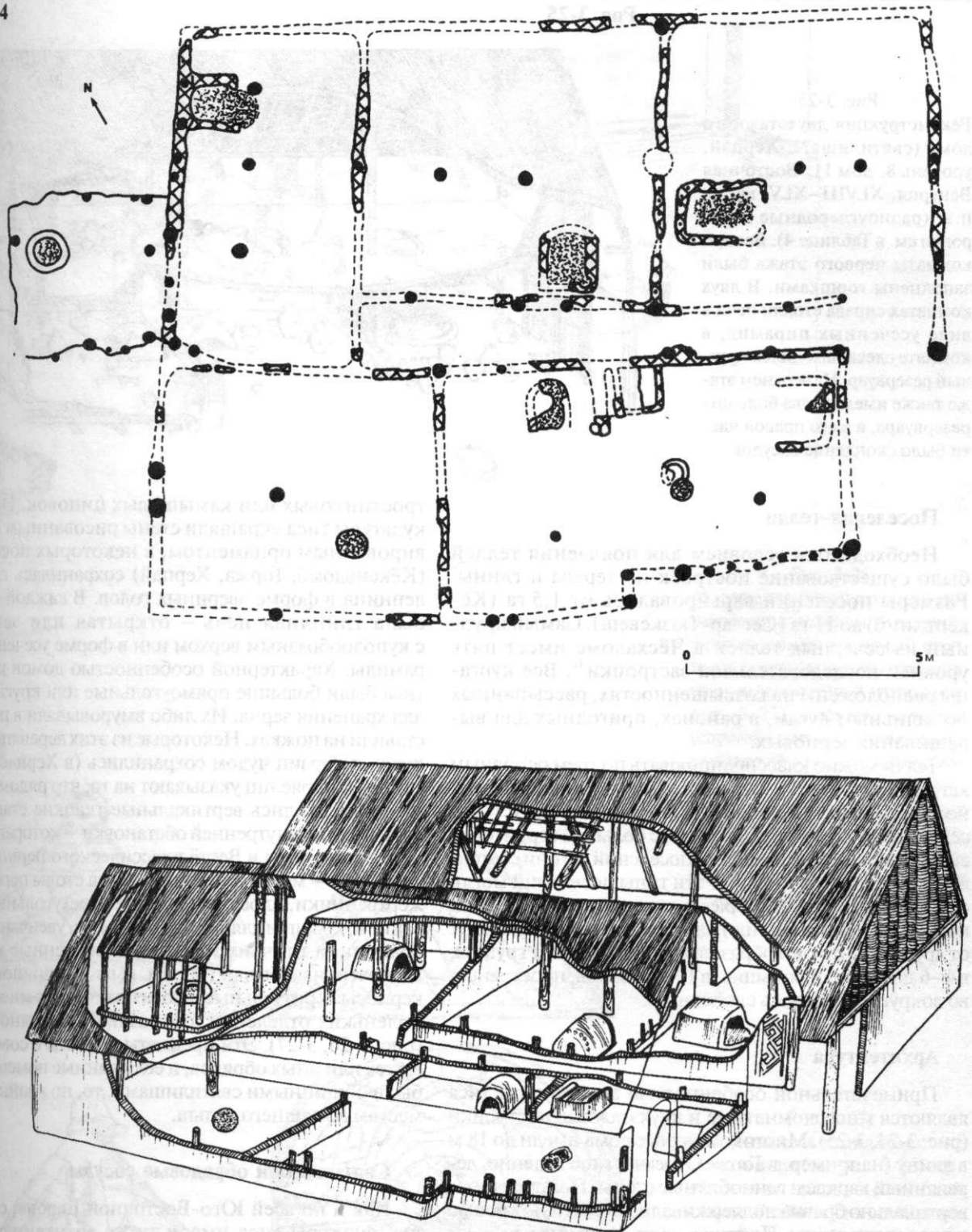


Рис. 3-24

План и реконструкция дома. Стены в комнате с боковым входом и самой большой печью (справа в углу) были внутри и снаружи украшены полосами нарезного орнамента в виде меандров и окрашены в красный цвет. Горжа, Юго-Восточная Венгрия, классический период культуры тиса, ок. 4500 г. до н. э.

Рис. 3-25

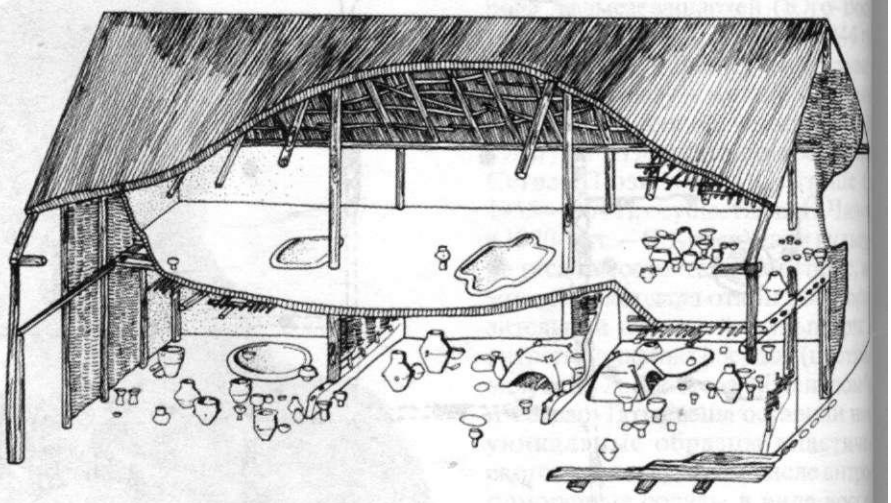


Рис. 3-25
Реконструкция двухэтажного дома (святилища?), Херпай, уровень 8, дом 11; Восточная Венгрия, XLVIII–XLVI вв. до н. э. (радиоуглеродные датировки см. в Таблице 4). Все три комнаты первого этажа были заполнены горшками. В двух комнатах справа стояли печи в виде усеченных пирамид, в комнате слева находился круглый резервуар. На верхнем этаже также имелось два больших резервуара, а в его правой части было скопление сосудов.

Поселения-телли

Необходимым условием для появления теллей было существование построек из дерева и глины. Размеры поселений варьировались от 1,5 га (Кёкеньдомб) до 11 га (Сегвар-Тюзкёвеш). Самый крупный из северных теллей в Чёсхаломе имеет пять уровней последовательной застройки[41]. Все курганы расположены на возвышенностях, рассыпанных по заливным лугам, в районах, пригодных для выращивания зерновых.

Телли можно классифицировать по трем основным категориям: высота в 3–4 м указывает на высокую плотность населения; высота в 1–2,5 м – на менее густонаселенные поселки, как правило, с большей территорией; что касается однослойных поселений, то они состояли из отдельных домов. Все эти типы поселений могли существовать рядом, образуя единый поселенческий комплекс[42]. Дома ставили на близком расстоянии друг от друга, так что они образовывали небольшие группы, в 4–6 домов, или большие, в 10–13 домов, пространство вокруг оставлялось свободным.

Архитектура

Примечательной особенностью архитектуры тиса являются многокомнатные и двухэтажные постройки (рис. 3-24, 3-25). Многокомнатные дома имели до 18 м в длину (например, в Горже), трехчастное деление, деревянный каркас и глинобитные стены. Поставленные вертикально бревна поддерживали двускатную кровлю и укрепляли стены. Плетеная часть стены между бревнами состояла из прутьев, веток и камыша, которые затем с обеих сторон покрывали слоем глины. Полы также обмазывали глиной, под которой нередко находилась деревянная основа, хранящая отпечатки тростниковых или камышовых циновок. Носители культуры тиса украшали стены рисованным или гравированным орнаментом, в некоторых поселениях (Кёкеньдомб, Горжа, Херпай) сохранилась глиняная лепнина в форме звериных голов. В каждой комнате была глиняная печь – открытая или закрытая, с куполообразным верхом или в форме усеченной пирамиды. Характерной особенностью домов культуры тиса были большие прямоугольные или круглые лари для хранения зерна. Их либо вмуровывали в пол, либо ставили на ножках. Некоторые из этих деревянных сундуков и корзин чудом сохранились (в Херпае). Кучки глиняных пряслиц указывают на то, что рядом с очагами располагались вертикальные ткацкие станки. Частью богатой внутренней обстановки – которая, например, встречается в Вестё классического периода культуры тиса – могли быть похожие на столы переносные жертвенники, плоские чаши с четырехугольным основанием, крышки для больших сосудов, увенчанные изображением птичьих голов, прикрепленные к стенам декоративные бычьи головы, ямы для приношений и керносы – ритуальные блюда на ножках с множеством маленьких отделений для различных приношений[43] (рис. 3-26, 3-27). Эти предметы связаны с совершением тех или иных обрядов, и если данные помещения не были общинными святилищами, то, по крайней мере, местом домашнего культа.

Святилища и обрядовые сосуды

Как и по всей Юго-Восточной Европе, святилища культуры тиса имели ту же архитектуру, что и обычные дома. Представленное на рис. 3-25 двухэтажное строение, скорее всего, было святилищем: на нижнем уровне располагались мастерские, а верхнее помещение было обрядовым. В одном из поме-

Рис. 3-26

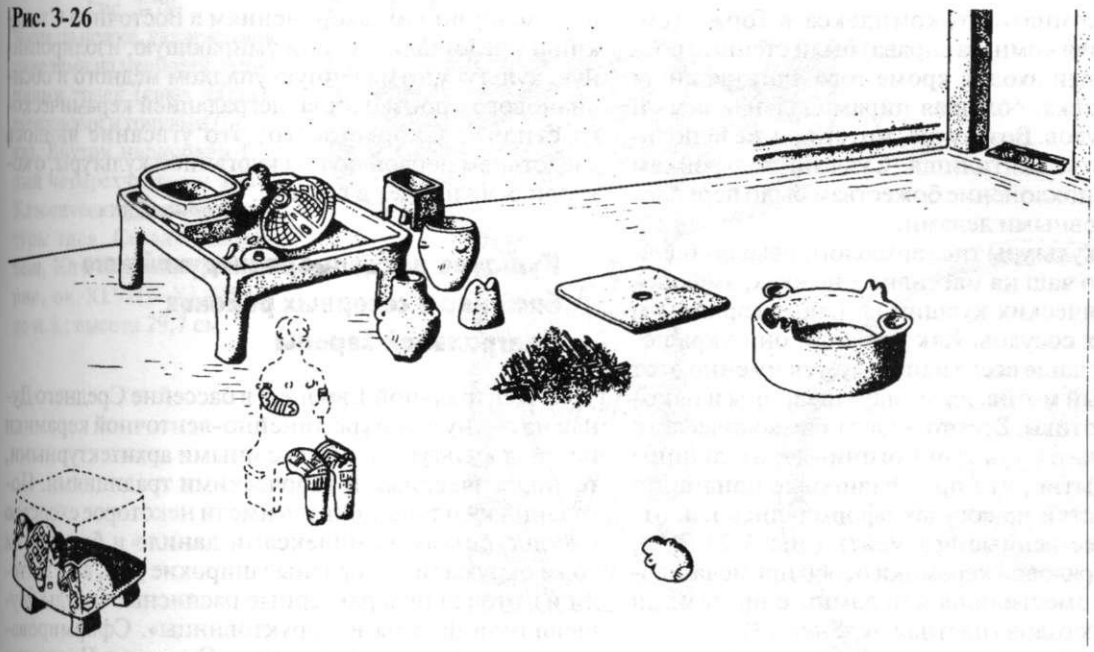


Рис. 3-26
Примерная реконструкция помещения с набором церемониальной утвари: глиняный стол, прямоугольные коробы, крышка, увенчанная головой птицы (см. рис. 3-27), сосуды, керносы (справа) с рогами и с закрепленными по краю маленькими сосудами для приношений, статуэтка восседающей на троне Богини (предположительная реконструкция). Вестё-Магор, Восточная Венгрия, ок. 5000 г. до н.э. или первые века V тыс. до н.э.

Рис. 3-27

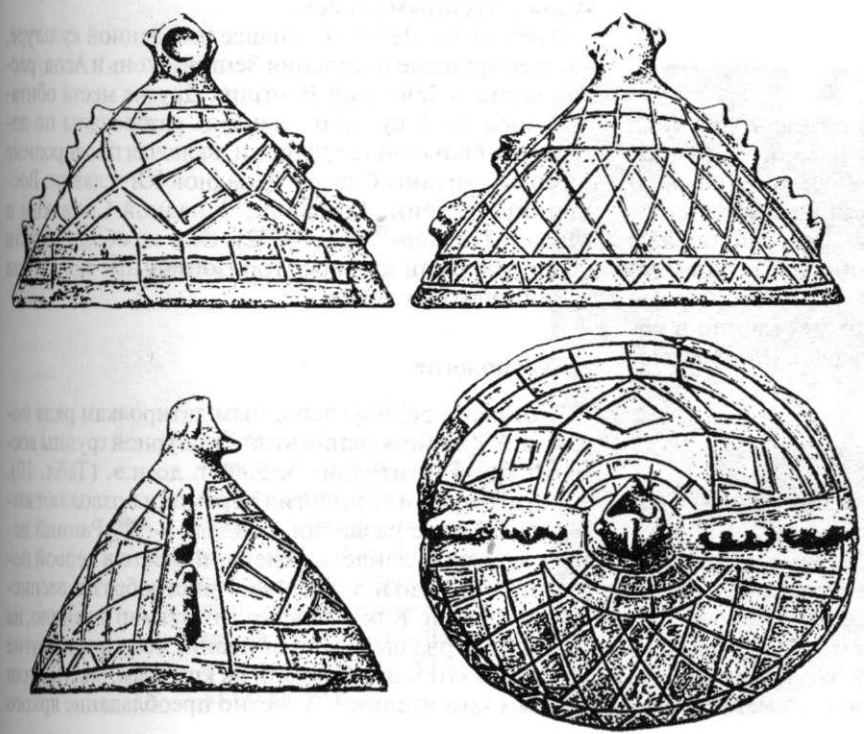


Рис. 3-27
Найденная на глиняном столе в святилище (см. рис. 3-26) терракотовая крышка с головой птицы. Разбитый на секции нарезной орнамент из сетей, зигзагов и ромбов. С обеих сторон ручки с двойными насечками. Вестё-Магор, Восточная Венгрия, 5000–4800 гг. до н. э; высота 19,7 см.

щений многокомнатного комплекса в Горже (см. рис. 3-24: верхняя комната справа) были стенные росписи и отдельный вход, а кроме того, богатая внутренняя обстановка, большая пирамидальная печь и множество сосудов. Возможно, что его также использовали в качестве святилища. Судя по постройкам культуры тиса, поклонение божествам было переплетено с повседневными делами.

В жилищах культуры тиса археологи находят большое количество чаш на массивных ножках, амфоровидных биконических кувшинов, блюд, горшков и прямоугольных сосудов. Как правило, они украшены меандрами: чаще всего используется именно этот орнаментальный мотив, далее идут шевроны и некоторые другие мотивы. Все это – часть символического языка, связанного с культом Богини–дарительницы жизни. Любопытно, что при гравировке орнамента некоторые участки на сосудах оформлялись как отдельные художественные фрагменты (рис. 3-28, 3-29, 3-30). Среди обрядовой керамики особо примечательны небольшие вместилища или лампы с протомами в виде бараньих голов (цветная вклейка 13).

Что касается технологии керамического производства, то тут, в отличие от эпохи неолита, к глине перестали примешивать мякину, так что разница между грубой и тонкой керамикой практически исчезла. Кроме того, появился новый – типичный для классического периода культуры тиса – вид емкостей: их покрывали слоем битума, куда добавляли кусочки мелко нарезанной соломы или мякины, из которых складывался орнамент[44]. Другой распространенный декоративный мотив – черная роспись с широкими полосами.

Захоронения

На территории распространения культуры тиса были проведены раскопки около 400 могил, располагавшихся как вне, так и в пределах поселений. В классический период культуры тиса при захоронении использовались деревянные гробы. При раскопках в Вестё были найдены дощатые гробы с выступами в верхних углах для переноски (рис. 3-31): это первые из известных в Европе. В пределах поселения в четырех разных слоях были обнаружены 18 захоронений в гробах.

Заключительная фаза

Появление в Восточной Венгрии, Восточной Словакии и примыкающей к ним Трансильвании тисапольгарского комплекса определяет конец культуры тиса и расширение ее восточной и северной границы вплоть до Южной Польши. Согласно радиоуглеродной датировке, данная фаза имела место между XLIV и XXXIX вв. до н.э. (Табл. 9). Ее заключительный этап, лажняны, известен только по ингумационным и кремационным захоронениям в Восточной Слова кии и представляет собой умирающую, изолирова ную культуру, отмеченную упадком медного и обси дианового производства, деградацией керамическо го стиля[45]. Скорее всего, это угасание явилос следствием первой волны курганной культуры, о ко торой речь пойдет в главе X.

Культура лендель Среднедунайского бассейна и северных районов Центральной Европы

В Центральной Европе и в бассейне Среднего Ду ная на смену культуре линейно-ленточной керамик пришла культура лендель с иными архитектурны технологическими и творческими традициями. По селения культуры лендель имели некоторое сходст с культурными комплексами данило и бутмир: и тоже окружали V-образные широкие рвы, а их жите ли изготовляли характерные расписные сосуды гру шевидной формы и «фруктовницы». Сформирова лась эта культура в Славонии, Сирмии и Паннони под влиянием усилившихся контактов с западны областями – Боснией и побережьем Адриатики: целом этот процесс напоминал формирование гру пы бутмир[46]. По-прежнему шла торговля обсидиано и раковинами спондилус, которые, возможно, выме нивали на соль и сельскохозяйственные продукты. начала V тыс. до н.э. население западных и северны областей Среднего Дуная отчетливо выделилось самостоятельную культурную группу с собственны художественным стилем.

Поселение Лендель, давшее имя данной культур как и ее крупные поселения Зенгёварконь и Асод, рас положены в Западной Венгрии. Другие места обита ния носителей культуры лендель разбросаны по до статочно большой территории, включая плодородны лессовые низины Северо-Западной Югославии, Вос точной Австрии, Моравии, Западной Словакии Южной Польши[47] (рис. 3-32). Они не образовывал телли: это были крупные горизонтальные поселени из глинобитных домов.

Хронология

Согласно радиоуглеродным датировкам ряда по селений, формирование этой культурной группы вос ходит приблизительно к 5000 г. до н.э. (Табл. 10 Стратиграфия и типология керамики позволяют вы делить 5 фаз ее развития, лендель I–V[48]. Ранний пе риод культуры лендель, имевший место в первой по ловине V тыс. до н.э., отличает многообразие распис ной керамики. Как и в культурах бутмир и данило, н сосудах сперва вырезали спирали, меандры и други мотивы, а затем окрашивали их красным, желтым ил черным красителями. Заметно преобладание яркот

Рис. 3-28
Чаша на ножке, украшенная панелями из меандров и линиями точек (сама чаша), шевронами и точками (ножка). Внутри нарисован белый четырехчастный знак. Классический период культуры тиса, Сегвар-Тюзкёвеш, Юго-Восточная Венгрия, ок. XLVIII–XLVII вв. до н.э.; высота 29,7 см.

Рис. 3-28

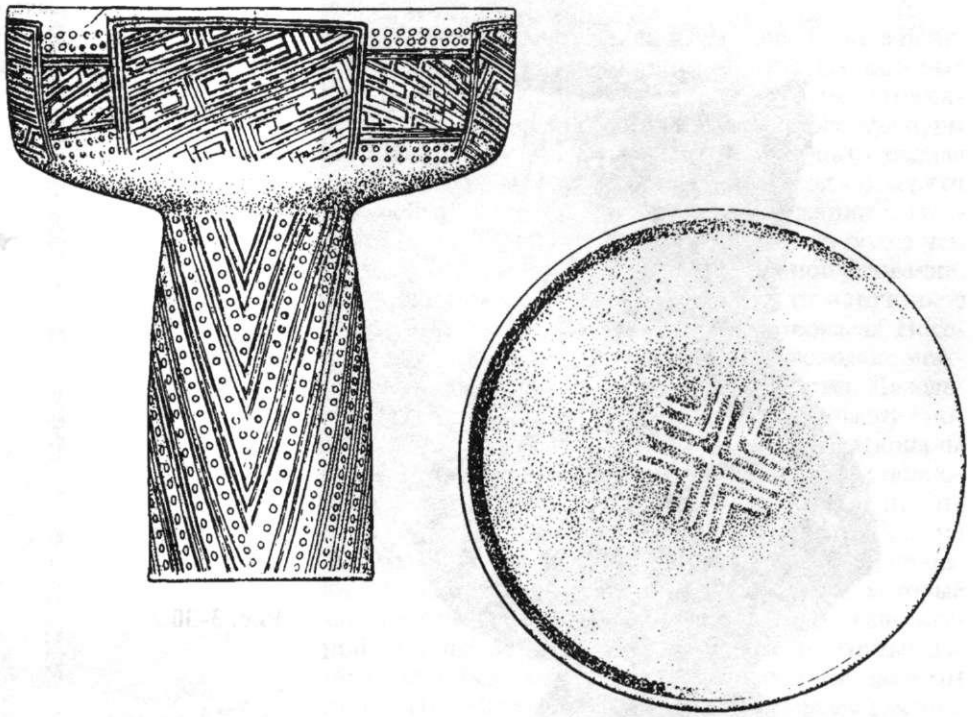


Рис. 3-29

Рис. 3-29
Сосуд на ножке с характерным нарезным орнаментом из меандров. На передней секции меандры меньшего размера и по шесть точек сверху и снизу. Классический период культуры тиса, Сегвар-Тюзкёвеш, Юго-Восточная Венгрия, ок. XLVIII–XLVII вв. до н. э.

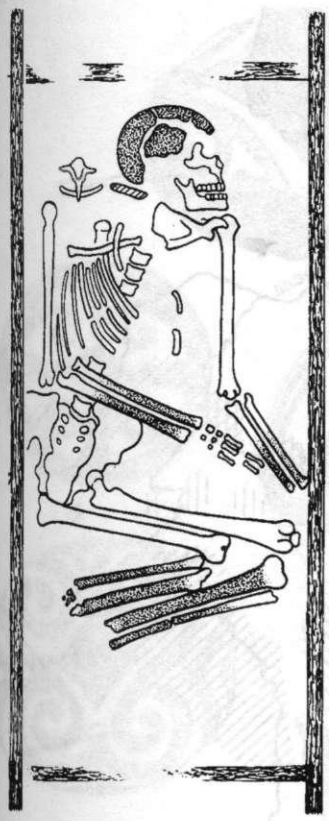
Рис. 3-30.1

Рис. 3-30
Два антропоморфных сосуда на ножках классического периода культуры тиса. Лик Богини обрамлен (1) шевронами и (2) тройными линиями. На тулове – разбитый на несколько секций выгравированный орнамент из меандров и зигзагов с белой инкрустацией. Сегвар-Тюзкёвеш, Юго-Восточная Венгрия, ок. XLVIII–XLVII вв. до н. э.

Рис. 3-31
Захоронение в гробу, культура тиса. Вестё-Магор, Восточная Венгрия, начало V тыс. до н. э.

Рис. 3-30.2

Рис. 3-31



кирпично-красного цвета гематитных пигментов. Еще для стиля лендель характерны небольшие «наросты» или «пуговицы», расположенные по четырем сторонам корпуса биконических сосудов или «фруктовниц» (рис. 3-33А). Следующий этап развития датируется серединой V тыс. до н.э.: гончарные изделия в эту эпоху в основном окрашивались в белый цвет, а на ее заключительных фазах – оставлялись неокрашенными. Общая типология керамики культуры лендель представлена на рис. 3-33В.

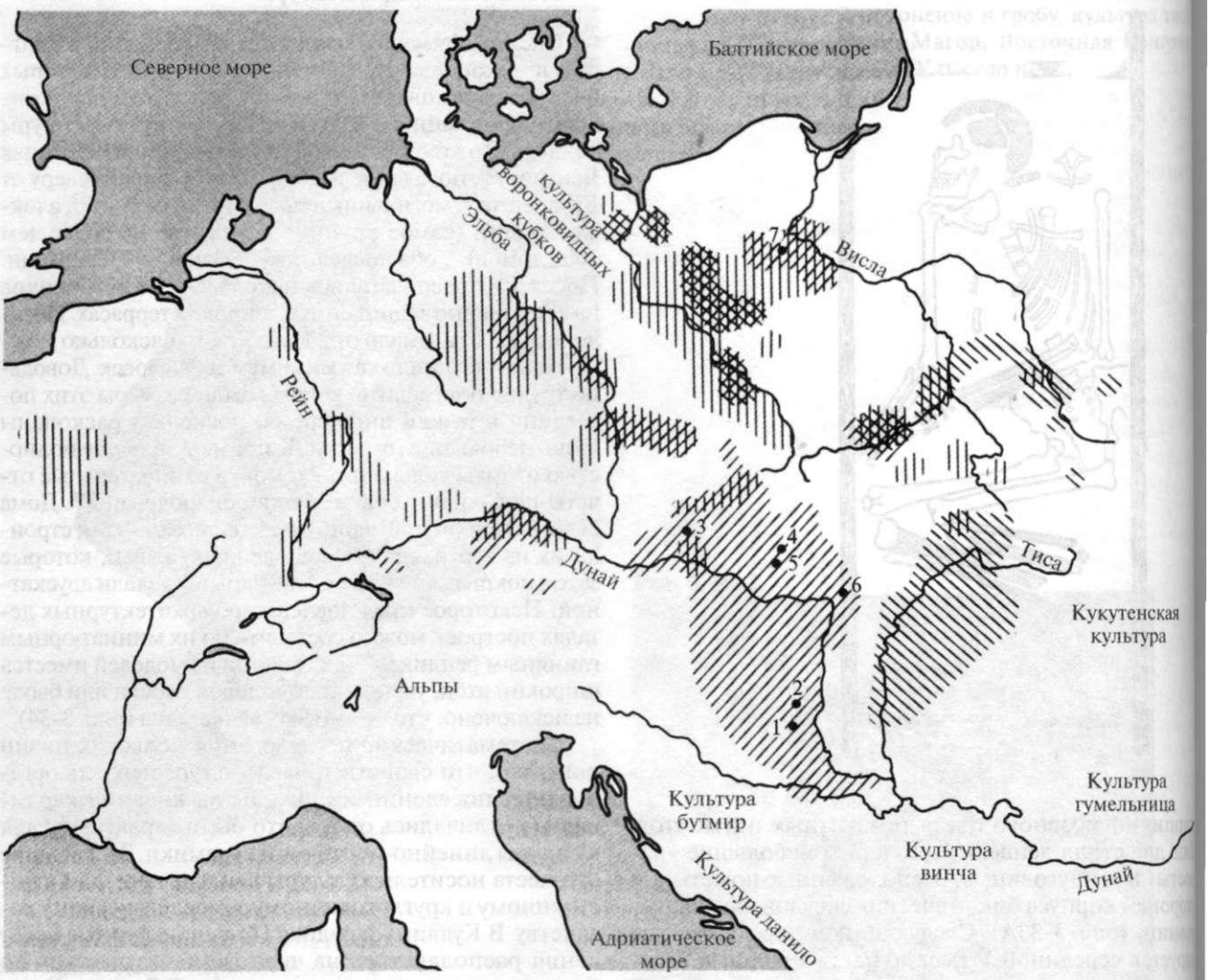
По завершении фазы V изделия культуры лендель более не находят ни в Западной Венгрии, ни в Западной Словакии; их вытесняет южный комплекс балатон. Однако керамика культуры лендель появляется в контексте западноевропейских культур кортайо и михельсберг, а также на Верхнем Дунае, Эльбе и Одере. Распространение культуры лендель из Баварии, Центральной Германии и Западной Польши[49] по северным районам Центральной Европы совпало с проникновением курганной I культуры в Нижнедунайский бассейн. Не исключено, что это продвижение на север было результатом цепной реакции, вызванной событиями в восточных частях Центральной Европы, в результате которых были разрушены культуры караново и винча, что побудило их носителей переместиться в западные и северные регионы.

Поселения и архитектура

Систематические раскопки ряда поселений в Венгрии и Чехословакии (конечно те, отчеты о которых были опубликованы) являются основным источником информации о классическом периоде культуры лендель. В этот список входят Зенгёварконь (Западная Венгрия)[50], поселение и захоронения Асод к северу от Будапешта[51], могильник и поселение Лужянки[52], а также Сводин (самое крупное поселение из более чем 1000 домов)[53], оба последних – в Западной Словакии. Поселения располагались неподалеку от источников на естественно защищенных широких террасах. Поселение Асод занимало от 20 до 25 га, и, насколько можно судить, там жило как минимум 300 человек. Довольно трудно определить, каковы были размеры этих поселений в то или иное время, поскольку раскопаны лишь небольшие их части. К примеру, в Асоде полностью отрыты только пять домов, а окончательные отчеты по Сводину еще не были обнародованы[54]. Дома были размером примерно 8 на 5 м или 6 на 4,5 м; строили их из вертикально составленных бревен, которые затем покрывали слоем глины; крышу делали двускатной. Некоторое представление об архитектурных деталях построек можно составить по их миниатюрным глиняным репликам. Так, у одной из моделей имеется широкий вход, увенчанный головой барана или быка: не исключено, что это модель святилища (рис. 3-34).

Систематические исследования польских низин показали, что свойственные культуре лендель организация поселений и способы выживания кардинально отличались от тех, что были характерны для культуры линейно-ленточной керамики. Заселявшие эти места носители культуры лендель перешли к постоянному и круглогодичному земледельческому хозяйству. В Куявии (Западная Польша) крупные поселения располагались на черноземных участках по берегам озер и извилистых ручьев. В Бжесць-Куявском идентифицировано более 50 домов, из которых за последние полвека многие были раскопаны польскими и американскими археологами[55] (рис. 3-35). В некоторых других местах – например, в Круша-Замкове, домов было меньше, но сами поселки также имели перманентный характер. Многое указывает на то, что носители культуры лендель выращивали зерновые культуры и в большом количестве разводили свиней, овец, коз и оленей. А их потребление птицы, рыбы, моллюсков и черепах превышает ранее известные показатели[56]. В центре поселений культуры лендель обычно стояло несколько длинных сооружений трапециевидной формы длиной от 15 до 40 м (в основном более 20 м), которые возводили по принципу засыпания канав. Более мелкие поселения располагались примерно в радиусе 5 км. Можно выделить три типа поселений: крупные, с несколькими длинными строениями; средние, с одним длинным строением, и временные стоянки без следов перманент-

Рис. 3-32



/// – основной ареал, ок. 5000–4500 гг. до н. э.
|||| – распространение на север и на запад после середины V тыс. до н. э.
\\\ – распространение культуры тиса по территории Южной Польши, тисапольгарский период, конец V тыс. до н. э.

Основные поселения культуры лендель:
1. Зенгёварконь
2. Лендель
3. Стржелице
4. Сводин
5. Лужянки
6. Асод
7. Бжесць-Куявски

Рис. 3-32
Распространение культуры лендель.

Рис. 3-33А

Рис. 3-33А

Расписная керамика классического периода лендель, ок. 4900–4600 гг. до н. э.: крышки, округленные или биконические горшки, чаши на ножках («фруктовницы») и сосуд с длинным цилиндрическим горлом. Роспись яркого кирпично-красного цвета (краситель – гематит) на сером фоне. Вся утварь – часть погребального инвентаря из захоронений рядом с домами в поселении Зенгёварконь, провинция Баранья, район г. Печ, Западная Венгрия.

Рис. 3-33В.III

Рис. 3-33В.II

Рис. 3-33В.I

Рис. 3-33В

Типология керамики лендель: I – ранняя, в том числе расписная керамика с красными, желтыми и черными узорами, XLIX-XLVI вв. до н. э.; II – средняя, менее красочная, с белой росписью, сер. V тыс. до н. э.; III – поздняя керамика без росписи, XLIII– XXXIX вв. до н. э.

Рис. 3-34

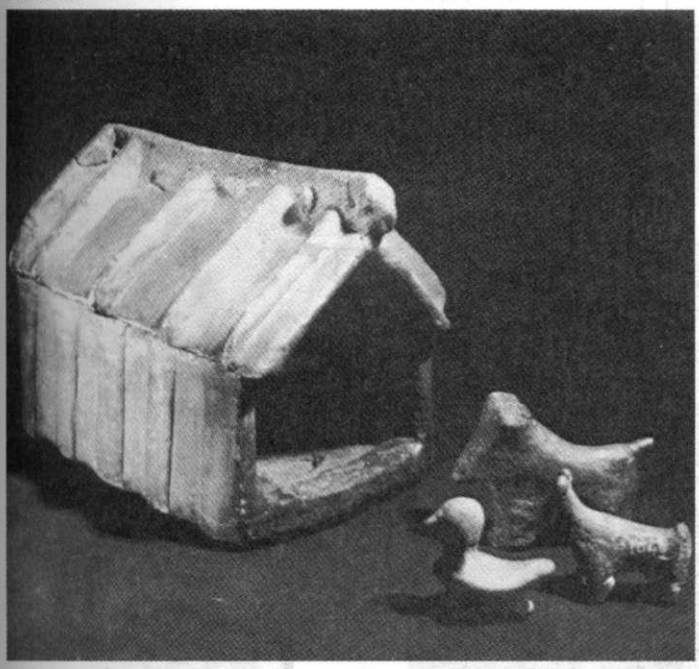


Рис. 3-34
Глиняная модель дома или святилища культуры лендель; судя по ней, стены были из прямостоящих бревен, промежутки между ними заполнены переплетенными прутьями и покрыты слоем глины. Конек двускатной кровли, покоящейся на 5 центральных и боковых массивных балках, украшен изображением головы какого-то животного. Поселение Стржелице в окрестностях г. Зноймо, Моравия. Там же были найдены и статуэтки животных. Начало V тыс. до н. э.

ных построек[57]. Здесь, как и в случае культуры тиса, прослеживается отчетливая иерархия размеров поселений.

Искусство

Именно искусство культуры лендель – раскрашенные гончарные изделия и в высшей степени индивидуализированные женские изображения – вызвали в начале XX столетия интерес любителей археологии. Одним из его первых ценителей и организаторов раскопок был Фр.Вильдомец из Зноймо (Моравия), который собрал немало образцов классического периода культуры лендель, в основном найденных им во время раскопок Стржелице и других поселений в окрестностях Зноймо. Значительная их часть осталась в его частном собрании и по сей день хранится в одном из близлежащих поселков. Коллекции искусства культуры лендель есть также в археологических музеях Брно, Праги, Будапешта, Вены, Печа и др.

Скульптурный стиль лендель имеет ряд отличий от соседних групп. Как и в других случаях, статуэтки по большей части схематичны: биконические головки, обрубки вместо рук, огромные ягодицы. Лица или маски обозначены редко, однако у некоторых бывают намечены глаза, брови, заостренные носы, иногда даже прически и бусы. Характерной особенностью этого стиля являются стоящие фигурки, у которых центр тяжести приходится на нижнюю часть тела, в то время как верхняя редуцирована и практически безгруда (рис. 3-36, 3-37). Встречаются и женские статуэтки, сидящие на скамеечках. Помимо обычных разновидностей статуэток, которые производились в больших количествах, иногда можно найти настоящие произведения искусства, поражающие изобретательностью форм. Таковы сосуды на подставке в виде человеческой ноги (рис. 3-38) или опять-таки одноногая модель святилища с птичьей головой на кровле (рис. 3-39). Последняя находка – из могильника Асод (могила девочки). Поразительные сосуды были обнаружены в раннем поселении культуры лендель Ше неподалеку от Сомбатхея (Западная Венгрия). Один из них имеет вид женщины, которая держит над головой кувшин. Еще одна находка из тех мест – скульптурное изображение богини с удлиненным торсом и хорошо развитой грудью, известное как Владычица Ше (рис. 3-40). К списку удивительных творений культуры лендель добавим ритуальные сосуды в виде медведей из поселения Абрахам (Западная Словакия; рис. 3-41), лампы с двурогими звериными головами, сосуды с широким отверстием и круглыми или рогообразными выступами.

Культура боян Нижнедунайского региона

После середины VI тыс. до н.э. культура старчево (криш), по-прежнему существовавшая в бассейне Нижнего Дуная, перешла в раннюю фазу культуры винча. Около 5000 г. до н.э. к северу от Карпатских гор появились земледельцы–носители культуры линейно-ленточной керамики, которые осели в Молдавии,

Рис. 3-35.1

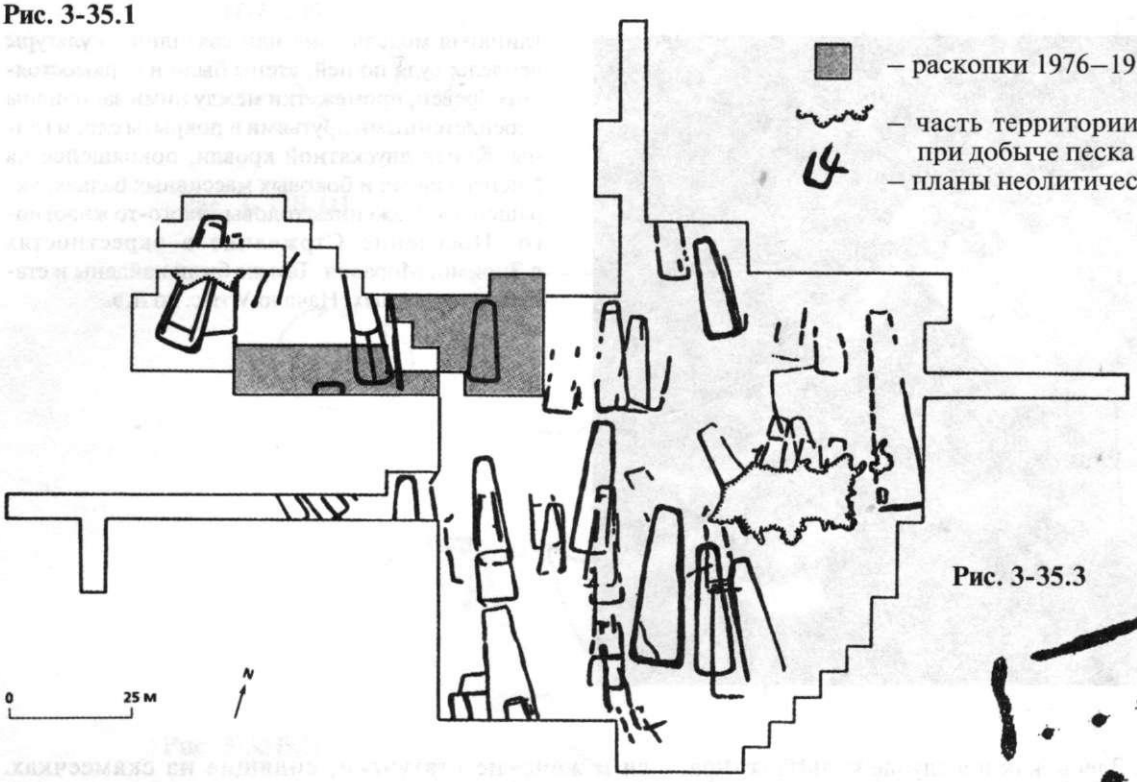


Рис. 3-35.3

Рис. 3-35.2

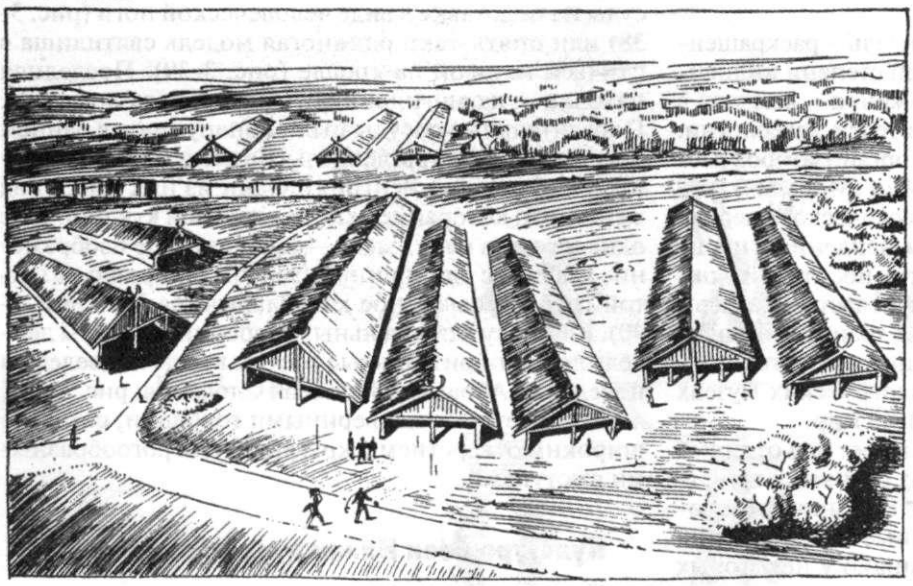


Рис. 3-35

(1) Трапециевидные длинные дома из поселения Бжесць-Куявски, Западная Польша; раскопки 1930-х гг. – К. Яждже
и 1970-х гг. – П. И. Богуцки и Р. Грыгель. (2) Приблизительная реконструкция К. Яждже вского. (3) План со следами ям
для столбов и канав в северной части постройки. Вдоль стен – контуры ям. Правая сторона дома была разрушена.
Поселение культуры лендель в Нова-Гуте в окрестностях Кракова, Южная Польша, ок. 4300–4100 гг. до н. э.

Рис. 3-36.1

Рис. 3-36.2

Рис. 3-36.3

Рис. 3-36.4

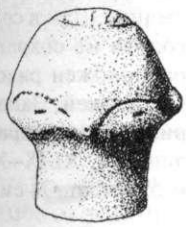
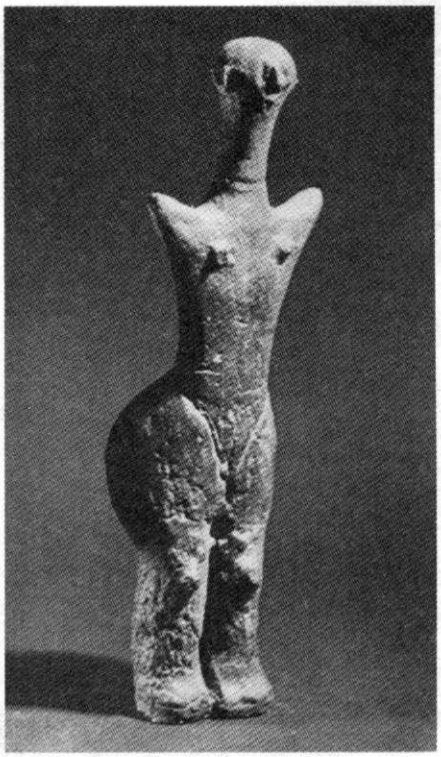


Рис. 3-37



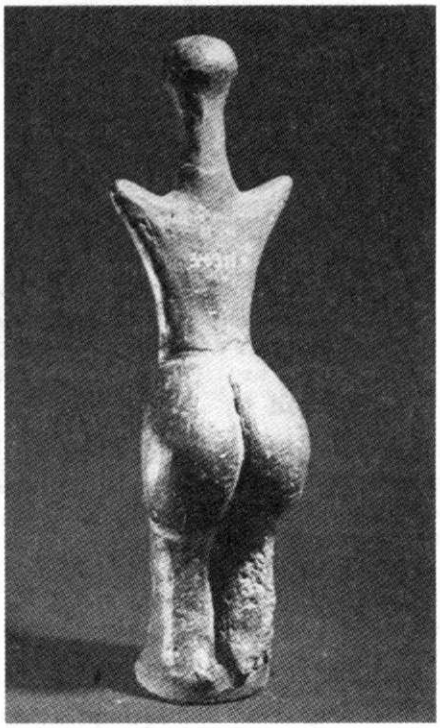


Рис. 3-36

Типичные статуэтки культуры лендель: (1) статуэтка с биконической аморфной головой, обрубками вместо рук, маленькой грудью и тяжелой нижней частью тела. (2–4) Головы с волосами, глазами и носом. Ранний период культуры лендель, XLIX–XLVII вв. до н. э.

Рис. 3-37

Богиня-птица культуры лендель: заостренный нос вместо клюва, руки-обрубки вместо крыльев, маленькая грудь, массивные ягодицы. Вид с двух сторон. Поселение Стржелице в окрестностях г. Зноймо, Моравия. Ранний период культуры лендель, XLIX–XLVII вв. до н. э.

Рис. 3-38

Рис. 3-39

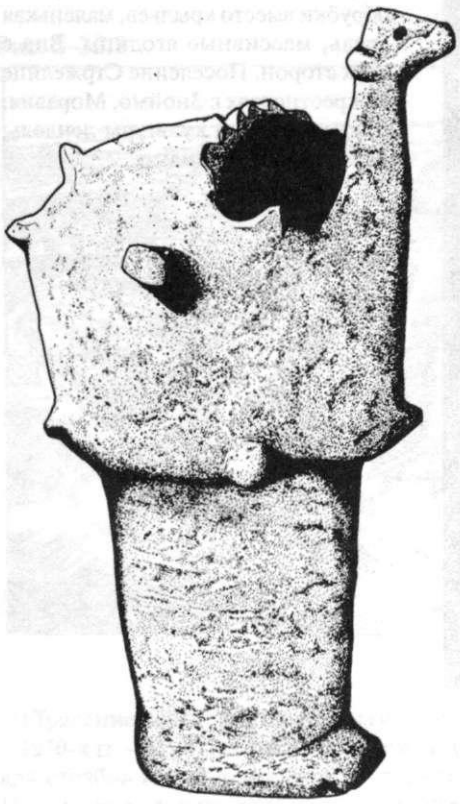


Рис. 3-40

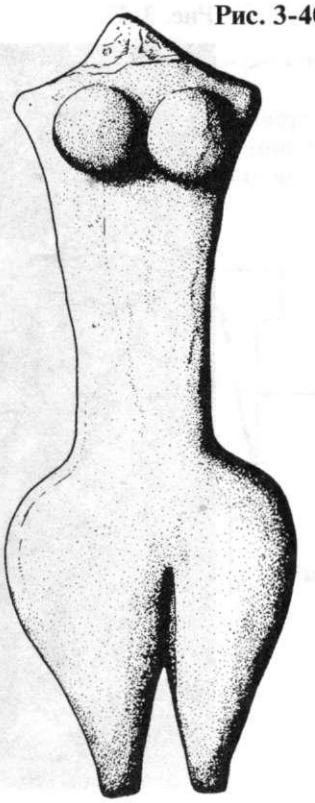


Рис. 3-38
Тройной сосуд для приношений в форме человеческой ноги. Обожженная глина. Глубоке-Машувки у г. Зноймо, район Брно, Моравия. Ранний период культуры лендель, XLIX–XLVII вв. до н. э.

Рис. 3-39
Модель святилища, стоящего на большой человеческой ноге и увенчанного птичьей головой: найдена в Асоде к северу от Будапешта, в могиле девочки (захоронение № 205), XLIX–XLVII вв. до н. э.; высота 25 см.

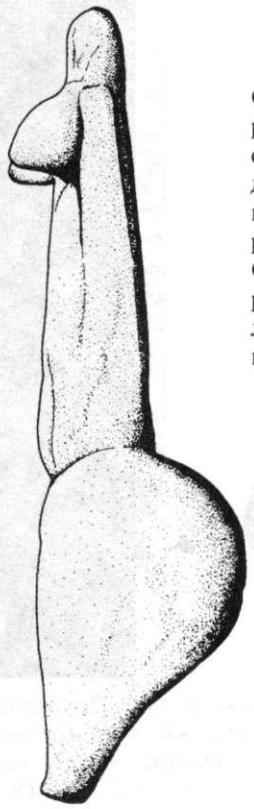


Рис. 3-40
Один из прекраснейших образцов скульптурного искусства культуры лендель, «Владычица Ше»: к сожалению, ее голова не сохранилась (Ше расположен рядом с г. Вашш Сомбатхей, Западная Венгрия). Ранний период культуры лендель, XLIX–XLVII вв. до н. э.; высота 24 см.

Рис. 3-41

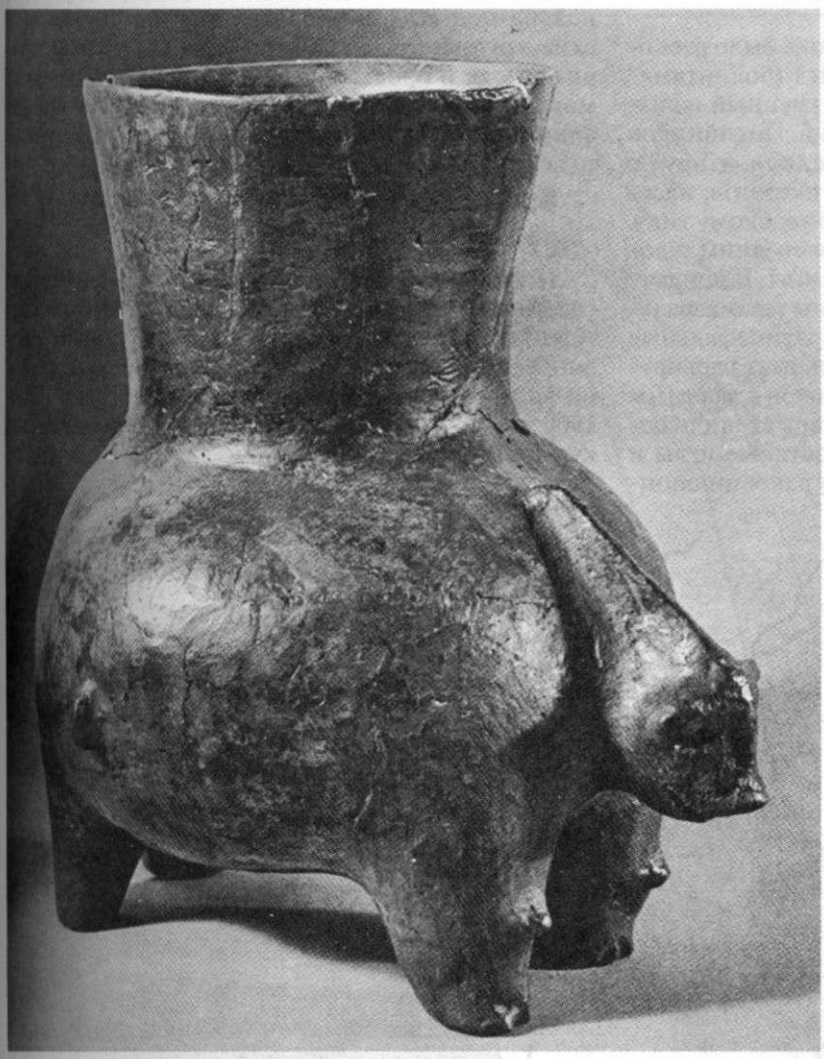


Рис. 3-41
Сосуд в форме медведя с цилиндрическим горлом, расписанным красными полосами. Абрахам у г. Пьештяни, Западная Словакия, начало V тыс. до н. э.

Мунтении (район Бухареста) и Трансильвании. Возникший симбиоз ранних форм культуры винча и культуры линейно-ленточной керамики привел к формированию новой культуры, названной «боян». На черноморском побережье в Добрудже возникла обладавшая собственным художественным стилем культура хаманджия, которая после 4700 г. до н.э. была абсорбирована культурой боян (рис. 3-42). Благодаря миграции носителей данной культуры ее вторая стадия оказала существенное влияние на Трансильванию и Молдавию, тем самым сыграв некоторую роль в формировании великих культур петрешти и кукутени, речь о которых пойдет в конце главы.

Название «боян» дало одноименное островное поселение на озере Боян (Юго-Восточная Румыния), раскопанное в 1924 г.[58]

Поселения-телли

В целом известно около ста поселений культуры боян, по большей части – телли, которые тянутся к северу и к югу от Дуная вплоть до Балканских гор. Крупномасштабные раскопки здесь почти не проводились. Поселения в основном располагались к северу от Нижнего Дуная и к югу от Бухареста, на возвышенностях, мысах, высоких речных и озерных берегах. Многие стратифицированные телли были заселены на протяжении более 500 лет. К примеру, раскопки телля в Тангыру выявили 21 строительный уровень (12 – культуры боян, а остальные – сменившей ее культуры гумельница)[59]. Благодаря стратиграфическому и типологическому анализу можно выделить четыре фазы культуры боян: I болинтиняну, II джулешти, III видра и IV шпанцов[60].

В поселениях культуры боян нет длинных домов, которые были характерны для культуры линейно-ленточной керамики. В период боян I люди жили в полуземлянках, в период боян II жилища стали наземными. Как показали раскопки в придунайском поселении Радовану (Румыния), в период боян III–IV дома строили из дерева, пол делали глинобитным, площадью примерно 7 на 3,5 м[61] (рис. 3-43).

Керамика

Гончарные изделия культуры боян отличаются большим своеобразием; их характерной чертой является резной, окрашенный белым цветом орнамент. Спиралевидные и прямоугольные мотивы, как правило, процарапывали, а ряды из маленьких треугольников и шахматный узор вырезали, как при резке по дереву. После обжига узорные поверхности окрашивали в белый или в красный цвет (рис. 3-44). Широкое распространение имели сосуды на ножке-«столбике» (рис. 3-45), а также биконические чаши и горшки прямоугольной формы. Высококачественную керамику изготавливали из хорошо очищенной глины; она была тонкостенной, нередко пепельно-серого или черного цвета.

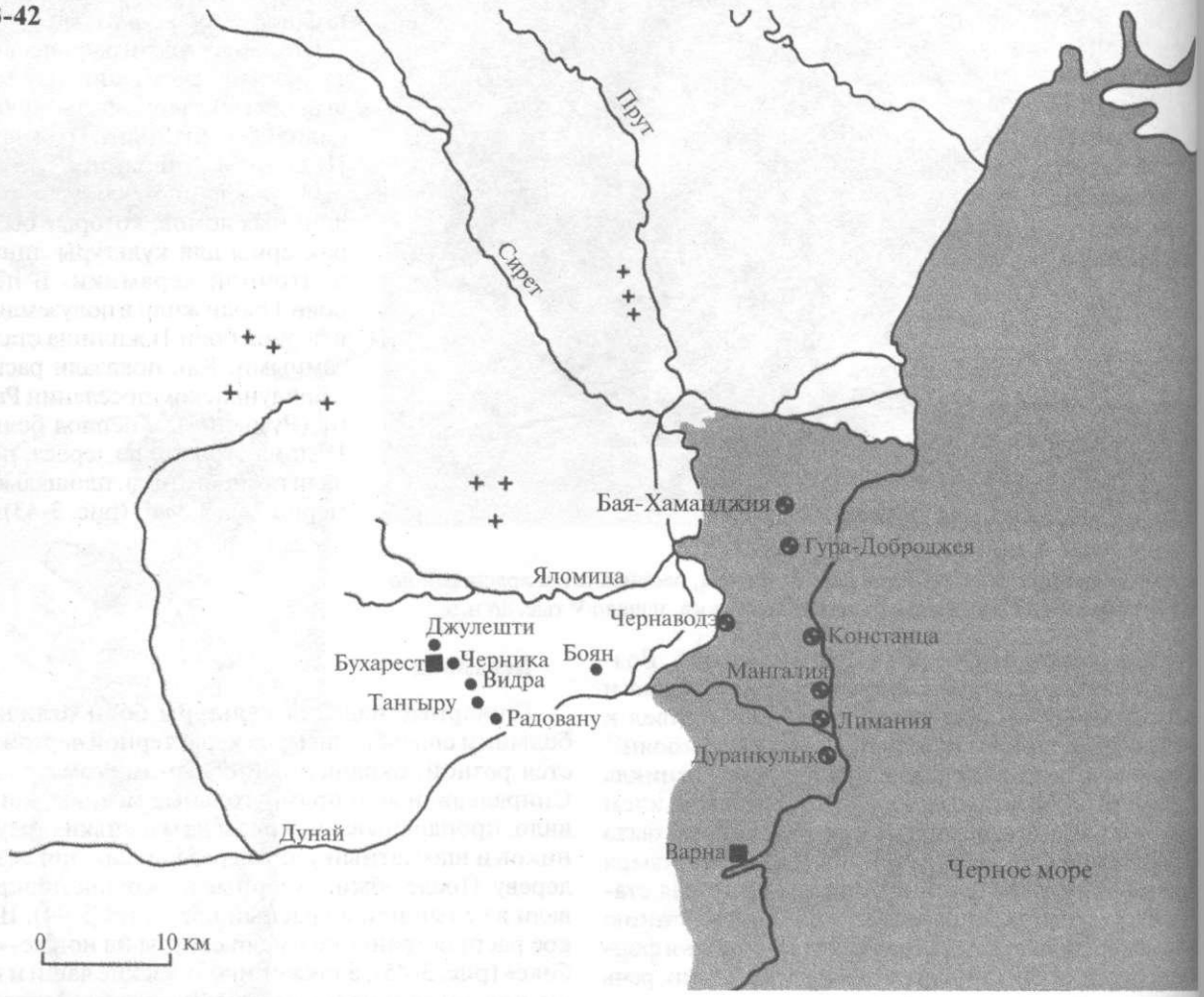
Захоронения

В бухарестском могильнике Черника было раскопано 362 захоронения культуры боян I (болинтиняну)[62]. Это – самый ранний и самый крупный из известных могильников данного региона. Покойников укладывали в ямы в вытянутой позе, ориентируя с запада на восток. Судя по характеру скелетов, население относилось к общесредиземноморскому типу, с грацильными костями и малым или средним телосложением; однако черепа не гомогенны. В придачу к долихоцефальным там были найдены мезоцефальные, брахицефальные и даже гипербрахицефальные (альпийские) типы; лицевой указатель тоже варьируется, что говорит о смешении мигрантов с местным населением. В погребальный инвентарь входили сосуды, каменные топоры и резцы, костяные иглы и шилья. Из украшений – диадемы из раковин спондилус и браслеты из раковин пектункулус (рис. 3-46), кольца-подвески и костяные кольца, цилиндрические, круглые и разрезанные бусины из раковин, нефрита, меди и просверленных зубов лося. В одной из могил была также найдена схематичная костяная фигурка категории столбообразных изображений.

Культура хаманджия Черноморского побережья

Поселения и могильники культуры хаманджия располагались у Черного моря (см. рис. 3-42), на торговом перекрестке, откуда поступавшие с юга раковины (спондилус, денталиум) и мрамор расходились по внутренним районам. Д.Берчу, который в 1952–1960 гг.[63] провел раскопки крупнейших могильников культуры хаманджия, считал (на эту мысль его натолкнуло присутствие удивительных скульптур, мрамо-

Рис. 3-42



Распределение культуры хаманджия
● - поселения культуры боян
● - основные могильники и поселения
+ - поселения культуры линейно-ленточной керамики

Рис. 3-42
Ареал распространения культуры хаманджия (з-
темненная часть), начало V тыс. до н. э.

Рис. 3-43

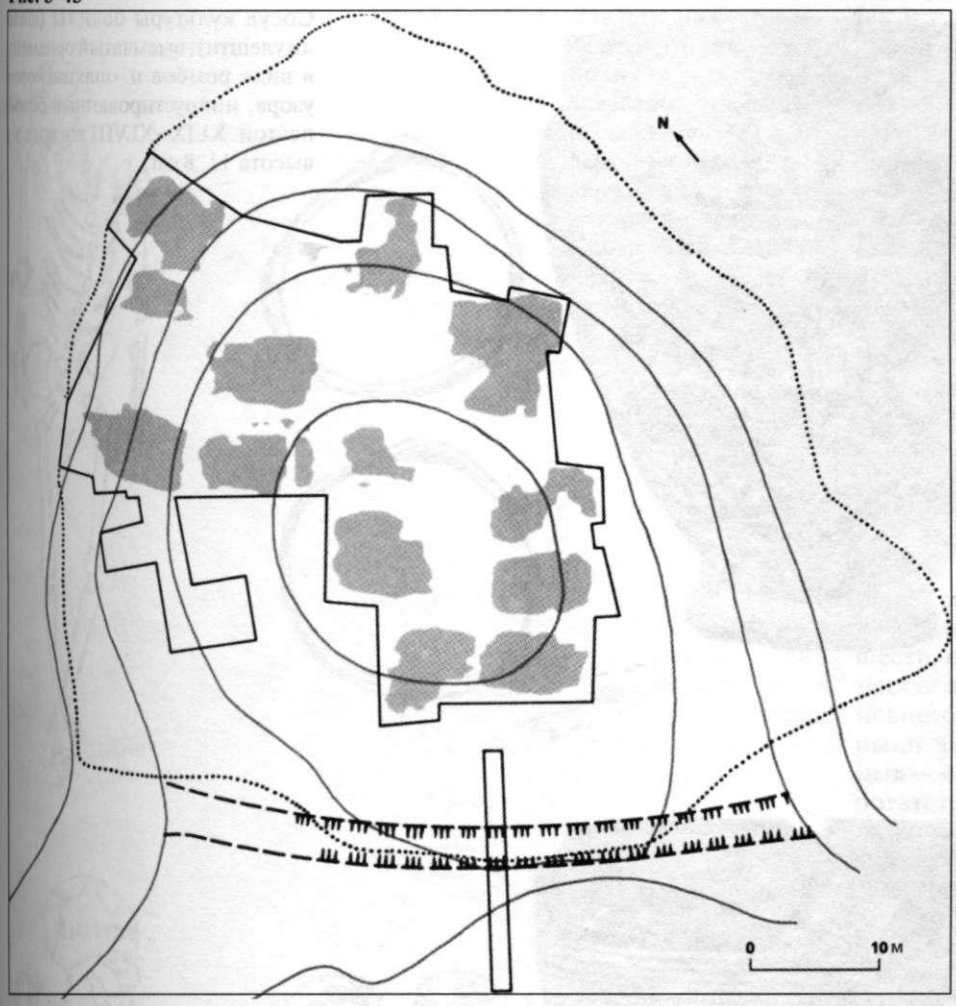


Рис. 3-43
Расчищенные глиняные полы построек культуры боян из телля Радовану, расположенного неподалеку от Дуная, Южная Румыния. Первый жилой горизонт. Культура боян III (видра). Дома стояли рядами. На втором жилом горизонте обнаружено два ряда домов ок. XLVII–XLVI вв. до н. э.

ра и раковин спондилус), что ее носители были выходцами из Восточного Средиземноморья. Однако у нее скорей всего были местные корни: на это указывает связь ранней керамики культуры хаманджия с культурой старчево (криш), как и то, что микролитическое кремневое производство здесь было известно с древних времен. Согласно анализу костных останков, обитатели здешних мест принадлежали к средиземноморскому (в нескольких вариантах) и протоевропеоидному грацилизирующему типу. Кроме того, есть следы присутствия потомков позднепалеолитического пшедмостского типа[64], который продолжал существовать на побережье Черного моря и после исчезновения культуры хаманджия.

Поселения и хронология

Полуподземные жилища культуры хаманджия располагались на низких озерных террасах, как, например, в Головице, неподалеку от Бая-Хаманджия. Типологический анализ помог установить пять фаз развития данной культуры, которые параллельны культурам боян и караново III–IV (приблизительно 5500–4700 гг. до н.э.). Существует только одна радиоуглеродная датировка культуры хаманджия III – 5880 до н.в. (данные лаборатории Гронингена), что с уточнением дает приблизительно XLIX–XLVIII вв. до н.э.

Могильник Чернаводэ расположен на возвышенности рядом с Дунаем и включает в себя не менее 600 ингумационных захоронений, из которых 400

Рис. 3-44

Рис. 3-44
Сосуд культуры боян III (фаз
джулешти); выемчатый орнамен
в виде ромбов и «шахматного
узора, инкрустированный белой
пастой. XLIX–XLVIII вв. до н.э
высота 11, 8 см.

Рис. 3-45

Рис. 3-45
Сосуд на ножке-«столбике» с выем
чатым орнаментом и белой инкру
стацией. Культура боян III (видра
ок. XLVIII–XLVI вв. до н.э.; высо
та 27, 9 см.

Рис. 3-46

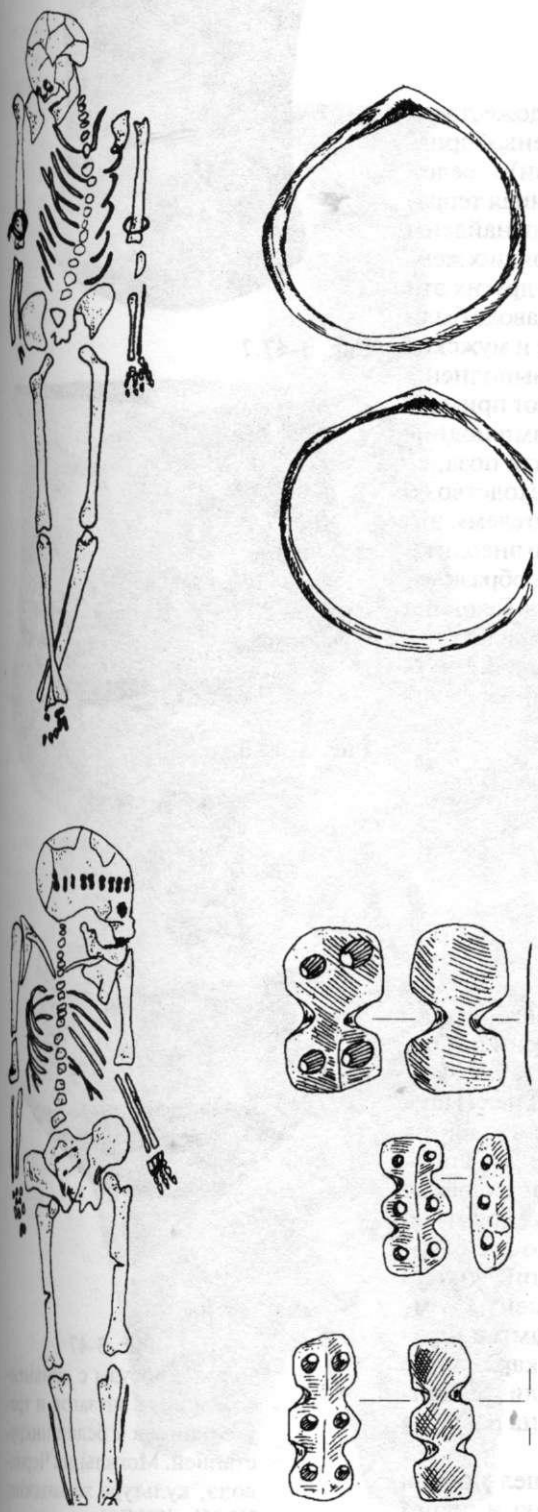


Рис. 3-46
Скелеты из бухарестского могильника Черника с наручными браслетами из раковины пектункулус и диадемой из перфорированных пластинок из раковин спондилус. Конец VI тыс. до н.э.

было раскопано. Как в мужских, так и в женских могилах обычно имеется один или два сосуда, отполированные каменные инструменты и одна или две глиняных или мраморных статуэтки столбообразного типа. Однако такого рода инвентарь есть далеко не во всех захоронениях, большинство находок было сделано в верхней части могильника, которая считается более поздней. Рядом с головой покойника нередко бывает положена галька или куски мрамора круглой, полукруглой или ромбовидной формы. Более поздние захоронения часто размещали поверх более ранних, или же более древние останки вынимали и перезахоранивали вместе с новыми. Особый интерес представляют ритуальные захоронения черепов, которые, вместе с остатками пиршеств, обнаружены в нескольких местах к западу и к северу от основного могильника. В них также были черепа и челюсти животных – оленей, свиней, крупного рогатого скота, коз, – которые, возможно, служили символами регенерации. Не исключено, что захоронения черепов были вторичными (другие кости могли считаться менее важными).

Первые отчеты о крупномасштабных раскопках Х.Тодоровой и Т.Димова причерноморского поселения Дуранкулык (Болгария) увидели свет, когда эта книга была завершена[65]. Эти раскопки были начаты в 1978 г. и по сей день еще не закончены. Однако уже можно сказать, что безусловный интерес представляют найденные там полуподземные жилища культуры хаманджия и 846 захоронений разных фаз культурного развития, равно как и поселение культуры варна, пришедшей на смену хаманджия. Работа археологов показала, что здесь на протяжении трех четвертей V тыс. до н.э. существовала непрерывная преемственность культурных традиций. Теперь стало возможным исследовать генетическую связь между культурами хаманджия и варна, которые ранее рассматри-

вались как отдельные явления. О богатом материалами могильнике Варны мы еще будем говорить в этой главе, в разделе, посвященном торговому обмену.

Искусство

Носители культуры хаманджия обладали собственным художественным стилем, для которого характерна черная керамика с лощеным орнаментом (зигзагами и наколами, меандрами и треугольниками) и белой инкрустацией (рис. 3-47) и чрезвычайно индивидуализированная терракотовая и мраморная скульптура. Так, в ряде захоронений были найдены статуэтки Белой Богини смерти. У некоторых сидящих или стоящих женских изображений – тучное тело и штырек вместо головы, у других эти черты редуцированы (рис. 3-48). В одном из захоронений Чернаводэ были обнаружены две парные статуэтки, представляющие женское и мужское божество: они обнажены, в масках и оба сидят. Скульптуры выполнены из серовато-коричневой лощеной глины с орнаментом и имеют примерно 12 см в высоту. Мужчина сидит на скамеечке, обеими руками подпирая подбородок; у женщины более удобная и непринужденная поза, ее руки покоятся на согнутом правом колене (см. рис. 7-42). За сходство со скульптурой Родена мужское изображение окрестили «Мыслителем»: это одно из самых широко известных произведений европейского энеолита. Кроме того, в могильниках часто встречаются статуэтки столбообразных, а в деревнях – беременных богинь. При раскопках поселения Головица вдобавок к домам-ямам была найдена одна наземная постройка площадью 6 на 5 м, скорей всего использовавшаяся для культовых целей. Внутри на полу было обнаружено четыре терракотовых статуэтки беременных женщин со сложенными на животе руками.

Культура караново-гумельница Фракии и Восточной Македонии

Культурная преемственность и распространение по Североэгейскому региону и Нижнедунайской долине

Документально подтверждено, что на протяжении всего V тыс. до н.э. вплоть до 4300–4200 гг. до н.э. на территории Болгарии и Южной Румынии существовала культурная преемственность (Табл. 11).

Многие неолитические телли – Караново, Азмак и Казанлык (Центральная Болгария) – были местами постоянного обитания людей на протяжении тысячи лет, начиная с середины VI тыс. до н. э. За неолитическими культурами караново I и II последовали энеолитические культуры караново III–VI. В эпоху караново III–IV (5500–5000 гг. до н. э.) ее влияние привело к общекультурным изменениям по всей территории Центральных Балкан и в Северо-Восточной Греции. Около 5500 г. до н. э. этническая экспансия занесла некоторые элементы комплекса караново III к югу от Родопских гор, на равнины Драмы и Фракии. За пределами долины Марицы поселения культуры караново с материалами фазы III можно найти на нетронутых землях или в скалистых местностях. Таковы телли Ситагрой[66] и Дикили-Таш[67] на равнине Драма к северу от Эгейского моря.

По-видимому, где-то в середине V тыс. до н.э. произошел приток населения из Центральной в Северо-Восточную Болгарию и, через Нижний Дунай, в Южную Румынию. Расширяется ареал распространения теллей карановского типа. Раскопки 1970-х гг., проводившиеся

Рис. 3-47.1

Рис. 3-47.2

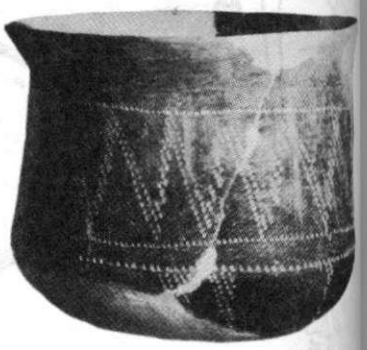


Рис. 3-47.3

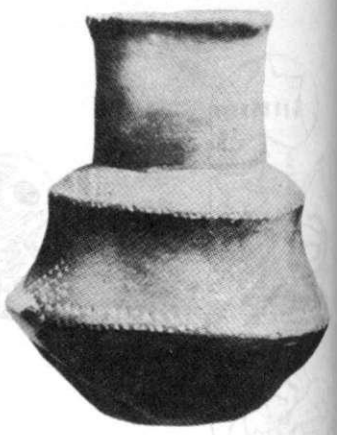


Рис. 3-47
Черные сосуды с орнаментом в виде зигзагов и треугольников и белой инкрустацией. Могильник Чернаводэ, культура хаманджия XLIX–XLVIII вв. до н.э. Высота (1) 11 см; (2) 15 см; (3) 13 см.

Рис. 3-48. 1

Рис. 3-48. 2

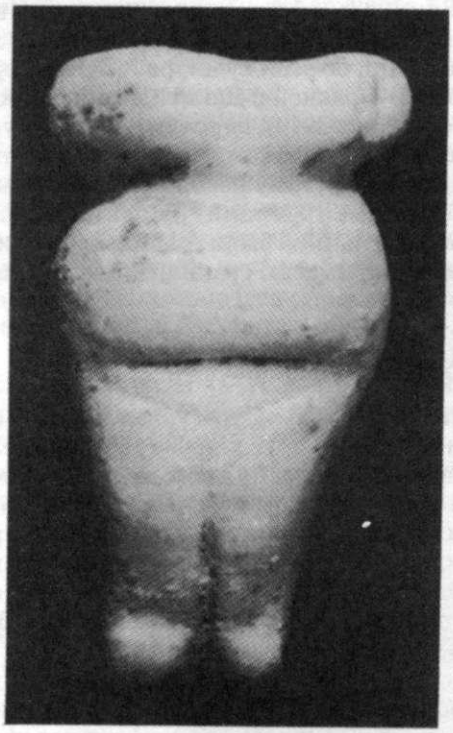


Рис. 3-48
Столбообразные статуэтки из захоронений культуры хаманджия: (1) терракота, (2) мрамор, найдены в могильнике Чернаводэ на черноморском побережье Румынии, ок. XLIX–XLVIII вв. до н. э.; высота (1) 15,7 см; (2) 9 см.

Х.Тодоровой в Полянице, Овчарово, Голямо-Делчево и Винице в районе Тырговиште и Т.Ивановым в Радинграде поблизости от Разграда, дали много новых сведений об этой культуре[68]. В этот период между древней Фракией и Дакией возникает культурная общность (рис. 3-49), впрочем, не затронувшая обитателей Черноморского побережья, которые принадлежали к другому расовому типу и имели иные архитектурные традиции[69]. Носители культуры караново-гумельница были грацильными средиземноморцами с примесью грацилизированного протоевропеоидного типа.

Поселения и жилища

В поселениях культуры караново дома ставились почти вплотную друг к другу так, что между ними оставались лишь узкие проходы или тропки (рис. 3-50). В теллях Виницы и Овчарово было обнаружено почти двадцать строительных уровней, причем сохранилось первоначальное местоположение большей части жилищ[70]. Раскопки в Полянице показали, что вокруг самого древнего поселения была тройная изгородь – возможно, для защиты от диких животных. Не следует ее путать с укреплениями индоевропейского типа, которые возводились на возвышенностях. В поселениях культуры караново из камня не строили: дома были из вертикально поставленных бревен, которые переплетали прутьями и с обеих сторон обмазывали глиной. Пол застилали досками, которые сверху покрывали слоем глины (рис. 3-51). Некоторые дома в Овчарово были обмазаны не менее 47 раз, что обеспечивало им пятидесятилетний или даже больший запас прочности – конечно, при условии, что они не сгорали до этого срока.

Двухэтажные святилища

В каждом поселении имелась центральная постройка, нередко двухэтажная, которая примыкала к другим домам (см. рис. 3-50, нижний ряд справа). Как показали раскопки в Радинграде, подобные двухэтажные сооружения – святилища, на первом этаже которых располагались мастерские. Их керамические модели представляют собой реплики реальных строений (рис. 3-52). У некоторых моделей окна нижнего этажа имеют круглую форму, а на их поверхности заметны остатки красных, желтых и белых росписей. Самая крупная была найдена в сгоревшем святилище в Кэшиоареле на одном из дунайских островов Южной Румынии (см. рис. 7-57). Раскопки святилищ и изучение их моделей помогли установить, что двухэтажные постройки были не домами вождей или старейшин, как предполагали археологи, но общественными храмами и мастерскими. Модели с открытым верхом, как, например, та, что была найдена в Овчарово (рис. 3-53), позволяют рассмотреть внутреннюю обстановку нижнего этажа. Справа от входа, у стены, ровно по центру располагалась большая печь прямоугольной формы с верхом в виде двускатной кровли, за ней – отгороженный глиняной загородкой угол, у примыкающей стены – глиняная скамья.

Поляница, Овчарово и другие полностью раскопанные телли – прекрасные образцы хорошо организованных поселений. Как считает археолог Х.Тодорова, их жители скорее всего не знали неравенства, общины отличались прочностью, а жизнь была сосредоточена вокруг храмовых работ.

Сельское хозяйство

Поля возделывали в непосредственной близости от поселений, а скот кормился тем, что давали пастбища. У населения всех раскопанных теллей основным источником мяса и молока был крупный рогатый скот, что не умаляло значения для его рациона овец, коз, свиней и зерновых культур[71]. Принимая во внимание вместительность кладовых ям в Голямо-Делчево, ученые рассчитали, что необходимый годовой запас зерна был приблизительно равен 20–24 тыс. кг с 16 га обрабатываемых земель. Если необходимый для возделывания этой территории объем работ распределить между двадцатью семействами, которые жили в поселении, то получается та степень занятости, которая давала возможность для строительства домов, заготовки леса, разведения скота, охоты, рыбной ловли, собирательства, торговли, домашних и храмовых ремесел[72]. Поскольку в этих поселках производились изумительная керамика и инструменты, это указывает на достаточное количество свободного времени, которое позволяло совершенствовать искусства и ремесла.

Отношения между городами и поселениями

Самые крупные телли Центральной Болгарии, которые могли вмещать до 5 тыс. обитателей, раскопаны еще не полностью, поэтому говорить об их внутреннем устройстве пока рано. Скорее всего, это города, бывшие центрами тех или иных районов. В Болгарии и Румынии общее число теллей середины V тыс. до н.э. превышает тысячу (в Болгарии их около 600, в Румынии – не менее 500), и недалеко то время, когда с помощью магнитометра, воздушной съемки и других приспособлений мы придем к новому пониманию связей между городами и поселениями. В Центральной Болгарии в окрестностях крупных жилых холмов могильники пока не обнаружены, однако в Северной Болгарии вокруг таких теллей, как Виница, Голямо-Делчево, Поляница и Овчарово найдено немало захоронений. По ним можно судить о том, как было устроено это общество (об этом см. главу IX). В данный период у жителей Черноморско-

го побережья происходят серьезные изменения в общественном устройстве.

Керамика

Как в городах, так и в поселках основным занятием носителей культуры караново было изготовление керамики. Судя по постоянному эстетическому и технологическому росту этого искусства, оно требовало огромных затрат времени и творческих усилий. Если даже большая часть керамики была предназначена для сакральных нужд, люди ежедневно соприкасались с изделиями тончайшей работы: иначе говоря, обогащение культуры охватывало все общественные проявления.

Для искусства культуры караново первых веков V тыс. до н.э. характерны серые сосуды с белой инкрустацией. Исчезают типичные для раннего периода культуры караново высокие тюльпанообразные кувшины с полыми основаниями, выходят из моды каннелюры, ранее украшавшие их поверхность. Середина V тыс. до н.э. – время горшков с цилиндрическими горловинами, чаш, блюд и сосудов бочковидной формы (рис. 3-54). Продолжалось и развитие символической системы, порожденной уже известным нам культом Богини, что в итоге привело к единству символической и эстетической системы выразительности. Для культуры караново VI характерны орнаментированные графитом блюда, внутренняя поверхность которых поделена на четыре части и бывает украшена динамичным узором со спиралевидными, яйцеобразными и серповидными элементами (рис. 3-54, верхний ряд). Кроме того, часто встречаются и такие мотивы, как шевроны, ряды треугольников, шахматный узор, параллельные линии и ряды неглубоких отпечатков, сделанных раковинами.

Особый интерес с технологической точки зрения представляет керамика с графитной и золотой рас-

Рис. 3-49

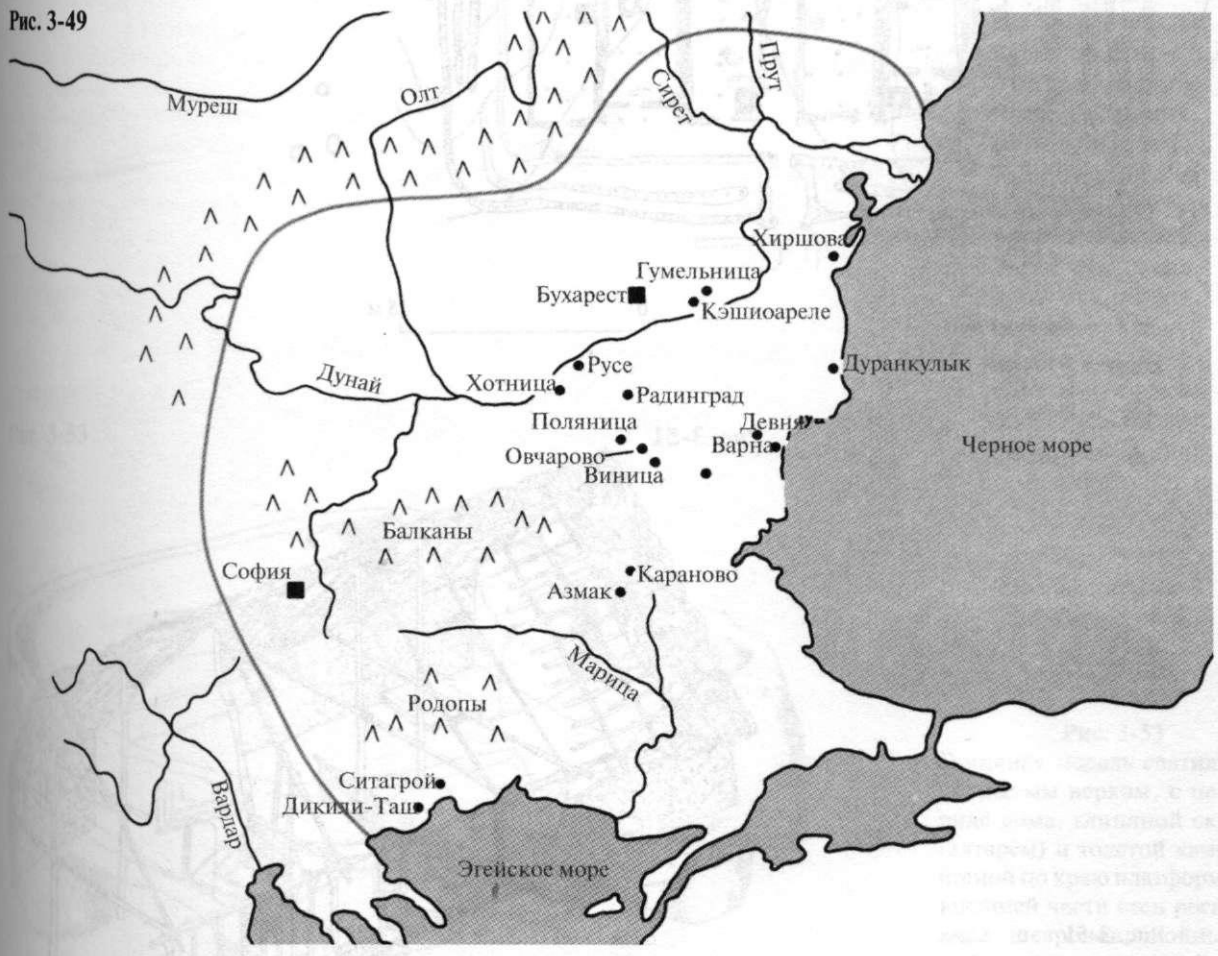


Рис. 3-49

Культура караново-гумельница и культуры Черноморского побережья середины V тыс. до н.э. Упоминающиеся в тексте места отмечены черными точками.

Рис. 3-50

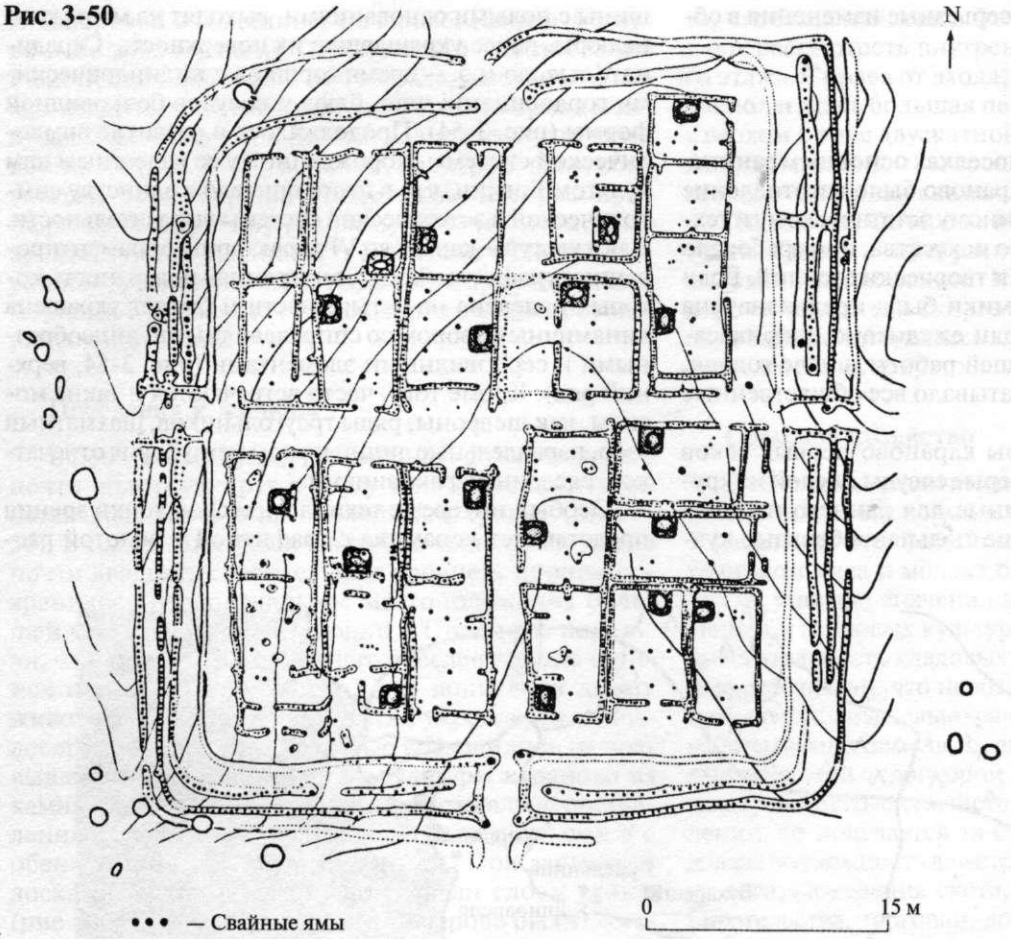


Рис. 3-50
План компактного поселения культуры караново квадратная площадка, обнесенная изгородью, со входами с каждой из четырех сторон. Между домами – узкие тропки, только две большие улицы. Поляница, Северо-Восточная Болгария, период караново V, XLVIII–XLVI вв. до н.э.

Рис. 3-51

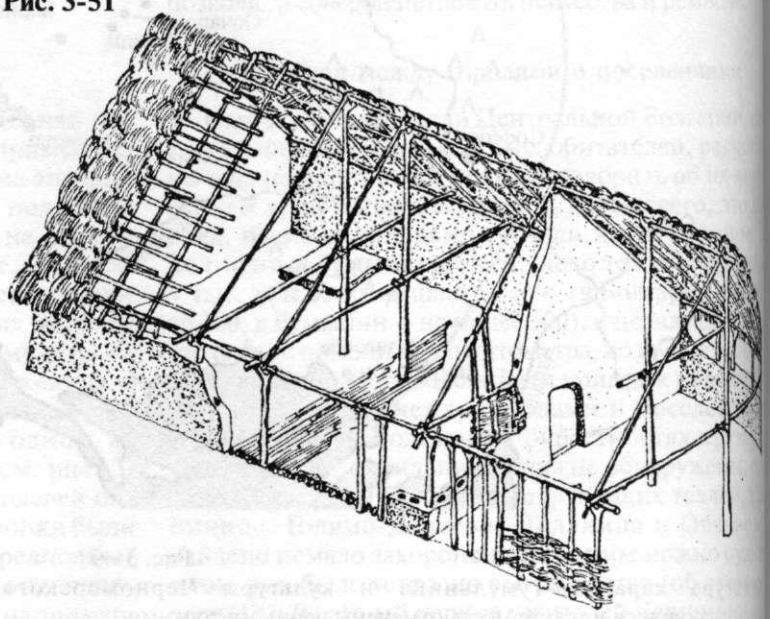


Рис. 3-51
Реконструкция дома из телля Азмак, Центральная Болгария, культура караново VI, середина V тыс. до н. э.

Рис. 3-52

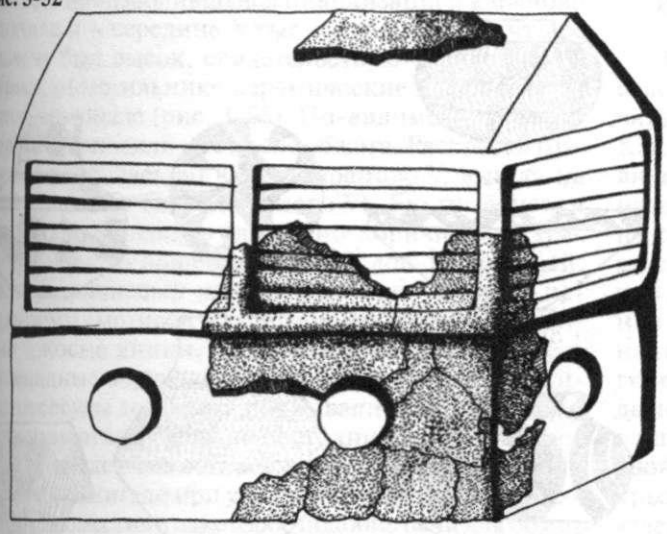


Рис. 3-52
Реконструкция модели двухэтажной постройки из Русе, Северная Болгария. Судя по сохранившимся фрагментам, у нее была цокольная часть с круглыми окнами. Верхний этаж был выстроен из горизонтальных бревен, уложенных между вертикальных столбов. Культура караново VI (гумельница), середина V тыс. до н. э.

Рис. 3-53

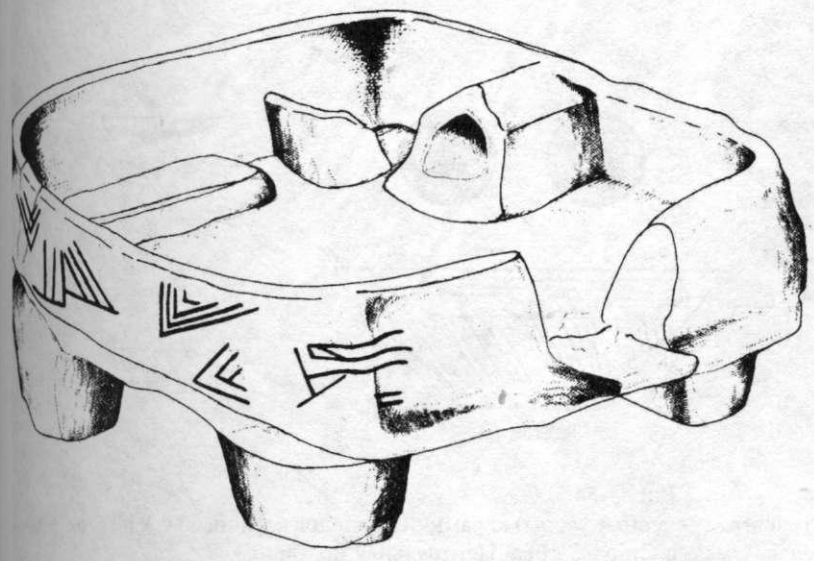


Рис. 3-53
Глиняная модель святилища с открытым верхом, с печью в виде дома, глиняной скамьей (алтарем) и толстой каменной стеной по краю платформы. На внешней части стен роспись в виде шевронов, тройных линий и других знаков. Овчарово I, Северо-Восточная Болгария, период караново VI, середина V тыс. до н. э.

Рис. 3-54

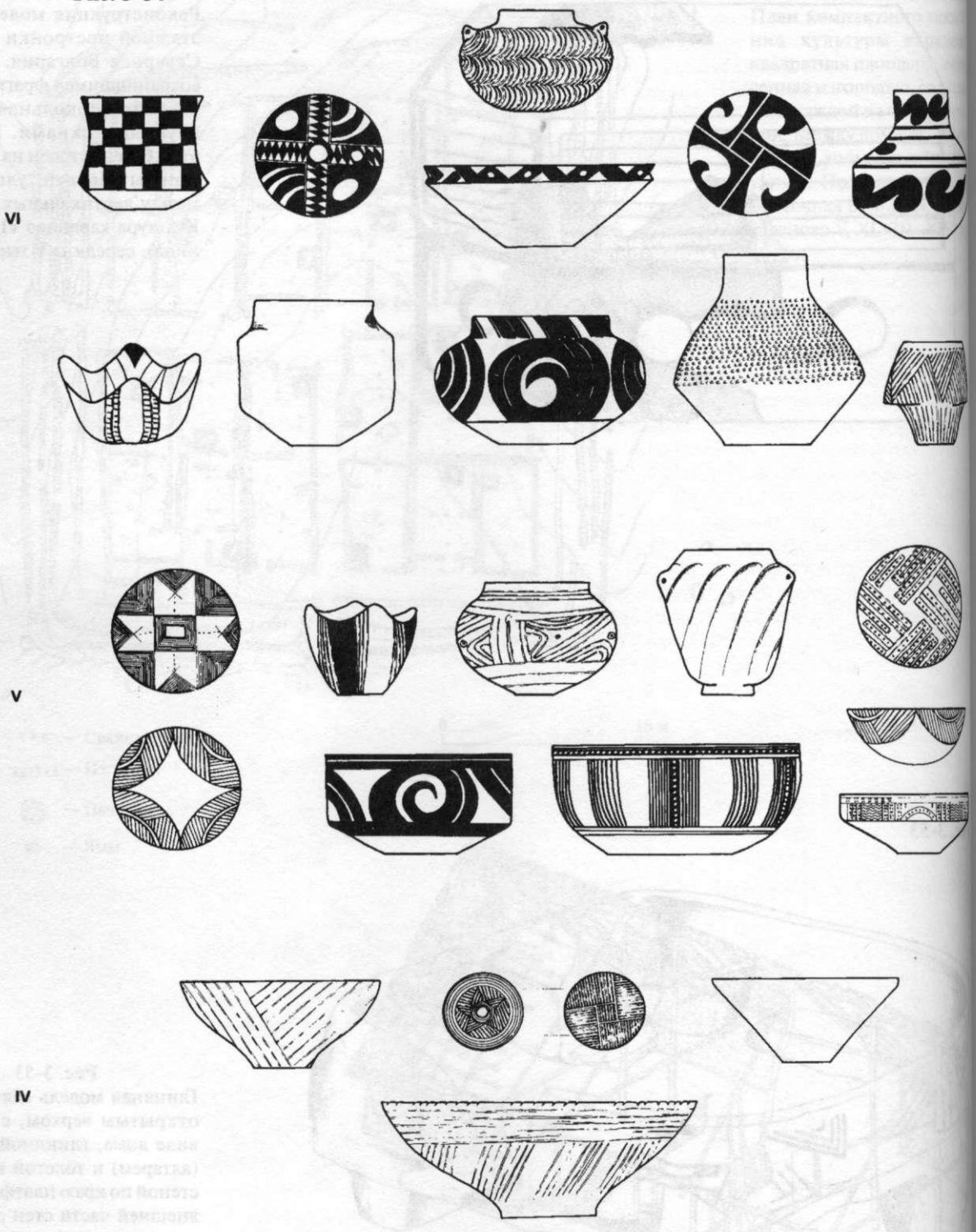


Рис. 3-54

Формы и виды росписей (включая роспись графитом – черные узоры) керамики периодов караново IV, V и VI, ок. 5000-4500 гг. до н. э., найденной при раскопках телля Азмак, г. Стара-Загора, Центральная Болгария.

краской, производившаяся цивилизацией караново в начале и в середине V тыс. до н.э. О том, что ее уровень был высок, свидетельствуют найденные в Варнском могильнике керамические изделия с золотой росписью (рис. 3-55). По-видимому, золотой порошок наносили уже после обжига. Раскраска графитом появилась во время караново V, вышла на первое место в эпоху караново VI. Ею графически декорировали черную или темно-коричневую керамику узорного лощения, иногда добавляя белый, желто-коричневый или желтый цвет. В числе используемых мотивов – спирали, меандры, завихренные и косые линии, треугольники, правильные и яйцевидные окружности. Для графитной орнаментации сосуды до обжига покрывали ангобом, затем, когда они отвердевали до состояния кожи, полировали и, после полной просушки, наносили графит. Далее их обжигали при умеренной температуре в 850–1000 °С, поместив в некоторое подобие печи для обжига, чтобы помешать окислению графита. Графит есть в метаморфических скалах Родопских и Балканских гор; немалое количество рожков с графитом было найдено в жилых холмах вокруг города Стара-Загора. Можно предположить, что из Болгарии он распространился по территории Югославии и Чехословакии, поскольку изделия с графитной росписью встречаются также в культурах винча и линейно-ленточной керамики.

Искусство скульптуры

За редкими исключениями, скульптурные произведения культуры караново не способны соперничать с удивительным совершенством ее керамики. Как и во многих других культурных группах, они отличались схематизмом и, по-видимому, были предназначены для повседневных обрядов. Что касается шедевров, то они, судя по высокому уровню художественного исполнения, предназначались для храмов или для больших празднеств. В вышедших за последние полвека книгах по истории искусства можно найти некоторые образчики скульптуры карановогумельница. Среди них восседающая на троне Владычица Пазарджика, чьи грушевидные ягодицы украшены ромбическим узором, а вульва отмечена двойной спиралью. У нее крупная голова, лицо закрыто маской, а руки сложены на груди[73]. Другая «звезда», получившая известность более пятидесяти лет назад, занимает почетное место в коллекции Городского музея Бухареста. Это антропоморфный сосуд из Видры (Бухарест) в виде богини со сложенными на животе руками: он имеет 42 см в высоту и расписан концентрическими кругами и ромбами[74]. В Гумельнице (Южная Румыния) были найдены весьма примечательные скульптурные изображения женщин с масками смерти на лицах, которые держат над головами сосуды: по-видимому, это часть какого-то

Рис. 3-55

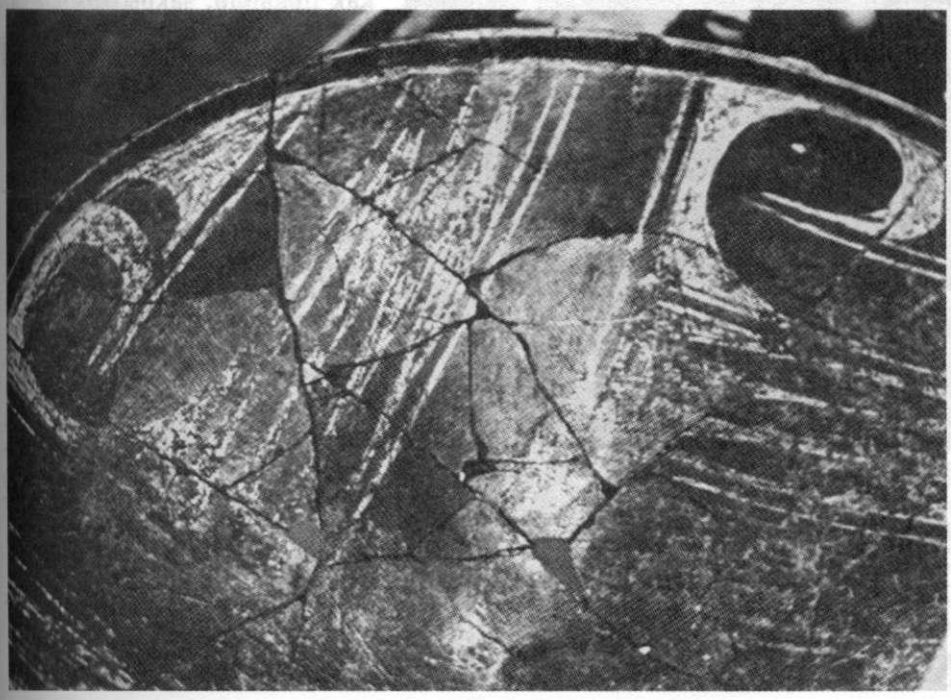


Рис. 3-55
Блюдо с золотой росписью (деталь) из Варнского могильника, могила № 1.

Рис. 3-56

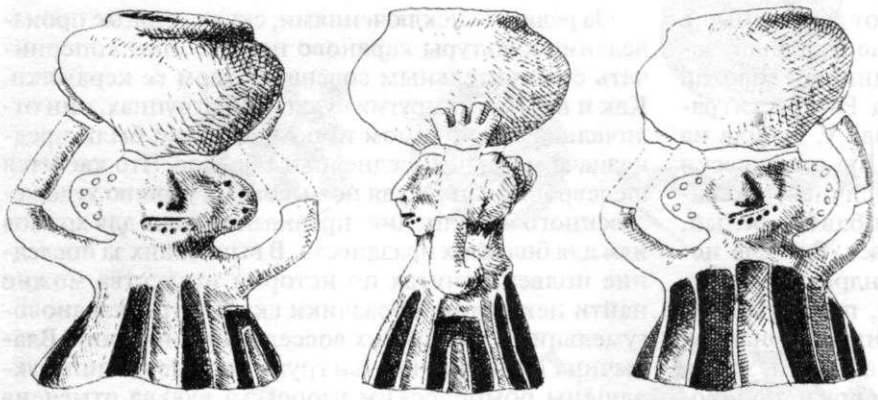


Рис. 3-56
Фигурка женщины, держащей над головой сосуд; вид спереди, сбоку и сзади. У нее огромные уши с дырочками для серег. На платье красные охряные полосы с белой каймой. Изображение участницы какого-то религиозного ритуала (возможно, имеющего отношение к смерти и регенерации). Гумельница, Южная Румыния, середина V тыс. до н.э.; высота 22,5 см.

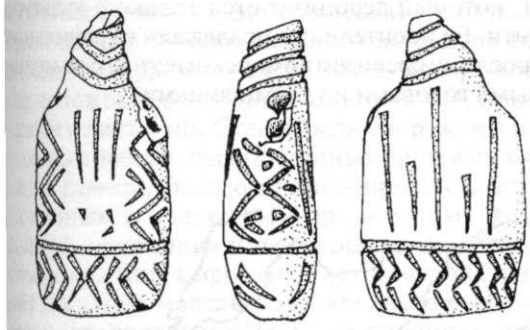
Рис. 3-57

Рис. 3-57
Голова оленя (фрагмент большого сосуда). Глаза и надбровные дуги изображены рельефом, рога отломаны. Видра, неподалеку от Бухареста. Середина V тыс. до н.э.; высота 9 см.

религиозного ритуала (рис. 3-56). Кроме того, следует упомянуть прекрасно выполненные емкости для подношений, крышки, сосуды, а также лампы в форме оленей, псов, быков, ежей и птиц (рис. 3-57). В отличие от них, крохотные человеческие статуэтки из глины, как правило, имеют крайне схематический характер и представляют собой своеобразное скульптурное «стенографирование». О реализме здесь речи нет, поэтому практически отсутствует и стремление точно воспроизвести те или иные части человеческого тела. Вместо этого основное внимание отдано нанесенным на них символам. Все статуэтки покрыты резным орнаментом и инкрустированы белым или красным цветом. Из более чем 200 антропоморфных изображений, найденных при раскопках в Ситагрое, большинство принадлежит к схематическому типу[73]. Только в 10% случаев можно в той или иной мере говорить о реализме, хотя и тогда детального изображения удостаиваются лишь живот и ягодицы. Ни в одной из этих скульптур нельзя признать мужское изображение. Их лица, как правило, закрыты масками, или же у них заостренный нос в виде клюва; в некоторых случаях на голове можно заметить шапочку (рис. 3-58, 3-59). Во всех местах раскопок были также найдены зооморфные изображения с чертами быков, баранов, свиней, ежей, лягушек; их головы порой играют роль протом сосудов. Особую категорию скульптуры каранново составляют характерные для захоронений столбообразные статуэтки из плоских костяных или мраморных пластин: это изображения смерти (см. главу VII). Их пол обозначен большим треугольником, а лица покрыты масками с дырочками по краям для серег. У масок круглые змеиные глаза и большие рты, а зубы обозначены рядом точек (см. рис. 7-29).

Рис. 3-58.1

ис. 3-58.2



ис. 3-58.3

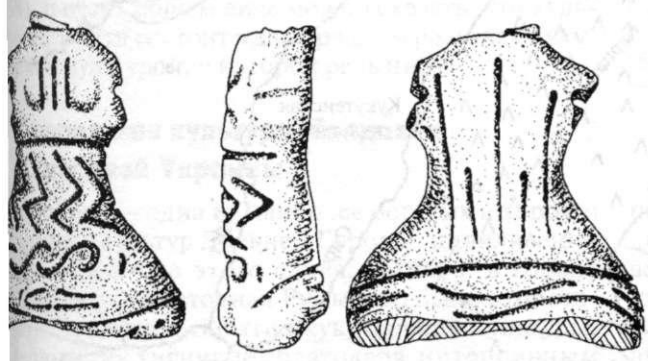


Рис. 3-58
ематические статуэтки с
мволическими знаками –
аком «V», шевронами,
загами и тройной лини-
между грудей. Культура
аново, Ситагрой, равни-
Драмы, Северо-Восточ-
Греция. (1) Ситагрой I;
3) Ситагрой III, XLVIII–
VI вв. до н.э. Масштаб
2.

Рис. 3-59
Головы с клювом от крохотных статуэток и голова в маске от более крупной скульптуры с двумя линиями и яйцевидным рисунком на каждой щеке и двумя линиями, идущими вниз от подбородка. Ситагрой III, культура караново, середина V тыс. до н.э. Масштаб (1, 2, 3) 1 : 1; (4) 1 : 3.

Рис. 3-59.1

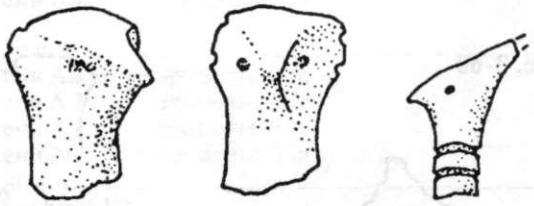


Рис. 3-59.2

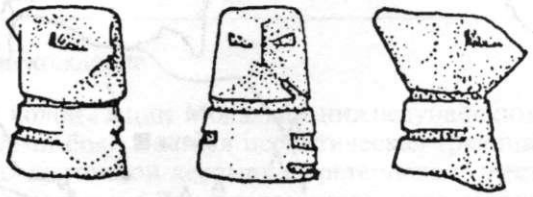
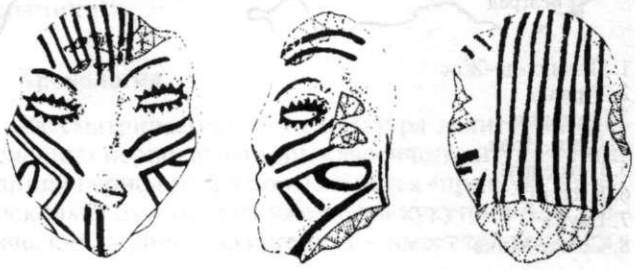


Рис. 3-59.3

Рис. 3-59.4



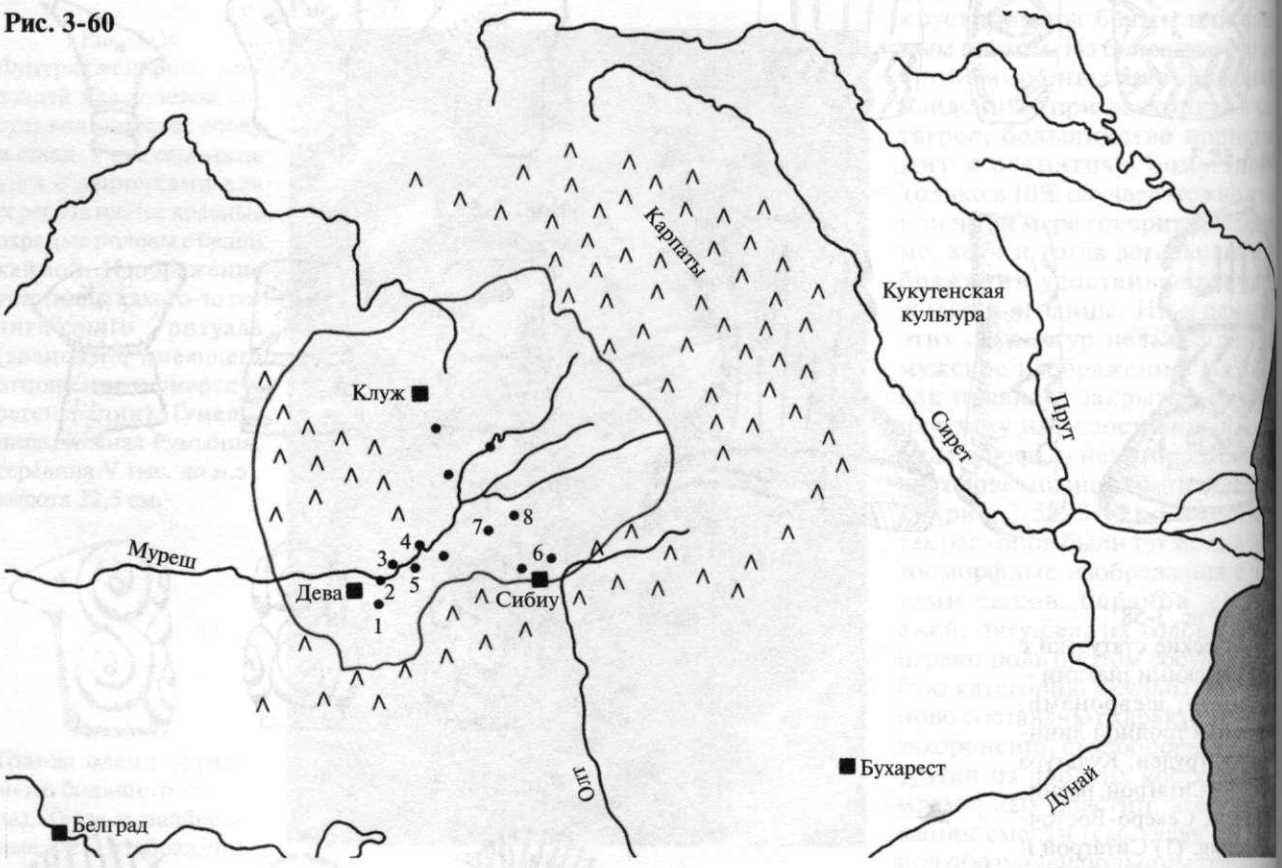
Культура петрешти в Трансильвании

Поселения культуры петрешти с характерной для них трехцветной керамикой располагались на плодородных землях Трансильвании в бассейне реки Муреш (рис. 3-60). Их можно найти на речных широких террасах или на высоких берегах, что также характерно для поселений кукутенской культуры, о которой речь пойдет ниже. Культура петрешти была впервые идентифицирована при раскопках одноименного поселения, расположенного неподалеку от города Себеш; в 1943–1947 гг. их проводили Д. и И. Берчу[76]. С тех пор удалось раскопать еще 7 поселений, а в целом, благодаря сбору наземных материалов, их известно 52[77]. Однако на сегодняшний день этой культуре не посвящено ни одного обобщающего труда.

Происхождение

Стратиграфический анализ ряда поселений культуры петрешти показал, что в их ранних слоях керамика типа боян сочетается с материалами ранней культуры винча. Так, в Лумя-Нове остатки ранней культуры винча сменяются слоями культуры петрешти. Можно предположить, что генезис данной культурной группы был связан с колонизацией Трансильвании населением, пришедшим с юга по бассейну реки Ол. В древнейших поселениях культуры петрешти встречаются элементы культуры винча, однако на более зрелых стадиях произошло формирование особого образа жизни, который ассоциируется только с культурой петрешти. Ее носители принадлежали к грацильному низкорослому средиземноморскому типу с долихокефальными головами и узкими лицами[78].

Рис. 3-60



1. Пианул-де-Жос
2. Турдаш
3. Тартария
4. Лумя-Нова
5. Петрешти
6. Кэсолц
7. Паукэ
8. Сейка-Микэ

Рис. 3-60
Ареал распространения наиболее важные поселени культуры петрешти, V тыс. до н. э.

Хронология

Классификация культурных остатков петрешти включает в себя фазы А, АВ и В, которые соответствуют культурам караново VI и кукутени А и АВ–В. Таким образом, можно датировать ее серединой и второй половиной V – началом IV тыс. до н. э.

Архитектура

Ю.Пауль в своем труде о культурной группе петрешти на территории Трансильвании предлагает реконструкцию свайного дома из селения Паукэ в окрестностях Себеша (край Хунедоара)[79]. Согласно его описанию, пол из обожженной глины держался на тяжелых сваях диаметром до 50 см, поверх которых была положена бревенчатая конструкция, покрытая ветками и листьями. Стены были сооружены из вертикальных бревен, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. Вход был ангобирован и украшен рисованным и рельефным орнаментом. Этот тип «свайной постройки» имеет близкое сходство с моделями святилищ: к примеру, с кукутенской (трипольской) глиняной моделью двухэтажного строения на ножках (предположительно – святилища), найденной под Киевом (хранится в музее г. Киева, см. рис. 7-58). В очень общем виде можно сказать, что культура петрешти состоит в двоюродном родстве с кукутенской культурой, о которой речь ниже.

Кукутенская культура Молдавии и Западной Украины

Кукутени – одна из наиболее богатых и хорошо изученных культур Древней Европы, цивилизация в точном смысле этого слова. В 1984 г. в городе Яссы (Северо-Восточная Румыния) было отпраздновано столетие открытия кукутенской культуры, отмечены достигнутые, благодаря интенсивным раскопкам, за этот срок результаты.

Необходимо объяснить, почему данная культура обозначается двумя разными именами и в Румынии зовется «кукутени», а в Советском Союзе – «трипольe». Ареал ее распространения захватывал территорию Румынии и Украинской ССР. В конце XIX в. В.В.Хвойко осуществил раскопки поселения Триполье на Среднем Днепре в 35 км к югу от Киева, и в России за открытой им культурой закрепилось именно это название[80]. Что касается поселения Кукутени, расположенного на реке Прут, неподалеку от Ясс (Молдавия), которое дало имя западной ветви данной культуры, то оно было открыто в 1884 г.; раскопки там в 1901–1910 гг. проводил Хуберт Шмидт, а в 1961–1965 гг. – М.Петреску-Дымбовица. При этом в Кукутени было обнаружено пять культурных слоев. Однако доказано, что кукутени и триполье представляют собой гомогенную культуру. Поскольку есть основания считать, что сформировалась она в Молдавии и что поселение Кукутени, отличающееся превосходной стратиграфией, является ее ярчайшим воплощением, то следовало бы остановиться на названии «кукутени». Существование двойного наименования и, соответственно, двух разных хронологических классификаций сильно усложняет дело. Ниже приводится таблица, где установлены терминологические и хронологические соответствия между румынской культурой кукутени и русско-украинским трипольем.

Сравнительная классификация культур кукутени (Румыния) и триполье (Россия)

3500 г. до н. э.	
кукутени В 3	триполье С I
кукутени В 2	триполье С I
кукутени В 1	триполье С I
3750 г. до н. э.	
кукутени АВ 1&2	триполье В Ic
кукутени А 3	триполье В Ic
кукутени А 2	триполье В Ib
кукутени А 1	триполье В Ia
4500 г. до н. э.	
предкукутени III	
предкукутени II	триполье Ab
предкукутени I	триполье Aa
5000 до н. э.	

Происхождение

При колонизации Молдавии нижнедунайскими носителями боян местная неолитическая традиция линейно-ленточной керамики претерпела существенные изменения. Результатом этого стало появление к северу от Карпатского хребта, в долинах рек Сирет, Прут, Верхнего и Среднего Днепра, впадающего в Черное море Южного Буга и Дуная кукутенской культуры (рис. 3-61). Ее древнейшие поселения располагались между реками Олт и Сирет. В дальнейшем ареал данной культуры расширился, охватив долины Прута, Днестра и Южного Буга, а примерно в 4000 г. до н. э. и Средний Днепр. Постепенно заселялись черноземные земли Молдавии и Западной Украины. Хронологически древнейшие кукутенские поселения совпадают, а стратиграфически находятся поверх поселений культуры линейно-ленточной керамики[81].

Хронология

Рассматриваемая нами культура делится на три основных периода: ранний, классический и поздний. Ранний период до сих пор именуется «предкукутени», поскольку был открыт уже после кукутени А. Классический период – кукутени А – имеет три дополни-

Рис. 3-61

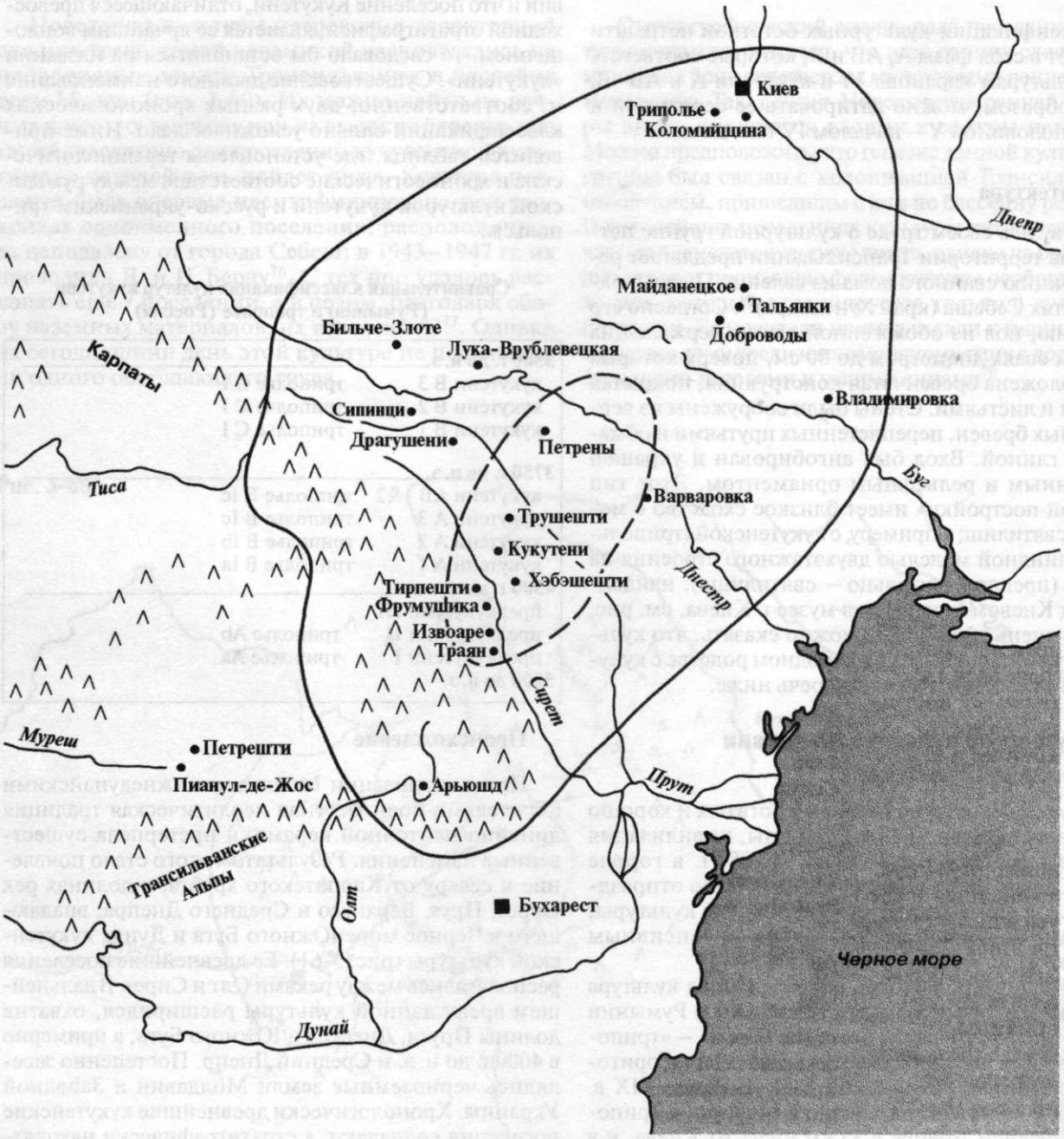
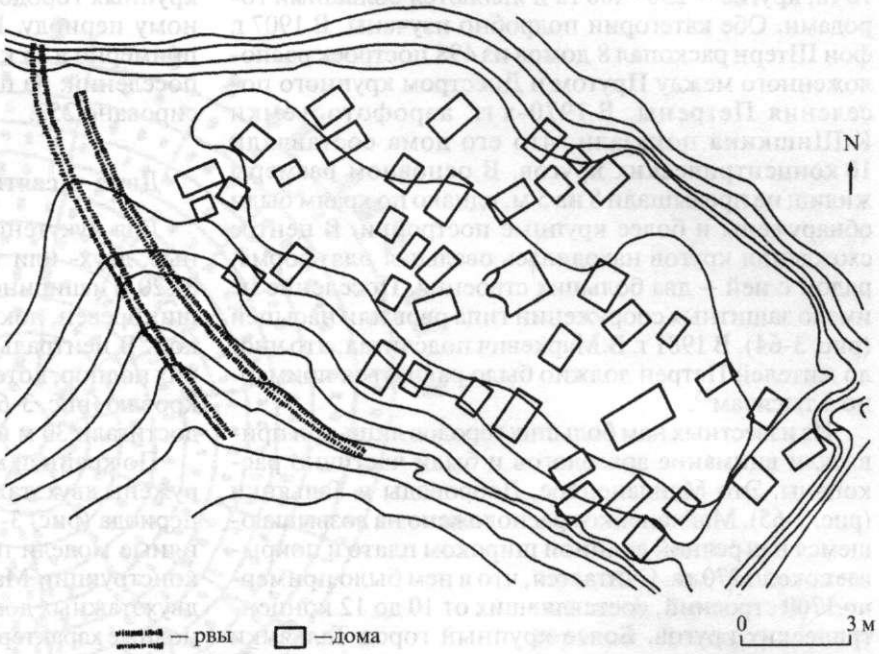


Рис. 3-61

Ареал распространения культуры кукутени (триполье). Прерывистой линией очерчен район формирования ранней кукутенской культуры, непрерывной – границы максимального распространения. Обозначены упомянутые в тексте поселения. V – начало IV тыс. до н. э.

тельных подразделения; затем следует кукутени АВ, имеющий два подразделения. Поздний период, или кукутени В, опять-таки делится на три фазы. Что касается принятой в России классификации, то триполье А соответствует раннему периоду кукутени, триполье В – классическому, а триполье С – позднему. Ранний период кукутенской культуры относится к XLVIII–XLVII вв. до н.э., ее классический период твердо датируется второй половиной V тыс. до н.э., а поздний – первой половиной IV тыс. до н.э. (см. Табл. 12, где представлена хронологическая классификация, основанная на радиоуглеродной датировке, стратиграфии и типологии).

Рис. 3-62



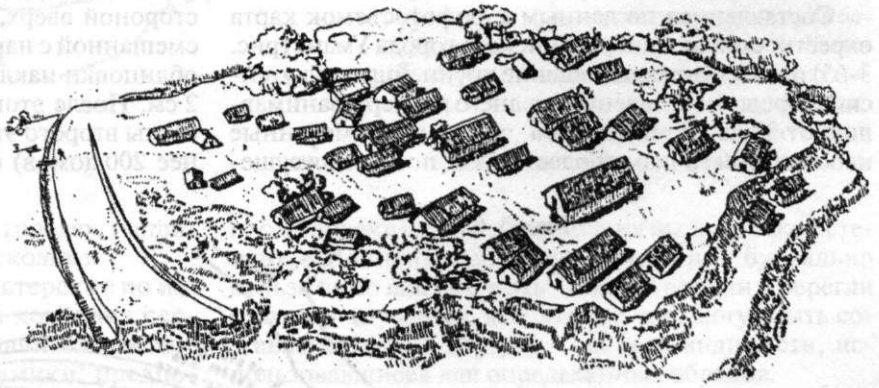


Рис. 3-62

План и реконструкция поселения классического периода кукутенской культуры; расположено на широкой террасе, дома стоят группами. Хэбэшешти, Молдавия, Северо-Восточная Румыния, приблизительно 4300 г. до н. э.

Рост поселений

Кукутенская культура просуществовала более тысячи лет, приблизительно с 4800 по 3500 г. до н.э. В рамках этого периода можно наблюдать стремительный и поражающий своими пропорциями рост поселений и плотности населения. Если раннее кукутенское поселение в среднем состояло из двадцати домов, то в классический период их могло быть около сотни (см. рис. 3-62, где представлено полностью раскопанное поселение Хэбэшешти и рис. 9-3 с изображением поселения Трушешти). Так, раскопки поселения Трушешти показали, что оно состояло из 98 жилищ, которые, как в культуре винча, были сгруппированы по два–три дома (иногда более), по-видимому, беспорядочно, без заранее намеченного плана. Поселения классического периода с открытой стороны были защищены воронкообразными канавами[82], а на его заключительной фазе переместились в низинные, более открытые места, – как правило, на широкие террасы, окруженные широким и глубоким рвом. Скорее всего, этот поиск естественно защищенных мест объясняется угрозой набегов степных обитателей[83].

Рост плотности населения достиг своей высшей точки в поздний период кукутенской культуры, когда на Западной Украине появились крупные города. С помощью магнитометра и аэрофотосъемок украинским археологам удалось установить границы позднекукутенских поселений, располагавшихся в окрестностях Умани: вместе они образовывали от 10 до 12 концентрических эллипсов протяженностью более 2 км[84]. Самое крупное из них имело до 2 тыс. домов и занимало площадь в 300–400 га (рис. 3-63).

Многие плотно заселенные позднекукутенские поселения на Западной Украине были обнаружены благодаря аэрофотосъемкам и сбору поверхностных материалов. Было замечено, что крупные поселения

можно поделить на две категории: одни занимают 30–70 га, другие – 250–400 га и являются большими городами. Обе категории подробно изучены. В 1907 г. фон Штерн раскопал 8 домов из 498 построек расположенного между Прутом и Днестром крупного поселения Петрены. В 1970-х гг. аэрофотосъемки К.Шишкина показали, что его дома составляли 10 концентрических кругов. В основном размеры жилищ не превышали 8 на 5 м, однако по краям были обнаружены и более крупные постройки. В центре схождения кругов находилась овальная платформа, рядом с ней – два больших строения. Поселение не имело защитных сооружений типа рвов или насыпей (рис. 3-64). В 1981 г. В.Маркевич подсчитал, что число жителей Петрен должно было равняться примерно 4 тысячам[85].

Из известных нам больших городов лишь три привлекли внимание археологов и были частично раскопаны. Это Майданецкое, Доброводы и Тальянки (рис. 3-65). Майданецкое расположено на возвышающемся над речной долиной широком плато и покрывает около 270 га. Считается, что в нем было примерно 1700 строений, составлявших от 10 до 12 концентрических кругов. Более крупный город Тальянки занимал 400 га, в плане имел овальный рисунок, примерно 3,5 на 1,5 км. В нем могло быть до 10 тыс. жителей[86].

Составленная по данным аэрофотосъемок карта окрестностей западноукраинского города Умань (рис. 3-65) показывает соотношение крупнейших кукутенских городов и поселений среднего размера, занимавших от 30 до 70 га. Заметим, что не все отмеченные небольшими точками более мелкие поселения существовали в одно и то же время, хотя большая часть крупных городов, скорей всего, принадлежит к одному периоду. Интересно, что располагаются они примерно в 15 км друг от друга. Поражает плотность поселений: на площади в 900 кв. км их было зафиксировано 253.

Дома и святилища

Для кукутени наиболее характерны прямоугольные, двух- или трехкомнатные постройки длиной 8–20 м и шириной в 5–6 м, со стенами из прямостоящих бревен, покрытых досками или глиняной обмазкой. В центральной части устанавливался ряд крепких подпор, которые изнутри поддерживали покатую кровлю (рис. 3-66). Самые крупные строения в длину достигали 30 м и имели три–четыре комнаты.

По крайней мере в шести поселениях были обнаружены двухэтажные постройки позднекукутенского периода (рис. 3-67); в этом же районе находили глиняные модели подобных сооружений. Согласно реконструкции Маркевича, осуществившего раскопки двухэтажных домов в Варваровке (Молдавия), их основные характеристики таковы: толщина обмазанных глиной с примесью соломы стен достигала 30 см, причем продольные стены делали из рассеченных надвое кольев, которые закрепляли крест-накрест, округлой стороной вверх, а затем покрывали 5–12 см глины, смешанной с нарезанной соломой. Поверх в качестве облицовки накладывался еще один слой глины в 1–2 см. После этого возводились меньшие по размеру стены второго этажа[87]. В небольших поселениях (менее 200 домов) обычно бывает по одной–две двух-

Рис. 3-63

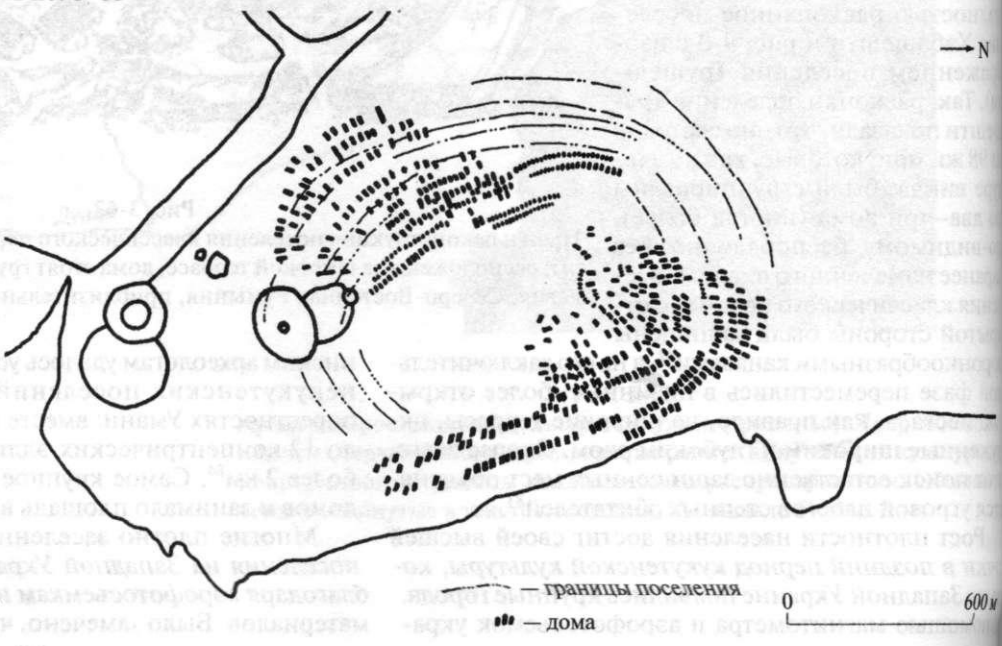


Рис. 3-63
Позднекукутенский город в Майданецком, район г. Умань, Западная Украина. Дома длиной ок. 30 м образуют 12 концентрических колец: их удалось идентифицировать при помощи магнитометра и по остаткам обожженных глиняных полов. В целом поселение покрывало более 300 га. Начало IV тыс. до н. э.

Рис. 3-64

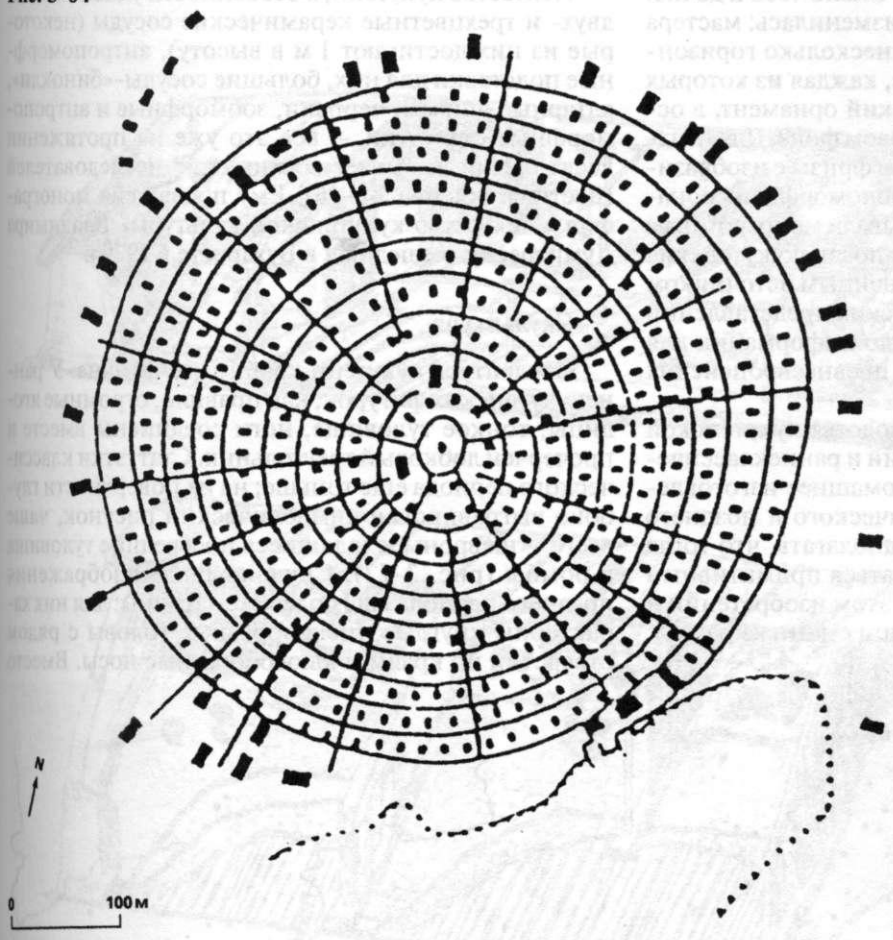


Рис. 3-64
Город Петрены, расположенный между Верхним Прутом и Верхним Днестром; около 500 домов (и где-то 4000 тыс. жителей), составлявших 10 концентрических кругов. Дома 8 на 5 м, по краю города шел ряд более крупных построек. Рвы и защитные укрепления отсутствовали. Поздняя фаза классического периода кукутенской культуры, ок. 4000 г. до н. э.

этажных постройки, а вот в крупных городах, например в Петренах, их было найдено несколько.

Археологи считают, что это – мастерские по изготовлению керамики: во всех трех комнатах первого этажа были большие печи и значительное количество высококачественной керамики; предполагается, что второй этаж использовался для ее сушки. Я придерживаюсь несколько иных взглядов и решусь утверждать, что эти постройки были не просто мастерскими. Скорей всего, они служили храмовыми мастерскими, в которых изготавливались сосуды и другие предметы религиозного назначения. Здесь самые искусные умельцы создавали удивительные керамические произведения, меж тем как второй этаж, по-видимому, служил местом религиозного культа: на это указывают как кукутенские, так и карановские модели святилищ.

Уже в 1907 г. фон Штерн, занимаясь раскопками Петрен, предположил, что эти просторные трехкомнатные мастерские по изготовлению керамики имели культовое назначение, поскольку в них он не нашел ни домашних очагов, ни съестных припасов, ни повседневных инструментов или утвари. Вместо этого он обнаружил, что эти строения были до такой степени заполнены керамикой, что в них буквально нельзя было шагу ступить[88]. Здесь хранили и берегли сосуды – случается, что до семи чаш могут быть составлены одна в другую, – по всей видимости, использовавшиеся для определенных обрядов.

Керамика

Своим качеством кукутенская керамика превосходит все современные ей изделия Древней Европы. В классическом варианте она двухцветная или трехцветная – в последнем случае превалируют белые, черные и красные краски минерального происхождения. Как правило, поверхности изящных сосудов на ножке или подставок для них расписаны свободно-обтекаемыми спиралями в форме буквы «S» (рис. 3-68). Кроме того, в орнаменте встречаются меандры, шевроны, яйцевидные – целые и разделенные надвое – и четырехугольные фигуры (рис. 3-69). Характерной чертой кукутенской культуры являются полые сосуды, формой напоминающие бинокль, которые вряд ли могли иметь какое-либо назначение,

помимо ритуального (рис. 3-70). Около 4000 г. до н.э. (кукутени АВ) роспись сосудов изменилась: мастера стали делить их поверхность на несколько горизонтальных плоскостей или фризов, каждая из которых имела собственный символический орнамент, в основном белый на темно-коричневом фоне. Для позднекукутенского периода типичны фризы с изобразительным зооморфным или антропоморфным орнаментом. Красные сосуды расписывали монохромным черным цветом (рис. 3-71). Эти позднекукутенские фигурные росписи являются бесценным источником для реконструкции мифологических представлений (из которого я почерпнула немало информации для моих предшествующих работ о древнеевропейских верованиях).

Изучение технологии производства кукутенской керамики[89] показало, что в ранний и раннеклассический период имело место и ее домашнее изготовление. Что касается позднеклассического и позднего периода, то есть основания предполагать, что тогда был изобретен и стал использоваться примитивный гончарный круг. (Подробней об этом изобретении и об использовании печи для обжига см. ниже раздел, посвященный ремеслам.)

Искусство кукутени, в особенности удивительны двух- и трехцветные керамические сосуды (некот рые из них достигают 1 м в высоту), антропоморф ные подставки для них, большие сосуды-«бинокл алтарные ширмы, черпаки, зооморфные и антроп морфные статуэтки, – все это уже на протяжени десятилетий вызывает восхищение исследовател (цветная вклейка 14–16). Ему посвящена моногр фия «Искусство кукутенской культуры» Владими Думитреску, вышедшая в Бухаресте в 1979 г.

Скульптура

Скульптура кукутени крайне схематична. У ран некукутенских фигурок, как правило, огромные яго дицы, тонкое туловище, ноги соединены вместе прочерчен лобковый треугольник. Статуэтки класс ческого периода еще тоньше; на их поверхности гл боко выгравирован символический рисунок, ча всего – шевроны, сходящиеся посередине туловищ в ромбы (рис. 3-72). Скульптурные изображени позднего периода еще более схематичны: для них х рактерны круглые дискообразные головы с рядо отверстий по краям и клювообразные носы. Вмест

Рис. 3-65
Кукутенские поселения разных размеров в районе г. Умань, Западная Украина, по данным воздушной съемки. Крупные города расположены приблизительно на равном расстоянии друг от друга.

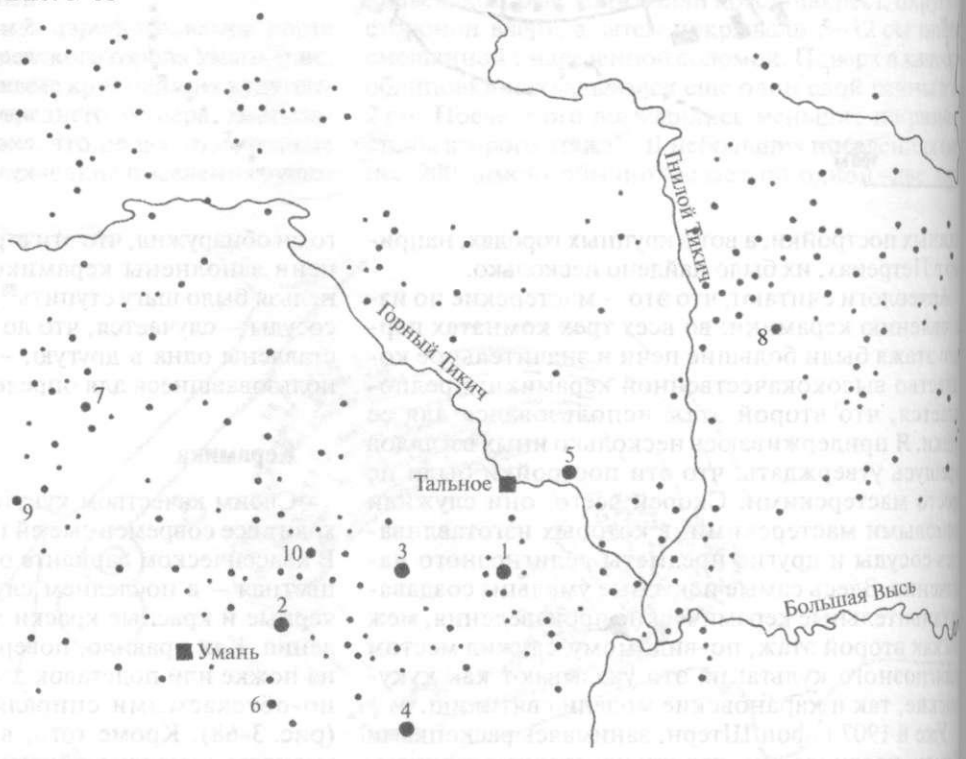


Рис. 3-66

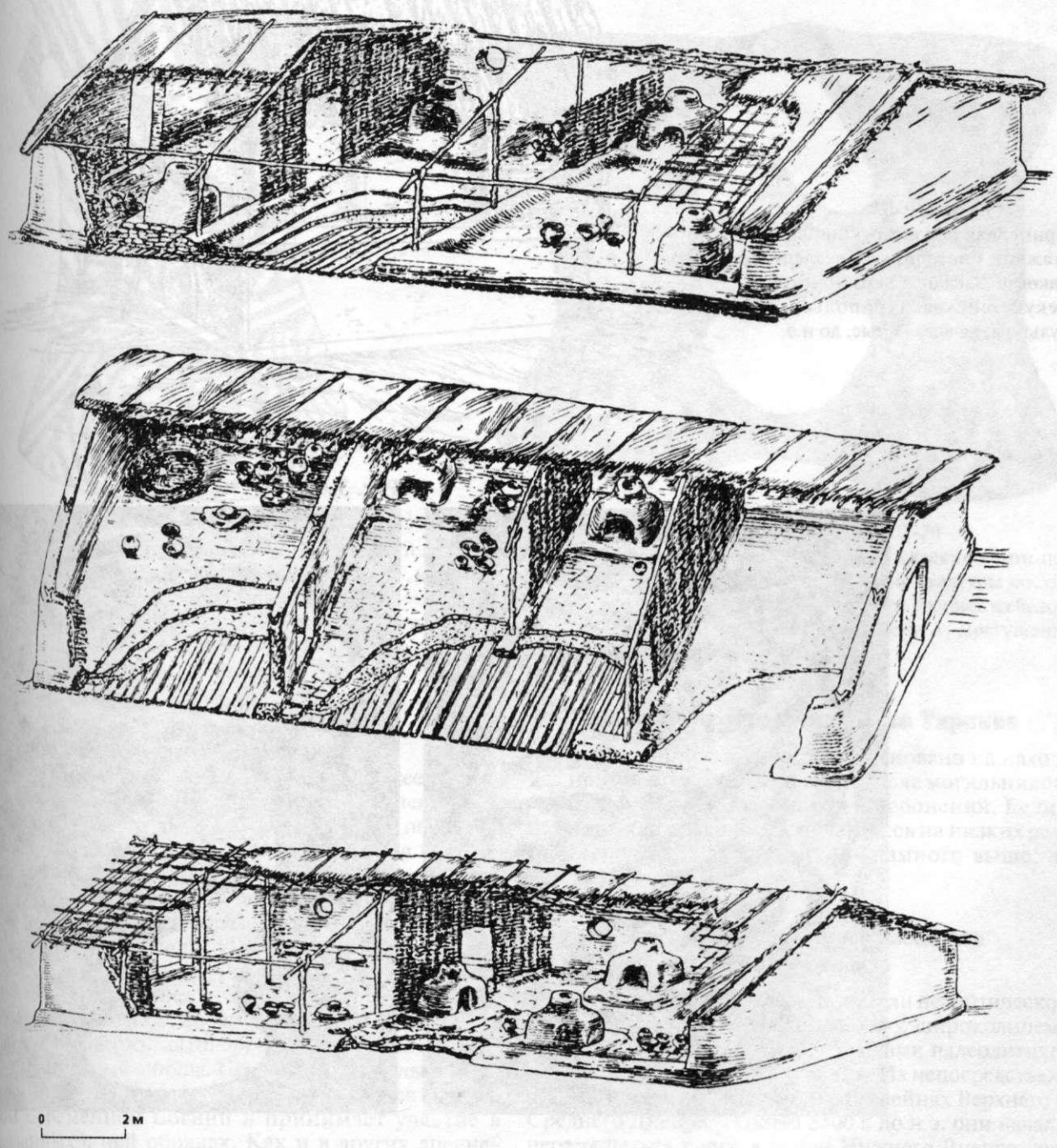


Рис. 3-66
Дома кукутенской (трипольской) культуры, реконструкция Т. Пассек 1949 г. по раскопкам поселения Коломийщина I в окрестностях Киева, Украина. Позднекукутенская культура, начало IV тыс. до н. э.

Рис. 3-67

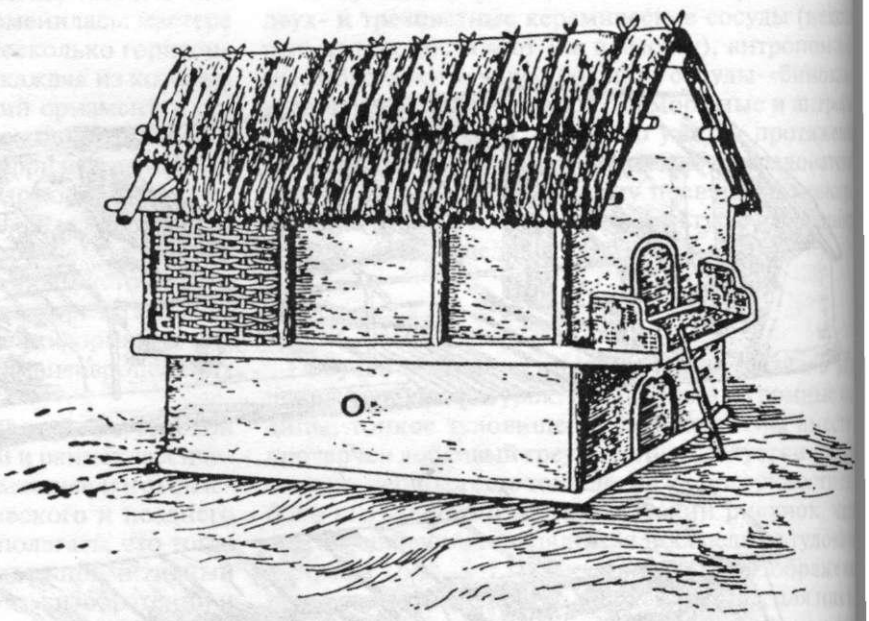


Рис. 3-67
Примерная реконструкция двухэтажной постройки. Поселение Раковец, Западная Украина, позднекукутенская (трипольская) культура, начало IV тыс. до н.э.

Рис. 3-68.1

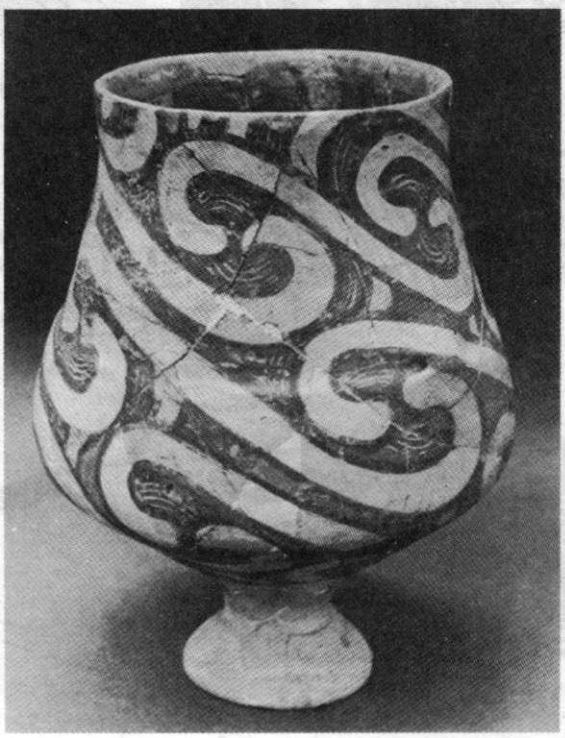


Рис. 3-68.2

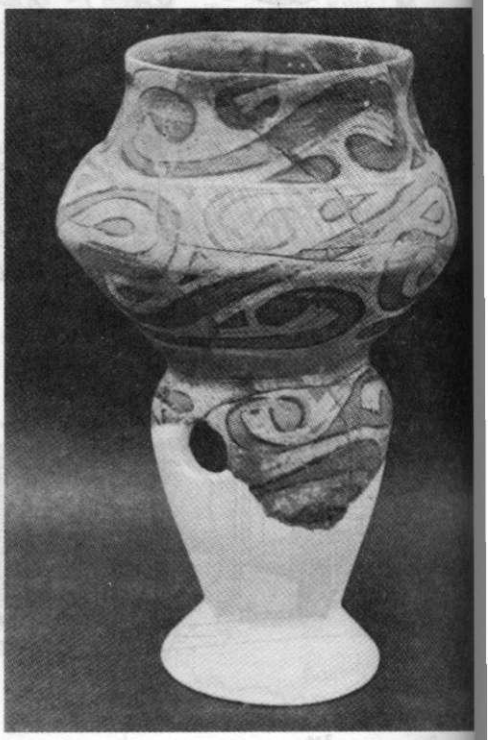


Рис. 3-68
Сосуды классического периода кукутенской культуры, 4400–4200 гг. до н.э. Полихромная окраска (белый, красный и темно-коричневый цвет) с текучим орнаментом из S-образных спиралей по всей внешней поверхности. Противопоставленные друг другу спирали или змеиные головы – основной мотив классического периода кукутенской культуры. Концы спиралей окружены концентрическими дугами, что может быть символическим обозначением энергетического поля, возникающего при сближении двух концов спиралей. (1) Фрумушика; (2) Извоаре у г. Пьятра-Нямц; высота (1) 13,5 см, (2) ок. 40 см.

Рис. 3-69

Рис. 3-69
Антропоморфный церемониальный сосуд кукутенской культуры. В верхней части – полоса из знаков «V», в средней – столбцы шевронов, в нижней – свернувшиеся змеи. Красная роспись на белом фоне. Фаза кукутени А, Драгушени, район г. Пьятра-Нямц, 4300–4100 гг. до н. э.

Рис. 3-70

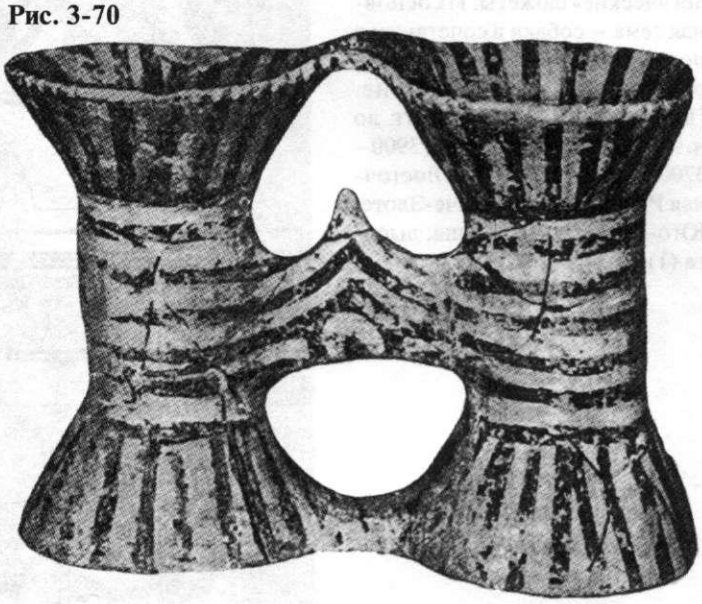


Рис. 3-70
Характерный для классического периода кукутенской культуры сосуд-«бинокль». Красная роспись на белом фоне. Фаза кукутени А, Драгушени, 4300–4100 гг. до н. э.

рук – закругленные обрубки, напоминающие крылья (рис. 3-73), в которых зачастую проделаны дыры, возможно, для перьев или иных украшений.

Представленные в скульптуре типы божеств можно обособить лишь путем тщательного изучения резных и рисованных символов, разнообразных поз, форм масок или лиц, равно как и происхождения каждого экземпляра. Большая их часть – изображения Богини в образе птицы или змеи, а также Беременной Богини (см. главу VII). Столбообразные фигурки с круглыми масками на лицах чаще всего обнаруживаются в захоронениях, иногда сразу по три штуки. Мужские статуэтки в целом редки, однако можно с уверенностью различить несколько типов: человек, сидящий в скорбной позе, поддерживая голову руками, бородатый мужчина и стройный юноша. Последний, насколько можно судить по некоторым материалам, является спутником Беременной Богини и принимает участие в связанных с ней обрядах. Как и в других древнеевропейских культурах, значительное место в кукутенском искусстве занимают зооморфные сосуды и статуэтки (около 30% от общего числа, или даже более) медведей, оленей, псов, свиней, быков, лягушек и птиц. Однако большая часть зооморфных статуэток также крайне схематична.

Днепро-донецкая культура на Украине

Наше знание этой культуры основано на находках примерно из 200 мест, в том числе могильников, в которых бывает более сотни захоронений. Ее поселения, как правило, располагались на низких речных террасах, а могильники – намного выше, на лессовых террасах[90].

Продвижение с севера на юг населения крупного широколицего типа

В Днепровском бассейне носители неолитической культуры принадлежали к крупному, широколицему физическому типу и были потомками палеолитического кроманьонского населения. Их непосредственные предшественники жили в бассейнах Верхнего и Среднего Днепра[91]. Около 5500 г. до н.э. они начали перемещаться к югу, в район Нижнего Днепра, вытеснив местных обитателей днепровских порогов. На юге они добрались до Крыма и Нижнего Дона, где соприкоснулись с тамошними мезолитическими жителями, входившими в так называемую сурскую группу (рыболовецкая культура, имевшая керамику). Поселения днепро-донецкой культуры были сконцент-

Рис. 3-71

На позднекукутенских сосудах появляются рисунки на «мифологические» сюжеты. Их основная тема – собака в сочетании с полумесяцем и луной. Черная роспись на красном фоне. (1) Трушешти, 3800–3600 гг. до н. э.; (2) Гелайешти-Недя, 3900–3700 гг. до н. э., Северо-Восточная Румыния; (3) Бильче-Злоте, Юго-Восточная Польша; высота (1) 54,2 см, (2) 36 см.

Рис. 3-71.1

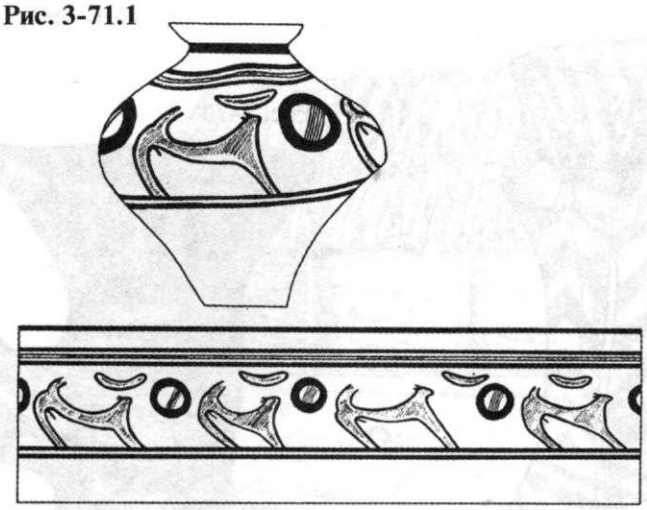


Рис. 3-71.2

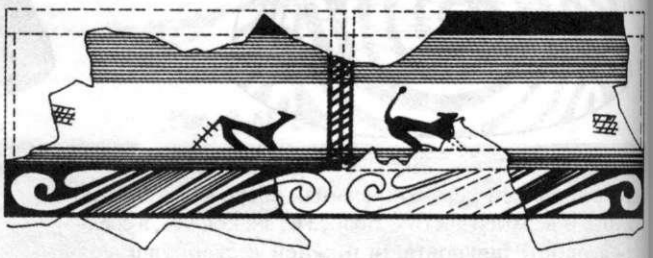


Рис. 3-71.3

рированы в районе днепровских порогов, особенно богатых рыбой (рис. 3-74).

Обеспечение минимального способа существования

В этой культуре преобладала лесная охота, о чем свидетельствуют обнаруженные в местах поселений кости оленей, кабанов, лис, зайцев и косуль. На начальной фазе развития неолита выживание в основном обеспечивала охота, рыбная ловля и собирание пресноводных моллюсков. Что касается одомашненных животных, то их доля постепенно возрастала и примерно к 5000–4500 гг. до н.э., то есть на втором этапе развития данной культуры, достигла 87%. К этому времени здесь уже имеется весь набор одомашненных животных: крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи.

Нам мало что известно об устройстве поселений этих людей или об архитектуре их жилищ. Можно предположить, что обитали они в наземных, непрочных постройках, от которых ничего не осталось.

Рис. 3-72.1

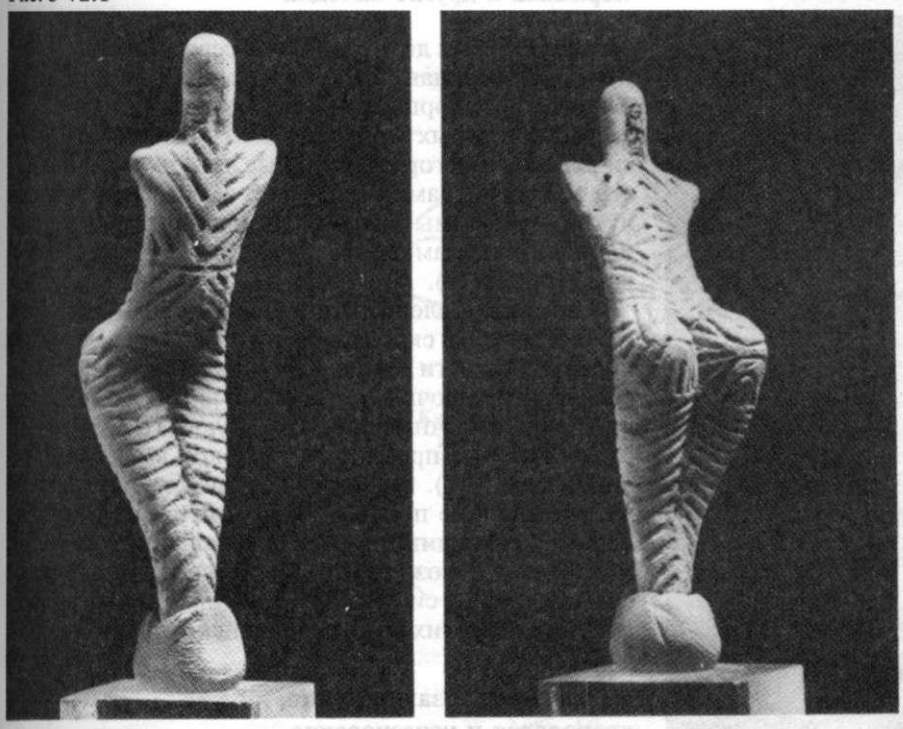


Рис. 3-72.2

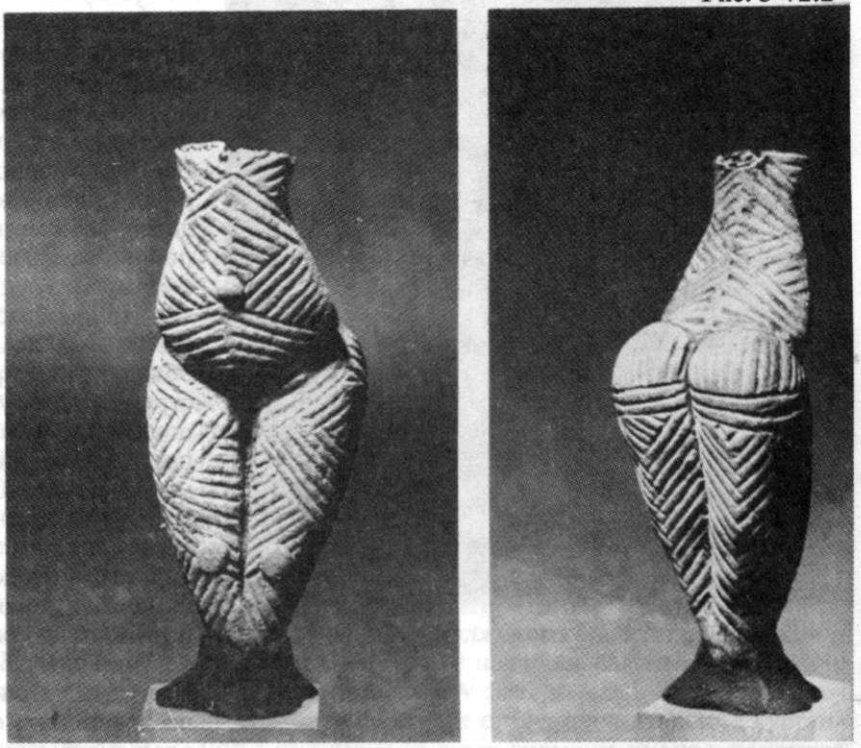


Рис. 3-72
Статуэтки классического периода кукутенской культуры, по всей видимости, изображения Богини-птицы. Покрыты нарезным орнаментом из шевронов и параллельных линий, изначально инкрустированы белой пастой. (1) Голова без каких-либо черт, крылья-обрубки вместо рук; Северная Молдавия, Румыния. (2) Фрумушика у г. Пьятра-Нямц, Северо-Восточная Румыния. (1) Высота 8,5 см; (2) высота 7 см (голова отломана). В обоих случаях период кукутени А2, XLV–XLIV вв. до н. э.

Рис. 3-73

Рис. 3-73
Позднекукутенские статуэтки: худые нагие фигурки с круглой, плоской головой, отверстиями вместо глаз, заостренными носами и руками-обрубками. Могильник Выхватинцы, Южная Молдавия (могила № 29). Середина IV тыс. до н. э.; высота приблизительно 15 см.

Керамика и другие находки

Около 5000 г. до н.э. по всему северному ареалу распространения данной культуры появились крупные остродонные горшки с растительными примесями в тесте, на которых были выдавлены или вырезаны вертикальные или горизонтальные линии (рис. 3-75). Более поздняя керамика включает в себя плоскодонные луковицеобразные сосуды с широкими краями, украшенные оттисками, прорезями и шнуровыми отпечатками (рис. 3-76).

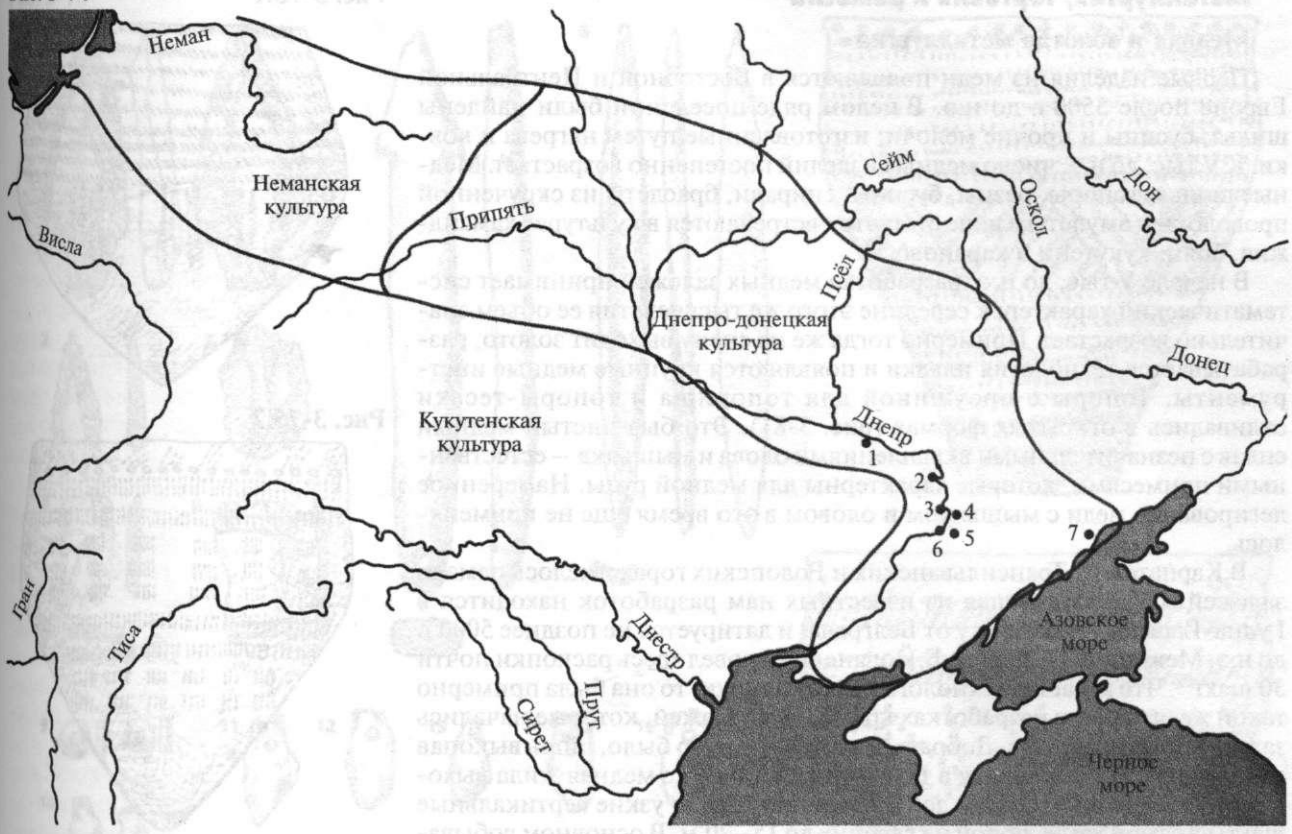
При изготовлении топоров, наконечников стрел, ножей, сверел и скребков, как правило, использовался кремень. Мотыги делали из оленьего рога, а гарпуны и рыболовные крючки – из кости. В ряде поселений были найдены необычные плоско-выпуклые (караваеобразные) овальные предметы с глубокой выемкой посредине (рис. 3-77). На их символическое значение указывает наличие прорезного орнамента из шевронов, параллельных линий, ямок и «священных письмен». можно предположить, что здесь использовалась та же символическая система, что в культурах винча, тисаполкукутени и других древнеевропейских группах.

Коллективные захоронения, хронология и исчезновение

Отличительная черта днепро-донецкой культуры - практика коллективных захоронений в овальных или прямоугольных ямах (рис. 3-78, 3-79). В целом известно 14 могильников и более 800 могил, что дало возможность подразделить данную культуру на три периода A, B и C. Для периода A характерны колодцеобразные ямы и ряды рвов, в которых может быть от 1 до 10–11 скелетов, уложенных в вытянутом положении на спину и покрытых измельченной красной охрой. Ноги у них сомкнуты, а руки вытянуты вдоль туловища, – возможно, что их обвязывали кожами или какими-то тканными материалами. Среди погребального инвентаря обычно фигурируют микролитические кремневые инструменты и бусины из лосиного и рыбьего зуба, но подчеркнуто отсутствуют керамические сосуды. Кольцевидные бусины из ракушек и агата появились во время фазы A2 (5500–5000 гг. до н.э.).

Для периода B характерны большие коллективные захоронения в прямоугольных ямах, заполненных - нередко в несколько слоев – скелетами, покрытыми измельченной охрой. Могильные ямы использовались по несколько раз, причем ранее находившиеся в них останки уничтожались. Черепа складывали в дальний угол могилы или же перезахоранивали отдельно. Здесь, по сравнению с захоронениями периода A, рыбьи и оленьи зубы попадаются реже, но в некоторых могилах были найдены сотни прямоугольных пластинок из отшлифованных кабаньих клыков с отверстиями по краям или в центре или с углублениями по краям. Предполагается, что они были пришиты к одежде по-

Рис. 3-74



1. Дереивка
2. Никольское
3. Вовниги
4. Ясиноватка
5. Вильнянка
6. Собачки
7. Мариуполь

Рис. 3-74
Ареал распространения днепро-донецкой культуры

койника (рис. 3-80). В захоронении Унио были найдены изображения быков, вырезанные из кабаньего клыка или на костяных пластинах (рис. 3-80. 3), а также раковины пектункулус, золотые и медные кольца, куски горного хрусталя и керамические сосуды. Согласно радиоуглеродным датировкам, полученным по захоронениям в окрестностях днепровских порогов, данная фаза имела место между 5000–4500 гг. до н.э. (Табл. 13).

Нижнеднепровская ветвь этой культуры имела торговые отношения с западными областями. Спектральный анализ медных частей колец и подвесок показал, что это металл того же типа, что в найденном в Молдавии Карбунском кладе (см. рис. 3-86). Скорей всего, медь попала сюда из Болгарии, со склонов Ай-Бунара, при посредничестве кукутенской культуры.

В период С, датируемый приблизительно 4500–4000 гг. до н.э., происходит очевидный распад и угасание данной культуры. Исчезают коллективные захоронения в могильных ямах, вместо них появляются иные, ранее не характерные практики. Эту область заселяет степной народ, принадлежащий к другому (менее широколицему) физическому типу, и либо оттесняет носителей днепро-донецкой культуры на север, либо ассимилирует их.

По-видимому, не позднее периода В (5000–4500 гг. до н.э.) носители днепро-донецкой культуры были в тесном контакте со своими соседями, обитателями лесостепей Волжского бассейна: на это указывает сходство некоторых изделий, характерных для обоих регионов (в особенности пластин из клыков кабана, которыми украшали одежду). Это хвалынская фаза южнорусской энеолитической культуры (см. главу X). Логично предположить, что постепенное перетекание населения из Волжского бассейна в донские и днепровские области началось задолго до того, как во второй половине V тыс. до н.э. в Западном Причерноморье начинает ощущаться давление курганной I культуры. К тому времени днепро-донецкое население уже покинуло степную зону. Заключительная фаза этой культуры известна только по бассейнам Припяти и Верхнего Днепра.

Металлургия, торговля и ремесла

Медная и золотая металлургия

Первые изделия из меди появляются в Восточной и Центральной Европе после 5500 г. до н.э. В целом ряде поселений были найдены шилья, бусины и прочие мелочи, изготовленные путем нагрева и ковки. К V тыс. до н.э. число медных изделий постепенно возрастает. Медные шилья, топоры, резцы, бусины, спирали, браслеты из скрученной проволоки и амулеты в виде статуэток встречаются в культурах хаманджия, боян, кукутени и караново.

В начале V тыс. до н. э. разработка медных залежей принимает систематический характер; к середине этого же тысячелетия ее объем значительно возрастает. Примерно тогда же на сцену выходит золото, разрабатывается технология плавки и появляются крупные медные инструменты. Топоры с проушиной для топорища и топоры-тесаки отливались в открытых формах (рис. 3-81). Это был чистый медный сплав с незначительными вкраплениями олова и мышьяка – естественными примесями, которые характерны для медной руды. Намеренное легирование меди с мышьяком и оловом в это время еще не применялось.

В Карпатских, Трансильванских и Родопских горах имелось немало залежей меди. Старейшая из известных нам разработок находится в Рудна-Главе, в 140 км к югу от Белграда, и датируется не позднее 5000 г. до н.э. Между 1968 и 1979 гг. Б.Йованович провел здесь раскопки почти 30 шахт[92]. Что касается технологии добычи меди, то она была примерно такой же, что и при разработках кремневых залежей, которые начались задолго до эры металла. Добраться до руды можно было, лишь выкопав горизонтальную площадку в том месте склона, где медная жила выходила на поверхность; затем добытчики прорывали узкие вертикальные шахты в самой жиле, порой на глубину до 15–20 м. В основном добывали малахит и лазурит – зеленые и синие карбонаты меди. Главным инструментом была кувалда, изготовлявшаяся из крупного куска габбро (зернистый вулканический камень), в котором бурили углубления, чтобы его можно было обвязать ремнем или веревкой и бить с размаха. Как правило, подобные кувалды имели 10–25 см в длину и весили от 1 до 4 кг (т.е. до 8–9 фунтов). Оленьи рога, которые находят в шахтах, скорее всего использовались в качестве кайла. Кроме того, следы огня и остатки емкостей для воды свидетельствуют об использовании техники попеременного нагрева и охлаждения, призванной облегчить добычу руды. Подогретая порода трескалась, когда ее обливали водой, затем рабочие расширяли образовавшиеся щели при помощи инструментов из оленьего рога или деревянных клиньев и извлекали отколовшиеся куски. После руду отвозили в ближайшее из расположенных в бассейне Моравы поселение или город, или дальше на запад.

Хронологию разработок в Рудна-Главе удалось установить благодаря найденным там трем скоплениям керамики винча. Склад № 3 включал в себя черные лощеные сосуды с орнаментальными спиралевидными каннелюрами и лампу на четырех ножках со стилизованной бараньей головой. У последней горловина украшена тройным шевроном, а корпус – меандрами: эти символы обычно ассоциировались с Богиней-птицей. Не исключено, что в медный век Богиня была покровительницей металлургических ремесел и горного дела (заметим, что такова одна из многих функций древнегреческой богини Афины). Подобные изделия характерны для конца раннего – начала среднего периода культуры винча. Что касается складов № 1 и № 2, то в них была найдена керамика более позднего типа, восходящая к началу позднего периода культуры винча.

Рис. 3-75.1

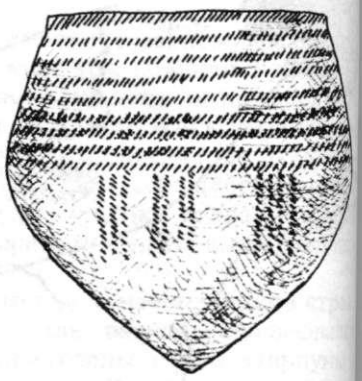


Рис. 3-75.2

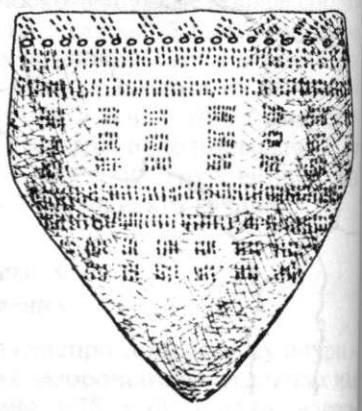


Рис. 3-75.3

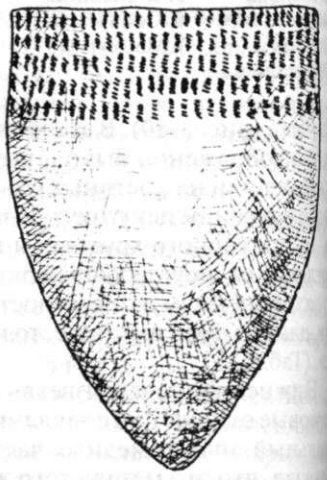


Рис. 3-75
Большие остродонные горшки средний период днепро-донецкой культуры, ок. 5000 г. до н.э. Стоянка Грини на берегу реки Тетерев, бассейн Припяти.

Рис. 3-76

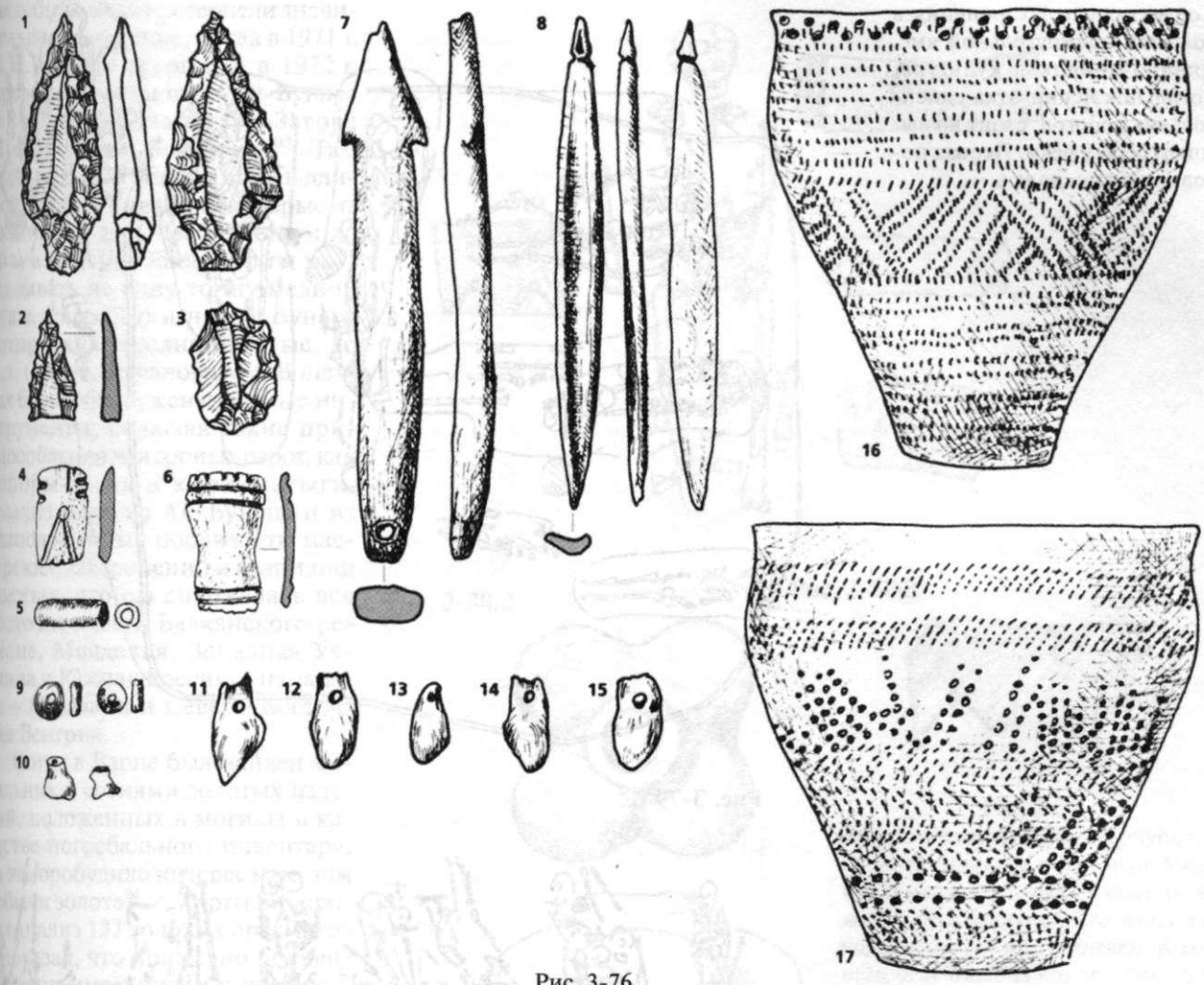


Рис. 3-76

Погребальный инвентарь из Дереивского могильника позднего этапа днепро-донецкой культуры. (1, 2) кремневые наконечники стрел; (3) кремневый скребок; (4, 6) тонкие пластинки из кабаньего клыка, использовавшиеся для украшения одежды; (5, 9) каменные бусины; (7) костяной гарпун; (8) костяная игла для сетей; (10) рыбьи зубы; (11–15) перфорированные зубы лося, использовавшиеся для изготовления ожерелий; (16, 17) горшки. 5000–4500 гг. до н.э.; масштаб ок. 1:2.

Рис. 3-77

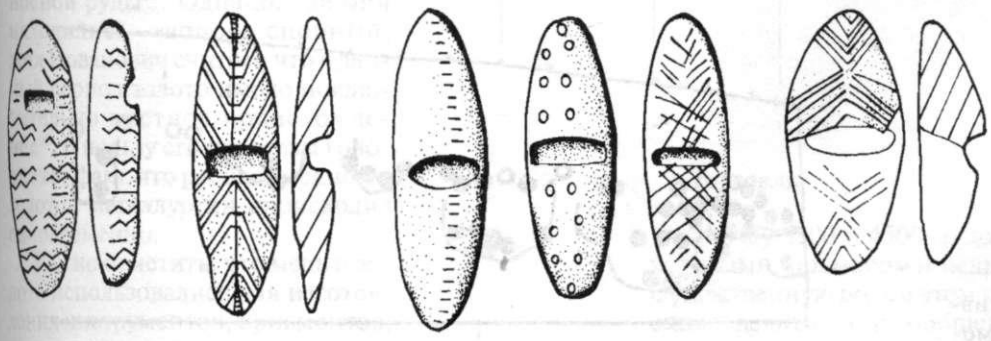


Рис. 3-77

Плоско-выпуклые глиняные предметы с символическими знаками и выемкой на внешней стороне; поселения днепро-донецкой культуры, 5000–4500 гг. до н. э.; масштаб 1 : 10.

Рис. 3-78
Коллективные захоронения в большой прямоугольной яме. Днепро-донецкая культура, могильник Ясиноватка у днепровских порогов, стоит на высоком берегу реки. Первая половина V тыс. до н. э.

Рис. 3-78

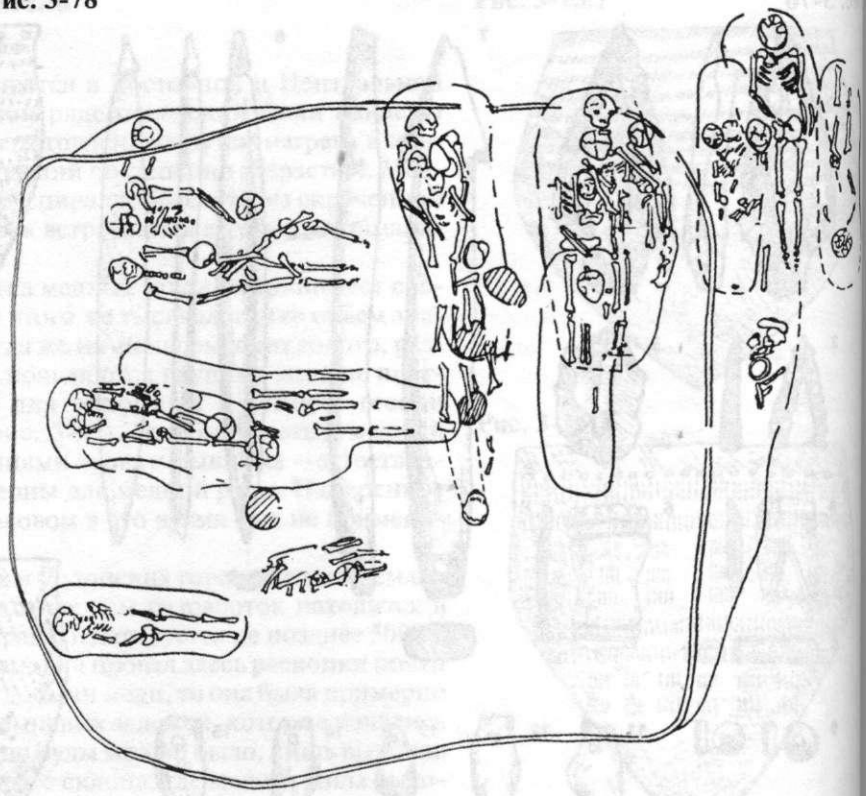


Рис. 3-79

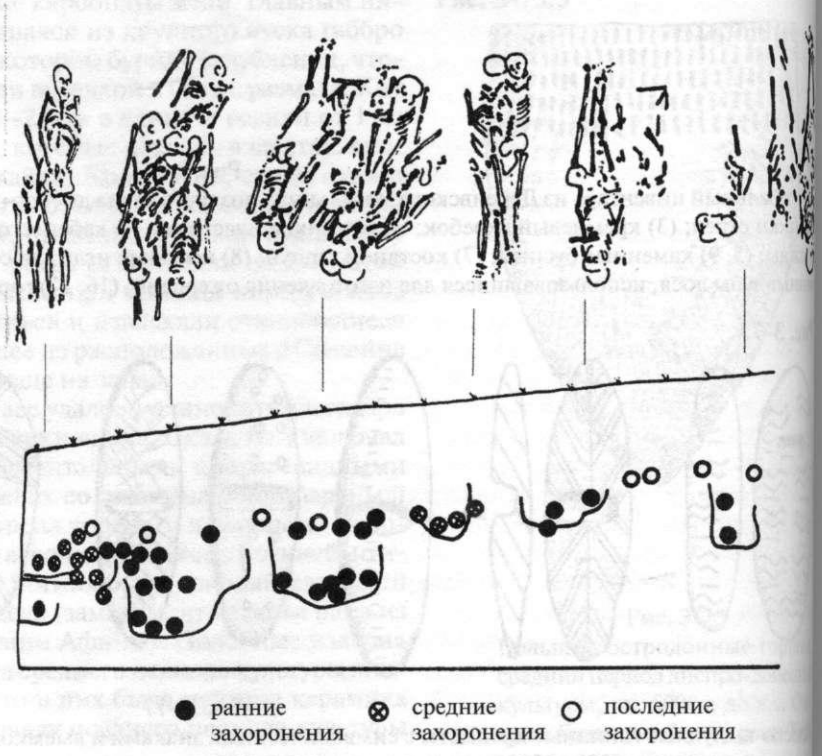


Рис. 3-79
План и разрез ряда коллективных захоронений. Часть могильника Вильнянка, днепро-донецкая культура, середина V тыс. до н.э.

Наши представления об объеме добычи меди претерпели значительное изменение, когда в 1971 г. Е.Н.Черных открыл, а в 1972 г. провел раскопки шахт Ай-Бунара в 8 км от города Стара-Загора (Центральная Болгария)[93]. Там было найдено 11 шахт общей длиной в 500 м, причем некоторые из них имели до 110 м в длину и до 20 м в ширину. Такие шахты могли давать не одну тонну медной руды. Разработки на Ай-Бунаре датируются серединой V тыс. до н.э. (период караново VI). В шахтах были обнаружены медные инструменты, включая такие приспособления для горных работ, как топоры-тесла и киркомотыги. Анализ меди из Ай-Бунара и из расположенных поблизости мастерских, захоронений и хранилищ показал, что ею снабжалась вся восточная часть Балканского региона, Молдавия, Западная Украина и Южная Россия, а на западе – Словакия и Северо-Восточная Венгрия.

Когда в Варне был найден могильник с сотнями золотых изделий, положенных в могилы в качестве погребального инвентаря, то это пробудило интерес к местам добычи золота[94]. А.Хартманн провел анализ 137 золотых предметов и показал, что примерно половина из них имеет примесь платины, в других она полностью отсутствует, а в 12 изделиях содержится высокий процент меди: это говорит о том, что было известно несколько разных месторождений золотоносной руды[95]. Однако, где они находились – вопрос спорный, хотя Йованович считает, что в данный период золото имело исключительно местное происхождение[96]. В пользу его гипотезы говорит тот факт, что расцвет медной и золотой металлургии происходил одновременно.

Важно отметить, что медь и золото использовались для изготовления инструментов, орнаментов, украшений и ритуальной утвари, а отнюдь не для производства боевого оружия.

Рис. 3-80.1

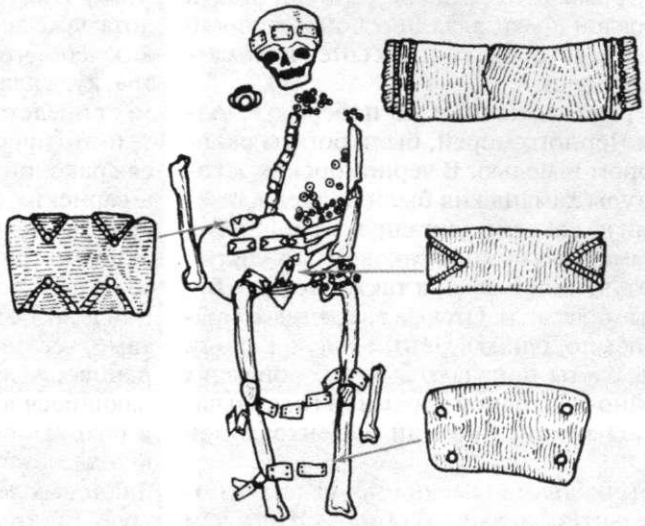


Рис. 3-80.2

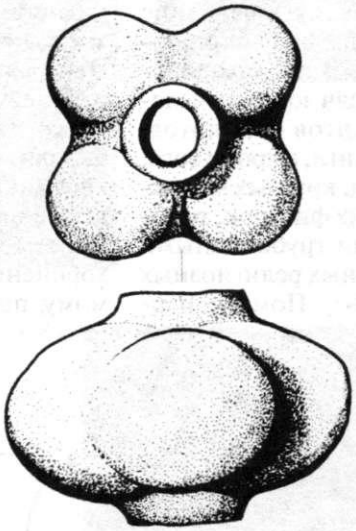


Рис. 3-80.3

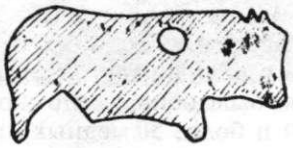


Рис. 3-80
Одно из захоронений Мариупольского могильника к северу от Азовского моря. (1) Тонкие пластины из кабаньего клыка использовались для украшений одежды и диадем. Кольцевидные бусы из кости – для ожерелий и поясов. У правого плеча была положена (2) булава с четырьмя грудями. (3) Статуэтка быка, вырезанная из кабаньего клыка, – из другого захоронения того же могильника, ок. 4500 г. до н.э.

Торговля

Между 5500 и 4500 гг. до н. э. объем торговли раковинами, мрамором и медью постепенно возрастал. Существенную роль в этом по-прежнему играли морские и речные пути сообщения. Мы не знаем, на что выменивали эти весьма ценные материалы, скорее всего, на такие жизненно необходимые товары, как соль и сельскохозяйственные продукты. Добычей

соли занимались в Южной Польше носители культуры лендель[97]. Кроме того, многие разновидности кремня и минералов представляли собой желанный предмет обмена в радиусе нескольких сотен километров от места их добычи.

Поселения, расположенные по побережью Адриатического и Черного морей, были богаты раковинами, мрамором и медью. В черноморских захоронениях культуры хаманджия были найдены ожерелья с бусинами из раковин денталиум и спондилус, браслеты из мраморных бусин и раковин спондилус, мраморные статуэтки и блюда, а также медные бусины и наручные браслеты. Отсюда раковины и мрамор отправлялись по Дунаю в Центральную Европу. Мраморные браслеты попадаются в захоронениях культуры линейно-ленточной керамики (накольчато-ленточной керамики) Богемии и Центральной Германии.

Подъем добычи золота и меди стал началом нового этапа в развитии торгового обмена. Ни с чем не сравнимое богатство меди, золота, мрамора, эгейских раковин спондилус и денталиум и сосудов с золотым или графитовым орнаментом из могильника Варны говорит о том, сколь велик в середине V тыс. до н.э. был успех этого города, бывшего портом и важным торговым центром. В его захоронениях было обнаружено около 3 тысяч золотых изделий и более 50 медных инструментов – молотов, плоских топоров, резцов, шильев и игл, а кроме того, множество бусин, браслетов, колец, круглых выпуклых пластин с перфорацией, бычьих фигурок, топоров из цельного золота с золотыми трубовидными топорищами, диадем и разнообразных религиозных символов (рис. 3-82, 3-83, 3-84, 3-85). Помимо Варны, золотые браслеты и ушные кольца находят по всему Нижнему Дунаю, а подвески из кованого золота даже достигали Южного Пелопоннеса[98]. Не исключено, что Варна играла роль своеобразного центра, куда для обмена товарами собирались из разных мест представители различных культур: можно считать это прообразом свободного рынка. Более 20 тысяч раковин спондилус и денталиум, обнаруженных в варнских могилах, были привезены из Эгейской области, возможно, с целью обмена на металлические инструменты, в которых нуждались обитатели Киклад и побережья Эгейского моря. Там же было найдено несколько кладов с медными инструментами, весьма напоминавшими изделия культуры караново. А вот мрамор, из которого выточены встречающиеся в Варне изумительные конические чаши и ритоны, скорее всего, попал на север из Киклад. что касается прозрачных, острых как бритва обсидиановых лезвий, то их источником был Токай (Северо-Восточная Венгрия). Заметим, что прозрачное обсидиановое лезвие превосходного качества и медные бусины были также найдены в поселении культуры караново VI в 30 км к югу от г. Нова-Загора (хранятся в музее этого города). Можно предположить, что в процессе обмена обсидианом и медью Центральная Болгария служила перевалочным пунктом между Карпатским регионом и Черноморским побережьем. Более того, в Центральной Болгарии добывали графит, использовавшийся для расписывания керамики и потому весьма высоко ценившийся; он также служил предметом обмена между Средним Дунаем и Черным морем. В одном из варнских захоронений был обнаружен рожок графита, по-видимому, попавший туда из окрестностей г. Стара-За-

Рис. 3-81

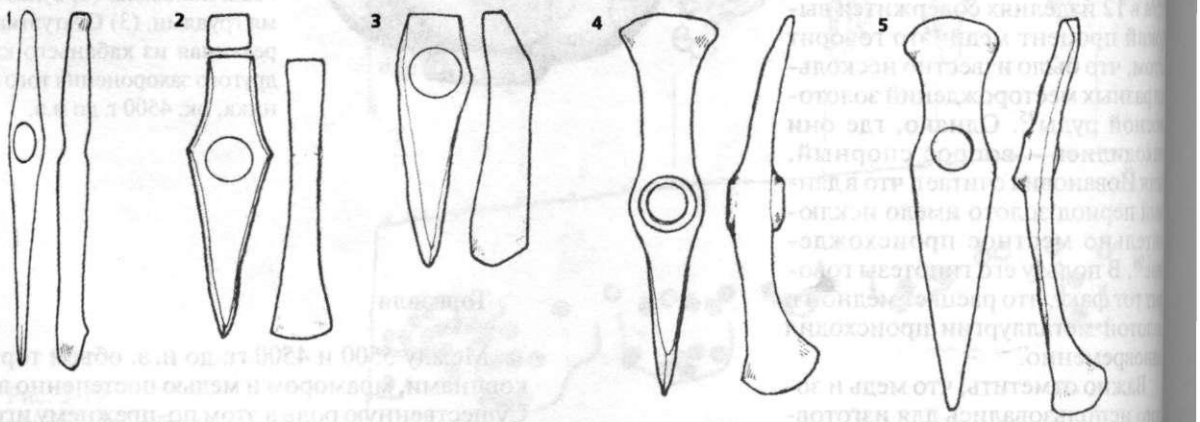


Рис. 3-81

Медные топоры с проушинами середины и конца V тыс. до н. э.: (1) Тибава, Западная Словакия, тисапольгарская культурная группа; (2) Плочник, Южная Югославия, поздний период культуры винча; (3) Габарево, Центральная Болгария, культура караново IV; (4) и (5) комплекс Бодрогкерестур, Венгрия. Масштаб 1:3.

Рис. 3-82

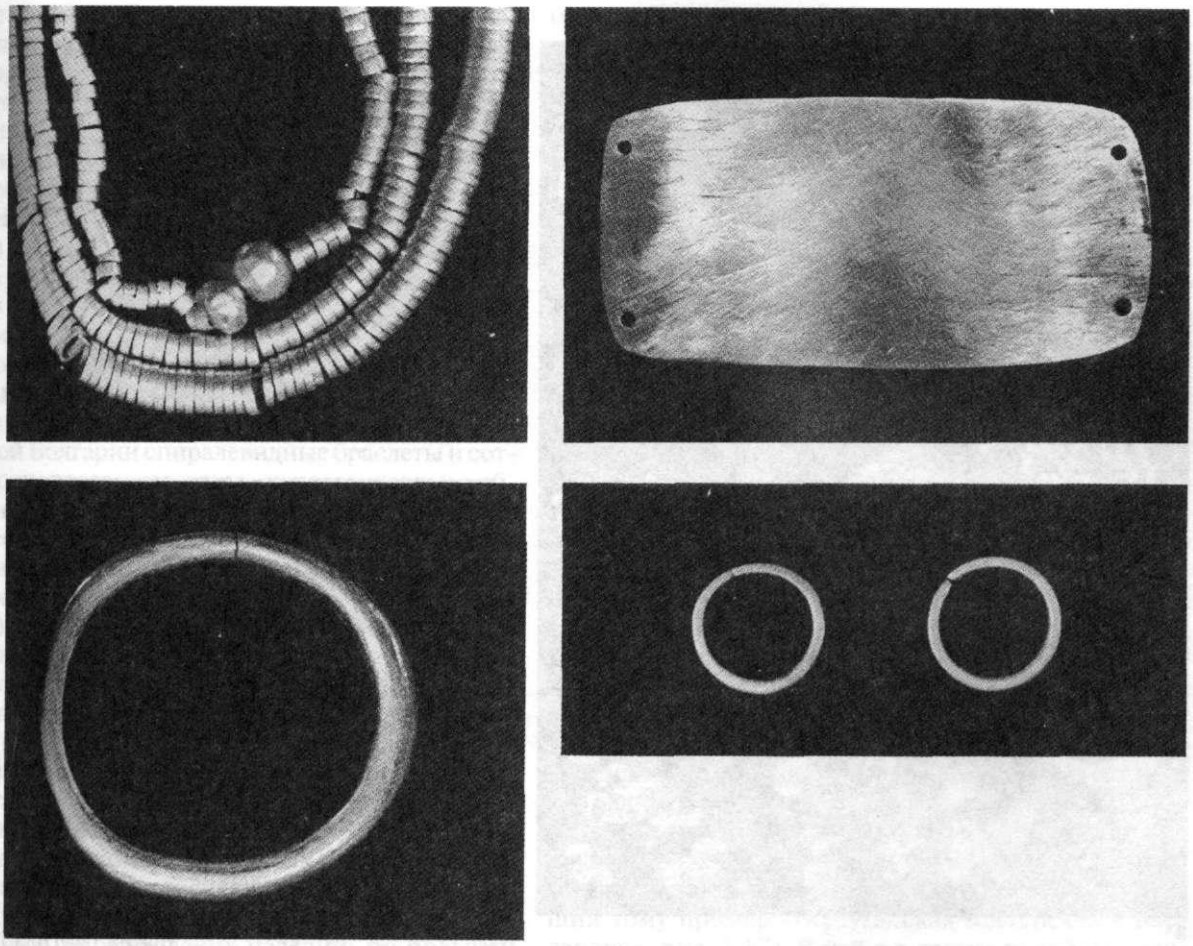


Рис. 3-82
Золотые бусы, серьги, браслет и пластина с перфорацией по углам из Варнского могильника, Восточная Болгария. Могила № 4, ок. XLV–XLIV вв. до н. э.

Рис. 3-83

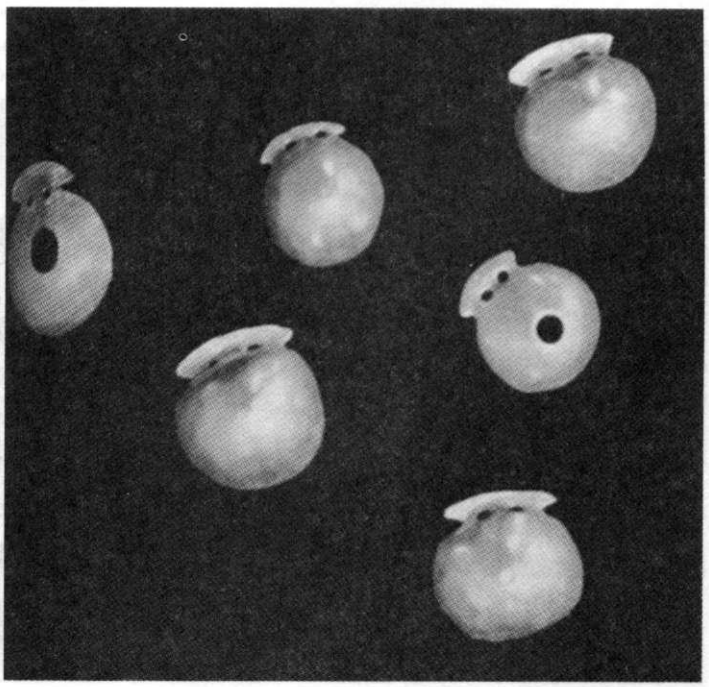
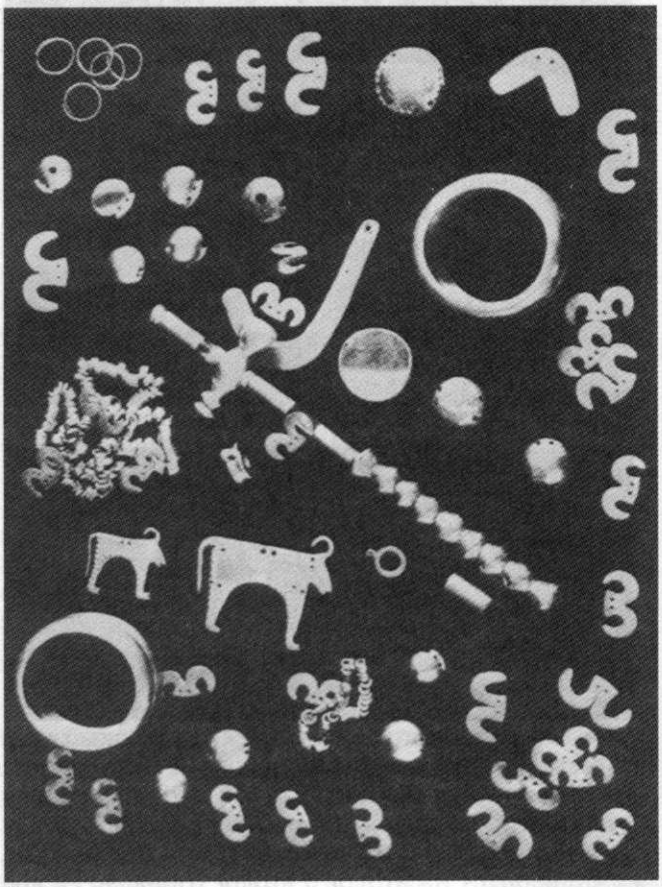
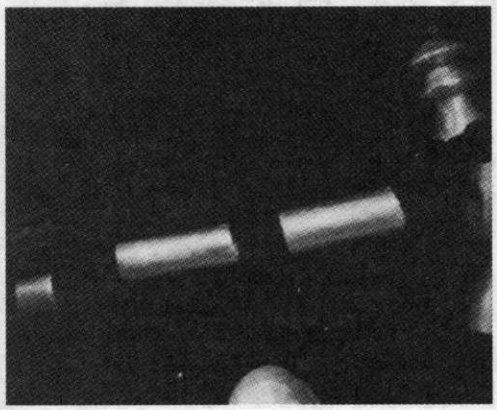


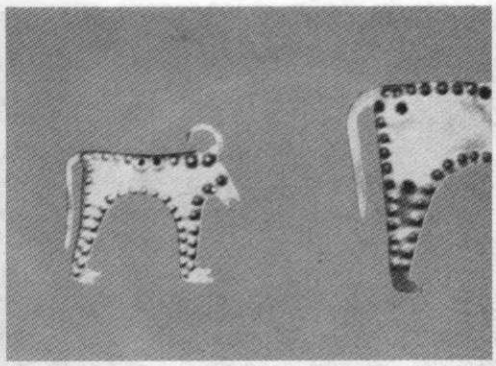
Рис. 3-83
Круглые выгнутые золотые подвески с «глазками». Варнский могильник, Восточная Болгария. Масштаб 1 : 2.

Рис. 3-84



a





b

Рис. 3-84
(a) Золото из одного захоронения (могила № 36, кенотаф без скелета) Варнского могильника. Большая часть предметов, очевидно, имела ритуальное назначение: статуэтки быка, бычьи рога, золотая бедренная кость барана, выпуклые пластины и кольца, подвески с «глазками», V-образные артефакты, серьги, бусы, золотой топор и крюк. (b) Деталь: массивный золотой топор с рукояткой из золотых труб и статуэтки быков.

Рис. 3-85

Рис. 3-85
Раковины денталиум, сердоликовые и каменные бусы, выпуклые золотые пластины и золотые бусины. Часть сокровища из могилы № 4, Варна, Болгария, ок. 4500 г. до н. э.

гора (Центральная Болгария), где в поселении Азмак археологи нашли целый запас подобных рожков, часть которых была перфорирована и подготовлена к транспортировке. Спектральный анализ медных изделий выявил наличие торгового обмена между культурами караново и кукутени, причем даже в столь отдаленных восточных регионах, как бассейны Нижнего Днепра и Нижней Волги. В местечке Карбуна (Молдавская ССР) был найден кукутенский сосуд, содержавший более 400 медных изделий и примерно столько же предметов из раковин и мрамора, что дает представление о широте распространения меди и ее количестве, циркулировавшем по территории кукутенской культуры[99]. Среди медных изделий, хранившихся в этом сосуде, были топор, долото, типичные для Центральной и Восточной Болгарии спиралевидные браслеты и сотни плоских подвесок-амулетов, которые кажутся абстрактными репликами костяных статуэток, в свою очередь весьма схематичных (рис. 3-86). На Украине (захоронения в Мариуполе и в Чапли, к северу от Черного и Азовского морей), в Южной России (волжский Хвалынск) находят топоры, бусы, кольца, спиралевидные наручные браслеты и круглые пластинки-подвески, родственные типам медных изделий культур кукутени и караново VI. Ответственность за распространение меди в радиусе нескольких тысяч километров, скорей всего, следует возложить на всадников, носителей курганной I культуры, обитателей нижнеднепровских и нижневолжских степей.

Как правило, скопления медных и золотых предметов обнаруживаются в святилищах или в отдельных сосудах, поэтому можно предположить, что распространение металлических изделий, по большей части обрядового назначения, могло осуществляться храмовыми служителями и что сами эти предметы были коллективной собственностью всей храмовой общины. Однако в прибрежных районах Черного моря ситуация начала меняться уже во второй половине V тыс. до н.э. Так, в Варнском могильнике были найдены необычно пышные мужские и женские индивидуальные захоронения (см. главу IX). Учитывая его географическое местоположение, можно предположить, что эти изменения происходили под влиянием курганной культуры, для носителей которой частная собственность являлась нормой.

Ремесла

Мастерские и склады изделий из металла, камня или раковин можно рассматривать как свидетельства постепенной специализации ремесел. В целом ряде поселений караново (Ситагрой, Хиршова, Видра, Русе и Караново) археологи обнаружили кузницы со следами медных шлаков, плавильными тиглями, недоделанными медными инструментами или украшениями. Не исключено, что к этому времени добыча кремня, минералов и меди превратилась в самостоятельное занятие. Золотые изделия, в большом количестве обнаруженные в варнских захоронениях, скорей всего были изготовлены специальными мастерами, – не исключено, что они принадлежали к храмовым мастерским, – которые умели делать из золота настоящие сокровища. Так, в святилище Хотница (Северная Болгария) было найдено значительное число браслетов, выполненных в едином стиле, а также абстрактных изображений Богини, которые представляли собой круглые пластинки с глазами и отверстием посередине[100]. Мастерские по изготовлению украшений и статуэток из кости или раковин спондилус стали известны благодаря раскопкам тепля Хиршова в Добрудже[101].

В двухэтажном святилище в Радинграде, поблизости от Разграда (Восточная Болгария), первых веков V тыс. до н.э. на первом этаже была керамическая мастерская, а собственно святилище с жертвенником – на втором. В мастерской с одной стороны располагался большой очаг, с другой – недоделанные сосуды, неиспользованная глина и набор инструментов для отделки гончарных изделий: приспособления для лощения из оленьей кости, кремневые лезвия, птичьи кости, остроконечные инструменты, шилья и плоские камни для растирания охры. Надо сказать, что радинградская мастерская со святилищем на втором этаже – ключ к пониманию назначения других двухэтажных керамических мастерских, встречающихся в культурах кукутени, караново и тиса. Лучший тому пример – кукутенская мастерская в Варваровке (рис. 3-87). В ней и в других подобных прихрамовых общинных мастерских изготовлялись прекраснейшие сосуды и предметы ритуального назначения. Конечно, не исключено, что здесь делали и обычные горшки, необходимые семьям для домашнего обихода, однако археологи находят там лишь тонкостенную и весьма изысканную керамику.

Можно предположить, что изготовление керамики происходило под наблюдением женской части семьи, и почти нет сомнений, что женщины ее декорировали. На это указывает ряд женских захоронений из восточновенгерского могильника Башатанья (фаза бодрогкерестур), погребальный инвентарь которых включал инструменты для полировки, раскраски и гравировки – плоский камень, рыбью кость, костяное приспособление для лощения, пиксиду* и черпачок[102].

Конечно, для того чтобы считать украшение керамики прежде всего женским занятием, необходимо располагать большим объемом данных. Не исключено, что в ее изготовлении принимали участие и мужчины. Однако, если мы посмотрим на модели святилищ, то за производством керамики обычно изображены только женщины.

*Цилиндрический сосуд баночной формы с плоскими плечиками и крышкой.

Рис. 3-86

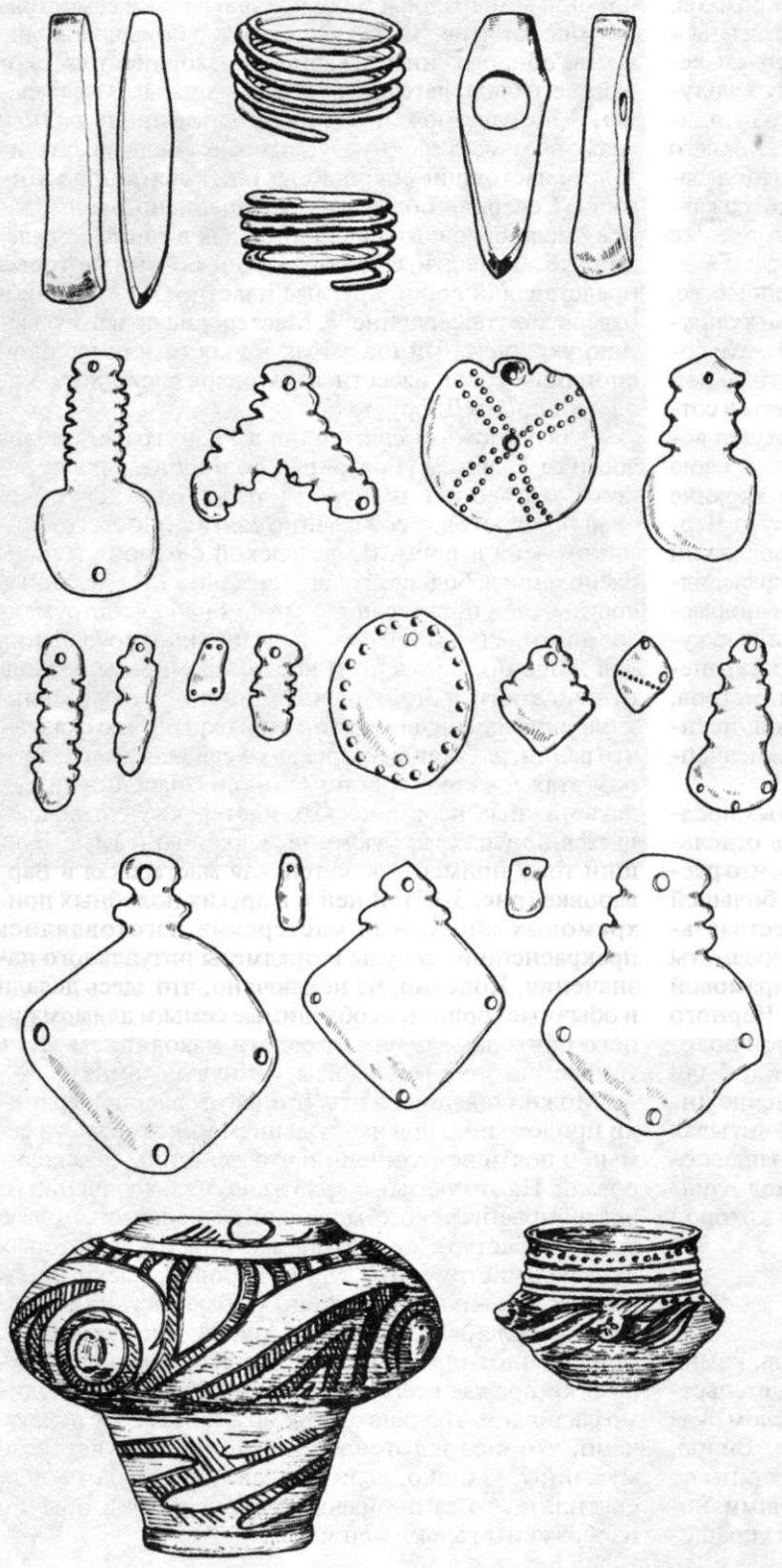


Рис. 3-86
Карбунский клад: медный резец, наручные браслеты, топор и подвески из медных пластин, найдены в грушевидном сосуде с крышкой (нижний рисунок). Молдавия, приблизительно XLVI–XLV вв. до н.э. Масштаб подвески 1 : 1, все прочее 1 : 3.

Рис. 3-87

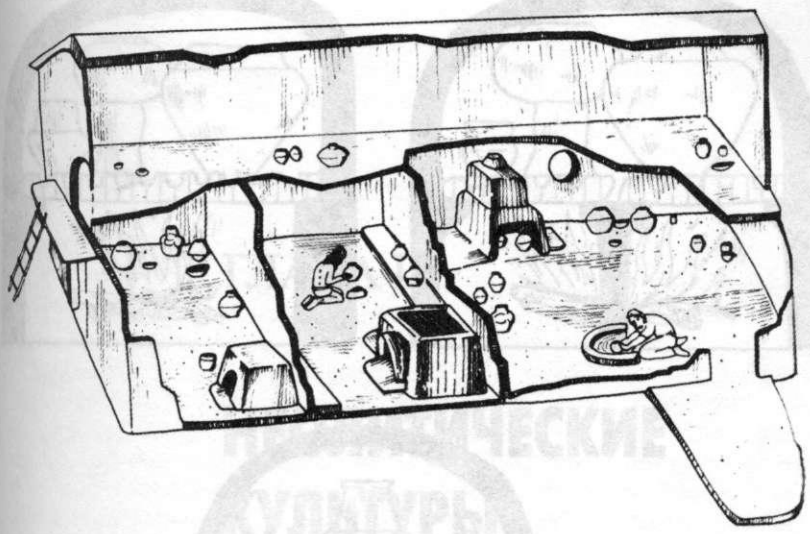


Рис. 3-87
Реконструкция керамической мастерской из Варваровки VIII, Молдавия. Возможно, что это была храмовая мастерская, причем святилище располагалось на втором этаже. Приблизительно 4000 г. до н. э.

Рис. 3-88

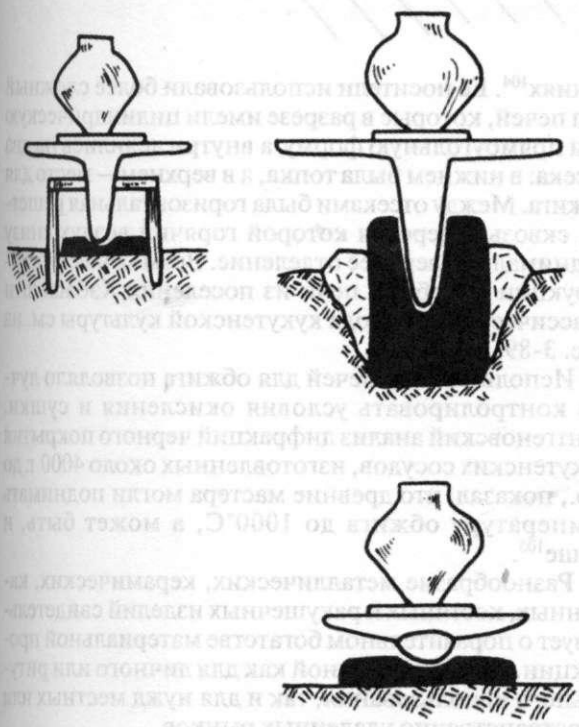
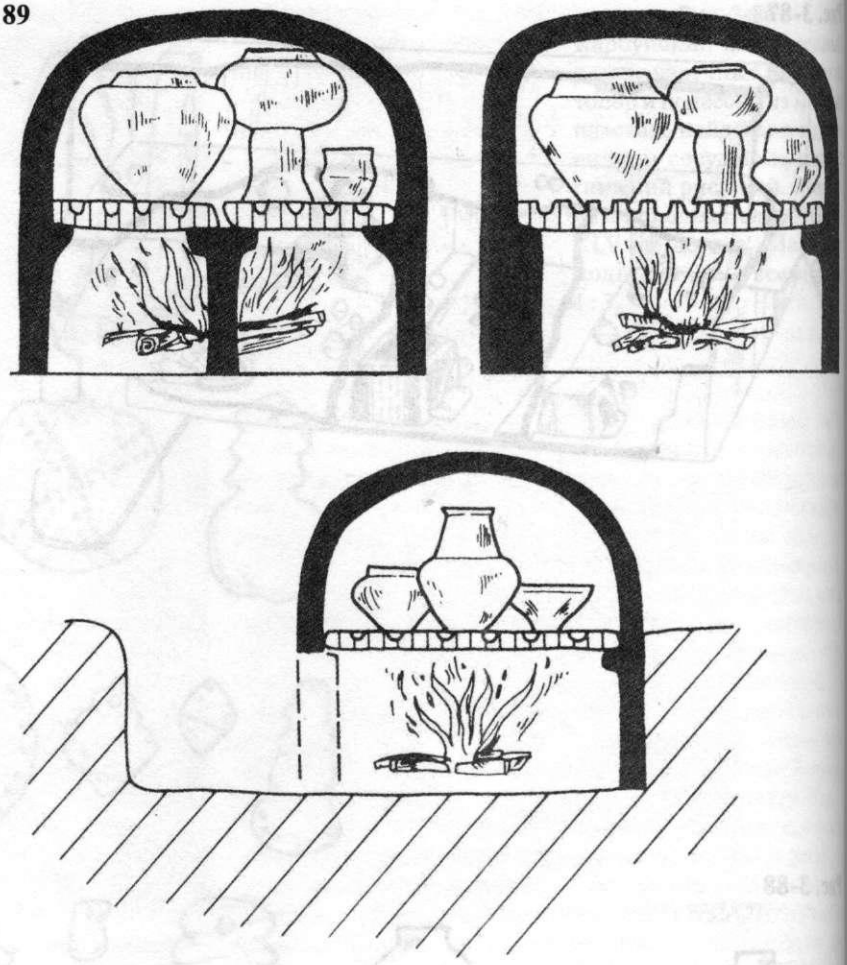


Рис. 3-88
Возможные варианты реконструкции примитивного гончарного круга на основании данных из Варваровки, Молдавия. Приблизительно 4000 г. до н. э.

Рис. 3-89
Примерные варианты реконструкции печи для обжига из Хэбэшешти, классический период кукутенской культуры, XLIV–XLIII вв. до н. э.

Рис. 89



На протяжении всего неолита керамика изготавливалась вручную методом ленточной лепки; однако около 4000 г. до н. э. в рамках кукутенской культуры стал также использоваться примитивный гончарный круг. Свидетельства тому были найдены при раскопках поселения Варваровка (Молдавская ССР)[103]. В имевшейся там мастерской был обнаружен деревянный столб, воткнутый в землю на 50–55 см. Он имел 36–38 см в диаметре и был окружен глиной, смешанной с соломой. Верхняя часть столба имела глиняный диск с четко обозначенным краем. Маркевич, проводивший эти раскопки, попытался реконструировать несколько возможных способов ротации этого устройства (рис. 3-88).

Использование печей для обжига керамики датируется серединой VI тыс. до н.э. или чуть более ранним временем. Их древнейшие и наиболее примитивные образцы известны нам по культуре старчево: это глиняные сооружения в виде усеченного конуса. В середине V тыс. до н.э. печи для обжига широко использовались всеми культурными группами Центральной и Восточной Европы. Только на территории кукутенской культуры они были найдены в 17 разных поселениях[104]. Ее носители использовали более сложный тип печей, которые в разрезе имели цилиндрическую или прямоугольную форму, а внутри делились на два отсека: в нижнем была топка, а в верхнем – место для обжига. Между отсеками была горизонтальная решетка, сквозь отверстия которой горячий воздух снизу поднимался в верхнее отделение. Возможные реконструкции подобной печи из поселения Хэбэшешти классического периода кукутенской культуры см. на рис. 3-89.

Использование печей для обжига позволяло лучше контролировать условия окисления и сушки. Рентгеновский анализ дифракций черного покрытия кукутенских сосудов, изготовленных около 4000 г. до н.э., показал, что древние мастера могли поднимать температуру обжига до 1000°C, а может быть, и выше[105].

Разнообразие металлических, керамических, каменных, костяных и ракушечных изделий свидетельствует о поразительном богатстве материальной продукции, предназначенной как для личного или ритуального использования, так и для нужд местных или пространственно удаленных рынков.

ГЛАВА IV

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

На протяжении тысячелетий обитатели Северной Европы занимались собирательством, в своем существовании полагаясь на милость природы. Смешанные леса и сеть ледниковых озер щедро снабжали их дичью, водоплавающими птицами, ягодами, грибами, съедобными кореньями, орехами, семенами диких растений и крупной рыбой. Основанный на собирательстве хозяйственный уклад был свойственен бореальному (сухому и теплому) периоду VIII–VII тыс. до н.э. На смену ему пришло рыболовство, которое начало играть решающую роль в VI–V тыс. до н.э., во время влажного атлантического периода. Кроме того, на север постепенно перемещались земледельцы из Центральной Европы, попадая на территорию мезолитических собирателей эллербек-эртебелле, которые в последние века V тыс. до н.э. населяли северо-восточную часть Европы.

В Восточной Балтике процесс перехода от позднего палеолита к мезолиту был очень постепенным. Население продолжало жить охотой и рыбной ловлей и изготавливать орудия из кремня, кости и оленьего рога даже в IV тыс. до н.э., когда уже появились оседлые рыболовецкие поселения – знак начала неолитического периода.

Северная часть Центральной Европы между Голландией и Польшей перешла к производительному хозяйственному укладу под воздействием центральноевропейских земледельцев (носителей поздней культуры линейно-ленточной керамики и лендель), которые колонизировали эти области и оказывали на них существенное влияние на протяжении всей второй половины V тыс. до н.э. Именно здесь возникло уже в полной мере земледельческое сообщество, именуемое культурой воронковидных кубков, вскоре распространившееся по территориям культур эртебелле (Южная Скандинавия) и эллербек (Северо-Западная Германия). На позднем этапе развития культура воронковидных кубков проникла в северо-восточные регионы, охватив бассейны Нижней Вислы (Северная Польша) и Немана вплоть до Западной Белоруссии.

В этой главе мы сперва рассмотрим земледельческую культуру воронковидных кубков, а затем – остатки местных балтийских мезолитических культур, неманской и нарвской.

Культура воронковидных кубков Северной Европы

Для обозначения этой культуры нередко используется аббревиатура TRB, происходящая от датского «Tragtbaegerkultur» и немецкого «Trichterbecherkultur», в английском же используется их калька – «Funnel-necked Beaker culture», что соответствует русскому названию «культура воронковидных кубков».

Первые северноевропейские земледельцы обитали в бассейнах Эльбы, Одера и Вислы, затем стали проникать на север, в Данию и Южную Швецию. На западе, в бассейне Верхнего и Среднего Рейна, имела место михельсбергская культура, родственная как культуре воронковидных кубков, так и западноевропейским культурам: ее можно считать их промежуточным вариантом. А с восточной стороны лежала область распространения кукутенской культуры.

Формирование

Культура воронковидных кубков сформировалась в конце V тыс. до н.э. и просуществовала все IV тыс. до н.э., а в северных частях ареала – вплоть до середины III тыс. до н.э. Ее возникновение хронологически совпадает с первым появлением в Дунайском бассейне носителей курганной культуры, обитателей восточных степей. Как уже было сказано в третьей главе, около 4300 г. до н.э. (скорей всего, в результате своеобразной цепной реакции, порожденной культурными изменениями на Нижнем и Среднем Дунае) носители культуры лендель стали расселяться по Северной Европе. Проникновение культуры лендель в Центральную Германию и Западную Польшу оказало решающее влияние на формирование культуры воронковидных кубков. Другой важный фактор – воздействие поздней разновидности культуры линейно-

Рис. 4-1

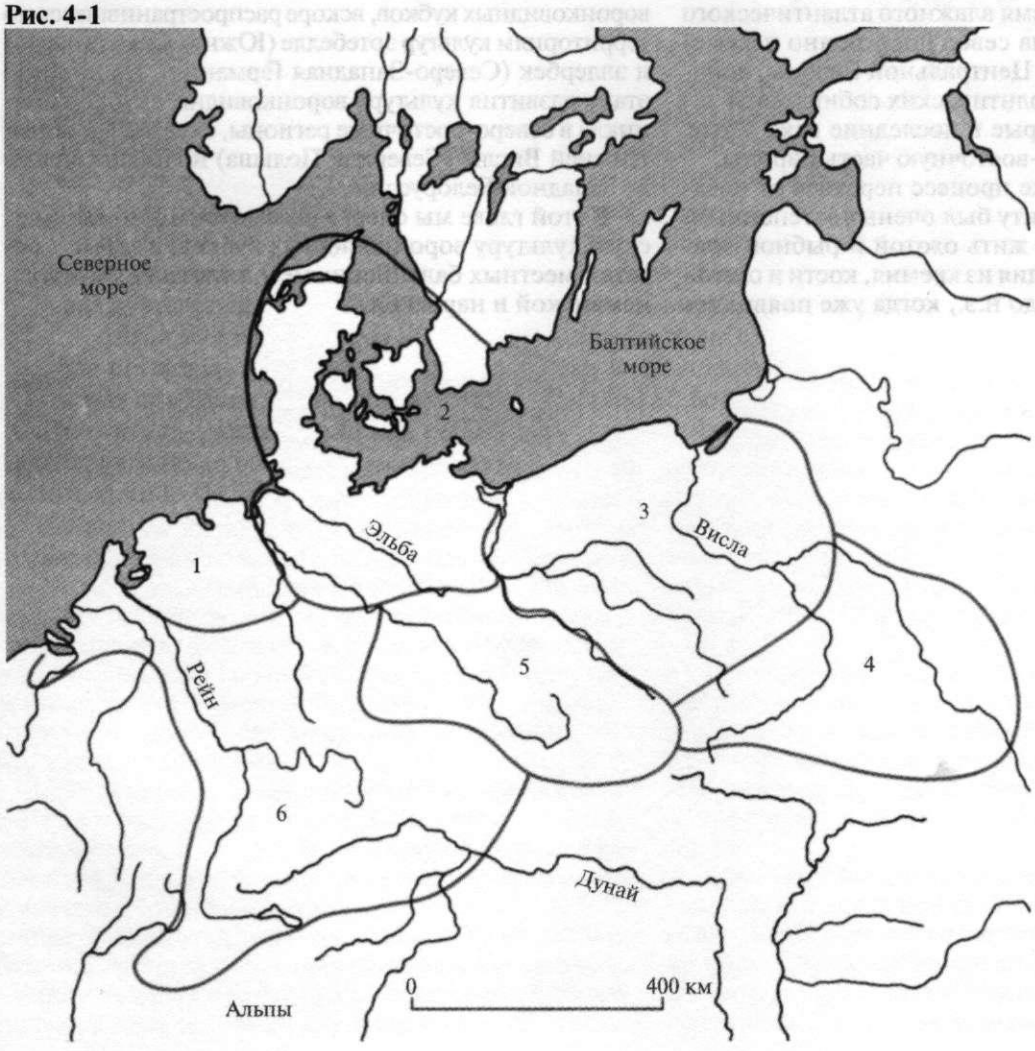


Рис. 4-1
Ареал распространения культуры воронковидных кубков и ее региональных групп. IV тыс. до н. э.

1. Западная группа
2. Северная группа
3. Восточная группа
4. Юго-восточная группа
5. Южная группа
6. Михельсбергская группа

ленточной керамики, которая была характерна для Центральной Европы до прихода носителей культуры лендель.

Продвигаясь на север, в Северную Германию и Южную Скандинавию, земледельцы столкнулись с местным позднемезолитическим населением (в Северной Германии это были носители эллербек, в Дании и Южной Швеции – эртебелле), жившим здесь на протяжении всего V тыс. до н.э. Ранее ученые полагали, что культура воронковидных кубков образовалась на основе эртебелле, однако сейчас вполне очевидно, что между ними нет генетической связи. По-видимому, носители культуры воронковидных кубков отчасти вобрали в себя местное мезолитическое население. И хотя хронологически эта культура пришла на смену эртебелле, их поселения сильно отличались друг от друга. Представители культуры эртебелле предпочитали селиться у морских берегов, а носители культуры воронковидных кубков – во внутренних областях с легкими песчаными и глинистыми почвами, которые легко поддавались расчистке[1].

В целом можно предположить, что культура воронковидных кубков сформировалась в результате наложения ряда факторов: влияния мезолитического субстрата эллербек-эртебелле, наследия центральноевропейских культур рессен и накольчатой керамики и примеси среднедунайского элемента, представленного культурой лендель.

В обширной лесной зоне, служившей колыбелью культуре воронковидных кубков, природные условия были неоднородны, что привело к существенному разнообразию ее конкретных проявлений – форм хозяйственной адаптации, устройства поселений и даже производства кремневых орудий. Эти внутренние различия легли в основу деления на региональные подгруппы: западную (Голландия и Ганновер), восточную (Одер и польская часть бассейна Вислы), юго-восточную (юго-восточные области Польши и Волыни), южную или бальбергскую (бассейн Верхней Эльбы в Центральной Германии, Силезии, Богемии и Моравии) и северную (Мекленбург и Южная Скандинавия) (рис. 4-1). Однако у этих подгрупп много общего: прежде всего, типология керамики и характерные для ряда подгрупп длинные курганы, а также распространение дольменов и коридорных гробниц, которое произошло на закате данной культуры и продвигалось с запада по северным территориям ее ареала.

Хронология

Мы располагаем достаточным количеством радиоуглеродных датировок, чтобы представить себе последовательность фаз развития данной культуры по всей территории ее распространения (Табл. 14). Суммировав хронологические данные, мы обозначим номерами 1–5 фазы, имевшие место примерно с 4200 г. до н.э. до середины III тыс. до н.э., если говорить о календарном отсчете. Помимо радиоуглеродных датировок, эта хронология опирается на стратиграфический анализ и типологические исследования керамики. Формы последней весьма разнообразны: от простых низкогорлых кубков и амфор фазы 1 и 2, которые, как правило, расписаны лишь по краю горло-

Рис. 4-2А

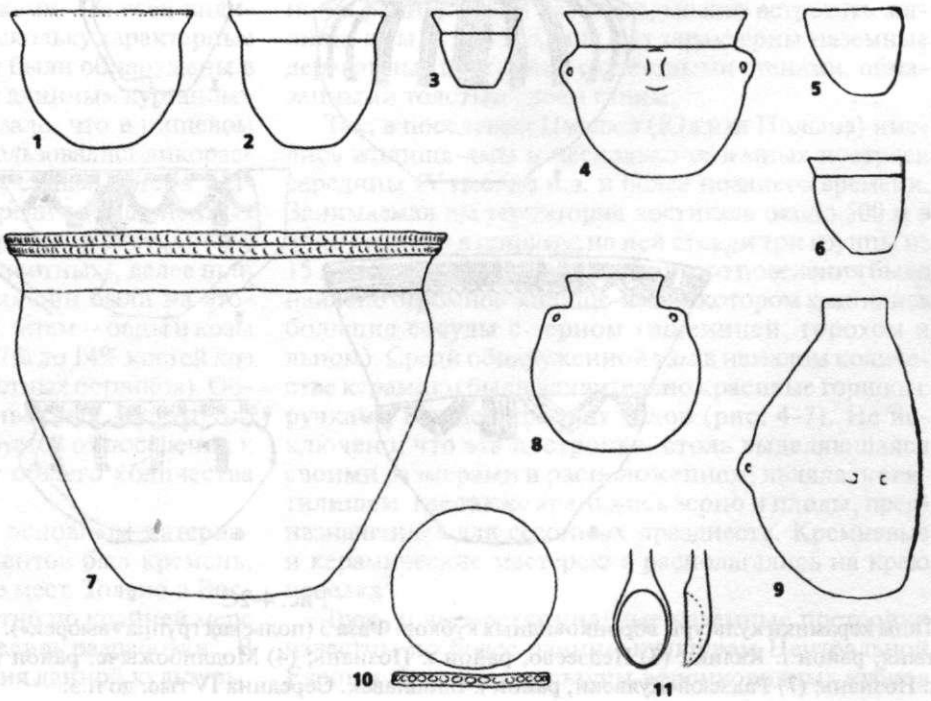


Рис. 4-2А
Типы керамики культуры воронковидных кубков. Фаза 1 (или группа А), основанная на материалах из Сигерстеда, Центральная Зеландия, Дания.

Рис. 4-2B

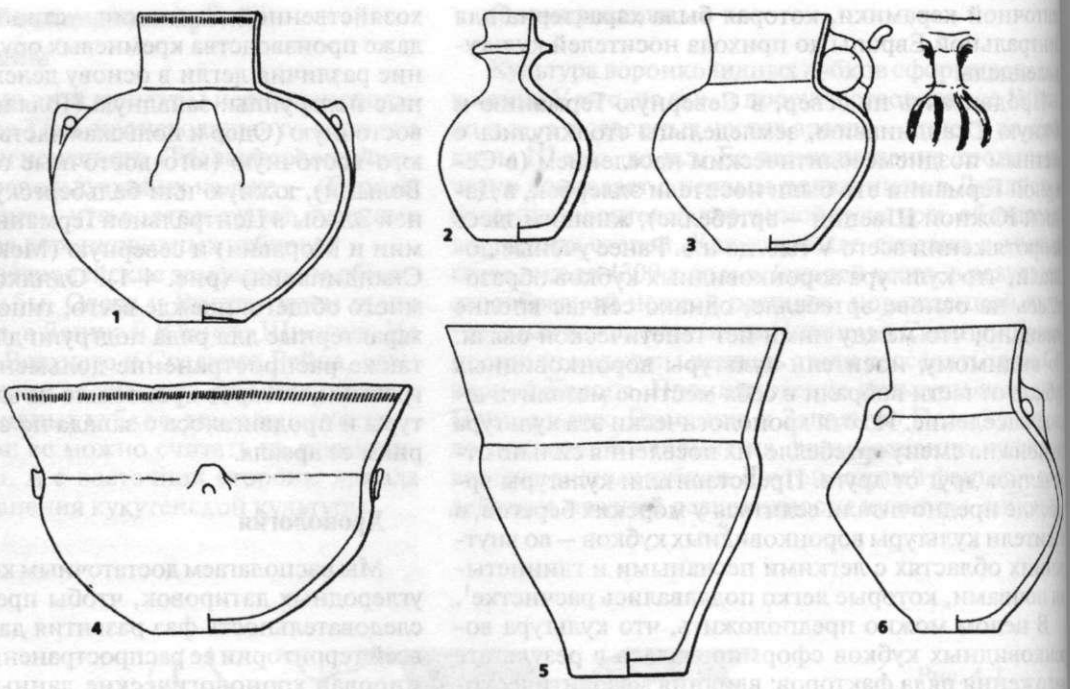


Рис. 4-2B

Типы керамики культуры воронковидных кубков. Фаза 2 (или группа B), Западная Польша. (1, 4, 5) Пикутково, район г. Влоцлавек; (2) Сплаве, район г. Лещин; (3) Обалки, район г. Конин; (6) Маланково, район г. Торунь. Начало IV тыс. до н.э.

Рис. 4-2C

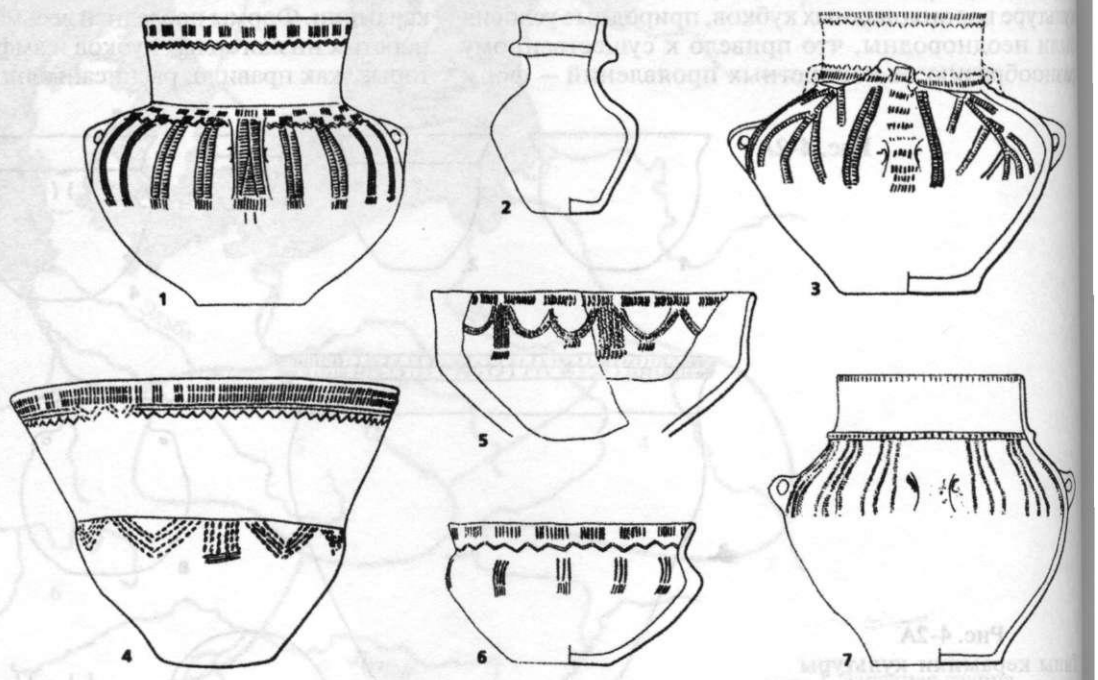


Рис. 4-2C

Типы керамики культуры воронковидных кубков. Фаза 3 (польская группа «вьюрек»). (1) Хелмжа, район г. Торунь; (2) Лутыня, район г. Калиш; (3) Недзеево, район г. Познань; (4) Модлибожыче, район г. Быдгощ; (5, 6) Шляхчин, район г. Познань; (7) Радзеюв-Куявски, район г. Влоцлавек. Середина IV тыс. до н.э.

вины или вообще лишены орнамента (рис. 4-2А, 4-2В), – к богато украшенным воронковидным кубкам, амфорам и чашам, типичным для фазы 3 (рис. 4-2С; 4-3). Одна из характерных разновидностей сосудов, созданных данной культурой, – воротничковая фляга, появившаяся во время фазы 2 (рис. 4-2В.2; 4-2С.2). В Польше и в южной части ареала данной культуры фазу 4 отличает определенная стагнация, коснувшаяся ассортимента керамики и ее орнаментов, а также присутствие южного и восточного влияния (со стороны Бадена и Северопонтийского региона). Что касается севера, то там керамическое искусство продолжало процветать на всем протяжении периода мегалитических гробниц, в которых находят сосуды с глубоко вырезанным орнаментом, инкрустированным белой пастой. Именно поэтому керамика мегалита именуется «тифштих» (рис. 4-3).

Хозяйственный уклад

Одомашненных животных и растения первые земледельцы Северной Европы унаследовали от жителей центральноевропейских регионов. Им был известен целый ряд зерновых культур: пшеница, ячмень, рожь, овес, горох, лен[2], первое место среди которых принадлежало пшенице (в основном, Triticum dicoccum, но также monococcum, vulgare, compactum и spelta), затем шел ячмень. Рожь и овес были представлены довольно слабо, а употребление проса зафиксировано только в восточной группе, где из него варили кашу. Основными земледельческими орудиями были мотыги из оленьего рога и серпы с кремневыми зубьями или ножеобразными лезвиями и костяными или деревянными рукоятками. По всей видимости, использовался и плуг, поскольку характерные для него параллельные борозды были обнаружены в Сарново (Западная Польша) под длинным курганом[3]. Изучение ряда поселений показало, что в пищевом рационе весьма интенсивно использовались дикорастущие фрукты и ягоды: яблоки, сливы, вишня, малина, орехи и многие другие. Среди одомашненных животных преобладал крупный рогатый скот (до 66% и выше от общего количества животных), далее шли свиньи (в некоторых поселениях они были на втором месте, иногда достигая 40%), затем – овцы и козы (в поселениях обнаруживают от 7% до 14% костей коз и овец) и собаки (от 2% до 9% костных останков). Общий процент костей диких животных достаточно низок, однако он сильно варьируется от поселения к поселению (от 2,3% до 22% от общего количества животных останков)[4].

Наряду с деревом и костью, основным материалом для изготовления инструментов был кремень, который добывали в целом ряде мест. Только в Восточной и Южной Польше известно по крайней мере 9 месторождений кремня, где велись разработки[5]. В Сарново, на ранней фазе развития данной культуры, особенно дорожили кремнем шоколадного оттенка, который поступал из бассейна Верхней Тисы и из месторождения у города Радом (Центральная Польша). Кроме того, весьма ценился кремень серого оттенка с белыми точками. Позже, начиная с фазы 3, происходит интенсивная разработка других кремневых залежей, в особенности его серой разновидности, которая проводилась в Свенцечове (Южная Польша) и в бассейне Буга в Волыни. Полосчатый кремень добывали в Кшемьонках, неподалеку от Опатова (Южная Польша, бассейн Верхней Вислы)[6]. Здешние шахты образуют дугу в 4 км длиной и уходят на глубину от 4 до 10 м. Их просеки, из которых извлекалось значительное количество кремня, достигают от 12 до 18 м. В них находят молоты из оленьего рога, камня и кремня и использовавшиеся при горных работах клинья (рис. 4-4, 4-5). Добывавшиеся здесь и в других шахтах крупные монолиты способствовали производству макролитических орудий, ставших характерной чертой данной культуры (рис. 4-6).

Поселения

Поселения культуры воронковидных кубков располагались на лессовых и легких почвах, не только в долинах рек, но и на возвышенностях. Как правило, их протяженность варьировалась от 100 до 500 м, однако в южной группе (Южная Польша) крупные поселения могли достигать 10 га и иметь от 10 до 15 домов. Напротив, на севере (в Южной Швеции) известны лишь крохотные поселения из нескольких домов с десятком жителей. Что касается построек, то тут нельзя выделить некий общий тип: нередко, особенно на ранних фазах развития, можно встретить жилища-ямы, а для поздних фаз характерны наземные деревянные постройки с плетеными стенами, обмазанными толстым слоем глины.

Так, в поселении Цмелюв (Южная Польша) имелись жилища-ямы и несколько наземных построек середины IV тыс. до н.э. и более позднего времени. Занимаемая им территория достигала около 500 м в длину и 200 м в ширину; на ней стояли три группы из 15 домов. В центральной части этого поселения было найдено огромное жилище-яма, в котором хранились большие сосуды с зерном (пшеницей, горохом и льном). Среди обнаруженной там в немалом количестве керамики были удивительно красивые горшки с ручками в виде бараньих голов (рис. 4-7). Не исключено, что эта постройка, столь выделяющаяся своими размерами и расположением, являлась святилищем, где также хранились зерно и плоды, предназначенные для сезонных празднеств. Кремневые и керамические мастерские располагались на краю поселка[7].

Трех- и четырехкомнатные наземные постройки известны по более ранним культурам Центральной Европы. В рамках культуры воронковидных кубков

Рис. 4-3

Рис. 4-3

Образцы керамического искусства в Дании периода построения мегалитических гробниц. Сосуды декорированы глубокой резьбой («Tiefstich») и имели белую инкрустацию. (1) Хёбьерг хегн, Кельсинге согн, Хольбо херред; (2) Эббельнес; (3) Одер, Хадс херред, Орхус; (4) Хагеброгард, Хардеруп согн, Гриндинг херред. Конец IV тыс. до н.э. Масштаб (1) 1:2; (2–4) 3:4

единственная подобная конструкция была раскопана в 1977 г. во Флегельне, в окрестностях Куксхафена на полуострове Экхолтьен, на краю поселения культуры воронковидных кубков[8]. Она имела 12,75 м в ширину и 4,8 м в длину, а ее приблизительный вид был реконструирован по обнаруженной котловине, в которой нет ям для опор. По-видимому, несущим элементом были вертикально поставленные бревна, попарно шедшие по центральной оси дома. Несколько опор располагалось по другую сторону продольных стен, а внутреннее пространство дома было поделено перегородками на четыре комнаты (рис. 4-8). Радиоуглеродные датировки, полученные при исследовании деревянных опор и вырытых для них канав, показали, что эта постройка, скорей всего, восходит ко второй половине IV тыс. до н.э. (см. Табл. 14, датировки Флегельн).

Длинные земляные курганы

Длинные земляные курганы представляют собой североевропейский феномен, который, если вынести за скобки его проявление в Бретани и в западной части Англии, в целом связан с носителями культуры воронковидных кубков (рис. 4-9). Их, как правило, находят на песчаных или глинистых почвах со следами ледниковых отложений: это соответствует тому, что мы знаем о носителях данной культуры, которые в хозяйственных целях осваивали смешанные лесные комплексы. Значительное число подобных курганов зафиксировано в Дании, Северной Германии (Мекленбург и Нижняя Саксония), Западной и Южной Польше; несколько – в Богемии и Моравии, а самое крупное скопление – в Куявии (Западная Польша). Подробную информацию о могильных насыпях культуры воронковидных кубков можно найти в труде М.С.Мидгли, опубликованном в 1985 г.[9]

Чаще всего длинные земляные насыпи встречаются сразу по две–три, иногда – большими группами, как, например, в Сарново (Западная Польша), где их девять (рис. 4-10). Их размеры производят сильное впечатление: как правило, их длина варьируется от 25 до 45 м, однако около 40% из известных нам насыпей имеют в длину от 60 до 80 м. Самые длинные – до 170 м – расположены в Куявии. Это длинные и узкие сооружения, в среднем их ширина колеблется от 3 до 11 м, причем широкий конец считается головным, а узкий – хвостовым (рис. 4-11.1). Посередине широкого конца угадывается входное отверстие. Около 70% от всех изученных могильных насыпей сориентировано с востока на запад или с северо-востока на юго-запад, таким образом, что их вход обращен к встающему солнцу. Кроме того, длинные земляные курганы укрепляли при помощи камней, иногда – деревянных ограждений. В этих местах не было недостатка в камнях; отступивший ледник оставил россыпи валунов. Строители выбирали самые плоские, с гладкой поверхностью, и обкладывали ими внешние стороны ограды. При этом камни были рассортированы по размеру: крупные шли на укрепление широкого конца, а мелкие – узкого, что предполагает серьезный уровень строительного планирования.

Деревянные укрепления встречаются в Дании, Богемии и Южной Польше, где обнаружены бревенчатые опоры, вертикально врытые у основания насыпи (рис. 4-12). Некоторые, по-видимому, имели крепкие дощатые стены. Попадаются и конструкции, окруженные двойной, каменной и деревянной сте-

Рис. 4-4

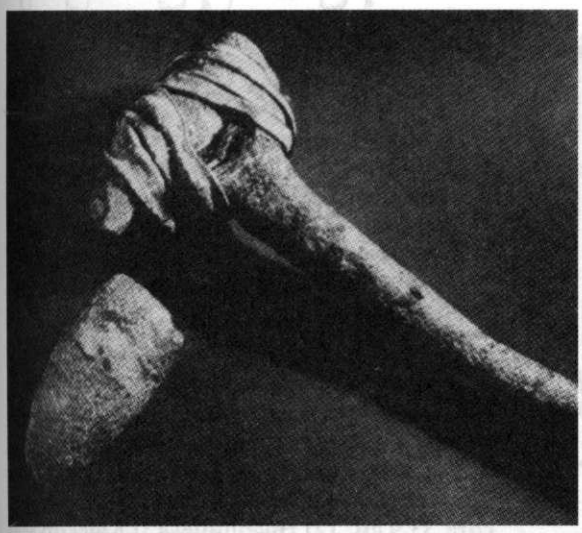


Рис. 4-5

Рис. 4-4, 4-5

Орудия для горных работ из камня и оленьего рога, найденные в шахтах Кшемьонки-Опатувче, Южная Польша.

Рис. 4-6

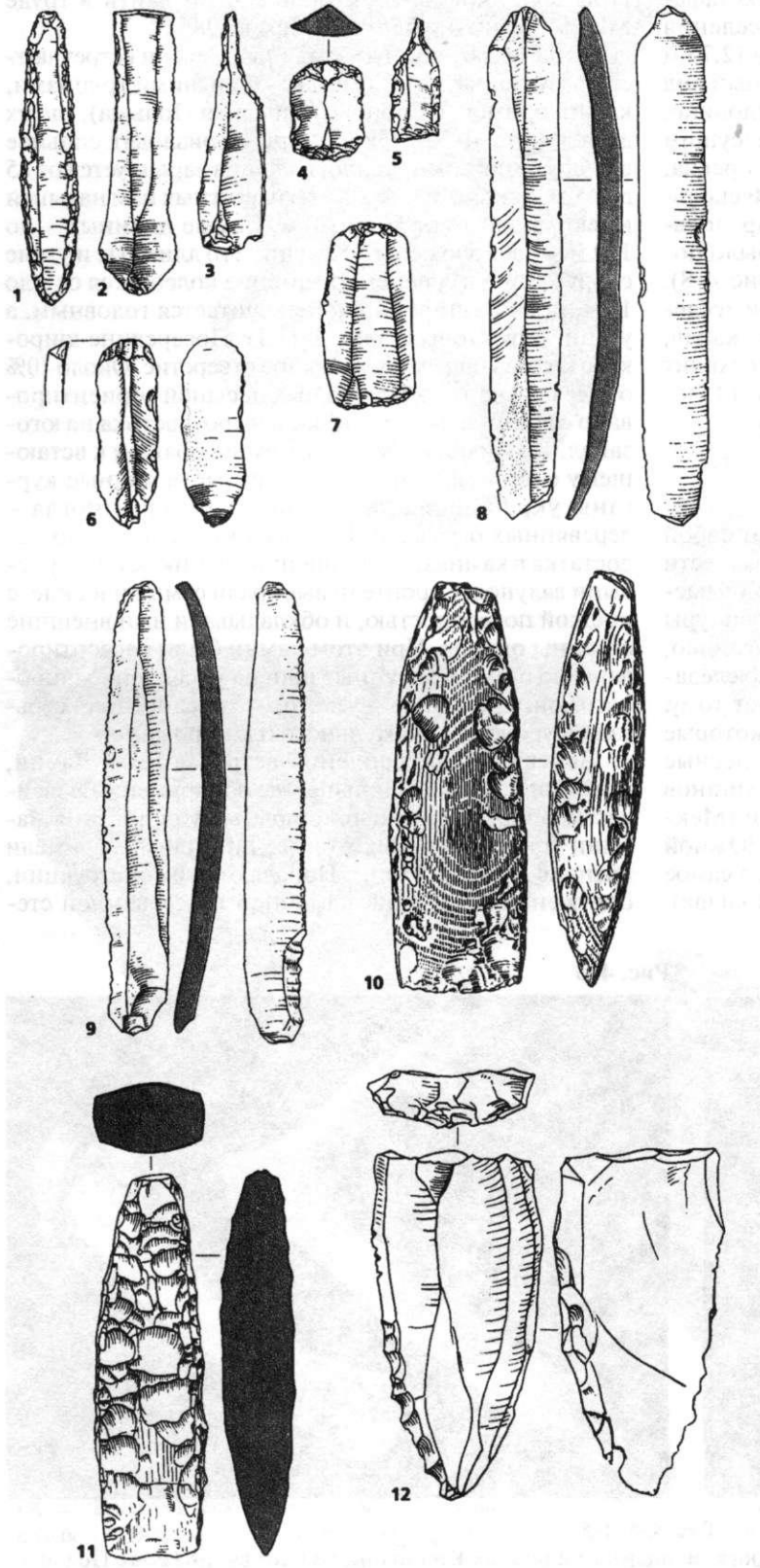


Рис. 4-7

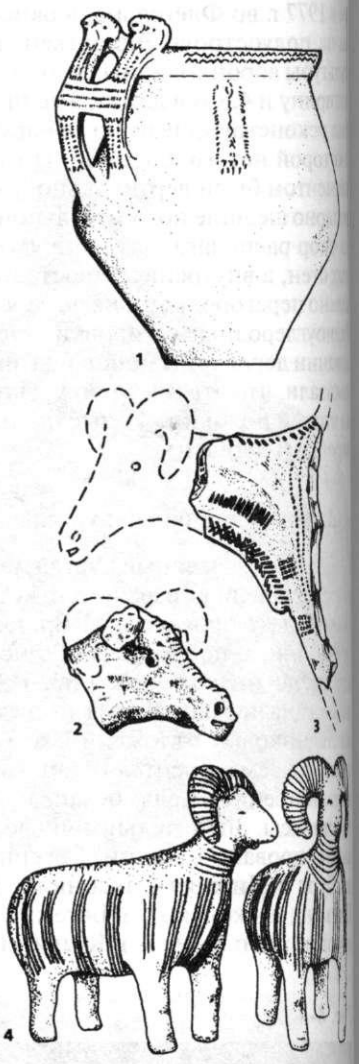


Рис. 4-6

Типичные кремневые орудия культуры воронковидных кубков из нескольких стоянок в Южной Польше: (1) нож; (3, 5) сверла; (2, 4, 6, 7) скребки; (8, 9) серпы; (10, 11) топоры; (12) нуклеус.

(1–5, 7, 10, 12) Цмелюв; (6) Завихост; (8, 9) Гродек-Надбужны.

Рис. 4-7

Ручки церемониальных сосудов в виде бараньих голов; статуэтки баранов могли служить в качестве сосудов для приношений. Находки из Южной Польши и Силезии. (1) Цмелюв; высота 33,9 см; (2) Носоцице; (3) Кшекотувек; (4) глиняная скульптура из Йорданова. Середина IV тыс. до н. э.; высота 13,5 см.

Рис. 4-8

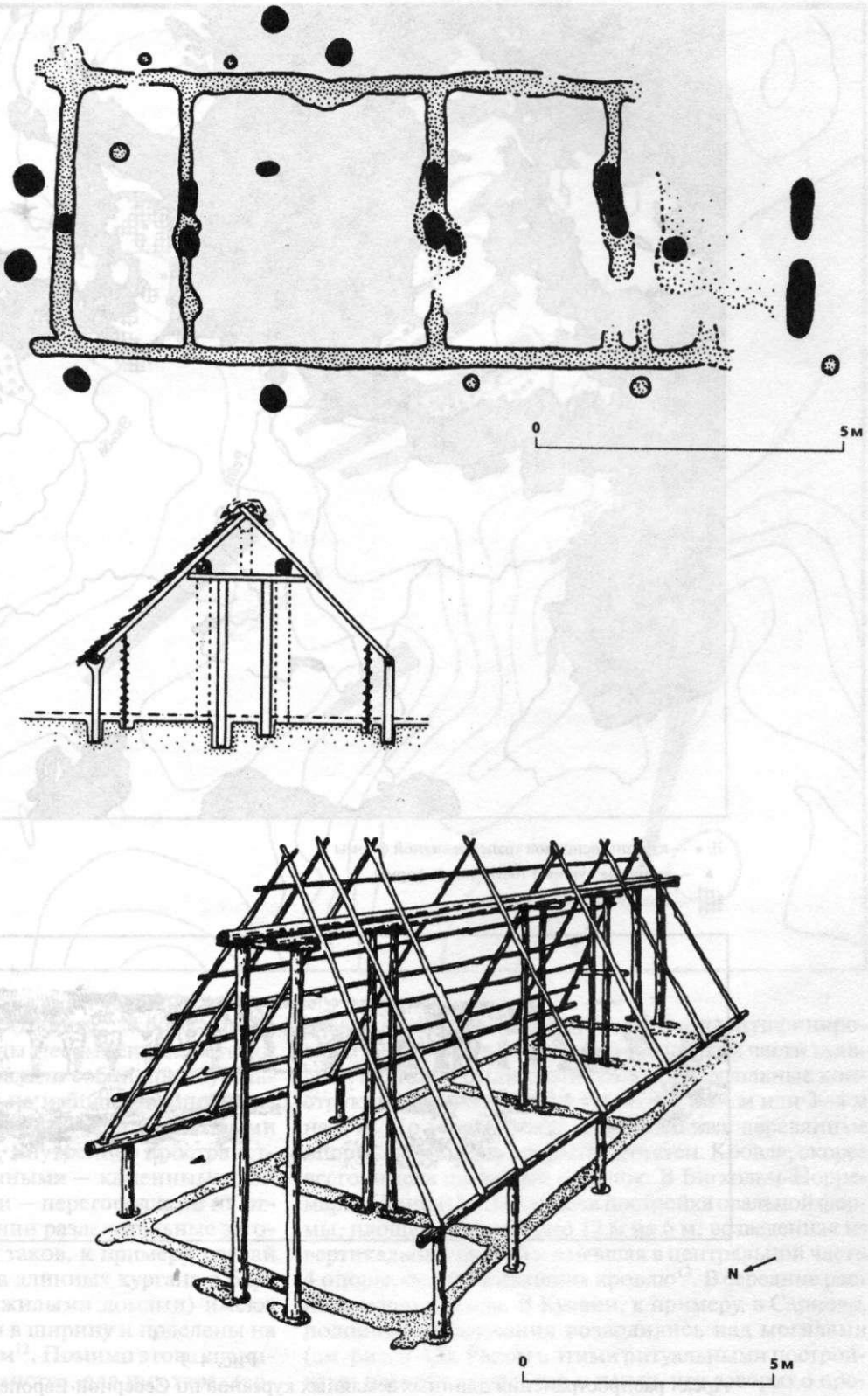
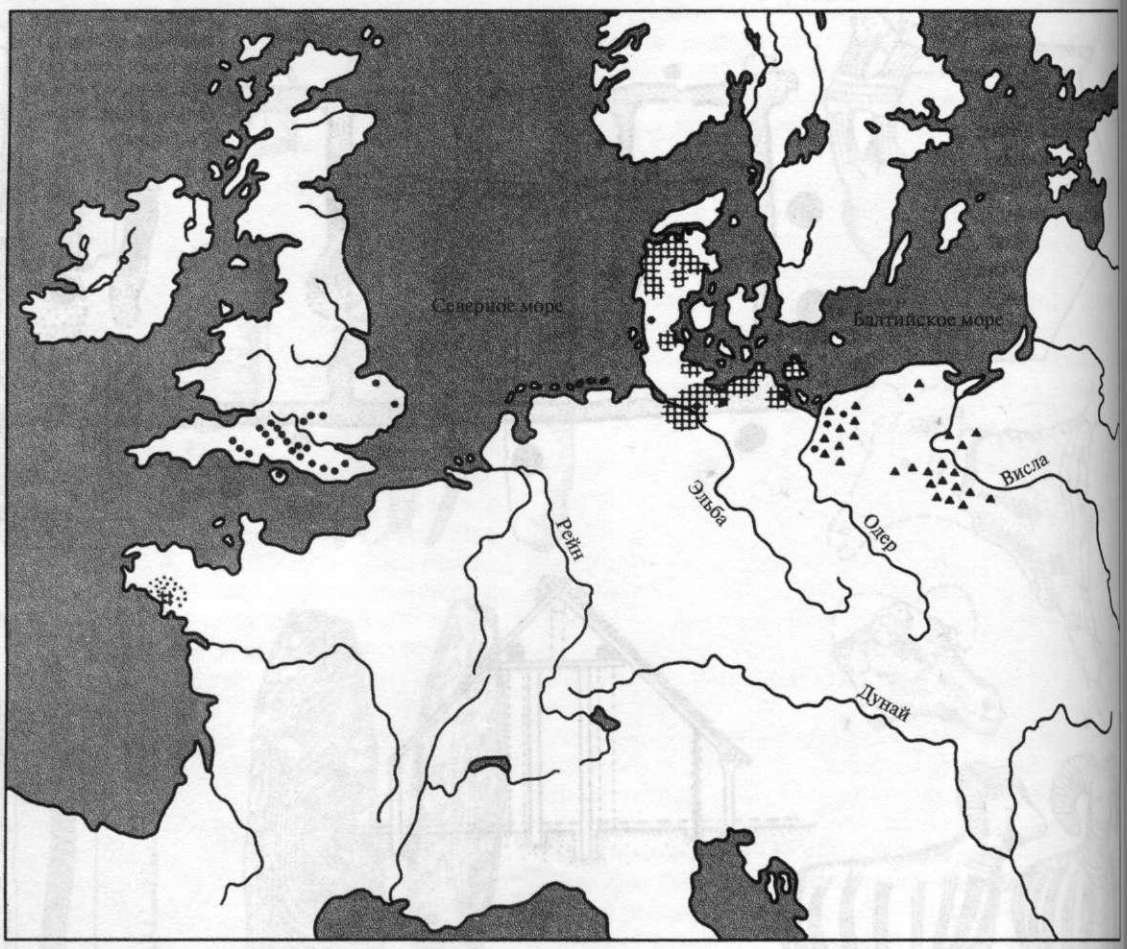


Рис. 4-8
План и реконструкция каркаса дома культуры воронковидных кубков приблизительно XXXV–XXXIV вв. до н.э. Флегельн, Эртьен, район г. Куксхафен, Северо-Западная Германия.

Рис. 4-9



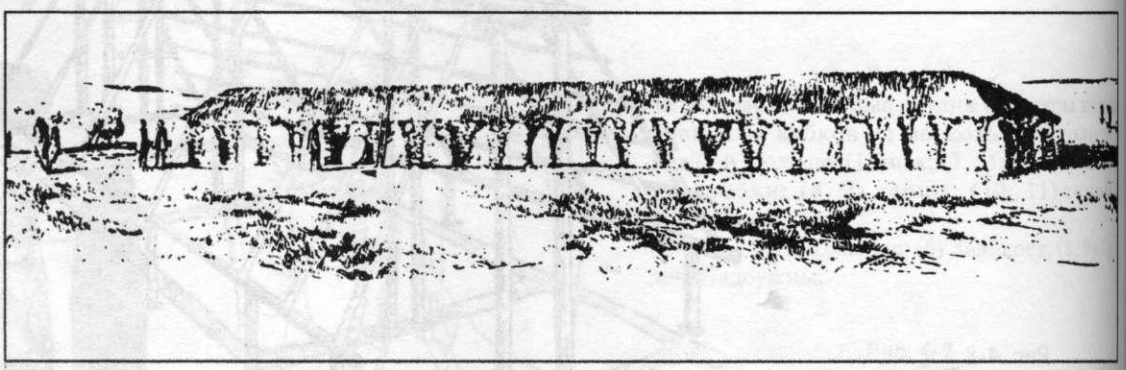


Рис. 4-9

Ареал распространения длинных земляных курганов по Северной Европе. Внизу: прямоугольный курган («Хюненбетт») из земли Шлезвиг-Гольштейн на Северо-Западе Германии.

Рис. 4-10

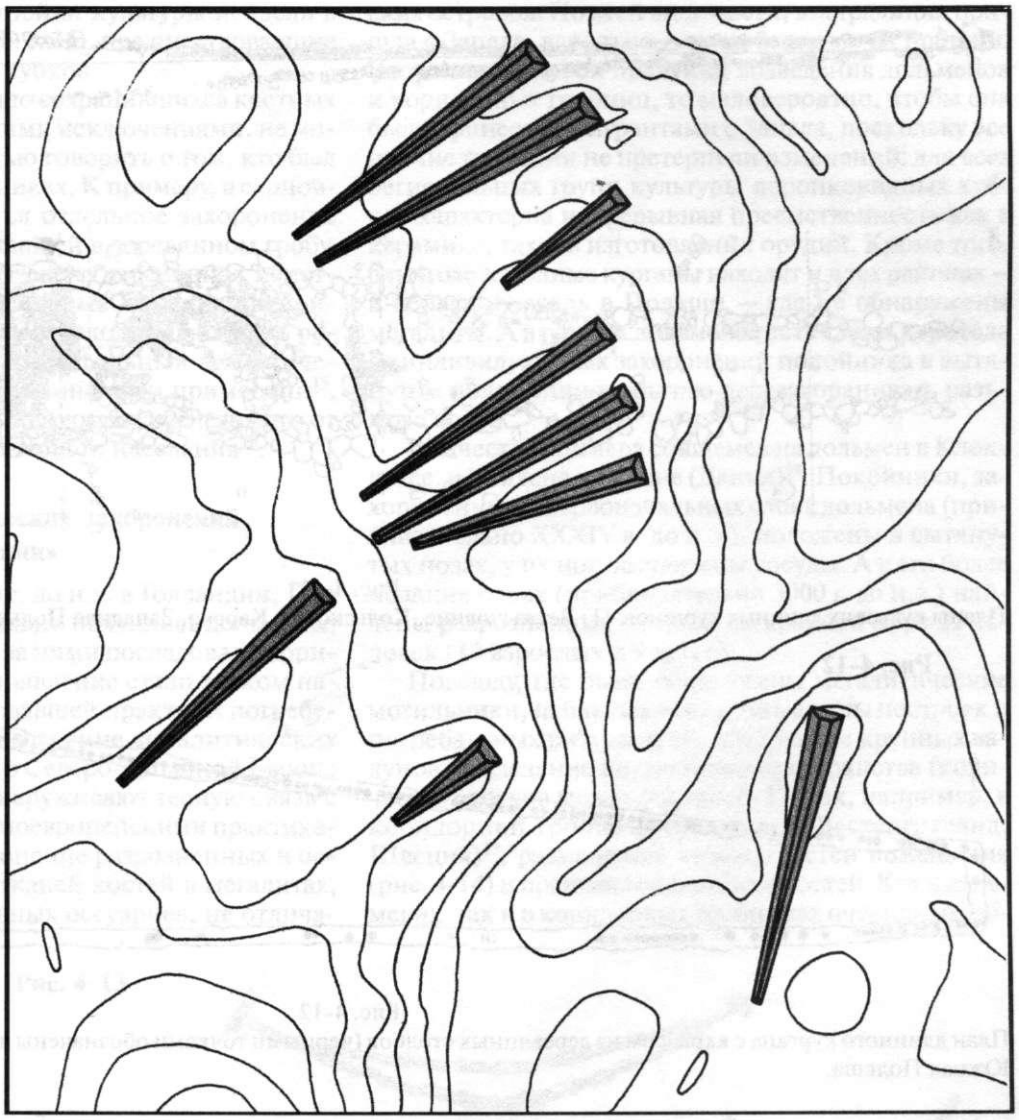


Рис. 4-10
Могильник культуры воронковидных кубков из 9 треугольных длинных курганов. Сарново, Куявия, Западная Польша; сер. IV тыс. до н. э.

ной: например, в Стенгаде (Дания)[10]. Кроме того, в ряде мест были обнаружены несомненные остатки укреплений[11]. Они представляли собой прямоугольные структуры с каркасом на небольших опорах из расколотых бревен, промежутки между которыми были заполнены камнями. Внутреннее пространство было поделено поперечными – каменными или каменными и деревянными – перегородками на отдельные помещения. В Дании разделительные загородки были деревянными: таков, к примеру, случай Баркера в Дьюрсланде. Два длинных кургана в Баркере (ранее считавшихся жилыми домами) имеют 85 м в длину, от 6,5 до 7,5 м в ширину и поделены на 26 отсеков длиной около 3 м[12]. Помимо этого специфического деления пространства, для них характерна такая архитектурная и ритуальная деталь, как деревянные постройки, которые были идентифицированы в Куявии и в Ютландии. В широкой части куявских курганов были возведены прямоугольные конструкции величиной примерно 4 м на 4 м или 3–4 м на 5 м. По углам стояли вертикальные деревянные опоры, служившие каркасом для стен. Кровля, скорее всего, имела шатровый рисунок. В Бигхольм-Норремарке (Дания) была найдена постройка овальной формы, площадью примерно 12 м на 6 м, возведенная из вертикальных бревен и имевшая в центральной части 4 опоры, поддерживавших кровлю[13]. В середине располагалась могила. В Куявии, к примеру, в Сарново, подобные сооружения возводились над могилами (см. рис. 9-13). Рядом с этими ритуальными постройками находят следы угля и пепла, что говорит о проведении сожжений, возможно, в целях очищения.

1 **Рис. 4-11**

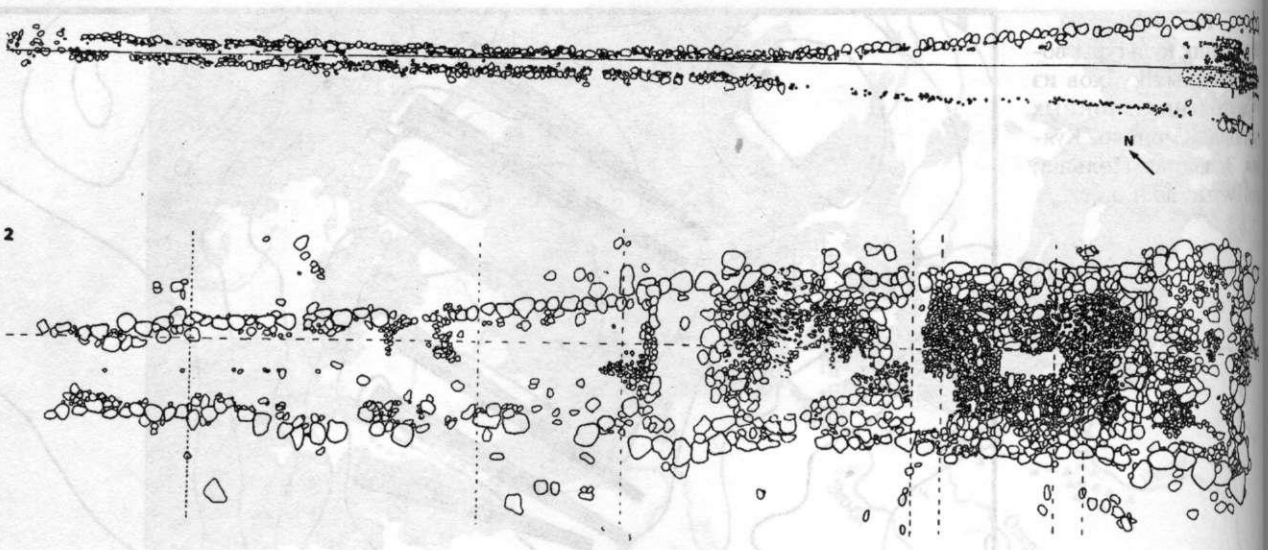


Рис. 4-11
Планы куявских длинных курганов: (1) Ветжычовице, Кольско; (2) Карско, Западная Польша.

Рис. 4-12

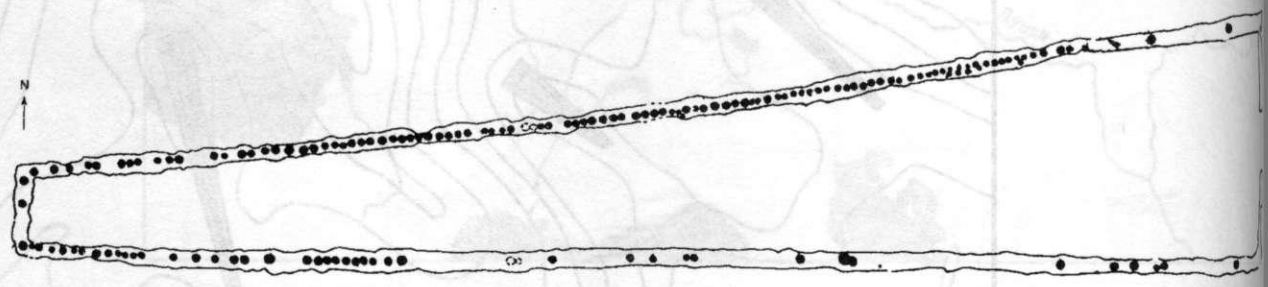


Рис. 4-12
План длинного кургана с каркасом из деревянных столбов (черными точками обозначены ямы для столбов). Недзведзь, Южная Польша.

Внутри длинных курганов чаще всего имелись прямоугольные отсеки с каменными и деревянными перегородками, в которых находились отдельные захоронения, причем покойников хоронили в гробах. Однако из-за неблагоприятного состава почвы только в 20,4% из всех известных нам длинных курганов сохранились следы захоронений, и лишь в 16% – костные останки. Сами захоронения располагались как в ямах, так и на поверхности. За исключением бальбергской группы (Центральная Германия), покойников укладывали в вытянутой позе, и, судя по всему, нередко – в деревянный гроб. Их погребальный инвентарь весьма скромен и сводится к нескольким ритуальным предметам – расписным сосудам, кабаньим клыкам, иногда – кремневым инструментам. Бусины попадаются исключительно янтарные, носили их в виде ожерелий (рис. 4-13). В ряде случаев у скелетов очевидным образом недостает частей, считается, что после погребения помещение могло оставаться открытым, пока не происходила экскарнация и тело не было очищено до костей[14].

Говоря о длинных земляных курганах, следует обратить внимание на несколько любопытных моментов. Прежде всего, они, как правило, имели треугольную или трапециевидную форму, которая символически ассоциируется с лобковым треугольником женщины (или Богини). Не случайно у входа в могильники устанавливали треугольные камни высотой до 1 м (и даже более), символически обозначавшие лобковый треугольник Богини. Кроме того, длинные курганы помещались возле более древних поселений носителей культуры воронковидных кубков, возможно – прямо на их территории, становясь связующим звеном с землей предков и с самими предками. Из

треугольные/трапециевидные очертания напоминают трапециевидные постройки культуры лендель в Западной Польше (см. рис. 3-35), предшествовавшие культуре воронковидных кубков.

Из-за отсутствия хорошо сохранившихся костных останков мы, за несколькими исключениями, не можем с полной уверенностью говорить о том, кто был похоронен в этих могильниках. К примеру, в сарновском кургане № 9 имеется отдельное захоронение 70-летней женщины, лежавшей в деревянном гробу, поверх которого была возведена деревянная конструкция (см. рис. 9-13). Остальные захоронения принадлежат значительно более молодым людям. В основном преобладает долихоцефальный атлантический тип с редкими кроманьонскими примесями[15]. Считается, что последние напрямую унаследованы от местного позднемезолитического населения[16].

Появление мегалитических захоронений и «лагерей с вымостками»

После середины IV тыс. до н.э. в Голландии, Германии и Южной Скандинавии появились дольмены; примерно к 3200 г. до н.э. за ними последовали коридорные гробницы[17]. Их появление стало знаком начала изменения существовавшей практики погребения. С этого момента возведение мегалитических конструкций и принятые в Северо-Западной Европе способы захоронения обнаруживают тесную связь с соответствующими западноевропейскими практиками. Так, повторное захоронение разрозненных и освобожденных от мягких тканей костей в мегалитах, игравших роль коллективных оссуариев, не отличалось от обычаев Бретани, Иберии, Англии и Оркнейских островов. По всей видимости, эта традиция пришла с Запада, вероятно – по побережью из Бретани. Что касается новой практики возведения дольменов и коридорных гробниц, то маловероятно, чтобы она была принесена мигрантами с Запада, поскольку все прочие традиции не претерпели изменений: для всех региональных групп культуры воронковидных кубков характерна непрерывная преемственность как в керамике, так и в изготовлении орудий. Кроме того, длинные земляные курганы находят и в тех районах – в первую очередь в Польше, – где не обнаружены мегалиты. А в ранних дольменах есть следы перехода от индивидуальных захоронений покойника в вытянутом положении к обычаю перезахоранивать разъятые кости.

В качестве примера сошлемся на дольмен в Клоккехёе, в Бойдене на Фюне (Дания)[18]. Покойники, захороненные в первоначальных слоях дольмена (приблизительно XXXIV в. до н.э.), положены в вытянутых позах, у их ног поставлены сосуды. А в его более поздних слоях (приблизительно 3000 г. до н.э.) найдены разрозненные останки по крайней мере 22 человек (13 взрослых и 9 детей).

Повсюду, где были обнаружены мегалитические могильники, наблюдаются сходные типы построек и погребальных ритуалов: использование крупных валунов, разделение внутреннего пространства (количество отсеков может достигать 17, как, например, в коридорной гробнице Россберга, Вестерготланд, Швеция)[19], размещение черепов у стен помещения (рис. 4-14) и практика опаливания костей. Как в дольменах, так и в коридорных гробницах очевидным об-

Рис. 4-13

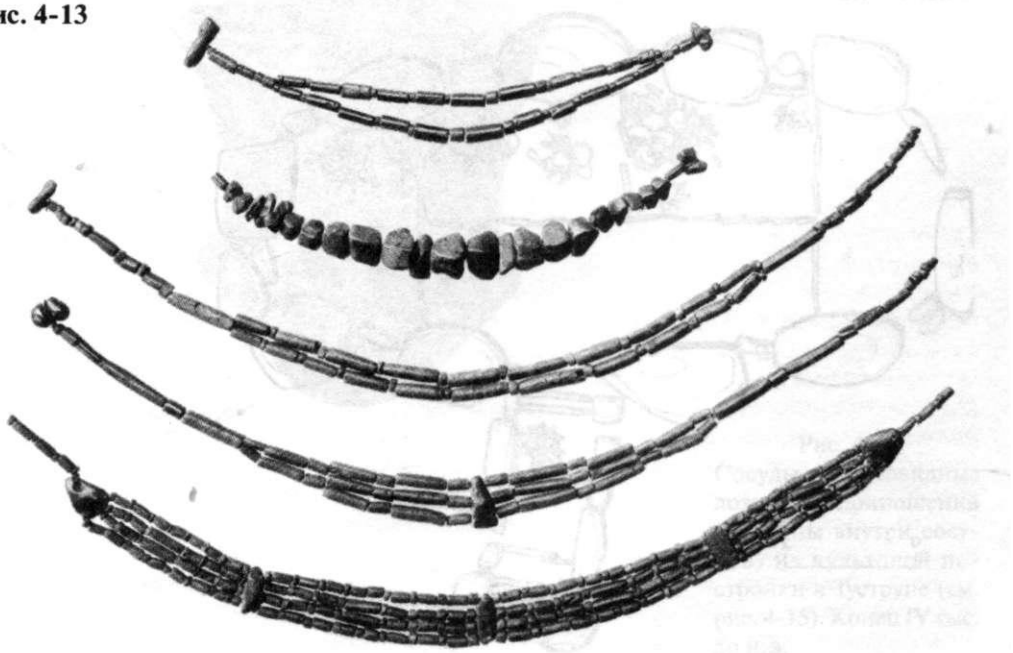


Рис. 4-13
Янтарные ожерелья из нескольких нитей цилиндрических бусин, иногда перемежающихся промежуточными пластинами в форме топора. Культура воронковидных кубков; Лестен, Виборг, Дания; ок. 3000 г. до н. э.

Рис. 4-14.1

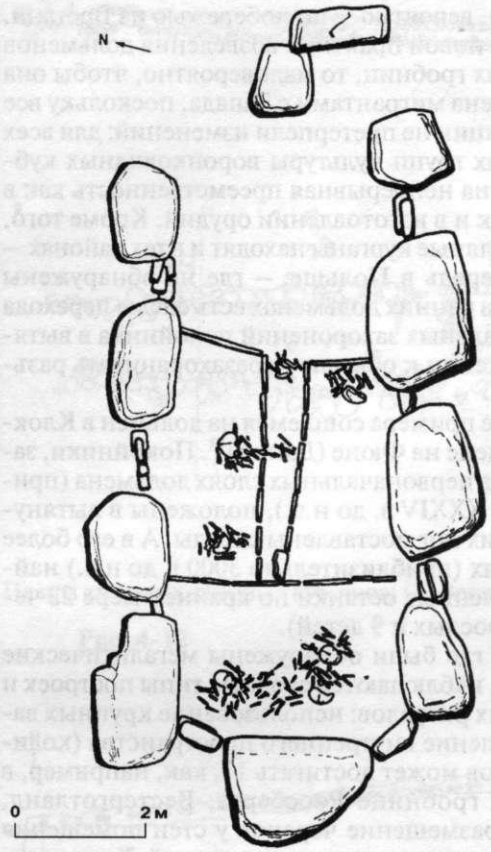


Рис. 4-14.2

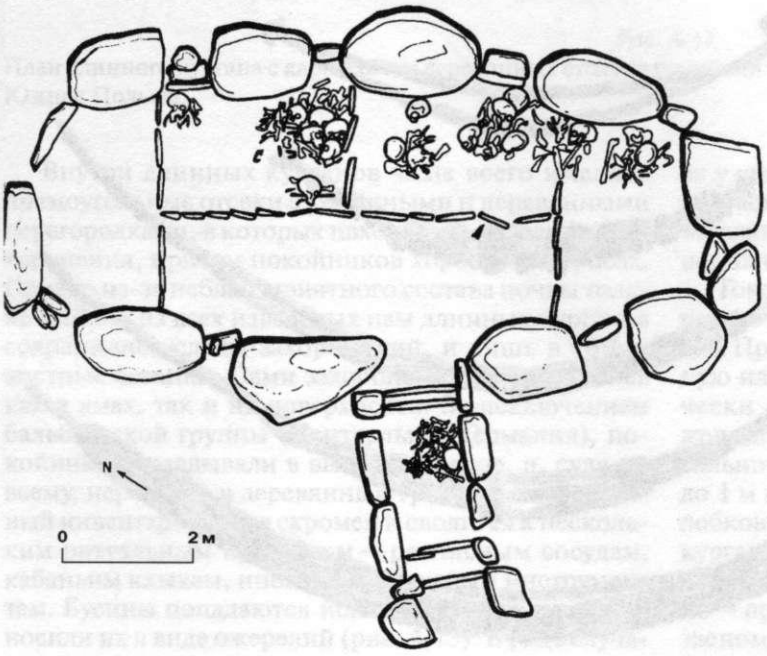


Рис. 4-14
(1) Дольмен и (2) коридорная гробница с внутренними перегородками. Указано расположение черепов и человеческих костей. Липен, район г. Росток, Северная Германия. Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 4-15

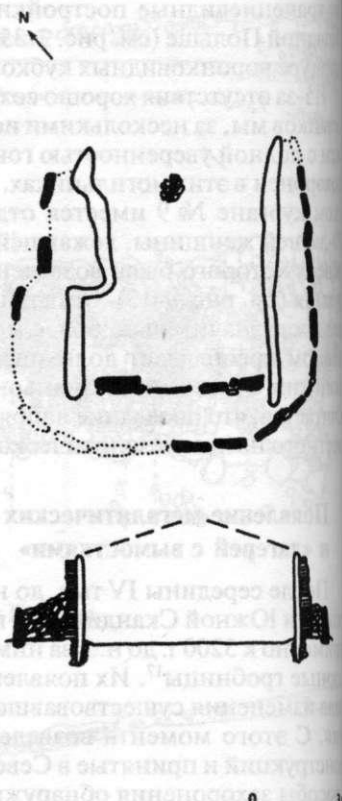


Рис. 4-15
План и поперечный разрез культовой постройки в Туструпе, Дания. У входа вокруг ямы для приношений было найдено 30 прекрасных сосудов (см. рис. 4-16). Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 4-16

Рис. 4-16
Сосуды и дисковидные ложки для приношений (найдены внутри сосудов) из культовой постройки в Туструпе (см. рис. 4-15). Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 4-17

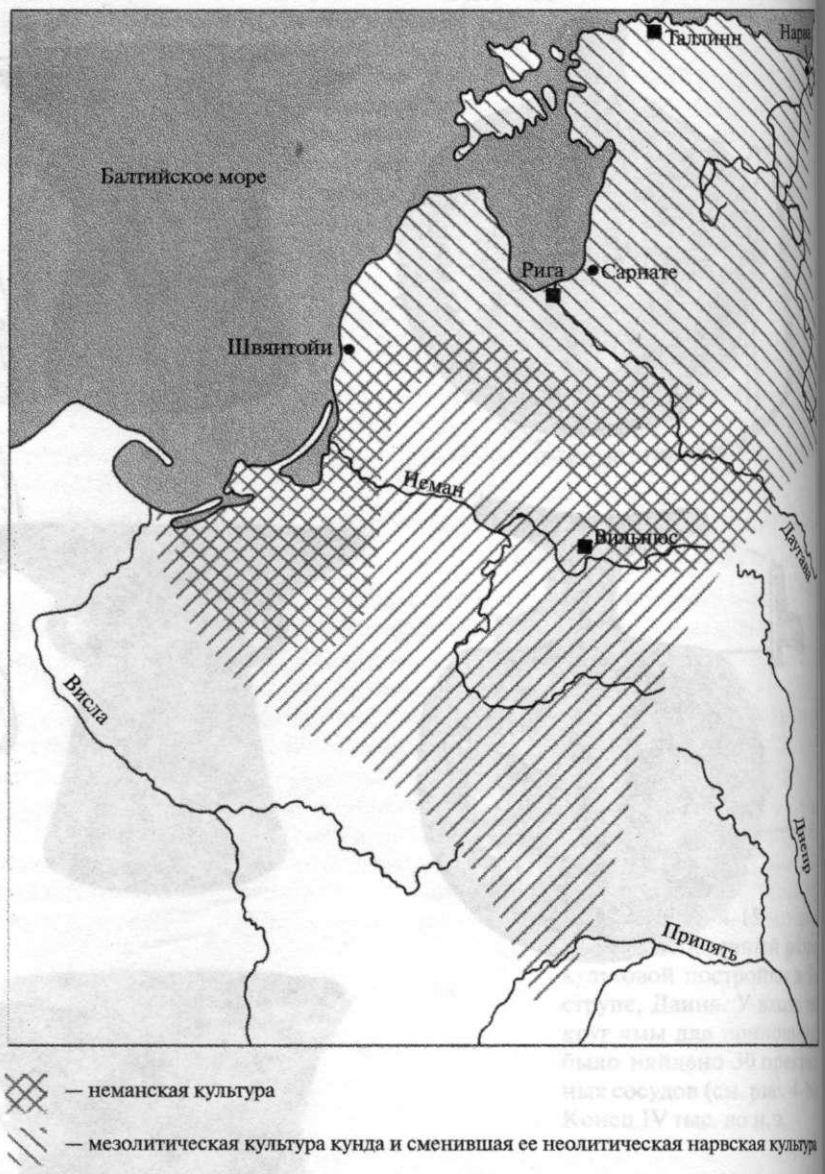


Рис. 4-17
Распространение мезолитических и неолитических культур по Восточнобалтийскому региону

разом есть как обгорелые, так и необгорелые кости, а в дольменах Южной Швеции был обнаружен целый ряд скоплений обгорелых костей. В дольмене Бронсиксан в Хиндбю-Мосс под надгробным камнем было найдено 71 скопление обгорелых костей, в основном – черепов, останки приблизительно 10 человек[20]. В дольмене Тролластер скопления обгоревших костей обнаружены за пределами захоронения, а в гилльхогской коридорной гробнице – перед ее входом[21]. В Бохусленском районе Южной Швеции обгорелые кости встречаются как в отдельных секциях, так и в проходах коридорных гробниц.

Еще одна общая для европейского Запада традиция – появление в Дании и Южной Швеции ок. 3200–3000 гг. до н.э. (т.е. в период коридорных гробниц) так называемых «лагерей с вымостками», иначе говоря, огороженных мест, окруженных концентрическими канавами и насыпями (в Дании – Вольдбек, Саррупе и Тофтум, в Скании – Стэвье)[22,23]. В канавах вокруг этих сооружений археологи находят керамические черепки, бычьи кости, а в одном случае (в Саррупе) – человеческие нижние челюсти. «Лагеря с вымостками» появляются в центре скопления мегалитических гробниц[24]; по-видимому, их использовали в обрядовых целях группы, чья численность превышала число обитателей одного поселка. В частности, здесь происходила кремация человеческих останков, погребение сосудов и других предметов обрядового назначения.

Культовые сооружения были тесно связаны с дольменами и коридорными гробницами. В Туструпе

Рис. 4-18

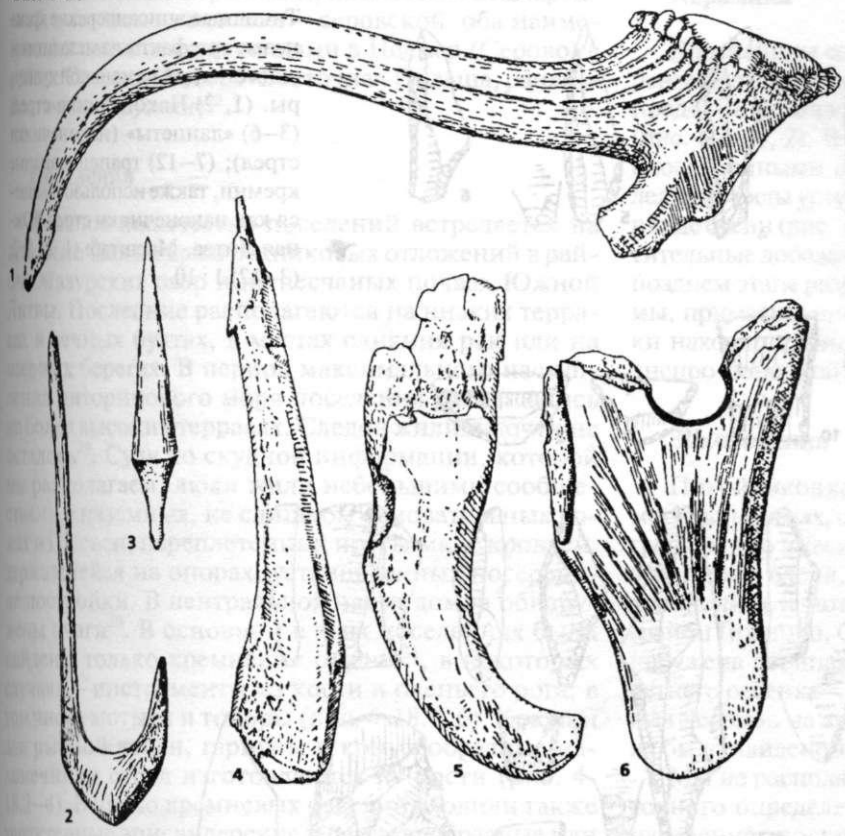


Рис. 4-18
Орудия из оленьего рога и кости, неманская культура Литвы. (1) Мотыга из оленьего рога, Кашетос; (2) рыболовный крючок, Даукшай; (3) наконечник стрелы, Алксненай; (4) гарпун, Вилкавишкис; (5) топор из оленьего рога, Кашетос; (6) мотыга из оленьего рога, Пашвентупис. Начало IV тыс. до н. э. Масштаб 1 : 1.

(район Норагер Дьюрсланда, Дания) три мегалита были расположены полукругом, а посередине стояла культовая постройка в форме подковы размером 6 на 4–5 м (рис. 4-15), с выходом на северо-восток. Стены толщиной 1–2 м были каменными; вокруг них была выстроена изгородь из расщепленных бревен. В ее центре находилась яма овальной формы, наполненная песком; по обеим ее сторонам было обнаружено 30 сосудов, включая 10 фруктовниц тонкой работы, и 8 дисковидных ложек, каждая из которых лежала в сосуде типа фруктовницы (рис. 4-16). В северной и северо-восточной частях здания обнаружено еще несколько ям[25]. В главе VII мы вернемся к характерным для этой культуры культовым постройкам, в особенности к Альвастре – свайному деревянному строению на болоте приблизительно 3000 г. до н.э.

Распад: появление патриархальных скотоводов

Распад культуры воронковидных кубков совпадает с распространением по северным областям Центральной Европы патриархально-скотоводческой культуры шаровидных амфор и с проникновением родственной ей баденской культуры на южные территории культуры воронковидных кубков. Целый ряд ее поселений юго-восточной группы конца IV тыс. до н.э. был разрушен огнем: археологи считают, что это – результат насильственных действий. Кроме того, происходит резкое уменьшение численности населения[26]. В северных областях культура воронковидных кубков продолжала существовать до начала III тыс. до н.э., когда ее постепенно вытеснила культура шнуровой керамики и индивидуальных захоронений. Все перечисленные выше культуры – шаровидных амфор, баденская и шнуровой керамики – представляют собой скотоводческий, полукочевой, патриархальный тип сообщества (см. главу X).

Неманская культура

Неманская культура, ареал распространения которой охватывает территорию между Нижней Вислой и Южной Литвой (рис. 4-17), берет начало в эпипалеолитической (эписвидерской) и мезолитической культуре данного региона[27]. Бассейн Верхнего Немана (Южная Литва) богат кремнем, поэтому не удивительно, что здесь обнаруживается большое количество палеолитических и мезолитических стоянок, не говоря уже о поселениях эпохи неолита. Мезолитический и неолитический периоды данной культуры вполне справедливо именуются «неманскими». В старой научной литературе ее неолитическая фаза,

Рис. 4-19А

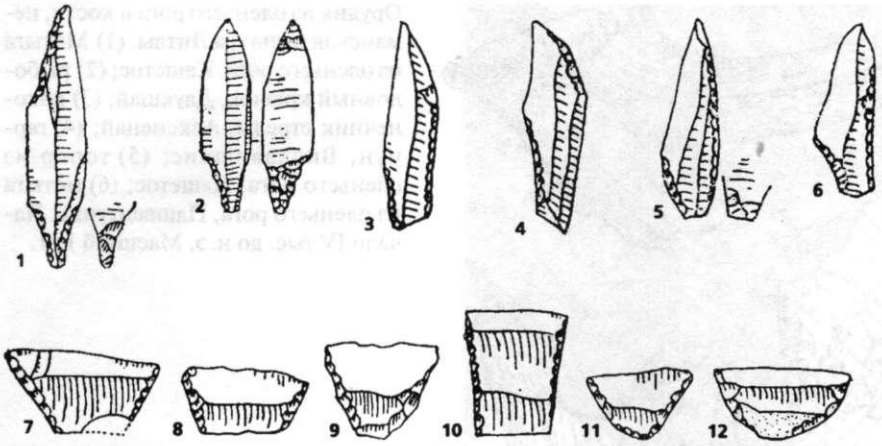


Рис. 4-19А
Типичные эписвидерские кремневые артефакты из мезолитических стоянок неманской культуры. (1, 2) Наконечники стрел (3–6) «ланцеты» (наконечники стрел); (7–12) трапециевидные кремни, также использовавшиеся как наконечники стрел. Южная Литва. Масштаб: (1, 2) 1:2 (3–12) 1 : 10.

Рис. 4-19В

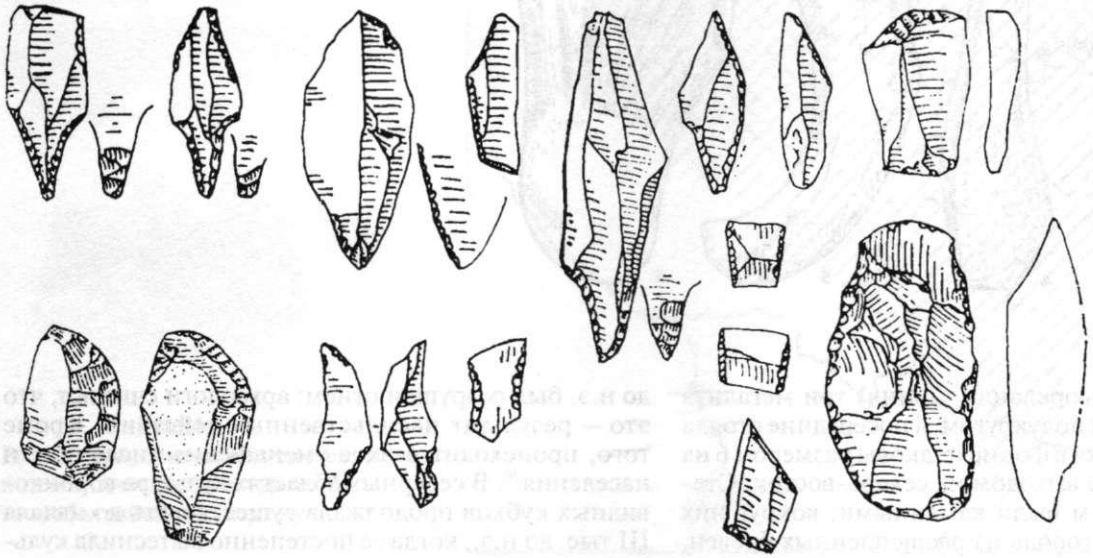
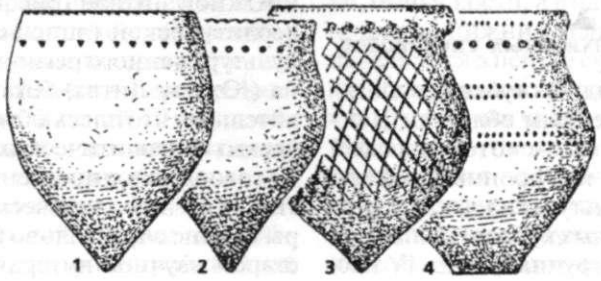


Рис. 4-19В
Неолитические кремневые артефакты: формы в основном те же, что у мезолитических наконечников стрел, скребков и трапециевидных кремней. В неолитических поселениях появляются кремневые топоры (нижний ряд, справа). Дубичай и Версминис, Южная Литва. Масштаб 1 : 2.

Рис. 4-20
Типы керамики из поселений неманской культуры. (1, 2) Заостренное основание, декорированы только по краю – ранняя фаза (Дубичай, Южная Литва); (3, 4) заостренное или плоское основание, более богато декорированные изделия – поздний период (Маргиай, Южная Литва); (1, 2) конец V тыс. до н. э.; (3, 4) начало IV тыс. до н. э; высота ок. 30–40 см.

Рис. 4-20



согласно немецкой традиции, называется цедмаровской, а согласно польской – серовской: оба наименования связаны с раскопками в Цедмар (Серово) в районе Озерска (Северо-Восточная Польша, ранее – Восточная Пруссия)[28].

Поселения

Немалое количество поселений встречается на легких почвах на краю ледниковых отложений в районе Мазурских озер и на песчаных почвах Южной Литвы. Последние располагаются на низких террасах в речных бухтах, в местах слияния рек или на озерных берегах. В период максимального наступления литоринового моря поселения размещались на более высоких террасах. Следов жилищ почти не осталось[29]. Судя по скудной информации, которой мы располагаем, люди жили небольшими сообществами в наземных, не слишком основательных домах из бревен, переплетенных прутьями, с кровлей, державшейся на опорах, установленных посередине постройки. В центральной части домов обнаружены очаги[30]. В основном в этих поселениях были найдены только кремневые орудия[31], в некоторых случаях – инструменты из кости и оленьего рога, в том числе мотыги и топоры (рис. 4-18.1, 6). Крючки для рыбной ловли, гарпуны и конусообразные наконечники стрел изготовлялись из кости (рис. 4-18.2–4). В число кремневых изделий входили также характерные эписвидерские и ланцетообразные или трапециевидные наконечники стрел (рис. 4-19А – мезолитический набор; 4-19В – неолитический). Из кремня делали и топоры (рис. 4-19В, справа в нижнем ряду).

Керамика

Древнейшие сосуды отличались величиной и заостренным основанием; вокруг горловины их украшал ряд проделанных палочкой углублений или треугольников (рис. 4-20.1, 2). В более поздний период сосуды стали плоскодонными, а их орнамент – более богатым: параллельные ряды углублений, сетчатый рисунок, орнамент в виде бусин (рис. 4-20.3, 4). К глине примешивали растительные добавки, иногда – толченые раковины, а на позднем этапе развития – измельченные кварцы. Формы, примеси и орнаменты ранней неманской керамики находятся в непосредственной связи с керамикой днепро-донецкой культуры бассейна Верхнего Днепра.

Захоронения

Покойников хоронили в вытянутой позе в обычных могильных ямах, слегка присыпая их охрой. Среди погребального инвентаря чаще всего попадаются бусы из зубов лося, оленя, зубра или бизона. Встречаются в захоронениях и мотыги из оленьего рога. В Перкуново (район Гижицко, Северо-Восточная Польша) была обнаружена двойная могила молодой женщины и трехлетнего ребенка[32]. Существовала и практика захоронения черепов на территории поселений: так, в Серово их было найдено 17 штук[33].

Мы не располагаем достаточной информацией для точного определения физического типа неманского населения, поскольку найденные в Серово черепа слишком повреждены для по-настоящему плодотворного исследования. Однако раскопки в других местах свидетельствуют о наличии брахицефальных черепов крупных пропорций[34].

Рис. 4-21

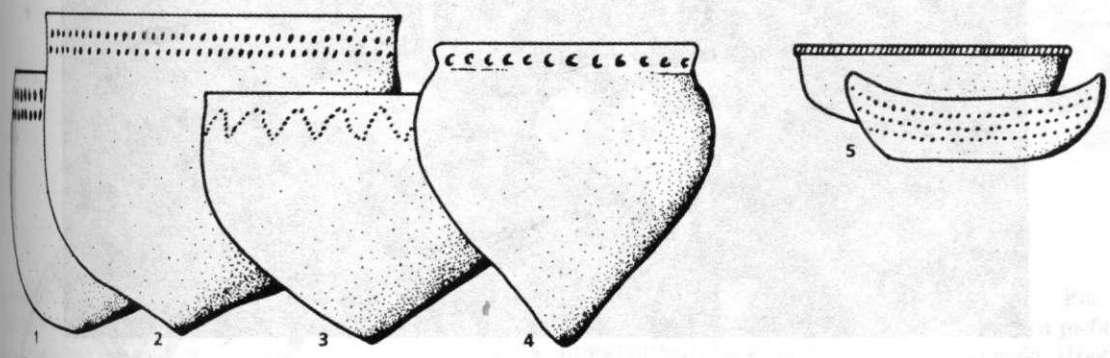


Рис. 4-21

Керамика нарвской культуры: (1–4) большие горшки с заостренным основанием, украшенные по самому краю; (5) лампы в виде ладьи. У горшков к глиняному тесту примешаны толченые раковины. Швянтойи 1В, Западная Литва. Конец IV тыс. до н.э.; высота 30–40 см.

Рис. 4-23
(1–3) Деревянные весла
(4) грузила для рыболовной
сети, обернутые в кору бе-
резы и завязанные шнуром.
Поселение на торфянике
Сарнате. Конец IV тыс.
н.э.

Рис. 4-22.1

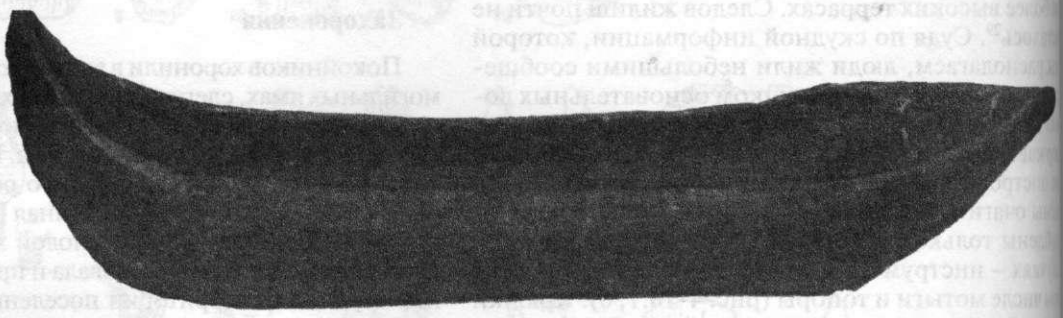


Рис. 4-22.2

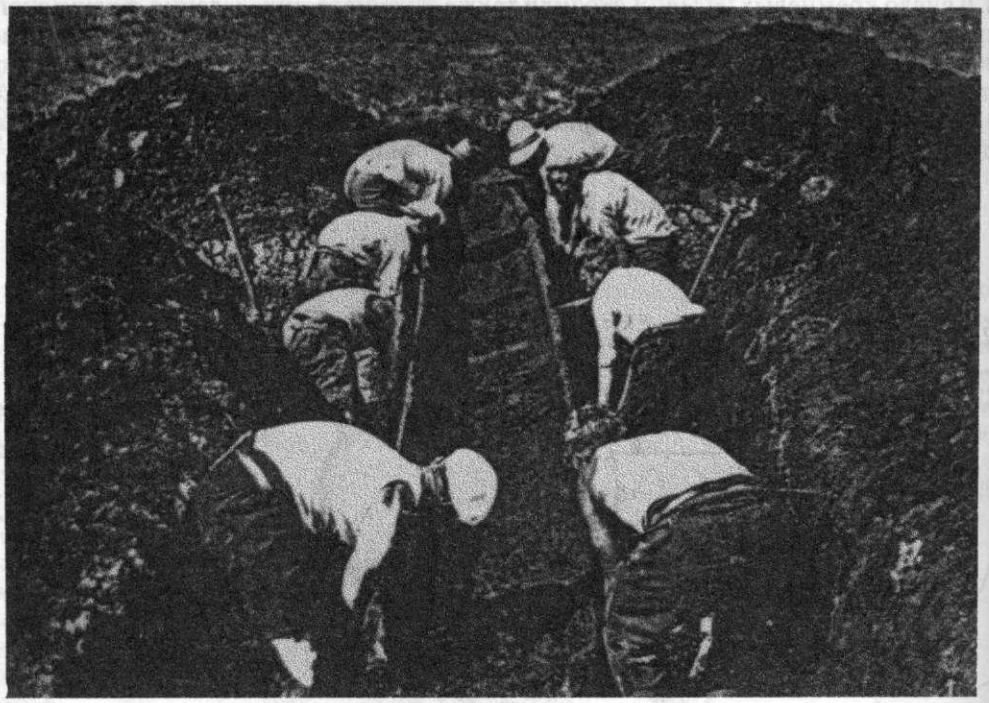
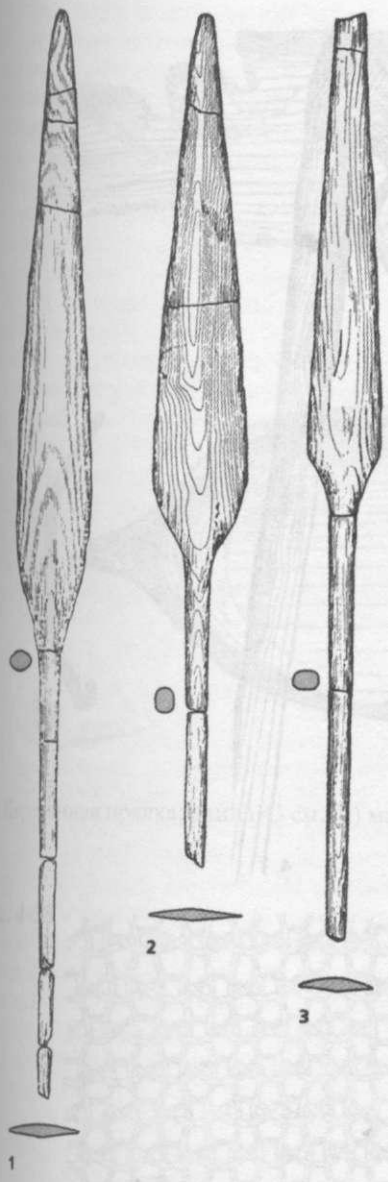


Рис. 4-22
(1) Деревянная модель лодки, Швянтойи 2В; длина 96 см. Отбитый нос лодки был украшен, возможно, изображением
зооморфной головы (не сохранилось). (2) Подъем выдолбленного из ствола дерева каноэ в Сарнате, Западная Латвия.
Конец IV тыс. до н.э.

Рис. 4-23



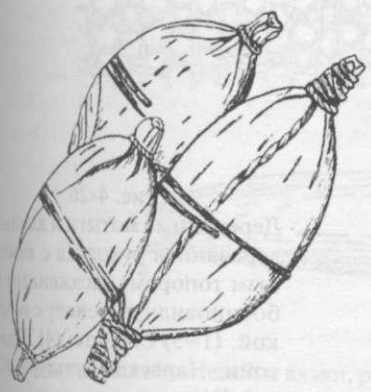


Рис. 4-24

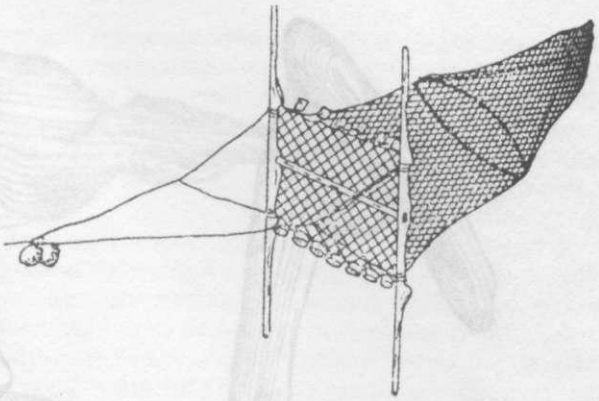
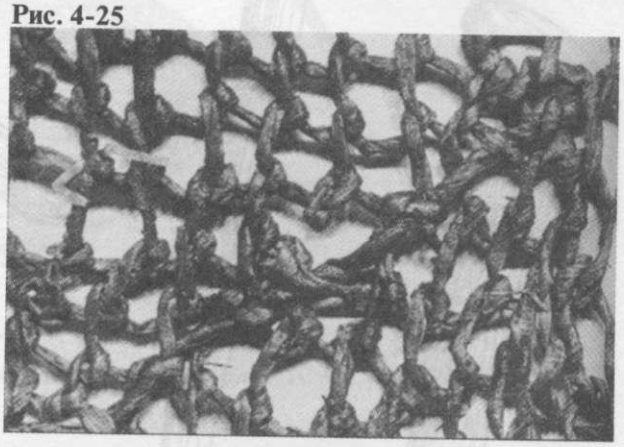


Рис. 4-25



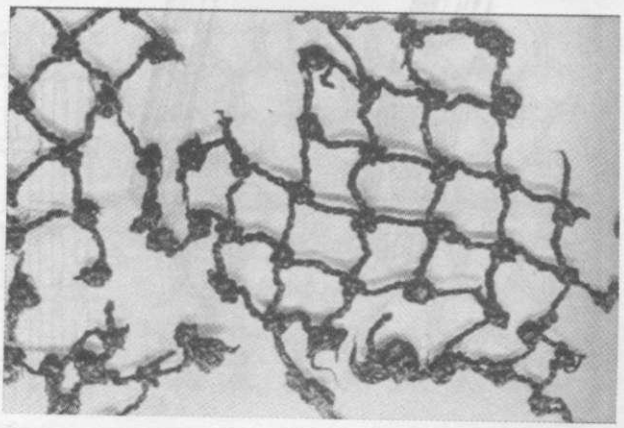


Рис. 4-24
Мешковидная рыболовная сеть, прикрепленная к деревянному каркасу (реконструкция). Швянтойи, Западная Литва. Конец IV тыс. до н.э.

Рис. 4-25
Остатки рыболовных сетей из луба. Швянтойи, Западная Литва. Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 4-26

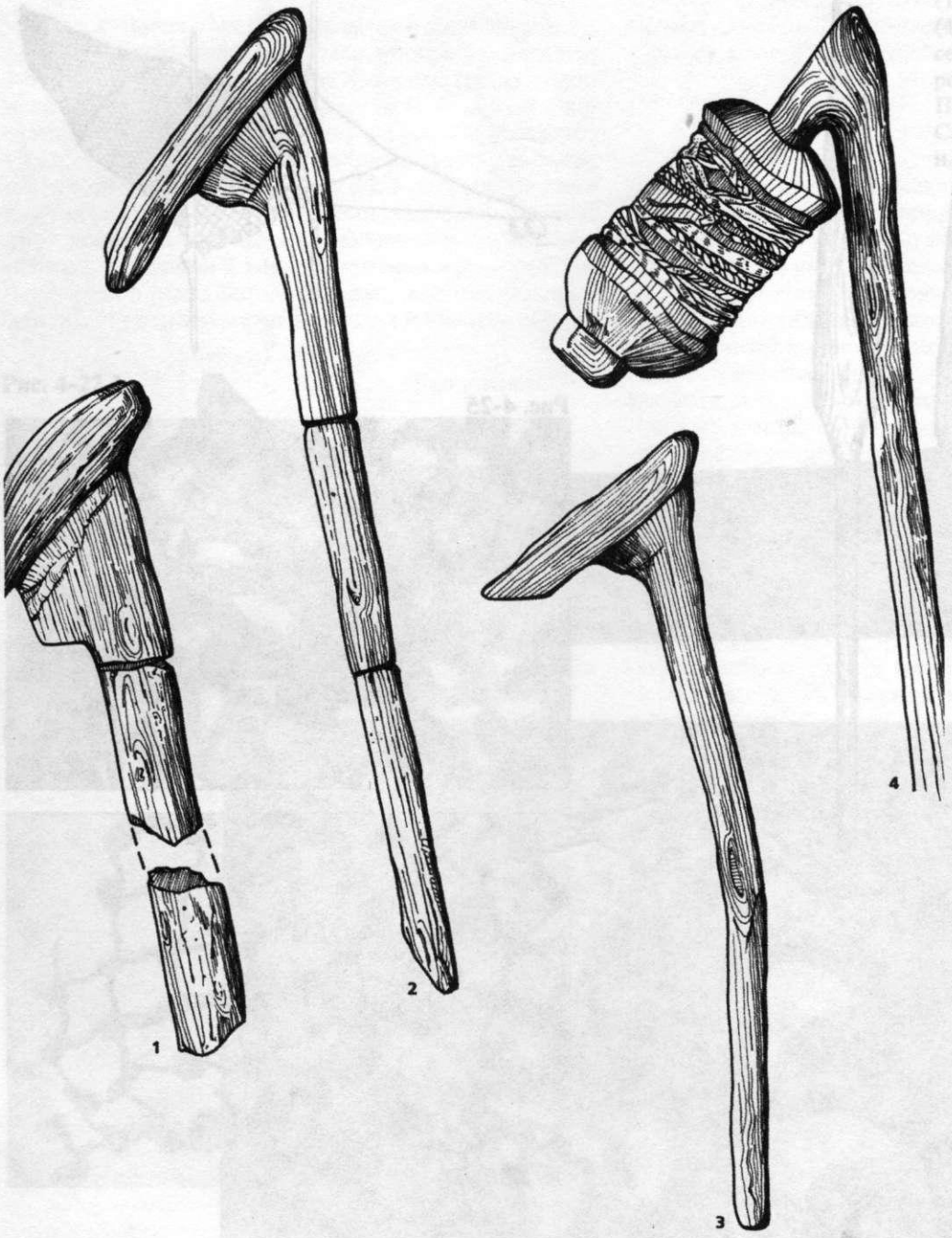


Рис. 4-26
Деревянные мотыги и длинная деревянная рукоятка с каменным топором, насаженным на бобиновидную основу с веревкой. (1–3) Сарнате; (4) Швянтойи. Нарвская культура. Конец IV тыс. до н.э.

Рис. 4-27

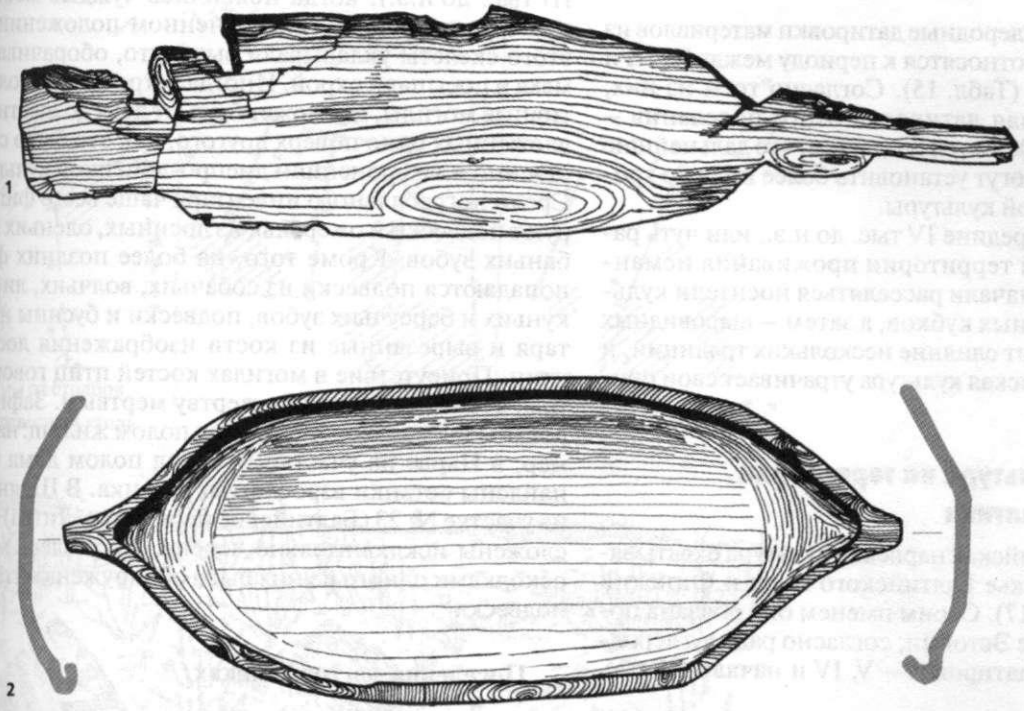


Рис. 4-27

(1) Деревянная прялка; длина 43 см; (2) маленькое деревянное корыто, Швянтойи. Конец IV тыс. до н.э.; длина 75 см.

Рис. 4-28

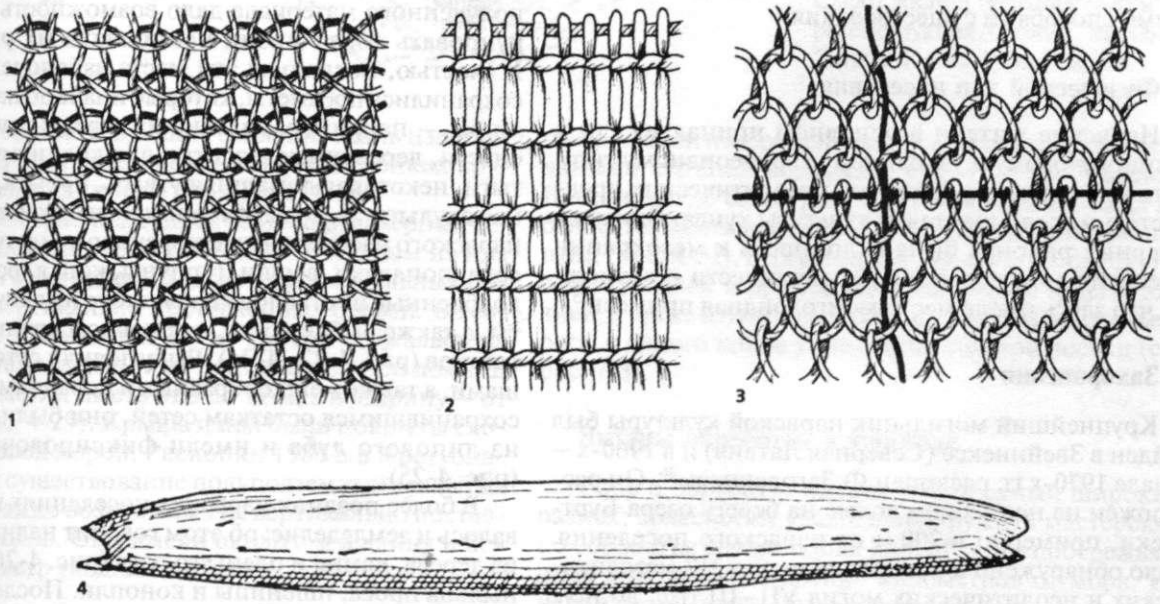


Рис. 4-28

(1–3) Типы ткацкого плетения и вязки, реконструированные по найденным фрагментам тканей; (4) инструмент для плетения. Швянтойи, Западная Литва. Конец IV тыс. до н.э.

Хронология

Четыре радиоуглеродные датировки материалов из Серово (Цедмара) относятся к периоду между XLIII и XXXVI вв. до н. э. (Табл. 15). Согласно трем из них, наиболее вероятная датировка этого поселения – XXXVII в. до н. э. Остается надеяться, что дальнейшие исследования помогут установить более полную хронологию неманской культуры.

Примерно в середине IV тыс. до н.э., или чуть ранее, почти по всей территории проживания неманского населения начали расселяться носители культуры воронковидных кубков, а затем – шаровидных амфор. Происходит слияние нескольких традиций, и в результате неманская культура утрачивает свои оригинальные черты.

Нарвская культура на территории Восточной Балтики

Восточнобалтийская нарвская культура охватывала южное побережье Балтийского моря и Финский залив (см. рис. 4-17). Своим именем она обязана поселению на севере Эстонии; согласно радиоуглеродным данным, ее датировка – V, IV и начало III тыс. до н. э. (Табл. 16).

Это был рай для рыболовов, которые, по мере развития данной культуры, пришли к использованию керамики (рис. 4-21). Собака стала известна здесь на стадии мезолита; а постепенная выборочная культивация некоторых зерновых и выращивание одомашненных животных сочетались с вполне мезолитическими способами существования.

Физический тип населения

Нарвские жители в основном принадлежали к длинноголовому и узколицему европеоидному типу, мало чем отличаясь от своих мезолитических предшественников, носителей культуры кунда. Однако в северных районах была склонность к мезокрании (средней длине черепа) и плосколицести – возможно, что здесь имела место монголоидная примесь[35].

Захоронения

Крупнейший могильник нарвской культуры был найден в Звейниексе (Северная Латвия) и в 1960-х – начале 1970-х гг. раскопан Ф.Загорскисом[36]. Он расположен на невысоком холме на берегу озера Буртниеки, примерно в 200 м от нарвского поселения. Было обнаружено и раскопано около 317 мезолитических и неолитических могил VII–III тыс. до н.э.: это действительно самый большой могильник во всей Северной Европе. Здесь удалось собрать достоверные сведения о преемственности традиций между мезолитом и неолитом, существовавшей вплоть до начала периода шнуровой керамики (приблизительно III тыс. до н.э.), когда появились чуждые местной культуре погребения в скорченном положении. До этого скелеты укладывали вытянуто, оборачивали в меха и посыпали охрой. Иногда встречаются коллективные могилы, где может быть от двух до шести тел, уложенных одно поверх другого, как это было свойственно и захоронениям днепро-донецкой культуры. Среди погребального инвентаря чаще всего фигурируют подвески и ожерелья из лосиных, оленьих и кабаньих зубов. Кроме того, на более поздних фазах попадаются подвески из собачьих, волчьих, лисьих, куньих и барсучьих зубов, подвески и бусины из янтаря и вырезанные из кости изображения лосих и птиц. Присутствие в могилах костей птиц говорит о том, что их приносили в жертву мертвым. Зафиксированы также захоронения под полом жилищ: например, в Нарве на участке № 1 под полом дома были найдены останки взрослого и ребенка. В Швянтойи на участке № 23 (Балтийское побережье, Литва) были сложены исключительно черепа. Но и здесь между осколками одного из них была обнаружена янтарная подвеска[37].

Поселения на торфяниках

За последние десятилетия были проведены раскопки ряда поселений на торфяниках – к примеру, расположенного у Балтийского побережья Швянтойи (Западная Литва), Сарнате (Западная Латвия)[38] и нескольких поселений вокруг озер Лубана (Восточная Латвия) и Кретуонас (Восточная Литва). Богатство полученного материала дало возможность реконструировать образ жизни населявших их рыбаков[39]. К счастью, поскольку эти места заболочены, здесь сохранились предметы, которые иначе до нас не дошли бы, – например, изделия из дерева: рыболовные снасти, деревянные молотки для колки орехов, мотыги, некоторая домашняя утварь, корыта, деревянная скульптура. О рыболовных навыках и привычках нарвского населения красноречиво свидетельствуют сети, поплавки, верши, гарпуны, копья, рогули, выдолбленные из стволов каноэ, весла и лодочные шесты, а также рыбьи кости, в основном крупных щук и осетров (рис. 4-22–4-24). Рыбу ловили сетями и вершами, а также мешкообразными корзинами; судя по сохранившимся остаткам сетей, они были сплетены из липового луба и имели фиксировочные узлы (рис. 4-25).

В более поздних нарвских поселениях практиковалось и земледелие: об этом говорит наличие мотыг из дерева, камня и оленьего рога (рис. 4-26), а также пыльца проса, пшеницы и конопли. Последняя широко использовалась для плетения веревок и канатов, которые хорошо и в немалых количествах сохранились до нашего времени. Деревянные прялки (рис. 4-27) и глиняные веретена указывают на суще-

Рис. 4-29

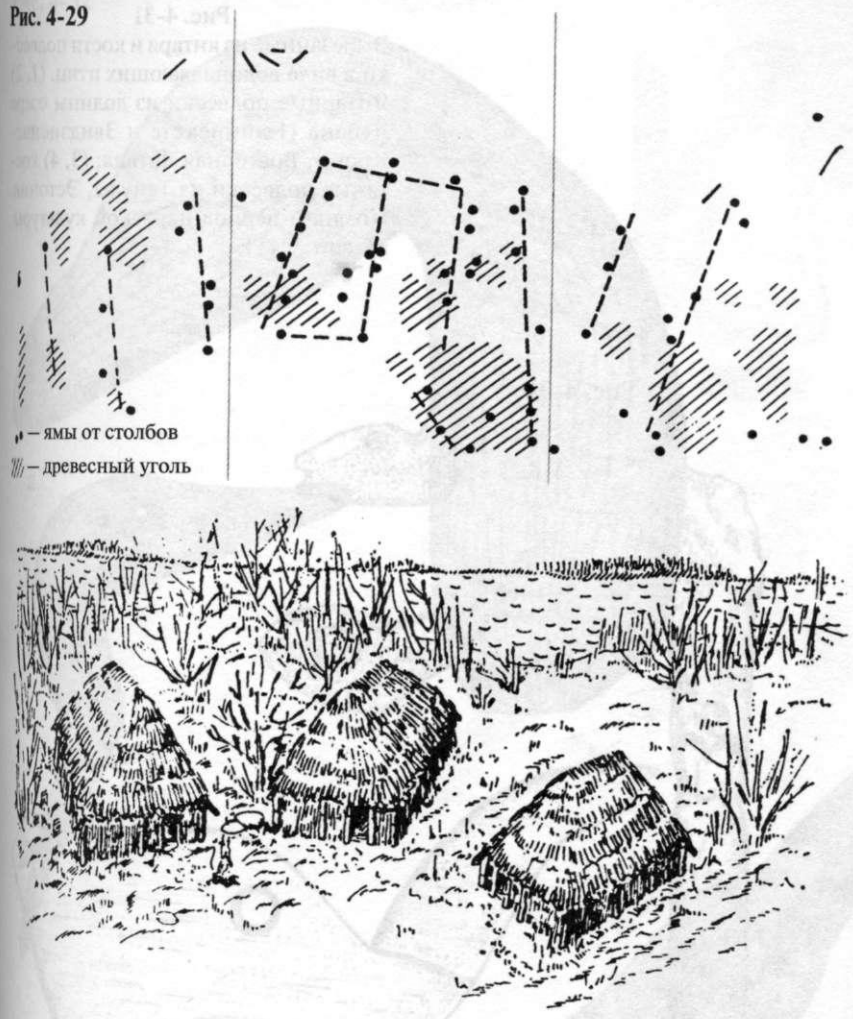


Рис. 4-29
Следы жилищ (верхний ряд) и их реконструкция. Сарнате, Западная Латвия. Конец IV тыс. до н. э.

ствование соответствующих занятий; ткань изготавливалась путем плетения или тканья из тонких крученых нитей из липовой коры (рис. 4-28).

Поселения располагались на плоских озерных берегах и занимали около 1000 кв. м. В каждом из них могло быть от четырех до десяти прямоугольных построек из вертикально поставленных бревен. Высотой они не превышали 2,5 м; кровля держалась на опорах, установленных по центральной оси дома. В длину они могли иметь от 5 до 11 м, а в ширину – от 4 до 5 м (рис. 4-29). Крыша и пол были покрыты еловой и сосновой корой. Раскопки 1986 г. в Кретуонасе выявили существование полуподземных овальных построек, также возводимых из вертикально поставленных стволов. Они имели около 6 м в длину и более чем на метр уходили в землю.

Религиозная символика

Некоторое представление о религиозных обрядах и символах дают большие деревянные шесты, увенчанные резными изображениями человеческих голов с совиными чертами: возможно, что это – изображения Богини в виде совы (рис. 4-30). Кроме того, сюда же относятся костяные подвески в виде водоплавающих птиц (рис. 4-31), деревянные ковши в форме уток, гусей, журавлей и других водоплавающих (рис. 4-32), змей, а также изумительные резные посохи из оленьего рога, с одного конца увенчанные головой лосихи (см. рис. 7-3).

Янтарь: обработка и торговля

Сбор и обработка янтаря имели самый широкий размах; археологам удалось обнаружить мастерские по обработке янтаря вдоль Балтийского побережья и даже в нескольких сотнях километров от моря. Из него изготовлялись цилиндрические бусины, круглые пуговицы с V-образной перфорацией, антропоморфные подвески (рис. 4-33), скульптурные изображения водоплавающих птиц, лосей и медведей. За эти янтарные подвески и пуговицы жители Северо-За-

Рис. 4-30

Рис. 4-30
(1) Деревянная скульптура высотой ок. 2 м, вероятно, изображение Богини-совы (ср. с западноевропейскими изображениями Богини-совы на каменных стелах: рис. 7-27); Швянтойи, Западная Литва; (1а) деталь. (2) Незавершенный идол высотой в 1,68 см. Сарнате, Западная Латвия. Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 4-31
Вырезанные из янтаря и кости подве
ки в виде водоплавающих птиц. (1,2
Янтарные подвески из долины озер
Лубана (Найниексте и Звидзиена
Крогс), Восточная Латвия; (3, 4) ко
тяные подвески из Тамулы, Эстони
Поздний период нарвской культуры
Масштаб 1:1.

Рис. 4-31

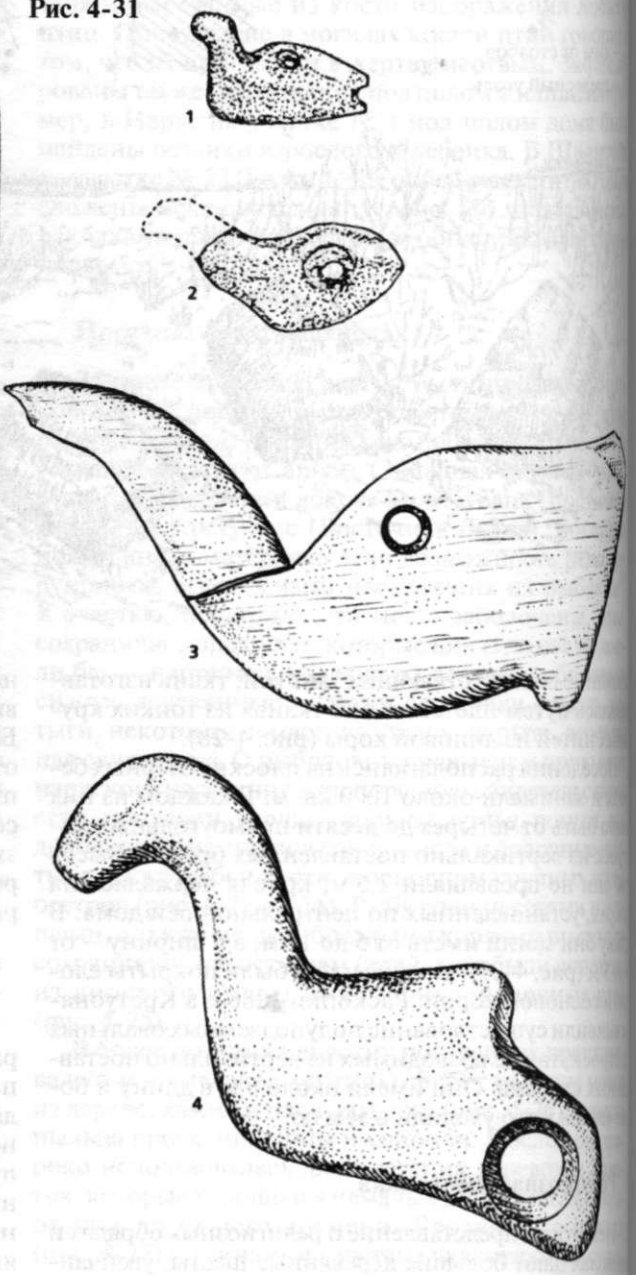


Рис. 4-32

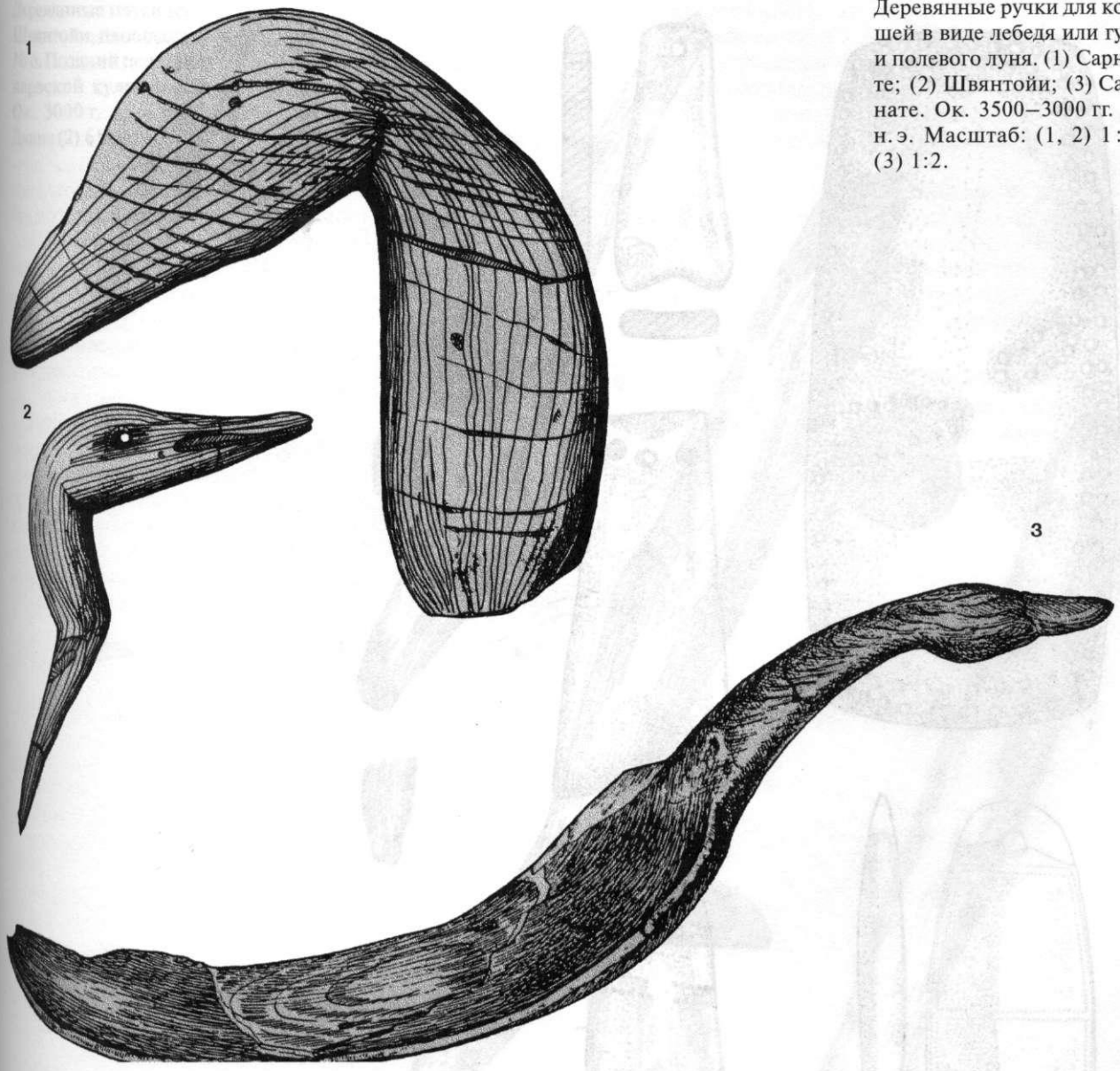


Рис. 4-32
Деревянные ручки для ковшей в виде лебедя или гуся и полевого луня. (1) Сарнате; (2) Швянтойи; (3) Сарнате. Ок. 3500–3000 гг. до н. э. Масштаб: (1, 2) 1 : 1; (3) 1:2.

Рис. 4-33

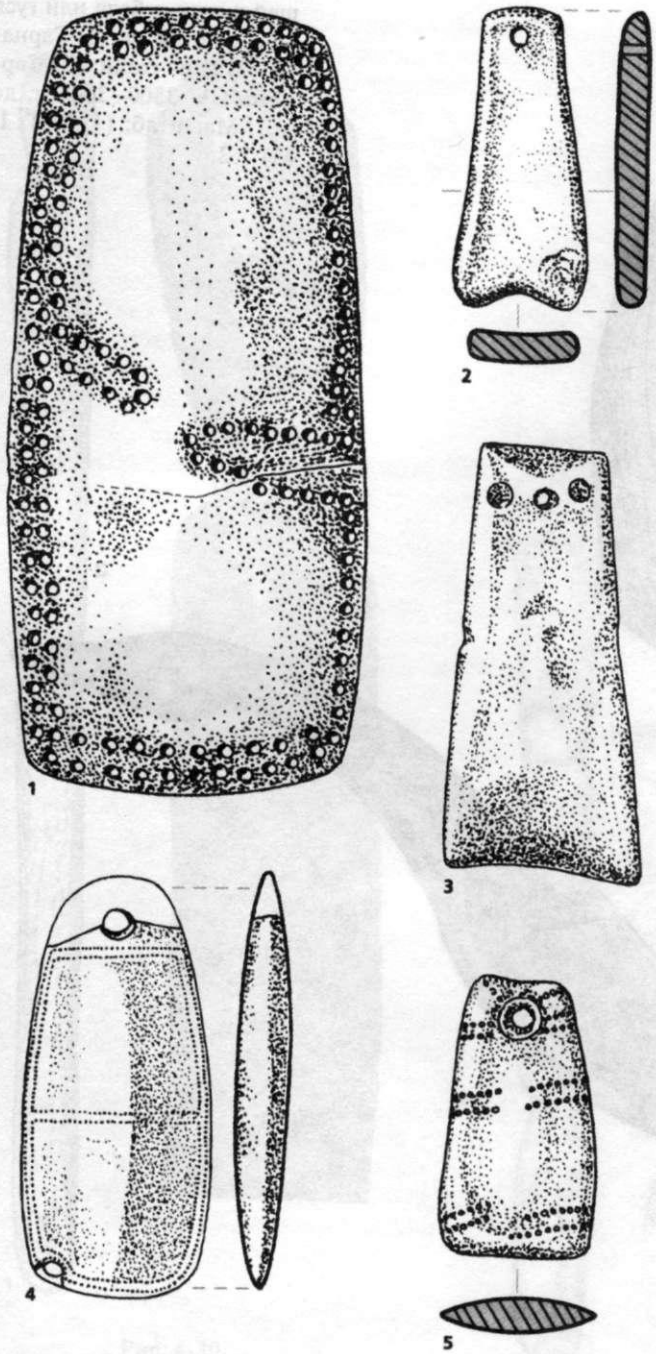
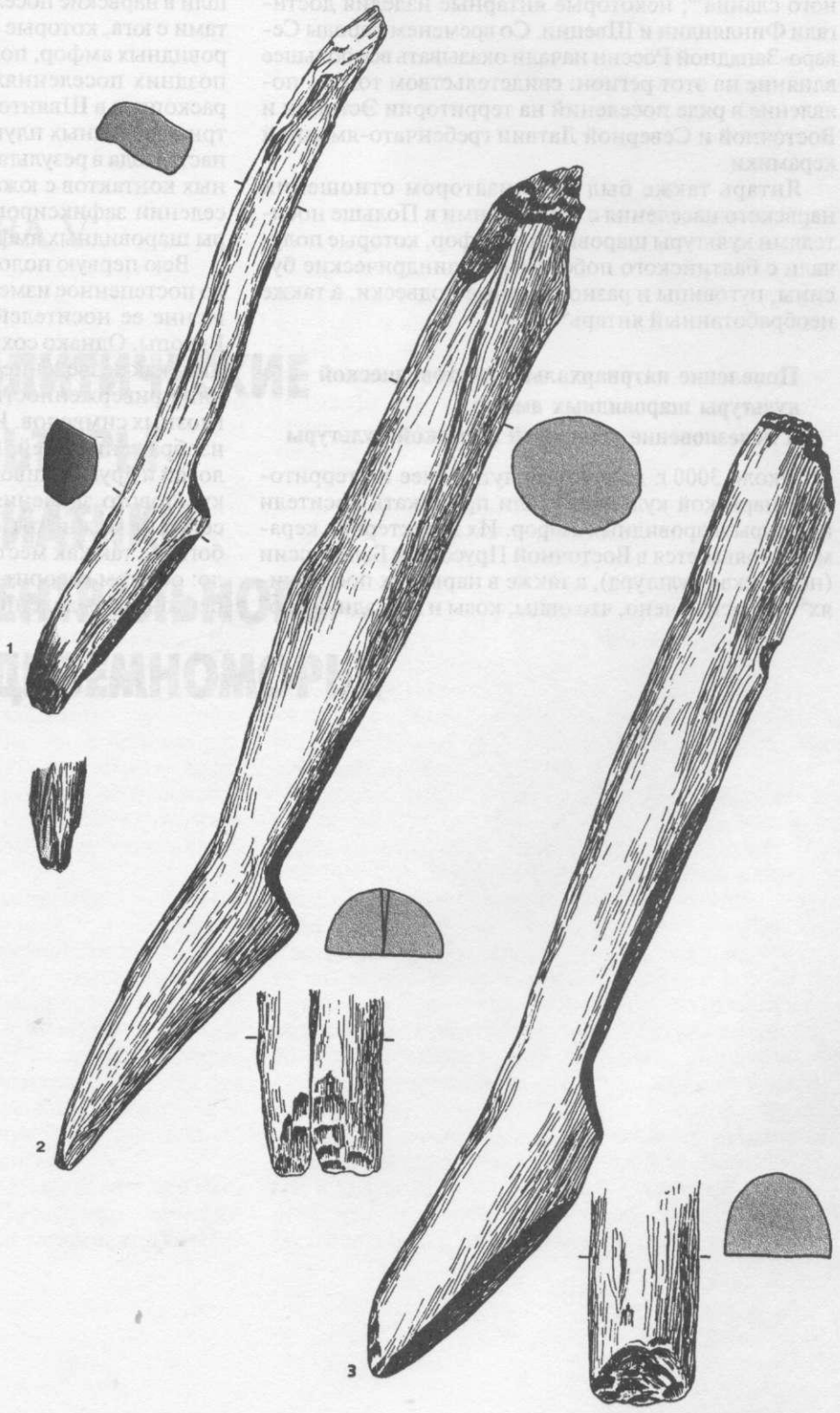


Рис. 4-33
Схематизированные антропоморфные статуэтки из янтаря. Нарвская культура, Литва. (1–4) Юодкрантас (5) Швянтойи. Конец IV тыс. до н.э. Масштаб 1 : 1.

Рис. 4-34
Деревянные плуги из Швянтойи, площадка № 6. Поздний период нарвской культуры. Ок. 3000 г. до н. э.; Длина (2) 61 см.



падной России давали орудия и украшения из зеленого сланца[40]; некоторые янтарные изделия достигали Финляндии и Швеции. Со временем народы Северо-Западной России начали оказывать все большее влияние на этот регион: свидетельством тому – появление в ряде поселений на территории Эстонии и Восточной и Северной Латвии гребенчато-ямочной керамики.

Янтарь также был катализатором отношений нарвского населения с обитавшими в Польше носителями культуры шаровидных амфор, которые получали с балтийского побережья цилиндрические бусины, пуговицы и разнообразные подвески, а также необработанный янтарь[41].

Появление патриархально-скотоводческой культуры шаровидных амфор и исчезновение носителей нарвской культуры

Около 3000 г. до н.э. или чуть ранее на территорию нарвской культуры стали проникать носители культуры шаровидных амфор. Их характерная керамика появляется в Восточной Пруссии и Белоруссии (неманская культура), а также в нарвских поселениях[42]. Не исключено, что овцы, козы и лошади, а кроме того, просо, пшеница и пахотное земледелие пришли в нарвские поселения вместе с первыми мигрантами с юга, которые были носителями культуры шаровидных амфор, поскольку отмечаются они лишь в поздних поселениях нарвской культуры. Так, при раскопках в Швянтойи (участок № 6) было найдено три деревянных плуга (рис. 4-34). Они не могли попасть сюда в результате обмена: скорее, это плод личных контактов с южанами, тем более что в этом поселении зафиксировано наличие керамики культуры шаровидных амфор[43].

Всю первую половину III тыс. до н.э. происходило постепенное изменение нарвской культуры и смешение ее носителей с выходцами из Центральной Европы. Однако сохранились такие нарвские традиции, как возведение наземных деревянных построек или приверженность к определенной системе религиозных символов. Именно поэтому символические изображения змей, водоплавающих птиц, лягушек, лосей и других животных отнюдь не утратили своего культового значения. В балтийской мифологии по сей день можно отыскать имена древнеевропейских богинь, так как местное население никуда не исчезло: об этом говорит постоянное присутствие в этом регионе определенного антропологического типа[44].

ГЛАВА V

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ АДРИАТИКИ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Древние обитатели адриатического побережья и островов долгое время жили за счет охоты на мелкую дичь, пока около 7000 г. до н.э. не перешли к новому хозяйственному укладу, основанному на собирании моллюсков[1]. По мере совершенствования навигационного мастерства возрастала интенсивность сообщения между адриатическими островами и прибрежными районами Южной Италии, Западной Греции, Албании и Югославии.

Прекрасный пример многообразия ощущавшихся здесь влияний – три стоянки, найденные в Сидари на северо-западной оконечности острова Корфу (расположен к западу от Греции). Археологи установили, что все они, если рассматривать их в стратиграфической последовательности, принадлежали «мореходам» разного происхождения[2]. Для самого древнего, мезолитического слоя, который, согласно радиоуглеродной датировке, восходит к началу VII тыс. до н.э., характерны значительные отложения раковин кардиум (cardium edule) и микролитические орудия, сделанные из не встречающегося в этих местах кремня. Близкие аналоги этой стоянке можно найти на побережье Южной Италии и Сицилии, на югославской части адриатического побережья и в северо-западной части Пелопоннеса.

Следующий слой обычно характеризуется как эгейский ранний керамический неолит: это очевидный разрыв с предшествующей традицией, микролитическое производство прекращается, появляются одомашненные овцы и козы, начинают делать глиняную посуду. Радикальное несходство двух культур заставляет предположить, что около 6500 г. до н.э. сюда прибыли выходцы из других мест, возможно – из Южной Греции. Эта вторая стоянка была вскоре покинута и, судя по слою аллювиальной почвы, в течение некоторого периода оставалась необитаемой.

Приблизительно в XLIV–XLIII вв. до н.э. эти места были вновь заселены, на сей раз людьми, производившими керамику импрессо (т.е. керамику, орнамент на которой выдавливался раковинами кардиум), которая значительно лучше обожжена, чем изделия их предшественников. К розоватой глине они примешивали песок или толченый кремень; поверхность керамических изделий выравнивали и украшали узором из отпечатков ногтей или какого-нибудь выглаживающего инструмента. Тогда же появляются ручки с отверстиями, а днища сосудов делают либо округлыми, либо плоскими.

Технологией изготовления, формами и способами декорирования эта керамика напоминает раннюю керамику импрессо Западной Югославии. На всем протяжении восточного адриатического побережья Югославии и на прилегающих островах зафиксирован целый ряд поселений керамики импрессо 6500–5500 гг. до н.э. (Табл. 17). В скальных навесах адриатического побережья Югославии были найдены как палеолитические, так и неолитические культурные отложения, причем среди неолитических материалов есть и керамика, украшенная отпечатками раковин, зубчатых печатей и ногтей[3].

Второй этап развития данной культуры представлен более поздними слоями керамики импрессо, обнаруженными в Смилчиче, неподалеку от Задара (Далмация)[4]. Смилчич – стоянка с наземными жилищами типа мазанок: есть основания предполагать, что жители разводили овец, коз и крупный рогатый скот. Каменные зернотерки дают основания предположить культивацию каких-то растений. Кроме того, в этом поселении было обнаружено значительное количество инструментов из кости, оленьего рога и обтесанного камня, а также раковины кардиум, спондилус и некоторые другие. Керамика украшена оттисками раковин кардиум, которые располагаются ленточными полосами или штампованными узорами. Для сосудов характерна полукруглая или овальная форма, а для блюд – коническая, с плоским или кольцеобразным основанием. К глине подмешивали большую долю песка; декорировали изделия до обжига.

Южная Италия (Тавольере, Матерано и Сицилия)

Апулийская Тавольере – низкая равнина, обрамленная горными цепями Гаргано и Мурдже; на востоке, неподалеку от города Манфредония, она открывается на Адриатику. Считается, что первые земледельцы, обладатели керамики импрессо и овец, попали сюда, переправившись через Адриатическое море. В этом районе – самая большая в Италии концентрация неолитических поселений (рис. 5-1, 5-2), располагавшихся в пещерах, на берегах озер, по побережью и на небольших равнинных возвышенностях[5]. Можно насчитать сотни стоянок, которые состояли из временных построек, рядом с участками, ограниченными С-образными канавами (рис. 5-3, 5-4). Более крупные и менее многочисленные поселения датируются эпохой среднего неолита (вторая половина VI тыс. до н.э.); они могли включать как несколько, так и сотню подобных участков. Впервые это необычное явление было замечено офицером британской армии Джоном Брэдфордом, когда в 1943 г. Королевские воздушные силы провели ряд аэросъемок местности. По его словам, так было открыто «одно из самых плотных скоплений доисторических поселений в Европе»[6]. С воздуха удалось идентифицировать около тысячи поселений в Тавольере.

В 1978–1979 гг. мне самой довелось убедиться, сколь многочисленны эти окруженные канавами поселения, когда, вооруженная магнитометром, я вместе с экспедицией из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса работала в районе, лежащем между реками Черваро и Офанто. За несколько недель мы идентифицировали 75 поселений этого типа. Магнитометр фиксировал наличие канав, поскольку все, что когда-то было частью этих хозяйств, – керамика, каменные и костяные орудия, кости животных – было в них смыто. К сожалению, в отличие от восточно- и центральноевропейских поселений, нам не удалось реконструировать устройство домов, святилищ или их внутреннее убранство, поскольку мало что сохранилось на своем первоначальном месте.

Поселения, окруженные канавами

Согласно радиоуглеродным датировкам, ранние поселения керамики импрессо в прибрежной зоне относятся приблизительно к середине VII тыс. до н.э.[7] (Табл. 17). Не исключено, что древнейшие из этих общин не занимались земледелием и лишь постепенно, продвигаясь вглубь суши, стали к нему обращаться. Со временем здесь сформировалась отчетливо земледельческая культура, с поселениями, окруженными канавами.

Равнины Тавольере и Матерано в окрестностях города Матера были заселены на втором этапе развития керамики импрессо. Поселения этой культуры располагались, как правило, поблизости от участков crosta, с доступом на пастбища для скота. Известняки, называемые «crosta»[8], не пропускают воду и обычно встречаются на холмах или небольших возвышенностях. Эти участки легко поддаются обработке и сравнительно плодородны, в то время как для низин и прибрежных районов характерны аллювиальные почвы.

Поздненеолитическое поселение Пассо-ди-Корво – сотня участков с окруженными тройными канавами хижинами – расположено на гребне невысокой тавольерской горной цепи, возвышающейся над долиной Челоне[9]. Почти на километр вокруг поселения простираются известняковые почвы (почти 100% crosta); а в радиусе 5 км около 65% – благоприятные для скотоводства тяжелые аллювиальные почвы.

Среди зерновых культур, найденных при раскопках такого поселения керамики импрессо, как Рендина в долине Офанто, были пшеница-однозернянка, эммер, легко обмолачиваемая пшеница, спельта, шестирядный ячмень, кормовые бобы и чечевица. В средненеолитическом поселении Пассо-ди-Корво был обнаружен сходный набор зерновых, плюс дикий овес[10]. Изучение костей животных показало, что домашние виды безусловно преобладали над дикими, а среди овец, коз, крупного рогатого скота, свиней и собак превалировали козы[11].

Остается загадкой, зачем требовалось столько канав вокруг жилья и на участках, где они имеют форму «С». До недавнего времени считалось, что они защищали дома и загоны для скота. Однако эти объяснения не выдерживают критики, поскольку жилье располагалось по другую сторону канав, а окаймленные ими участки слишком малы, чтобы служить загонами. В поселении Рендина первых веков VI тыс. до н.э. (Табл. 17, Южная Италия) рядом с С-образными канавами были обнаружены две жилые постройки[12]. Не исключено, что эти канавы, которые порой достигают 3–4 м в глубину, были дренажами и в дождливые зимние месяцы, вплоть до мая, пока не начинался засушливый сезон, предназначались для сбора воды. Атлантический климат в эту эпоху был приблизительно на 1°С жарче, чем сейчас, и доля осадков была выше. Однако в этих поселениях археологи находят колодцы шестиметровой глубины, а это значит, что уровень неолитической технологии позволял добраться до грунтовых вод[13]. Похоже, что С-образные канавы не опоясывали отдельные хозяйства, но имели какое-то иное назначение.

Постройки этой культуры можно реконструировать только с большой степенью приблизительности. В Рендине были найдены ямы от столбов, располагавшиеся вокруг овального углубления с остатками глиняной обмазки. Проводившая раскопки археолог М.Чиполлони-Сампо попыталась примерно реконструировать две постройки, длиной соответственно

Рис. 5-1

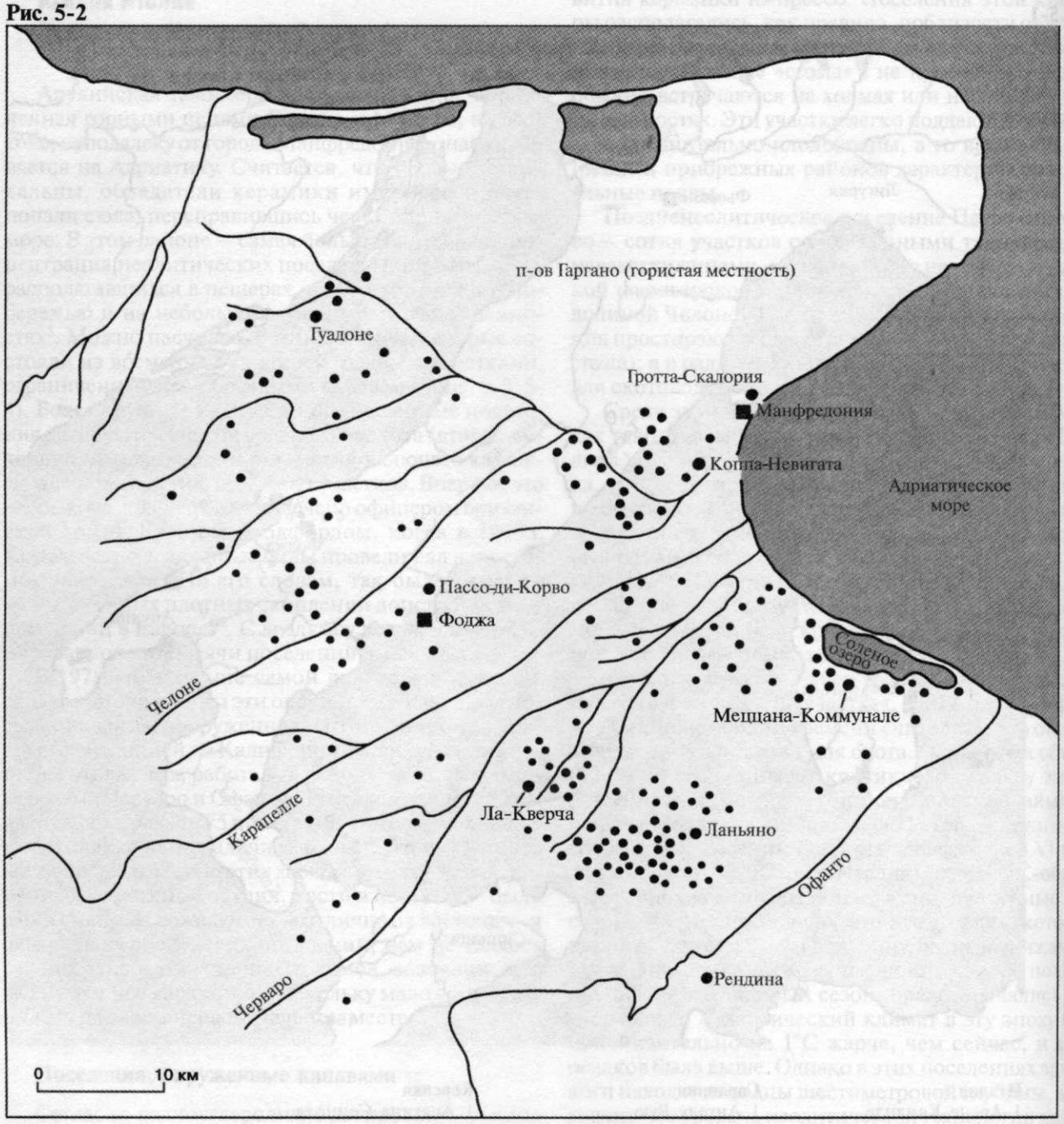
Италия
1. Арене-Кандиде
2. Арнезано
3. Диана
4. Гуадоне
5. Мольфетта
6. Пассо-ди-Корво
7. Рендина
8. Скалория
9. Серра-д'Альто
10. Стентинелло

Сардиния
1. Ангелу-Рую
2. Бону-Игину
3. Куккуру-С'Арриу
4. Фильестру
5. Монте-д'Аккодди
6. Тинтирриолу
7. Сан-Джемилиану

Корсика
1. Арагина-Сеннола
2. Бази
3. Куракьягиу

Рис. 5-1
Неолитические поселения Италии.

Рис. 5-2



● – наиболее важные из раскопанных поселений

• – поселения, известные по данным воздушной съемки, поверхностного изучения, пробных раскопов и магнитометра

Рис. 5-2
Неолитические поселения в Тавольере, согласно данным воздушной съемки, поверхностного изучения, пробных раскопов и магнитометра.

Рис. 5-3
План поселения Ланьяно I, окруженного четырьмя рвами и с четырьмя С-образными канавами внутри. Тавольере, Юго-Восточная Италия. Начало VI тыс. до н. э.

Рис. 5-3

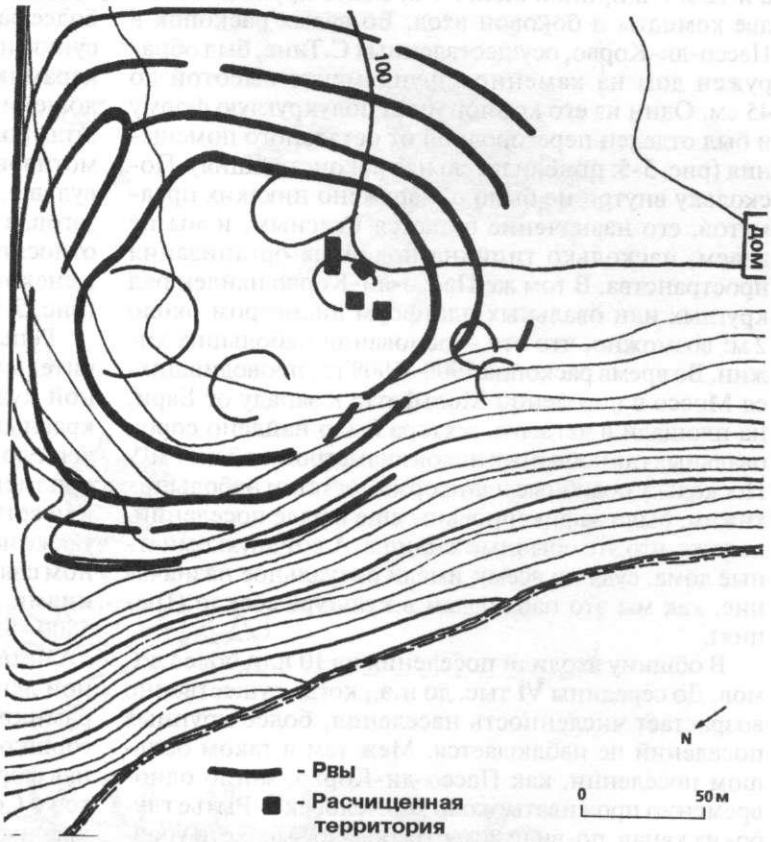
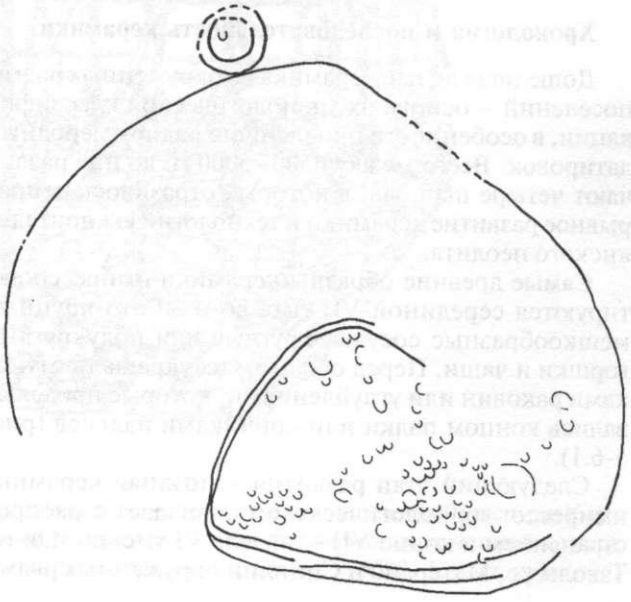


Рис. 5-4

Рис. 5-4
Окруженное рвом поселение Пассо-ди-Корво у г. Фоджа. С-образные линии – следы канав отдельных хозяйств. Внешний ров – ок. 1 км по диагонали (план основан на данных воздушной съемки).



8 и 12 м и шириной около 4 м. Более крупная имела две комнаты и боковой вход. Во время раскопок в Пассо-ди-Корво, осуществленных С.Тине, был обнаружен дом на каменном фундаменте высотой до 45 см. Один из его концов имел полукруглую форму и был отделен перегородкой от остального помещения (рис. 5-5: приблизительная реконструкция). Поскольку внутри не было обнаружено никаких предметов, его назначение остается неясным, и мы не знаем, насколько типична подобная организация пространства. В том же Пассо-ди-Корво найден ряд круглых или овальных платформ диаметром около 2 м: возможно, что это – основания небольших хижин. Во время раскопок 1908–1909 гг., проводившихся Моссо в поселении Мольфетта к западу от Бари, на площади в четверть гектара было найдено сорок овальных глинобитных полов диаметром от 2 до 4 м[14]. Поскольку подобные платформы, остатки небольших хижин, были зафиксированы еще в ряде поселений, похоже, что это обычные жилища. А вот двухкомнатные дома, судя по всему, имели ритуальное назначение, как мы это наблюдали в культуре сескло (Греция).

В общину входили поселения из 10 или более домов. До середины VI тыс. до н.э., когда существенно возрастает численность населения, более крупных поселений не наблюдается. Меж тем в таком большом поселении, как Пассо-ди-Корво, могло одновременно проживать около 200 человек[15]. Рытье глубоких канав, по-видимому, требовало высокого уровня организации общественных работ. Внешние рвы в Пассо-ди-Корво, служившие защитой от нападений диких животных, имели протяженность в 5 км, при ширине в 5 м и глубине в 4 м. Тине подсчитал, что для их прокладки требовалось переместить около 100 000 кубических метров почвы.

Хронология и последовательность керамики

Дошедшая до нас керамика из окруженных рвами поселений – основа их хронологической классификации, в особенности при наличии радиоуглеродных датировок. Всего между 6500–5000 гг. до н.э. различают четыре периода, в которых отразилось непрерывное развитие керамики и технологий южноитальянского неолита.

Самые древние образцы керамики импрессо датируются серединой VII тыс. до н.э.: это крупные мешкообразные сосуды, круглые или полукруглые горшки и чаши. Перед обжигом их украшали оттисками раковин или углублениями, которые проделывались концом палки или кончиками пальцев (рис. 5-6.1).

Следующий этап развития – поздняя керамика импрессо: хронологически он совпадает с распространением в конце VII – начале VI тыс. до н.э. по Тавольере, Матерано и Сицилии окруженных рвами поселений. В это время формы керамики становятся более разнообразными, в орнаменте появляются рисунки и символы (рис. 5-6.2). Высококачественная керамика была средней толщины, бурого узорного лощения, имела нарезной и инкрустированный или штампованный орнамент. Среди характерных для нее мотивов – треугольники, шевроны, ромбы, лягушки, вульвы, вертикальные и горизонтальные ленты зигзагов, а также бороздчатые полосы. К этой же эпохе относятся антропоморфные сосуды, печати с ручкой, женские антропоморфные и зооморфные статуэтки (рис. 5-7).

Репертуар керамических форм и орнаментов значительно обогатился на третьем этапе развития данной культуры, когда изделия начали окрашивать в красный и в темно-коричневый цвет или же сочетать черную роспись и желто-коричневый фон. Мотивы орнамента – треугольники, шевроны, бороздчатые или сетчатые треугольники, ленты, ромбы и диски, а также целые полосы параллельных линий, – в основном связаны с узорами и символическими изображениями культур сескло и старчево (приблизительно 5800–5500 гг. до н.э.).

Четвертый этап характеризуется появлением красной ленточной окраски, черной и бурой тонкой керамики узорного лощения, а также килеобразных горшков и сосудов с квадратным горлом: их необычная форма заставляет предположить наличие контактов с Северной Италией и Францией. В этот период красные полосы на изделиях оттеняются черным цветом, а основной фон обычно желто-коричневый или белый (рис. 5-6.4). Больше всего керамики этого типа было найдено в пещере Скалория у Манфредонии, к югу от полуострова Гаргано. Археологи собрали там осколки 1500 сосудов, украшенных символами возрождения – треугольниками, бабочками, изображениями побегов растений, солнца и змей (см. рис. 7-114). Согласно данным радиоуглеродного анализа, этот период имел место во второй половине VI тыс. до н.э. (Табл. 17, снизу слева). К эпохе скалория относится и большое поселение Пассо-ди-Корво.

После периода скалория Тавольере практически опустела, однако в Матерано, Калабрии, Апулии, Сицилии и в Абруццах, к северу от полуострова Гаргано, жизнь продолжала бить ключом. К северу от города Матера было расположено поздненеолитическое поселение Серра-д'Альто, знаменитое своей керамикой *figulina*[16]. Это необычайно тонкостенные изделия из однородной глины оранжево-желтого или кремового оттенка, которые тщательно лощили и либо оставляли как есть, либо окрашивали в темно-коричневый или красный цвет. Трудно предположить, чтобы подобного совершенства можно было добиться без использования настоящей печи для обжига.

Керамика из Серра-д'Альто датируется серединой V тыс. до н.э. (Табл. 17, середина слева); это самое привлекательное достижение керамического искус-

Рис. 5-5

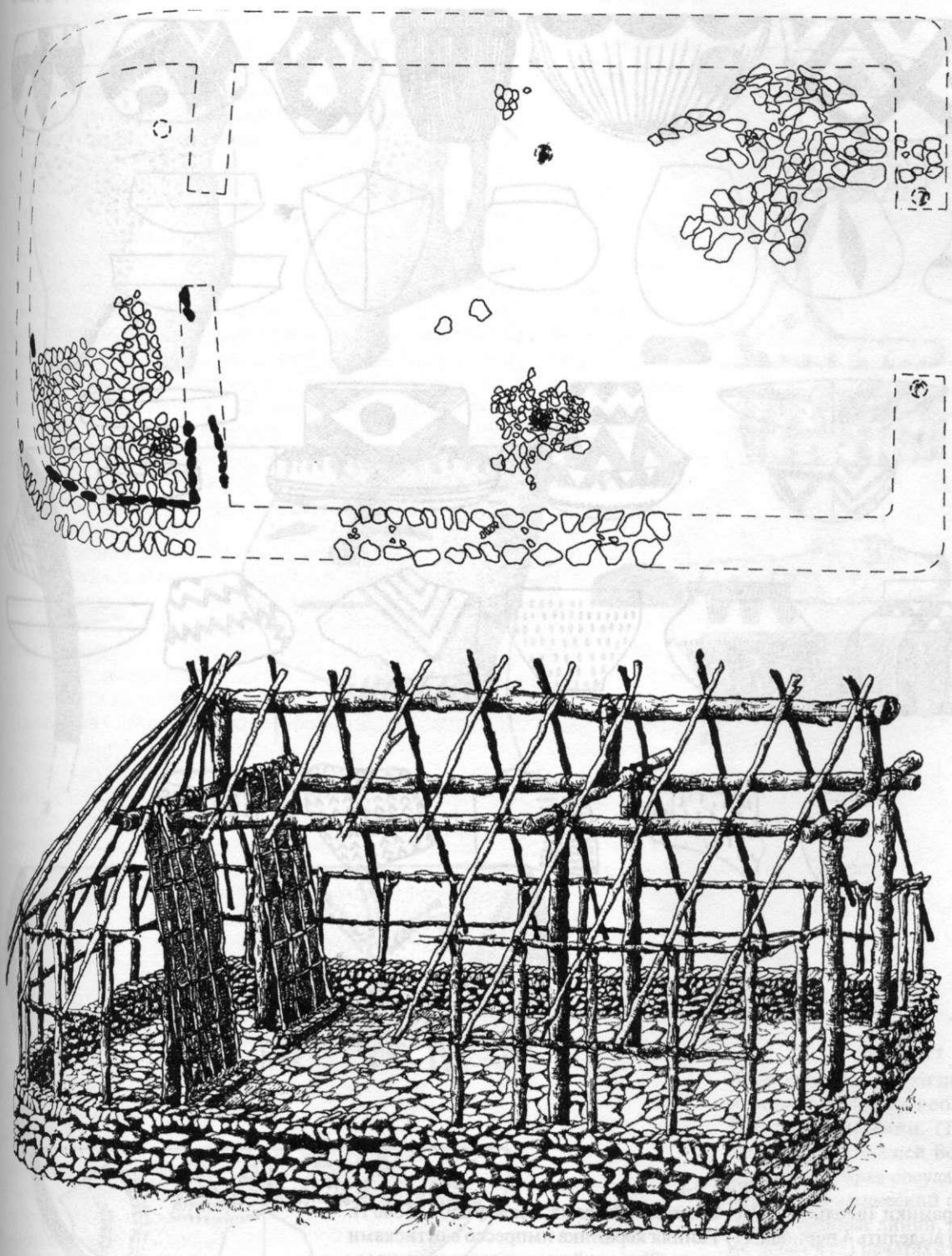


Рис. 5-5
Двухкомнатная постройка с апсидой на одном из концов, поселение Пассо-ди-Корво у г. Фоджа. План с остатками булыжного пола и фрагментами каменной кладки стен. Предположительная реконструкция С. Тине, 1983. Ок. 5500–5300 гг. до н. э.

Рис. 5-6

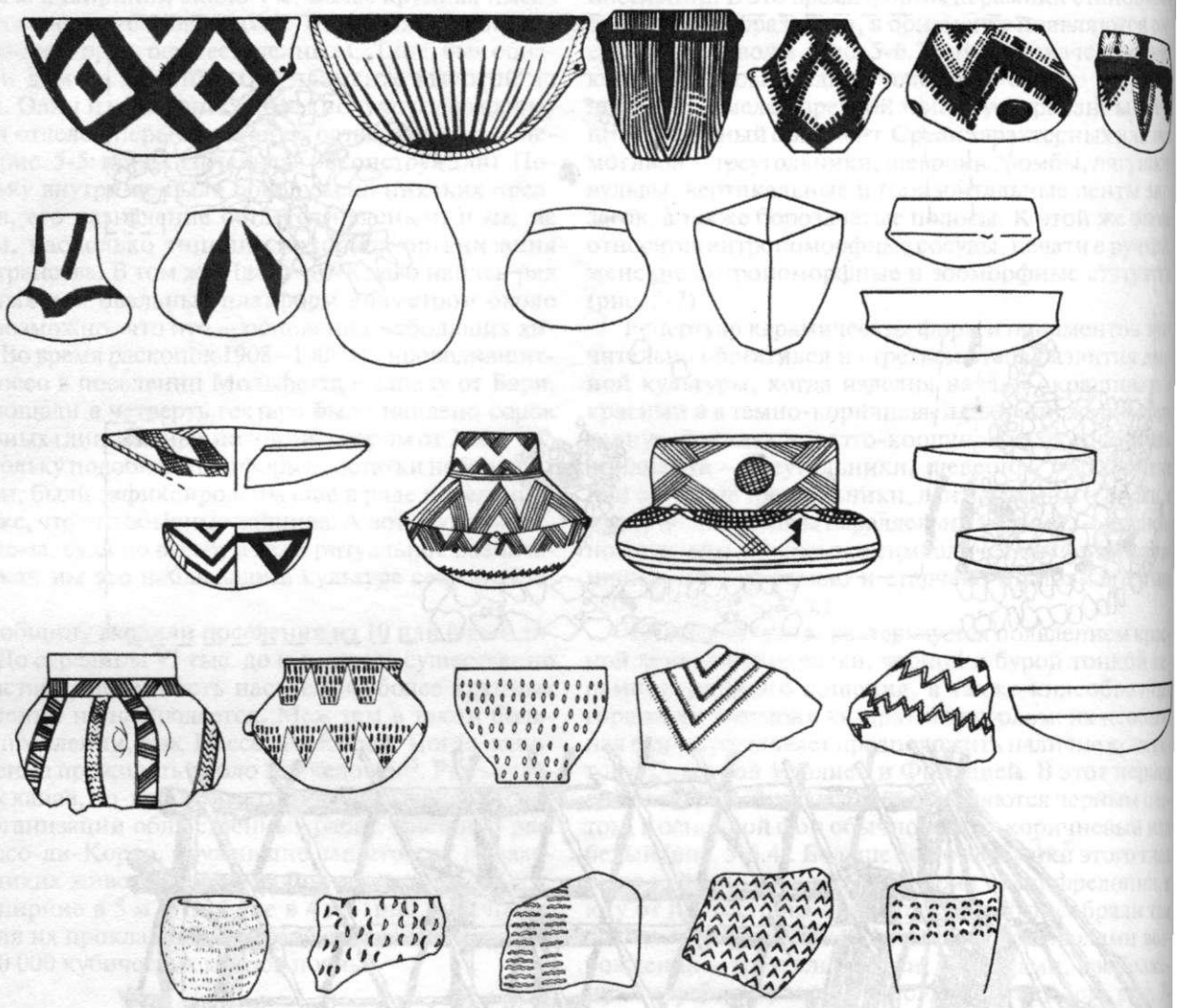


Рис. 5-6
Типология керамики Тавольере, Юго-Восточная Италия. Между 6500–5000 гг. до н. э. можно выделить 4 периода: (1) Ранняя керамика импрессо с оттисками раковин кардиум, ногтей или конца палки; (2) второй этап керамики импрессо с упорядоченным оттиснутым или нарезным орнаментом и белой или красной инкрустацией; (3) нарезной орнамент и красная, темно-коричневая и черная окраска; (4) большое разнообразие форм, широкие красные или красные с черным обрамлением полосы; (1–4) Пассо-ди-Корво; (4а) пещера Скалория.

Рис. 5-7

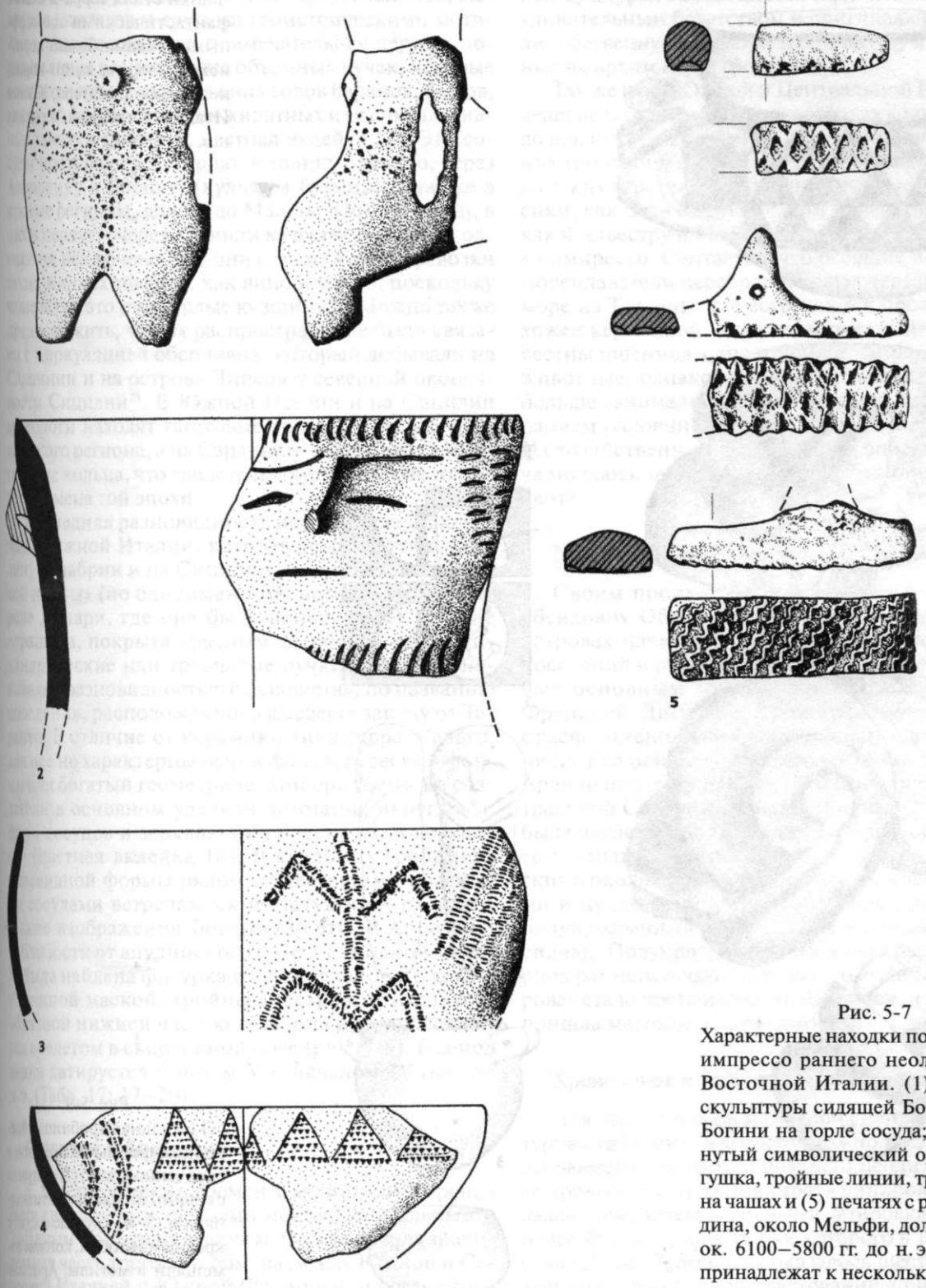


Рис. 5-7
Характерные находки поздней стадии импрессо раннего неолита Северо-Восточной Италии. (1) Фрагменты скульптуры сидящей Богини; (2) лик Богини на горле сосуда; (3, 4) оттиснутый символический орнамент (лягушка, тройные линии, треугольники) на чашах и (5) печатях с ручками. Рендина, около Мельфи, долина Офанто, ок. 6100–5800 гг. до н. э. (артефакты принадлежат к нескольким фазам существования поселения). Масштаб: (1) 1:4; (2) 1:1; (3, 4) 1:2; (5) 2:3.

Рис. 5-8

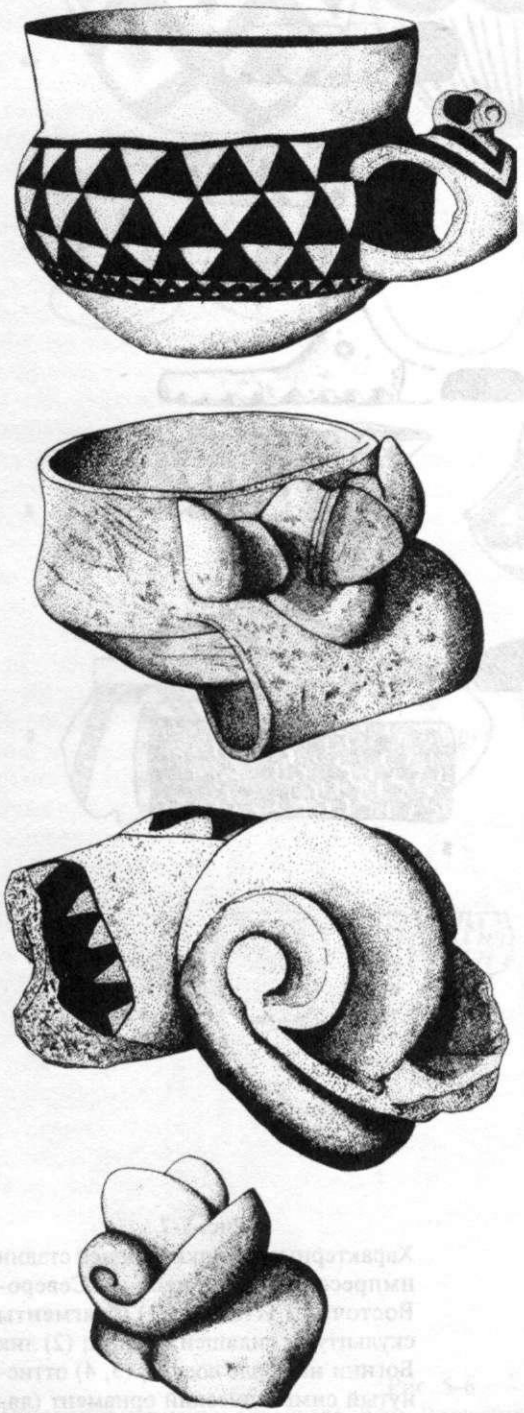


Рис. 5-8
Чашки стиля серра-д'альто с фантастическими зооморфными ручками. Темно-коричневый узор на желто-коричневом фоне. Матера, Южная Италия. Середина V тыс. до н.э.

Рис. 5-9

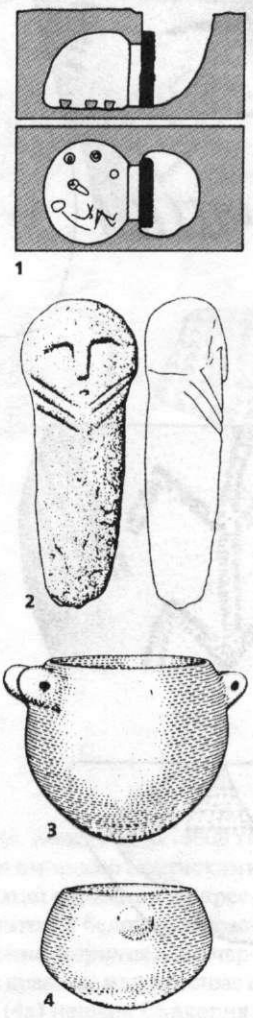


Рис. 5-9
(1) Скальная гробница яйцевидной формы со скелетом в скорченной позе; (2) статуэтки с совиными масками из известняка и (3–4) круглые сосуды с красным ангобом, которые помещали в могилы. Арнезано около Лечче, Апулия. Конец V – начало IV тыс. до н.э.

ства североитальянского неолита. Выпуклые части сосудов были украшены рядами треугольников, меандров, зигзагов и другими геометрическими мотивами, однако самая их примечательная черта – поразительное разнообразие объемных ручек, которые венчают лепные изображения голов баранов, быков, каких-то фантастических животных или спиралевидные завитки (рис. 5-8; цветная вклейка 17). Эти сосуды поступали в Лигурию, в долину реки По, через Адриатику в Боснию (культура бутмир), а также в южные регионы, вплоть до Мальты. По-видимому, в них в первую очередь ценили качество и красоту, однако не исключено, что они служили для перевозки таких жидких товаров, как вино и масло, поскольку чаще всего это узкогорлые кувшины[17]. Можно также предположить, что их распространение было связано с циркуляцией обсидиана, который добывали на Сардинии и на острове Липари у северной оконечности Сицилии[18]. В Южной Италии и на Сицилии археологи находят гагатовые топоры из североальпийского региона, а на Сардинии – гагатовые и стеатитовые кольца, что свидетельствует о широте торгового обмена той эпохи.

Последняя разновидность неолитической керамики Южной Италии, которая встречается в Апулии, Калабрии и на Сицилии, именуется «керамикой дианы» (по одноименному поселению на острове Липари, где она была обнаружена). Она не окрашена, покрыта красным ангобом и имеет цилиндрические или трубчатые ручки. Ее также называют «разновидностью беллависта», по названию поселения, расположенного к северо-западу от Таранто. В отличие от керамики типа серра-д'альто, для нее не характерны ручки фантастической формы или богатый геометрический орнамент. Ее создатели в основном уделяли внимание округлости форм сосудов и зеркальному блеску их поверхности (цветная вклейка 18). В скальных гробницах яйцевидной формы рядом с блестящими красными сосудами встречаются и статуэтки – схематические изображения Богини смерти. В Арнезано, в близости от апулийского г. Лечче, в одной могиле была найдена фигурка из известнякового камня с совиной маской, тройным шевроном и конусообразной нижней частью тела: она находилась перед скелетом в скорченной позе (рис. 5-9). Период дианы датируется концом V – началом IV тыс. до н.э. (Табл. 17; 17–20).

Сардиния и Корсика

С доисторических времен Сардиния и Корсика были связующими звеньями между Центральным и Западным Средиземноморьем. Через них шла значительная часть торгового обмена между Южной и Северной Италией и Южной Францией, и постоянное влияние метрополий не позволяло местным культурам замкнуться в себе. В V–IV тыс. до н.э. эти островные культуры, в особенности сардинская, отличались удивительным богатством и оригинальностью, имели собственную керамику и скульптуру и поразительные по архитектуре гробницы.

Так же как в Южной и Центральной Италии, земледелие появилось на этих островах к концу VII тыс. до н.э. в период керамики импрессо. Для самых ранних (по радиоуглеродным датировкам) материалов из таких стратифицированных пещер Южной Корсики, как Бази и другие[19], или Северной Сардинии, как Фильестру и Мара[20], характерна зрелая керамика импрессо. Считается, что осевшие в этих местах мореплаватели перебрались сюда через Тирренское море из Тосканы, где встречаются поселения с похожей керамикой. Хотя первопоселенцам были известны пшеница-однозернянка, эммер и домашние животные, однако жили они под сводами пещер и больше занимались охотой, рыбной ловлей и собиранием раковин, нежели собственно земледелием. Их хозяйственный уклад в целом определяли добыча моллюсков, рыбы, дичи и разведение домашнего скота.

Месторождение обсидиана в Сардинии

Своим процветанием Сардиния была обязана обсидиану. Обсидиановые орудия находят на обоих островах начиная с самых ранних неолитических поселений и вплоть до позднейших эпох. Обсидиан был основным товаром при торговле с Южной Францией, Лигурией, Альпийской областью и даже с расположенной по другую сторону Адриатики Боснией. Его основное месторождение – гора Монте-Арчи неподалеку от Ористано (западная часть Центральной Сардинии). Более тридцати лет назад она была исследована Пукседду, который обнаружил на ее склонах 4 карьера, 10 пунктов сбора, ряд мастерских и около 162 участков с обсидиановыми орудиями и нуклеусами[21]. На Монте-Арчи добывали как полупрозрачный (тип А), так и матовый (тип В) обсидиан. Полупрозрачный обсидиан был в ходу в период раннего неолита, затем его количество на островах стало постепенно уменьшаться, и на смену ему пришла матовая разновидность.

Хронология и культурная последовательность

Для этих островов характерна непрерывная культурная традиция, в которой можно выделить периоды раннего, среднего и позднего неолита. Ключом к ее хронологии является стратифицированный и обладающий радиоуглеродными датировками скальный навес Фильестру, раскопки которого в 1980 г. осуществил Дэвид Трамп. Там оказалось шесть последовательных культурных напластований, приблизительно от 6000 до 3000 г. до н.э. В другой пещере долины

Рис. 5-10

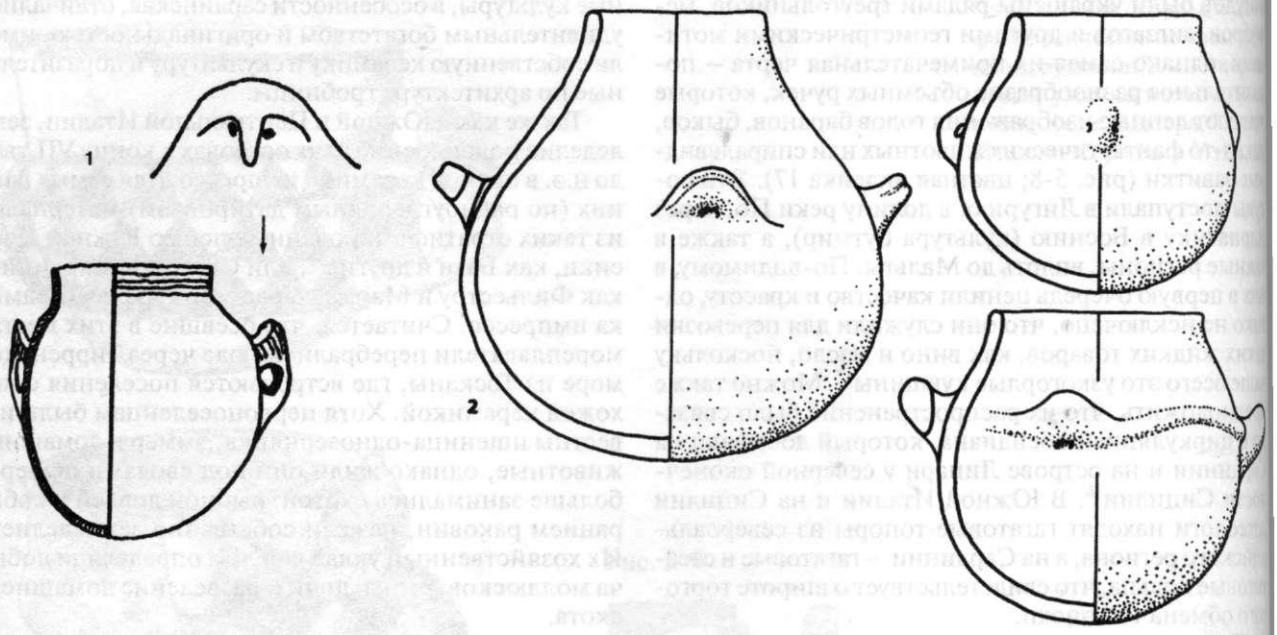


Рис. 5-11

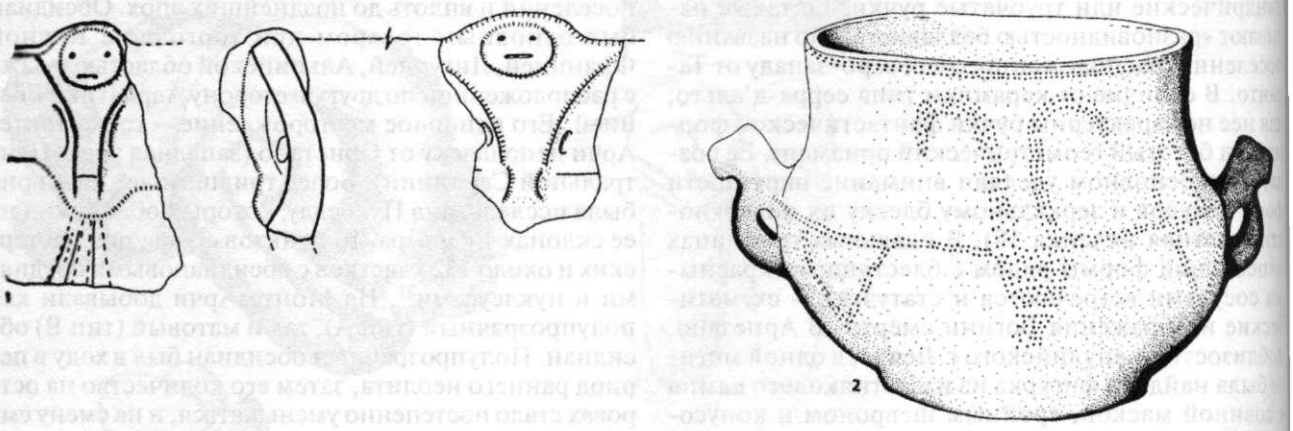


Рис. 5-10
Сардинские сосуды раннего неолита. (1) Шаровидный сосуд с оттисками раковин по краю и изображением лика Богини-птицы на каждой ручке. Гротта-Верде-де-Альгеро, Северо-Западная Сардиния, ок. 6000 г. до н. э.; высота 24,5 см. (2) Округлые сосуды без украшений с перфорированными ушками; скальный навес Фильестру (вторая неолитическая страта). Масштаб 1 : 3.

Рис. 5-11
Средненеолитический (бону-игину) сосуд и украшения ручек. (1) Змеиные головы с длинным ртом, рельефно изображенные на верхней части ручки, пещера Фильестру; (2) сосуд с узором из треугольников и рогов, с зооморфными ручками. Центральный мотив – точечное изображение букрании или вульвы и бычьих рогов – типичный регенерационный символ. Гротта-Рифуджио-ди-Ольена. Масштаб приблизительно 1:2.

Рис. 5-12

Рис. 5-12
Сардинская статуэтка сидящей обнаженной из алебастра: тучная фигура, руки сложены на груди, на голове прическа. Средний неолит, культура бону-игину, Су-Кунджау-де-Марку (Дечимопутцу), Кальяри, Сардиния. Середина V тыс. до н.э.; высота 18,5 см.

Бону-Игину у Са-Укка-де-Су-Тинтирриолу, также раскопанной Трампом, были найдены стратифицированные отложения среднего (бону-игину) и позднего (оциери) неолита[22]. Слой импрессо и следующий за ним слой фильестру, во многом продолжающий его традиции, расцениваются как ранний неолит: этот период охватывает VI тыс. до н.э. (рис. 5-10; Табл. 17, Сардиния).

В середине V тыс. до н.э. (средний неолит) пещеры перестали служить постоянным прибежищем для людей, появились поселки. Наличие обугленных зерен ячменя и пшеницы свидетельствует о том, что усиливается роль земледелия. По сравнению с изделиями раннего неолита, керамика бону-игину лучше вылощена и имеет более разнообразные формы. В придачу к округлым разновидностям появляются сосуды и чаши со сложными, порой зооморфными ручками, напоминающие фантастический стиль серра-д'альто. Орнамент выдавлен, нанесен пунктиром или вырезан, а среди мотивов присутствуют такие символические изображения, как рога, вульва, и разные «мифологические» персонажи (рис. 5-11).

Отличительная особенность этого периода – печи или скальные гробницы овальной формы. Перед покойником обычно помещали выполненные в особом сардинском стиле столбообразные статуэтки из алебастра, мыльного камня или из глины, которые отличались поразительной гармоничностью и были распространены по всей Сардинии (рис. 5-12). Их высота колеблется от 10 до 20 см. Среди погребального инвентаря также была найдена статуэтка, которая безусловно выполнена в стиле бону-игину, но держит на руках ребенка (к сожалению, точное место ее обнаружения неизвестно). К тому же периоду (но уже безотносительно к могилам) восходят крупные каменные скульптуры с лицами или масками Богини-птицы, т.е. с большими носами, бровями и без рта (рис. 5-13).

Поздненеолитический период оциери конца V – начала IV тыс. до н.э. – эпоха бурного культурного развития (Табл. 17, оциери). Первые поселения культуры оциери были обнаружены еще в XIX (Гротто-ди-Бартоломео в окрестностях Кальяри в 1878 г.) – начале XX в. Знаменитый подземный некрополь в Ангелу-Рую у города Альгеро был раскопан в 1904–1908 гг., а Гротта-ди-Сан-Микеле в Оциери (центральная часть Северо-Западной Сардинии), давший имя культуре этого периода, был открыт в 1914 г.[23] По сравнению со средним неолитом, поселений культуры оциери почти втрое больше, что свидетельствует о быстром росте численности населения; об этом же говорит значительная концентрация поселений и могил в окрестностях Кальяри, в юго-западной части острова, в Ористано и Сассари. Ранее таких крупных поселений не было. В Сан-Джемилиану-ди-Сесту (14 км к северу от Кальяри) при проведении спасательных работ было обнаружено более 80 углубленных площадок овальной или прямоугольной формы, длиной приблизительно 8–10 м, которые были разбросаны по аллювиальной террасе размером 220 на 200 м[24]. Это крупное поселение датируется периодом оциери и более поздним временем. К сожалению, не известно, каковы были его размеры в ту или иную конкретную эпоху.

Для культуры оциери характерно необычайное разнообразие форм керамики: здесь есть амфоры, горшки, корзинки, чаши, блюда, подставки для кувшинов, треножники, подставки на четырех ножках, сосуды с протомами в виде животных.

Рис. 5-13

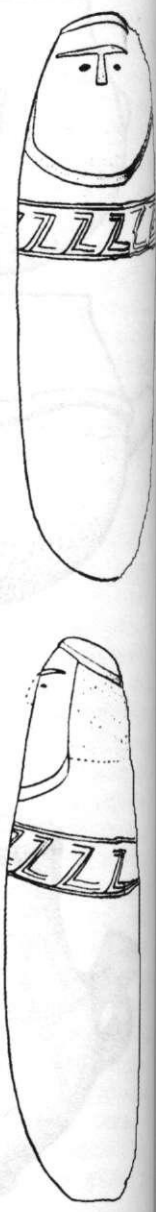


Рис. 5-13
Каменная скульптура с маской Богини-птицы (длинный нос, брови, отсутствие рта) и полосой зигзагов вокруг горла. Средний неолит, культура бону-игину, Са-Мандара, Кальяри. Середина V тыс. до н.э.

Рис. 5-14

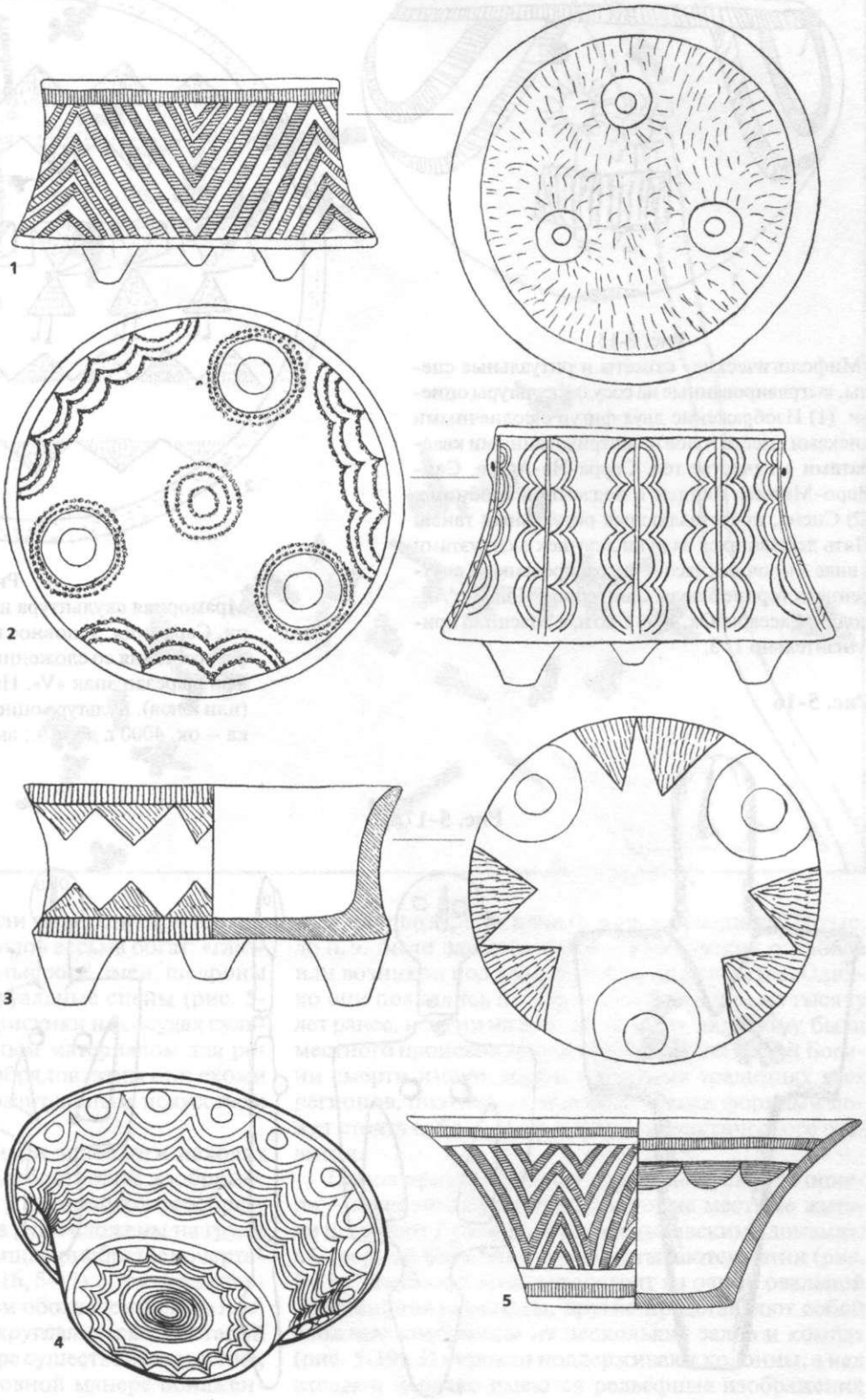


Рис. 5-14
Поздненеолитические сосуды оциери, богато декорированные снаружи и внутри, ок. 4000 г. до н.э. (1) Куккури-Арриус, (2) Паули-Фену-Риола, (3) Конка-Иллонис, (4) Гротта-ди-са-Ука-де-Су-Тинтирриолу-ди-Мара, (5) Пуистерис, Центральная Сардиния.

Рис. 5-15

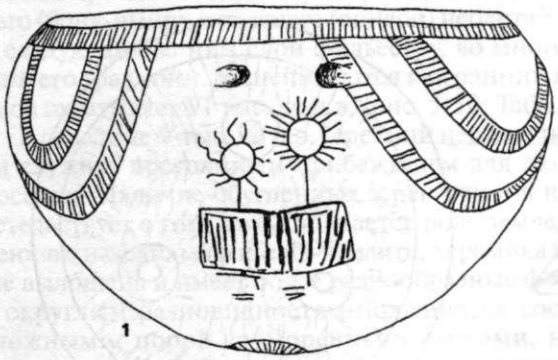


Рис. 5-15
«Мифологические» сюжеты и ритуальные сцены, выгравированные на сосудах культуры оциери. (1) Изображение двух фигур с солнечными дисками вместо голов и заштрихованными квадратами в качестве тел. Серра-Ис-Араус, Сан-Веро-Милис. Найден в подземной гробнице. (2) Сцена, представляющая ритуальный танец. Пять держащихся за руки девушек с силуэтами в виде «песочных часов» выгравированы на внутренней стороне блюда. Святилище Монте-д'Аккодди, Сассари. Ок. 4000 г. до н. э. Масштаб приблизительно 1 : 3.

Рис. 5-16

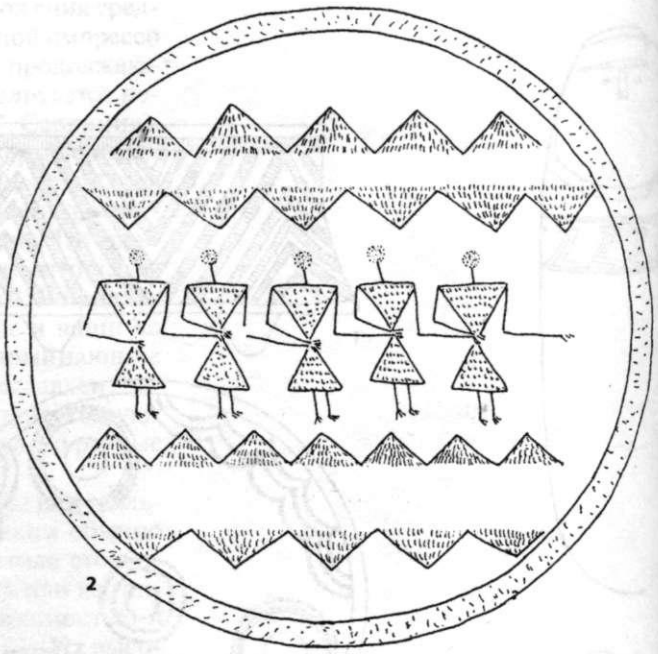


Рис. 5-16
Мраморная скульптура из Сенорби, к северу от Кальяри, Сардиния. Условное изображение Богини смерти и возрождения со сложенными на груди руками. Над грудью вырезан знак «V». На ее лице обозначен лишь нос (или клюв). Культура оциери, приблизительная датировка – ок. 4000 г. до н. э.; высота 42, 2 см.

Рис. 5-17

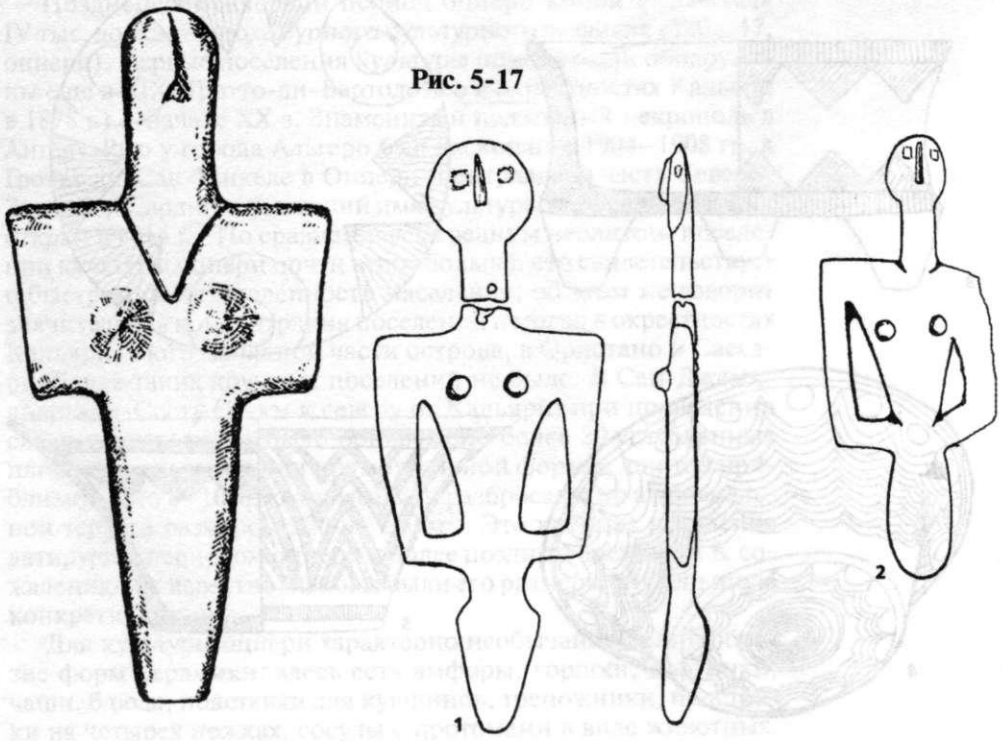


Рис. 5-17
Мраморные статуэтки типа «порто-ферро», представляющие Богиню смерти и возрождения. Начало IV тыс. до н.э., найдены в подземной гробнице. (1) Порто-Ферро; высота 30 см; (2) святилище Монте-д'Аккодди, Сассари, Северная Сардиния; высота 23 см.

Рис. 5-18

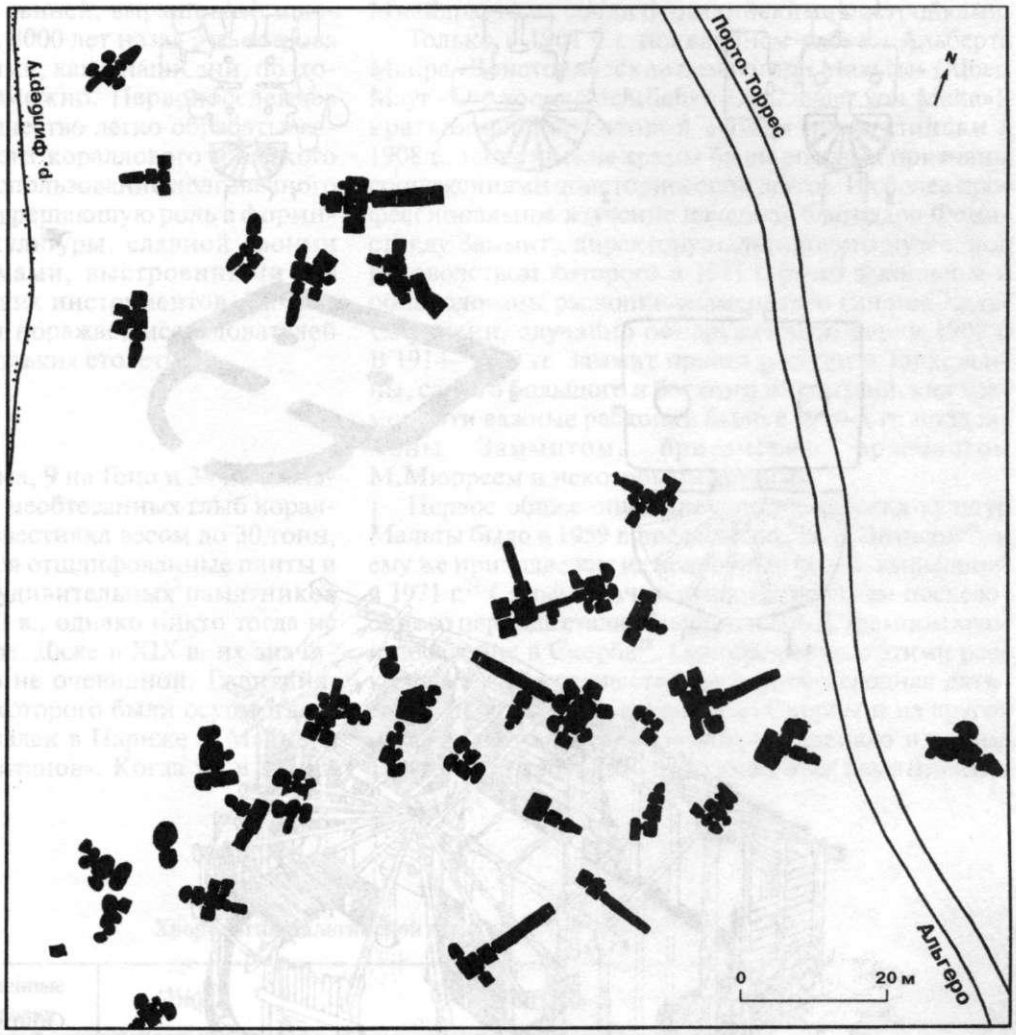


Рис. 5-18
План некрополя Ангелу-Рую из подземных гробниц. Альгеро, Северо-Западная Сардиния. Период оциери. Ок. 4000 г. до н. э.

Узоры на них оттискивали или вырезали, причем репертуар используемых символов весьма богат: «глазковый мотив», солнце, бараньи рога, змеи, шевроны и треугольники, а также ритуальные сцены (рис. 5-14, 5-15). Изобразительные рисунки на сосудах культуры оциери являются ценным материалом для реконструкции религиозных обрядов: этим они схожи с позднекукутенским изобразительным искусством того же периода.

В могилах культуры оциери археологи находят знаменитые мраморные и алебастровые изображения Белой Богини смерти, у которой конусообразная нижняя половина тела, а руки сложены на груди так, что верхняя часть туловища приобретает очертания прямоугольника (рис. 5-16, 5-17). Лицо представлено схематично: либо на нем обозначен только нос, либо его вообще заменяет круглая маска. В старой исследовательской литературе существовало мнение, что эти выполненные в условной манере обнаженные скульптуры в начале или в середине III тыс. до н. э. были заимствованы с Кикладских островов или возникли под воздействием их искусства. Однако они появились на Сардинии более чем на тысячу лет ранее, нежели на Кикладах, и, по-видимому, были местного происхождения. Изображения Белой Богини смерти имеют корни в местных традициях всех регионов, поэтому за их конкретными формами может стоять собственная логика стилистического развития.

Самое примечательное творение культуры оциери – подземные гробницы, которые местные жители называют *Domus de Janas*, «ведьмовскими домами»: в Северной Сардинии их насчитываются сотни (рис. 5-18). Наиболее простые состоят из одной овальной (яйцевидной) комнаты, другие представляют собой сложные комплексы из нескольких залов и комнат (рис. 5-19). Их кровли поддерживают колонны, а над входами нередко имеются рельефные изображения

Рис. 5-19

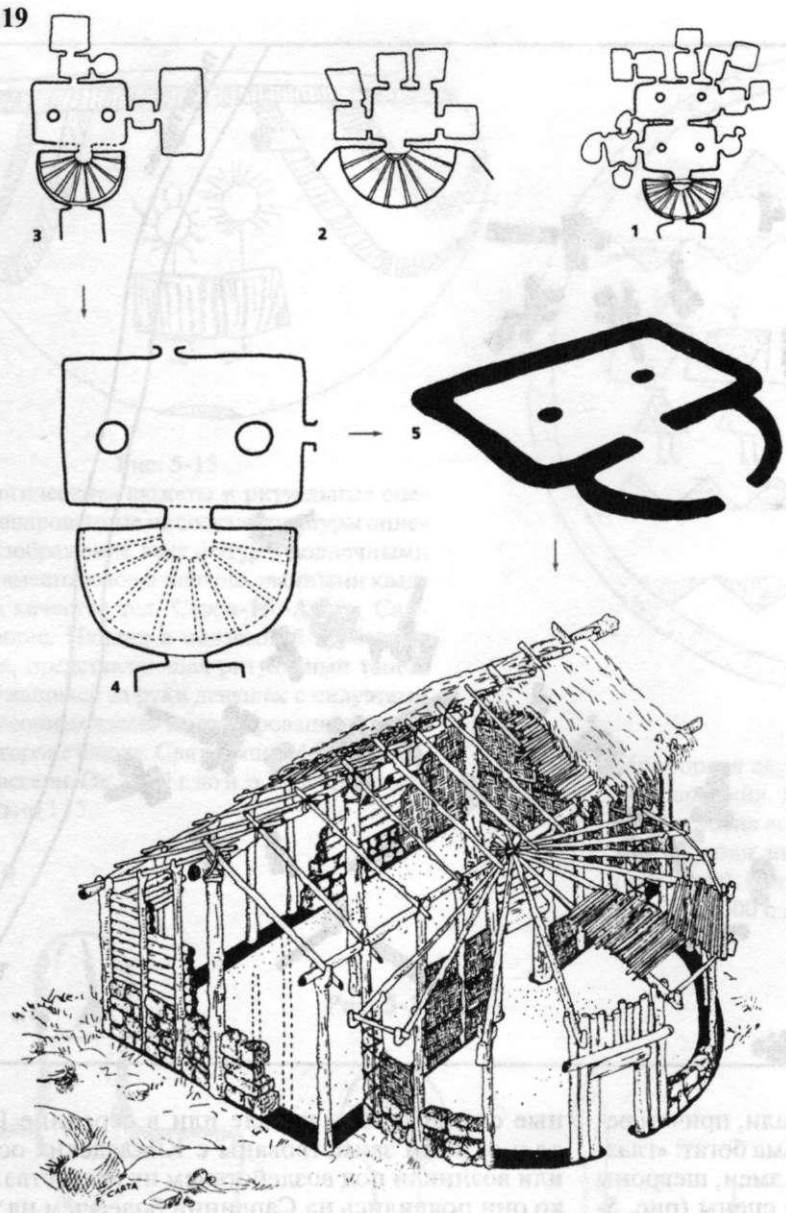


Рис. 5-19
Общие планы и реконструкция многокамерных гробниц Северной Сардинии. (1) Сан-Андреа-Приу Бонорва; (2) М.Петрузу-Плоаге; (3–5) Коронедду, Боза. Период оциери. Ок. 4000 г. до н.э.

бычьих голов или рогов (см. рис. 7-109). Для окраски внутренних и внешних стен и потолков использовалась красная, пурпурная и желтая охра; изнутри стены были украшены символами возрождения – вульвами, букраниями, тройными вульвами, «песочными часами» (два треугольника), бараньими рогами и рисунками «ока». Эти сложные подземные постройки были не просто могилами, но, как точно сформулировал в 1981 г. Э.Атцени[25], храмовыми гробницами (т.е. они почитались священными, как и сами храмы). Мы еще вернемся к ним в конце главы VII в разделе, посвященном погребениям.

Мальта

Мальтийский архипелаг, куда входят два крупных острова Мальта и Гоцо и три островка Комино, Коминотто и Филфла, расположен приблизительно в 80 км к югу от Сицилии (рис. 5-20). В ясные дни с Мальты можно видеть берега Сицилии, поэтому очевидным образом для опытных мореплавателей–носителей культуры керамики импрессо освоение этих земель не представляло ни малейшей трудности. Первые земледельцы обосновались на Мальте в VI тыс. до н. э. в эпоху зрелой керамики импрессо, т. е. примерно тогда же, когда они появились на Сицилии.

Они вели смешанное хозяйство, разводили овец, коз, крупный рогатый скот и свиней, выращивали пшеницу, ячмень и чечевицу. 8000 лет назад эти острова не были столь бесплодными, как в наши дни, поэтому земледелие было возможно. Первопоселенцев привлекло большое количество легко обрабатываемого камня, в особенности кораллового и мягкого известняка *globigerina*. Использование долговечного камня сыграло главную и решающую роль в формировании мальтийской культуры, славной своими монументальными храмами, выстроенными без применения металлических инструментов. Каменная архитектура Мальты поражает исследователей на протяжении уже нескольких столетий.

Открытие

Всего известно 43 храма, 9 на Гоцо и 34 на Мальте: все они выстроены из необтесанных глыб кораллового и ракушечного известняка весом до 30 тонн, среди которых попадаются отшлифованные плиты и ортостаты*. Часть этих удивительных памятников была известна уже в XVII в., однако никто тогда не мог сказать, что это такое. Даже в XIX в. их значимость оставалась далеко не очевидной. Гжантийя, первый храм, раскопки которого были осуществлены в 1827 г., был представлен в Париже К.Маццара как «допотопный храм титанов». Когда же в 1839 и 1840 гг. были раскопаны еще два храма, Хагар-Ким и Мнайдра, то их сочли финикийскими постройками.

Только в 1901 г. с появлением работы Альберта Майра «Доисторические памятники Мальты» (Albert Mayr «Die vorgeschichtlichen Denkmäler von Malta»), краткая версия которой вышла по-английски в 1908 г., мальтийские храмы были впервые признаны сооружениями доисторической эпохи. Их более профессиональное изучение началось благодаря Фемистоклу Заммиту, директору мальтийского музея, под руководством которого в 1911 г. были закончены и обнародованы раскопки знаменитого гипогея Халь-Сафлиени, случайно обнаруженного еще в 1902 г. В 1914–1919 гг. Заммит провел раскопки Тарксиенны, самого большого и богатого из мальтийских храмов. Эти важные раскопки были в 1920-х гг. продолжены Заммитом, британским археологом М.Мюрреем и некоторыми другими.

Первое общее описание доисторических культур Мальты было в 1959 г. предложено Дж.Д.Эвансом[26], и ему же принадлежит их подробный обзор, вышедший в 1971 г.[27] Самым значительным открытием послевоенного периода стали обнаруженные Д.Трампом храм и поселение в Скорбе[28]. Одновременно с этими раскопками была осуществлена радиоуглеродная датировка некоторых материалов из Скорбы и из других мест, что позволило пересмотреть давнюю и весьма запутанную проблему хронологии этих памятников.

Хронология мальтийской культуры

Уточненные датировки	Этапы	Памятники
ок. 2500 до н.э.	тарксиеннский могильник	Тарксиеннский могильник
ок. 3000 до н.э.	тарксиенна	храмы: Тарксиенна, Борг-ин-Надур, Хагар-Ким, Мнайдра Южн., гипогей Халь-Сафлисни
ок. 3500 до н.э.	гжантийя	храмы: Гжантийя, Мнайдра Вост., Скорба Зап., Корбин, Бугибба, Санта-Верна, гипогей Халь-Сафлиени
ок. 4000 до н.э.	мгарр цеббуг	гробницы Ксемксийя и Цеббуг
ок. 4500 до н.э.	скорба	красный храм в Скорбе, серое поселение в Скорбе
ок. 5000 до н.э.	гар-далам	пещерное святилище Гар-Далам
ок. 6000 до н.э.		керамика импрессо

* Вертикально стоящие большие камни или плиты.

Рис. 5-20

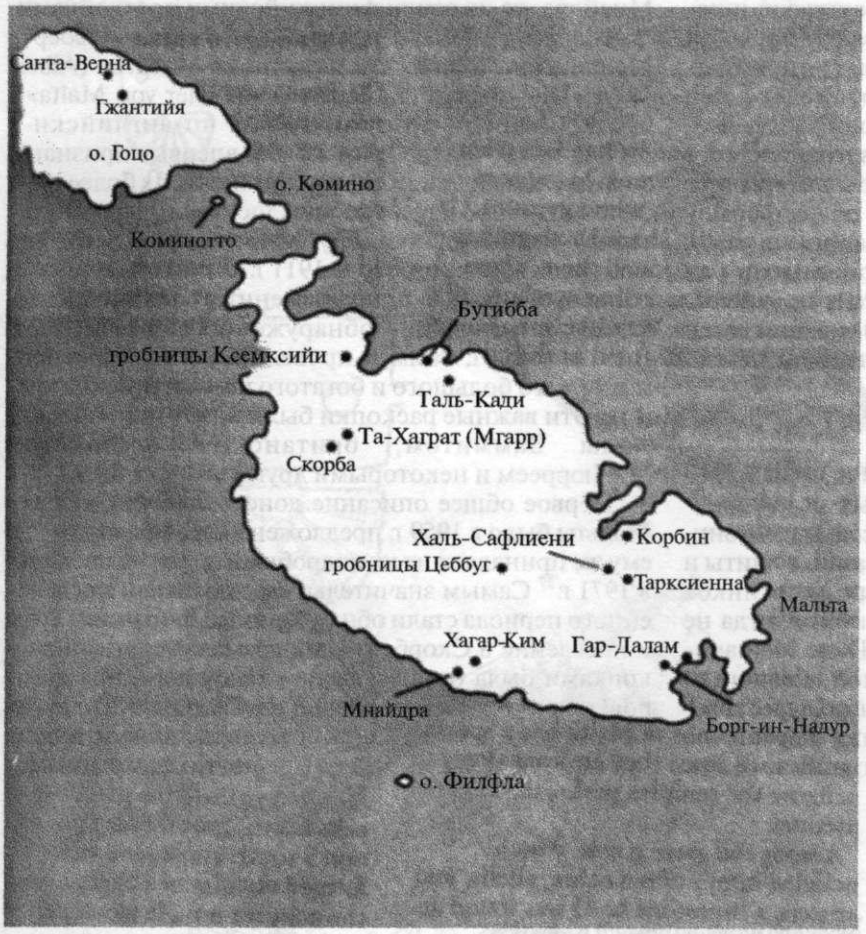
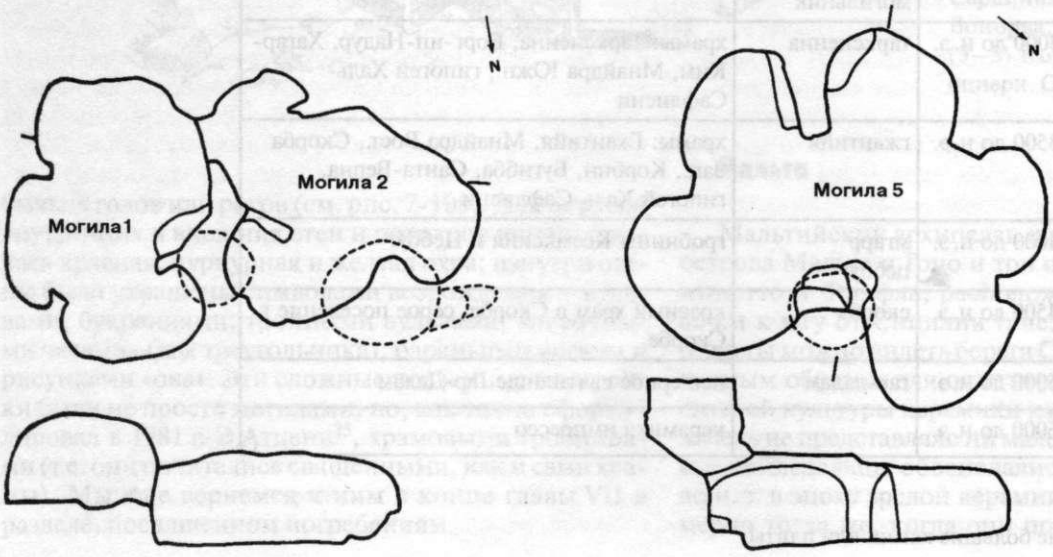


Рис. 5-20
Карта Мальты и о. Гоцо

Рис. 5-21
Скальные гробницы почковидной формы. Ксемксийя, Мальта. План и поперечный разрез. Конец V тыс. до н. э.

Рис. 5-21



Хронология

В настоящее время принята семичастная классификация неолитических пещер, гробниц и храмов Мальты VI–III тыс. до н.э. Мальтийские храмы датируются V, IV и началом III тыс. до н.э. Хронологическую последовательность культур см. в приведенной выше таблице, а радиоуглеродные данные – в Табл. 17 (правая колонка).

Пещерные святилища

Первыми обрядовыми центрами на Мальте были пещеры. Ко времени прибытия сюда первопоселенцев древняя Европа уже достигла больших высот в способах выражения человеческой духовности, и пещеры прочно ассоциировались со святилищами. Возможно, этим объясняется тот факт, что над некоторыми природными пещерами (такими как Гайн-Абул в западной части Гоцо или Микста в центральной части этого же острова) возводились куполообразные своды.

Один из древнейших храмов – пещера Гар-Далам в юго-восточной части Мальты. В ней были обнаружены коричневые, серые и желто-коричневые чаши с круглым дном и шаровидные горшки с тиснением и линейным орнаментом – полосами из диагонально или крест-накрест заштрихованных 2–4 параллельных линий или заштрихованными треугольниками с простыми шевронами. Многие сосуды были инкрустированы белым гипсом. Здесь также было найдено немало фаллообразных сталактитов и сталагмитов, которые, видимо, почитались как наделенные таинственной силой священные символы. Не исключено, что в этой пещере проводились регенерационные ритуалы.

Скальные гробницы и гипогеи

Древнейшие на Мальте каменные гробницы яйцевидной или почкообразной формы находятся в Ксемксийе и Цеббуге. Цеббугские гробницы невелики – около 1,9 м в диаметре, тогда как ксемксийские намного крупней, в среднем около 3,5 м в ширину (рис. 5-21). В общем и целом эти скальные гробницы родственны тем, что встречаются на Сардинии и в Южной Италии. Однако на Мальте эти почковидные или яйцевидные могилы сыграли особую роль, по всей видимости, повлияв на внутреннюю форму более поздних храмов.

В Цеббуге среди погребального инвентаря, куда входили куски красной охры, раковины и пуговицы, была найдена известняковая голова в барельефной маске (рис. 5-22). Это одно из ранних изображений могильного божества, Богини смерти и возрождения, которая в более поздний период на Сардинии и на Кикладах обретет черты столбообразного типа. Ее маска имеет сходство с хищной птицей. Кроме того, здесь были обнаружены фрагменты керамики с нарезным орнаментом в виде человечков-палочек с большими треугольными головами (рис. 5-23). Покойники были уложены в позе эмбриона, на них и вокруг них – значительное количество красной охры.

Самое крупное скопление подземных гробниц яйцевидной формы – знаменитый гипогей Халь-Сафлиени в восточной части Мальты, неподалеку от храма Тарксиенны (см. рис. 7-104); здесь погребали мертвых начиная с IV тыс. до н.э. и вплоть до заката мальтийской культуры, т.е. приблизительно до 2500 г. до н.э. (регенерационная символика этих гробниц будет рассмотрена в главе VII в разделе о погребениях).

Мальтийские храмы

Дж.Д.Эванс был первым, кто заметил связь между гробницами и храмами: это действительно решающий фактор для интерпретации их назначения.

Закругленные формы гробниц в храмовой архитектуре стали апсидами. Некоторые древнейшие храмы имеют тройную структуру (таков, например, храм в Та-Хаграте), но в большинстве случаев у них 4–5 апсид и антропоморфный силуэт, очертаниями напоминающий скульптуры тучных мальтийских богинь. Это сходство отнюдь не случайно. Однако первые храмы формами напоминали яйцо или лоно Богини, сходство с человеческой фигурой появилось позднее, в IV тыс. до н.э.

Как и яйцевидные скальные гробницы (например, гробница в Ксемксийе), мальтийские храмы символически отождествлены с телом Богини, в особенности с ее ягодицами. Вход обычно смотрит на юго-восток: учитывая, что прецессия земной оси равна половине градуса в столетие, можно предположить, что первоначально они были ориентированы с севера на юг. Их внешние дворы образовывали круг или эллипс, а основным отличительным элементом были вогнутые фасады и трехарочные входы. Хотя внешние стены по большей части не сохранились, многое указывает на то, что они были характерны для этого типа построек, предназначавшихся для народных собраний. Правомерно предположить, что во время подобных сборов там устраивались жертвоприношения, проводились религиозные церемонии и пиршества, что естественно подразумевало музыку и пляски. Во многих внешних дворах, в частности в храмах Тарксиенны, Хагар-Кима и Мнайдры, у входа в храм стоял большой камень с отверстиями, который, по некоторым предположениям, использовался в качестве столба для привязи. Если это действительно так, то, судя по его размерам, в жертву приносили крупный рогатый скот.

Храмы чаще всего стоят парами, причем один всегда крупней другого. Судя по всему, в это вкладывал-

ся некий смысл: в терминах божественного семейства, больший храм – материнский, а меньший – дочерний, или же можно считать их сестринскими храмами, – вспомним двухголовых богинь из Чатал-Хююка (ок. 6500 г. до н.э.) и таких же богинь-птиц из Гомолавы (культура винча, ок. 4800 г. до н.э.). Конечно, нельзя исключить, что они представляют два разных лика Богини, символизируя, скажем, юность и зрелость или смерть и возрождение.

Поскольку восток символически связан с началом жизни, а запад – с ее концом, последняя гипотеза нам кажется особенно соблазнительной. В более крупных западных храмах больше культовых материалов и обстановки, из чего можно заключить, что в них в основном проходили обряды, связанные со смертью и возрождением. Они были оштукатурены или выкрашены красной краской, от которой, конечно, ничего не осталось; их возводили из более темного коричнево-красного известняка. Возможно, что церемонии, связанные с празднованием рождения, были поделены между меньшими храмами, в то время как весенние ритуалы проводили в больших храмах или в гробницах. Восточные храмы, судя по всему, были менее замкнуты пространственно и выстроены из более светлого известняка.

Сделаем краткий обзор основных мальтийских храмов.

Насколько можно предположить, каждый храм обладал собственной спецификой. Один из древнейших, красный храм в Скорбе, датируется V тыс. до н.э., однако он слишком сильно разрушен, чтобы можно было составить ясное представление о его архитектуре. Больший интерес представляют найденные в нем глиняные и каменные статуэтки с треугольными масками на лицах, у которых намечен нос и точка вместо рта. Кроме того, у них длинные шеи, большая грудь, задняя часть похожа на птичью и выда-

Рис. 5-22

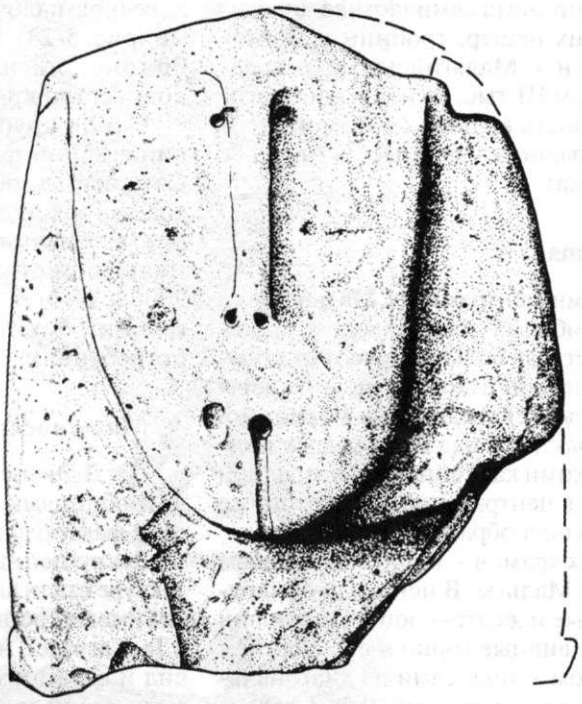


Рис. 5-22
Известняковая скульптура из скальной гробницы. Цеббуг, могила № 5. Конец V тыс. до н.э.; высота 18,5 см.

Рис. 5-23

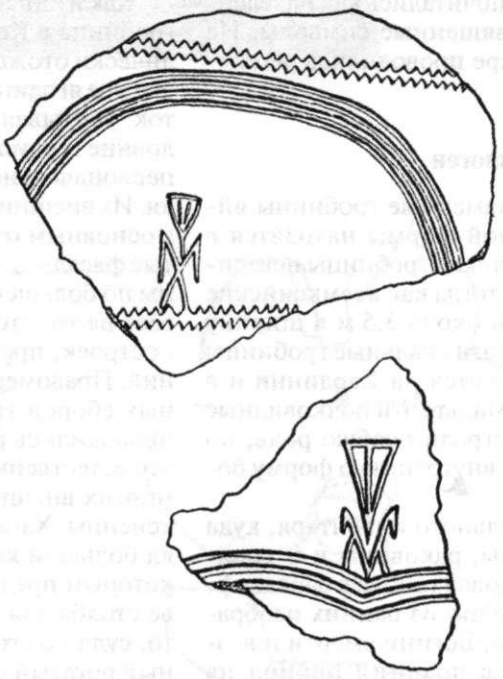


Рис. 5-23
Вырезанные на сосудах из скальных гробниц фигурки-«палочки» с большими треугольными головами, инкрустированные белой пастой. Цеббуг, могила № 4. Конец V тыс. до н.э.

Рис. 5-24

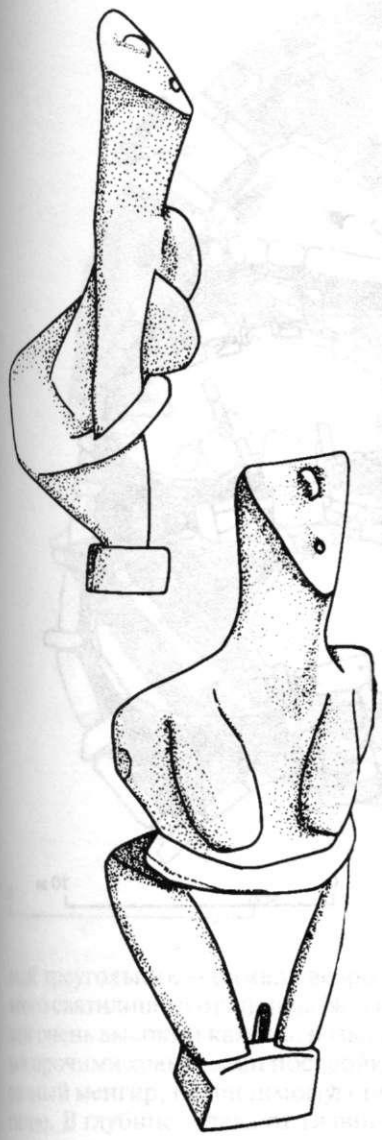


Рис. 5-24
Терракотовая статуэтка с большой головой, неестественно огромной вульвой и выступающим птичьим задом, в треугольной маске и поясе-«подпруге». Найдена в храме Скорбы, Мальта. Середина V тыс. до н.э. Масштаб 1:1.

ется ступенечкой, а пол обозначен крупным треугольником; они носят пояс-подпругу и ожерелья (рис. 5-24). Их черты явным образом свойственны Богине-птице, а позы и атрибуты имеют немалое сходство с ранним периодом культуры винча.

Один из важнейших парных храмов – расположенный в центральной части Гоцо комплекс Гжантийя (рис. 5-25). Оба храма окружены стеной высотой в 6 м из грубых необработанных глыб кораллового известняка. Вес некоторых плит достигает 50 тонн: это самые крупные из тех, что использовались для строительства храмов на Мальте. Внутренние стены и входы сделаны из обработанного известняка.

Большой храм отличался весьма изысканным убранством: в апсиде № 2, первой комнате справа от входа в святилище, имелась выкрашенная в красный цвет ниша из плит, по-видимому, обрядового назначения или использовавшаяся для хранения священных предметов. Ближе к задней части комнаты – несколько плит с барельефным орнаментом из соединенных вместе спиралей. В апсиде № 5 (восточный отсек) найден неглубокий каменный резервуар диаметром около 1 м, который, по всей видимости, служил ритуальным очагом. Напротив юго-восточной стены – колонна с резным барельефным изображением змеи (см. рис. 7-61). Апсида № 6 заключала в себе тройное святилище (см. рис. 5-25.2). В ней было три жертвенных стола и установленная вертикально, как колонна, трапециевидная плита. В апсиде № 7 были высокие известняковые плиты, главный алтарь стоял в передней части и был украшен ямками.

Другие храмы Гоцо также принадлежат к фазе гжантийя. В общей сложности на каждый храм приходилось по 7,4 кв. км.

Хагар-Ким расположен на южном побережье Мальты: это наиболее примечательный храм периода тарксиенны (рис. 5-26; цветная вклейка 20). У него хорошо сохранилась внешняя опоясывающая стена из известняка, фасад из вертикальных плит, десять апсид, внутренние плиты с похожими на окна прямоугольными отверстиями и каменный алтарь. Кроме того, он знаменит каменными изображениями сидящих – просто или на корточках – и стоящих тучных женщин. Это статуэтки высотой около 20 см со следами охряной окраски (цветная вклейка 21). Сам храм стоит на холме лицом к морю, возвышаясь над расположенным ниже храмом Мнайдра.

По своим очертаниям Хагар-Ким отличается от храмов Гжантийя и Мнайдра: нельзя исключать, что это был комплекс из трех двухапсидных святилищ. Основной вход располагался на юго-востоке, однако западное и северное святилища также имели отдельные входы. В толще восточной стены из вертикальных плит выдолблена небольшая полукруглая ниша, в которую был доступ как изнутри, так и снаружи. Там был установлен каменный алтарь треугольной формы: лобко-

Рис. 5-25.1

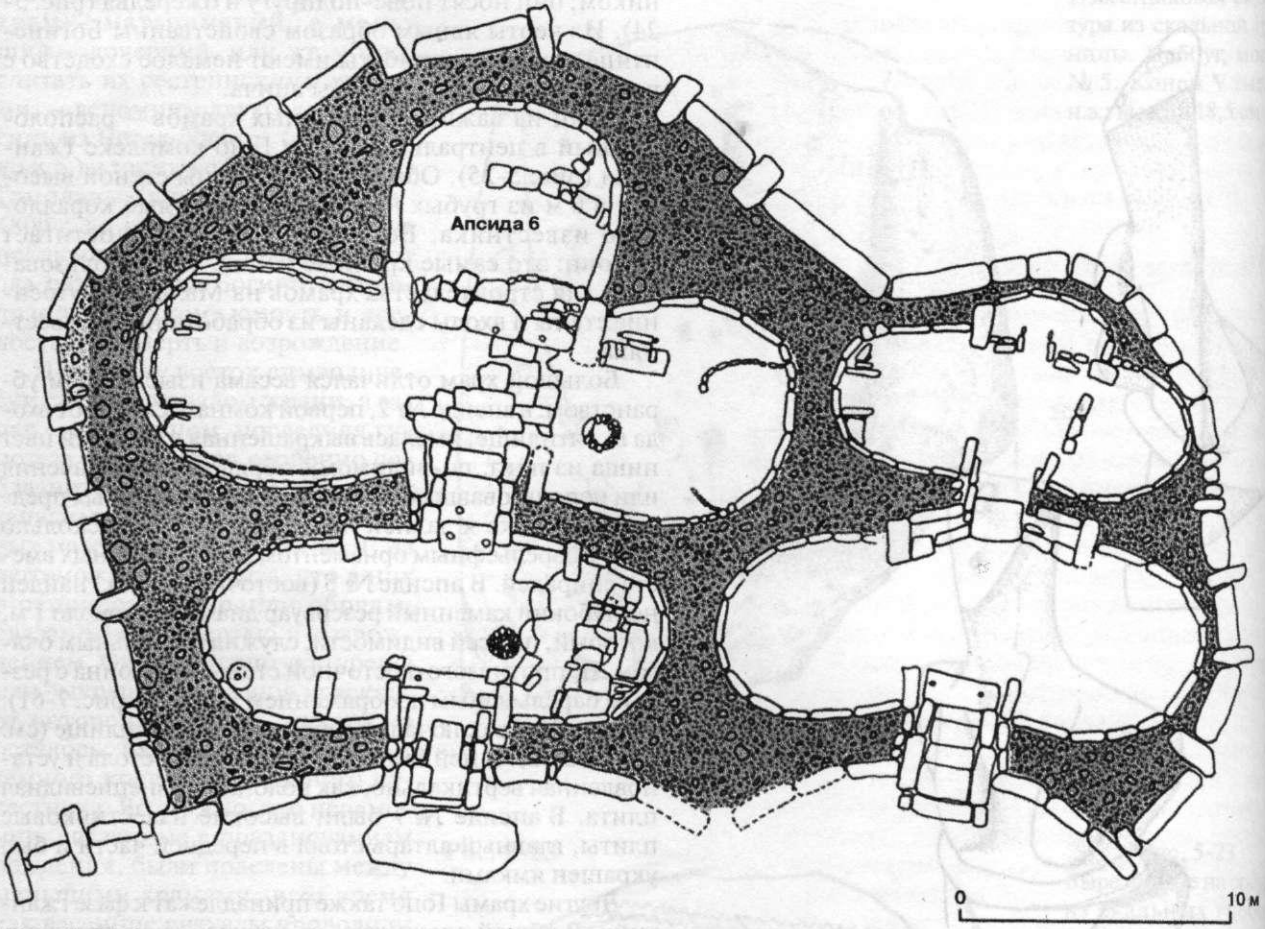


Рис. 5-25.2

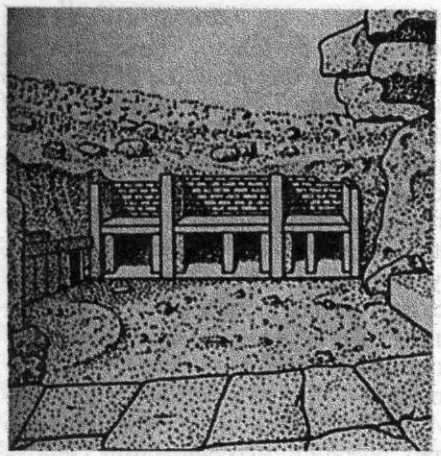


Рис. 5-25
(1) Двойной храм Гжантийя, Гоцо. Первая половина IV тыс. до н. э.
(2) Тройное святилище внутри апсиды 6.

Рис. 5-26

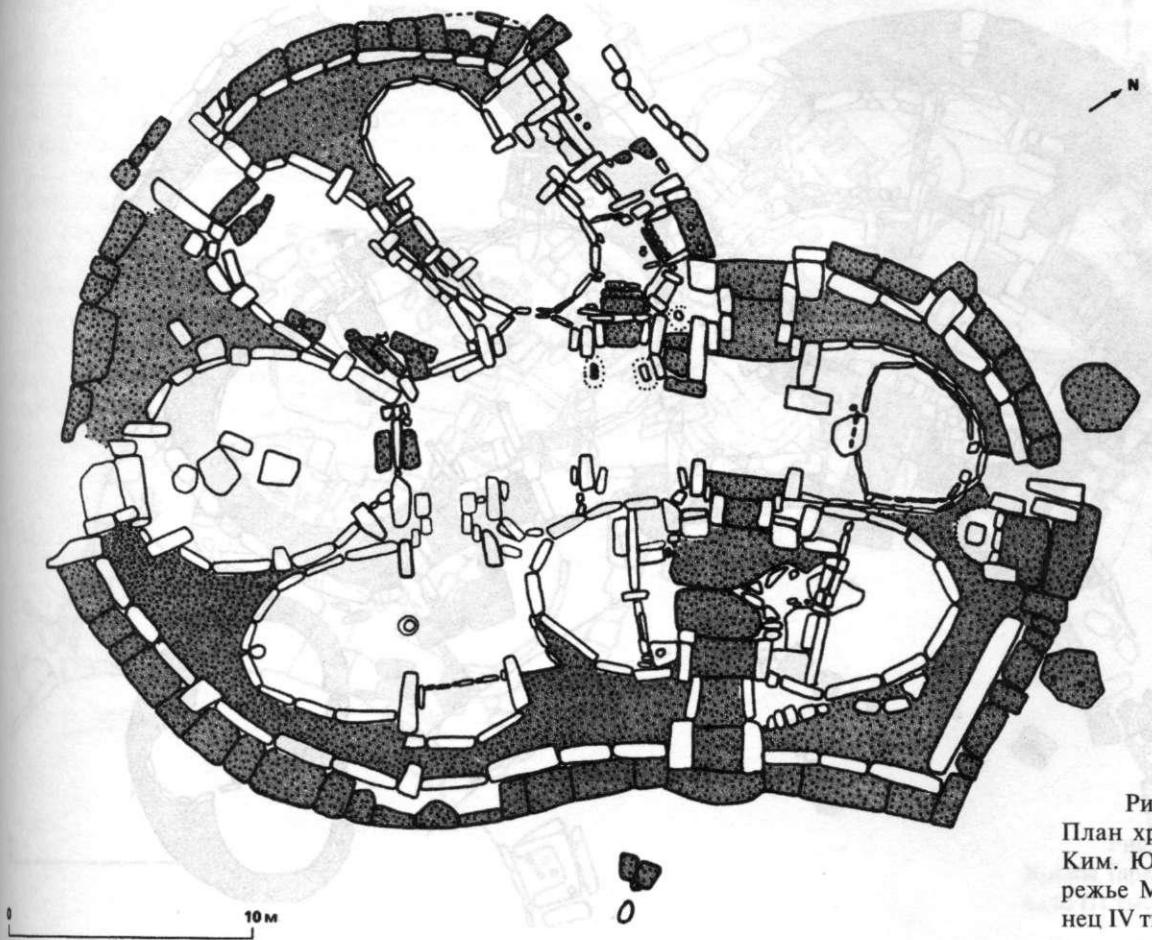


Рис. 5-26
План храма Хагар-Ким. Южное побережье Мальты. Конец IV тыс. до н. э.

вый треугольник – символ возрождения. К северу от этого святилища и от апсиды № 5 вертикально поставлен очень высокий камень, возвышающийся над всеми прочими храмовыми постройками: этот башнеобразный менгир, по-видимому, представляет саму Богиню. В глубине, слева от главного (южного) входа, располагался жертвенник в виде стола, увенчанный сосудом, на его лицевой части – изображение древа жизни, произрастающего из горшка. Поверхность жертвенника была декорирована характерным для мальтийских храмов ямочным узором. Рядом с ним была обнаружена стоячая плита с изображением двойной спирали или «глазкового мотива». В каждой из двух ниш центрального двора находился известняковый алтарь грибовидной формы с вогнутым верхом. Расположенные в этой же центральной части храма две комнаты были оснащены жертвенными столами с канавками и одной каменной колонной. Еще одна колонна располагалась у апсиды комнаты 10 юго-восточного святилища.

Типичный пример двойного храма периода тарксиенны с полукруглым внешним двором из корал-

лового известняка – святилище Мнайдра на южном побережье Мальты в 60 м к морю от стоящего выше храма Хагар-Ким. В наше время оно обращено на восток и юго-восток, хотя скорей всего его изначальная ориентация – юго-восток и юг (рис. 5-27: восточный храм, с очертаниями трилистника, относится к более раннему периоду гжантийя). Эти парные храмы в меньшей мере отличаются друг от друга размерами, нежели прочие мальтийские храмы, однако у западного храма более сложное внутреннее устройство, в нем много ниш, а в главной комнате – остатки твердого торбанитового пола. По обеим сторонам одного из наиболее тщательно отделанных входов стоят камни треугольной и фаллической формы (см. рис. 7-64).

Слева от входа установлен конический каменный фаллос 75 см высотой. А в апсиде № 4 (вторая «восточная») в большом количестве обнаружены странные глиняные предметы и скрученные комки глины, весьма напоминающие человеческий эмбрион. Возможно, что некоторые из отправлявшихся в Мнайдре обрядов были связаны с лечением и деторождени-

Рис. 5-27

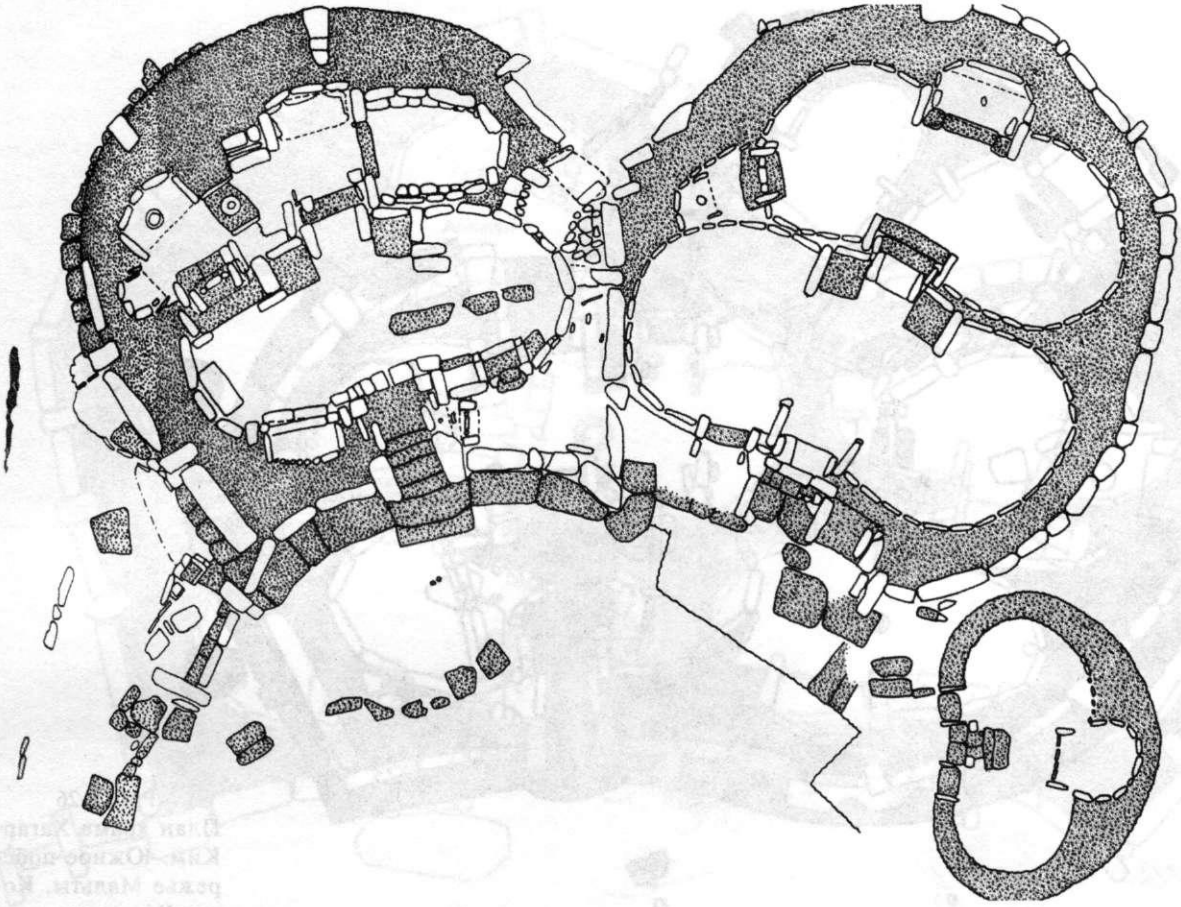


Рис. 5-27
Двойной храм Мнайдра, южное побережье Мальты. Конец IV – начало III тыс. до н. э. Маленький восточный храм с тремя апсидами относится к периоду гжантийя.

Рис. 5-29
Предположительная реконструкция фасада Тарксиенны.

ем: на это указывают статуэтки в позах рожениц (см. рис. 7-64).

Три храма в Тарксиенне (восточная часть Мальты) неподалеку от гипогея Халь-Сафлиени много раз перестраивались, поэтому об их назначении судить трудно. Тарксиенна, как и Гжантийя, имеет просторный центральный двор (рис. 5-28, 5-29). По счастью, тарксиеннские храмы украшает сложный и выразительный символический рисунок. Каменные блоки испещрены рельефно вырезанным спиральным и растительно-спиральным орнаментом. Эти пронизанные энергией знаки связаны с силой растущего растения и змеи, что напоминает о принципе циклического возрождения.

Кроме того, здесь было найдено много керамики, рогов животных, каменных и глиняных резервуаров и алтарей. В первой западной апсиде № 3 на верхней части того, что осталось от тщательно отделанного алтаря, видны следы огня: по-видимому, здесь проводились какие-то церемонии. На одной из его сторон изображены идущие друг за другом баран, свинья и четыре козы (цветная вклейка 19). Баран – священное животное Богини, изображение его загнутых рогов постоянно повторяется в виде змеевидных спиралей на колоннах и плитах всего комплекса. Вторая западная апсида № 5 была заполнена костями и рогами крупного рогатого скота, а также коз или овец. В расположенной между первым и вторым храмом

Рис. 5-28

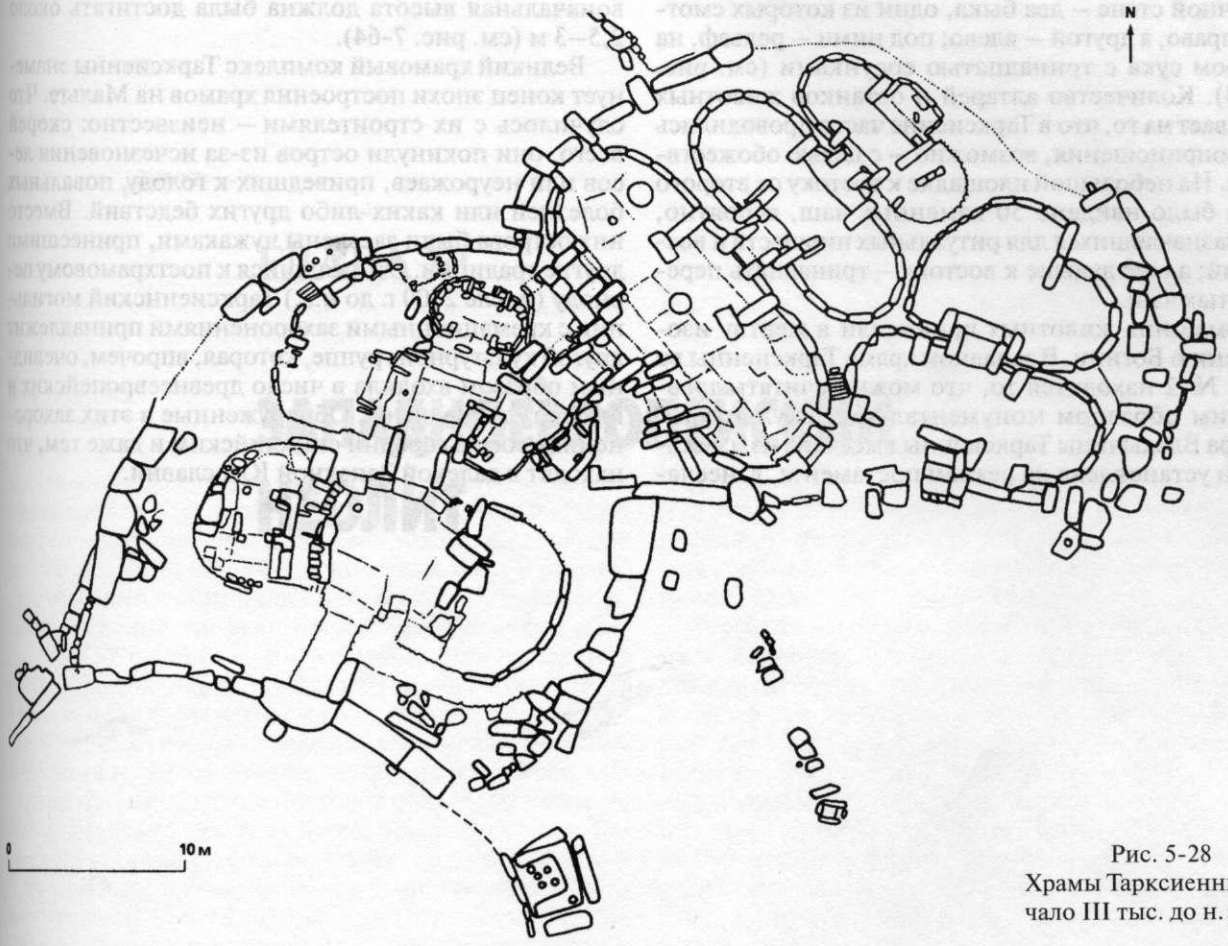
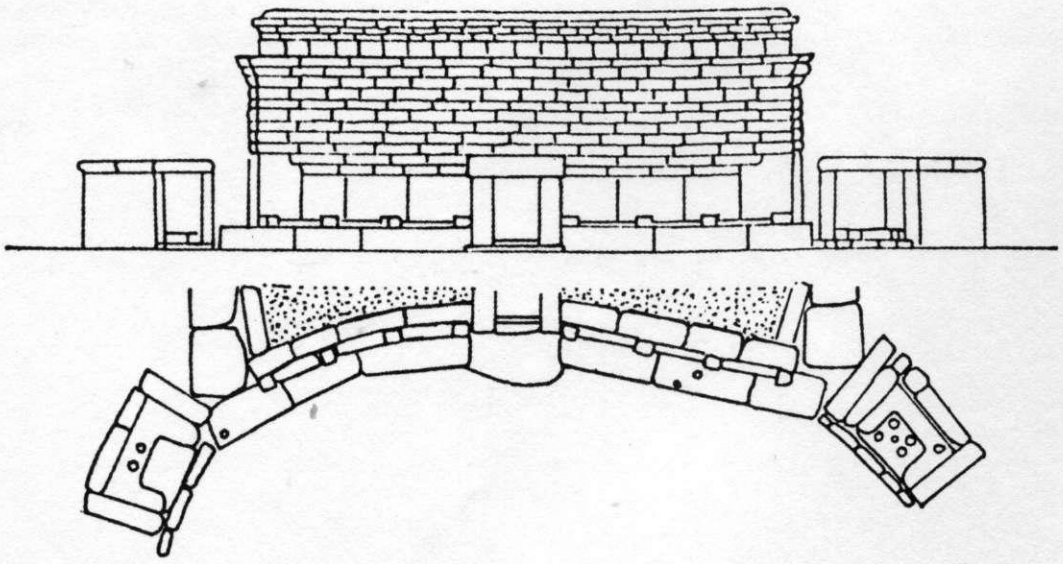


Рис. 5-28
Храмы Тарксиенны. Начало III тыс. до н. э.

Рис. 5-29



комнате № 13 обнаружена куча костей животных. На восточной стене – два быка, один из которых смотрит вправо, а другой – влево; под ними – рельеф, на котором сука с тринадцатью сосунками (см. рис. 7-62.3). Количество алтарей и останков животных указывает на то, что в Тарксиенне часто проводились жертвоприношения, возможно – с целью обожествления. На небольшой площадке к востоку от второго храма было найдено 50 каменных чаш, вероятно, предназначавшихся для ритуальных пиршеств и возлияний; а еще дальше к востоку – тринадцать перевернутых чаш.

Домашних животных приносили в жертву изображению Богини. В западном храме Тарксиенны во дворе № 2 находится то, что можно считать древнейшим образцом монументальной скульптуры. Фигура Владычицы Тарксиенны высечена из известняка и установлена на резном постаменте. К несчастью, ее верхняя часть давно разобрана, хотя ее первоначальная высота должна была достигать около 2,5–3 м (см. рис. 7-64).

Великий храмовый комплекс Тарксиенны знаменует конец эпохи построения храмов на Мальте. Что случилось с их строителями – неизвестно: скорей всего, они покинули остров из-за исчезновения лесов или неурожаев, приведших к голоду, повальных болезней или каких-либо других бедствий. Вместо них острова были заселены чужаками, принесшими другие традиции. Относящийся к постхрамовому периоду (после 2500 г. до н.э.) Тарксиеннский могильник с кремационными захоронениями принадлежит другой культурной группе, которая, впрочем, очевидным образом входила в число древнеевропейских и имела ту же религию. Обнаруженные в этих захоронениях сосуды сродни сицилийским и даже тем, что находят в далекой Западной Югославии.

ГЛАВА VI

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ НЕОЛИТ

Западноевропейский неолит был итогом самостоятельной эволюции туземных эпипалеолитических и мезолитических обитателей Иберии (Португалия и Испания), Франции и Северной Италии (традиций советеррской, тарденуазской и культуры кастельновьен). Однако этот процесс шел не без влияния идей, которые, благодаря мореплаванию и местной торговле, циркулировали по всему западному побережью Средиземноморья и Атлантики. Такие творческие проявления, как керамика и религиозное искусство, в какой-то мере возникли здесь в результате общения с обитавшими по соседству народами. Ни иберийский, ни французский мезолит не был изолирован от прочего мира; в эпоху среднего неолита их сообщение через прибрежную зону становится более интенсивным, о чем говорит характерное для этого периода распространение мегалитов. Побывав в Бретани или Португалии, нетрудно убедиться, что первые мегалитические постройки могли возникнуть благодаря тому, что эти страны богаты камнем. Поскольку сооружения такого типа появляются уже в V тыс. до н.э., есть основания полностью проститься с устаревшей точкой зрения, что импульсом к созданию дольменов и коридорных гробниц послужили египетские пирамиды или критские и восточносредиземноморские гробницы-толосы.

На Британские острова земледелие пришло приблизительно в середине V тыс. до н. э. вместе с переправлявшимися с континента колонистами: не исключено, что первоначально они прибывали из Центральной Европы позднего периода культуры линейно-ленточной керамики, поскольку возводимые на островах длинные курганы и «лагеря с вымостками» имеют близкие аналоги в Центральной Европе. Затем, в IV тыс. до н. э., сюда либо из Бретани, либо из Иберии прибыли строители коридорных гробниц, принеся с собой свои религиозные обычаи. Ко второй половине VI тыс. до н. э. в Ирландии и Англии существовало несколько отличных друг от друга традиций возведения гробниц, в основе которых очевидным образом лежала единая система верований.

Хотя от западноевропейского неолита не осталось ни моделей святилищ и предметов культового назначения, ни тысяч глиняных статуэток и расписных сосудов, как это было характерно для Юго-Восточной Европы, до нас дошли почти не поддающиеся разрушению каменные и земляные сооружения, по-видимому, связанные со сложной системой погребальных обрядов. Эти великолепные монументы, порой имевшие внешний двор и украшенные резными символами, служили не только хранилищами костей, но и святилищами. Здесь для совершения обрядов собиралась вся община. Мегалитические гробницы, в которых практиковались коллективные захоронения, и гигантские огороженные территории свидетельствуют о том, сколь тесна была связь родовых групп с землей предков и с самими предками. Они – главные символы неолитической общины.

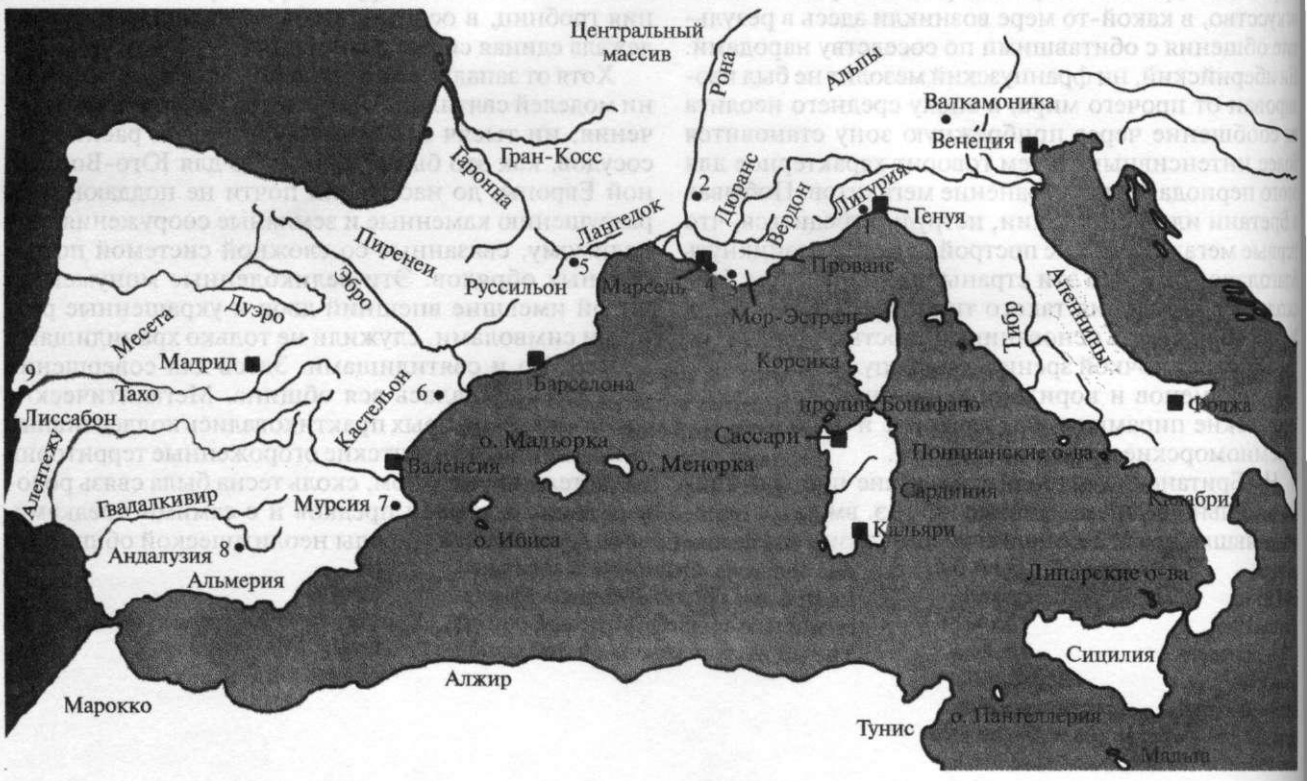
Ранний неолит Западного Средиземноморья

За последние десятилетия представление о том, как происходила неолитизация западных районов Средиземноморья от Северной Италии до Испании и Португалии (рис. 6-1), претерпело существенные изменения. Ранее считалось, что первоначальный импульс шел из Восточного Средиземноморья, однако на данный момент очевидно, что, по сравнению с восточными, в западных областях неолит появился с небольшим отставанием.

Аккультурация мезолитического населения

На протяжении более полувека одним из важнейших признаков неолитического уклада считалось появление керамики, украшенной отпечатками раковин, которая известна под именами кардиал и импрессо. Однако имеющиеся сведения о разведении скота, изготовлении каменных орудий и украшений заставляют предположить, что неолитизация интересующего нас региона происходила не за счет прихода восточных овцеводов и производителей керамики, но благодаря адаптации туземного мезолитического на-

Рис. 6-1



1. Арене-Кандиде
2. Ле-Баратен
3. Мыс Раньон и о. Риу
4. Шатонеф-ле-Мартиг
5. Газель
6. Кова-Фоска
7. Кова-дель-Ор
8. Мурсьелагос-де-Суэрос
9. Мойта

Рис. 6-1
Карта Западного Средиземноморья с обозначением основных ранненеолитических поселений.

селения. С археологической точки зрения, здесь не заметно ни малейшего культурного разрыва между позднепалеолитическим, мезолитическим и раннеолитическим кремневым производством. Например, в газельской пещере (Саллель-Кабард, департамент Од, Юго-Западная Франция) под первым керамическим слоем был найден слой, который по имеющимся там орудиям идентифицирован как мезолитический; люди той эпохи, по-видимому, разводили коз и овец[1]. Овечьи кости также обнаружены в мезолитических отложениях в Шатонеф-ле-Мартиг к северо-западу от Марселя, а также в Мойте (Муга, Португалия). Между мезолитическими орудиями и теми, что современны керамике кардиал, разница очень невелика; то же самое можно сказать и об орнаментах. К примеру, каменные браслеты встречаются как в мезолитическом, так и в неолитическом контексте[2].

Хронология и культурная последовательность

Радиоуглеродные датировки, полученные по меньшей мере из трех мест в окрестностях Марселя (Прованс), говорят о том, что неолитический уклад начал развиваться здесь приблизительно в середине VII тыс. до н.э. или даже несколько ранее. Образцы были взяты в пещере на мысе Раньон, на стоянке на острове Риу в Марсельском заливе, а также в пещере Шатонеф-ле-Мартиг, расположенной к северо-западу от Марселя. Самые нижние радиоуглеродные датировки этих стратифицированных поселений выглядят следующим образом: мыс Раньон (MC500A) 7970 ± 150 до н.в., остров Риу (MC440) 7600 ± 150 до н.в., Шатонеф (кельнская дата) 7420 ± 240 до н.в. (Табл. 18). После корректировки эти даты соответствуют приблизительно середине VII тыс. до н.э. В этих поселениях еще продолжал существовать мезолитический уклад, преимущественно основанный на ловле рыбы и моллюсков, хотя здесь уже появились овцы и керамика кардиал[3].

Процесс окультуривания мезолитического населения и восприятия неолитических идей был, по-видимому, характерен и для пиренейской области. Здесь неолитические артефакты появляются постепенно и поодиночке, а не сразу, как это должно было случиться, если бы они были разом принесены тем или иным народом[4].

Раскопки Кова-Фоски в Кастельоне (восточное побережье Испании), проведенные в 1970-х гг. К.Олария и Ф. Гузи, показали, что переход от собирательства к производящему хозяйству начался даже раньше и растянулся на долгое время[5]. Нижние слои стратифицированных отложений этой пещеры относятся к докерамическому периоду: по типу каменного инвентаря это мезолит, однако здесь уже есть овцы, причем, надо полагать, одомашненные. Две радиоуглеродные датировки (9460 ± 160 до н. в. и 8880 ± 200 до н. в.) указывают на VIII тыс. до н. э. Олария называет этот период «мезонеолитическим», поскольку в нем сочетались черты обоих укладов: это ясно свидетельствует о том, что между ними не было разрыва. Здешние жители, не отказываясь от охоты и собирательства, сами начали осуществлять экономические преобразования.

Следующий период представлен стратиграфией Кова-Фоски (слои II и I); он датируется периодом ок. 6500–6000 гг. до н. э. (Табл. 18, слева). Была известна керамика: в основном это глубокие чаши яйцевидной формы без оттисков раковин (как это обычно бывает в случае ранней керамики), но с прорезями, желобками или с ленточным узором. Именно в этот период пещера превратилась в место постоянного обитания – на это указывают остатки пола. Жившие здесь люди выращивали зерно и разводили овец, коз и свиней.

Раскопанное в 1955 и 1958 гг. стратифицированное поселение Кова-дель-Ор в Беньяресе, Аликанте (Юго-Восточная Испания) отстоит от Кова-Фоски примерно на 500 лет[6]. Полученные здесь пять радиоуглеродных датировок указывают на вторую половину VI тыс. до н. э. (Табл. 18, сверху справа). Тут были найдены эммер, легко обмолачиваемый ячмень, мягкая пшеница и пшеница-однозернянка[7]; что касается домашних животных, то они представлены овцами, козами, свиньями и собаками. Для самых нижних уровней характерны глубокие горшки с оттисками раковин кардиум, украшенные волнистыми линиями и шевронами. На других уровнях к этим типам добавляется керамика с процарапанным и лепным узором. Верхний уровень к тому же содержит средненеолитические горшки с квадратным горлом.

Дальнейшее культурное развитие представляет стратифицированная пещера Мурсьелагос в Суэросе (провинция Кордова). Ее хронологию проясняют двенадцать радиоуглеродных датировок, которые располагаются между 6250 ± 35 и 5930 ± 130 до н. в. С учетом корректировки это конец VI – начало V тыс. до н.э. (Табл. 18, вверху слева). В этом поселении присутствовал полный набор домашних животных: овцы, козы, крупный рогатый скот, свиньи и собаки. В слое IV была найдена заполненная зерном яма. Кроме того, в пищевой рацион входили желуди. Сразу в трех слоях были обнаружены необычайно красивые чаши с красным ангобом. Другие сосуды имели ручки и были украшены резными узорами и вертикальными полосами. Среди украшений попадаются каменные браслеты, порой весьма тонкой работы, декорированные 1–4 резными концентрическими кругами, заполненными охрой[8].

В поселении Абриго-де-Вердельпино в Куэнке, Месета (Центральная Испания), нижний слой, содержащий керамику, дает неожиданную датировку – 7950 ± 150 до н.в., т.е. период до середины VII тыс.

до н.э. Это простая, лишенная украшений керамика. Что касается находящихся в этом слое каменных изделий, то они, по-видимому, относятся к эпохе мадлен, последней в верхнепалеолитической традиции[9]. В целом эта датировка вызывает сомнения, она должна быть подтверждена аналогичными находками в других поселениях. Верхние слои Вердельпино относятся к значительно более позднему периоду, отстоящему от приведенной даты на несколько тысячелетий.

В прибрежных районах Португалии хозяйственный уклад, связанный с использованием морских и пресноводных ресурсов, был характерен не только для эпохи мезолита, но и для VII–VI тыс. до н.э. Приблизительно в середине VI тыс. до н.э. керамика кардиал достигла Центральной Португалии, и, судя по материалам ряда стратифицированных пещер, период эпикардиал (поздней керамики кардиал) был здесь весьма продолжительным[10].

До сих пор мы говорили лишь о стратифицированных пещерных поселениях, в которых хорошо прослеживается последовательность культурного развития от мезолита к «мезонеолиту» и неолиту. У нас есть данные о существовании ряда стоянок, однако их размеры, планировка и архитектура пока мало известны. В некоторых из них были круглые постройки с вымощенным галькой полом и очагами, а также керамика кардиал. К сожалению, в результате повышения уровня моря многие поселения оказались под водой[11]. Самые древние (из известных нам) располагались на острове Корреж (6772 до н.в.) и в Ле-Баратене, департамент Воклюз (6600 до н.в., т.е. начало – середина VI тыс. до н.э.). Судя по тем данным, которыми мы располагаем, от формирования мезонеолитического уклада до появления первых более или менее крупных земледельческих поселений прошло не менее тысячи лет: это позволяет предположить, что здесь имело место постепенное культурное развитие туземного мезолитического населения.

Убедившись, сколь долгим было движение от эпипалеолита к неолиту, мы получаем возможность пересмотреть хронологию левантийского наскального искусства Юго-Восточной Испании от Каталонии до Мурсии. Его точные временные рамки не установлены. Но теперь мы можем соотнести этот так называемый «стилизованный динамический» стиль, в котором преобладают изображения животных – крупного рогатого скота, маралов, ланей, козерогов и кабанов – и сцены охоты, с мезолитом и мезонеолитом[12] (рис. 6-2). А вот следующий этап, для которого характерен схематичный стиль с сильным уклоном в символизм, следует относить к неолиту (рис. 6-3). В

Рис. 6-2

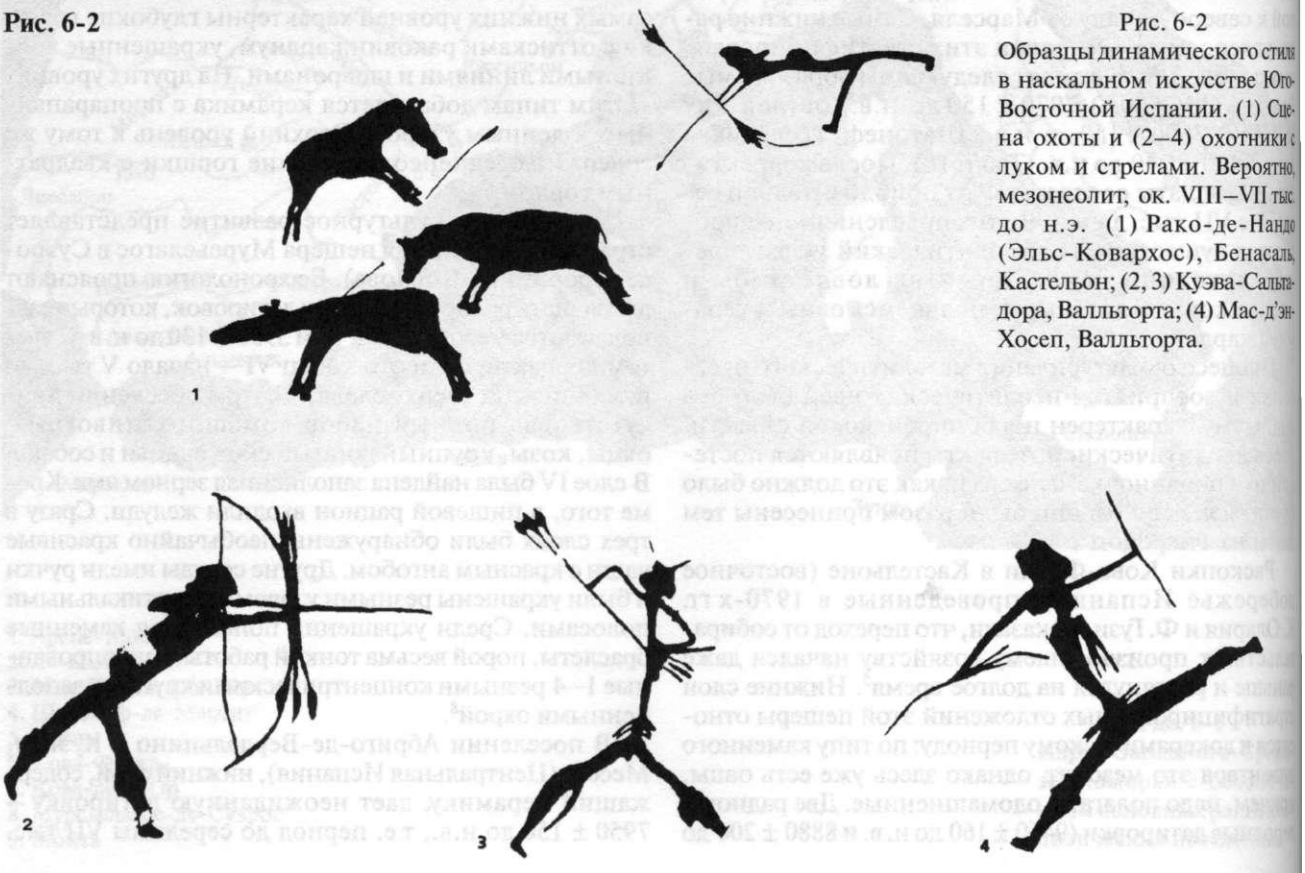


Рис. 6-2
Образцы динамического стиля в наскальном искусстве Юго-Восточной Испании. (1) Сцена охоты и (2–4) охотники с луком и стрелами. Вероятно, мезонеолит, ок. VIII–VII тыс. до н.э. (1) Рако-де-Нандо (Эльс-Ковархос), Бенасаль, Кастельон; (2, 3) Куэва-Сальтадора, Валльторта; (4) Мас-д'эн-Хосеп, Валльторта.

наше время схематическая живопись хорошо известна по неолитическому пещерному поселению Каригуэла-дель-Пиньяр (Гранада)[13].

Типология керамики

Для определения хронологии раннего неолита Западного Средиземноморья наиболее важна керамика, поскольку ее формы и стиль изменялись быстрей, нежели каменные орудия. Самая древняя керамика из найденных в Кова-Фоске датируется второй половиной VII тыс. до н.э. Сосуды яйцевидной формы не украшены оттисками раковин. В VI тыс. до н.э. уже окончательно сформировалось земледельческое общество: ему соответствует керамика кардиал и эпикардиал (поздняя кардиал) (рис. 6-4). Стратиграфический анализ пещерных поселений Южной Франции и Восточной Испании показал, что постепенный процесс эволюции шел на протяжении большей части VI тыс. до н.э. Однако необходимо отметить, что кардиал и эпикардиал – это керамика, украшенная не только оттисками раковин, но и накладными лентами, каннелюрами, точками, прорезями и бусинами, а также другими орнаментами. Археологи выделяют три этапа:

1. Древний – первая половина VI тыс. до н.э.: в основном преобладают оттиски раковин кардиум, однако используются и налепные украшения;

2. Средний – середина VI тыс. до н.э.: количество керамики, декорированной оттисками раковин, уменьшается; горшки украшают нарезным орнаментом, каннелюрами, лепными и вдавленными лентами, пунктирным и точечным узорами; в основном преобладает шаровидная форма, но появляются и сосуды с горлом;

3. Поздний – конец VI тыс. до н.э.: оттиски раковин встречаются все реже; типичный вид декора – сочетание вертикальных и горизонтальных лент в обрамлении оттисков раковин; часто используется белая инкрустация, и по-прежнему преобладают шаровидные формы. Попадаются и сосуды с горлом, напоминающие североитальянский тип фьорано. На следующем этапе, который принято связывать с переходом к среднему неолиту, орнамент полностью исчезает[14] (рис. 6-5А). Эта керамика без украшений и с характерными вертикально просверленными ручками называется монтболо; она распространена в средиземноморских Пиренеях и в Каталонии: очевидно, что она представляет собой связующее звено меж-

Рис. 6-3

Рис. 6-3

Ритуальная сцена с группами пляшущих женщин и мужчин. Слева – изображение, напоминающее гигантский фаллос. «Барранко» де Лос-Грахос, Сьеса, Мурсия, Юго-Восточная Испания. Предположительно ранний неолит, VI тыс. до н. э.

Рис. 6-4

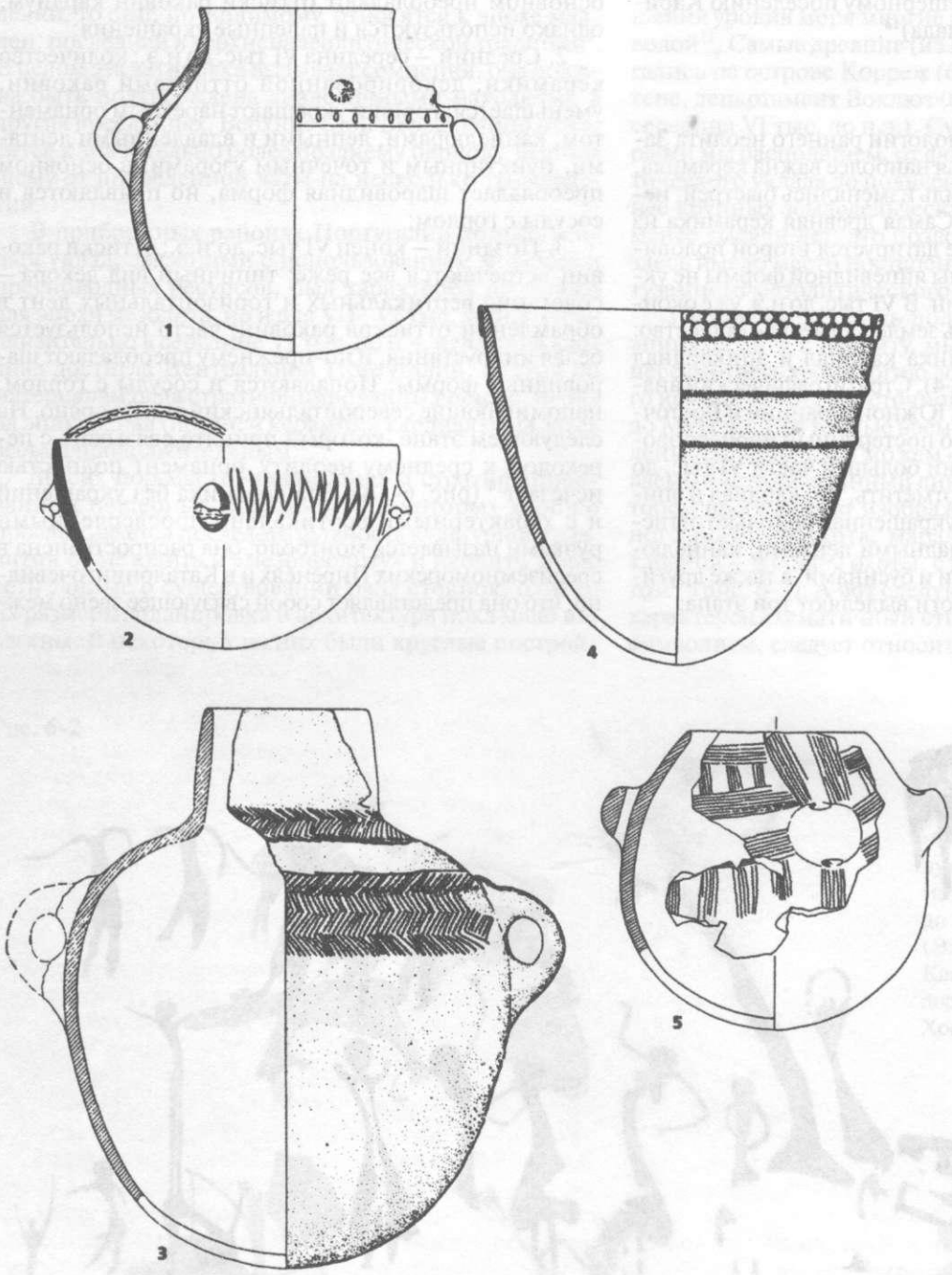


Рис. 6-4

Типы керамики периода кардиал (импрессо) уже вполне земледельческого сообщества, VI тыс. до н. э., Прованс, Южная Франция. (1, 2, 3) Бом-Фонтбрегуа (Салерн, Вар); (4, 5) Шатонеф-ле-Мартиг, Буш-дю-Рон.

Рис. 6-5А

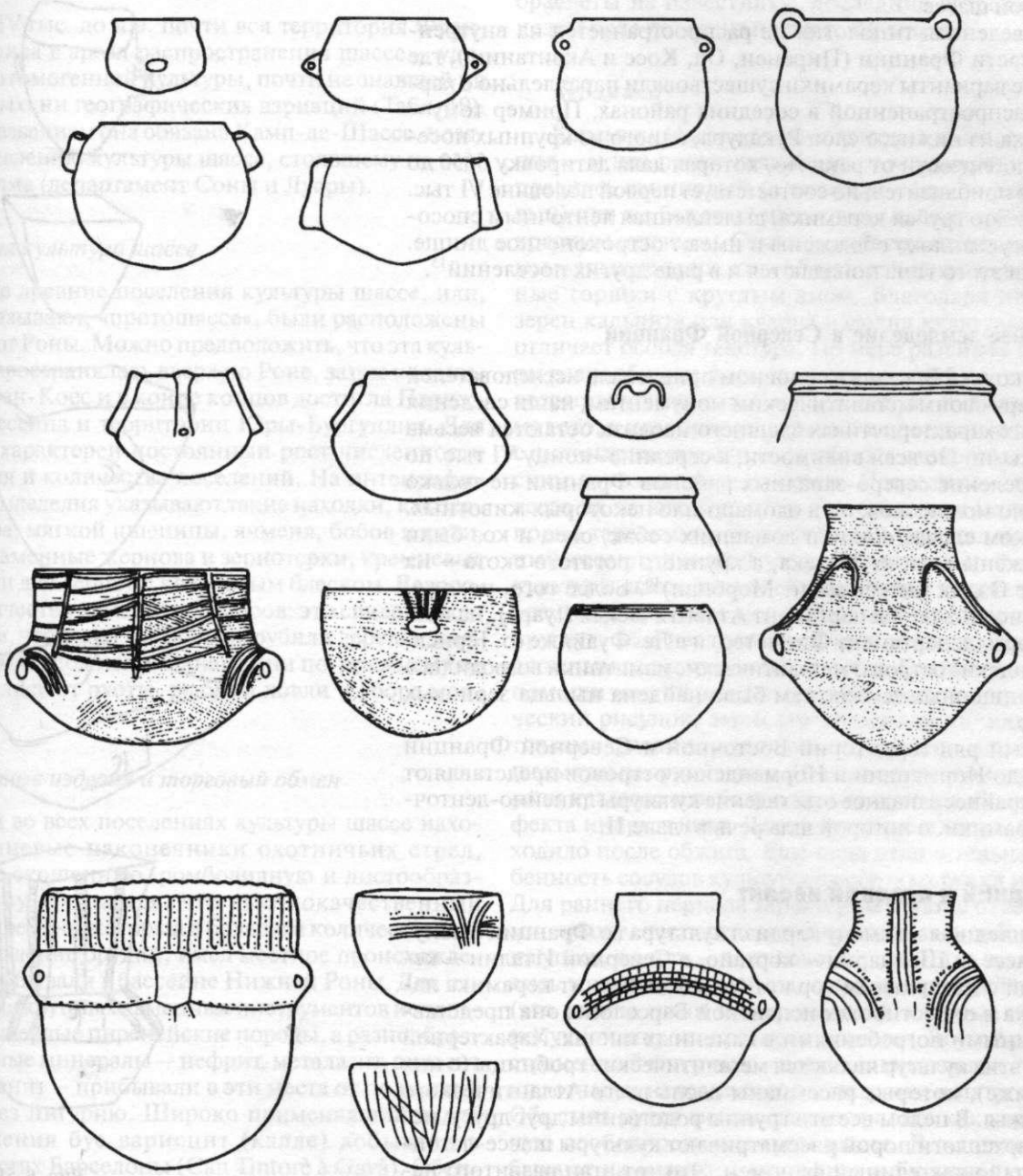


Рис. 6-5А

Последовательность керамики от неолитической стадии эпикардиал (1, 2) к ранним этапам среднего неолита и (3) фазе монтболо. Каталония, Северо-Восточная Испания, конец VI – начало V тыс. до н.э. (1) Образцы керамики из пещер Рекло-Вивьер, Эль-Толль, Дес-Льядрес и стоянки Пуиг-Маскаро; (2) пещера Пенедрес и Эль-Толль; (3) Монтболо.

ду неолитической керамикой кардиал и средненеолитической культурой шассе.

Приведенная типология не распространяется на внутренние области Франции (Пиренеи, Од, Косс и Аквитанию), где местные варианты керамики существовали параллельно с кардиал, распространенной в соседних районах. Пример тому – керамика из нижнего слоя Рукадура, одного из крупных поселений поблизости от реки Ло, которая дала датировку 6650 до н.в. (что приблизительно соответствует первой половине VI тыс. до н.э.). Это грубая керамика, вылепленная ленточным способом; сосуды плохо обожжены и имеют остроконечное днище. Изделия этого типа попадаются и в ряде других поселений[15].

Раннее земледелие в Северной Франции

Поскольку Бретань в основном привлекала исследователей благодаря своим мегалитическим монументам, наши сведения о прочих характеристиках здешнего неолита остаются весьма неполными. По всей видимости, к середине–концу VI тыс. до н.э. население северо-западных районов Франции не только собирало моллюсков, но и одомашнило некоторых животных. Во всяком случае останки домашних собак, овец и коз были обнаружены в слоях Тевьека, а крупного рогатого скота – на острове Оэдик (департамент Морбиан)[16]. Более того, похоже, что в Диссиньяке (департамент Атлантическая Луара), на острове Карн (департамент Финистер) и в Ле-Фуайяже (о. Гернси, Нормандские острова) мегалитические памятники возводились на расчищенных землях: там была найдена пыльца зерновых культур.

Целый ряд территорий Восточной и Северной Франции вплоть до Нормандии и Нормандских островов представляют собой крайнее западное ответвление культуры линейно-ленточной керамики, о которой шла речь в главе II.

Средний и поздний неолит

Пришедшая на смену кардиал культура во Франции именуется шассе, в Швецарии – кортайо, в Северной Италии – керамикой с квадратным горлом (ее затем сменит керамика лагоцца), а в окрестностях испанской Барселоны она представлена ямными погребениями в каменных цистах. Характерной чертой этих культур являются мегалитические гробницы (о них речь ниже), которые рассыпаны вдоль всего Атлантического побережья. В целом все эти группы родственны друг другу: недаром археологи порой рассматривают культуры шассе-лагоцца-кортайо как единый феномен. Это тот этап развитого неолита, когда жизнь людей становится все более оседлой и все более зависимой от выращивания плодов, а их керамическая и каменная индустрия достигает достаточно высокого технологического уровня.

Лучше всего последовательную смену культур можно проследить по ряду стратифицированных отложений в пещерах, где имеются остатки керамики кардиал, эпикардиал, изделий ранней и развитой культуры шассе (Франция) или керамики с квадратным горлом и лагоцца (Италия) (рис. 6-5В). Согласно радиоуглеродным датировкам, это V – начало IV тыс. до н.э. (Табл. 19, 20).

Рис. 6-5В

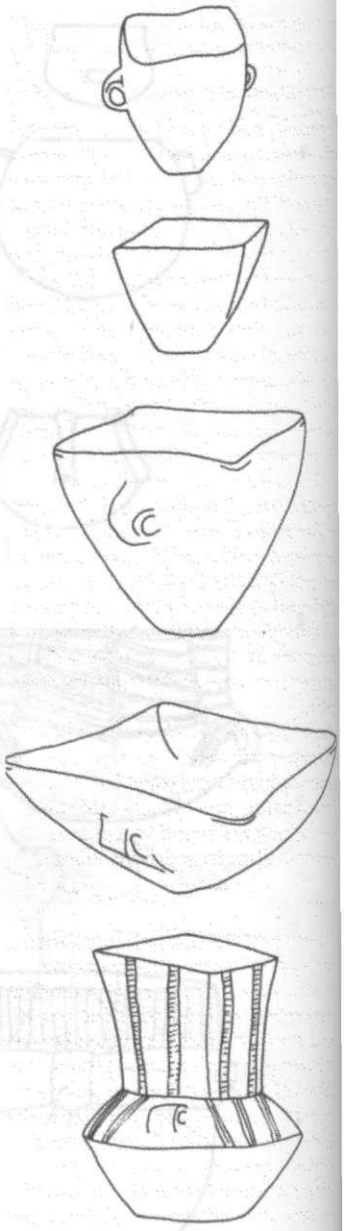


Рис. 6-5В
В Лигурии и в Южной Франции поверх слоев с керамикой эпикардиал лежали слои средненеолитической культуры с характерными горшками с квадратным горлом. Приводимые здесь образцы найдены в стратифицированной пещере Арене-Кандиде, Лигурия. Конец V – начало IV тыс. до н.э.

Культура шассе во Франции

В V–IV тыс. до н.э. почти вся территория Франции входила в ареал распространения шассе – удивительно гомогенной культуры, почти не знавшей ни временных, ни географических вариаций (Табл. 19). Своим названием она обязана Камп-де-Шассе, позднему поселению культуры шассе, стоявшему на вершине холма (департамент Соны и Луары).

Ранняя культура шассе

Самые древние поселения культуры шассе, или, как их называют, «протошассе», были расположены к западу от Роны. Можно предположить, что эта культура распространялась вверх по Роне, затем колонизовала Гран-Косс и в конце концов достигла Парижского бассейна и территории Юры-Бургундии. Для нее был характерен постоянный рост численности населения и количества поселений. На интенсификацию земледелия указывают такие находки, как зерна эммера, мягкой пшеницы, ячменя, бобов и вики, а также каменные жернова и зернотерки, кремневые вкладыши для серпов с кварцевым блеском. Возросло и количество каменных топоров: это свидетельствует о том, что люди все больше рубили деревья, расчищая землю под поля. Однако они по-прежнему не отказывались от охоты, рыбной ловли и сбора моллюсков.

Каменные изделия и торговый обмен

Почти во всех поселениях культуры шассе находят кремневые наконечники охотничьих стрел, имеющие скошенную, ромбовидную и листообразную форму. Считается, что высококачественный светлый кремень, который в большом количестве шел на изготовление орудий, имел местное происхождение: его добывали в бассейне Нижней Роны. Для изготовления крупных каменных инструментов использовались твердые пиренейские породы, а разнообразные цветные минералы – нефрит, металазит, эклозит и пироксенит – прибывали в эти места от подножий Альп через Лигурию. Широко применявшийся для изготовления бус варисцит (калле) добывали в окрестностях Барселоны (Can Tintorè à Gavà). Обсидиан поступал с Монте-Арчи (Сардиния) и из Липари[17]. Раскопки в Плюссюльене (центральная часть Бретани), где расположено месторождение долерита, из которого изготавливали каменные топоры, показали, что на протяжении всего IV тыс. до н.э. здесь велась планомерная добыча камня. Долеритовые топоры зафиксированы почти по всей Франции, а также в Юго-Западной Британии.

Помимо обсидиановых инструментов и каменных топоров носители культуры шассе умели искусно вырезать и отшлифовывать каменные шарики (по всей видимости, ритуального назначения) и делать браслеты из известняка: последние встречаются в целом ряде поселений на юге Франции.

Керамика

Керамику шассе отличает высокое качество лощения – у нее почти глянцевая поверхность – и, как правило, свинцовый (с уклоном в темно-коричневый) или же бежевый цвет с желтым или кирпично-красным оттенком. Самые распространенные ее формы – низкие чаши, килеобразные чаши и мешковидные горшки с круглым дном. Благодаря примеси зерен кальцита или кварца изделия культуры шассе отличает особая текстура. По мере развития культуры разнообразие форм и декора изделий продолжало возрастать: у них появились «плечики» и «кили»; кроме того, к ним присоединились шаровидные горшки с цилиндрическим горлом и блюда с широким и плоским горизонтальным краем. Последние – больше всего их на юге Франции – напоминали мелкие суповые тарелки; их широкий край украшал прекрасный геометрический узор. Отличительной чертой культуры шассе также являлись полые подставки для сосудов с круглым дном. Они, как правило, имели круглую или квадратную форму и были украшены сложным геометрическим узором. Его наносили при помощи тонкой резьбы: сперва наносился геометрический рисунок, затем его заполняли линиями или точками, рядами треугольников, зигзагов, ромбов или шахматным орнаментом. Иногда в нарезной узор втирали красную или белую краску, чтобы добиться эффекта инкрустации. Декорирование изделия происходило после обжига. Еще одна отличительная особенность сосудов культуры шассе – их ручки и ушки. Для раннего периода характерны ушки с отверстиями, причем часть отверстия приходилась собственно на ушко, а часть – на тулово сосуда. Тогда же появились и ручки, формой напоминавшие флейту Пана (это имя за ними и закрепилось), которые позднее получили широкое распространение. Другой распространенный тип ручек – вертикальные полые трубочки, отчасти напоминающие патроны в патронташе. Оба типа ручек можно рассматривать как характерную особенность культуры шассе. В основном они бывают на «манжетных» чашах и бутылях, которые встречаются на поздних стадиях данной культуры (рис. 6-6).

Поселения и жилища

Стоянки располагались у лагун, у высохших болот или на террасах и сильно отличались друг от друга своими размерами. Одни занимали от 4 до 5 га, другие – территорию в 20 или даже в 30 га. Среди самых крупных из раскопанных стоянок – Сен-Мишельдю-Туш, которая располагалась на реке Гаронна, не-

Рис. 6-6

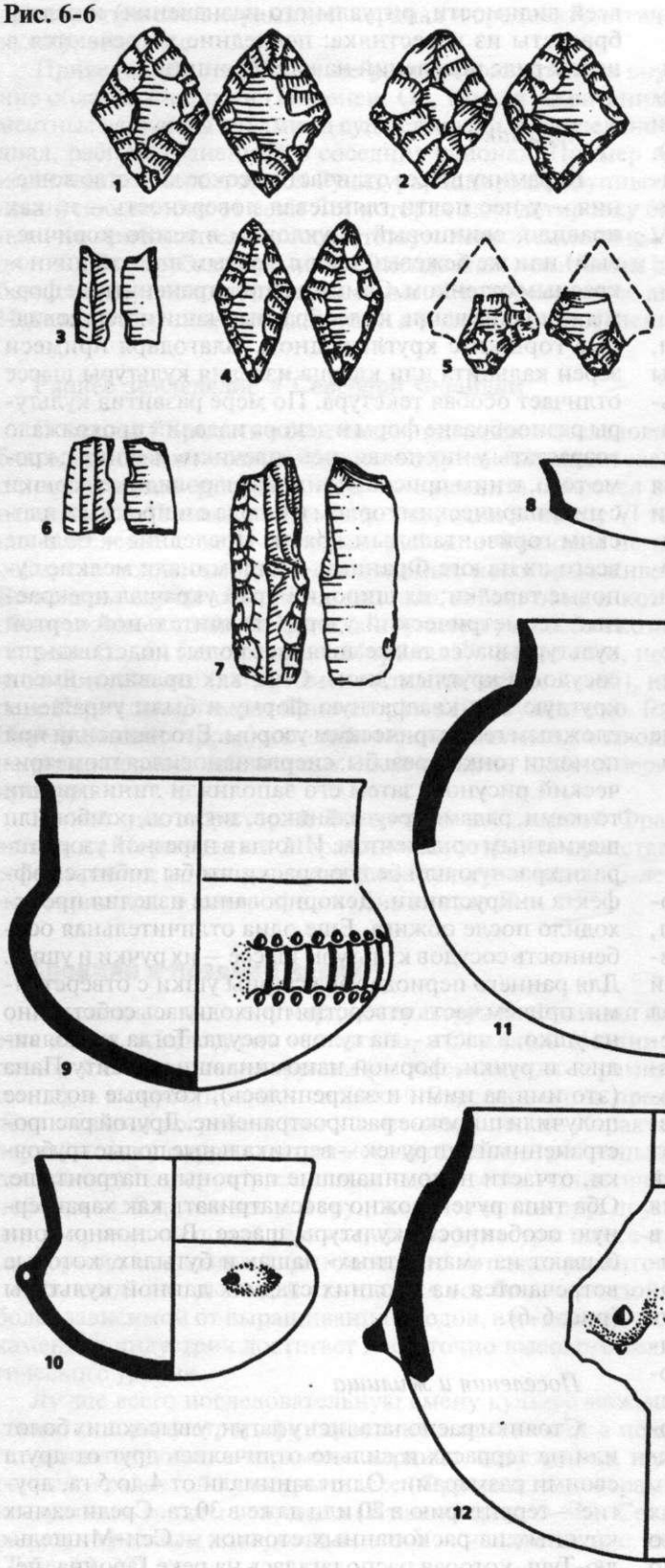


Рис. 6-6
Артефакты культуры шасс
Южная Франция. (1–7) Нак
нечники стрел и буры, (8-
12) цилиндрические конич
ские сосуды с (9) ручками
виде «флейты Пана», (10, 1
перфорированными ушкам
Пещера G, очаг 7, Бодина
(Вар), район г. Марсель.

подалеку от Тулузы. Ее прямоугольные постройки имели приблизительно 12 м в длину и 2,5 м в ширину; их полы были вымощены булыжником. В Сен-Мишель-дю-Туш удалось найти более 300 полов жилищ, относящихся к разным эпохам существования поселения (радиоуглеродные датировки указывают на то, что длилось оно приблизительно тысячелетие, 5500–4500 до н.в.: см. Табл. 19). Стены, скорей всего, были глинобитными или обмазанными глиной[18]. Кроме того, там были найдены две ограды, отделявшие поселок от края мыса, на котором он расположен; они отстояли друг от друга на 50 м. Судя по его размерам, не исключено, что это было что-то вроде центра области. В ряде других поселений также зафиксированы небольшие полуземлянки.

Дома с мощеными полами строили и в эпоху позднего неолита. Поселок из 9 таких домов был раскопан в Дорио, Фелин-Минервуа (Южная Франция): он принадлежит к культурной группе феррьер, охватывавшей департаменты Эро, Гар и Ардеш. Это были небольшие прямоугольные постройки размером 5 на 2,4 м – 5,8 на 2,8 м с массивными опорными столбами по углам[19].

Погребения в каменных цистах

Ямные погребения в каменных цистах (*sepulcros de fosa*) датируются IV – началом III тыс. до н.э.: их много в окрестностях Барселоны (провинция Каталония). Среди сделанных там находок следует выделить неорнаментированные горшки и чаши, порой с трубчатыми ручками и ручками-пуговицами. Своими формами они напоминают керамику групп шассе и лагоцца. Обычный погребальный инвентарь – бусы из кости и раковин, нуклеусы из кремня и обсидиана, полированные топоры и трапециевидные наконечники стрел.

На юге Франции покойников хоронили в скорченной или в вытянутой позе в ямах овальной формы, которые внутри могли быть облицованы булыжником. Погребальный инвентарь был скудным: по большей части сосуды и предметы, имевшие символическую значимость. В Сен-Мишель-дю-Туш в одной женской могиле были обнаружены 4 челюсти ежей, а рядом с ними – сосуд, в котором лежала крохотная чашка. В другой могиле был найден просверленный резец кабана.

В слоях шассе встречается мало глиняных статуэток или более крупных скульптур, в особенности если сравнивать с Юго-Восточной Европой, где они исчисляются сотнями. Возможно, что в здешней традиции статуэтки были деревянными, поэтому до нас просто ничего не дошло. Однако в этих местах иногда встречаются довольно крупные каменные скульптуры. Один из самых впечатляющих образцов датируется приблизительно 4000 г. до н.э., имеет 50 см в высоту и выполнен из аркоза, местного камня из Каденак-ле-О, провинция Ло. У статуи большая грудь, над которой вырезан знак в виде «V», круглые глаза и рот и огромные трехпалые руки. Эти черты позволяют идентифицировать ее как изображение Богини-птицы, дарительницы жизни, кормилицы и источника возрождения (воспроизведение данного артефакта см. в моей книге «Язык Богини» (1989), рис. 50). Судя по этим примечательным скульптурам, по вырезанным на сосудах символам и известняковым, условным антропоморфным статуэткам, культуре шассе была свойственна та же система религиозной символики, что и большей части Древней Европы. И хотя культура шассе относится к домегалитическому периоду, такая скульптура, как Богиня из Каденак-ле-О, имеет близкое сходство с более поздними каменными статуями, которые около 3000 г. до н.э. встали у входов в мегалитические гробницы Южной Франции.

Приозерные поселения Северной Италии и Швейцарии: культура керамики с квадратным горлом и кортайо

Керамика с квадратным горлом и лагоцца в поселениях на реке По

Поблизости от реки По было обнаружено и раскопано несколько приозерных поселений. Одно из самых древних – Молино-Казаротто в окрестностях Виченцы (Венето) – восходит к эпохе керамики с квадратным горлом и датируется периодом до и около середины V тыс. до н.э.[20] (Табл. 20, внизу слева). Во время раскопок там были найдены деревянные платформы с установленными на них очагами. Его обитатели охотились на маралов и кабанов, ловили щук и черепах, собирали мидий, выращивали овец и крупный рогатый скот, культивировали пшеницу и виноград. Другое приозерное поселение в западной части долины По было найдено на островке Изолино-Вирджиния на озере Варезе (Ломбардия). Раскопки показали наличие в нем укрепленных балками и сваями земляных платформ: это было тоже поселение культуры керамики с квадратным горлом[21]. Скромные приозерные поселки продолжали существовать в середине и в конце IV тыс. до н.э.: этот период известен под именем «лагоцца» – так называлось поселение, располагавшееся на берегу небольшого, теперь пересохшего озера в окрестностях Беснате (провинция Варезе). Оно было открыто в 1875 г. и представляло собой более или менее прямоугольное пространство площадью приблизительно 100 на 300 м, построенное на деревянных сваях. Его жители имели в своем распоряжении ячмень, чечевицу, лен, четыре вида пшеницы, а также дикий орех и такие плоды, как кизил, буковые орешки и желуди[22]. Здешняя керамика в целом родственна керамике культуры шассе; ее высококачественная разновидность от-

личается черным узорным лощением (Табл. 20, вверху справа: хронология лагоцца).

Культура кортайо в Швейцарии

Кортайо – одна из наиболее изученных культурных групп, куда входят приозерные жители Западной и Центральной Швейцарии и Восточной Франции: ее название происходит от одноименного местечка на озере Невшатель. Ареал ее распространения – лесистые подножья Альп, иначе говоря, регион, границы которого заданы самой природой. По обеим сторонам Альп небольшие группы людей обживали берега ледниковых озер и долины рек. До установления неолитического уклада эти края населяли тарденуазские охотники и рыболовы, которые также осваивали лесистые местности. Скорее всего, к IV тыс. до н.э. это местное мезолитическое население само перешло к неолитическому укладу, хотя нельзя не учитывать и влияние культуры шассе. Судя по каменным цистам со скорченными скелетами, которые были найдены на Женевском озере (могильник Шамбланд), в провинции Валэ (могильники I и II Коломбей-Барма) и в долине Роны, население относилось к низкорослому средиземноморскому типу[23].

Первая попытка рассмотреть всю совокупность поселений и материалов культуры кортайо была предпринята в 1949 г. Викторин фон Гонценбах[24]. Однако раскопки самых важных поселений имели место в 1950-х гг.: это Эгольцвиль в окрестностях Цюриха (Центральная Швейцария), где в 1950–1951 гг. проводил раскопки Э.Фогт, а в 1956 г. – Р.Вюсс[25], а также расположенное в Центральной Швейцарии, приблизительно между Берном и Цюрихом, озеро Зееберг-Бургеши Южное, где по поручению Бернского исторического музея проводил раскопки Ханс-Юрген Мюллер-Бек (1950–1963). Результаты раскопок Бургеши были выпущены Бернским историческим музеем девятитомным изданием (1965–1969) при участии многих специалистов[26].

Проблема «свайных построек»

Из старых археологических работ нередко следовало, что швейцарские озерные жители были одним из ключевых явлений древнеевропейского неолита. Идея свайных домов восходит к работам Ф.Келлера, который 150 лет назад (в 1854 г.) предположил, что такого рода постройки возводили на мелководье. Она продержалась до 1955 г., когда Э.Фогт опубликовал свое исследование, посвященное свайным постройкам[27], в котором доказал отсутствие у нее фактической основы. На самом деле эти поселения располагались на берегу, как в сухих, так и в болотистых местах, и состояли из небольших прямоугольных построек. Те из них, что в наше время оказались под водой и доступны лишь в очень засушливый летний сезон, были построены тогда, когда уровень озер бы значительно ниже. Так, пол в домах был нередко вы ложен бревнами, причем иногда в несколько слоев что, вероятно, объясняется их постепенным погру жением в болотистую почву. Подобная стратифика ция наблюдается и у отдельных очагов. Если бы эт полы и очаги стояли над водой, а затем обрушилис в нее вместе с платформой, то их не находили бы столь сохранном виде. Согласно наиболее правдопо добному объяснению, сваи требовались не для того чтобы поддерживать платформы: напротив, их вби няли в землю вплоть до слоя твердой глины, чтоб придать прочность постройкам, стоявшим на доволь но зыбкой почве. Тот факт, что некоторые поселени были оставлены и оказались под слоем торфа, свиде тельствует лишь о подъеме уровня воды, из-за кото рого жить здесь стало слишком сыро.

Поселение Зееберг-Бургеши Южное расположе но на южном берегу озера Бургеши диаметром в трет мили. Судя по расположению 3000 ольховых, ясене вых и дубовых свай, оно имело около 50 ярдов в дли ну и 10 ярдов в ширину. По глиняным полам можн различить три окруженные оградой постройки. О каждой из них перекинуты мостки за забор (рис. 6- 7). В поселениях Эгольцвиля нашли соответственн семь и одиннадцать домов.

Керамика

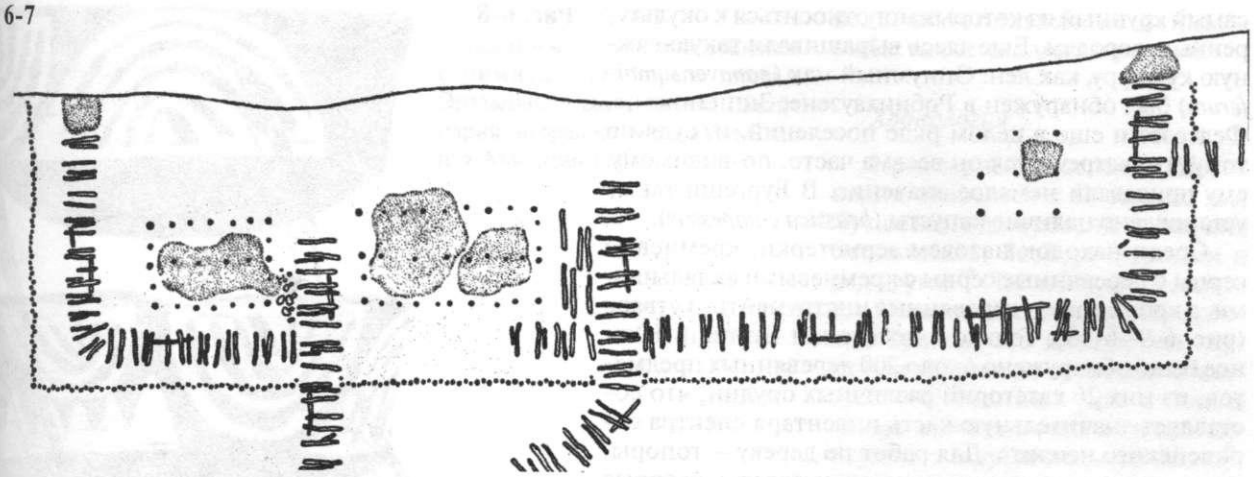
Основные типы керамики культуры кортайо- мешковидные горшки, чаши или кубки с круглы дном, а также блюда. На них практически не бывае орнамента. Однако на позднем этапе у некоторы горшков появляются вырезанные из березовой кор и прикрепленные дегтем декоративные узоры (рис 6-8). Березовый деготь использовался не только дл этого, но и для других нужд: с его помощью кремне вые лезвия закрепляли в рукоятках, а наконечники на древках стрел, им склеивали разбитые горшки закрывая трещины полосами березовой коры. Кро ме того, здесь сохранились фрагменты корзин и де ревянной посуды: эти сырые места прекрасно убере гли многие недолговечные предметы.

Земледелие и орудия

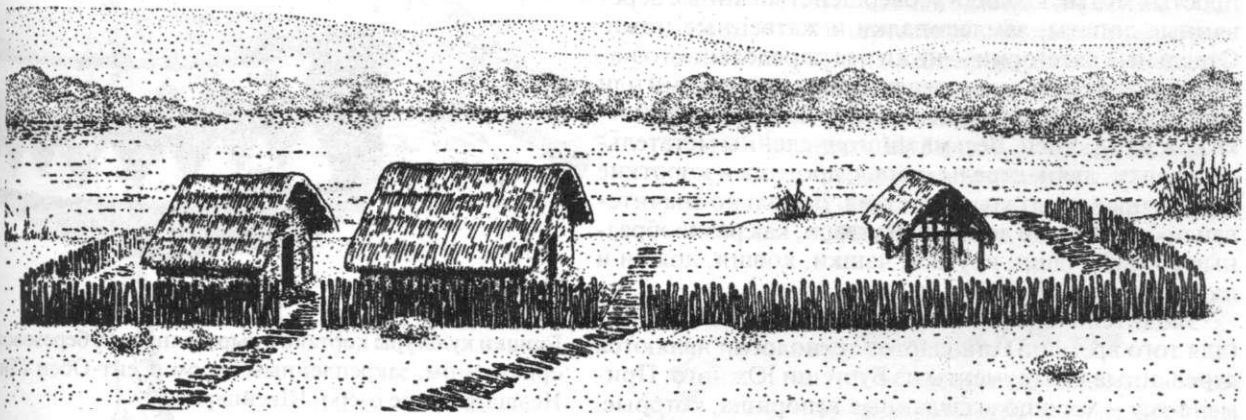
О том, что здесь существовало земледелие, гово рит наличие пшеницы, ячменя, проса, гороха и че чевицы, а также обугленных яблок (разрезанных по полам для просушки), груш и слив. В целом ряде озер ных поселений – таких как Ванген, Боду Мондзее – были найдены яблоки гораздо больш размера, нежели дикие разновидности, к которым ни по-видимому, нельзя причислить. (Мондзейские яб локи содержат антоцианин, который встречаетс только у окультуренных видов.) В Зипплингене (озе ро Констанц) зафиксированы три разных вида слив

Рис. 6-7

a



b



c

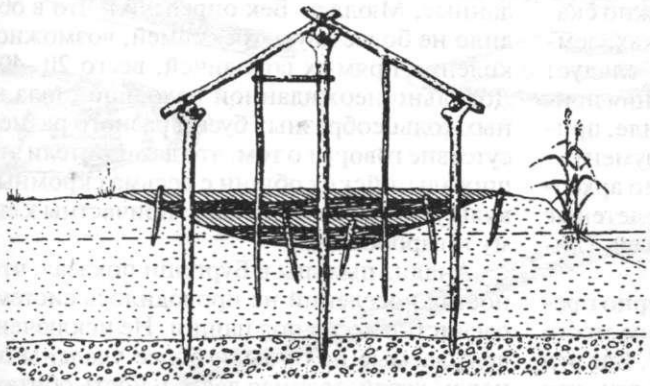


Рис. 6-7
Небольшое свайное поселение в Швейцарии на берегу озера Зееберг-Бургеши Южное, XXXVII–XXXVI тыс. до н. э. (a) План с домами, бревенчатыми дорогами и изгородью. Точками обозначены вертикальные сваи; полосами – бревенчатые дороги-гати; затемненными фигурами неправильной формы – кучи глины и мусора; (b) реконструкция; (c) поперечный разрез, показывающий, как сваи были вогнаны в землю.

самый крупный из которых мог относиться к окультуренным породам. Еще здесь выращивали такую важную культуру, как лен. Опиумный мак (*papaver somniferum*) был обнаружен в Робинхаузене, Зипплингене, Федерзее и еще в целом ряде поселений, и, судя по тому, что встречается он весьма часто, по-видимому, ему придавали немалое значение. В Бургеши также установлено наличие капусты (*brassica campestris*).

Среди находок назовем зернотерки, кремневые серпы и деревянные серпы с кремневыми вкладышами, а кроме того – деревянные инструменты и утварь (рис. 6-9–6-13). Только в поселении Бургеши Южное было обнаружено около 200 деревянных предметов, из них 26 категорий различных орудий, что составляет значительную часть инвентаря спектра европейского неолита. Для работ по дереву – топоры, тесла, долота, клинья, колотушки и молоты, которые использовались и для других целей. Не менее многочислен и земледельческий инвентарь, куда, помимо простых мотыг, входили усовершенствованные деревянные лопаты, землекопалки и жатвенные ножи. Отдельные категории – ножи без определенного назначения с короткими или длинными рукоятками или шилья, которые могли использоваться при обработке кож или тканей. Весьма многочисленны метательные палки, луки, стрелы, копья, дротики и короткие деревянные метательные лезвия. Довольно значителен процент такой домашней утвари, как разнообразные сосуды, чаши, кружки, чашки, ковши, ложки и палочки для добывания огня.

Убедительным доказательством весьма высоких (для того времени) стандартов технологии являются деревянные инструменты из Бургеши Южного. Пример тому – хорошо выделанные топорища, которые, благодаря умелому выбору древесных пород, демонстрируют надежность конструкции при относительно небольшой затрате труда. То же самое можно сказать о больших дубинках, метательных палках, землекопалках и жатвенных ножах. В целом следует отметить, что легкости и мастерству исполнения придавалось больше значения, нежели грубой силе, применение которой могло бы испортить инструмент.

В целом ряде поселений культуры кортайо археологи также обнаружили рогожи, круглые плетеные корзины, веревки, катушки с льняной пряжей, глиняные веретена и грузила.

Для этого хозяйственного уклада характерно превалирование крупного рогатого скота, второе место занимали свиньи, потом шли овцы и козы[28]. Все эти домашние животные значительно мельче тех, что были в северных и восточных поселениях Центральной Европы. Не удается установить, принадлежат ли обнаруженные в Бургеши кости свиньи дикому или одомашненному виду: можно предполагать местную доместикацию. Лето домашний скот проводил на лесных лугах, питаясь в том числе и древесной листвой, а зиму – в хлеву.

Рис. 6-8

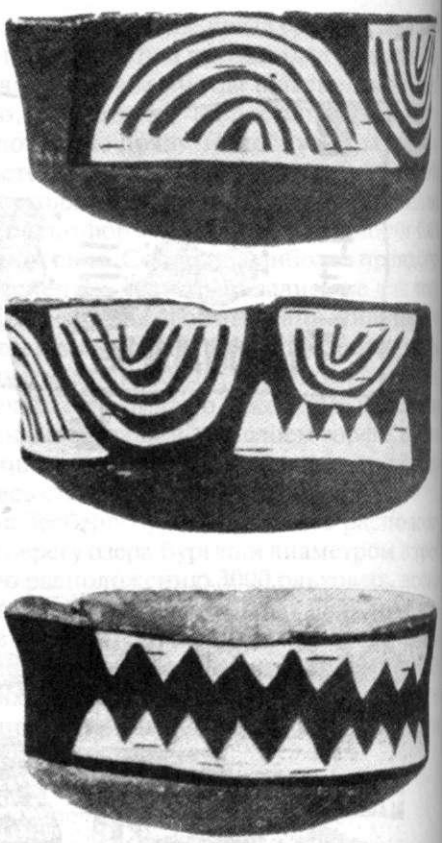


Рис. 6-8
Горшки культуры кортайо с вырезанным из березовой коры орнаментом, закрепленным варом. Сент-Обен (Тиволи), Невшательское озеро, Швейцария.

Используя полученные при раскопках Бургеши данные, Мюллер-Бек определил, что в общину входило не более двух–трех семей, возможно – три поколения прямых сородичей, всего 20–40 человек[29]. Довольно неожиданной находкой стала нитка медных кольцеобразных бусин разного размера: ее присутствие говорит о том, что даже жители этих небольших альпийских общин с весьма скромным уровнем культурного развития были причастны к европейскому товарообмену.

Анализ пыльцы в Бургеши показал, что в окрестностях поселений не проводилось систематической расчистки лесов под пашни. Не исключено, что возделываемые поля были более удалены от жилья; в целом хозяйственная деятельность обитателей озера Бургеши почти не оказала воздействия на природу тех мест.

Во многих поселениях важной частью хозяйственной деятельности по-прежнему являлась охота. Чаще всего в качестве дичи выступал марал, затем косуля, лось, серна, зубр, бизон, свинья, лошадь, волк, лиса и некоторые другие лесные звери. Бобер, барсук, мед-

Рис. 6-9

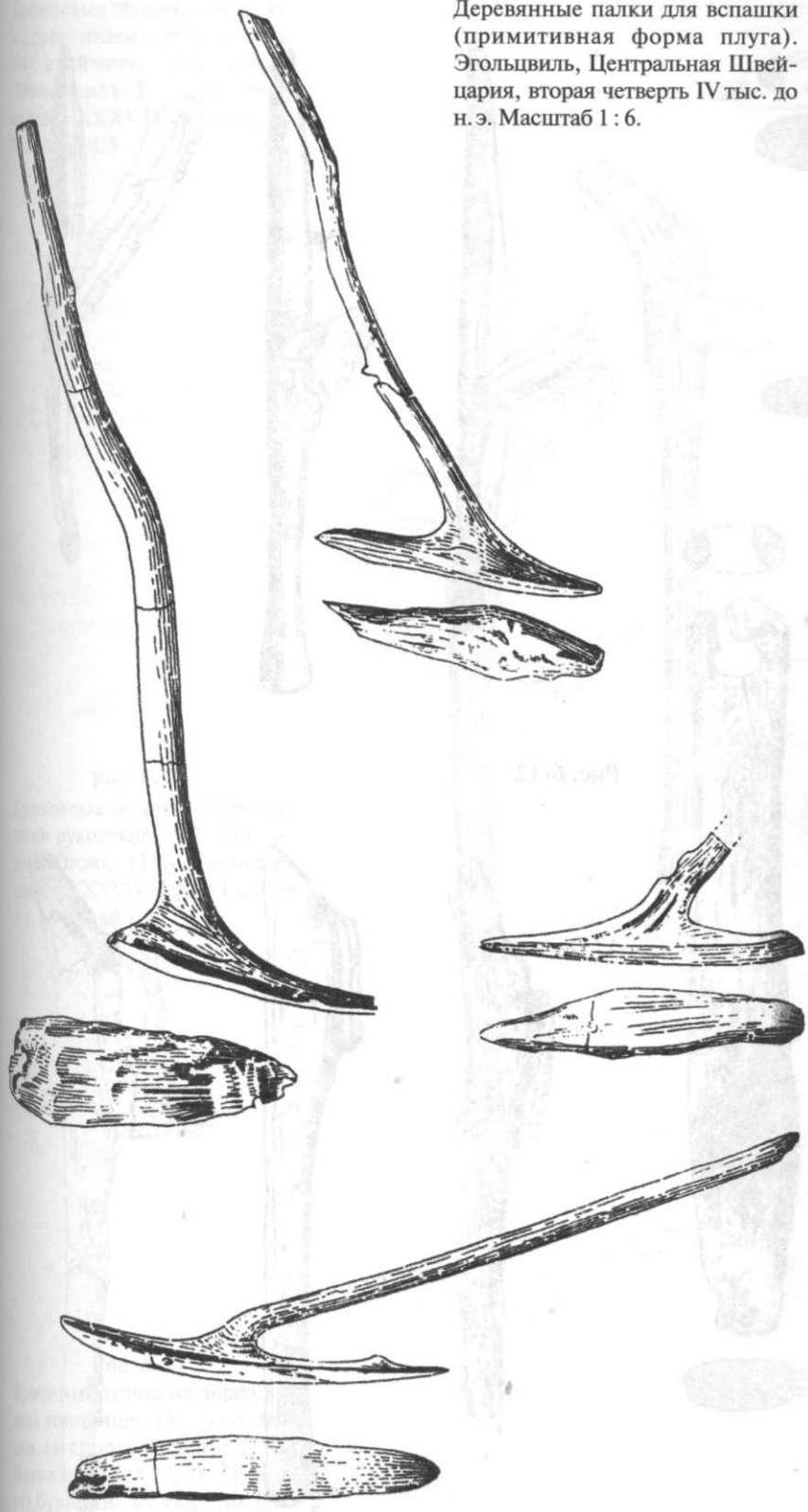


Рис. 6-9
Деревянные палки для вспашки (примитивная форма плуга). Эгольцвиль, Центральная Швейцария, вторая четверть IV тыс. до н. э. Масштаб 1 : 6.

ведь, водоплавающие птицы и рыбы также входили в рацион.

Хронология

Приозерные поселения Швейцарии относятся к IV тыс. до н.э. Лучше всего датированы поселения Эгольцвиль, Зееберг-Бургеши и ряд других[30] (Табл. 21). В этих местах прекрасно сохранились дубовые бревна: это идеальный случай, когда можно сравнивать данные, полученные при анализе содержания углерода 14 и при датировке по древесным кольцам[31]. Разница между обычными радиоуглеродными датировками и данными дендрохронологии равна приблизительно 800 годам. Так, полученная в Бургеши радиоуглеродная датировка 2796 г. *до н.э.* отсылает к абсолютной хронологии, а подсчет древесных колец дает дату 3595 г. до н.э. Постройки Бургеши были возведены до середины IV тыс. до н.э. и просуществовали 100–150 лет.

Мегалитические гробницы Франции и Иберии

Самые крупные скопления мегалитических гробниц находятся в Португалии, в Бретани (северо-западная часть Франции) и в департаменте Аверон в районе Центрального Массива (рис. 6-14).

Коридорные гробницы

К настоящему времени мы располагаем приблизительно 50 радиоуглеродными датировками подобных памятников Франции и Иберии: согласно им, мегалиты появились достаточно рано и продолжали быть актуальны по крайней мере на протяжении 2000 лет, включая V, IV и начало III тыс. до н.э. Большая часть исследований этих монументов и их датировок связана с Бретанью[32] (Табл. 22); одна из самых ранних радиоуглеродных датировок – ок. 4700 г. до н.э. – была получена при изучении коридорной гробницы

Рис. 6-10

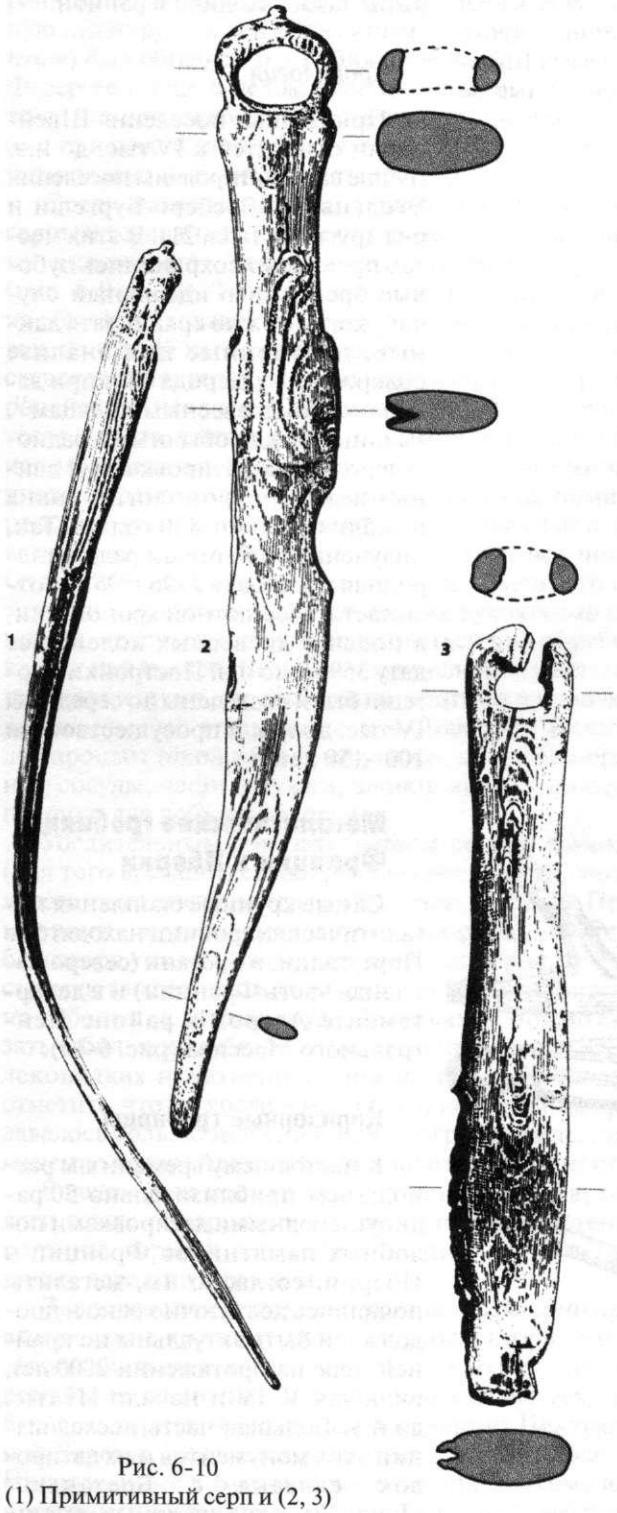


Рис. 6-10
(1) Примитивный серп и (2, 3) деревянные рукоятки жатвенных ножей. Бургеши Южное, XXXVII–XXXVI вв. до н. э. Масштаб 1 : 2.

Рис. 6-11

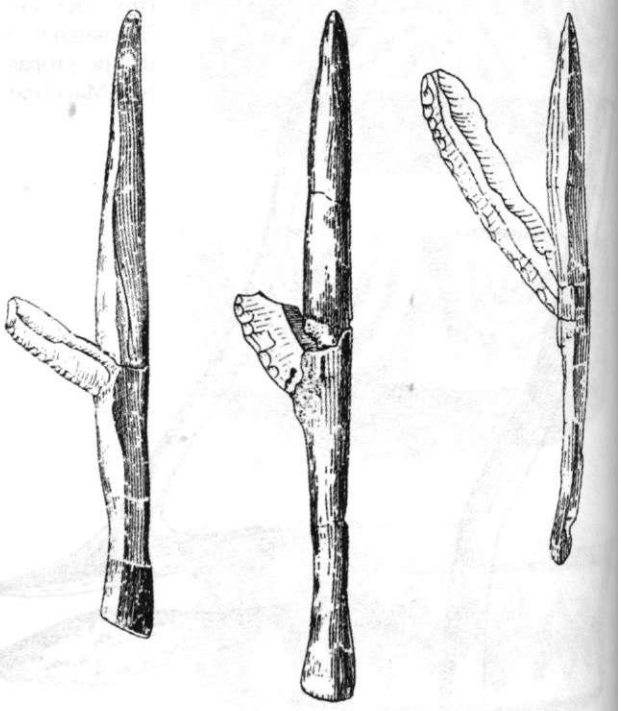


Рис. 6-12

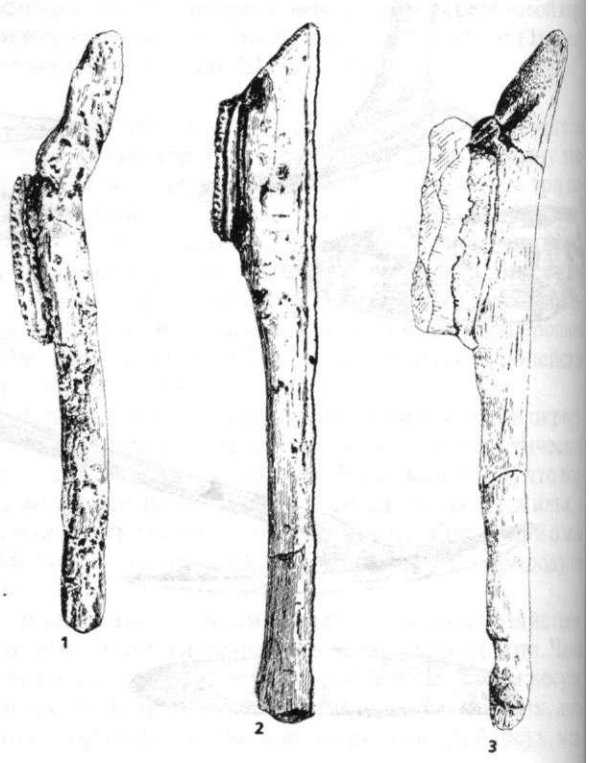


Рис. 6-11
Кремневые жатвенные ножи с деревянными рукоятками из свайного поселения Эгольцвиль-3, приблизительно XXXVIII в. до н.э. Масштаб 1:3.

Рис. 6-13

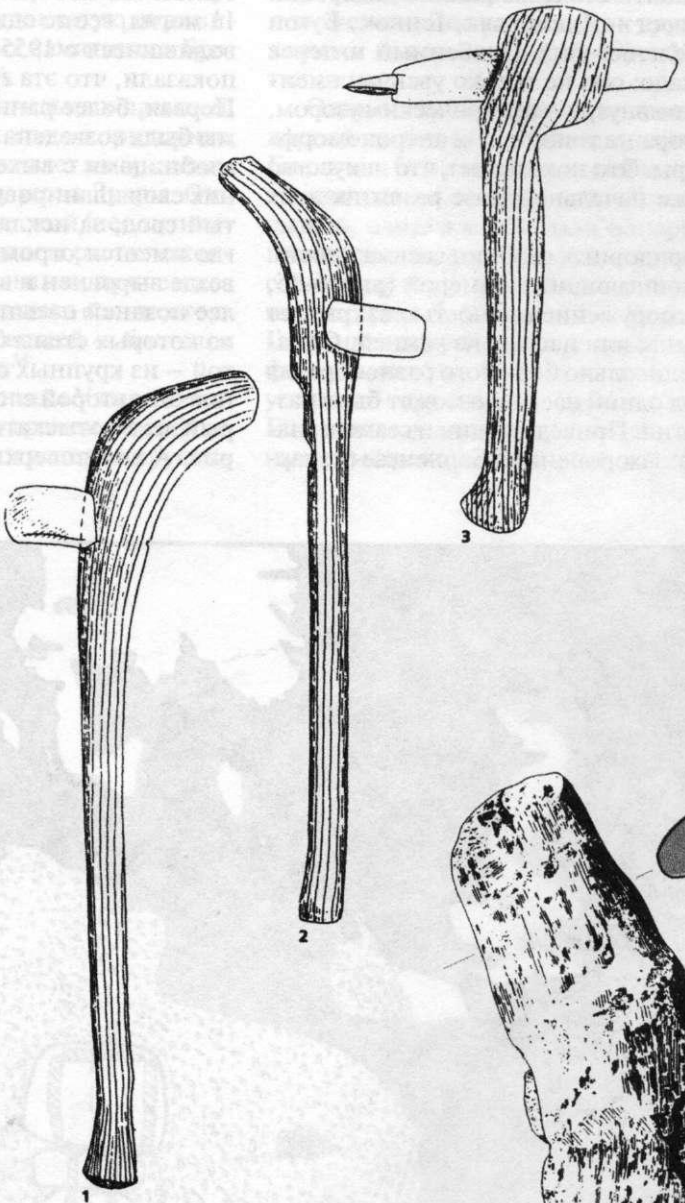


Рис. 6-12
Кремневые ножи с деревянными рукоятками. (1, 2) Бургеши Южное, (3) Бургеши Северное, XXXVII–XXXVI вв. до н.э. Масштаб 1:3.

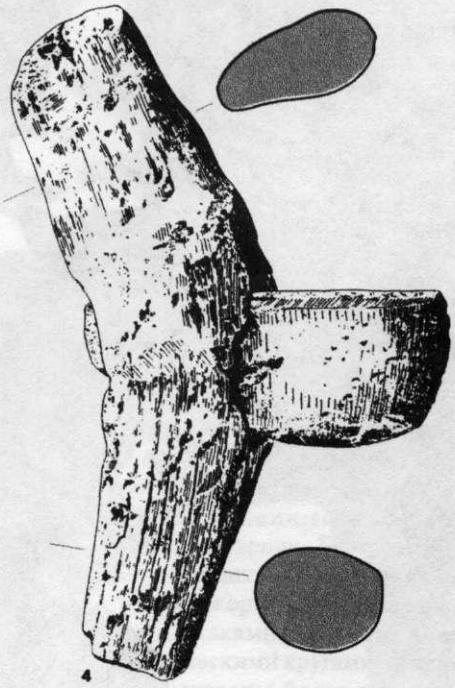


Рис. 6-13
Каменный топор на деревянном топорище: (1–3) общий вид, (4) способ насадки. (1, 2) Ваувилермоос; (3) Гренг; (4) Бургеши. IV тыс. до н.э. Масштаб: (1–3) 1:6, (4) 1:2.

Керкадо поблизости от Карнака (рис. 6-15). Однако она не единична, почти столь же ранние датировки имеет целый ряд мест – Диссиньяк, Геннок, Бугон (Табл. 22, распределение дат). Особенный интерес представляет Керкадо: она не только увенчана менгиром, но и украшена внутри геометрическим узором, изображением топора на топорище и антропоморфной женской фигуры. Это показывает, что искусство не было чуждо даже начальной фазе развития этих гробниц.

Архитектура коридорных гробниц весьма проста: это коридор, заканчивающийся камерой (рис. 6-15, 6-16). Сверху это сооружение полностью закрывает или земляная насыпь, или насыпь из камней. Однако это не отменяет довольно большого разнообразия вариантов. Так, под одной насыпью может быть разное количество могил. Приведем один из самых знаменитых примеров: захоронение в Барненезе (департамент Финистер). Там под длинной каменной насыпью на небольшой возвышенности оказалось 11 могил, все по одну сторону холма (рис. 6-17). Проводившиеся с 1955 по 1968 г. раскопки в Барненезе показали, что эта гробница строилась в два приема. Первая, более ранняя насыпь трапециевидной формы была возведена над 5 небольшими коридорными гробницами с выходом на юго-восток. У каждой из них своя планировка, но у большинства – ступенчатый свод, за исключением центральной гробницы, где имеется огромная перекрывающая плита. Пол везде выровнен и выложен камнем. Под второй, более поздней насыпью находилось 6 гробниц, в пяти из которых стены были сложены из камня, а в шестой – из крупных ортостатов[33]. Первая насыпь и основание второй сложены из долерита – камня, который легко отыскать в радиусе нескольких сотен метров. А вот поверхность второй насыпи выложена

Рис. 6-14

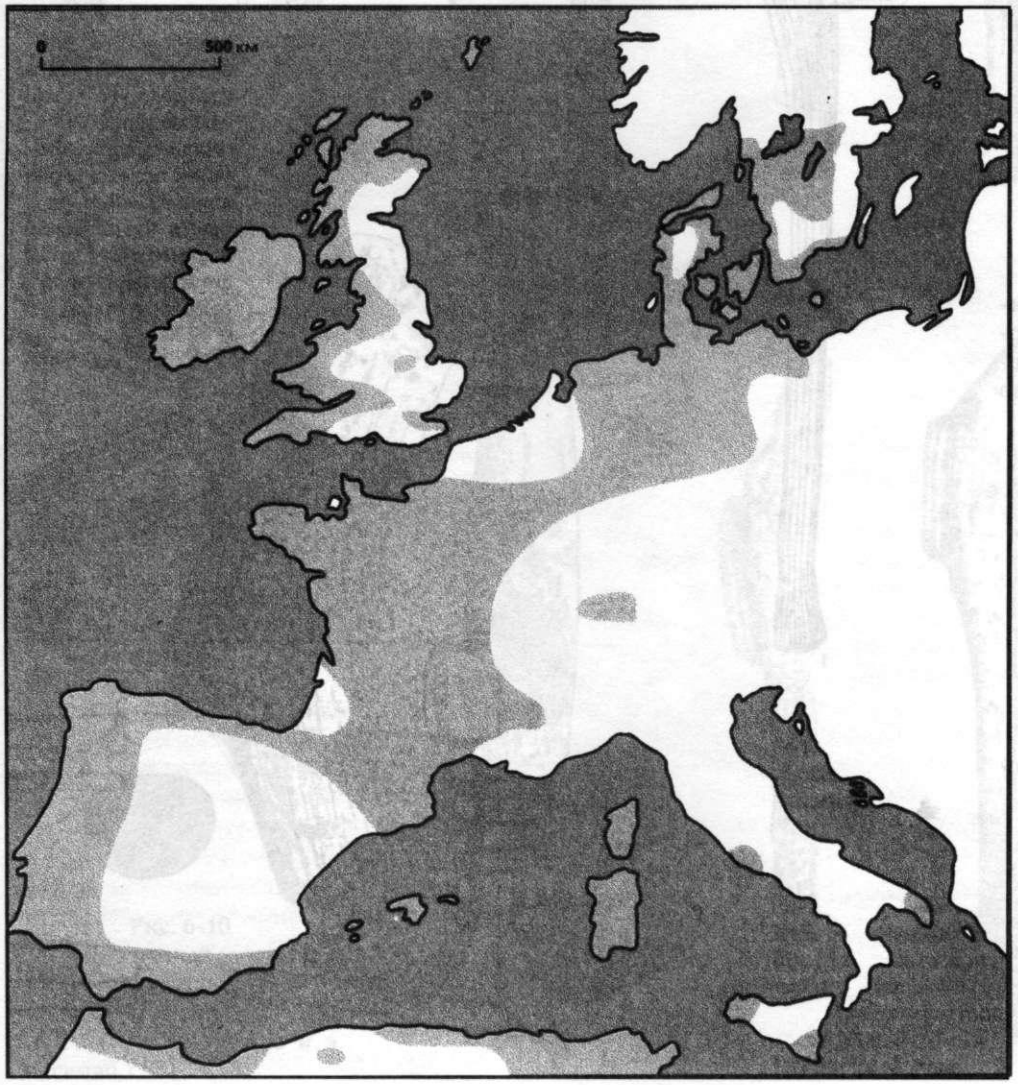


Рис. 6-14
Ареал распространения мегалитических гробниц в Западной Европе.

гранитом, ближайшее месторождение которого находится приблизительно в километре. В целом барненезская насыпь напоминает ступенчатую пирамиду и является одним из крупнейших памятников Бретани (рис. 6-17, нижний рисунок).

Хотя в Бретани не так мало могильных насыпей, под которыми скрыто сразу несколько коридорных гробниц, особого внимания заслуживает захоронение в Диссиньяке, к югу от Бретани, у устья Луары. Оно воздвигнуто на месте мезолитической/неолитической стоянки и состоит из двух рядом расположенных могил, перекрытых общей насыпью, причем коридор В ориентирован на точку зимнего солнцестояния. Среди обнаруженных там вещей – большое количество топоров на топорищах[34].

Древнейшие коридорные гробницы V тыс. до н.э. имели круглые камеры, однако со временем их формы стали более разнообразными, и вслед за круглыми появились прямоугольные[35] (см. рис. 6-16). Кроме того, попадаются пересекающиеся коридоры, расположенные под углом друг к другу (рис. 6-18), с боковыми камерами (рис. 6-19) и V-образными очертаниями.

Один из самых примечательных образцов коридорной гробницы во Франции находится на острове Гавринис. Ее архитектура отличается простотой: почти квадратная камера под сложной каменной насыпью, однако в ней были обнаружены великолепные произведения искусства, затмевающие находки, сделанные в других мегалитических гробницах Европы (см. рис. 7-128 и 7-129). Недавние раскопки на Гавринисе показали, что у гробницы был гигантский фасад высотой в 6 м и что к ней примыкало прямоугольное строение, покрытое круглой насыпью[36]. Еще одно захоронение, известное благодаря найденным там произведениям искусства, – Пти-Мон, Ар-

Рис. 6-15

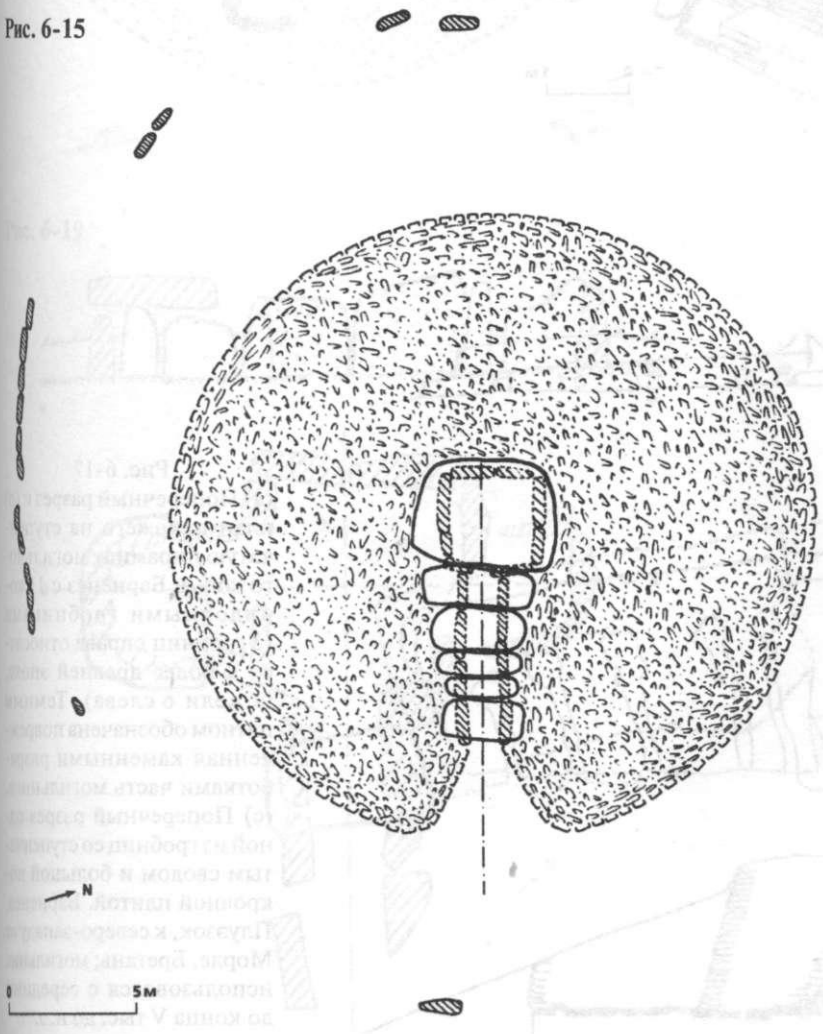


Рис. 6-15
Коридорная гробница, выстроенная из больших камней, покрытая круглой насыпью и окруженная каменным кольцом. Керкадо, Карнак, Бретань. Каменные плиты в камере и в коридоре декорированы чашевидными знаками, кругами, концентрическими кругами, поверх них вырезаны более крупные изображения. На покровной плите вырезаны топор на рукоятке и предположительно антропоморфные изображения. Ок. 4700 г. до н. э.

Рис. 6-16

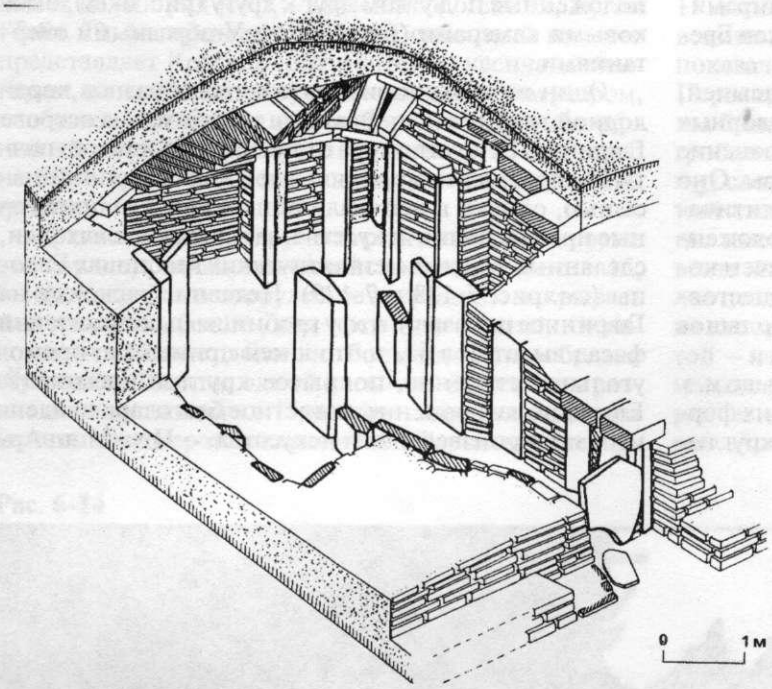


Рис. 6-16
Изометрическая проекция камеры с перегородками и короткого коридора, внутренних стен и ступенчатого свода. Ла-Форе-Фуэнан у Керлевана, Южн. Финистер, Бретань. Середина IV тыс. до н. э.

Рис. 6-17

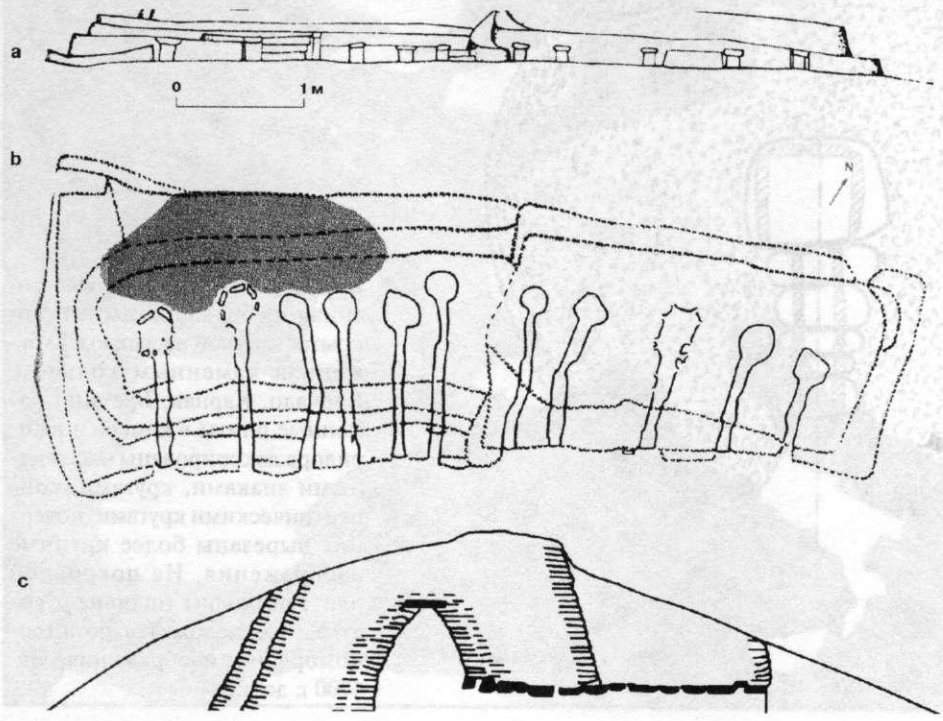


Рис. 6-17
(a) Поперечный разрез и (b) план похожего на ступенчатую пирамиду могильного холма Барненез с 11 коридорными гробницами (5 гробниц справа относятся к более древней эпохе, нежели 6 слева). Темным пятном обозначена поврежденная каменными разработками часть могильника. (c) Поперечный разрез одной из гробниц со ступенчатым сводом и большой покровной плитой. Барненез, Плуэзок, к северо-западу от Морле, Бретань; могильник использовался с середины до конца V тыс. до н. э.

Рис. 6-18

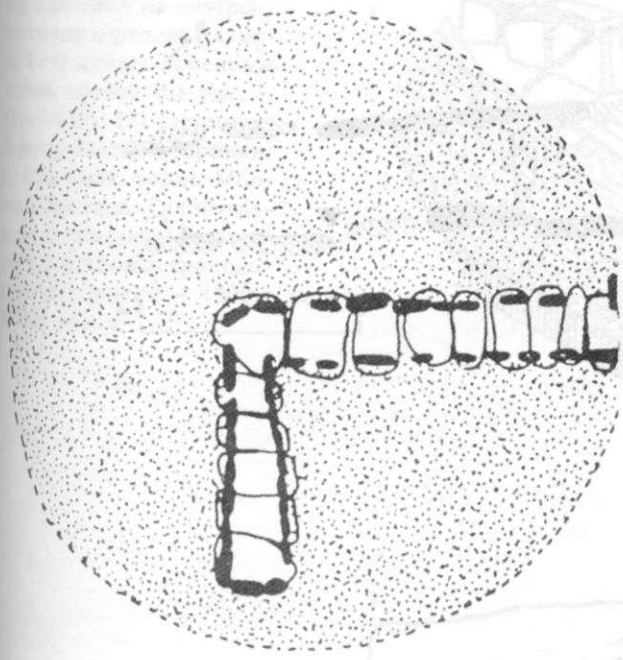


Рис. 6-18
План коридорной гробницы с коридором в виде прямого угла. Ле-Боно, Морбиан, Бретань. Конец V тыс. до н. э.

Рис. 6-19

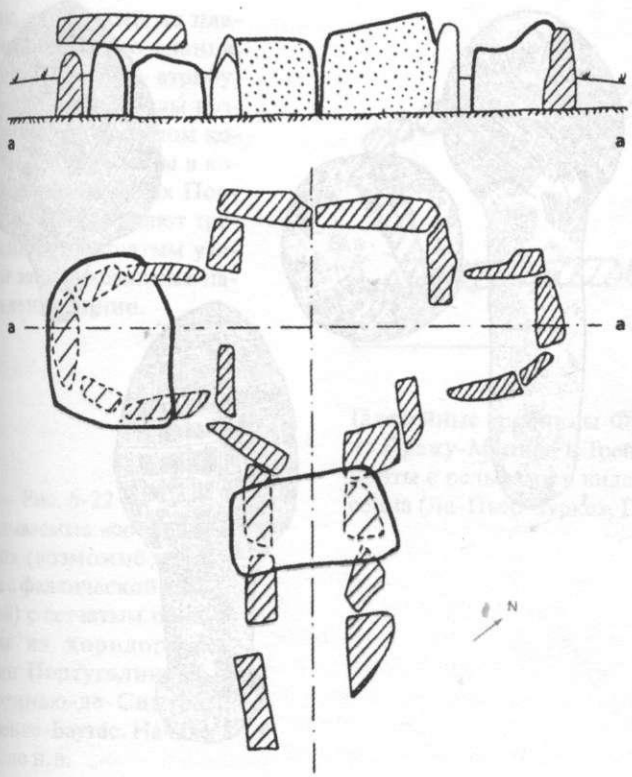


Рис. 6-19
Поперечный разрез и план коридорной гробницы с дополнительными камерами. Локоаль-Мендор, Локельтас, Бретань. Ок. 4000 г. до н. э.

Рис. 6-20

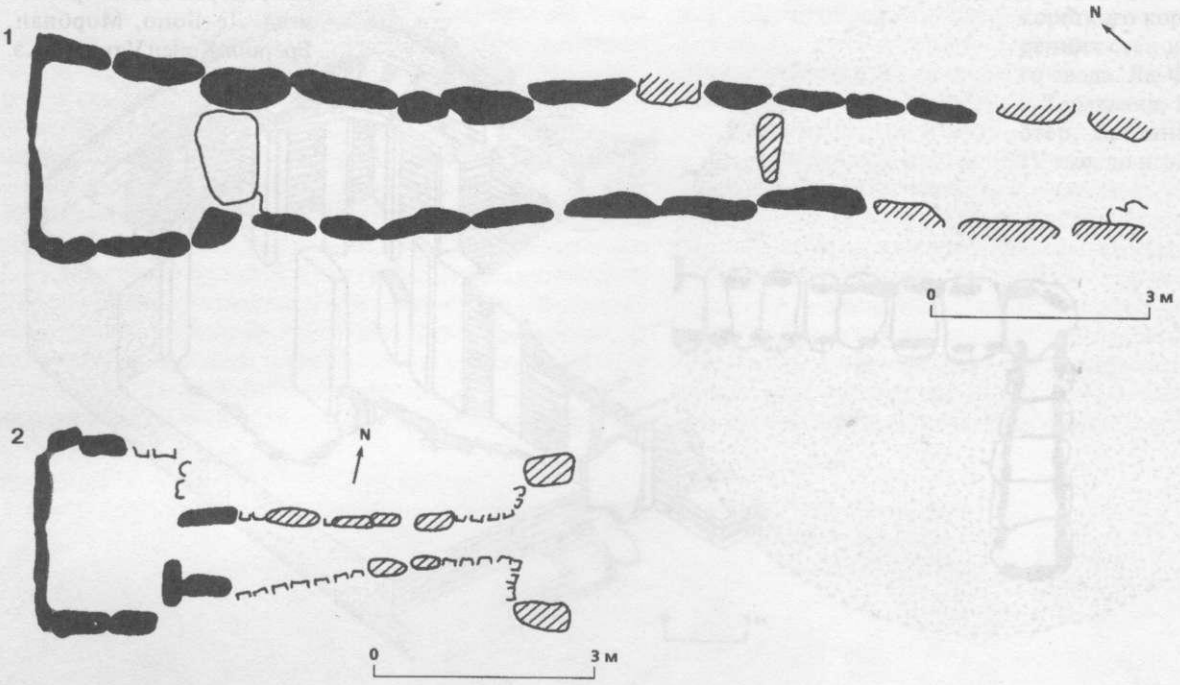


Рис. 6-21

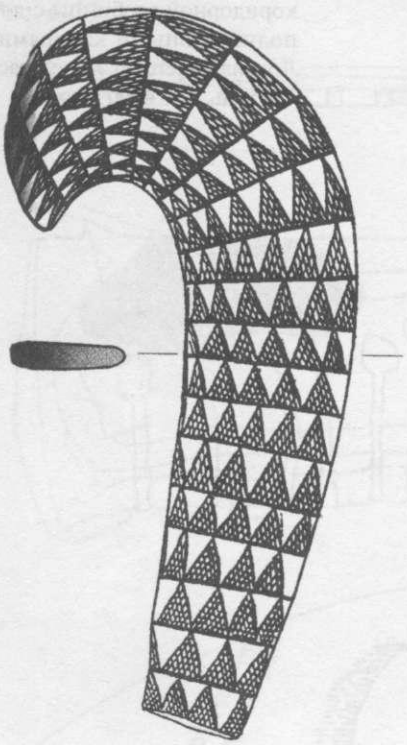


Рис. 6-22

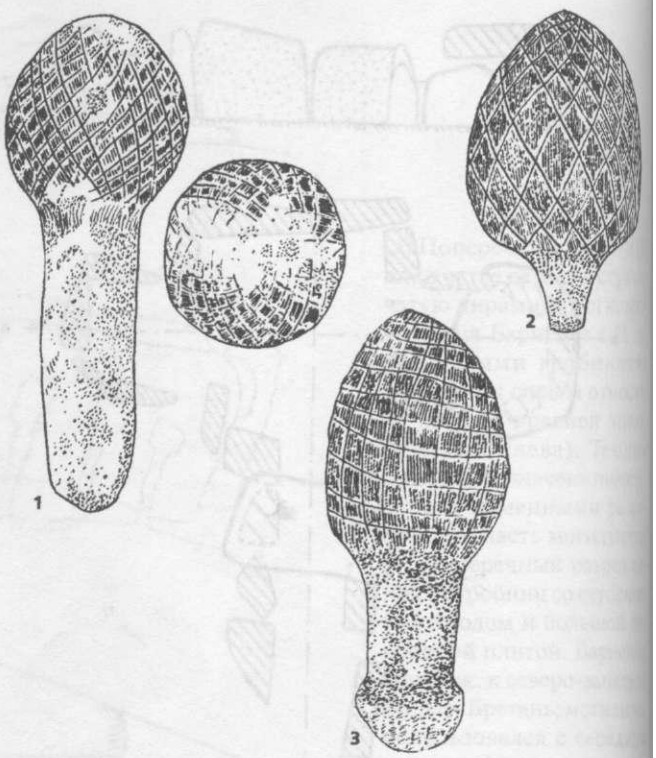


Рис. 6-20
Планы коридорных гробниц с резьбой на внутренних стенах коридора и камеры (эти плиты отмечены черным цветом: см. рис. 7-128–7-130). (1) Гавринис, Лармор-Бадан, Морбиан; (2) Пти-Мон, Арзон, Морбиан, Бретань. Радиоуглеродные датировки отсутствуют, возможные хронологические рамки – 4000–3500 гг. до н. э.

Рис. 6-21
Крюк, сделанный из пластины аспидного сланца: подобные крюки – атрибуты Богини и символы возрождения – в большом количестве обнаружены в коридорных гробницах Португалии. Их украшают треугольники с сетчатым узором и заштрихованные параллельные линии.

Рис. 6-22
Так называемые «сосновые шишки» (возможно, связанные с фаллической символикой) с сетчатым орнаментом из коридорных гробниц Португалии. (1, 2) Мартинью-де-Синтра; (3) Каренке-Баутас. Начало III тыс. до н. э.

Рис. 6-23

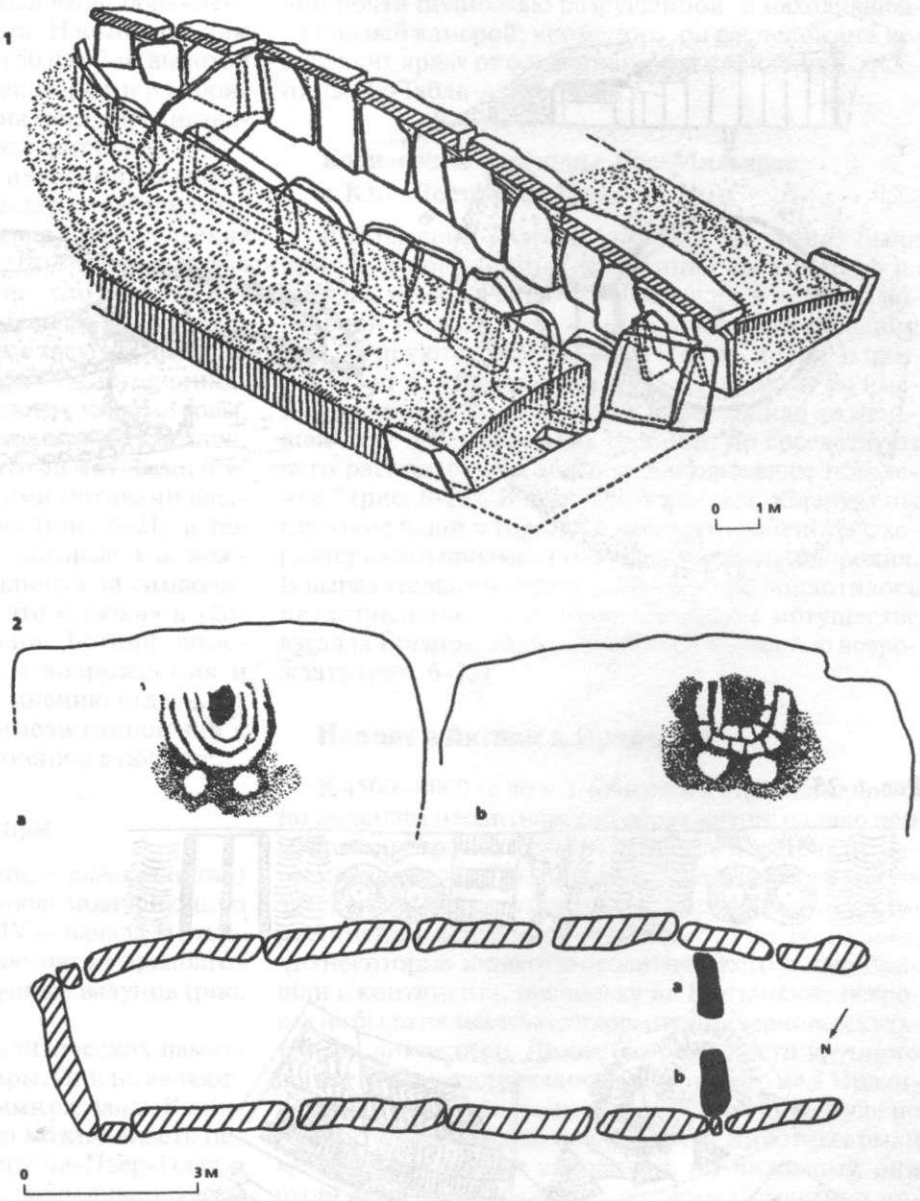


Рис. 6-23
Галерейные гробницы Франции. (1) Изометрическая реконструкция гробницы из Пражу-Менира в Требердане, Кот-дю-Нор; (2) план галерейной гробницы и плиты с рельфами в виде грудей и ожерелий. Поздний неолит Парижского бассейна (Ла-Пьер-Туркез, Парижский бассейн, Франция). Ок. 3000–2500 гг. до н.э.

Рис. 6-24

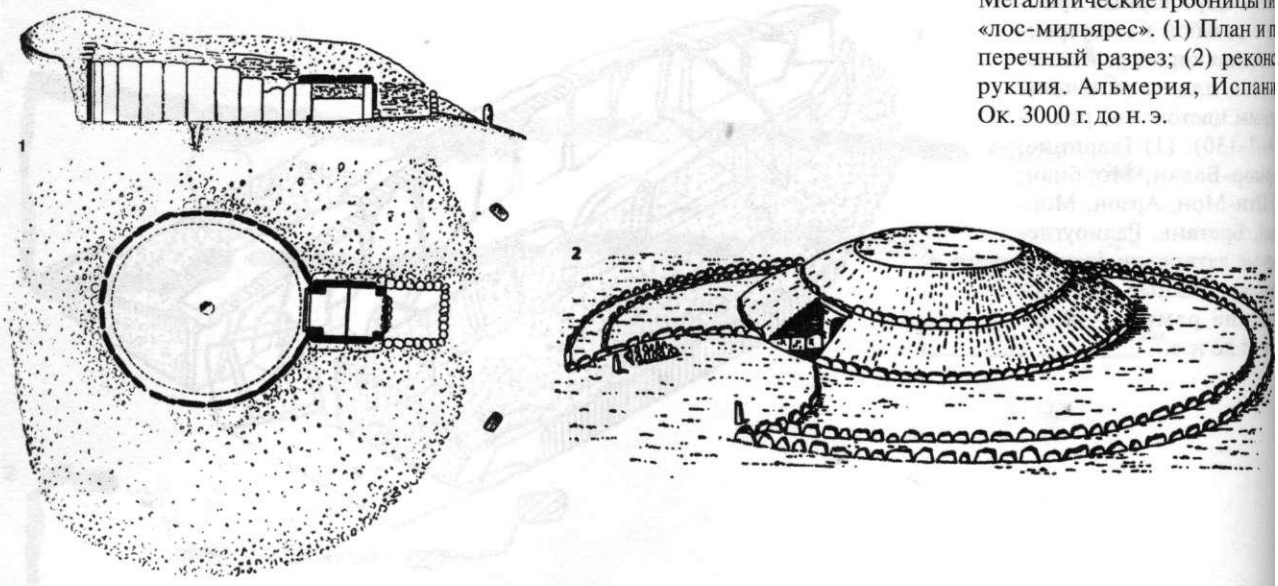


Рис. 6-24
Мегалитические гробницы ти
«лос-мильярес». (1) План и п
перечный разрез; (2) реконс
рукция. Альмерия, Испани
Ок. 3000 г. до н. э.

Рис. 6-25

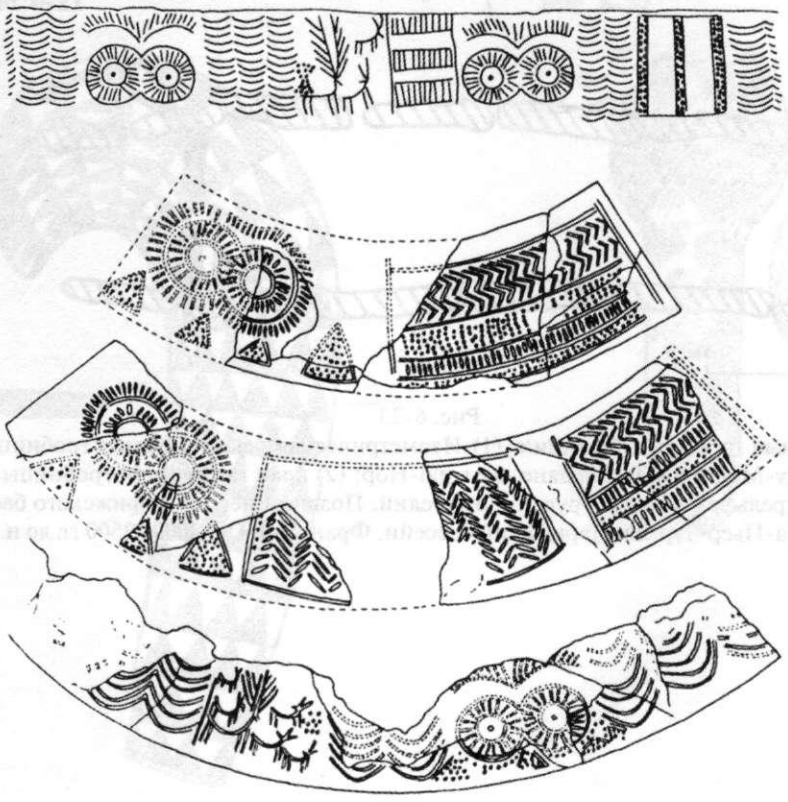


Рис. 6-25
Символический орнамент на
сосудах из мегалитических
гробниц Лос-Мильяреса (пока-
зан в развернутом виде). «Глаз-
ковый» мотив (глаза Богини-
совы) сочетается с изображени-
ем оленей и других рогатых жи-
вотных, треугольниками, «пе-
сочными часами» и рядами па-
раллельных и кривых линий,
зигзагов и точек.

зон (департамент Морбиан); у него прямоугольная камера (рис. 6-20) и великолепный вход, обрамленный двумя каменными колоннами. Насыпь над ним имеет форму огромной трапеции 50 на 42 м, высотой в 10 м[37]. Обнаруженные перед некоторыми из коридорных гробниц Бретани строения могли предназначаться для проведения похоронных ритуалов.

Погребальный инвентарь в этих гробницах встречается редко: большая их часть была разграблена еще в древности. Исключение составляют португальские коридорные гробницы, в которых был обнаружен ряд символически значимых предметов: это амулеты Богини, изготовленные из сланцевых пластин, которые украшены рядами треугольников, с треугольными же головами и глазами (см. рис. 7-120–7-122), цилиндрические фигурки из камня или кости с глазами совы, украшенные геометрическими узорами из бороздок, сетчатым рисунком, дугами и другими мотивами (см. рис. 7-120, 7-123–7-126). Похожими мотивами щедро украшены каменные «крюки» (рис. 6-21) и так называемые «сосновые шишки», которые, как можно предположить, связаны с фаллической символикой (рис. 6-22). Не исключено, что «крюки» и «сосновые шишки», как и изображения Богини, помещались в могилы как символы возрождения и жизненной энергии. Наперекор мнению отдельных археологов, они безусловно не имели отношения к престижу умершего или его положению в общине.

Галерейные гробницы и менгиры

«Галерейные гробницы» (франц. – *allées couvertes*) представляют собой более позднюю модификацию мегалитических гробниц конца IV – начала III тыс. до н.э. Они не имеют камер, но состоят из продолговатых залов, выстроенных из крупных валунов (рис. 6-23).

Еще одна разновидность мегалитических памятников – отдельно стоящие менгиры. Они не являются могильниками, но нередко с ними связаны. К примеру, стоящий менгир до сих пор можно видеть перед входом в коридорную гробницу Ле-Пьер-Плат, в плане углообразную. Материалы, собранные по всей Древней Европе, показывают, что менгиры чаще всего имеют очертания совы и являются изображениями Богини смерти и возрождения.

Самый крупный из известных менгиров – Ле-Гран-Менир-Бризэ («большой разбитый менгир») в Локмарьякере (Бретань). Этот гигантский камень в вертикальном положении имел около 17 м в высоту и весил почти 350 тонн. Более того, он не местного происхождения: до ближайшего месторождения этой породы почти 4 км. Как и многие другие менгиры, он отшлифован для получения нужной формы. Согласно А. и А.С.Том, это первый намек на конструкции, использовавшиеся для астрономических вычислений[38]. Как и в ряде других случаев, он очевидным образом был связан с могильной насыпью, в наши дни почти полностью разрушенной, и находившейся под ней камерой; кроме того, он расположен в нескольких ярдах от сохранившейся коридорной гробницы Ла-Табль-де-Маршан.

Коридорные гробницы Лос-Мильярес в Юго-Восточной Испании

В Альмерии (Юго-Восточная Испания) были найдены коридорные гробницы, состоявшие из круглой камеры, короткого коридора и круглой могильной насыпи, окруженной каменным кольцом: они датируются IV – началом III тыс. до н.э. и принадлежат к типу лос-мильярес, названному по имени крупнейшего могильника, куда входило по меньшей мере 80 коридорных гробниц; по соседству от него располагалось долго существовавшее поселение[39] (рис. 6-24). В некоторых камерах обнаружены глубокие чаши и горшки с красным лощением с характерными орнаментами из символов плодородия. В выразительном «глазковом» мотиве воплотилось представление о сверхъестественном могуществе взгляда Богини, обладающего способностью возрождать (рис. 6-25).

Неолит в Англии и Ирландии

К 4500–4000 гг. до н.э. в Англии и Ирландии прочно сложился неолитический образ жизни; однако нам мало что известно о самом процессе перехода от мезолита к неолиту. По мнению А.Уиттла, ведущую роль здесь могла сыграть центральноевропейская культура линейно-ленточной керамики[40]. Нет сомнения, что некоторые элементы неолитического уклада пришли с континента, поскольку на Британских островах не было ни местных дикорастущих зерновых культур, ни диких овец. Дикие разновидности крупного рогатого скота встречались в Англии, но не в Ирландии, где, напротив, водились дикие свиньи. Судя по тому, что древнейшие из домашних животных были мельче своих диких сородичей, по-видимому, они были сюда завезены, а не выведены из местных пород. Не располагаем мы и отчетливыми свидетельствами того, что, как во Франции и в Испании, неолитические поселения возникали на месте мезолитических: это дает основания предположить, что новопоселенцы принесли с собой несколько иной образ жизни.

Поселения

Самые ранние (для Британских островов) неолитические датировки получены в Ирландии в Баллинагилли (графство Тайрон): это очаг приблизительно 4500 г. до н.э., уже керамического периода. Одна из наиболее ранних датировок в самой Англии – ок.

Рис. 6-26А

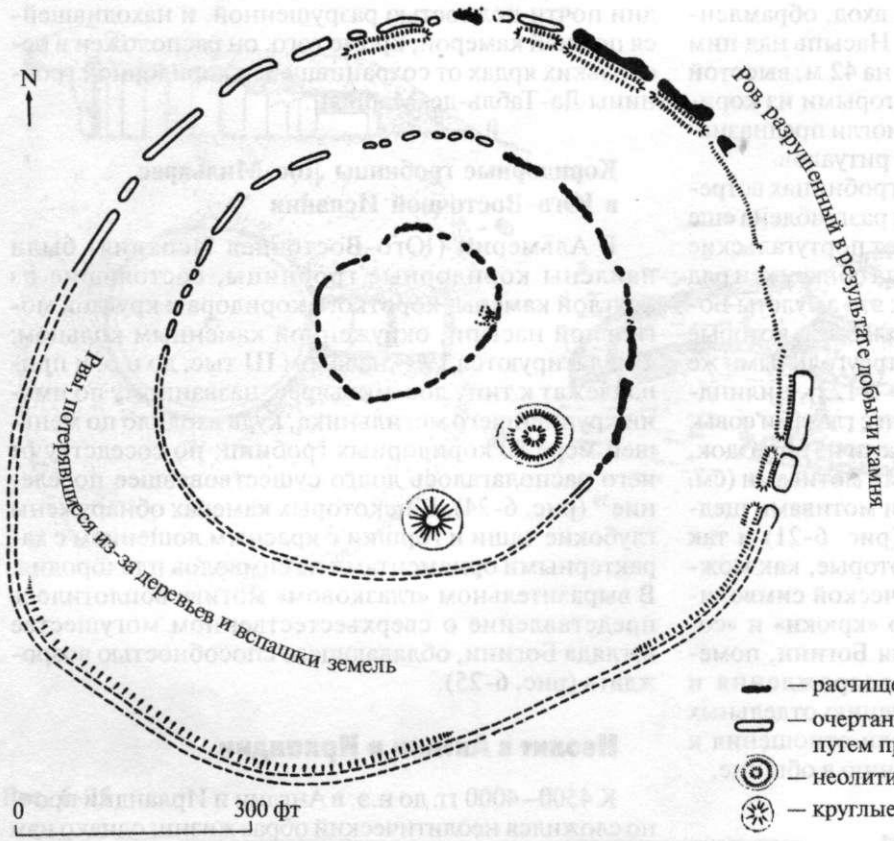


Рис. 6-26А
«Лагерь с вымостками» Уи
дмиллхилл, давший имя ранн
му английскому неолиту. Зе
ляные сооружения такого ро
называются «вымостками»
силу того, что рвы во мног
местах прерывают нетронут
меловые площадки. Внешни
ров опоясывает территори
примерно в 20 акров.

Рис. 6-26В
Типы керамики из Уиндмил
хилла.

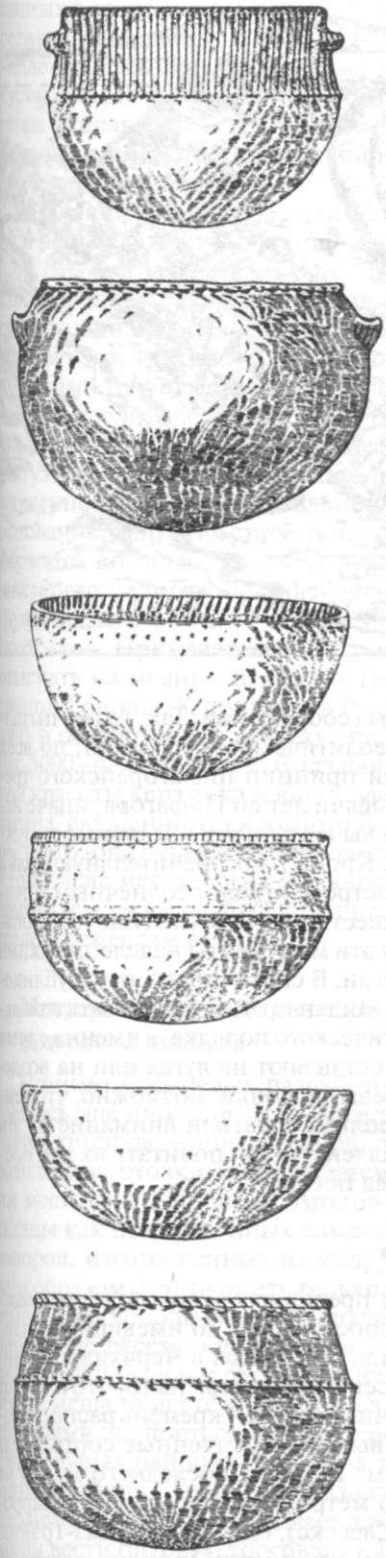
4350 г. до н.э.; она получена в Брум-Хифе, Дитчингем (графство Норфолк).

Баллинагилли, объект продолжительных раскопок[41], оказался отличным источником информации о древнейших неолитических постройках. Там были найдены небольшие прямоугольные дома с дощатыми стенами, самые ранние из зафиксированных на этих островах[42]. Похожие дощатые или бревенчатые постройки обнаружены в ряде других британских поселений[43].

Приблизительно к 4000 г. до н.э. отдельные земледельческие хозяйства существовали как в некоторых частях Англии, так и в Ирландии. Шел процесс заселения более крупных участков: прекрасным тому примером служит местность вокруг Лох-Гура (графство Лимерик); что же касается поселения Нокадун, то там обнаружены остатки по меньшей мере десяти – прямоугольных и круглых – построек, которые, по всей видимости, были возведены в один и тот же период. Полученные в Нокадуне радиоуглеродные датировки таковы: 4690 ± 240 до н.в., что после корректировки дает дату 3980–2710 гг. до н.э. (D-41), и 4410 ± 240 до н.в., что после корректировки дает дату 3690–2460 гг. до н.э. (D-40)[44]. Кроме того, дополнительные данные о заселении Ирландии и распределении земель дали топографические изыскания и раскопки полевых оград, поставленных до начала нарастания торфа[45].

Совершенно иное положение вещей в Шотлан
дии: так, на Оркнейских островах был обнаруже
ряд более поздних неолитических поселений, со
стоявших из смежных построек. Ярчайший том
пример – поселение Скара-Брэ. В нем было сем
соединенных узкими проходами каменных постро
ек, чередующихся с наслоениями первобытных хо
зяйственных отбросов. Еще одно строение (№ 8
располагалось чуть поодаль; в нем также имелис
очаг и встроенные полки, однако отсутствовали ха
рактерные для прочих домов постели и кухонны
столы. Большое количество фрагментов кремня
кремнистого сланца заставило В.Гордона Чайлд
предположить, что это была мастерская[46]. Еще один
образец поселения подобного типа на Оркнейски
островах – нолтландский Линкс, в котором один
дом также стоял отдельно и, возможно, имел куль
товое назначение. Его перестраивали, кроме того,
нем было найдено много «неслучайных» предметов
в том числе «множество черепов, выложенный ске
лет выдры, плотно уложенные в виде клиньев кост
рыб и грызунов без каких-либо примесей хозяйст
венных отходов. На булыжниках, заполнявших глав
ное помещение, лежали два черепа особей крупно
го рогатого скота и, по-видимому, специально вы
ложенный скелет орла»[47].

Рис. 6-26В



Огражденные валом пространства – хенджи, кольца, аллеи

Из полевых памятников самыми древними являются огражденные валом пространства более или менее овальной формы, вокруг которых проложены концентрические разомкнутые рвы (от 1 до 4 и более). Подобное сооружение в Уиндмиллхилле (рис. 6-26А), в котором обнаружено немалое количество ранненеолитических материалов, дало имя раннему периоду английского неолита. Постройки этого типа сконцентрированы на меловых почвах в центральной части Южной Англии; совсем недавно их также обнаружили в Ирландии. Окружающие их рвы ни в коем случае не относятся к укреплениям, возводившимся вокруг поселений. Немногочисленные сохранившиеся насыпи имеют бóльшую протяженность, нежели рвы: не исключено, что им придавали более важное значение и что рвы – всего лишь карьеры, из которых брали землю для насыпей[48]. У них почти вертикальные стенки и U-образное дно; что касается насыпей, то они идут с внутренней стороны рвов. Огражденное пространство может варьироваться от 3–4 акров, как в Кумбхилле (графство Сассекс), до 19–20 акров, как в Хамблдонхилле (графство Дорсет), или до 20–21 акра, как в самом Уиндмиллхилле[49]. В ряде случаев в пределах этих огражденных участков были найдены деревянные постройки. Правда, деревянные ворота были обнаружены только в Уайтхоке, а в Хембюри и Орсетте (графство Эссекс) – вкопанные в вал столбы. Кроме того, есть основания предполагать, что в Орсетте был внушительных размеров деревянный вход[50].

Внутри рвов обнаружены кости человека и животных, керамика, значительное количество пищевых остатков, а также кремневые и костяные орудия. Большая часть костей принадлежит крупному рогатому скоту, затем идут свиньи, овцы, козы и собаки (рис. 6-28В). Изредка попадаются кости маралов и косуль. В эти рвы было сброшено внушительное количество костей, причем многие из них расколоты, чтобы можно было извлечь костный мозг. Есть также свидетельства тщательного захоронения как разрозненных костей, так и целых животных. Что касается человеческих останков, то они, как правило, расчленены, хотя в некоторых случаях попадаются и целые скелеты[51]. Так, в Стейнзе было найдено два захоронения, которые, по-видимому, восходят к эпохе неолита. Одно из них – трупоположение женщины тридцати четырех – тридцати шести лет; второе – кремированные останки, которые, возможно, также принадлежали женщине лет тридцати[52].

Было выдвинуто много теорий по поводу назначения этих огороженных пространств. Наиболее широкое распространение получила гипотеза Смита[53], согласно которой это были своеобразные места общих собраний, возможно, для совершения ритуалов

Рис. 6-27

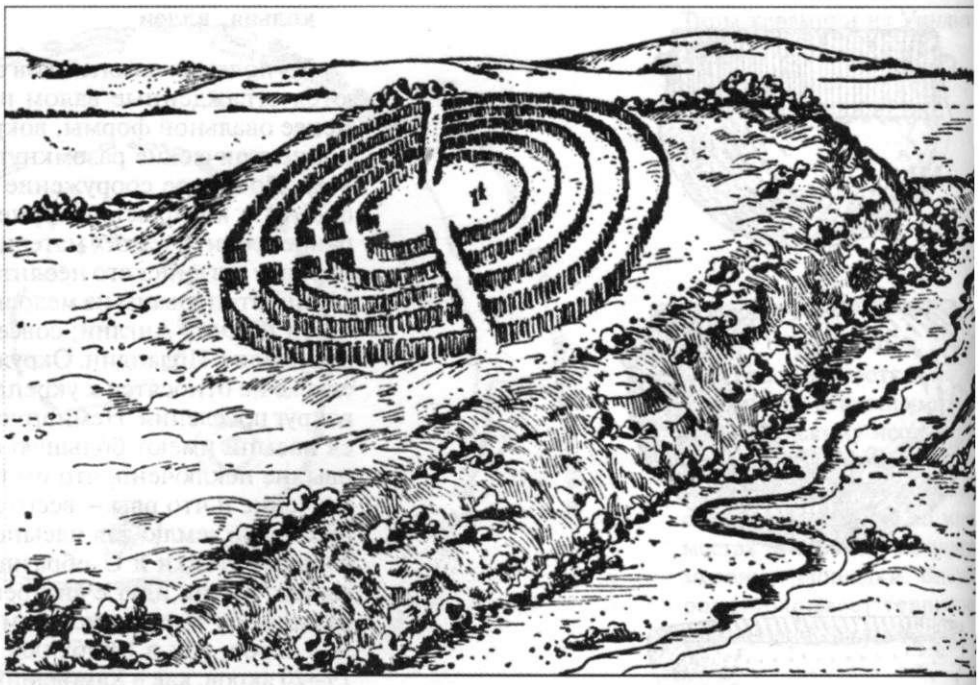


Рис. 6-27
Близкие параллели Уиндмиллхиллу и другим «лагерям с вымостками» следует искать на континенте. Это сооружение с пятью концентрическими кольцами, образованными деревянными изгородями, находится в Кенштедте, Центральная Германия, и относится к культуре воронковидных кубков, IV тыс. до н.э. Реконструкция.

или с торговыми целями. Дрюитт приводит весьма убедительные доводы в пользу того, что здесь выставляли останки умерших, которые, вследствие эрозии, оказались на дне рвов вместе с погребальными приношениями. Наличие костей животных свидетельствует в пользу предположения, что здесь совершались ритуалы, включая жертвоприношения[54]. Большая часть этих сооружений датируется IV тыс. до н.э. Что касается сходных огороженных пространств на континенте, то в случае культур лендель и линейно-ленточной керамики они восходят к V тыс. до н.э., а в случае культуры воронковидных кубков – к IV тыс. до н.э. (рис. 6-27).

Древняя Британия, в особенности Южная Англия и Уэльс, исключительно богата сооружениями подобного рода – как хенджами, которые образуют стоящие камни (естественные валуны или специально добытые куски породы), так и огражденными деревом кольцами. В целом их известно не менее тысячи. Некоторые из них являются истинными шедеврами, как, скажем, получившие громкую славу Стоунхендж, Эвбюри, Вудхендж. Около пятидесяти из этих круглых или эллиптических в плане сооружений соседствуют с таинственными земляными аллеями огромных размеров. Аллеи – прямые отрезки, расположенные между двух параллельных рвов и двух параллельных валов значительной протяженности: часто они имеют 1–2 км в длину, а иногда достигают 4 км и более.

На протяжении десятилетий ученых ставили в тупик почти идеальные формы этих круглых, эллиптических и яйцевидных сооружений. Так, А.Том пыта ся доказать, что неолитические строители, по ви видимости, поняли принцип пифагорейского тр угольника за две тысячи лет до Пифагора, иначе н возможно было бы вычертить эти идеальные окру ности и эллипсы[55]. Кроме того, значительную роль возведении этих построек отводят солнечным и лу ным ритуалам. Существуют и другие гипотезы, об ясняющие, почему эти монументы наделены таки идеальными формами. В своей только что опублик ванной работе Д.Т.Миден предлагает связать их с я лением метеорологического порядка, а именно с тем кругами, которые оставляют на лугах или на возд ланных полях вихревые воронки. Возможно, что зем ледельцы эпохи неолита обратили внимание на эт круги, эллипсы и аллеи и стали почитать их как пр явления могущества Богини[56].

Добыча кремня

Добыча кремня представляла собой весьма важ ную сферу деятельности. Судя по имеющимся дан ным, к 4200 г. до н.э. она велась в Черчхилле, Фин дон (графство Сассекс). Несмотря на то, что к югу о залива Уош (Восточная Англия) кремень распростра нен повсеместно, высококачественные сорта лежа под меловым слоем. Толщина последнего может н превышать одного метра, как, например, в Харро ухилле (графство Сассекс), однако в Граймз-Грэйв (графство Норфолк) разработки уходили вглубь н 15 м[57]. В Сиссбюри (графство Сассекс) и в Граймз

Грэйвзе есть указания на то, что здесь, помимо вырезанных в стене шахты ступеней, использовались деревянные лестницы. И в Граймз-Грэйвзе, и в Харроухилле имелась сложная система туннелей. Добытые куски кремня раскалывали прямо на месте добычи, а затем отправляли к месту назначения. От графства Корнуолл до Восточной Англии весь набор кремневых орудий гомогенен[58].

В Ирландии месторождения качественного кремня и порцелланита были лишь в прибрежных скалах и по берегу графства Антрим. Для прочих районов характерен низкокачественный кремень, оставшийся от ледниковых наносов. При отсутствии кремня орудия изготавливали из шерта или кварца.

Граймз-Грэйвз также дает нам некоторое представление о неолитических культах. О том, что они действительно существовали, свидетельствует женская статуэтка, вместе с меловым фаллосом найденная у сложенной в форме треугольника кучи кремня. У основания, напротив статуэтки, стояла меловая чаша. Весь этот комплекс был обнаружен в отработанной шахте: его религиозное назначение очевидно и не может вызывать сомнения даже у самых закоренелых скептиков. Примечательно, что его аналоги можно отыскать на медных приисках Центральной и Восточной Европы. К примеру, в Рудна-Главе (Югославия) в отработанных шахтах эпохи культуры винча (ок. 5000–4500 гг. до н.э.) была найдена исключительной красоты керамика и ящик, увенчанный головой барана, священного животного Богини-птицы. Скорее всего, она считалась покровительницей ремесел, в том числе металлургии и производства кремневых орудий (см. разделы, посвященные металлургии, торговле и ремеслам в главе III).

Мастерские по изготовлению топоров; символика топоров

Помимо кремневых разработок, в этом регионе имелись еще многочисленные мастерские по изготовлению топоров, – иначе говоря, пункты, где производились заготовки, которые затем перевозили в другое место для полировки. Археологи находят целые склады как полированных каменных топоров, так и топоров, изготовленных из мела, которые, очевидным образом, могли иметь только ритуальное назначение. Хотя топоры можно было переправлять на значительные расстояния, похоже, что у каждого района имелась своя мастерская по их изготовлению. Но это не мешало мастерским Уэльса и Корнуолла быть крупными экспортерами. Мастерские в северных и центральных районах Англии, а также в Уэльсе и в южных районах Англии, производили гораздо больше, нежели было необходимо для местных нужд, и могли вести оптовую торговлю[59]. Похоже, что из материалов особенно ценился порцелланит, хотя топоры также делали из глины, аспидного сланца, аргиллита, зеленого камня, долорита, диорита, эпидиорита и гранита.

Многие из найденных полированных топоров – скажем, те, что изготовлены из мела, глины, жадеита и змеевика, – очевидно, не имели и не могли иметь иного предназначения, помимо ритуального. Отдельные топоры были обнаружены тщательно захороненными у входа в могилу в Кривикил-Корте (Ирландия), причем некоторые из них были привезены из континентальной Европы. В Бретани топоры с топорищами или без них – частый мотив, характерный для мегалитических гробниц. Как и лобковый треугольник Богини, топор являлся символом плодородия. В эпоху неолита эти символы встречаются по всей Древней Европе, от Греции до Скандинавии и Ирландии.

Мощеные дороги

Около 4000 г. до н.э. в Южной Англии, особенно в районе Сомерсета[60], началось строительство мощеных дорог, что приблизительно совпадает по времени с созданием огражденного валом сооружения в Хембюри, длинных курганов в Уиндмиллхилле и Фасселз-Лодже, а также с кремневыми разработками в Сассексе. Самая древняя из них – Суит-Трак: она датируется где-то 4200–3700 гг. до н.э. Эти дороги были деревянными, как мостки через болотистые местности, поэтому со временем они оказались под слоем образовавшегося торфа.

Керамика

Керамика, известная под именем гримстон/лайлезхилл (Гримстон – поселение в графстве Йоркшир, Лайлезхилл – в графстве Антрим, Ирландия), является и самой ранней, и самой широко распространенной. Ее отличительные черты: ограниченный набор форм, круглые днища, S-образный профиль и остродонные чаши. Обычно керамика культуры гримстон/лайлезхилл не имеет украшений, однако ободок горлышка и его внутренняя часть могут быть рифлеными или волнистыми. У сосудов нет ни ушек, ни ручек[61].

Керамика хембюри в основном характерна для Юго-Запада Британии. Она лишена каких-либо украшений, но имеет горизонтальные и трубчатые ручки, которые раскрываются наружу, как раструб трубы, за счет чего и названы «ручки-трубы» («trumpet lugs»). Более совершенные изделия этого же стиля были обнаружены в графствах Корнуолл, Девон, Дорсет и Уилтшир, причем в контекстах, датирующихся приблизительно 4200–3200 гг. до н.э. Они изготовлены из габброидной глины, которая есть только в Лизардхеде (Корнуолл). Все эти сосуды отличаются редкой гомогенностью: по всей видимости, они были изготовлены в одном месте, что свидетельствует о нали-

чии торговли с отдаленными территориями[62]. Домашняя керамика позднего неолита подпадает под категорию, именуемую питерборо, и, судя по всему, является продолжением традиций более ранней керамики гримстон/лайлезхилл.

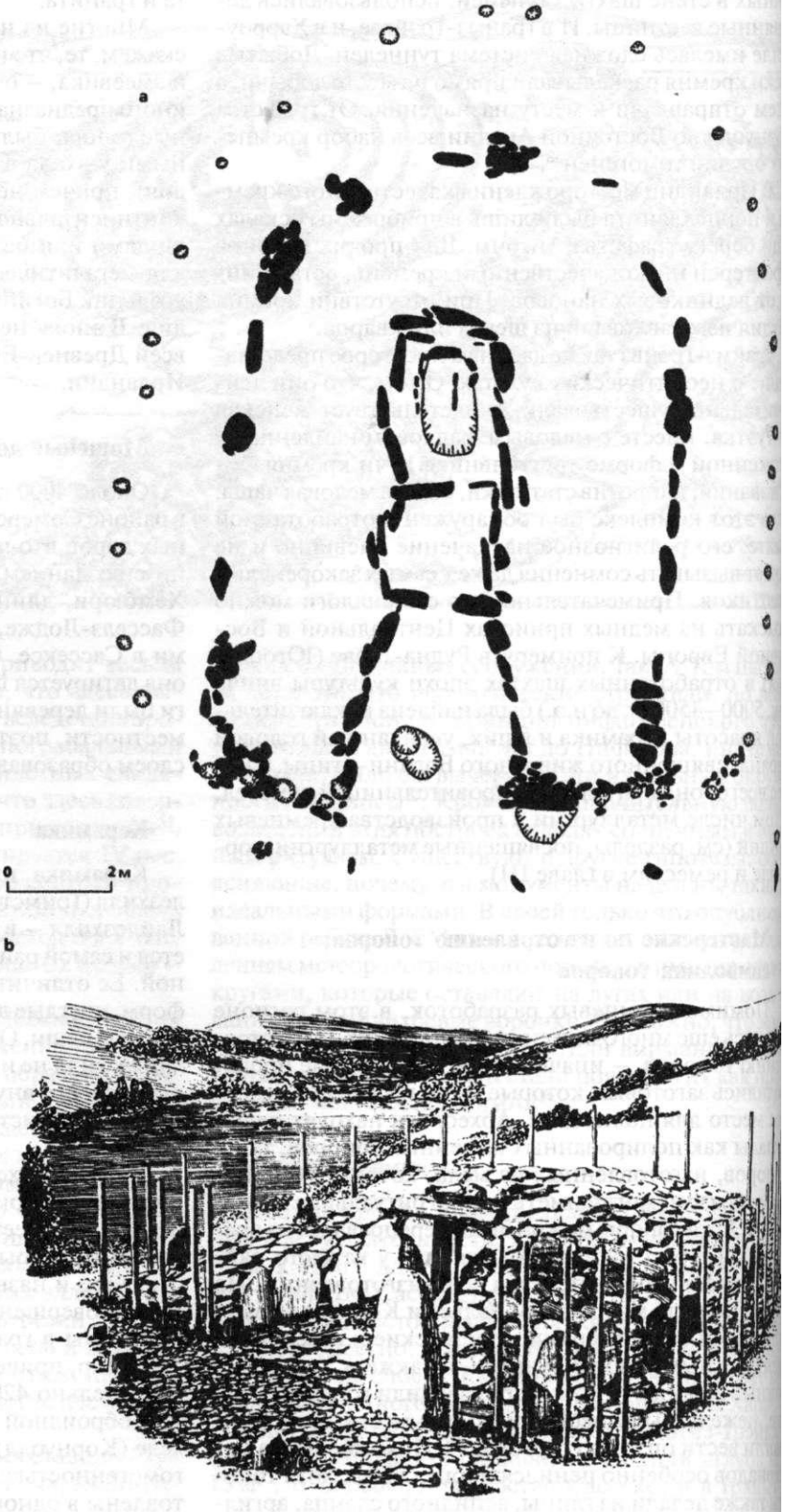
В Ирландии керамика не имеет отчетливо выраженных территориальных различий локализации. За исключением стиля лимерик, который характерен для района Лох-Гур, все прочие стили встречаются по всему острову. Так, керамика культуры кэрроукил связана с коридорными гробницами и поселениями и датируется по меньшей мере серединой IV тыс. до н.э. Ее отличают толщина черенка, грубость лепки, круглое днище и линейный орнамент (тип «stab-and-drag»). Еще одна категория – орнаментированная керамика линкардстаун, которая связана с одиночными захоронениями[63].

В Шотландии и на северных островах самыми распространенными типами керамики являются энстон и грувд. Энстон – круглодонная и тонкостенная керамика, которая встречается как в погребальных комплексах, так и в местах поселений; по всей видимости, это местный вариант более ранней неолитической традиции. Керамика грувд – плоскодонная, для нее характерны не столько рифленые, сколько лепные украшения. Она была распространена по всей Британии; на юге Англии ее называют керамикой культуры райнио-клэктон. Не вызывает особых сомнений, что керамика культуры грувд имела продолжение в эпоху позднего неолита[64].

Погребальные памятники Ирландии

На протяжении последних 30 лет мегалитические погребальные сооружения Ирландии подверглись новым тщательным исследованиям, результаты которых были собраны и в 1960-х гг. опубликованы де Валера[65]. Были получены сведения, которыми ученые ранее не располагали или которые

Рис. 6-28



были разбросаны по многочисленным публикациям. Согласно этому исследованию, большая часть мегалитических гробниц подпадает под одну из четырех категорий: корт-каирн, портальные, коридорные и клиновидные. Последние относятся к бронзовому веку, а потому здесь не рассматриваются.

Гробницы с насыпью и двориком

Около 300 гробниц корт-каирн (т.е. гробниц с насыпью и двориком), также именуемых «рогатыми гробницами», было обнаружено на севере Ирландии: более они нигде не встречаются. Их крупные скопления имеются в прибрежных районах западных графств Мейо, Слайго, Донегол, а также в восточных графствах Лаут, Даун и в окрестностях Карлингфорд-Лоха. Архитектура этих гробниц весьма разнообразна, однако их основополагающими чертами являются просторный двор, обрамленный вертикально поставленными камнями, и погребальная камера или несколько камер, поверх которых возведена треугольная, трапециевидная или же более или менее прямоугольная насыпь – к нашему времени они в основном уже исчезли с лица земли (рис. 6-28).

Для этих захоронений характерна как кремация, так и ингумация, хотя первый способ, судя по всему, преобладает. Корт-каирны содержат мужские, женские и детские захоронения, однако ни в одной гробнице они не бывают слишком многочисленными. Так, в Одлистауне (графство Даун) обнаружены останки 34 человек, причем почти все были ингумированы. Погребальный инвентарь таких гробниц включает в себя декорированную и недекорированную керамику, наконечники стрел, скребки и ножи.

Рис. 6-29
Портальная гробница, сооруженная из больших камней. Ирландия, Друмейнон, графство Слайго, к востоку от Блайла. Расположена на невысокой гряде у холмистых пастбищ; состоит из многоугольной камеры, покрытой огромной плитой.

Рис. 6-29

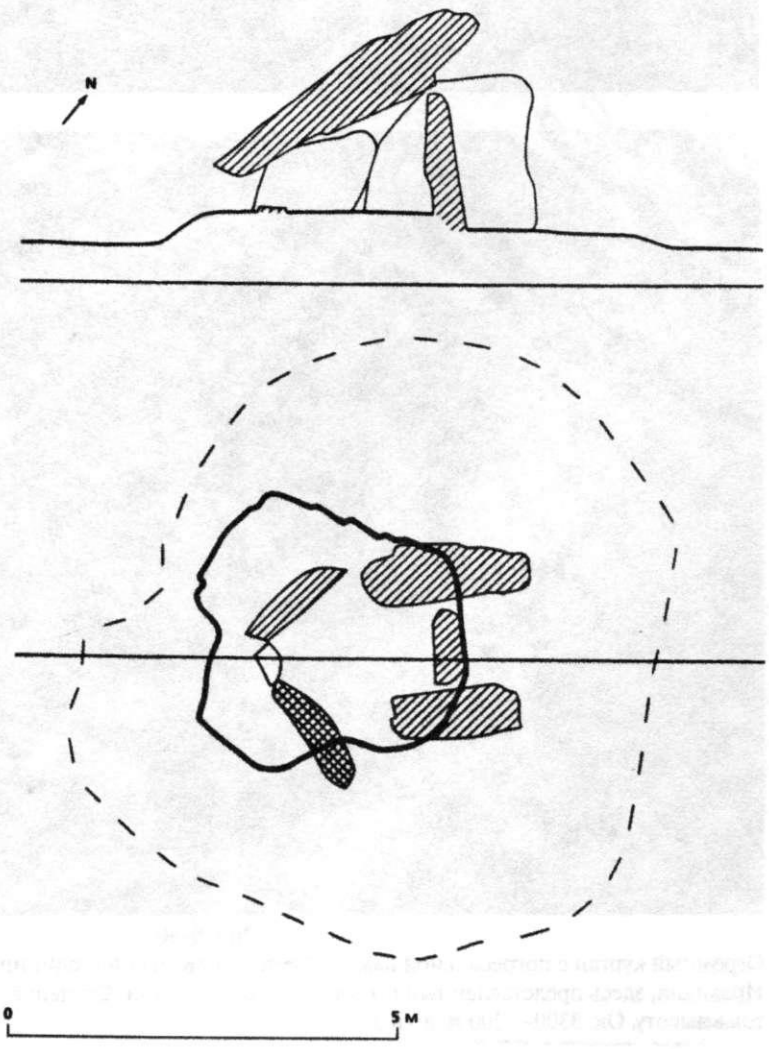
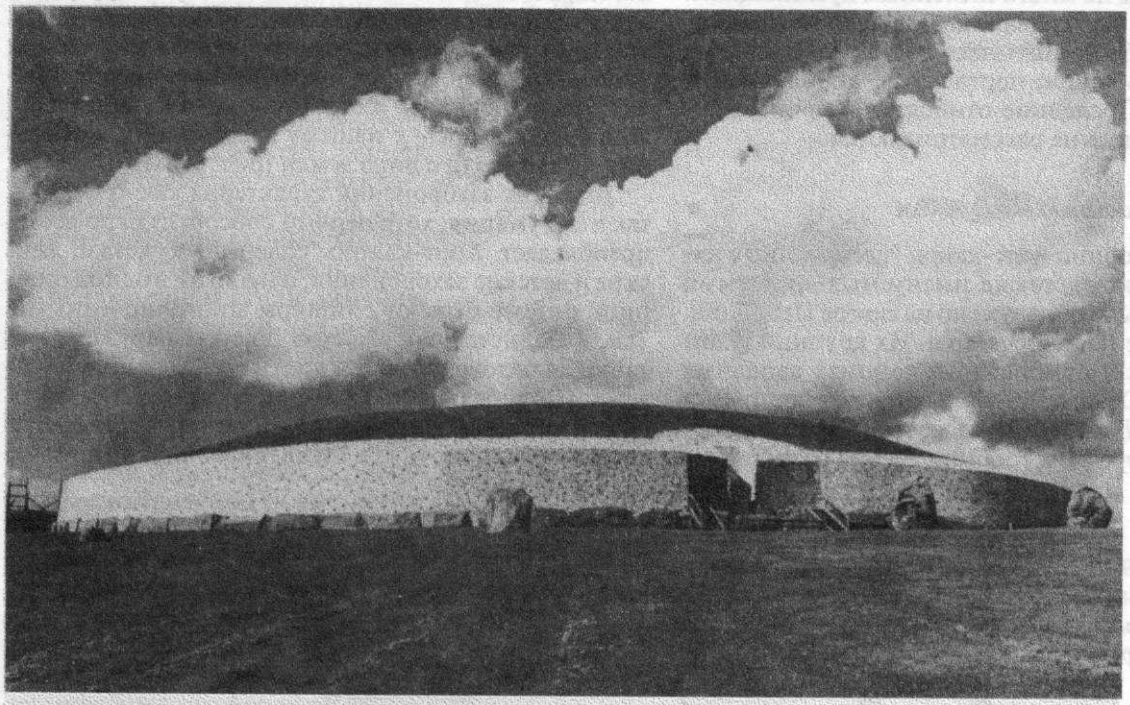


Рис. 6-28
Ирландская гробница с насыпью и двориком; (a) план и (b) реконструкция. Перед гробницей – обширный двор и мощеное камнем пространство. С правой стороны от входа стоит большой камень треугольной формы. Каменная насыпь, как указывают ямы от столбов, была окружена деревянным частоколом. Шэнбаллиэдмонд, графство Типперэри.

Рис. 6-30

a



b

Рис. 6-30

Огромный курган с погребальной камерой в мегалитической традиции – Нью-Грейндж, графство Мит, Ирландия, здесь представленный (a) в виде реконструкции. Ступенчатый свод камеры (b) имеет 20 футов в высоту. Ок. 3300–3200 гг. до н.э.

Рис. 6-31

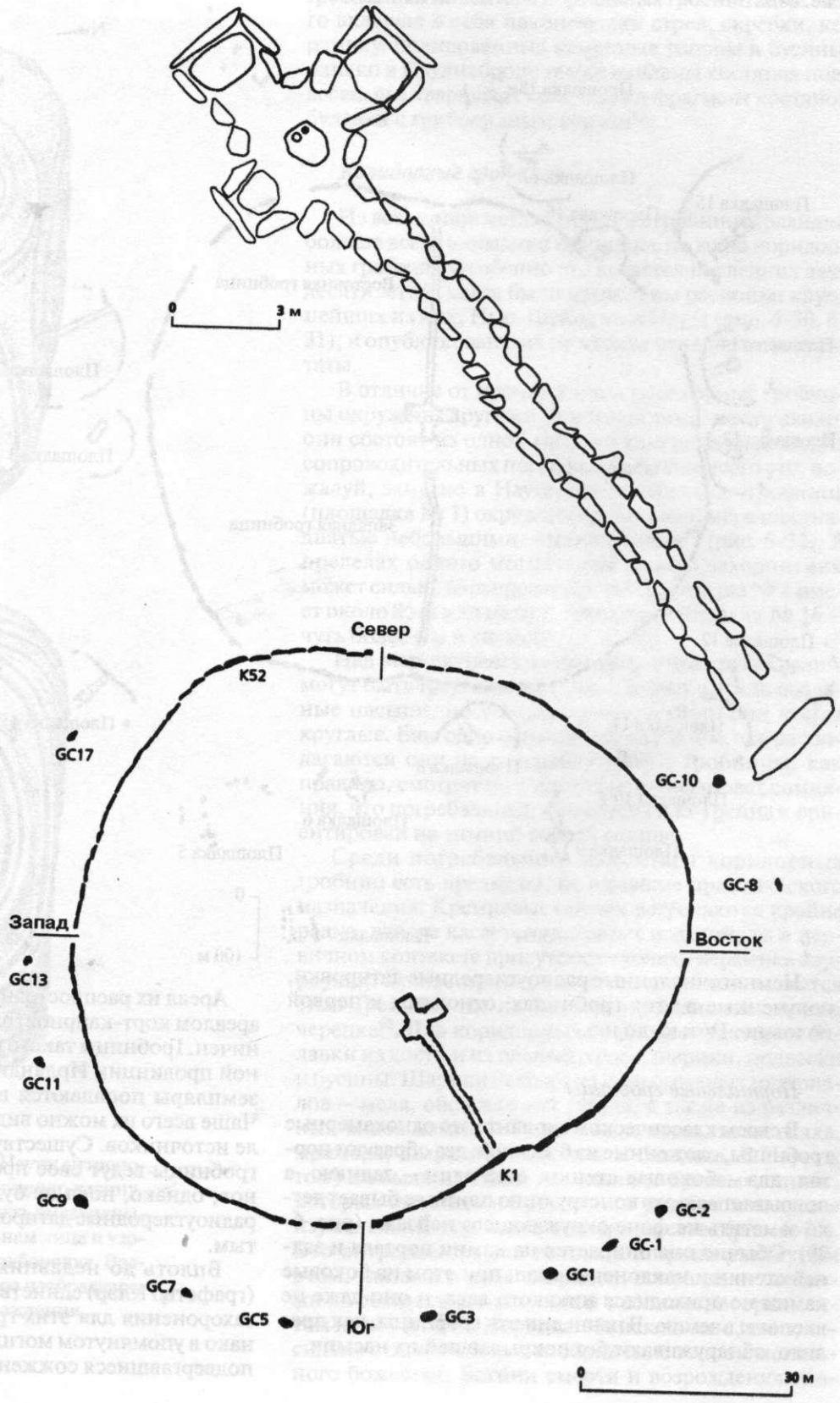


Рис. 6-31
План гробницы (подробности в тексте), керб (K) и гигантский каменный круг (GC). К погребальной камере в центре кургана ведет узкий коридор длиной ок. 200 футов. Нью-Грейндж, графство Мит, Ирландия.

Рис. 6-32

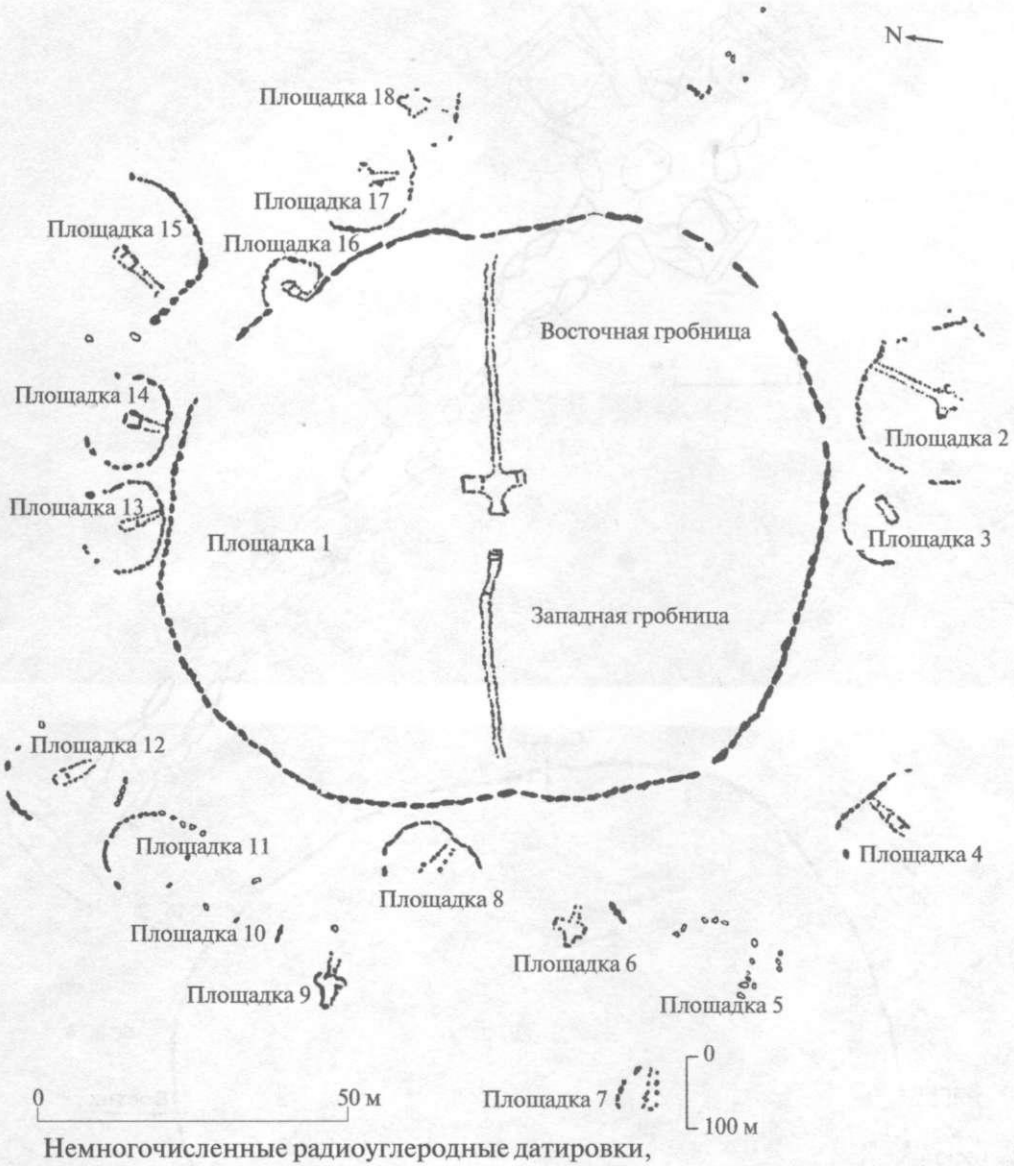


Рис. 6-32
План комплекса Нау
новная насыпь, восто
и западные захорон
длинные коридоры и м
могилы. Графство Ми
ландия. Середина IV
до н.э.

Немногочисленные радиоуглеродные датировки, полученные в этих гробницах, относятся к первой половине IV тыс. до н.э.

Портальные гробницы

В своем классическом варианте это однокамерные гробницы, сложенные из 6 камней: два образуют портал, два – боковые стенки, еще один – заднюю, а покрывает всю эту конструкцию плита: ее бывает легко заметить на фоне окружающего пейзажа (рис. 6-29). Обычно она опирается на камни портала и задней стенки и наклонена назад; при этом на боковые камни не приходится никакого веса, и они даже не вкопаны в землю. В наши дни эти гробницы, как правило, обнаруживают без покрывавшей их насыпи.

Ареал их распространения во многом совпад
ареалом корт-каирнов, однако он менее строго о
ничен. Гробницы такого рода можно встретить в
ной провинции Ирландии Ленстер, а отдельны
земпляры попадаются в графствах Клэр и Гол
Чаще всего их можно видеть в низинах, нередко
ле источников. Существует мнение, что портал
гробницы ведут свое происхождение от корт-к
нов, однако, пока не будут получены более точ
радиоуглеродные датировки, вопрос остается от
тым.

Вплоть до недавних раскопок в Паулнабр
(графство Клэр) единственным известным спосо
захоронения для этих гробниц была кремация.
нако в упомянутом могильнике были обнаружен
подвергавшиеся сожжению останки 22 человек.

Рис. 6-33

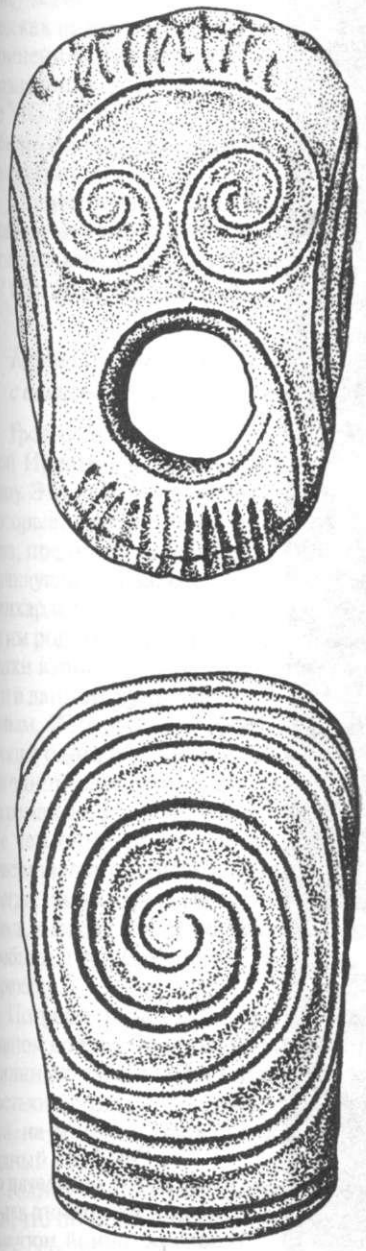


Рис. 6-33
Примечательный артефакт из Наута: антропоморфная кремневая голова с широко разинутым ртом, спиралями вместо глаз, змеевидными спиралями по обеим сторонам лица и узором из желобков на лбу и на подбородке. Возможно, что это – стилизованное изображение головы Богини смерти и возрождения.

гребальный инвентарь портальных гробниц чаще всего включал в себя наконечники стрел, скребки, керамику, полированные каменные топоры и бусины, однако в Паулнаброне также найдены костяная подвеска, два кварцевых кристалла и фрагмент костяной булавки с грибовидным верхом[66].

Коридорные гробницы

Из всех типов мегалитических гробниц Ирландии больше всего внимания пришлось на долю коридорных гробниц. Особенно это касается последних двух десятилетий, когда были проведены раскопки крупнейших из них, Нью-Грейнджа и Наута (рис. 6-30, 6-31), и опубликованы их не вполне очевидные результаты.

В отличие от прочих типов, коридорные гробницы окружены другими захоронениями: как правило, они состоят из одной главной камеры и нескольких сопроводительных погребений. Лучше всего это, пожалуй, заметно в Науте, где центральная гробница (площадка № 1) окружена по меньшей мере шестнадцатью небольшими захоронениями[67] (рис. 6-32). В пределах одного могильника размер захоронений может сильно варьироваться: так, площадка № 1 имеет около 85 м в диаметре, тогда как площадка № 16 – чуть более 4 м в диаметре.

Над мегалитическими гробницами других типов могут быть треугольные, трапециевидные или овальные насыпи, но у коридорных гробниц они всегда круглые. Еще одно отличие состоит в том, что располагаются они на возвышенностях. Гробницы, как правило, смотрят на восток: так, не вызывает сомнения, что погребальный комплекс Нью-Грейндж ориентирован на зимний восход солнца.

Среди погребального инвентаря коридорных гробниц есть предметы, не имевшие практического назначения. Кремневые орудия встречаются крайне редко, что же касается глиняных изделий, то в первичном контексте присутствует только керамика кэрроукил. Ярким примером этой тенденции является Нью-Грейндж, где не было обнаружено ни единого черепка[68]. Для коридорных гробниц характерны булавки из кости и из оленьего рога, шарики, подвески и бусины. Шарики бывают из самых разных материалов – мела, обожженной глины, а также из различных видов камня – бурого железняка, известняка, мрамора, кварцита, змеевика и базальта. В Науте к тому же были найдены две «головы-булавы», одна из которых отличается прекрасной резьбой и является изумительным произведением искусства (рис. 6-33). Это антропоморфная голова с широко разинутым ртом, глазами в виде спиралей, спиралями-змейками по обеим сторонам лица и с волнистым орнаментом на лбу и на подбородке. Не исключено, что это – сильно стилизованное изображение головы могильного божества, Богини смерти и возрождения. Ко-

Рис. 6-34

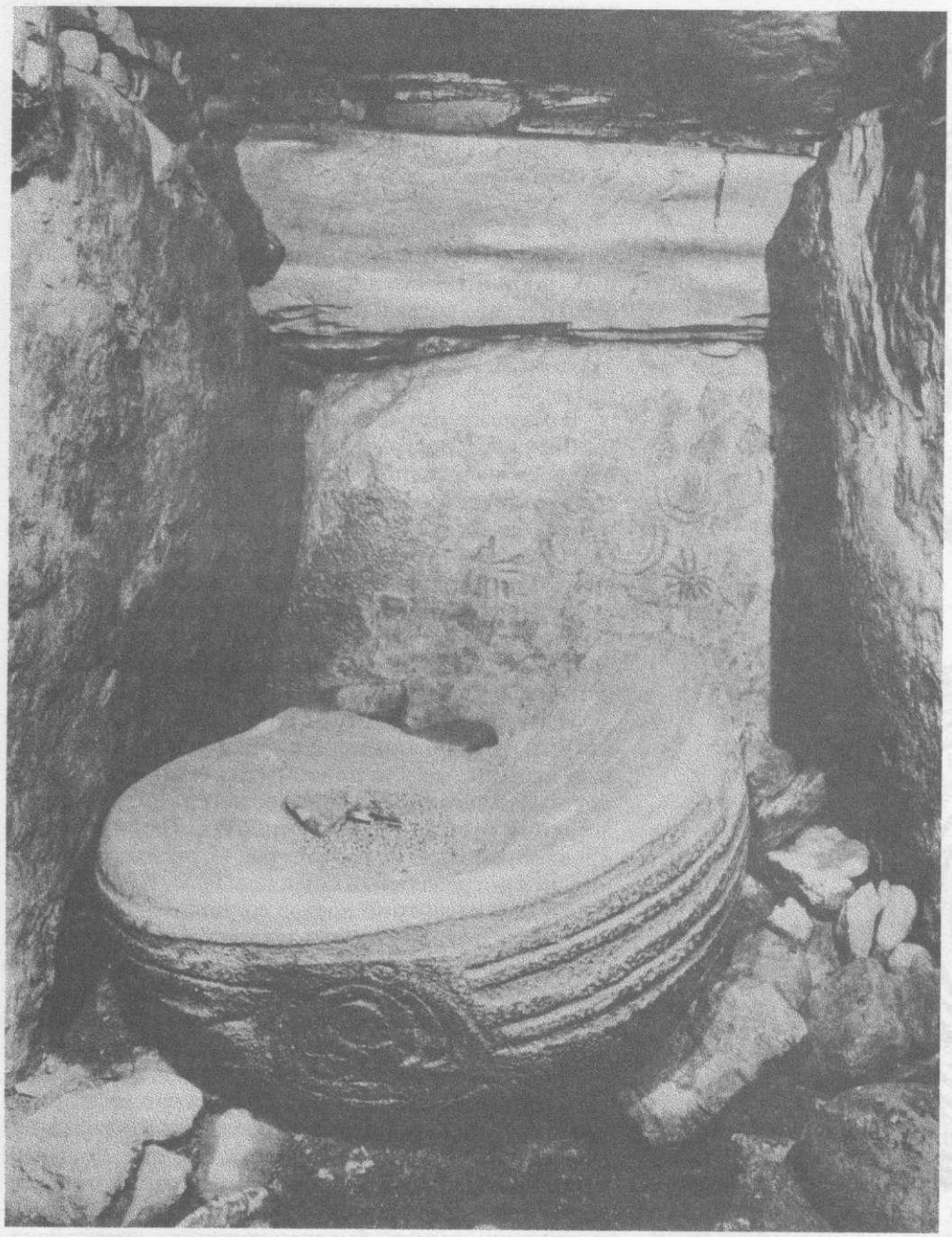


Рис. 6-34
Каменный резервуар с
резьбой из правого аль-
кова восточной могилы
Наута.

ридорные гробницы, особенно те, что расположены в долине реки Бойн, привлекают особое внимание рисунками, которые вырезаны (выдолблены) на камнях как внутри гробниц, так и снаружи. Не вызывает сомнения, что эти изображения имели ритуальное назначение (обсуждение этой проблемы см. в главе VII). Кроме того, в Нью-Грейндже и в Науте были обнаружены удивительно тонкой работы каменные чаши (рис. 6-34).

Полученные в Нью-Грейндже и Науте радиоуглеродные датировки позволяют с уверенностью отнести эти комплексы к середине – второй половине IV тыс. до н.э. (Табл. 24).

Курганы линкардстаун с одиночными захоронениями

Гробницы линкардстаун Восточной и Центральной Ирландии принадлежат к совершенно иному типу. Это каменные цисты под круглыми насыпями, которые, в отличие от прочих мегалитических гробниц, предназначены не для коллективных, а для индивидуальных захоронений. Восемь гробниц группы линкардстаун и еще двадцать две, которые считаются им родственными, содержат ингумированные останки взрослых мужчин. Это свидетельствует о том, что в данной культуре первое место отводилось мужчинам. В некоторых гробницах присутствуют останки еще одного человека, обычно ребенка или юноши, а в одном случае помимо ингумации использовалась и кремация. Но хотя останки могут принадлежать более чем одному человеку, погребальная церемония совершалась единожды, после чего усыпальницу навсегда закрывали. Нет никаких подтверждений, что здесь, как это было характерно для мегалитических гробниц, подобного рода ритуалы имели постоянный характер.

Погребальный инвентарь этих захоронений в основном состоит из богато украшенных круглодонных глиняных чаш с горизонтальным горлом. Они полностью покрыты орнаментом и, за исключением одной, на донышках имеют крестообразный или лучевидный узор.

Радиоуглеродные датировки свидетельствуют о том, что по крайней мере три из этих гробниц восходят к середине IV тыс. до н.э., то есть хронологически они более или менее совпадают с большими коридорными погребениями долины реки Бойн.

Значение гробниц культуры линкардстаун чрезвычайно велико: это самый ранний для Ирландии образчик одиночных захоронений, демонстрирующий кардинально иной подход к погребению, нежели тот, что существовал в рамках мегалитической традиции. Как убедительно показала в своей диссертации 1989 г. К.Джонс-Блай, они принадлежали к курганной (индоевропейской) традиции[69]. Солярные мотивы на керамических изделиях – часть чужой идеологии, принесенной народом, который хоронил своих покойников в одиночных могилах под круглыми курганами. Их аналоги можно отыскать на континенте, в районе Рейна и Верхнего Дуная, поскольку самые ранние солярные мотивы появились в рамках культурных групп рессен и айхбюль-швибердинген, которые датируются 4300–3900 гг. до н.э. (см. главу X). В Восточной Ирландии пришельцы какое-то время сосуществовали со строителями коридорных гробниц, но в дальнейшем либо с ними слились, либо были ими вытеснены.

Погребальные сооружения Англии

Для западных областей Англии в основном характерны каменные сооружения, схожие с аналогичными ирландскими памятниками, в то время как в восточных областях древнейшие погребальные постройки были деревянными, покрытыми сверху длинными земляными курганами.

Портальные гробницы

Портальные гробницы Уэльса и Корнуолла весьма напоминают ирландские, но не исключено, что именно их следует считать едва ли не самыми древними: на это указывает керамика, найденная в Дайффрин-Ардедвае, который ассоциируется с огороженной территорией в Хембюри середины V тыс. до н.э.

Камерные гробницы

Камерные гробницы родственны ирландским корт-каирнам и также возводились из камня. Их подразделяют на котсуолд-севернскую группу, которая охватывает юг Уэльса и западные области Англии (вдоль по реке Северн к Котсуолдским холмам графства Глостершир), и гробницы клайд, которые входят в клайд-карлингфордскую группу, охватывающую оба побережья Ирландского моря[70]. Группа клайд – это запад и юго-запад Шотландии, а карлингфордом именуются ирландские гробницы с насыпью и двориком. Все эти термины не утратили своей целесообразности, поскольку позволяют лучше различать вариации форм и различия географического расположения, однако чем дальше, тем очевидней, что речь идет именно о вариациях.

Длинные земляные курганы

Самые ранние радиоуглеродные датировки получены из длинных земляных курганов, часть из которых восходит к V тыс. до н.э. (Табл. 23, левый столбец). Они тянутся с юга Англии, в основном по восточной части острова, вплоть до Южной Шотландии, захватывая ее низменные области и их северное продолжение. Большая часть длинных земляных кургa-

Рис. 6-35

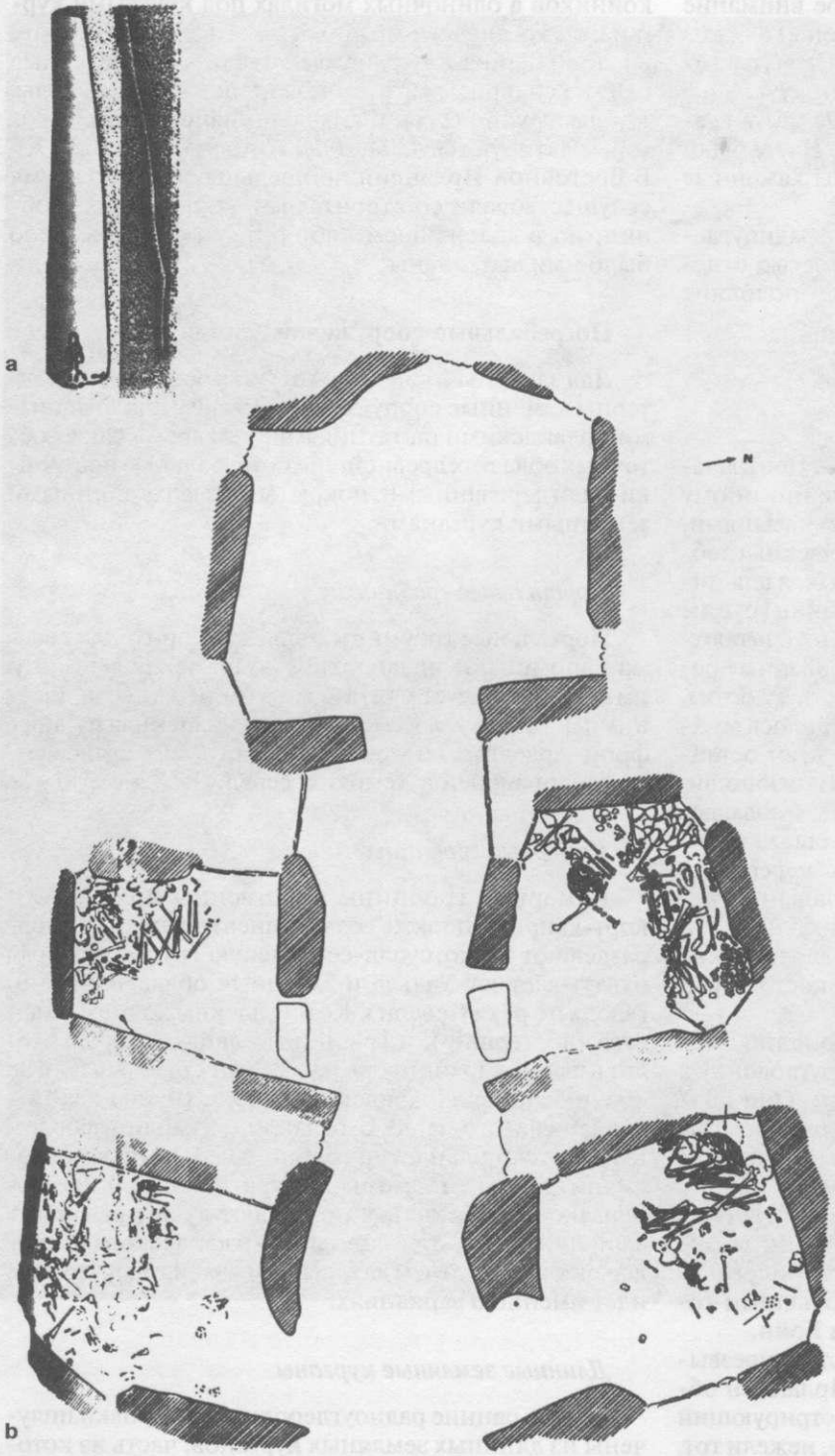


Рис. 6-36

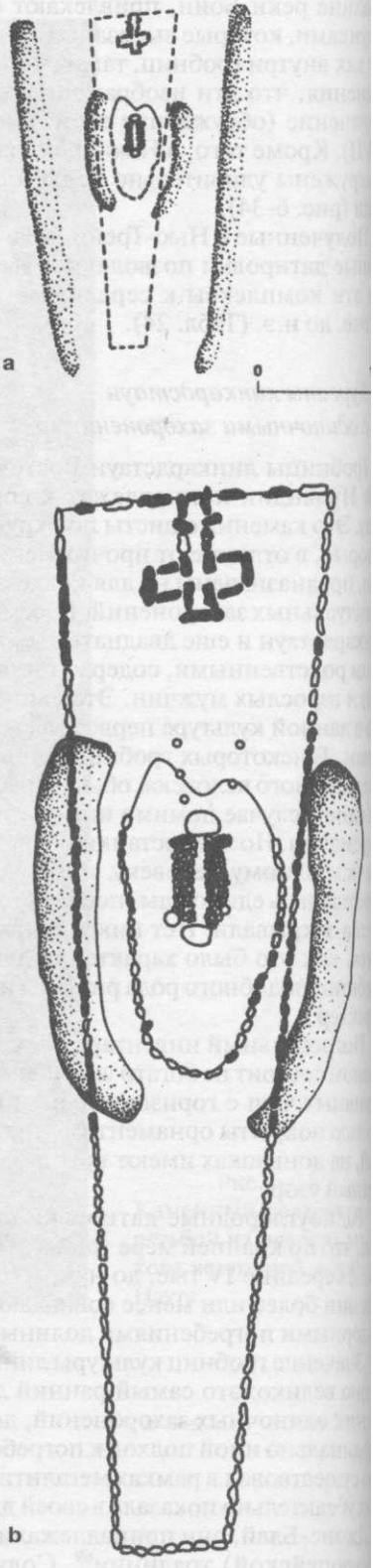


Рис. 6-37

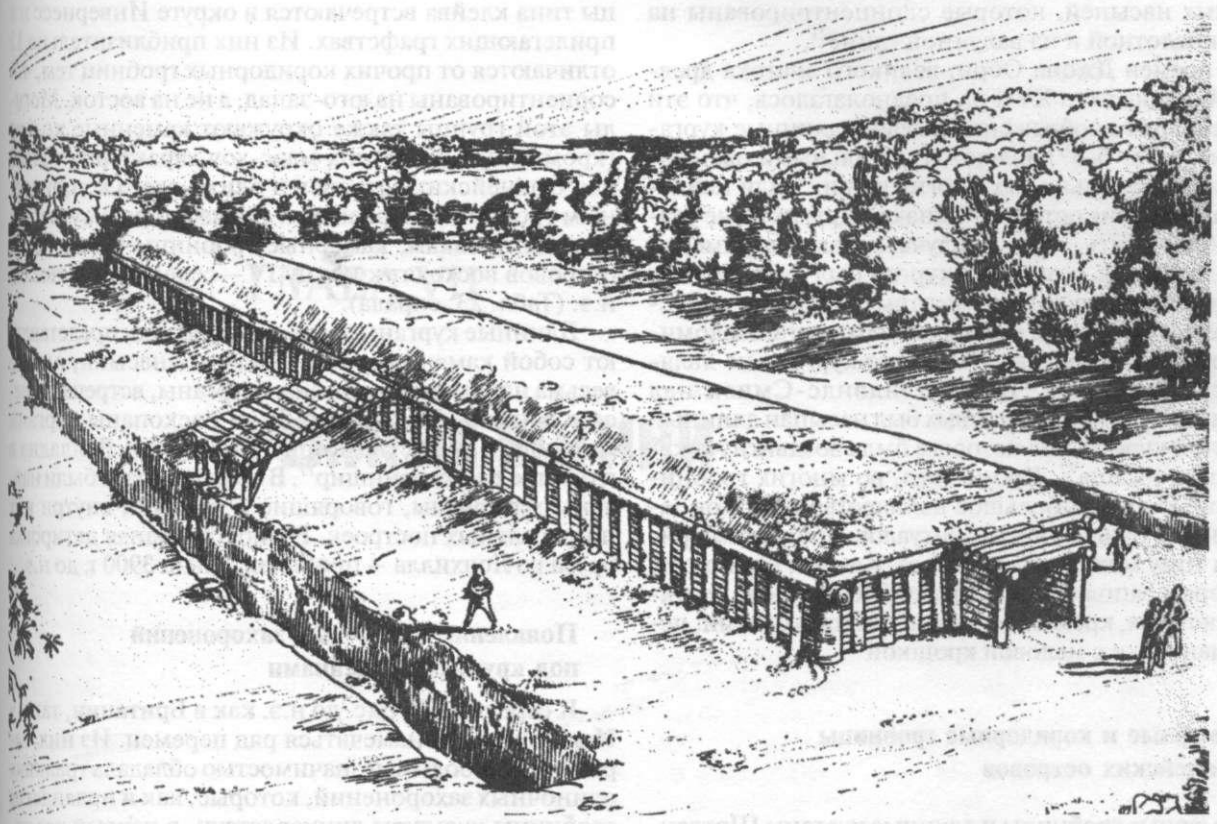


Рис. 6-35

(a) Длинный курган Уэст-Кеннет длиной в 100 м. Перед его фронтальной стороной (широкий конец) – передний двор, ведущий к мегалитическим погребальным камерам, в которых сложены разрозненные части скелетов. (b) Подробный план первоначальных захоронений. Вторая половина V тыс. до н. э.

Рис. 6-37

Предположительная реконструкция длинного кургана в Фасселз-Лодже, графство Уэссекс, Англия. Ок. 3900–3800 гг. до н. э.; длина 51,5 м.

Рис. 6-36

Планы двойного кургана Уэйбери-Смизи и Эшбери, графство Беркшир, Англия. (a) На плане обозначены боковые рвы, откуда брали землю для второго длинного кургана; (b) более подробный план первоначального кургана. Первая насыпь длиной в 16,5 м была окружена большими ортостатами. Под ней находилась деревянная камера с трапециевидным двором. По обеим сторонам насыпи – рвы стручковидной формы. На каменном полу погребальной камеры сложены разрозненные останки по крайней мере 13 человек и один скелет в скорченной позе. Второй трапециевидный курган был воздвигнут над первым, имел 54 м в длину и был также окружен большими ортостатами. Погребальная камера была покрыта белым мелом и имела две боковые ниши (с широкого конца кургана), в которых обнаружены кости 8 человек.

нов расположена на меловых почвах, в отличие от длинных насыпей, которые сконцентрированы на более кислотной и на валунной глине[71].

Со времен Джона Обри, великого знатока древностей, жившего в XVII в., предполагалось, что эти потрясающие воображение и очень длинные курганы (рис. 6-35–6-37) являются могильными насыпями, и действительно, во многих из них были найдены человеческие останки. Однако в других их не удалось обнаружить, а в ряде случаев, как, например, в Фасселз-Лодже, земляной курган был насыпан поверх деревянного домика мертвых. Недавно проведенное исследование показало, что сочетание домика мертвых и длинного земляного кургана не является столь редким. Так, в Уэйлэндс-Смизи над деревянным домиком мертвых был насыпан длинный земляной курган, над которым была воздвигнута камерная гробница[72]. Кроме того, во многих гробницах можно видеть большое количество остатков заупокойных трапез и других ритуалов. Ярчайшим примером тому может служить Уэст-Кеннет, где проход к камерам заполнен осколками 250 сосудов, костями животных, кремнями и разными предметами, перемешанными с меловой крошкой[73].

Камерные и коридорные гробницы Оркнейских островов

Камерные гробницы и длинные курганы Шотландии и Оркнейских островов были подвергнуты тщательному исследованию О.Хеншолл[74], которая подразделяет камерные гробницы на могилы клайд и коридорные гробницы. Могилы клайд есть в Аргайле и Арране, на Гебридских островах, в графстве Пертшир и на юго-западе Шотландии; они схожи с ирландскими гробницами с насыпью и двориком. Что касается коридорных гробниц, то они делятся на четыре основных категории. 1) Оркнейский – кромартийский – гебридский тип (о-к-г) – обычные коридорные гробницы, хотя порой их камеры имеют столь удлиненную форму, что их покрывают уже не круглые, а длинные курганы. Больше всего их обнаружено на Оркнейских островах. В качестве примера можно привести Мидхау на острове Раузи и Айсбистер на острове Саут-Роналдсей (см. рис. 7-115). 2) Баргреннанский тип – небольшая группа захоронений, местный гибрид ранних гробниц клайд и коридорных гробниц типа о-к-г. Их дистрибуция не выходит за рамки ареала группы клайд. 3) Камерные гробницы типа клейва встречаются в округе Инвернесс и в прилегающих графствах. Из них приблизительно 12 отличаются от прочих коридорных гробниц тем, что сориентированы на юго-запад, а не на восток. Могилы этой группы также окружают каменные кольца (кромлехи)[75]. 4) Группа маэс-хоу характерна только для Оркнейских островов и ближе всего к коридорным гробницам Ирландии. Согласно радиоуглеродным датировкам, камерные гробницы Оркнейских островов восходят к концу IV – середине III тыс. до н.э. (Табл. 23, справа).

Длинные курганы здесь, как правило, представляют собой каменные, а не земляные насыпи, однако весьма напоминают длинные курганы, встречающиеся в Англии. Полностью были раскопаны курганы Лочхилл в графстве Керкубришир[76] и Дэлладиз в графстве Киркардиншир[77]. В обоих случаях были найдены материалы, говорящие о наличии внутри них погребальных построек. Радиоуглеродная датировка бруса из Лочхилла – приблизительно 3900 г. до н.э.

Появление одиночных захоронений под круглыми курганами

К середине IV тыс. до н.э. как в Британии, так и в Ирландии стал намечаться ряд перемен. Из них, вероятно, наибольшей значимостью обладала традиция одиночных захоронений, которые, как и ирландские гробницы культуры линкардстаун, в первый раз появляются в середине IV тыс. до н.э. Свидетельства их существования в Британии не столь очевидны, однако они есть в таких захоронениях, как Лиффс-Лоу (графство Дербишир) и Даггльби-Хау. Одно из самых ярких свидетельств изменения погребального ритуала было, по всей видимости, обнаружено в Уайтграундз-Берроу, Бериторп, где большой круглый курган с одним центральным захоронением останков мужчины полностью перекрывает более ранний овальный курган, под которым находились останки 8 человек. Радиоуглеродная датировка более раннего кургана – ок. 3700 г. до н.э., тогда как более поздний восходит примерно к 3340–3120 гг. до н.э.[78] За этими курганами стоят совершенно различные общественные системы, религиозные практики и погребальные обычаи. В одном случае подчеркивалось общее возвращение в царство предков и регенерация в могиле – утробе Богини, в другом – личные заслуги отдельных мужей (см. главы VII и X).

ГЛАВА VII

РЕЛИГИЯ БОГИНИ

Судя по несметному количеству изображений, доставшихся нам от доисторической Евразии, источником древнейших религиозных переживаний было великое таинство женской животворящей силы созидания. Великая Богиня-Мать, из священного мрака утробы которой исходят все творения, была метафорой самой Природы, вселенского источника жизни и смерти, постоянно обновляющегося в непрерывной смене жизни, смерти и возрождения.

Археологи находят очень древние кремневые изображения женщин и животных, которые датируются ашельским периодом нижнего палеолита, т.е. изготовлены более 500 000 лет назад[1]. Начиная с мустьерского периода среднего палеолита (от 100 000 до 40 000 лет назад) над захоронениями стали устанавливать камни треугольной формы и вырезать чашевидные знаки. Эта древнейшая религиозная символика еще не была систематически изучена; бóльшая часть исследований обращена к периоду верхнего палеолита (от 40 000 до 10 000 лет назад).

На период верхнего палеолита пришелся настоящий творческий взрыв – огромный объем наскальной живописи, каменной резьбы и скульптур. Пещеры, в которых можно видеть эти изумительные рисунки и резные изображения животных, были святилищами; там проходили сезонные и инициационные ритуалы и другие обряды, связанные с сакральным циклом бытия[2]. Между 27000 и 25000 гг. до н.э. появляются миниатюрные скульптуры разнообразных божеств из камня, рога или кости. Около трех тысяч подобных статуэток было найдено на пространстве между Южной Францией и Центральной Сибирью[3]. Богатство материала позволяет приблизительно установить их символическое значение, а различие форм, жестов и атрибутов, в сочетании с данными о месте их обнаружения, – классифицировать их типы, отражающие различные ипостаси и функции Богини.

Древнейшие из вырезанных на скалах символов, как и изделия из рога и кости, являются прямым следствием глубочайшей веры в Богиню–дарительницу жизни, источник всего сущего, которая, однако, может принимать разные обличия. Начиная с 25000 г. до н.э. ее изображения уже наделены грудью, вульвой и ягодицами огромного размера: так выделяются зоны излучения ее детородной мощи. Изучение символики палеолитического искусства показывает, что в эту эпоху созидающее божество было именно женским, а не мужским. Более того, во всем палеолитическом искусстве нет ничего, похожего на фигуру Отца. Вынашивание и вскармливание потомства – неважно, растений, животных или людей, – такова первичная модель образа Богини, источника всего живого.

Вырезанные из слоновой кости или мягких каменных пород миниатюрные женские статуэтки не были ни «Венерами», хоть их часто так именуют, ни «амулетами плодовитости», предназначенными для стимуляции мужской сексуальности. Их роль была намного важнее: они давали жизнь и оберегали ее, приносили смерть и обеспечивали возрождение. Богиня олицетворяла собой все формы и проявления постоянно обновляющегося жизненного цикла. Мы истолковываем ее функции, опираясь на тщательное изучение атрибутов этих древних скульптур: их поз, жестов, головных уборов и соответствующей религиозной символики. Многообразие способов репрезентации женского божества, остававшегося актуальным на протяжении многих тысячелетий, хорошо прослеживается на примере сохранившихся верхнепалеолитических артефактов.

Иконография Богини данного периода включает в себя несколько типов символических изображений абстрактного или иероглифического характера: знаки в виде «X» и «V», треугольники, меандры и т.д.; более предметные изображения в виде вульвы, грудей и птичьих лапок; символические изображения животных, воплощающие различные ипостаси Богини и ее могущества. Эта иконография культа Богини в общих чертах сохранилась и после возникновения земледелия, но, конечно, в более развитом виде, что соответствовало изменению экономических условий.

Эпоха неолита ознаменовала новый расцвет творческого самовыражения. Благодаря изобретению керамики (ок. 6500 г. до н.э.) на свет появились тысячи глиняных статуэток и сосудов, храмы и их миниатюрные модели, стенные росписи, рельефы и бесчисленные предметы обрядового назначения. Арсенал религиозных символов стократно возрос, что дает обширный материал для дешифровки иконографии Богини. Более того, символические образы Древней Европы (6500–3500 гг. до н.э.) – главный ключ к религии эпохи палеолита, поскольку для многих из них характерна преемственность традиции. Реконструкция этой символической системы была нами предпринята в книге «Язык Богини»[4].

Статуэтки различных воплощений Богини могли быть отчетливо изобразительными, включая детальное воспроизведение ее одеяния и головного убора, или же предельно схематизированными. Не исключено, что последние имели вотивный характер или же служили амулетами. Статуэтки, как правило, находят в святилищах на алтарях, на платформах у печей, в специальных местах для приношений, а также

в пещерах и в могилах. Нередко бывает, что археологи обнаруживают целый склад такого рода фигурок, хранившихся в сосуде или же составленных в миниатюрную «картину» того или иного аспекта культа. Очевидно, что подобные группы использовались для проведения ритуалов. Непрерывное изготовление статуэток говорит о том, что это был своего рода энергетический процесс, в который были вовлечены все участники ритуала.

Среди статуэток можно выделить по крайней мере 20 типов женских и 5 типов мужских как антропоморфных, так и полуантропоморфных-полузооморфных изображений в различных позах и с разными чертами лица, масками, головными уборами и сопутствующими символическими изображениями. Подобные образы также можно видеть на стенах храмов и пещер или на стенках сосудов, в виде рельефов или рисунков.

Категории, функции и символы различных божеств

Многочисленные категории, функции и символы, к которым обращался доисторический человек в стремлении выразить Великое Таинство бытия, есть лишь различные проявления одной единой и неделимой Богини, а в конечном счете – самой Природы.

В соответствии с установками данного исследования я различаю четыре основных категории божеств. 1) Богиня, олицетворяющая производительные силы природы. Под эту категорию подпадают все проявления Богини как жизнедарительницы, покровительницы размножения, хранительницы жизни. 2) Богиня, олицетворяющая разрушительные силы природы, Богиня смерти, предстающая в виде столбообразной фигуры, ядовитой змеи или хищной птицы – грифа, совы, ворона или вороны. 3) Богиня возрождения и регенерации, которой подчинены жизненные циклы всего природного мира. Она являет себя в символических образах, ассоциативно связанных с маткой, лобковым треугольником или эмбрионом: это может быть жаба, лягушка, еж, бычья голова, треугольник и двойной треугольник. Порой она также предстает в виде насекомого – пчелы, бабочки, мотылька. Поскольку смерть и возрождение неразрывно соединены как части естественного природного цикла, то Богини смерти и возрождения нередко выступают как единое божество, что подчеркивает синхронность и взаимозависимость циклических функций. 4) К последней категории относятся немногочисленные доисторические божества мужского пола, составляющие 3–5% от общего скульптурного наследия неолита*.

Богиня-производительница, дарительница жизни, повелительница животных и растений

Палеолитическая и неолитическая Богиня партеногенетична: она творит жизнь из самой себя. Некоторые культурные вариации этой первобытной самозачинающей «богини-девственницы» сохранились до наших дней: христианская Дева Мария – это то же божество, только несколько пониженное в статусе. Если древние люди и осознавали роль отцовства, то нет никаких археологических данных, что они придавали ей значение. Артефакты достаточно ясно говорят о том, что женская способность рожать и вскармливать детей почиталась священной и была объектом поклонения как самый близкий аналог божественного Творения.

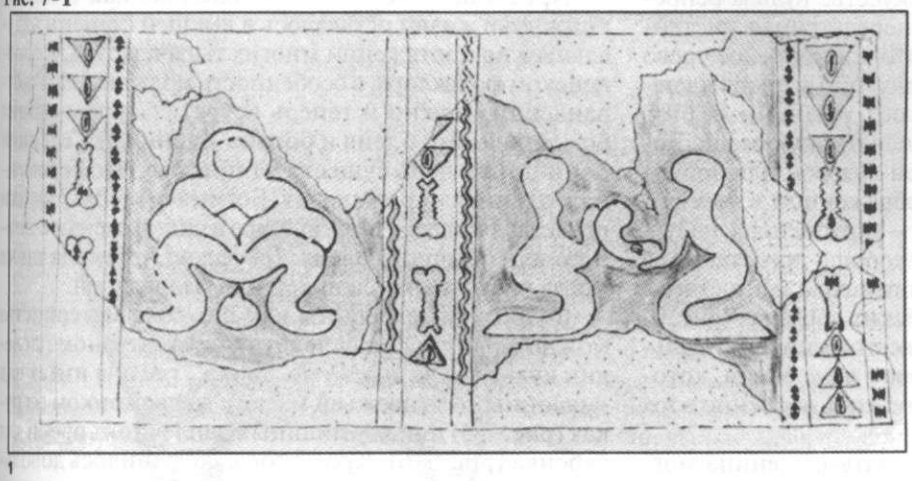
Далеко не всегда Богиню изображали полностью: для доисторических эпох характерна передача тех частей ее тела, которые были источником порождающей силы: вульвы, лобкового треугольника, ягодиц и груди. Довольно было вырезать изображение вульвы на камне, или найти булыжник в форме треугольника, или смастерить из кости амулет в форме груди или ягодиц: так символически обозначалась мощь ее производительной силы.

Попытки объяснить, откуда взялись эти изображения вульвы, груди и ягодиц, привели к возникновению самых фантастических гипотез, которые в большинстве случаев отражают лишь взгляды человека XX века. Так, согласно одной из них, «зарождение искусства» около 30 000 лет назад было спровоцировано любовной игрой – прикосновениями к половым органам, ягодицам, груди, – что и послужило толчком к появлению художественного творчества[5]. Но думать, что значение этих палеолитических символов сводилось к эротическому стимулированию мужской части человечества, значит полностью игнорировать их религиозный и общественный контекст. В первую очередь следует присмотреться к тому, как они изображены, какие символы их сопровождают и сколь долгим было их существование.

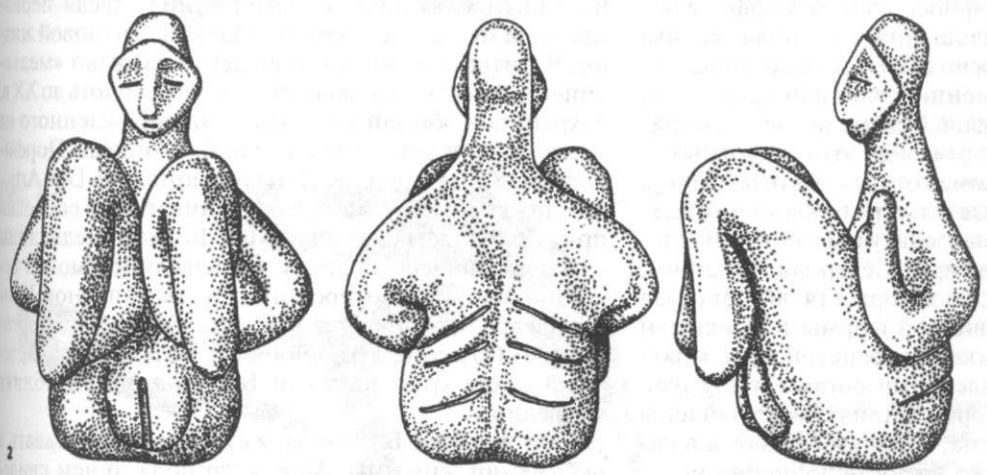
Символические изображения вульвы характерны не только для эпохи ориньяка: их можно проследить от верхнего палеолита через неолит вплоть до медного и бронзового века. Обычно это божественный треугольник, ромб или овал, нередко сопровождающийся водными символами – меандрами, зигзагами, волнистыми параллельными линиями; или же ее изображают в виде семени, как точку в центре замкнутого пространства. Иногда ее заменителем становится побег растения (у некоторых неолитических статуэток на месте вульвы – веточка или дерево с почками).

* Мужское божество функционально присутствует в религиозных отправлениях в виде фаллоса и фаллических изображений, но может быть включено в изображение богини, указывая на андрогинность божества. – *Прим. ред.*

Рис. 7-1



1



2

Рис. 7-1
Изображения рожениц в стенной росписи и в скульптуре. (1) Стенная роспись из храма Чатал-Хююка, VII тыс. до н. э. (2) Богиня-роженица, изображенная в сидячей родовой позе. На ней антропоморфная маска, на спине три линии. Ранний период культуры сескло, Ахиллейон II, Фессалия, Греция, ок. 6300–6200 гг. до н. э.; высота 6,4 см.

Рис. 7-2

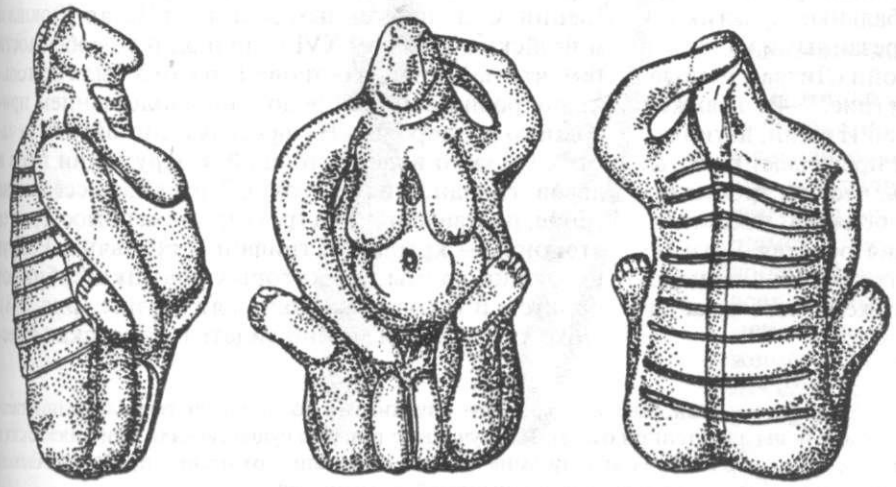


Рис. 7-2
Мальтийская Богиня-роженица: поднятые вверх ноги, тяжелый живот и рука на разбухшей вульве говорят о том, что она вот-вот родит. Девять линий у нее на спине, возможно, означают девять месяцев беременности. Храмовый период Мальты, Хагар-Ким, конец IV тыс. до н. э. Представлена в реконструированной форме (найдена с поврежденным лицом и правой рукой); высота 7 см.

Во всем доисторическом искусстве вульва репрезентируется не как пассивная передаточная инстанция, но как источник жизни. Это космическое чрево подобно распускающемуся бутону; оно всепорождающе и служит вместилищем всех жизненных сил. Скульптуры, воплощающие генеративную мощь Богини, всегда снабжены большой вульвой или лобковым треугольником. Так, у изображенной в позе роженицы Богини-родительницы – укрупненная, набухшая вульва (рис. 7-1). Этот тип хорошо представлен в палеолитическом и древнеевропейском искусстве, в том числе в некоторых мальтийских образцах (рис. 7-2). Не исключено, что к нему же относятся и отдельные изображения вульвы и узора в виде семян, которые могли также играть роль амулетов, особенно в тех случаях, когда они парные.

Мать-дарительница жизни, мать-роженица могла иметь как антропоморфное, так и зооморфное обличие. Ее основные воплощения – олениха, лосиха и медведица: об этом можно судить по многочисленным скульптурам беременной оленихи (рис. 7-3), матери-медведицы, держащей своих медвежат, обрядовым сосудам и рельефам в виде этих животных, а также по той важной роли, которая им отводится в мифах. Древнейшие свидетельства поклонения оленю восходят к верхнему палеолиту и мезолиту. В Эль-Хуио, к востоку от Альтамиры (Северная Испания), найдено захоронение оленя, который 14 000 лет назад был уложен в яму яйцевидной формы и присыпан сверху охрой, а также комками сиреневой, оранжевой и красноватой глины, оленьими рогами и другими предметами[6]. В Стар-Карре (Англия) были найдены оленьи рога и часть черепа, использовавшаяся в качестве головного убора во время исполнения ритуальных танцев; она датируется 8000–7500 гг. до н.э.[7] Подобные танцы с рогами оленя или лося сохранились до наших времен. На алтарях и в захоронениях VII тыс. до н.э. в Лепенски-Вире были обнаружены оленьи рога, черепа и лопатки, которые, по-видимому, были призваны умножать жизненную силу и регенерацию (см. раздел «Погребальные практики»). Костяные трости с искусно вырезанными головами лосихи были найдены в Швянтойи (Литва), неподалеку от Балтийского побережья (рис. 7-4), а также в одной из пещер Габан в Северной Италии, датирующейся V тыс. до н.э.; их возраст превышает пять тысяч лет[8]. Можно предположить, что эти трости использовались при исполнении обрядов, посвященных Матери-лосихе. «Сидящая рогатая Богиня» изображена также на минойских печатях и на некоторых артефактах бронзового и железного века Западной Европы.

Представление о Матери-оленихе как о первоисточнике жизни оставалось в высшей степени актуальным на протяжении многих тысячелетий. В европейском фольклоре, в особенности ирландском и шотландском, можно и теперь встретить упоминания божественного оленя и богинь-олених. В Северной Азии по сей день существует поверье, что беременная олениха – рожающая Богиня-матерь. Эвенки представляют себе Матерь мира в виде важенки северного или обычного оленя. Греческая Артемида также могла представать оленихой или медведицей.

Функцию медведицы как символа материнства можно отчетливо проследить в скульптурном наследии культуры винча V тыс. до н.э., где она имеет вид «мадонны» в медвежьей маске с медвежонком на руках (рис. 7-5) или кормилицы с заплечной торбой для ребенка (рис. 7-6). Кроме того, сохранилось довольно много фольклорных упоминаний медведя-первопредка и медведицы, которая дает начало новой жизни. В Литве роженицу по сей день называют «медведицей». В восточнославянских землях вплоть до XX в. сохранился обычай укладывать новорожденного на медвежью шкуру. Этот обычай был описан Порфирием еще в III в. н.э.[9] Кельты поклонялись Deo Artio, что, по-видимому, можно расценивать как еще один пример существования культа Богини-медведицы уже в историческую эпоху. С медведицей может ассоциироваться и Богородица: так, на Западном Крите 2 февраля отмечается как день «Медвежьей Богоматери» («Panagia Arkoudiotissa»)[10]. Медведица-Артемида стала христианской Богородицей в облике медведицы.

Эта древняя Богиня может также представать в окружении животных мужского пола, о чем свидетельствуют изображения из Чатал-Хююка, где ее сопровождают два леопарда* (рис. 7-7), псы и другие животные. В данном случае она выступает как «Повелительница животных» («Potnia Theron»): этот образ известен по более поздним минойской и микенской культурам, а также на примере классической Греции. Судя по стенным росписям Чатал-Хююка и минойским фрескам XVI в. до н.э., и в особенности тем, что найдены на острове Тира, она была не только покровительницей родов, но воплощением природного плодородия. На фресках и минойских печатях ее можно видеть стоящей в окружении псов и львов. На одной из фресок о. Тира она восседает на троне, поставленном на трехъярусном помосте, по сторонам – крылатый грифон и обезьяна. Вокруг цветущие холмы, на которых девушки собирают крокусы и в корзинах подносят Богине (рис. 7-8). Похожие пейзажи можно видеть на кносских фре-

* Часто повторяющееся заблуждение. Наряду с козлами, быками, баранами, спутниками Богини были гепарды, единственные крупные кошки, которые были одомашнены для степной охоты. Прирученные гепарды существовали при княжеских и царских дворах вплоть до Нового времени в Иране; в России с «пардусами» – так их называли – охотились при дворе Алексея Михайловича, а в предшествующую эпоху их держали при дворе киевских князей. – *Прим. ред.*

Рис. 7-3

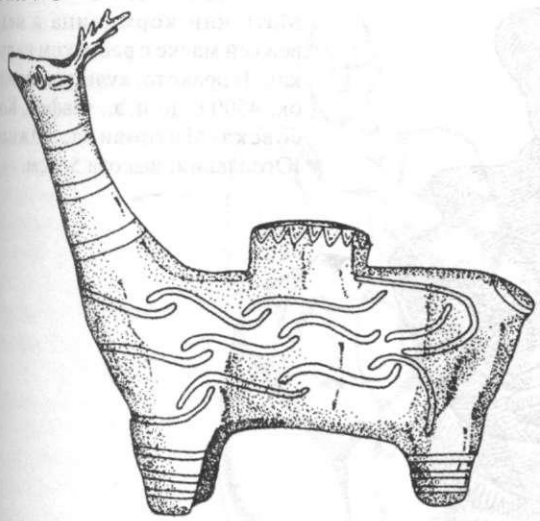


Рис. 7-3
Священное животное Богини в ипостаси роженицы – олень, чьи изображения встречаются часто и достигают высокого уровня исполнения. Этот зооморфный сосуд, использовавшийся как лампа при совершении связанных с рождением ритуалов, свидетельствует о наличии связи между оленем, месяцем или змеей и узором из тройных полос. Белая роспись на красном фоне. Культура караново I, Мулдава, Центральная Болгария. Начало VI тыс. до н. э.; высота ок. 50 см (от копыт до кончиков рогов).

Рис. 7-4

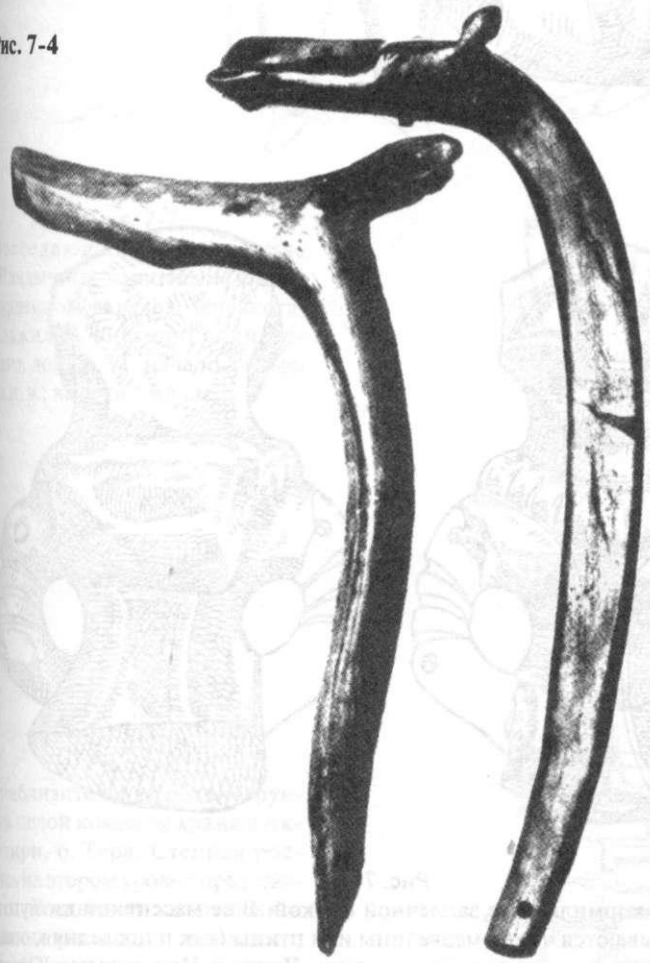


Рис. 7-4
Ритуальные посохи из оленьего рога, заканчивающиеся головами лосих. Швянтойи, затопленное поселение, площадка 38, неподалеку от Балтийского моря, Литва. Конец IV тыс. до н. э.; высота 42,5 см и 40 см.

ках: река, холмы, изобилие диких растений и животных, которые так и лучатся жизненной силой, – безусловно, все это связано с глубоким почитанием природного мира. На древнегреческих сосудах VII и VI вв. до н.э. Артемиду изображали в окружении животных, птиц и мощных энергетических знаков – завитков, свастик, поднимающихся вверх змей; а во чреве у нее – рыба.

Мать-земля, беременная Богиня земледелия

Начиная с эпохи верхнего палеолита появляются изображения Богини, в которых символически воплощается ее плодовитость. Это натуралистически переданные женские фигуры с руками, покоящимися на округлившемся животе: по-видимому, беременность уподобляется плодородию засеянной земли и всех ее творений. (Превосходный тому пример – рельеф с изображением обнаженной женщины, обнаруженный у входа в пещеру в Лосселе на юге Франции.) Чрево Богини ассоциативно связано с пещерами и холмистой местностью. Для собирателей эпохи палеолита изобилие, источником которого являлось

ее тело, и было урожайностью. Перед тем, как стать матерью окультуренных зерновых, она считалась родительницей всех диких растений.

В начале эпохи неолита это (уже тогда очень древнее) божество превратилось в богиню земледелия, прародительницу и хранительницу всех плодов урожая, в особенности зерна и хлеба (рис. 7-9). Культ Матери-земли, которая беременна по весне и разрешается от бремени урожаем, когда ее отягощенные плодами лозы перерезают, как пуповину, давая повод для осенних праздников, – этому культу много тысяч лет. Вера в то, что силы земли сконцентрированы в холмах, возвышенностях, скалах и деревьях; признательность и глубочайшее почтение к земле-кормилице, питающей все живое; а также потребность, посредством ритуалов, принимать участие в священном круговороте природы – все это не утратило своей силы при переходе от доисторических к историческим временам. Начиная с эпохи неолита ей возводили жертвенники рядом с печами для выпечки хлеба; ей поклонялись везде, где мололи зерно, готовили тесто и выпекали хлеб (см. материалы из Ахиллейона на рис. 7-48, 7-49).

Судя по некоторым сохранившимся фольклорным мотивам и доисторической символике, можно предположить, что беременность земли, как и беременность женщины, была окружена уважением. В славянских землях вплоть до XX в. существовало поверье, что нельзя бить землю или плевать на нее, поскольку это вызовет у нее слезы. Беременной земле необходимо оказывать почет и всяческую помощь, способствовать росту новой жизни. Неолитические скульптуры беременной Богини были украшены символами жизненной энергии: спиралями, змеями, двойными линиями и знаком четырех углов. Последний следует выделить как особо характерный: он родственен обычаю

Рис. 7-5

Рис. 7-5
Мать или кормилица в ме
вежьей маске с ребенком на р
ках. Терракота, культура вин
ок. 4500 г. до н. э., Фафос, К
совска-Митровица, Южн
Югославия; высота 5,7 см.

Рис. 7-6

Рис. 7-6
«Божественная кормилица» с заплечной сумкой. В ее массивной пятиугол
ной маске угадываются черты медведицы или птицы (как и последняя, она
имеет рта). Поздний период культуры винча, Чуприя, Центральная Югосл
вия, 4500–4000 гг. до н. э.; высота 9,2 см.

Рис. 7-7

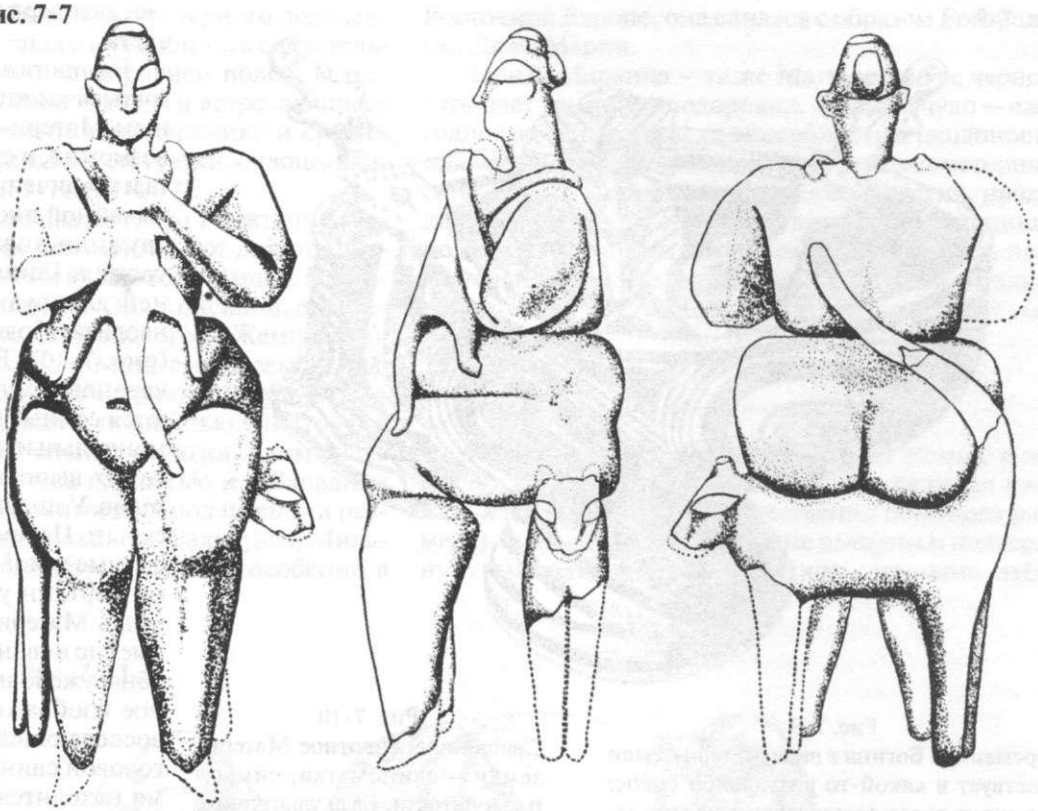


Рис. 7-7
Восседающая на леопарде «Владычица животных» с леопарденком на руках. Терракота, Хаджилар, анатолийский неолит, дом Q, VI, начало VI тыс. до н. э.; высота 13,5 см.

Рис. 7-8

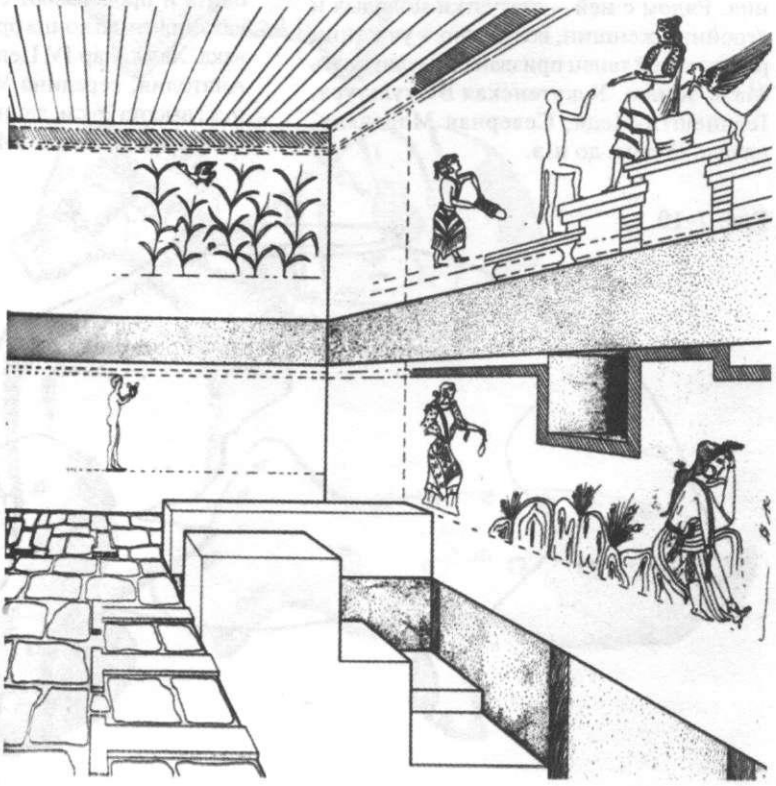


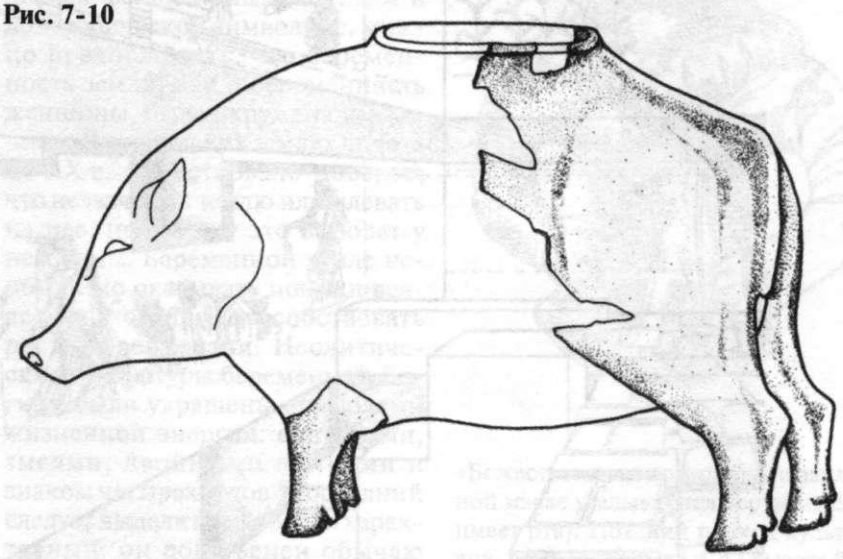
Рис. 7-8
Приблизительная реконструкция целой комнаты храма в Акротири, о. Тира. Стенная роспись на втором уровне представляет «Владычицу животных», а нижняя роспись, – возможно, какой-то инициационный обряд. XVI в. до н. э.

Рис. 7-9

Рис. 7-9
Беременная Богиня в виде Матери-земли участвует в какой-то ритуальной сцене: она сидит перед резервуаром в центре открытой (без верха) модели святилища и принимает предназначенные ей возлияния. Рядом с ней – статуэтки молодых и стройных женщин, возможно – участниц ритуала, чей танец призван стимулировать Мать-землю. Кукутенская B1 культура, Гелайешти-Недя, Северная Молдавия, начало IV тыс. до н. э.

Рис. 7-10
Священное животное Матери-земли – свиноматка, символ плодовитости. Ее скульптурные изображения в форме сосудов появляются в эпоху раннего неолита и продолжают существовать вплоть до конца бронзового века. Хаджилар IV, Центральная Анатолия, середина VI тыс. до н. э.; высота 26 см, длина – в восстановленном виде – 40 см.

Рис. 7-10



засевать зерно на четыре сторон света.

На протяжении не менее вос ми тысячелетий священным живо ным Матери-земли была свинь возможно, в силу ее быстрого ро та и увеличения веса, а также чре вычайной плодовитости, которы служили аналогом изобильног урожая. Глиняные статуэтки св ней датируются началом эпох неолита и более поздним времен (рис. 7-10). В культурах винча караново (V тыс. до н.э.) встреч ются свиные маски, а также цер мониальные сосуды, крышки ко торых выполнены в виде свины голов. У многих из них в ушах бы серьги. Церемониальные сосуды свиные головы с антропоморфны ми чертами указывают на то, чт мощь Матери-земли воплощала именно в свинье. Так, в Сирии бы обнаружено небольшое скульптур ное изображение III тыс. до н.э восседающей на троне богини головой свиньи (в настоящее вре мя находится в Париже в Лувре Очень изящный мраморный сосу в форме свиньи был найден н Кикладах: он восходит к этому ж периоду. Маски и церемониальны сосуды указывают на существова ние особых праздников, скорей всего, связанных с посевом и со зреванием урожая, когда, во вре мя танцев со свиными масками Богине подносили дары. Похожи празднования в честь Деметры имели место в Греции как в клас сическую, так и в эллинистиче скую эпоху: во время них в жерт Деметре и ее дочери Персефон приносили молочных поросят[11]. В октябре, когда происходили праз нества в честь сбора урожая (Фес мофории), женщины выкапывали полусгнившие останки жертвен ных поросят и приносили их на алтарь, где смешивали с предна значенным для посева зерном, чтобы тем самым обеспечить бо гатый урожай. Две тысячи лет спустя, в XVIII столетии в Литв был зафиксирован и описан чрез вычайно похожий обычай: во вре мя осеннего благословения зерн

приносить в жертву Матери-земле черного поросенка[12]. Существование такого рода обычаев свидетельствует о связи свиньи с плодородием полей. О тесной связи поросят и зерна говорят и встречающиеся в культурах линейно-ленточной керамики и кукутени V тыс. до н.э. их глиняные статуэтки, сплошь утыканные зернами (рис. 7-11.1, 7-11.2).

Не приходится сомневаться, что почитание Матери-земли оставалось неизменным от доисторических времен до греческих культов Деметры и Персефоны, римского поклонения Опс Консивии, древнегерманского – Нертус, балтийского – Жемине или Жемес-мате, славянского – Мать-сырой земле и т.д. Ее могущество было слишком древним и глубоко укорененным, чтобы его могли полностью уничтожить сменяющиеся патриархальные религии, в том числе и христианство. Она стала их частью и в Западной Европе продолжает быть известна под именами разных святых – Радегуны, Макрины, Вальпурги, Мильбурги и ряда других[13]. В других землях, особенно в Восточной Европе, она слилась с образом Богородицы, Девы Марии.

Черная Мадонна – та же Мать-земля: ее чернота есть цвет земного плодородия. Высшее чудо – ежегодное возобновление ее способности к плодоношению. Древние мистерии, которые, как в доисторические, так и в уже исторические тысячелетия, проходили в пещерах, гробницах, святилищах и капищах под открытым небом, были призваны выразить признательность этой дарительнице жизни и кормилице и, благодаря ритуалу, причаститься к таинству земного изобилия.

Богиня-птица и ее символика

Богиня-птица появляется в облике птицы: у нее имеются клюв или заостренный нос, длинная шея, женская грудь (порой неестественно большого размера), крылья или крыловидные выступы и подчеркнуто выделенные женские ягодицы с утиными, лебе-

Рис. 7-11.1

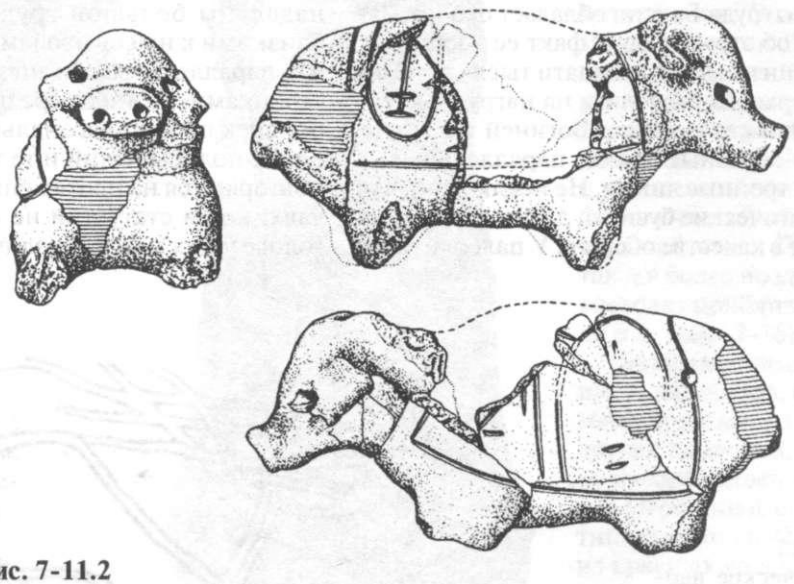


Рис. 7-11.2

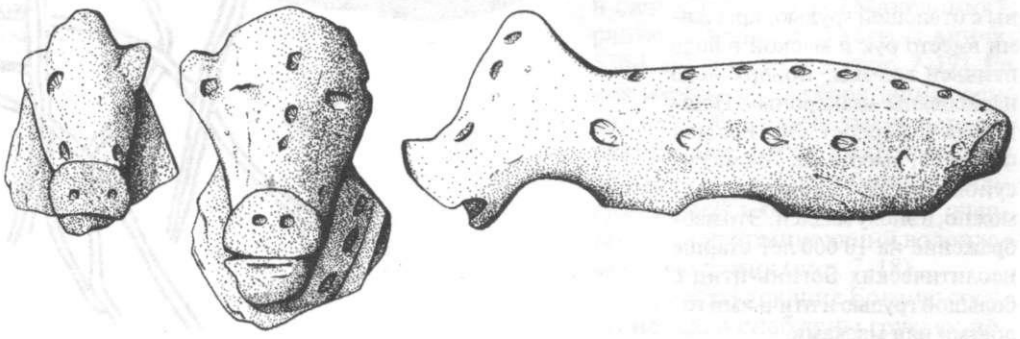


Рис. 7-11
(1) Глиняная статуэтка свиньи с выгравированными на ней символами; центральноевропейская культура линейно-ленточной керамики, Нидер-Вайзель, район г. Фридберг, Обергессен, Германия. Начало V тыс. до н.э.; высота 7 см; (2) глиняные статуэтки свиней с вдавленными в них зернами. Ранняя кукутенская (трипольская) культура. Ок. XLVIII–XLVI вв. до н.э. Лука-Врублевецкая, Верхний Днестр; длина 9 см.

диными или яйцевидными очертаниями. У нее часто нет рта, а на голове может быть обозначена прическа или корона; она, как правило, изображена в сидячем положении, хотя верхняя часть туловища может быть, на птичий манер, наклонена вперед. Ее символы – меандры и шевроны, которые часто украшают не только ее тело, но и связанные с ней предметы. Множественные шевроны и символические изображения клюва и глаз – мотивы, характерные для посвященных ей сосудов.

Богиня-птица двойственна по своей природе. С одной стороны, она – дарительница жизни, благоденствия, пропитания. С другой – смерть, имеющая вид грифа, совы или другой птицы, хищной или пожирающей падаль. Красные птичьи лапы можно видеть как на стенах пещер эпохи палеолита, так и на красной расписной керамике эпохи неолита (прекрасный тому пример – сосуды из Хаджилара, Центральная Анатолия). Иногда этот мотив чередуется с изображениями треугольников. Так, у антропоморфных «песочных часов» вместо рук бывают птичьи лапы: этот мотив повторяется в пещерных рисунках и в росписи сосудов от Португалии до Румынии и Болгарии.

Считалось, что грудь Богини обладает особой магической силой: об этом говорит факт ее изображения на протяжении не менее двадцати тысяч лет. Начиная с эпохи верхнего палеолита на нагрудные украшения наносили связанные с Богиней символы: X-образные и V-образные знаки, параллельные, а также двойные и тройные линии. Не исключено, что их носили как магические бусины, для поддержания жизненных сил и в качестве оберега. У палеолитических скульптур бывает подчеркнут только один эл мент – грудь. Такова, к примеру, костяная статуэт из Дольни-Вестонице (Моравия) приблизитель 24000 г. до н.э., которая имеет вид плоской дощеч с грудью, украшенной вырезанными на ней горизо тальными линиями. У истинного шедевра палеол тического искусства – статуэтки из слоновой кос (ок. 23000 г. до н.э.), найденной в Лепюге (Южн Франция), аккуратно закругленная грудь имеет по ти такой же объем, что и ягодицы. Внимания удоста ваются только грудь и ягодицы, остальные же час тела его не требуют, поскольку не столь важны д данного божества[14]. Верхнепалеолитические рису ки свидетельствуют о том, что эти магические из бражения груди ассоциировались именно с Богине птицей. На выполненных черным углем рисунках пещеры Пеш-Мерль (эпоха мадлен) изображены о наженные женщины с отвислой грудью, крохотны ми крыльями и в птичьих масках. Поверх этих фиг и вокруг них прочерчены параллельные линии – т называемые «макароны»: мотив, символически св занный с идеей течения жизни или жизненной вла (рис. 7-12).

Неолитические скульптуры Богини-птицы либ наделены большой грудью, либо декорирован близкими к ней символами – шевронами, меандр ми, параллельными и зигзагообразными линиями «тройками». У них нередко обозначен воротник, поперек щек – диагональные линии или более ши рокие полосы. Одни и те же украшения и атрибут повторяются на протяжении тысячелетий. В тех сл чаях, когда статуэтки не слишком схематичны, н голове у них можно различить красивую прическу

Рис. 7-12

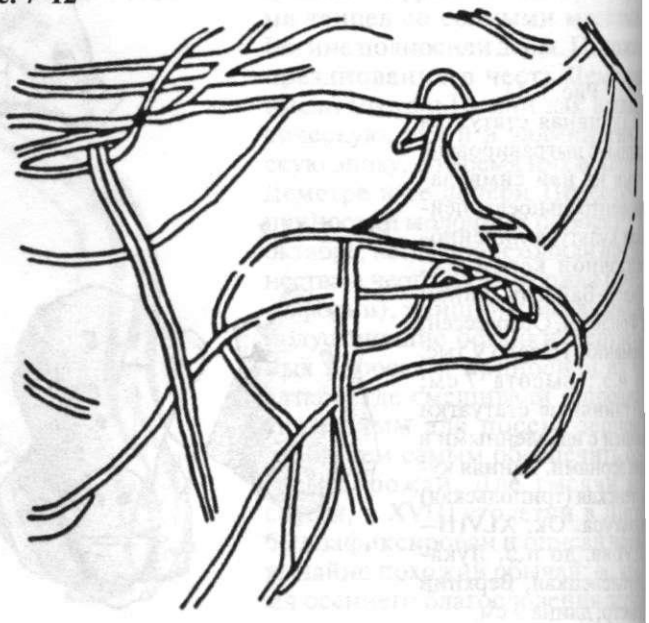


Рис. 7-12
Верхнепалеолитическое изображение обнаженной женщины с отвисшей грудью, крыльями вместо рук и маской в виде птичьей головы; поверх него нарисованы «макароны». Пеш-Мерль (Кабрере), Ло, Южная Франция; высота ок. 70 см. Рисунок сделан пальцами, возможно, в эпоху мадлен. Это изображение на 10 000 лет старше неолитических Богинь-птиц с большой грудью и птичьими головами или масками.

Рис. 7-13

Рис. 7-13
Голова Богини-птицы (вид с двух сторон) с большим носом, глазами в форме кофейных зерен и аккуратно уложенными в пучок волосами. Культура сескло, Ахиллейон, Фарсала. Обнаружена в святилище 5900–5800 гг. до н.э. Ее восстановленный терракотовый торс см. на рис. 7-47; высота ок. 15 см.

тюрбан или ленту. От культуры сескло (Греция) до нас дошли изумительно выполненные изображения Богини-птицы с хорошо развитой грудью, длинной цилиндрической шеей, птицеобразной головой (с длинным, крупным носом и без рта), с аккуратно расчесанными волосами или с пучком (рис. 7-13). В культуре винча скульптуры Богини-птицы обычно были украшены разнообразными символическими знаками и имели характерные пятиугольные маски с острым носом, отчетливо выделенными бровями и абсолютным отсутствием рта (см. рис. 3-20, 3-21). Порой эти маски имеют безусловно утиные черты (рис. 7-14). Кроме того, среди наследия данной культуры сохранились уникальные скульптурные изображения птиц с маской богини. Одно из них, выделяющееся качеством исполнения, было найдено в самом поселении Винча неподалеку от Белграда. Это сосуд в виде утки длиной около 36 см; его поверхность украшена каннелюрами (рис. 7-15). Птичьи статуэтки с человеческими масками – мифологический образ, хорошо известный как в Древней Греции, так и в более поздние времена; он восходит приблизительно к 6000 г. до н.э. (рис. 7-16).

Богиня-птица также могла иметь вид сосуда, покрытого орнаментом из шевронов, меандров и других символов; на его горловине изображалось ее лицо или маска. Огромный сосуд подобного типа высотой в 92 см и с росписью из красных шевронов был найден в ходе проводимых мной раскопок в святилище Анзы (Македония), раннего периода культуры винча, 5300–5000 гг. до н.э. (рис. 7-17). Ее лик изображен на горловине сосуда, включая ожерелье и пересекающие ее щеки диагональные полосы. Там же был обнаружен сосуд длиной в 60 см, своими очертаниями напоминающий водоплавающую птицу (рис. 7-18).

Представляющие Богиню сосуды нередко снабжены грудью; по-

Рис. 7-14

Рис. 7-15

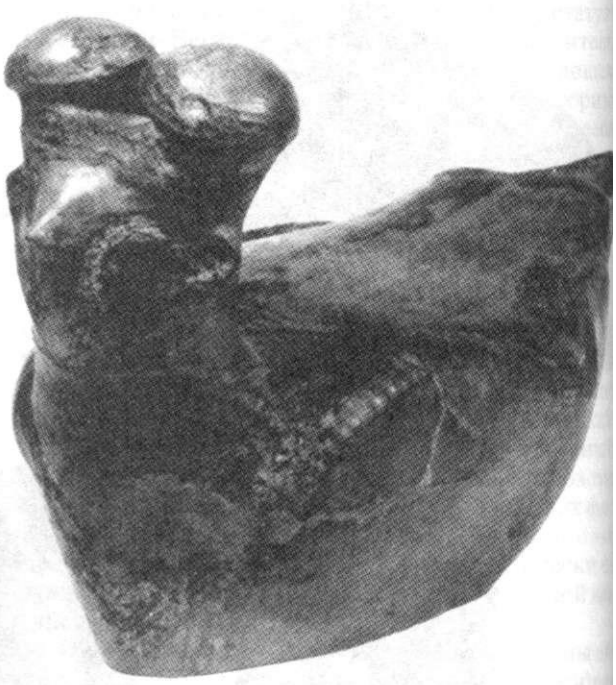


Рис. 7-14
Богиня-птица в утиной маске и в короне; поздний период культуры винча. Она восседает на троне с резьбой в виде трех линий, на ней короткая курточка; ее таз – или передник – украшен шевронами, колени – спиралями, а ноги ниже колен – витыми линиями. Светозарево, Центральная Югославия. Ок. 4500 г. до н. э.; высота 16 см.

Рис. 7-16

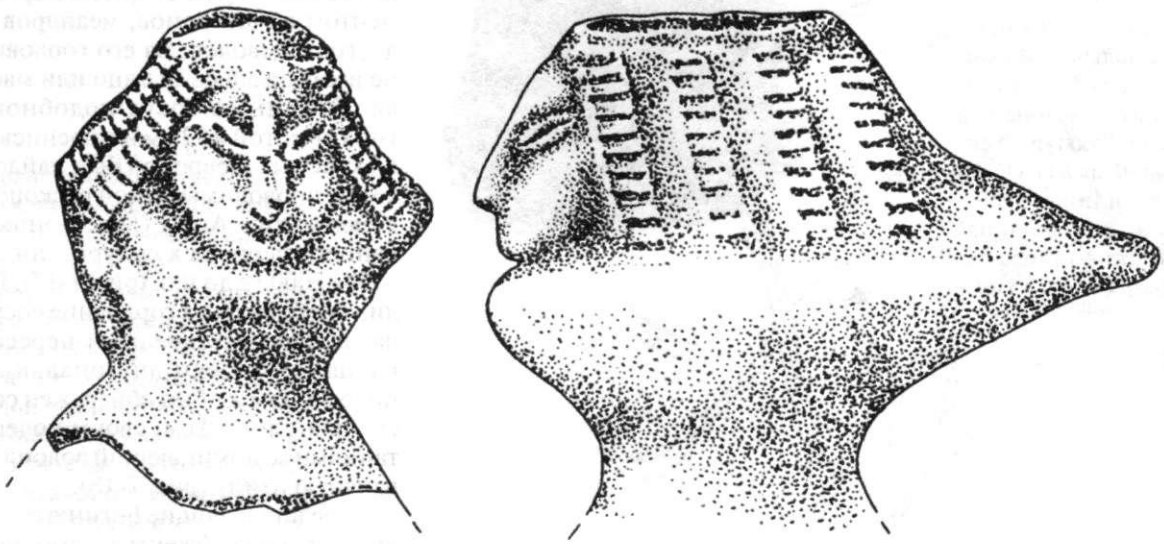


Рис. 7-15
Сосуд в виде утки из телля Винча; на ней маска с остроконечным носом (клювом), большие полукруглые глаза и уши – как у человека. Тонкостенная терракота, светло-коричневая текстура, волнистая поверхность с черными полосами из битумного красителя, полая внутри, с отверстием у хвоста. Классический период культуры винча; сосуд найден в телле Винча (к востоку от Белграда) на глубине 7,05. Начало V тыс. до н. э.; длина 36 см, высота 20,8 см.

Рис. 7-16
Птица с человеческой маской и «косичками». Верхушка и основание отбиты: не исключено, что она была прикреплена к большому сосуду. Культура сескло, Магула у озера Боэбис, район Стефановикиона к северо-западу от г. Волос, Фессалия; вероятная датировка – конец VII тыс. до н. э. Масштаб 1 : 1.

Рис. 7-17
Большой сосуд-пифос, на горловине – лик Богини-птицы (клюв изображен рельефом, глаза – при помощи нарезной техники). Под клювом проведены две красные диагональные полосы. Ожерелье также выполнено рельефом. Тулово покрыто нарезным орнаментом и красными полосами, которые сходятся спереди треугольником. Ранний период культуры винча, Анза, Македония. 5200–5000 гг. до н. э.; высота 92 см.

Рис. 7-18
Сосуд в форме водоплавающей птицы. Ранний период культуры винча, Анза, Македония. 5200–5000 гг. до н. э.; длина 60 см.

Рис. 7-17

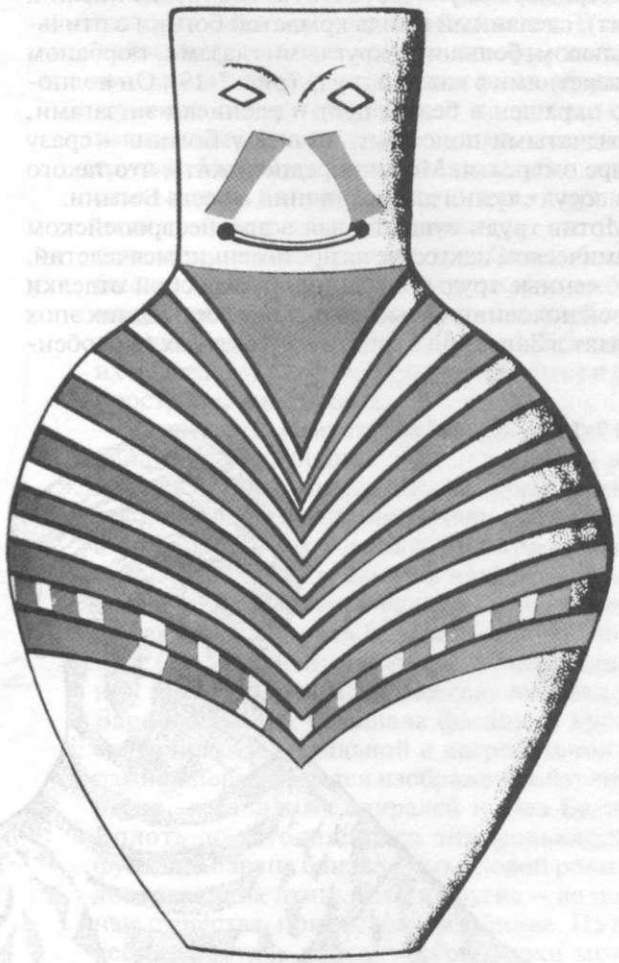
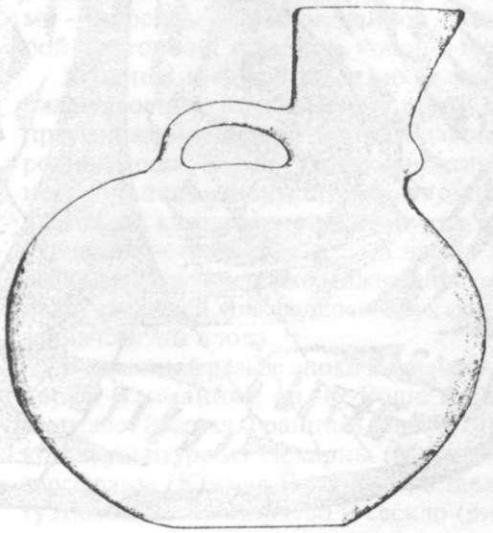


Рис. 7-18



середине каждой груди может быть отверстие-поильник. Пример тому – сосуд III тыс. до н.э. из Маллии (Крит), сделанный в виде крылатой богини с птичьим клювом, большими круглыми глазами, тюрбаном и отверстиями в каждой груди (рис. 7-19). Он полностью окрашен в белый цвет и расписан зигзагами, бороздчатыми полосами; на шее у Богини – сразу четыре ожерелья. Можно предположить, что такого рода сосуд служил для возлияний в честь Богини.

Мотив груди существовал в древнеевропейском керамическом искусстве на протяжении тысячелетий. Снабженные грудью кувшины прекрасной отделки первой половины II тыс. до н.э. и более поздних эпох находят в Западной Турции, на Кикладах (в особенности на острове Тира) и на Крите. В Центральной Европе он присутствует на протяжении почти всего II тыс. до н.э., хотя в этот момент поклонение Богине уже не имело всеобщего характера. Сосуды с грудью и сопутствующая Богине-птице символика (которая отсылает к воде, к источнику жизни) очевидным образом свидетельствуют о том, что Богиня была Кормилицей, способствовавшей поддержанию жизни и приносившей удачу.

Изображения водоплавающих птиц – гусей, журавлей, лебедей и других – появляются в искусстве верхнего палеолита в виде резьбы по кости и пещерных рисунков. Водоплавающие птицы были важной частью пищевого рациона, а потому символизирова

Рис. 7-19

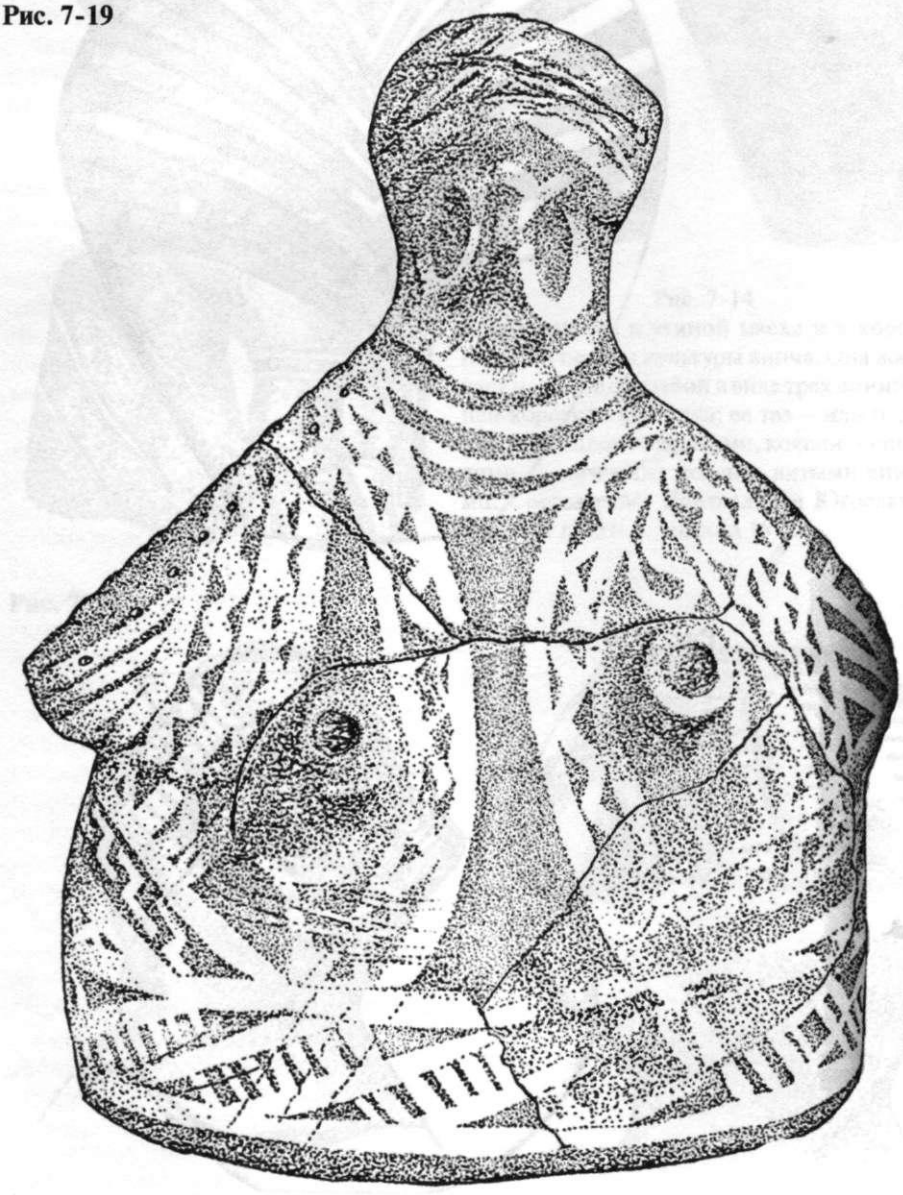


Рис. 7-19
Антропоморфный сосуд с клю
вом и женской грудью (в кажд
дой груди по отверстию в каче
стве поильника), расписанны
белыми зигзагообразными по
лосами и параллельными ли
ниями; могильник Маллия
Восточный Крит. Ок. конц
III тыс. до н. э.; высота 16,4 см

Рис. 7-20
Камни с вырезанными на ни
схематическими фигурами с яй
цевидными ягодицами и, ка
правило, без головы (если он
есть, то птичья), помеченны
одной, двумя или более линия
ми. Ла-Рош, Лалэнд, Дордонь
Южная Франция. Эпоха мад
лен IV, ок. 10000 г. до н. э.

Рис. 7-21
Через 4500 лет такие же яйце
видные ягодицы появились
неолитических терракотовы
скульптур. У этой статуэтки -
огромные яйцевидные ягоди
цы, затмевающие все остал
ные части тела. Культура стар
чево (кёрёш). Рёске-Лудвар
Юго-Восточная Венгрия, ок.
5500 г. до н. э.; высота 11,5 см.

Рис. 7-20

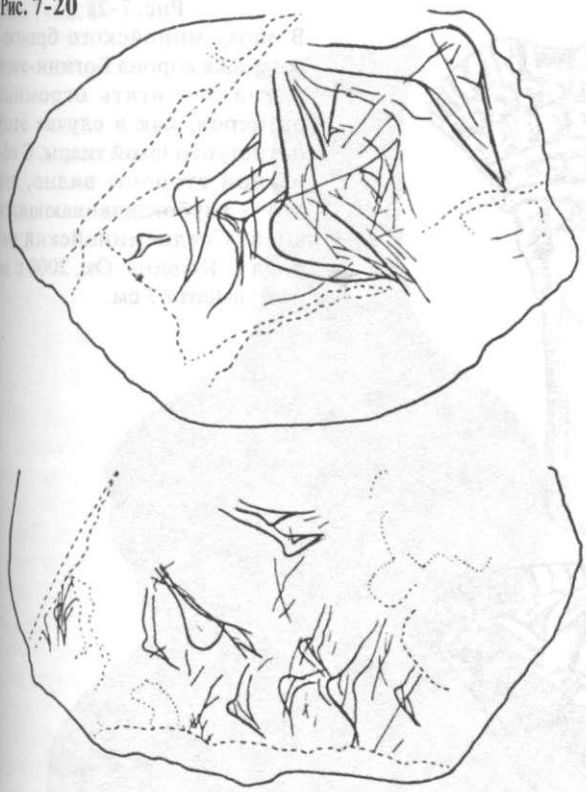
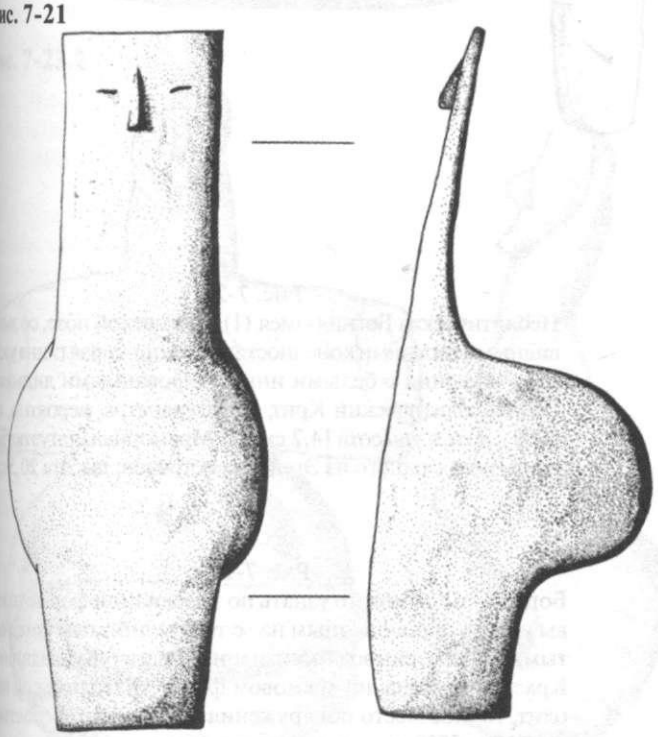


Рис. 7-21



ли благоденствие. В сказках им приписываются волшебные свойства, способность увеличивать или уменьшать удачу и достаток. В европейском фольклоре водные нимфы, которые чудесным образом выполняют разнообразную женскую работу (чаще всего прядут и ткут), имеют вид обнаженных женщин с отвислой грудью. Порой они являются одетыми, но их птичьи лапы все равно видны, а если приподнять край их одежды, то окажется, что у них тело курицы, гусыни или утки. Они работают быстро и без устали, но, если их рассердить, могут приносить убыток (таковы поразительно архаические балтийские Лаумы). Благодаря их посредству влияние Богини множится и распространяется в народе.

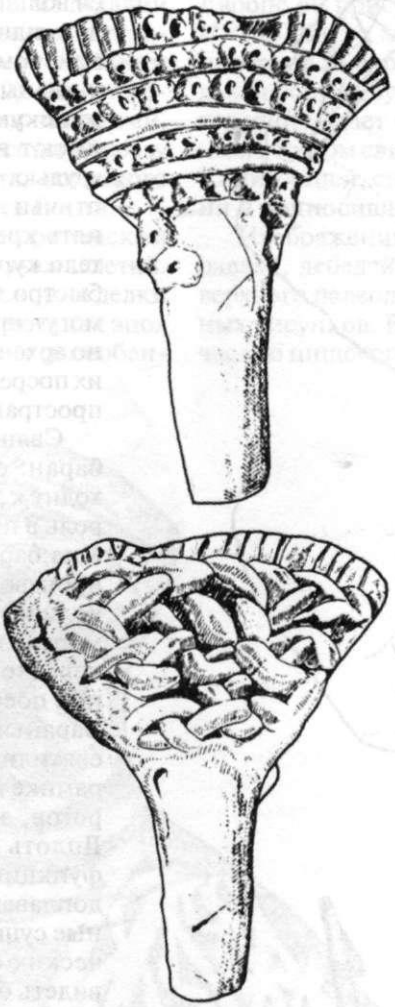
Священным животным Богини-птицы был баран: его символическая значимость восходит к эпохе раннего неолита, когда важную роль в пищевом рационе начали играть овцы, а на баранов, естественно, был спрос как на производителей. Археологи находят большое количество статуэток баранов с масками на мордах и символами богини. Бараний мотив нередко можно видеть на ритуальной глиняной посуде и на лампах (цветная вклейка 13). Баранья голова украшала фасады и кровли святилищ. На могильной и погребальной керамике перемежаются изображения бараньих рогов, змеевидных спиралей и глаз Богини. Вплоть до сегодняшнего дня фольклорная функция барана близка к смысловой роли водоплавающих птиц; и тот и другие – волшебные существа, приносящие изобилие. На греческих сосудах классической эпохи можно видеть баранов, приносимых в жертву Афине в качестве посвященного ей животного. Афина же, будучи восприемницей доисторической Богини-птицы, часто ассоциируется с птицами – морским ястребом, чайкой, уткой, гагарой, ласточкой, голубкой, совой и грифом.

Ягодицы и груди объединяет магическая сила удвоения; в то же время они – символы преумножения жизни. В двух больше жизнеродной мощи, нежели в одном, поэтому в древнеевропейском искусстве от эпохи неолита вплоть до конца минойской культуры мотив удвоения встречается весьма часто. Помимо ягодиц и грудей нередко можно видеть две спирали, двух змей, два фаллоса, двух гусениц, два зерна или два плода.

В каменной резьбе эпохи мадлен из Геннерсдорфа (Германия), из Ла-Роша в Лалэнде и Фонтале (Южная Франция) (рис. 7-20) и в мелкой скульптуре из Пекарны (Моравия) и Петерсфельза (Южная Германия), а также в статуэтках культур старчево и сескло (рис. 7-21),

можно наблюдать гибридное сочетание птичьих и женских признаков. Так, женские ягодицы идентифицируются с вытянутой частью птичьей тушки или же с птицей, несущей яйцо. Подобно яйцу, ягодицы обладают особой силой генерации. На них бывают вырезаны или нарисованы змеи, спирали, концентрические круги, кресты, вихревые знаки, а также мотив из двух «С» в противофазе, еще один из жизнестимулирующих символов. Необходимо отметить, что эти любопытные гибриды женщины и птицы, как правило, не имеют груди, что подчеркивает особое значение ягодиц. В данном случае на первый план выходит производительная функция, заслоняя собой вскармливание.

Рис. 7-22



Змея и Богиня-змея

Змея, в первую очередь, – образ витальности и продолжительности жизни, гарант жизненной силы в доме, символ семьи и животного существования. Мы можем реконструировать символическое значение змеи, исходя не только из доисторических изображений Богини-змеи и ее культа в качестве домашнего божества, но и опираясь на архаические народные представления о силе змей обоего пола. Например, в Литве даже в XX в. сохраняется поверье, что если убить обитающую в доме зеленую змейку, то это приведет к смерти одного из членов семьи[15]. До недавнего времени русские и другие славяне верили в существование домового, хранителя домашней жизни и благополучия, который порой имел облик змеи, порой – мужичка: в нем жил дух прародителя рода. Сотни греческих и римских рельефов и рисунков подтверждают, что хранителями дома были зеленые змеи, которые в Греции носили имя Зевса Ктесиоса, а в Риме назывались пенатами. Образ змеи тесно связан с природным циклом смерти и возрождения. Ее зимняя спячка напоминает смерть, а смена кожи – своего рода бессмертие, не-

Рис. 7-22
В эпоху минойского бронз
вого века корона Богини-зм
могла достигать огромны
размеров, как в случае эт
пятиступенчатой тиары. С о
ратной стороны видно, ч
это – клубок извивающих
змей. Среднеминойский п
риод I, Кофина. Ок. 2000 г.
н. э.; высота 7 см.

Рис. 7-23
Неолитическая Богиня-змея (1) в йоговской позе, со зм
видными нижними конечностями: темно-серая глина уз
ного лощения с белыми инкрустированными линия
Ранненеолитический Крит, Католерапетра, вероятно,
6000 г. до н. э.; высота 14,2 см. (2) Мраморная статуэтка
гини-змеи с одного из Эгейских островов; высота 20,3

Рис. 7-24
Богиню-змею можно узнать по змеевидной форме го
вы или по нарисованным на ее теле волнистым (змей
тым) линиям, символам жизненной влаги («Кундалини
Красная роспись на кремовом фоне. Анатолийский
олит, точное место обнаружения неизвестно. Вероят
ок. 6000–5500 гг. до н. э.; высота 10 см.

Рис. 7-23.1

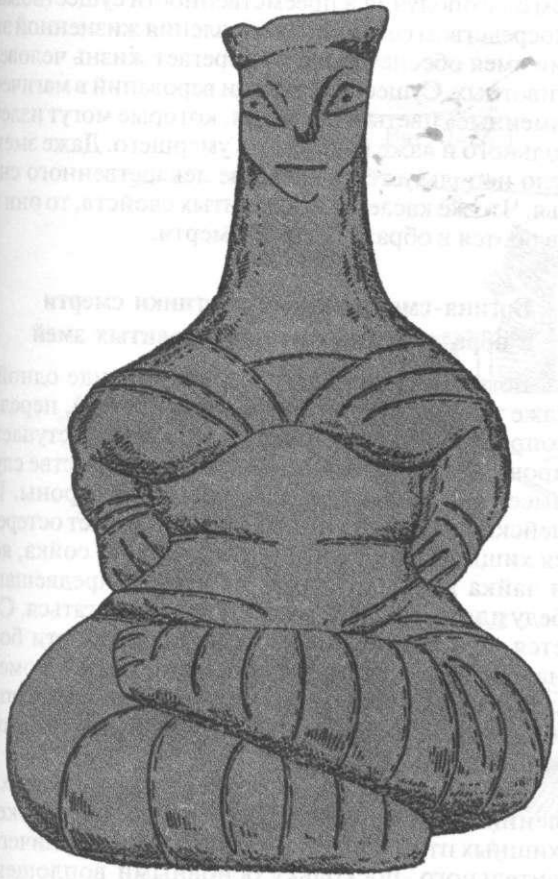


Рис. 7-23.2

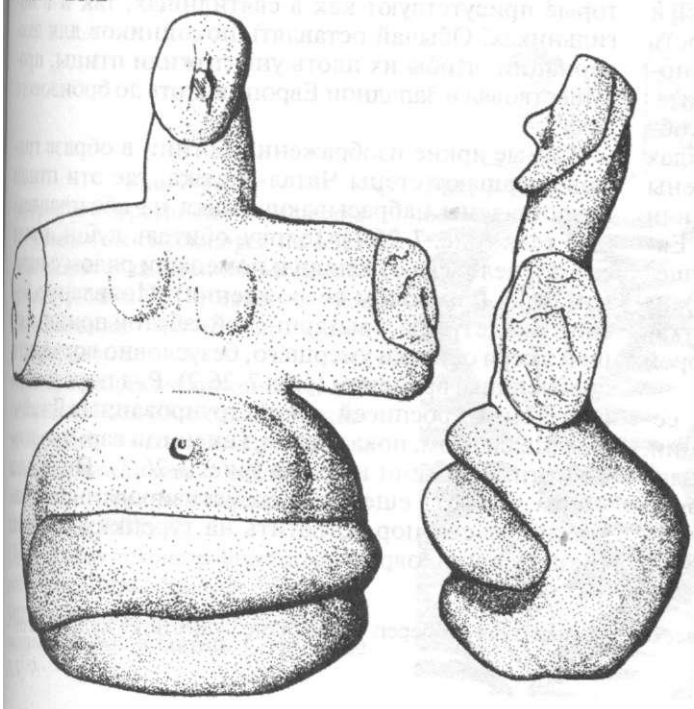


Рис. 7-24

Рис. 7-25

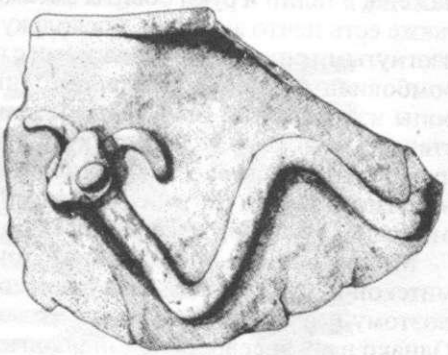


Рис. 7-25
Рогатая змея с большими круглыми глазами. Рельеф на «плечике» сосуда. Дибель у г. Битола, Южная Югославия. Начало V тыс. до н.э.

прерывность жизни. Весеннее появление змей говорило о возрождении природы.

В Литве на «змеиный день» (около 1 февраля) люди готовили разнообразные угощения для змей и приглашали их в дом. Если змеи отведывали пищи, то год обещал быть изобильным; а их предпочтение того или иного блюда определяло ход вещей на весь год[16]. В Ирландии в день Бригиты (1 февраля) считалось, что «королева возвращается с гор»[17]. Этой королевой была Богиня-змея, которой повинуются все прочие змеи. Поверья, связанные с волшебной короной змеиной королевы, до сих пор сохранились в европейском фольклоре: тому, кто дотронется до нее, откроются все тайны мира, он сможет находить заколдованные сокровища и понимать язык животных. Доисторические скульптурные изображения увенчанной короной Богини-змеи встречаются на Крите, в Эгейском регионе и на Балканах начиная с VII или с VI тыс. до н.э. Ее корона иногда выглядит настоящим змеиным гнездом (рис. 7-22).

На антропоморфных изображениях неолитическая Богиня-змея предстает в йоговской позе, со змееобразными руками и ногами (рис. 7-23.1, 2). В тех случаях, когда ее голова имеет антропоморфные черты, она снабжена глазами и большим ртом (но не клювообразным носом). Ее также можно узнать по змеевидным очертаниям головы и по покрывающим ее тело волнистым линиям (рис. 7-24). Рогатая или увенчанная полумесяцем змея появляется на пещерных рисунках эпохи палеолита; начиная со времени неолита, ее рельефные изображения можно видеть на сосудах (рис. 7-25). Вероятно, это был способ обозначить ее способность к регенерации.

Среди скульптурных изображений Богини-змеи и ее священной свиты самую широкую известность имеют статуэтки XVI в. до н.э. из фаянса или слоновой кости, найденные в Кносском храме на Крите. В них больше изящества, чем в других, их грудь обнажена, а талии и руки обвиты змеями. В их одеждах также есть нечто змеиное, поскольку они украшены изогнутыми спиралями и полосами с шахматным или ромбовидным узором. На территории Западной Европы изображения Богини-змеи продолжали существовать вплоть до кельтской культуры латен (Франция) IV–III вв. до н.э. Критские рисованные и тканые изображения Богини уже нового времени порой отличает некоторая змеевидность ног.

Мы находимся под влиянием христианской, семитской и индоевропейской религиозной традиции, поэтому привыкли видеть в змее воплощение зла*. Однако в древнеевропейской религии ее роль прямо противоположна той, что ей приписывают перечисленные выше традиции. В силу тесной и гармонической связи с природными циклами змея была з гом благополучия и преемственности существова Посредством сезонного обновления жизненной э гии змея обеспечивает и оберегает жизнь челове животных. Существуют сотни верований в магиче «змеиные» цветы и растения, которые могут изле больного и даже воскресить умершего. Даже зме тело используется в качестве лекарственного сн бья. Что же касается ее ядовитых свойств, то они являются в образе Богини-смерти.

Богиня-смерть: провозвестники смерти в образе хищных птиц и ядовитых змей

Богиня-смерть часто является в виде одной даже трех женщин в белом (цвет костей), нередк сопровождает белый пес. Когда она выступает провозвестница кончины, то в большинстве слу имеет вид хищной птицы, совы или вороны. Е пейский фольклор по сей день призывает остерег ся хищных птиц: сова, ворона, ворон, сойка, яст и чайка внушают страх; их крики, предвещаю беду или смерть, заставляют нас содрогаться. Сч ется, что псы белой масти, в особенности бор наделены волшебными способностями. Кроме т с Богиней-смертью ассоциируется еще одно опас животное: это вепрь, чья щетина будто бы стол ядовита, как укус змеи.

В местах палеолитических и неолитических по лений были найдены захоронения целых скеле хищных птиц или их крыльев. В этом нет ничего вительного, поскольку основными воплощени Богини-смерти эпохи неолита были гриф и сова, торые присутствуют как в святилищах, так и в гильниках. Обычай оставлять покойников для карнации, чтобы их плоть уничтожили птицы, п существовал в Западной Европе вплоть до бронзов века**.

Самые яркие изображения Богини в образе г фов украшают стены Чатал-Хююка, где эти пт представлены набрасывающимися на обезглавл ные тела (рис. 7-26.1). Голову, обитель души, по смерти человека отделяли и помещали рядом с го вой быка (символом возрождения). Появление гини в виде грифа, с материнской заботой принима щей в себя останки умершего, безусловно восход древнейшим временам (рис. 7-26.2). Ряд поразите ных стенных росписей, реконструированных Джей сом Меллартом, показывают, как могли варьирова ся мотивы Богини и грифа (рис. 7-26.3). Подоб узоры, только в еще более схематизированном ви можно до сих пор встретить на турецких кили (безворсовых коврах).

---

* Змея воплощала зло у кочевников, но далеко не у всех: у туркмен змея – оберег. В индуизме существует культ Нага семейной четы кобр. – *Прим. ред.*

** Этот обычай был и у зороастрийцев. – *Прим. ред.*

Рис. 7-26.1

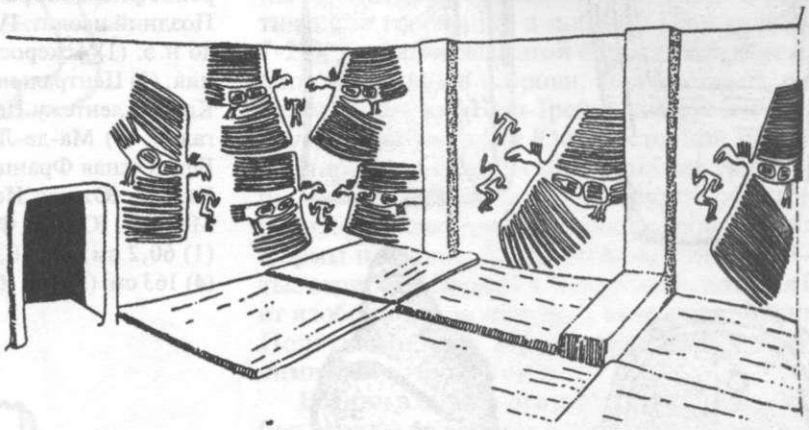


Рис. 7-26.2

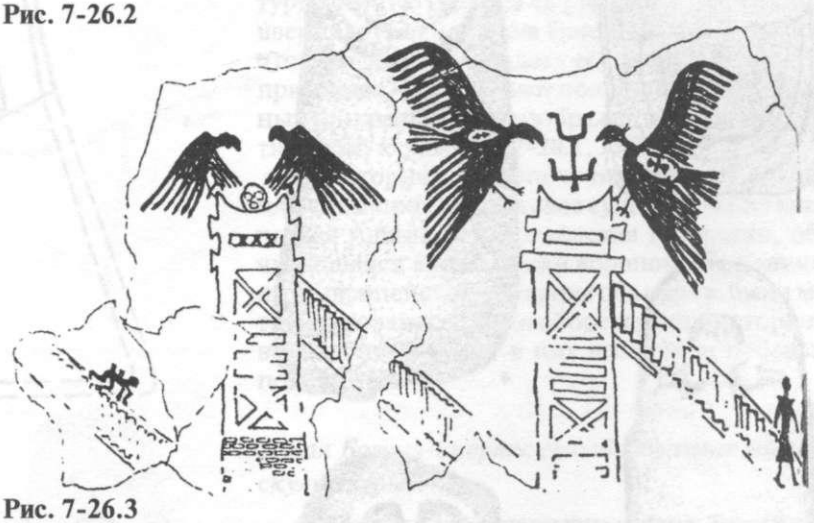


Рис. 7-26.3

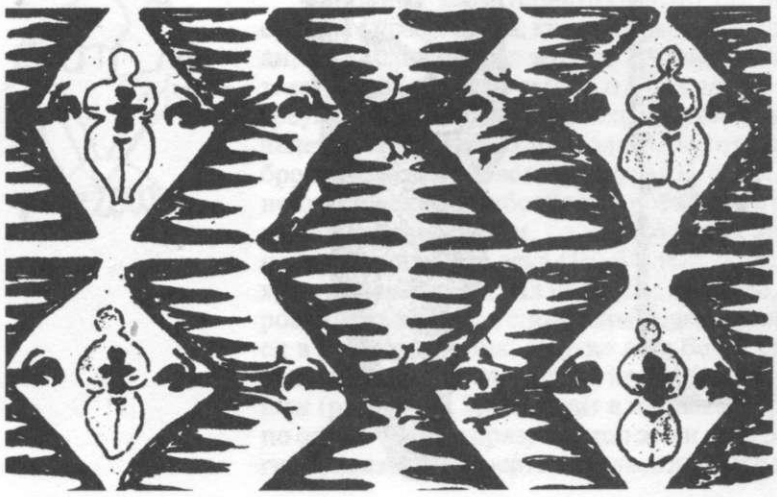


Рис. 7-26

(1) Грифы с огромными метельчатыми крыльями спускаются на обезглавленные тела. Стенная роспись из храма (уровень VII, 8) Чатал-Хююка, Центральная Анатолия, конец VII тыс. до н. э.

(2) Набросок реконструкции стенной росписи из Чатал-Хююка с изображением башен, на которых выставлены человеческая голова и обезглавленное тело, и грифов-падальщиков. Святилище E.VIB/3.

(3) Набросок реконструкции стенной росписи из Чатал-Хююка, на которой чередуются изображения красных и черных грифов и богинь. Святилище E.V/9.

Рис. 7-27

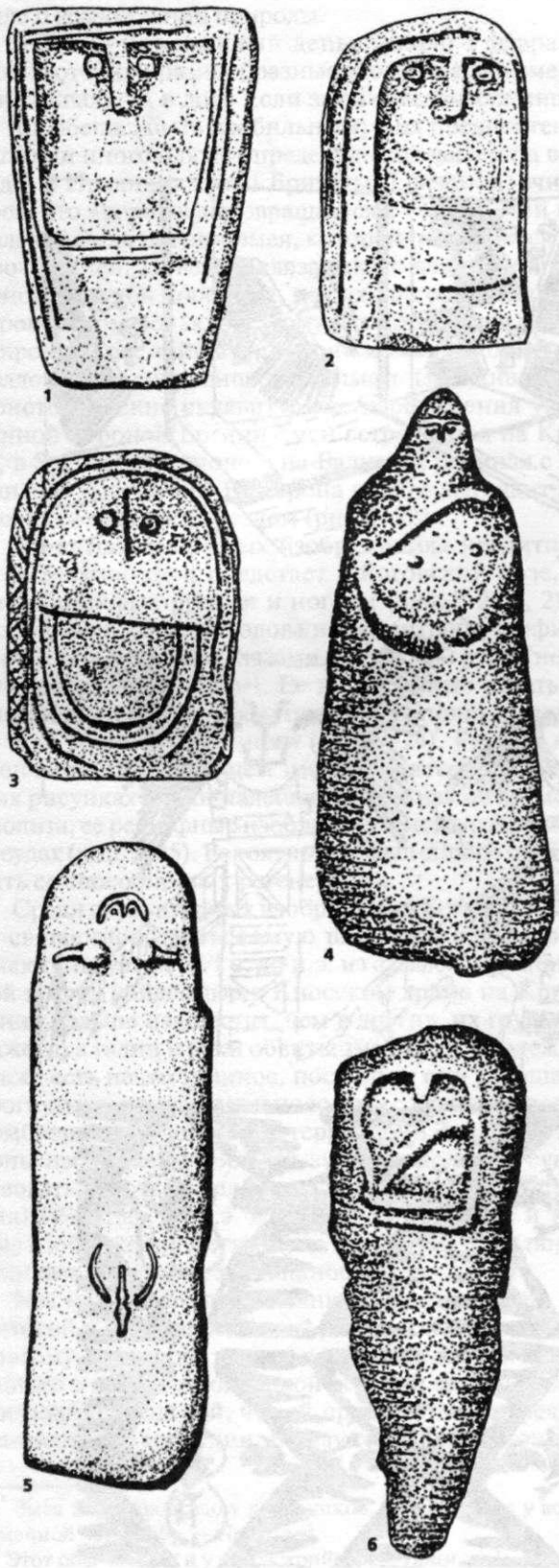
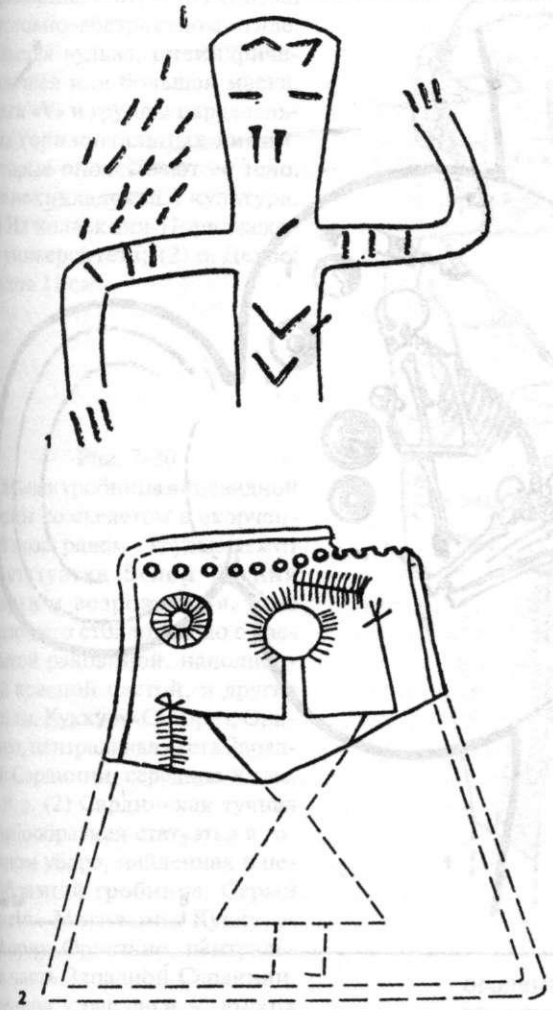


Рис. 7-27
Богиня-сова (полуженщина-полусова) на менгирах из Португалии, Испании и Южной Франции. Обычно на них обозначены только ее глаза и нос (клюв), реже – груди. Иногда бывает рельефно изображен крюк (4, 6). Поздний неолит, IV – начало III тыс. до н. э. (1) Аскероса, Гранада, Испания; (2) Центральная Португалия; (3) Крату, Алентежу, Центральная Португалия; (4) Ма-де-Л'Авёгль, Коллерг, Гар, Южная Франция; (5) Тригуерос, Уэльва, Южная Испания; (6) Аван-Менье I, Южная Франция. Размеры: (1) 60,2 см; (2) 50,9 см; (3) 50,3 см; (4) 163 см; (5) 2 м; (6) 164,1 см.

Рис. 7-28
Неолитические и минойские
бражения Богини с поднятой в
рукой, другая рука указует в
(1) Нарезное изображение на с
де культуры караново I, нач
VI тыс. до н. э. (2) Нарезное изо
жение силуэта в форме «песоч
часов» с головой в виде солн
поднятой вверх птичьей лапо
ним соотнесены изображения
вей. Культура оциери (Конка-
лонис), Сардиния, конец V ты
н. э. (3) Узор в виде Богини-пт
со змеевидным хохлом на рас
ной керамике из Фаистоса, К
начало II тыс. до н. э. (4) Орна
тальный рисунок на стеатит
призме из Маллии, Крит, серед
II тыс. до н. э.

Рис. 7-28



На территории Европы грифы-падальщики встречаются только в Средиземноморье, между Испанией и Турцией. На севере Богиня никогда не является в обличии грифа; его заменяет сова и другие породы хищных птиц. В Западной Европе изображения Богини в обличии совы бывают вырезаны на менгирах, стоявших перед входом в мегалитические гробницы, а порой и внутри них (рис. 7-27). Круглые глаза этой богини, которые иногда дополняют клюв и брови, можно видеть в таких святилищах, как Нью-Грейндж, Наут и некоторые другие; меж тем как в Юго-Восточной Европе Богиня в образе совы имеет очертания урны. Но где бы она ни встречалась, ей сопутствуют спирали, змеи, букрании, треугольники, топоры треугольной формы и крюки. Две последние категории – частые атрибуты Богини в образе совы, которая бывает изображена на менгирах Британии, Франции и Португалии: они играют роль могущественных символов возрождения.

Богиня в образе птицы известна также по изображениям на печатях и сосудах минойской культуры (Крит). Одна из ее рук или крыльев поднята вверх, другая опущена (рис. 7-28.3, 4): возможно, что этот жест утверждает ее власть или вынесение приговора. Он начинает появляться также у ее резных или рельефных изображений на ранненеолитической керамике (7-28.1, 2).

В историческую эпоху Богиня в облике грифа или совы продолжила свое существование как греческая Афина или ирландская Морриган, оборачивавшаяся вороной или вороном. Под влиянием индоевропейской культуры оба образа были милитаризированы: противоборствующие стороны во время битвы видят в них вестников победы или поражения.

Белая Богиня-смерть: столбообразные могильные скульптуры

Основные характеристики этой Богини – застывшая поза, нагота; как правило, отсутствие груди, руки сложены на животе или вытянуты вдоль тела (или вообще отсутствуют); большой лобковый треугольник – повторялись на протяжении тысячелетий от верхнего палеолита вплоть до конца бронзового века во всех культурах Европы. Но если неолитические столбообразные фигуры отличаются округлостью форм, то изображения медного и начала бронзового века (IV–III тыс. до н.э.) более худы и схематичны. Их ноги, как правило, редуцированы до конуса, а сложенные руки превращаются в прямоугольник. Другие еще более схематичны: у них уже нет ни рук, ни ног, только вытянутые шеи (рис. 7-29). Их находят в местах захоронений, по одиночке или сразу по три: это и есть Белая Богиня, поскольку смерть виделась людям белой, как

Рис. 7-29.1

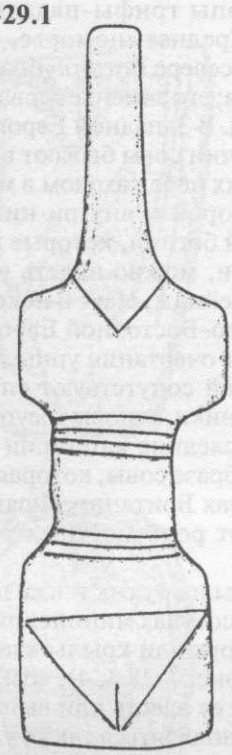


Рис. 7-29.2

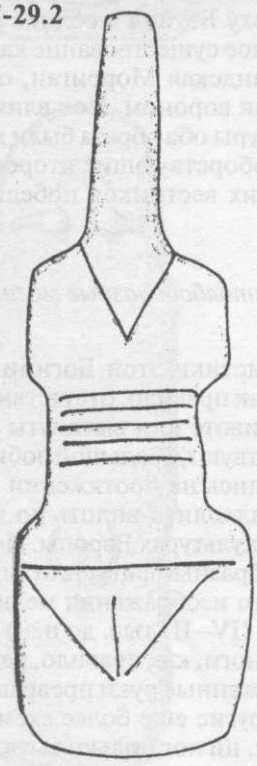


Рис. 7-30.1

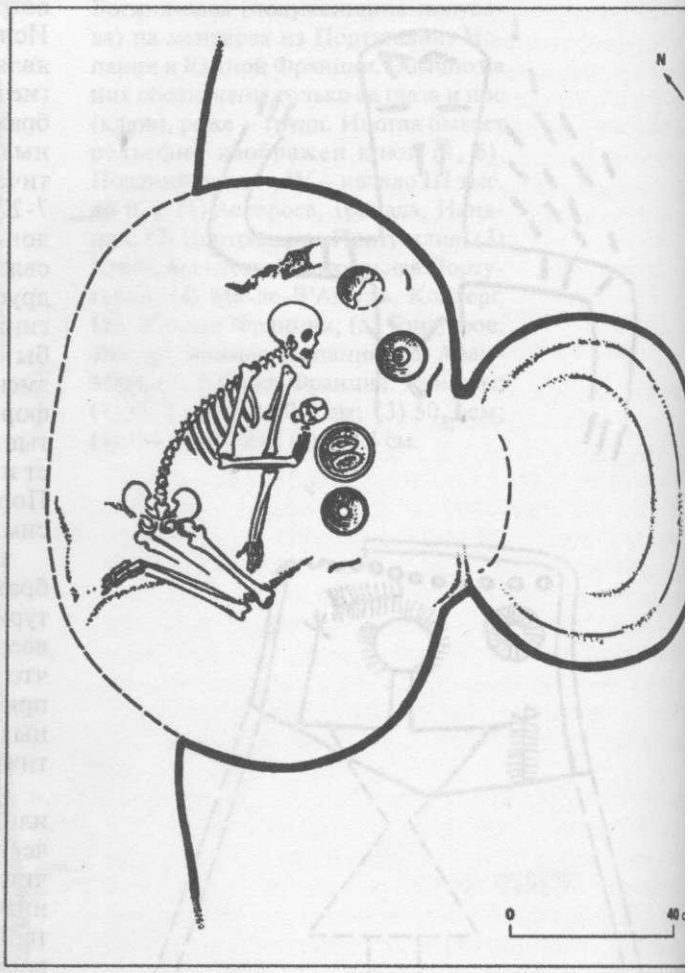


Рис. 7-30.2

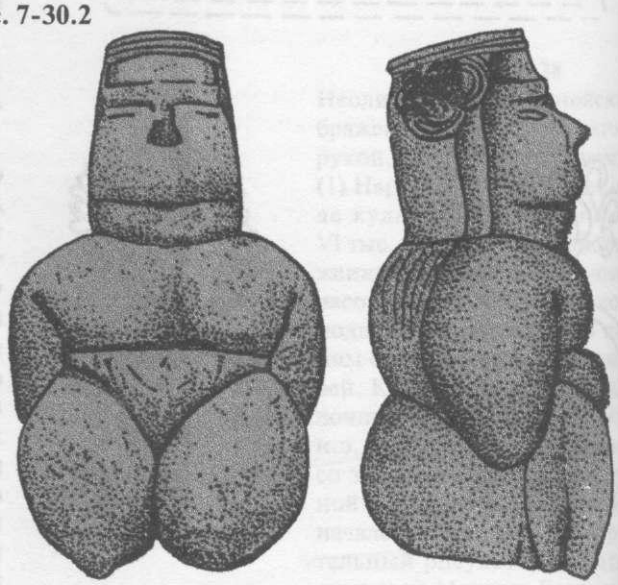


Рис. 7-29

Мраморные статуэтки с Киклад в условно-абстрактном стиле: большая вульва, цилиндрическая шея или большая маска, знаки «V» и группы параллельных горизонтальных линий, которые опоясывают ее тело. Раннекикладская I культура. (1) Из коллекции Нориджского университета; (2) о. Делос; высота 11 см.

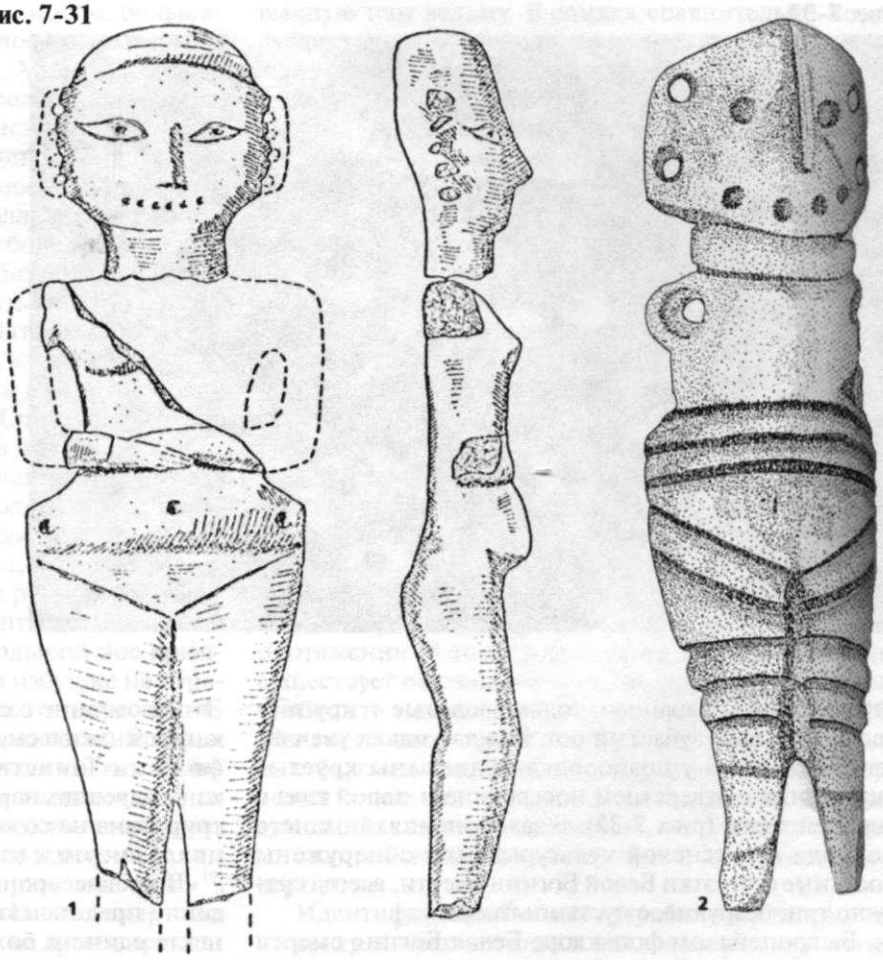
Рис. 7-30

Скальная гробница яйцевидной формы со скелетом в скорченной позе, рядом с грудью лежит (1) статуэтка Белой Богини смерти и возрождения. Еще около него стояло блюдо с раскрытой раковиной, наполненной красной пастой, и другие сосуды. Куккуру-С'Арриу, Ористано, центральная часть Западной Сардинии, середина V тыс. до н.э. (2) Сардинская тучная столбообразная статуэтка в головном уборе, найденная в печеобразной гробнице. Серый камень. Могильник Куккуру-С'Арриу, Ористано, центральная часть Западной Сардинии, середина V тыс. до н.э.; высота 17,2 см.

Рис. 7-31

Мраморные и костяные изображения Белой Богини смерти и возрождения, середина V тыс. до н.э. Углубления в области рта напоминают зубы; широкие маски, в ушах проделаны отверстия для медных серег. Культура карановo IV. (1) Благоево, Разград, Северо-Восточная Болгария; (2) Кэшиоареле, островное поселение на Нижнем Дунае, Южная Румыния. Высота (1) 33 см (в оригинальном виде); (2) ок. 20 см.

Рис. 7-31



оголенные кости. Ее изображения почти всегда вырезаны из кости, мрамора или алебастра, а если этих материалов не было под рукой, то вылеплены из светлой глины или изготовлены из светлого камня. Наибольшую известность, с точки зрения истории искусства, получили мраморные Белые Богини, найденные на Кикладах: некоторые из них достигают 1,5 м в высоту. Они восхищают изяществом работы и гармонической пропорциональностью фигуры. Не меньшего внимания заслуживают статуэтки VI–V тыс. до н.э., обнаруженные в скальных гробницах Сардинии, а также в Греции и в некоторых других местах (рис. 7-30). Части их тел гармонически сочетаются с треугольником, который расположен практически в середине фигуры; руки у них опущены, а лица (или маски) безмятежны.

В болгарской и румынской культуре карановo Белую Богиню-смерть изготавливали из глины или вырезали из кости, снабжая ее пугающей маской – круглые глаза, большой рот, зубы (рис. 7-31). А вот в Эгейском и Средиземноморском регионе ее маски, как правило, лишены рта, зато имеют большой нос, как маски Богини-птицы.

В Варнском могильнике (черноморское побережье Болгарии) были найдены захороненные отдельно глиняные маски, выполненные в натуральную величину. У них те же атрибуты, что у стату-

Рис. 7-32

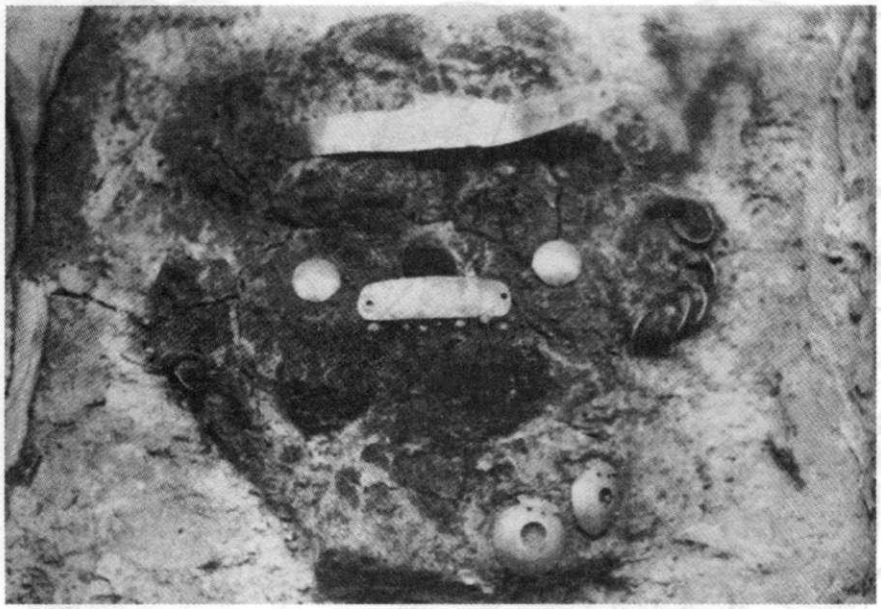


Рис. 7-32
Глиняная маска в натуральн
величину, могила № 2 Варнс
го могильника. Золотая коро
рот, зубы, серьги и закрепле
ные на подбородке две выпу
лые кольцевидные подвески
«глазками». Подобного ро
маски помещали в кенотафы
засыпали дарами. В этой гро
нице помимо перечисленн
предметов были еще золот
серьги и пластины, больш
количество бусин из эгейск
раковин, медная игла, костян
веретено, фрагмент костян
статуэтки, маленький сосу
крышкой и большое блюдо
графитовым орнаментом из ч
тырехвитковых завитков. Се
дина V тыс. до н. э.

эток культуры караново, только золотые – круглые глаза, большой зубастый рот. Каждая маска увенчана диадемой, а у подбородка подвешены круглые украшения с отверстием посередине и парой глаз в верхней части (рис. 7-32). В захоронениях позднего периода кукутенской культуры были обнаружены костяные статуэтки Белой Богини смерти, всегда сразу по три, безрукие, с пустыми глазами.

В европейском фольклоре Белая Богиня смерти также имеет двойное обличие, являясь то хищной птицей, то ядовитой змеей. В Ирландии предвестниками смерти издавна считались птицы с пугающе заунывным криком, а в Литве считается, что смерть подползает, как ядовитая змея. Многозначительно и имя литовской Богини смерти: Гильтине, от «gilti», «жалить». Слова «galas» («конец») и «geltonas» («желтый» – цвет кости) относятся к этому же семейству. В народных сказах ее называют сестрой богини Лаймы, которая определяет судьбы человека.

Тот факт, что всех столбообразных изображают с укрупненным лобковым треугольником в середине тела, имеет глубочайший смысл. Даже в смерти в них сохраняется обещание возрождения, ибо их чрево – вечный промежуток между небытием и новой жизнью.

Богиня смерти и возрождения

Всякая жизнь в природе зиждется на смерти, и наоборот. Это особенно хорошо заметно в растительном мире, где для новой поросли совершенно необходимы распад и гниение когда-то живого растения. Это осознание взаимозависимости и взаимоперет кания жизни и смерти стало для доисторической м фологии Таинством бытия. Не удивительно, ч жизнь древних народов, судя по всему, была сконце трирована на созерцании и переживании сезонно цикла смерти и возрождения.

В древнеевропейской религии смерть и возро дение представали как два взаимосопряженных а пекта единого божества. В нашей линейной дуал стической культуре рождение и смерть – противоп ложные полюса, тогда как Великая Богиня каменно века объединяла в себе и то, и другое, олицетвор собой единый постоянно повторяющийся цикл, л жащий в основании всего видимого мира. Имен ей подчинены смерть, холодный зимний мрак, пеще ры, гробницы и могилы, однако она же принима плодоносное зерно, свет зимнего солнцестояни оплодотворенное яйцо, благодаря которому моги превращается в утробу, где зарождается новая жизн Этим объясняется большое количество могил яйц видной формы, над которыми порой бывает водр жен треугольный камень или насыпь камней. Мега литические гробницы Западной Европы довольн часто имеют очертания вагины или матки, или нек торое сходство с антропоморфным телом Богин (рис. 6-15–6-20).

Стоит упомянуть ряд представлений о Богин смерти, которые сохранились до нашего времен Память о ней продолжает жить в волшебных сказка ритуалах, обычаях и в языке. В таких фольклорны сборниках, как, например, немецкие «Сказки», мож но отметить большое количество доисторически мотивов, связанных с богиней зимы и смерти. Эт

тарая уродливая ведьма с длинным носом, большими зубами и всклокоченными волосами, известная под именем фрау Холле (или Хелл, Хольда, Перхта и др.). Ее сила заключена в зубах и волосах; по ее воле идет снег, восходит солнце и происходит возрождение природы. Раз в году она является в виде белой голубки, как благословение, приносящее плодородие. В виде лягушки эта самая Холле достает из колодца закатившееся туда во время сбора урожая красное яблоко, символ жизни. Она обитает на холмах и в пещерах (имя «Холле» может быть связано со словом «Höhle», «пещера»). Ей, как Матери мертвых, на Рождество пекли «Hollenzopf», т.е. «хлеб Холле». Бузина, которую именовали «Holler» или «Holunder», была священным деревом Богини. Считалось, что она обладает целебными свойствами и что под ней обитают умершие[18]. Эта могущественная богиня отнюдь не была вычеркнута из мира мифологических представлений, но продолжает жить как прибалтийская Ратана, сербская Мора или Морава, баскская Мари, ирландская Морриган, польская и русская баба-яга.

Баба-яга может оборачиваться птицей или змеей; она высока ростом, тоща, у нее большой нос крючком и костяная нога, а живет она в избушке на курьих ножках. Анализ происхождения этого имени выявляет характерные черты доисторической Богини. В древнерусском и сербскохорватском языках «баба» значает «женщина», «старуха» и «пеликан», а «яга» от «yega») — «болезнь», «страх» и «гнев», что как раз указывает на Богиню смерти. В протосамоедском языке «nga» означает «Богиня смерти» или «Бог»[19]. Что касается Западной Европы, то Богиня смерти на бретонском именовалась «Анку», а на древнеирландском – «Ану», что означало «хранительница мертвых» или «матерь богов»[20].

Существует также лингвистическая связь между Богиней смерти, наводящей морок, и недолговечным мотыльком или бабочкой. Ирландское «Maro» и литовское «More» означают «Богиня смерти» и «старая ведьма»; а греческое, славянское и германское «mora», «mara» и «morava» – «ужас», «кошмар» и «ночная бабочка или мотылек». Германское слово «Mahr» и французское «cauchemar» также связаны друг с другом. Пугающая смерть превращается в бабочку, символ возрождения.

Принижение Богини во всех ее формах и проявлениях началось с индоевропеизации Древней Европы в IV и III тыс. до н.э. и было продолжено в историческую эпоху; этот процесс в значительной мере интенсифицировала вся совокупность иудео-христианских традиций. Несмотря на попытки полностью ее уничтожить, в особенности в Средние века, когда европейская инквизиция отправила на костер многих мудрых и уважаемых женщин, – она не вполне утратила свое место как в жизни, так и в устной традиции. Богиня смерти и возрождения подверглась демонизации и, деградировав, превратилась в привычную нам ведьму. В рамках сравнительно новой дуалистической мифологии она стала воплощением всего недозволенного и «злого». Эта система верований представляла собой полную противоположность древнеевропейской религии, для которой жизнь и смерть, как и полюса природного цикла, были священны и неделимы. Но теперь земля перестала быть нашей Божественной Матерью, которой мы обязаны рождением и к который мы, умирая, возвращаемся. Божество перекочевало на небеса, а земля превратилась в край изгнания.

Фольклорная ведьма/Богиня все еще имеет власть над рождением и смертью, лунными циклами и солнечной энергией, бурей и молнией или обладает способностью на них влиять. Она знает целебные травы и умеет гармонизировать жизненные силы человека, животных и растений так, чтобы грань между ними не нарушалась, а жизненная энергия не растрачивалась попусту. Она контролирует человеческую сексуальность, поэтому ее особенно страшатся мужчины. Ведьма губит новорожденных, поскольку и младенец, и темная утроба остаются в ее власти на протяжении 40 дней. У некоторых народов до сих пор существует обычай уничтожать плаценту, чтобы высвободить новорожденного из-под ее влияния. На Мальте принято при этом приговаривать: «Я хороню не тебя, плацента, но ведьму (Zagas)»[21]. Эти представления о ведьмах содержат в себе обрывки древних традиций, связанных с богиней, вперемежку с их демонизированными иудейскими и христианскими версиями.

Идентификация Богини с утробой является одним из центральных мотивов и важным ключом к пониманию целой серии доисторических символов. Отнюдь не случайно, что ведьма в основном превращается в тех же животных, что и доисторическая Богиня, – в жабу, лягушку, ежа или рыбу.

Символы возрождения

Богиня, воплощающая регенерацию, являет себя в формах, ассоциирующихся с женскими половыми органами: лобковый треугольник передается треугольниками или «песочными часами» (двойным треугольником); вульва – овалом с точкой и линией посередине, а также в виде зерна, бутона и других аналогичных образов; матка предстает в виде рыбы или ежа, а зародыши – в виде лягушек или зайцев. В сочетании с фаллопиевыми трубами матка напоминает очертания головы быка, увенчанной рогами, – что, возможно, и объясняет тот факт, что идею регенерации чаще всего выражает именно этот мотив. Кроме того, Богиня может быть изображена в виде пчелы, бабочки, мотылька или другого насекомого, к туловищу которого порой оказывается приставлена ее антропоморфная голова. Насекомые могут представлять не только саму Богиню, но и

души, оставляющие тело после смерти или во время сна. Такого рода ассоциации зафиксированы как в исторических, так и в археологических материалах, и продолжают существовать в европейском фольклоре.

Большие каменные скульптуры из Лепенски-Вира (их описание см. ниже в разделе «Погребальные практики») являются типичным примером совмещения Богини и рыбы или же рыбы, женщины и хищной птицы. Они были обнаружены у изголовья алтарей в треугольных/трапециевидных святилищах. Здесь, как и в других святилищах в окрестностях дунайских Железных Ворот, во время погребения в жертву Возрождающей Богине приносили рыб, собак, косуль и вепрей. В мальтийских святилищах и в подземных гробницах яйцевидной формы были найдены возлежавшие на ложе скульптурные изображения рыб (см. рис. 7-107). Подземное или ночное ложе равно указывает на переход к новому рождению.

Чаще всего в святилищах присутствуют изображения Богини в облике лягушки или жабы: они, как и аналогичные амулеты из мрамора, алебастра, зеленого камня, слоновой кости или глины, встречаются на протяжении всего неолита и бронзового века, а затем и в историческую эпоху (рис. 7-33). Представление о «блуждающей матке», которая имеет вид лягушки, было широко распространено от Египта, Греции и Рима вплоть до Северной Европы уже вполне исторического периода, а в некоторых местах оно сохранилось по сей день. Этот образ уходит в глубокую древность: вырезанные из кости изображения полуженщины-полулягушки появляются в эпоху верхнего палеолита. В эпоху неолита и в более поздние периоды изображения лягушек нередко имели антропоморфные черты и были снабжены вульвой или человеческой головой. Временами вместо головы мог быть бутон.

Рис. 7-33

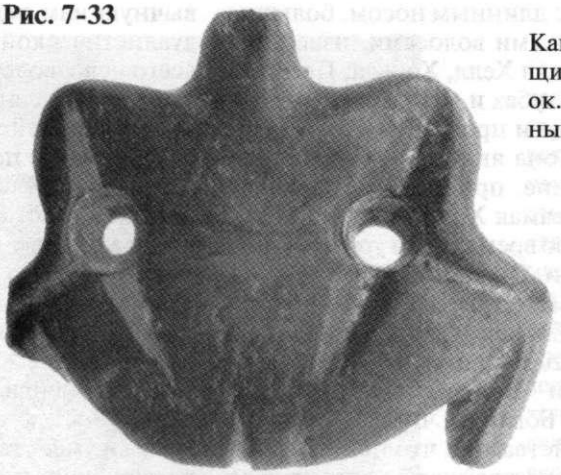


Рис. 7-33
Каменный амулет в виде ж
щины-лягушки. Ахиллейо
ок. 6300–6200 гг. до н. э. Ч
ный камень; высота 3,2 см.

Рис. 7-35
Женские репродуктивные ор
ны: рисунок из медицинск
учебника, обнаруживающ
удивительное сходство с очер
ниями бычьей головы.

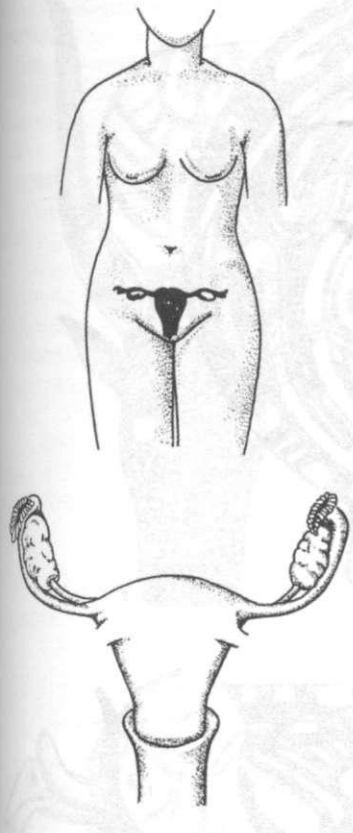
Рис. 7-34

Рис. 7-34
Изображение Богини-ежихи на крышке большого сосуда. Культура караново-гумельница. Кэшиоареле, островное поселение на Нижнем Дунае, Южная Румыния. Ок. 4500–4300 гг. до н. э.

Рис. 7-36

Рис. 7-36
Бычья голова с большими рогами: рельефное изображение на антропоморфном сосуде, представляющем женскую матку. Раннекикладская культура, приблизительно конец IV тыс. до н. э.; высота 10,5 см.

Рис. 7-35



Начиная с V тыс. до н.э. частью европейской иконографии становятся изображения ежей. В Румынии и Болгарии были найдены сосуды в форме ежей культуры караново; их крышки имеют антропоморфные черты Богини (рис. 7-34). Если брать более поздний период, то ежеобразные сосуды и статуэтки этих животных были обнаружены в микенской культуре XIV–XIII вв. до н.э., а также в греческих и этрусских гробницах IX–VI вв. до н.э. Среди находок были и большие ежеобразные сосуды (пифосы) со скелетами младенцев: это своеобразный синтез трех взаимосвязанных символических образов: могилы, утробы и ежа. В альпийских землях вплоть до XX столетия существовал обычай класть в могилу колючий шарик, окрашенный в красный цвет. Такие же шары приносили в церковь Деве Марии, чтобы испросить помощи при проблемах с маткой. В записанном в середине XX в. литовском фольклоре есть упоминание о старухе, которая в коровьем хлеву оборачивается ежом.

Еще более эзотерическим символом утробной регенерации можно считать бычью голову или череп (букранию). Сходство между букранией и формой женской матки в сочетании с фаллопиевыми трубами было замечено художницей Д.Кэмерон, когда она вместе с Дж.Меллартом работала на раскопках Чатал-Хююка (рис. 7-35). Это можно рассматривать как вполне возможное, хотя и эзотерическое объяснение важной роли данного мотива в символической системе Древней Европы, Анатолии и Ближнего Востока. На некоторых антропоморфных сосудах в том месте, где должна находиться матка, изображена воловья голова (рис. 7-36). Некоторые сведения о символической роли бычьих голов можно почерпнуть из настенных росписей Чатал-Хююка. На многих из них букрания либо изображена прямо на теле Богини в том месте, где должна быть матка, либо расположена прямо под изображением Богини в обличии лягушки.

От начала неолита до конца минойской культуры в керамическом искусстве прослеживается постоянная связь между букраниями и символикой силы и регенерации. Мотив бычьей головы встречается на расписной керамике кукутенской культуры (рис. 7-37); ее небольшие рельефные изображения можно часто видеть на керамике культуры бутмир. В святилищах культуры винча археологи находят букрании, обмазанные слоем глины (см. рис. 3-16).

В подземных гробницах Сардинии бычьи головы являются доминирующим мотивом, символически передавая идею регенерации. Они – или, вернее, матка – изображались над входом или поблизости от него, а в некоторых пещерах сам вход имел форму воловьей головы с большими рогами (см. рис. 7-112, 7-113). Чтобы попасть в это подземное святилище, надо в символическом смысле пройти через священную утробу. То, что между головой коровы, быка или вола и женской утробой имеется тесная связь, также подтверждает наличие ассоциации между волом и водой, источником жизни. Согласно литовским легендам, вол появился из воды, и волами созданы облака и озера. Неолитические, минойские или микенские скульптурные изображения крупного рогатого скота были украшены узором в виде сетки или яиц, покрытых сеткой. Этот сетчатый мотив являлся символическим обозначением жизненной влаги или околоплодной жидкости. «Священные рога», которые начинают появляться в III и II тыс. до н.э. и особенно характерны для минойской культуры Крита, продолжали служить символическим обозначением утробы и регенерации.

С античных времен между «священными рогами» изображали цветы и растения, живые деревья. От бычьих голов поднимались пчелы и бабочки, порой снабженные антропоморфными головами, – таковы, во всяком случае, изображения на минойских сосудах и храмовых фресках (рис. 7-38). Благодаря Овидию, Вергилию и Порфирию мы знаем, что в Риме мотыльки и пчелы считались душами людей, порожденных волом. В рамках кукутенской культуры начала IV тыс. до н.э. найден вырезанный на костяной пластине абрис воловьей головы, в которую вписано изображение богини с воздетыми руками и с силуэтом «песочных часов» (рис. 7-39). В данном случае

она представляет не смерть, но возрождение. На одном из пещерных рисунков из Испании богиня также имеет силуэт «песочных часов», птичьи лапы вместо ног и рук, пчелиные глаза и усики, а также три линии на лице, что является отличительным признаком Богини-птицы (рис. 7-40). Иначе говоря, это одновременно хищная птица, женщина и пчела, символ смерти и возрождения.

Богиня-птица также является участницей процесса регенерации. Изображения ее самой, ее груди и ожерелий можно видеть в мегалитических гробницах (рис. 7-41). При этом ее грудь функционирует не как источник питания и земного благоденствия для живых, но как залог воскрешения мертвых. Именно такую роль она играла на 3 000 лет ранее в святилище Чатал-Хююка, где изображения грудей были рельефно вырезаны на стенах поверх черепа грифа: иначе говоря, губительный характер Богини был перекрыт символом жизни. Ее жизнедарительные функции всегда одерживают верх, в то время как ее гибельное воплощение, имеющее обличие хищной птицы, есть неизбежная, но временная, переходная фаза.

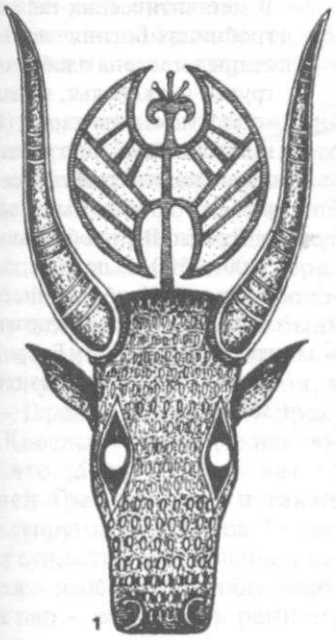
Вездесущая Богиня-змея как в благодетельной, так и в ядовитой ипостаси имеет отношение не только к миру живых, но и к царству регенерации. Она выступает как символ воскресения и бессмертия, что, конечно, объясняется ее способностью пробуждаться от зимней спячки и сбрасывать старую кожу. Змей часто изображают в свернувшемся виде, причем порой в обратном направлении, тем самым напоминая о приливах и отливах жизни, смерти и возрождения, о циклической непрерывности времени. Эти извивающиеся обитатели темной влажной земли, посланники таинственного подземного мира, владеют тайной конечного парадокса: смерть переходит в жизнь.

Рис. 7-37

Рис. 7-37
Сосуд с протомом в виде бычьей головы. Роспись из змеевидных спиралей и яиц указывает на ее связь с регенерационной символикой. Классический период кукутенской культуры, Пойнешти. Ок. 4200–4100 гг. до н. э.; высота 19 см.

Рис. 7-39
Пунктирный силуэт Богини в виде «песочных часов» на костяной пластине с резным изображением головы быка. Кукутенская культура, Западная Украина. Ок. 3700–3500 гг. до н. э.; высота 17 см.

Рис. 7-38



1

2

Рис. 7-38

(1) Богиня, восстающая из головы быка. Деталь росписи на сосуде позднеминойской I культуры (Псейра, Восточный Крит): возрождение новой жизни предстает как появление бабочки между рогами быка, который символизирует матку.
(2) Богиня в короне и с крыльями бабочки поднимается между рогов. Оттиск печати, Закрос, Восточный Крит, среднеминойский период III.

Рис. 7-39

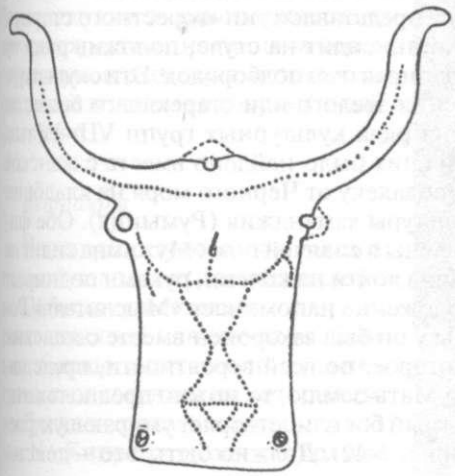


Рис. 7-40

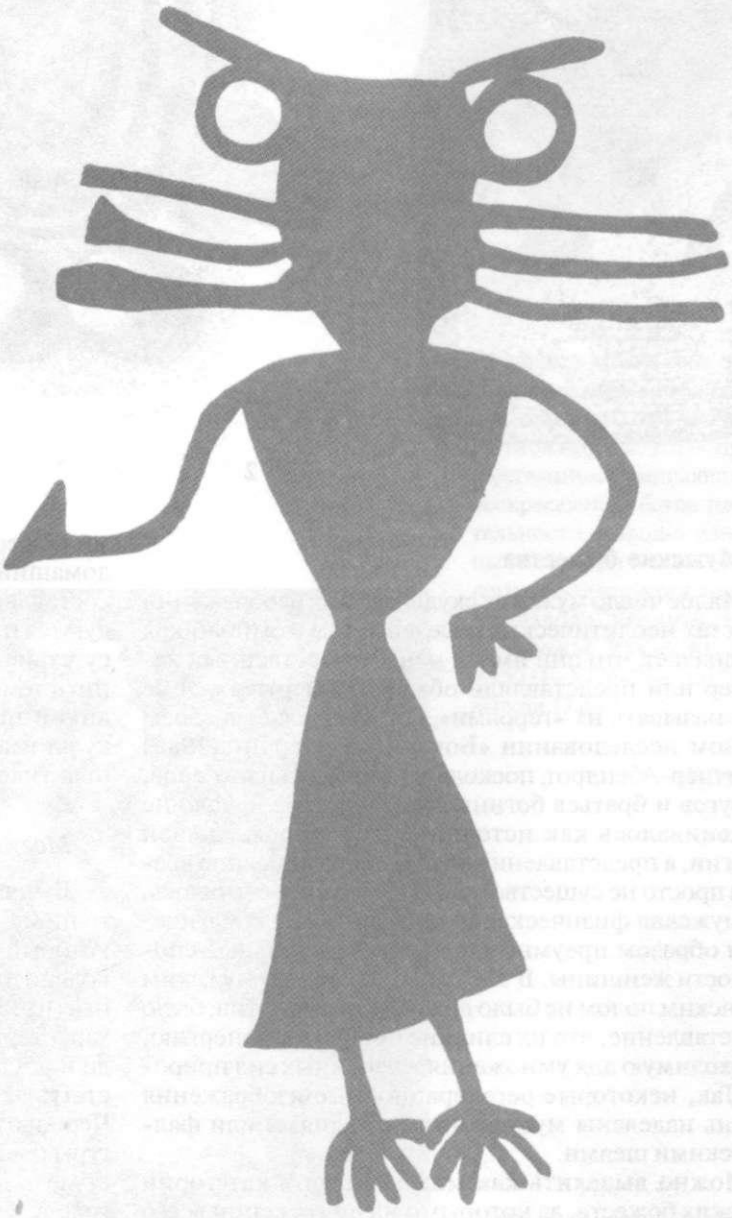
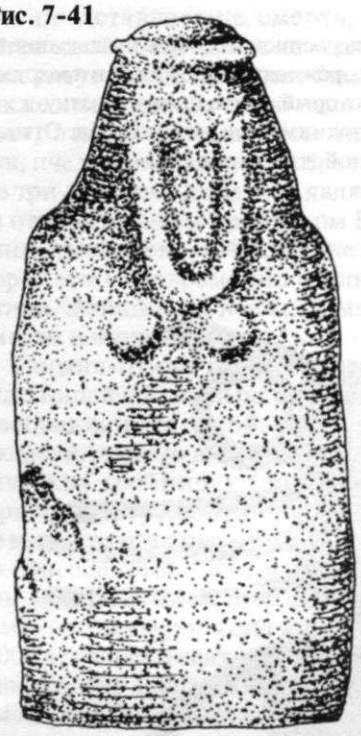


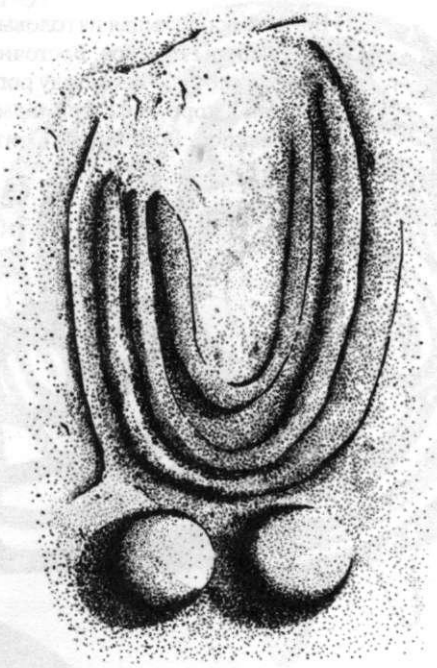
Рис. 7-40

Богиня с силуэтом «песочных часов», птичьими лапами, пчелиными глазами и усиками. Тройные линии – отличительный признак Богини-птицы. Поздний неолит, Южная Испания; высота 11,2 см.

Рис. 7-41



1



2

Рис. 7-41
В мегалитических галерейных гробницах Богиня часто бывает представлена изображением грудей и ожерелья, по которому ее и можно опознать. (1) Гранитная статуя-менгир из мегалитического комплекса галерейной гробницы. Кейтель, о. Гернси, Великобритания, ок. 3000–2500 гг. до н.э.; высота 1,53 м. (2) Изображение ожерелий и грудей из мегалитической гробницы. Белле у Бурри, Уаза, Франция, приблизительно 3000 г. до н.э.

Мужские божества

Малое число мужских скульптурных изображений в местах неолитических поселений и в могильниках не означает, что они имели менее божественный характер или представляли обычных смертных. Я не буду называть их «героями», как это делает в своем важном исследовании «Богиня и ее герой» (1983) Х.Геттнер-Абендрот, поскольку вижу в них партнеров, супругов и братьев богинь. Хотя мужское начало не расценивалось как источник жизнепорождающей энергии, а представления об отцовстве в древние времена просто не существовало, тем не менее считалось, что мужская физическая и сексуальная сила магическим образом преумножает производительные способности женщины. В эпоху неолита между мужским и женским полом не было дихотомии: напротив, было представление, что их слияние производит энергию, необходимую для умножения жизненных сил природы. Так, некоторые регенерационные изображения богинь наделены мужскими гениталиями или фаллическими шеями.

Можно выделить как минимум пять категорий мужских божеств, за которыми на протяжении всего их существования была закреплена одна и та же поза. Некоторые из них восседают на стуле или на троне, что говорит об их безусловно важном положении. Однако, в отличие от женских божеств, в чьей утробе зарождается жизнь, они не являются порождающими божествами; кроме того, они не относятся ни к домашним, ни к храмовым божествам: исключение составляет фаллический бог, чьи изображения чередуются с изображениями змеи или Богини-змеи. Отсутствие их в святилищах и жилищах можно объяснить тем, что мужские божества ассоциировались с дикой природой и растительностью. Вероятно, их культ имел место на лоне природы, а потому от него практически ничего не осталось.

Могучие и умирающие боги растительности

Лучше всего в неолитическом искусстве Юго-Восточной Европы представлен тип «горестного старца», который спокойно сидит на стуле, положив руки на колени или подпирая ими подбородок. Эти скульптурные изображения зрелого или стареющего божества характерны для ряда культурных групп VII–IV тыс. до н.э. Одно из них было найдено вместе с женской статуэткой неподалеку от Черного моря на кладбище Чернаводэ культуры хаманджия (Румыния). Обе фигуры представлены в сидячей позе. Мужчина сидит на стуле и, поставив локти на колени, руками подпирает голову: его положение напоминает «Мыслителя» Родена. Поскольку он был захоронен вместе с женским божеством, которое, по всей вероятности, представляет древнюю Мать-землю, то можно предположить, что этот горестный бог олицетворяет умирающую растительность (рис. 7-42). Должно быть, это – доисто-

рический аналог льняного бога Лина, который проводит зиму в виде семени, весной рождается, летом умирает и снова возвращается в землю.

Итифаллические изображения юношей (рис. 7-43) скорее всего представляют оплодотворяющее могущество весны. Этот Могучий Бог мог быть супругом-консортом Богини. Как мы знаем по исторически зафиксированным мифологиям, у целого ряда богинь были супруги-консорты: у Деметры – Дионис, у Артемиды – Актеон, у Геры – Геракл, у Афины – Эрехтей, у Кибелы – Аттис. Не исключено, что за пять тысяч лет до Древней Греции богини также имели супругов-консортов. Указания на существование священного брака – изображения обнимающихся пар – восходят к раннему неолиту.

Фаллическое божество или Змей

Фаллосы и изображения стоящих итифаллических божеств (рис. 7-44) – возможные прототипы греческих герм и Гермеса, который первоначально был фаллосом или змеем. В последнем качестве он служил залогом плодородия, всяческого преумножения и здоровья. Греческий Гермес был богом удачи, приносящим богатство и умножение стада. Судя по всему, важная роль фаллических божков, фаллических конструкций и змей берет начало в доисторических временах, затем она прошла через греческую и римскую историю и оказалась вплетена в современный фольклор.

Кентавры

Кентавры с туловищем быка и головой человека (цветная вклейка 22) были существами, стимулировавшими жизненные силы. Они нам хорошо известны по древнегреческим сосудам, на которых их изображали рядом с древом жизни. На Кипре периода халколита

Рис. 7-42

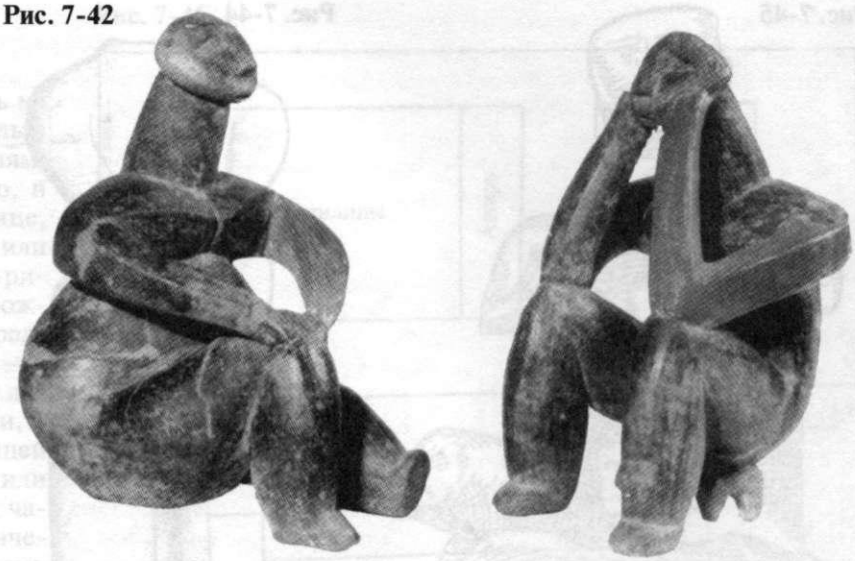


Рис. 7-42
Сидящие в задумчивых позах женское и мужское божества в масках; найдены в могиле. Возможно, что это – предшественники умирающих и воскресающих богов растительности, хорошо известных по историческим мифологиям. Культура хаманджия, Чернаводэ, черноморское побережье Румынии. Ок. XLVIII–XLVII вв. до н.э.; высота 12 см.

Рис. 7-43

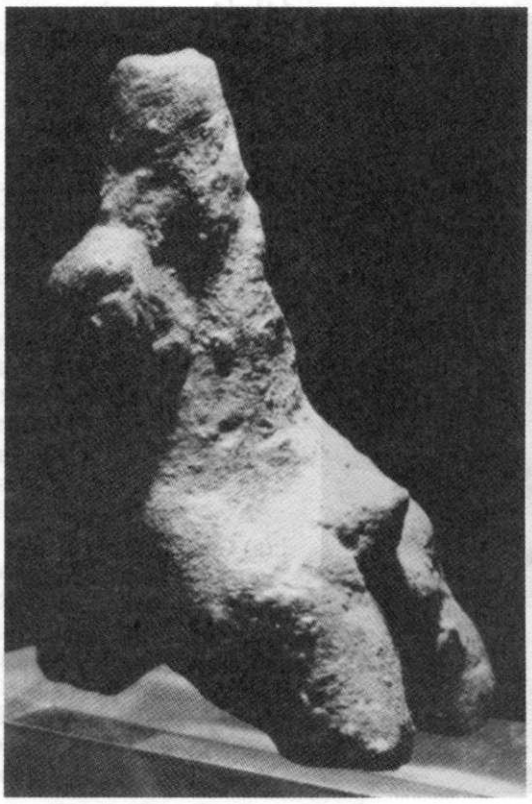
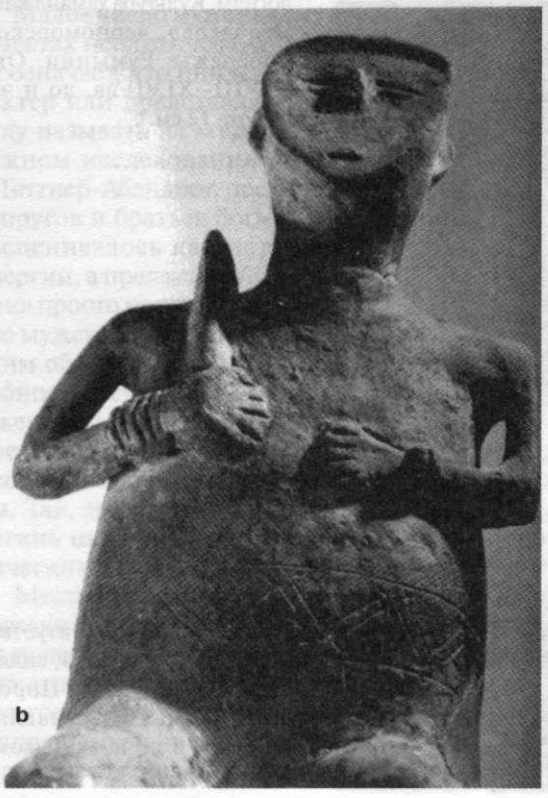


Рис. 7-43
Итифаллическая статуэтка юного могучего бога, сидящего на табурете. Породин, Южная Югославия. Ок. 6000 г. до н.э.; высота 5,25 см.

Рис. 7-45

a



b

Рис. 7-44

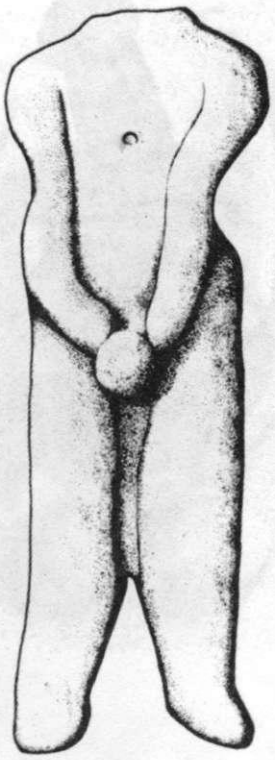


Рис. 7-44
Итифаллическое изображение юного бога, возможно – предшественника эллинского Гермеса. Терракота. Культура сескло, Сескло, Фессалия; высота 9 см.

Рис. 7-45
(a) Сидящий бог в маске с крюком в руках, наручным браслетом и поясом с росписью в виде зигзагов. Культура тиса, Сегвар-Тюзкёвеш, Венгрия. Начало V тыс. до н.э.; высота 25,6 см. (b) Деталь.

(ок. 3500–3000 гг. до н.э.) изображения кентавров клали в могилу, чтобы помочь возродиться умершему.

Хранители дикой природы

Не исключено, что у мужских божеств была еще одна функция – функция хранителей леса и диких животных, поскольку подобный мотив можно видеть в фольклоре и обычаях Северной Евразии. Фигура Хозяина леса и повелителя зверей до сих пор существует в фольклорных преданиях, распространенных от Ирландии до России. Этот тип божества трудно идентифицировать на основе археологических данных, поскольку его культ, насколько можно судить, происходил не в домах или святилищах, а на лоне природы. Я полагаю, что прототипом этого божества был тот самый получеловек-полузверь, которого изображали на стенах палеолитических пещер рядом со стадами животных. На одной из стенных росписей Чатал-Хююка можно видеть мужскую палкообразную фигуру, которая держит грифов; считается, что это – изображение Повелителя зверей. С ним чередуется аналогичное изображение женской фигуры, идентифицируемой как Повелительница животных. Возможно, что это были парные божества.

В Венгрии была найдена не имеющая аналогов скульптура культуры тиса, которая обычно именуется изображением «Взрослого мужчины, держащего крюк»; возможно, что это предшественник божеств, известных в историческую эпоху под именами Сильвана, Фавна и Пана (рис. 7-45). Все они считались духами леса и защитниками животных, а кроме того, – охотниками, которых также изображают с крюком в руке.

Священные изображения и их происхождение

Все святилища можно разделить на две основных категории по типу культа Богини: в одних поклонялись богиням, оберегавшим жизненную энергию, и хранительницам рода (Богине-птице, Богине-змее, Роженице, Кормилице или Мадонне), в других осуществлялись ритуалы, связанные со смертью и возрождением: Богиня здесь могла быть представлена разными воплощениями – в качестве грифа, рыбообразной или лягушкообразной Богини регенерации, в виде регенерирующей матки, имеющей форму бычьей головы, треугольника или двойного треугольника («песочных часов» или «бабочки»). Ранненеолитической Беременной Богине поклонялись во дворе у хлебных печей.

Мы рассмотрим несколько раскопанных ранненеолитических поселений, в которых были найдены следы поклонения различным божествам или разным их ипостасям, которое могло происходить в святилище или во дворе. Большая часть материалов была получена из святилищ Ахиллейона (Фессалия), датирующихся 6400–5600 гг. до н.э., и Чатал-Хююка (Центральная Анатолия), чьи многочисленные храмы восходят к VII тыс. до н.э.

Ахиллейон

Это расположенное неподалеку от Фарсалы (Южная Греция) поселение относится к неолитической культуре сескло: в 1973 и 1974 гг. его раскопки были осуществлены автором этих строк, совместно с Шейном Уинном и Дэниэлом Шимабуку[22]. Его существование охватывает период с середины VII до середины VI тыс. до н.э.: эта хронология основана на 42 радиоуглеродных датировках и достаточных стратиграфических и типологических данных. В Ахиллейоне было найдено несколько святилищ, 200 миниатюрных статуэток и церемониальных платформ с ямами, в которых разжигали огонь для жертвоприношений. Все эти находки имеют важное значение с точки зрения изучения данной религии. Более того, исследование Ахиллейона показало, что культы имели разную локализацию, и каждое место было посвя-

Рис. 7-46

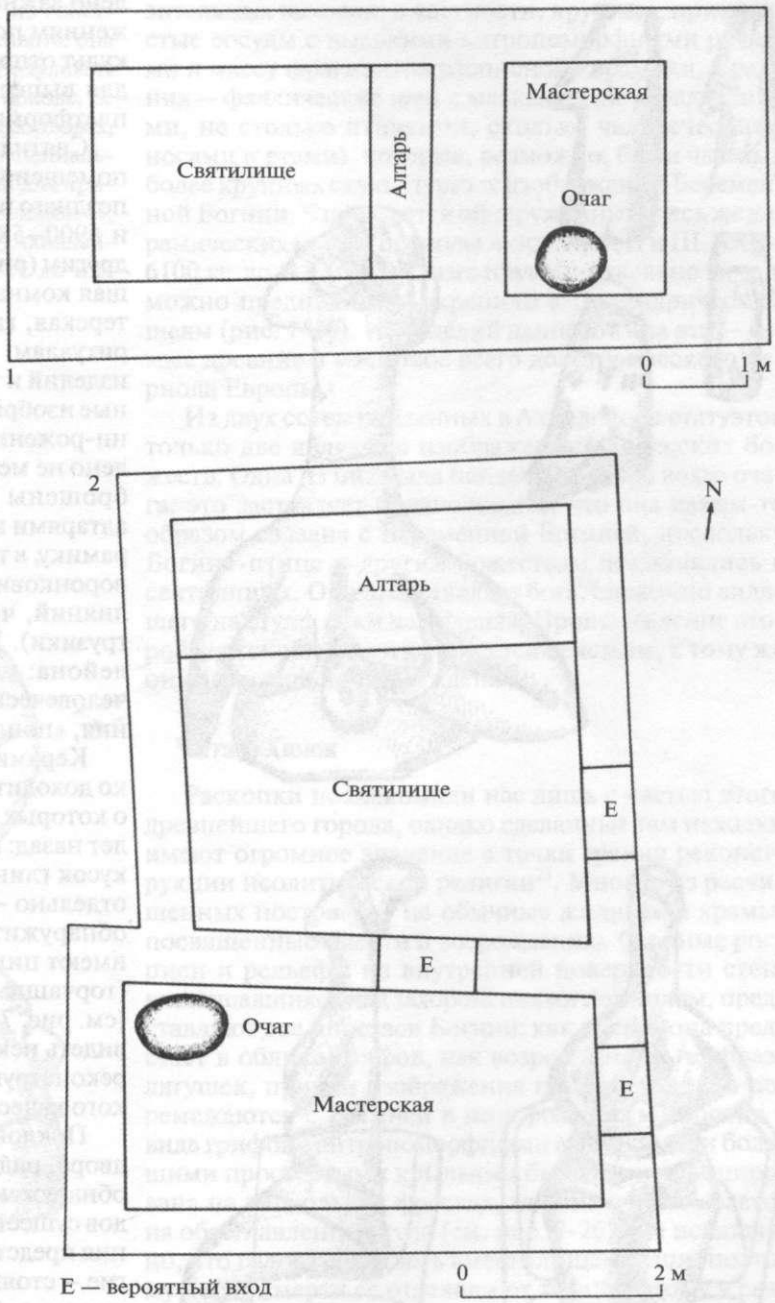


Рис. 7-46

Двухкомнатные святилища Ахиллейона, Фессалия: более просторная комната – собственно святилище, та, что поменьше, – мастерская. Культура сескло. (1) 6000–5900 гг. до н. э., Ахиллейон IV, ранний слой; (2) 5900–5800 гг. до н. э., Ахиллейон IVa, средний слой.

Рис. 7-47

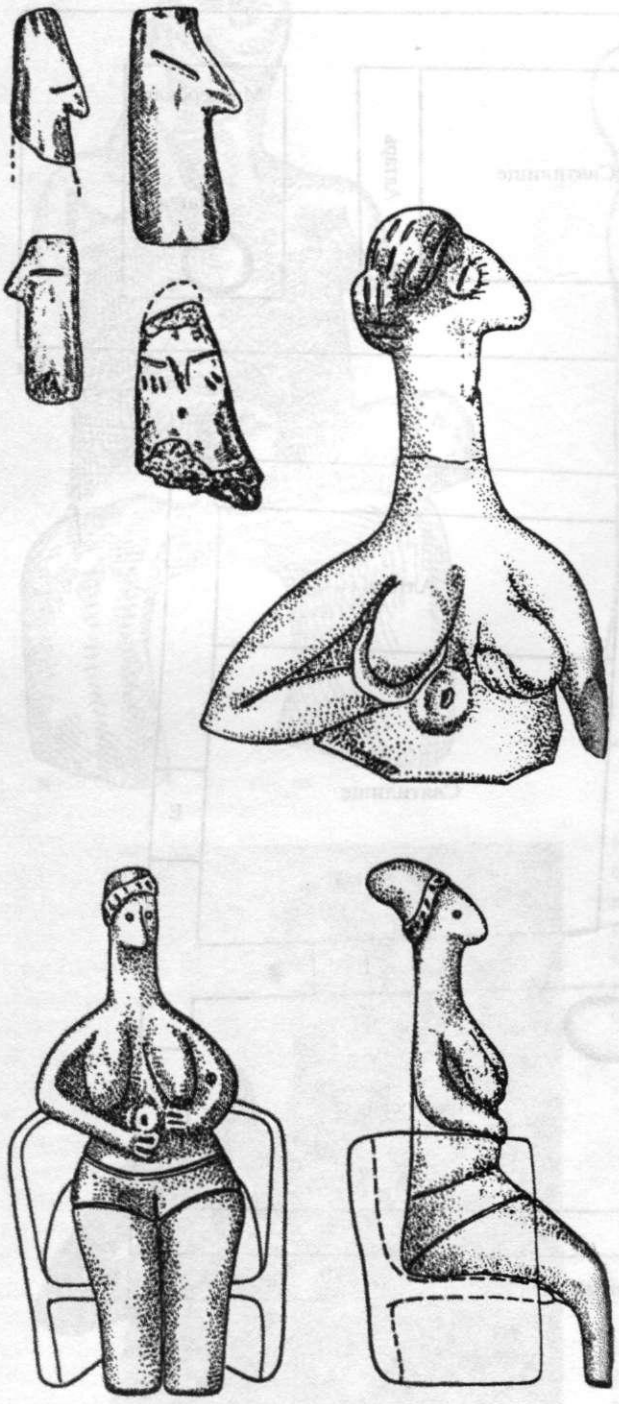


Рис. 7-47

Головы с клювами (фрагменты разбитых статуэток) и статуэтки с клювообразными носами, сложными прическами, головными уборами и большой грудью. Найдены в святилищах Ахиллейона, на алтарях и возле них (см. рис. 7-46). Культура сескло, Ахиллейон IV. 6000–5800 гг. до н.э.

щено той или иной богине. Тем самым было установлено важное различие между богинями, чьим изображениям поклонялись в святилищах, и богинями, чей культ отправлялся снаружи – во дворе, рядом с печью для выпечки хлеба, на специально приготовленных платформах и алтарях.

Святилища Ахиллейона имеют вид двухкомнатных помещений. При раскопках было найдено два храма позднего периода (соответственно 6000–5900 гг. до н.э. и 5900–5800 гг. до н.э.), располагавшихся один над другим (рис. 7-46). Собственно святилищем была большая комната с алтарем, а в меньшей находилась мастерская, где происходила подготовка к религиозным ритуалам: лепка статуэток, украшение керамических изделий и т.п. На алтаре были установлены скульптурные изображения Богини-птицы, Богини-змеи, Богини-роженицы и кормилицы. В каждом святилище найдено не менее 30 скульптур, считая и те, что были выброшены в близлежащую мусорную яму. Рядом с алтарями мы обнаружили наиболее качественную керамику, в том числе огромные сосуды для возлияний с воронковидным верхом, миниатюрные чаши для возлияний, черпаки и керамические диски (возможно, грузики). В этом же месте был найден шедевр Ахиллейона: удивительное керамическое изображение человеческой головы с открытым ртом – без сомнения, «поильник», сосуд для возлияний (рис. 2-12.2).

Керамическая скульптура, тем более крупная, редко доходит до нас в неповрежденном виде. Статуэтки, о которых здесь речь, были изготовлены восемь тысяч лет назад: в качестве основы мастера брали гальку или кусок глины, причем отдельно лепили голову и шею, отдельно – живот и бедра. Головы, которые удалось обнаружить в святилищах Ахиллейона, в основном имеют цилиндрическую форму и снабжены клювами (торчащими носами), но лишены человеческого рта (см. рис. 7-16, 7-47). В нижней части рис. 7-47 можно видеть некоторые реконструированные или частично реконструированные образцы скульптуры более высокого качества.

Поклонение Беременной Богине происходило во дворе, рядом с печью для выпечки хлеба. Здесь было обнаружено около сотни ее статуэток разных периодов существования Ахиллейона. Некоторые изображения представляют Богиню восседающей на троне, другие – стоящей, откинувшись назад, причем опорой ей служат собственные непомерно огромные ягодицы, третьи наделены плоским основанием (рис. 7-48). Спереди или сбоку от печей для приготовления хлеба стояли платформы, которые отчасти напоминали скамьи: на них были расставлены статуэтки. От Ахиллейона III (6100–6000 гг. до н.э.) осталась покатая платформа с ямами по углам, выложенная скрепленной глиной галькой. Следы угля говорят о том, что на ней разжигали жертвенный огонь, возможно, в пору посева или сбора урожая (рис. 7-49). Раскопки этого удивительного церемониального места с печью, каменной ска-

Рис. 7-48

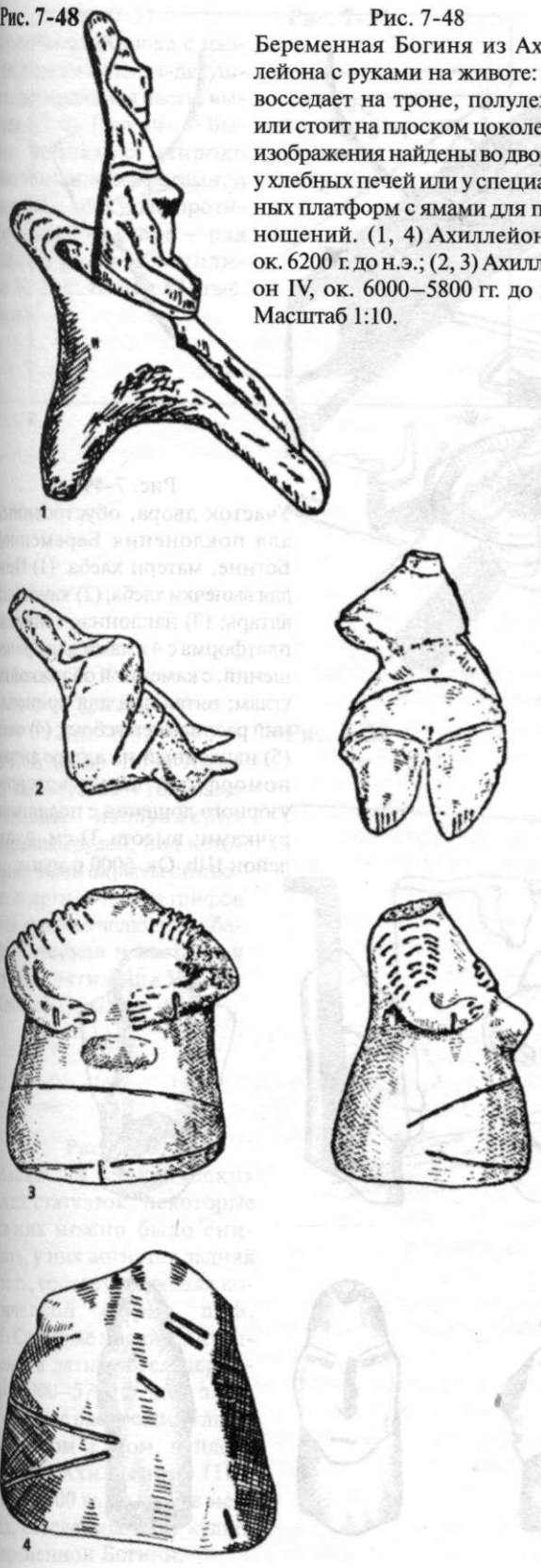


Рис. 7-48
Беременная Богиня из Ахиллейона с руками на животе: она восседает на троне, полулежит или стоит на плоском цоколе. Ее изображения найдены во дворах, у хлебных печей или у специальных платформ с ямами для приношений. (1, 4) Ахиллейон II, ок. 6200 г. до н.э.; (2, 3) Ахиллейон IV, ок. 6000–5800 гг. до н.э. Масштаб 1:10.

мьей и платформой с ямами для огня дали ряд поразительных находок: в частности, крупные, приземистые сосуды с высокими антропоморфными ручками и массу фрагментов расписной керамики. Среди них – фаллические шеи с масками (и с характерными, не столько птичьими, сколько человеческими носами и ртами), которые, возможно, были частями более крупных скульптурных изображений Беременной Богини. Что касается обнаруженных здесь же керамических масок (периоды Ахиллейон II и III, 6300–6100 гг. до н.э.), то их изготовляли отдельно и, как можно предположить, крепили к цилиндрическим шеям (рис. 7-50). Из изделий данного типа эти – самые древние в масштабе всего доисторического периода Европы.

Из двух сотен найденных в Ахиллейоне статуэток только две являются изображениями мужских божеств. Одна из них была найдена во дворе возле очага: это заставляет предположить, что она каким-то образом связана с Беременной Богиней, поскольку Богине-птице и другим божествам поклонялись в святилищах. Она представляет бога, спокойно сидящего на стуле, руки на коленях. Происхождение второй мужской статуэтки остается неясным, к тому же она была сильно повреждена.

Чатал-Хююк

Раскопки познакомили нас лишь с частью этого древнейшего города, однако сделанные там находки имеют огромное значение с точки зрения реконструкции неолитической религии[23]. Многие из расчищенных построек – не обычные жилища, а храмы, посвященные смерти и возрождению. Стенные росписи и рельефы на внутренней поверхности стен, возвышавшихся над захоронениями под полом, представляют две ипостаси Богини: как смерть она предстает в облике грифов, как возрождение – в образе лягушек, причем изображения последнего типа перемежаются с Богиней в позе роженицы. Богиня в виде грифов с антропоморфными атрибутами и большими простертыми крыльями была идентифицирована на нескольких фресках, где она набрасывается на обезглавленные тела (см. рис. 7-26). Не исключено, что голова считалась вместилищем души, поэтому после смерти ее отделяли от тела; поэтому в святилищах под лепными изображениями бычьих голов были обнаружены черепа. Эти стенные росписи свидетельствуют о существовании не только практики экскарнации (намеренного отделения плоти от костей), но и связанной с ней веры в то, что умерших поглощает Богиня. Регенерационные ритуалы проходили в храмах, украшенных рельефными или рисованными изображениями Богини-роженицы и бычьих голов (рис. 7-51).

Любопытно, что, изучая головы грифов на стенах храмов Чатал-Хююка, Джеймс Мелларт обнаружил,

Рис. 7-49

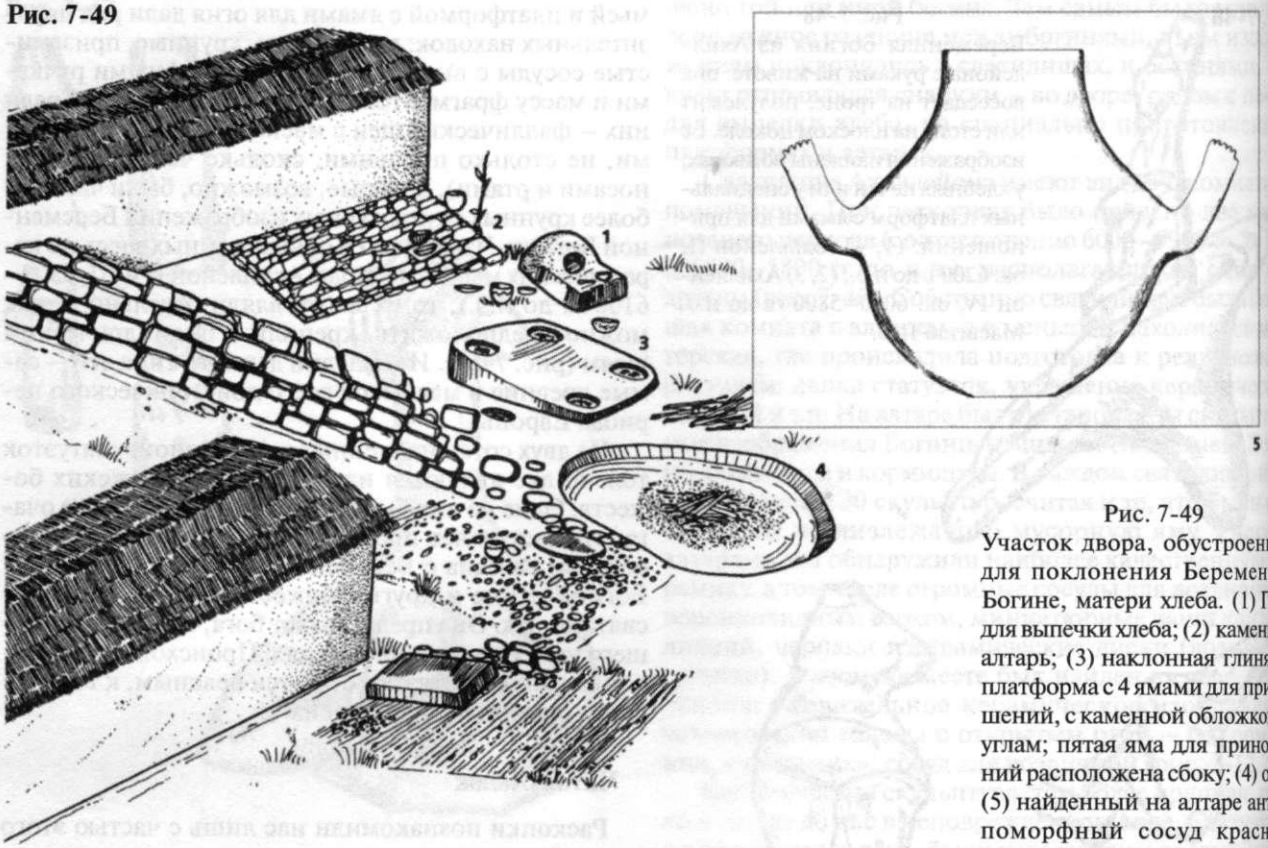


Рис. 7-49
Участок двора, обустроенный для поклонения Беременной Богине, матери хлеба. (1) Печь для выпечки хлеба; (2) каменный алтарь; (3) наклонная глиняная платформа с 4 ямами для приношений, с каменной обложкой по углам; пятая яма для приношений расположена сбоку; (4) очаг; (5) найденный на алтаре антропоморфный сосуд красного узорного лощения с поднятыми ручками; высота 31 см. Ахиллейон IIIb. Ок. 6000 г. до н.э.

Рис. 7-50

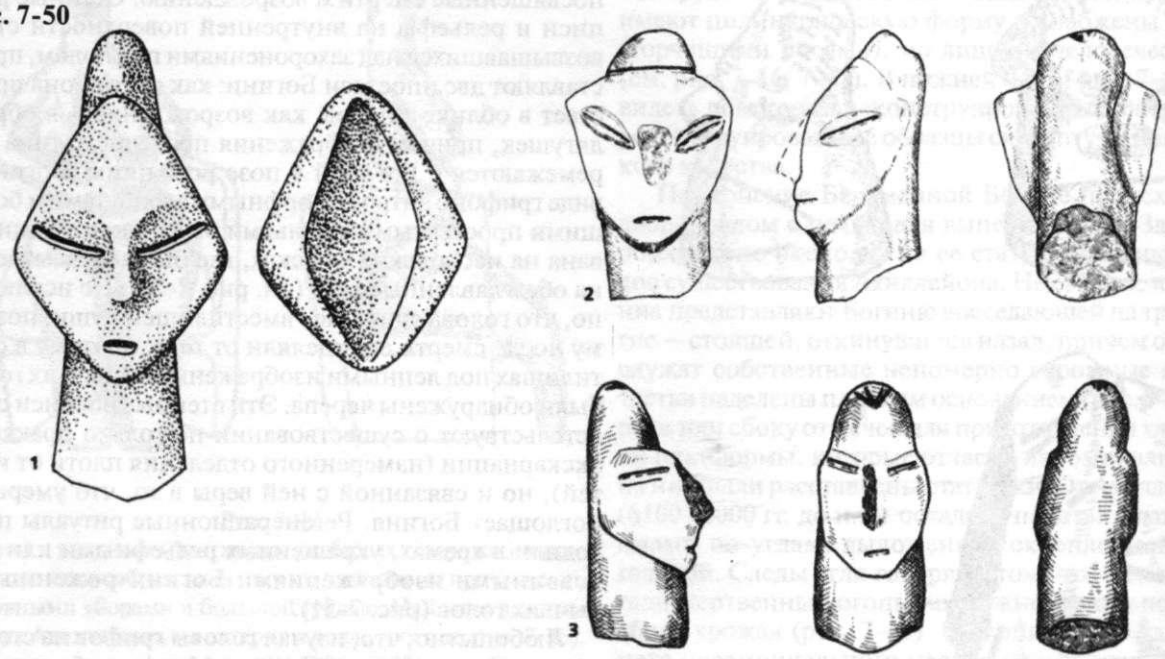


Рис. 7-51
Храм Чатал-Хююка с изображением Богини-лягушки (центральная часть, высота 1,2 м). Под ним – бычья голова с широко расставленными рогами, и еще одна сбоку. На противоположной стене – ряд бычьих рогов. Святилище VI 13.8. Конец VII тыс. до н.э.

Рис. 7-51

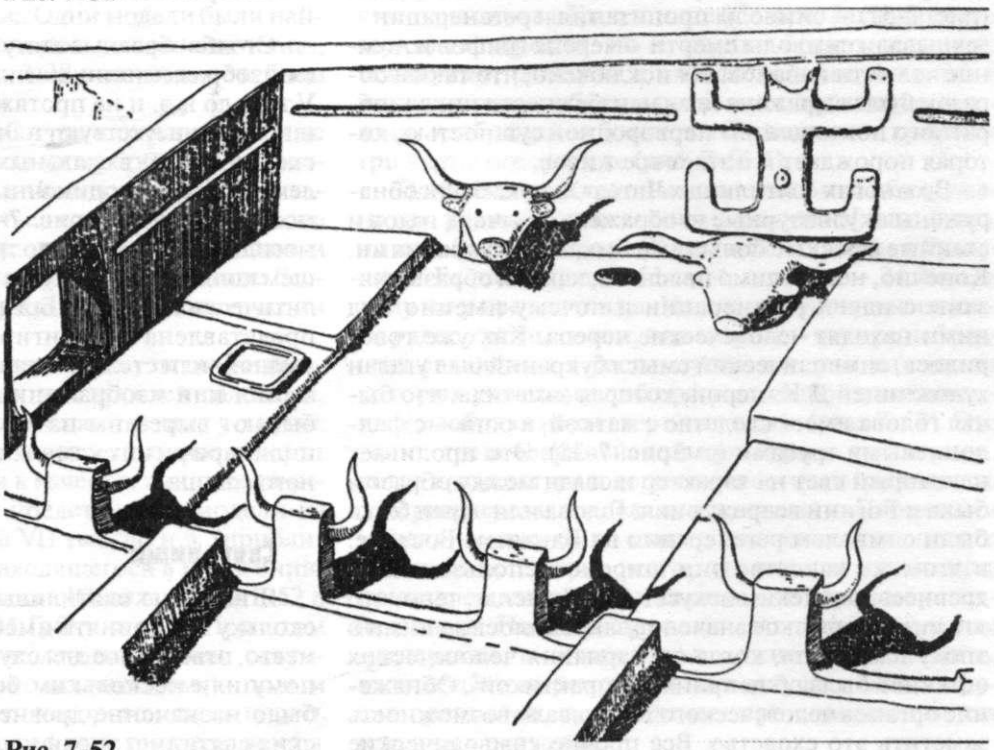


Рис. 7-52
В этом храме Чатал-Хююка над бычьими головами найдены изображения женских грудей, под которыми были скрыты символы смерти – черепа грифов или нижние челюсти кабана. Северная и восточная стена святилища VII 35. Конец VII тыс. до н.э.

Рис. 7-52

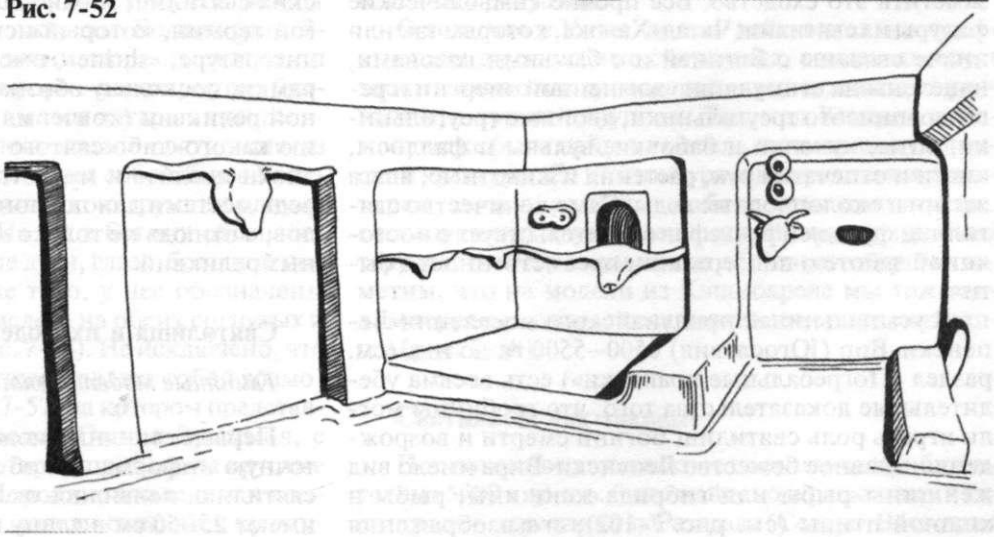


Рис. 7-50
Маски на фаллических шеях статуэток: некоторые из них можно было снимать, у них вогнутая задняя часть, соответствующая конической форме шей. (1) Съемные маски из Ахиллейона датируются периодом 6300–5700 гг. до н. э.; (2, 3) маски с раскосыми глазами, носом и ртом, найденные в Ахиллейоне IIIb, 6100–6000 гг. до н. э., в местах, отведенных для культа Беременной Богини.

что рельефные изображения женских грудей (рис. 7-52) – символы пропитания и регенерации – закрывали символы смерти – черепа грифов и нижние челюсти кабанов. Не исключено, что таким образом была выражена идея неизбежности цикла «обратного поглощения» первородной сущностью, которая порождает и питает все живое.

Во многих святилищах Чатал-Хююка были обнаружены скульптурные изображения бычьих голов и стенные фрески с большими быками и букраниями. Конечно, необходимо пояснить, как эти образы связаны с идеей регенерации и почему именно под ними находят человеческие черепа. Как уже говорилось, символический смысл букраний был угадан художницей Д.Кэмерон, которая заметила, что бычья голова имеет сходство с маткой, а рога – с фаллопиевыми трубами (см. рис. 7-35). Это проливает некоторый свет на характер и связи между образом быка и Богини возрождения. Голова или череп быка были символом регенерации на Ближнем Востоке: в этом же качестве они широко использовались древнеевропейским искусством. Не исключено, что это символическое значение закрепилось за ними в эпоху палеолита, когда экскарнация человеческих останков была общепринятой практикой*. Обнажение органов человеческого тела давало возможность заметить это сходство. Все прочие символические фигуры из святилищ Чатал-Хююка, которые так или иначе связаны с Богиней и с бычьими головами, нацелены на стимуляцию жизненной энергии и регенерации: это треугольники, двойные треугольники, соты, куколки и бабочки, вульвы и фаллосы, кисти и отпечатки рук, растения и животные, влага жизни и околоплодные воды. Само количество святилищ, фресок и рельефов свидетельствует о постоянной заботе о поддержании преемственности бытия.

В усыпальницах придунайского поселения Лепенски-Вир (Югославия) 6500–5500 гг. до н.э. (см. раздел «Погребальные практики») есть весьма убедительные доказательства того, что гробницы могли играть роль святилищ Богини смерти и возрождения. Главное божество Лепенски-Вира имело вид женщины-рыбы или гибрида женщины, рыбы и хищной птицы (см. рис. 7-102); его изображения помещали у изголовья алтаря. Святилища более позднего времени функционировали сходным образом и соответствовали либо типу Ахиллейона, либо Чатал-Хююка.

Захоронения

Столбообразные статуэтки и скульптуры являются изображениями могильных божеств. Начиная с V тыс. до н.э. и на протяжении всего IV и III тыс. до н.э. они присутствуют в Эгейском и Средиземноморском регионах в скальных гробницах, гипогеях, коллективных или одиночных захоронениях в земле и могильниках (см. рис. 7-29–7-32). Их помещали в могилы по одной или по три штуки, а иногда и в большем количестве. В случае западноевропейских мегалитических гробниц Богиня в виде совы может быть представлена на менгирах (вертикально стоящих камнях) или стелах; ее достаточно условные изображения или изображения одних ее глаз или груди бывают вырезаны на каменных стенах, на костях, цилиндрических камнях и на плоских кусках аспидного сланца.

Святилища

Я называю святилища «храмами» (temples), поскольку так принято именовать некое строение или место, отведенное для служения или поклонения одному или нескольким божествам. Именно таково было назначение древнеевропейских и анатолийских святилищ эпохи неолита и медного века. Другой термин, который используется в специальной литературе, «shrine», имеет более узкие смысловые рамки, поскольку обозначает вместилище священной реликвии (ковчег или раку), алтарь или часовню какого-либо святого или божества. Святилища эпохи неолита и медного века были в первую очередь местами для поклонения и проведения ритуалов, а отнюдь не только местами хранения священных реликвий.

Святилища и их модели, VII–V тыс. до н.э.

Глиняные модели святилищ

Первые глиняные модели, способные дать достаточную информацию об архитектуре и назначении святилищ, появились ок. 6000 г. до н.э. Обычно они имеют 25–50 см в длину и позволяют составить более полное представление о конструкции храма. Кроме того, их поверхность, как правило, испещрена символическими рисунками, а над входом или на кровле красуются бюст и маска Богини, ее священное животное или просто рога. Благодаря раскопкам были обнаружены сотни подобных моделей разной степени сохранности. Не исключено, что это были дары богине того или иного святилища или же символические изображения той или иной богини: в по-

* Насколько можно судить, экскарнация все же не была ни повсеместной, ни общепринятой практикой. Захоронения в позе эмбриона встречались уже у неандертальцев в эпоху верхнего палеолита, что исключает экскарнацию. – *Прим. ред.*

следнем случае их изготовление следует считать аналогом создания ее статуэток. Одни модели были найдены вблизи от алтарей или под полами святилищ, другие – в могилах (см. рис. 3-39: данная модель была найдена в могиле девочки).

Археологи рассматривают их как миниатюрные «копии жилищ». Такого рода интерпретации – следствие превалирующей тенденции при изучении культурных памятников держаться в стороне от вопросов религии. Я считаю, что все эти модели являются уменьшенными репликами храмов и поистине бесценным источником информации для реконструкции неолитической религии[24].

Значительная их часть связана с культом Богини-птицы. Одни, с торчащими над кровлей головами, своими очертаниями напоминают птиц; у других имеется круглое входное отверстие, которое говорит о том, что их использовали в качестве птичьих домиков. Особенный интерес представляют модели из поселения Породин конца VII тыс. до н.э. (приблизительно 6000 г. до н.э.), находящегося в Пелагонии, неподалеку от Битолы (Южная Югославия); в 1952 г. там проводил раскопки М.Грбич и др.[25] При этом были обнаружены многочисленные модели святилищ, имеющие форму дома с «дымоходом» – полым цилиндром, в верхней части которого можно видеть маску Богини-птицы. Рельефный рисунок вокруг дымохода – воротник или ожерелье Богини (рис. 7-53). У ряда породинских миниатюрных святилищ входные отверстия были в форме перевернутой буквы «Т», а в одном из них имелся алтарь с треугольным углублением. Еще одна модель святилища из Южной Югославии представляет собой бюст Богини, стоящий на прямоугольной конструкции с двумя округлыми отверстиями. На лице Богини обозначены Т-образные надбровные дуги, глаза, большой нос (клюв), но нет рта. Кроме того, у нее обозначены грудь и пупок, и по два браслета на обеих согнутых и опущенных вниз руках (рис. 7-54). Не исключено, что прямоугольная структура представляет собой храмовую мастерскую (ср. с рис. 7-57, на котором представлена модель из Кэшиоареле, Южная Румыния, с большим основанием, в котором проделаны круглые отверстия). Поселение в Породине относится к концу VII тыс. до н.э., однако модели святилищ культуры винча приблизительно 5300–5000 гг. до н.э. также имеют атрибуты Богини-птицы. Так, миниатюрная реплика храма из поселения Турдаш (Западная Румыния) украшена орнаментом из птичьих перьев (рис. 7-55). А вот модель культуры винча из Вэдэстры (Юго-Западная Румыния) вся покрыта узором из больших меандров, инкрустированных белой пастой: этот мотив связывает Богиню с водной сферой. На кровлю модели водружено скульптурное изображение головы богини с рядом воротничков вокруг шеи, а сзади находится круглое отверстие, скорее всего, предназначенное для ее птичьего воплощения (рис. 7-56.1). У прямоугольной модели святилища из поселения культуры винча в Градешнице (Северо-Западная Болгария) нет кровли, но ее стенки богато украшены меандрами, ромбами и параллельными линиями и инкрустированы белым цветом, а по углам расположены изображения божества. У главного – крылья и три черты посередине (рис. 7-56.2).

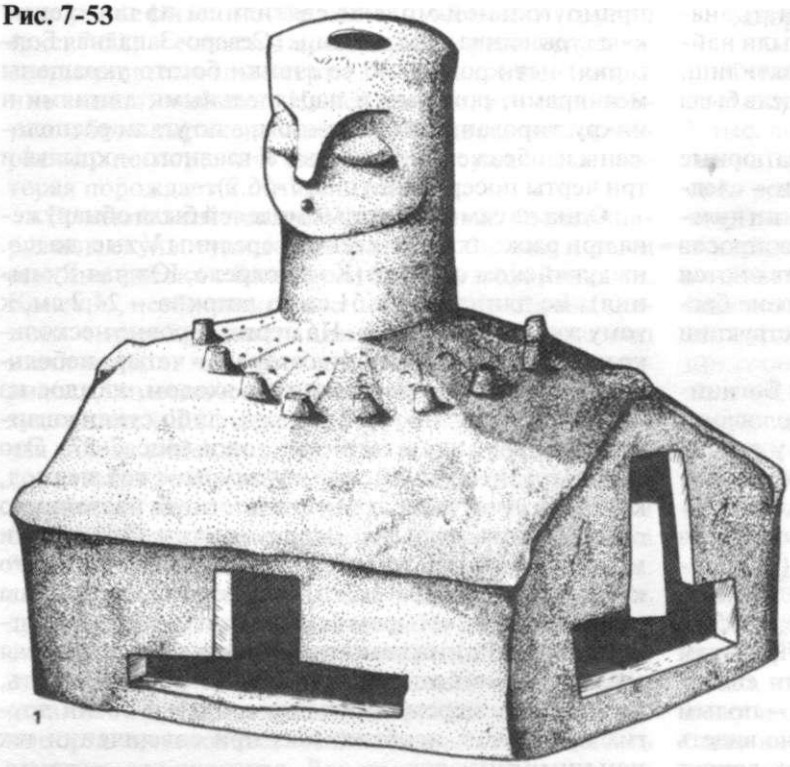
Одна из самых крупных моделей была обнаружена при раскопках поселения середины V тыс. до н.э. на дунайском острове (Кэшиоареле, Южная Румыния). Ее длина равна 51 см, а ширина – 24,2 см, к тому же у нее два этажа. На первом уровне несколько рядов круглых окон, а на втором – четыре небольших святилища с распахнутым входом, каждое из которых украшено либо рогами, либо стилизованным изображением звериных голов (рис. 7-57). Это зенит древнеевропейской культуры – тот период, когда архитектура и керамика достигли настоящего совершенства и предела изощренности. Перед нами модель не какого-то одного святилища, но целого комплекса. Скорее всего, эти четыре святилища принадлежали четырем семьям или группам родственников. На нижнем этаже находилась огромная мастерская, в которой, как можно предположить, изготовляли церемониальные сосуды и сотни других предметов, необходимых при совершении тех или иных ритуалов.

О том, что в V тыс. до н.э. действительно существовали двухэтажные святилища, свидетельствует значительное число моделей, принадлежащих разным культурным группам. Так, под Киевом, в Рожочуватке была найдена модель святилища кукутенской культуры. Ее нижний уровень представлял мастерскую, а верхний – собственно святилище, состоявшее из двух помещений. Вокруг храма была терраса, так что люди могли обойти его кругом: заметим, что на модели из Кэшиоареле мы тоже видим террасу, которая соединяет все четыре святилища (рис. 7-58).

Святилища как таковые

Полноценное двухэтажное святилище приблизительно 5000 г. до н.э. было найдено и раскопано в Радингграде в окрестностях Разграда (Северо-Восточная Болгария)[26]. Благодаря ему стало очевидно, что миниатюрные модели храмов были весьма точны. На его нижнем уровне был обнаружен полный набор инструментов, характерный для керамической мастерской: на платформе были разложены инструменты для нанесения орнамента, стояли небольшие тарелки, в которых измельчали охру, палитры для красок, а также большая печь. На верхнем уровне располагался алтарь, рядом с ним – ткацкий станок для изготовления церемониальных одеяний, что, возможно, указывает на сакральный смысл самого ткачества. Эта практика изготовления священных одеяний в

Рис. 7-53



1

2

Рис. 7-53

(1) Глиняная модель святилища в виде тела Богини. Породин, неподалеку от Битолы, Западная Македония. В каждой стене – широкий вход в виде перевернутой буквы «Т», на цилиндрической трубе дымохода – маска Богини, на крыше – ее ожерелье. Высота ок. 35 см.

(2) Еще одна модель святилища с цилиндрическим «дымоходом» с маской Богини; высота 20,8 см. Породин. Ок. 6000 г. до н. э.

Рис. 7-54

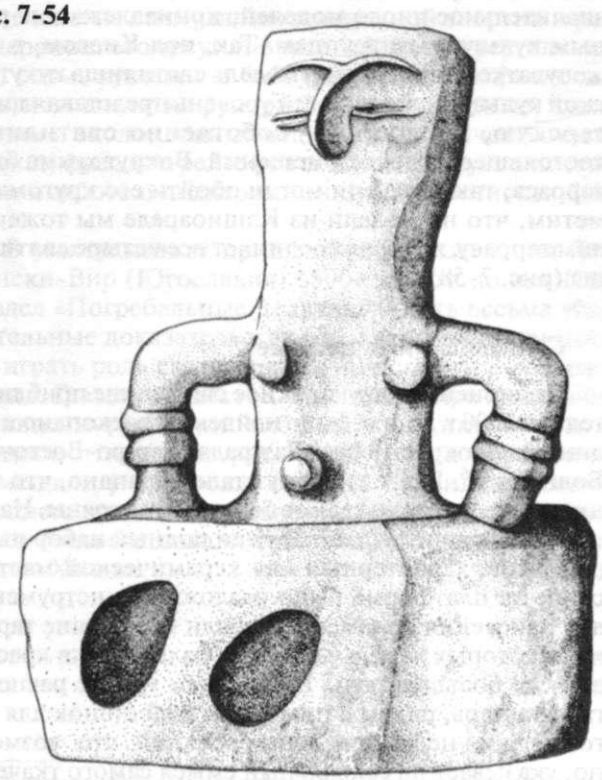


Рис. 7-54

Модель святилища с бюстом Богини на крыше цокольного этажа (или мастерской) с круглыми окнами. Нос и брови, возможно, должны напоминать букранию, один из регенерационных символов. Македония, Южная Югославия. Приблизительно 5500 г. до н. э.; высота ок. 30 см.

Рис. 7-55

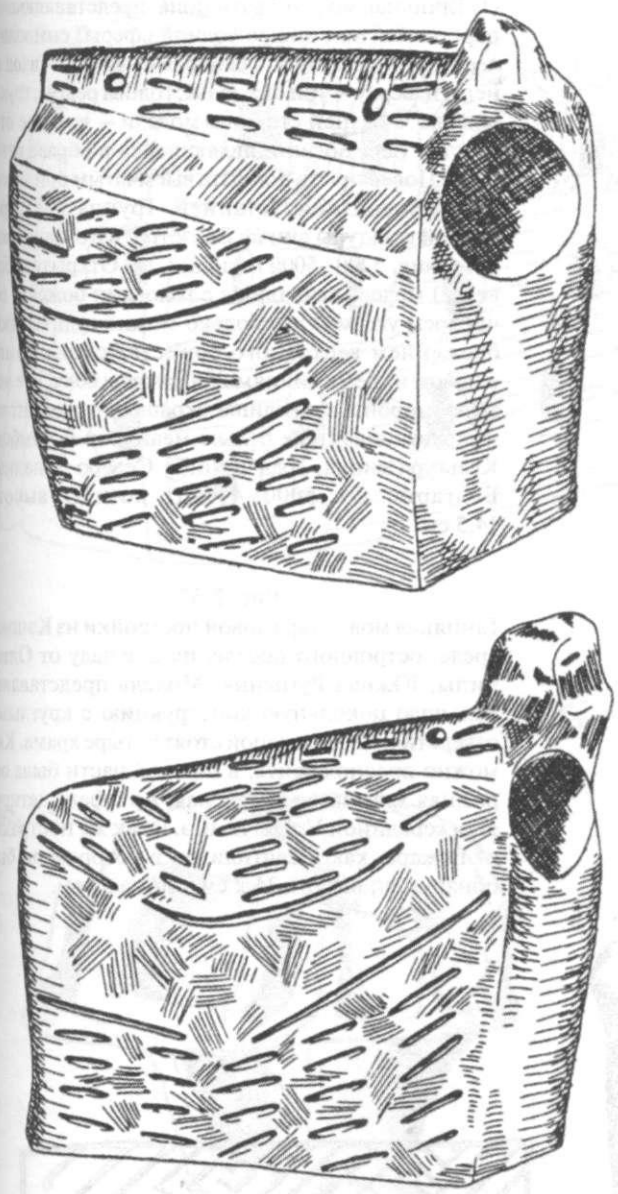


Рис. 7-55
Глиняная модель святилища с имитирующим птичье оперение узором, схематически обозначенной головой, под которой расположено круглое отверстие: возможно, что оно предназначалось для птичьей ипостаси Богини. Ранний период культуры винча, Турдаш у г. Клуж, Западная Трансильвания. Ок. 5200–5000 гг. до н. э.; высота 20 см.

стенах самого храма продолжала оставаться актуальной в классическую эпоху, меж тем как самые ранние свидетельства ее существования восходят к VII тыс. до н.э.: к ним относятся дискообразные грузила для ткацкого станка, обнаруженные в святилищах Ахиллейона.

Некоторые святилища были посвящены Богине-змее: одно из хорошо сохранившихся найдено в поселении Сабатиновка (Молдавская ССР) кукутенской культуры, приблизительно 4800–4600 гг. до н.э. Это конструкция в форме дома площадью около 70 кв. м. У одной из ее внутренних стен находился алтарь в виде скамьи, на котором обнаружено 16 статуэток со змеиными головами, сидящих на стульях с рогатыми спинками. Только у одной из них есть руки: она держит то ли змееподобного младенца, то ли фаллос (рис. 7-59). Рядом с алтарем стоял стул со спинкой, украшенной рогами. Скорей всего, он предназначался для жрицы, которая руководила церемониями. Неподалеку находилась печь для выпечки хлеба, сбоку от нее – горшки, в одном из которых были кости сожженных животных. Кроме того, статуэтки были обнаружены возле печи и на мощеном полу рядом с входом. В общей сложности – 32 статуэтки в одном святилище, все без исключения представляющие Богиню-змею.

Совсем другой характер был у святилищ, в которых проводились регенерационные ритуалы. Так, при раскопках поселения Кэшиоареле, в более раннем слое, нежели уже упомянутый, было обнаружено святилище с двумя колоннами, приблизительно 5000 г. до н.э. Колонны были сделаны из дерева, покрыты слоем глины и расписаны символическим узором из квадратных меандров, а стены украшены орнаментом из красных яиц, концентрических кругов и спиралей[27]. Все перечисленные мотивы связаны с идеей регенерации.

Особый интерес представляют деревянные колонны, поскольку они, по-видимому, символизируют древо жизни. Как известно, жизненный столп может быть представлен растением, деревом (или деревом, обращенным в колонну, как это произошло в святилище Кэшиоареле), поднимающейся вверх змеей или фаллосом, или же сталагмитом, таинственным образом произрастающим в пещере. Многие сталагмитовые пещеры на берегах Греции, Югославии и Италии использовались в качестве святилищ: на протяжении многих веков там совершали регенерационные обряды и мистерии. Что касается вышеперечисленных стран, то их пещеры-святилища восходят к эпохе неолита, а критские – к медному веку.

В 1980–1985 гг. Г.Лазаровичи провел раскопки поселения Парца в 15 км к юго-западу от Тимишоары (Западная Румыния). При этом было

Рис. 7-56.1

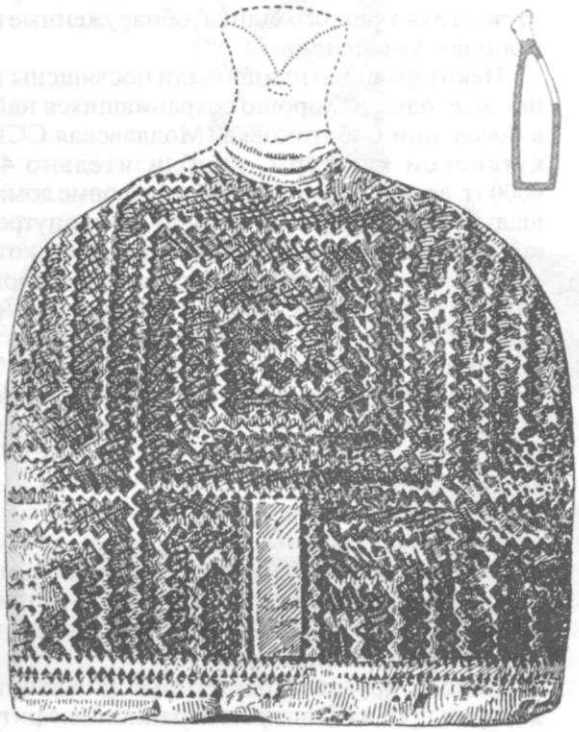


Рис. 7-56.2

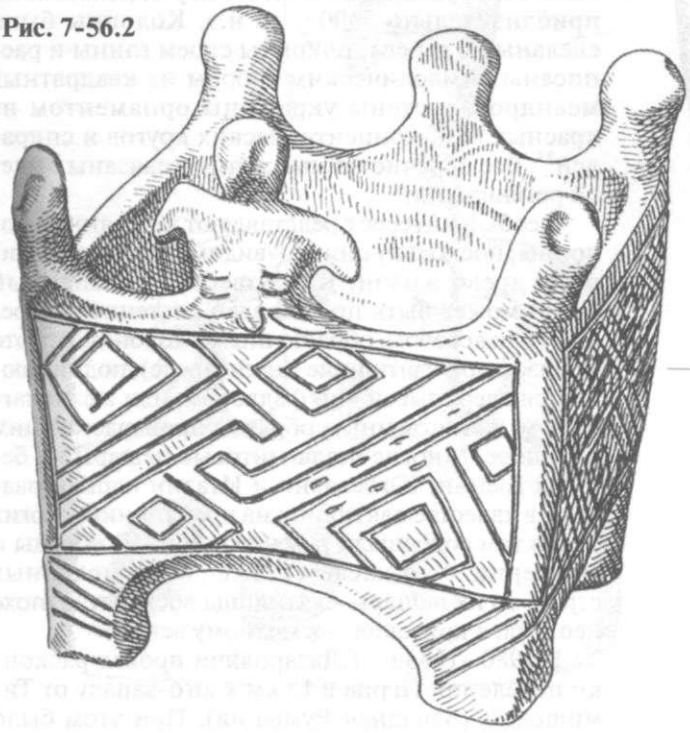


Рис. 7-56

(1) Глиняная модель святилища, представляющая царство Богини в виде водной сферы, символически обозначенной меандрами; внизу – вход в него, наверху – три ожерелья, голова реконструирована. С задней стороны модели – круглое отверстие (для Богини, являющейся в образе птицы?). Поверхность покрыта выемчатым орнаментом и белой инкрустацией. Группа вэдэстра ранней культуры винча, Вэдэстра, Юго-Западная Румыния. 5200–5000 гг. до н. э. (2) Открытая (без верха) модель святилища с головами божеств по четырем углам и, насколько можно судить, изображением верховного божества с крыльями, клювом и тремя линиями на каждом боку. Все четыре стороны святилища украшает орнамент из инкрустированных белым меандров и ромбов. Культура винча, Градешница, Северо-Западная Болгария. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.; высота 14,5 см.

Рис. 7-57

Глиняная модель храмовой постройки из Кэшиареле, островного поселения к западу от Олтеницы, Южная Румыния. Модель представляет большую цокольную конструкцию с круглыми отверстиями, на которой стоят четыре храма. Как можно предположить, в нижней части была огромная храмовая мастерская. Артефакт датируется серединой V тыс. до н. э. и так же пострадал от пожара, как и святилище, в котором он был обнаружен; высота 24,2 см, длина 51 см.

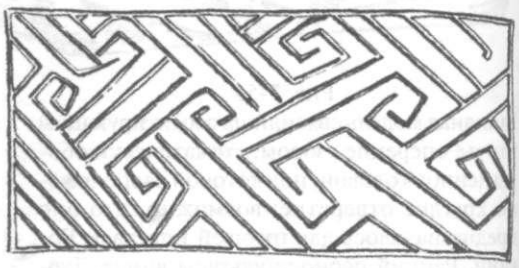


Рис. 7-57

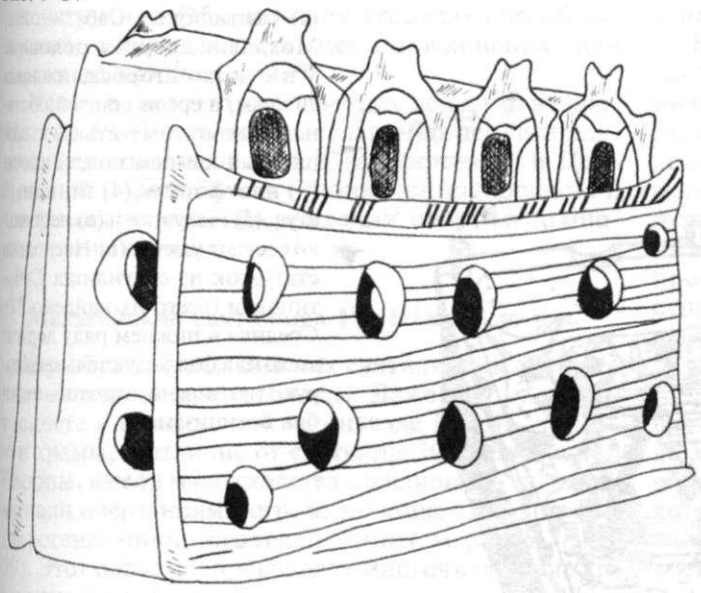


Рис. 7-58

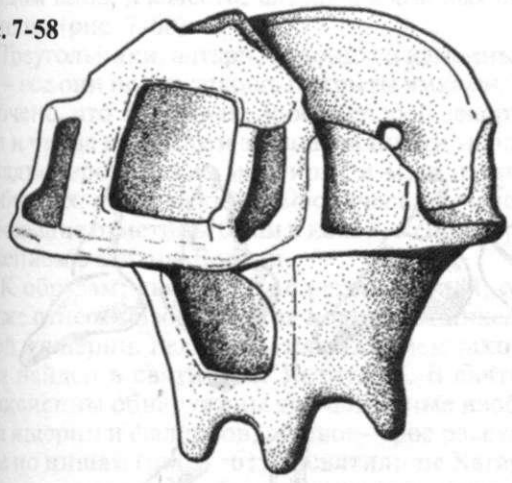


Рис. 7-58
Глиняная модель двухэтажного святилища, найденная к югу от Киева в Рожочуватке. У обоих этажей просторные входы, а перед большим порталом и по периметру второго этажа – балкон. На задней стенке – маленькое круглое окошко. Высота ок. 30 см. Кукутенская (трипольская) культура, ок. 4300–4000 гг. до н. э. Раскопки двухэтажных святилищ культур кукутени, петрешти и караново показали, что они похожи на эту модель.

найдено несколько святилищ приблизительно 5000 г. до н.э. с колоннами из дерева и глины, скульптурные изображения в натуральную величину и связанные с ними бычьи головы[28]. Заключительный отчет об этих раскопках еще не опубликован. Однако известно, что в комплекс построек центральной части поселения последовательно входили два святилища: оба были выстроены из вертикальных бревен, переплетенных прутьями и покрытых глиняной обмазкой. Внутри них находились земляные и глиняные столообразные алтари, передвижные очаги на трех или четырех ножках, а также монументальные скульптуры, стоявшие во внутренних углах, отделенных низкими перегородками. Размеры более раннего святилища равнялись 12,5 м на 7 м, а более позднего – 11,6 м на 6 м. Колонны шли по западной и восточной стороне храма группами по две–три. В первом по времени храме глиняный постамент крупной статуи имел 60 см по диагонали. Сама статуя сгорела, однако сохранилась женская глиняная статуя из второго, более позднего храма, с двумя головами и двумя плечами. Она стояла на возвышении из земли и песка, покрытом слоем глины. Возле одного плеча была прикреплена бычья голова, еще две – перед статуей. Сбоку от нее стоял сковородообразный короб для приношений. На одном из трех алтарей длиной более 5 м находились передвижные очаги, чаши и сосуды с вырезанным на горловине ликом Богини, наполненные костями животных. На другом алтаре стояла глиняная статуя с вдавленными в голову зернами. Само святилище было поделено перегородкой на восточную и западную части, которые сообщались между собой через круглое отверстие. Рядом с ним было рельефное изображение полумесяца, под которым стояла чаша. У северной стены находился вертикальный ткацкий станок (от него сохранились только глиняные подставки и грузики). Кроме того, здесь же была яма с черепками 12–14 сосудов и парой зернотерок, обмазанных глиной.

Есть много поселений, особенно в Северной Греции, Пелагонии и Македонии, в которых были обнаружены следы построек с алтарями, огороженными коробами для приношений, моделями святилищ, миниатюрными столами, треножниками, керносами, антропоморфными и зооморфными статуэтками, а также сосудами. Одни из них не считаются святилищами, другие были обнаружены в результате слишком локаль-

Рис. 7-59

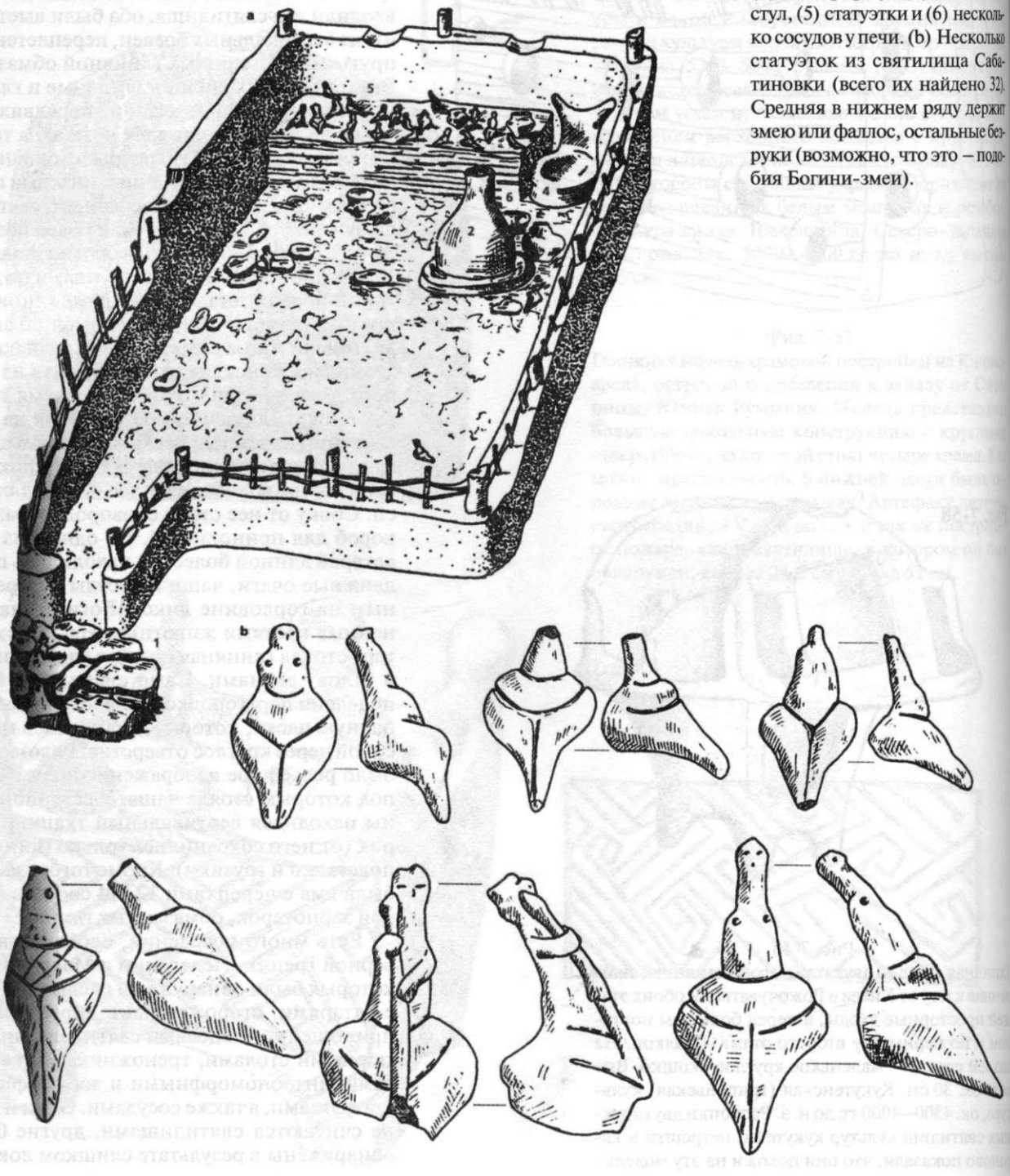


Рис. 7-59
(a) Святилище в Сабатиновке, Молдавия, первая половина V тыс. до н. э. Его общая площадь 70 кв. м, а среди деталей обстановки стоит отметить (1) вымощенный камнем пол, (2) печь, (3) платформу, (4) глиняный стул, (5) статуэтки и (6) несколько сосудов у печи. (b) Несколько статуэток из святилища Сабатиновки (всего их найдено 32). Средняя в нижнем ряду держит змею или фаллос, остальные безруки (возможно, что это – подобия Богини-змеи).

ных раскопок, не дающих достаточно материала для реконструкции. Обычно места, где делают подобные находки, описывают как «место поклонения» или «место для приношений»[29].

Из всего того, что уже известно, ясно, что на протяжении VI–V тыс. до н. э. святилища действительно существовали по всей Юго-Восточной и Центральной Европе. В них приносили подношения и совершали ритуалы при рождении, смерти и по многим другим случаям.

Мальтийские святилища IV–III тыс. до н. э.

Прообразом мальтийских святилищ были яйцевидные подземные гробницы. Даже в пору своего расцвета в IV тыс. до н. э. – начале III тыс. до н. э. эти храмы, в отличие от святилищ Юго-Восточной Европы, имели мало сходства с жилищами, но напоминали очертаниями огромные яйцевидные ягодицы регенерационного тела Богини (см. рис. 5-25–5-29). Этот образ воспроизводят многочисленные каменные скульптуры Богини.

Все символические изображения, которые можно видеть на керамике, рельефах, стенных росписях, каменных плитах и алтарях, являются частью общих символов возрождения. Так, весьма распространены изображения лобкового треугольника Богини: его высекали из больших камней и устанавливали, узким концом вниз, в качестве алтаря в храмовых апсидах и нишах (рис. 7-60).

Треугольники, алтари, колонны и каменные плиты – все они почти сплошь покрыты ямками. Не исключено, что это был не просто способ декорирования и что за ним, как и за чашевидными знаками на западноевропейских менгирах и мегалитических гробницах, стоял некий символический смысл. Эти небольшие отметины были в какой-то мере проникновением в стихию Богини.

К образам, связанным с регенерацией, следует также отнести изображения поднимающихся вверх змей и ящериц. Рельеф с изображением такой змеи был найден в святилище Гжантийи. В святилище Тарксиенны обнаружены скульптурные изображения ящериц и фаллосов, по двое–трое расставленные по нишам (рис. 7-61). В святилище Хагар-Ким неподалеку от входа был установлен алтарь в виде небольшого стола, который с лицевой стороны украшало изображение растущего из сосуда дерева. Поблизости от него был большой столообразный алтарь, над которым была вырезана пара рельефных изображений двойной змеевидной спирали, упирающейся вверху в треугольник. Этот же мотив можно видеть на каменной плите из тарксиеннского святилища, знаменитого своим спиралевидным орнаментом. В него вплетены изображения бутонов и пробивающихся ростков, что указывает на более глубокое значение этого геометрического узора – прославление растительной энергии и весеннего обновления жизни.

В тарксиеннском святилище на каменных плитах были обнаружены резные рельефы с изображениями двух быков с большими рогами (рис. 7-62.1, 2), а рядом с ними – суки с тринадцатью новорожденными щенками (рис. 7-62.3). Сохранился фрагмент сосуда с рельефным изображением рогов, между которыми сидит птица (рис. 7-63). На одной из каменных плит была искусно вырезана целая процессия животных – овец, свиней и коз. Хотя существует мнение, что это – жертвенные животные, однако это также могло быть шествие во славу обновления жизни в животном мире.

На Мальте было найдено более 30 чрезвычайно впечатляющих каменных скульптур, высотой от 5 см до 3 м[30]. Основную группу составляют изображения обнаженных женщин с яйцевидными ягодицами, у которых одна рука опущена вниз, а другая покоится на груди. Они были обнаружены в гипогее Халь-Сафлиени и в святилище Хагар-Ким. Одни изображены стоящими, другие сидят, подвернув ноги вправо или влево (цветная вклейка 21). Некоторые облачены в длинные одежды с воротом. Двойной мотив яйца – подчеркнуто увеличенные ягодицы – связывают эти скульптуры с идеей возрождения. В Халь-Сафлиени были также найдены подвески в форме ягодиц и вырезанные из кости статуэтки, полностью выдержанные в схематическом стиле, с цилиндрическими или фаллическими головами.

Самая крупная каменная скульптура, чья высота, должно быть, достигала 3 м, была обнаружена в тарксиеннском святилище: не вызывает сомнений, что это изображение наиболее почитаемого божества данной обители. Уцелела лишь ее нижняя часть в один метр высотой – ноги яйцевидной формы, от колена до середины икры закрытые юбкой (рис. 7-64). Кроме того, в тарксиеннском святилище сохранился менее внушительный фрагмент схожего, но на сей раз сидячего скульптурного изображения. Там, ниже края юбки, у ступней Богини сидят четыре тучные женщины, представленные в виде рельефа. Эти гигантские скульптуры уникальны для доисторического искусства, хотя бы потому, что деревянные и глиняные изваяния крупных размеров просто не сохранились.

Кто эта Богиня-великанша? Сохранившийся фрагмент нижней части ног показывает, что она во многом схожа со скульптурами богини из Хагар-Кима. У нее неестественно толстые икры и маленькие ступни. Не исключено, что в этом скрыт некий символический подтекст: предположим, что на самом деле это не ноги, а яйца. Это дает еще один ключ к пониманию функций данной Богини. Наперекор общепринятому представлению, она не просто богиня плодородия: ее тучность имеет более глубокий смысл и связана с идеей регенерации. Иными словами, это – чисто мальтийское воплощение Богини возрождения.

Рис. 7-60.1

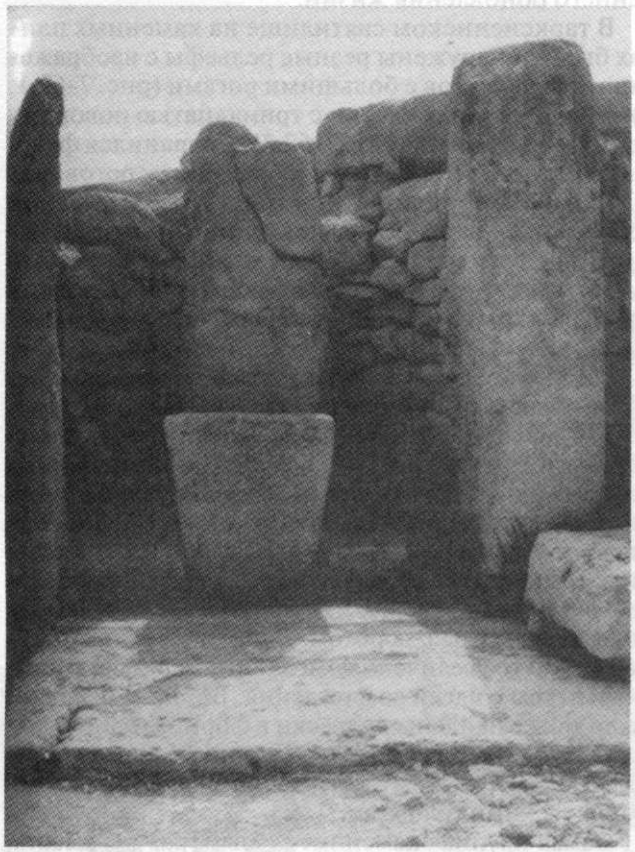


Рис. 7-60.2

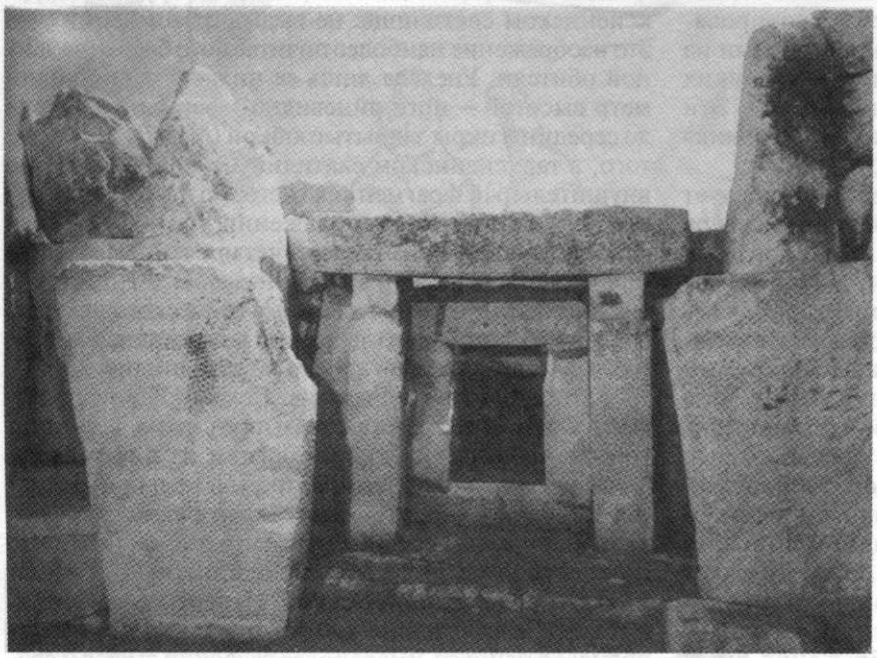


Рис. 7-61

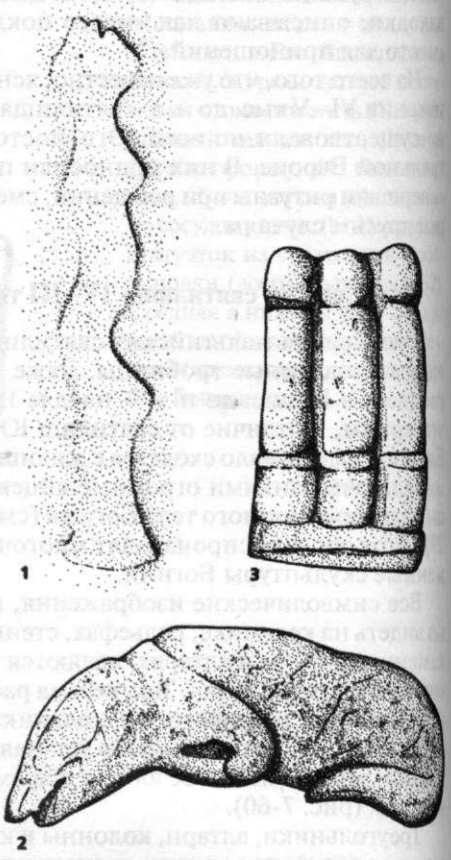


Рис. 7-61
Змея, ящерица и тройной фаллос – регенерационные символы мальтийских храмов. (1) Поднимающаяся вверх змея, Гжантийя, ок. 3600 г. до н.э.; (2) статуэтка ящерицы; (3) тройной фаллос из Тарксиенны, ок. 3000 г. до н.э.

Рис. 7-60
Алтари мальтийских храмов в форме лобкового треугольника. (1) Треугольный камень с ямочным орнаментом, стоящий в нише храма Хагар-Ким (восточная часть, внешняя сторона). (2) Большой треугольный камень с ямочным орнаментом в храме Мнайдры, комната 1. 3500–3000 гг. до н.э.; высота 1,6 м.

Рис. 1

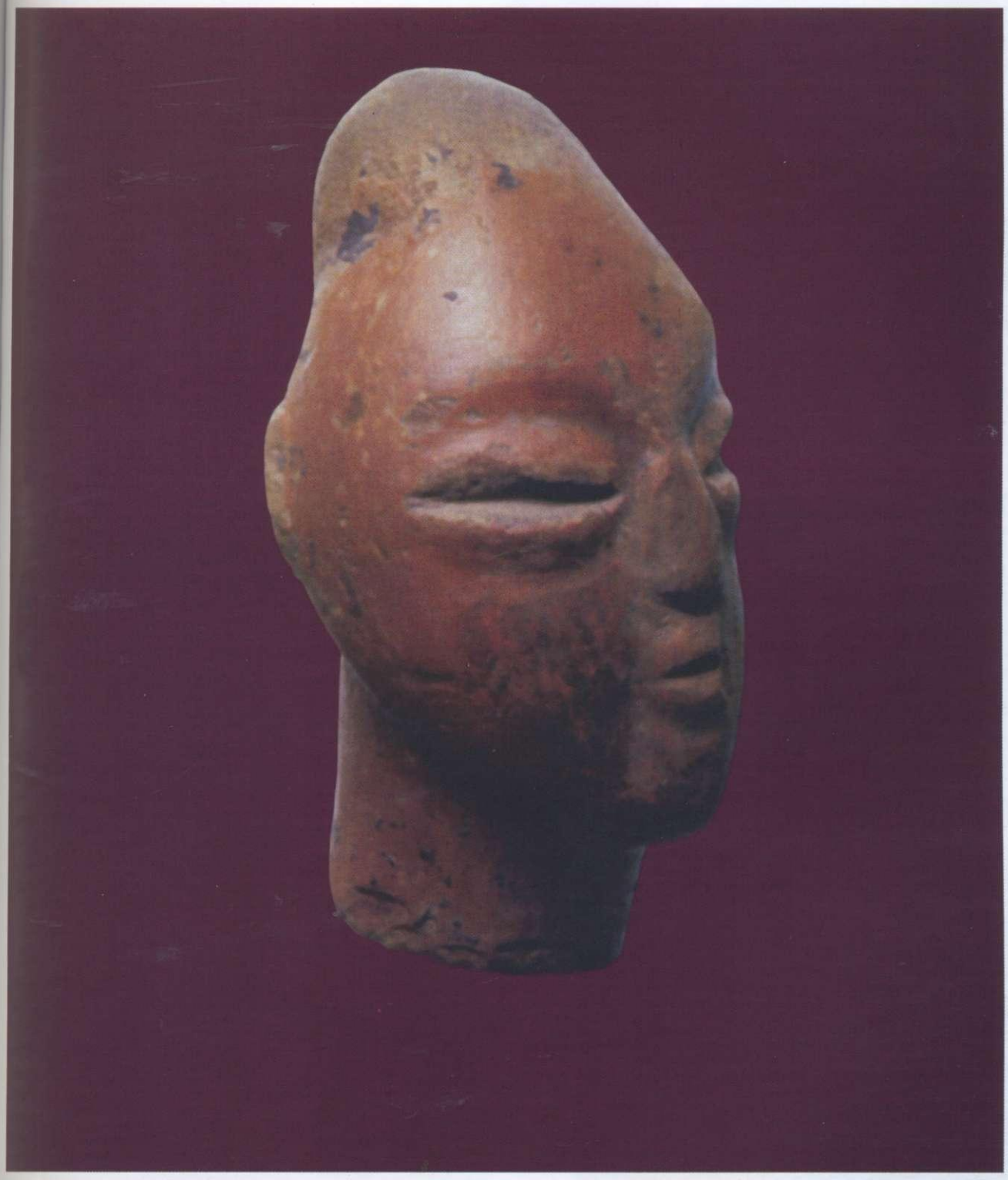


Рис. 1
Терракотовая маска Богини с цилиндрической шеей, найденная в Суфли-Магула близ г. Ларисса, Фессалия. Культура сескло, начало VI тыс. до н.э.; высота ок. 7 см.

Рис. 2

Рис. 2
Носители культуры сескло отличались искусной резьбой по мрамору, алебастру, порфиру и зеленому камню. Это — печать или игровая доска с 9 желобками, заканчивающимися круглыми углублениями и сквозными выходами. Ахиллейон IV, Фессалия, 5900—5800 гг. до н. э.; длина 5,5 см.

Рис. 3
Ранний образец расписного сосуда (красный узор на белом ангобе) ранней культуры сескло («протосескло»). Отзаки, Фессалия, ок. 6300 г. до н. э.

Рис. 4
Чашка культуры сескло с красной росписью на белом ангобе. Ее узор может быть стилизованным изображением бараньих рогов или соединенных вместе бычьих голов. Ручка украшена противолежащими треугольниками, над ручкой и внутри чашки — узкие треугольники или изображения клюва. Цани, Фессалия, ок. 5900—5800 гг. до н.э.

Рис. 5
Маска Богини часто фигурирует на горловинах ритуальных сосудов: таково назначение и этой крупной маски культуры сескло. Ахиллейон IV, 5900–5800 гг. до н. э.

Рис. 3

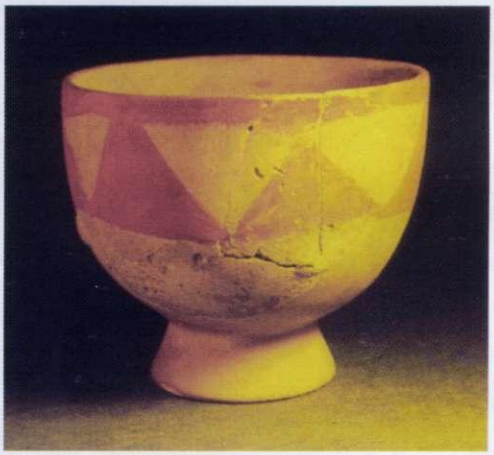


Рис. 4

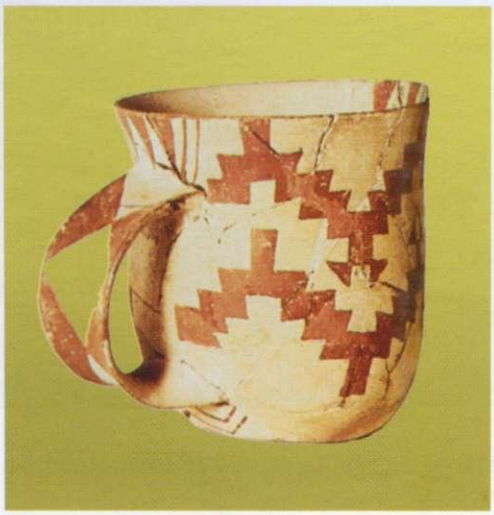


Рис. 5

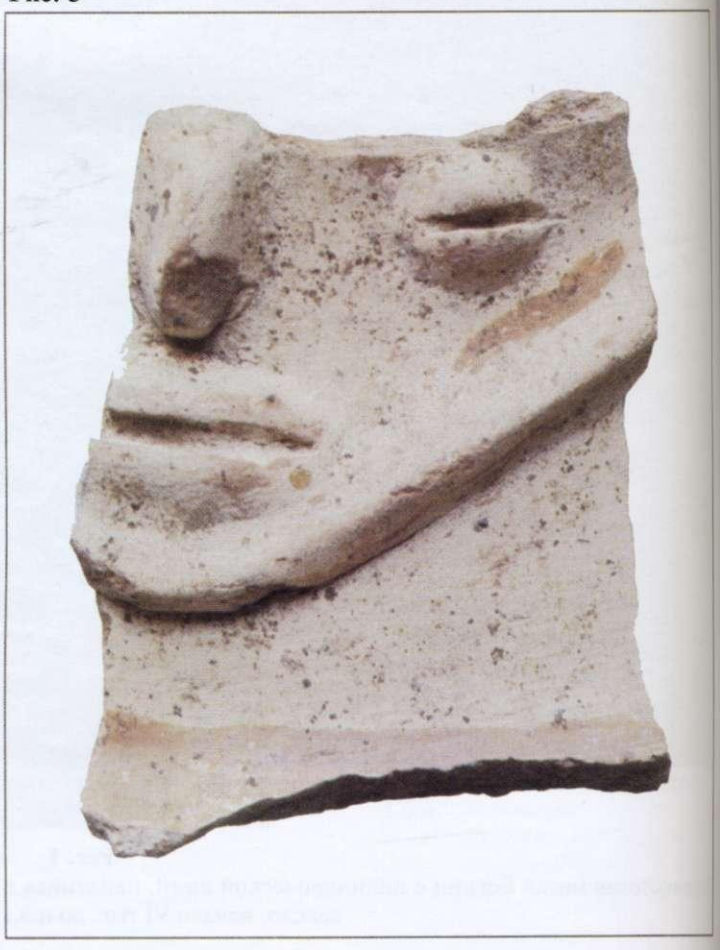


Рис. 6

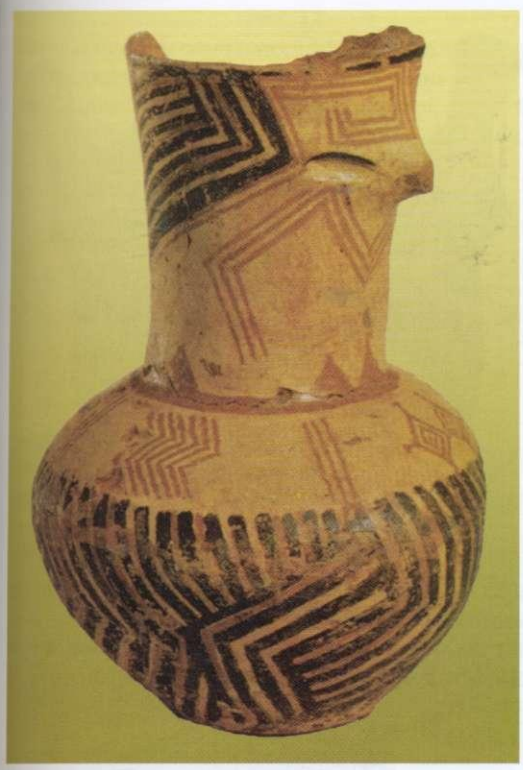


Рис. 6

Антропоморфный сосуд середины VI тыс. до н. э., представляющий Богиню; роспись из множественных шевронов, меандров, зигзагов, тройных линий и знаков «М». Разнонаправленные меандры сходятся в области лба, а тройные шевроны под клювом превращаются в знак «М». Двумя небольшими меандрами обозначена грудь; в нижней части шеи — красные треугольники, являющиеся особым символом Богини. Культура старчево, Градешница, к северо-западу от г. София, Болгария.

Рис. 7

Рис. 7

Сферический сосуд, украшенный рельефом из соединенных между собой S-образных спиралей. Культура бутмир, Небо, Босния, начало V тыс. до н. э.

Рис. 8

Рис. 8

Сидящая на стуле терракотовая Богиня-птица с V-образным воротом или ожерельем, на котором закреплен круглый медальон. На маске обозначены миндалевидные глаза и напоминающий птичий клюв огромный нос, рот отсутствует. Среди особых символов Богини-птицы – тройные линии, пересекающие плечи, меандр на животе, а над ним - четыре черточки, объединенные горизонтальной линией. Культура винча. Предионика у г. Приштина, край Косово, ок. 4500 г. до н. э.; высота 18,5 см.

Рис. 9

Рис. 9
Треугольный сосуд для приношений на ножках с «шахматной» росписью красного, черного и белого цвета. Культура винча, Фафос близ г. Косовска-Митровица, край Косово, ок. 4500 г. до н. э. (или ранее); высота 15,3 см.

Рис. 10

Рис. 10
Крышка в виде совы с ушами в качестве ручек, украшенная вертикальными линиями с решетчатым узором и белой инкрустацией на тонкой черной текстуре. Культура винча, Фафос II у г. Косовска-Митровица, край Косово, 5000—4500 гг. до н. э.; высота 16,5 см.

Рис. 11

Рис. 11
Маска культуры винча в натуральную величину, с большими миндалевидными глазами. Предионика у г. Приштина, край Косово, ок. 4500 г. до н. э.; высота 17,5 см.

Рис. 12

Рис. 12
Восседающая на троне Богиня (голова и ноги отбиты), украшенная спереди и сзади разбитым на секции нарезным орнаментом из зигзагов. Культура тиса, Сегвар-Тюзкёвеш у г. Сентеш, Юго-Восточная Венгрия, начало V тыс. до н. э.; высота 21,7 см.

Рис. 13

Сосуд для приношений или светильник на четырех ножках, на каждом углу по голове барана; орнамент из спиралей, шевронов и меандров. Культура тиса, Сегед, начало V тыс. до н. э.; высота 12 см, длина 11,8 см.

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 15

Сосуд в форме «бинокля» с черной росписью на красном фоне, центральный символ — бегущий пес. Позднекукутенская (кукутенская В) культура Бильче-Злоте, Галиция, Юго-Восточная Польша, ок. 3800—3600 гг. до н. э.; высота ок. 15 см.

Рис. 14

Грушевидный сосуд с крышкой, украшенный символической росписью. На фронтальной части — вульвообразные формы, окруженные свободно парящими спиралями, которые затем повторяются на крышке. Верхняя полоса росписи состоит из заполненных шахматным узором шевронов и треугольников. Поздняя фаза классического периода кукутенской культуры, Драгушени, Северо-Восточная Румыния, ок. 4300—4200 гг. до н. э.

Рис. 16

Рис. 16
Блюдо кукутенской культуры с росписью на внутренней стороне в виде двойных плодов, обрамляющих центральный ромб. Позднекукутенская (кукутенская B) культура, Подей-Тыргу-Окна, Северо-Восточная Румыния, ок. 3800—3600 гг. до н. э.; диаметр ок. 40 см.

Рис. 17
Сосуд стиля «серра-д'альто» с характерными фантастическими ручками трехмерной лепки и двойным спиральным мотивом. Период серра-д'альто южноитальянского неолита. Патерно к западу от Катании, Сицилия, конец V тыс. до н. э.

Рис. 18
Сосуд стиля «диана» с трубчатыми ручками и блестящей, лишенной каких-либо украшений поверхностью. Период диана южноитальянского неолита. Патерно к западу от Катании, Сицилия, ок. 4000 г. до н. э.; высота 13,5 см.

Рис. 17

Рис. 18

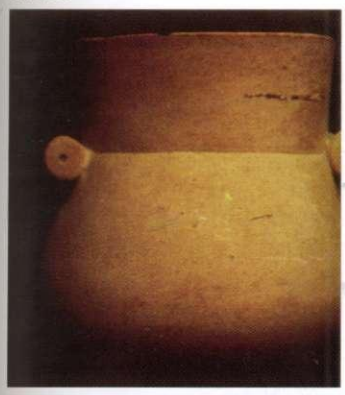


Рис. 19

Рис. 20

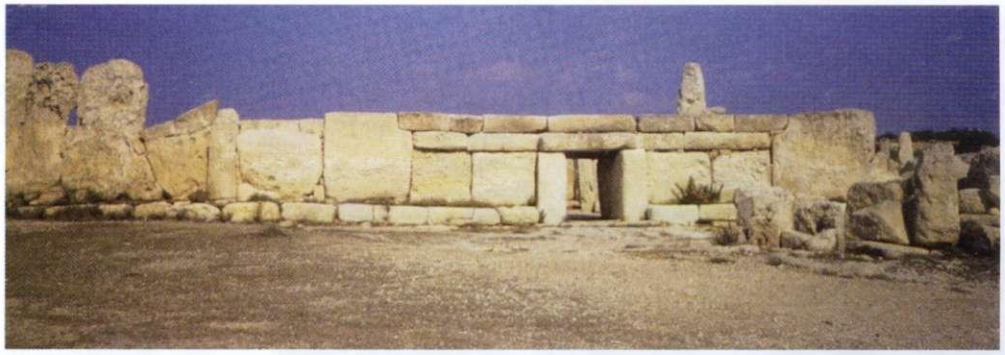


Рис. 19
Шествие животных — барана, свиньи и козы (еще три козы не вошли в снимок): рельеф на каменной плите у алтаря святилища Тарксиенны, Мальта, ок. 3000 г. до н.э.

Рис. 20
Мальтийский храм из известняковых плит: Хагар-Ким, Юго-Восточная Мальта. Возвышающийся над постройками справа башнеобразный менгир, возможно, представляет саму Богиню. Вторая половина IV тыс. до н. э.

Рис. 21
Стоящая Богиня с тучными бедрами и ягодицами из святилища Хагар-Ким, Мальта, ок. 3500–3000 гг. до н. э.

Рис. 21

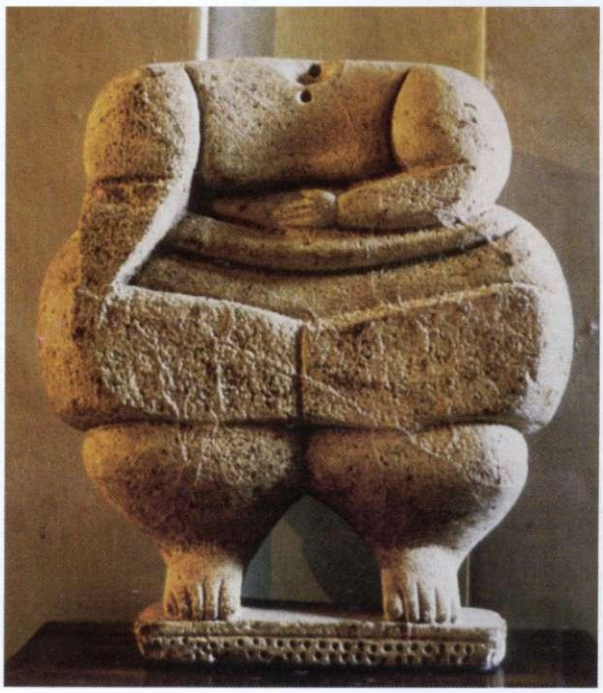


Рис. 22

Рис. 22

Кентавр с головой (или маской) человека и туловищем быка, покрытый росписью из регенерационных символов: его передние ноги имеют яйцевидную форму и расписаны черными узорами в виде пузырей. В верхней части маски – знак «М», грудь пересекают три линии. Терракота, культура винча, Валач у г. Косовска-Митровица, край Косово, ок. 4500 г. до н. э.; высота 19,5 см.

Рис. 23

Рис. 23

Богиня из Лепенски-Вира (Северная Югославия), сочетающая черты рыбы (рот), женщины (груди и вульва) и хищной птицы (птичьи лапы вместо человеческих рук). Это каменное изображение стояло на краю алтаря (святилище № 44) вместе с еще одной яйцевидной скульптурой Богини-рыбы. Ок. 6000 г. до н. э.; высота 51 см.

Рис. 24

Яйцевидная скульптура из песчаника, изображающая вульву перед родами. Лепенски-Вир, святилище № 51, обнаружена на краю алтаря. Скульптура была густо окрашена красной охрой. Размер: 18 на 13,8 см.

Рис. 24

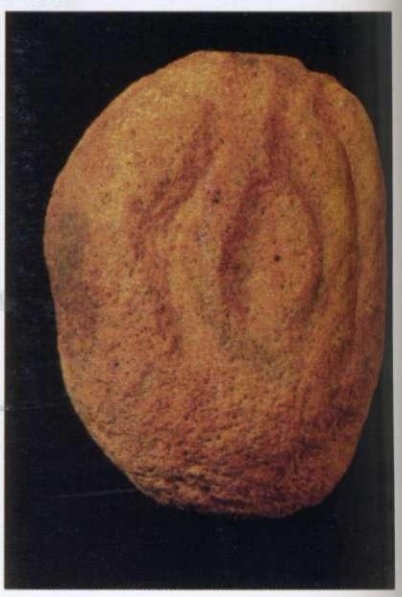


Рис. 7-62

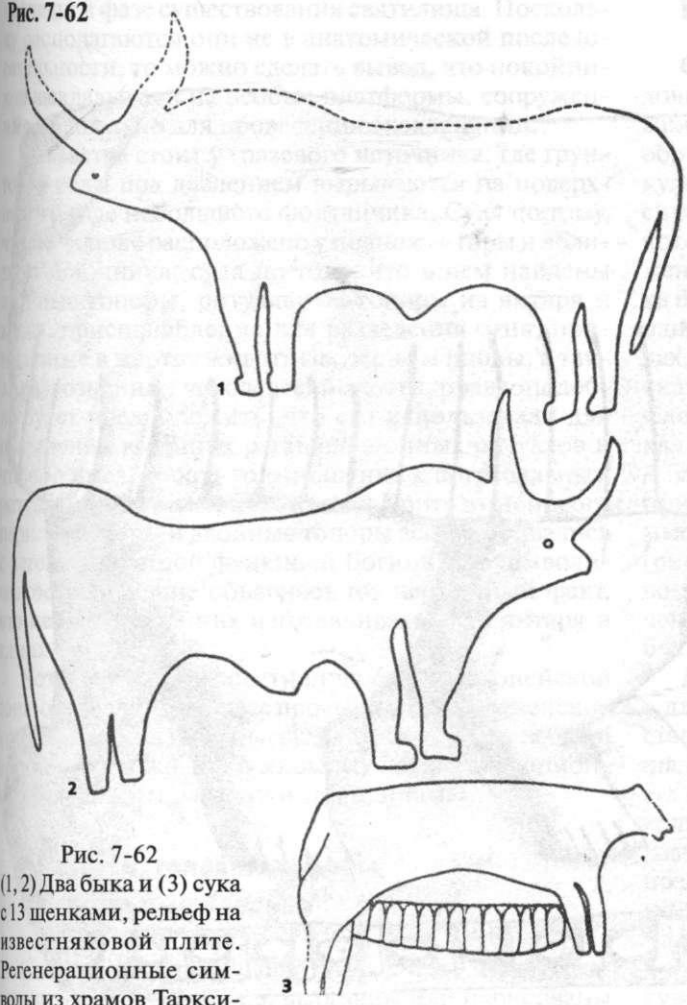


Рис. 7-62
(1, 2) Два быка и (3) сука с 13 щенками, рельеф на известняковой плите. Регенерационные символы из храмов Тарксиенны; высота (1, 2) 27 см, (3) 18 см.

Рис. 7-63

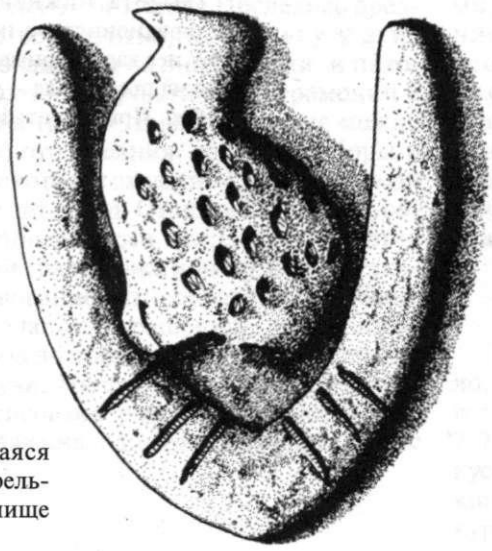


Рис. 7-63
Птица, появляющаяся между рогов быка, рельеф на сосуде, святилище Тарксиенны.

Мальтийские святилища строились попарно, чему лучший пример храмы Гжантийя и Мнайдра (см. рис. 5-25, 5-27). Как можно предположить, они представляли разные ипостаси Богини и были местами проведения разных ритуалов: более крупный западный храм – тех, что связаны со смертью и регенерацией, а восточный – тех, что связаны с рождением и возрождением не только природы, но и людей. Апсиды западных храмов сделаны из более темного красно-коричневого известняка globigerina и покрашены в красный цвет, тогда как восточные храмы выстроены из более светлого камня. Не исключено, что парные храмы были посвящены парным божествам – матери и дочери или двум сестрам, имеющим вид сиамских близнецов: изображения такого рода часто встречаются в Европе и в Анатолии VII–III тыс. до н.э.

В святилищах Мнайдры и Тарксиенны были обнаружены глиняные статуэтки беременных женщин с отвисшей грудью и разбухшей вульвой; не исключено, что это – миниатюрные (в 5–6 см высотой) подобия Богини-роженицы (см. рис. 7-2). Нам трудно назвать их красивыми: Дж.Д.Эванс считал, что они «уродливы» и «патологичны»[31]. Однако очень важно постараться не проглядеть их символический смысл. Не принимать в расчет те или иные произведения доисторического искусства лишь из-за их несоответствия современным представлениям о красоте значит упустить нечто гораздо более значимое. Любопытно отметить, что у обеих фигурок на спине есть 9 горизонтальных насечек – не исключено, что они обозначают 9 месяцев беременности. Эти статуэтки могли иметь вотивный характер, их могли подносить Богине-роженице, чтобы она поспособствовала благополучному разрешению от бремени. Возможно, что роды проходили в восточных святилищах, поскольку именно там находят изображения такого типа.

Около святилища Хагар-Ким был также найден торс обнаженной женщины с большой грудью, общей высотой в 12,5 см (рис. 7-65). Поскольку эта статуэтка гораздо ближе к идеалу красоты XX в., она удостоилась пристального внимания археологов и получила имя «Мальтийской Венеры». Еще одно изображение чуть меньшего размера было найдено в святилище Тарксиенны: это изваяние нагой непринужденно сидящей женщины. К сожалению, головы обеих скульптур были утеряны. Но существует еще немало шедевров мальтийского искусства, чье назначение и смысл до сих пор остается тайной. Таковы найденные в ги-

погее Халь-Сафлиени известняковые головы с юными чертами лица (рис. 7-66).

Святилища Северной Европы IV и III тыс. до н. э.

Святилища или храмы культуры воронковидных кубков обнаружены в Дании и Швеции. Мы уже говорили об этих подковообразных строениях, в которых было найдено немало замечательных сосудов и черпаков (см. рис. 4-15, 4-16). Уникальное по своему типу святилище приблизительно 3000 г. до н.э. обнаружено в Альвастре (Южная Швеция) у подножья горы Омберг, в богатом сельскохозяйственном районе. Оно представляло собой большую свайную постройку, которая занимала около 100 кв. м и не имела стен. Осуществивший ее раскопки археолог М.Мальмер отмечал[32], что там было более тысячи свай из дуба, вяза, липы, ореха, яблони и других лиственных деревьев. Они образовывали два прямоугольника, обнесенные довольно редким дубовым забором. Дендрохронологический анализ показал, что срок существования этого строения был равен 42 годам. За это время оно несколько раз перестраивалось, причем периоды активности чередовались с длительными интервалами простоя. Жить в нем зимой было невозможно. Пол внутри был сложен из параллельных бревен, покрытых плитами известняка. Археологи обнаружили более сотни очагов, вокруг них – большое количество костей домашних и диких животных, а также птиц и рыб, и обгоревшие остатки приношений. Кроме того, 40 каменных двойных топоров и миниатюрных топоров из янтаря и из кости. К числу необычных находок следует отнести и набор приспособлений для разведения огня – заостренные куски кварца и шарики серного колчедана, – по-видимому, также оставленный в виде подношения. Наличие человеческих останков зафиксировано лишь на

Рис. 7-64

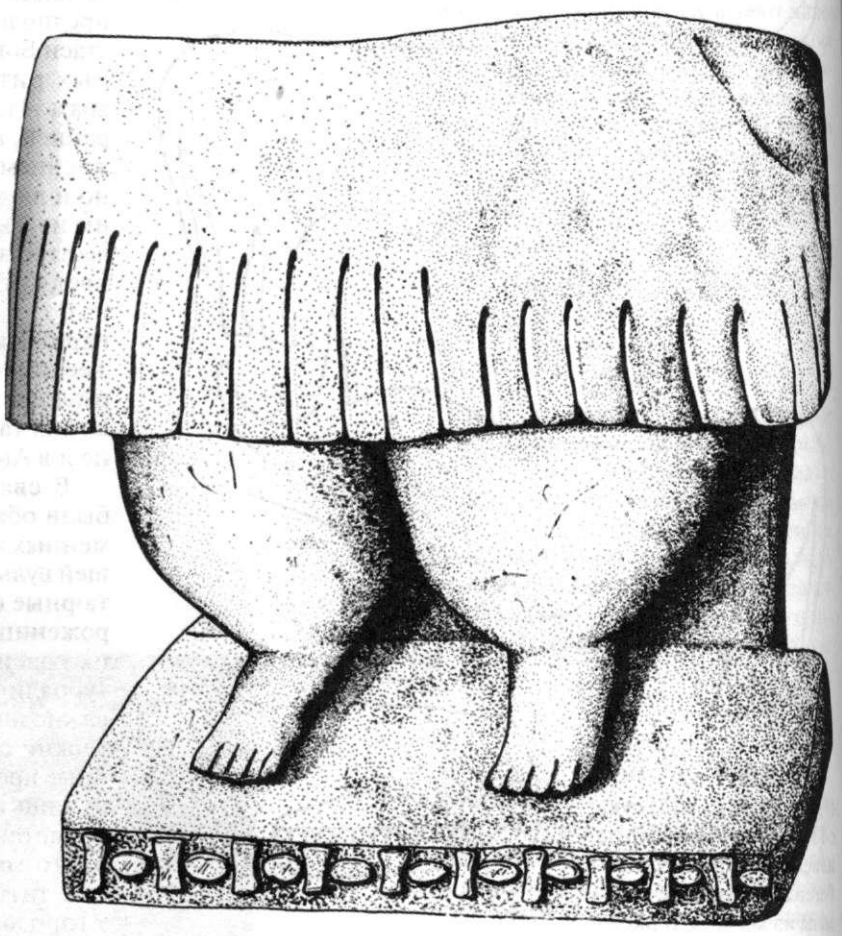


Рис. 7-64
Самая большая каменная скульптура (высота нижней части – 1 м) из тарксиеннского некрополя, Мальта. У нее характерные яйцевидные икры, а на пьедестале – узор из яиц и столбов. Приблизительно 3000 г. до н.э.

последней фазе существования святилища. Поскольку располагаются они не в анатомической последовательности, то можно сделать вывод, что покойников выкладывали на особые платформы, сооруженные специально для проведения экскарнации.

Альвастра стоит у грязевого источника, где грунтовые воды под давлением вырываются на поверхность в виде небольшого фонтанчика. Судя по тому, что святилище расположено у подножья горы и вблизи от источника; судя по тому, что в нем найдены двойные топоры, ритуальные топоры из янтаря и кости, приспособления для разведения огня, принесенные в жертву животные, зерно и плоды, а также разрозненные человеческие кости, правдоподобно будет предположить, что его использовали для проведения весенних регенерационных ритуалов и что оно имело какое-то отношение к погребальным ритуалам. В Древней Европе и на Крите минойского периода топоры и двойные топоры ассоциировались с регенерационной функцией Богини. Их символическое назначение объясняет тот необычный факт, что некоторые из них изготавливались из янтаря и камня (рис. 7-67).

Хотя деревянные святилища североевропейской зоны отличались от более прочных южноевропейских храмов из камня и глины, судя по всему, их роли были во многом схожи. Во всяком случае, регенерационные ритуалы отправляли и здесь, и там.

Прически, головные уборы и ритуальные одеяния

Следует считать большой удачей, что у многих статуэток VI–IV тыс. до н.э. вырезаны или нарисованы детали одежды, а у некоторых еще и прически. Конечно, можно лишь гадать, носили ли обычно люди подобные одеяния или же это – убранство божеств или участников каких-то ритуалов. Последнее представляется более вероятным, поскольку у этих скульптурных изображений на лицах маски, и похоже, что они передают позы участников церемонии и тех, кто восседал на тронах. В любом случае можно предположить, что эти одеяния, головные уборы и прически имеют некоторое сходство с теми, что люди носили 8000–6000 лет назад. Отчетливые линии, сохранившиеся на поверхности глиняных статуэток благодаря глубокой гравировке и инкрустации, указывают на существование разнообразных причесок, тюрбанов, корон, шапок, украшений, набедренных повязок, узких юбок до щиколотки, передников, бахромы, блуз и обуви. На статуэтках также бывают вырезаны или нарисованы различные знаки и символические изображения, однако их нельзя спутать с деталями туалета.

Прически

Особого внимания удостаивались прически и головные уборы Богини-птицы и Богини-змеи или их жриц, носивших сходное убранство. Прекрасным образцом того, как около 8 тыс. лет назад женщины культуры сескло причесывали волосы, является классическая статуэтка Богини-птицы из Ахиллейона, у которой они аккуратно разделены пробором и уложены в пучок (см. рис. 7-13, 7-47). Подобная прическа больше всего подходит занятой матери семейства, однако, когда следовало принимать участие в ритуалах, ей можно было придать более элегантный вид – скажем, с чьей-то помощью накрутить локоны. Сложная завивка такого рода встречается на статуэтках культуры сескло начала VI тыс. до н.э. (рис. 7-68). А голова статуэтки той же культуры из Цани-Магулы приблизительно 5900–5700 гг. до н.э. наводит на мысль об использовании сетки или чехла для волос (рис. 7-69). В Ситагрое была найдена статуэтка с клювом, у которой волосы строго стянуты назад и закручены элегантными змейчатыми спиралями сзади и по бокам (см. рис. 3-59).

Мы также располагаем изображениями женщин с длинными распущенными волосами, которые заставляют предположить, что молодые девушки посвящали какое-то время расчесыванию и укладке волос. На старчевской скульптуре VI тыс. до н.э. из жилого холма Винча волосы у женщины распущены и перехвачены на затылке ремнем (рис. 7-70). Статуэтки позднего периода кукутенской культуры представляют участниц ритуальной пляски, которые трясут волосами, завязанными узлом у них на спине (рис. 7-71). Весьма сложные прически можно видеть у статуэток культуры винча 5000–4500 гг. до н.э. (рис. 7-72–7-74). Однако остается загадкой, действительно ли женщины эпохи неолита придумали способ укладывать волосы длинными завитыми локонами. Непонятно, прибегали ли они во время церемоний к каким-то умащениям или использовали ремешки, чтобы завитые и высушенные волосы легли спиральными завитками. Один из мастеров культуры сескло сделал изображение женской головки, у которой волосы спускаются по обе стороны роскошными локонами-«колбасками». По всей видимости, в особо торжественных случаях на изготовление этих сложных причесок уходило немалое время.

Головные уборы

Крохотные скульптурные головки культуры сескло, размерами чуть больше ногтя, имеют нарядные головные уборы, напоминающие тюрбан (рис. 7-75, 7-76). Их было легко изготовить: просто обернуть кусок ткани вокруг головы и закрепить ее, пропустив конец под складками. У другой статуэтки волосы аккуратно расчесаны на пробор и стянуты на затылке,

Рис. 7-65

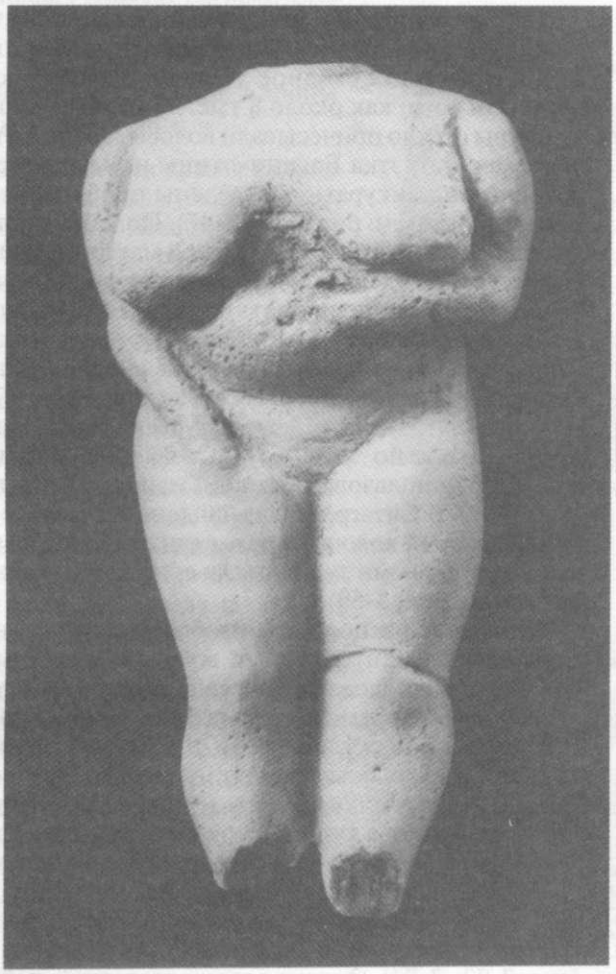
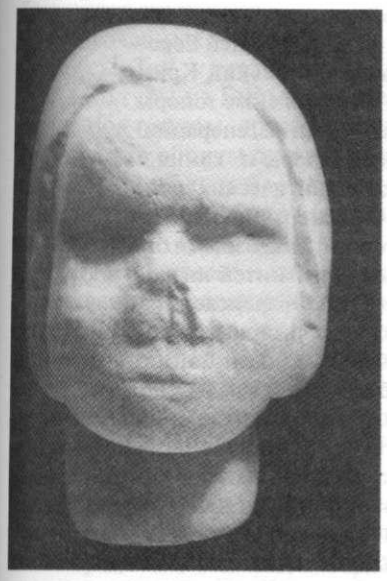
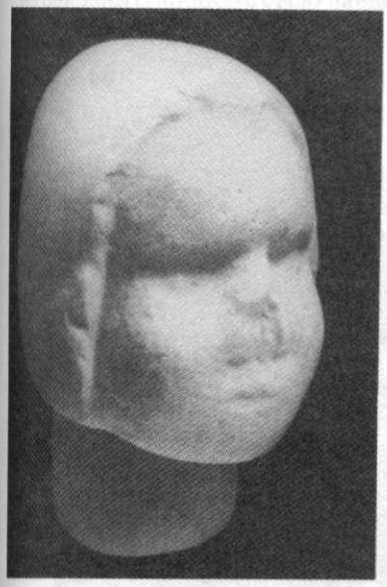
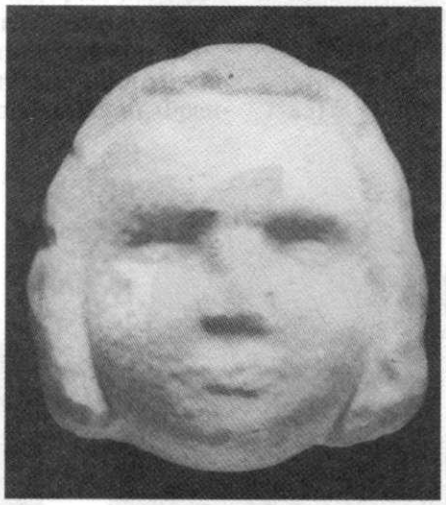


Рис. 7-65
«Мальтийская Венера», натуралистическое изображение обнаженного женского тела, левая рука на животе, большие груди. Терракота. Найдена в храме Хагар-Ким. Конец IV тыс. до н. э.; высота 12,5 см.

Рис. 7-66







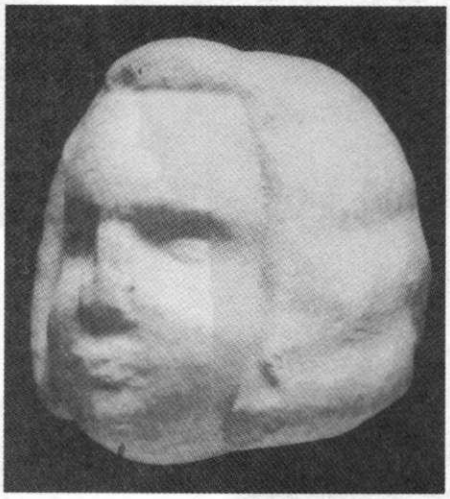


Рис. 7-66
Известняковые головы из гипогея Халь-Сафлиени: юные лица, аккуратно расчесанные волосы. Мальта. Приблизительно конец IV тыс. до н. э.; высота самой большой головы 11,5 см.

где их покрывает шапочка или полоса материи или кожи (рис. 7-77, см. также рис. 7-13). Еще одна статуэтка культуры сескло имеет большой пучок в нижней части затылка (рис. 7-78).

В Агиос-Петросе, неолитическом поселении на крохотном островке Пелагос (острова Северные Спорады в Эгейском море), обнаружены статуэтки в высоких шапках, украшенных несколькими рядами параллельных линий (рис. 7-79). А некоторые скульптуры культур сескло и винча одеты в шапки конусообразной формы (рис. 7-80). Шапки такого рода, скорей всего, изготавливались из войлока, что позволяло создать остроконечный силуэт.

Не исключено, что истоки символической значимости короны также связаны с эпохой неолита: сохранилось немало статуэток, у которых на голове заметен убор в форме тиары. Скорей всего, такие головные украшения изготавливали из плетеной пеньки или из скрученных в венок веток. Для изготовления диадем использовались и раковины спондилус. При раскопках могильника Черника были найдены диадемы из пластинок этих раковин, украшенные тройным рядом отверстий (см. рис. 3-46). Но, вне зависимости от материала, важно подчеркнуть безусловную древность этого вида священного головного убора.

Украшения

Больше половины всех древнеевропейских статуэток представлены обнаженными выше пояса, из чего мы и делаем вывод, что это – изображения богинь или жриц во время исполнения ритуала. Климат древней Европы был недостаточно жарким (за исключением летнего сезона), чтобы, в отличие от тропиков, люди имели привычку ходить полуголыми, не испытывая при этом серьезных неудобств. А вот во время проведения религиозных церемоний зрелище молодой женщины в бусах и с обнаженной

Рис. 7-67

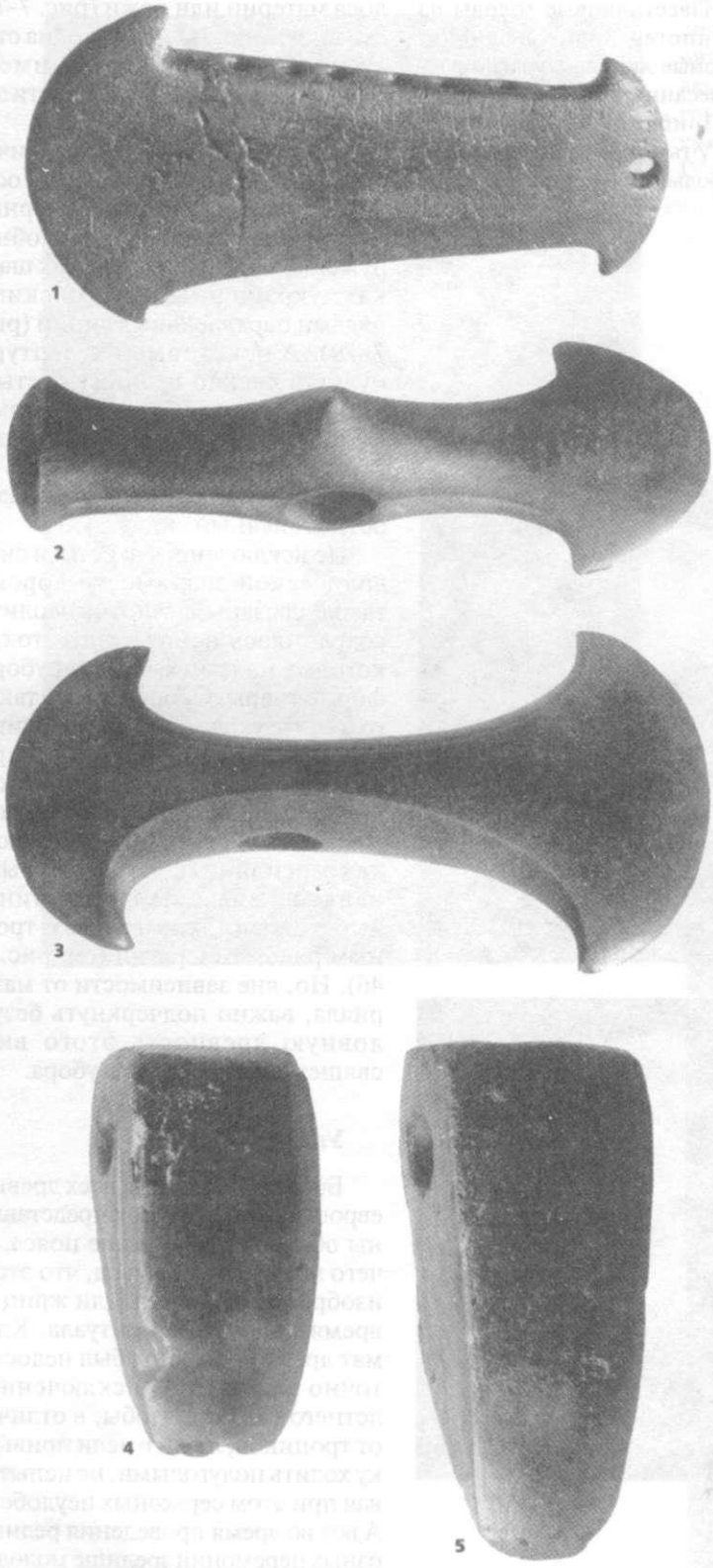


Рис. 7-67

В Северо-Западной Европе, так же как и по всей Древней Европе, включая минойский Крит, двойные и треугольные топоры были символами регенерации. Ритуальные топоры из камня и янтаря из мегалитических гробниц. (1) Сковагер, Виборг. Янтарный топор с 7 сквозными отверстиями для 7 нитей янтарных бус. (2, 3) Фёлленслев; (4, 5) треугольные янтарные топоры из Хёрдума, Ти, Дания. Масштаб ок. 2 : 3.

грудью должно было радовать как божеств, так и собравшихся зрителей.

Ряд точечных углублений на скульптурах обозначает бусы. Так, у статуэтки позднего этапа кукутенской культуры из Бильче-Злоте одна нитка бус протянута под горлом, другая свешивается до бедер, которые также обвиты бусами (рис. 7-81). Подвески из глины и «медальоны», скорее всего, крепились на кожаных ремешках, что касается бус, то их составляли из раковин (рис. 7-82).

Бусы из раковин и камней были не только частью божественного одеяния; их носили и в повседневной жизни. Значительное их количество находят в могилах и в местах поселений. Большую часть раковин – спондилус, денталиум, пектункулус – привозили издалека и, по всей видимости, очень ценили. Обработка спондилус производилась на месте. Раковинам придавали самые разнообразные формы, из которых наиболее популярными были цилиндрические, биконические и бочковидные, причем более крупные бусины собирали в передней части нити. Поразительно много бусин из раковин спондилус было найдено в Германии, Франции, Венгрии и Чехословакии, т.е. более чем в 1500 км от места их добычи. В одном из захоронений могильника Лужянки (Западная Словакия) обнаружено 610 бусин из раковин спондилус. Если нанизать их на одну основу, то получилось бы ожерелье длиной в 450 см. Большое количество хрупких раковин денталиум обнаружено не только в прибрежных районах распространения варнской культуры, но и на удаленных от моря территориях культур винча и лендель. Кроме того, археологам попадаются и бусины из полудрагоценных зеленых и черных камней. Бусины из зеленого камня и из мрамора часто встречаются в ранненеолитических слоях VII тыс. до н.э.; мода на них существовала на всем протяжении культуры сескло. Не исключено, что прототипом изображенных на ее статуэтках ожерелий были именно те, что изготавливались из каменных бусин (рис. 7-83). Медные и золотые бусины стали более частым явлением в середине V тыс. до н.э.

Начиная с 6000 г. до н. э. наблюдается прочная связь между святилищами и статуэтками с большой круглой подвеской или медальоном на шее (рис. 7-84, 7-85).

Рис. 7-68

Рис. 7-68
Статуэтки с тщательно уложенными локонами, спускающимися по обе стороны лица. Культура сескло, Магула-Панагу у Лариссы, Фессалия. Ок. 5900–5700 гг. до н.э.

Рис. 7-69

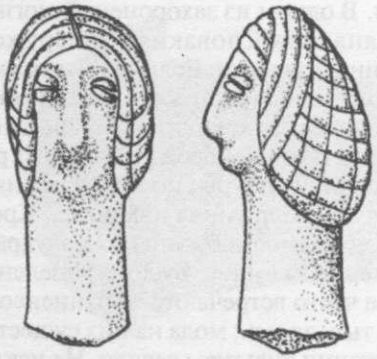


Рис. 7-70

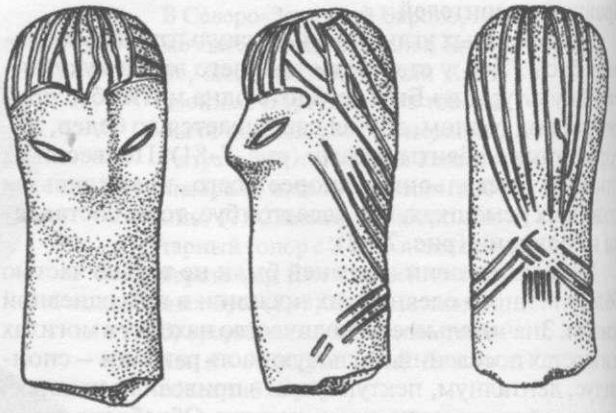


Рис. 7-71

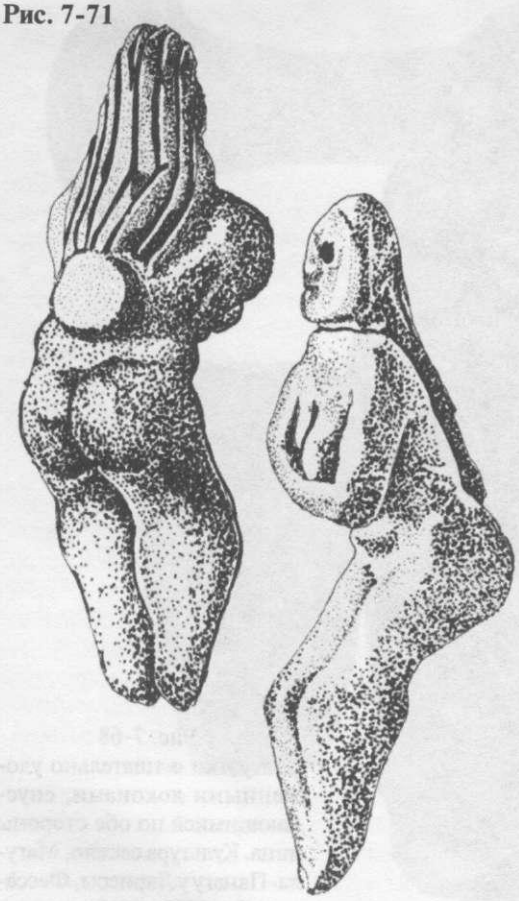


Рис. 7-72

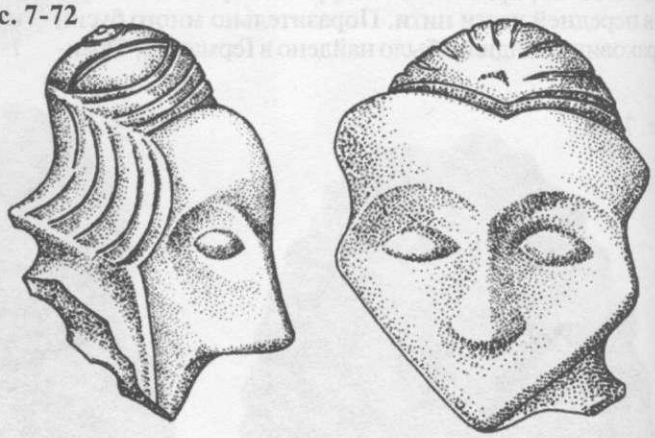


Рис. 7-73

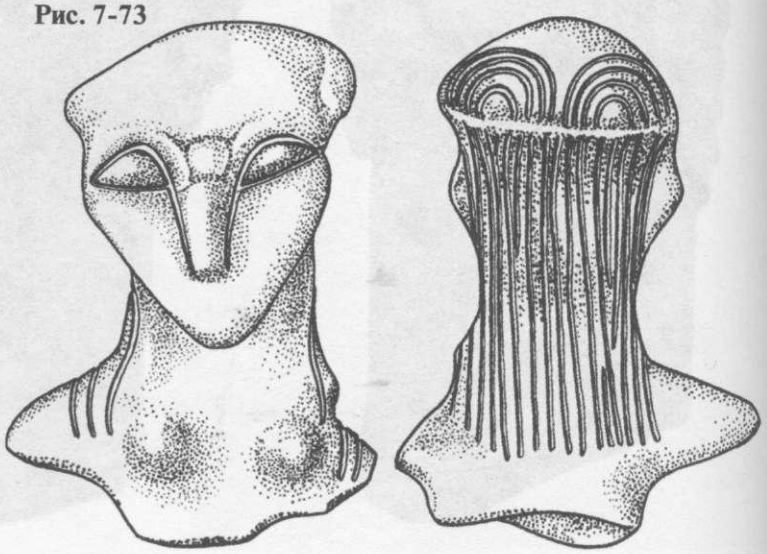


Рис. 7-69
Голова из Цани-Магулы: волосы расчесаны на пробор и, возможно, покрыты сеткой или шарфом. Культура сескло. Ок. 6000–5800 гг. до н. э.

Рис. 7-70
У этой статуэтки прическа состоит из туго стянутых сзади прядей, возможно, перевязанных ремешком у основания шеи. Культура старчево, Винча, Белград. Ок. 5600–5400 гг. до н. э.

Рис. 7-71
Статуэтка с распущенными волосами. «Шишка» на спине – церемониальное украшение. Поздний период кукутенской культуры, Криничка, Одесса, Украина. Ок. 3700–3500 гг. до н. э.

Рис. 7-72
Голова в маске и с классическим пучком. Волосы зачесаны со лба назад и скручены на макушке. Классический перод культуры винча, Црнокалачка-Бара у г. Ниш, Южная Югославия. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.

Рис. 7-73
Статуэтка культуры винча со сложной прической: волосы скручены в два пучка, а затем спускаются свободными прядями. У этой женщины в маске пряди лежат на плечах. Классический период культуры винча, Винча, Белград. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.

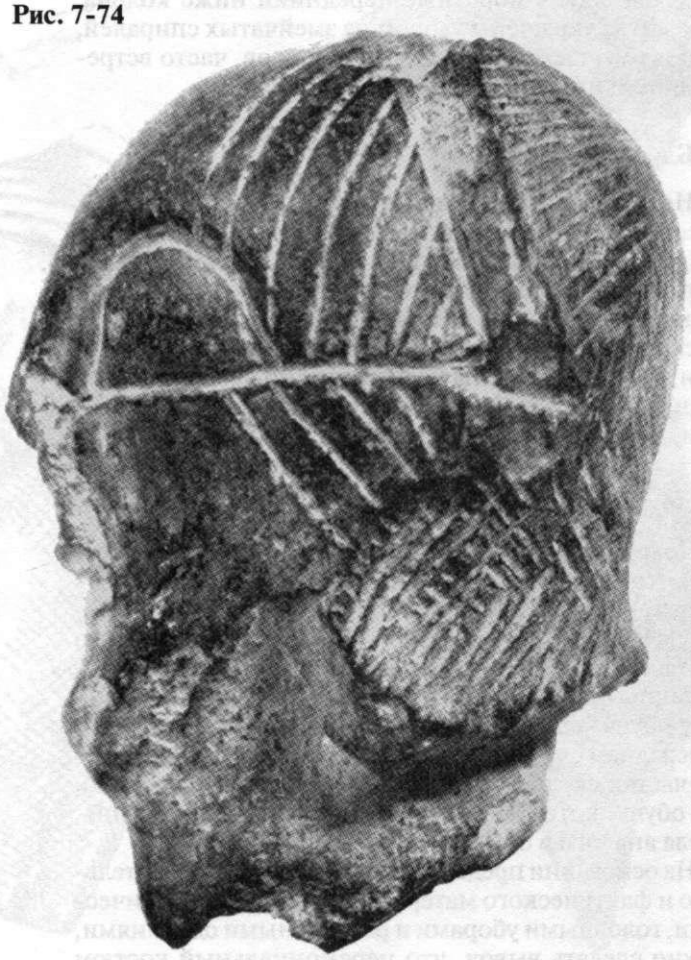
Рис. 7-74
Терракотовая голова с аккуратно расчесанными волосами. Культура винча, Павловац у г. Вране, Южная Югославия. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.

Набедренные повязки

Набедренные пояса из бусин или из бахромы – характерная особенность статуэток VI–IV тыс. до н. э. Что может быть отрадней для взгляда, нежели богато украшенная набедренная повязка, оттеняющая естественную красоту полуобнаженной женщины?

Яркий тому пример – статуэтка культуры старчево, представляющая внушительных размеров женский торс, украшенный набедренным поясом. Последний составлен из подобранных по размеру каменных бусин, раковин или глиняных кружков, нанизанных на кожаный ремень (рис. 7-86). Глиняные «медальоны» можно видеть в качестве набедренного украшения и у другой старчевской статуэтки, найденной в Винче. Что касается бахромы, то ее, скорей всего, изготавливали из кожаных ремешков, к концу которых привязывали бусины. Другой конец был закреплен на поясе, причем бахрома закрывала тело по всему периметру. Существование набедренных поясов с бахромой или с несколькими рядами бусин зафиксировано в культурах винча, караново и кукутени (рис. 7-87, 7-88).

Рис. 7-74



Узкие юбки

Скульптурное искусство древних европейцев предоставляет нам зримые свидетельства их портняжного мастерства. На протяжении столетий художники культуры винча облекали свои статуэтки в удивительно красивые узкие юбки, закрывавшие ноги от бедра по щиколотку. Часто они сужаются к коленям, а затем снова расширяются: можно предположить, что это был кусок ткани, обернутый вокруг тела, который присобирали и оттягивали от щиколоток ремни, закрепленные на набедренном поясе. Тот факт, что юбки были очень узкими, создает впечатление затрудненного движения, характерного для церемониального шага, но плохо подходящего для занятий домашним хозяйством (рис. 7-89–7-92).

Передники

Еще одной деталью одежды были, по-видимому, ритуальные передники. Обычно они обозначены точечными углублениями или насечками, которые образуют падающие складками, прямоугольные, петлеобразные или V-образные передники ниже колена. Они всегда украшены узором из змейчатых спиралей, знаков «V», шевронов и других мотивов, часто встречающихся на статуэтках богинь (рис. 7-93).

Блузы или корсажи

Некоторые статуэтки облачены в блузы, у которых имеется только передняя и задняя часть, а бока открыты (рис. 7-94). Если эта деталь туалета имела реальные прототипы, нам остается только гадать, из чего их изготавливали. Если не из ткани, то, возможно, из кожи. Поскольку в такого рода корсеты бывают одеты статуэтки, чьи лица закрыты маской, можно предположить, что их назначение было в большей мере церемониальным, нежели практическим.

Обувь

Сохранившиеся фрагменты статуэток говорят о том, что древние европейцы умели делать кожаные сапоги, которые подгоняли по ноге и стягивали ремнем на щиколотке (рис. 7-95, 7-96). Судя по одному из найденных в Видре образцов скульптуры культуры гумельница-караново VI, подошвы могли подбивать, а саму обувь – расписывать символическими узорами; в последнем случае узорчатые украшения были на других частях скульптуры (рис. 7-97). Вполне вероятно, что обувь, которую мы видим на статуэтках богинь, имела аналоги в обычной жизни.

На основании представленного нами изобразительного и фактического материала, связанного с прическами, головными уборами и ритуальными одеяниями, можно сделать вывод, что церемониальный костюм

Рис. 7-75
Вне зависимости от размера статуэтки, для изображений Богини-птицы часто характерны тщательно выполненные головные уборы. На этой найденной в Ахиллейоне крохотной статуэтке у богини клюв, а голова увенчана тюрбаном: кусок материи обернут вокруг головы, один конец спускается сбоку и закреплен у основания шеи диском. Культура сескло, Ахиллейон IV, Фессалия. Ок. 5800 г. до н. э.

Рис. 7-76
На голове у этой Богини-птицы с цилиндрической шеей – тюрбан, похожий на корону. Витки глины имитируют складки обернутой вокруг головы ткани, вмятина сзади также говорит о том, что это – сложный тюрбан, похожий на головные уборы, которые по сей день можно видеть в деревнях на Ближнем Востоке. Ахиллейон IV.

Рис. 7-77
У этой поврежденной статуэтки культуры сескло волосы поделены пробором, уложены в пучок и схвачены обручем или тиарой. Караикия у г. Ларисса, Фессалия. Ок. 6000–5800 гг. до н. э.

Рис. 7-78
Пучок этой статуэтки напоминает африканские прически. Насколько можно судить, макушка обхвачена лентами, а большой пучок, судя по его неестественному положению, нуждался в каком-то дополнительном способе крепления. Телль Ситохорон у г. Фарсала. Ок. 6000–5800 гг. до н. э.

Рис. 7-75

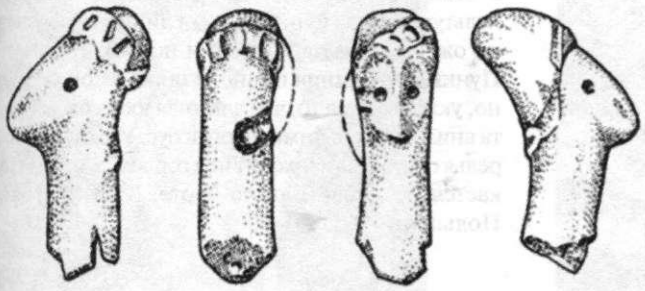


Рис. 7-76

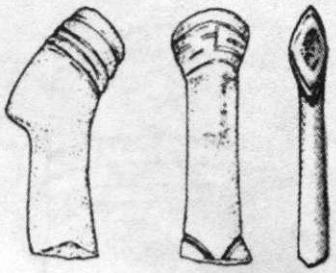


Рис. 7-77

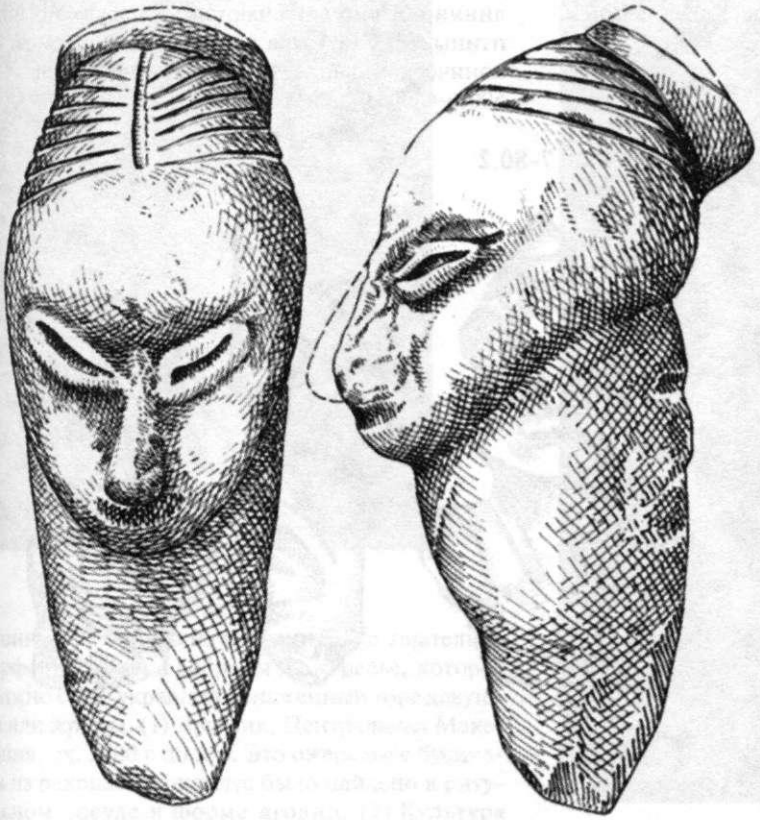


Рис. 7-78

Рис. 7-79

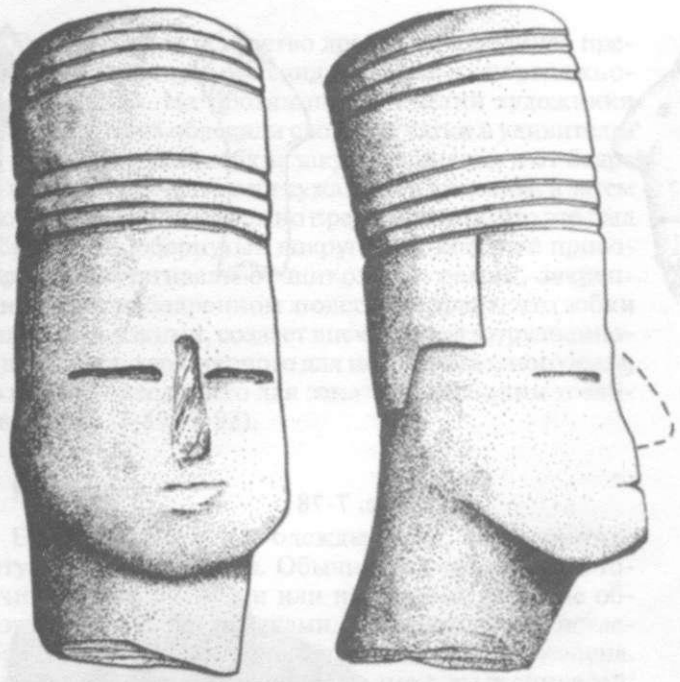


Рис. 7-79
Статуэтка в высокой шапке. По бокам можно видеть ступенчатую стрижку. Агиос-Петрос, о. Пелагос, Спорады, Северная Эгея. Приблизительно сер. VI тыс. до н. э.

Рис. 7-81
У этой терракотовой статуэтки позднего периода культуры винча пунктирными линиями обозначено ожерелье из двух нитей и пояс из трех нитей. Пунктирная линия в районе щиколоток, возможно, указывает на то, что длинная юбка была стянута внизу несколькими нитями бус. У двойного ожерелья одна нить проходит под горлом, а другая спускается до пупка. Бильче-Злоте, Юго-Восточная Польша.

Рис. 7-80
Конические шапки. (1) Голова в конической шапке культуры сескло, напоминающей те, что носили в Хаджиларе, Анатолия. Ее глаза похожи на кофейные зерна, что характерно для начала VI тыс. до н. э. Вырезанные на каждой щеке три линии обычно встречаются на масках Богини-птицы. (2) Статуэтка в маске и остроконечной конической шапке. Культура винча, Винча. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.

Рис. 7-80.1

Рис. 7-80.2

Рис. 7-81

Рис. 7-82.1

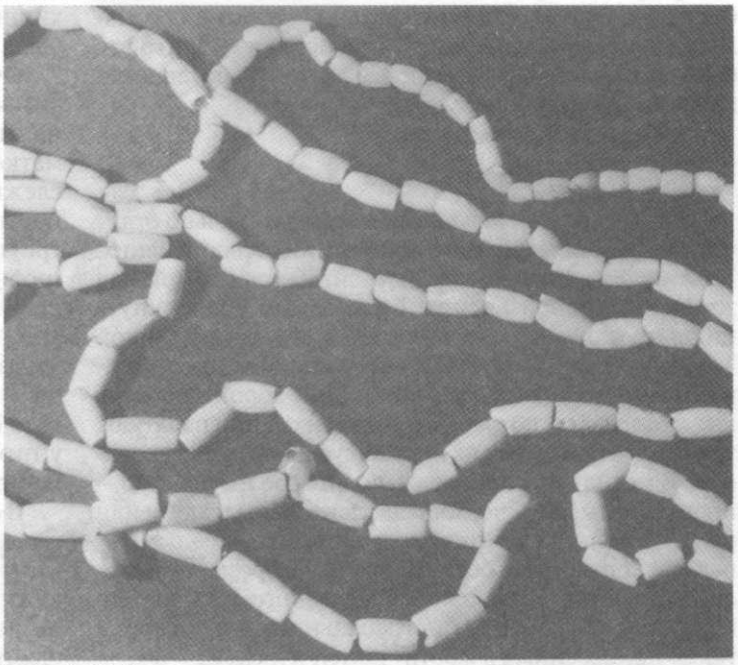


Рис. 7-82.2

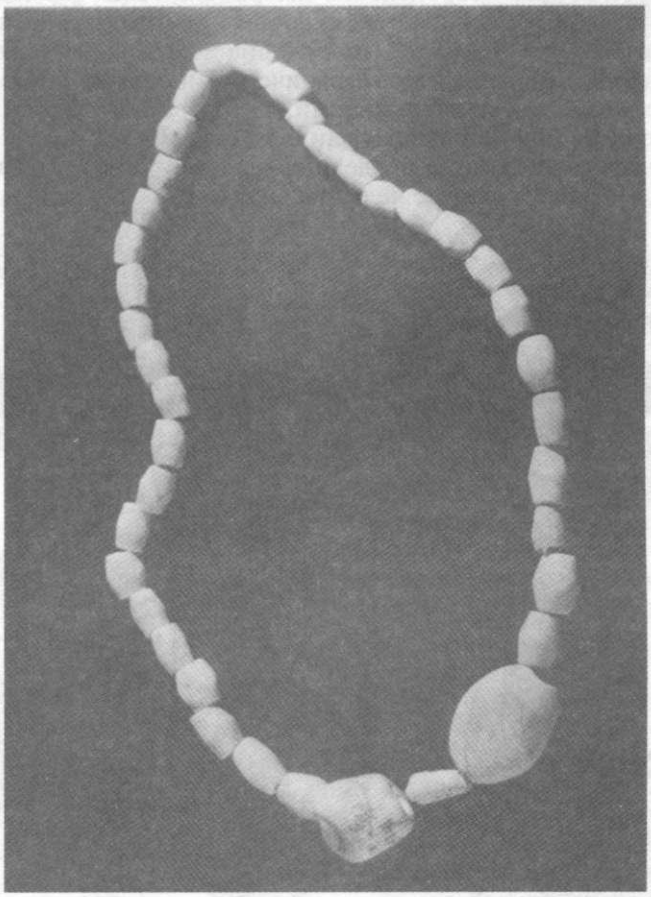


Рис. 7-82

Бусины из глины и из раковин были тщательно перфорированы и собраны в ожерелье, которое должно было украшать обнаженный торс девушки или жрицы. (1) Вршник, Центральная Македония, ок. 5500 г. до н. э. Это ожерелье с бусинами из раковин спондилус было найдено в ритуальном сосуде в форме ягодиц. (2) Культура винча, Винча. Ок. 4500 г. до н. э.

был разработан до мельчайших деталей и отличался большим вкусом. Его изготовление требовало немалого времени и мастерства, и не исключено, что это был плод коллективных усилий людей, работавших в храмовых мастерских.

Погребальные практики

Древнеевропейские погребения кардинально отличались от пришедших им на смену индоевропейских. За этим несходством стояла разница идеологий: для жителей Древней Европы было важно подчеркнуть цикличность смерти и возрождения в теле Великой Матери; для индоевропейцев – линейное продолжение славы могучих мужей. Последние хоронили мертвых в отдельных погребальных домиках или палатках, тем самым продлевая их индивидуальное существование. В могилу их сопровождало личное имущество – инструменты, оружие, лошади, даже жены и слуги или рабы. Чем выше положение покойника, тем с большей роскошью было обставлено его захоронение. Царские гробницы бронзового и железного века просто поражают количеством погребального инвентаря, а также принесенных в жертву коней и людей.

Напротив, древнеевропейские захоронения свидетельствуют об уважении ко всему сообществу предков, а не к тем или иным отдельным личностям. Личный погребальный инвентарь ограничен немногими украшениями или инструментами, которые символически связаны с Богиней или с регенерационными ритуалами. В числе последних – рога и кости марала, кабаньи и свиные челюсти, скелеты собак, воловьи черепа или рога, а также кости или крылья хищных птиц. Для жителей Древней Европы могила была утробой.

Очертания древнеевропейских гробниц связаны с символикой возрождения – яйцом, половыми органами Богини (лобковым треугольником, вульвой, маткой, животом, ягодицами). Эта зависимость прослеживается в архитектуре западноевропейских мегалитических гробниц и длинных земляных курганов треугольной или трапециевидной формы. В этих гробницах есть символические аналоги вагины и матки – коридоры, ведущие в камеры, – или же «дворики», напоминающие раздвинутые ноги, за которыми расположены внутренние отсеки. Иногда гробницы имеют антропоморфные очертания, напоминая тело Богини. О длинных курганах можно сказать, что у них форма кости, еще одного символа смерти – костлявой.

В других частях Древней Европы гробницы в основном имели форму яйца: это могли быть просто ямы яйцевидной формы или скальные гробницы, куда покойника помещали в скрюченной позе зародыша и посыпали охрой (рис. 7-98). Кроме того, существовала практика захоронения в сосудах яйцевидной формы, особенно это касалось новорожденных или черепов (рис. 7-99). Имеющие яйцевидную форму внутренние помещения и ниши подземных гробниц нередко выкрашены в красный цвет. Очень широко, почти повсюду был распространен обычай помещать в могилы охру: ей обильно посыпали череп или все тело. Красный – цвет жизни, цвет крови, необходимое условие регенерации.

Рис. 7-83

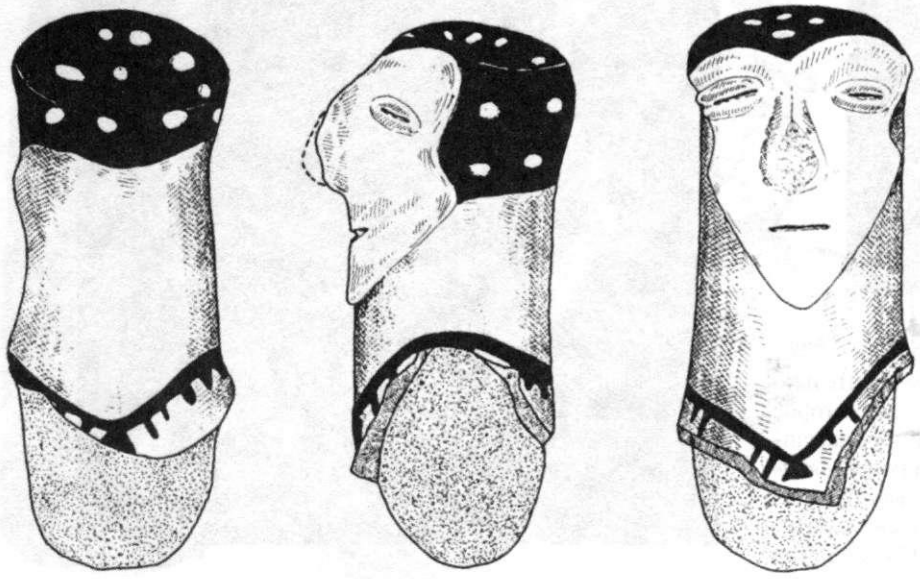


Рис. 7-83
На шее этой статуэтки в маске культуры сескло нарисовано ожерелье из каменных бусин (вид с трех сторон). Ахиллейон IV. Ок. 5800–5700 гг. до н. э. (Здесь же были найдены бусины из мрамора и из зеленого камня ок. 6000–5700 гг. до н. э.)

Рис. 7-84

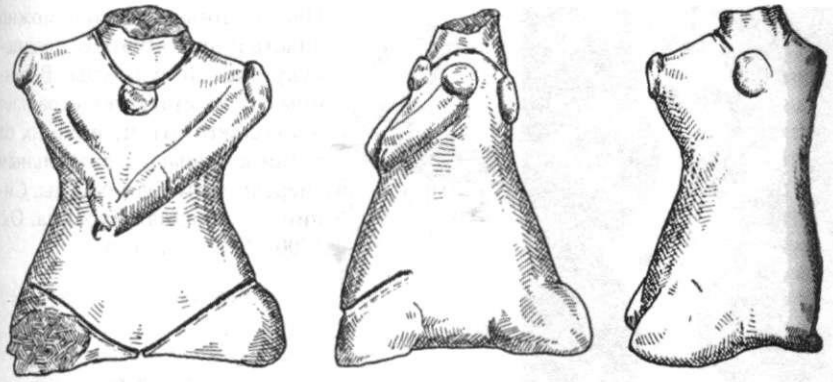


Рис. 7-84
Статуэтка на четырехугольном основании из святилища культуры сескло; ее единственное украшение – ожерелье с подвеской или «шишкой» спереди и сзади (возможно, подвешенными на кожаном ремешке глиняными дисками). Также стоит отметить диски на плечах и знак «V», которым обозначен лобок. Ахиллейон IV, найдена в святилище начала VI тыс. до н. э. 5800–5700 гг. до н. э.; высота 6 см.

Рис. 7-85

Рис. 7-85
Статуэтка Богини-птицы с ожерельем и набедренной повязкой из двух рядов подвесок (глиняных дисков?), трижды по три повторяющихся под грудью. Культура винча, Винча. Ок. 5000–4500 гг. до н.э.

Рис. 7-86

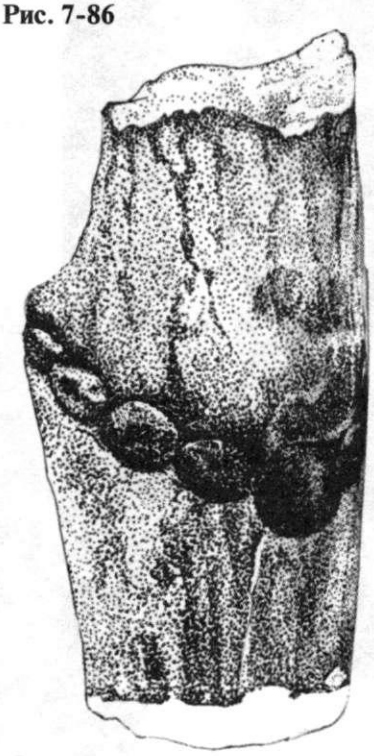


Рис. 7-86
Древнеевропейские статуэтки указывают на особое внимание, которое уделялось линии бедер: свидетельство тому – детально изображенная набедренная повязка на сохранившемся фрагменте статуэтки культуры старчево ок. 5800–5500 гг. до н. э. Диски подобраны по размеру и, вероятно, соответствуют перфорированным глиняным дискам, нанизанным на кожаный ремешок. Винча, Белград.

Рис. 7-87

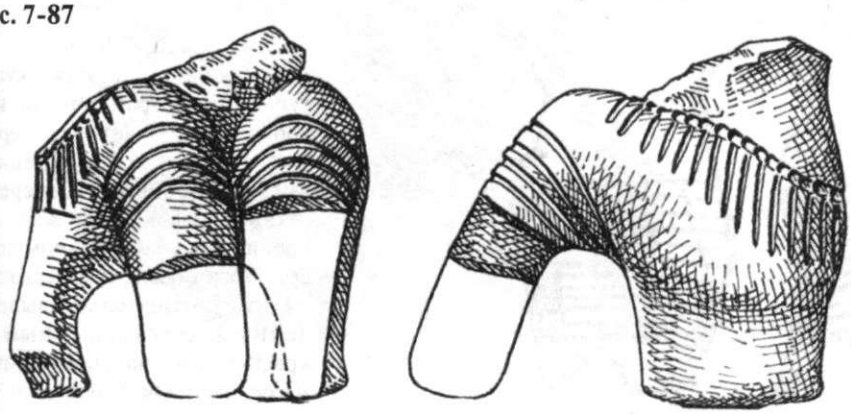


Рис. 7-87
На нижней части этой восседающей на троне статуэтки можно видеть набедренную повязку из свисающей с пояса бахромы. Культура винча, Винча. Ок. 5000–4000 гг. до н. э.

Рис. 7-88

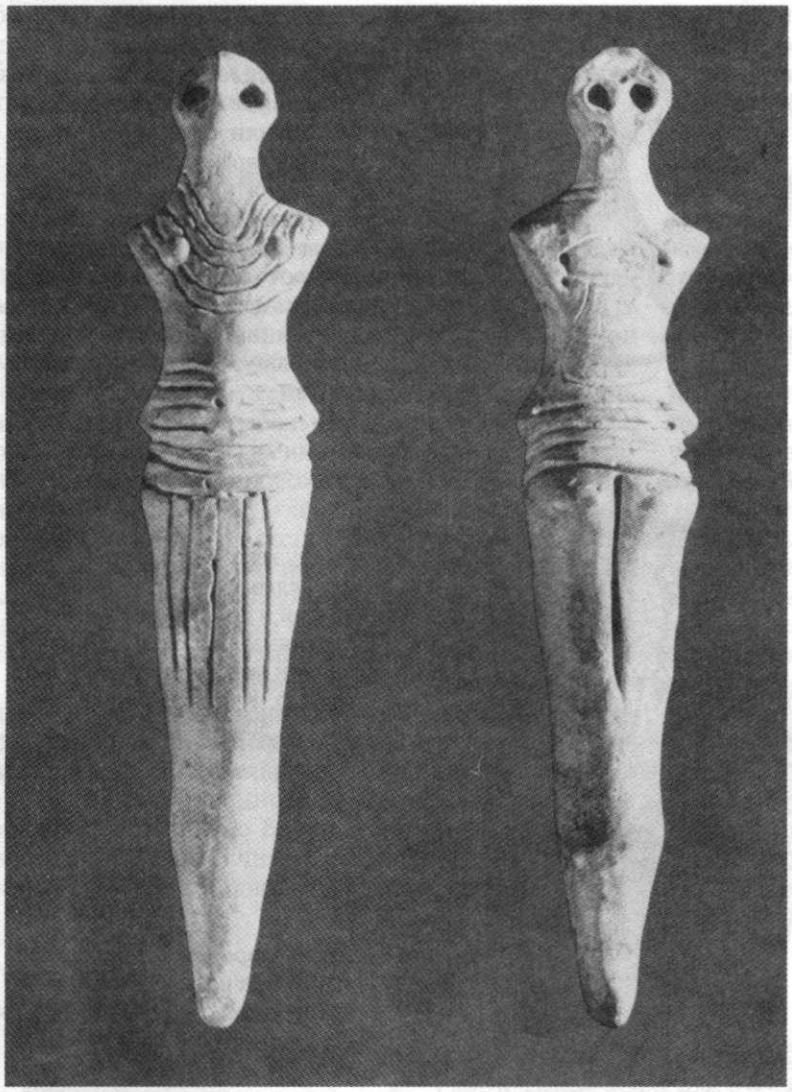


Рис. 7-88
Набедренные повязки можно видеть и на статуэтках позднекукутенской культуры. В данном случае статуэтку украшает несколько нитей, идущих от талии к бедрам, с ритуальным «передником» из бахромы. Сипинци, Западная Украина. Ок. 3700–3500 гг. до н. э.

Рис. 7-89
У этой статуэтки с птичьими крыльями обнаженный торс и короткая юбка или кушак. Линованный рисунок указывает на то, что это либо «шотландка», либо ткань с горизонтальными полосами и идущей от бедер вертикальной бахромой. Градац, поселение классического периода культуры винча. Начало V тыс. до н. э.

Рис. 7-89

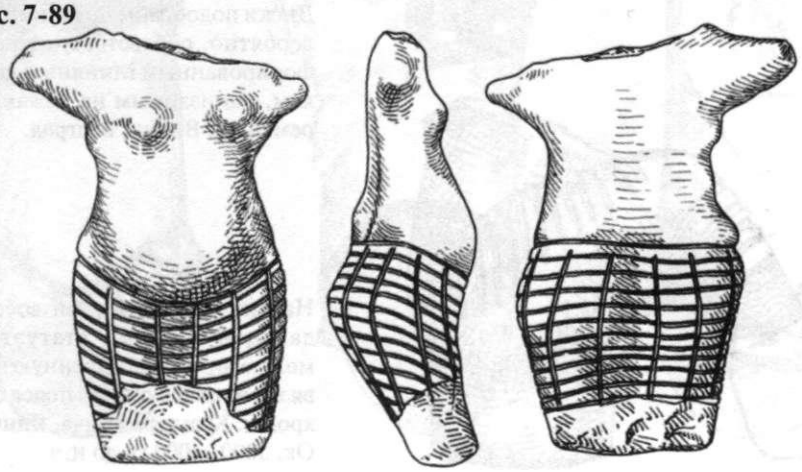


Рис. 7-91
Нижняя часть статуэтки культуры винча с драпировкой, которая позже будет характерна для классической Греции. Ткань присобрана и спереди оттянута вверх (возможно, закреплена на набедренном поясе). Ноги босые, как легко заметить по тщательно вылепленным и окрашенным в красный цвет пальцам. Винча, Югославия. Ок. 5000 г. до н. э.

Рис. 7-90

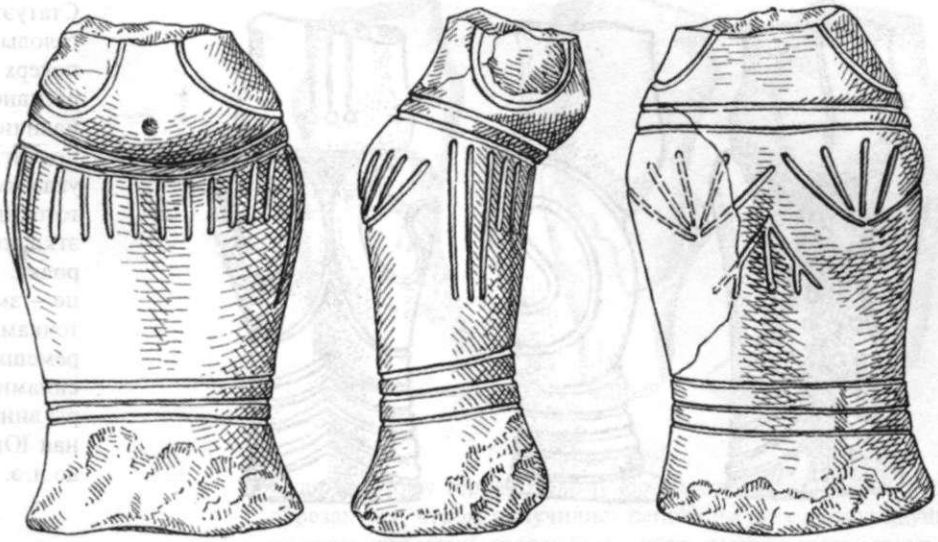


Рис. 7-90
Фрагмент статуэтки культуры винча в узкой юбке по щиколотку, чем-то стянутой на бедрах и ниже колен (скорей всего, кожаными ремешками), и в спускающемся с набедренного пояса переднике из бахромы. Винча. Ок. 4500 г. до н. э.

Рис. 7-91

Рис. 7-92

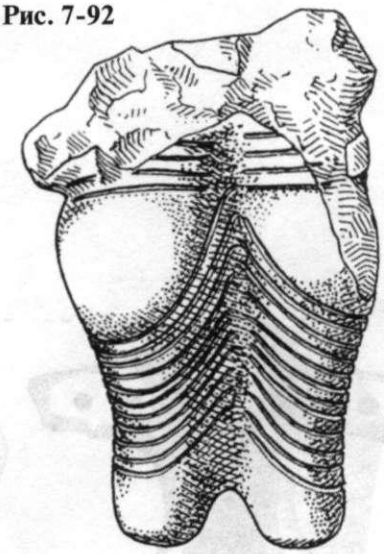


Рис. 7-92
У этой статуэтки культуры винча юбка плотно обернута вокруг пышных бедер, затем сзади оттянута вверх и закреплена на набедренном поясе. Центральная Югославия. Ок. 5000—4500 гг. до н. э.

Рис. 7-93

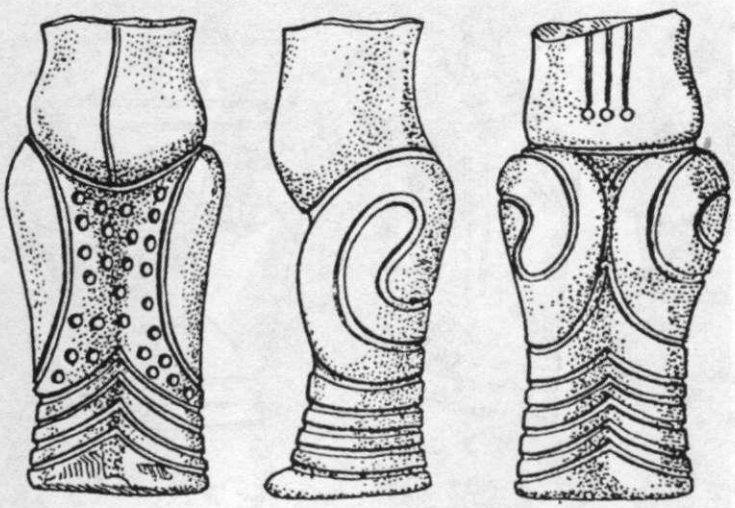


Рис. 7-93

Статуэтка культуры винча без рук и головы; на ней длинная узкая юбка, поверх которой надето еще одно декоративное одеяние или «передник». На наличие спереди кожаного ремешка, подтягивающего юбку и передник, указывают пунктирные знаки. Кроме того, шевроны в нижней части статуэтки говорят о том, что это – драпировка. По бокам и на каждой ягодице – змеиные спирали. Три линии с точками на спине могут представлять ремешки с привязанными к ним бусинами. Классический период культуры винча, Белетинци, Обреж, Северная Югославия. Ок. XLVIII–XLV вв. до н. э.

Рис. 7-94

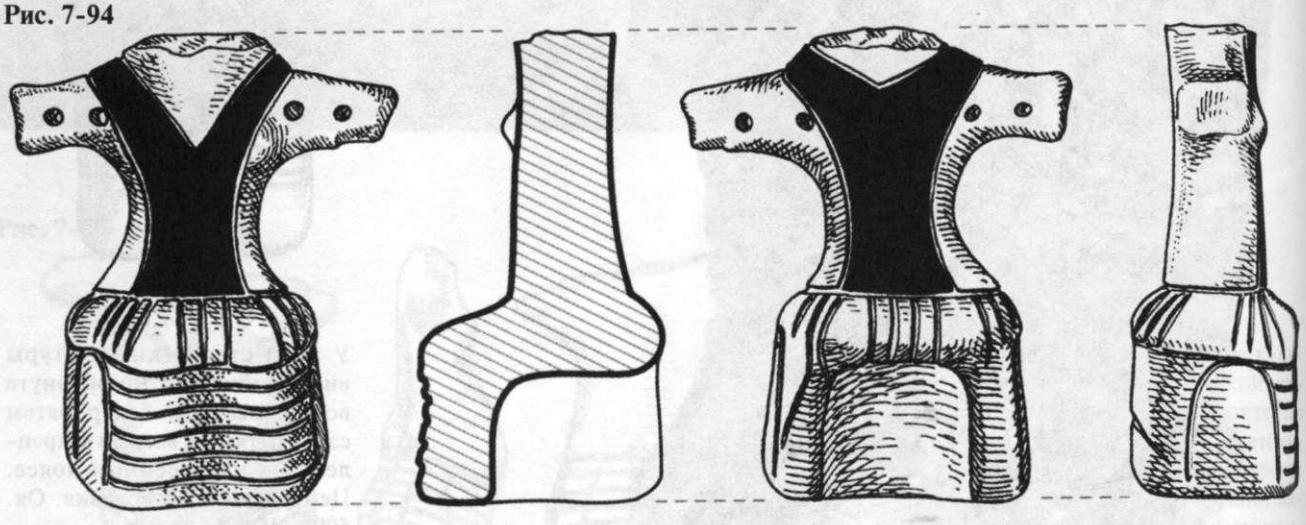


Рис. 7-94

Восседающая на троне статуэтка культуры винча: ее торс спереди и сзади закрывают V-образные панели. На каждой руке по два отверстия, через которые, вероятно, продевали какой-то декоративный материал. С набедренного пояса спускается тесьма, а горизонтальные линии указывают на наличие ритуального «передника». Баница, Белград. Начало V тыс. до н. э.

Рис. 7-95

Рис. 7-95

Судя по многочисленным статуэткам, сохранившимся полностью или частями, древние европейцы носили обувь, похожую на мокасины. Скорей всего, ее делали из кожи и закрепляли ремешками, или же скрепляли так, чтобы могла пройти нога, а затем завязывали на щиколотке. Данный образец с отверстиями для шнуровки найден в поселении кукутенской A-B культуры. Ок. 4000 г. до н. э.; размер ок. 3 на 9 см.

Рис. 7-96

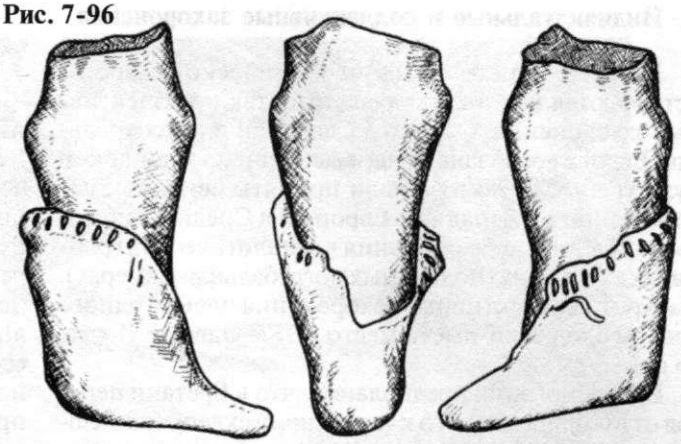


Рис. 7-96

Судя по этому терракотовому фрагменту ноги, материал был обрезан так, чтобы получились сапоги по щиколотку; идущие по краю отверстия, скорей всего, указывают на способ шнуровки. Позднекукутенская культура, Гелайешти. 3900–3700 гг. до н. э.

Рис. 7-97

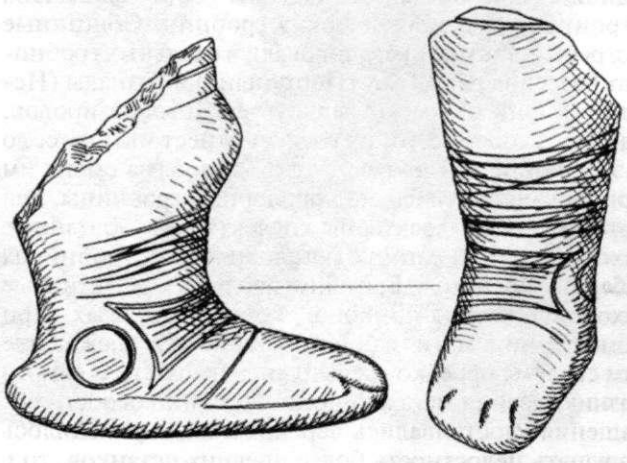


Рис. 7-97

На этом фрагменте ноги можно видеть кожаный сапог с подбитой подошвой и с расписным или выложенным бусинами узором. Культура караново-гумельница, Видра, Бухарест. 4700–4500 гг. до н. э.

Индивидуальные и коллективные захоронения

На всем пространстве неолитической Европы встречаются как индивидуальные, так и коллективные захоронения. Однако в Северной и в Центральной Европе возобладали первые. В днепро-донецкой культуре V тыс. до н.э. были приняты семейные захоронения, а в Западной Европе и в Средиземноморье – общинные захоронения в мегалитических гробницах и гипогеях (подземных погребальных камерах). На Крите коллективные захоронения членов одного рода продолжали иметь место в III – начале II тыс. до н.э.

Есть основания предполагать, что в Бретани переход от индивидуального к «семейному склепу» произошел ок. 5000 г. до н.э., поскольку в здешних позднемезолитических могилах – выложенных камнем ямах – есть ингумации обоих типов. Подобное сочетание найдено в двух могильниках на двух крохотных островках Тевьек и Оэдик в заливе Морбиан[33]. Последний имеет радиоуглеродную датировку 4625 ± 350 г. до н.э. В 10 могилах Тевьека насчитывалось 23 захоронения, причем в некоторых из них лежало до 6 скелетов. На Оэдике в 9 могилах были похоронены останки 14 человек обоего пола и всех возрастов. Могилы покрывали каменной плитой, на которой разводили огонь и оставляли ритуальные приношения в виде оленьих и кабаньих челюстей; затем над ней возводили каменную насыпь. Некоторые могилы закрывали кучами крупных маральих рогов. Большие коллективные захоронения использовались по несколько раз, поэтому уже помещенные туда останки неоднократно сдвигали, чтобы расчистить место для новых. В IV тыс. до н.э. практика совместного захоронения останков членов одной семьи или одной общины была подхвачена строителями мегалитических гробниц. Общинные погребения также превалировали в скальных гробницах бассейна реки Тежу (Португалия) и Гранады (Испания). Они не имеют радиоуглеродных датировок, однако, скорее всего, их следует отнести к V тыс. до н.э.; в конце V – начале IV тыс. до н.э. на смену им пришли мегалитические коридорные гробницы, для которых также характерны коллективные поэтапные захоронения. В ранних мегалитических гробницах Иберии, Франции и Британии найдены коллективные захоронения покойников в скорченных позах. При помещении в могилу новых останков уже лежавшие там скелеты нередко рассыпались на части. С самого возникновения мегалитических гробниц особого обращения удостаивались черепа. Когда приходилось нарушать целостность более древних останков, то с черепами обходились почтительно, нередко складывая их штабелями вдоль стен гробницы.

Погребение в два этапа: экскарнация и перезахоронение

На протяжении многих веков как в Европе, так и в Анатолии превалировало погребение в два этапа. Это означает, что разрозненные кости, в первую очередь – черепа, собирали и перезахоранивали после того, как они, в результате разложения или каким-либо другим путем, были избавлены от плоти. Распад плоти – переходный этап между жизнью и смертью, однако это не конец цикла; истинным символом смерти были голые кости. Перед тем, как вновь присоединиться к сообществу предков, мертвое тело должно было полностью освободиться от плоти путем экскарнации (как правило, его выставляли на поживу хищным птицам) или кремации. Очищенные кости помещали в могилу того рода, к которому принадлежал покойник.

В эпоху раннего неолита (VIII – середина VI тыс. до н.э.) на Ближнем Востоке и в Европе не выявлено особых мест для погребения за пределами жилья. Младенцев, детей и женщин хоронили под полом дома, однако в целом виде археологи находят только скелеты новорожденных, которых зарывали в позе эмбриона. Черепа, как правило, погребали отдельно, а у расчлененных костяков часто недостает тех или иных частей. Мужские захоронения просто отсутствуют[34]: по всей видимости, их тела отдавали грифам, а кости затем хоронили где-то за пределами поселения. Подобного рода могилы с расчлененными скелетами обнаружены в Греции[35]. Кроме того, под полом жилищ и в свайных ямах находят бычьи и оленьи рога, собачьи черепа и каменные топоры. Хотя после 5500 г. до н.э. в Юго-Восточной Европе и на Дунае стали появляться специальные погребальные участки, судя по всему, практика вторичного захоронения какое-то время еще продолжала существовать: на это указывает довольно частое отсутствие у скелетов голов, рук или ног. В ряде случаев черепа захоранивали отдельно, в особо отведенной части могильника, окружив их черепами и челюстями оленей, коз, свиней и волов (подобная практика, к примеру, была характерна для культуры хаманджия).

Убедительное и зримое свидетельство существования экскарнации можно видеть на стенах храмов Чатал-Хююка, где Богиня представлена в облике грифа, спускающегося на обезглавленное тело (см. рис. 7-26). Судя по этой фреске, череп, считавшийся важнейшей частью тела, отделяли от туловища еще до экскарнации. В храмах Чатал-Хююка черепа складывали под букраниями, которые символически ассоциировались с маткой. В докерамическом Иерихоне (долина реки Иордан) эпохи неолита под полом жилищ были найдены черепа, у которых лицевая

Рис. 7-98

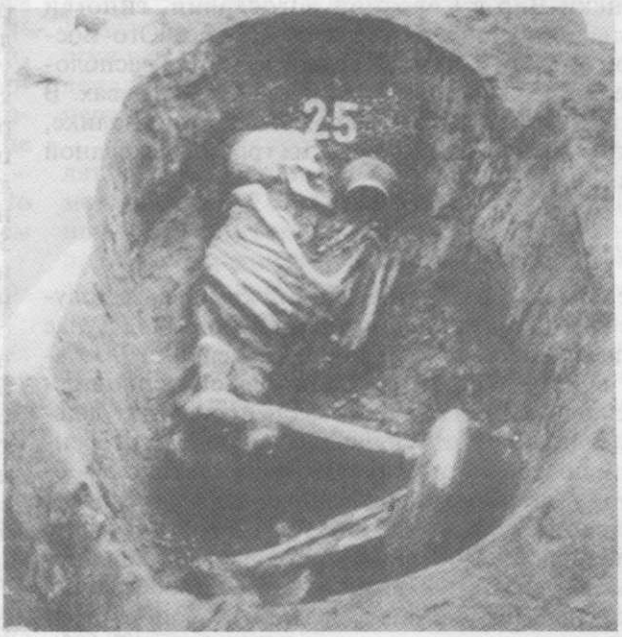


Рис. 7-98
Гробницы яйцевидной формы из некрополя культуры линейно-ленточной керамики в Нитре, Словакия. Ок. 5000 г. до н. э.

часть воссоздана из гипса, а вместо глаз вставлены раковины[36]. В Северной Европе покрытые слоем синей глины черепа были обнаружены в могильнике Звейниекс (Латвия) VI–V тыс. до н.э.; в их глазные впадины были вставлены янтарные кругляки[37].

Рис. 7-99

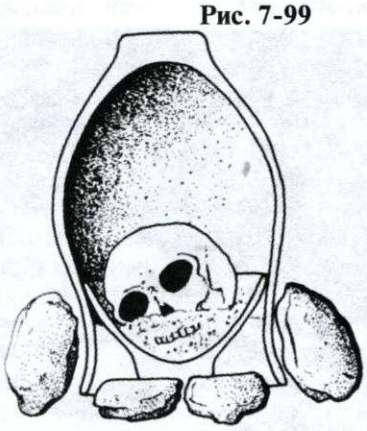


Рис. 7-99
Череп в сосуде яйцевидной формы, который подпирают камни. Культура воронковидных кубков, Метцендорф, район Харбурга, Нидерзаксен. IV тыс. до н.э.; высота 42,5 см.

О широте распространения вторичных захоронений свидетельствуют и коллективные погребения западноевропейских мегалитических гробниц, в которых обычно сложены расчлененные кости. За очень редким исключением, в них не бывает целых скелетов. В тех местах, где, как в Нью-Грейндже, обычай требовал кремации, археологи заметили, что не сгоревшие кости расколоты на мелкие части и рассыпаны по коридору, по камере и в нишах. Это, возможно, указывает на желание содействовать их быстрейшей дезинтеграции в царство предков*.

Теперь чуть более подробно остановимся на нескольких интересных захоронениях и гробницах Европы, для которых, с одной стороны, характерны экскарнация и вторичное захоронение, а с другой – богатство символического языка: это поселение Лепенски-Вир в Северной Югославии, гипогеи Мальты и Сардинии, пещера Скалория в Юго-Восточной Италии, а также курган Айсбистер, расположенный в Шотландии на Оркнейских островах. В заключение мы скажем несколько слов о символике, характерной для мегалитических гробниц Западной Европы.

Лепенски-Вир

Лепенски-Вир – погребальный комплекс с полуподземными святилищами: он расположен на Дунае неподалеку от Железных Ворот (Северная Югославия); в 1965–1968 гг. раскопки здесь проводили Д.Срейович и З.Летица[38]. Это место производит сильное впечатление уже в силу своих природных особенностей, поскольку стоящие на берегу святилища обращены к гигантскому водовороту («вир» на сербскохорватском означает «водоворот») и голым скалам противоположного берега. Треугольные/трапециевидные постройки небольшого размера (собственно, треугольные, но с одной квадратной стороной) стоят полукругом, их входы смотрят на Дунай (рис. 7-100). Эти святилища были построены в период с 6500 по 5500 г. до н.э. (Табл. 2); не исключено, что здесь же мертвые тела выставляли птицам для ритуальной экскарнации. Кости затем собирали и хоронили под храмовыми алтарями, сопровождая эту процедуру регенерационными обрядами.

Лепенски-Вир нельзя считать обычным поселением, которое существовало с такого-то по такое-то время. Его священные постройки возводились постепенно на протяжении почти тысячи лет.

Были проведены раскопки более 50 святилищ, отличающихся большим сходством форм и структуры. Пол в них сделан из смеси красного известняка и глины, – смеси такой прочности, что ее не смогли разрушить тысячелетия дунайских разливов. В середине каждого святилища сохранились остатки прямоугольного каменного алтаря, окруженного плоскими камнями в форме «V», которые образовывали непрерывный ряд треугольников, стоявших острым концом вниз (рис. 7-101). У алтарного изголовья – однадве статуи из красного известняка, валуны яйцевидной формы или коробы для приношений высотой в 50–60 см. Одним из них служила окрашенная красной охрой яйцевидная скульптура из песчаника в виде набухшей вульвы (цветная вклейка 24). В общей сложности было обнаружено 54 круглых, овальных или эллиптических скульптуры, причем у 15 из них были либо антропоморфные лицо и грудь, либо рыбьи глаза и рты. Кроме того, найдены изображения трехпалых рук, которые принято считать птичьими лапками. У ряда скульптур можно видеть признаки всех трех ипостасей Богини смерти и возрождения – женщины, рыбы и хищной птицы (рис. 7-102; цветная вклейка 23). Многие украшены резным орнаментом в виде лабиринта и полностью или частично окрашены красной охрой. Таким образом, здесь преобладает символика регенерации с характерными для нее образами яйца, рыбы, лабиринта, и везде присутствует красный цвет. Очертания фундаментов этих святилищ напоминают женский лобковый треугольник. В центре установлен алтарь, к которому

* В более поздние эпохи, когда кости стали ассоциироваться с возможностью реинкарнации, истребление и размалывание костей означало невозможность возрождения. Так поступали с врагами и преступниками. – *Прим. ред.*

вели два ряда камней, как бы указывая путь в утробу Богини. В изголовье алтаря стояла скульптура, представлявшая либо саму Богиню, либо ее регенерирующее лоно: в символическом смысле они были вполне взаимозаменяемыми. Почти все обнаруженные здесь предметы были украшены регенерационными символами – лабиринтами, спиралями, сетями и рыбами.

Внутри прямоугольных алтарей были найдены кости рыб, маралов, собак и дикого кабана[39]. Изучение символики доисторической и исторической эпохи показывает, что собаки и кабаны были свитой и ипостасью Богини смерти, тогда как маралы и рыбы символизировали другую ее часть – ту, что относится к рождению и регенерации. Выбор для жертвоприношений именно этих животных говорит о том, что Лепенски-Вир – не обычное поселение, чье население жило охотой, но место, требовавшее отбора лишь подобающих Богине животных. В нескольких алтарях были обнаружены целые скелеты собак: значит, их не съели, а принесли в жертву. Что касается рыбьих костей, то они в основном принадлежат крупным видам – осетру, щуке, карпу и полосатой зубатке. От маралов остались черепа и лопатки*, которые, по-видимому, считались наделенными особой силой.

Похожие на Лепенски-Вир сакральные сооружения были найдены еще в 14 местах по обоим берегам Дуная; они менее богаты археологическими материалами и считаются ответвлениями культуры лепенски-вир. Некоторые из них хронологически предшествовали титульному поселению. К примеру, в 3 км к юго-востоку от Лепенски-Вира расположено поселение Власац IX тыс. до н.э., а на румынской стороне – Куина-Туркулуй XII–XI тыс. до н.э. Считается, что культура лепенски-вир была прямым продолжением палеолитической культуры граветт[40].

Аналогичные погребальные практики и жертвоприношения продолжали существовать на протяжении тысячелетий. Лежащие в этих местах человеческие останки в основном имеют произвольную, а не анатомическую последовательность. Особо тщательного захоронения удостаивались черепа, которые – как по отдельности, так и сразу по несколько штук, – окружали или покрывали камнями. Младенцев 5–6 дней от роду хоронили под полом святилищ. Кости обсыпали охрой, иногда обкладывали зубами крупных пород рыб, которые соседствовали с челюстями собак и диких кабанов, а также с рогами, черепами и лопатками маралов. Во Власаце были кроме того обнаружены кремированные кости. О том, что здесь практиковалась экскарнация, говорят найденные перед святилищами останки хищных птиц – орлов, сов, пеликанов, воронов и сорок. Части скелетов, с которыми не могли справиться птицы, собирали и захоранивали рядом со святилищем или под ним.

Гипогеи Мальты и Сардинии

Гипогей Халь-Сафлиени (Восточная Мальта) – одно из самых примечательных святилищ Древней Европы[41]. Его центральный зал и 33 камеры, равно как и великолепный фасад с тремя проемами и ступенчатый свод, высечены из известняка (рис. 7-103). Эта работа длилась много веков: первые слои восходят где-то к 3600 г. до н.э. (период мгарр), а завершающие датируются приблизительно 2500 г. до н.э. (период тарксиенны). Комплекс высечен внутри холма и покрывает площадь в 480 кв. м, если учитывать те три уровня, что были раскопаны: внизу остается гораздо больше, но до них раскопки пока не дошли. Восемь помещений первого уровня отличаются более или менее яйцевидными очертаниями, неправильной формой и грубой отделкой, что делает их похожими на подземные гробницы Ксемксийи (Северо-Западная Мальта). На среднем уровне 19 комнат и примерно 14 небольших ниш; проходы более широкие, их украшают как высеченная из известняка храмовая архитектура, так и напоминающие древо жизни красные спирали и диски, которыми расписаны стены и потолок (рис. 7-104). На нижнем уровне – 6 комнат и столько же высоких и узких ниш. В нескольких могилах обнаружены керамика, статуэтки и съестные приношения, и почти во всех кости лежали в полном беспорядке – не исключено, что их перенесли в мавзолей после экскарнации.

В некоторых гробницах были найдены кости телят, козлят, ягнят и кроликов, а также, по всей видимости, останки ежей, лягушек и свиней – священных животных Богини возрождения. Наличие черепов косуль с рогами указывает на то, что ритуалы здесь проводились весной, поскольку косули сбрасывают рога в октябре, а новые у них вырастают к марту. Кроме того, среди находок есть схематичная статуэтка из кости столбообразного типа – изображение Белой Богини смерти, а также подвески в виде пары ягодиц и статуэтки из алебастра и известняка с яйцеобразными ягодицами.

Два нижних уровня обильно украшены красной охрой, символически связанной с кровью, жизненной влагой. А такие символы циклического обновления жизни, как деревья, лозы, змеи и спирали, лучше всего видны в так называемой «комнате оракула» и в центральном зале.

Весь гипогей с его окрашенными красной охрой покоями является воплощением регенерирующей утробы Богини. Это сочетание образов могилы и лона, в придачу к прочим регенерационным символам, – еще одно свидетельство того, что гипогей и

* Использовались как гадательный инструмент. – *Прим. ред.*

Рис. 7-100

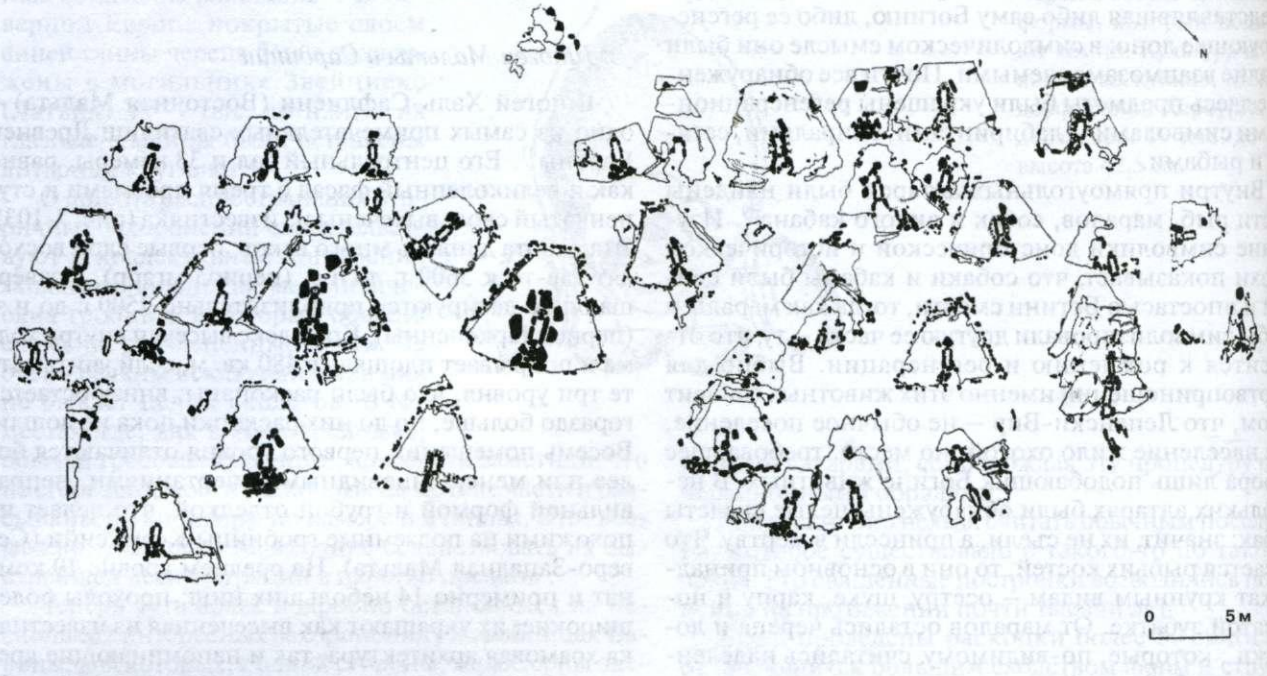


Рис. 7-100
Планы треугольно-трапециевидных полуподземных святилищ Лепенски-Вира с оштукатуренными полами и прямоугольными алтарями. Район Железных Ворот, Северная Югославия. Ок. 6500–5500 гг. до н.э.

Рис. 7-101

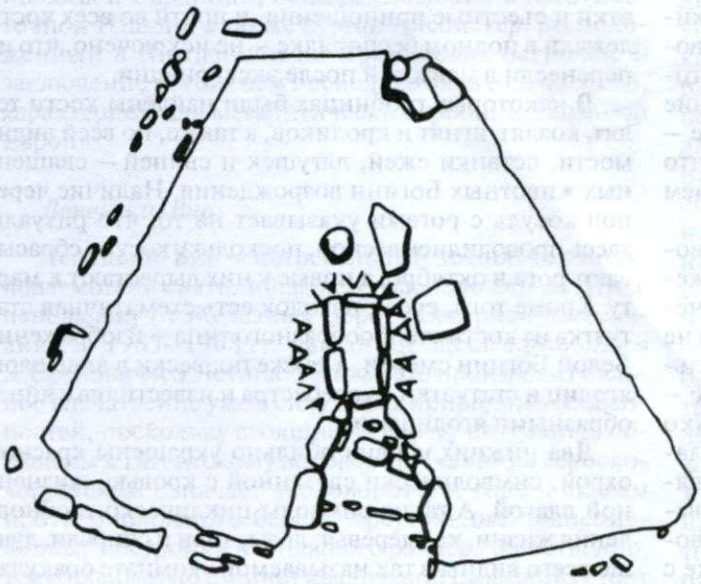
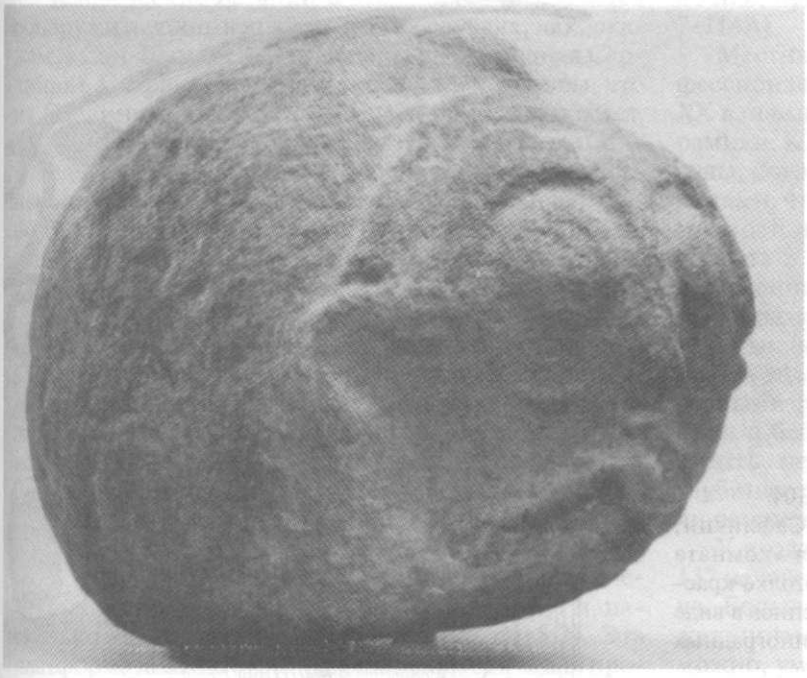


Рис. 7-101
Детали внутреннего устройства святилищ Лепенски-Вира. Пол покрыт слоем красноватой извести, в центре – прямоугольный обложенный камнями алтарь, окруженный тонкими вертикальными каменными плитами треугольной формы. За алтарем установлена скульптура. Лепенски-Вир Id, святилище № 19. Ок. 6000 г. до н. э.; диаметр широкого конца ок. 7 м.

Рис. 7-102
Яйцевидные скульптуры Богини-рыбы, найденные у изголовья алтарей в Лепенски-Вире; песчаник; Лепенски-Вир II. Ок. 6000 г. до н.э.; высота (1) 38 см, (2) 51 см.

Рис. 7-102.1

Рис. 7-102.2



гробницы Мальты были сакральными местами, где проходили ритуальные церемонии, участники которых приобщались к великому круговороту смерти и возрождения. Тем же, кто скептически относится к этой древней «символике чрева», стоит напомнить, что самый знаменитый греческий оракул располагался в Дельфах, а слово «delphys» означает «лоно».

Еще один знак культового использования этих утробообразных помещений – скульптуры Спящих дам, которые покоятся на низком ложе: они связаны с двумя кубическими комнатами, выходящими в центральный зал (рис. 7-105, 7-106). Ту из них, что имеет наиболее отчетливые черты, можно считать истинным шедевром. Она известна под именем «Спящей госпожи Гипогея»: это дама весьма округлых форм, с яйцеобразными ягодицами, которая дремлет, лежа на боку, и, можно поклясться, видит сны. Но почему она спит в могиле? Одно из возможных объяснений состоит в том, что это – воспроизведение инициационного или инкубационного ритуала. Спать в утробе Богини значит умереть и снова возродиться к жизни. Помимо прочего, эта Спящая госпожа могла иметь вотивный характер и быть даром человека, успешно прошедшего здесь через инкубационный ритуал. Не исключено, что она также связана с лечебной практикой. В классический период инкубация ассоциировалась с целительными ритуалами, из которых лучше всего известны те, что проходили в храме Асклепия в Эпидавре. Суть процедуры состояла в том, что пациент сперва подвергался первичному очищению, совершая омовения и постясь, а затем проводил ночь в храме. Еще одна скульптура представляет рыбу, также возлежащую на ложе (рис. 7-107). Поскольку в древнеевропейской символической системе рыба – одна из ипостасей либо самой Богини, либо ее матки, то можно сделать вывод, что перед нами – изображение Богини в ее регенерационном качестве. Возлежащая на ложе рыба или женщина могла символизировать инкубацию или регенерацию, или и то, и другое.

Другие регенерационные символы можно видеть на найденных в гипогее

Рис. 7-103

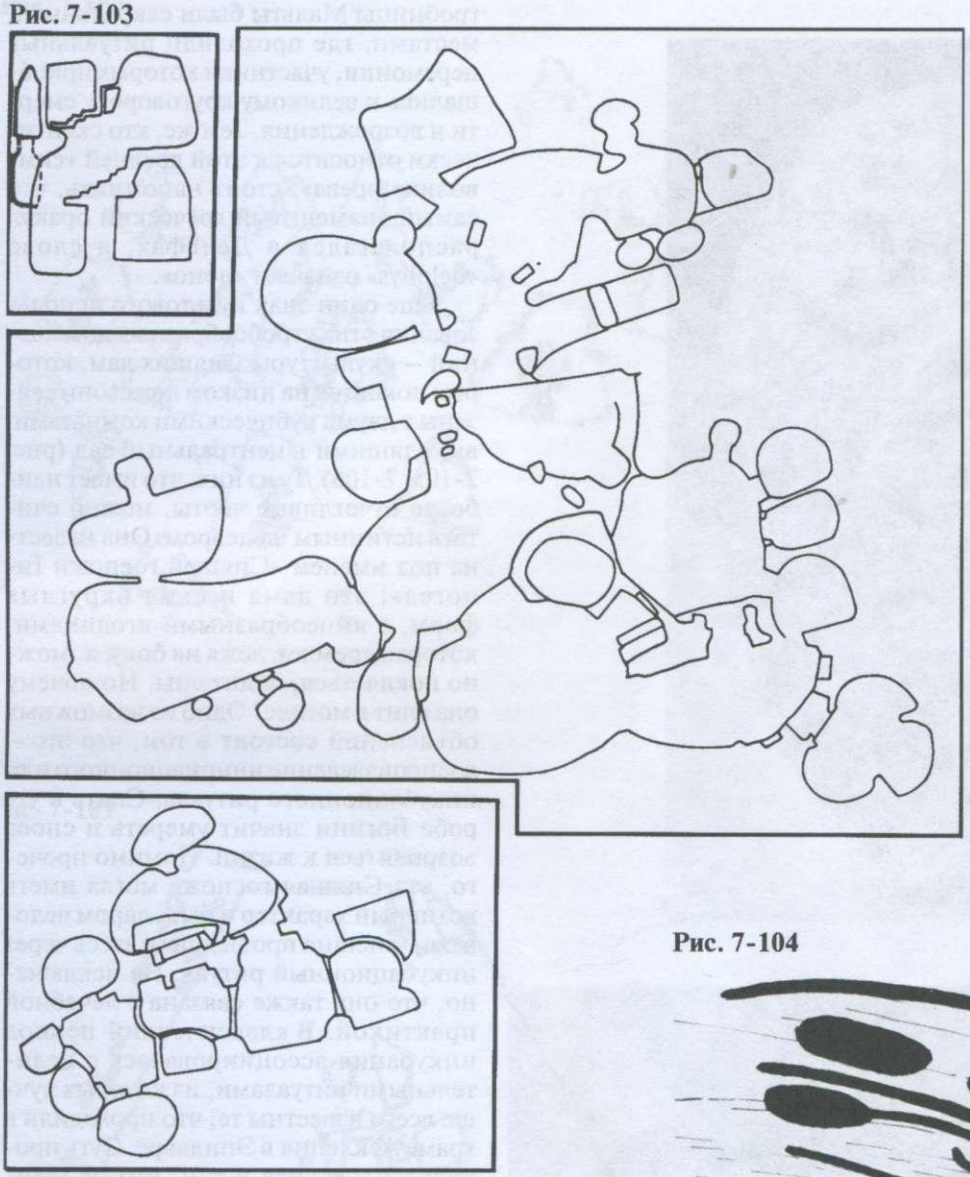


Рис. 7-103
Планы трех подземных этажей сообщающихся гробниц Халь-Сафлиени, Мальта. Просторные залы и боковые ниши имеют яйцевидную форму. Этот гипогей использовался в IV – начале III тыс. до н. э.

Рис. 7-104

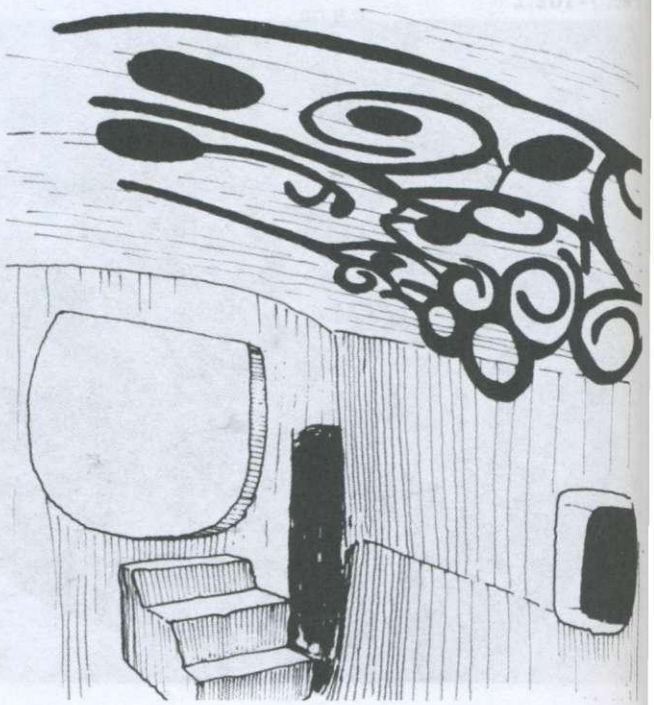


Рис. 7-104
Гипогей Халь-Сафлиени, так называемая «комната оракула»: на потолке красная охряная роспись в виде спиралей или виноградных лоз и дисков.

сосудах: это в первую очередь быки, букрании и яйца. На внутренней стороне одного блюда имеется резное и инкрустированное белым цветом изображение девяти быков с огромными рогами, а на его внешней стороне – изображения яиц, соединенных между собой пучками параллельных линий (рис. 7-108). Это сочетание изображений быка или его рогов с изображением яиц – типичная для Древней Европы символическая передача идеи регенерации, повторявшаяся на протяжении тысячелетий. Лучше всего она прослеживается в кукутенской и минойской культурах. Символика мальтийских монументов в целом соответствует той, что характерна для прочих частей Древней Европы.

На Сардинии насчитывается несколько сотен весьма интересных подземных гробниц; большая их часть восходит к периоду оциери и датируется концом V – началом IV тыс. до н.э. (рис. 7-109). Можно предположить, что они появились в результате эволюции предшествовавших им скальных гробниц с яйцевидными ячейками.

Гипогеи Оциери свидетельствуют о настоящем взрыве в строительстве гробниц. Некоторые из них невелики по размеру и состоят из одной, двух или трех яйцевидных ячеек; другие, напротив, отличаются размахом и большим количеством ячеек, а кроме того, имеют зал с колоннами посередине. К числу последних относится гипогей Сан-Андреа-Приу в Бонорве, в северной части Сардинии (см. рис. 5-19). Это большие и легко доступные гробницы, которые были разграблены еще в древности: в них остались лишь украшавшие стены росписи, резьба и барельефы.

Человеческие останки в этих гробницах удается обнаружить лишь в крайне редких случаях, как, скажем, в Сан-Бенедетто, Иглесиас (Юго-Западная Сардиния). Сохранившиеся там кости говорят о том, что на Сардинии, как на Мальте и в ряде других мест, практиковалось захоронение в два этапа. Всего в Сан-Бенедетто было найдено 35 черепов и много разрозненных костей, которые находились как в центральном зале, так и в боковых ячейках (рис. 7-110; маленькие кружки внутри плана гробницы обозначают расположение черепов и костей).

Мы практически ничего не знаем о том, каким образом осуществлялась здесь экскарнация, однако в Северной Сардинии есть один в высшей степени загадочный монумент, который, возможно, имел отношение к погребальным церемониям. Это Монте-д'Аккодди неподалеку от Альгеро – огромная прямоугольная платформа, высоко поднятая на каменном фундаменте, к которой ведет покатая насыпь (рис. 7-111). Здесь было обнаружено блюдо с изображением пляски: девушки, чьи силуэты имеют очертания «песочных часов», держась за руки, образуют круг и, насколько можно судить, танцуют (рис. 5-15.2). Эта платформа должна была идеально подходить для проведения ритуальных церемоний. Но выставляли здесь умерших птицам или нет – мы не знаем.

Над входами в гипогеи располагались огромные рога или рельефы бычьих голов: иначе говоря, для того, чтобы попасть во внутренние покои, следовало пройти через букранию, символически уподобленную утробе (рис. 7-112). Окрашенные в красный цвет изображения или рельефы больших бычьих голов или рогов также украшали стены внутренних покоев (рис. 7-113). Помимо этого, орнаментальные мотивы включали в себя изображения треугольников-вульв (единичные, тройные или многофигурные), бараньих рогов или свернувшихся змей, а также концентрических кругов. Наиболее богато декорированная сардинская керамика и знаменитые алебастровые, мраморные и костяные статуэтки нагой Белой Богини смерти, как правило, обнаруживаются в тех местах, которые местное население именует «ведьмовскими домами» («domus de Janas»).

Пещера Скалория в Юго-Восточной Италии

Расположенная неподалеку от города Манфредония (Юго-Восточная Италия), пещера Скалория состоит из двух частей: верхняя пещера представляет собой просторное помещение, вполне пригодное для обитания; здесь были обнаружены керамика и каменные орудия конца VII – конца VI тыс. до н.э. Нижняя пещера – длинная и узкая, как рукав, со сталагмитами и бьющим на дне ключом. Возле ключа было найдено большое количество раскрашенных керамических предметов; по данным радиоуглеродного анализа, церемонии здесь проходили в середине VI тыс. до н.э., приблизительно в 5600–5300 гг. до н.э. (рис. 7-114A).

Местные археологи, среди которых были и непрофессионалы, обнаружили эту пещеру еще в начале XX в. и вынесли из нее значительное количество керамики. К счастью, в ней прекрасно сохранились сосуды, которые так затвердели по соседству со сталагмитами, что изъять их оказалось невозможно. Во время моей экспедиции 1979 и 1980 гг. нам удалось собрать в верхней и нижней пещере осколки 1500 украшенных регенерационными символами сосудов с изображениями яиц, треугольников, змей, растительным и солярным узором, а также символическими знаками самой Богини регенерации – V-образными фигурами, треугольниками, песочными часами и бабочками (рис. 7-114B). Насколько можно судить, церемонии, проходившие в таинственных глубинах пещеры вблизи от «жизненной влаги», имели регенерационный характер.

У входа в узкую пещеру было похоронено более 137 человек, один над другим и безо всякого порядка. Большая часть скелетов принадлежит молодым женщинам в возрасте от 20 до 22 лет, которые, возможно, умерли при родах, а также младенцам. У не-

Рис. 7-105

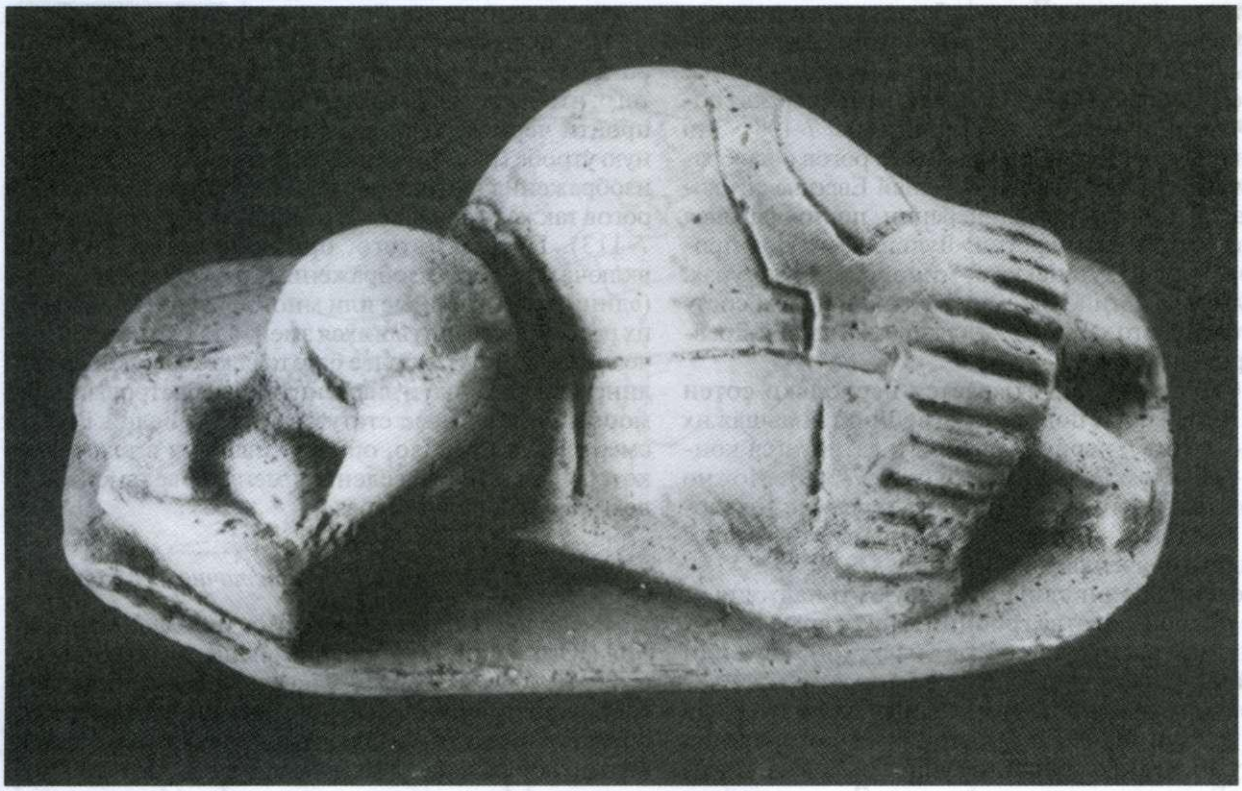


Рис. 7-105
Мальтийская «Спящая дама». Женщина (богиня или жрица) лежит на дисковидном ложе, под головой подушка. Ее ягодицы напоминают два яйца, что подразумевает регенерационную символику. Гипогей Халь-Сафлиени, Мальта, камера яйцевидной формы. Терракота с до сих пор заметными следами красной краски. Конец IV тыс. до н. э.; длина 12 см.

Рис. 7-106

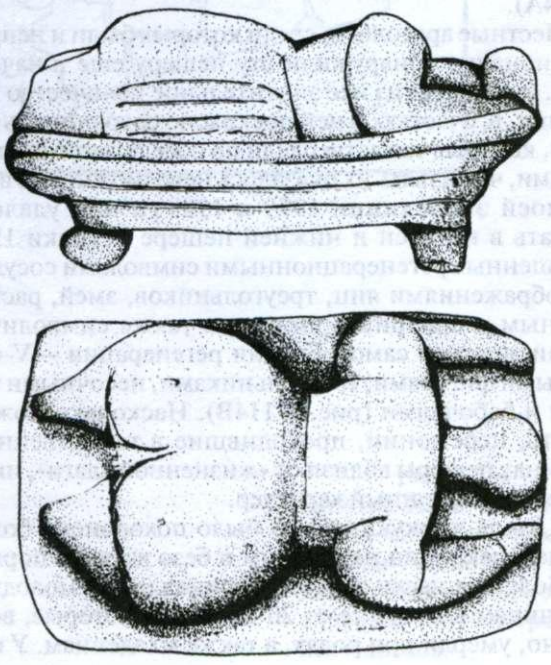


Рис. 7-106
Еще одна мальтийская «Спящая дама», лежащая на ложе лицом вниз: изображение подчеркивает символическую значимость яйцевидных ягодиц, являющихся символом регенерации. Гипогей Халь-Сафлиени, найдена в подземном помещении яйцевидной формы, расписанном красными змеевидными спиралями. Конец IV тыс. до н. э.; длина 6 см.

Рис. 7-108

Мальтийское блюдо, расписанное двумя основными регенерационными символами, яйцами и быками. Заштрихованные участки могут символизировать воду или лучи энергии. Халь-Сафлиени, Мальта. Конец IV тыс. до н. э., ок. 3000 г. до н. э.; диаметр 27 см.

Рис. 7-108

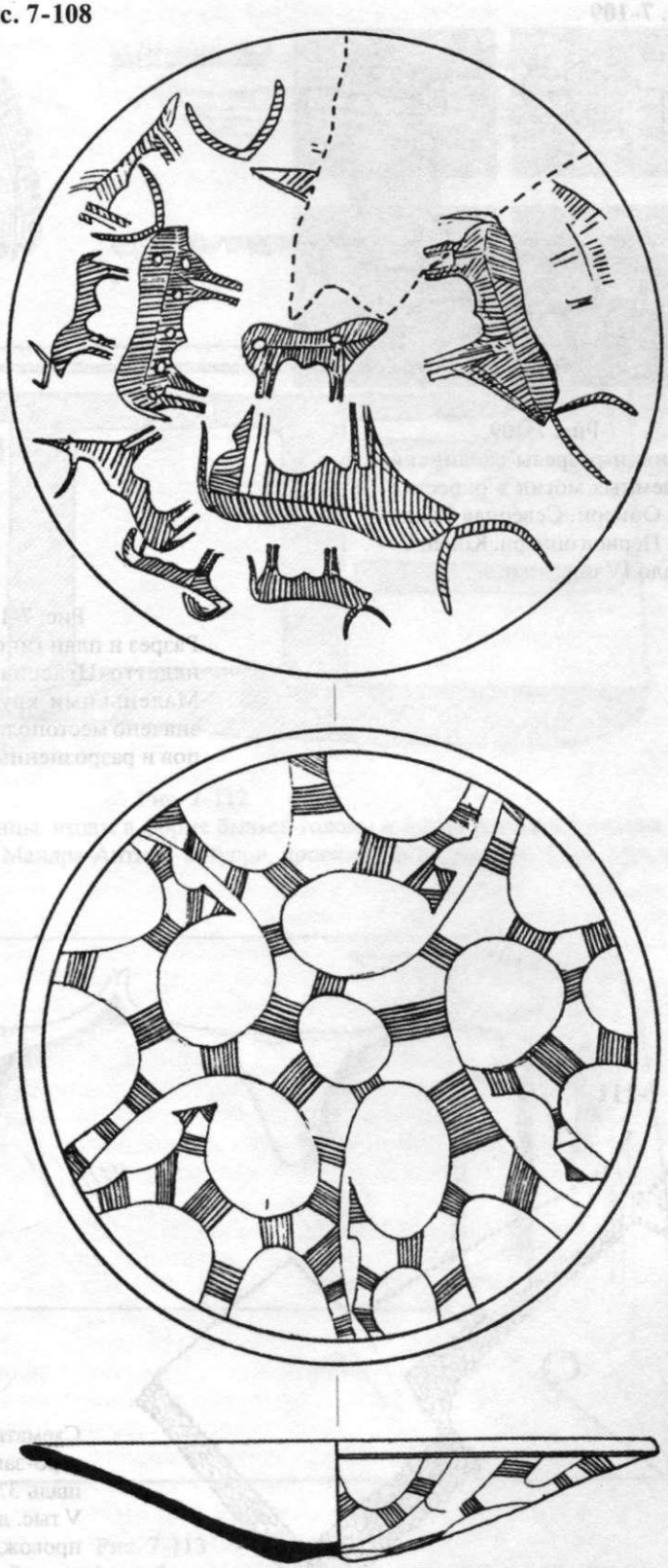


Рис. 7-107

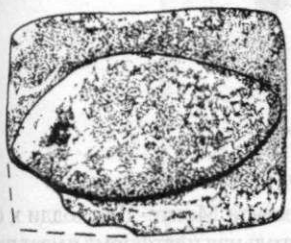


Рис. 7-107

Глиняная рыба на ложе, мальтийский гипогей; высота 5,5 см, длина 8 см.

Рис. 7-109

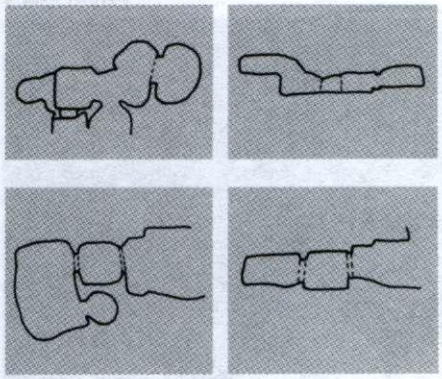


Рис. 7-109
Планы и разрезы сардинских подземных могил в окрестностях Оциери, Северная Сардиния. Период оциери. Конец V – начало IV тыс. до н. э.

Рис. 7-110

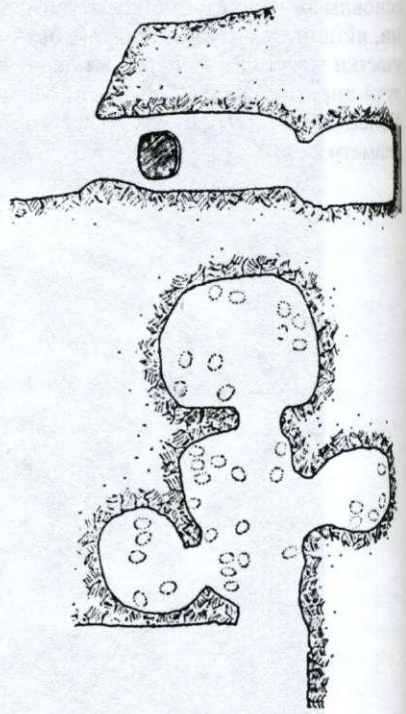


Рис. 7-110
Разрез и план гипогея Сан-Бенедетто-Иглесиас, Кальяри. Маленькими кружками обозначено местоположение черепов и разрозненных костей.

Рис. 7-111

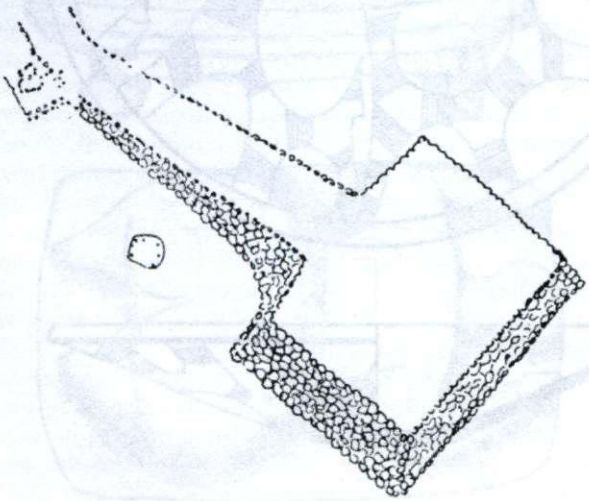


Рис. 7-111
Схематическая зарисовка монумента Монте-д'Аккодди к северо-западу от Сассари. Прямоугольная платформа имеет площадь 37,5 на 30,5 м. Возможно, что в период оциери (конец V тыс. до н.э.) здесь происходили погребальные ритуалы, сопровождавшиеся музыкой и плясками. Здесь же было обнаружено блюдо с изображением держащихся за руки танцующих девушек (см. рис. 5-15. 2).

Рис. 7-112

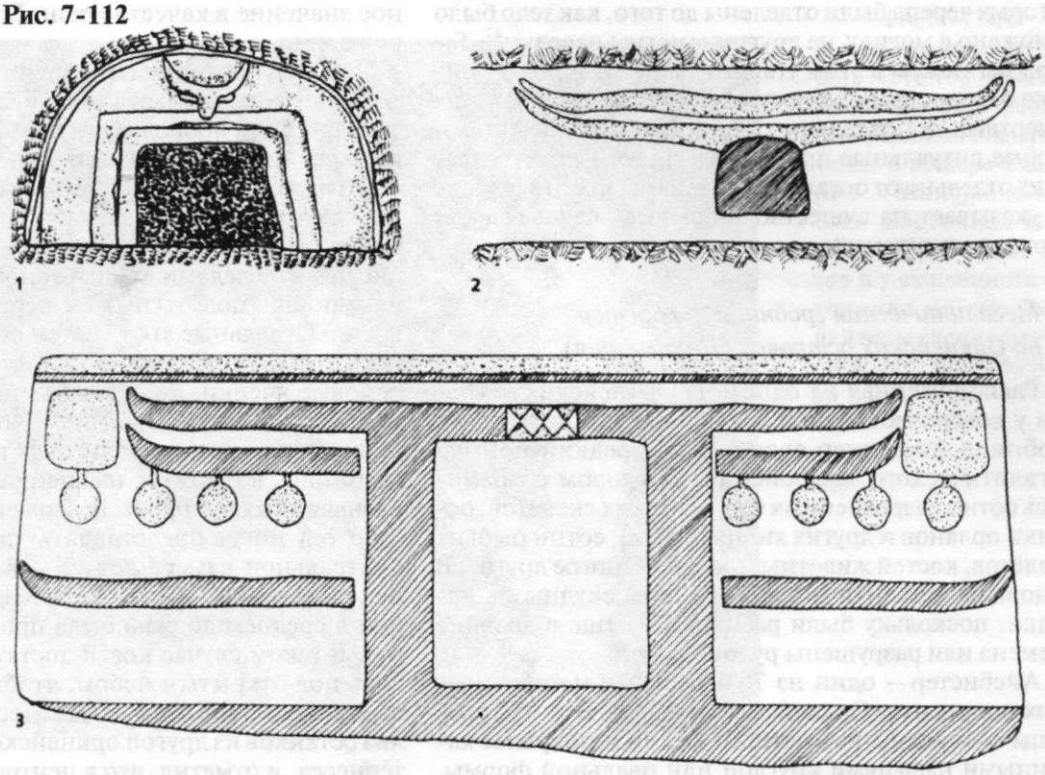


Рис. 7-112

Сардинские подземные гробницы: входы в форме бычьей головы и бычья голова над входом. (1, 2) Сос-Фурригезос, Анела; (3) Мандра-Антине-о-Турри, провинция Сассари. Ок. V тыс. до н. э.

Рис. 7-113

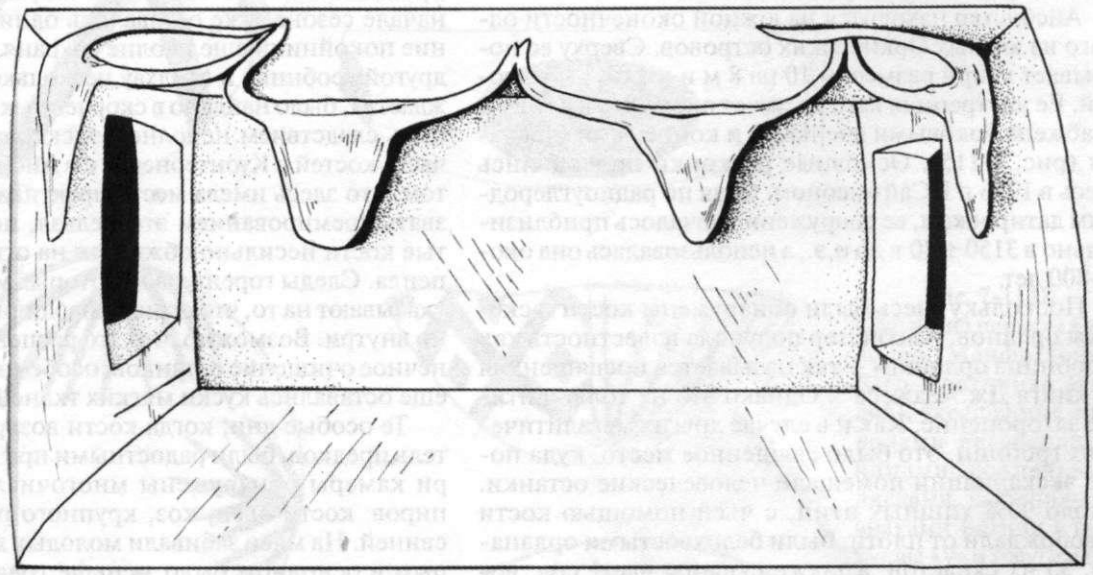


Рис. 7-113

Подземная гробница с настенными рельефами бычьих голов, которые своей формой напоминают матку. Южное Лезеи, Боннанаро, Сардиния. Ок. 4000 г. до н. э.

которых черепа были отделены до того, как тело было положено в могилу, на других заметны насечки[42]. Теперь мы можем в этом угадать очень древнюю и широко распространенную практику погребения, когда у мертвых тел отделяли головы, проводили с ними особые ритуальные процедуры, а затем захоранивали их отдельно от остальных останков. Все это отнюдь не указывает на существование здесь человеческих жертвоприношений.

Мегалитическая гробница Айсбистер на Оркнейских островах (Шотландия)

Расположенная на одном из Оркнейских островов у северо-восточной оконечности Шотландии, гробница Айсбистер являет собой редкий пример мегалитического захоронения, в котором сохранились сотни разрозненных человеческих скелетов, останки орланов и других хищных птиц, сотни рыбьих скелетов, костей животных, зерен и многое другое. В основном мегалитические гробницы скудны на находки, поскольку были разграблены еще в древние времена или разрушены рудокопами.

Айсбистер – один из 76 известных мегалитических монументов Оркнейских островов. Все эти гробницы выстроены из местного камня и покрыты каменными насыпями круглой или овальной формы. Внутрь гробницы ведет коридор, упирающийся в центральную камеру, которая либо разбита на множество ячеек, либо на три или на большее количество отсеков. Снаружи гробницы были снабжены двориками и окружены каменными платформами, а некоторые – земляными насыпями.

Айсбистер находится на южной оконечности одного из южных Оркнейских островов. Сверху ее покрывает каирн размером 10 на 8 м и в 3–3,5 м высотой. Ее внутренняя камера имеет около 8 м в длину и снабжена боковыми ячейками и концевыми отсеками (рис. 7-115). Основные раскопки проводились здесь в 1976 г. Р.Саймисоном. Судя по радиоуглеродным датировкам, ее сооружение началось приблизительно в 3150 ± 80 г. до н.э., а использовалась она около 800 лет.

Поскольку здесь были обнаружены кости и скелеты орланов, Айсбистер получила известность как «Гробница орланов» – так называется посвященная ей книга Дж.Хеджеса[43]. Однако это не только птичье захоронение. Как и в случае других мегалитических гробниц, это было священное место, куда после экскарнации помещали человеческие останки. Около 90% хищных птиц, с чьей помощью кости освобождали от плоти, были белохвостыми орланами. 35 их скелетов, а также скелеты чаек, сов, ворон, воронов и других птиц были найдены как внутри камеры, так и вокруг гробницы. Тот факт, что орланов то ли хоронили, то ли приносили в жертву в центральной части гробницы, указывает на их важное значение в качестве птиц Богини смерти и возрождения.

Раскопки Айсбистера явились наиболее убедительным доказательством существования практики экскарнации, поскольку все помещенные там останки были полностью разъяты. Очевидно, что мертвые тела сперва оставляли снаружи, чтобы они были очищены от плоти, а затем часть костей переносили в камеру. Судя по тому, что кости эти были побелевшими и со следами атмосферного воздействия, они находились под открытым небом довольно долгое время. Отдельные кости затем складывали штабелями вдоль стен основного покоя, черепа помещали в боковые ячейки, а костные остатки – под полками концевых отсеков и на них. Считается, что экскарнация происходила в непосредственной близости от гробницы, возможно, на специально для того предназначенных платформах. Подсчитав, какое количество тел могут представлять тысячи сложенных в центральной камере костей и каков был период ее использования, Хеджес сделал вывод, что экскарнация в среднем должна была проводиться два раза в год. В таком случае кости достаточно долго оставались под открытым небом, чтобы побелеть и испытать воздействие погоды. Дж.Честерман провел анализ останков из другой оркнейской гробницы, Куонтернесса, и отметил, что в центральной камере одни кости были в отличном состоянии, а другие – разбиты и обветрены до такой степени, что их почти невозможно было идентифицировать[44]. По-видимому, их переносили в гробницу не по окончании экскарнации, но во время каких-то особых ритуальных празднований[45]. Поэтому от тех, кто умер в самом начале сезона, уже оставались одни кости, а недавние покойники еще вполне сохраняли телесность. В другой гробнице в Мидхау несколько тел, как утверждается, было найдено в скорченных позах, что могло быть следствием неполной экскарнации[46]. Большая часть костей в Куонтернессе и в Айсбистере говорят о том, что здесь имела место практика сожжения. Назвать кремированием это нельзя, поскольку разбитые кости несильно обжигали на огне, не сжигая до пепла. Следы горения в некоторых местах гробницы указывают на то, что огонь разводили непосредственно внутри. Возможно, что это расценивалось как конечное очищение останков, особенно если на костях еще оставались куски мягких тканей.

Те особые дни, когда кости возвращались в обитель предков, были радостными праздниками. Внутри камеры обнаружены многочисленные остатки пиров: кости овец, коз, крупного рогатого скота и свиней. На мясо забивали молодых животных, которым в основном было меньше года, причем явное предпочтение отдавалось окорокам, в особенности ногам ягненка. Кроме того, было найдено больше трехсот зерен ячменя, а также кости марала, выдры и сотни, если не тысячи, рыбьих скелетов. Почему так

Рис. 7-114A

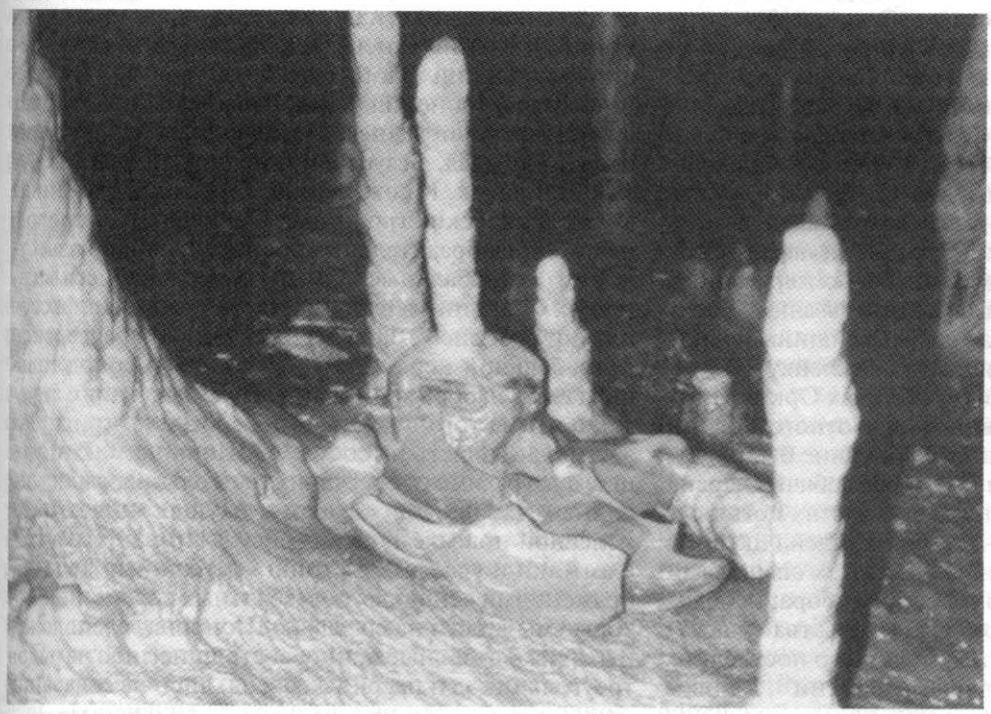


Рис. 7-114A
В пещерных святилищах «столбы жизни» представлены фаллосообразными сталагмитами. В пещере Скалория (Манфредония, Юго-Восточная Италия) вокруг сталагмитов и у священного источника на дне были найдены расписные сосуды. Ок. 5600–5300 гг. до н.э.

Рис. 7-114B

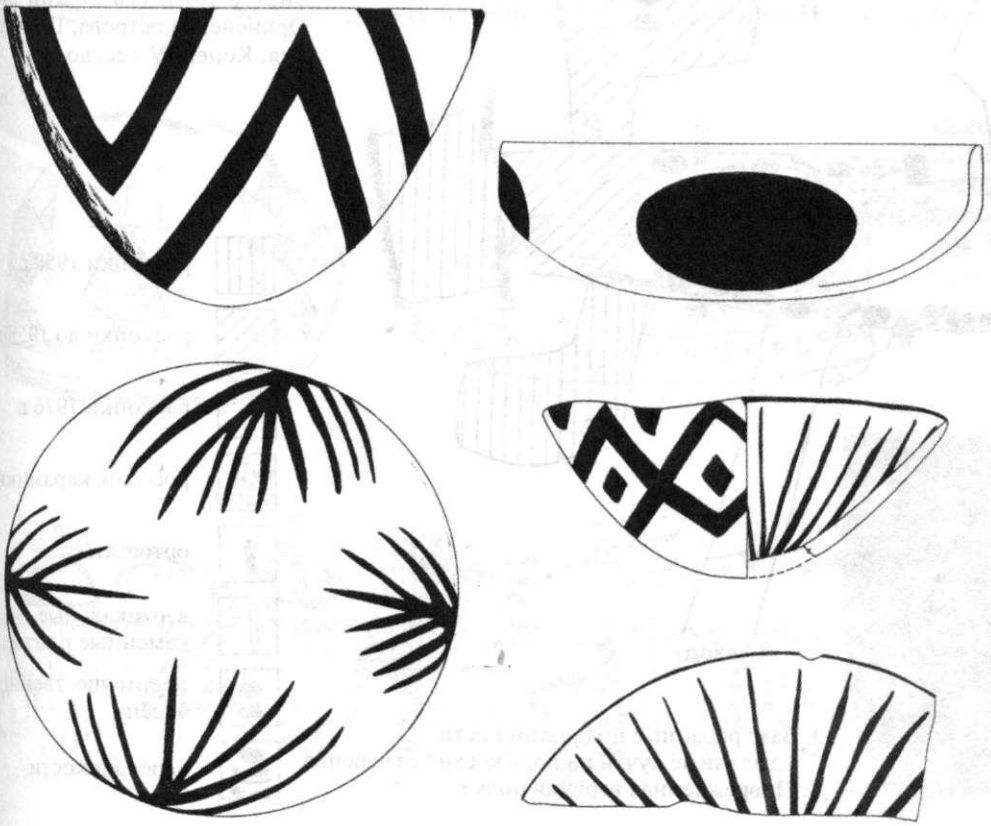


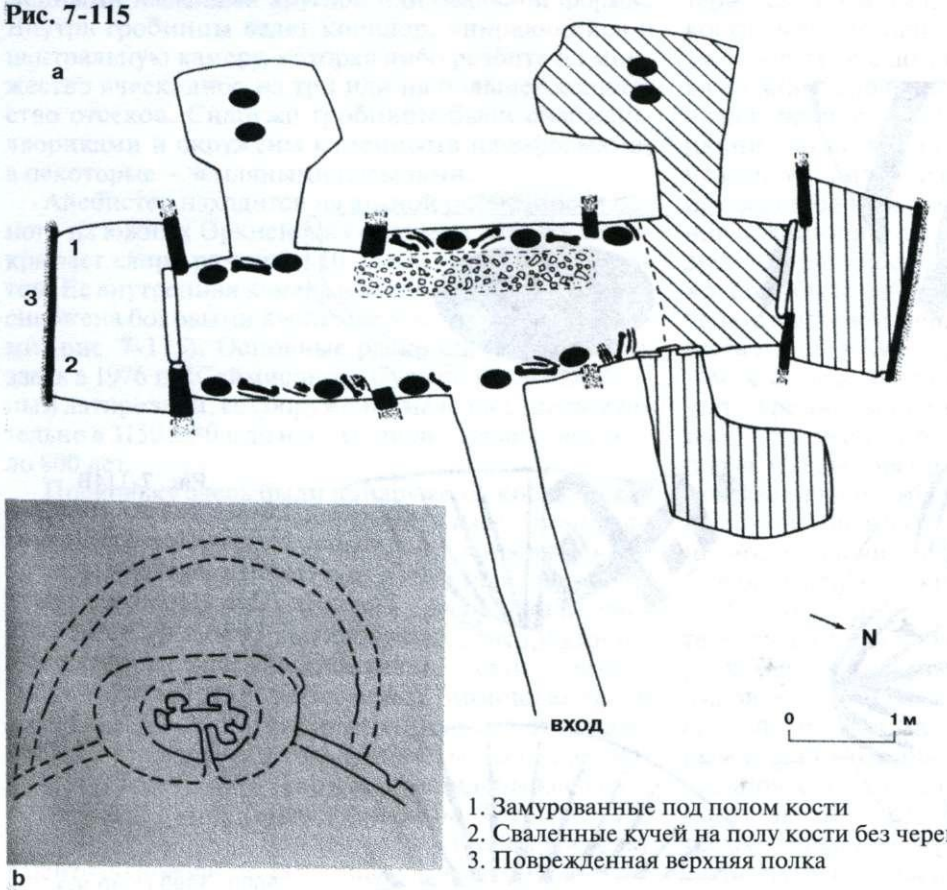
Рис. 7-114B
Сосуды из пещеры Скалория (Манфредония, Юго-Восточная Италия), украшенные символами регенерации: яйцами, солнечными дисками, растениями и знаками Богини в виде буквы «V» и треугольников; красная роспись на белом фоне. Согласно радиоуглеродному анализу, они датируются 5600–5300 гг. до н.э.

много рыбы? Если бы она шла в пищу, то мы бы находили лишь отдельные кости и небольшие фрагменты. Я полагаю, что эта рыба, как и орланы, воплощала могущество Богини и были захоронена здесь в качестве одного из главных символов регенерации. Мы знаем, что рыба играла какую-то роль в регенерационных обрядах: свидетельства тому есть в мальтийском гипогее Халь-Сафлиени, где можно видеть скульптурное изображение рыбы, возлежащей на ложе (см. рис. 7-107). В Лепенски-Вире рыба, наряду с собакой и оленем, была одним из основных жертвенных животных; а великолепные каменные изваяния Богини-рыбы имеют вид гибрида рыбы, женщины и хищной птицы (см. рис. 7-102 и цветную вклейку 23).

В других мегалитических гробницах Оркнейских островов в качестве священного животного Богини погребали не рыбу, а собак: так, в Кувине было найдено 24 собачьих черепа, а на Баррее собачьи черепа и скелеты были обнаружены во всех частях могилы[47]. В северной части о. Папа-Уэстрей найдена дюжина оленьих рогов – они могли служить как символами регенерации, так и частью головного убора, необходимого для оленьих плясок. Свидетельства существования последних известны от раннего постледникового периода вплоть до нашего времени[48]. В новогодние праздники мужчины по-прежнему наряжаются в женское платье, надевают рога и исполняют знаменитый олений танец, способствующий регенерации и служащий залогом удачного года.

Факт захоронения рыбы, собак и оленей говорит о том, что эти празднества не сводились к простому поеданию мяса. Безусловно, не обходилось без музыки и плясок. К сожалению, керамика, найденная в мегалитических гробницах Оркнейских островов, не имеет изобразительных росписей, однако известно, что погребальные обряды, совершавшиеся в гипогеях Сардинии и в других местах, включали в себя пляски (см. рис. 7-111, 7-112, 7-113). На венгерской погребальной керамике VI в. до н.э. (период гальштат) есть изображения танцев и музыкантов с лирами, а кроме того – охоты и похоронных игрищ, как это можно видеть на сосуде из Шопрона[49]. Танцующие фигуры имеют очертания треугольников или «песочных часов», так же как и едущая на четырехколесной повозке Богиня (рис. 7-116). Музыканты, охотники и участники игрищ – мужчины. Под изображениями основных погребальных церемоний, которые мы видим на сосуде из Шопрона, расположены орнаментальные панно, состоящие либо из рядов треугольников и песочных часов, либо из сочетания

Рис. 7-115



1. Замурованные под полом кости
2. Сваленные кучей на полу кости без черепов
3. Поврежденная верхняя полка

раскопки 1958 г.
раскопки до 1958 г.
раскопки 1976 г.
россыпь керамики
ортостаты
вертикальные каменные плиты
преимущественно черепа
черепа и кости

Рис. 7-115
(a) Схема камеры кургана Айсбистер (b) и его общий вид. Оркнейские острова, Шотландия. Конец IV тыс. до н. э.

треугольников и ромбов. Как будет явствовать из следующего раздела, эти же мотивы присутствуют на стенах мегалитических гробниц. Эта неизменность образного ряда на протяжении трех тысячелетий – сильный аргумент в пользу того, что эти фигуры имеют некую символическую связь с погребальными обрядами.

Этнографические параллели

Айсбистер – прекрасный образец неолитического захоронения костей, священнейшего места на территории родовой группы. Величественные мегалитические постройки были символами центра, сердцевины, служили живой связью с землей предков и с самими предками, объединяли членов родовой группы. Именовать их, как это делает К.Ренфрю[50], «территориальными ориентирами» значит без должного уважения относиться к этой культуре. Мы обычно не говорим о наших сельских церквях как о «территориальных ориентирах», хотя они так же заметны и так же почитаемы в качестве религиозных центров, как это было в случае мегалитических гробниц.

Практика поэтапного захоронения и строительства больших мегалитов имеет этнографические параллели. Их близкие аналоги можно найти у народности мерина, обитающей в центральной части острова Мадагаскар[51]. Мерина эндогамны; они живут родовыми группами на землях предков (М.Блок именует их «демес»). Для этих людей суть их общности заключается в неразрывной связи между группой и находящимися в общем пользовании орошаемыми землями. В каждом демесе есть собственная гробница – весьма прочное мегалитическое сооружение, являющееся центральным символом данной группы. Мерина практикуют захоронение в два этапа: на первом этапе тело погребают не в специально отведенной могиле, а просто поблизости от места кончины. Второй этап называется «фамад'иана» и предполагает эксгумацию разложившихся останков и их перезахоронение в общинной гробнице на земле предков. Это возвращение является радостным событием, оно сопровождается музыкой и плясками, иногда – даже с самими костями. Разложению подвержено индивидуальное, в то время как кости принадлежат миру предков. «Фамад'иана» подчеркивает значение группы в целом, а не какого-то конкретного покойника. Это общее перемалывание тел в могиле есть высший акт, дарующий благословение предков. В том, что мерина возводят постоянные мегалитические строения и используют их в качестве захоронения костей той или иной родовой группы, как и в существовании такого обычая, как «фамад'иана», следует видеть современное продолжение неолитической традиции; эта практика отражает характерный для западноевропейской мегалитической культуры обычай вторичного захоронения.

Следы неолитических погребальных традиций можно, несмотря на влияние христианства, найти в современной Испании у басков[52]. В стране басков ос-

Рис. 7-116

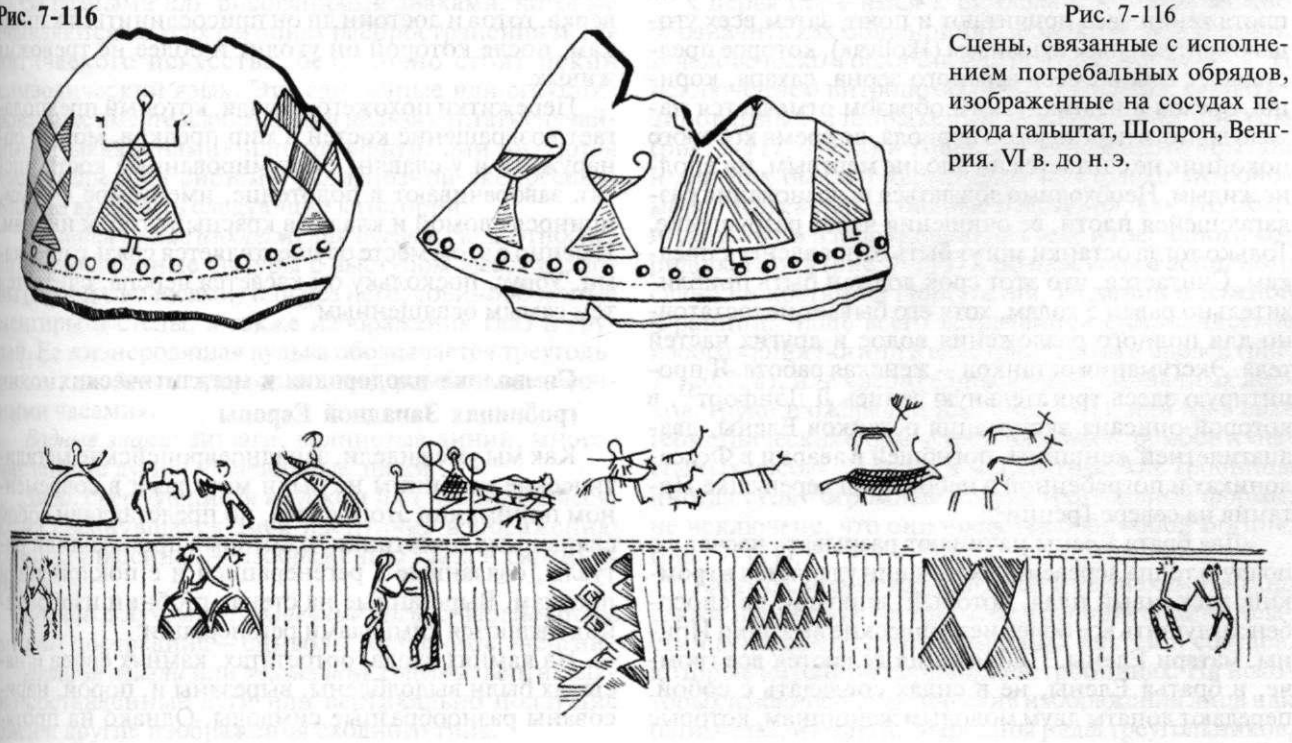


Рис. 7-116
Сцены, связанные с исполнением погребальных обрядов, изображенные на сосудах периода гальштат, Шопрон, Венгрия. VI в. до н. э.

новной единицей организации общества является дом со всеми службами и землей (называемый «basseria»), который не подлежит разделу ни при наследовании, ни при перепродаже. Каждая усадьба такого рода имеет свой участок пола в местной церкви («sepulturie»), который символически ассоциируется с усыпальницей и где совершаются поминальные обряды. По воскресеньям женщины обставляют его свечками. В этих местах служат мессы по всем умершим и всем бывшим владельцам усадьбы: почти до конца XVIII в. под этими плитами действительно погребали покойников. В наши дни их хоронят рядом с церковью, на закрепленных за той или иной усадьбой участках. Индивидуализация могил большого значения не имеет. При каждых похоронах могильщики выкапывают предыдущего покойника, помещают его кости в оссуарий, а на его место укладывают нового. Естественно, об экскарнации тут речи быть не может, однако в использовании церкви в качестве оссуария угадывается некоторая связь с неолитическими мегалитами.

Обычай забирать кости покойного через несколько лет после его кончины и помещать их в оссуарий до сих пор существует в Южной (Италия), Восточной (славянские страны) и Юго-Восточной (Греция) Европе. Так, еще в начале 1980-х гг. в Фессалии (Северная Греция) был зарегистрирован случай вторичного захоронения через 5 лет после смерти. Следующее за кончиной погребение считается временным; поминальные службы происходят на третий, девятый и сороковой день, затем через 6 месяцев и через год. Родственницы усопшего собираются на могиле и на протяжении часа причитают и поют, затем всех угощают ритуальным кушаньем («koliva»), которое представляет собой смесь вареного зерна, сахара, корицы, орехов и изюма. Таким образом отмечается начало долгого переходного периода, во время которого покойник не считается ни вполне мертвым, ни вполне живым. Необходимо дождаться исчезновения разлагающейся плоти, ее очищения через разрушение. Только тогда останки могут быть отправлены к предкам. Считается, что этот срок должен быть приблизительно равен 5 годам, хотя его бывает недостаточно для полного разложения волос и других частей тела. Эксгумация останков – женская работа. Я процитирую здесь трогательную запись Л.Дэнфорт[53], в которой описана эксгумация останков Елены, двадцатилетней женщины, погибшей в аварии в Фессалониках и погребенной в небольшой деревушке Потамия на севере Греции[54]:

«Два брата Елены начинают разрывать песчаную почву, и толпа деревенских женщин ударяется в громкий, тоскливый плач, который, впрочем, не способен заглушить все более истерические выкрики Ирины, матери Елены. Причитания делаются все громче, и братья Елены, не в силах совладать с собой, передают лопаты двум молодым женщинам, которые продолжают копать. Братья неловко становятся за кругом плакальщиц, они неуместны в женском царстве смерти.

Через какое-то время молодых женщин с лопатами сменяет старая вдова, которая, когда лопата натыкается на что-то твердое, начинает копать руками. Перекрестившись, она наклоняется, достает череп Елены и приветствует его: "Здравствуй, дитятко". Плакальщицы бросают в могилу цветы, крики и плач снова усиливаются. Вдова заворачивает череп в белый платок, кладет на него бумажные деньги, целует и передает Ирине со словами: "Ты хорошо ее приняла". С истерическими рыданиями Ирина обвивает руками череп дочери, трижды его целует, прижимает ко лбу и передает через могилу, чтобы его мог приветствовать отец и другие члены семьи.

Несколько женщин просеивают землю, отыскивая Еленины потемневшие кости, которые складывают в металлический короб. Они пересчитывают их и советуются, как лучше уложить. Ирина не сразу поддается на уговоры расстаться с черепом дочери, который помещают в короб поверх костей.

Приходит деревенский священник и поет часть греческой православной заупокойной службы. Короб с останками Елены помещают в деревенский оссуарий, небольшое цементное строение в углу кладбища. Семья отправляется домой, чтобы приготовить обильное угощение, а все прочие собираются на церковном дворе, где происходит традиционная раздача ритуального кушанья ("koliva")».

При эксгумации дух умершего в последний раз возвращается в мир живых. Это своеобразная проверка, готов и достоин ли он присоединиться к предкам, после которой он уходит и более не тревожит живых.

Пережитки похожего обычая, который предполагает возвращение костей в мир предков, можно обнаружить и у славян. Эксгумированные кости чистят, заворачивают в полотенце, именуемое «убрус», приносят домой и кладут в красный угол, к иконам. Именно в этом месте осуществляется связь с предками. Убрус, поскольку он касается черепа, считается тем самым освященным[55].

Символика плодородия в мегалитических гробницах Западной Европы

Как мы уже видели, западноевропейские мегалитические гробницы не были могилами в современном понимании этого слова, но представляли собой священные памятники, в которых происходили ритуалы, связанные с регенерацией и с поклонением предкам. Вырезанные на стенах гробниц изображения являются символами регенерации.

На камнях входа, ортостатах, камнях свода и насыпях были выдолблены, вырезаны и, порой, нарисованы разнообразные символы. Однако на протя-

жении почти ста лет мегалитическое искусство считалось чисто орнаментальным, а его религиозное значение игнорировалось. Меж тем эти символы не менее значимы для расшифровки верований строителей мегалитов, нежели для христианства – скульптуры и иконы.

Большой вклад в изучение мегалитического искусства внесла Э.Туиг, собрав в одном томе практически все символы, которые только были вырезаны или нарисованы на камнях от Португалии до Ирландии[56]. Хотя она не предложила какой-либо собственной интерпретации, ее работа сделала доступными важные материалы по мегалитическому искусству.

Ключ к расшифровке мегалитического искусства дал М.Бреннан, который разглядел связь между расстановкой памятников и их символикой, с одной стороны, и точками солнцестояния, равноденствия, солнечных и лунных восходов, а также лунных циклов, с другой[57]. Важность этого наблюдения сомнению не подлежит. Однако не следует видеть в этих символах лишь отражение астрономических и математических знаний, не имеющих никакого отношения к религии. Мегалитические памятники необходимо рассматривать в контексте ритуалов. Мы не много выиграем, если будем знать, что Гавринис, Нью-Грейндж, Маэс-Хоу и другие гробницы были ориентированы на восход солнца в момент зимнего солнцестояния. Вопрос в том, почему они были так ориентированы. И ответ на него может дать лишь анализ символики мегалитов.

За резными или рисованными знаками, которые появляются во всех регионах распространения мегалитического искусства, безусловно стоит некий символический язык. Эти единичные или сгруппированные вместе изображения нельзя считать случайными «макаронами» или граффити: они являются частью древней системы религиозной экспрессии. Можно выделить следующие категории:

Схематические изображения Богини: сюда относятся холмообразные фигуры с выступом вместо головы (порой с волосами) или без него, совинообразные менгиры и стелы, а также изображения глаз и грудей. Ее жизнеродящая вульва обозначается треугольником, двойным треугольником, ромбом и «песочными часами».

Водные знаки: зигзаги, волнистые линии, многочисленные дуги и чашевидные знаки.

Змеи: свернувшиеся клубком или извивающиеся. Одна свернувшаяся змея идентична изображению солнца, удвоенная – изображению глаза и бараньих рогов.

Солнце с лучами и *солнечные часы* с чашевидным знаком посередине – символы жизненной энергии.

Деревья жизни или *жизненные столпы*: вертикально составленные дуги или вертикально ползущие змеи и другие изображения сходного типа.

Спирали, *крюки*, *рога*, *топоры* и *«гребни»* – стимуляторы жизненных сил.

Быки или *бычьи рога* – символы утробы Богини.

Ладьи – мостки в потусторонний мир и катализаторы возрождения.

Эти образы поддаются расшифровке только в контексте всей символической системы древнеевропейского неолита. Однако изучение тех или иных мотивов и их сочетаний на примере отдельно взятых памятников, таких как Гавринис в Бретани или Нью-Грейндж и Наут в Ирландии, также может быть весьма плодотворным.

Важно задаться вопросом, почему на мегалитах бывают только строго определенные символические изображения – треугольники, вульвы, чашевидные знаки, концентрические дуги, глаза, свернувшиеся змеи и солнце? Почему на погребальных памятниках фигурируют дерево жизни и жизненные столпы? Существенное значение имеет взаимосочетаемость знаков. К примеру, есть отчетливая связь между водными знаками, змеями и женскими изображениями. Чашевидные знаки взаимозаменяемы с треугольниками; они либо ассоциируются с водными знаками, либо окружены ими, а также концентрическими дугами или кругами и волнистыми линиями. Можно также говорить о внутренней связи между свернувшейся змеей и солнцем или глазом. Спирали, полумесяцы, рога, крюки и топоры сопровождают символические обозначения жизненного источника и выступают в качестве стимуляторов жизненных сил. Все они – «символы становления».

Сперва обратимся к символам, которые можно обозначить как общепринятые знаки образа Богини. В человеческом обличии она почти не появляется, за исключением антропоморфных менгиров, схематизированных изображений человеческой фигуры (рис. 7-117, 7-118) и гибридов женщины-птицы. Да и для них бывают характерны не столько антропоморфные, сколько совиные очертания, как это можно видеть по изображению на стеле из западного коридора Наута (рис. 7-119) и по пластинам аспидного сланца и костям из Португалии, Испании и Южной Франции. Чаще всего встречаются символические изображения Богини в виде глаз, клюва и бровей (рис. 7-120.7, 8), или свернувшихся змей, солнечных дисков, груди и ожерелий (см. рис. 7-41), или же в виде геометрических форм – треугольников, ромбов и «песочных часов». У входа в мегалитические гробницы иногда стоят огромные камни треугольной формы: не исключено, что они представляют собой Богиню (рис. 7-121).

Тесную связь между Богиней и ее знаками можно также наблюдать на примере трапециевидных пластин аспидного сланца, коровьих костей и сосудов, которые находят в коридорных гробницах. На некоторых имеются схематические изображения лица или одних глаз, на других вырезаны ряды треугольников,

зигзагов, ромбов, дуг, чашевидных знаков, порой – знаков «Х» и «песочных часов» (см. рис. 7-120).

Теперь обратимся к некоторым наиболее значительным мегалитическим гробницам.

Нью-Грейндж

Для Нью-Грейнджа характерна высокая концентрация символов либо на самых заметных, либо на самых важных с точки зрения культа участках[58]. Таковыми здесь являются стоящий при входе камень насыпи № 1, камень свода восточного алькова и камень насыпи № 52. Все они отличаются виртуозностью орнамента и техническим совершенством отделки.

На камне насыпи № 1 можно видеть типичное для Нью-Грейнджа сочетание символов (рис. 7-122). Большую часть его поверхности покрывают одинарные, двойные и тройные изображения свернувшихся змей. Два верхних завитка образуют характерный для коридорных гробниц Ирландии мотив глаза. К ним присоединен третий, так что вместе они складываются в тройную спираль: этот знак повторяется не только в Нью-Грейндже, но и на других памятниках. Богиня являет

Рис. 7-117

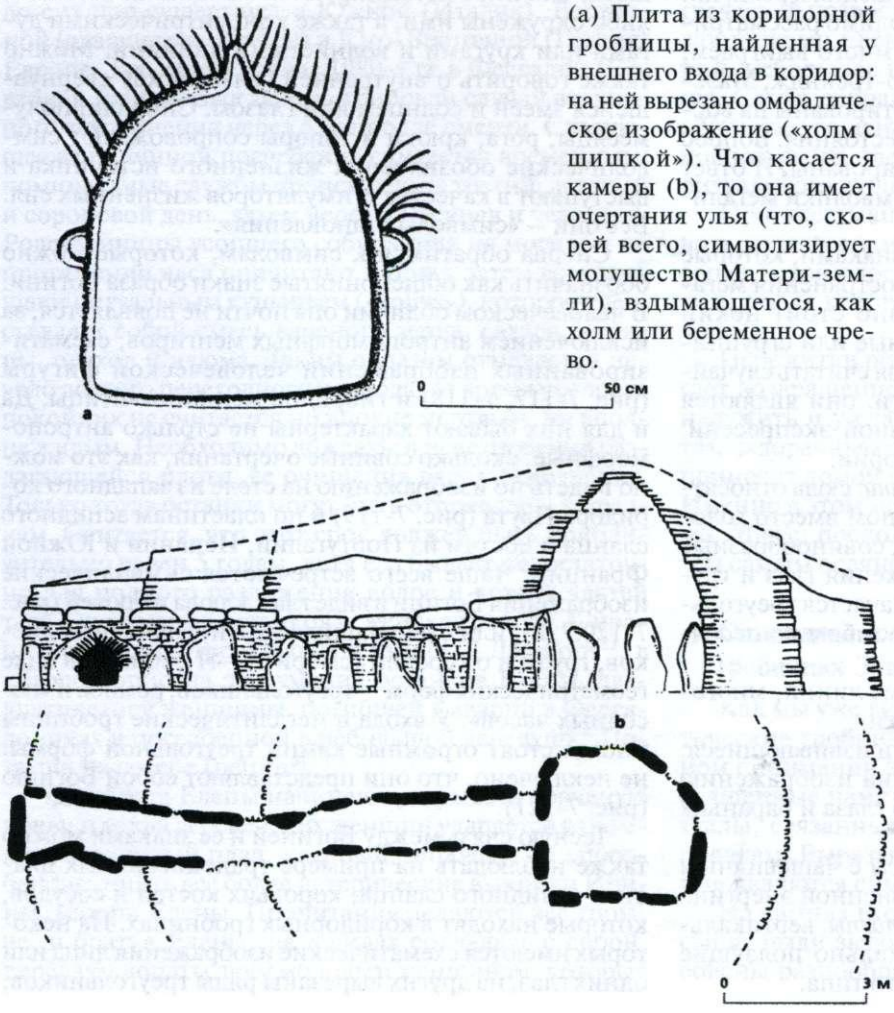


Рис. 7-117
(a) Плита из коридорной гробницы, найденная у внешнего входа в коридор: на ней вырезано омфалическое изображение («холм с шишкой»). Что касается камеры (b), то она имеет очертания улья (что, скорей всего, символизирует могущество Матери-земли), вздымающегося, как холм или беременное чрево.

Рис. 7-118
План коридорной гробницы Ле-Пьер-Плат, Локмарьякер, Бретань, с расположенным под углом коридором (верхний рисунок), и схематические изображения – возможно, Богини-совы, – выгравированные на внутренней стороне камней коридора (нижние рисунки). У всех изображений имеется вертикальная линия в центре и по три-четыре круга или дуги с каждой стороны. Кроме того, на всех можно видеть множество вырезанных в разное время кругов. Вероятно, начало IV тыс. до н.э.

Рис. 7-119
Изображение Богини в обличии совы, выгравированное на камне, стоящем справа от камеры в западном коридоре гробницы Наут, Ирландия. В верхней части различимы круглые глаза совы, вся оставшаяся поверхность покрыта орнаментом с мотивами лабиринта и водной стихии. В центре выделена вульва. Ок. 3500 г. до н.э.; высота 48,1 см.

Рис. 7-120
Изображения глаз Богини-совы на трапециевидной сланцевой пластине, на коровьих костях из коридорных гробниц Португалии и Испании, на сосудах из коридорных гробниц Северной Европы. Их поверхность покрыта рядами зигзагов, треугольников, дуг, штриховым и сетчатым узором. (1) Кинта-Фариньейра; (2) Лос-Мильярес, Южная Испания; (3–6) Альмисарак, Испания; (7) Кинделёсе, Кирке-Хиллинге; (8) Хильдехёй, Дания. Ок. 3000 г. до н.э.

Рис. 7-118

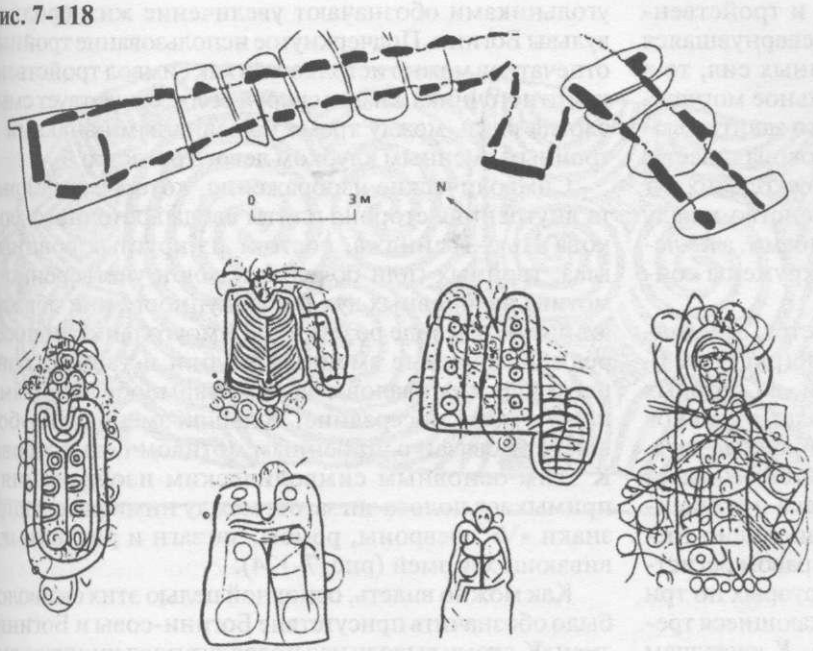
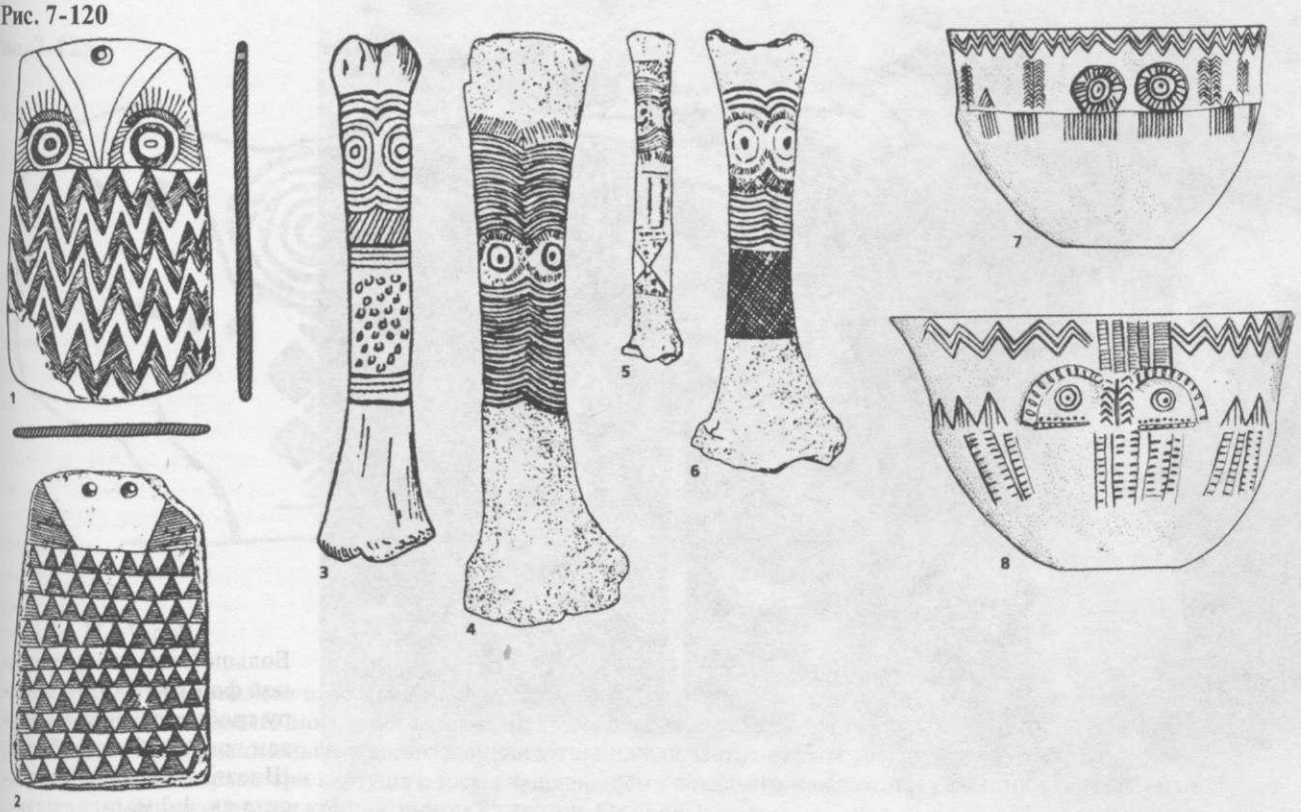


Рис. 7-119

Рис. 7-120



себя в единичности, двойственности и тройственности, Она – все вместе взятое. Если свернувшаяся змея символизирует источник жизненных сил, то в тройной спирали заключено максимальное могущество. Внешняя линия третьего, нижнего завитка выходит за пределы тройной спирали, поворачивает в другую сторону и образует фигуру из нескольких дуг с треугольником посередине. Пространство между свернувшимися змеями заполнено ромбами, а по левую сторону тройного клубка ромбы окружены концентрическими дугами.

Камень насыпи № 52 имеет два регистра, отделенные друг от друга вертикальной полосой (рис. 7-123). Слева доминируют свернувшиеся змеи, из которых складывается глазковый мотив. Несколько клубков сходятся в центре, намечая клюв и надбровные дуги. Справа к ним примыкает свернувшаяся змея меньшего размера, над ней – два чашевидных знака и концентрические дуги. Пространство снизу заполнено треугольниками, ромбами и зигзагами. В правом регистре имеется три картуша, в каждом из которых по три круглые чашевидные впадины, перемежающиеся треугольниками или «песочными часами». К картушам примыкают концентрические дуги с треугольником посередине. Можно предположить, что дуги с треугольниками обозначают увеличение жизнеродной вульвы Богини. Подчеркнутое использование тройных отпечатков можно истолковать как символ тройственности источника жизни: скорей всего, существует смысловая связь между тремя чашевидными знаками и тройным змеиным клубком левого регистра.

Символические изображения, которыми покрыта внутренняя сторона плиты свода восточного алькова Нью-Грейнджа, состоят из круглых совиных глаз, тройных (или более) клювов и учетверенного мотива надбровных дуг. В совокупности они образуют рисунок в виде розетки с прямоугольником посередине, крупные змеиные клубки и узор из концентрических овалов с двумя взаимообращенными полукругами посередине. Большой змеиный клубок в центре связан с утроенным мотивом глаз и клюва. К этим основным символическим изображениям примыкает полоса зигзагов; между ними рассыпаны знаки «V», шевроны, ромбы, зигзаги и рисунки извивающихся змей (рис. 7-124).

Как можно видеть, основной целью этих символов было обозначить присутствие Богини-совы и Богини-змеи. К этому выводу нас подводит подчеркнутое выделение мотива совиных глаз, сочетающегося с мотивом свернувшейся змеи, причем оба образа являются

Рис. 7-121

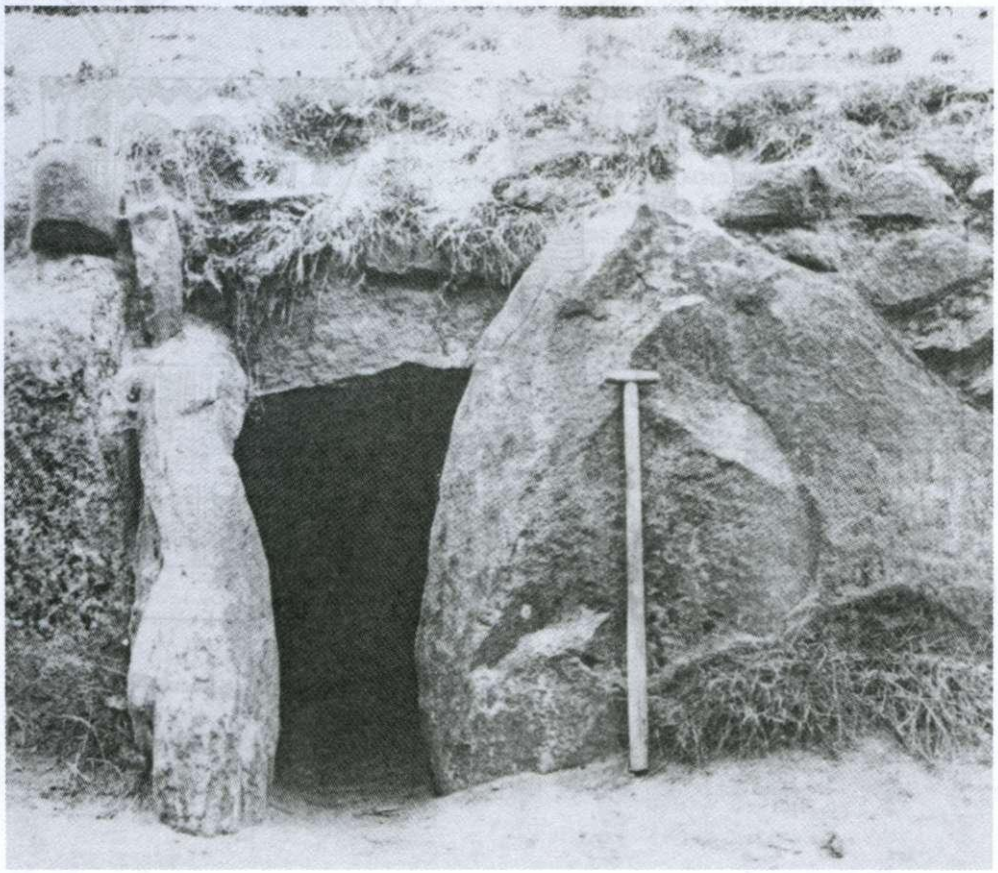


Рис. 7-121
Большой камень треугольной формы у входа в камеру гробницы. Вильдесхаузен, район Ольденбурга, Шлезвиг-Гольштейн; высота ок. 1,3 м.

Рис. 7-122

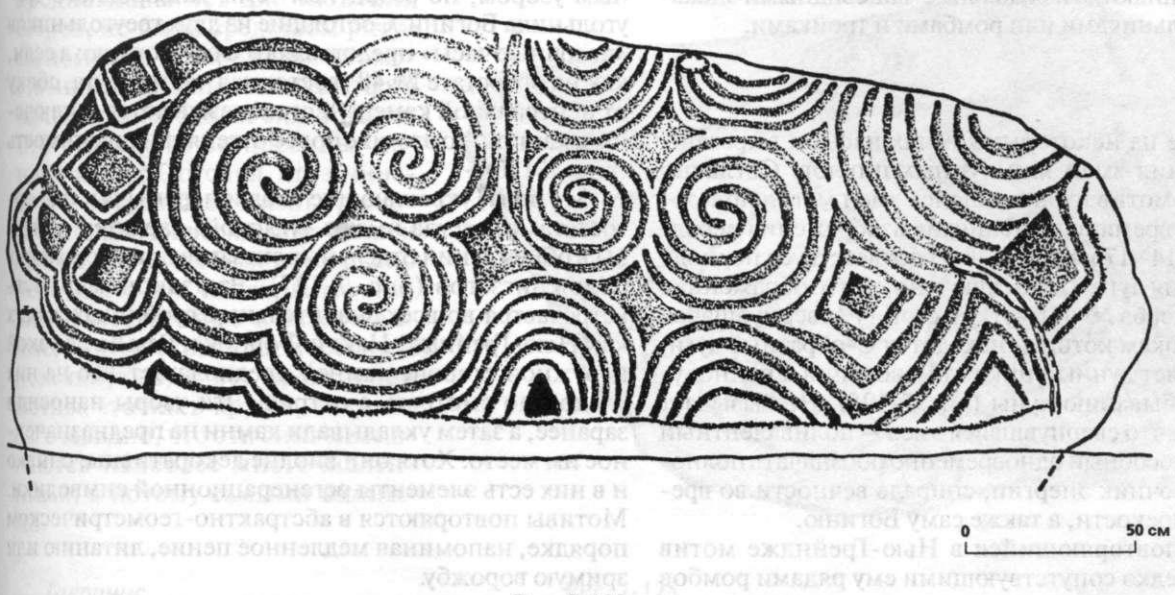


Рис. 7-122

Поразительно виртуозный символический орнамент, вырезанный на камнях при входе в гробницу Нью-Грейндж. Тройные и двойные свернувшиеся змеи перемежаются с ромбами и обрамлены шевронами (справа) и ромбами (слева). Два наибольших змеиных клубка образуют «глазковый» мотив, а их внешнее шестислойное продолжение окружает треугольник (внизу в центре). Ок. 3200 г. до н. э.

Рис. 7-123

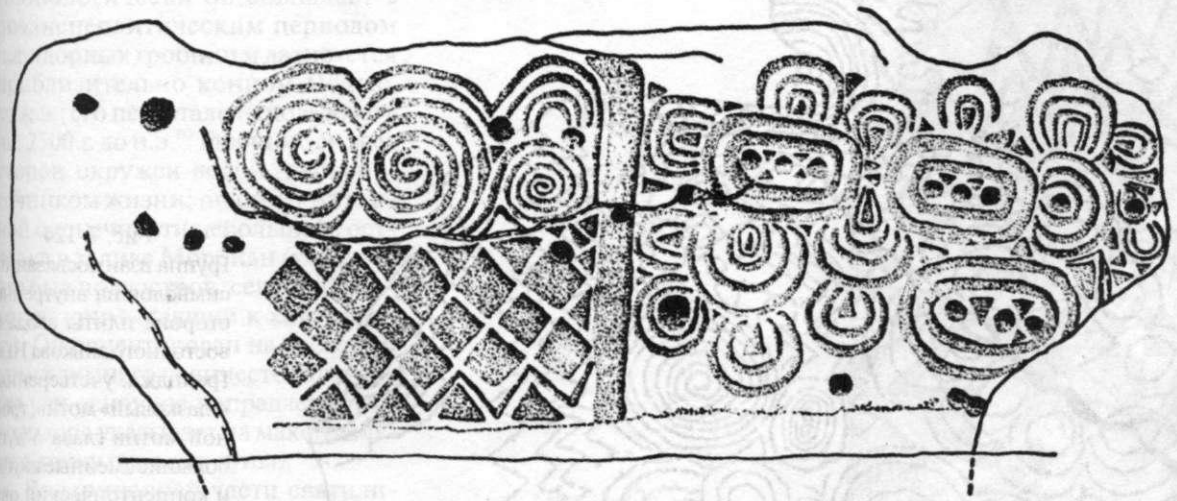


Рис. 7-123

Символический орнамент на камне керба № 52, Нью-Грейндж, вертикально поделенном на две части. Слева: крупный «глазковый» мотив, образованный двумя двойными свернувшимися змеями; к нему примыкают змеиный клубок поменьше и многослойная дуга; нижняя часть покрыта узором из треугольников, ромбов и зигзагов. Справа: три картуша с тремя чашевидными знаками в каждом; треугольники (вульвы) или чашевидные знаки внутри концентрических кругов. Ок. 3200 г. до н. э.

могучими символами регенерации. Более отдаленные связи соединяют эти символы с чашевидными знаками, треугольниками или ромбами и тройками.

Наут

В Науте на некоторых камнях насыпи вырезаны изображения змей или лунных циклов. Согласно Бреннану, мотив извивающейся змеи мог использоваться для времяисчисления: их изображения нередко имеют 14–17 изгибов, что соответствует периоду прибывания луны. Не исключено, что изображенная на камне керба № 5 (Наут, участок 1)[59] свернувшаяся змея, по бокам которой находятся С-образные дуги, представляет лунный цикл от новолуния к полнолунию и к убыванию луны (рис. 7-125). Не вызывает сомнений, что свернувшаяся змея – поливалентный символ, способный одновременно обозначать полнолуние, источник энергии, спираль вечности во временно́й плоскости, а также саму Богиню.

Часто повторяющийся в Нью-Грейндже мотив змеи с нередко сопутствующими ему рядами ромбов или зигзагов в Науте можно видеть на камнях западного алькова, в главной камере, на четырех ортостатах и на нескольких камнях керба. Как уже отмечалось, угловые мотивы являются не просто декоративным узором, но развитием темы живородного треугольника Богини. Состоящие из двух треугольников «песочные часы» представляют саму Богиню; а если как на ортостате № 48 (восточная часть Наута, сбоку от центральной камеры), они оказываются заключены в картуш, то это еще более оттеняет их значимость (рис. 7-126).

Мотивы, украшающие свод и перемычки над ортостатами, всегда имеют «угловой» характер – ромбы в обрамлении отдельных зигзагов или нескольких рядов зигзагов (рис. 7-127). Эта закономерность встречается во всех значительных гробницах, таких как Нью-Грейндж, Наут и Форнокс. Резьба на узкой наружной стороне камней предполагает, что на них следовало смотреть с острия. Эти узоры наносили заранее, а затем укладывали камни на предназначенное им место. Хотя они вполне декоративны, однако и в них есть элементы регенерационной символики. Мотивы повторяются в абстрактно-геометрическом порядке, напоминая медленное пение, литанию или зримую ворожбу.

Окружности, точка в окружности, солнце и чашевидные знаки нередко обнаруживаются на утопленных в землю поверхностях или на нижней части

Рис. 7-124

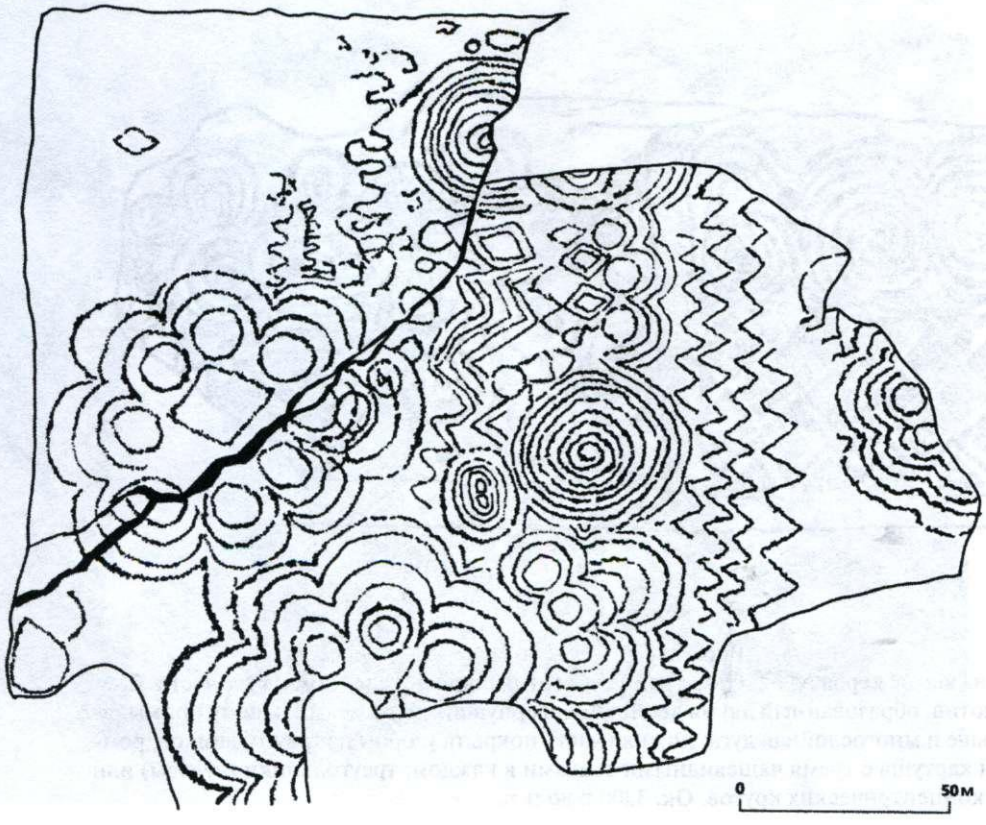


Рис. 7-124
Группа взаимосвязанны символов на внутренне стороне плиты свода и восточного алькова Нью Грейнджа: учетверенный «глазковый» мотив, трой ной мотив глаза и дуги большие змеиные клубк и концентрический ова с двумя противопостав ленными полукружиями в центре, перемежаю щиеся знаками «V», шев ронами, кругами, ромба ми и извивающимися змеями. Частичная ре конструкция.

ортостатов. Эти резные узоры не предназначались для людских взоров, но были средством ритуального контактирования с божественным, заклинания скрытых в камне жизнеродных сил Богини. Это – символы сердцевины, источника и средоточия, где зачинается и откуда бьет жизнь, расходясь концентрическими кругами и дугами. Если бы было возможно подсчитать все чашевидные знаки (искусственные и естественные), круги (концентрические и незамкнутые) и все проявления мотива «точки в круге», то стало бы очевидно, что эти символы являются наиболее многочисленными, а потому самыми важными.

Рис. 7-125

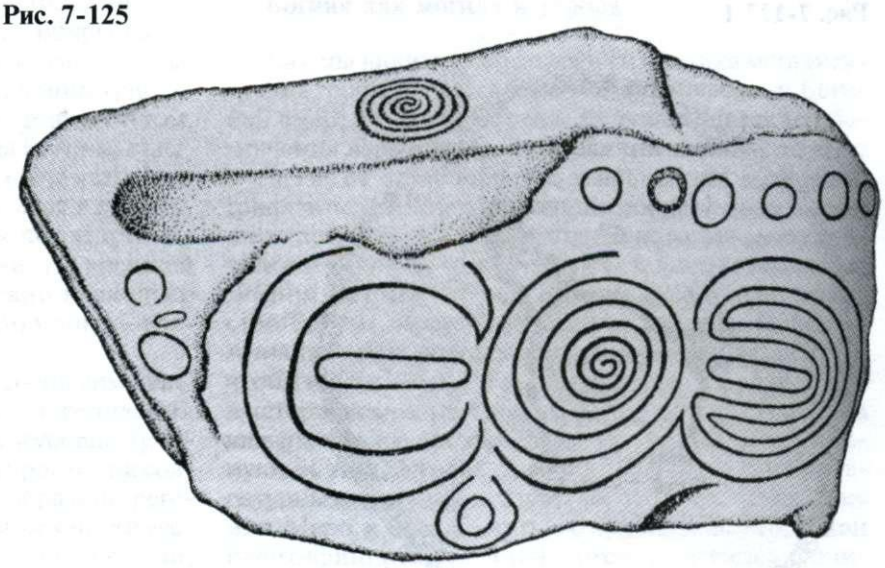


Рис. 7-125
Свернувшаяся змея, обрамленная круглыми дугами с черточкой в центре: не исключено, что это – изображение лунного цикла. Северо-восточная часть Наута (NE 6), 3500–3200 гг. до н. э.

Гавринис

Традиция заклинания жизнеродных сил Богини путем вырезания символических рисунков лучше всего представлена в Гавринисе, одном из богатейших мегалитических памятников Бретани, славящемся совершенством своих рельефов (рис. 7-128, 7-129). Хронологически он совпадает с позднеолитическим периодом коридорных гробниц и датируется приблизительно концом IV тыс. до н.э.; его перестали использовать ок. 2500 г. до н.э.[60] Гавринис со всех сторон окружен водой, первоисточником жизни; он стоит на южной оконечности небольшого островка в заливе Морбиан (когда-то это был полуостров, северной стороной примыкавший к континенту). Он ориентирован на восход во время зимнего солнцестояния, тогда как основное направление его коридора указывает на максимальную точку подъема луны.

Во внутренней части святилища резной узор полностью покрывает поверхность 23 ортостатов, что создает впечатление символического единства. Широкое использование мотива волнистых и концентрических дуг напоминает о присутствии вокруг водного элемента. Среди символов доминиру-

Рис. 7-126

Рис. 7-126
В центре этого ортостата – изображения трех взятых в рамки «песочных часов» (особый знак Богини, состоящий из двух соединенных вершинами треугольников). Над ними – ряды зигзагов и ромбов. Восточная часть Наута, ортостат № 48.

Рис. 7-127.1

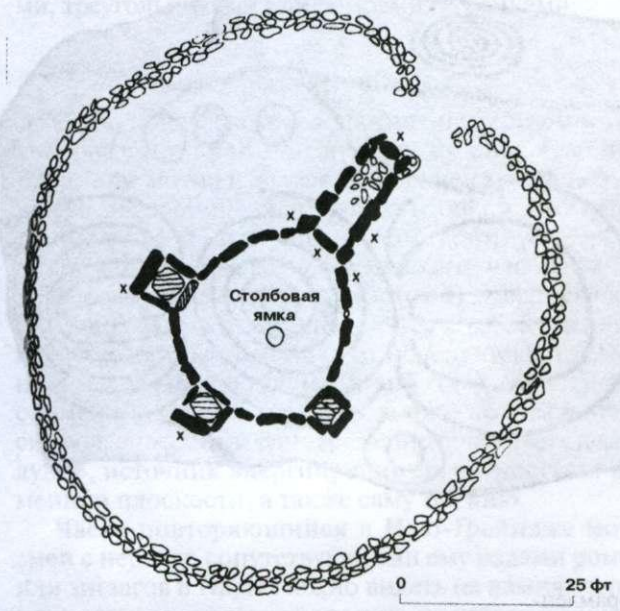


Рис. 7-127.2

Рис. 7-127

(1) Планы святилища-гробницы Форнокс I; значком «х» отмечено местоположение декорированных ортостатов, ступенчатого свода и перемычек между нишами, 3500–3000 гг. до н. э.
(2) Деталь перемычки при входе с орнаментом в виде зигзагов.

ет изображение круга с точкой или вертикальной линией посередине, обозначающее вульву. Вокруг них – многочисленные волнистые линии и змеевидные дуги, составленные в вертикальные колонны (рис. 7-129). Эти жизненные столпы как будто говорят о том, сколь неисчерпаема жизнеродная сила Богини, вздымающаяся и текущая, подобно волнам. Эта вздымающаяся жизненная сила также проявляется в виде завивающихся линий, которые, возможно, следует интерпретировать как изображения змей. На внешней каменной плите в Гавринисе вырезано несколько быков и топор, что усиливает символику лона – воспроизводства (рис. 7-130).

Мегалитическое искусство являет собой символическое утверждение и прославление чередования циклов жизни и смерти на космическом уровне. Гробница уподоблена телу Богини, ориентирована на солнечный и лунный восход, украшена образами регенерации: это – изящная метафора неизбежности вселенских циклов. Вселенная и есть тело Богини, внутри которого происходят смерть и возрождение. Свет, который во время зимнего солнцестояния проникает в мегалитические гробницы и освещает их внутренние покои, имеет и метафорическое значение. Это первое шевеление плода: утроба смерти обременена новой жизнью.

Богиня как могила и утроба

Как мы видим, очертания и символика мегалитических гробниц безусловно связаны с грозной Богиней смерти и возрождения. Ее символические обозначения варьируются от оголенных костей до яйца и матки, от столбообразно условных изображений, грифов-падальщиков, кабанов и собак до возрождающих глаз и змеиных клубков. Некоторые мегалитические гробницы по сей день считаются «пещерами» Богини. Так, коридорная гробница в Нокмери (графство Тайрон, Ирландия) и сейчас зовется «Пещерой Аннайи». Действительно ли это Ее имя? Для того, чтобы найти ответ, следует обратиться к фольклору и к историческим источникам. В народных сказках Она является в виде старой ведьмы или великанши, а именуют ее Ана, Аннайа, Ану и Анку. Из древних литературных источников известно, что бретонская Анку или Маро и есть Смерть. А ирландская Морриган идентифицируется с Аной, которая считается хранительницей мертвых и матерью богов. Можно предположить, что эти имена – наследие строителей мегалитических гробниц.

Богиня смерти и возрождения – Богиня зимы и мрака. В фольклоре всех стран Европы она является в виде ведьмы на костяных ногах, белой или снежной

Рис. 7-128

Рис. 7-128
Ортостаты с выгравированным орнаментом из святилища-гробницы Гавринис. Основной повторяющийся мотив – знак вульвы, окруженный концентрическими дугами, волнистыми линиями и змеевидными формами. Поздний неолит, Бретань. IV тыс. до н. э.

Рис. 7-129

Рис. 7-129
Концентрические дуги расходятся от центрального вульвоподобного отверстия, в их верхних частях – омфалические выступы. Орнамент, выгравированный на ортостате из Гавриниса. Начало IV тыс. до н.э.

женщины. Пора ее власти и мощи приходится на зиму, в особенности на конец декабря – начало января. В Скандинавии этот период называется «рождеством» («jol», а по-английски – «yule»), что не имеет ни малейшего отношения к Рождеству Христову. Как можно предположить, в доисторическую эпоху именно в этот период происходила большая часть ритуалов, необходимых для пробуждения природы и умиротворения Богини зимы. Ранней весной испуганная ведьма-Зима оборачивается прекрасной обнаженной девушкой. Она появляется у ручьев, потоков, озер и рек, расчесывая золотые волосы или качаясь на ветвях ивы. А ее сексуальная привлекательность говорит о том, что зима перешла в период регенерации. Этот мотив до сих пор существует в европейском фольклоре, а его символический ряд имеет близкие параллели в характерных для погребальных памятников эпохи неолита образах смерти и регенерации.

Рис. 7-130

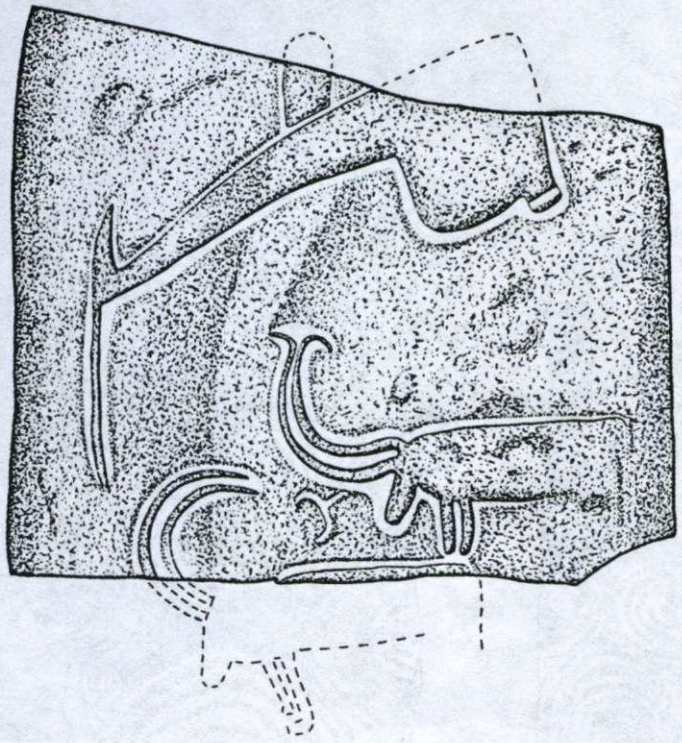


Рис. 7-130
Гигантский топор и быки с огромными рогами, выгравированные на покровной плите камеры в Гавринисе.

ГЛАВА VIII

СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ-ПИСЬМЕНА

Вотивные приношения – дары божеству во исполнение обета, воли или пожелания – культовые предметы с сакральными знаками, которые обычно находят группами или рядами, являются характерной чертой неолита и медного века, особенно в Восточной и Центральной Европе. Сам факт изобретения письменных знаков более восьми тысяч лет назад представляется настолько немыслимым, что до сих пор эта возможность никем всерьез не рассматривалась, а имеющимся свидетельствам уделялось мало внимания. В мои намеренья не входит детальный анализ этих знаков или их «чтение», предпринятое некоторыми любителями, которые пытались опереться на индоевропейские языки. Древнеевропейские письмена не принадлежат к группе индоевропейских языков, так же как критская иероглифика, линейное письмо А или кипро-минойская письменность, которые поэтому и не удается расшифровать. Остается лишь надеяться, что когда-нибудь будет найден еще один Розеттский камень с параллельным текстом на одном из индоевропейских языков – в принципе, ничего невероятного тут нет. Пока же просто приглядимся к этому удивительному достижению Древней Европы.

Честь изобретения письменности традиционно приписывается шумерам, однако в Центральной и Восточной Европе письменные знаки появились за две тысячи лет до всех известных нам примеров. В отличие от шумерского, древнеевропейское письмо не имело хозяйственного, юридического или административного назначения. Его развитие было обусловлено длительным использованием графических символов, существовавших в рамках все более усложнявшегося культа Великой Богини. Поскольку письмена встречаются лишь на культовых предметах, их, по всей видимости, следует интерпретировать как священные иероглифы.

История

Первые археологические находки со священными знаками были сделаны в 1874 г. при раскопках Турдаша (Тордоша), раннего поселения культуры винча на территории Трансильвании. Однако лишь в 1961 г., после того как в жертвенной яме ранней культуры винча в окрестностях Клужа (также в Трансильвании) были найдены так называемые «тартарские таблички», они пробудили настоящий интерес. М.С.Ф.Худ и другие ученые сочли их производной от известного шумерского письма и охарактеризовали таблички как «бессмысленную имитацию письменных записей более цивилизованного народа...»[1]. С тех пор были обнаружены сотни священных предметов с «письменами», однако, даже несмотря на хорошо документированную стратиграфию, их несомненно важное значение по-прежнему игнорируется.

Согласно калиброванной радиоуглеродной хронологии, они появились в первой половине VI тыс. до н.э. и использовались на протяжении двух тысячелетий. Не вызывает сомнения, что эти значки намного старше шумерской письменности Месопотамии или письменности цивилизации хараппы; что же касается критской иероглифики и кипро-минойского письма, то они появились на несколько тысячелетий позже. Следует полностью отвергнуть идею месопотамского заимствования, поскольку это очевидным образом противоречит хронологическим данным.

Наличие священного письма вполне соответствует уровню развития древнеевропейских культур. Его использование приходится на то время, когда обитатели Центральной и Восточной Европы обладали металлургией, достаточно развитой архитектурой, широкой сетью торговых связей, удивительным мастерством и значительной степенью специализации при производстве разных изделий, а также сложной и отчетливо выраженной системой религиозных практик и представлений.

Распространение

Этот древнейший вид письма не был случайным явлением, зафиксированным в одном месте; напротив, перед нами феномен самого широкого распространения. К настоящему времени известно около сотни мест, при раскопках которых были обнаружены предметы с «письменами». Большая их часть относится к культурным группам винча и тиса (бассейны Моравы, Дуная и Тисы в Югославии, Восточной Венгрии, Северо-Западной Болгарии и Западной Румынии), а также к культуре караново (Центральная Болгария и Южная Румыния). Кроме того, написанные или нарисованные знаки, ранее таковыми не считавшиеся, были опознаны на керамике культур димини, кукутени, петрешти, бутмир, бюкк и линейно-ленточной керамики. Поэтому неуместно именовать их «письмом культуры винча»: данный феномен не был единичным. Напротив, он был характерен для всех развитых культур Древней Европы VI–V тыс. до н.э. Отдельные значки порой встречаются на керамике и изделиях из кости в Южной Италии эпохи неолита и в мегалитической культуре Западной Европы.

Внутренний анализ

Внутренний анализ надписей из 29 поселений культуры винча представлен в диссертации Ш.М.М.Уинна «Знаки культуры винча» (1973), позже опубликованной под названием «Предписьменность Юго-Восточной Европы: знаковая система культуры винча» (1981)[2]. Каталог Уинна включает 210 опознаваемых знаков, в том числе простые и модифицированные символы, линии, точки и кривые. Как считает автор, все они состоят из 5 базовых элементов, куда входят: 1) прямая линия; 2) две прямых линии, пересекающиеся в центре; 3) две линии, соединенные с одного конца; 4) точка; 5) кривая. Уинн не задавался целью проводить различие между символами и письменами. Его классификация представляет гипотетический процесс развития графики от простых форм к более сложным.

В этом корпусе из 210 знаков культуры винча около трети – символы, использовавшиеся по всей Европе. Обычно они стоят отдельно и не вписаны в ряды знаков: исключение составляют символы «V», «M», «X» (или «+»), а также 2–4 вертикальные черточки или точки, которые входят в состав письма. Всего насчитывается около 30 базовых знаков (рис. 8-1), остальные образовывались путем добавления к ним одной, двух или трех линий или благодаря комбинированию двух базовых знаков – удвоению, инверсии, противоположению (рис. 8-2).

Базовые знаки в корне отличаются друг от друга; обособились они чрезвычайно рано. Я не считаю, к примеру, что «V» ведет происхождение от диагонали, поскольку этот знак был в ходу с верхнего палеолита. Также не похоже, чтобы знак «M» возник из удвоения перевернутого знака «V», поскольку с самого начала он имел вид зигзага. Как и египетский иероглиф воды, ≋, *mu*, «M» в качестве идеограммы воды мог обрести фонетический эквивалент

Рис. 8-1

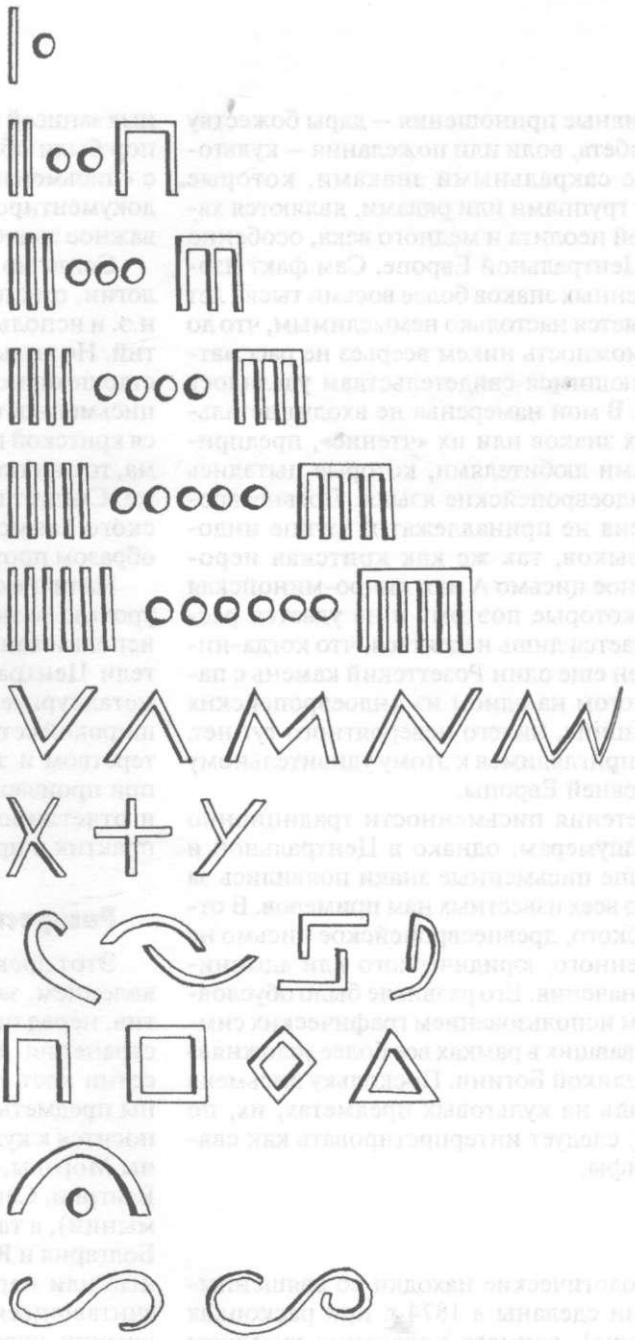


Рис. 8-1
Основные знаки древнеевропейского «письма», 5300–4300 гг. до н. э.

Рис. 8-2

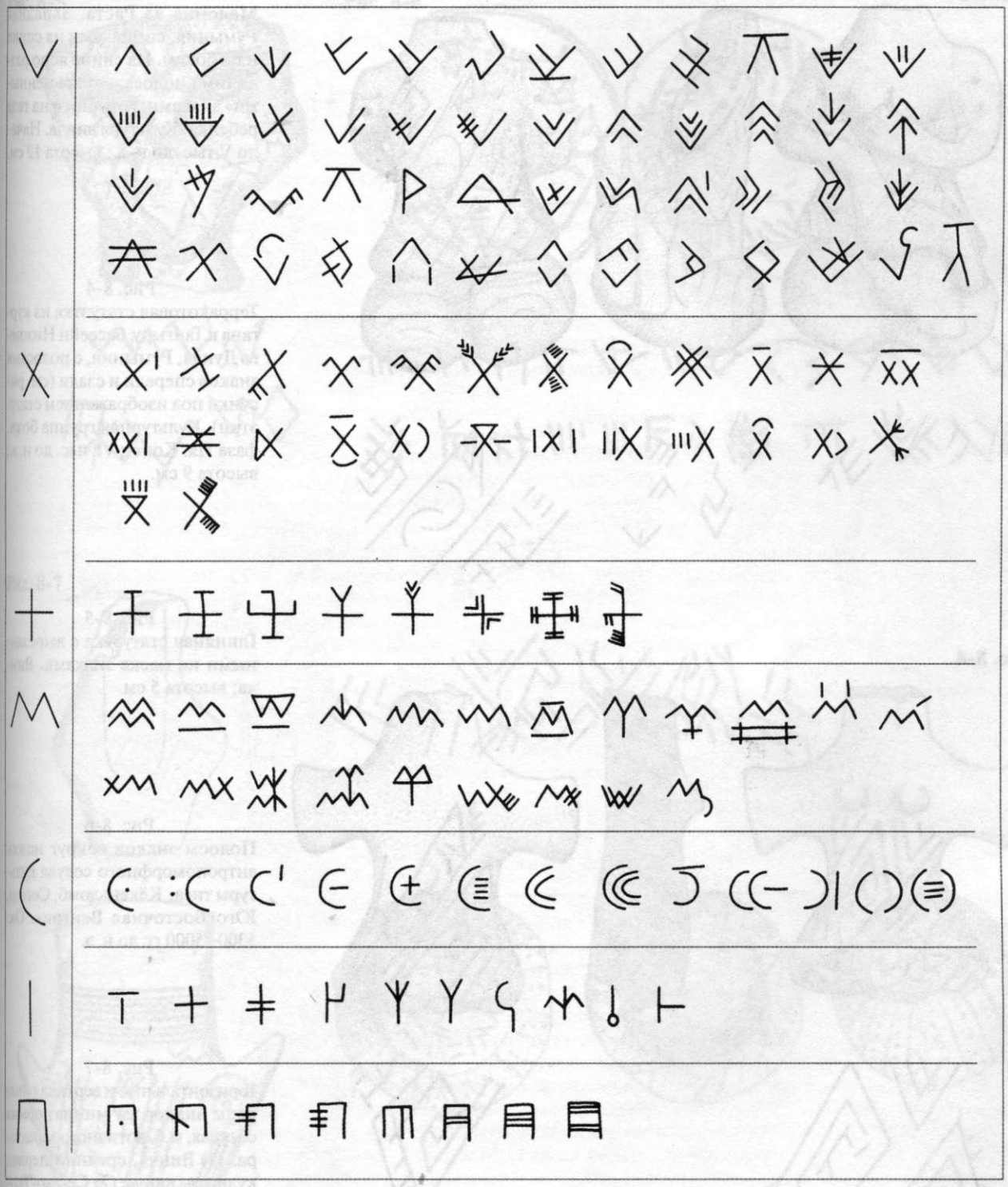


Рис. 8-2

Базовые знаки (слева) и их производные (справа), образованные с помощью добавления одной или двух черточек, точки, изогнутой линии или при удвоении или перевертывании базовых знаков.

Рис. 8-3

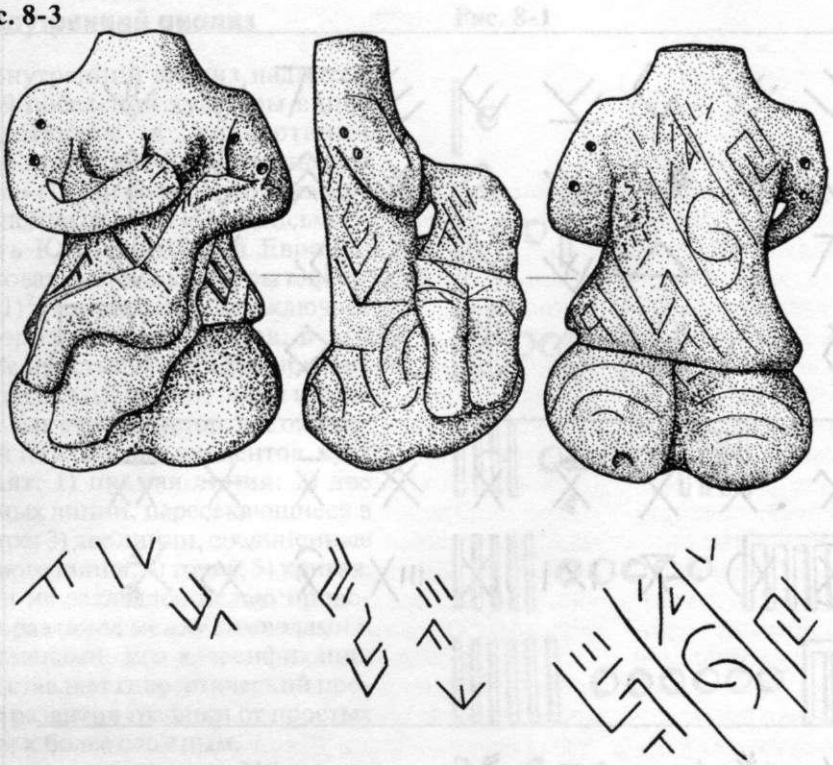


Рис. 8-3
Мадонна из Раста, Западная Румыния, со знаками на спине и по бокам. На спине ясно различима полоса с «письменными» знаками; есть они и на теле ребенка. Культура винча. Начало V тыс. до н. э.; высота 12 см.

Рис. 8-4
Терракотовая статуэтка из кургана в Тангыру, бассейн Нижнего Дуная, Румыния, с полосами знаков спереди и сзади (см. рисунки под изображением статуэтки). Культурная группа боян, фаза IIа. Конец VI тыс. до н.э.; высота 9 см.

Рис. 8-5
Глиняная статуэтка с вырезанными на маске знаками. Винча; высота 5 см.

Рис. 8-4

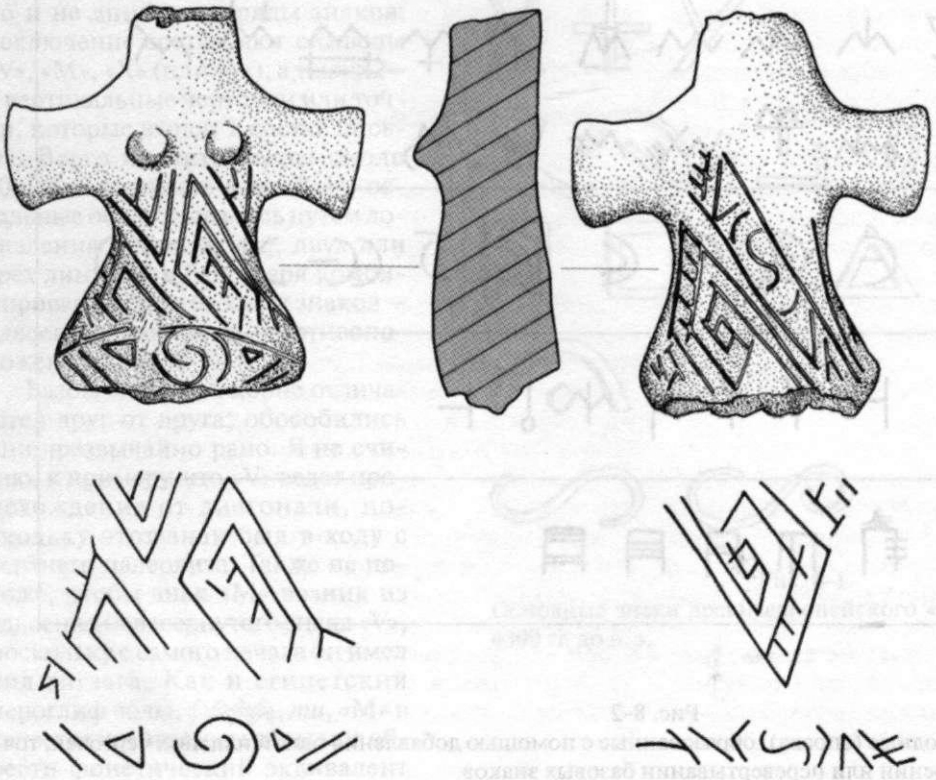


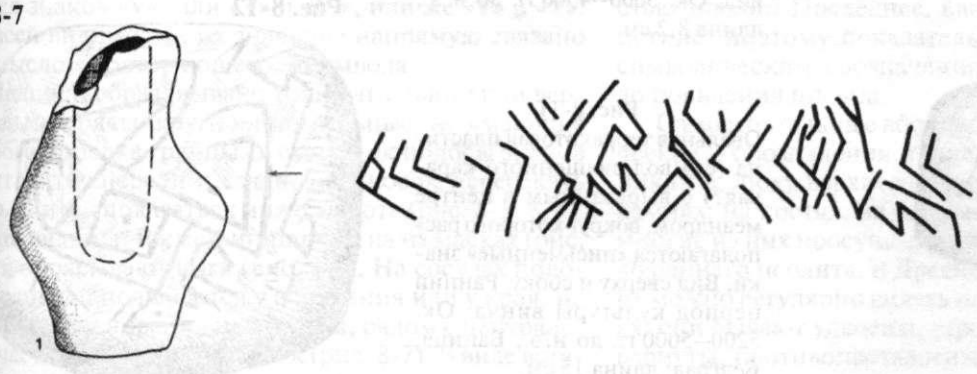
Рис. 8-6
Полосы знаков вокруг ножек антропоморфного сосуда культуры тиса. Кёкеньдомб, Сегвар, Юго-Восточная Венгрия. Ок. 5300–5000 гг. до н. э.

Рис. 8-7
Горизонтальные и вертикальные ряды знаков на миниатюрных сосудах, м.б. вотивного характера. (1) Винча, средний период культуры винча; (2) Сегвар-Тюзкёвеш, Сентеш, Венгрия, культура тиса; (3) Дая-Романа (Даллендорф), район Альба, Западная Румыния. Высота (1) 5 см; (2) 8 см; (3) ширина 6,4 см.

Рис. 8-5

Рис. 8-6

Рис. 8-7



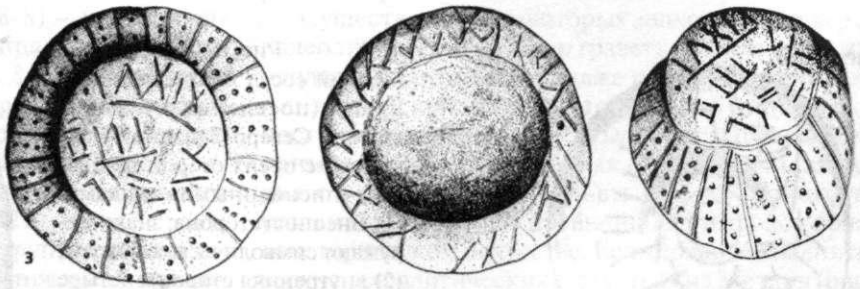


Рис. 8-8

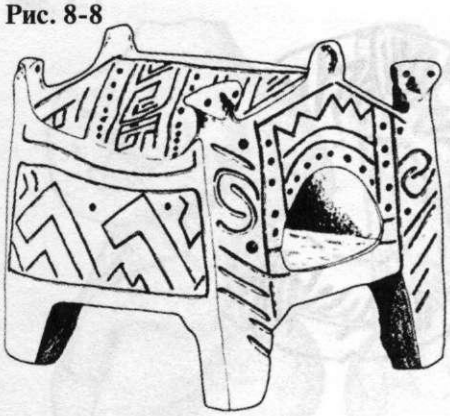


Рис. 8-8
Глиняная модель святилища из Градешницы с символическим орнаментом на фасаде, стенах и кровле. На фронтальных колоннах по обеим сторонам от входа – вертикальные полосы «письменных» знаков. Культура винча. Начало V тыс. до н. э.; высота 14,5 см.

Рис. 8-9
Глиняный фаллос со знаками на пьедестале. Культура старчево-криш, Окна-Сибиулуй, район Сибиу, Центральная Румыния. Ок. 5500 г. до н. э.; высота 10 см.

Рис. 8-9

Рис. 8-10
Пряслице с «надписью» из знаков (ниже – она же в развернутом виде). Фафос, поселение культуры винча в Косовска-Митровице, Южная Югославия. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.; длина 8,2 см.

Рис. 8-11
Овальная терракотовая пластина (символ священного каравая?) с вырезанным в центре меандром, вокруг которого располагаются «письменные» знаки. Вид сверху и сбоку. Ранний период культуры винча. Ок. 5200–5000 гг. до н. э., Баница, Белград; длина 15 см.

Рис. 8-10

Рис. 8-12
Мелкий сосуд из Градешницы, Враца (поселения культуры винча в Северо-Западной Болгарии), с обеих сторон покрытый «письменными» знаками. (1) Внешняя сторона: знаки окружают символическую фигуру; (2) внутренняя сторона: четыре полосы знаков. Начало V тыс. до н. э.; длина 12,5 см.

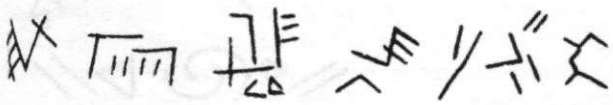
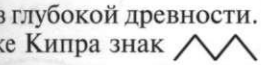


Рис. 8-11

Рис. 8-12

1

2

еще в глубокой древности. В классической слоговой азбуке Кипра знак  обозначает слог *mi*. Аналогичные знаки существовали в VI тыс. до н.э. Поскольку некоторые знаки оставались неизменными с таких давних времен, как эпоха верхнего палеолита, их фонетический эквивалент также мог не меняться.

Возникшие после середины VI тыс. до н.э. значки – символы, модифицированные благодаря добавлению прямых и кривых черточек, а также точек. Сгруппированные или выстроенные в ряд символы в сочетании с линейными знаками встречаются на статуэтках, антропоморфных сосудах, пряслицах и грузиках, моделях святилищ, сосудах для возлияния, емкостях для приношений и других культовых предметах. Скажем, знак «V» встречается в следующих комбинациях: с добавлением черточки или линии сбоку, наискосок или сверху; в связке с перевернутым знаком «V»; с одной, двумя или тремя линиями внутри; с двумя или тремя паралельными линиями, повторяющими его контур; в сочетании со знаком «M»; с удлинением в виде кривой. Чаще всего встречаются сочетания одной или двух линий со знаками «V», «X» (или «+») и «M». Некоторые надписи представляют собой настоящие лабиринты из повторяющихся знаков «V», или «V» и «M», или же «V» и «Y». По всей видимости, их значение напрямую связано со смыслом повторяющегося символа.

Надписи образовывают горизонтальные или вертикальные ряды, круги или отдельные, не имеющие особого порядка группы. У статуэток полосы знаков могут быть спереди и сзади, наискосок пересекать грудь или располагаться ниже живота (рис. 8-3, 8-4). Порой надписи также фигурируют на их масках (рис. 8-5) и опоясывают ноги (рис. 8-6). На сосудах полосы надписей появляются у основания или у края, на блюдах – у основания или на нем, рядом с центральной частью или в виде вставок (рис. 8-7). В виде вставок их также можно видеть на моделях святилищ – с обеих сторон и над входом (рис. 8-8) – или на подставке для фаллоса (рис. 8-9). На пряслицах они окружают отверстие в середине (рис. 8-10), а на вылепленных из глины миниатюрных караваях ими покрыта вся поверхность (рис. 8-11). Временами надписи могут располагаться четырьмя горизонтальными рядами, как на мелком сосуде из Градешницы, раннего поселения культуры винча (рис. 8-12).

Насколько можно судить, эти группы знаков заключали в себе некие послания. А предметы, на которых они встречаются, – статуэтки, пряслица, грузики, подвески, сосуды для возлияний, миниатюрная посуда и модели святилищ, – по-видимому, имели вотивный характер. В таком случае надписи могли содержать формулы посвящения или имя или один из эпитетов, относящихся к Богине. Похожие группы знаков повторяются на статуэтках и на моделях святилищ (ср. рис. 8-3 и 8-8). Не исключено, что надписи вокруг отверстия в пряслицах обусловлены тем, что Богиня – «пряха, выпрядающая нить жизни», определяющая ее качество и продолжительность, или же тем, что она – Богиня ремесел.

Снабженные надписями статуэтки, пряслица, грузики, горшки и даже таблички в более поздние эпохи выступали в качестве вотивных приношений минойским, древнегреческим, этрусским, венетским и римским богиням. Среди вотивных даров венетской Ретии, этой родственной Артемиде Родительнице VI–IV вв. до н.э., надписями снабжены грузики и свинцовые алфавитные таблички. В дар греческой Афине приносили пряслица с надписями. Если древнеевропейские знаки действительно являются иероглифами, то традиция украшать вотивные дары надписями зародилась за пять тысяч лет до Ретии, Артемиды или Афины.

Абстрактные знаки – символы, от которых произошли письмена

Были ли эти надписи изначально только графическими, состоящими из линий и их различных комбинаций, или же они – результат эволюции уже существовавших и наделенных религиозной значимостью знаков? Последнее, как мне кажется, ближе к истине, поэтому показательно будет обратиться к символическим обозначениям, имевшим хождение до появления письма.

Самостоятельные абстрактные – не пиктографические – обозначения, такие как «V», «X» и «Y», возникли в эпоху верхнего палеолита. Их вырезали на камнях, на костях, на оленьих рогах, и в таком виде многие из них просуществовали весь мезолит вплоть до раннего неолита. В Древней Европе и в Анатолии их можно регулярно видеть на керамических изделиях: они бывают удвоены, утроены, умножены, перевернуты, противопоставлены, соположены с меандрами и параллельными линиями.

Существование некоторых знаков идет от верхнепалеолитических культур граветт и мадлен вплоть до неолита, медного века и даже раннего европейского и анатолийского бронзового века, что в общей сложности составляет около 15 тысяч лет. Превосходным примером тому является знак «V», который происходит от обозначения вульвы или лобкового треугольника, одного из древнейших символов во всем доисторическом искусстве. Если сравнить надписи на верхнепалеолитических статуэтках из Мезина (рис. 8-13) и те, что есть на статуэтках культуры винча V тыс. до н.э. (рис. 8-14), то нельзя не отметить их удивительное внешнее сходство. Поскольку их контекст всегда гомологичен, это говорит об их центральной роли в символической системе, связанной с некоторыми проявлениями Богини.

Так, если взять знак «V», то он может быть вырезан на статуэтке один раз или повторен несколько раз.

Рис. 8-13

Рис. 8-13
Верхнепалеолитические статуэтки из слоновой кости в виде антропоморфных водоплавающих птиц. На них вырезаны знаки «V», шевроны (множественные знаки «V» и «X») и двойные линии. Мезин, бассейн Верхней Десны, Украина. Ок. 17000–14000 гг. до н. э.; высота (1) 30 см, (2) 7,2 см.

Рис. 8-14

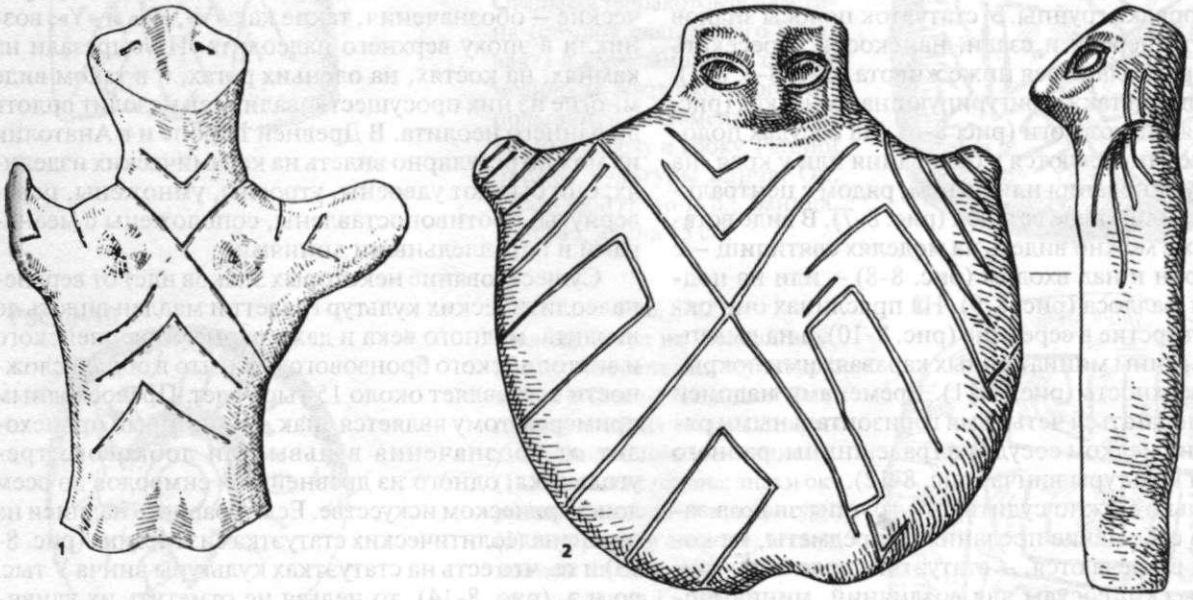


Рис. 8-14
Статуэтки культуры винча со знаками «X», «V» и меандрами. (1) Статуэтка в маске и с крыльями из Турдаша, Клуж, Западная Румыния, ок. 5200 г. до н.э. (2) Дискообразная статуэтка с клювом (Богиня-птица) и обрубками вместо рук (или крыльев). Вся плоская поверхность покрыта символами. Большой знак «X» делит ее на 4 части: в верхней, пониже шеи, – шеврон, в остальных трех – концы меандров. Плечи украшены параллельными линиями. Винча. Ок. 5000 г. до н.э.; высота (1) 9 см, (2) 12 см.

Рис. 8-15

Рис. 8-15

Корпус этой статуэтки поделен на четыре секции, в каждой – узор из множественных переплетающихся шевронов различных пропорций и ориентации. Гомолава, средний период культуры винча. Начало V тыс. до н. э.; высота 8,5 см.

Рис. 8-16

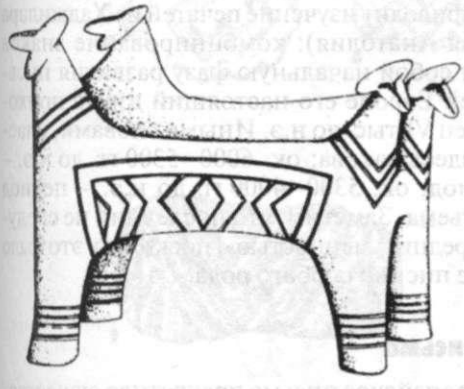


Рис. 8-16

Зооморфный сосуд для приношений с картушем, в который заключены шевроны, единичные знаки «V» и ромбы (составленные из двух знаков «V»). Тройные шевроны также повторяются на шее каждого животного (стилизованных баранов). Культура винча, Приштина, Южная Югославия. Ок. 5300–5000 гг. до н. э.; высота 6,7 см.

Рис. 8-17

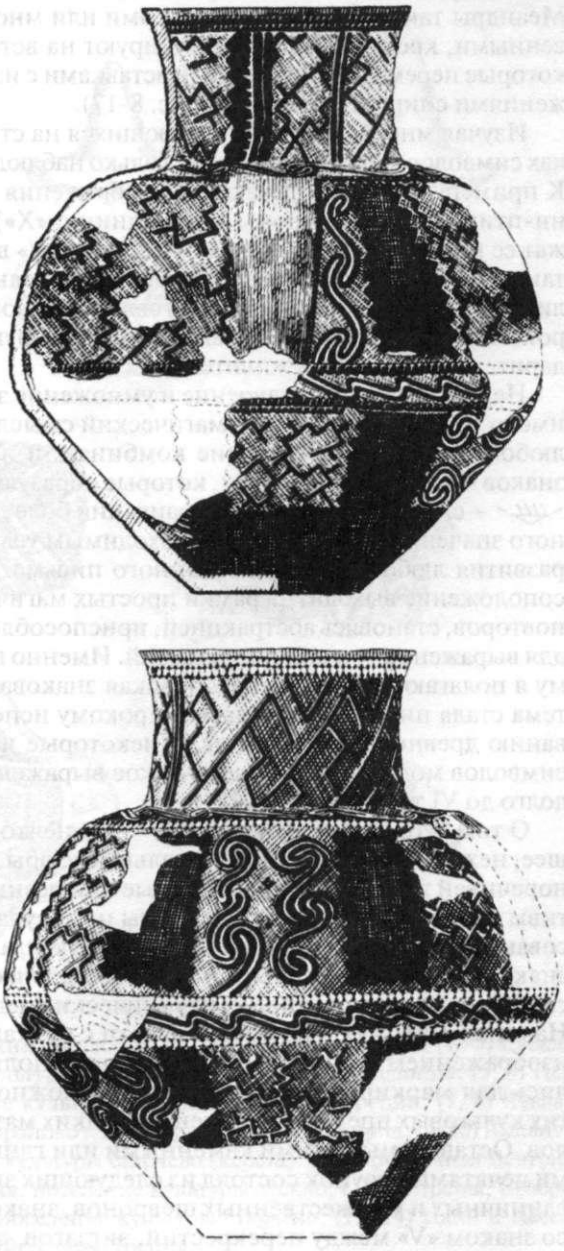


Рис. 8-17

Разбитый на секции символический узор из меандров, спиралей и сетчатого рисунка покрывает поверхность сосуда из Вэдэстры II, Юго-Западная Румыния. Ок. 5200–5000 гг. до н. э. Нарезной орнамент с белой инкрустацией, серый фон; высота 55 см.

Часто он бывает утроен или умножен до бесконечности, образуя многослойный шеврон. Варьируются и размеры знаков «V» и шевронов. На некоторых статуэтках, как и на сосудах, знак «X», простые и соединенные друг с другом шевроны появляются в виде отдельных вставок (рис. 8-15). Одинарными и множественными знаками «V» и шевронами бывают украшены изображения Богини-птицы – как детализированные, так и схематические, – и связанные с ее культом предметы: орнитоморфные сосуды и статуэтки баранов, миниатюрные столы или вместилища для приношений (рис. 8-16). Знак «V» или шеврон обычно соседствует с несколькими (двумя, тремя, четырьмя или более) параллельными линиями. Меандры также бывают одинарными или множественными, кроме того, они фигурируют на вставках, которые перемежаются другими вставками с изображениями спиралей или змей (рис. 8-17).

Изучая многообразие встречающихся на статуэтках символов, можно сделать несколько наблюдений. К примеру, знаки, окружающие изображения Богини-птицы («V» и шевроны в сочетании с «X»), служат ее идентификации, меж тем как знак «V» в сочетании с меандрами, зигзагами или параллельными линиями подчеркивает ее тесную связь с водной сферой, источником жизни, и напоминает о ее функции дарительницы влаги и живительных вод.

Не исключено, что удвоение и умножение знаков имело заклинательный или магический смысл. Но в любом случае существование комбинаций из двух знаков – к примеру, «V» и ⩛, которые образуют знак ⩛ – свидетельствует о выстраивании более сложного значения, что является необходимым условием развития любого формализованного письма. Такое соположение выходит за рамки простых магических повторов, становясь абстракцией, приспособленной для выражения тончайших различий. Именно поэтому я полагаю, что древнеевропейская знаковая система стала письмом благодаря широкому использованию древнейших символов. А некоторые из этих символов могли иметь фонетическое выражение задолго до VI тыс. до н.э.

О том, что абстрактные знаки – это нечто большее, нежели обычные орнаментальные узоры, красноречивей всего говорят выемчатые или резные мотивы на глиняных печатях, штампы на сосудах, рисованные или резные символы на статуэтках, а также знаки, образующие полосы и круги и появляющиеся на прямоугольных полях керамических изделий. Начиная с VII–VI тыс. до н.э. печати с ручками и с изображением общепринятых знаков использовались для маркировки керамики и, возможно, других культовых предметов из менее стойких материалов. Оставляемый этими каменными или глиняными печатями рисунок состоял из следующих знаков: единичных и множественных шевронов, знаков «X» со знаком «V» между перекрестий, зигзагов, знаков «M» и «N», вихреобразных росчерков, обычных заполненных крестов, концентрических кругов квадратов, треугольников с точкой, параллельны двойных и тройных линий, трех линий, соедине ных горизонтальной перемычкой, кистей, четыр и более линий, иногда соединенных перемычко (рис. 8-18). Кроме того, на них встречаются меан ры, свернувшиеся змеи, одинарные и двойные сп рали, сетчатый и шахматный рисунок, а также р сунок змеиной кожи (точечные полосы с рисунко из соединенных друг с другом ромбов). Когда окол 5000 г. до н.э. появились цилиндрические печати, н них по-прежнему вырезали только отдельные си волы (рис. 8-19). Однако на цилиндрических печ тях середины V тыс. до н.э. из Ситагроя (Македо ния) помимо отдельных символов можно виде группы знаков «V», S-образных спиралей и ти (рис. 8-20).

Самые ранние печати с ручками, на которых вы резано более одного знака, датируются первой поло виной VI тыс. до н.э. и принадлежат культурам ста чево (кёрёш) и караново (рис. 8-21). К сходным на блюдениям приводит изучение печатей из Хаджила (Центральная Анатолия): комбинирование знако представляет собой начальную фазу развития пис ма. В Древней Европе его настоящий взрыв прихо дится на конец VI тыс. до н.э. Иными словами, кла сификация здесь такова: ок. 6000–5300 гг. до н.э. ранний период; ок. 5300–4000 гг. до н.э. – перио высшего подъема. Заметим, что последний не след ет считать «предписьменностью», поскольку это бы полноценное письмо особого рода.

Следы письма

Древнеевропейское письмо прекратило существо вание приблизительно в 4300–4000 гг. до н.э., одно временно с распадом караново, винча и других кул турных групп Древней Европы, который последова за наступлением из южнорусских степей всадников скотоводов, носителей, как можно предположит индоевропейского языка. Однако оно сохранилось Эгейском регионе, поскольку там, в отличие от Д найских областей, древнеевропейская цивилизаци продолжала существовать еще два тысячелетия. Н удивительно, что есть определенное сходство меж древнеевропейскими письменами и эгейской, ми нойской и критской письменностью раннего брон зового века. Более загадочными представляют аналогии между древнеевропейскими знаками критской иероглификой и линейным письмом III–II тыс. до н.э. Их наличие заставляет предпол жить, что сложившееся за четыре тысячелетия до п явления на Крите минойской иероглифики и линей ного письма А древнеевропейское письмо когда-т использовалось жителями этого острова, которы говорили на неиндоевропейском языке.

Рис. 8-18

Рис. 8-18

Печати с символическими знаками, ок. 6000–5500 гг. до н. э. (1–3) Сескло, Греция; (4) Анза II, культура старчево, Центральная Македония; (5, 6) Нea-Никомедия, поселение культуры сескло в Северной Греции; (7, 8) Чавдар, поселение культуры караново к востоку от Софии, Болгария; (9, 10) Копанч и Котачпарт, поселения культуры старчево (кёрёш), Юго-Восточная Венгрия; (11) Пирасос, Фессалия, поселение культуры сескло; (12) Петрены, Северо-Восточная Румыния, поселение культуры старчево; (13, 14) Цани и Нессонис, культура сескло, Фессалия, Греция.

Рис. 8-19

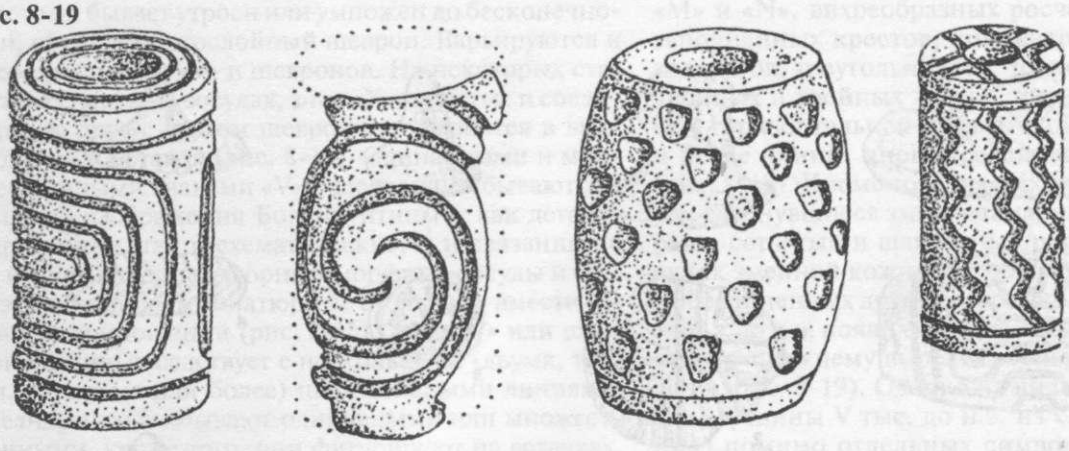


Рис. 8-20.1

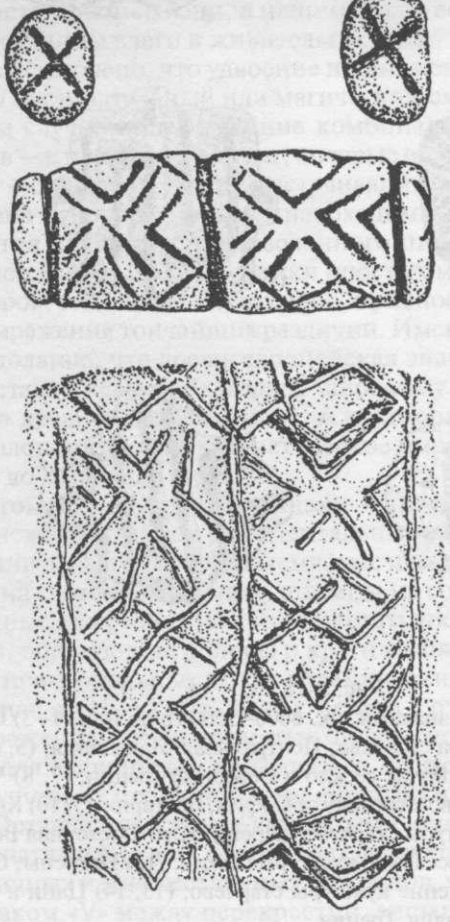


Рис. 8-20.2

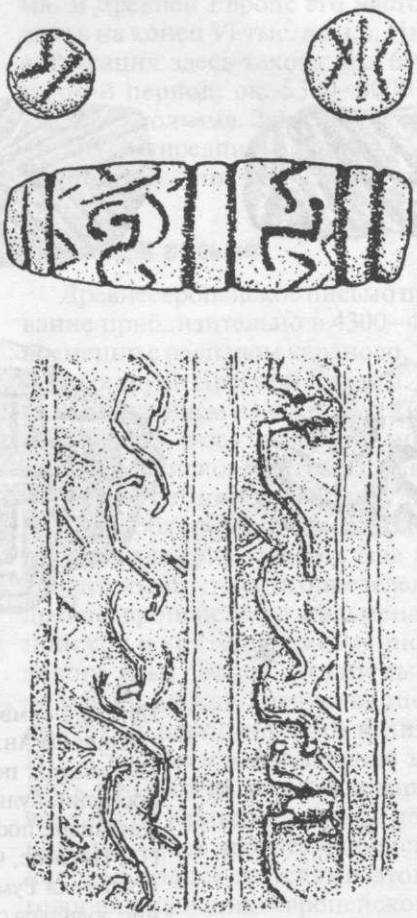


Рис. 8-19
Цилиндрические печати с символами – меандрами, противопоставленными спиралям, зигзагами и точками. Малик IIa, Албания. Ок. 5000–4500 гг. до н. э.; высота ок. 5 см.

Рис. 8-20
Цилиндрические глиняные печати из Ситагроя, равнина Драмы, Македония, Северо-Восточная Греция. Поверхность печатей поделена на две части (см. развертку). На той, что слева, – довольно небрежный нарезной узор из знаков «V», образующих X-образный мотив. Между ними проведено несколько дополнительных линий, а каждый конец помечен знаком «X». На той, что справа, – знаки «S» и «Z», а также знаки «V» по краям и на обоих концах. Ситагрой II. 5200–4600 гг. до н. э.; длина (1) 3,8 см, (2) 3,9 см.

Рис. 8-21

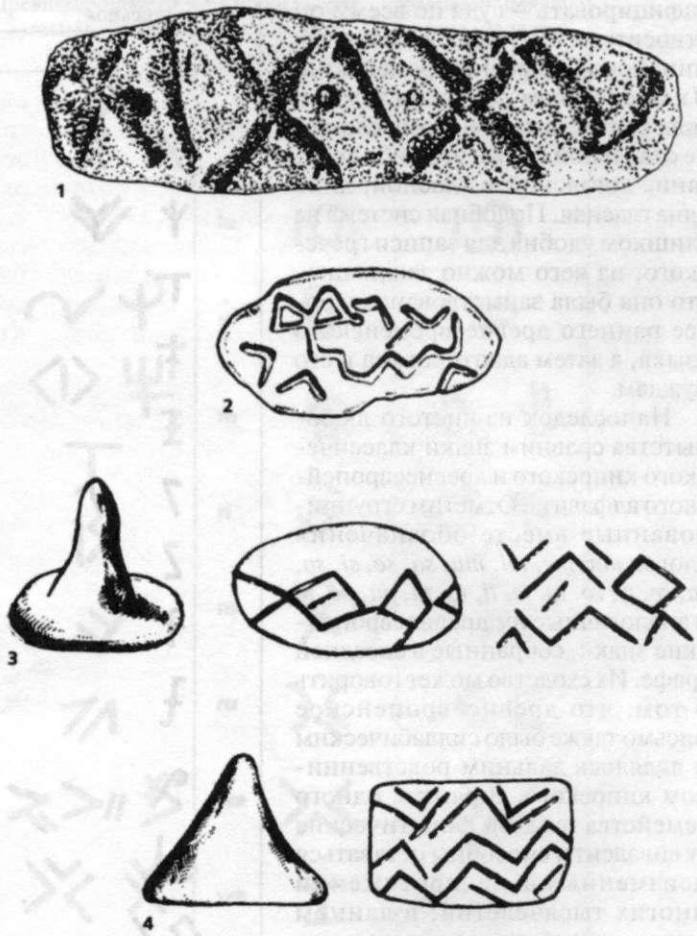


Рис. 8-21
Глиняные печати с ручками, на которых вырезано более одного знака, появляются в первой половине VI тыс. до н. э. в культурах старчево (кёрёш) и караново. На тех, что представлены здесь, можно видеть знаки «V», «X», зигзаги, прямые линии и точки. (1) Копанч; (2) Котачпарт, поселения культуры кёрёш в Юго-Восточной Венгрии, ок. 5600–5400 гг. до н. э. (3, 4) Азмак I, Стара-Загора, культура караново I, ок. 5800 г. до н. э. Масштаб 1 : 1.

Критская иероглифика имела сакральное значение и была связана с ритуальными церемониями, тем самым напрямую продолжая традиции древнеевропейского письма. Более развитое линейное письмо А также ассоциировалось с религиозными практиками, но не исключительно с ритуальными церемониями. Весомым аргументом в пользу того, что в его основе лежит древнеевропейское письмо, может служить сравнительный анализ полного перечня знаков, используемых этими письменными системами. Согласно исследованию Х.Хаарманна (1990), между ними обнаруживается не меньше 50 параллелей (рис. 8-22)[3].

Кипро-минойская письменность датируется серединой II тыс. до н.э., кипрское классическое письмо – VII–II вв. до н.э. Хотя кипро-минойский шрифт родственен линейному письму А, он, скорей всего, восходит к какому-то другому, более архаическому и общему для них праязыку. Как и линейное письмо А, его до сих пор не удается расшифровать, меж тем как это удалось сделать в случае классического кипрского письма, которое было расшифровано в 1870 г. с помощью двуязычных надписей на кипрском и финикийском. Этот алфавит использовался для записей на греческом

и этеокипрском языке, последний из которых пока не удалось идентифицировать – судя по всему, он относится к тому же семейству, что минойский и древнеевропейский. В классическом кипрском каждый знак соответствует целому слогу, а не отдельной букве: это либо сочетание согласной и гласной, либо одна гласная. Подобная система не слишком удобна для записи греческого, из чего можно заключить, что она была заимствована из более раннего древнеевропейского языка, а затем адаптирована к его нуждам.

Напоследок из чистого любопытства сравним знаки классического кипрского и древнеевропейского алфавита. Отметим сгруппированные вместе обозначения слогов *ma*, *me*, *mi*, *mu*, *sa*, *se*, *si*, *so*, *ra*, *re*, *ri*, *ro*, *ta*, *te*, *ti*, *to*, *tu*, *pa*, *pe*, *pi* и аналогичные им древнеевропейские знаки, собранные в соседней графе. Их сходство может говорить о том, что древнеевропейское письмо также было силлабическим и являлось дальним родственником кипрского. В рамках одного семейства языков фонетические эквиваленты способны оставаться неизменными на протяжении многих тысячелетий; в данном случае этот срок мог превышать пять тысяч лет.

Заключение

Древнеевропейский алфавит был общеупотребительным приблизительно в 5300–4300 гг. до н.э. и представлял собой разновидность священного «письма», которое можно видеть на культовых предметах – статуэтках, тронах, моделях святилищ, вместилищах для приношений, алтарях, сосудах для возлияний, моделях священных хлебов, подвесках, табличках и пряслицах. Он предназначался для сообщения между людьми и божествами и не имел ничего общего с коммерческим и административным письмом Месопотамии или микенским линейным письмом Б. Его развитие

Рис. 8-22

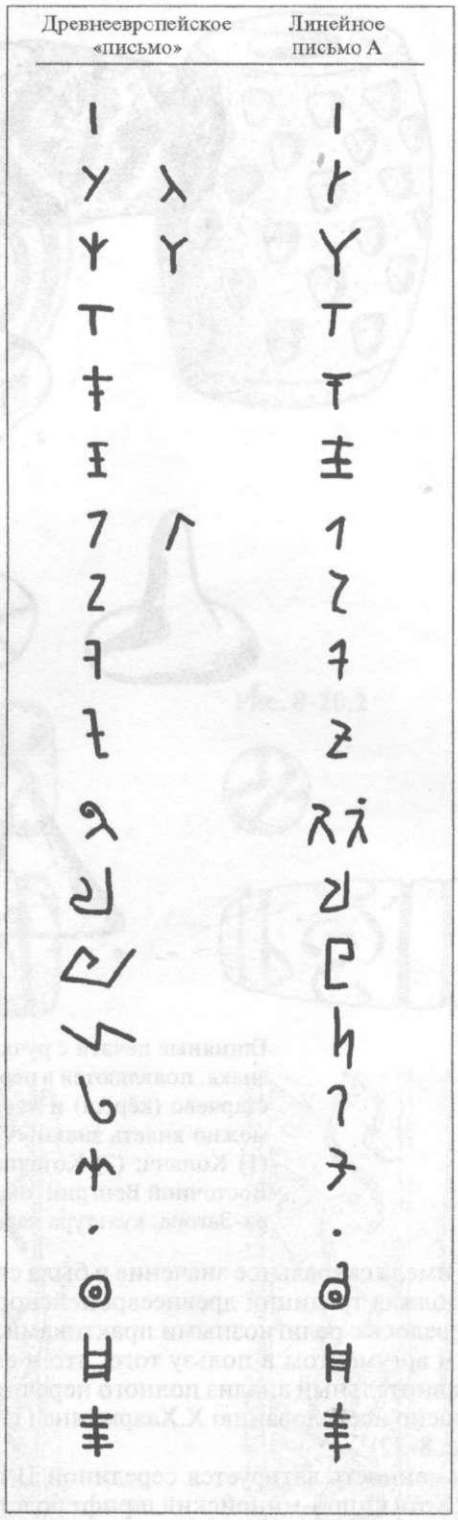


Рис. 8-22
Древнеевропейские «письменные» знаки и критское линейное письмо А (см.: Haarmann 1990).

Рис. 8-23
Удивительное формальное сходство классического кипрского алфавита и древнеевропейских «письменных» знаков.

Рис. 8-23

Классический кипрский алфавит	Древнеевропейские «письменные» знаки	Классический кипрский алфавит	Древнеевропейские «письменные» знаки	Классический кипрский алфавит	Древнеевропейские «письменные» знаки
sa		pe		lo	
se		pi		lu	
si		po		ra	
so		pu		re	
su		na		ri	
ka		ne		ro	
ke		ni		ru	
ki		no		wa	
ko		nu		we	
ku		ma		wi	
ta		me		wo	
te		mi		za	
ti		mo		zo	
to		mu		xa	
tu		la		xe	
pa		le			
		li			

пришлось на эпоху неолита и было вызвано широким хождением разнообразных символических знаков, частично очень древних и, возможно, обладавших фонетическими эквивалентами. Около 6000–5300 гг. до н.э. появились первые комплексные сочетания символов и дополнявших их линейных знаков. Как можно предположить, иероглифические линейные знаки вошли в древнеевропейское письмо в качестве фонетических эквивалентов, из которых можно было вывести другие фонетические эквиваленты, будь то слоги или слова. Последнее достигалось путем модификации первоначальных знаков, к которым добавляли прямые или кривые линии и точки, удваивали их, переворачивали, сливали вместе, что в итоге и привело к созданию сложного алфавита, который, без учета вариаций, состоял приблизительно из 30 основных знаков и более 100 модифицированных.

Судя по всему, с конца VI тыс. до н.э. отдельные символы и составные знаки образовали морфемографический (логосиллабический) алфавит, использовавшийся культурными группами винча, тиса, караново и многими другими по всей Древней Европе. Исчезновение этого письма в конце V тыс. до н.э. совпадает с началом индоевропеизации Центральной Европы. Его ответвления еще на протяжении нескольких тысячелетий продолжали существовать на Крите и на Кипре.

ГЛАВА IX

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Древнейшие из мировых цивилизаций – китайская, тибетская, египетская, ближневосточная и европейская – были, насколько можно судить, матриархальными «цивилизациями Великой Богини». Поскольку развитие земледелия являлось заслугой женщин, неолит предоставил оптимальные условия для сохранения унаследованной от палеолита матрилинейной и эндогамной системы. Именно в раннеземледельческий период влияние женщин на хозяйство, искусства, ремесла и социальные функции общества было особенно высоко. По-прежнему продолжали существовать материнские кланы и связанные с ними принципы коллективизма.

Во всей Древней Европе нет признаков присутствия где-либо патриархального института вождей индоевропейского типа. Не найдено ни царских гробниц, ни жилищ-мегаронов на укрепленных возвышенностях. Погребальные обряды и расположение поселений соответствуют матрилинейным структурам, а распределение погребального инвентаря говорит об экономическом эгалитаризме.

Первоначальные исследования общественных структур древнего мира, к которым относятся работы Й.-Я.Бахофена (1815–1887) и Р.Бриффо (1873–1948), были построены на изучении древних исторических записей, археологии, мифов, а также этнографических параллелей[1]. Эти ученые пришли к выводу, что древнеевропейское общество было матрилинейным (наследование шло по женской линии) и матриархальным. В XX в. нет исследования более широкого междисциплинарного охвата, нежели «Доисторическая Эгея: исследования древнегреческого общества» (1949) Дж.Томсона[2]. Современные работы, как правило, сосредоточены на изучении того или иного географического региона, в основном Западной[3] или Центральной Европы[4].

Серьезным и в какой-то мере непреодолимым препятствием на пути изучения древних сообществ является подсознательная уверенность в том, что на самом деле они были похожи на наше общество. Еще в 1859 г. Бахофен предупреждал, что «ученый должен обладать способностью отказаться от представлений своего времени и перенестись в самую сердцевину совершенно иного мира мысли»[5], однако сложней всего бывает признать само существование «иного мира». Другая сложность связана с термином «матриархат», который в антропологической литературе XX в. часто используется в качестве зеркальной реплики патриархата или андрократии для обозначения иерархической структуры, в которой власть насильственно захвачена не мужчинами, а женщинами. Однако все это бесконечно далеко от истинной Древней Европы. Ни в ней, ни во всем древнем мире не найти системы женской автократии, которая подразумевала бы соответствующую меру подавления мужчин. Напротив, мы видим общественное устройство, в котором оба пола были в более или менее равном положении: этот тип общества можно было бы назвать *гиланией* («gylany»). Этот термин принадлежит Р.Эйслер (первый слог заимствован из слова «gyne»/«женщина», часть второго – из «andros»/«мужчина», а соединяющая их буква «л» – из «lyein»/«разрешать» или «lyo»/«освобождать»). Гилания подразумевает равноценные отношения между полами, а не их иерархическое «структурирование»[6]. Кроме того, я предпочитаю говорить о «матриальности» – просто для того, чтобы избежать термина «матриархат» (уточним, что матриальность включает в себя матрилинейность).

Материалы поселений

В этом разделе использованы данные из Юго-Восточной и Центральной Европы, поскольку именно там получены более полные материалы по структуре поселений и жилищ, нежели в прочих частях Европы.

Культура сескло (ок. 6500–5500 гг. до н.э.): центрообразующие телли и связанные со святилищами группы домов

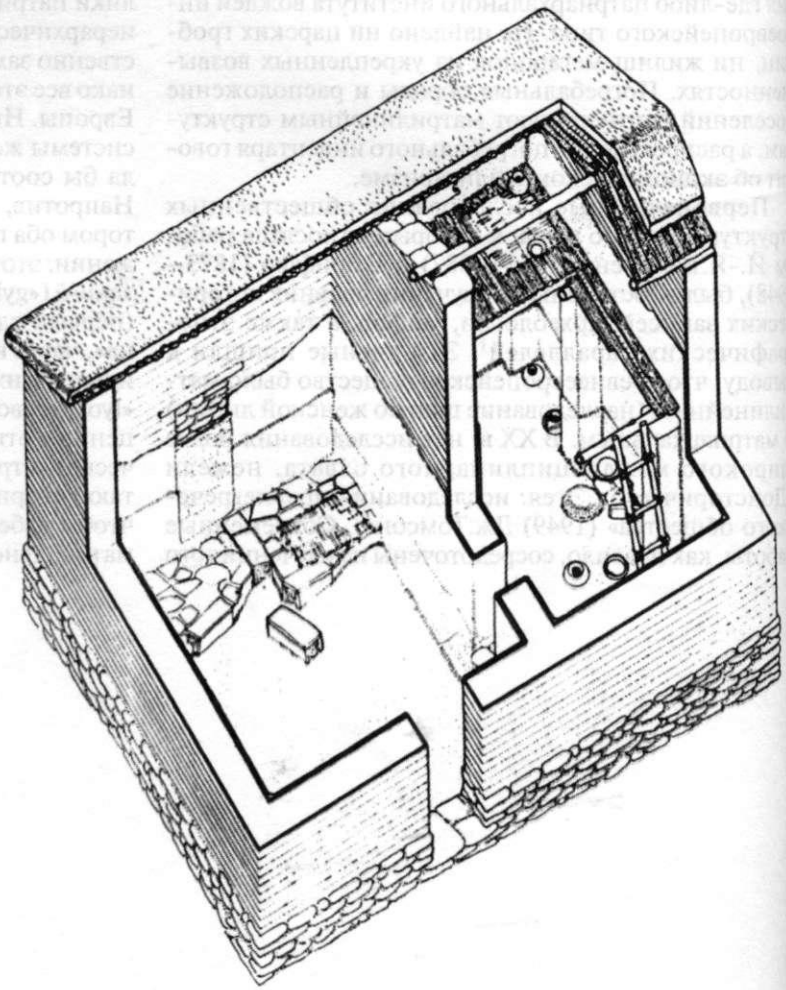
Нам до сих пор очень мало известно о политической и экономической структуре древнейшего неолита. Предполагается, что каждое сельское сообщество осуществляло контроль над собственными производительными ресурсами, земледелием, разведением скота и другими способами обеспечения достаточного пропитания. Однако не следует считать, что древнейшие пахари Юго-Восточной Европы были примитивными земледельцами. Нет, они занимались не только производством продуктов пропитания, но и торговлей, строительством домов и святилищ, резьбой по камню, кости и дереву, а с середины VII тыс. до н.э. – изготовлением керамики. Но что самое важное, они были способны воплощать свои религиозные представления в скульптуре и в рисунках, используя при этом сложную систему символов. Мы также не должны забывать, что они непрерывно соприкасались с жителями Эгейского и Средиземноморского побережья, которые были мореплавателями, и что не так далеко на востоке цвело удивительно тонкое искусство Чатал-Хююка.

С 6500 по 6000 г. до н.э. есть свидетельства существования центрообразующих теллей, которые, возможно, играли роль местных религиозных центров. Они были обитаемы на протяжении столетий, порой – тысячелетий, при этом от них постоянно откалывалась часть обитателей, которые образовывали новые поселения в радиусе 5–20 км.

Есть авторы, которые склонны видеть в некоторых чертах классической культуры сескло, существовавшей в Фессалии в начале VI тыс. до н.э., признаки иерархичности[7]. Так, Сескло, постоянное поселение-телль на холме возле ущелья (см. рис. 2-4, 2-5), было обозначено как «акрополь», а поселение по ту сторону ущелья – как «город». По подсчетам Д.Теохариса, город покрывал поверхность в 20–25 акров и имел около 3000 жителей. В 1973 г. он писал: «Теперь мы почти уверены, что самая высокая часть поселения – на самом деле акрополь маленького средненеолитического городка»[8].

Как мне представляется, термин «акрополь» здесь может ввести в заблуждение. Кроме того, археологи (Цунтас в начале XX в. и Теохарис в 1970-е гг.) говорят о «мегаронах», располагавшихся в центре поселка, в котором было раскопано около 30 домов. А ведь отсутствие заметных построек в центральной части, – которое может быть свидетельством отсутствия иерархии, – отмечалось всеми учеными, проводившими раскопки поселений культуры сескло. Как мне кажется, мегароны культуры сескло – совсем не те центральные постройки раннего бронзового века, которые служили жилищами вождей. Что же касается каменной стены, возведенной вокруг телля Сескло, то в ней, очевид-

Рис. 9-1



ным образом, была необходимость из-за крутизны холма.

Эти дома с двумя комнатами (одна чуть побольше, другая чуть поменьше), которые работавшие в Сескло археологи сочли мегаронами, на самом деле были святилищами: это подтверждают мои собственные раскопки в Ахиллейоне (см. рис. 7-46), поселении приблизительно 6000–5800 гг. до н.э., т.е. того же периода, что и «мегароны» Сескло. Подобного рода святилища обнаруживаются и в малых, и в больших поселениях и своей архитектурой почти не отличаются от обычных жилищ, за исключением того, что в них, как правило, две комнаты (собственно святилище и мастерская). В Сескло самое большое число керамических находок было сделано в двухкомнатном святилище, в том числе обнаружены удивительно красивые кувшины (рис. 9-1). В святилище как таковом (комната слева) было каменное возвышение (алтарь) и следы стоявших посередине двух деревянных колонн.

Святилища располагались в непосредственной близости от жилищ. В ранненеолитическом поселении Неа-Никомедия (Македония, ок. 6300–6100 гг. до н.э.) большое святилище шириной около 12 м было окружено шестью домами шириной около 8 м, расположенными в 2–5 м друг от друга (рис. 9-2)[9]. Внутри него были найдены скульптуры Богини-птицы, аски (сосуды, очертания которых напоминают птиц), сосуд с изображением лика богини на горлышке, чрезмерно большие, не бывавшие в употреблении топоры (символы Богини) из зеленого камня и другие сакральные предметы.

Обычай возводить церкви рядом с жилыми домами, архитектурно их ничем не выделяя, по сей день жив в деревнях и в небольших городках Эгейских островов. Семья или несколько связанных родственными узами семей, живущих в 4–6 домах, имеют свою маленькую церковь, забота о которой лежит на женщинах. Православные священники – для них редкие гости, и служат они лишь по особо торжественным случаям. Эту традицию я сама имела возможность наблюдать в последние десятилетия на островах Скирос, Парос, Наксос, Китнос, Мелос, Миконос и других.

Взаимосвязь между более крупными поселениями-теллями и окрестными поселками, как и между обычными домами и святилищами, не всегда достаточно выявлена, поскольку поселения редко бывают раскопаны полностью. Однако можно утверждать, что здесь есть достаточно прочная и повторяющаяся на протяжении тысячелетий закономерность: отсутствие акрополей, мощных укреплений и особых центральных построек. Что касается святилищ, то они обязательно включены в повседневную жизнь поселения.

Рис. 9-1
Похожее на жилой дом двухкомнатное святилище из Сескло, Фессалия. Справа мастерская с чердаком для сушки керамики; слева – культовое помещение с глиняным алтарем, покрытым плоскими камнями. В середине комнаты найдены следы двух колонн. Средний неолит, Сескло. Ок. LIX–LVIII вв. до н.э.; ширина 7 м.

Рис. 9-2

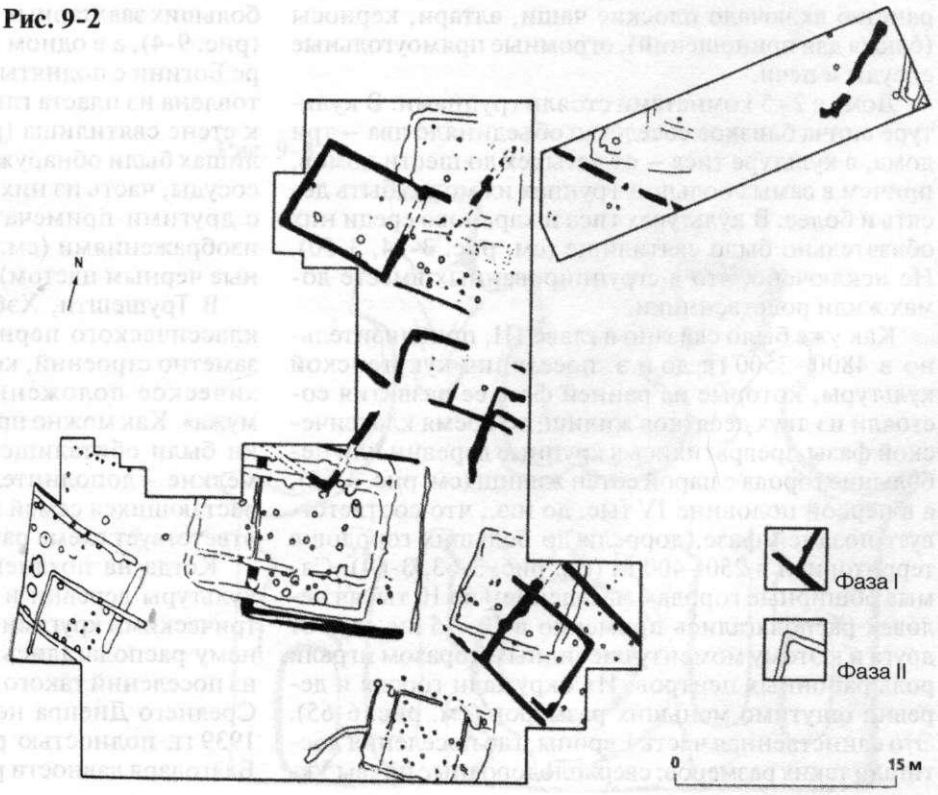


Рис. 9-2
Ранненеолитическое поселение Неа-Никомедия, Македония: план жилых домов и святилища (большое строение в центре). Ок. 6300–6100 гг. до н.э.

Восточная и Центральная Европа (5500–3500 гг. до н.э.): крупные телли – религиозные центры; группы домов со святилищами; большие дома матрилинейных родов

В 5300–4300 гг. до н.э. в культурах винча, бутмир, тиса и караново зафиксировано наличие постоянных центральных поселений, чье существование нередко измерялось столетиями. Они занимали территорию в 2–5 га, а в культуре тиса – вплоть до 11 га (самое крупное поселение – Сегвар-Тюзкёвеш в Юго-Восточной Венгрии). В радиусе 25–30 га от поселений-теллей археологи находят однослойные поселения, куда, как можно предположить, выплескивался излишек населения. Крупные поселения-телли – такие же религиозные центры, как минойские дворцы-храмы, чем, возможно, и объясняется их долговечность. При их раскопках было обнаружено большое количество церемониальной утвари: так, телль Винча скрывал в себе не менее 2 тысяч статуэток, зооморфных и орнитоморфных сосудов, столов и вместилищ для приношений, а также других предметов. В огромных теллях культуры тиса, таких как Сегвар-Тюзкёвеш и Кёкеньдомб, были найдены большие антропоморфные сосуды, скульптуры и алтари. Святилища, как правило, имели две комнаты или два этажа, их стены с обеих сторон были покрыты символическими рисунками, а с внешней их порой украшали еще и букрании, которые также могли быть на фронтоне. Внутреннее убранство включало плоские чаши, алтари, керносы (блюда для приношений), огромные прямоугольные сосуды и печи.

Дома с 2–5 комнатами стояли группами. В культуре винча близкое соседство объединяло два – три дома, в культуре тиса – от четырех до шести домов, причем в самых больших группах их могло быть десять и более. В культурах тиса и караново среди них обязательно было святилище (см. рис. 3-24, 3-50). Не исключено, что в сгруппированных вместе домах жили родственники.

Как уже было сказано в главе III, приблизительно в 4800–3500 гг. до н.э. поселения кукутенской культуры, которые на ранней фазе ее развития состояли из двух десятков жилищ, во время классической фазы превратились в крупные деревни или небольшие города с парой сотен жилищ (см. рис. 3-62), а в первой половине IV тыс. до н.э., что соответствует поздней фазе, доросли до больших городов с территорией в 250–400 га (см. рис. 3-63, 3-64). Самые обширные города с населением до 10 тысяч человек располагались примерно в 10–15 км друг от друга и к этому моменту очевидным образом играли роль районных центров. Их окружали города и деревни ощутимо меньших размеров (см. рис. 6-65). Это единственная часть Европы, где поселения достигали таких размеров: сверхплодородные почвы Украины и Молдавии гарантировали постоянный прирост населения.

Многие поселения кукутенской культуры классического периода, часть которых была полностью раскопана, состояли из 100–200 домов. В отличие от позднекукутенских городов, где постройки располагались концентрическими кругами, они не имели отчетливой планировки. Дома разных размеров – большие, средние и малые – образовывали отдельные скопления или неправильные ряды. Как можно предположить, в них жили большие семьи родственников, имевшие общих предков-родоначальников.

Рассмотрим большой поселок Трушешти, расположенный на севере Молдавии в долине реки Прут (рис. 9-3): в 1950-х гг. он был полностью раскопан Петреску-Дымбовицей. Число его обитателей могло достигать 900 человек. Было раскопано почти сто домов, большая часть которых относится к фазе A2 кукутенской культуры (ок. 4400–4300 гг. до н.э.) и лишь пять – к фазе B (начало IV тыс. до н.э.). Судя по вскрытым основаниям домов, они стояли группами или рядами по 5–8 штук и были разных размеров – крупные (12–20 м в длину), средние (8–12 м) и небольшие (5–8 м). Крупные постройки никак не отделялись от остальных, четкого различия между ними и строениями средних размеров не существовало, как не было в поселении и выделяющихся центральных построек.

Святилища можно опознать по наличию алтарей, больших заалтарных изображений, алтарных стенок (рис. 9-4), а в одном случае – по крупной скульптуре Богини с поднятыми руками, которая была изготовлена из пласта глины и, скорей всего, крепилась к стене святилища (рис. 9-5). Кроме того, в святилищах были обнаружены огромные разукрашенные сосуды, часть из них – с рельефами в виде богинь и с другими примечательными антропоморфными изображениями (см. рис. 9-3: постройки, отмеченные черным цветом).

В Трушешти, Хэбэшешти и других поселениях классического периода кукутенской культуры не заметно строений, которые бы указывали на иерархическое положение того или иного «великого мужа». Как можно предположить, крупные постройки были обиталищем основных семейств, а более мелкие – дополнительными помещениями для разрастающихся семей или мужскими домами, что соответствует схеме разрастания самих поселений.

Когда на позднем этапе развития кукутенской культуры деревни и города стали строить концентрическими кругами, то разного рода дома по-прежнему располагались смешанными группами. Одно из поселений такого рода – Коломийщина (бассейн Среднего Днепра неподалеку от Киева) – в 1934–1939 гг. полностью раскопано Т.Пассек (рис. 9-6). Благодаря давности раскопок и наличию выполнен-

Рис. 9-3

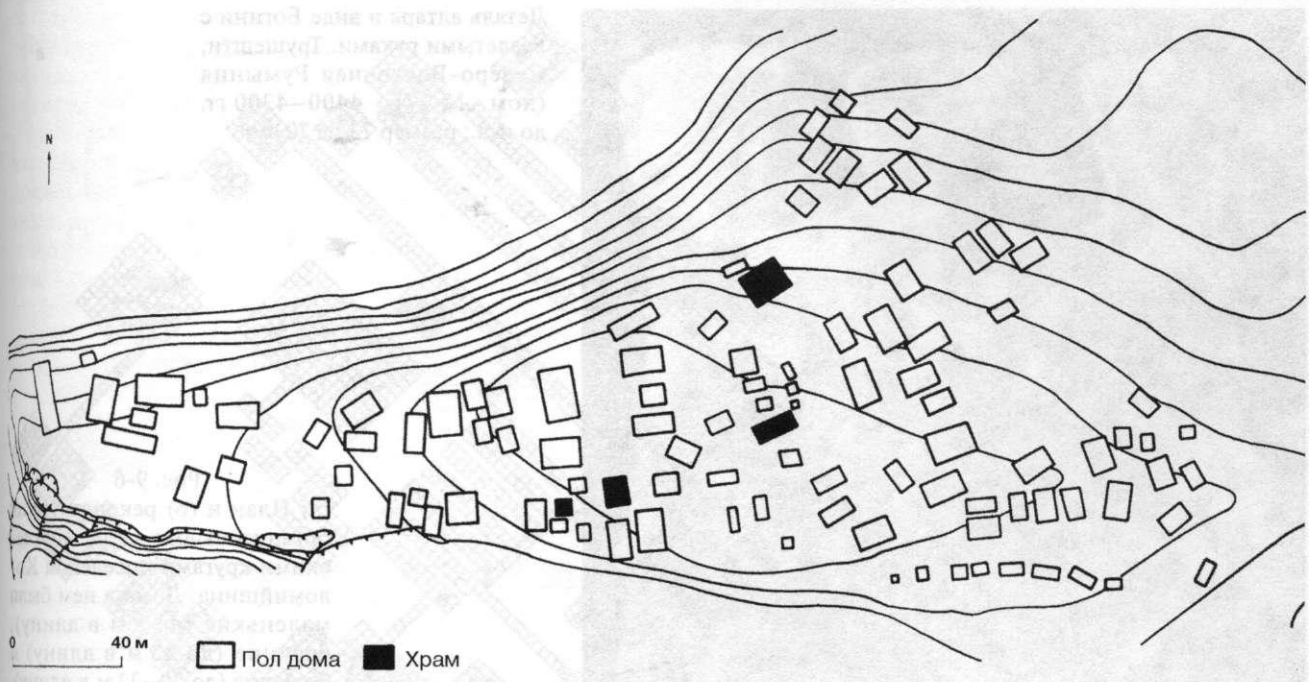


Рис. 9-3
Упрощенный план поселений кукутенской культуры в Трушешти, долина реки Прут, Северная Молдавия. 4400–4300 гг. до н. э.

Рис. 9-4

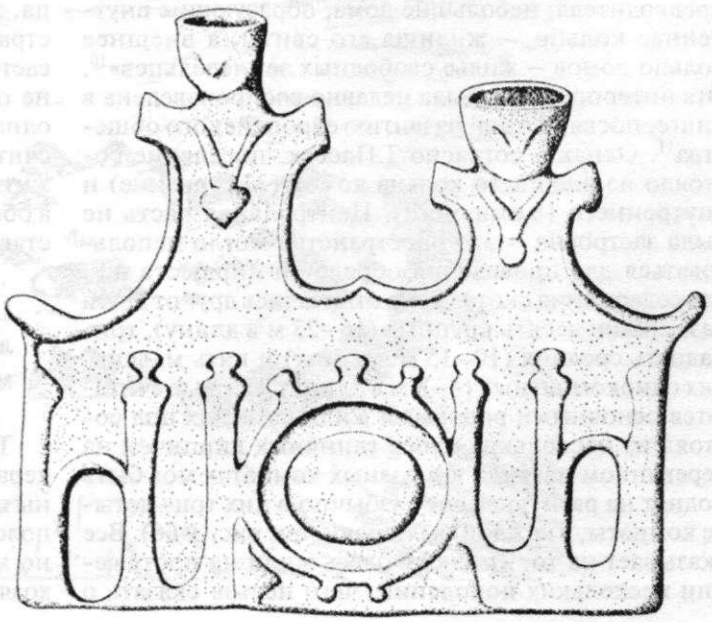


Рис. 9-4
Деталь алтаря (керамика) или уменьшенная копия фасада святилища с круглым входом и двумя антропоморфными фигурами на крыше. Трушешти, Северо-Восточная Румыния (дом № 24), кукутенская культура А2. Ок. 4400–4300 гг. до н. э.; ок. 150 см.

Рис. 9-5

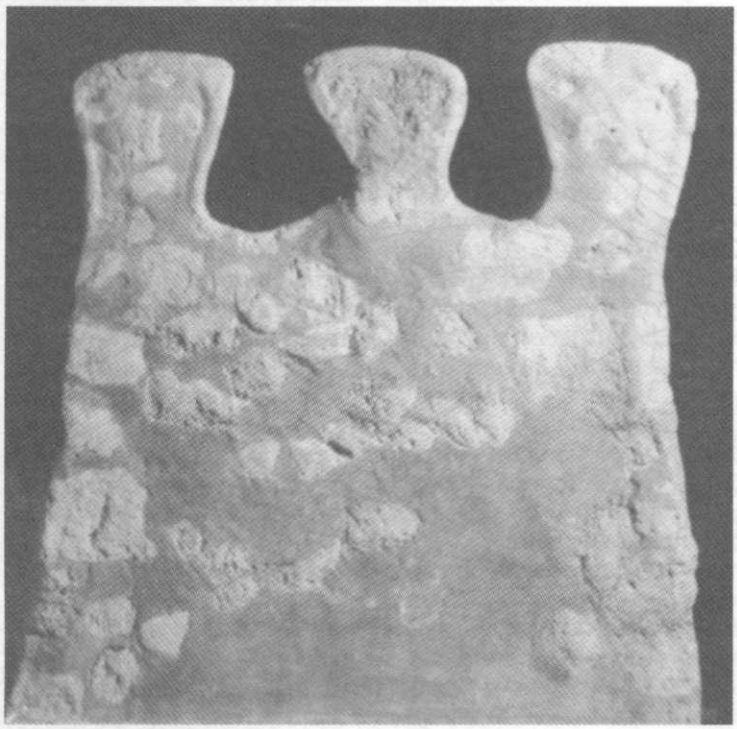


Рис. 9-5
Деталь алтаря в виде Богини с воздетыми руками. Трушешти, Северо-Восточная Румыния (дом № 27). 4400–4300 гг. до н. э.; размер 73 на 70 см.

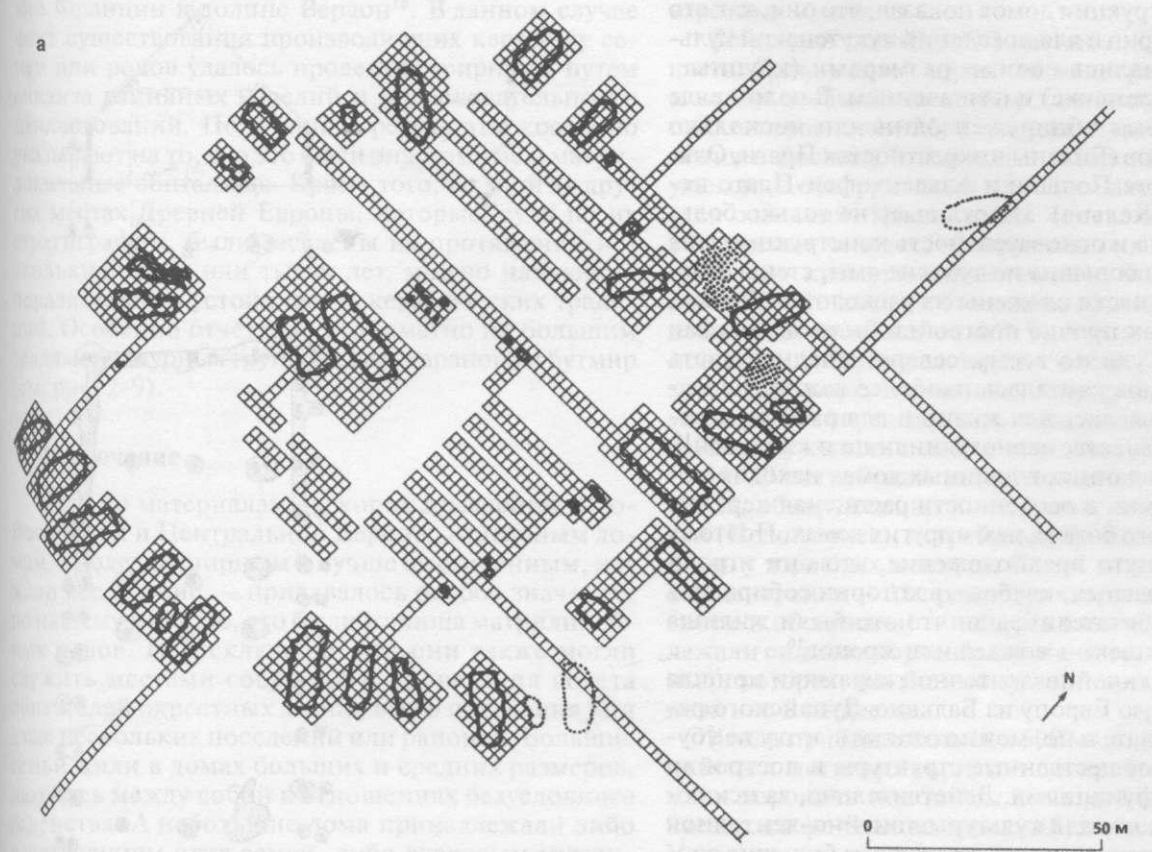
Рис. 9-6
(a) План и (b) реконструкция организованого концентрическими кругами поселения Коломийщина. Дома в нем были маленькие (до 8 м в длину), средние (до 15 м в длину) и большие (до 20–22 м в длину). Начало IV тыс. до н. э.

ной художником предположительной реконструкции Коломийщина неоднократно фигурировала в общих трудах о доисторической Европе в качестве примера поселения эпохи неолита. К сожалению, его внутренняя организация была неверно истолкована, поскольку опиралась на рисунок художника, а не на археологический отчет. Так, к примеру, один исследователь объясняет структуру поселка следующим образом: «Два больших дома в центре – чертог предводителя; небольшие дома, образующие внутреннее кольцо, – жилища его свиты, а внешнее кольцо домов – жилье свободных земледельцев»[10]. Эта интерпретация была недавно воспроизведена в книге, посвященной развитию европейского общества[11]. Однако, согласно Т.Пассек, поселение состояло из внешнего кольца домов (31 строение) и внутреннего (8 строений). Центральная часть не была застроена – это пространство могло использоваться для проведения обрядов и пиршеств или для содержания скота. Дома отличались друг от друга размерами: десять крупных (16–23 м в длину), тринадцать средних (10–15 м в длину) и пять маленьких однокомнатных (4–8 м в длину). Первые считаются основными родовыми жилищами; их пол состоял из нескольких слоев глиняных кирпичей на деревянном настиле и в разных комнатах мог быть поднят на разную высоту. Обычно в них три–четыре комнаты, в каждой были печи (см. рис. 3-66). Все указывает на то, что люди здесь жили на протяжении нескольких поколений, чего нельзя сказать о небольших домах. Жилища среднего размера являются копией более крупных, с той разницей, что они проще и полы в них имеют меньшее количество слоев. Что касается небольших домов, то у них однослойный пол и одна печь. Согласно Пассек, небольшие дома внутреннего круга – свидетельства разрастания поселения, когда ветви материнского рода отделялись и обзаводились новыми жилищами. Она считает, что поселение начиналось с внешнего кольца, а затем появилось внутреннее, т.е. что распространение шло во внутреннюю часть круга. Что касается двух больших домов внутреннего круга, то там не обнаружено ничего из ряда вон выходящего – одна кухонная утварь; нет ни малейшего основания считать, что это были жилища вождей. В них могло жить 20–30 человек, членов одной большой семьи, а общее число обитателей Коломийщины могло составлять около 500 человек[12].

Центральноевропейская культура линейно-ленточной керамики: большие длинные дома матрилинейных родов

Теперь обратимся к культуре линейно-ленточной керамики Центральной Европы, где были раскопаны целые селения и изучены закономерности их расположения. Здешние деревни отличаются существенно меньшими размерами: на одно земледельческое хозяйство приходилось 2–6 домов. Индивидуальные

Рис. 9-6



жилища в среднем использовались около 30 лет[13]. Анализ конструкции домов показал, что они, как это было характерно и для поселений кукутенской культуры, различались своими размерами (крупные, средние и маленькие) и назначением. В целом ряде поселений был обнаружен один или несколько длинных домов (Биланы в окрестностях Праги, Ольшаница на юге Польши и Альденхофен-Плато неподалеку от Кельна). Их отличает не только большая длина, но и основательность конструкции: для опор вырыты большие и глубокие ямы, стены северо-западной части сложены из расколотых бревен, в то время как прочие постройки были мазанками (рис. 9-7). Судя по всему, северо-западная часть длинных домов считалась наиболее важной, средняя использовалась для жизни и для работы, а передняя – в качестве зернохранилища и кладовой[14]. Изучение сделанных в длинных домах находок показало, что они, в особенности расписная керамика, здесь много богаче, чем в других домах. Поэтому было выдвинуто предположение, что они играли роль своеобразных «клубов», в которых собирались окрестные обитатели[15], или что это были жилища местных «шишек» – вождей или жрецов[16].

Культура линейно-ленточной керамики пришла в Центральную Европу из Балкано-Дунайского региона, следовательно, можно ожидать, что у нее будут близкие общественные структуры и постройки со схожими функциями. Действительно, за исключением того, что для культуры линейно-ленточной керамики совершенно не характерны большие скопления населения, система организации поселений имеет много общего с культурным комплексом старчево-винча и с только что описанными поселками кукутенской культуры. Ничто не подтверждает наличия здесь домов вождей или других местных «шишек», как не было их и на всей прочей территории Древней Европы эпохи неолита. Изучение захоронений, о которых речь чуть ниже, говорит о том, что некоторые люди преуспевали в торговле или в ремеслах, но не занимали позицию вождей. Что касается длинных домов, то они могли служить жилищем родовому клану, который регулировал религиозную, общественную и хозяйственную жизнь всего поселения или нескольких близлежащих домов.

Весьма любопытные результаты были получены ван де Вельде при изучении глиняной утвари из индивидуальных домов культуры линейно-ленточной керамики. Поскольку известно, что ее изготовлением занимались женщины, можно ожидать, что каждая большая семья в такой родовой системе будет производить однообразные изделия. Так и есть: раскопки индивидуальных домов показали, что набор изготавливаемых изделий оставался постоянным на протяжении приблизительно тридцатилетнего периода обитания, что и является аргументом в пользу превалирования матрилинейных родов[17]. Аналогич-

Рис. 9-7

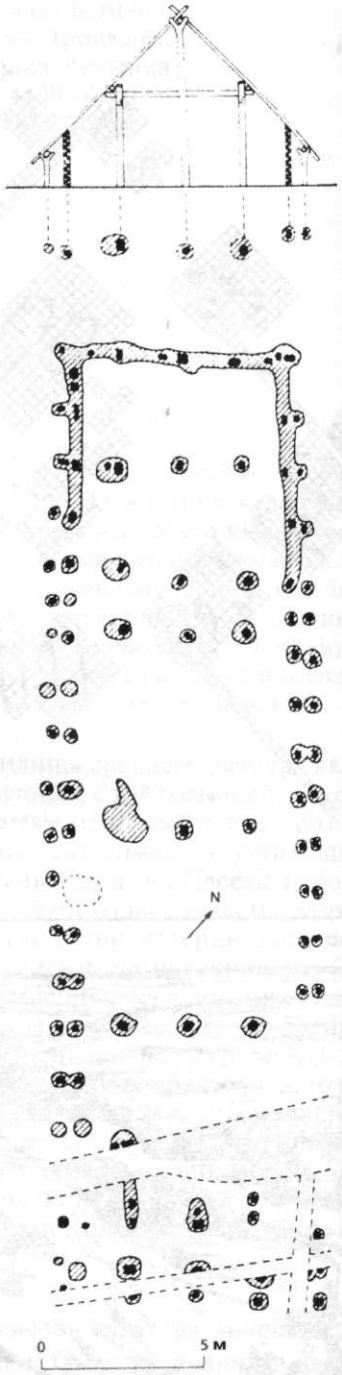


Рис. 9-7
Длинный дом культуры линейно-ленточной керамики. Северо-западный конец выстроен более основательно, чем все остальные части. Бохум-Гильроп, Западная Германия. Конец VI тыс. до н. э.; длина 28 м.

ное исследование было проведено П.Филлипс на юге Франции в долине Вердон[18]. В данном случае факт существования производивших керамику семей или родов удалось продемонстрировать путем анализа глиняных изделий и последовательности напластований. Полученные результаты косвенно указывают на то, что это были эндогамные и матрилокальные обиталища. Кроме того, во многих других местах Древней Европы, которые, судя по их стратиграфии, были заселены на протяжении нескольких сотен или тысяч лет, можно наблюдать поразительную устойчивость керамических традиций. Особенно отчетливо это заметно по большим теллям культурных групп сескло, караново и бутмир (см. рис. 2-9).

Заключение

Судя по материалам раскопок поселений Юго-Восточной и Центральной Европы, отдельным домам – более обширным и лучше выстроенным, нежели все прочие, – придавалось особое значение: по нашему мнению, это были жилища матрилинейных родов. Не исключено, что они также могли служить местами собраний и проведения совета обитателей окрестных домов, всего поселения или даже нескольких поселений или районов. Большие семьи жили в домах больших и средних размеров, находясь между собой в отношениях безусловного равенства. А небольшие дома принадлежали либо ответвлениям этих семей, либо взрослым мужчинам или ремесленникам. Дома разных размеров образовывали отдельные группы или ряды, – возможно, что это были жилища родственников. В состав подобных групп входили святилища, которые отличались от других построек стенной росписью и рельефами, а также очень выразительной обрядовой керамикой.

Отсутствие на протяжении двух тысячелетий (ок. 6500–4500 гг. до н.э.) боевого оружия и крепостных укреплений свидетельствует об отсутствии территориальной агрессии.

Материалы захоронений

Юго-Восточная и Центральная Европа (6500–3500 гг. до н.э.): погребения выдающихся женщин и мужчин–торговцев и ремесленников

В VII–VI тыс. до н.э. для неолитических культур Юго-Восточной Европы сескло, старчево и караново были характерны захоронения внутри домов: детей, мальчиков и девочек, а также женщин погребали под полом. Это говорит о статусе женщин и их потомства и о том, сколь тесна была их связь с домом. Как уже было отмечено в главе VII, обращает на себя внимание отсутствие мест для погребения взрослых мужчин.

Во второй половине VI тыс. до н.э. в некоторых частях Балкан детей хоронили во дворах рядом с домом и на особых выложенных камнями участках (это показали раскопки Обре I, позднестарчевского поселения в Боснии)[19]. Взрослых захоронений пока не удавалось обнаружить, и их местонахождение остается загадкой. Исключение составляют останки 10 взрослых человек, обнаруженные в нижнем слое поселения культуры винча к востоку от Белграда (ок. 5400–5300 гг. до н.э.): это единственный пример подобного захоронения во всей Восточной и Центральной Европе. Оно представляет собой глубокую яму, закрытую сверху деревянной надстройкой; останки уложены без определенного порядка, восемь принадлежали мужчинам и двое – женщинам[20].

Из 17 погребений эпохи раннего и среднего неолита, обнаруженных в пещерах и стоянках Франхти (Пелопоннес), погребальный инвентарь имелся лишь у взрослых женщин. Самая значительная его концентрация – 11 предметов (горшки, орудия из кости и обсидиана) – найдена в могиле, в которой лежали сильно скорченные останки старой женщины[21], которая, по-видимому, занимала высокое положение в обществе.

Когда приблизительно в 5000 г. до н.э. стали появляться могильники, детей по-прежнему продолжали хоронить под полом дома или во дворе. Что касается взрослых захоронений, то вплоть до конца V тыс. до н.э. они могли быть как в домах, так и в специально выделенных могильниках. С начала V тыс. до н.э. в могильниках разного размера большей части культурных групп Центральной Европы и Балкан (культуры линейно-ленточной керамики, бутмир, тиса и боян)[22] начинают появляться скопления из 5–10 могил. В крупных могильниках, таких как Асод к северу от Будапешта, могилы образуют три группы, приблизительно по 30 в каждой (рис. 9-8). В бассейне Днепра захоронения производились в общих ямах, независимо от возраста и пола, от 2–3 до 8–10 и более покойников в каждой. Эти ямы нередко примыкали друг к другу или образовывали длинный ров (см. рис. 3-79, 3-80), который, возможно, предназначался для захоронения родственников. В еще более крупных могильниках днепро-донецкой культуры удалось обнаружить по два–три ряда таких траншей: не исключено, что покойников распределяли по принадлежности к одному роду. Группировка по 20–30 человек также наблюдается в коллективных захоронениях мегалитических гробниц. Эта закономерность была характерна для всей Древней Европы вплоть до второй половины IV – начала III тыс. до н.э., когда на смену коллективным приходят индивидуальные захоронения. Согласно исследованиям Х.Ульриха, специалиста по физической антропологии, скелеты, захороненные

Рис. 9-8

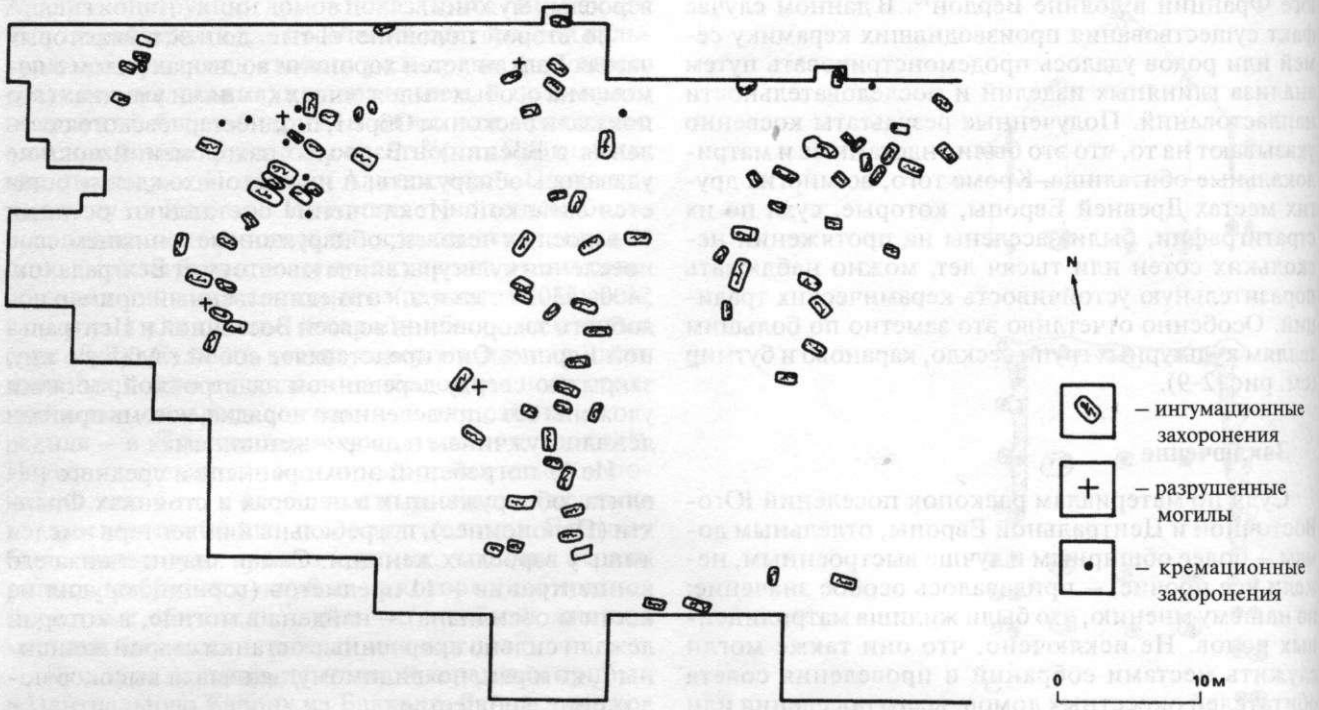
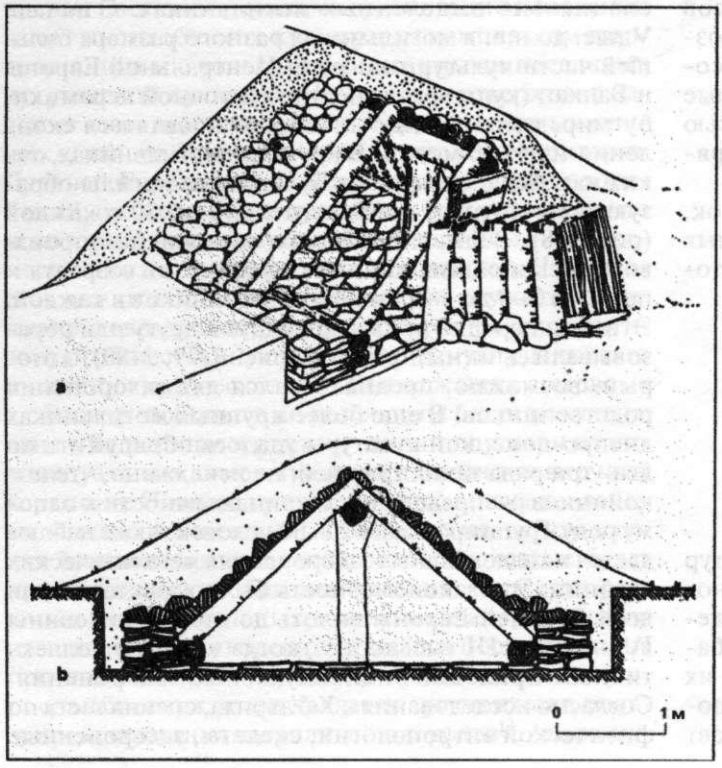

N
– ингумационные захоронения
– разрушенные могилы
– кремационные захоронения
0
10 м

Рис. 9-9


a
b
0
1 м

N
c
0
1 м

Рис. 9-8
Три группы захоронений – скорей всего, членов одного города – в могильнике Асод к северу от Будапешта. Культура лендель. Начало V тыс до н. э.

Рис. 9-10

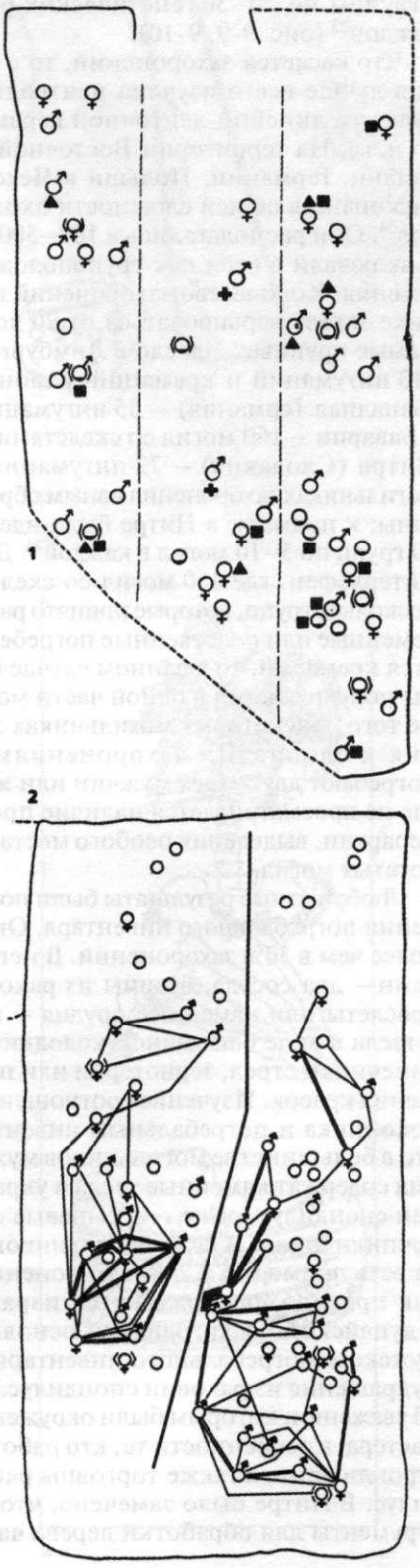


Рис. 9-10
(1) Три группы скелетов и их расположение в погребальной камере гробницы в Нордхаузене. (2) Пространственное соотношение между покойниками в гробнице Нидербеза, район Зондерхаузен, Германия. Согласно исследованию Х. Ульриха, там было похоронено две группы, приблизительно по 30 человек в каждой.

Рис. 9-9
(a, b) Реконструкция и (c) план коллективного захоронения в погребальной камере гробницы в Нордхаузене, район Зондерхаузен, Тюрингия, Центральная Германия.

в камерах гробниц культуры воронковидных кубков (Центральная Германия, группа вальтернинбург второй половины IV тыс. до н.э.), обычно образуют 2–3 группы по 20–30 генетических родственников в каждой[23] (рис. 9-9, 9-10).

Что касается захоронений, то с этой точки зрения лучше всего изучена центральноевропейская культура линейно-ленточной керамики (ок. 5000 г. до н.э.). На территории Восточной Франции, Голландии, Германии, Польши и Чехословакии было раскопано в общей сложности около 20 могильников[24]. Они располагались в 100–500 м от поселений и включали в себя как трупоположения, так и сожжения. Количество захоронений в одном могильнике может варьироваться от 20 до более чем 200. Самые крупные: Эльсло в Лимбурге (Голландия) – 113 ингумаций и кремаций; район Альцей-Вормс (Западная Германия) – 85 ингумаций; Айтерхофен в Баварии – 160 могил со скелетами и 69 кремаций; Нитра (Словакия) – 72 ингумации. В некоторых могильниках захоронения явным образом сгруппированы: к примеру, в Нитре было идентифицировано 10 групп по 5–10 могил в каждой[25]. Другой пример – Айтерхофен, где 160 могил со скелетами образуют несколько групп, которые принято рассматривать как семейные или родственные погребения[26]. Что касается кремаций, то в данном случае они расположены полукружиями в одной части могильника. Кроме того, в некоторых могильниках заметна тенденция к однополым захоронениям, когда рядом погребают двух–трех мужчин или женщин. Но нигде не просматривается наличие пространственной иерархии, выделения особого места для бедных или богатых могил.

Любопытные результаты были получены при изучении погребального инвентаря. Он встречается не более чем в 30% захоронений. В него могут входить один – два сосуда, бусины из раковин спондилус, браслеты или каменные орудия – каменные тесла («тесла в виде башмачной колодки»), скребки, наконечники стрел, зернотерки или палетки для смешения красок. Изучение соотношения между полом покойника и погребальным инвентарем показало, что в большинстве могильников мужские захоронения содержат каменные тесла и украшения из раковин спондилус, реже – кремневые скребки и наконечники стрел. В ряде могильников каменные тесла есть примерно в 20% захоронений: могилы эти, как правило, располагаются парами или по три. В дунайской части Баварии основным элементом мужского погребального инвентаря были не тесла, а украшения из раковин спондилус. Все это говорит об уважении, которым были окружены искуснейшие мастера, в особенности те, кто работали по дереву и строили дома, а также торговцы раковинами спондилус. В Нитре было замечено, что кремневые инструменты для обработки дерева чаще всего встречаются в могилах немолодых мужчин[27], которые, возможно, были лучшими в домостроительном ремесле. Но далеко не везде можно наблюдать обособление мужского и женского погребального инвентаря. К примеру, зернотерки бывают не только в женских, но и в мужских могилах, каменные тесла – в женских или же и в тех, и в других. Как правило, для женских захоронений характерна расписная керамика, охра, зернотерки, палетки, украшения и разнообразные предметы символической значимости. Наличие в мужских захоронениях украшений из раковин спондилус, по всей видимости, указывает на то, что покойный участвовал в торговом распространении этих раковин, и символически подчеркивает уважение к этому занятию. В могильнике Рикскхайм (Восточная Франция) украшения безусловно превалируют в женских могилах, где в четырех из пяти случаев имеются либо ожерелья, браслеты и кольца, либо головные уборы[28].

Могилы пожилых женщин удостаивались символически значимого инвентаря, в качестве которого нередко выступали богато украшенные сосуды. Примером тому может служить захоронение 50–60-летней женщины из могильника Самборжец (Польша), у которой в правой руке, в непосредственной близости от лица, был горшок, до краев заполненный красной охрой[29].

В заключение можно сказать, что изучение погребального инвентаря могильников культуры линейно-ленточной керамики позволяет говорить о существовании двух основных категорий захоронений: с одной стороны, могил мужчин-ремесленников и купцов, с другой – женщин, игравших значительную роль в религиозной жизни. Судя по имеющимся материалам, статус некоторых мужчин был достаточно высок, однако ничто не указывает на их принадлежность к власти, меж тем как некоторые пожилые женщины были окружены особым почетом. Нет ни одного мужского захоронения, в котором бы имелись естественные для правящей аристократии признаки высокого ранга. Напротив, максимальное общественное уважение выпадало на долю старух, великих родоначальниц.

Похожие обычаи были и у других культурных групп. Так, в могильниках культуры лендель мужские захоронения снабжены каменными топорами и топорами-молотами из оленьего рога, а женские – значительным количеством браслетов из раковин спондилус или из кости, ожерельями из клыков животных, бусинами из раковин спондилус и из меди, набедренными повязками из раковин денталиум и каменных бусин. В могильнике Асод наиболее примечательно захоронение девочки-подростка, в котором была найдена большая глиняная модель святилища, увенчанного головой птицы и стоящего на человеческой ноге[30] (см. рис. 3-39). По всей видимости, девочка имела какое-то отношение к основ-

Рис. 9-11
Скопления захоронений у трапециевидного дома в поселении Бжесць-Куявски, Куявия, Западная Польша, площадка № 4, дом № 56, культура лендель, ок. 4300 г. до н.э. (a) Женщина приблизительно 45 лет. (b) Четыре женщины в возрасте 1) 56–60 лет, 2) 50–55 лет, 3) 65–70 лет, 4) 45–50 лет и мужчина 50–55 лет. (c) Женщина ок. 35–40 лет, мужчина 40–45 лет. (d) Две женщины (или женщина и мужчина) и мужчина.

Рис. 9-11

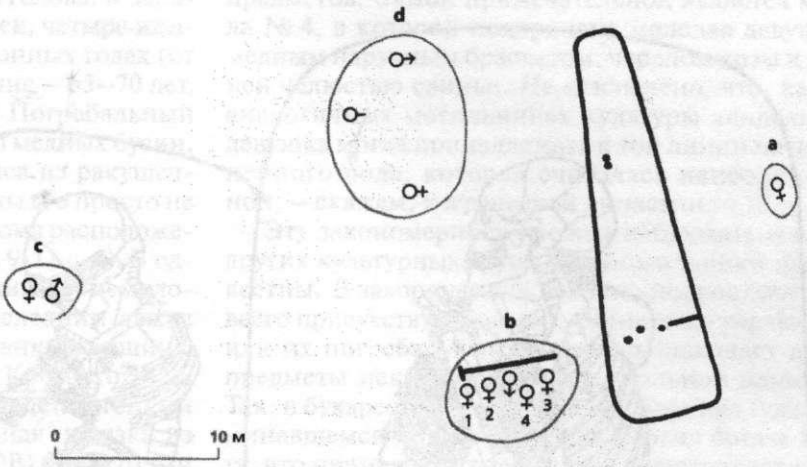


Рис. 9-12A

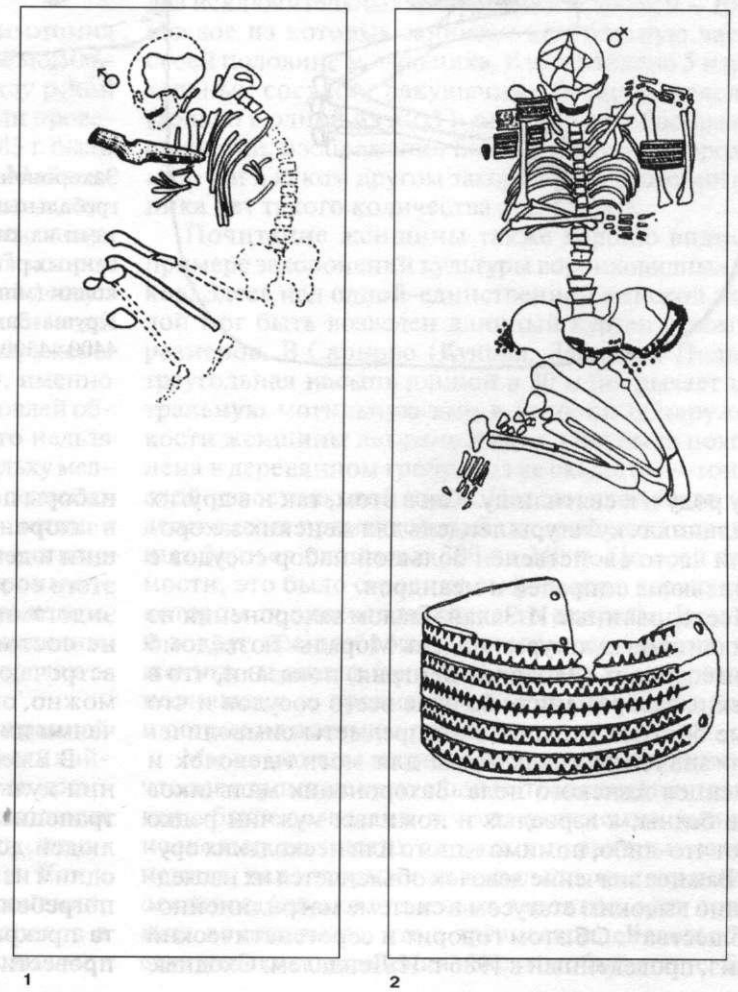


Рис. 9-12A
Мужское и женское захоронения в Бжесць-Куявском (группа C), дом № 56, ок. 4000 г. до н.э. (1) Мужское захоронение с топором из оленьего рога. (2) Женское захоронение с наручными браслетами из кости с резным зигзагообразным узором (см. внизу его детальное изображение), набедренной повязкой из ракушечных бусин и бусинами в области шеи и груди.

Рис. 9-12В

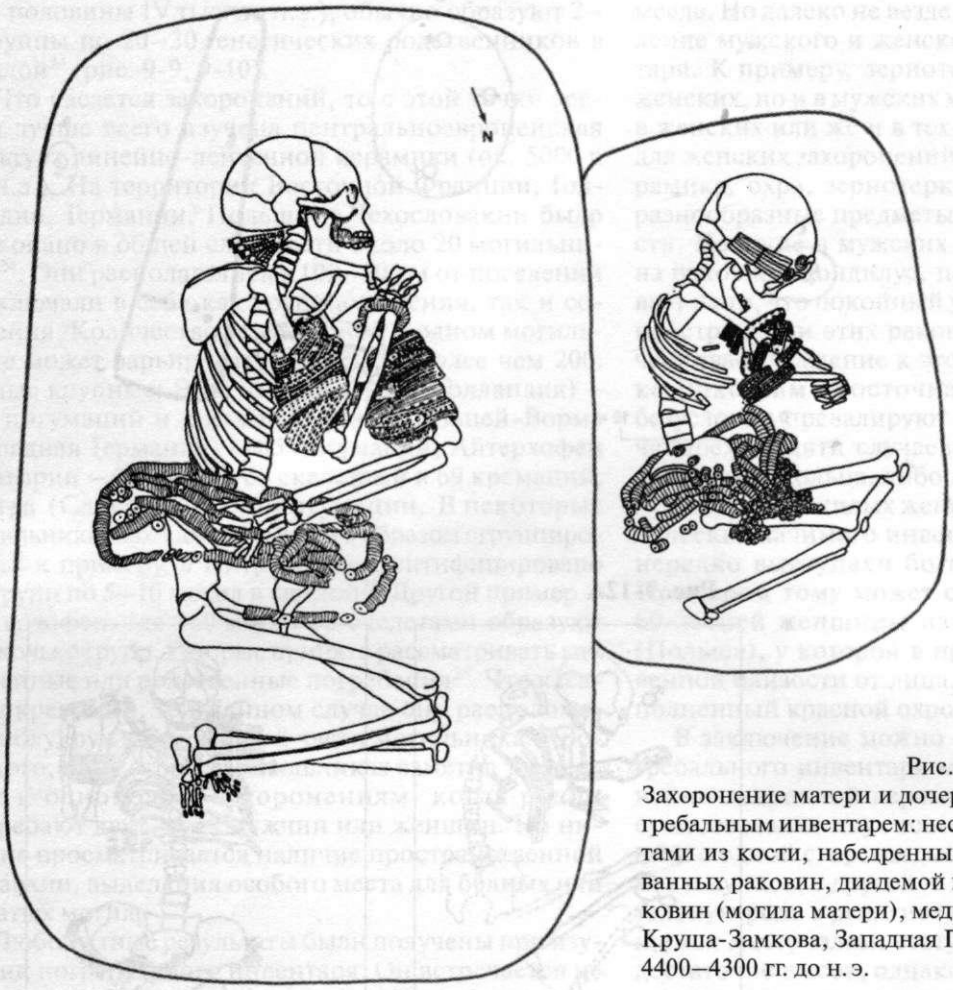


Рис. 9-12В
Захоронение матери и дочери с удивительно богатым погребальным инвентарем: несколькими наручными браслетами из кости, набедренными повязками из импортированных раковин, диадемой из меди (могила дочери) и раковин (могила матери), медными и каменными серьгами. Круша-Замкова, Западная Польша, культура лендель. Ок. 4400–4300 гг. до н. э.

ному роду и к святилищу. Как в этом, так и в других могильниках культуры лендель для женских захоронений часто свойственен большой набор сосудов с росписью из спиралей и меандров.

Исследованные И.Залай-Гаалом захоронения из могильников культуры лендель Морадь-Тюзкёдомб и Зенгёварконь (Западная Венгрия) показали, что в женских захоронениях больше всего сосудов и что самые богатые украшения и предметы символического значения характерны для могил девочек и младенцев женского пола. Захоронения мальчиков более бедны, а взрослых и пожилых мужчин редко имеют что-либо, помимо одного или нескольких орудий. Важное значение девочек объясняется их наследственно высоким статусом в системе матрилинейного общества[31]. Об этом говорит и серогенетический анализ, проведенный в 1986 г. И.Ленделем. Сходные наборы погребального инвентаря были обнаружены в захоронениях состоявших в кровном родстве женщин и детей, а анализ групп крови показал, что для этого сообщества был характерен высокий процент эндогамии (внутриродовых браков)[32]. Мужчины же не состояли в родстве; у их захоронений иногда встречаются не свойственные другим черты: возможно, они были захоронены в соответствии с обычаями их родных мест.

В Бжесць-Куявском (Западная Польша), поселении культуры лендель конца V тыс. до н.э., вокруг трапециевидных домов были найдены погребения людей довольно преклонного возраста[33]. Рядом с одним из таких домов обнаружены скопления ямных погребений (рис. 9-11); лежащие в них части скелета прекрасно сохранились, что дало возможность провести антропологический анализ. Первой к вос-

току от дома была похоронена женщина лет 40–45 (рис. 9-11.a) с медными бусинами на голове. К западу от дома было похоронено 5 человек, четыре женщины и один мужчина, все в преклонных годах (от 50 до 70 лет). Самой старшей женщине – 65–70 лет, мужчине – 50–55 лет (рис. 9-11.b). Погребальный инвентарь женских могил состоял из медных бусин, ожерелья из клыков животных, пояса из ракушечных бусин и сосуда; в могиле мужчины его просто не было. На некотором расстоянии от дома расположены еще две группы захоронений (рис. 9-11.c, d). В одной из них было захоронение женщины и немолодого мужчины (9-11.c), рядом с последним лежал топор-молот из оленьего рога, а останки женщины лет 30–35 были усыпаны бусинами. Кроме того, на ней были три наручных костяных браслета с тонким геометрическим узором и набедренная повязка из ракушечных бусин (рис. 9-12A, 9-12B). То, что эти группы могил располагались в непосредственной близости от дома, может говорить об уважении к старости. В могилы пожилых женщин, бывших главами семей, клали украшения, что указывало на их почетное положение и высокий статус в родовой системе.

В Северо-Восточной Венгрии половая дихотомия погребального инвентаря изучена на примере могильника Башатанья, который расположен между рекой Тиса и городом Польгар: раскопки здесь были проведены И.Богнар-Кутзян, а их материалы в 1983 г. были использованы С.Скомаль, а в 1989 г. – М.Майзенхаймер[34]. Этот могильник относится к тисапольгарской фазе и состоит из 57 захоронений; за ним следует могильник бодрогкерестурской фазы с 87 захоронениями. Его местоположение давало прямой доступ к карпатским источникам обсидиана, кремня и меди. Однако нуклеусы кремня и обсидиана обнаружены только в мужских захоронениях: возможно, именно мужчины занимались производством и торговлей обсидиановыми и кремневыми орудиями. Чего нельзя сказать относительно торговли медью, поскольку медные браслеты фигурируют и в мужских, и в женских захоронениях, а медные кольца, бусины и слитки – только в женских. Изучение материалов из могильника Башатанья убедительно показало, что производство и украшение керамики было женским делом, поскольку галька для лощения глиняных изделий, красящие материалы и каменные палетки встречаются исключительно в женских могилах.

В той части могильника, что относится к ранней тисапольгарской фазе, в пяти мужских могилах найдено более одного орудия. Помимо нуклеусов кремня или обсидиана и кремневого резца, в нескольких захоронениях был также топор из камня или оленьего рога, тесло, булава и наконечник стрелы. Как и в других районах, богатство мужских захоронений, по-видимому, является свидетельством успехов в ремеслах, охоте и торговле. Отличие женских могил – в большом количестве утвари и ритуальных предметов. Самой примечательной является могила № 4, в которой похоронена молодая девушка с медным наручным браслетом, черепом козы и нижней челюстью свиньи. Не исключено, что, как и в аналогичных могильниках культуры лендель, эта девушка могла принадлежать к той линии матрилинейного рода, которая считалась наиболее важной, – скажем, к жреческой династии.

Эту закономерность можно наблюдать и в ряде других культурных групп, чьи могильники нам известны. В захоронениях девочек-подростков чаще всего присутствует большое количество украшений, или их погребальный инвентарь включает в себя предметы исключительной ритуальной ценности. Так, в бухарестском могильнике Черника (уже упоминавшемся в главе III) из 362 могил богаче всего та, что принадлежит девушке лет шестнадцати. Она была погребена с восемью наручными браслетами на одной руке и еще двумя на другой, костяным кольцом на левой руке и большим количеством ракушечных бусин. В Выхватинском могильнике (Молдавия) позднекукутенской культуры имеются два исключительных захоронения девочек 9 – 10 лет, каждое из которых занимает центральную часть в своей половине могильника. В них найдено 5 изумительных сосудов, ракушечные бусины, пряслице (только в одной из них) и даже три столбообразные статуэтки, изображения Богини смерти и возрождения. Ни в каком другом захоронении этого могильника нет такого количества статуэток[35].

Почитание женщины также хорошо видно на примере захоронений культуры воронковидных кубков. Здесь над одной-единственной женской могилой мог быть возведен длинный курган огромных размеров. В Сарново (Куявия, Западная Польша) треугольная насыпь длиной в 30 м покрывает центральную могильную яму, в которой обнаружены кости женщины лет семидесяти. Она была похоронена в деревянном гробу; под ее скелетом – тонкий слой известняковой пыли. Над могилой были найдены следы прямоугольной постройки из деревянных брусьев площадью 300 на 240 м. По всей видимости, это было строение сакрального характера, в котором происходили какие-то ритуалы. В могиле и вокруг нее разбросано большое количество горшечных черепков (рис. 9-13); кроме того, среди заполнявших ее предметов найдены глиняная ложка и острие из оленьего рога[36].

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что все огромные треугольные/трапециевидные курганы были возведены в честь уважаемых женщин, поскольку во многих случаях в первичных захоронениях, над которыми их насыпали, не сохранилось останков. Однако это весьма вероятно, если принимать во внимание, что в древнеевропейском обществе женские погребения имели особый статус. В не-

Рис. 9-13

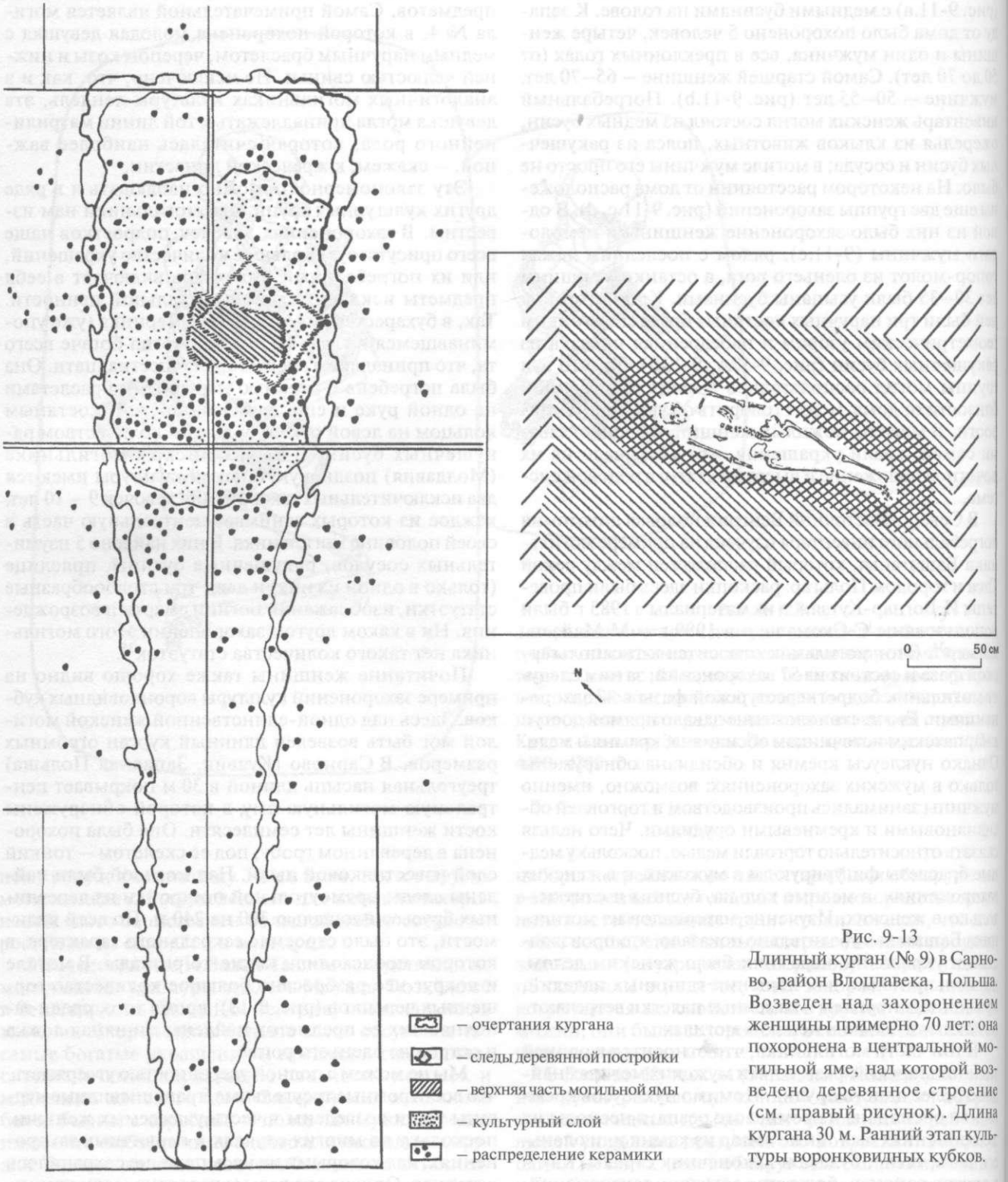


Рис. 9-13
Длинный курган (№ 9) в Сарново, район Влоцлавека, Польша. Возведен над захоронением женщины примерно 70 лет: она похоронена в центральной могильной яме, над которой возведено деревянное строение (см. правый рисунок). Длина кургана 30 м. Ранний этап культуры воронковидных кубков.

которых из этих гигантских могил культуры воронковидных кубков есть дополнительные захоронения разрозненных (но принадлежавших одному индивидууму) костей, которые размещались за первой могилой. Остеологическое исследование показало, что в подобных случаях длинные кости были разбиты или расколоты вплоть до костного мозга[37]. Можно предположить, что это – вторичные захоронения уже полностью очищенных от тканей и костного мозга костей (но отнюдь не свидетельство существования каннибализма, как первоначально предполагали археологи). Старая женщина, чей прах был почтен возведением треугольного кургана, могла быть правительницей-жрицей или же считалась прародительницей клана, Великой Матерью.

В отличие от индоевропейских, древнеевропейские могильники не позволяют делить могилы на богатые и бедные, поскольку их погребальный инвентарь не имеет отношения к личной состоятельности, но символически обозначает либо некоторые религиозные представления, либо личные качества. Погребения с большим и с меньшим количеством погребального инвентаря располагаются вперемежку и не имеют ощутимых отличий от прочих захоронений. Те же типы символических предметов и предметов торговли, какие мы видим в захоронениях, присутствуют и в кладах, которые находят в святилищах или под жилищами, порой в удивительно украшенных сосудах. Целый ряд храмовых кладов состоит из никогда не использовавшихся топоров из зеленого камня, черного камня, мрамора, глины или янтаря. Их присутствие имело символическое значение, и они отнюдь не считались орудиями, которые можно будет использовать в потусторонней жизни. Скорее, их помещали в женские и мужские могилы в качестве символов регенерации, поскольку их треугольная форма ассоциировалась с жизнеродной вульвой Богини[38]. На символическое значение топора в западноевропейском неолите указывает тот факт, что его изображения вырезали на менгирах и стенах гробниц. Любопытно отметить, что в захоронениях и в кладах было найдено больше топоров, нежели в самих поселениях. Еще одна характерная черта Древней Европы: в ее жилищах мы находим больше украшений, нежели в могилах. Как заметил Дж.К.Чэпмен, если брать погребальный инвентарь отдельно от находок из жилищ, то можно подумать, что перед нами весьма бедное сообщество со слабой декоративной традицией. С этой точки зрения, материалы погребений могут стать источником заблуждения[39], если мы, желая получить представление о материальном богатстве сообщества, будем искать в захоронениях сокровища и личное имущество.

Заключение

Материалы из могильников Центральной и Восточной Европы V тыс. до н.э. свидетельствуют о существовании в это время родовых общин. Захоронения, как правило, располагались рядами или группами по 20–35 человек, что могло отражать систему родства. Наибольших почестей в древнеевропейском обществе были удостоены пожилые женщины – вероятно, родоначальницы или правительницы, – а также девушки, которые, скорей всего, были членами основной династии или жрицами. В их погребениях нет нагромождений личного имущества, там собраны предметы символического характера и, порой, поразительного мастерства. Кроме того, в знак уважения над женскими погребениями воздвигали гигантские курганы и священные постройки. Девочек и младенцев женского пола в могилу сопровождали ритуальные предметы, которых не бывает в других захоронениях. Изучение групп крови говорит о том, что данное общество имело выраженный эндогамный характер, поэтому не исключено, что эти девочки были наследницами по женской линии каких-то важных родов.

Черноморское побережье: несколько могильников в Восточной Болгарии, датирующихся периодом после 4500 г. до н.э., с богатейшими мужскими захоронениями

Единственный регион, где действительно заметны изменения в общественной структуре, – это черноморское побережье Болгарии. Здесь в большей степени, нежели в других частях Восточной и Центральной Европы, в ряде случаев можно говорить о преобладании захоронений взрослых мужчин. Исследователи видят в этом «зарождение патриархальных тенденций»[40], я же считаю, что это был результат быстрого роста торговых отношений между обитателями черноморского побережья и населением днепро-волжских степей, которые постепенно прокладывали себе дорогу к землям Западного Причерноморья.

Три могильника в непосредственной близости от черноморского побережья – Варна, Дуранкулык и Девня – демонстрируют отклонение от древнеевропейской нормы общественного устройства, при котором главенствующее положение было отдано женщине. В каждом из них по крайней мере три взрослых мужских захоронения выделяются своей необычной пышностью. Хотя в Варне рядом с ними были весьма богатые женские и символические захоронения

(без костных останков), нельзя отрицать, что им далеко до этих гробниц, в которых собрано беспрецедентное количество золотых украшений. В варнском захоронении № 43 мужской скелет буквально усыпан золотом: три золотых ожерелья, по три массивных золотых браслета на каждой руке, по две золотых серьги в каждом ухе, шесть золотых обручей на голове, три крупных золотых диска с двумя отверстиями, две прямоугольных золотых пластины, еще несколько золотых пластин, которые, по-видимому, были нашиты на одежду, большой золотой диск и биконические бусины. К этому следует добавить золотые гвозди и золотую подставку под блюдо. Кроме того, там было медное копье, кремневый наконечник копья, кремневый нож длиной в 55 см, большие медные топоры с отверстием для насадки, каменный топор с отверстием для насадки и золотой трубчатой рукояткой и тяжелое медное долото – всего 28 категорий различных предметов; общее число золотых изделий – 1011. Мужчине, чьи останки покоились в этой могиле, было лет 40–50. Большим количеством инвентаря, как это подобает важным членам общества, отличаются еще две мужские могилы из 190 захоронений этого могильника[41]. В более скромном могильнике Девня также найдено три мужских захоронения с медными и золотыми предметами, тогда как в женских могилах золото отсутствует[42].

Вполне очевидно, что этому изменению погребальных обрядов сопутствовали коренные изменения в обществе. Количество инструментов, оружия и украшений в этих мужских захоронениях свидетельствует о непривычном для древнеевропейского сообщества уровне личного положения и власти. Скопление столь значительного богатства в руках нескольких мужчин можно считать признаком того, что в этих городах Причерноморья начался подъем мужского влияния. Случай уникальный, поскольку нет оснований видеть в этих людях пришельцев с Востока: все предметы, найденные в этих могильниках, местного изготовления.

В северной части Болгарии могильники свидетельствуют о продолжении гилании. К примеру, если взять 53 захоронения Виницы, то мужские могилы здесь ничуть не богаче женских. Две самые богатые могилы принадлежат женщинам, еще две – мужчинам, и во всех четырех случаях это люди, которым было за 50 лет. Одна из женщин лет 55 была снабжена пятью великолепными сосудами отличной работы, медным долотом и блюдом, на которое были положены бусы из раковин спондилус. Один из мужчин, возрастом около 65 лет, помимо блюда и сосуда с крышкой был экипирован каменным топором с проухом для насадки, медным долотом, цилиндрическими бусинами из раковин спондилус и золотыми серьгами[43].

Мужчины из Варнского могильника не были вождями индоевропейского типа; их погребения никак не отделены от других и не связаны с жертвоприношениями людей и животных. Не исключено, что древнеевропейские богачи контролировали торговлю и тем самым составили себе состояние. Однако их богатство напрямую не подразумевало политического доминирования или автократии.

Материалы из мегалитических гробниц, длинных курганов и хенджей Западной Европы

Всего в Западной Европе известно более 10 000 мегалитических гробниц и длинных курганов. Однако либо в силу специфики погребальных ритуалов, либо из-за того, что многие гробницы были разграблены еще в древности, из них можно извлечь лишь скудную информацию о структуре общества. Как уже говорилось, мегалиты служили оссуариями и культовыми центрами, будучи важнейшей точкой для одного или нескольких поселений. В них складывали голые, уже прошедшие экскарнацию кости, и те, что долго лежали на солнце, были расколоты; кроме того, во многих случаях в гробницу помещали только определенные части скелета, такие как череп и длинные кости. В некоторых местах практиковалась кремация. Поэтому практически невозможно определить количество человек, покоящихся в той или иной гробнице, и приблизительно подсчитать, сколько было жителей на этой территории в эпоху их активного использования, а уж тем более рассуждать о соотношении полов.

Нам почти ничего не известно о том, как мегалитические гробницы и курганы соотносились с поселениями, поскольку от последних едва ли что сохранилось. В наши дни величественные каменные курганы и гигантские хенджи по-прежнему стоят, и значительную долю информации о выстроивших их сообществах приходится извлекать из их местоположения и архитектуры. Исследования, в которых предпринимается реконструкция неолитического общества, в основном посвящены Британским островам, в особенности расположенным к северу от Шотландии Оркнейским островам.

В 1976 г. К.Ренфрю представил мегалитическую культуру собранием небольших разрозненных сообществ, которые лишены централизованной иерархической структуры (связанной с институтом вождя или с государством) и состоят из модульных автономных ячеек[44], однако он считал, что перенаселение и нехватка важнейших ресурсов породили в них повышенное чувство территории[45]. Несмотря на внушительную архитектуру мегалитов и огромные затраты времени и сил, которых требовало их возведение,

Рис. 9-14

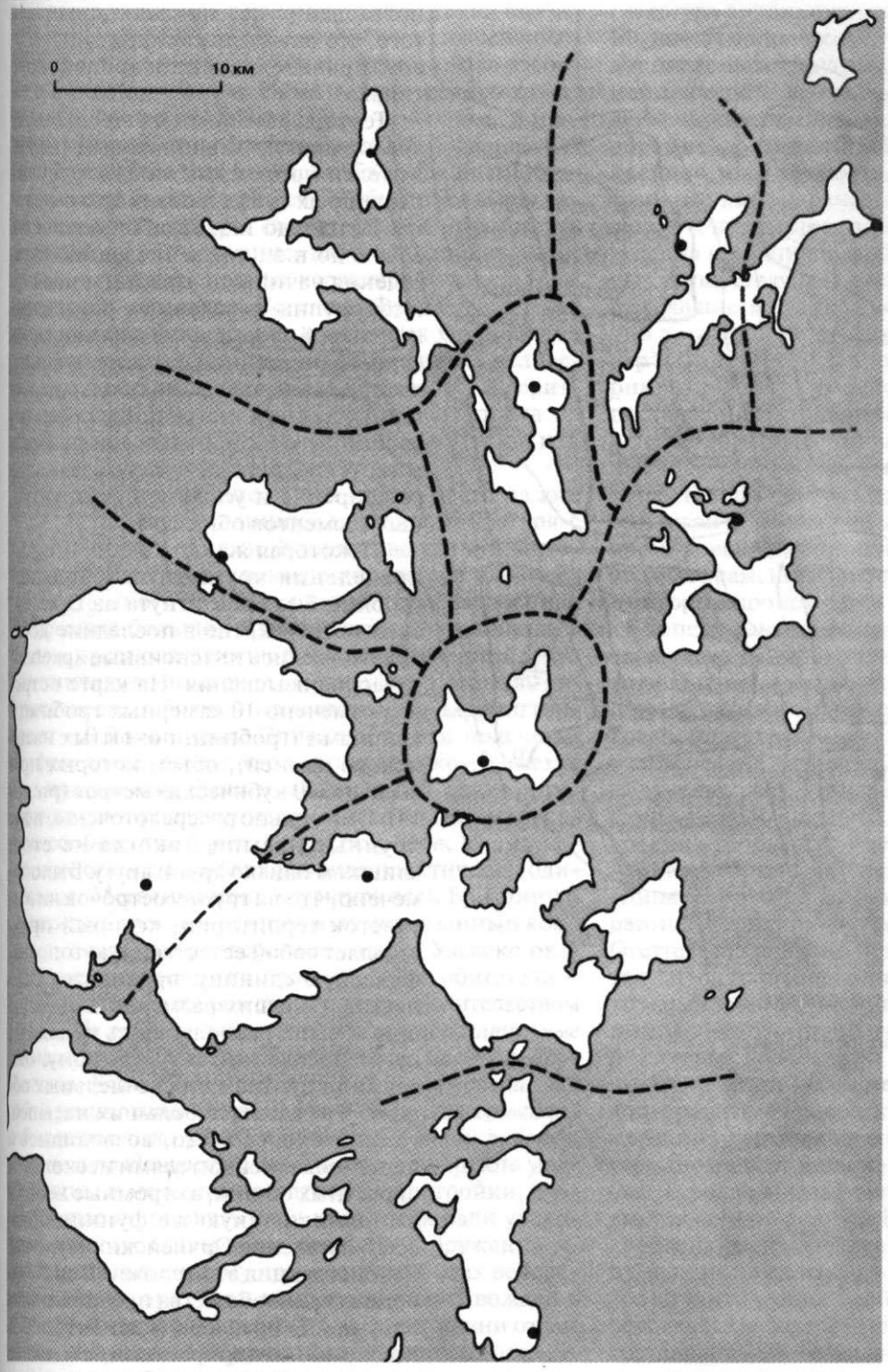


Рис. 9-14
Распределение камерных гробниц с каменными насыпями с общим объемом более 340 кв. м по Оркнейским островам: карта, составленная Д. Фрейзером в 1983 г.

Рис. 9-15

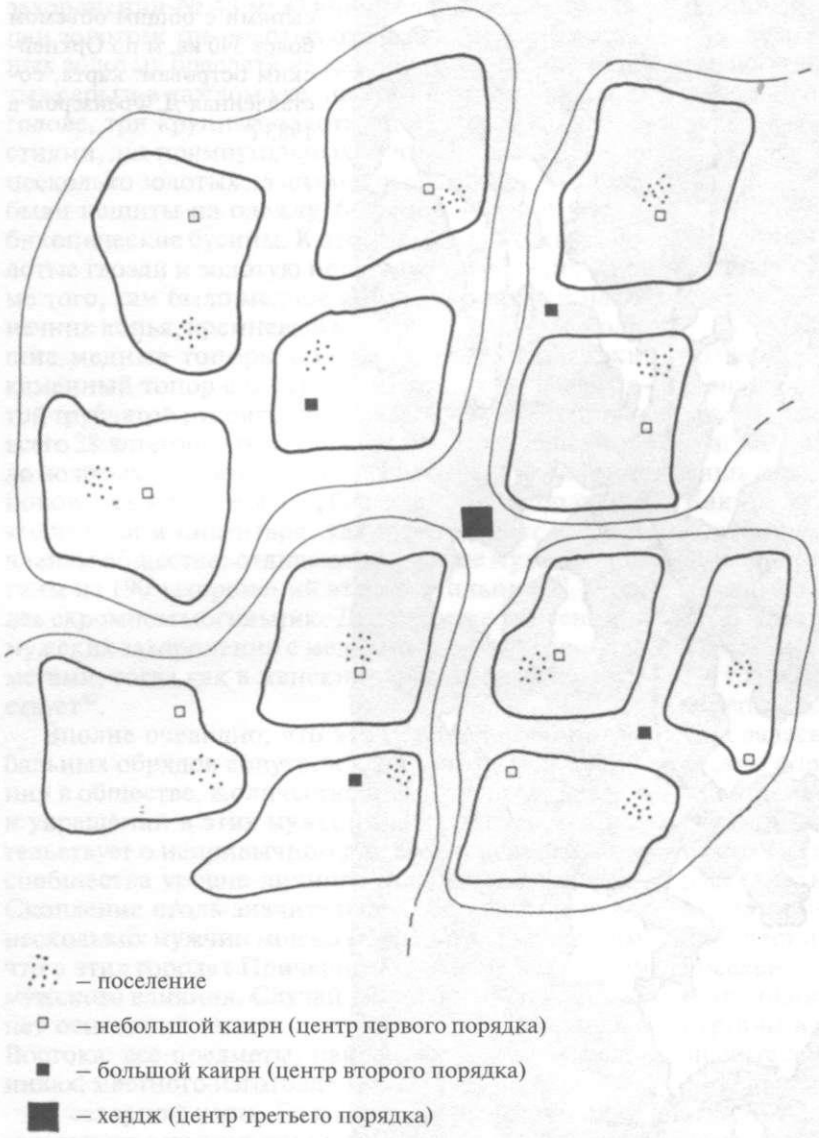


Рис. 9-15
Пространственная стратификация на Оркнейских островах эпохи неолита (упрощенная реконструкция Д. Фрейзера).

на всем протяжении их активного использования нет никаких признаков того, что они были связаны с институтом правителей индоевропейского типа.

Теория автономных поселений-ячеек с примерно одинаковым числом жителей приложима лишь к раннему периоду их существования до середины IV тыс. до н.э. Приблизительно с 3500 г. до н.э., когда численность населения начинает возрастать, появляются группы поселений с определенной мерой формальной организации (пространственной стратификации), которая включала в себя большие мегалитические конструкции, камерные гробницы с каменными насыпями и гигантские хенджи, – что указывает на расширение и усложнение структурных элементов общества.

Некоторая ясность в вопросе распределения крупных и небольших гробниц была достигнута на Оркнейских островах, где в последние десятилетия велись интенсивные археологические изыскания. На карте островов отмечено 10 камерных гробниц с каирнами (гробниц, покрытых насыпью из камней), объем которых превышает 340 кубических метров (рис. 9-14). Они сильно рассредоточены, и две крупные насыпи никогда не стоят слишком близко друг к другу. Было замечено, что на группу островов или на участок территории, который представляет собой естественную топографическую единицу, приходится одна насыпь больших размеров[46]. Небольшие насыпи располагались неподалеку от поселений: по-видимому, они служили центрами для отдельных общин. Что касается больших насыпей, то они, скорее всего, возводились и использовались жителями нескольких окрестных общин, а огромные хенджи выполняли такую же функцию для всего населения Оркнейских островов. Реконструкция этой сложной системы организации общества предложена на рисунке Д.Фрейзера (рис. 9-15). Согласно его интерпретации, стоявшие рядом с жилищами небольшие насыпи были важной частью повседневной жизни поселения, меж тем как крупные не имели такой жесткой привязки к определенному месту. Хенджи

служили местами всеобщих сборов, которые происходили не чаще раза в год или даже реже; их строительство и сохранение осуществлялось силами представителей всех оркнейских поселений. Это требовало в полном смысле слова титанического труда: хенджи имели жизненно важное назначение и могли быть результатом совместных усилий больших коллективов. Работы такого масштаба очевидным образом должны были опираться на общественные и религиозные структуры сообщества. Способность организовать общественные работы подобного масштаба – одна из основных характеристик культуры строителей мегалитов. Согласно Фрейзеру, нет никаких указаний на то, что в общинах Оркнейских островов власть находилась в руках одного человека[47]. Такая организация пространства, если верить радиоуглеродным датировкам, существовала на островах более тысячелетия, с конца IV тыс. до н.э. и на всем протяжении III тыс. до н.э.

Похожее положение вещей имело место на юге Англии, где есть и длинные курганы, и «лагеря с вымостками», и хенджи. Количество усилий, которое затрачивалось на возведение «лагеря с вымостками», намного превышало то, что требовалось для построения большой мегалитической гробницы, а хенджи предполагали еще большее. Подсчитано, что Уиндмиллхилл должен был поглотить 120 тысяч рабочих часов, Эвбюри – 1,5 миллиона, а Даррингтон-Уоллз – 0,9 миллиона. Опираясь на эти подсчеты, Ренфрю сделал вывод, что в неолитическом Уэссексе общины должны были иметь вождей[48]. Это противоречит уже приведенным данным о сложном характере сообщества Оркнейских островов, а ведь состояние обществ в обоих районах практически одинаковое. Мегалитическая культура всей Британии и Западной Европы – единый взаимосвязанный комплекс, поэтому маловероятно, чтобы Уэссекс оказался исключением из правила, а его обитатели – патриархальным сообществом под предводительством вождя. *Не следует забывать, что все поразительные памятники Англии и Ирландии – Эвбюри, Силбюри, Даррингтон-Уоллз, Нью-Грейндж, Наут – представляли собой религиозные сооружения и были общественной собственностью, результатом совместной работы, взаимной преданности и любви.* Это не царские усыпальницы и не административные постройки, воздвигнутые по приказу царя или вождя ради увековечивания их славы, – такого рода сооружения не вписывались в систему древнеевропейских верований. Когда с приходом индоевропейских вождей в Британии началось отделение частной жизни от религии, исчезли и эти грандиозные сооружения.

Хенджи из 2–6 концентрических рвов и вертикальных бревенчатых изгородей не являются исключительно уэссекским или даже британским феноменом. Их также удалось обнаружить в Центральной Европе (культура линейно-ленточной керамики), Моравии (культура лендель) и Восточной Германии (культура воронковидных кубков)[49] (см. рис. 6-27). Можно предположить, что следы хенджей еще будут найдены и у других культурных групп Центральной Европы[50]. Хенджи культур лендель и линейно-ленточной керамики восходят к V тыс. до н.э. Таким образом, традиция их возведения насчитывает по крайней мере несколько тысячелетий. Наперекор тому, что писали ранее, их строили не ради защиты людей и имущества, но в качестве центров для проведения праздников и общих сборов, во время которых осуществлялись погребальные ритуалы, сопровождавшиеся музыкой и танцами; не исключено, что они также служили площадками для состязаний и игр[51]. Во внутреннем пространстве Вудхенджа и Даррингтон-Уоллза имелись деревянные постройки: поставленные концентрическими кругами деревянные столбы поддерживали конусообразную кровлю[52]. Не исключено, что круглая постройка такого типа стояла в центре Стоунхенджа I[53]. В Обри-Холзе внутри центральной конструкции были найдены кремированные останки: можно предположить, что это был храм, посвященный смерти и возрождению, в котором происходили соответствующие ритуалы.

Теперь давайте обратимся к самим захоронениям и посмотрим, что известно о тех людях, чьи кости покоились в мегалитических гробницах и под трапециевидными курганами. Только в нескольких из древнейших гробниц удалось обнаружить и изучить человеческие останки; большая часть этих данных получена в результате недавних раскопок. Исследование половой принадлежности похороненных в древних гробницах Бретани, Нормандии, Южной Англии и Оркнейских островов показало примерно одинаковое количество мужчин и женщин. Так, в ранних коридорных гробницах Нормандии в Ла-Огетте было найдено 18 мужчин, 19 женщин и 18 детей[54]. Под трапециевидным курганом длиной в 50 м, который расположен между Оксфордом и Челтенхемом в Эскоте-под-Уичвуд, в двух камерах, каждая из которых поделена на три отсека, было обнаружено 4311 костей и 236 зубов. Всего удалось идентифицировать 49 человек, причем число мужчин и женщин практически совпадает. Проведенное Честерманом исследование костей показало, что здесь существовал обычай экскарнации, причем останки выставляли на солнце. Большая часть их была раздроблена, далеко не все были помещены в гробницу, и лишь немногие – в сохранном состоянии[55]. Из 76 мегалитических гробниц Оркнейских островов человеческие кости были найдены только в 26 (что составляет 28% от числа известных гробниц). Надежные данные, которые проливают некоторый свет на состояние этого общества, получены при анализе костей из гробниц Куонтернесс[56] и Айсбистер[57]. В первой удалось идентифицировать 157 человек, во второй – 341. Согласно результатам изучения обеих

насыпей, число мужчин и женщин было примерно одинаковым, детская смертность – высокой (хотя в Куонтернессе не обнаружено останков младенцев моложе 8 месяцев); кроме того, в эти гробницы помещали всех покойников данной общины, а средняя продолжительность жизни была низкой. Любопытные результаты дал палеопатологический анализ. Честерману удалось выявить большое количество вылеченных переломов и разрушенных спинных позвонков. Также были обнаружены признаки остеоартрита поперечно-реберных суставов, что, возможно, связано с ношением тяжестей на спине при помощи веревочной петли. Ни в одной из гробниц нет указаний на то, что кого-либо постигла насильственная смерть[58], иначе говоря, можно констатировать отсутствие насилия между людьми.

Отражение структуры древнеевропейского общества в религиозных изображениях и мифах

Возникновение культа Богини в эпоху палеолита должно было отвечать уже существовавшим моделям человеческого общества. Поклонение женским божествам связано с матрилинейной системой родства и с почитанием предков: пол главы семьи и рода определял пол верховного божества. В сообществах, где родство считается по материнской линии, в центре стоит женщина-мать. Ее почитают как прародительницу семьи и всего рода, к ней обращаются с молитвами и благодарственными приношениями.

Для реконструкции общественного уклада верхнего палеолита и неолита следует обратиться к доисторической религии. Изучение типов и функций различных богинь, их одеяний, мест, где им поклонялись (в святилищах, во дворах или в гробницах), их спутников, а также их отношений с мужскими божествами, дает не меньше, а в некоторых аспектах даже больше, нежели структура поселений и захоронений. Другой богатый источник, помогающий заполнить пробелы в археологических данных, – дошедшие до исторической эпохи и сохранившиеся в мифах следы культа Богини.

Стандартный археологический анализ не использует междисциплинарные методы, хотя именно сочетание различных дисциплин может способствовать расширению и углублению нашего знания прошлого. Такой интеграционный подход, которого я стараюсь придерживаться, представляет собой новую область знания: я называю его археомифологией.

Значительное количество информации можно извлечь не только из древнегреческих и римских мифов и религий, но также из баскских, древнеирландских, уэльских, галльских, норвежских и германских, литовских, латвийских и всех славянских верований и фольклора. Достойно удивления, что под совместной толщей христианских и индоевропейских влияний все еще существуют многие элементы древнеевропейской культуры.

Богиня как макрокосм и источник жизни

Палеолитическая Богиня являет собой типичное макрокосмическое разрастание женского тела. Наиболее важные его части – вульва, грудь, ягодицы и живот – были наделены чудесной способностью к творению. Эту символику унаследовал неолит; ее проявления в более поздние времена можно рассматривать как непосредственное отражение матрилинейной системы родства (или как память о ней), когда отцовство считалось несущественным или было слишком трудно установимым. В качестве космического Творца, дарительницы жизни, родительницы выступала Богиня, тогда как образа отца в палеолитическом и неолитическом искусстве просто нет.

Итак, дадим краткие характеристики трех основных проявлений Богини.

Владычица природы

В этой богине воплощаются жизнесозидательные и жизнеразрушительные силы природы. Она действует на космическом уровне, проявляясь в постоянно повторяющемся цикле рождения, смерти и нового рождения, в лунных фазах, в смене весны, лета и зимы. Ей поклонялись на лоне природы – на вершинах гор, в пещерах, у колодцев и источников, – а также в гробницах и святилищах, как Богине возрождения.

Богиня плодородия

Беременная Богиня, которая появляется и исчезает вместе с зеленью, является метафорой смерти и обновления растительной жизни. Ей поклонялись во дворах у хлебных печей или в домах, как дарительнице хлеба.

Богини – символы единства бытия

Богиня-птица и Богиня-змея являются воплощениями жизненной энергии и связующим звеном между предками и живыми членами семьи. После появления земледелия и перехода к оседлой жизни эти домашние и храмовые богини стали покровительницами семьи и очага.

Мужские божества – супруги Богинь

Эпоха палеолита не знает скульптурных изображений мужских божеств, а в эпоху неолита они никогда не ассоциировались с даром жизни, рождением или с приходом смерти. Не исключено, что характерная для пещерного искусства фигура получеловека-полузверя, обычно именуемого «шаманом», на самом деле представляла «Хозяина зверей и лесов» – персонажа, известного в европейских мифологиях. Он составляет пару Владычице над природой и в этом качестве фигурирует на стенных росписях Чатал-Хююка. Супруг появляющейся и исчезающей Богини земного плодородия это – бог года, оплодотворяющий консорт, который появлялся весной, достигал зрелости летом и, вместе с растительностью, умирал осенью. По-видимому, у него не было палеолитических предшественников, поскольку он связан исключительно с развитием земледелия. Как уже было сказано в главе VII, в эпоху неолита его изображают двояко: в виде итифаллического юноши или же сидящего на стуле или на троне скорбного старца, который, поставив локти на колени, подпирает рукой подбородок. Не исключено, что найденное в одной из могил культуры хаманджия поразительное парное изображение (см. рис. 7-42) представляет женское и мужское божество растительности – не обязательно супругов, скорее, сестру и брата. В ряде европейских мифологий у Матери-земли есть брат: у литовской Земины – Земининкас, у норвежской Фреи – Фрейр. А греческий Посейдон, чье имя фигурирует в линейном письме В как «Posei-das» («Хозяин Земли» или «Супруг Матери-Земли»), был консортом весеннего воплощения Богини.

Неолитические изображения копуляции, скорей всего, связаны с представлениями о священном браке. В Чатал-Хююке (Центральная Анатолия) было обнаружено скульптурное изображение женщины, обнимающей мужчину, которое датируется VII тыс. до н.э.[59]; похожая скульптура V тыс. до н.э. найдена в Гумельнице (Румыния). На Ближнем Востоке в Айн-Сахри обнаружена «эротическая» статуэтка натуфийской культуры, что позволяет отнести исток этой образности почти к 10 000 г. до н.э. Священный брак – *hieros gamos* – славили шумерские эротические гимны (гимны и рассказы об Инанне были в 1983 г. опубликованы Д.Волькстайн и С.Н.Крамером). Тема священного брака присутствует в мифах и ритуалах вплоть до XX столетия. Ритуальное совокупление с местной богиней служило залогом вступления на престол для всех 150 племенных королей Ирландии первых веков нашей эры. Согласно наиболее древним традициям, Медб ассоциировалась с Богиней, брак с которой давал Таре нового короля[60]. Сходная традиция королевского бракосочетания с Богиней известна в Скандинавии до конца V в. н.э. На Британских островах также отмечали Белтейн – праздник костров, приходившийся на первое мая, а в Германии XIX – начала XX в. – свадьбу майских королевы и короля.

Восседающая на троне Богиня природы и общества

Всех могущественных богинь обычно именуют «Владычицами», «Госпожами» или «Царицами». Начиная с эпохи раннего неолита голову Богини-змеи украшала корона, символ всемогущества и всеведенья, до сих пор присутствующий в фольклоре XX в. Другие неолитические богини, в особенности Богиня-птица, носили пышные прически, обвязывали голову тюрбаном или лентами. Богиню-птицу украшало ожерелье, порой – корона (см. рис. 7-14), меж тем как ее прислужницы и свита имели более скромное облачение.

В Богине воплощена бескрайняя мощь природы и диктуемые ею законы растительной, животной и человеческой жизни. Согласно греческой и всем европейским мифологиям, Богиня была законодательницей, залогом высоких моральных устоев ее последователей. Она осуждала ложь, отречение от данного слова и отсутствие должного уважения к священным предметам и людям. Ее невозможно было обмануть. В балтийских мифологиях Мать-земля карала людей, поглощая их или отказываясь их принять после смерти. В баскских областях Богиня служила залогом исполнения законов, освящая установленный обычай. В качестве законодательницы она стояла во главе общины и следила за исполнением данных ей заветов[61].

В археологических материалах и мифах Богиня предстает в окружении совета или свиты. Можно заметить, что в святилищах и в моделях святилищ с большим количеством статуэток одна, как правило, выделена как наиболее важная: на ней вырезаны или нарисованы знаки отличия и символы Богини, в то время как прочие статуэтки меньше по размеру и не столь тщательно отделаны (см. рис. 7-9). Так, в Подури (Северо-Восточная Румыния) в сосуде приблизительно 4800–4600 гг. до н.э. была найдена 21 статуэтка, – по всей вероятности, приготовленные для того, чтобы быть поставленными на алтарь. У них нет рук, змеевидные головы, а бедра опоясаны змеями: по всей видимости, это – Богиня-змея и ее служительницы. Лишь у одной из статуэток рука поднята к лицу, что может означать обладание властью. Остальные 20 статуэток отличаются друг от друга размерами – среди них есть крупные, средние и мелкие, что, вероятно, отражает возраст женщин или их положение внутри совета. Эта закономерность характерна для всего неолита, медного века и минойского бронзового века: не исключено, что в землях, подчиненных той или иной богине, действительно существовали постоянные советы или конклавы

жриц. В минойском искусстве, в греческой и римской практике, а также в европейском фольклоре у Богини есть жрицы. Баскская Богиня-падальщица появляется не одна, но в окружении других падальщиц, а балтийская Рагана вороной летает в стае менее могущественных Раган. В сказках гигантская белая Богиня-змея с короной на голове является в окружении сотен змей.

Традиция изображения Богини вместе с группой жриц подразумевает, что в повседневной жизни царица или глава рода также имела круг советниц. Так, к тронной зале Кносского дворца на Крите примыкает комната меньших размеров, где вдоль стен стоял ряд низких скамеек, на которых могло разместиться 9 человек. Учитывая сакральный характер этого числа, не исключено, что именно здесь заседал и принимал решения женский совет. Подобная традиция сохранилась в исторических Афинах, где связанные с земледелием должности исполняли женщины, а высшее должностное лицо женского пола, «царица-архонт», располагало советом матрон[62]. Еще в начале XX в. в пещерах и гротах обитали баскские жрицы («serora») и их помощницы, к которым люди обращались за предсказаниями. Их статус был много выше статуса католических священников. Типологическая связь этих жриц и их приспешниц с Богиней и ее свитой представляется вполне очевидной[63].

Древние исторические документы говорят о существовании конгрегаций девственниц или кудесниц, чьи заклинания, пение и пляски обладали огромной силой. Недавно ученые нашли две галльские надписи, представляющие для нас чрезвычайный интерес. В одной из них говорится о могуществе женских заклинаний, «brixtia anderon»; в другой – о местной конгрегации кудесниц[64]. Группы из девяти муз или жриц хорошо известны на примере Древней Греции: девять муз обитали на Парнасе, на Геликоне, на Олимпе – все это воплощения Богини, которым поклонялись жители этих гор[65]. В I в. н.э. Помпоний Мела говорил о конгрегации из девяти девственниц, живших на острове Сена неподалеку от берегов Бретани, которым он приписывает разнообразные магические способности – пением вызывать морское волнение, придавать различные виды животным, исцелять неизлечимые недуги и предсказывать будущее. В начале I в. н.э. Страбон, цитируя Посидония, говорил о конгрегации жриц с острова на территории Самнитии, которые, подобно греческим менадам, предавались экстатическому поклонению божеству, напоминавшему Диониса. Смертным мужчинам запрещено было вступать на этот остров[66]. Сообщество жриц или кудесниц также фигурирует в средневековой литературе: вспомним девять глостерских ведьм в уэльском сказании о Передуре и три раза по девять женщин, которые приветствуют путешественника в Иммрам Брайн[67]. До сих пор существуют поверья о том, что феи, танцуя кругами или вокруг каменных кругов, тем самым создают неимоверную энергию. Для мужчин эти танцы запретны, и если кто-то из них случайно попадет в круг, то его постигнет немедленная смерть. Нет сомнения, что эти остатки исторических представлений о силах жриц и фей являются пережитками доисторической традиции.

Наследие матриальных культур, запретные для мужчин женские ритуалы сохранились не только в танцах фей, но и в основных обрядах, связанных с рождением и земледелием, которые в контексте патриархальных сообществ дошли до исторических эпох, а некоторые – вплоть до нашего времени. Тому есть множество примеров. Достаточно упомянуть один из самых характерных ритуалов Древней Греции – Фесмофории, празднования в честь Деметры, богини земного плодородия, известные по эпиграфике и по описанию Аристофана («Женщины на празднике Фесмофорий»). Каждый год в административных подразделениях («demes») женщины выбирали из своего числа тех, кто будет возглавлять церемонии и руководить Фесмофориями. Избранные председательствовали на устраиваемых в установленные традицией дни собраниях и наблюдали за исполнением всех обычаев. Женщины-граждане образовывали совет и большинством голосов принимали решения. Голосование происходило без мужчин: празднование Фесмофорий не допускало мужского присутствия[68].

Итак, рассматривая отражение древнеевропейского общества в религии и мифах, можно сказать следующее: как доисторические, так и исторические данные указывают на существование матрилинейной структуры. Богиня и ее совет, руководящий жизнью общины, – переосмысление положения почитаемой старейшины, великой главы рода, окруженной женским советом. Но хотя эти женские конгрегации или сообщества были наделены большой властью, похоже, что функционировали они как коллективные, а не как автократические органы.

Судя по мифологиям и сохранившимся обозначениям родства, среди мужчин первую роль играл не консорт, а брат царицы (или жрицы, наместницы Богини). Неолитическая царица-жрица направляла земледельческую и религиозную жизнь. Не исключено, что на ее брата были возложены обязанности руководить (но без доминирующего контроля) общественными работами, организацией ремесел и торговлей.

Остатки древнеевропейских матрилинейных структур в бронзовом веке и в историческую эру

Сильным аргументом в пользу существования в Древней Европе матрилинейных отношений является тот факт, что наследование по женской линии сохранилось в неиндоевропейских сообществах Европы и Малой Азии и в историческую эпоху: среди них – минойцы, этруски, пеласги, лидийцы, ликийцы, карийцы (Западная Турция), баски (Северная Испания и Юго-Западная Франция), пикты, населявшие Британию до прихода кельтов. Влияние этих обычаев заметно и в сообществах, говорящих на индоевропейских языках, – у кельтов, тевтонов, славян и балтов, которые впитали матрицентрическую и матрилинейную традицию вместе с богатым субстратом древнеевропейского населения.

В последние столетия остаточные матрилинейные обычаи зафиксированы на периферии Западной и Северной Европы, а также на Эгейских островах. На Лесбосе, Лемносе, Наксосе и Косе наследование недвижимого имущества по материнской линии оставалось в силе до конца XVIII столетия. Об этом свидетельствует запись английского путешественника Джона Хокинса: «На многих островах старшая дочь наследует часть родительского дома вместе со всей ее обстановкой и одну треть имущества матери, а это, в большинстве случаев, – основные средства к существованию; остальным дочерям, по мере того как они выходят замуж, также полагается часть дома и такая же доля оставшегося имущества. Вышесказанное относится к островам Митилена (Лесбос), Лемнос, Скопело, Скирос, Сира, Зея-Ипсера, Миконос, Парос, Наксия, Китнос, Санторин и Кос, где я лично собирал информацию или получал ее через посредников»[69].

Нет сомнения, что существовавшая здесь в XVII в., а на некоторых островах – вплоть до XX столетия матрилинейная система возникла не в эти времена, а сохранилась с доисторической эпохи. Она обнаруживается там, где процесс индоевропеизации оказался слабым, а древнеевропейский субстрат – напротив, сильным, как в Греции и в Этрурии. В местах, где сохранилась матрилинейная система, уже в историческую эпоху зафиксированы следы существования неиндоевропейских языков. Еще в IV в. до н.э. в некоторых частях Крита и на Эгейских островах по-прежнему говорили на негреческом языке.

Теперь обратимся к минойской культуре Крита, потом перейдем к западной части Малой Азии и Эгейским островам, после этого коснемся этрусков и римлян, а затем пересечем Средиземное море и закончим наш обзор Западной и Северной Европой.

Минойский Крит

На острове Крит древнеевропейская культура просуществовала на несколько тысячелетий дольше, нежели на материке, достигнув поразительного расцвета в первой половине II тыс. до н.э. Сэр Леонард Вулли говорил, что минойская культура – это «очарование волшебного мира» и «самое полное приятие благодати жизни, когда-либо достигнутое в нашем мире»[70].

Минойские общины в целом отличались небольшим размером, хотя к концу III тыс. до н.э. население Кносса приближалось к 18 000 человек. Управление страной было теократическим (т.е. подчиненным Великой Богине). После середины II тыс. до н.э. минойская культура начала приходить в упадок – не из-за внутренних конфликтов, но в результате природного катаклизма и набегов на остров патриархальных микенцев, говоривших на индоевропейском языке.

Раннеминойские (III тыс. до н.э.) погребения на Крите имеют много общего с западноевропейскими захоронениями культуры мегалитов. Здесь также практиковались общинные захоронения в круглых гробницах, называемых «толосами», и, судя по тому, что перед их тщательно отделанными входами оставлялось особое церемониальное пространство, здесь, как и внутри гробниц, также могли происходить погребальные обряды и пиршества. Исследование К.Брэнигана показало, что это были усыпальницы больших семей, количество живых членов которых приблизительно равнялось двадцати. Большая (расширенная) семья была важной единицей этого общества, поэтому во многих местах можно видеть сразу две–три выстроенные рядом гробницы. Поскольку возведены они в один и тот же период, похоже, что это – усыпальницы такого же количества больших семей. Гробницы были связаны с поселениями и отстояли от них на 10–15 м. Отмечено, что среди этих гробниц всегда есть одна, отличающаяся большим архитектурным совершенством: это говорит о том, что одна из больших семей претендовала на первенство в общине, т.е. о существовании зачатков социальной иерархии[71].

Хотя эта культура и называется минойской, ее расцвет в начале II тыс. до н.э. не имеет никакого отношения к царю Миносу, чье легендарное правление как раз совпало с порой ее упадка. Не цари воздвигли знаменитые дворцы, которые были не административными центрами единовластного правления, но дворцами-храмами, местами проведения сложных религиозных ритуалов, обусловленных существованием теократической системы. В отличие от пришедшей ей на смену микенской культуры, вдохновительницами минойской были женщины.

Начиная с момента открытия минойской культуры в начале XX в., исследователи обратили внимание

на необычайную уверенность и независимость ее женщин. К великому удивлению научного мира, на фресках были представлены прекрасные женщины в изящных одеяниях, нередко с обнаженной грудью. На них можно видеть, как, наравне с мужчинами, женщины принимают участие в празднествах, ездят на колесницах, управляемых возничими-женщинами, и в качестве атлетов участвуют в ритуальных состязаниях с быком. На фресках с острова Тира (60 км к северу от Крита) женщины председательствуют на большом морском празднестве, с балкона наблюдая за шествием юношей, несущих жертвенное животное (рис. 9-16). Существует большое количество примечательных женских изображений, на которых они являются в виде жриц или богинь, и не подлежит сомнению, что в религиозной сфере вплоть до микенской эпохи женщины продолжали занимать центральное положение. Почетное место в тронном зале Кносского дворца скорее всего предназначалось верховной представительнице Богини. Сам трон был украшен изображением круга и полумесяца, а по его бокам на стене были изображены грифоны. Судя по фреске с острова Тира (см. рис. 7-8), грифоны служили стражами Богини.

В минойском искусстве есть изображения мужчин, но те никогда не бывают представлены жрецами или царями, и лишь в нескольких случаях можно счесть, что это – изображения богов. Как правило, мужские персонажи фресок заняты каким-нибудь делом: это чашеносцы, пажи, музыканты, жнецы, ремесленники и корабельщики. На представляющей морское празднество миниатюрной фреске с острова Тира среди находящихся на корабле людей можно различить несколько категорий: простые гребцы, капитан, его помощники и сидящие в кабине важные мужи в длинных плащах (рис. 9-17). На этой миниатюрной фреске также есть изображение сельского люда в одежде из меха или кожи и молодых людей, которые, обнаженные или в набедренной повязке, принимают участие в ритуале. Похоже, что мужские длинные одеяния указывали на преклонный возраст и на общественный статус. Уважаемые женщины и взрослые жрицы на о. Тира, как и на Крите, всегда носили длинные юбки с оборками.

Браки на Крите были матрилокальными: этот обычай долго сохранялся уже в историческую эру. Матрилокальный брак описывал Страбон (I в. до н.э.); о его существовании также свидетельствуют законы, запечатленные на стенах храма в Гортине. Благодаря им мы знаем, что женщина при замужестве сохраняла полную власть над своим имуществом и могла требовать развода. Кроме того, важную роль играл брат матери, на котором лежала ответственность за воспитание ее детей.

Спарта

Спарта располагалась посередине Пелопоннеса и представляла собой смесь воинственных индоевропейских кланов с местным допатриархальным сообществом; положение женщины там во многом было таким же, что и на Крите. Как отметил Бриффо: «В общественных и сексуальных отношениях спартанки обладали полной свободой. От незамужних девушек не требовалось сохранение девственности. Рожденные вне брака дети назывались "детьми девственницы" и считались равными рожденным в браке. У жителей Спарты существовала братская полиандрия, а браки были матрилокальными»[72]. Согласно Геродоту, члены правившего в Коринфе рода по обычаю «отдавали [своих дочерей замуж] и брали жен из своей среды», что явным образом указывает на эндогамную систему. Члены упомянутого рода именовались Бакхидами (Bakchidai), т.е. это был матрилинейный клан[73]: для греческих клановых имен характерно родовое окончание «-idas», «ides», в котором основным элементом является частица «id», указывающая на женский род. Иначе говоря, в древности родоначальниками считались не мужчины, а женщины.

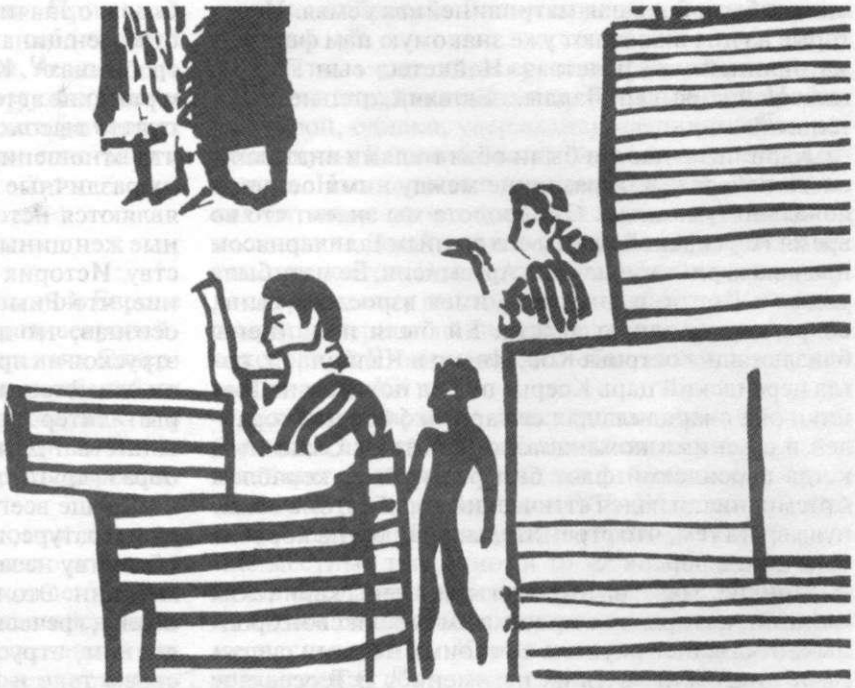
Остатки матрилинейной системы также можно видеть в структуре греческой речи и в общепринятых обычаях. Так, у Гомера есть четкое различие между братом по материнской и братом по отцовской линии. До нынешнего времени брата называют «adelphos», т.е. «единоутробный», что является пережитком тех времен, когда братом признавали лишь сына матери[74]. Греческие термины «adelphos»/«брат» и «adelphe»/«сестра» не имеют аналогов в других индоевропейских языках[75].

Западная часть Малой Азии и Эгейские острова

Говоря о живших в западной части Турции ликийцах, Геродот описывает их как народ с матрилинейной системой родства. Он пишет: «Обычаи их частью критские, частью карийские. Есть, впрочем, у них один особенный обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии»[76]. Когда Плутарх упоминает правящий ликийский род, то называет его членов Иоксидаи (Ioxidai) или Иоксиды (Ioxides): ставя женскую форму (Ioxidai) на первое место, он как бы указывает на то, что именно она является верной[77]. Матрилинейным был и порядок наследования, поскольку имущество в первую очередь переходило к дочерям, а не к сыновьям. Судя

Рис. 9-16

Рис. 9-16



Деталь стенной росписи из Акротири, о. Тира. Занимающая высокое положение женщина, м.б. царица, стоит на балконе с поднятой правой рукой, благословляя морское празднество. Она больше мужских фигур, сзади нее стоит мальчик. Остров Тира (западный дом, комната № 5, фриз на южной стене). XVI в. до н. э.

Рис. 9-17

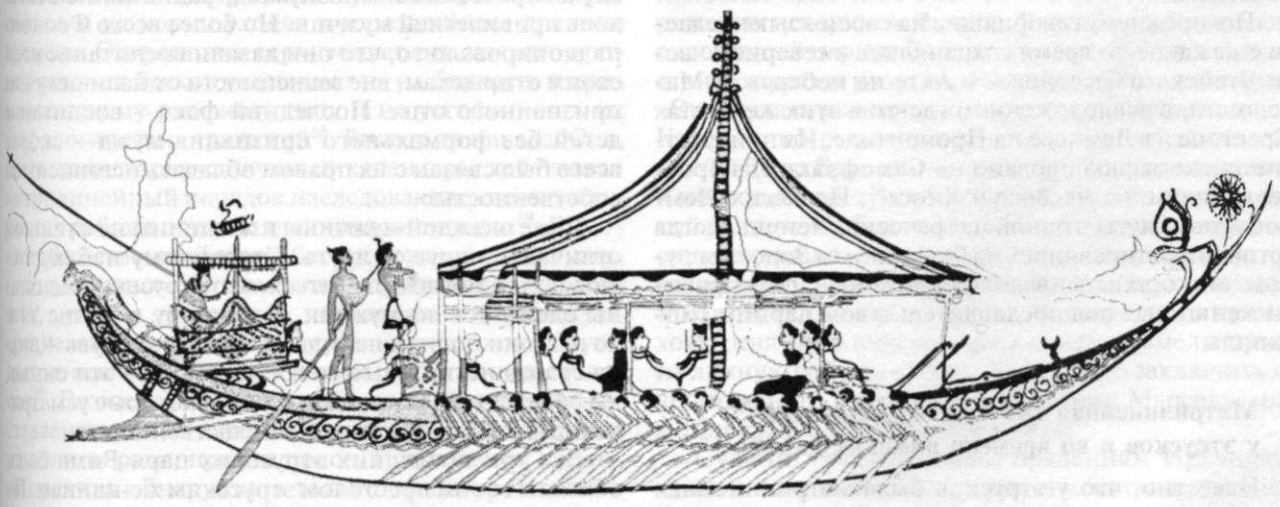


Рис. 9-17

Остров Тира: лучше всего сохранившееся изображение корабля с южного фриза, комната № 5, западный дом. XVI в. до н. э. Мужские персонажи делятся на несколько категорий: капитан, помощники капитана, сидящие в кабине мужчины в длинных плащах и гребцы.

по надписям на гробницах, основной единицей общества была большая матрилинейная семья. Некоторые из них включают уже знакомую нам формулу матрилинейного родства: «Нейкетес, сын Парфены... Нейкетес, сын Лаллы... Евтехий, отец неизвестен...»[78].

Карийцы и лелеги были обитателями анатолийского побережья, и различие между ними остается довольно туманным. От Геродота мы знаем, что во время Персидской войны его родным Галикарнасом правила карийская царица Артемисия. Ее мать была родом с Крита, а она сама, имея взрослого сына, сохранила царскую власть. Ей были подчинены близлежащие острова Кос, Нисир и Калидна, и, когда персидский царь Ксеркс пошел походом на Грецию, она снарядила для его армии 5 боевых кораблей и сама ими командовала. В битве у Саламина, когда персидский флот был разбит и за кораблем Артемисии погнался аттический корабль, она обманула врага тем, что стремительно напала на корабль союзников персов[79].

Ионяне, захватив Милет, взяли в жены карийских женщин, которые, не простив им гибели своих родных, отказались вкушать со своими новыми супругами пищу или звать их по имени[80]. В Теосе, еще одном ионийском поселении, был найден годичный список магистратов. В 11 случаях из 25 наименование рода совпадает с названием деревни: это означает, что их взаимная идентификация еще не начала распадаться, и местные институты продолжали действовать.

По-прежнему говорившие на своем языке пеласги еще какое-то время сохранялись в северной части Эгейского бассейна – в Акте на побережье Македонии, в расположенном где-то в этих же местах Крестоне и в Лемносе на Пропонтиде. Их присутствие также зафиксировано на Самофракии, в Троаде, в Лидии, на Лесбосе и Хиосе[81]. Пеласги с Лемноса упомянуты в одной из греческих легенд. Когда аргонавты отправились из Фессалии за Золотым руном, они останавливались на Лемносе, где «правили женщины» под предводительством царицы Гипсипилы.

Матрилинейная система наследования у этрусков и во времена римских царей

Известно, что у этрусков была матрилинейная система родства. В двуязычных латино-этрусских надписях имя отца часто фигурирует только в латинской части, тогда как имя матери всегда присутствует в этрусском тексте и порой отсутствует в его латинском эквиваленте. Еще Бахофен в середине XIX в. заметил, что, по сравнению с положением гречанок и римлянок, статус этрусских женщин, по крайней мере в период архаики (VII–V вв. до н.э.), был поразительно высок[82].

Еще больше об утонченном образе жизни этрусков и о значительной роли, отведенной в их обществе женщинам, нам говорят рисунки и надписи на гробницах[83]. Кроме того, об этом писали греческие и римские авторы, которых – что важно отметить – пугало высокое положение женщин. Они считали, что отношения между мужчинами и женщинами и их различные представления о сексуальной любви являются источником конфликтов, поэтому сильные женщины рассматривались как угроза государству. Историк Л.Бонфанте высказала предположение, что Рим испытал первый «культурный шок», осознав, что делается все более похожим на город этрусков на противоположном берегу Тибра, откуда он заимствовал многие элементы внешней культуры – литературу, искусства, символы царского достоинства. Для римлян этруски всегда воплощали образ «другого»[84].

Лучше всего мы знаем этрусков по их искусству и литературе, в которых отразилась свойственная их обществу независимость и влиятельное положение женщин. Это вызвало искреннее удивление у Феопомпа, греческого историка IV в. до н.э. По его сведениям, этрусские женщины много заботились о своем теле и часто упражнялись обнаженными с мужчинами и друг с другом, что отнюдь не считалось бесстыдством. Они отличались красотой и на пирах нередко возлежали с мужчинами, которые не были их мужьями. Им нравилось пить, и они даже принимали участие в произнесении тостов, что, в случае греческих симпозиумов, традиционно считалось привилегией мужчин. Но более всего Феопомпа шокировало то, что они давали воспитание всем своим отпрыскам, вне зависимости от наличия у них признанного отца. Последний факт – воспитание детей без формального признания мужа – скорее всего был связан с их правом обладать независимой собственностью.

Даже одеждой мужчины и женщины не слишком отличались друг от друга. Стороннему наблюдателю вполне могло показаться, что этрусские женщины одевались по-мужски. К примеру, в конце VI в. до н.э. они носили накидки и высокую обувь – знаки гражданства и высокого статуса. Все эти символы равенства шокировали греков, которые усматривали в этом проявление безнравственности.

Все три последних этрусских царя Рима были обязаны своим престолом этрусским женщинам. По женским именам можно было определить различия в статусе и правовом положении. Римские женщины, напротив, не имели имен собственных: сперва они идентифицировались как дочери своих отцов, а затем – как жены своих мужей. Признанной формой матрилинейного наследования, хотя оно предполагает переход царского престола от матери к дочери, в римском обществе было наследование от тестя к зятю. Кроме того, греческие историки сообщают, что

этруски и доисторические афиняне «имели общих жен», а «их дети не знали своих отцов». При такой системе женщина могла сама избрать себе супруга или супругов, сохраняя при себе детей, независимо от того, кто был их отцом. На этом основании Дж.Томсон предположил, что в доисторических эгейских сообществах групповой брак сочетался с общинной формой собственности[85].

Западная и Северная Европа

На протяжении тысячелетий в Западной Европе продолжали существовать островки древнеевропейских традиций: баски в Западных Пиренеях Северной Испании и Юго-Западной Франции, иберийцы в Юго-Восточной и Восточной Испании, пикты в высокогорной Шотландии. Кельты, тевтоны и балты также унаследовали многие черты древнеевропейской организации общества.

Баскский язык – уцелевший обломок древнеевропейских языков, имеющий не только долатинское, но и доиндоевропейское происхождение. Это единственный туземный язык, сохранившийся после набегов и разнообразных культурных экспансий последних трех тысячелетий[86]. Баски продемонстрировали удивительную способность воспринимать постороннее влияние, не утрачивая при этом собственной культурной идентичности. Нет сомнения, что они составляют исключение из всех законов политической и культурной истории Европы[87]. Баски – единственные до сих пор существующие древние европейцы, а их корни уходят в гораздо более древние времена. Сторонники верхнепалеолитического происхождения басков указывают на их близость к кроманьонскому расовому типу и на устойчивость их мифологических традиций[88]. Вплоть до начала XX в. здесь использовался лунный календарь, действовал матрилинейный порядок наследования, а земледельческие работы осуществлялись женщинами[89]. Высокий общественный статус баскских женщин был установлен законом, а их деятельность в качестве наследниц, судей и третейских посредниц в доримскую, средневековую и современную эпоху широко обсуждается исследователями уже на протяжении столетия[90]. В кодексах баскских областей Франции представлена система законов о наследстве, основанная на полном равноправии полов. Исключения из этого правила обнаружены только среди крошечного дворянского сословия Лабура и, с большим количеством оговорок, в некоторых урбанизированных домах Суля. Но собственно баскская система не предполагает предпочтения мужского пола женскому. Еще накануне Великой французской революции баскские женщины были истинными «хозяйками дома», наследницами-опекуншами и главами родов[91]. Как утверждал в I в. до н.э. Страбон, среди иберийцев «принято, чтобы мужья давали приданое своим женам; дочери у них назначаются наследницами, а сестры женят братьев. В этом есть что-то от господства женщин...»[92].

Пикты – еще одна группа древнеевропейцев, жившая в окружении индоевропеоязычных народов, у которой, однако, удержались матрилинейные законы, культ Великой Богини и связанная с ней символика. Наследование имущества происходило исключительно по материнской линии; при наличии нескольких детей родовое имение переходило потомству дочери. Эта матрилинейная система родства сохранялась у пиктов вплоть до 842 г. н.э. Выходя замуж, дочери не покидали родового имения: в высокогорной Шотландии этот обычай еще существовал в начале XX в.[93]

Благодаря археологическим находкам в Южной Франции и в Рейнских областях стали известны богатейшие гробницы кельтских царевен гальштатского и латенского периодов (VII–IV вв. до н.э.). Эти погребальные обычаи уходят корнями в более древние местные традиции, и то же самое можно сказать о сохранившихся на всех кельтских территориях культе Великой Богини и матрилинейной системе наследования. Кроме того, древние писатели оставили нам достаточно свидетельств высокого статуса галльских женщин. Историк I в. до н.э. Диодор Сицилийский писал, что они «не только не уступают ростом своим мужьям, но и соперничают с ними силой»[94]. Мы также знаем, что в I в. н.э. у британцев была могущественная правительница. Один из наиболее запоминающихся портретов, сделанных римским историком Дионом Кассием, принадлежит овдовевшей царице Боудикке, которая подняла восстание против римлян, захвативших ее владения: «Она была огромного роста, и вид ее внушал ужас... Копна ярко-рыжих волос спускалась ей до колен; на ней было большое ожерелье из крученого золота и многоцветная туника, а сверху – застегнутая пряжкой накидка»[95]. Более поздние британские и ирландские материалы свидетельствуют о том, что, несмотря на индоевропейскую патриархальную систему законов, галльские женщины благородного происхождения пользовались уважением и имели право на личную собственность. Как можно заключить из легендарного рассказа об основании Марселя, они могли сами выбирать себе мужей[96].

Судя по традиционным преданиям Ирландии, здесь в основном были приняты матрилокальные браки, в которых первенство принадлежало жене или возлюбленной. В кельтской литературе Британии и Ирландии, как и в древнегреческих сказаниях, герой оставляет дом и отправляется к другим племенам, ища себе невесту побогаче, на которой он мог бы жениться и вместе с ней управлять ее владениями. Древние законы Ирландии и Уэльса отводили важную роль брату матери, который представлял материнский род[97]. Нет сомнения, что у кель-

тоязычных народов матрилинейный порядок наследования существовал с самых незапамятных времен.

Хорошо известно, что очаги древнеевропейской матрилинейной структуры существовали также в Германии и Скандинавии. Как писал в I в. до н.э. Тацит («О происхождении германцев и местоположении Германии»): «К сыновьям сестер они относятся не иначе, чем к своим собственным». По мнению исследователей, германская матрилинейная организация общества была унаследована ими от древнеевропейского населения и просуществовала вплоть до исторической эры[98]. Так, о хавках известно, что вплоть до I в. н.э. они представляли собой свободное земледельческое сообщество со сбалансированной социальной структурой, в которой оба пола имели равные имущественные права[99]. На протяжении тысячелетий родство по материнской линии считалось гораздо более важным, чем по отцовской. В Тюрингии, как и в Бургундии, закон гласил, что, если мужчина умрет бездетным, наследство должно перейти к его сестре или матери. Есть много подтверждений тому, что в царских домах богатство и титулы наследовались по женской линии. У саксов претенденты на престол узаконивали свои притязания, лишь заключив брак с королевой. В «Матерях» Бриффо перечисляет различные германские племена, имевшие матрилинейный порядок наследования. Во многих случаях царство наследовал тот, кто женился на царице или царевне. У скандинавов еще в VIII в. власть переходила в руки дочерей и их мужей. В древнейших нордических и германских документах, как и у неиндоевропейских народов Эгейского региона, людей часто называли по имени матери, не упоминая имени отца. Не зря слово «Geschwister»/«братья-сестры» делает упор именно на сестринские отношения.

Культура балтоязычных народов – пруссов, литовцев и в восточной части Балтийского побережья латышей – представляет собой настоящую смесь древнеевропейского и индоевропейского общественных укладов и религий. Индоевропейская патриархальная система оказалась здесь разбавленной древнеевропейскими матрилинейными, матрилокальными и матрицентричными элементами. Древнепрусское слово «ane» («бабушка») стоит сравнить с древнеирландским «anu», «ana» – «старая ведьма» и «хранительница мертвых». Важная роль братьев матери и жены, так же как следы эндогамии и пробных браков, отчетливо прослеживаются в латвийском и литовском фольклоре[100]. У балтов, так же как и у басков, сохранился матрицентричный пантеон богинь. Матрицентричные элементы изобилуют и в славянской культуре; в славянском фольклоре и народном искусстве можно, как в балтийской и баскской культурах, найти немало богинь[101].

Итак, письменные источники, начиная с Геродота (V в. до н.э.) и вплоть до Страбона (I в. н.э.), упоминают: 1) о матрилинейной структуре, наследовании по женской линии, наследовании престола по женской линии (власть переходит от матери к дочери); 2) об эндогамии, матрилокальных и групповых браках, сочетавшихся с общинной формой собственности; 3) о метронимии (нарекании по матери, а не по отцу); 4) о влиятельном положении брата царицы и отсутствии царя-супруга (есть только принц-консорт); 5) о высоком статусе женщины, особенно в минойском и в этрусском обществах.

Заключение

Таким образом, по рассмотрении имеющихся археологических, исторических, лингвистических и религиозных данных нам представляется, что организующим элементом древнеевропейского сообщества была теократическая храмовая община и что в рамках религиозной жизни статус женщины был очень высок. Перед нами эндогамное общество, возглавляемое глубоко почитаемой старейшиной – Великой Матерью рода, ее братом или дядей, а также советом женщин; его структура была матрилинейной, поскольку наследование влияния и имущества шло по женской линии.

ГЛАВА X

КОНЕЦ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ: ВТОРЖЕНИЕ СКОТОВОДОВ ИЗ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ

Падение Древней Европы совпадает по времени с индоевропеизацией данной части света: это был сложный процесс трансформации, результатом которого явился культурный сдвиг, аналогичный тому, что произошел при завоевании американского континента. Судя по археологическим данным и сравнительным исследованиям индоевропейских языков и мифологии, речь идет о столкновении двух идеологий, двух общественных и экономических укладов, дополнительно усугубленном жестокими сломами. Прото- и древнеиндоевропейцы, которых я называю носителями «курганной» культуры, пришли – вернее, прискакали, поскольку это были всадники, – с Востока, из южнорусских степей. Их первое соприкосновение с пограничными территориями Древней Европы (Нижнеднепровским регионом и западной частью Черноморского побережья) произошло где-то в середине V тыс. до н. э. Так начался приток в Восточную и Центральную Европу новых народов и влияний, которому суждено было продлиться два тысячелетия.

Это столкновение культур вызвало коренную трансформацию Древней Европы: ее доисторическое и историческое существование стали похожи на слоистый торт, где перемешаны неиндоевропейские и индоевропейские элементы. Однако нельзя игнорировать тот факт, что на протяжении длительного времени лингвистическое и мифологическое влияние неиндоевропейского субстрата оставалось чрезвычайно сильным. Для понимания этой сложной ситуации нам необходимо посмотреть на нее с точки зрения общественной и символической организации культур.

В этой главе речь пойдет о курганной культуре Волжско-Уральского и Северопонтийского регионов и о ее связях с Древней Европой – о том, как она сперва влияла на древнеевропейскую цивилизацию, затем все глубже в нее проникала и, наконец, ее разрушила. Лингвистические данные заставляют предположить, что родина индоевропейцев находилась между ареалами нескольких языковых семей – финно-угорской, семитской и кавказской. Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы, и, по моему убеждению, его не решить на основании имеющихся археологических материалов. Данные по волжско-уральскому междуречью и закаспийским территориям до VII тыс. до н. э. пока слишком скудны, чтобы давать этнографическое истолкование. Более основательные материалы появляются приблизительно к 5000 г. до н. э., поэтому мы можем говорить о носителях курганной культуры лишь около 4500 г. до н. э., когда они покоряют степные земли к северу от Черного моря.

Русское слово «курган» (в свою очередь заимствованное из тюркского) означает то же, что английские термины «barrow» или «tumulus» – могильный холм; термин «курганная культура» был предложен мной в 1956 г. в качестве общего названия культуры полукочевых скотоводов, оставлявших после себя округлые могильные насыпи[1].

Приблизительно до 4500–4300 гг. до н. э. в погребальном инвентаре европейцев нет боевого оружия, только охотничья снасть, а у поселений нет укреплений. Поэтому мирные земледельцы оказались легкой добычей для воинственных всадников курганной культуры. Захватчики были вооружены метательным и режущим оружием: длинными кинжалами, копьями, алебардами, луками и стрелами.

Традиции курганной культуры резко отличались от тех, что были свойственны древнеевропейской цивилизации, которая в основном имела мирный, оседлый, матриальный, матрилинейный характер и была основана на равенстве полов. Напротив, носители курганной культуры отличались воинственностью и патриархальностью, у них имелись четкая иерархия и комплекс погребальных обычаев, куда входили ямные захоронения, над которыми возводили каменные или деревянные постройки типа шалаша или домика, сверху покрывавшиеся низкой каменной или земляной насыпью. Это был в основном скотоводческий уклад с элементами земледелия и с временными сезонными стоянками, где жилищами служили полуземлянки.

Появление курганной культуры на территории Древней Европы шло волнами: волна I – ок. 4400–4300 гг. до н. э., волна II – ок. 3500 г. до н. э. и III – после 3000 г. до н. э. Эта хронология отражает развитие не какой-то одной группы, но целого ряда степных народов с общими, несмотря на значительную пространственную и временную удаленность, культурными традициями. Носители курганной I культуры пришли из волжских степей; находившиеся на более высоком уровне культурного развития носители курганной II культуры – из северопонтийских земель, лежащих между

Нижним Днестром и Кавказскими горами; носители курганной III культуры – снова из волжских степей.

В российской археологии курганная I культура именуется «раннеямной», курганная II культура – «михайловка I» или «майкопской», а курганная III культура – «позднеямной» (подразумеваются, конечно, могильные ямы под курганами).

Добыча пропитания и передвижение носителей курганной культуры были непосредственно связаны с одомашненной лошадью, что опять-таки представляет резкий контраст с жизнью не знавших лошадей древнеевропейских земледельцев. Скотоводческое хозяйство, постоянно прибавляющиеся стада крупных животных, верховая езда и необходимость мужской силы при обращении со скотом – все это, как можно предположить, способствовало переходу от матриальной к патриальной, военизированной организации общества; в Южной России и в более отдаленных областях он произошел не позднее 5000 г. до н. э. (точную дату начала этого процесса установить чрезвычайно трудно, однако ее следует отнести к периоду до 4000 г. до н. э., когда, как предполагается, в Сахаразии произошел поворот к патриализму и насилию, вызванный превращением степи в пустыню; см.: Demeo 1991).

Скотоводы курганной культуры Южной России и их распространение по Восточной Украине

Одомашнивание лошади

Резкие климатические изменения, последовавшие за последним ледниковым периодом, привели к вымиранию крупных пород лошадей эпохи плейстоцена. Выжившие породы среднего размера принадлежали к одному виду (Equus ferus Boddaert) с двумя подвидами – тарпан (Equus ferus gmelini Antonius) и таки (лошадь Пржевальского). Одомашнен был тарпан, небольшое, но крепко сбитое животное с укороченной головой, хвостом и гривой. Небольшие табуны диких тарпанов встречались в Восточной Европе вплоть до конца XIX в., пока не были сведены на нет бесконтрольной охотой.

Насколько можно предположить, одомашнивание лошади имело место приблизительно в 5000 г. до н. э. или ранее, где-то между Восточной Украиной и Северным Казахстаном, в лесостепных районах или на лесистых речных берегах. Не удивительно, что самые древние свидетельства существования одомашненной лошади обнаружены в лесостепи Средней Волги, где с конца VII тыс. до н. э. уже присутствовал неолитический уклад в форме разведения скота и мелкого земледелия.

Древнейшие артефакты, связанные с культом лошади, и указания на жертвоприношения лошадей

Рис. 10-1

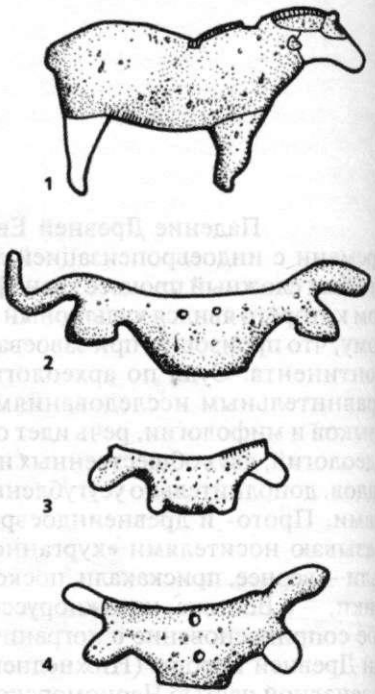


Рис. 10-1
Древнейшие скульптуры, связанные с культами лошади и быка. Вырезанные из кости статуэтки (1, 3) лошади, двуглавой лошади и (2, 4) быков из съезжевского могильника на реке Самара, притоке Средней Волги, Куйбышевская область. Подвески в виде сдвоенных бычьих голов были найдены в могиле ребенка под площадкой для жертвоприношения лошадей. Самарская культура, ранний волжский энеолит, ок. 5000 г. – начало V тыс. до н. э.; длина лошади 11 см, длина бычьих голов – 12 см.

(приблизительно V тыс. до н. э.) были найдены на Средней Волге. Так, в могильнике села Съезжее на берегу реки Самары (Куйбышевская область) обнаружены вырезанные из кости плоские фигурки лошадей (рис. 10-1). В них проделаны отверстия, а это значит, что их могли носить в качестве подвесок, придавая им некое символическое значение. Над погребениями на жертвенных очагах были найдены лошадиные черепа и крупные кости[2]. Этот могильник древнее хвалынской культуры Нижней Волги, которая, согласно радиоуглеродным датировкам, относится к первой половине V тыс. до н. э. (см. ниже раздел, посвященный хвалынскому периоду).

Кости домашней лошади были найдены и исследованы в Дереивском могильнике (Нижнеднепровский бассейн, 70 км от Кременчуга)[3] из группы среднестоговской II культуры, которая пришла в днепровские степи ок. 4500 г. до н. э. или чуть ранее (Средний Стог I – поселение днепро-донецкой культуры). Обнаруженные здесь 15 фрагментов нижних челюстей лошади принадлежат молодым жеребцам или жеребятам, что говорит о развитом уровне доместикации.

В середине V тыс. до н. э. в лесостепной и степной зоне между Нижним Днепром и Северным Казахстаном паслись большие табуны лошадей. Исследование костей животных в Репине на берегу Дона показало, что 40% от костей всех домашних животных принадлежат лошадям[4]. Огромное количество лошадиных костей (более ста тысяч) было найдено также возле Петропавловска (Северный Казахстан), на месте стоянки, близкой курганной I (раннеямной) культуре. Там кости лошадей составляли 90% от останков всех домашних животных[5].

Одной из побудительных причин одомашнивания лошади могло быть употребление в пищу ее мяса и молока, до сих пор принятое у степных народов. Но еще большую роль играли ее ездовые качества, которые, как можно предположить, учитывались уже на начальной стадии одомашнивания. Стада крупного рогатого скота, овец и коз можно пасти и без лошади, но большие конские табуны – только верхом. Псалии из оленьего рога, возможно – часть уздечки, были обнаружены в поселениях среднестоговской культуры середины V тыс. до н. э. (из них 6 штук – в Дереивке). Парные псалии были в захоронениях или по соседству с ритуальной ямой, где также находились череп, нижняя челюсть и кости ног жеребца, а также черепа и передние части двух собак.

На первоначальной стадии доместикации ситуация, вероятно, напоминала ту, что существовала в Сибири несколько веков назад. Пришедшие в XVIII в. русские колонисты обнаружили между Каспийским морем и Алтаем скотоводов, которые мало занимались земледелием, но держали табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, овец и коз. Их пасли на лошадях, имевших важное значение для жизни этих сообществ. Для верховой езды держали меринов, табуны под предводительством жеребцов оставались полудикими, кобылиц же доили и держали стреноженными около жилищ[6].

Жвачные животные были основным тягловым скотом волжского неолита, о чем свидетельствуют фигурки, судя по всему, изображающие запряженных волов (рис. 10-1.2 и 4), меж тем как быстроногая лошадь превратилась в транспортное средство. Это сократило время, затрачиваемое на перемещения, в пять или более раз, уничтожив прежние территориальные границы, а также оказало огромное влияние на освоение степных ресурсов и на все прочие аспекты жизни этих народов. Верховая езда позволяла преодолевать большие расстояния, благоприятствовала набегам, угону скота или коней, накоплению богатств и увеличению торговых возможностей, а также насилию и развитию боевых навыков. Как только степь была полностью покорена, верховая лошадь стала способом миграции за ее пределы.

Материальные остатки первой половины V тыс. до н. э. показывают, что на огромной территории к востоку от Дона, между Средней Волгой, Кавказом и Уралом, существовала единообразная культура. В местах, отстоящих друг от друга на тысячи километров, находят практически одинаковые украшения, инструменты и оружие, что говорит о беспрецедентно быстром обмене между племенными группами. Первые наезды в днепровские степи этих кочевых народов происходили еще до середины V тыс. до н. э. Чуть позже конные воины курганной I культуры появились в самом сердце Европы.

Верховая езда изменила ход европейской предыстории. Вооруженный конный воин представлял смертельную угрозу для мирного и безоружного земледельца. С середины V тыс. до н. э. и на протяжении тысячелетий быстроногие лошади несли с собой смуты. Если мы взглянем на европейскую историю и вспомним кровавые набеги, которые устраивали скифы, сарматы, гунны, авары, римляне, славяне и викинги, не говоря уж об управлявших конными колесницами кельтах и героях Гомера или о крестоносцах, то мы увидим, что быстроногие лошади способствовали тому, что все существование оказалось подчинено насилию.

Культурные группы лесостепного региона бассейна Средней и Нижней Волги

Волжская культура V тыс. до н. э., которую в советской научной литературе именуют энеолитической (т. е. относящейся к «меднокаменному» веку или «халколиту»), была продуктом развития местной волжской неолитической культуры[7]. Ее ареал охватывал южные области степных районов между Нижним Доном, Средней Волгой и Нижним Уралом, чьей естественной границей были Кавказские горы, а на юге –

Рис. 10-2

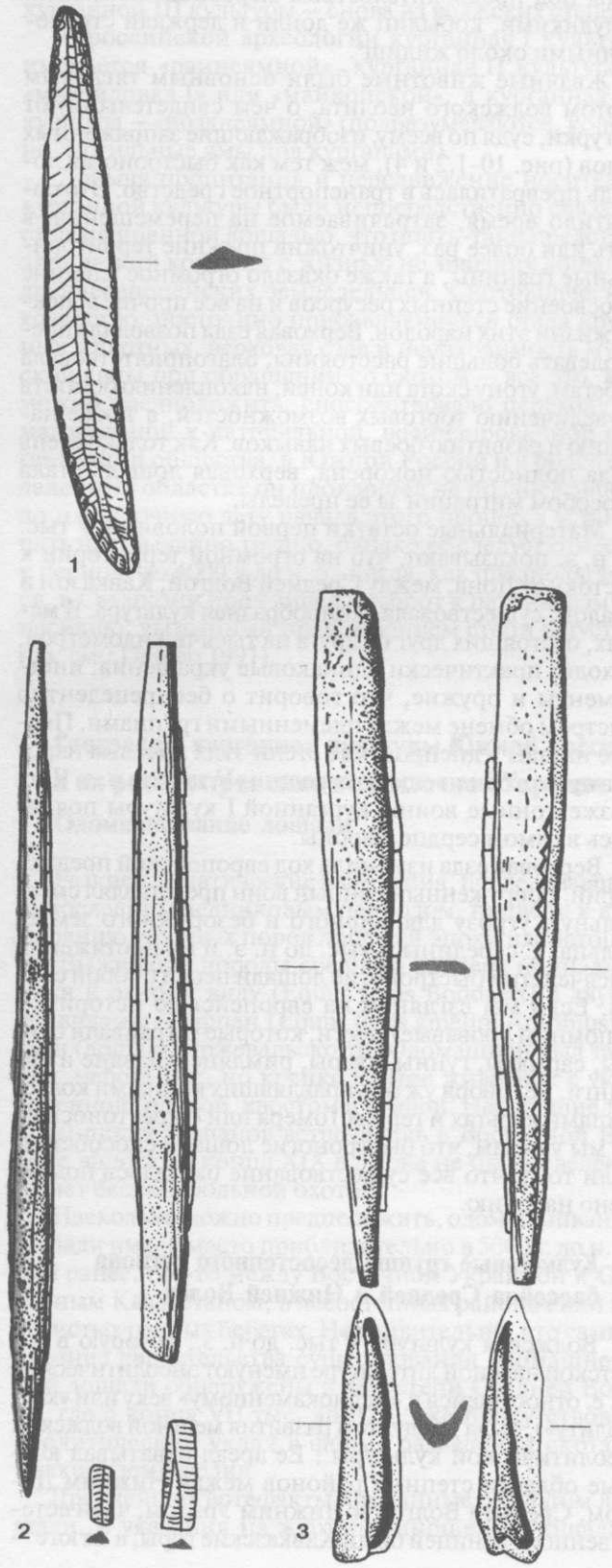


Рис. 10-3

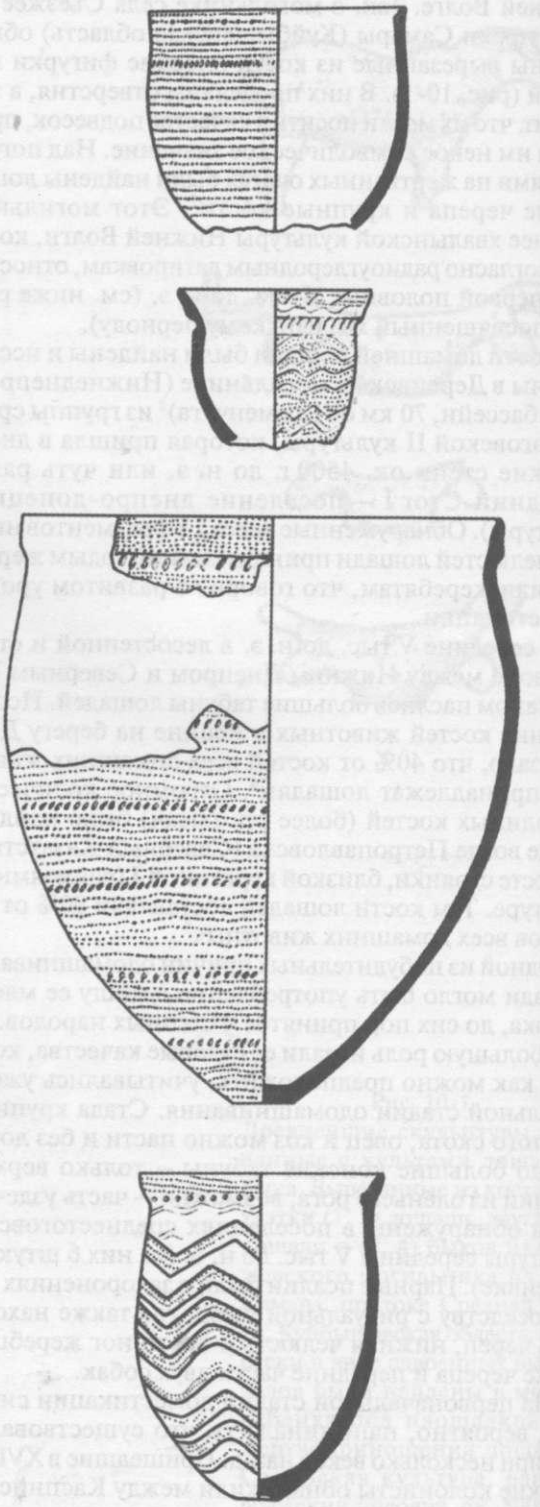


Рис. 10-2
В отличие от мирных земледельцев Древней Европы, волжские скотоводы ок. 5000 г. до н.э. изготовляли внушительные кинжалы из кремня и кости. (1, 2) Съезжевский могильник, р.Самара, Куйбышевская область; (3) Липовский Овраг. Кремневый кинжал был найден в могиле полуторагодовалого-двухлетнего мальчика. Костяные кинжалы обнаружены возле руки или черепа взрослых мужчин. Длина костяного кинжала (слева) 53 см.

Рис. 10-3
В тот период, когда в Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европе процветало искусство расписной керамики, волжские скотоводы изготовляли примитивные яйцевидные кубки с утолщенным краем, украшенные горизонтальными линиями из насечек, надрезов, шнуровых отпечатков и ямок. К глиняному тесту примешивали толченые раковины. Съезжевский могильник, Куйбышевская область, самарский период. Ок. 5000 г. до н. э. Масштаб 1:3.

Каспийское море. Неолитические и энеолитические культуры этого обширного пространства были открыты в течение последних 20 лет; за этот срок археологам удалось выделить несколько региональных групп и фаз развития. Так, энеолит разделен на три периода: ранний, средний (или развитый) и поздний.

Самарский период (ок. 5000 г. до н. э.)

В лесостепной зоне Средней Волги ранняя энеолитическая культура носит название самарской, а в бассейне Нижней Волги – северокаспийской. Открытие и признание этой долгое время неизвестной культуры началось в 1973 г., когда на берегу реки Самары, одного из притоков Средней Волги (Куйбышевская область), был найден съезжевский могильник[8]. Он был частично разрушен; сохранилось шесть индивидуальных и одно тройное захоронение, все в ямах глубиной в 0,7–1 м, некоторые покрыты сверху каменной или низкой земляной насыпью. К числу примечательных находок следует отнести признаки того, что рядом с могилами совершались конские жертвоприношения: найдены костяные фигурки лошадей, двуглавых лошадей и двуглавых быков.

В центральной части могильника (на 40 см вглубь от поверхности) была обнаружена площадка для жертвоприношений с двумя лошадиными черепами, окруженными битыми горшками, бусинами из раковин, в том числе речных, и гарпунами; все предметы посыпаны охрой. Раскопки другой площадки для жертвоприношений этого же могильника дали большое количество костей ног лошадей и крупного рогатого скота. Под первой жертвенной площадкой располагались самые богатые могилы, некоторые из них – детские, щедро усыпанные охрой. Наиболее примечательна могила мальчика возрастом полтора–два года (№ 6), в которой был найден длинный кремневый кинжал (рис. 10-2. 1), две вырезанные из кабаньего клыка плоские статуэтки двуглавых быков (рис. 10-1. 2 и 4), три ложковидных предмета, заканчивающихся скульптурными изображениями утиных голов, подвески и тонкие пластинки, ожерелье или пояс из бусин из раковин и клыков животных, а также два больших полукруглых долота и тесла из отшлифованного камня. Подобный погребальный инвентарь говорит о том, что это – могила отпрыска благородного, может быть, даже царского рода. Необычно, что столь маленький ребенок снабжен кинжалом и статуэтками, однако в этом есть свой символический смысл. Судя по более поздним археологическим данным и сравнительным исследованиям индоевропейских мифологий, кинжал и запряженные в повозку быки – атрибуты верховного небесного божества. Вполне вероятно, что принесение в жертву лошадей было связано со смертью царского сына.

Две статуэтки лошади (рис. 10-1. 1 и 3) были найдены в разрушенных могилах, так же как многие полукруглые долота и тесла из шлифованого камня, большие костяные копья, кинжалы, кремневые острия, наконечники стрел и скребки. Кинжалы изготовлялись из кремня и кости; порой они достигали 56 см в длину, что делало их чрезвычайно опасным оружием. Лезвия из кремня или кварцита вставлялись в костяную рукоятку, закреплявшуюся с боков (рис. 10-2. 3).

Горшки не клали в могилу, их, как правило, находят на площадках для жертвоприношений. В съезжевских горшках есть при-

месь толченых раковин, что является характерной чертой и более поздней керамики курганной культуры. В основном они имеют усеченную яйцевидную форму: сужающееся книзу плоское основание, утолщенный, завернутый наружу край. Их поверхность, целиком или только в верхней части, была декорирована горизонтальными или зигзагообразными линиями. Их накалывали, штамповали, в том числе гребенчатым орудием, а под ободком помещали ямочный или «пуговичный» узор (рис. 10-3). Похожая керамика была найдена в ряде недавно открытых поселений между Нижним Доном и Нижним Уралом[9].

О поселениях этой культуры почти ничего не известно. Все они невелики по размерам, их слой тонок. В нем обнаруживают только фрагменты сосудов, кремневые скребки, орудия из кварцита, полукруглые долота и тесла из отшлифованного камня. Поскольку ни съезжевский могильник, ни прочие стоянки с аналогичными материалами не имеют радиоуглеродных датировок, их хронология устанавливается на основе типологических исследований. К примеру, тонкие пластинки из кабаньего клыка характерны как для днепро-донецкой, так и для самарской культуры. В первом случае они предшествуют среднестоговской II культуре, во втором – хвалынской культуре. Судя по радиоуглеродным датировкам, хвалынская культура относится к первой половине V тыс. до н. э., поэтому самарскую культуру следует отнести приблизительно к 5000 г. или к началу V тыс. до н. э.

Рис. 10-4

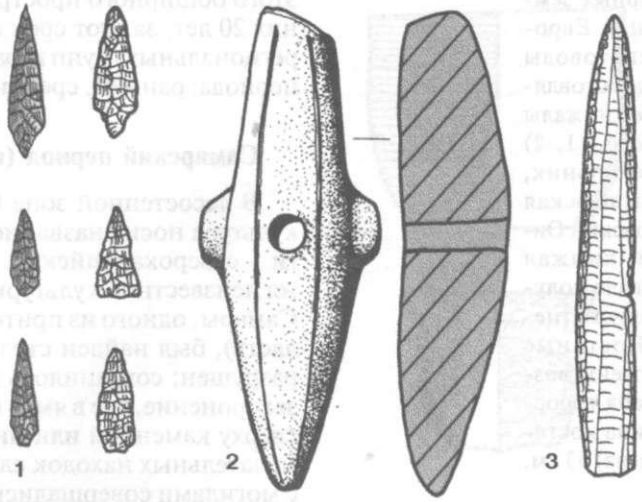


Рис. 10-4
Статусное оружие из могилы вождя: (1) кремневые наконечники стрел; (2) порфировый топор с проухом; (3) тщательно ретушированный кремневый кинжал. Кроме того, в этом захоронении (Криволучье, р. Самара, Куйбышевская область) были каменные и костяные браслеты, подвески из ракушек и бусины из раковин и из оленьих зубов. Масштаб 1 : 3. Хвалынский период, первая половина V тыс. до н. э.

Рис. 10-5

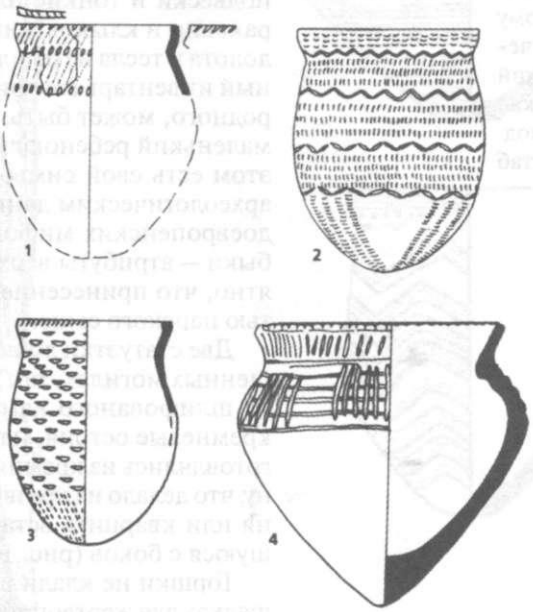


Рис. 10-5
Керамика из раннеямных (курганная I культура) курганов Нижневолжского бассейна. (1) Архара; (2) Бережновка; (3) Политотдельск; (4) Алтата. Середина V тыс. до н. э. (1) 26 см; (2) 28 см; (3) 14 см; (4) 18 см.

Хвалынский период (первая половина V тыс. до н. э.)

«Развитый энеолит» Волжского бассейна представлен хвалынским могильником на берегу Волги (Саратовская область), раскопанным И.Б.Васильевым и другими[10]. Здесь на площади 30 × 26 м было найдено 158 костяков, в основном захо-

роненных поодиночке, однако в нескольких случаях в одной могиле могло быть от двух до пяти скелетов. Покойников хоронили в ямах в скорченных позах, тела укладывали на спину согнутыми коленями вверх. Двенадцать захоронений были покрыты каменными насыпями. Как и в съезжевском могильнике, здесь были обнаружены площадки для жертвоприношений с останками жертвенных животных – лошадей, крупного рогатого скота и овец; кроме того, кости животных были найдены и в могилах, и зарытыми отдельно (кости ног лошади и теленка, черепа крупного рогатого скота и овечьи кости). В список могильного инвентаря входило около 40 металлических артефактов (колец и спиралевидных колец), большие подвески из кабаньих клыков, костяные и раковинные бусы и браслеты, топор с проухом, схематизированное скульптурное изображение конской головы, возможно, служившее навершием скипетра, обоюдоострые кремневые острия и кинжалы, каменные тесла и костяные гарпуны. Очень похожий инвентарь был в могиле богача, случайно найденной в 1929 г. в Криволучье (Самарская область). Тело было уложено в скорченной позе и посыпано охрой, а рядом помещены порфировый топор с проухом, 6 прекрасно отделанных наконечников из кремня, кремневый кинжал, скребок, браслеты из отшлифованных камешков и костей, бусы из оленьих зубов, кольцевидные и цилиндрические бусины из раковин пектункулус[11] (рис. 10-4). По всей видимости, этот человек занимал важное место в обществе.

На юге такого же рода находки и погребальные ритуалы обнаружены на Северном Кавказе в Нальчике (Кабардино-Балкария). Под низким курганом высотой всего в 0,67 м, диаметром 30 м по диагонали, находилась 121 могила. Тела в скорченных позах лежали группами по 5–8 человек; под ними земля была покрыта охрой, а сверху могилы были завалены камнями. Среди наиболее часто встречающегося могильного инвентаря – бусины из раковин пектункулус, камни, а также зубы оленя, волка, медведя, кабана и других животных, каменные и костяные браслеты, подвески из кабаньих клыков, длинные кремневые кинжалы, наконечники стрел и двусторонне обработанные острия[12].

Поразительное сходство погребальных инвентарей, найденных на расстоянии многих тысяч километров друг от друга, говорит о феноменальной подвижности населения и внутриплеменных связях, существовавших между Самарой и Кавказом. На западе стоянки с аналогичными материалами встречаются вплоть до Азовского моря, на востоке – до реки Урал. Характерные для хвалынской фазы типы инструментов, оружия, украшений и керамики были унаследованы от самарского периода. Хронология хвалынской фазы установлена приблизительно, по сходству ее материалов с находками из поселений среднестоговской II культуры бассейна Нижнего Днепра, чья датировка, судя по данным радиоуглеродного анализа и по их контактам с культурами караново и кукутени, восходит к середине V тыс. до н. э. Первые радиоуглеродные датировки хвалынских материалов (проведенные в лаборатории Уральского педагогического института) указывают на начало IV тыс. до н. э. После корректировки они должны попадать на период до середины V тыс. до н. э.[13]

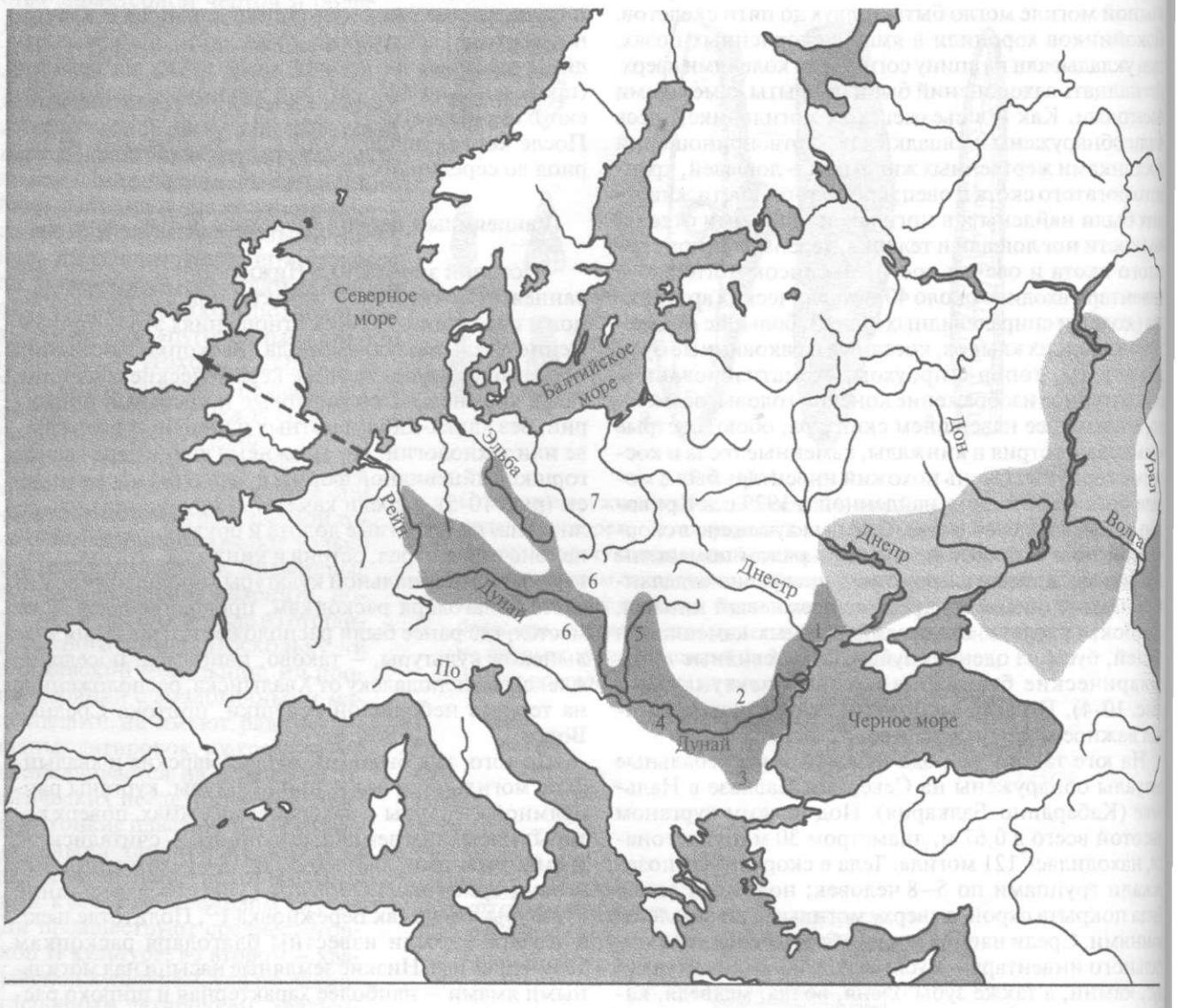
Раннеямный период (середина V тыс. до н. э.)

«Поздний энеолит» на Нижней Волге представлен раннеямной культурой, характерной для ряда курганов и поселений. Во всех отношениях это – продолжение хвалынского периода. Раскопки поселений продемонстрировали те же керамические традиции, те же кремневые, кварцитовые и костяные индустрии, без каких-либо заметных изменений в искусстве или технологии. По-прежнему шло изготовление горшков яйцевидной формы с загнутым наружу краем (рис. 10-5), а среди каменных орудий преобладали тесла, полукруглые долота и оружие – кремневые наконечники стрел, острия и кинжалы. Эта преемственность материальной культуры хорошо прослеживается благодаря раскопкам, проводившимся в тех местах, где ранее были расположены поселения хвалынской культуры, – таково, например, поселение Алексеево неподалеку от Хвалынска, расположенное на террасе небольшой речушки, притока Средней Волги[14].

До того, как были открыты самарские и хвалынские могильники волжской культуры, курганы раннеямной культуры – захоронения в ямах, поверх которых насыпаны земляные курганы, – считались самыми древними. Вопрос об их происхождении был весьма туманным. Образцы курганов раннеямной культуры, такие как Берсжновка I[15], Политотдельск[16] и Архара[17], были известны благодаря раскопкам 1950–1960-х гг. Низкие земляные насыпи над могильными ямами – наиболее характерная и широко распространенная черта этой культуры. Во время хвалынского периода над захоронениями обычно возводили не земляную насыпь, а каменный курган, или же курган постепенно образовывался из-за того, что над могилой совершали жертвоприношения. Не исключено, что древнейшие земляные курганы появились на степных территориях еще во время хвалынского периода, продолжая существовать параллельно с бескурганными захоронениями лесостепной зоны[18]. Курганы характерны именно для степей.

К этому периоду относится Репин – поселение, расположенное между Нижним Доном и Нижним Уралом: оно стояло на берегу Дона и в 1950-х гг. было раскопано И.В.Синицыным[19]. Здесь было обнаружено самое большое количество горшков и лошадиных костей, которые, как уже было сказано выше, составляли 80% от общего числа костей животных. С тех пор

Рис. 10-6А



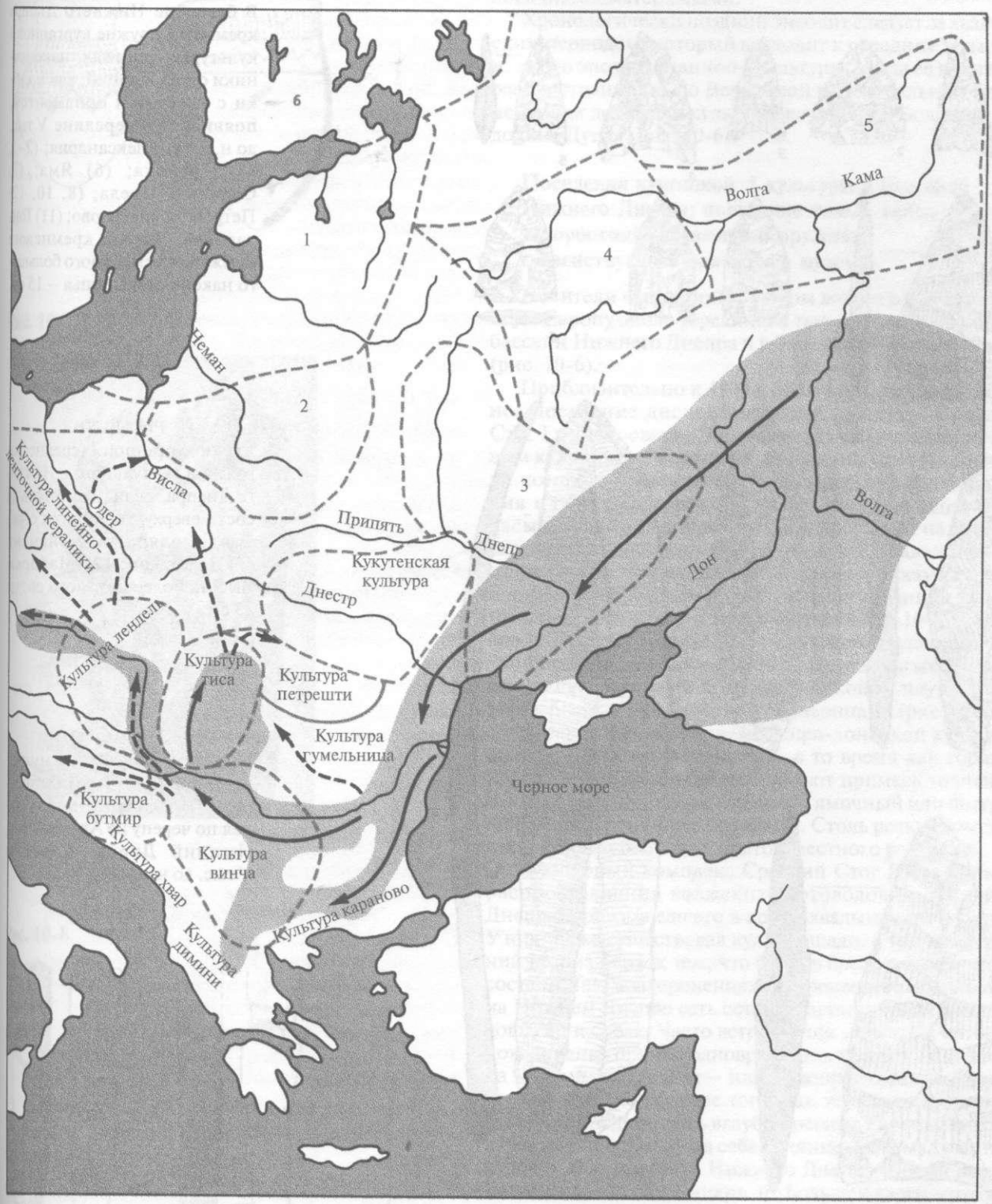
— Исходная территория курганной культуры в нижневолжских и донских степях и ареал распространения курганной I (раннеямной) культуры.

— Культуры, усвоившие элементы курганной культуры.

Рис. 10-6А
Продвижение курганной культуры по Восточной и Центральной Европе и ее влияние на Дунайский бассейн и сопредельные территории в 4300–3500 гг. до н. э. Это влияние заметно даже в Англии и в Восточной Ирландии середины IV тыс. до н. э.

Рис. 10-6В
Вторжение курганной I культуры (показано стрелками) в Восточную и Центральную Европу ок. 4400–4300 гг. до н. э. Первая волна шла с Нижней Волги к Нижнему Днепру, затем захлестнула Западное Причерноморье. Далее она прокатилась по Дунайской равнине, долине реки Марица в Болгарии и Македонии. Поднявшись по Дунаю или перекатившись через Трансильванию, она достигла пастбищ Восточной Венгрии.

Рис. 10-6В



– Распределение поселений курганной I культуры
– курганная культура
– древнеевропейская культура

Хронологически совпадающие культурные группы Северной Европы:

1. Нарвская
2. Неманская
3. Днепро-донецкая
4. Волосовская
5. Волго-камская
6. Сперрингз

Рис. 10-7А

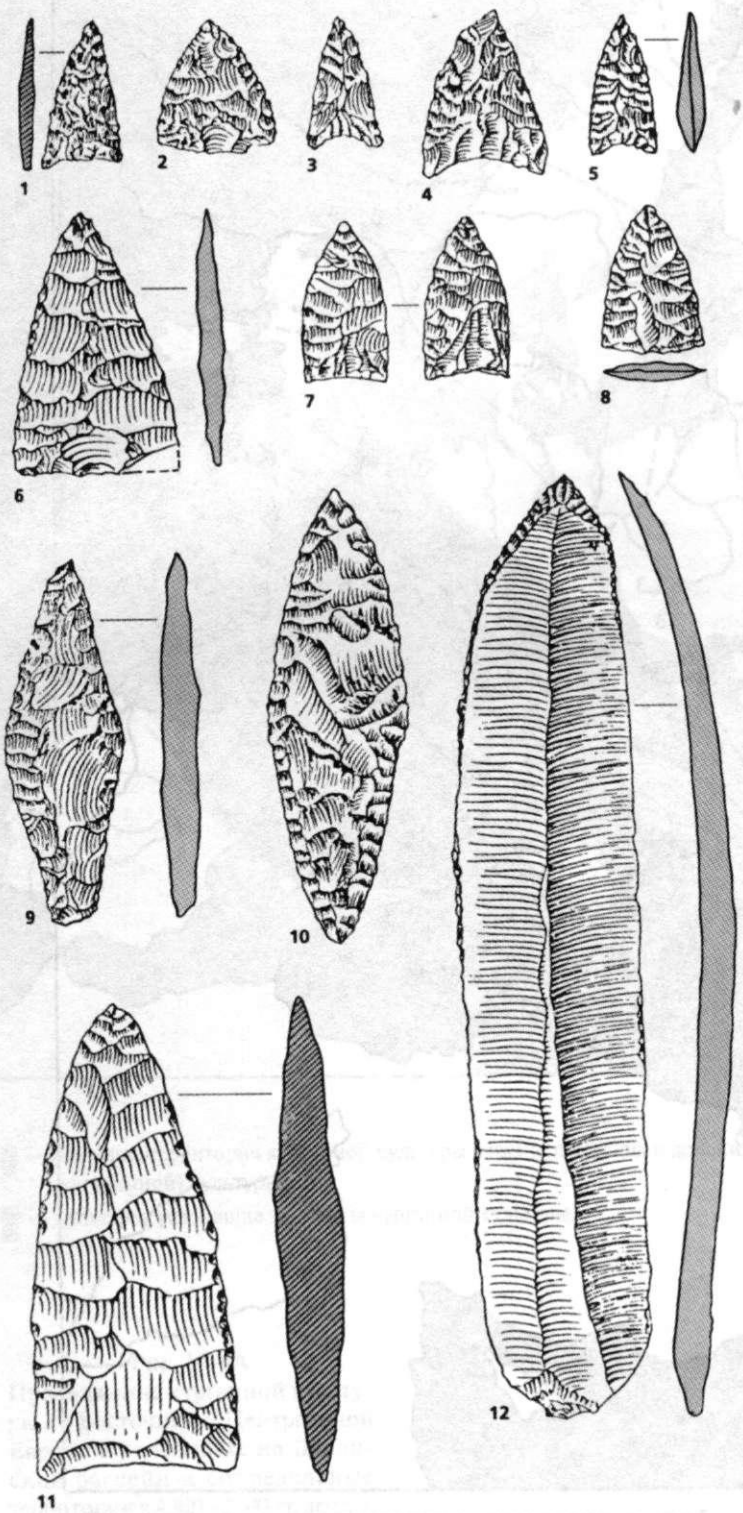


Рис. 10-7А
В бассейне Нижнего Днепра кремневое оружие курганной I культуры – кинжал, наконечники стрел и копий, как и кубки с насечным орнаментом, появилось в середине V тыс. до н. э. (1) Александрия; (2–5, 9) Дереивка; (6) Яма; (7) Стрильча-Скела; (8, 10, 12) Петрово-Свистуново; (11) Гончаровка. Высота кремневого кинжала 45 см, самого большого наконечника копья – 15 см.

Рис. 10-7В
Кубки курганной I (среднестоговской II) культуры с Нижнего Днепра. Если посмотреть на сосуд сверху, то насечки образуют солярный орнамент. (1) Домоткан; (2) Майорка. Высота более крупного сосуда 13 см.

Рис. 10-7С
Реконструкция облика мужчины курганной I (среднестоговской II) культуры, выполненная по черепу из Александрии, Нижний Днепр. Середина V тыс. до н. э.

Рис. 10-8
Псалии из оленьего рога, Дереивка, Нижний Днепр. Вторая половина V тыс. до н. э. Масштаб 1 : 3.

Рис. 10-7B

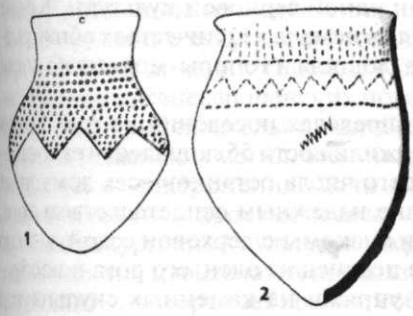
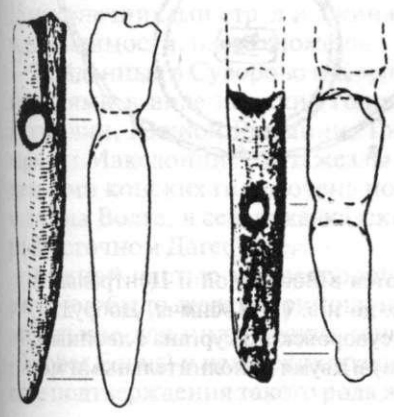


Рис. 10-7C

Рис. 10-8



в данном районе стало известно еще 10 поселений с аналогичными материалами.

Хронологически поздний энеолит следует за хвалынским периодом, который восходит к середине V тыс. до н. э. Это эпоха курганной I культуры, когда ее носители распространились по Восточной и Центральной Европе, дойдя до ареала культуры караново в Болгарии и в долине Дуная (рис. 10-6).

Поселения курганной I культуры в бассейне Нижнего Днепра: появление новых типов захоронений, керамики и оружия; главенствующее положение мужчин

Носители курганной культуры вошли в доисторическую Европу около середины V тыс. до н. э., нахлынув в бассейн Нижнего Днепра и в Западное Причерноморье (рис. 10-6).

Приблизительно к 4500 г. до н. э. или несколько ранее поселение днепро-донецкой культуры Средний Стог I у днепровских порогов оказалось перекрыто новым культурным комплексом Средний Стог II, носители которого практиковали индивидуальные захоронения в шахтах или цистах, поверх которых сооружали насыпи. Тела в этих могилах были положены на спину в скорченной или вытянутой позе и, как правило, снабжены кремневыми кинжалами, наконечниками стрел и копий и характерными для курганной традиции кубками с заостренным основанием (рис. 10-7A, 10-7B). Вдобавок скелеты принадлежали к долихомезокранному типу, более высокому и худощавому, нежели их предшественники, носители днепро-донецкой культуры[20], которые были коренастыми кроманьонцами (рис. 10-7C).

Керамика более ранней днепро-донецкой культуры имела растительные примеси, в то время как горшки новых обитателей этих мест имеют примесь толченых раковин, а также штампованный, ямочный или шнуровой узор с солярными мотивами. Столь резкие изменения не могли быть результатом местного развития.

Культурный комплекс Средний Стог II – результат распространения волжских скотоводов по бассейну Днепра, произошедшего в конце хвалынского периода. У них также существовал культ лошади, а тип захоронений весьма близок тем, что были в средневолжской лесостепи. Так, в захоронениях из дереивского могильника на Нижнем Днепре есть останки принесенных в жертву лошадей и собак. Часто встречаются могилы, в которых похоронены, причем одновременно, мужчина и женщина – возможно, вдова – или мужчина с одним–двумя детьми. Однако по мере того, как носители курганной культуры продвигались вглубь Древней Европы, они неизбежно испытывали на себе влияние местных туземных культур. В междуречье Нижнего Днепра и Дона насчитывается сотня памятников, по большей части – это могильники, и их погребальный инвентарь во многом свидетельствует о таком влиянии. Здесь найдены медные и золотые предметы западного происхождения[21].

У мужчин рядом с рукой клали долото, скребки и часто довольно длинные (до 22 см) и заостренные кремневые кинжалы, которые также могли быть помещены в сооруженную сверху насыпь. В одной могиле встречается до 15 кинжалообразных лезвий. Помимо этого, предшествующий типичному индоевропейскому набор оружия включает двусторонне обработанные наконечники копий, треугольные кремневые наконечники стрел, топоры с заостренным обухом и кинжалы из кремня и шлифованного камня. Этими видами оружия можно было пользоваться в конном бою; их можно обнаружить как в бронзовом, так и в раннем железном веке.

В необычайно богатых мужских захоронениях встречаются тысячи раковин пектункулус или других видов (первоначально они были прикреплены к давно распавшимся кожаным или тканым поясам); ожерелья из медных бусин и зубов животных; подвески из меди и раковин; спиралевидные наручные браслеты и кольца из меди; длинные медные булавки с тонкими спиралевидными головками и трубки. Насколько можно предположить, источником меди были месторождения в Ай-Бунаре (Центральная Болгария), а попадала она сюда благодаря бартерному обмену с кукутенской культурой. Однако ряд медных изделий – спиралевидные наручные браслеты, трубки и подвески в виде раковин – не имеют аналогов на Западе и, возможно, были произведены местными ремесленниками.

Мотыги из оленьего рога и зернотерки показывают, что в Среднем Стоге II велись какие-то земледельческие работы, хотя до сих пор тут не удалось идентифицировать ни одной зерновой культуры. Кроме того, в поселениях в немалых количествах обнаружены шилья, кайла, лощила и топоры-молоты из кости и оленьего рога.

В Дереивке в пределах поселения из трех домов археологи обнаружили кости 55 лошадей, что составляет 63% от общего числа останков всех домашних животных. Вполне надежным свидетельством того, что жители были знакомы с верховой ездой, можно считать наличие псалиев из оленьего рога и изображения конской упряжи на каменных скульптурах (рис. 10-8). Радиоуглеродные датировки Дереивки с учетом корректировки указывают на вторую половину V тыс. до н. э. (UCLA 1466: 4570–4150 гг. до н. э.; Киев 466: 4460–4000 гг. до н. э.; Киев 465: 4365–3810 гг. до н. э.).

Первая волна курганной культуры в Восточной и Центральной Европе (ок. 4400–4300 гг. до н. э.) и ее последствия

Появление могил военной элиты, обычай сати и культ лошади

После освоения днепровских порогов и земель Северного Приазовья носители курганной культуры направились в Центральную Европу (см. рис. 10-6). Об этом красноречиво свидетельствуют курганы (круглые насыпи, под которыми находят могильные

Рис. 10-9

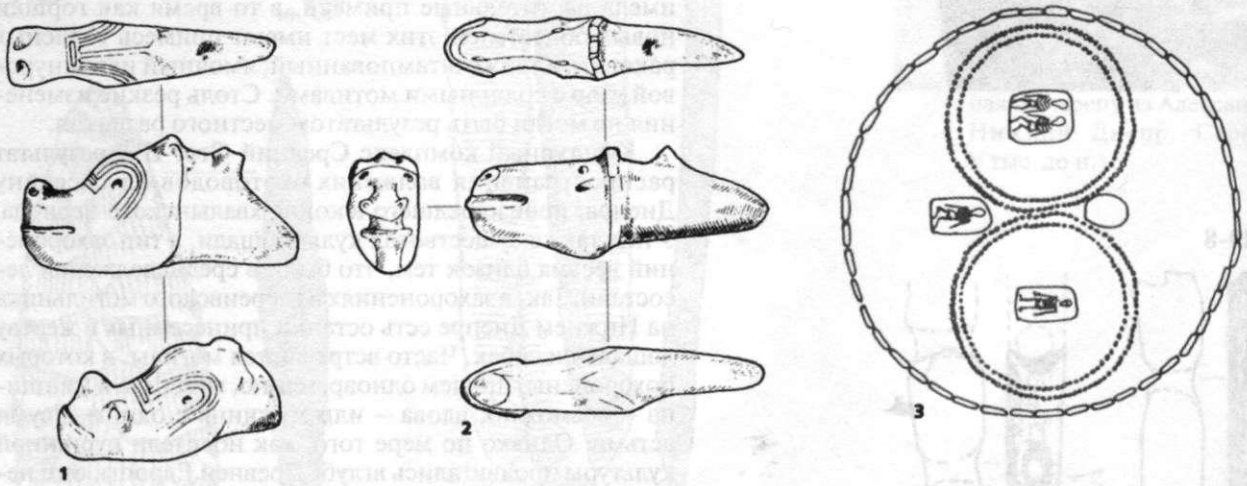


Рис. 10-9

Скипетры с лошадиными головами из полудрагоценных камней (1, 2) появляются в Восточной и Центральной Европе в богатых мужских захоронениях под курганами после середины V тыс. до н.э. (1) Кэсимча, Добруджа, Восточная Румыния; длина 16 см; (2) Суворово, Молдавия; длина 17 см; (3) план суворовского кургана с двойным, мужским и женским захоронением (возможно, что здесь имел место обычай сати) и двумя дополнительными могилами того же времени. Диаметр кургана 13 м.

ямы) Молдавии, Южной Румынии и Восточной Венгрии. Древнейшие из молдавских курганов совпадают по времени с кукутенской культурой А2–А3 (ок. 4400–4300 гг. до н. э.). Однако, в отличие от современных им древнеевропейских могильников, в которых было приблизительно одинаковое количество мужских и женских могил, это – почти исключительно мужские захоронения. Если в Древней Европе практиковались простые ямные захоронения, то гробницы курганной культуры покрывали каменной или земляной насыпью: их предназначали для воинской элиты, которая забирала с собой в могилу любимое боевое оружие – копье, лук и стрелы, кремневый кинжал или длинный нож.

Раскопки захоронений сделали очевидными два аспекта индоевропейской идеологии, чьи первые проявления в Восточной и Центральной Европе были зафиксированы в Молдавии (Суворово) и на Нижнем Дунае (Кэсимча). В обоих случаях можно видеть характерный для курганной культуры культ лошади как божественного животного и обычай сати – принесение в жертву жены или сожительницы (рис. 10-9). В Суворово вождь погребен в глубокой прямоугольной яме, выстланной камнями, куда также были помещены скипетр с порфировым навершием в виде конской головы – символ власти умершего – и ряд предметов, которые могли ему понадобиться в загробной жизни (рис. 10-9.2 и 3). Рядом с ним – останки женщины, возможно, его вдовы, которая в момент погребения была предана смерти и положена возле своего господина. Остатки одежды, покрытой тонкими перламутровыми пластинами, и ожерелье из раковин унио указывают на ее относительно высокое положение, однако единственный предмет, которым она наделена, – кремневый скребок. Эта двойная могила покрыта большим курганом, вокруг него из вертикально поставленных камней выложен круг диаметром в 13 м. Обычай сати зафиксирован также в гробницах среднестоговского II комплекса того же периода на Нижнем Днепре в Яме и Александрии. В Кэсимче (Румыния) вождь был похоронен со скипетром, увенчанным порфировым изображением конской головы, 5 кремневыми топорами без топорищ, 15 наконечниками стрел и 3 кинжалами. Стрелы, по всей видимости, были вложены в кожаный колчан.

Найденные в Суворово и Кэсимче скипетры с навершиями в виде конских голов имеют аналоги в Молдавии, Южной Румынии, Трансильвании, Болгарии и Македонии[22]. Эти жезлы с резными изображениями конских голов очень похожи на те, что находят на Волге, в северокавказских степях и в Северо-Восточном Дагестане.

Важной частью индоевропейских религиозных ритуалов было жертвоприношение коня, особенно актуальное для индуистских (ашвамедха), римских (October Equus) и кельтских традиций. Археологические подтверждения такого рода жертвоприношений есть в Херсоне (Украина), где рядом с гробницей курганной культуры найдена яма, в которой лежал конский череп[23]. К северу от дельты Дуная, неподалеку от Одессы, в могильнике курганной культуры обнаружен ритуальный очаг, а в центральной могиле – парные черепа лошадей и быков[24]. В 1986 г. в яме тисапольгарской культуры (Северо-Восточная Венгрия) конца V тыс. до н. э. был найден отсеченный от туловища конский череп: это самое раннее свидетельство существования подобной практики в Центральной Европе[25].

Сосуществование скотоводов курганной культуры и земледельцев кукутенской культуры

Кукутенская цивилизация выстояла перед первой волной носителей курганной культуры. Ее керамическая традиция продолжала существовать без особых изменений, хотя в поселениях кукутенской культуры присутствуют элементы курганной культуры (от 1% до 10% всей керамики кукутенской А и АВ культуры), что указывает на наличие какого-то сообщения между этими группами. Так появляются изделия с примесью толченых раковин (некоторые исследователи именуют это явление кукутенской С культурой), которые имеют практически те же формы, что и керамика среднестоговской II (курганной I) культуры Нижнего Днепра. Петрографический анализ показал, что все изделия кукутенской и курганной (среднестоговской II) культуры имеют близкий минералогический состав. Это говорит о том, что они использовали схожие типы глины, однако их технологии значительно отличались друг от друга: керамика кукутенской культуры хорошо обожжена, полностью окислена и лишена примесей; керамика курганной культуры слабо обожжена, имеет примеси из толченых раковин, органических остатков и растений[26].

Ко времени кукутенской В культуры (начало IV тыс. до н. э.) местное население перебралось в те места, которые было легче оборонять в силу их естественного расположения. В нескольких случаях у поселения, по другую сторону от реки, был сооружен дополнительный защитный вал. Поселки и города продолжали увеличиваться в размерах: в Уманской области поселения кукутенской культуры, идентифицированные с помощью воздушной съемки и магнитометра, включают в себя города более 2 км в длину, организованные в виде десятка или более концентрических кругов, рассеченных радиальными улицами (рис. 3-63–3-65)[27]. Плотность поселений кукутенской культуры показывает, что первая, сравнительно малочисленная волна курганной культуры не произвела ощутимых сдвигов; при этом не заметно, чтобы эти народы, жившие бок о бок около 800 лет, как-то смешивались, по крайней мере до середины IV тыс. до н. э.

Вытеснение и смешение культур варна, караново, винча и лендель

Вторжение носителей курганной культуры оказалось катастрофой для цивилизации караново-гумельница. Небольшие земледельческие поселки и города представляли собой легкую добычу, а население культуры караново, скорей всего, бежало с Нижнего Дуная на запад.

Культурная группа салкуца из Юго-Западной Румынии нашла убежище в пещерах Трансильвании или на дунайских островах[28]. Несколько слоев с материалами, очень близкими салкуце IV, свидетельствуют о том, что беженцы сохраняли свою культурную идентичность на протяжении еще 400–500 лет[29].

В первой половине IV тыс. до н. э. в Восточной Румынии и Болгарии на месте варнской культуры Причерноморья появился комплекс курганного типа, именуемый чернаводэ I[30]. В отличие от равнинных поселений культур караново-гумельница и варна, поселения культуры чернаводэ имели укрепления и располагались в стратегически важных точках, на высоких речных террасах; они обычно состояли из нескольких небольших наземных или полуподземных жилищ, а их общая территория в среднем составляла 100 на 200 м. Их жители занимались разведением скота (в том числе и лошадей), а также охотой, рыболовством и примитивным земледелием; их орудия из оленьего рога и кости идентичны тем, что археологи находят в степях к северу от Черного моря. Кроме того, они изготовляли серую, плохо обожженную керамику с примесью толченых раковин, которая имеет безусловное родство с керамикой курганного типа Молдавии и Украины: на ней тот же характерный орнамент из шишечек, отпечатков шнура, ногтей и раковин. Расписной керамики в этот период нет, хотя время от времени встречаются изделия узорного лощения без посторонних примесей, с коричневым ангобом, чье появление, по-видимому, объясняется влиянием туземного субстрата. Было найдено только несколько стилизованных статуэток, относящихся к культуре чернаводэ I, а вот древнеевропейский символический орнамент полностью исчезает. Несмотря на наличие мотыг из кости и оленьего рога, зернотерок и серповидных лезвий, не удалось обнаружить признаков ни одной зерновой культуры. Среди большого количества останков домашних животных особенно выделяются лошади. Орудия в основном изготовляли из кости; в их число входили булавы и проушные топоры-молоты из камня и оленьего рога, кремневые скребки и ножи, а также несколько медных шильев и зубил.

Вызванный наступлением курганной культуры распад культур варна, караново и винча отозвался по всей Югославии, Венгрии, Чехословакии, и даже в таких западных областях, как Верхний Дунай, Верхняя Эльба и Верхний Одер, спровоцировав целую серию перемещений. Культурные границы перестали существовать по мере того, как носители культуры винча перебрались в Западную Венгрию (став комплексом балатон), Хорватию, Боснию и Словению (превратившись в культурную группу лазинья)[31]. Носители культуры лендель мигрировали в западном и северном направлении по Верхнему Дунаю в Германию и Польшу. Поселения, скорей всего принадлежавшие беженцам культуры винча, обнаружены там, где люди не селились со времен палеолита, в Восточных Альпах, в центральной части Словении и на хорватском карсте. В этих холмистых местностях поселения располагались на самых высоких точках, к тому же окруженных скалами или опоясанных рекой, что говорит о крайней потребности в обороне. В некоторых из них имеются следы прямоугольных построек из деревянных столбов с толстыми глинобитными стенами, что можно истолковать как частичное сохранение архитектурных традиций культуры винча. Тогда же происходит заселение пещер. Это, как и переход на ранее необитаемые земли, – свидетельство того, что перемещение носителей винча в северо-западном и западном направлении было вынужденным.

Мы не располагаем радиоуглеродными датировками комплекса балатон-лазинья I. Его хронология установлена путем анализа типологических связей с поздневинчевскими материалами Югославии. Следующая фаза, названная балатон-лазинья II–III, имеет две датировки С-14, которые, после калибрирования, попадают в промежуток 3900–3400 гг. до н. э., что позволяет отнести комплекс балатон-лазинья I к периоду до 4000 г. до н. э. К концу V тыс. до н. э. традиции культуры винча, ее святилища, статуэтки и изумительная керамика бесследно исчезают. В самой Винче к 4300 г. до н. э. жизнь замирает.

Тисапольгарский комплекс – ответвление поздней культуры тиса в Северо-Восточной Венгрии, Восточной Словакии и Западной Трансильвании. Его поселения продолжали существовать вплоть до середины IV тыс. до н. э., а значит, его носители выжили и устояли перед курганной культурой. Однако и здесь общество претерпевало заметные изменения, в которых могло сказаться влияние курганной культуры. В отличие от культур тиса и лендель, от которых в основном остались поселки, местонахождения тисапольгарской культуры (известно около 100) – могильники, что указывает на малый размер сообществ, насчитывавших по 30–40 человек. Иначе говоря, здесь не было нормального прироста населения, характерного для культур лендель, винча, караново и других до прихода первой волны курганной культуры. Кроме того, существенно повысилась общественная роль мужчин: ряд мужских захоронений отличает необычайно тщательное устройство и такие символические знаки высокого положения, как наличие булавы. Скелеты этих мужчин выдают их принадлежность к протоевропейскому типу, тогда как большая часть

населения относилась к средиземноморскому[32]. В могильнике Башатанья из 75 могил (две фазы развития)[33] булавы встречаются лишь в небольшой группе мужских захоронений, в то время как преобладающее большинство могил обнаруживает обычные древнеевропейские черты[34]. В гористой Восточной Словакии тисапольгарский комплекс продолжал существовать в середине IV тыс. до н. э. Несколько могильников лажнянской группы у подножья Карпат были последними его осколками; во второй половине IV тыс. до н. э. он был поглощен курганизированной баденской культурой[35].

Приблизительно в 4400–4300 гг. до н. э. культура лендель исчезает из северных окрестностей Будапешта и из Западной Словакии для того, чтобы затем появиться в Баварии, Центральной Германии и Западной Польше, где в поселениях и захоронениях начинают фигурировать характерные биконические сосуды на ножке и с «бородавками»[36].

Появление элементов курганной культуры в среде культуры линейно-ленточной керамики

Угасание культур варна, караново, винча и лендель на основной территории их распространения и перемещение больших пластов населения к северу и северо-западу являются косвенными указаниями на то, что здесь произошла катастрофа невиданного масштаба, которую невозможно объяснить одними климатическими изменениями, истощением земель или эпидемиями (нет никаких свидетельств, что они имели место во второй половине V тыс. до н. э.). Напротив, есть прямые подтверждения набегов конных воинов: об этом говорят не только индивидуальные мужские захоронения под земляными насыпями, но наличие *целого комплекса* признаков курганной культуры – поселения на возвышенностях, лошади, превалирование скотоводства, следы насилия и патриархальной системы, символика солнечного культа. Все эти элементы теснейшим образом переплелись в общественном, хозяйственном и религиозном устройстве курганной культуры.

Возникновение в Венгрии, Австрии, Западной Словакии, Моравии, Богемии и Баварии[37], на крутых берегах Среднего и Верхнего Дуная целой цепи городищ – для доисторической Европы феномен, действительно, новый. Древнейшие из них хронологически совпадают с поздними материалами культур лендель и рессен или же непосредственно за ними следуют. Согласно радиоуглеродным датировкам, они восходят к 4400–3900 гг. до н. э.[38]

Появляются жилища-землянки, резко отличающиеся от крепких наземных построек, характерных для культур лендель и линейно-ленточной керамики. В них археологи находят керамику с солярными мотивами, как правило, выполненными техникой «stab-and-drag» («надавить и процарапать», по-немецки «Furchenstich»), или с резными узорами в виде «селедочных скелетов» и насечек. Распространенными видами орнамента также являются треугольники вершинами вниз и параллельные линии, а также ряды точек над и под «плечиками» сосуда. В районе Верхнего Дуная/Верхнего Рейна, в Вюртемберге и Баварии, такая керамика является отличительным признаком культуры рессен, которую относят к числу «смешанных» или считают культурой линейно-ленточной керамики «с примесью восточных черт»[39]. Это ее видоизмененная разновидность, а не просто дальнейшее развитие стадии накольчатой керамики культуры линейно-ленточной керамики. Керамика с солярными мотивами есть в жилых землянках классического периода культуры рессен и в ее разновидности ваувиль (обнаруженной в Ваувилермоосе, Люцерн, Швейцария). В Баварии классическим примером укрепленного городища с углубленными в землю жилищами является Гольдберг (Нердлинген-Рис), где в конце 1920-х гг. проводил систематические раскопки Г.Берсу[40]. Размеры землянок варьировали от 4,2 на 3,2 м до 5,2 на 4,9 м.

Сочетание керамики с солярным орнаментом и жилищ-землянок известно также у Среднего Неккара в районе Штутгарта, Пфуллингена и Тюбингена, к северу от Швабского Альба, а также более чем в 20 поселениях группы айхбюль-швибердинген к северу от Швейцарии. Почти идентичные материалы обнаружены в Бишхейме в Рейнланд-Пфальце на Нижнем Майне и в Бишоффинген-Лейзельхейме на Верхнем Рейне[41]. К югу, в Швейцарии, керамика рессен найдена в поселениях на торфяниках и в захоронениях в Ваувиле, Сен-Леонаре в Валэ, Краванше у Бельфора и Гонвилларе в Восточной Франции[42]. На севере поселения культуры рессен есть на аллювиальных дюнах восточного берега Эльбы, вокруг которых расстилаются прекрасные пастбища. Малоплодородные почвы этого региона неолитическими земледельцами не возделывались.

К востоку от Магдебурга были проведены систематические раскопки городища Валиц[43]. Это поселение площадью в 2 га было окружено рвом и состояло из 5 крупных домов и 10 поменьше. Основной зерновой культурой здесь была мягкая пшеница, а среди домашних животных преобладал крупный рогатый скот. Кремневая индустрия имеет много сходства с фазой резной керамики культуры линейно-ленточной керамики, однако гончарные изделия украшены характерными для классического периода культуры рессен солярными мотивами. Согласно радиоуглеродным датировкам, Валиц следует отнести к последним столетиям V тыс. до н. э. (5300 ± 200 до н.в.; т. е. с корректировкой – 4380–3950 гг. до н. э.).

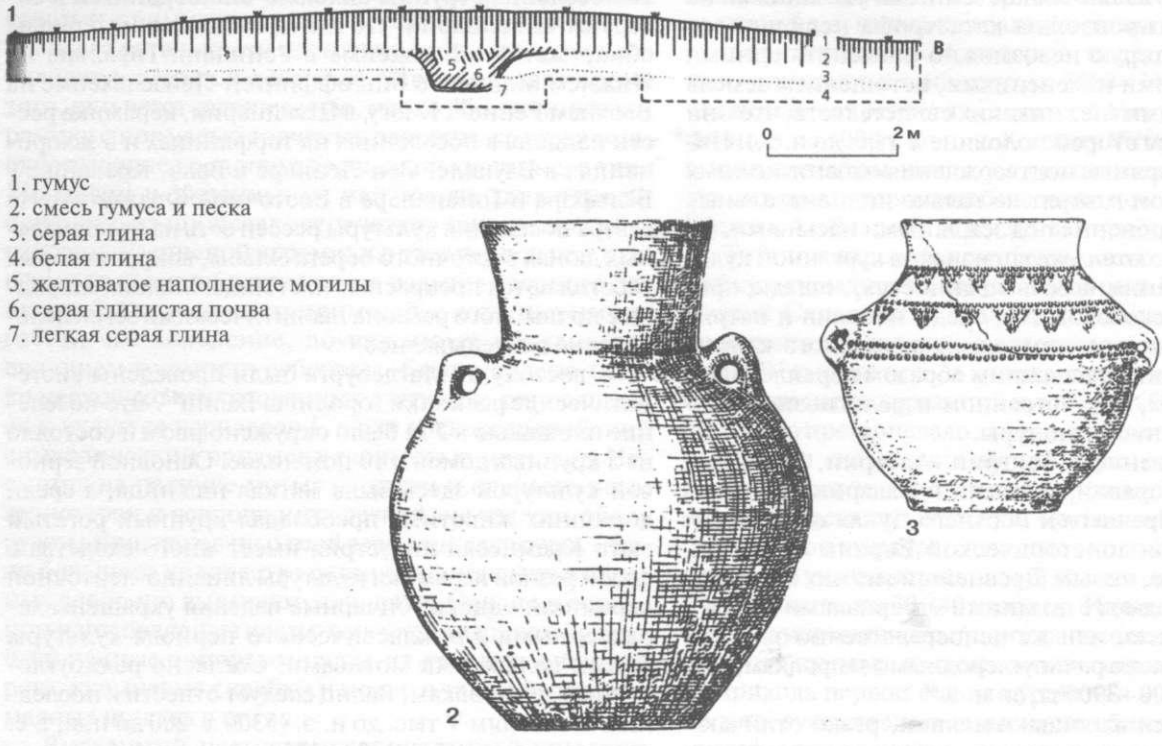
Наиболее любопытны городища фазы зальцмюнде (период до середины IV тыс. до н. э.). Название ей дало городище, стоявшее на берегу реки Заале неподалеку от города Галле. Другие городища (к примеру,

Каленберг у Квенштедта, Гольдберг у Мецлиха и Обервершен) расположены на самых высоких точках данной местности; с двух или трех сторон они были защищены рекой и очень крутыми, скалистыми отрогами[44]. Городище Зальцмюнде состояло из 5 небольших прямоугольных построек-мазанок (по три вертикальных бревна в каждой стене). В середине одного из домов площадью 3–5 на 6–7 м находился прямоугольный очаг.

Помимо укреплений на холмах, показателем культурных изменений в бассейне Эльбы-Заале являются погребения курганного типа первой половины IV тыс. до н. э. Появившиеся в бальбергской культурной группе бассейна Верхней Эльбы одиночные захоронения в обложенных камнем ямах, которые сверху покрывали каменной плитой и круглой земляной насыпью, резко отличались от местной традиции коллективных захоронений[45] (рис. 10-10). В районе Эльбы-Заале было раскопано около 20 земляных курганов; под каждым из них было одно центральное захоронение в могильной яме, над которой из камней или каменных плит был сооружен «домик мертвых». Радиоуглеродные датировки бальбергских и следующих за ними зальцмюндских захоронений указывают на первую половину IV тыс. до н. э. (ок. 3900–3400 гг. до н. э.).

В этот период появляются первые признаки насильственной смерти людей от копий или топоров, ставшей повседневной реальностью последующих тысячелетий. В уже упомянутом городище Гольдберг найдены останки четырех человек с незалечимыми ранами на черепе, нанесенными острием копья. В Тальхейме, к востоку от реки Неккар (Юго-Западная Германия), на месте поселения культуры линейно-ленточной керамики найдены останки 34 убитых – мужчин, женщин и детей; их тела были свалены в яму (среди мусора было несколько черепков, относящихся к позднему периоду линейно-ленточной керамики: более ни одной находки, непосредственно связанной со скелетами). По крайней мере 18 черепов проломлены сзади или сверху ударом каменных топоров или кремневых наконечников: эти люди были убиты сзади, может быть, когда они пытались бежать. Скелеты свалены в яму, поперечное сечение которой 1,5 на 3,1 м, глубина 1,5 м, без какого-либо порядка и последовательности, женщины вперемешку с мужчинами и детьми[46]. Поскольку убитые были похоронены в культурном слое ли-

Рис. 10-10



1. гумус
2. смесь гумуса и песка
3. серая глина
4. белая глина
5. желтоватое наполнение могилы
6. серая глинистая почва
7. легкая серая глина

Рис. 10-10

(1) Древние круглые могильные насыпи – типичная для Центральной Германии разновидность курганов. Разрез и некоторые детали могильной ямы. (2, 3) Найденные в могиле сосуды (скелет не сохранился) бальбергской (2) выделки и стиля, предшествовавшего культуре шаровидных амфор (3). Делауер-Хайде, Галле, Заале. Середина IV тыс. до н. э. Масштаб 1 : 3.

нейно-ленточной керамики, относящемся, согласно радиоуглеродным датировкам, к началу V тыс. до н. э., то можно предположить, что эта резня произошла позднее, вероятно, в период культуры рессен.

Появление в середине IV тыс. до н. э. в Восточной Ирландии и Центральной Англии одиночных мужских захоронений под круглыми курганами также резко расходится с местной традицией общинных погребений. Это – знак того, что первые носители курганной культуры, скорей всего, выходцы из Рейнского бассейна, уже пересекли Ла-Манш или Северное море (см. в главе VI описание захоронений культуры линкардстаун в Восточной Ирландии и родственных им одиночных захоронений под круглыми курганами в Дербишире, Дорсете и некоторых других частях Англии). Одновременно появляются признаки военных действий и насилия.

Вполне очевидно, что вскоре после первой волны курганной культуры часть Центральной Европы оказалась в разной степени «курганизирована». Древнеевропейская цивилизация была земледельческой, матрицентричной и матрилинейной, поэтому произошедший около 4000 г. до н. э. переход к смешанному земледельческо-скотоводческому хозяйству и патриархальной классовой структуре общества был, по моему мнению, результатом успешной индоевропеизации. Разведение скота начинает превалировать над возделыванием земли. Это изменение общественного устройства, религии и системы хозяйства было вызвано не последовательной эволюцией туземного населения, но столкновением и постепенным срастанием двух разных сообществ и идеологий.

Первая волна курганной культуры не могла изменить образ жизни всей Центральной Европы, но большая часть Дунайского бассейна попала под власть возведенных на возвышенностях укрепленных городищ. На постепенное вытеснение древнеевропейских традиций должно было уйти время жизни многих поколений. Судя по всему, местное население либо продолжало жить бок-о-бок с пришельцами, с ними не смешиваясь, либо было покорено и оказалось во власти немногочисленных воинов курганной культуры.

Многие древнеевропейские культурные группы – кукутени, культура воронковидных кубков и западное ответвление культуры линейно-ленточной керамики – продолжали существовать в первой половине IV тыс. до н. э. и далее. Новый всплеск «курганизации» произошел во второй половине IV тыс. до н. э., о чем речь в следующем разделе.

Вторая волна курганной культуры (ок. 3500 г. до н. э.): преображение Центральной Европы во второй половине IV тыс. до н. э.

Не поздней середины IV тыс. до н. э. племенные вожди курганной культуры повели своих людей из Северопонтийского региона на земли кукутенской культуры. Там они столкнулись с цветущей цивилизацией, пережившей первое вторжение. На сей раз она не выдержала и была трансформирована, частично слившись с курганной культурой. Эту перемену никак не отнести за счет естественной эволюции местного населения, поскольку дальнейшее развитие туземной культуры – лишь бледная копия ее прежнего великолепия.

Властителей этих мест легко распознать по царским гробницам и погребениям знати – это «домик мертвых» с каменным куполом, покрытый курганом и окруженный каменными кольцами (рис. 10-11, 10-12). К 3500 г. до н. э. культура областей, лежащих к северу и к югу от Карпатских гор, изменилась до неузнаваемости. К концу IV тыс. до н. э. в ряде территорий Центральной Европы процесс перехода от матриальной к патриархальной системе был уже завершен, и из сочетания элементов древнеевропейской и курганной культур возникли новые группы (рис. 10-13).

Этот переходный период совпал с изменениями в металлургических технологиях и началом бронзового века в Припонтийском регионе. Новая металлургия пришла на смену медному производству древнеевропейского медного века и была основана на сплаве меди и мышьяка, меди и олова, меди и мышьяковистого олова (бронза As, Sn и As–Sn)[47]. Проведенные опыты показали, что мышьяковистая бронза была достаточно твердым и прочным материалом, однако – в качестве побочного эффекта – работа с ней должна была медленно, но верно отравлять кузнецов. Появившийся к северу и к западу от Черного моря комплекс орудий и оружия – кинжалы, ножи, алебарды, резцы, плоские топоры и топоры с проухом – не имеет большого сходства с местным древнеевропейским инструментарием. Скорей, эти бронзовые артефакты своими формами напоминают те, что встречаются на Северном Кавказе, в Закавказье и на Ближнем Востоке.

Характер гробниц второй волны курганной культуры выдает ее северопонтийское происхождение. Ниже мы проведем краткий обзор ее основных памятников в Северном Причерноморье.

Источник: северопонтийская майкопская культура

Отличительная черта северопонтийской культуры – городища и сотни курганных захоронений с каменными или деревянными «домиками мертвых».

Рис. 10-11

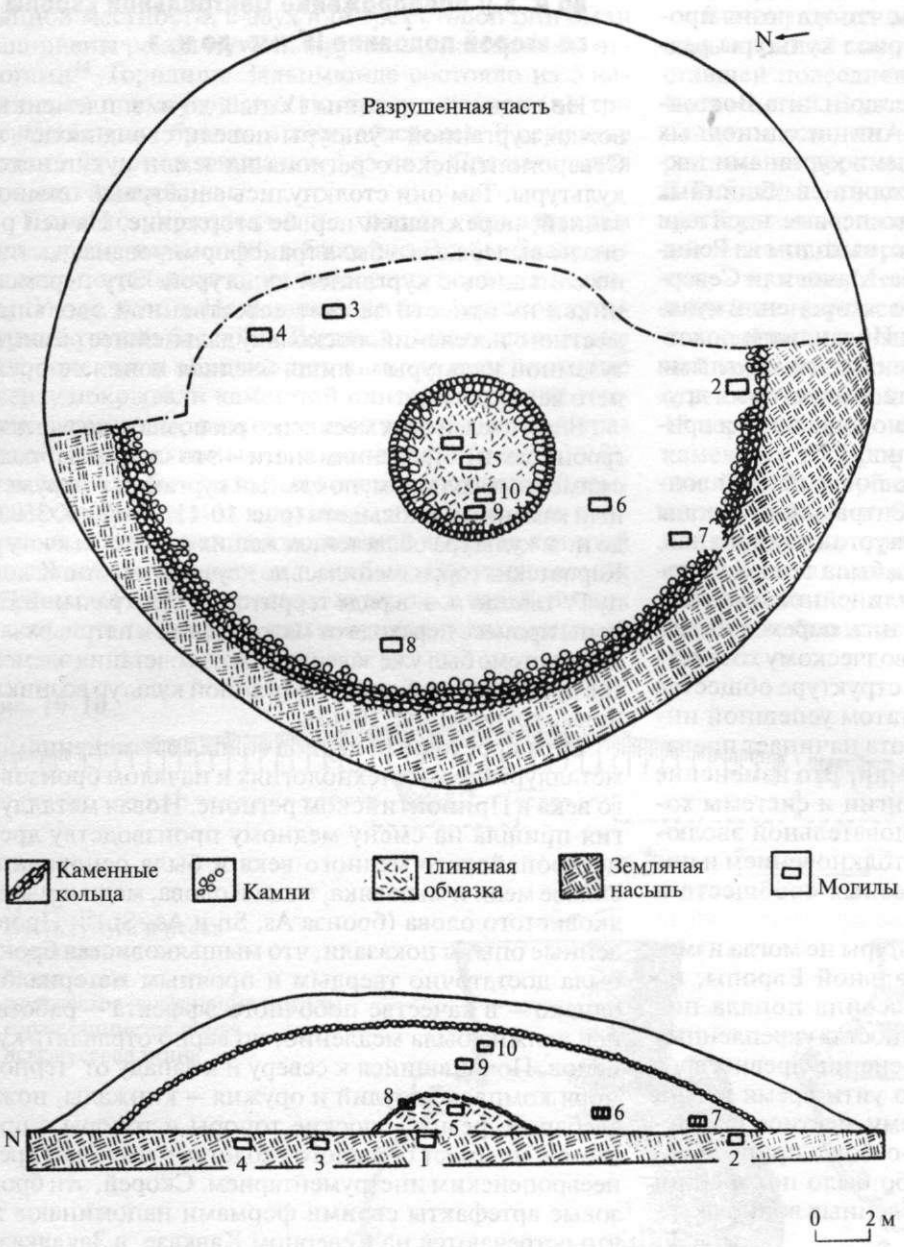


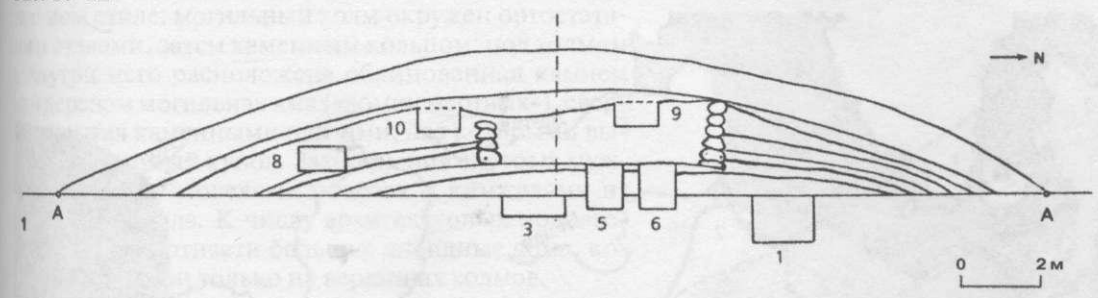
Рис. 10-11

Северопонтийский курган (план и разрез) с небольшим внутренним могильным холмом, обложенным камнем, и большой внешней насыпью, также основательно обложенной камнем. Круглая платформа в середине обмазана глиной. Ранние захоронения (1–4) были ниже уровня земли. Все остальные захоронения, расположенные над центральным холмиком, имеют более поздний характер. Царева Могила у Херсона, Северо-Западное Причерноморье. Вторая половина IV тыс. до н. э.; диаметр 34 м.

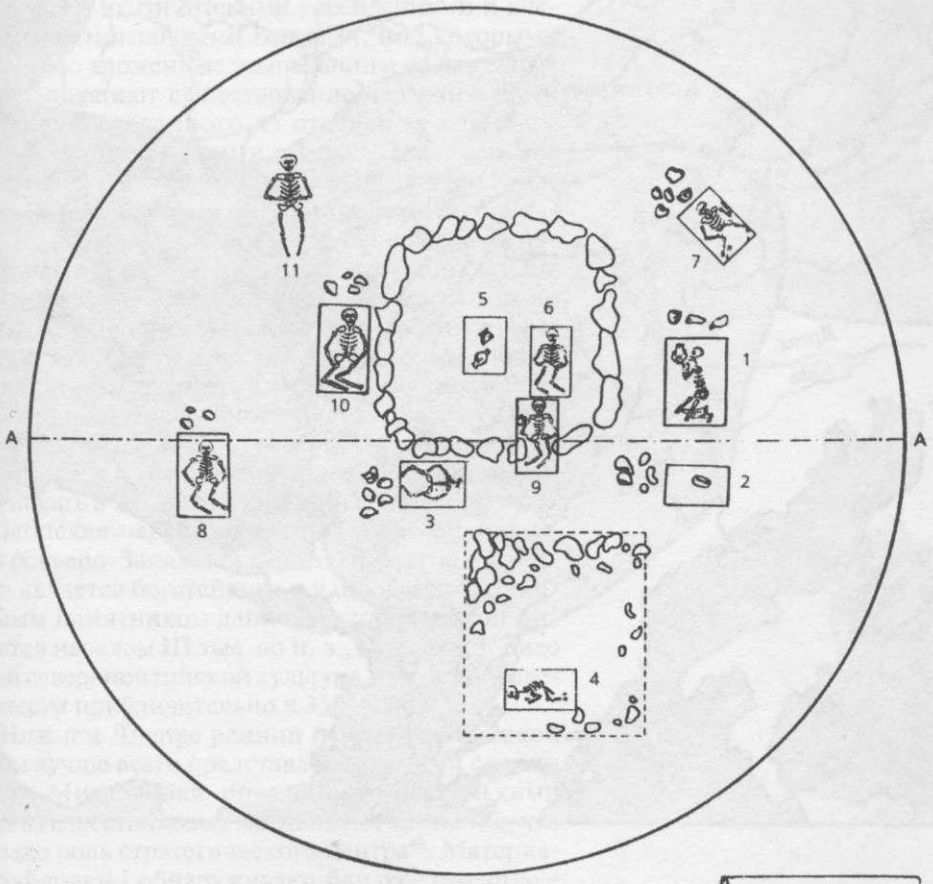
Рис. 10-12

Курган северопонтийского типа, характерный для Восточной и Центральной Европы: Тарнава у г. Враца, Северо-Западная Болгария. Он состоит из нагромождения нескольких могильных насыпей и более поздних дополнительных захоронений разных фаз. (1) Поперечный разрез, (2) план, (3) центральное захоронение под второй могильной насыпью с двумя шахтовыми могилами, окруженное массивной каменной стеной (могила № 5 – кремационное мужское захоронение, могила № 6 – ингумационное женское захоронение), (4) сосуды выделки культуры коцофени. Вторая половина IV тыс. до н. э.; диаметр 26 м.

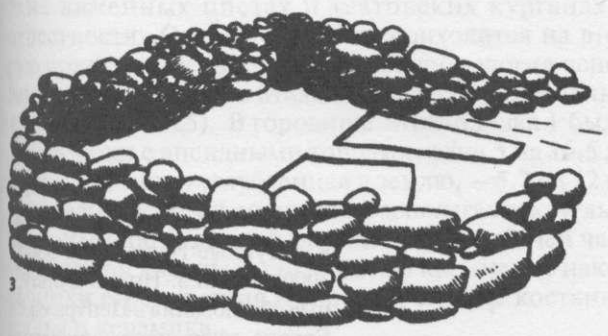
Рис. 10-12



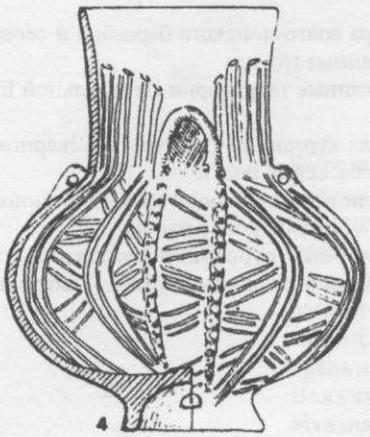
1



2

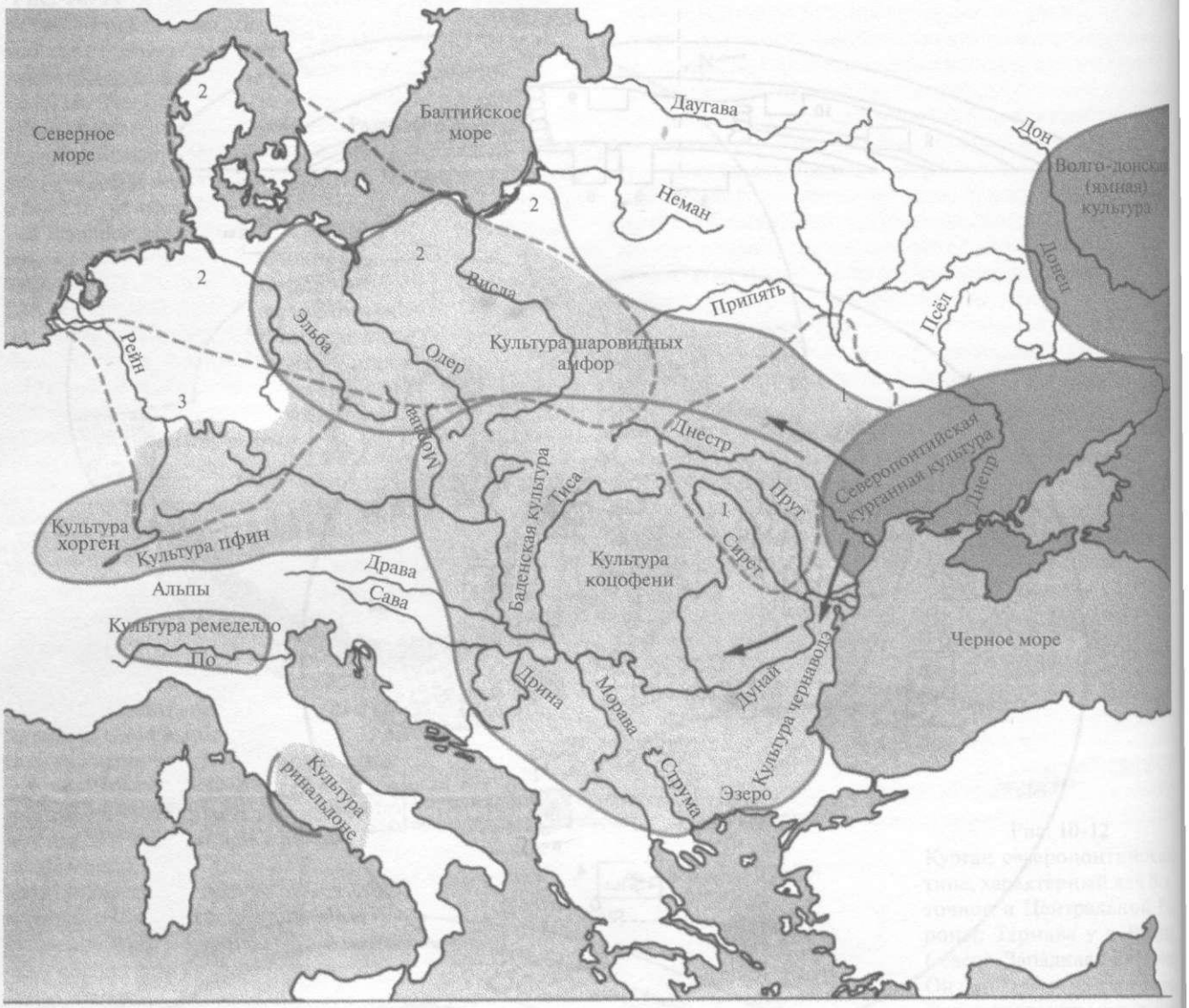


3



4

Рис. 10-13



– Ямная культура волго-донского бассейна и северопонтийские курганные группы
Курганизированные территории Центральной Европы

– Границы ареала курганной культуры в Северном Причерноморье и бассейне Волги

– Распространение влияния второй волны курганной культуры из Северопонтийского региона

– Числами отмечены субстраты культурных групп: 1. кукутени; 2. воронковидных кубков; 3. михельсберг

Рис. 10-13
Культурные группы ок. 3500–3000 гг. до н.э. Новые культурные образования в Центральной Европе, сформировавшиеся под влиянием северопонтийской культуры.

Царские гробницы выполнены в общем монументальном стиле: могильный холм окружен ортостатами и стелами, затем каменным кольцом; под холмом и внутри него расположена облицованная камнем или деревом могильная яма («домик мертвых»), сверху закрытая каменными плитами, над которыми выстроен каменный купол. Захоронения знатных мужчин снабжены моделями повозок и кинжалами из твердого металла. К числу архитектурных нововведений следует отнести большие апсидные дома, которые возводили только на вершинах холмов.

Городища с их гигантскими укреплениями и впечатляющими могильными холмами, под которыми были отлично сложенные усыпальницы из каменных плит, предполагают существование иерархического общества, образованного из отдельных племен и управляемого несколькими родами. Значительное единообразие обнаруженных к северу и северо-западу от Черного моря укреплений, погребальных обрядов, керамических, каменных и металлических артефактов говорит о том, что унификация этого региона происходила за счет не только торговых контактов, но и политической силы. На данном этапе развития северопонтийская культура пошла по несколько иному пути, нежели родственная ей курганная культура Волги. Проявившиеся к западу от Черного моря черты курганной культуры очевидным образом связаны с северопонтийскими, а не с волжскими степями; их аналоги следует искать в Закавказье, в долине Куры и Аракса.

Майкопская царская гробница в бассейне реки Кубань (Северо-Западный Кавказ) известна с конца XIX в. и является богатейшим и наиболее часто упоминаемым памятником данной культуры. Хотя она датируется началом III тыс. до н. э., ее название дало имя всей северопонтийской культуре, чьи истоки следует отнести приблизительно к 3500 г. до н. э.

На Нижнем Днепре ранний период майкопской культуры лучше всего представлен нижними слоями городища Михайловка, опоясанного несколькими стенами из известняковых валунов: нет сомнения, что оно играло роль стратегического центра[48]. Материалы Михайловки I обнаруживают близкое сходство с находками, сделанными в крымских и северокавказских каменных цистах и усатовских курганах в окрестностях Одессы. Эта фаза приходится на вторую половину IV тыс. до н. э., а ее хронология основана на полученных в Михайловке радиоуглеродных данных (Табл. 25). В городище Михайловка I было две мазанки с апсидными торцами, одна 5 на 16,5 м, другая, частично углубленная в землю, – 5,7 на 12 м. Посередине каждой постройки располагался круглый каменный, обмазанный глиной очаг. В рабочей части северной апсиды были найдены кремневые наконечники стрел, острия и скребки, а также костяные шилья и керамика.

Среди наскальных рисунков в Каменной Могиле неподалеку от Мелитополя (север Приазовья) есть

Рис. 10-14

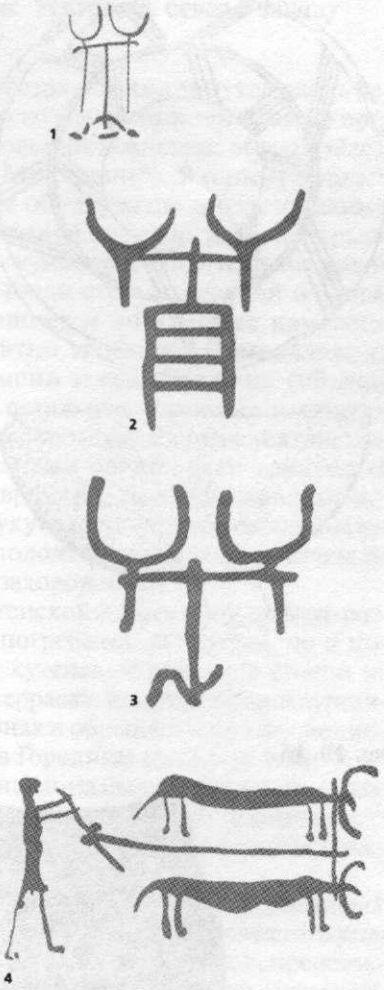


Рис. 10-14
Вырезанные на камнях изображения воловьей упряжки, тянущей за собой повозку или плуг, ок. 3500–3000 гг. до н.э., Северопонтийский регион и Центральная Германия. (1) Цюшен, Центральная Германия. (3, 4) Валкамоника, Северная Италия. (2) Каменная Могила, Северное Приазовье.

Рис. 10-15

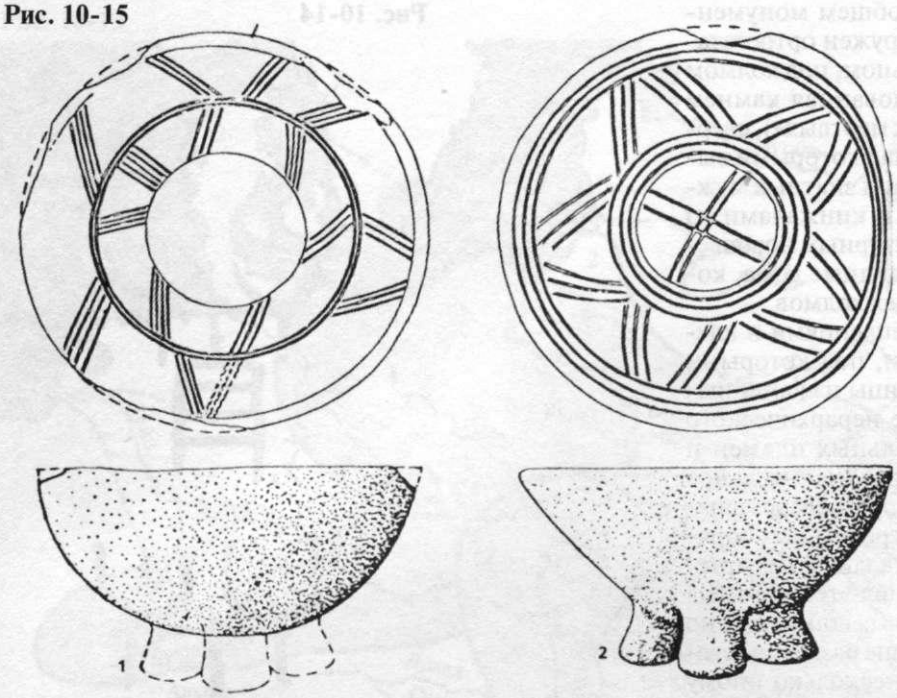


Рис. 10-15
Жаровни с солярным орнаментом на внутренней стороне: (1) Леонтьевка; (2) Микильское, Нижний Днепр, Северное Причерноморье. Северопонтийская культура, фаза михайловка I. Ок. 3500–3000 гг. до н.э.; высота 6 см.

Рис. 10-16

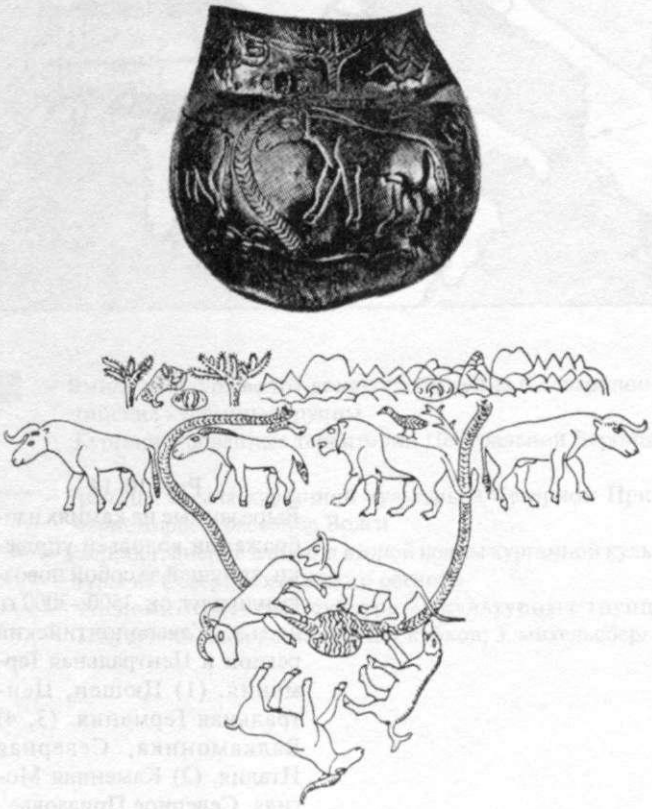


Рис. 10-16
Символическая сцена, изображенная на серебряном сосуде из г. Майкопа, расположенного к северо-западу от Кавказских гор. Начало III тыс. до н.э.; масштаб 1 : 3.

силуэтные изображения людей, коней, впряженных в телегу волов[49] (рис. 10-14.2). Большерогие быки, тянущие за собой плуг, также фигурируют на настенных изображениях каменной цисты в Цюшене (Центральная Германия)[50] и на скалах Валкамоники (Северная Италия)[51] (рис. 10-14.1; 10-14.3 и 4). Это – очевидные свидетельства существования плужного земледелия и использования быков как для перевозок, так и для пахоты. После 3500 г. до н. э. парные упряжи быков, вместе с большим количеством других элементов курганной культуры, начинают встречаться в Центральной Европе в мужских могилах баденской культуры и культуры шаровидных амфор (см. следующий раздел).

Для керамики Михайловки I характерны шаровидные амфоры с закругленными или плоскими основаниями и цилиндрическими горлышками, украшенные шнуровидными оттисками; встречаются также полукруглые супницы. Среди орнаментов есть гребенчатый, накольчатый, ямочный, с «бусинами» вокруг края, горловины и плечиков; жаровни на четырех ножках украшали солярные мотивы (рис. 10-15). Обычные горшки были грубой лепки и не имели украшений, зато для высококачественной керамики характерны примесь толченых раковин или известняка и песка, коричневый или черноватый цвет и узорное или гладкое лощение. Такая керамика встречается в понтийских курганах, которые сосредоточены к югу от реки Кубань на Западном Кавказе, где археологи насчитали около 1500 построек-«домиков» из каменных плит[52]. Эти в значительной степени единообразные погребения есть и в Крыму[53], на Нижнем Доне, Нижнем Днепре, Ингуле и в Ингулецких долинах[54]. Везде каменные цисты окружены ортостатами, а по внешней стороне – каменным кольцом. На стенах цист бывают вырезаны изображения мужчин и мужских особей животных или красной охрой нарисованы узоры из зигзагов, крестов и солярных мотивов[55].

Царские захоронения и сокровищницы позднемайкопских поселений в бассейне реки Кубань (Северо-Западный Кавказ) говорят о баснословном богатстве племенных вождей и об их контактах с Месопотамией, восходящих к началу III тыс. до н. э. Наибольшей роскошью отличаются гробницы Майкопа и станицы Царской (теперь Новосвободной), которые были раскопаны Н.И.Веселовским в конце XIX в.[56] Эти примечательные курганы и их сокровища помогают пролить свет на общественное устройство, систему правления, религию и искусство данного периода. Майкопский курган, как и аналогичные ему курганы Северного Кавказа[57] и Южного Каспия[58], говорят о военных кампаниях и набегах на земли, лежащие к югу от Кавказских гор и Каспийского моря.

Слияние традиций курганной и кукутенской культур: комплекс Усатово к северо-западу от Черного моря

Курганы в этих местах обычно тянутся вдоль рек по высокому гребню возвышенностей. Самые примечательные – усатовский комплекс вблизи Одессы[59] и Тудорово в Молдавии[60]. В одном кургане усатовской культуры обнаружены циста из одинаковых ортостатов, входной коридор, а над центральным захоронением – куполообразная насыпь; рядом с ним полукругом стояли стелы с резьбой и рельефами, имелось внешнее и внутреннее каменное кольцо. Самые богатые гробницы принадлежали предводителю племени и его спутнице (обычай сати), меж тем как остальные взрослые и детские захоронения заметно скромнее. Рядом с усатовским поселением и курганами расположен грунтовый могильник того же времени, принадлежавший местным носителям кукутенской культуры: он состоит из обычных, расположенных рядами и ничем не отмеченных ямных захоронений.

У носителей кукутенской и курганной культур различались не только погребальные обычаи, но и поселения. Жилища кукутенской культуры стояли на просторных речных террасах, а полуземлянки курганной – на отрогах, дюнах и обрывистых возвышенностях вдоль рек. Так, в Городище на берегу реки Тетерев (Западная Украина) дома были небольшие – около 5 м в длину, – с круглыми очагами посередине[61]: близкие аналоги им можно видеть в бассейне Нижнего Днепра.

Датировки усатовского комплекса, полученные в результате радиоуглеродного анализа древесного угля и останков животных из Усатово и Маяков, представлены в Табл. 26. С определенной корректировкой, они относятся к XXXIV–XXIX вв. до н. э.

Культуры курганного типа Центральной и Восточной Европы: культурные группы баден-вучедол и эзерская

Второй наплыв курганной культуры шел в южном направлении, от северопонтийских областей – к Нижнему Дунаю и далее. Радиоуглеродные датировки второй фазы холма с городищем в Чернаводэ (Добруджа) дают приблизительно 3400–3200 гг. до н. э.[62] К этому времени вдоль Дуная, в долине реки Марицы (Болгария) и к северу от Эгейского моря уже возникла сеть акрополей, признак распространения сильной власти. Преобразование теллей в укрепленные городища лучше всего можно проследить на примере недавно раскопанных поселений Эзеро (Центральная Болгария)[63] и Ситагрой в долине Драмы (греческая Македония)[64]. Их радиоуглеродные датировки приведены в Табл. 27 и 28.

Многие карановские телли в долинах Нижнего Дуная, Марицы и Македонии свидетельствуют о том, что жившее здесь туземное население было потревожено, поскольку поверх них были выстроены крепостные укрепления (это относится к поселениям Эзеро, Ситагрой IV, Караново VII, Нова-Загора, Веселиново и Биково). В других местах правящий класс избирал для своих резиденций крутые берега рек и труднодоступные возвышенности.

Культурный сдвиг такого рода заметен не только в бассейне Дуная, но и в западных областях, вплоть до альпийских долин Италии и Швейцарии и бассейна реки По (культурная группа ремеделло), где на крутых возвышенностях также встречаются городища (к примеру, Колумаре к северу от Вероны)[65]. Это изменение общественной структуры сопровождалось изменением религии. В альпийских долинах начало эры новых религиозных идей ознаменовано стелами с вырезанными на них символами, чуждыми туземным культурам кортайо и лагоцца. К ним мы еще вернемся в конце главы.

Слияние древнеевропейской и курганной культур

Насколько можно судить, на протяжении IV тыс. до н. э. новый режим успешно покончил с остатками прежней организации общества или в корне их изменил. Вся власть и культурное бытие были сконцентрированы в городищах, в то время как окрестные земли давали пропитание скотоводам или – в зависимости от природных условий и количества остатков туземного населения – земледельцам. Поселения отличались малыми размерами, дома были полуземлянками. Эта система хозяйства очевидным образом представляла результат смешения традиций древнеевропейской и курганной культур. В ряде мест, к примеру, в Центральной Болгарии, по-прежнему продолжали выращивать эммер, ячмень, вику и горох, возможно, это следует отнести за счет деятельности остатков местного населения. На других территориях возобладали сезонные стоянки скотоводов.

Новая металлургия, изначально связанная с околопонтийским регионом, теперь стала общим достоянием всей Восточной и Центральной Европы, причем на первом месте стояло производство кинжалов, проушных топоров, плоских топоров из мышьяковистой бронзы; в городищах были обнаружены мастерские для работ по металлу (включавшие двустворчатые литейные формы)[66]. Однако в керамических изделиях по-прежнему ощущались древнеевропейские традиции: судя по всему, антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные сосуды прекрасной работы были изготовлены уцелевшими древнеевропейскими мастерами. Эти великолепные артефакты обычно находят в городищах и в богатых гробницах под большими курганами (ср. сосуды из Тарнавы, рис. 10-11), хотя в обычных поселениях и могилах их уже не бывает. Эта ситуация, по всей видимости, похожа на положение вещей в микенской Греции, когда уцелевшие минойские мастера продолжали изготавливать из глины, золота и камня истинные шедевры для своих новых властителей. Древнеевропейская символика практически исчезла с самых ходовых артефактов, а ее место занял вездесущий солярный орнамент.

К концу IV тыс. до н. э. остались лишь изолированные островки древнеевропейских традиций. Таков комплекс коцофени дунайской долины Олтении, Западной Мунтении, Южного Баната и Трансильвании[67] (Табл. 29). Носители этой культуры были оседлыми земледельцами, которые жили в крепких домах, использовали медные орудия и по-прежнему производили красную керамику с узорным лощением и белой росписью. Большое количество сосудов в форме птиц говорит о том, что здесь продолжали поклоняться Богине-птице.

Культура баден-вучедол Среднедунайского бассейна

Бассейн Среднего Дуная – одно из наиболее тщательно изученных мест, и сотни здешних поселений (особенно те, что расположены в Венгрии и Западной Словакии) позволяют подробно проследить культурное развитие доисторической Европы в этот решающий для нее период. Хотя баденскую культуру (также именуемую культурой баден-пецель или культурой керамики с радиальным орнаментом) часто рассматривают как самостоятельное явление, на самом деле она – не более чем западное ответвление более обширного культурного комплекса, существовавшего между Западной Анатолией и Польшей.

Баденский комплекс, в котором смешались местные и иноэтнические элементы, охватывал бассейн Среднего Дуная, причем его северная граница проходила по Богемии и Южной Польше. На юге он достигал долин Моравы и Вардара в Югославии, Боснии и даже Албании[68]. Его радиоуглеродные датировки приходятся на XXXIV–XXIX вв. до н. э. (Табл. 30).

Давшее название всему комплексу поселение Баден-Кёнигсхёле в окрестностях Вены было раскопано более 60 лет назад[69]. Согласно имеющимся теперь радиоуглеродным датировкам, мы знаем, что баденская культура просуществовала около 500 лет. В рамках этого периода принято различать три фазы: раннюю (болерац), среднюю (классическая баденская) и позднюю (бошака). В общей сложности (включая наземные находки) зафиксировано около тысячи баденских поселений[70].

Городища с апсидными постройками

Городища Вучедол и Сарваш в Северо-Западной Югославии[71] (рис. 10-17), Нитрянски-Градок в

окрестностях Нитры и Левоча в Западной Словакии[72], ряд укрепленных пунктов в Австрии в окрестностях Вены и Мелька, а также некоторые поселения в Южной Польше, по-видимому, служили резиденциями вождей. Все они имеют большое сходство с такими труднодоступными и сильно укрепленными городищами, как Михайловка на Нижнем Днепре и Ливенцовка в Ростове-на-Дону.

В Вучедоле на вершине холма стояло два апсидных дома классической фазы баденской культуры. Считается, что в одном жил вождь, а во втором были кухня и кладовая. Они были выстроены из вертикальных столбов с глиняной обмазкой, полы были глинобитными, внутренние стены делили пространство на несколько комнат, в каждой из которых имелся прямоугольный очаг. Апсидные дома встречаются также в Болгарии (Караново VII и Нова-Загора), в Македонии, Северо-Восточной (Ситагрой V: рис. 10-18), Центральной и Южной Греции (Лерна IV, Фивы, Асине), а также в Турции (Троя Ib и Карataш в Ликии). Апсидные дома баденско-эзерской культуры появлялись только в самых главных городищах. В Палестине XXXIV–XXXIII вв. до н. э. апсидные дома (в Мегиддо, Мэзере, Иерихоне VII–VI, Бет-Шеане XVI, Рош-Ханнигре II, Хирбет-Керахе I, Тель-Ярмуте B, II, Библосе III) появились вместе с некоторыми другими элементами чуждой культуры (серой керамикой, пряслицами и медными орудиями)[73], не исключено, что это было одно из последствий второй волны курганной культуры, которая не остановилась на Дарданеллах, но докатилась до Восточного Средиземноморья.

Поселения

Типичное поселение баденской культуры стояло на речной террасе или мысе. Жилищами служили небольшие (самые крупные – 3,5 на 4,5 м) прямоугольные полуземлянки с двускатной кровлей, которую поддерживали деревянные столбы. Глинобитные очаги имели круглую или прямоугольную форму. Наземные постройки чаще всего встречаются в Западной Словакии и в Венгрии. Поселения баденской культуры могли быть постоянными или сезонными. Первые более характерны для горных районов и северо-западного крыла этой культуры, в то время как небольшие и краткосрочные стоянки чаще встречаются на равнинах Восточной Венгрии и Югославии. Расположение постоянных поселений явным образом обусловлено традициями древнеевропейских народов.

Хозяйственный уклад

Хозяйственный уклад баденской культуры не был единообразен по всей территории ее распространения: на северо-западе преобладало земледелие[74], в других местах – в особенности в Восточной Венгрии и Северной Югославии – главную роль играло скотоводство. Среди растительных остатков[75] ботаники идентифицировали пшеницу (в первую очередь эммер), ячмень, просо, овес, бобовые и, возможно, рожь, в то время как лесные орехи, раковины, вишневые косточки и обугленные сухие яблоки свидетельствуют о наличии собирательства. Среди костей домашних животных преобладают останки крупного рогатого скота, далее идут овцы, козы, свиньи и лошади. Загоны для скота занимали площадь в 500–600 кв. м, вокруг них были вырыты канавы и поставлен примитивный забор из веток и столбов различной величины[76]. Костей овец и косуль больше в более просторных и богатых домах[77]. Производящее хозяйство в значительной мере дополняли рыбная ловля и охота, о чем свидетельствуют рыболовные крючки и скопления рыбьих костей, а также костей медведей, кабанов, зубров, косуль, волков, лис и зайцев.

Указания на существование местной металлургии относятся к классической фазе баденской культуры. В Сарваше (Северная Югославия) при изготовлении черешкового кинжала и плоского топора, по-видимому, использовалась открытая литейная форма из песчаника[78]. В мужских захоронениях порой встречаются треугольные кинжальные лезвия с отверстиями для заклепок.

Захоронения с жертвенными животными и повозками

Могильники баденской культуры демонстрируют характерное для курганного сообщества социальное неравенство и свидетельствуют о наличии жертвоприношений людей и животных, чем объясняется присутствие в ритуальных погребениях костей крупного рогатого скота, собаки и лошади. Поблизости от Будапешта в Альшонемеди и Будакаласе на могиле было принесено в жертву несколько воловьих упряжек (рис. 10-19). Погребальный инвентарь богатых людей включал в себя жаровни и модели повозок. Так, в кенотафе Будакаласа была, помимо прочего, найдена глиняная модель четырехколесной телеги (рис. 10-20), весьма близко напоминавшая другую модель, обнаруженную к югу от Будапешта в ингумационном захоронении Сигетсентмартон[79]. Повозки – характерная черта захоронений знати вплоть до конца доисторической – начала исторической эпохи; на высокое положение в обществе указывала и украшавшая мужской череп медная корона (рис. 10-21). Когда захоронение содержит останки нескольких человек, то мужской скелет располагается в центре, а женские и детские – по краям (рис. 10-22).

Рис. 10-17

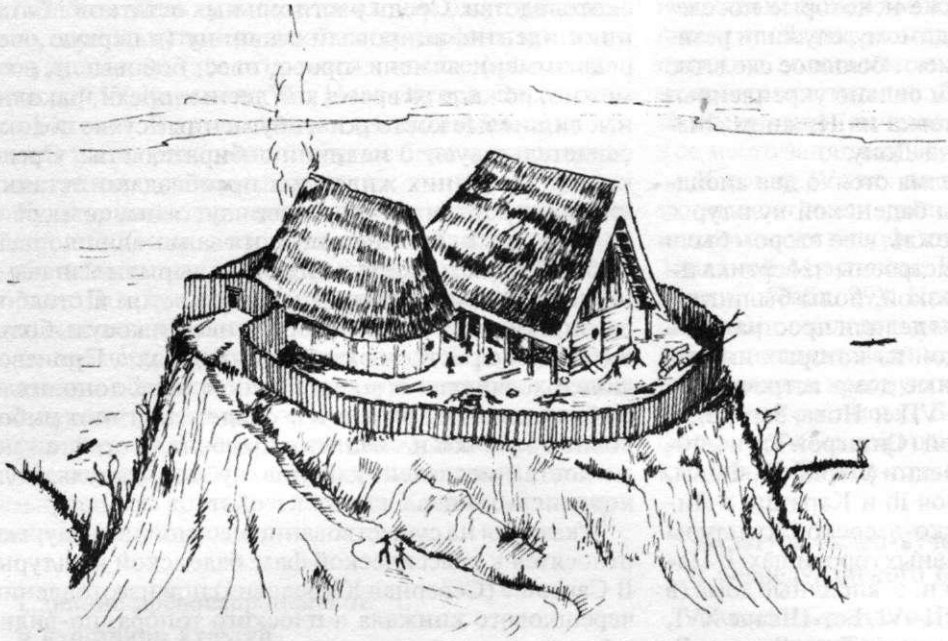


Рис. 10-17
Расположенная на недоступной возвышенности резиденция правящего семейства. Реконструкция двух построек (одна – с апсидным торцом) городища Вучедол, баденский горизонт. Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 10-18

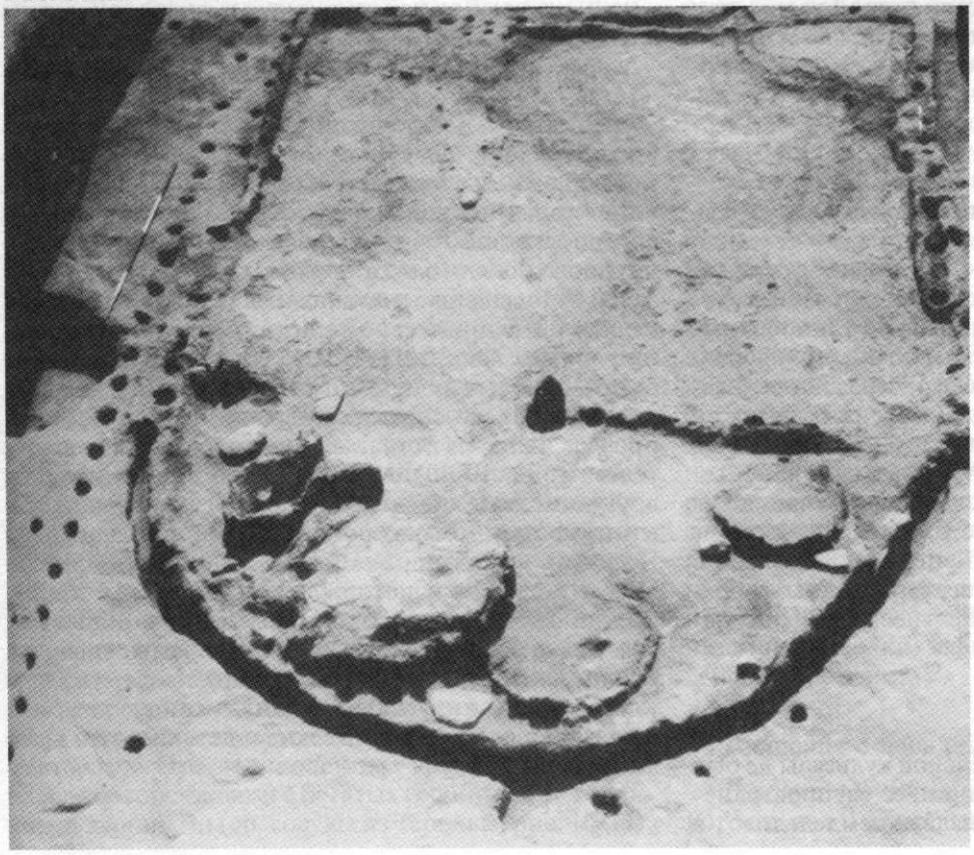


Рис. 10-18
Сожженный дом с апсидным торцом для кухни и кладовой. Длина ок. 17 м. Ситагрой V, Северо-Восточная Греция. Ок. XXIX в. до н. э.

Рис. 10-19

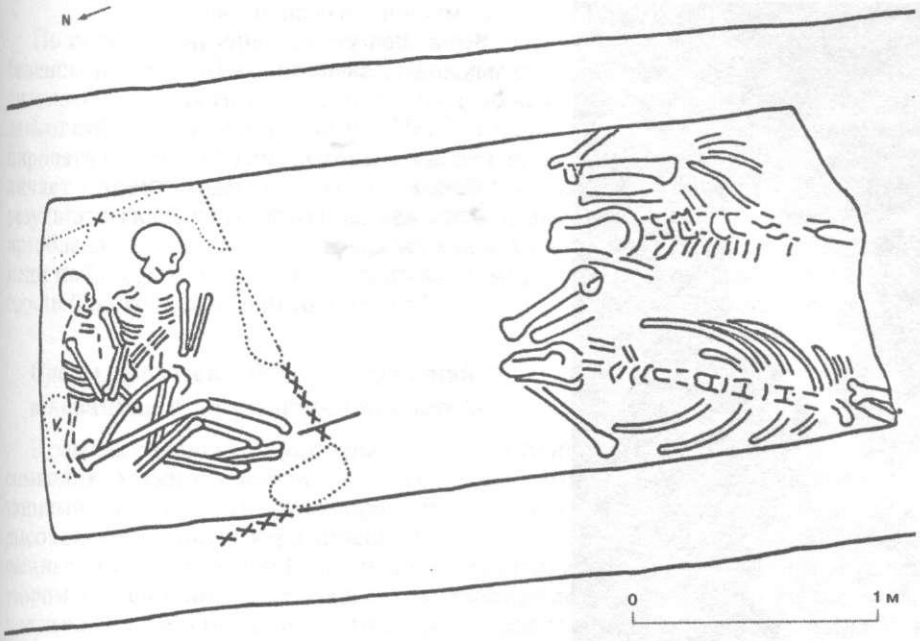


Рис. 10-19
Упряжка волов (справа), захороненная в одной могиле с мужчиной и женщиной. Будакалас, Будапешт, баденская культура. Ок. 3000 г. до н. э.; длина могильной ямы 3,4 м.

Рис. 10-20

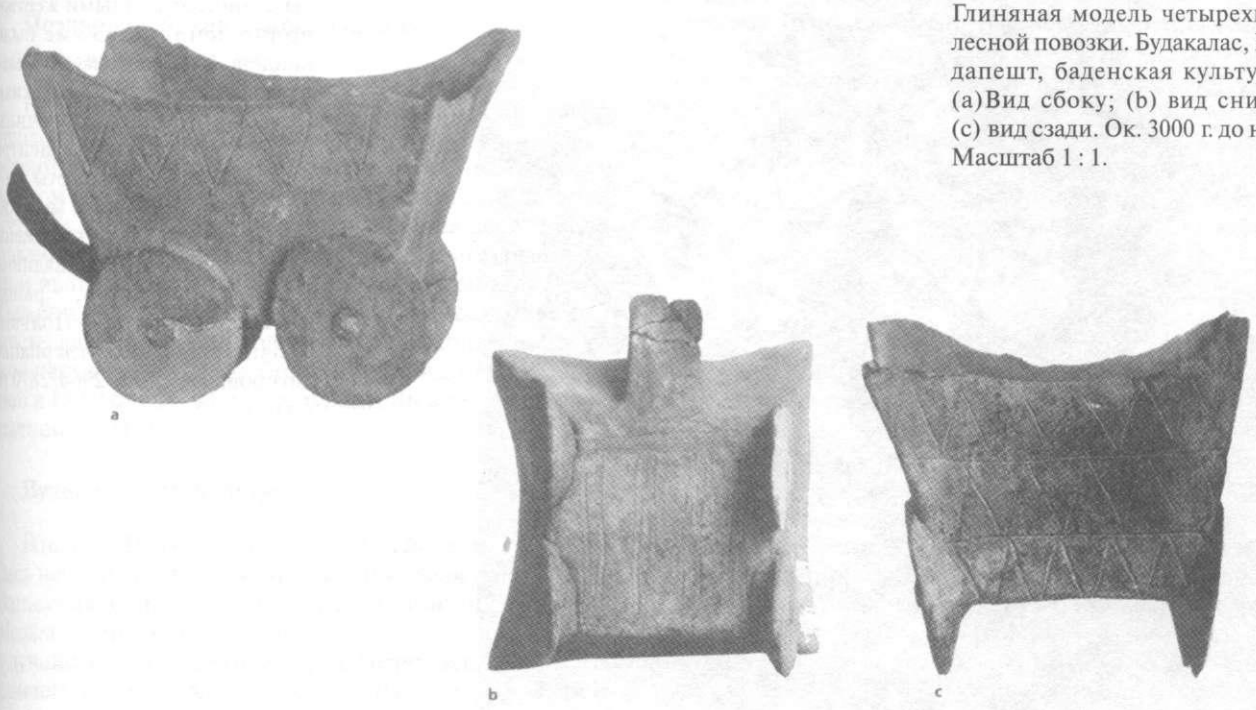


Рис. 10-20
Глиняная модель четырехколесной повозки. Будакалас, Будапешт, баденская культура. (a) Вид сбоку; (b) вид снизу; (c) вид сзади. Ок. 3000 г. до н. э. Масштаб 1 : 1.

Рис. 10-21

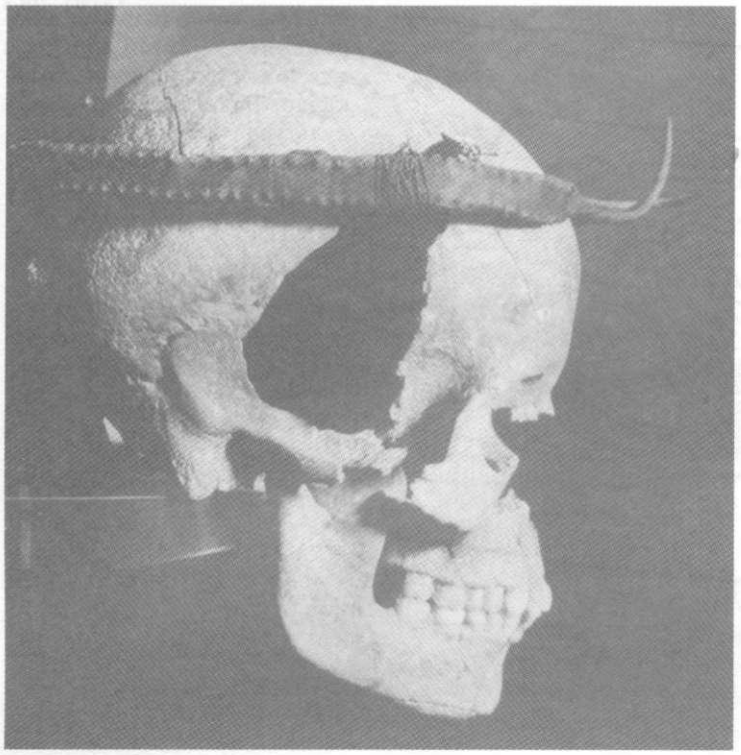


Рис. 10-21
Череп мужчины в медной короне. Вёрш, Венгрия, баденская культура. Ок. 3000 г. до н. э.

Рис. 10-22

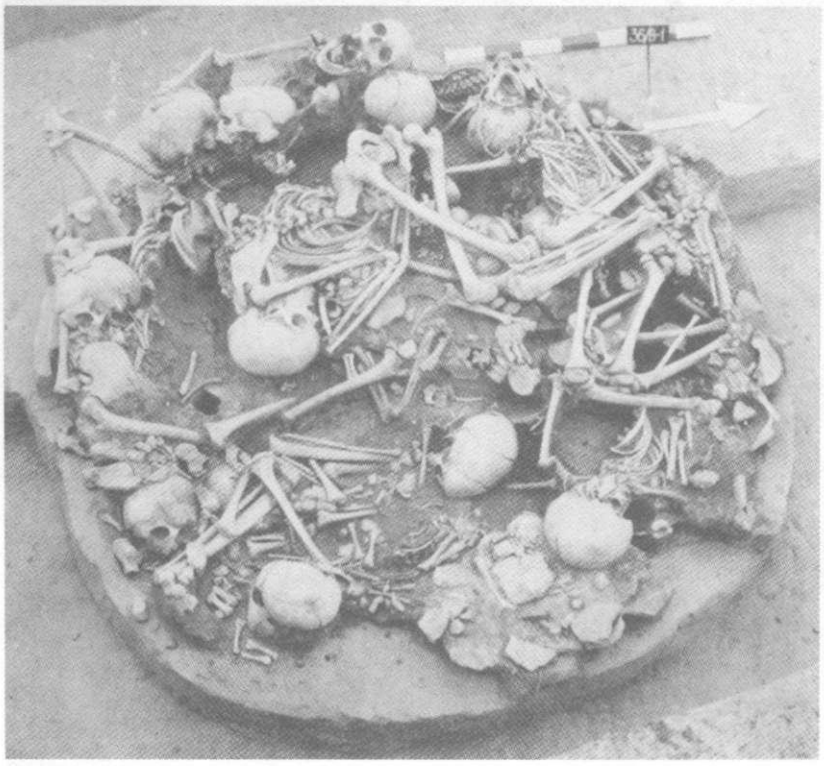


Рис. 10-22
Захоронение баденской культуры с множественными жертвоприношениями. В яме было найдено 17 человеческих скелетов (4 взрослых и 13 детских). Останки старшего мужчины (ок. 25 лет) лежали в центре ямы, а по краям – скелеты женщин и детей. Рядом с мужскими скелетами были положены перфорированные лошадиные зубы. Броноцице, район г. Кельце, Южная Польша. Уточненная радиоуглеродная датировка – 3100–2960/2870 гг. до н. э.

Физические характеристики населения

По своим антропологическим данным носители баденской культуры в основном принадлежали к средиземноморскому типу – как этого и следовало ожидать от субстрата культуры винча. Удалось идентифицировать и степной тип, который в ряде случаев отличает плосколицесть, что, возможно, является результатом каких-то восточных связей. Степной тип преобладал в Будакаласе, в то время как в Альшонемеди наблюдается смешение средиземноморского и европейского брахикранного типов[80].

Следы древнеевропейских традиций в керамике и символической системе

В рамках баденской культуры древнеевропейскую символику можно видеть на сосудах с птичьими очертаниями, крылатых антропоморфных урнах и других высококачественных керамических изделиях, украшенных мотивом грудей Богини, а также вставками с узором из шевронов, лесенок и сеток. Узорное лощение керамики и нанесение каннелюров – последние попытки древнеевропейцев противостоять новой индоевропейской идеологии, о которой говорят украшавшие кубки, жаровни, супницы и модели повозок ряды ямок, зигзаги и солярные мотивы (рис. 10-23).

По сути, баденский комплекс являл собой процесс слияния двух культурных моделей, обладавших непохожими друг на друга хозяйственными укладами, идеологиями, расовыми характеристиками и образом жизни.

Позднебаденская («костолацкая») экспансия в Боснию

Поздняя баденская или «костолацкая» культура продолжила свое существование на территории Северной Югославии и сделала значительный рывок в южном направлении, захватив боснийские долины Тузлы и Билы. Самым богатым и лучше всего исследованным поселением костолацкой культуры в Боснии является городище в Пивнице неподалеку от Оджаци, расположенное в стратегически важном месте, дающем обзор долины реки Босна. На восточной части холма стоял большой апсидный дом длиной в 15 м; следы жилищ сохранились также в его западной части[81].

Вучедольская культура

В начале III тыс. до н. э. вслед за баденской появилась вучедольская культура, характерная для Северо-Западных Балкан и восточноальпийских районов. Название ей дало городище Вучедол, расположенное у дунайского города Вуковар (Северо-Западная Югославия), где проводил раскопки Р.Р.Шмидт[82]. В Венгрии ее именуют «культурой зок», выделяя несколько подгрупп: в Юго-Западной Венгрии – собственно «зок», в бассейнах Кёрёша и Мароша в Юго-Восточной Венгрии – «мако», а в Северо-Восточной Венгрии – «ньиршег»[83]. В восточноальпийском районе эта же культура более известна под именем «лайбах-любляньской», по названию торфяника, в 1878–1879 гг. раскопанного К.Дешманном[84].

Всего зафиксировано около 500 поселений вучедольской культуры, по большей части все они сгруппированы примерно на той же территории, что ранее – баденские. Ряд городищ содержат материалы как вучедольской, так и баденской культуры, а в самом городище Вучедол под двумя последовательными слоями отложений вучедольской культуры располагаются материалы позднебаденской (костолацкой) культуры. Аналогичная последовательность отмечена в стратифицированных поселениях Сарваш, Гомолава и Белегиш в Сирмии и Словении, Брно-Лишен в Моравии, Зок-Вархедь у города Печ в Юго-Западной Венгрии, а также в ряде других мест. На юге вучедольские материалы обнаруживаются вплоть до адриатических островов, на северо-западе – до Богемии и Центральной Германии.

Интенсивная система обороны городищ

Интенсивная система обороны представлена сетью внушительных крепостей и укрепленных поселений на возвышенностях. Особенно высока их концентрация у Вуковара и Осиека (Северо-Западная Югославия), вокруг Печа (Юго-Западная Венгрия), Любляны (Словения), к югу от Вены и в Западной Словакии. Как и в баденский период, эти городища играли роль административных центров; располагались они обычно на очень крутом берегу реки, особенно в тех местах, где в нее вливаются более мелкие притоки, а со стороны земли их окружали вал, ограды и рвы. Остальные поселения также располагались по берегам рек и на возвышенностях или по берегам озер, где люди обитали в свайных домах (Любляна и Иж у Любляны).

Металлургия

Большая часть металлургического производства находилась непосредственно в этих местах. Так, в городище Вучедол были найдены несколько плавильных печей, медный шлак и изготовленные из глины и песчаника формы для отливки. Набор металлических инструментов включал в себя шилья, черешковые кинжалы или кинжалы с заклепками, спиральные трубочки, использовавшиеся при изготовлении ожерелий, оружия и украшений, а также проушные топоры, долота и резцы. Правящие семьи имели собственных кузнецов, которые могли делать лучшие для того времени инструменты и оружие. Однако металл

Рис. 10-23.1

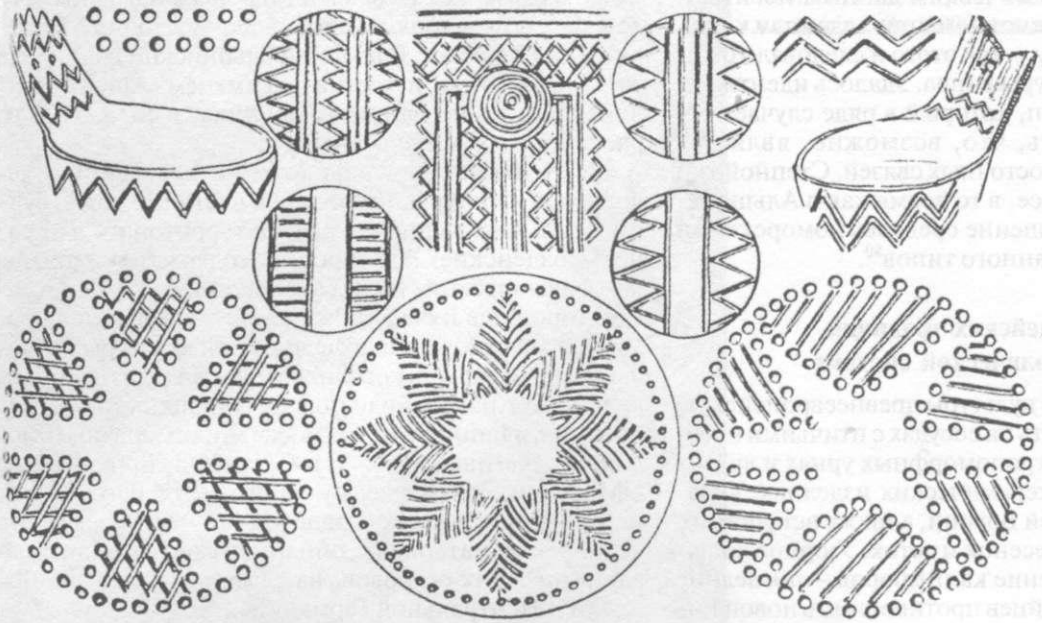


Рис. 10-23.2

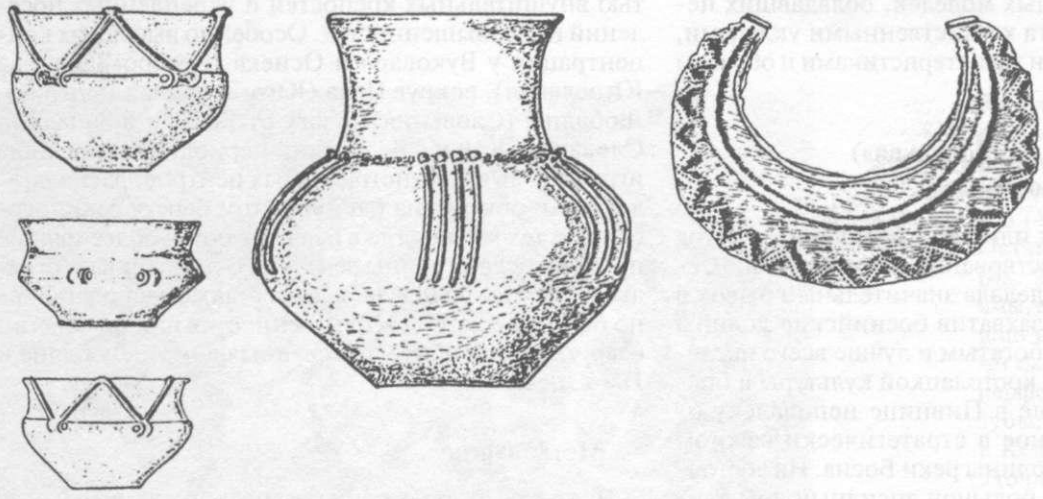


Рис. 10-23

(1) Солярные мотивы на сосудах баденской культуры.

(2) Горшки и нагрудная пластина, найденные в каменной цисте в Велвари, Богемия. У сосудов (слева) трубчатые ручки, за которые их подвешивали (отметим рельефное изображение шнуров). Нагрудные пластины велварского типа можно видеть изображенными на каменных стелах (см. рис. 10-43, 10-44). Вторая половина IV тыс. до н.э.; высота самого большого сосуда 13 см.

пока еще оставался редкостью, и большая часть рабочего инвентаря была костяной и деревянной.

Керамика

Самым ярким элементом вучедольской керамики являются темно-коричневые или серые хорошо вылощенные кувшины с выемчатым орнаментом, инкрустированным белым мелом или толчеными раковинами, со штампованным или оттиснутым геометрическим узором, обычно зональным или в виде метоп. В ассортимент входили использовавшиеся в качестве жаровни блюда на ножках, большие чаши, горшки с ручками и амфоры, плоские и вытянутые блюда с ободком, миниатюрные горшки и кувшины с затертой поверхностью. Как и в баденской культуре, керамическое искусство во многом хранило отпечаток исчезающих традиций Древней Европы. Самое убедительное тому подтверждение – наличие орнитоморфных сосудов. Богиня-птица культурной традиции винча продолжала фигурировать вместе со своей символикой, однако большая часть символических изображений и декоративных мотивов, в особенности те, что украшают внутреннюю поверхность блюд и жаровен, не имеют отношения к древнеевропейской традиции. Напротив, основным орнаментальным мотивом становятся чуждые Древней Европе изображения солнца и звезд. Не приходится сомневаться, что к искусству и символической системе вучедольской культуры были причастны обе традиции.

Захоронения

В данной культуре зафиксировано довольно большое разнообразие форм погребения, среди которых кремация, захоронения в урнах, ингумация, могильные ямы под круглыми земляными насыпями, каменные цисты и гробницы в форме печи, которым отдавали предпочтение знатные семейства. В городище Вучедол было обнаружено богатое двойное захоронение, возможно – правителя и его супруги. Оба скелета были уложены в скорченной позе. Левая рука мужчины лежала на бедренной кости женщины, а в правой он держал кожаную флягу, как бы поднося ее ко рту. Рядом с ним помещены два копья с бронзовыми наконечниками и втулкой для насадки, а у его ног лежал топор-молот из оленьего рога, передний зуб собаки с отверстием и средиземноморская раковина также с отверстием. Царственные супруги были удостоены целого ягненка; кроме того, вокруг разбросано множество костей крупного рогатого скота, оленей-самцов и свиней. Другие дары были положены в большие сосуды, в амфоры, в чаши и на блюда, часть из которых до сих пор сохранили следы органических субстанций. Голова женщины была покрыта миской с белой инкрустацией. В прилегающей гробнице, имеющей форму печи, были кругом уложены пять детских скелетов: трое новорожденных, один полугодовалый и один четырехлетний ребенок. Анализ костей последнего показал, что его отцом был вождь.

Эзерская культура в Болгарии, Северной Эгее и Западной Анатолии

Эзеро – тель в Центральной Болгарии в трех километрах к юго-востоку от города Нова-Загора[85]. Его раскопки, осуществленные в 1961–1971 гг. силами болгарских и советских археологов, помогли составить удивительно полную картину жизни и хронологии эзерской культуры раннего бронзового века. Хотя целый ряд важных поселений как в Центральной Болгарии (Михалич, Веселиново, Биково, Караново), так и в северной части Эгейской области и в Западной Анатолии, дал материалы, родственные эзерской культуре (Ситагрой IV и V, Троя I–II, Иортан, Алишар), однако ни одно из них полнотой и объемом не может сравниться с Эзеро. Именно поэтому его имя стало названием всей культуры, в чей ареал входили Болгария, северная часть Эгейского региона и Западная Анатолия. Однако это не отдельно стоящий феномен, но часть единой баденско-эзерской культуры с общим репертуаром находок, схожими административными системами и аналогичным устройством поселений.

Как тели Караново, Веселиново, Ситагрой и другие, Эзеро первоначально был заселен носителями культуры караново. В главах II и III мы уже видели, что эта цивилизация отличалась удивительной продолжительностью, просуществовав, согласно археологическим данным, почти две тысячи лет (ок. 6000–4200 гг. до н. э.). Однако ее целостность была нарушена первой волной курганной культуры, и, после некоторого перерыва, на ее месте возникла новая культура смешанного типа, где древнеевропейские традиции были перекрыты влиянием новой курганной культуры. В результате тель был превращен в акрополь.

В Эзеро общая толщина отложений раннего бронзового века, располагающихся поверх тел культуры караново, достигает 3,80 м. В его центральной части было раскопано 13 строительных горизонтов одной культурной традиции, существовавшей с середины IV по середину III тыс. до н. э. В каждом горизонте имелись прямоугольные дома из вертикальных бревен и решетки переплетенных веток с тонким слоем глиняной обмазки. Менее основательные постройки с деревянными столбами практически не сохранились, однако их план можно выявить по столбовым ямам. Из почти 50 раскопанных домов 20 имели два апсидных торца: подобная конструкция появилась уже в самом раннем горизонте (XIII) и продолжала использоваться на всем протяжении данной культуры. В домах больших размеров было два

помещения – жилое и хозяйственное, где находились печи, очаги, платформы и ямы для сушки и хранения зерна. Постройки стояли группами, примерно по 20 домов на каждом уровне, окружая пустое пространство в центре. От него коридорообразные ворота – 2–2,5 м в ширину и 8 м в длину – вели непосредственно к укреплениям.

Вокруг холма были возведены две стены. Внутренняя имела 80 м в диаметре и, будучи возведена из крупных неотесанных камней в 60–80 см, достигала 1,5–2 м в толщину; внешняя – вдвое больше. Крупную циклопическую кладку у основания укрепляли более мелкими камнями и скрепляли глиной. Акрополь мог вмещать до 200 человек и, скорей всего, служил защитой для окружавшего его небольшого селения.

Кто жил на этом холме? Вождь и его боевые соратники, ремесленники со своими семьями? К сожалению, мы этого не знаем, хотя подобное устройство является прототипом более поздних микенских акрополей бронзового века.

Орудия и оружие

Акрополь был средоточием ремесел, в том числе производства типичных для всей баденско-эзерской культуры инструментов и оружия из камня, кости, оленьего рога, меди и бронзы. Кремень добывали в Родопских горах, прочие камни собирали к югу и к северу от Эзеро. В число каменных артефактов входили пестики, молоты, лощила, зернотерки, топоры и резцы, а также шаровидные и цилиндрические булавы и ритуальные боевые топоры. Инструменты из кости и из оленьего рога присутствовали здесь сотнями, в первую очередь шилья, резцы, лощила, палки-копалки, мотыги (не исключено,

Рис. 10-24

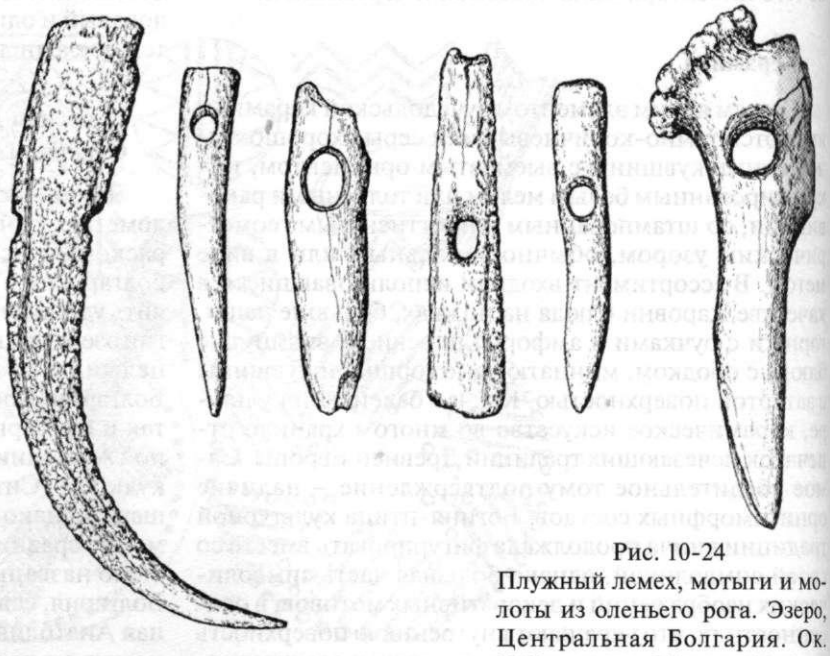


Рис. 10-24
Плужный лемех, мотыги и молоты из оленьего рога. Эзеро, Центральная Болгария. Ок. 3000 г. до н. э. Масштаб 1 : 1.

Рис. 10-25

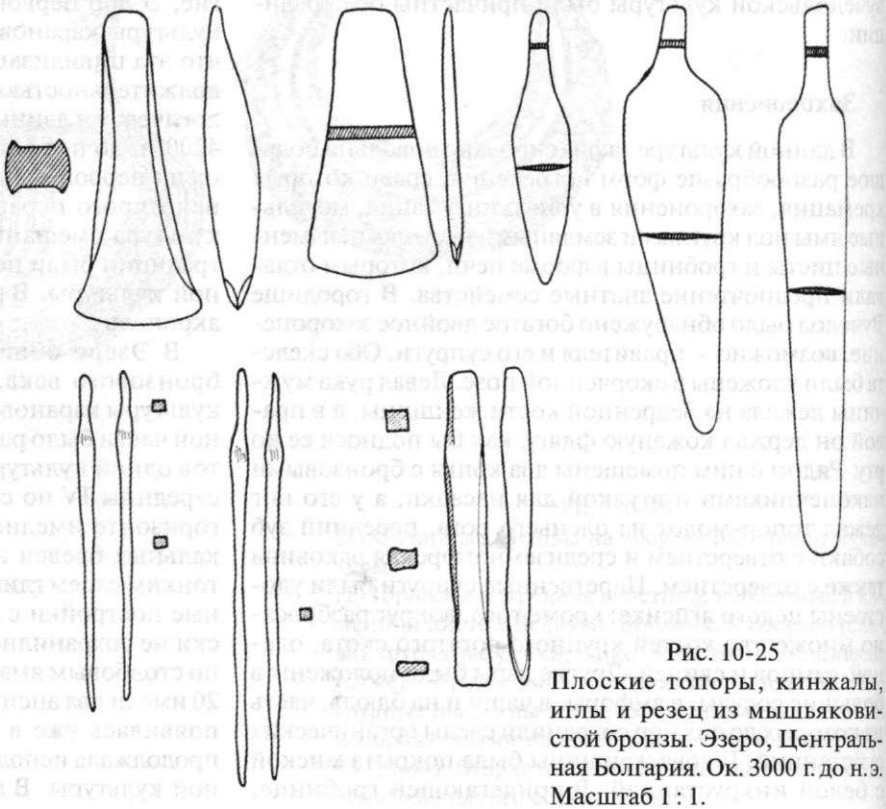


Рис. 10-25
Плоские топоры, кинжалы, иглы и резец из мышьяковистой бронзы. Эзеро, Центральная Болгария. Ок. 3000 г. до н. э. Масштаб 1 : 1.

что некоторые из них использовались как плужные лемехи), топоры и топоры-молоты (рис. 10-24). Металлических артефактов было не так много, поскольку их общее количество с учетом всех уровней равно 37 (шилья, ножи или ножи-кинжалы, резцы, иглы и др.: рис. 10-25). Кроме того, были обнаружены три каменные формы для отливки топоров, они датируются более поздними фазами эзерской культуры. Шилья, найденные на самых ранних уровнях, были изготовлены из чистой или из мышьяковистой меди, тогда как позднее процент мышьяка значительно возрастает, что указывает на определенный прогресс в обработке металла.

Керамика

По всей территории распространения баденско-эзерской культуры кувшины, горшки, чаши и чашки с высокими ручками удивительно мало отличались друг от друга. Подобное единообразие могло быть достигнуто только за счет тесных связей между разными районами, подвижности населения и однородной общественной структуры. По сравнению с изумительной керамикой караново IV эта культура с самого начала демонстрировала понижение качества изделий, сказывавшееся на их форме, исполнении и декоре. Хотя баденско-эзерская культура впитала некоторые элементы местных культур, ее ни в коей мере нельзя считать продолжением культуры винча или караново. И если на чашах культуры раннего бадена, эзеро или ситагрой IV использовались каннелюры или на кувшинах временами появлялись узоры в виде зигзагов или шевронов, то это лишь говорит о том, что остатки туземного населения – возможно, женщины – по памяти продолжали воспроизводить эти столь долго использовавшиеся мотивы.

Основной набор престижной керамики состоял из емкостей, связанных с общинной едой и питьем, – кружек, чашек, ковшей и чаш, которые являются отличительной чертой захоронений знати. На поздних этапах бронзового века их либо изготовляли из металла, либо делали глиняные имитации. Нет сомнения, что они служили для самых разнообразных опьяняющих напитков. Этот набор сосудов для питья в первую очередь использовался мужчинами – мужским окружением правителя или его воинами, – и именно он пришел на смену сосудам для возлияния или расписанным символическими узорами емкостям для воды, которые использовали в святилищах женщины.

Культура шаровидных амфор на североевропейской равнине между Центральной Германией и Восточной Румынией

Культура шаровидных амфор появилась к северу от Карпат на североевропейской равнине в середине IV тыс. до н. э., захватив территорию Центральной Германии, Польши, Волыни, Подолии и Молдавии[86] (Табл. 31). От нее остались сотни могил, несколько сезонных стоянок на песчаных дюнах, небольшие поселения и городища. На Западной Украине и в Румынии культуре шаровидных амфор предшествовали культура воронковидных кубков и кукутени. Однако, несмотря на различные субстраты, культура шаровидных амфор отличается удивительным единообразием.

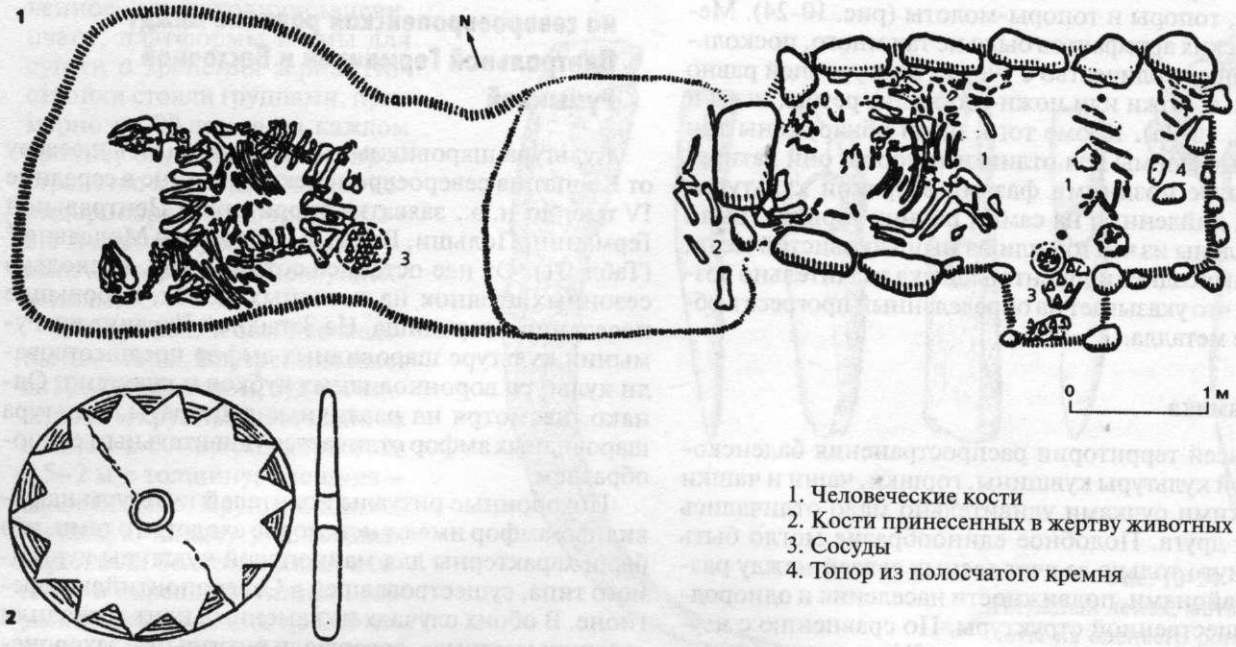
Похоронные ритуалы носителей культуры шаровидных амфор имеют некоторое сходство с теми, что были характерны для майкопской культуры курганного типа, существовавшей в Северопонтийском регионе. В обоих случаях из каменных плит возводили «домики мертвых», совершали ритуальные захоронения лошадей, крупного рогатого скота и собак, а также человеческие жертвоприношения, которых удостаивались знатные мужи (рис. 10-26, 10-29).

Наиболее типичным изделием этой культуры, давшим ей имя, была амфора с плоским или закругленным основанием (рис. 10-27), без ручек или с двумя–четырьмя маленькими ручками над «плечами», за которые их подвешивали. Кроме того, среди погребального инвентаря встречаются шаровидные горшки (супницы или широкогорлые кубки), реже – чашки (рис. 10-28A, 10-28B). К глине примешивали толченые раковины и песок или какие-то растительные субстанции. По очертаниям и составу теста эта керамика, особенно в Польше и Волыни, идентична той, что найдена в поселениях культуры михайловка I. Она украшена шнуровым, нарезным или прочерченным орнаментом, который покрывает только горловину и плечики сосуда.

Мужские захоронения с человеческими и животными жертвоприношениями

О существовании классовой структуры общества, в котором доминирующее положение занимали мужчины, говорят их богатые могилы с многочисленными жертвоприношениями людей и животных. Занимавших видное место в сообществе взрослых мужчин укладывали в центр каменной цисты; на тот свет их сопровождали члены семьи, слуги, волы, лошади, собаки, а также кабаны и прочая дичь. В этих замечательных гробницах встречается от трех до десяти человеческих скелетов, похороненных одновременно. Судя по полу, возрасту и положению останков, отца,

Рис. 10-26



1. Человеческие кости
2. Кости принесенных в жертву животных
3. Сосуды
4. Топор из полосчатого кремня

Рис. 10-27

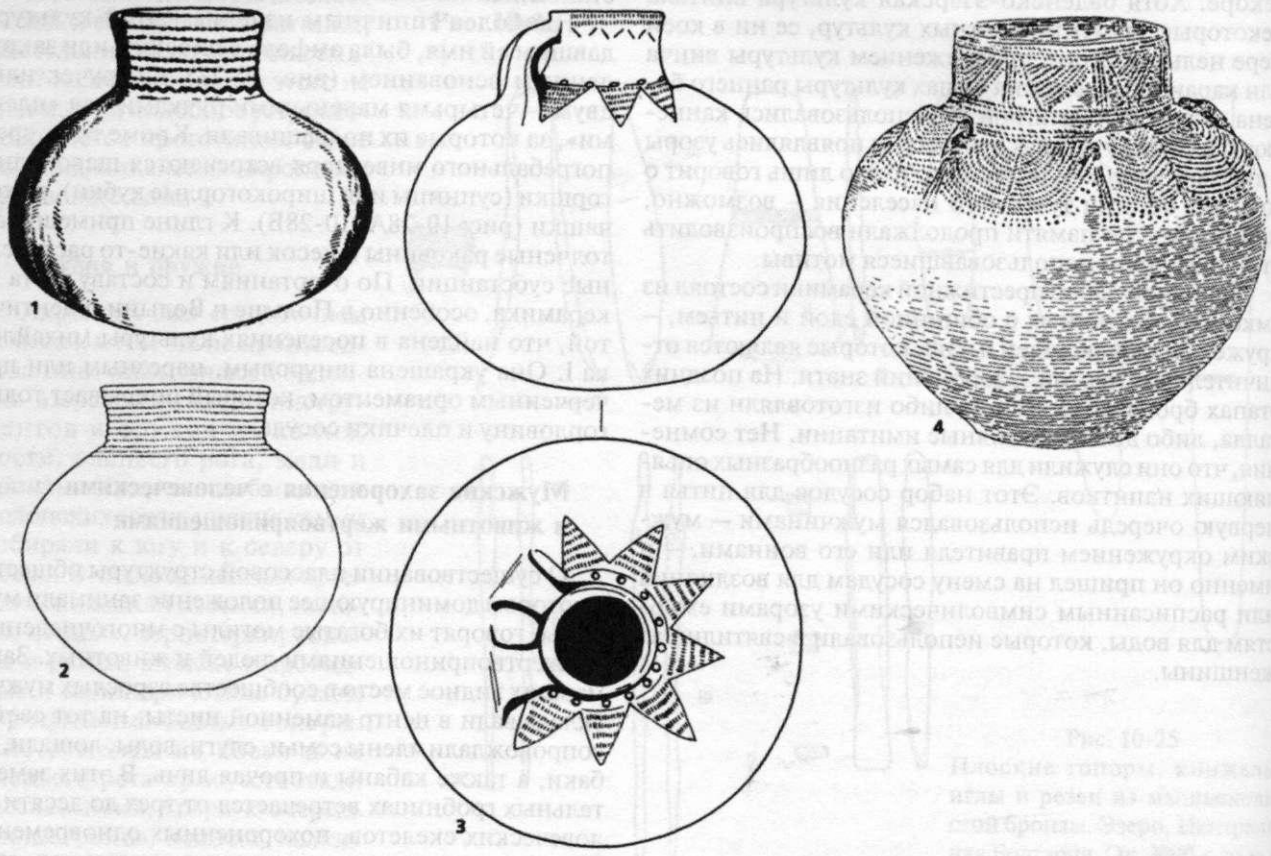


Рис. 10-26

(1) Воловья упряжка (слева), захороненная рядом с каменной цистой с человеческими скелетами (справа). Здроевка, район г. Коло, Польша.

(2) Костяная пластина с выгравированным звездным мотивом первоначально была закреплена на лбу у быка. Бжесць-Куявски, район г. Влоцлавек, Польша; диаметр 8 см.

Рис. 10-27

Шаровидные амфоры, украшенные шнуровыми оттисками. Польша и Нижнедунайский бассейн. (1) Кальск, район г. Свебодзин, Польша; (2) городище Михайловка I, Нижний Днепр; (3) Стжельце, г. Могильно, Западная Польша; (4) Ренбков-Парцеле, г. Гарволин, Польша. Вторая половина IV тыс. до н.э. Масштаб ок. 1:4.

Рис. 10-28А

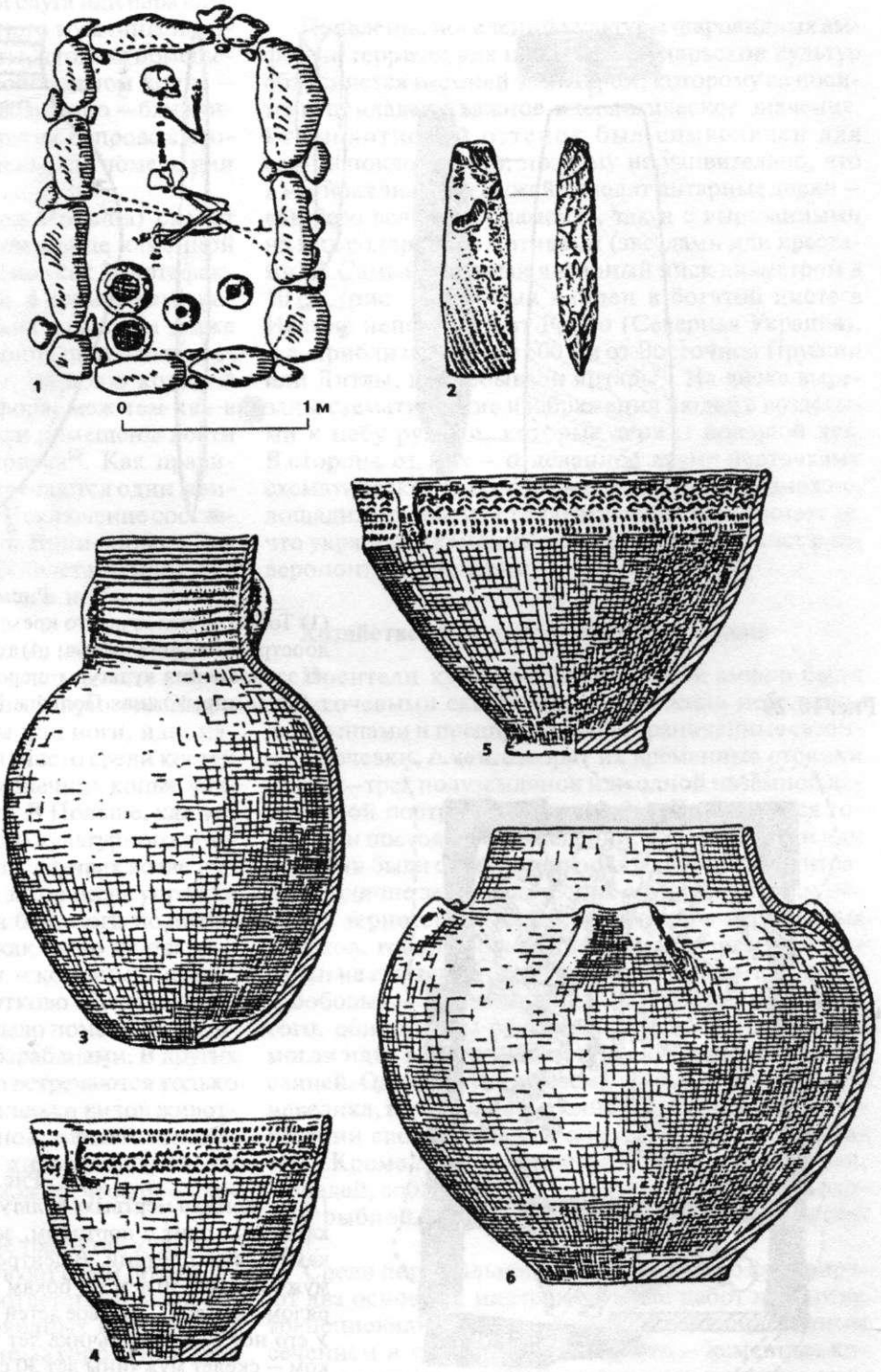


Рис. 10-28А

Погребальный инвентарь из каменной цисты культуры шаровидных амфор. (1) Лежащий на левом боку в скорченной позе мужчина снабжен (2) топором из полосчатого кремня и (3–6) четырьмя горшками. Пшибыслав, район г. Иноврощлав, Западная Польша; высота кувшина (слева) 28 см.

Рис. 10-28В

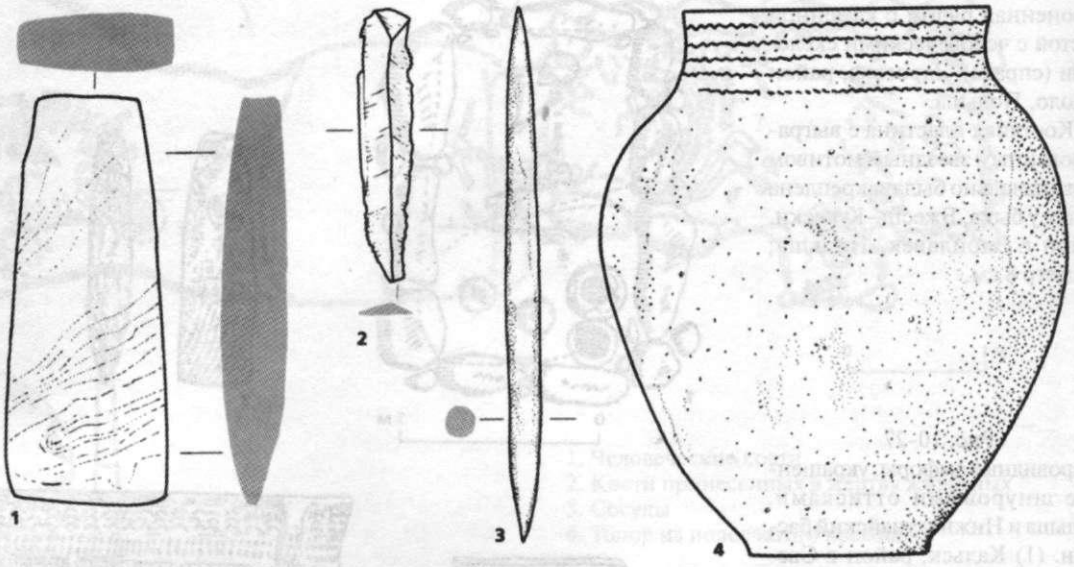


Рис. 10-28В
(1) Топор из полосчатого кремня; (2) кремневый нож; (3) обоюдоострое костяное копье; (4) горшок со шнуровым орнаментом из захоронения культуры шаровидных амфор в Малице, район г. Сандомир, Южная Польша. Вторая половина IV тыс. до н. э.

Рис. 10-29

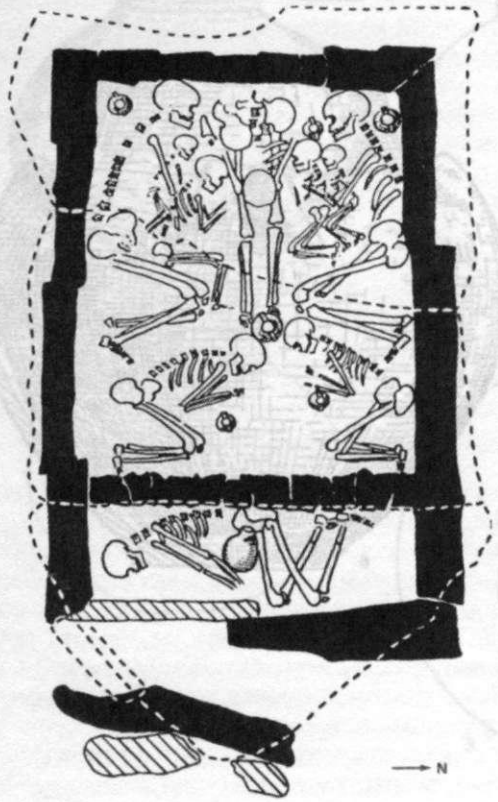


Рис. 10-29
План «домика мертвых» культуры шаровидных амфор. Циста из каменных плит с портиком, закрытая сверху тремя большими каменными плитами. В центре у западной стены лежит скелет мужчины 40–50 лет, по бокам от него – скелеты двух женщин, рядом с каждой – по двое детей приблизительно от 1 года до 8 лет. У его ног скелет мальчика лет 15 и девушки лет 17. Под портиком – скелет мужчины лет 30 со следами увечья на ноге. Скелеты посыпаны охрой; пол под ними вымощен камнем и покрыт слоем (4 см) желтой глины. Среди погребального инвентаря 4 топора, резец, кинжалы, наконечники стрел, костяной наконечник, 8 сосудов, три челюсти кабана и кости свиньи. Войцехивка, район г. Житомир, Волынь. Вторая половина IV тыс. до н. э.

мужа и господина в мир иной сопровождал один ребенок или пара детей, женщина и слуга или пара слуг. Как правило, скелет высокородного мужчины находится в самой дальней части цисты, в том же помещении рядом с ним или на противоположном конце – скелеты двух или более человек, возможно – ближайших родственников. Останки других сопровождающих помещены у входа или в меньшем помещении «домика мертвых»[87].

В Клементовице (Восточная Польша) скелет мужчины был уложен в северном конце каменной цисты и снабжен ни более, ни менее как 35 артефактами, в том числе 13 кувшинами, 4 кремневыми топорами, 3 кинжалами из кабаньих клыков, а также кабаньей челюстью. В южном конце цисты был усажен скелет молодой женщины, на долю которой досталась лишь небольшая амфора, меж тем как в юго-восточной части цисты были помещены кости старика и обезглавленного человека[88]. Как правило, в могилах богатых мужей встречаются один женский скелет и один-два детских. Исключение составляет захоронение, найденное в Войцехивке (Волынь), где по бокам мужского скелета лежали два женских и четыре детских, а у его ног – останки юноши и девушки[89] (рис. 10-29).

В ряде случаев останки взрослых мужчин и детей бывают помещены в отдельную цисту вместе с принесенными в жертву животными. У принесенных в жертву людей отрублены головы или ноги, или, напротив, оставлена только голова. Часто среди костей можно обнаружить костяной наконечник копья, указывающий на форму их кончины. В Польше, как это было характерно и для баденского культурного комплекса (см. рис. 10-26), во многих случаях возле цисты с человеческими останками захоронена упряжка из двух быков. Они уложены на бок, ноги подогнуты, лбы почти соприкасаются, как будто их похоронили не распрягая; на шее у них – костяные диски с солярным орнаментом. В Пикутково (Центральная Польша) рядом с парой быков было помещено большое блюдо с двумя глиняными барабанами. В других захоронениях животных обычно встречаются только коровы и лошади или сразу несколько видов животных – коров, свиней или кабанов, оленей-самцов, лис и серн. Возле захоронений животных замечены ямы с потемневшей землей, возможно, что это – следы крови.

Религиозные и общественные традиции культуры шаровидных амфор свидетельствуют о том, что ее захоронения не были связаны с соответствующими сооружениями культуры воронковидных кубков. Последней свойственны большие захоронения под длинными курганами или в мегалитических коридорных гробницах, которые порой удается обнаружить под могилами культуры шаровидных амфор.

Солнечная символика и погоня за янтарем

Появление поселений культуры шаровидных амфор на территориях неманской и нарвской культур объясняется погоней за янтарем, которому ее носители придавали важное идеологическое значение. Его золотистый оттенок был символичен для солнцепоклонников, поэтому не удивительно, что в могилах знатных мужей находят янтарные диски – как безо всякого орнамента, так и с вырезанными на них солярными мотивами (звездами или крестами)[90]. Самый крупный янтарный диск диаметром в 10 см (рис. 10-30) был найден в богатой цисте в Иванне неподалеку от Ровно (Северная Украина), т. е. приблизительно в 600 км от Восточной Пруссии или Литвы, где добывали янтарь[91]. На диске вырезаны схематические изображения людей с воздетыми к небу руками, которые держат большой лук. В стороне от них – отделенное двумя черточками схематическое изображение животного, возможно, лошади. По своему стилю эта сцена напоминает те, что украшают каменные стены крымских цист и северопонтийские стелы.

Хозяйственный уклад, орудия и оружие

Носители культуры шаровидных амфор были полукочевыми скотоводами; они жили небольшими группами и предпринимали ограниченные сезонные кочевки, о чем говорят их временные стоянки из двух–трех полуземлянок или одной наземной деревянной постройки (рис. 10-31). Что касается городищ и постоянных поселений, то для племени или рода они были своеобразными культурными центрами. Наличие земледельческих орудий, главным образом зернотерок, каменных мотыг и деревянных лемехов, говорит о занятиях земледелием. А отпечатки на глиняной обмазке зерен ячменя, пшеницы и бобовых – об одомашнивании растений. Кроме того, обнаружены обуглившиеся желуди, которые могли идти в пищу людям или служить кормом для свиней. Однако, судя по всему, роль земледелия была невелика, а в основном хозяйство зиждилось на разведении скота, в первую очередь – крупного рогатого. Кроме того, здешние жители держали свиней, лошадей, собак, овец и коз, а также занимались охотой, рыбной ловлей и сбором дикорастущих растений.

Среди погребального инвентаря часто фигурируют два основных инструмента для работ по дереву, трапециевидный топор с квадратным поперечным сечением и кремневый резец. Это – каменные копии соответствующих металлических инструментов, которые на Западе по-прежнему оставались большой редкостью. Поэтому кремень ценили повсюду и добыча кремня была интенсивной. Большое месторождение кремня в Кшемьонках на Верхней Вис-

Рис. 10-30

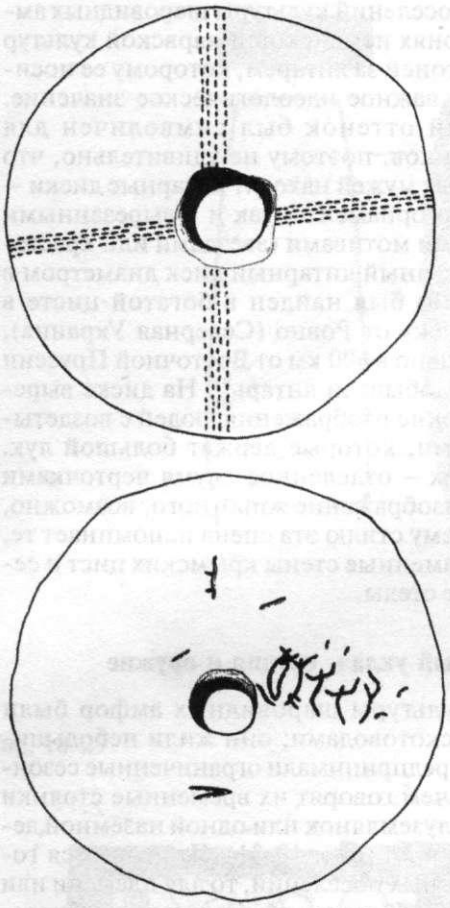


Рис. 10-30
Янтарный диск с гравировкой, найденный в каменной цисте среди погребального инвентаря знатного мужа. Иванне у г. Ровно, Северо-Западная Украина, приблизительно в 600 км от Балтийского побережья, где добывали янтарь. Конец IV тыс. до н. э.

Рис. 10-31

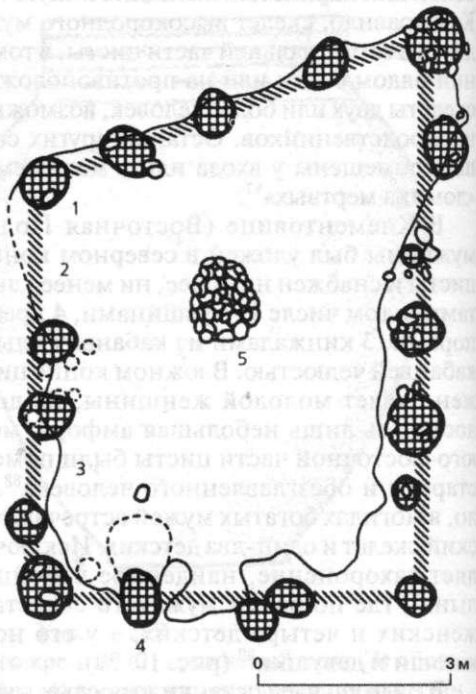


Рис. 10-31
План жилища-полуземлянки культуры шаровидных амфор. Бендржиховице, район г. Прудник, Польша; длина большей стены 10,5 м.

1. Ямы от столбов
2. Контур стен
3. Контуры жилой землянки
4. Очаг
5. Каменный очаг в центре

ле у Опатова, где количество шахт достигает тысячи, свидетельствует об объемах добычи полосчатого кремня[92]. У носителей культуры шаровидных амфор это был основной материал для изготовления топоров и резцов. Другие орудия и оружие – наконечники стрел, острия, ножи и скребки – делались из серого или шоколадного кремня, который добывали в других местах. Из кости делали шилья и иглы, а также украшения. Комбинированные луки, известные нам по резным изображениям на каменных стелах (см. рис. 10-46), на стенах каменных цист (Гелич в бассейне реки Заале, Центральная Германия) и по их сожженным остаткам, которые находят в могилах (см., к примеру, гробницу в Божейевиче в Стржельно, Западная Польша), были сделаны из дерева, скорей всего, судя по лингвистическим данным, из ясеня[93]. Приблизительно с конца IV тыс. до н. э. их присутствие зафиксировано на территории между Центральной Германией и Нижним Днепром, а их близкие аналоги обнаруживаются в Центральной Азии, в особенности в сибирско-монгольской степи.

Физические характеристики населения

Мы пока доподлинно не можем сказать, к какому антропологическому типу принадлежало здешнее население. В Румынии исследовано только 7 скелетов, которые, согласно О.Некрасовой, следует отнести к «разбавленному протоевропейскому типу с чертами брахицефальности»[94]. Широкоголовые черепа из каменных цист Западной Украины мало отличаются от тех, что находят в румынской Молдавии; обнаруженные в Польше черепа также принадлежат к этому типу. Проведенное И.Швидецки сравнительное исследование 17 мужских черепов из Центральной Германии, Чехословакии и Польши показало наличие связей с субстратом культуры воронковидных кубков. Хотя число исследованных экземпляров весьма незначительно, любопытно, что Швидецки все же удалось заметить некоторую градацию внутри общей группы: по мере продвижения с востока на запад ширина черепа убывает. Восточное крыло носителей культуры шаровидных амфор ближе к курганному типу, тогда как западное напоминает живших в Цен-

тральной Германии носителей культуры воронковидных кубков[95]. Нам еще предстоит выяснить, каков в количественном отношении был приток населения и в какой мере здесь происходило скрещивание различных типов.

Так или иначе, вполне очевидно, что появление на североевропейской равнине культуры шаровидных амфор является ключом к пониманию индоевропеизации этой части Европы. Необходимо помнить, что основные социальные, религиозные и экономические составляющие этой культуры указывают на ее связь с Северопонтийским регионом. Тот факт, что культура шаровидных амфор оказалась более гомогенной, нежели баденская, свидетельствует лишь о том, что если эти народы действительно говорили на индоевропейском языке, то они смогли или полностью подавить местное население, или передать ему свои верования, обычаи и язык.

Третья волна курганной культуры (ок. 3000 г. до н. э.): вторжение южнорусской «ямной» культуры в Восточную и Центральную Европу и его последствия

Третья волна курганной культуры ок. 3000 г. до н. э. представляла собой массированное нашествие, в корне переменившее этническую конфигурацию Европы (рис. 10-32). Перемещение ее носителей на запад, север и северо-восток Европы, а также к Адриатике и Греции, обусловило окончательную индоевропеизацию Европы.

Позднеямные захоронения в Румынии, Болгарии, Югославии и Восточной Венгрии

О третьем нашествии курганной культуры говорят сотни могил в Румынии, Болгарии, Югославии (Южном Банате) и Восточной Венгрии, идентичные позднеямным захоронениям в бассейне Нижнего Днепра, Нижнего Дона и Нижней Волги[96]. Их отличает ряд признаков: это мужские захоронения в глубоких ямах; в могилах имеются деревянные постройки-«домики» с кровлей из дубовых или березовых балок; полы покрыты деревянным настилом, лыком или золой; стены обвешаны коврами или другими ткаными материалами; покойники в основном уложены головой к западу, на спину, ноги поджаты – в более поздних захоронениях они лежат на боку (рис. 10-33, 10-34). Тела посыпаны охрой. Над могилами возводили круглые невысокие курганы (как правило, не более 1 м в высоту); вокруг них – каменные кольца или канавы. В отличие от северопонтийской культуры михайловка I, для этого архитектурного комплекса не характерны каменные цисты, ортостаты и стелы. Погребальный инвентарь в целом скуден, однако знатные мужчины снабжались молоточковидной булавкой из меди или кости, круглой медной пластиной, спиральными кольцами для волос или серьгами из серебра или меди, кубками с шнуровым или гравированным орнаментом, цепочками или ожерельями из медных проволочных трубочек и собачьих зубов, кремневыми наконечниками стрел, черешковыми кинжалами из мышьяковистой меди или кремня, шильями и плоскими топорами из камня или меди. Многие находки подтверждают, что здесь совершались жертвоприношения людей и животных. Среди жертвенных животных – лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, олени, кабаны и собаки.

Хронология

Один из самых содержательных источников информации о Северном Причерноморье – нижнеднепровское городище Михайловка с тремя слоями культурных отложений. Самый нижний слой (Михайловка I) относится к ранней фазе майкопской культуры; затем последовал перерыв, а после – два слоя ямной культуры (Михайловка II и III)[97]. Двухметровые каменные стены принадлежат слою Михайловка III. Кроме того, для слоев ямной культуры характерны бронзовые и кремневые кинжалы (рис. 10-35) и высокие кубки с закругленным основанием, украшенные горизонтальными шнуровыми оттисками, гребенчато-штампованным орнаментом из «селедочных скелетов» и шнуровыми или резными цепочками бороздчатых треугольников. Помимо кубков, здесь также имелись чаши, блюда и жаровни на трех или четырех ножках. Этот тип керамики также присутствует в захоронениях ямной культуры на Нижней Волге.

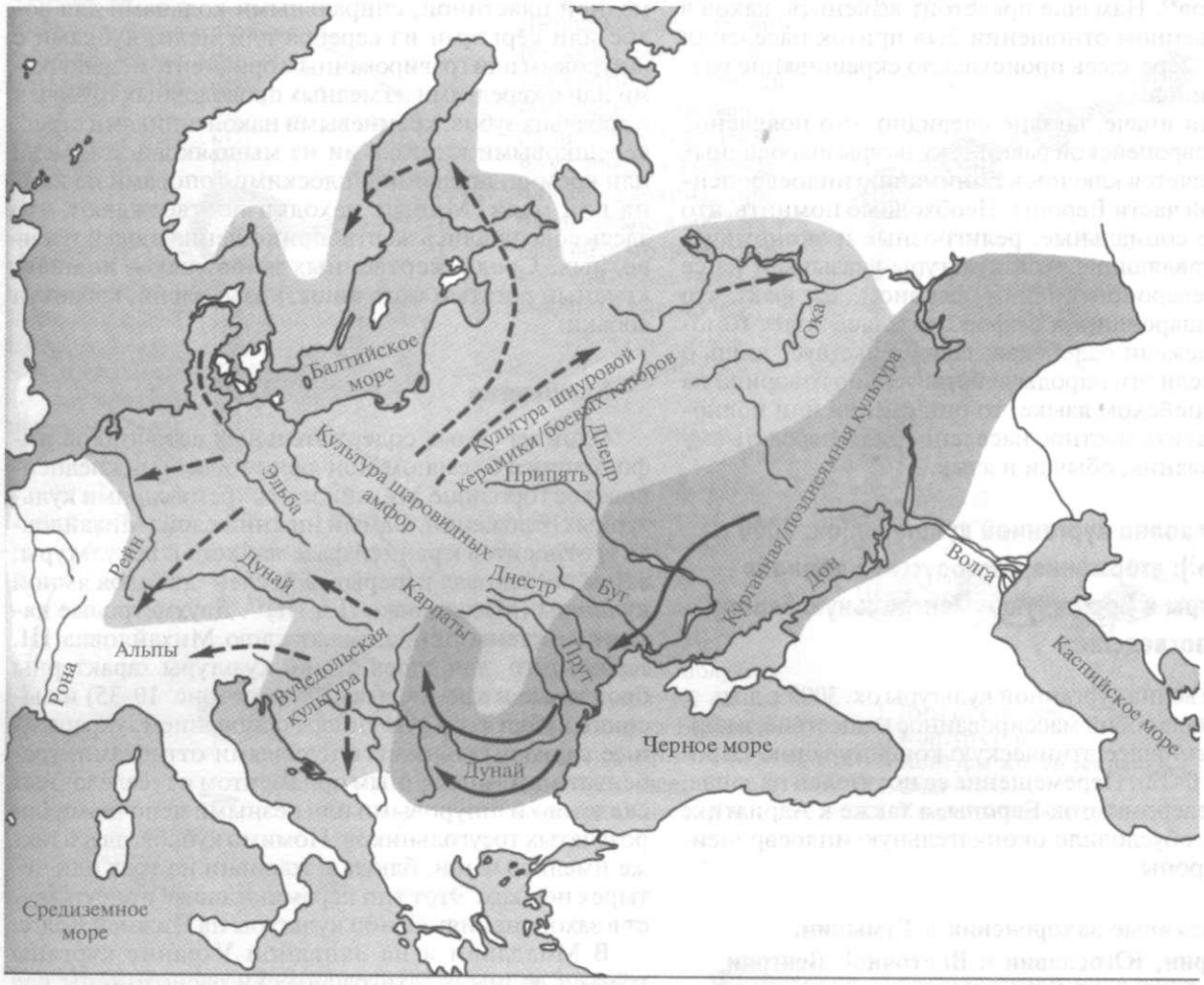
В Молдавии и на Западной Украине курганы третьей волны стратиграфически расположены над поселениями и захоронениями культуры усатово-фолтешты. Большая часть откорректированных радиоуглеродных датировок захоронений ямной культуры Западного Причерноморья попадает на период сразу после 3000 г. до н. э. (Табл. 32).

Гробницы ямной культуры в нижнеднепровских, донских и нижневолжских степях датируются этим и более поздним периодом. Несколько более ранних радиоуглеродных датировок, полученных на Украине и в России, приведены для сравнения в Табл. 33. Хронологическая связь представляется вполне очевидной.

Физические характеристики населения

Только в Румынии было исследовано 80 скелетов из захоронений ямной культуры, что позволяет сделать некоторые заключения по поводу их антропологического типа. Носители ямной культуры в Румынии отличались высоким ростом и крепким сложением, в основном имели долихоцефальные черепа

Рис. 10-32



– Курганная культура ок. 3000–2900 гг. до н. э. и ее распространение по Восточной и Центральной Европе

– Культура шаровидных амфор и ранней шнуровой керамики до прихода третьей волны курганной культуры. Вучедольская культура и ее передвижение к западу и к югу в начале III тыс. до н. э. Стрелки указывают направление распространения

Рис. 10-32

Третья волна курганной культуры ок. 3000 г. до н. э. (или чуть позже) и ее последствия. Поздняя культура шаровидных амфор и ранняя культура шнуровой керамики передвигаются на запад, север и северо-восток. Вучедольская культура смещается в Западную Боснию и к побережью Адриатики и в конечном итоге достигает Пелопоннеса.

Рис. 10-33

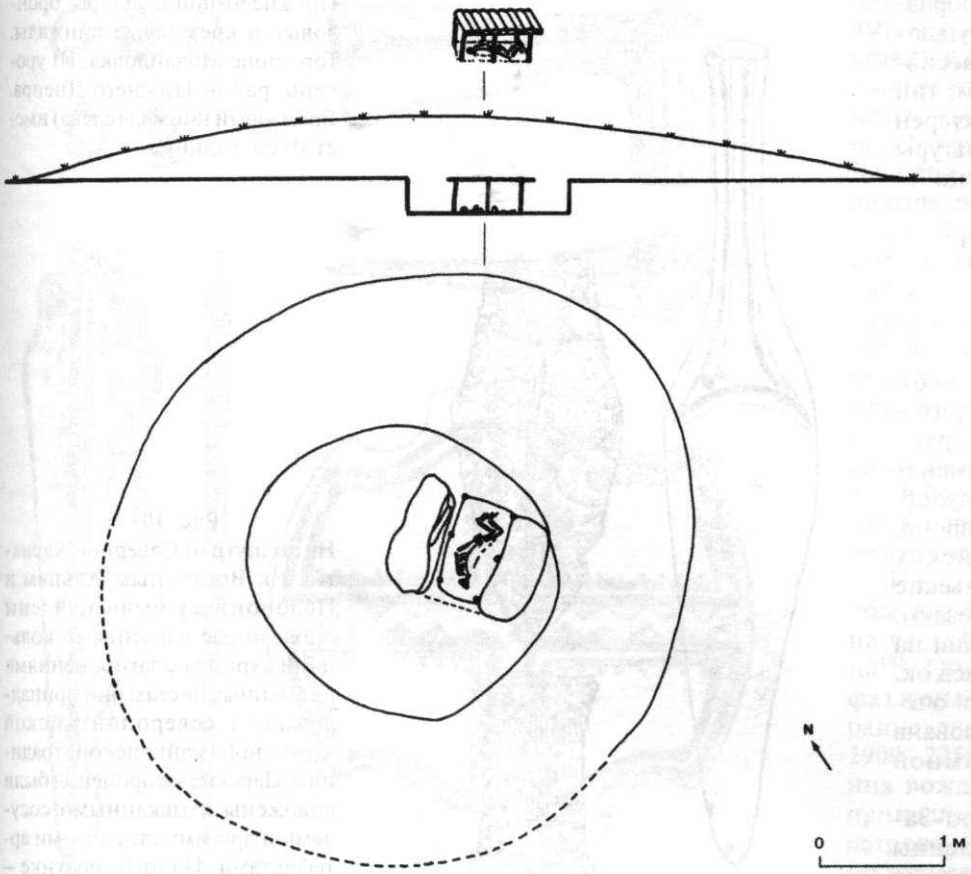


Рис. 10-33
Третью волну курганной культуры можно проследить по огромному количеству невысоких курганов, под которыми находятся могильные ямы (отсюда название культуры – «ямная») и деревянные постройки. План и поперечный разрез кургана «ямного» типа из Северной Югославии (Войновица, г. Панчево к востоку от Белграда). Деревянный «домик мертвых» в могильной яме имел 6 деревянных столбов, которые поддерживали поперечные балки, пол был покрыт деревянным настилом. В «домике мертвых» находились останки мужчины, который лежал на правом боку в скорченной позе, головой на запад. У его головы найдено два серебряных кольца для волос. Ок. 3000–2900 гг. до н.э.; диаметр кургана 8 м.

Рис. 10-34

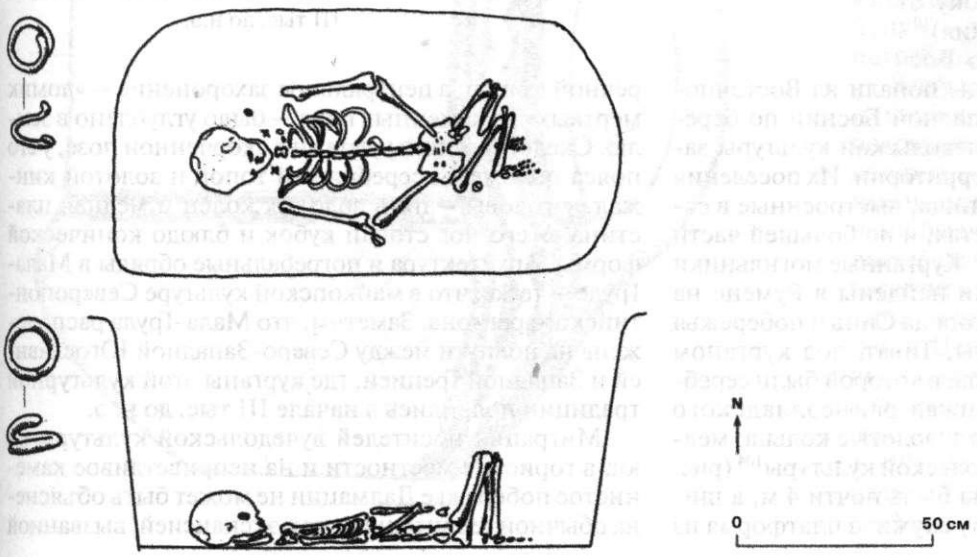


Рис. 10-34
Захоронение (вид сверху и сбоку) из кургана ямной культуры в Юго-Западной Югославии. Скелет с поджатыми ногами лежал на спине. У его головы найдены две золотые серьги и красная охра. Пленица у г. Крайова, Южная Румыния. Ок. 3000–2900 гг. до н.э.

средней высоты с закругленной затылочной частью, разнообразный лицевой скелет, с выступающей носовой областью и массивной нижней челюстью[98]. Этот тип соответствует тому, что характерен для захоронений ямной культуры на Украине и в Южной России[99].

Последствия для Балкан и Греции: смещение вучедольской культуры на северо-запад и юг

Перемещение вучедольской культуры от центральных территорий ареала к пограничным районам вызвало серьезные изменения на всем Балканском полуострове, как и в Центральной Европе. Из Венгрии и из придунайских областей Югославии вучедольские поселения практически исчезают. По всей видимости, миграция на северо-запад и на юг началась ок. 3000–2800 гг. до н. э., будучи очевидным образом спровоцирована наступлением с востока ямной культуры.

В Центральной и Северо-Западной Богемии новопоселенцы основали целый ряд городищ, одно из которых дало имя всему комплексу – рживнак: это поселение в 9 км к северо-западу от Праги, раскопанное в 1882–1884 гг.[100] Основным источником информации об этой культуре является городище Гомолка к северо-востоку от Кладно (Центральная Богемия)[101].

Рис. 10-35

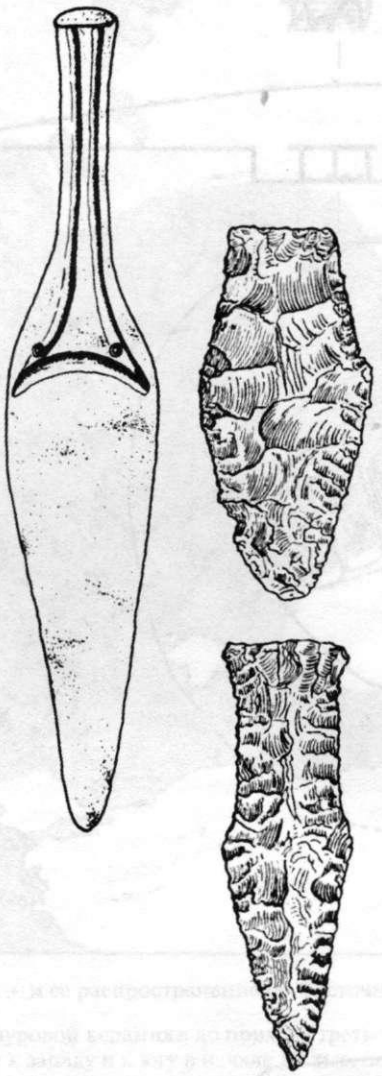


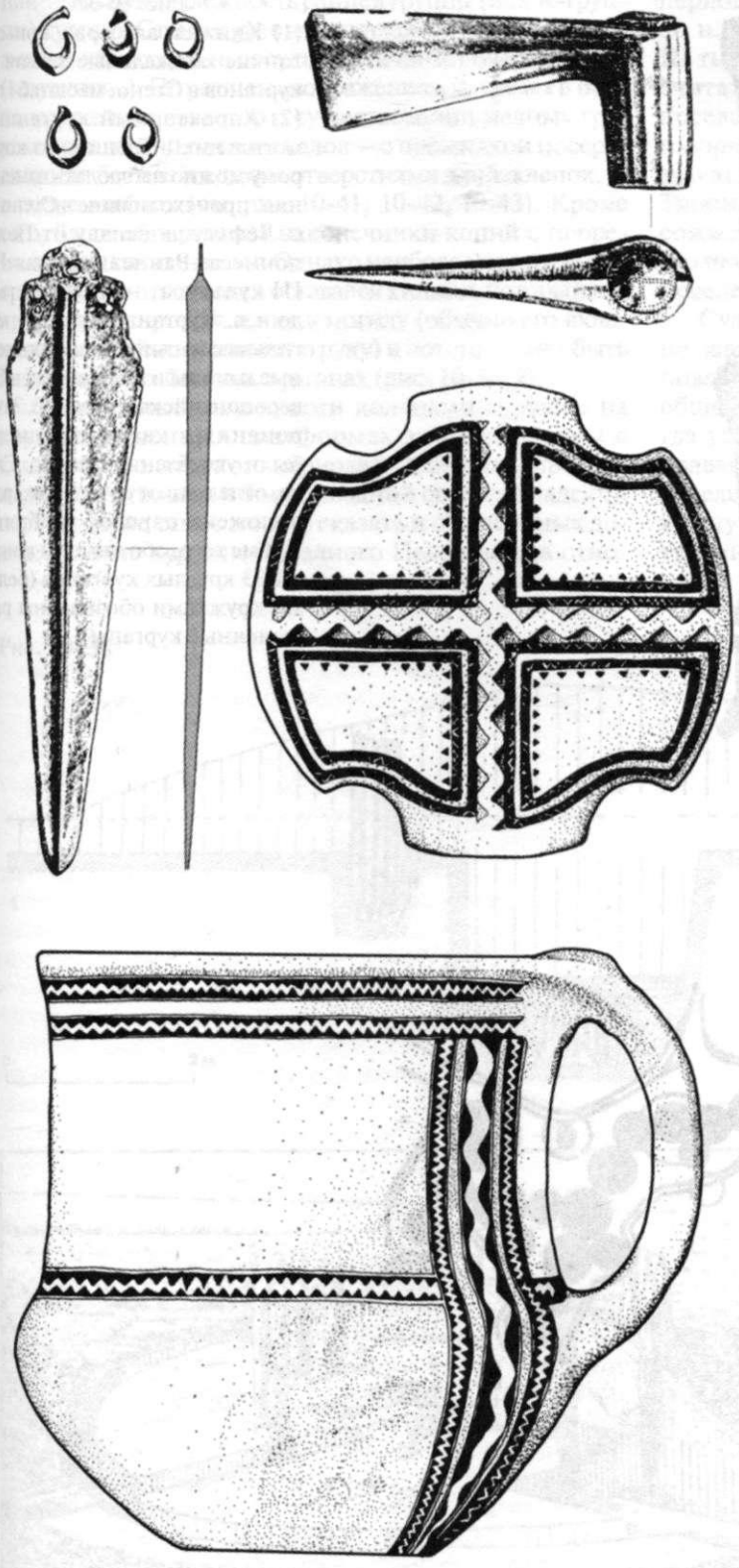
Рис. 10-35
Оружие ямной культуры: бронзовые и кремневые кинжалы. Городище Михайловка, III уровень, район Нижнего Днепра. Бронзовый кинжал (слева) имеет 19 см в длину.

Рис. 10-36
На полпути от Северной Адриатики к Восточным Альпам и Пелопоннесу были найдены опоясанные каменными кольцами курганы с захоронениями в каменных цистах: они принадлежали к северопонтийской курганной (майкопской) традиции. Царские захоронения были снабжены изысканными сосудами и другими статусными артефактами. На этом рисунке – погребальный инвентарь из царского кургана в Мала-Груде, Тиват, побережье Адриатики: золотые кольца и кинжал, серебряный топор, кубок и блюдо с инкрустированным узором вучедольского типа. Начало III тыс. до н.э.

В Далмацию, Западную Боснию и Албанию переселенцы попали из Восточно-альпийского региона. В Западной Боснии по берегам реки Сана носители вучедольской культуры заняли прежде необитаемые территории. Их поселения в этих новых местах – городища, выстроенные в естественно защищенных местах, и по большей части труднодоступные пещеры[102]. Курганные могильники с каменными цистами были найдены в Румене на реке Цетина неподалеку от города Синь и побережья Адриатики[103]. У Мала-Груды, Тиват, под курганом обнаружена царская гробница, в которой были серебряный топор, золотой кинжал раннеэлладского II типа (2900–2500 гг. до н. э.), золотые кольца, медная пластина и сосуды вучедольской культуры[104] (рис. 10-36). Высота этого кургана была почти 4 м, а ширина – 30 м. Основанием ему служила платформа из речной гальки, а центральное захоронение – «домик мертвых» из каменных плит – было углублено в землю. Скелет мужчины уложен в скорченной позе, у его пояса положены серебряный топор и золотой кинжал, у головы – пять золотых колец и медная пластина. У его ног стояли кубок и блюдо конической формы. Архитектура и погребальные обряды в Мала-Груде – те же, что в майкопской культуре Северопонтийского региона. Заметим, что Мала-Груда расположена на полпути между Северо-Западной Югославией и Западной Грецией, где курганы этой культурной традиции появились в начале III тыс. до н. э.

Миграция носителей вучедольской культуры на юг, в гористые местности и на неприветливое каменистое побережье Далмации не может быть объяснена обычной территориальной экспансией, вызванной

Рис. 10-36



ростом численности населения. Ее причиной было вторжение носителей ямной культуры на территорию Югославии и Венгрии. Об этом красноречиво свидетельствует заселение ряда пещер как на континенте (Груштовача, Дабар-Печина, Зелена-Печина в Далмации и Герцеговине), так и на адриатических островах (Грапчева-Спиля на о. Хвар, Ямина-Среди на о. Крес, Вела-Спиля на о. Корчула). Многочисленные материалы с о. Лефкас и Северо-Западного Пелопоннеса указывают на то, что носители курганной культуры, прибывшие в Грецию (возможно, через Албанию и Адриатику) в начале III тыс. до н. э., были потомками индоевропеизированных обитателей Восточной и Центральной Европы, т. е. представителями баденско-вучедольской культуры.

Прекрасный образец перемены в обычаях Греции – могильник Стено на о. Лефкас, куда входят 33 кургана[105]. Они представляют несколько фаз культурного развития, начиная с раннеэлладских II и III периодов (ок. 2900–2250 гг. до н. э.); погребенные в них вожди и воины, скорей всего, принадлежали к правящей династии острова. Самый древний и большой по размерам курган обнесен каменной стеной и стоит в стороне от других (рис. 10-37.2); его погребальная камера необычайно просторна и хорошо сделана, а стены сложены из больших круглых камней. В ней найдены скелеты мужчины и женщины, а посреди пепла – остатки овцы и ягненка, – по всей видимости, следы погребального пиршества.

В других древних курганах были ингумационные шахтовые захоронения, покрытые каменными плитами, поверх которых возведены каменные и земляные насыпи. В ряде случаев под курганами были каменные цисты. Этот тип погребальной архитектуры и обычаев восходит к традициям майкопской культуры, распространившейся по Восточной и Центральной Европе вместе со второй волной курганной культуры. Их аналоги – великолепные курганы к северо-западу от Черного моря (см. рис. 10-10), тарнавские курганы Северо-Западной Болгарии (см. рис. 10-11) и курган Белотич в Сербии. Кроме того, близ-

Рис. 10-37

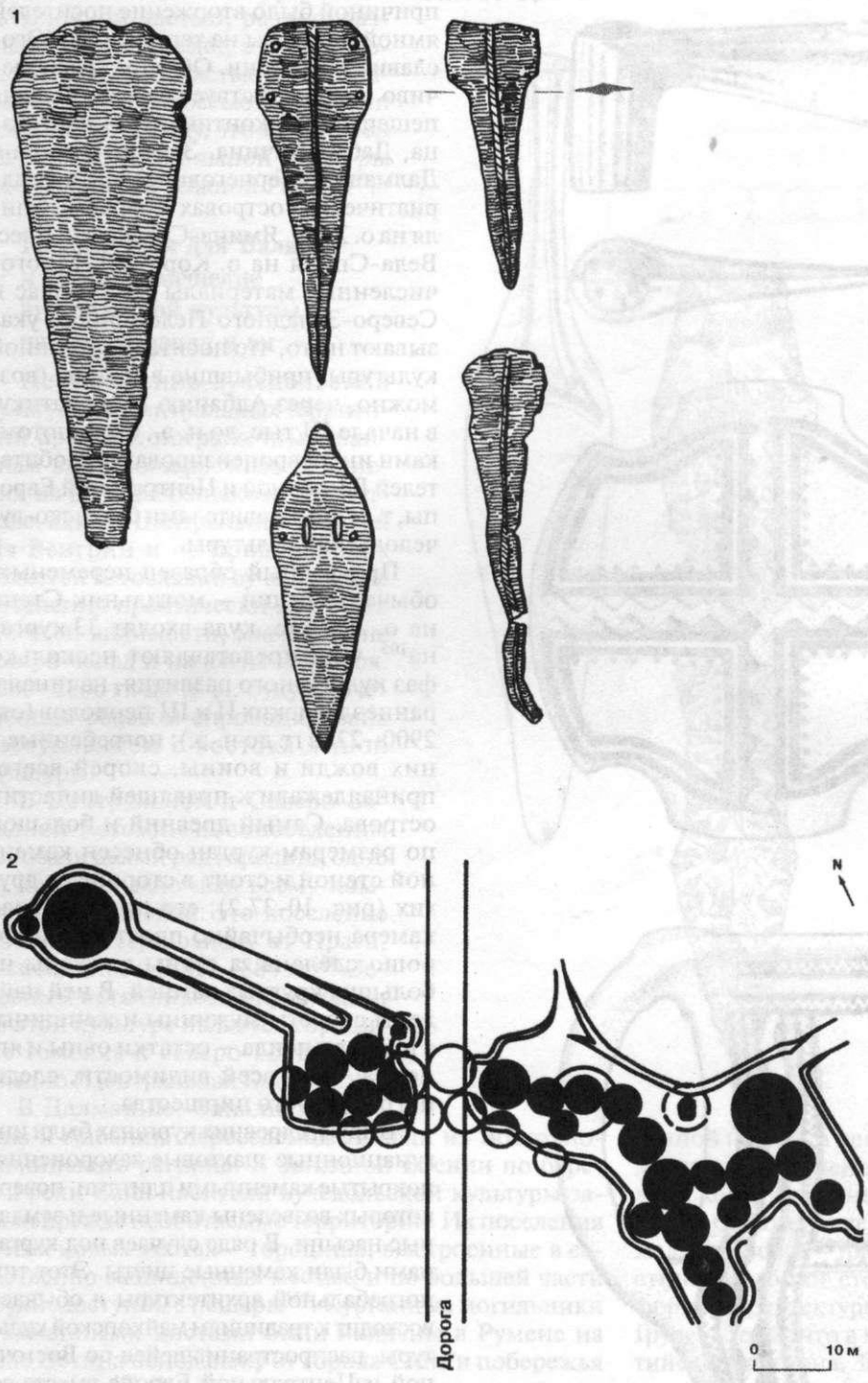


Рис. 10-37

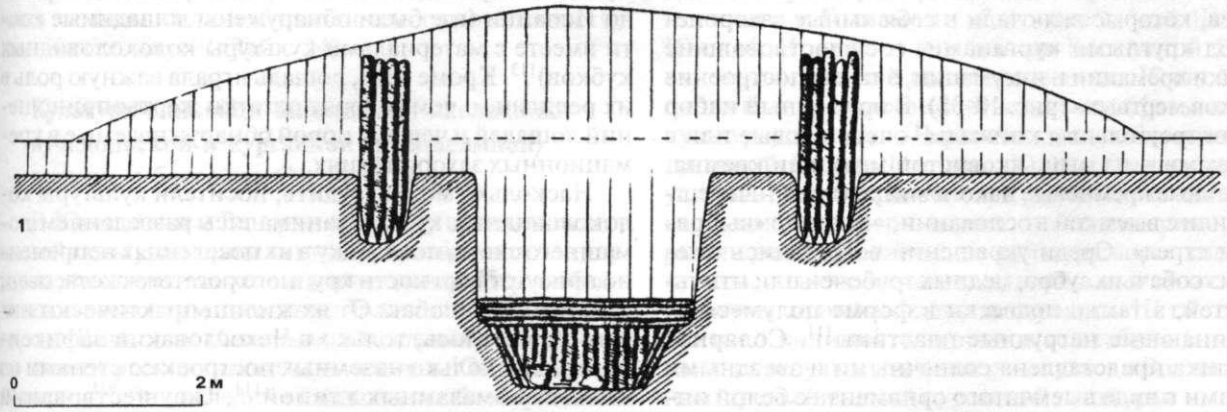
(1) Кинжал, алебарда, копье и тонкие кинжальные лезвия из курганов в Стено, масштаб 1 : 2. (2) Характерный курганный могильник в Греции, по которому можно наблюдать изменения, происходившие в Стено на о. Лефкас, к западу от Пелопоннеса. Раннеэлладская II–III культура, начало III тыс. до н. э. Курганы (круглые могильные насыпи) имели каменные каирны и кольца, как в Северопонтийском регионе. Захоронения в каменных цистах были углублены в землю. Слева, отдельно от остальных, расположена царская гробница. Кроме того, обозначены контуры 33 круглых курганов (белыми кружками обозначены разрушенные курганы).

кие аналоги им можно найти в Албании[106] и Далмации[107]. На принадлежность ранней группы (или R-группы) кургана Стено к раннеэлладскому II периоду указывают характерные сосуды с птичьими очертаниями («соусники»). По резным изображениям на стелах в Валкамонике нам известно о существовании медных треугольных лезвий для кинжалов – с прожилкой посередине или без нее и с двумя отверстиями для заклепок, – а также алебард (см. рис. 10-41, 10-42, 10-43). Кроме того, были обнаружены наконечники копий с прорезями и тонкие кинжалы. Однако наиболее престижным оружием знатных людей оставался кинжал, который непременно сопровождал их в могилу (обычно его вкладывали покойнику в правую руку) и потому может быть найден во всех богатых курганах (рис. 10-37. 2).

Окруженные каменными кольцами курганы на круглых каменных платформах зафиксированы с конца раннеэлладского периода в Олимпии и продолжали существовать в более поздний среднеэлладский период; то же самое можно сказать и об апсидных домах. Многие курганы Западного Пелопоннеса относятся к раннеэлладскому III или среднеэлладскому периоду, т. е. ко второй половине III – началу II тыс. до н. э.[108] По всей видимости, к середине – концу III тыс. до н. э. традиции курганной культуры можно считать уже прочно устоявшимися. Разрушенные поселения раннеэлладского II периода в Арголиде говорят о том, что здесь имел место насильственный захват. Следы разрушений также заметны в Лерне, Тиринфе, Асине, Зигуриесе и Агиос-Космасе. Так, сожженный дом Тила в Лерне не был отстроен, вместо него появились апсидные дома и изменился план поселения[109].

Судя по всему, завоевание Греции было аналогично завоеванию Восточной и Центральной Европы и повлекло за собой кардинальное изменение базовой общественной структуры и системы управления, когда укрепленные городища стали местом обитания правящего класса. Изучение антропологических типов населения показывает, что группы воинов курганной культуры были не слишком многочисленными и что туземные жители не были подвергнуты истребле-

Рис. 10-38



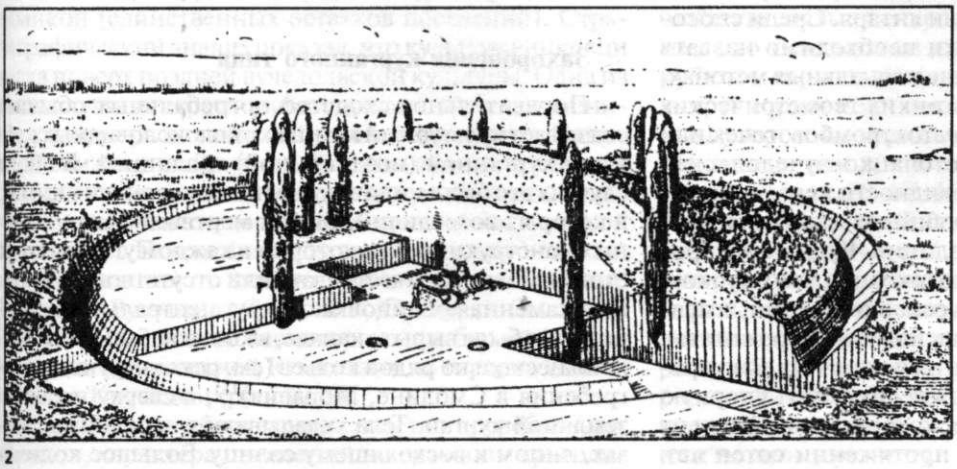


Рис. 10-38
Курганы культуры колоколовидных кубков в Центральной и Западной Европе являются продолжением погребальной традиции курганной культуры. (1) Поперечный разрез кургана с окруженной изгородью могильной ямой. Смолин у г. Бржецлав, Моравия. (2) Курган культуры колоколовидных кубков; лежащий в центре в скорченной позе скелет окружен деревянными столбами. Лангедийк, Фрисландия, Нидерланды. Диаметр курганов (1) 11 м; (2) 9 м.

нию[110]. Завоеватели приходили малыми отрядами и силой утверждались в качестве правящего сословия.

Последствия для Западной Европы: носители культуры колоколовидных кубков – амальгамы ямной и вучедольской культур в бассейне Среднего Дуная – и их исход на запад

Западноевропейская культура колоколовидных кубков, в 2500–2100 гг. до н. э. распространившаяся по территории между Центральной Европой, Британскими островами и Иберийским полуостровом, не могла возникнуть на пустом месте. Эти подвижные племена конных воинов, которые погребали своих покойников в курганах того же типа, что представители ямной культуры, не могли быть потомками какой-либо из западноевропейских культур. Необходимо понять, какова была породившая их природная и идеологическая среда и где следует искать источник их погребальных обычаев и атрибутов. По моему мнению, в культуре колоколовидных кубков сочетались элементы курганной (позднеямной) и вучедольской традиций.

Особую соотнесенность этих комплексов – ямного, поздневучедольского и культуры колоколовидных кубков – можно проследить на примере погребальных обычаев, которые включали в себя ямные захоронения под круглыми курганами, сосуществовавшие практики кремации и ингумации, а также построение «домиков мертвых» (рис. 10-38). В оружейный набор входили треугольные кинжалы – черешковые или с заклепками – из мышьяковистой меди или кремня, треугольные кремневые наконечники стрел – черешковые или с выемкой в основании, – а также «выпрямители стрел». Среди украшений встречались ожерелья из собачьих зубов, медных трубочек или птичьих костей, а также подвески в форме полумесяца, напоминающие нагрудные пластины[111]. Солярная символика представлена солнечными и звездными мотивами в виде выемчатого орнамента с белой инкрустацией, которые фигурируют на внутренней стороне жаровен или могут быть вырезаны на пуговицеобразных бусинах из кости или янтаря. Среди способов декорирования керамики необходимо назвать штамповку или прочерчивание в зональных метопах, инкрустацию белой пастой тонких геометрических мотивов, зигзагов, черточек, сеток, ромбов, точек или окружностей (баденско-костолацко-вучедольская традиция). Некоторые разновидности керамики, такие как присутствующие в гробницах жаровни и кубки, пришли из курганной традиции. Куда бы ни проникали носители культуры колоколовидных кубков, они сохраняли свое керамическое искусство, имевшее непосредственное отношение к их верованиям. Лишь ритуальная значимость их исключительно красивых однотипных кубков может объяснить упорную приверженность этой форме, которую они, вдали от родных мест, сохраняли на протяжении сотен лет. Связи между культурой колоколовидных кубков, ямной и вучедольской прослеживаются в их вооружении, нарядах, погребальных обрядах, формах веры в загробное существование и в используемой ими символике и говорят об очень многом. Можно предположить, что культурный комплекс колоколовидных кубков сформировался при слиянии ямных и вучедольских традиций, произошедшем после вторжения носителей ямной культуры в ареал вучедольской культуры, т. е. где-то через 300–400 лет после 3000–2900 гг. до н. э.

Конные воины и скотоводы

Обнаруженные в ряде поселений лошадиные кости объясняют секрет мобильности носителей культуры колоколовидных кубков. Как показало изучение останков животных в будапештских поселениях (Цепел-Холландиут и Цепел-Харош), главенствующее место среди домашних животных занимала лошадь, поскольку ее кости составляют более 60% от общего количества останков животных[112]. Судя по всему, в Карпатском бассейне шел активный процесс доместикации лошади. Всадники культуры колоколовидных кубков доходили от Центральной Европы до Испании (где были обнаружены лошадиные кости вместе с материалами культуры колоколовидных кубков)[113]. Кроме того, лошадь играла важную роль в их религии, о чем говорят остатки жертвоприношений лошадей и черепа, порой обнаруживаемые в кремационных захоронениях.

Насколько можно судить, носители культуры колоколовидных кубков занимались разведением домашнего скота, поскольку в их поселениях непременно присутствуют кости крупного рогатого скота, овец, коз, свиней и собак. От их жилищ практически ничего не осталось, только в Чехословакии зафиксировано несколько наземных построек со стенами из кольев, обмазанных глиной[114]. О существовании местной металлургии говорят литейные формы из песчаника для изготовления кинжалов.

Захоронения курганного типа

Поразительное сходство погребальных обычаев связывает культурный комплекс колоколовидных кубков с курганной (позднеямной) традицией. В обоих случаях это были индивидуальные захоронения в ямах, в которых возводили «домики мертвых» разнообразных конструкций: у некоторых в каждом углу было по столбу, могла наличествовать или отсутствовать кровля и каменная облицовка. Вокруг центрального захоронения была вырыта канава, в которой было установлено несколько рядов кольев (см. реконструкцию погребения в Смолине, Моравия)[115], а сверху насыпан земляной курган. Тела укладывали в скорченных позах, лицом к восходящему солнцу. Большое количе-

ство детских полусожженных или расчлененных останков могут быть интерпретированы не как обычные захоронения, а как следы жертвоприношений. От вучедольской культуры здешнее население унаследовало обычай кремации; так, в Венгрии кремационные захоронения составляют почти 90% от всех захоронений культуры колоколовидных кубков.

Количественный анализ погребальных материалов говорит о том, что общественное устройство культуры колоколовидных кубков приближалось к сословному[116]. Из них можно выделить три: сословие воинов (или правителей), ремесленников и простолюдинов (крестьян). Богаче всего могилы взрослых мужчин. Среди погребального инвентаря показателями статуса являются серьги, пуговицеобразные янтарные, гагатовые и золотые бусины, поясные кольца и оружие.

Хронология

Большая часть радиоуглеродных датировок, полученных в западноевропейских поселениях культуры колоколовидных кубков, относятся к XXV–XXI вв. до н. э., и лишь несколько – к периоду до середины III тыс. до н. э. Самая ранняя датировка была получена в ямном жилище будапештского поселения Цепел-Холландиут[117] (Табл. 34).

Культура винковци-шамодьвар: наследники вучедольской и курганной (позднеямной) культур в бассейне Среднего Дуная

В Югославии и Венгрии на смену вучедольской и ямной культурам пришла культура, известная под двумя названиями, винковци и шамодьвар. Первое было дано по раскопкам поселения Тржница в окрестностях города Винковци (Северная Югославия)[118], второе – по имени раскопанного поселения в Юго-Западной Венгрии[119]. За последние двадцать лет было раскопано или просто зафиксировано около 150 мест, связанных с этой культурой, – городищ, курганов и ям с керамикой (единственных остатков поселений). Стратиграфический анализ показал, что культура винковци легла поверх поздней вучедольской культуры. Одна из самых лучших стратиграфий представлена поселением, которое располагалось на высоком плато в Пецине поблизости от Врдника. Там ямы культуры винковци были выкопаны в позднем слое вучедольской культуры, за которым следовал слой баденско-костолацкой культуры[120]. Поселения культуры винковци-шамодьвар встречаются от Западной Венгрии до Словакии, Западной Румынии, Славонии, Среме, от Западной Сербии и Боснии до Черногории и от бассейна реки Морава в Центральной Югославии до городов Светозарево и Крушевац (рис. 10-39).

Несмотря на абсолютное сходство погребальных обрядов, характера поселений и керамики, археологи до нынешнего времени не связывали культуру винковци-шамодьвар с культурой колоколовидных кубков. Однако трудно найти причину, по которой эти группы следует рассматривать как две отдельные и независимые друг от друга культуры. Их ассортимент керамических изделий унаследован от предшествовавшей им в Югославии и Венгрии культуры вучедол-мако.

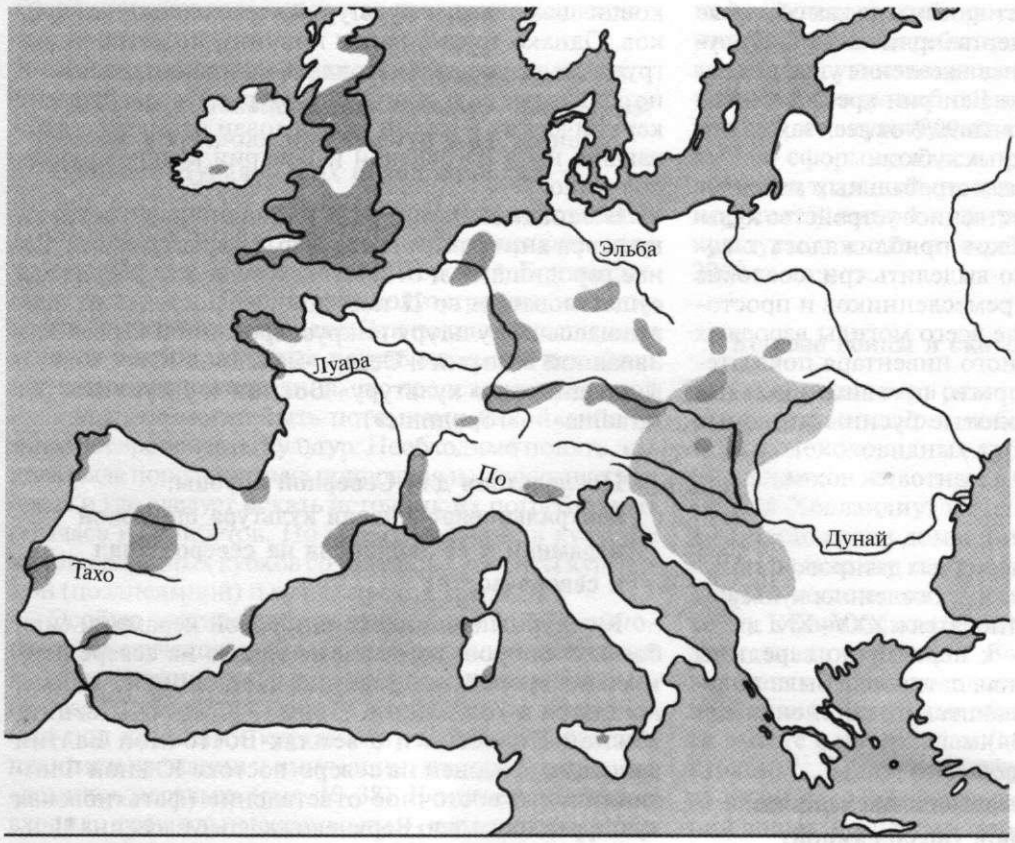
В Западной Венгрии и в Западной Югославии культура винковци-шамодьвар, с характерными для нее городищами и отсутствием теллей, продолжала существовать и во II тыс. до н. э., постепенно превращаясь в «культуру инкрустированной керамики» Западной Венгрии и Северо-Западной Югославии и в «градинскую культуру» Боснии и Далмации (от «gradina» – «городище»).

Последствия для Северной Европы: центральноевропейская культура шнуровой керамики и ее экспансия на северо-запад и северо-восток

Культурный комплекс шнуровой керамики (или боевых топоров) известен не только на севере центральноевропейской равнины в Германии и Польше, но также в Голландии, Дании, Южной Швеции, Южной Норвегии и в землях Восточной Балтии вплоть до лежащей на северо-востоке Южной Финляндии; его восточное ответвление (фатьяновская культура) достигало Верхневолжского бассейна Центральной России (см. рис. 10-32). Согласно радиоуглеродным датировкам, его распространение на северо-запад и северо-восток, по территориям, которые перед этим занимала культура воронковидных кубков, а также неманская, нарвская и волосовская культуры, произошло еще до середины III тыс. до н. э. По всей видимости, крупномасштабная миграция явилась результатом нового импульса с Востока, данного третьей волной курганной культуры.

По всей территории данной культуры погребальный инвентарь древнейшей фазы обнаруживает близкую связь с центральноевропейскими аналогами. Его основными характеристиками являются кубки с горизонтальным шнуровым орнаментом вокруг горловины, шаровидные амфоры с радиальным узором по плечикам, кремневые топоры, резцы, лезвия или осколки и каменный боевой топор (тип А)[121] (рис. 10-40). Именно поэтому древнейшую фазу называют «общеевропейским горизонтом». Другой общей чертой данной культуры являются захоронения в деревянных или каменных «домиках мертвых» под низкими земляными насыпями. Удивительное единообразие, характерное для всех территорий, где были обнаружены захоронения культуры шнуровой керамики, – сильный довод в пользу предположения о ее одновременном распространении по этому региону.

Рис. 10-39



– Распространение поселений культуры колоколовидных кубков по Центральной и Западной Европе.

– Вероятная «родина» данной культуры (ареал распространения поселений культуры винковци-шамодьвар)

Рис. 10-39
Ареал распространения поселений культуры винковци-шамодьвар, возможная родина культуры колоколовидных кубков середины III тыс. до н.э. Более темными пятнами обозначены районы распространения культуры колоколовидных кубков по Западной Европе.

Социальное неравенство и привилегированное положение мужчин в Северо-Западной и Северо-Восточной Европе

Социальная структура носителей ранней культуры шнуровой керамики в равной мере связана с культурой шаровидных амфор и с ямной культурой днепро-волжских степей. Под ее древнейшими курганами находят только мужские скелеты и одно центральное захоронение в ямном «домике мертвых», которого, вероятно, удостаивались особо знатные мужи. Обычно, помимо первоначального захоронения, в земляных насыпях делали несколько дополнительных могил, что говорит о существовании по крайней мере двух социальных категорий. Любопытно, что вырытые в кургане могилы более многочисленны, нежели те, над которыми он был возведен. Более низкое сословие также представлено мужскими скелетами. Нам практически ничего не известно о женских или детских захоронениях этого периода. В более позднюю эпоху могилы культуры шнуровой керамики демонстрируют обычный процент женских и детских захоронений.

Физические характеристики

Кем были носители культуры шнуровой керамики? Представителями новой курганной (т. е. ямной) культуры, вторгшимися с Востока? Или это – поздняя фаза развития комплекса шаровидных амфор, чьи представители оказались отброшенными к северу и северо-востоку нашествием носителей ямной культуры? Последнее кажется более правдоподобным. Культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики в равной мере сочетали в себе элементы субстрата местной культуры воронковидных кубков и некоторые черты культуры понтийских степей. В Германии и Чехословакии среди носителей культуры шнуровой керамики пре-

валировали антропологические черты носителей культуры воронковидных кубков, за исключением отдельных личностей, которые относились к степному типу[122]. Анализ скелетных материалов из Польши говорит об их степном происхождении[123]. В других местах большую часть населения составляли туземные жители – древнеевропейцы.

Хронология

Культура шнуровой керамики подразделяется на два основных периода. От первого (ок. 3000–2600 гг. до н. э., общеевропейский горизонт), в силу кочевого образа жизни его носителей, устраивавших лишь кратковременные стоянки, практически не сохранилось поселений. Изучение стоянок в Южной Польше показало, что кочевые скотоводы культуры шнуровой керамики существовали рядом с туземными земледельцами. Основной характеристикой второго периода является кристаллизация местных сообществ. Согласно радиоуглеродным датировкам, полученным из разных областей распространения данной культуры, он приходится на 2600–2200 гг. до н. э. (Табл. 35).

Протоиндоевропейская традиция в хозяйственном укладе и в обществе

Протоиндоевропейская культура, в том виде, в каком ее удается реконструировать при помощи сравнительных исследований индоевропейских языков и мифологий, а также по древнейшим историческим свидетельствам, вполне соответствует своему археологическому образу. В этом разделе я коснусь некоторых лингвистических и мифологических данных, которые имеют отношение к проблеме идентичности курганной и протоиндоевропейской традиции.

Подобно культурам, языки существуют по законам живого организма: они постоянно претерпевают изменения и то сливаются, то расходятся в разные стороны. Хотя крайним пределом для нас остается волжский неолит и энеолит VI–V тыс. до н. э., мы можем попытаться реконструировать некоторые элементы этой культуры так, чтобы они органично сочетались с лингвистическими и мифологическими данными. В период ок. 5000–4500 гг. до н. э. значительно возрастает подвижность населения и усиливаются торговые связи. Поэтому я считаю возможным предположить, что в это время, прямо перед вторжением протоиндоевропейцев в Европу, идет процесс языковой консолидации. В гипотетическом протоиндоевропейском языке нет следов доземледельческого уклада. Согласно лингвистической реконструкции, наиболее характерными чертами этой культуры являлись наличие домашних животных (в том числе и лошади), подвижность образа жизни и классовое патриархальное общество. Курганная культура V тыс. до н. э., какой она была в волжских степях и лесостепях, а также на недавно завоеванных ею землях Северного Причерноморья, во многом соответствует этой модели протоиндоевропейской культуры, реконструированной на основе лингвистических данных.

Рис. 10-40

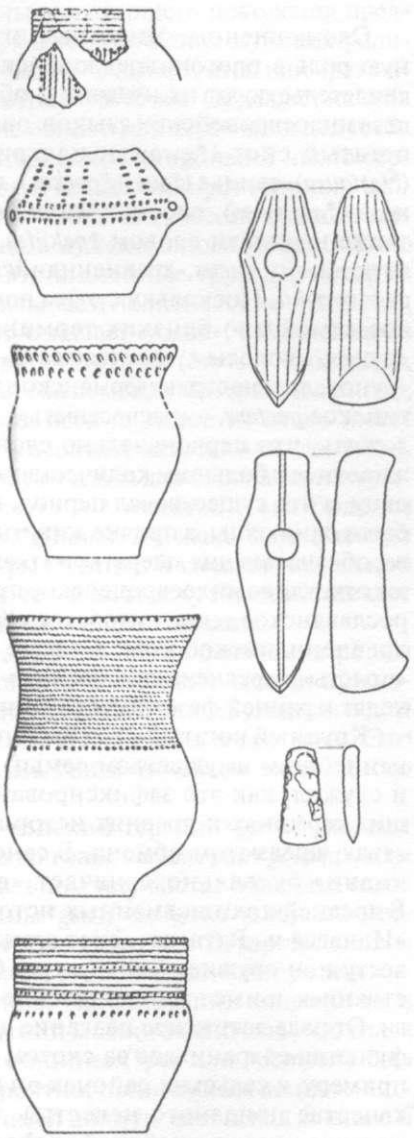


Рис. 10-40
Шнуровая керамика и топоры из «общеевропейского горизонта», Польша, начало III тыс. до н. э.; высота самого большого кубка 22 см.

Одомашненные животные

Одомашненные животные играли первостепенную роль в протоиндоевропейской культуре, о чем свидетельствуют их названия, общие для большинства индоевропейских языков: овца (**owis*), крупный рогатый скот (**gwows*), кастрированный бычок (**(s)tauro*), свинья (**sus* и **porkos*), лошадь (*ekwo-ekwa*), коза (**aigis, os*), собака (**kwon-kun-*). Коров и овец также называли словом **peku(s)*, что соответствует латинскому *pecus*, древнеиндийскому *pasu*, балтийскому *peku*. Поскольку с этим понятием связано целое семейство близких терминов со значениями «руно», «волосы», «расчесывать» (греческое *pekos* – «руно», древневерхнегерманское *fahl* – «шерсть», латинское *pectere* – «расчесывать»), то можно предположить, что первоначально слово *peku* обозначало животное с большим количеством шерсти, вероятно, овцу, и что существовал период, когда одомашнены были одни овцы, а прочие животные – еще нет. Слова, обозначающие «шерсть» и «ткачество», также имеют отчетливо индоевропейское происхождение (старославянское *влуна*, литовское *vilna*, немецкое *Wolle*, древнеиндийское *wina*; а также немецкое *weben* – «прясть» и древнеиндийское *vabh-*) и, возможно, восходят к ранней фазе доместикации животных.

Крупный рогатый скот был, по всей видимости, ценнейшим имуществом семьи, рода или племени и служил, как это зафиксировано в соответствующих терминах и древних исторических свидетельствах, предметом обмена. В санскрите слово «господин» буквально означает «властелин скота». В древнейших письменных источниках, таких как «Илиада» и «Ригведа», скот служил выкупом за невесту или оружие. Скот (*pecus*) был основным достоянием и имел то же значение, что для нас деньги. Отсюда латинское название денег – *pecunia*. Эта функция сохранилась за скотом вплоть до XX в. (к примеру, в сельских районах он может выступать в качестве приданого невесты). Соответствующие сюжеты индоевропейской мифологии и эпической литературы ясно говорят о том значении, которое придавали угону скота. Одомашнивание скота дало сильный толчок росту частной собственности.

Название одомашненной лошади сохранилось в латинском языке как *equos*, готском – *aihva-*, литовском – *ašva*; на основании чего его индоевропейская форма реконструирована как **ekwos* или **ekwa*. Компаративные исследования индоевропейской мифологии говорят о первостепенной роли лошади (в особенности белой) в качестве священного, жертвенного животного, воплощения божественных сил Бога сияющего неба. Археологические данные подтверждают лингвистические и мифологические сведения о ранней доместикации лошади, которая, скорей всего, имела место не позднее конца VI тыс. до н. э. Лошадь выступала в качестве жертвенного животного и животного для верховой езды: в последнем качестве она, по крайней мере с середины V тыс. до н. э., стала участницей боевых схваток. Древнейшие воины были вооружены копьями, кинжалами, луками и стрелами и, подобно историческим индоевропейцам – скифам, сарматам и другим, – умели стрелять на скаку. Культ лошади как божественного и жертвенного существа столь же древен, как и ее использование для верховой езды.

Металлургия

Лингвистам не удалось реконструировать общий термин для металлургии. Это не удивительно, поскольку представители ранней курганной (курганной I) культуры не были знакомы с этой технологией. Медные предметы попадали к ним из Древней Европы через бартерный обмен с кукутенской культурой. Металлургия была получена ими значительно позже, во второй половине IV тыс., из Закавказья; затем она попала в Северное Причерноморье и оттуда, вместе со второй волной курганной культуры, в Восточную и Центральную Европу.

Оружие

Из первоначальных индоевропейских названий разных видов оружия удалось реконструировать следующие[124]:

**(H)nsi* – режущее и рубящее оружие, «меч», первоначально – кремневый нож или кинжал (германское *xsaxsaz*, «меч», часто заменяет «нож»), древнеиндийское *asi-*, латинское *ensis*;

**keru* – «наконечник копья», «лезвие», или некоторая разновидность метательного оружия (ведическое *saru-* может означать «дротик», «стрела» или «копье»; германский эквивалент – **xeruz*);

**Eengh-es-u* – «копье», колющее оружие; и **ghaiso-s* – «метательное копье» (источник древнеирландского *gae*, протогерманского **zaizas*, древнеиндийского *hesas*, «метательный снаряд»);

**taqso-m* – «лук»; греческое *tokson*, персидское *taxs*, латинское *taxus*;

**isu-* – стрела (наконечник стрелы);

**gwiH* – «тетива лука» (древнеиндийское *jya*, авестийское *jya*, литовское *gija*, «нить», «сухожилие»);

**Aek-on* – «камень для пращи»;

**Aek-mon-* – каменный топор.

Эти слова говорят о раннем использовании оружия, что подтверждается археологическими данными (см. рис. 10-2, 10-4, 10-7, 10-35, 10-41, 10-42, 10-43, 10-45, 10-46).

Средства передвижения

Мобильность являлась одной из основных характеристик протоиндоевропейцев: благодаря верховой

езде курганная культура была очень подвижна. Реконструированное протоиндоевропейское обозначение повозки имеет корневую форму **wegh* (немецкое *Wagen*, литовское *vežimas*, польское *wóz*). Поддаются реконструированию и отдельные ее части: колесо – **rotha* (литовское *ratas*, немецкое *Rad*, древнеиндийское *rathah*, «колесница», латинское *rota*); ось – **ak'sis*, *lynch* **pin* (*tulis* в литовском, греческом и германском языках); и ярмо – *yugom* (что точно подтверждено). Производные от корня *wegh-* связаны с подниманием, переносом, поднятием при помощи рычага и ездой на санях. Это может означать, что первоначально «повозка» использовалась для подъема тяжестей, в частности, при помощи рычага, или что она имела форму саней. Но даже если в первоначальном виде она и не была четырехколесной, четырехколесные повозки были известны протоиндоевропейцам начиная с курганной I культуры. На данный момент древнейшими свидетельствами существования колеса являются миниатюрные глиняные модели колес из древнеевропейских поселений (фазы кукутени А и караново VI), датирующиеся серединой V тыс. до н. э. и более поздним периодом. Обнаружить какие-либо части настоящих повозок того времени пока никому не удавалось, и вопрос о том, кто же изобрел телегу, по-прежнему остается неразрешенным.

Структура общества

Как показывают сравнительные исследования индоевропейских языков, исторические документы и данные археологии, протоиндоевропейская культура была связана с патрилинейной структурой общества и патриархальной системой власти, во главе которой стоял вождь-воин. Возраст был определяющим фактором его признания, тем более что он, по-видимому, играл активную роль лишь в тяжелые времена, когда требовалась повышенная сплоченность сообщества. Браки носили экзогамный характер и заключались между малыми подвижными патрилокальными семьями, которые были частью более обширного клана или племени. Не похоже, чтобы в этот период у протоиндоевропейцев уже обособился отдельный класс жрецов. Женщины имели более низкий статус, который могло повысить лишь родство с занимающими высокое положение мужчинами. О том, какова была законная власть мужа над женой, говорят эпические тексты и правовые установления. Под влиянием индоевропейской культуры неолитические женщины утратили свой престиж и в этом новом обществе, занятом торговлей и набегами, превратились в еще один вид частной собственности.

Прекрасным доказательством патрилинейного, патрилокального и патридержавного характера протоиндоевропейского общества являются обозначения родства[125]. Филологи и лингвисты пришли к общему мнению, что индоевропейские обозначения родства и брачных связей подразумевают патрилинейную систему наследования и постбрачного обитания. К примеру, общие термины для старшего поколения предполагают доминирующее положение мужских родичей: отец – **pHte:r*; мать – **maHte:r*; отец или брат матери – **awyos*; брат отца – **pHtrwos*. Обращает на себя внимание отсутствие общего наименования для теток с отцовской и с материнской стороны. В число терминов, относящихся к поколению ровесников, входят следующие: брат – **bhraHte:r*, обозначающий широкий круг ровесников мужского пола (традиционно образовывавших патрилинейные группы, которые имели важные ритуальные и политические функции); сестра – **sweso:r*, что означает «наша», т. е. «женщина из нашего рода»; сын – **swHnws* (**swH* – «рождать», что говорит о тесной связи между матерью и сыном); дочь – **dhwgHte:r* (по всей видимости, слово имеет отношение к дойке и означает «доить» или «доярка»). Кроме того, существуют слова для обозначения мужней родни (**swekwHs* и **swekwros*), его братьев (**daHywe:r*) и сестер (**gHlows*); для жены сына (**snwsos*) и мужа дочери/сестры (**genHr*). В качестве отдельной категории выделяются вдовы (**wydh*, что означает «пустая, неполноценная»), но не вдовцы.

Аналогичных терминов для обозначения родни невесты не существует. По всей видимости, при замужестве индоевропейские женщины уходили в дом мужа, где жили рядом с его отцом и братьями. Это также может служить свидетельством экзогамного характера брака.

Протоиндоевропейский термин **pot* обозначает мужчину, стоящего во главе семьи, *patri potestas*, или вождя. О патриархальном устройстве общества говорят и парные термины **genH-os*/**genH-r*: первый описывает патрилинейную группу, с которой человек породнился при браке, второй – наиболее уважаемого члена этой группы. На основании мифологии и правовых установлений можно заключить, что глава индоевропейской общины (**pot* или **dompoti*) был деспотичным и, вероятно, полигамным воином-патриархом, который имел полную власть над жизнью и смертью членов своей семьи или клана.

Очевидно, что статус женщины был низким. Термин, означающий «выкуп за невесту», происходит от **wedh*, «вести», что, возможно, имеет отношение к движимому имуществу. Есть мнение, что женщины были «помехой» для этих подвижных, воинственных племен.

Благодаря лингвистической палеонтологии у нас есть сведения о том, в какую непосредственно структуру была встроена семья. Принадлежащий малой семье дом – **domos* (или **dreb* западных протоиндоевропейцев) входил в небольшую патрилокальную расширенную семью – **weik*. Кроме того, обитатели **weik* могли идентифицировать себя как потомков одной группы или рода, **gen*, и выбирать себе брачных партнеров из более широкой этнической или племенной общности, **teuta*.

Рост земледелия у европейского ответвления протоиндоевропейцев

В степной курганной культуре земледелие играло второстепенную роль по сравнению со скотоводческим укладом. Однако исследования лексики указывают на то, что *европейское* ответвление индоевропейцев обладало значительными познаниями в земледельческом словаре. Следовательно, рост земледелия происходил одновременно с упадком номадизма, который начался после прихода носителей курганной (майкопской) культуры в Европу, в особенности на тех территориях, где земледелие уже было тысячелетней традицией.

Протоиндоевропейцы в какой-то мере занимались земледелием. Существуют общие термины для зерна, перетирания и размола, высевания и жатвы; также широко распространено слово *mat(e)ya* – «мотыга». Чрезвычайно важно, что сохранились наименования проса (**meli*, **melyom*, **melya*); мелкой разновидности пшеницы, ползучего пырея, осоки, спельты и райграса – **puras,os*; зерновых, используемых для закваски и брожения, – **yewos*, мнж. **yewoi*. Корень *yew-* связан с группой слов, которые обозначают «литься» или «исходить», «кипеть», «бродить», «волноваться», «подниматься».

До нынешнего времени в поселениях курганной культуры Днепро-Волжского региона удалось идентифицировать только просо. Несмотря на то, что там были обнаружены каменные мотыги, кремневые лезвия для серпов и зернотерки, не было найдено ни следа пшеницы-однозернянки или эммера, ячменя, овса или ржи. Известные по нескольким поселениям крупные мотыгообразные орудия считаются примитивными плужными лемехами. Насколько можно судить, на своей родине носители курганной культуры занимались экстенсивным выращиванием травы. За исключением проса, «земляного» зерна, **yewos*, зерна для закваски, и **puris*, травы или спельты, нет никаких других наименований зерновых культур, как нет и археологических данных об их присутствии.

Общие названия для ржи, ячменя и овса обнаруживаются только у европейской ветви индоевропейских языков. Так, в славянских, балтийских, германских и кельтских языках есть слово **rughis* – «рожь». Общий корень **aw-* для обозначения овса обнаруживается в славянских, балтийских языках и в латыни. Судя по всему, «ячмень» означает «пища из зерна», во всяком случае на это указывают его латинская, германские и славянские формы: латинские *far* и *farina*; древненардское *barr* – «ячмень»; готское *barizeins* – «из ячменя»; старославянское *брашно* – «пища»; сербское *brašno* – «мука»; русское *борошно* – «ржаная мука».

Некоторые названия являются общими для всех носителей индоевропейских языков Южной Европы: бобы, горох, вика и мак одинаково именуются на латыни, албанском и греческом. Все эти растения были хорошо известны в Юго-Восточной Европе с эпохи неолита, и не исключено, что их названия были восприняты индоевропейцами. Единое название для льна, *linum*, существует в латинском, греческом, славянских, балтийских и германских языках. Название конопли – **kannabis* – сохранилось в греческом, албанском, германских, славянских и балтийских языках, но не известно у восточных носителей индоевропейских языков. Все это говорит о том, что индоевропейцы в Европе были знакомы со многими зерновыми и бобовыми культурами, льном и коноплей. Некоторые названия, будучи общим достоянием большой группы языков, вполне могут восходить к важному формативному периоду, который последовал за второй волной курганной культуры (вторая половина IV тыс. до н. э.). Насколько можно судить, бобовые культуры были восприняты новопоселенцами от древнеевропейского населения Юго-Восточной Европы. Очевидно, что земледельческий словарь индоевропейцев расширялся по мере их продвижения на запад.

Столкновение двух идеологий

Древнеевропейцы и индоевропейцы обладали диаметрально противоположными системами верований. Индоевропейское сообщество было воинственным, экзогамным, патриархальным, патрилинейным и патрилокальным, с сильной клановой организацией и иерархической структурой, где превалировало воинское сословие. Его основные божества были мужскими и изображались в виде воинов. Совершенно исключено, чтобы этот тип социального устройства мог развиться из матрилинейного, матрилокального и эндогамного общества Древней Европы. Отсюда следует, что появление индоевропейцев в Европе – не эволюция, но столкновение двух идеологий.

За исключением Эгейского и Средиземноморского региона, с набегами представителей курганной культуры в Европе оборвалась долгая древнеевропейская традиция возведения святилищ. Вместе с ней исчезли культовые предметы поразительной выделки – прекрасные сосуды, жертвенные вместилища, модели святилищ, алтари, скульптура, священные письмена. Ни в северопонтийских землях, ни в волжских степях, ни в тех частях Европы, которые во время или после эпохи миграции оказались под воздействием курганной культуры, не известно ни одного святилища, которое можно было бы напрямую связать с курганной культурой. Их отсутствие, как и отсутствие более простых алтарных построек, вполне согласуется с образом жизни скотоводов.

Новые европейские божества и символы

Древнеевропейскому культу Богини был нанесен ущерб уже при первой волне курганной культуры кон-

ца V тыс. до н. э. В Добрудже и почти по всему Дунайскому бассейну появились скипетры с конскими головами и горшки со шнуровым солярным орнаментом; однако древнеевропейская религия продолжала существовать в Эгейском и Средиземноморском регионах, в рамках кукутенской культуры Молдавии и Западной Украины, в культуре воронковидных кубков Северо-Западной и Центральной Европы, а также по всему ареалу западноевропейского неолита.

Новое изменение символики и мифологической образности произошло во второй половине IV тыс. до н. э. Тогда появились не только символические изображения солнца и лошадей, но и мужские божества в полном вооружении и с полагающимися им животными. Естественное для еще не исчезнувшего древнеевропейского населения поклонение Богине отступило на второй план. Это возникновение совершенно новой, лишенной европейских корней символической системы – сильнейший довод в пользу того, что в Центральной Европе появились новые властители со своими верованиями.

Превосходным образцом новой европейской религии с характерными для нее мужскими божествами, оружием и солярными символами являются резные каменные стелы второй половины IV тыс. до н. э., найденные в альпийских долинах, Болгарии и Румынии (их близкие аналоги следует искать в Северном Причерноморье и на Кавказе). Их символика резко отличается от той, что свойственна французским и итальянским статуям-менгирам, на которых – до их маскулинизации в бронзовом веке – была представлена совиноликая богиня. На стелах курганной культуры можно видеть солярные символы и мужскую атрибутику, в том числе кинжалы, алебарды, топоры, луки, стрелы и колчаны, пояса, нагрудные пластины, подвески в виде двойной спирали; жеребцов, оленей-самцов и козлов; телеги и тянущие плуг воловьи упряжки (рис. 10-41–10-44). Эти изображения являются основными источниками для реконструкции мифологических образов и имеют огромную ценность с точки зрения изучения материальной культуры, поскольку дают четкое представление о кинжалах с рукоятью, алебардах и топорах с рукоятью, луках, колчанах, повозках, поясах и нагрудных пластинах – всех тех предметах, которые редко можно найти в сохранном виде. Что касается изображенных на этих стелах подвесок в виде двойной спирали, нагрудных пластин, бронзовых кинжалов с треугольными лезвиями, плоских топоров и кремневых лезвий для алебард, то они также известны по могилам и кладам культур баден и ремеделло (из долины реки По).

Резные изображения на стелах дают большое количество информации о новой идеологии. Точнее, это богатейший источник для изучения древнейших форм индоевропейской символики и божественных изображений. Очень характерна и группировка символов, благодаря которой мы можем изучать их взаимосвязи. Поскольку они неоднократно появляются на более или менее антропоморфных стелах, нет сомнения, что все эти резные изображения оружия, животных и солярные мотивы действительно связаны друг с другом и что их соседство далеко не случайно.

Документально зафиксированы следующие символы: солярные знаки (окружности, солнечные диски с сиянием, окружности с группами длинных лучей), которые бывают вырезаны в районе головы; нагрудная пластина (полукруг из нескольких концентрических линий) и одна–две подвески в виде двойной спирали, расположенные на груди или рядом с солярными знаками; окружности по обеим сторонам от сияющего солнечного диска; кинжал(ы) с рукояткой (от одного до семи и более), обычно изображаемый в средней части стелы; одна или несколько алебард с древком; один или несколько топоров на рукоятке; пояса из параллельных линий (из бусин?), или зигзагов, или ромбовидного узора (из тканого материала?); четырехколесные повозки (изображенные в нижней части стелы), лук, колчан и стрелы; отпечатки ног; плуг с парой впряженных в него быков; лошади, олени-самцы и козлы.

Особенный интерес представляет содержание и связь различных групп символов. Чаще всего встречаются солярные группы: солнечный диск с сиянием, окружности по обеим его сторонам, подвески в виде двойных спиралей и нагрудная пластина. Далее, к этой группе примыкают изображения пояса, кинжала, алебарды, коня, оленя-самца, сцена пахоты и рисунок телеги. Специалистам в области компаративных исследований индоевропейской мифологии этот набор символов безусловно укажет на Бога сияющего неба, который посылает потомство и покровительствует растительности. Это божество существовало у различных индоевропейских групп, о чем говорят древнейшие исторические свидетельства и подтверждают фольклорные источники: это индийский Митра, балтийский Диевас, римские Диус Фидиус, Янус и Марс, кельтский Луг (именуемый «солнцеликим»), германский Тивиас (от **deiuos*), англосаксонский Тиу, скандинавский Тюр и Яровит-Свентовит северо-западных славян. Оно связано с утренним и дневным светом, с весенним, летним, осенним и зимним солнцем. Символами его могущества являются оружие – кинжал (или, в конце доисторического – начале исторического периода, меч), посвященные ему животные – олени-самцы и жеребцы, а также сияющая повозка, в которой он передвигается. В качестве покровителя растительности, и в первую очередь зерна, он ассоциируется с парой волов и с пахотой.

Другие сочетания и группы символов представляют других божеств индоевропейского пантеона. Так, топор, равно как и булава, лук, колчан и стрелы, являются атрибутами Бога-громовержца (рис. 10-45, 10-46).

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, на большей части стел изображен Бог сияюще-

го неба. В индоевропейской мифологии он связан с идеей верховной власти. Как можно предположить, стелы возводили, чтобы увековечить гибель каких-то важных особ, вождей или павших героев, где герой выступал в качестве заместителя божества, а его оружие становилось священным. Вторым по значению был Бог-громовержец, охотник и воин, сражающийся со злом, противник Бога смерти и подземного мира, оплодотворяющий очиститель земли. Его образ лучше всего сохранился во всех индоевропейских мифологиях. Обычай изображать мужские божества на стелах является безусловной чертой индоевропейской культуры.

Противоположные пантеоны женских и мужских божеств

Сердцевиной древнеевропейской символики является циклическое повторение таинства рождения, смерти и нового возвращения к жизни не только человека, но всего живого. Ее символы и образы концентрируются вокруг партеногенетической (самозарождающейся) Богини, единственного источника жизни. Ее могущество – в бьющих ключах и колодцах, в свете луны и солнца, в земле, во всех животных и растениях. Она – дарительница жизни и смерти, богиня возрождения и земного плодородия, рождающаяся и умирающая вместе с растительностью. Рядом с ней существуют мужские божества, однако они выступают не в качестве творцов, а в качестве хранителей дикой природы или как метафорические воплощения жизненных сил и духа растений.

Протоиндоевропейский пантеон богов был выражением общественно ориентированной и хозяйственной идеологии. Его система вполне отвечала скотоводческому/смешанно-земледельческому укладу, в котором имелось обособленное сословие правителей и воинов, приручившее лошадей и научившееся пользоваться оружием. Функции дарения жизни и смерти принадлежали здесь основным мужским божествам, которые также скакали на лошадях и пускали в ход оружие. Женские божества, такие как девы зари и солнца, не обладали творческими функциями, но играли роль невест или супруг богов. Этот культ был обращен к небу, для него был важен ход солнца, молния, гром и другие небесные феномены. Эти небесные боги блистали, как «дневное сияющее небо», и, судя по изображениям бронзового века, сияло и их оружие – кинжалы, мечи и щиты, – и их снаряжение – медные или золотые нагрудные пластины, золотые или янтарные диски, обшитые медными пластинами пояса. Индоевропейцы поклонялись быстрой стреле и копью, острому клинку. Считалось, что прикосновение топора пробуждает силы природы и служит передатчиком плодородных сил Громовержца. А ужасный черный Бог смерти и подземного мира касался обреченного на смерть воина концом своего копья, славя его как павшего героя.

Несовпадающие представления о загробной жизни

Этим культурным системам свойственны совершенно различные представления о загробном мире. Древнеевропейцы твердо верили в существование регенерационного цикла – отсюда основной мотив могильной архитектуры, «могила как

Рис. 10-41

Рис. 10-41
Изображение индоевропейского воинственного многорукого бога с алебардами. Под горлом, на груди и ниже пояса изображены кинжалы, в нижней части стелы – изображение запряженных в телегу волов. Верхняя часть не сохранилась. Каменная стела из Лагундо, Альто-Адидже, Северная Италия. Ок. 3000 г. до н.э.; высота 3 м.

Рис. 10-42

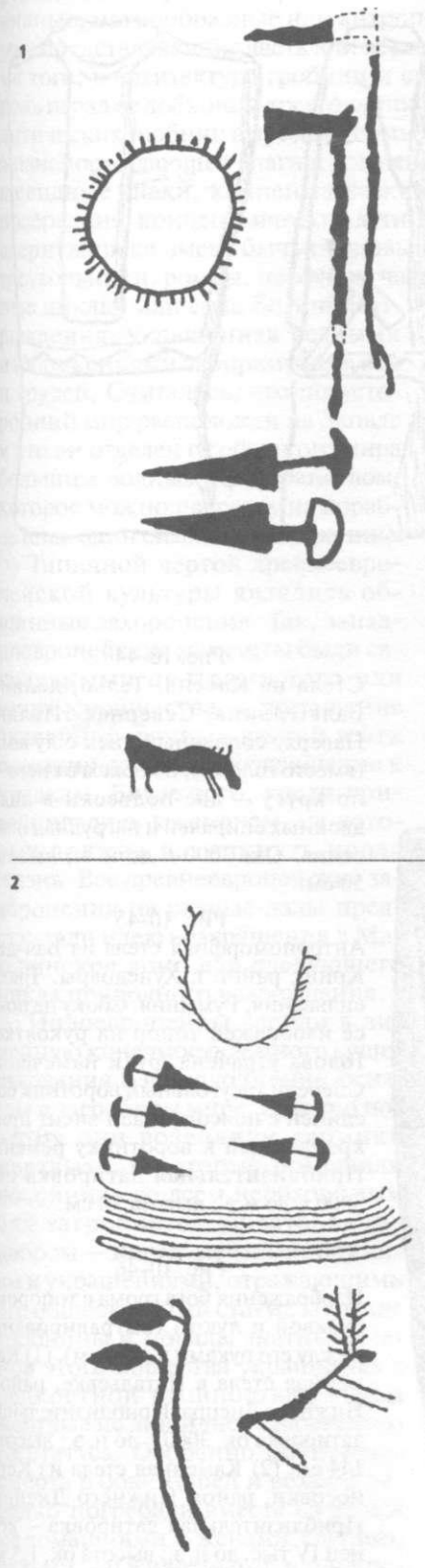


Рис. 10-42
Две композиции, выгравированные на камнях в Валькамонике, Северная Италия: солярные символы (вместо головы), алебарды, кинжалы, пояс, лошадь и олень. (1) Чеммо, высота 1,15 м; (2) Папардо, камень приблизительно 0,60 на 1,20 м. Ок. 3000 г. до н. э.

Рис. 10-43

Рис. 10-43
Стела из Баньоло, Валькамоника, Северная Италия (0,80 на 1,30 м). На ней выгравированы солнечный диск с расходящимися лучами (голова), перевернутая нагрудная пластина, возможно – символ сияния (дневного света), подвеска в виде двойной спирали (символ утреннего и вечернего света), два кинжала и два топора с длинными рукоятками, а также сцена пахоты с упряжкой волов и 7 другими животными (возможно, лошадьми, собаками или оленями). Ок. 3000 г. до н. э.

Рис. 10-44

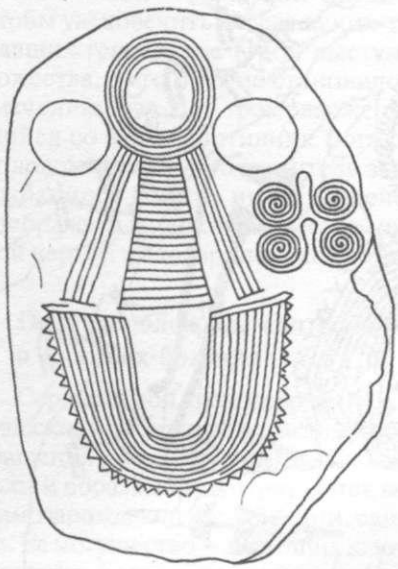


Рис. 10-45

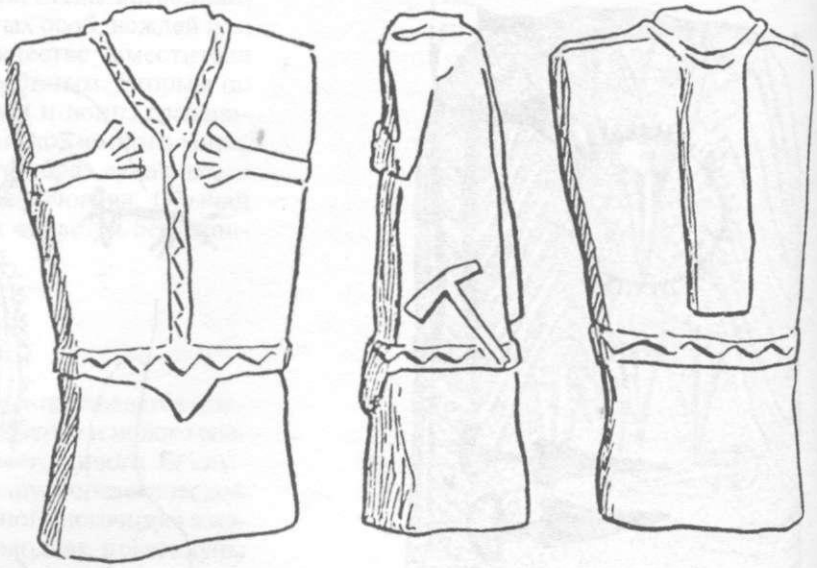


Рис. 10-44
Стела из Кавена, Тельо, долина Вальтеллина, Северная Италия. Наверху солнечный диск с лучами (вместо головы), по бокам от него – по кругу – две подвески в виде двойных спиралей и нагрудная пластина. Ок. 3000 г. до н. э.; высота 50 см.

Рис. 10-45
Антропоморфная стела из Бая-де-Криш, район г. Хунедоары, Трансильвания, Румыния. Сбоку на поясе изображен топор на рукоятке. Голова утрачена, руки намечены. Спереди треугольный воротник соединен с поясом; сзади висит прикрепленный к воротнику ремень. Приблизительная датировка ок. 3000 г. до н.э.; высота 70 см.

Рис. 10-46

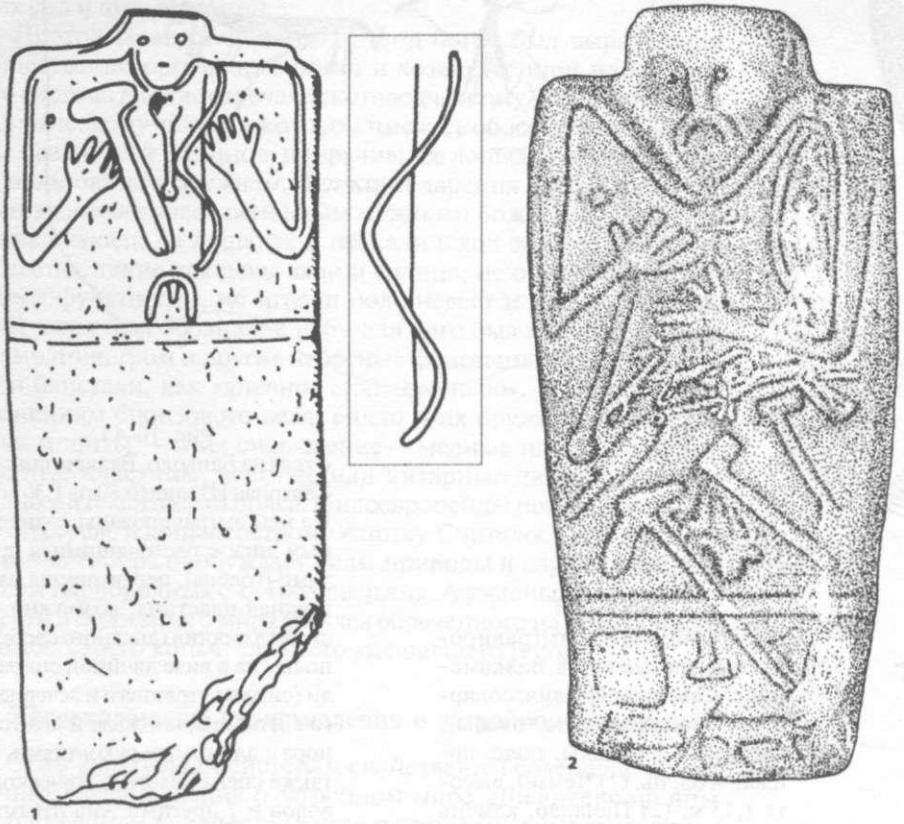


Рис. 10-46
Изображения бога грома с топором, булавой и луком (выгравированы между его руками и поясом). (1) Каменная стела в Натальевке, район Нижнего Днепра. Приблизительная датировка ок. 3000 г. до н. э.; высота 144 см. (2) Каменная стела из Керносовки, район Нижнего Днепра. Приблизительная датировка – конец IV тыс. до н. э.; высота ок. 1,5 м.

утроба»: как правило, гробницам придавали яйцевидные, маткообразные или антропоморфные формы, представляющие часть или все тело Богини. Кроме того, в архитектуре гробниц и святилищ важную роль играл ее лобковый треугольник. На камнях мегалитических гробниц вырезаны символы регенерации, жизнепорождающей влаги и жизненной энергии (чашевидные знаки, концентрические круги с точкой посередине, концентрические дуги, извивающиеся и свернувшиеся змеи, бычьи головы (символ матки), треугольники, ромбы, песочные часы, зигзаги и лунные циклы) или сама Богиня Возрождения, украшенная резными изображениями лабиринтов, вульв и грудей. Считалось, что потусторонний мир расположен на Западе и что он отделен от обычного мира большим водным пространством, которое можно пересечь на корабле (еще один символ регенерации).

Типичной чертой древнеевропейской культуры являлись общинные захоронения. Так, западноевропейские мегалиты были сакральными центрами того или иного сообщества, а помещение экскарнированных костей в эти оссуарии означало возвращение к предкам. Более того, кости приравнивались к семенам, из которых должна возникнуть новая жизнь. Все древнеевропейские захоронения на разные лады представляли идею возвращения в Материнское лоно для следующего цикла природного возрождения.

Индоевропейцы верили в линейную конечность земного существования и в продолжение «жизни» в загробном мире. Именно поэтому они возводили «домики мертвых», в которые помещали покойника со всем необходимым для загробного существования добром – инструментами, оружием и украшениями, отражающими его общественный статус. Царские гробницы и могилы знатных членов этого общества украшались с редкостной пышностью, чтобы мертвые не лишились завоеванного статуса. Особенно почиталась смерть в бою. Царей и вождей нередко погребали вместе со всеми их домашними – женами, слугами, детьми – и животными, в том числе лошадьми, бычьими упряжками и собаками. Приношения снеди продолжались и после погребения, поскольку считались необходимыми для благополучия их теней.

Благодаря сравнительным исследованиям индоевропейских мифологий и систем верований мы знаем, что мир мертвых виделся холодным и топким подземным царством, управляемым мужским божеством. Путешествие в это мрачное место было связано с трехдневной дорогой (пешим ходом, верхом или на колеснице) или путешествием по реке. Попав туда,

Некоторые примеры антонимичных символов в древнеевропейской и индоевропейской мифологиях

	Древнеевропейская мифология	Индоевропейская мифологи
Черный цвет	Цвет плодородия, земли — матери	Цвет смерти, а также Бога смерти и потустороннего мира, который именуется «Чернобогом» (в балто-славянской мифологии)
Белый цвет	Цвет кости, а потому — символ смерти, которая также связывается с желтым цветом, с золотом, янтарем, мрамором и алебастром	Цвет Бога сияющего неба, который также связан с желтым цветом, золотом и янтарем
Змей, змея	Безобидная змея — символ человеческой, животной и растительной жизненной энергии; стимулирует и оберегает жизнь семьи и домашних животных; ядовитая змея — воплощение Богини смерти	Символ зла, имеющий особую связь с вихрями; воплощение Бога смерти и потустороннего мира, противника Бога-громовержца
Бык, букрания	Источник жизни, символ возрождения, своими очертаниями сходный с женской маткой	Воплощение Бога-громовержца, символ мужественности и силы
Солнце	Символ регенерации, одно из проявлений Богини возрождения (в кельтских, германских, балтийских и славянских языках солнце женского рода, что является наследием Древней Европы)	Центральный элемент индоевропейской символики: жизнеродный символ, связанный с Богом сияющего неба, который является божеством года и представляет собой рождение солнца, молодое солнце (весну), торжествующее солнце (лето) и старое солнце (осень)
Лошадь	Отсутствует до прихода в Европу протоиндоевропейцев	Священное животное, воплощение нескольких главных божеств: белый или серый конь — Бога сияющего неба, Близнецов и Бога луны; черный — Бога смерти и потустороннего мира; кобыла — Богини зари; боги изображаются в виде всадников или стоящими на колесницах, в которые впряжены лошади

бледные души пребывали в безучастном парении; веры в повторное возрождение не существовало.

Столь радикально иная система верований не могла быть результатом развития древнеевропейских представлений. Начиная со второй половины IV тыс. до н. э., когда в Восточной и Центральной Европе формируется баденско-эзерская культура, а в северной части Центральной Европы – культура шаровидных амфор, индоевропейские погребальные обряды и вера в загробное существование пускают корни в Европе и постепенно вытесняют погребения древнеевропейского типа.

Несовпадение древнеевропейской и индоевропейской символики

Анализ древнеевропейской и индоевропейской символических систем показывает, что эти религии и мифологии оперировали диаметрально противоположными наборами символов, по сей день сохранившихся в европейской мифологии и фольклоре. Я приведу лишь несколько примеров из возможного списка символов (см. выше таблицу): они связаны с животными, небесными телами и цветами.

Заключение

В 4500–2500 гг. до н. э. Восточная и Центральная Европа находилась в состоянии непрерывной трансформации, вызванной повторяющимися нашествиями курганной культуры из волжских и северопонтийских степей.

Изменение этнической конфигурации региона происходило в несколько этапов:

1. Около 4300 г. до н. э. пришедшие с юга России конные скотоводы (курганная I культура) вызвали своеобразную «взрывную волну», отбросившую исконное население к бассейну Дуная. Так был оборван период процветания Древней Европы и начался процесс смешения двух совершенно разных культур. Более всего это затронуло Черноморское побережье (варнскую культуру), а также культуры караново-гумельница, винча, лендель и линейно-ленточной керамики. Кукутенская культура выстояла. В западных регионах отдельные черты курганной культуры (одиночные погребения под круглыми насыпями) сохранялись в Англии и Восточной Ирландии до 3500 г. до н. э.

2. Во второй половине IV тыс. до н. э. интенсивное влияние, шедшее из Северопонтийского и Северокавказского регионов, усилило трансформацию Центральной Европы. Переход от еще сохранившегося древнеевропейского культурного уклада к индоевропейским общественным и идеологическим структурам увенчался полным успехом. Власть перешла к городищам, сила которых держалась на кинжалах из твердого металла (сплава меди и мышьяка). Постепенно осуществлялось преображение матрицентричной и матрилинейной системы в патрилинейный партиархат.

3. После 3000 г. до н. э. мощная волна курганной III культуры с Нижней Волги вызвала очередные этнические сдвиги в Восточной и Центральной Европе. Уже индоевропеизированное население Центральной Европы мигрировало на северо-восток в Восточную Балтию и Центральную Россию, на северо-запад, в Южную Скандинавию, и на юг в Грецию (культуры шнуровой керамики и вучедол).

4. В середине – второй половине III тыс. до н. э. по Западной Европе распространились воинственные всадники – носители культуры колоколовидных кубков, которая, судя по всему, появилась в Югославии и в Венгрии в результате слияния представителей вучедольской культуры с колонистами ямной (курганной III) культуры. Родственная им культура носит название винковци-шамодьвар. Это была последняя и наиболее многочисленная миграция из Восточной и Центральной в Западную Европу, докатившаяся до Западного Средиземноморья и Британских островов; вслед за ней наступил период относительной стабильности и началось формирование культурного комплекса бронзового века.

К третьей четверти III тыс. до н. э. практически все части Древней Европы пережили процесс экономической и общественной трансформации. Увеличилась доля скотоводческого и полукочевого уклада, уменьшилась доля земледелия. Исчезла древнеевропейская структура поселений, отчасти сохранившаяся лишь на тех территориях, которые были не полностью индоевропеизированы. Индоевропейская религия стала официальным культом, однако связанные с Великой Богиней древнеевропейские верования сохранились до наших дней в разрозненных осколках древнеевропейской культуры.

Функции и образы древнеевропейских и индоевропейских божеств, как и представления о загробной жизни, и кардинально отличающиеся символические системы, говорят о том, что перед нами – две совершенно разные религии и мифологии. Их столкновение на территории Европы привело к смешению двух символических систем, в котором взяли верх индоевропейские элементы, а древнеевропейская часть сохранилась в качестве некоего подземного течения. Без понимания того, что изначально здесь существовали две диаметрально противоположные системы символов, мы не сможем понять различные идеологии европейских народов, генезис и значение их символов, верований и мифов.

Столкновение двух идеологий и двух социо-экономических структур привело к радикальному преображению Древней Европы. Изменения прежде всего выразились в замене матрилинейного уклада патрилинейным, умудренной теократии – воинственным партиархатом, общества полового равновесия – иерархией, где доминируют мужчины, религии хтонической богини – индоевропейским пантеоном небесных богов.

Приложение

Примечания

Что такое цивилизация?

1. Mellaart J. Çatal Hüyük and Anatolian Kilims // Mellaart J., Hirsch U., Balpinar B. The Goddess from Anatolia. Milan: Eskenázi, 1989. Vol. 2. P. 11.

Глава I

1. Musil R. The First Known Domestication of Wolves in Central Europe // Animals and Archaeology. Husbandry in Europe / Ed. by C.Grigson, J.Clutton-Brock // BAR International Series. 1984. Vol. 227. P. 23–27.

2. Bökönyi S. Development of Early Stock Rearing in the Near East // Nature. 1966. № 224; The Domestication of Plants and Animals / Ed. by P.J.Ucko, G.W.Dimbleby. Chicago: Aldine, 1969.

3. Harlan J.R. The Origins of Cereal Agriculture in the Old World // Origins of Agriculture / Ed. by C.Reed. Den Haag: Mouton, 1978; Dennell R. European Economic Prehistory. London – New York – Sydney: Academic Press, 1983. P. 158–168; Higgs E.S., Jarman M.R. The Origins of Animal and Plant Husbandry // Papers in Economic Prehistory / Ed. by E.S.Higgs. Cambridge University Press, 1972; Zohary D. The Progenitors of Wheat and Barley in Relation to Domestication and Agricultural Dispersal in the Old World // The Domestication of Plants and Animals.

4. Perrot J. Palestine – Syria – Cilicia // Courses Toward Urban Life / Ed. by R.J.Braidwood, G.Willey. Chicago: Aldine, 1962; Redman C.L. The Rise of Civilization. San Francisco: W.H.Freeman, 1978. P. 71–82.

5. Courtin J. Le Mésolithique de la Baume Fontbrégoua à Salernes (Var) // Cahiers ligures de Préhistoire et d'Archéologie. 1975. № 24; Vaquer D., Geddes D., Barbaza J., Erroux J. Mesolithic Plant Exploitation at the Balma Abeurador, France // Oxford Journal of Archaeology. 1986. № 5. P. 1–18; Roussot-Larroque J. Imported Problems and Homemade Solutions: Late Foragers and Pioneer Farmers Seen from the West // Neolithic of Southeastern Europe and Its Near Eastern Connections / Ed. by C.Bálint // Varia Archaeologica Hungarica. 1989. № 2. P. 253–271.

6. Kozlowski J.K. The Neolithization of South-East Europe: An Alternative Approach //Varia Archaeologica Hungarica. 1989. № 2. P. 131–148.

7. Jacobsen T.W. Excavations in the Franchthi Cave 1969 – 1971 // Hesperia. 1973. № 42. P. 45–88, 253–283; Angel J.L. Early Neolithic People of Nea Nikomedeia // Anthropologie I / Hrsg. von I. Schwidetzky // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. Bd. 8a / Hrsg. von H.Schwabedissen. Köln: Böhlau, 1973. S. 101–112.

8. Boroneant V. Recherches archéologiques sur la culture Schela Cladovei de la zone des «Portes de Fer» // Dacia. 1973. № 17. P. 5–39; Jovanović B. The Autochthonous and the Migrational Components of the Early Neolithic in the Iron Gate // Balcanica. 1972. Vol. 3. P. 49–58; Srejović D., Letica Z. Vlasac: A Mesolithic Settlement in the Iron Gates 1 // Serbian Academy of Sciences and Arts Monographs. Vol. 512. Belgrade, 1978.

9. Nemeskéri J., Szatmáry L. et al. Anthropology // Vlasac 2 / Ed. by M.Garašanin. Belgrade, 1978. P. 69–425; People and Culture in Change / Ed. by I.Hershkovits. Oxford, 1989 (ст. Р.Менка и Я.Немешкери).

10. Sordinas A. Investigations of the Prehistory of Corfu during 1964–1966 // Balkan Studies (Thessaloniki). 1969. Vol. 10. № 2. P. 402; Jacobsen T.W. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report II: The Franchthi Cave, 1967 – 1968 // Hesperia. 1969. № 38/3. P. 355–376. Обсидиан был обнаружен здесь в верхней части мезолитического слоя.

11. Cann J.R., Renfrew C. The Characterization of Obsidian and Its Application to the Mediterranean Region // Proceedings of Prehistoric Society (London). 1964. № 30. P. 111–125; Renfrew C. Obsidian in the Aegean // Annual of the British School of Archaeology at Athens. 1965. № 60. P. 225–247; Willms C. Obsidian im Neolithikum und Äneolithikum Europas // Germania. 1983. Bd. 61. Beilage 5. P. 327–351.

12. Анализ изотопа кислорода показал, что раковины спондилус достигали областей, весьма удаленных от берегов Эгейского моря. Shackleton N., Renfrew C. Neolithic Trade Routes Realigned by Oxigen Isotope Analyses // Nature. 1970. № 228. P. 1062–1065.

13. Mellaart J. Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia. New York: McGraw-Hill, 1967; Mellaart J., Hirsch U., Balpinar B. The Goddess from Anatolia. Milan: Eskenázi, 1989; Mellaart J. Excavation Report // Anatolian Studies. 1962–1964. Vol. 12–14; 1966. Vol. 16.

14. Mellaart J. L'art sur plaquettes from earliest Çatal Hüyük: A Contribution to the beginning of Anatolian Religion (доклад на конференции «Изменение культуры в Европе и Анатолии в 4500 – 2500 гг. до н. э.», Дублин, сент. 1989).

15. Bar-Yosef. The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // Current Anthropology. 1986. № 27. P. 157–162.

16. Mellaart J. Excavations at Hacilar. Vols. 1 – 2. Edinburgh University Press, 1970.

17. Renfrew C. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London: Jonathan Cape, 1987.

Глава II

1. Gimbutas M., Winn S., Shimabuku D. Achilleion. A Neolithic Settlement in Thessaly, Northern Greece. 6400–5600 B.C. // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1989. № 14.

2. Tsountas C. Ai Proistorikai Akropoleis Diminiou kai Sesklou. Athens, 1908.

3. Weinberg S.S. Excavations at Prehistoric Elateia, 1959 // Hesperia. 1962. № 31. P. 63–83.

4. Rodden R.J. An Early Neolithic Village in Greece // Scientific American. 1965. № 212. P. 82–92.

5. Milojčić V., Boessneck J., Hopf M. Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa Magula in Thessalien. I. Das präkeramische Neolithikum sowie Tier- und Pflanzenreste. Bonn: Habelt, 1962.

6. Jacobsen T.W. Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report II: The Franchthi Cave 1967–1968 // Hesperia. 1969. № 38/3. P. 343–381; Excavation in the Franchthi Cave 1969–1971. Part 1 // Hesperia. 1973. № 42/1. P. 45–88; Excavation in the Franchthi Cave 1969–1971. Part 2 // Hesperia. 1973. № 42/3. P. 253–282; New Radiocarbon Dates from Franchthi Cave // Journal of Field Archaeology. 1974. № 1. P. 303–304.

7. В раннем неолите обычно выделяют три фазы: фаза I – ранняя керамика, фаза II – протосескло, фаза III – раннее скло. На самом деле все три относятся к раннему скло или же к раннему неолиту, являясь последовательными этапами развития единой культуры. Классификацию раннего неолита и радиоуглеродные датировки см. в книге: Wijnen M.-H.J.M.N. The Early Neolithic I Settlement at Sesklo: An Early Farming Community in Thessaly, Greece. Leiden, 1982.

8. См. статью Д.Теохариса в книге: Neolithic Greece / Ed. by S.A.Papadopoulos. Athens: National Bank of Greece, 1973. P. 17–130.

9. Renfrew J. Agriculture // Neolithic Greece. P. 147 ff.

10. Bökönyi S. Animal Bones of Achilleion // Gimbutas M., Winn S., Shimabuku D. Achilleion.

11. Tsountas C. Ai Proistorikai Akropoleis Diminiou kai Sesklou.

12. Milojčić V. et al. Magulen um Larissa in Thessalien // Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 15. Bonn, 1976; Wace A.J.B., Thompson M.S. Prehistoric Thessaly. Cambridge University Press, 1912; Hauptmann H., Milojčić V. Die Funde der frühen Dimini-Zeit aus der Arapi-Magula // Thessalien. Bonn, 1969; Gallis-Konstantinou I. Cremation Burials from the Neolithic Period in Thessaly. Athens, 1982 (греческое издание с кратким изложением содержания по-английски).

13. При помощи стратиграфии и типологических сопоставлений с культурами винча и караново III–IV можно поместить димини в период между 5500–4000 гг. до н. э. Внутри него выделяют следующие фазы:

4000 г. до н. э. фаза VII (Рахмани)
фаза VI (Ларисса)
фаза V (собственно Димини)
4500 г. до н. э. фаза IV (Отзаки II)
фаза III (Отзаки I)
фаза II (Арапи)
5500 г. до н. э. фаза I (Цангли)

Фазу II (Арапи) можно считать параллелью ранней культуре винча и караново III (около 5300–5000 гг. до н. э.), поскольку о значительном северном влиянии говорит появление черной керамики и типичных для караново III ручек с цилиндрическими выступами. Фаза VII (Рахмани), по-видимому, хронологически совпадает с поздней культурой караново VI, на что указывает золотая подвеска, найденная в слое рахмани Деметриас-Пефкакии у Волоса.

14. Lambert N. Grotte de Kitsos 1970 // Archaiologikon Deltion (Athens). 1971. Vol. 26. P. 41–61.

15. Evans J.D., Renfrew C. Excavations at Saliagos near Antiparos. London, 1968.

16. Coleman J.E., Kephala K.I. A Late Neolithic Settlement and Cemetery. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 1977.

17. Garašanin D. Starčevačka Kultura. Ljubljana, 1954; Fewkes V.G. et al. Excavations at Starčevo, Yugoslavia. A Preliminary Report // Peabody Museum, American School of Prehistoric Research. Bulletin № 9. Cambridge: Harvard University, 1932. P. 1–21.

18. Bognár-Kutzián I. The Körös Culture. Vol. 1–2. Budapest, 1944–1947.

19. Neolithic Macedonia / Ed. by M.Gimbutas // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1976. № 1.

20. Ср. с самыми ранними неолитическими поселениями в Трансильвании и Олтении, где присутствует красная керамика с белым рисунком. См.: Vlassa N. Eine frühneolithische Kultur mit bemalter Keramik der Vor-Starčevo-Körös Zeit in Cluj – Gura Baciului, Siebenbürgen // Prähistorische Zeitschrift. 1972. Bd. 47. H. 2. S. 174–197; Nica M. Cîrcea, cea mai veche asezare neolitica de la sud de Carpati // Studii şi Cercetari de Istorie Veche şi Arheologie. 1976. № 27/4. P. 435–463.

21. Nemeskéri J. Die wichtigsten anthropologischen Fragen der Urgeschichte in Ungarn // Anthropol. Közlemenyek (Budapest). 1961. № 5. P. 39 ff.; также см. статью Я.Немешкери и И.Ленделя в изд.: Neolithic Macedonia. P. 375–411; Zoffman Z.K. Human Skeletal Remains from Divostin // Divostin and the Neolithic of Central Serbia / Ed. by A.McPherron, D.Srejović // Ethnology Monographs № 10. Dept. of Anthropology. University of Pittsburgh Press, 1988. P. 447–455; Necrasov O. Nouvelles données anthropologiques concernant la population de la culture néolithique Starčevo-Criş // Ann. Roum. Anthropol. 1965. № 2. P. 9–17.

22. Nemeskéri J. Populacija Lepenskog Vira // Srejović D. Lepenski Vir, nova praistorijska kultura u Podunaviju. Beograd, 1969. P. 239–263.

23. Bökönyi S. Animal Domestication in Europe. Budapest, 1974.

24. Bökönyi S. The Obre Vertebrate Fauna // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1974. Bd. 4. P. 55–154; Benac A. Obre I // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1973. Bd. 3. P. 334.

25. Benac A. Op. cit. P. 334–343.

26. Ibid. P. 336.

27. Об этом говорит анализ обсидиановых инструментов Обре II, проведенный Ж.Рассоном.

28. Kalicz N., Makkay J. A Méhteleki agyagistenek. Nyiregyhaza, 1974.

29. Gimbutas M. Chronology of Obre I and Obre II // Obre and Its Place in Old Europe // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1974. Bd. 4A. P. 15–24.

30. Раскопки кургана в Караново были начаты В.Миковым в 1936 – 1937 гг. Они были продолжены с большим размахом с 1947 по 1957 г. В.Миковым совместно с Г.И.Георгиевым. Несколько позже Г.И.Георгиев провел раскопки чрезвычайно важного кургана в Азмаке. Полный отчет о раскопках обоих курганов не был опубликован, существует лишь обзорная статья: Georgiev G.I. Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre / Sous la dir. de J.Böhm, S.J.DeLaet. Prague, 1961. P. 45–100.

В 1980-х гг. раскопки в Карановo проводились сотрудником Зальцбургского университета Стефаном Хиллером совместно с Болгарской академией наук. Отчеты о них были опубликованы в серии сборников «Карановo» Института древней истории и древнего искусства Зальцбургского университета за 1984, 1985, 1986 и 1988 гг.

31. Казанлык в одноименном городе был раскопан Г.И.Георгиевым и Р.Катинчаровым в 1966–1970 гг. Находки хранятся в музее Казанлыка, а окончательные отчеты об этих раскопках не были опубликованы.

32. Неподалеку от Пловдива (Центральная Болгария) в Мулдаве курган с богатым слоем ранней культуры карановo был раскопан Детевым: см. периодическое издание Пловдивского археологического музея (Годишник. 1968. № 6). В нижней части кургана Эзеро (Дипсис) в трех километрах от Нова-Загоры, хорошо известного найденными там материалами раннего бронзового века, были обнаружены слои карановo I, III, IV и VI. О проведенных Г.И.Георгиевым и Р.Деннелом раскопках кургана Чавдар, расположенного к востоку от Софии, см.: Georgiev G.I. Die neolithische Kultur in Čavdar und ihre Stellung im Balkan-Neolithikum // Actes du VIIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques, 1971. Belgrade, 1973. P. 236–272.

33. Georgiev G.I., Dennell R.W., Webley D. Prehistoric Settlement and Land Use in Southern Bulgaria // Paleoeconomy / Ed. by E.S.Higgs. Cambridge, 1975. P. 97–109.

34. Предположения, касающиеся зерновых культур, основаны на проведенных Робином Деннелом исследованиях Чавдара и Казанлыка. См.: Dennell R.W. Archaeobotany and early farming in Europe // Archaeology (New York). 1978. № 31/1. P. 8–13.

35. Репродукции карановских мраморных статуэток см.: Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe: 7000–3500 B.C. 2nd ed. London: Thames and Hudson; Berkeley: University of California Press, 1982. P. 144; Катинчаров Р.В. Неолитна мраморна фигурка от гр. Казанлък // Археология. 1969. № 2/2. С. 51–54; 1973. № 3. С. 29, ил. 12.

36. Tichý R. Osidleni s volutovou keramikou na Moravé (Die Besiedlung mit Voluten/Linearbandkeramik in Mähren) //Památky Archeologické. 1962. № 53. P. 245–305.

37. Bernhard W. Anthropologie der Bandkeramik // Anthropologie 2 // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. Bd. 8b. Köln – Wien, 1978. S. 128–164.

38. Barker G. Prehistoric Farming in Europe. Cambridge University Press, 1985. P. 139–147; Howell J.M. Early Farming in Northwestern Europe // Scientific American. 1987. November. P. 118–126; Milisauskas S., Kruk J. Neolithic Economy in Central Europe // Journal of World Prehistory. 1989. № 3/4. P. 418.

39. Milisauskas S., Kruk J. Op. cit. P. 415; Lech J. Flint mining among the early farming communities of Central Europe // Przegląd Archeologiczny. 1981. № 28. P. 5–55.

40. Kruk J. Studia osadnicze nad neolitem wyżyn lessowych. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1973.

41. О наиболее интересных поселениях с подобными длинными постройками см.: Soudský B. Bylany: osada nejstaršich zemedelću z mladši doby kammeni. Praha, 1966. Отчет о раскопках 143 домов см.: Modderman P.J.G. Die geographische Lage der bandkeramischen Siedlungen in den Niederlanden // Palaeohistoria (Groningen). 1958 – 1959. № 6–7. P. 1–232; Idem. Die bandkeramische Siedlung von Sittard // Ibid. P. 33–121; Idem. Neolithische und frühbronzezeitliche Siedlungsspuren aus Hienheim, Landkr. Kelheim // Analecta Praehistorica Leidensia. 1971. № 4. P. 1–25; Waterbolk H.T., Modderman P.J.G. Die Grossbauten der Bandkeramik // Palaeohistoria (Groningen). 1958–1959. № 6–7. P. 163–171; Modderman P.J.G. Linearbandkeramik aus Elsloo und Stein. Den Haag: Staatsuitgeverij, 1970 (а также: Analecta Praehistorica Leidensia. 1970. № 3). В Эльсло было раскопано 95 домов. Milisauskas S. Olszanica. An Early Farming Village in Poland // Archaeology. 1976. № 29/1. P. 31–41; Hensel W., Milisauskas S. Excavations of Neolithic and Early Bronze Sites in Southeastern Poland. Wrocław: Ossolineum, 1985; Ilett M., Plateaux M., Coudart A. Analyse spatiale des habitats de Rubané recent // Le Néolithique de la France. Hommage à G.Bailloud / Sous la dir. de J.P.Demoule, J.Guilaine. Paris: Picard, 1986. P. 131–140.

42. Pavúk J. Zur Problem der Gräberfelder mit der Linienbandkeramik // Aktuelle Fragen der Bandkeramik. Székesfehérvár, 1972; Höckmann O. Zur Verteilung von Männer- und Frauengräber auf Gräberfeldern des Frühneolithikums und des ältesten Mittelneolithikums // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1982. Bd. 29. S. 13–74.

43. Constantin C. La séquence des cultures à céramique dégraissée à l'os. Néolithique de Bassin parisien et du Hainaut // Le Néolithique de la France. P. 113–127.

44. Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der grossen ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977 (каталог).

45. Dobosi V.T. Mesolithische Fundorte in Ungarn // Aktuelle Fragen der Bandkeramik. S. 39 ff.

46. Сообщено Я.Немешкери.

47. Kalicz N., Makkay J. Probleme des frühen Neolithikums der nördlichen Tiefebene // Aktuelle Fragen der Bandkeramik. S. 77–81.

48. Comşa E. Über das Neolithikum in Westrumänien // Acta Antiqua et Archaeologica (Szeged). 1971. № 14. P. 31–43; Idem. Quelques problèmes concernant la civilization Ciumeşti // Acta Archaeologica Carpatica (Kraków). 1973. № 13. P. 39–50.

49. Установлено Ш.Бёкёни на основании изучения поселения Тисавашвари-Керестфал. См. прим. 23.

50. Lichardus J. Jaskiňa Domica. Bratislava, 1968.

51. Korek J. Bükki kultura telepe Oroson // Arch. Értesitö. 1951. № 78. P. 68–72.

52. Kemenczei T. Boldogkováralja // Arch. Értesitö. 1964. № 91. P. 253 ff.

53. Маркевич В.И. Исследования неолита на среднем Днестре // Краткие сообщения Института археологии (Москва). 1965. № 105. С. 85–90; Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.

54. Janouchevitch Z.V., Markevitch V.I. Espèces de plantes cultivées des stations primitives au sud-ouest de l'URSS // VIII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Belgrade, 1971.

Глава III

1. В старчевском поселении Дивостин (Центральная Югославия) 45% идентифицированных костей домашних животных принадлежали крупному рогатому скоту, тогда как в группе винча их количество возрастает до 65%. В Обре (Босния) в период позднего старчево (Обре I) кости крупного рогатого скота составляли 47,9%, а в период бутмир (Обре II) – 67,16%. Даже в Центральной Македонии – в значительно более засушливом климате – процент останков крупного рогатого скота увеличился более чем в два

раза за сравнительно короткий промежуток времени: в эпоху позднего старчево (Анза III) он был равен 6,84%, а на ранней фазе винча (Анза IV) – 16,17%.

2. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974. P. 111.

3. Batović Š. Sredniji Neolit Dalmaciji. Zadar, 1966; Chapman J., Shiel R., Batović Š. Settlement Patterns and Land Use in Neothermal Dalmatia, Yugoslavia, 1983–1984 Seasons // Journal of Field Archaeology. 1987. № 14. P. 123–146.

4. Korošec J. Danilo i Danilska Kultura. Ljubljana, 1964.

5. Novak G. Problems and chronology of the finds in the cave of Grabak // Archaeologia Yugoslavica. 1960. № 3. P. 11–39.

6. Radymský W., Hoernes M. Die neolithische Station von Butmir. T. 1. Wien, 1895; Fiala F., Hoernes M. Die neolithische Station von Butmir. T. 2. Wien, 1898.

7. Benac A. Obre I and Obre II // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1973. Bd. 3A; Gimbutas M. et al. Chronology of Obre I and Obre II // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1974. Bd. 4A; там же – краткий отчет об антропологических находках (Я.Немешкери), сведения о зерновых культурах (Дж.Ренфрю) и фауне (Ш.Бёкёни), квантитативный анализ (Э. и А.К.Стеруд).

8. Benac A. Studien zur Stein- und Kupferzeit im nordwestlichen Balkan. Berlin: Walter de Gruyter, 1962. S. 49.

9. Benac A. Obre II. A Neolithic Settlement of the Butmir Group at Gornje Polje // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1973. Bd. 3. S. 30 ff.

10. Ibid. S. 56. Подобные предметы были найдены в Обре II, в стене дополнительной комнаты дома 15.

11. В Винче толщина культурных отложений равна 9,1 м (10,5 м, если учитывать глубину колодцев, прорытых в пустом грунте). Почти два метра снизу занимают остатки неолитической культуры старчево, затем идут 7 м культуры винча, а поверх них – слои баден-костолац и ватен, относящиеся к бронзовому веку. См.: Vasić M. Praistorijska Vinča. Vol. 1–4. Beograd, 1932 – 1936. Общепринятая стратиграфия, предложенная Ф.Хольсте (Wiener Prähistorische Zeitschrift. 1939. № 1), такова:

Винча A – нижние слои вплоть до 8-метровой глубины (культура старчево);
Винча B – от 8 до 6,5 м (культура винча);
Винча C – от 6,5 до 5 м (культура винча);
Винча D – от 5 до 3,5 м (культура винча);
Винча E – от 3,4 до 1,5 м (культура баден-костолац).

Критический разбор стратиграфии Винчи см.: Jovanović B. Stratigrafska podela Vinčanskog naselja // Starinar (Beograd). 1960. № 9. P. 9–20 (с кратким резюме на фр. яз.); еще один обзор этой проблемы см.: Chapman J. The Vinča Culture of South-East Europe // BAR International Series. 1981. № 117. P. 6–10.

12. Neolithic Macedonia / Ed. by M.Gimbutas // Monumenta Arheologica. UCLA, 1976. № 1.

13. Todorović J., Cermanović A. Banjica, naselje Vinčanske kulture. Banjica, Siedlung der Vinča-Gruppe. Beograd, 1961. P. 88.

14. Tasić N., Tomić E. Crnokalačka Bara, Nasledje Starčevačke i Vinčanske Kulture 8 / Narodni Muzej Kruševac, Arheološko Društvo Jugoslavija. Kruševac – Beograd, 1969.

15. Николов Б. Градешница. София: Наука и изкуство, 1974.

16. Dumitrescu V. The Neolithic Settlement at Rast // BAR International Series. 1980. № 72.

17. Tasić N. Praistorijsko naselje kod Valača // Glasnik Muzeja Kosova i Metohije (Priština). 1957. № 2, 4, 5.

18. Tringham R., Krstić D. Selevac: A Neolithic Village in Yugoslavia // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1990. № 15.

19. Divostin and the Neolithic of Central Serbia. Part I / Ed. by A.McPherron, D.Srejović. Kragujevac, 1988.

20. Brukner B. Neolitski i ranoeneolitski zloj na Gomolava // Rad Vojvodjanski Muzej. 1965. № 14. P. 137–175; Idem. Die Siedlung der Vinča-Gruppe auf Gomolava (Die Wohnschicht des Spätneolithikums und Frühneolithikums Gomolava Ia, Gomolava Ia-b und Gomolava Ib und der Wohnhorizont des äneolithischen Humus Gomolava II) // Gomolava – Chronologie und Stratigraphie der vorgeschichtlichen und antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas: Symposium. Ruma, 1986. Bd. I. Novi Sad, 1986; Petrović J. Gomolava arheološko nalazište. Novi Sad, 1984.

21. Chapman J. The Vinča Culture of South-East Europe. Part II (приложение A и карта).

22. Ibid. Part I. P. 43–51.

23. Размеры винчевских и ближневосточных теллей приводятся по: Ibid. Part I. P. 45.

24. Bogdanović M. Architecture and Other Structures // Divostin and the Neolithic of Central Serbia. Part I.

25. Brukner B. Die Siedlung der Vinča-Gruppe auf Gomolava. P. 23.

26. Neolithic Macedonia. P. 316.

27. Lazarovici G. Das neolithische Heiligtum von Parţa // Varia Archaeologica Hungarica. 1989. № 2. P. 149–174.

28. Živanović S. Vinča skeletons studied in situ at the Gomolava site, Yugoslavia // Current Anthropology. 1977. № 18/3. P. 533–534; Zoffman Z.K. Das anthropologische Material des spätneolithischen Gräberfeldes von Hrtkovci-Gomolava // Rad Vojvodjanski Muzej. 1987. № 30; Idem. Physical anthropological study of Divostin Burial № 1 // Divostin and the Neolithic of Central Serbia. Part 1.

29. Долгое время хронологическая классификация культуры винча была основана на типологии и стратиграфии тел Винча с делением на фазы A, B, C и D. Ранняя фаза A – период старчево, а ранняя винча – A2-B. Поздняя (классическая) винча – B2-C и D. Далее последовало подразделение на два периода: I, винча-тордош, и II, винча-плочник, опирающееся на ранневинчевское поселение Тордош и поздневинчевское поселение Плочник, которое было введено в изд.: Garašanin M. Hronologija vinčanske grupe. Ljubljana, 1951. Другие классификации винча, предлагаемые разными авторами, см. в виде таблицы в изд.: Markotić V. The Vinča Culture. Calgary: Western Publishers, 1984 (вклейка I).

30. Neolithic Macedonia. P. 34, 48, 119.

31. См. ст. Э.Гарднер в изд.: Neolithic Macedonia. P. 173.

32. Srejović D. Neolitska plastika centralnobalkanskog podruchja // Neolit centralnog Balkana. Beograd: Radisa Timotić, 1973.

33. Neolithic Macedonia. P. 140, 234, 241.

34. The Late Neolithic of the Tisza Region / Ed. by P.Raczky. Budapest – Szolnok, 1987.

35. Banner J. A kökénydomb neolithkori telep: Die neolithische Ansiedlung von Kökénydomb // Dolgozatok. 1930. № 6. P. 49–158; Idem. Anthropomorphe Gefässe der Theisskultur von der Siedlung Kökénydomb bei Hódmezövásárhely (Ungarn) //Germania. 1959. № 37. P. 14–35.

36. Csálog J. Die anthropomorphen Gefässe und Idolplastiken von Szegvár-Tüzköves // Acta Arch. Hung. 1959. № 11. P. 7–38.

37. Hegedüs K., Makkay J. Vésztö-Mágor: A Settlement of the Tisza Culture // Late Neolithic of the Tisza Region. P. 85–103.

38. Szénaszky G. A szakálhati csoport idoltöredeke Battonyáról – Das Idolfragment der Szakálhát-Gruppe aus Battonya-Godrosok. Eine neolithische Siedlung in Südostungarn. Békéscsaba, 1984.

39. Kalicz N., Raczky P. Berettyóújfalu-Herpály. A Settlement of the Herpály Culture // Late Neolithic of the Tisza Region. P. 105–125; Титов В.С. Археология Венгрии. М., 1980.

40. Horvath F. Hódmezövásárhely-Gorzsa // Late Neolithic of the Tisza Region. P. 31–47.

41. Bognár-Kutzián I. Das Neolithikum in Ungarn // Arch. Anzeiger. 1966. № 40. P. 249–280.

42. Kalicz N., Raczky P. Berettyóújfalu-Herpály. P. 15.

43. Hegedüs K., Makkay J. Vésztö-Mágor. P. 89–94.

44. Kalicz N., Raczky P. Berettyóújfalu-Herpály. P. 200.

45. Šiška S. Tiszapolgárska kultura na Slovensku // Slovenská Archeológia. 1968. № 16. P. 61–175.

46. Dimitrijević S. Starčevačka kultura u Slavonsko-Srijemskom prostoru i problem prijelaza ranog u srednij Neolit u srpskom i hrvatskom podunaviju // Simpozii Neolit i Eneolit u Slavoniji, Vukovar, 4–5 lipnja 1966. Vukovar, 1969.

47. Podborský V. Současny stav vyskumu kultury s moravskou keramikou // Slovenská Archeológia. 1970. № 18/2 (есть краткая аннотация на немецком языке); Pavúk J. Nové nálezy lengyelskej kultury zo Slovenska // Slovenská Archeológia. 1965. № 13/1 (есть краткая аннотация на немецком языке); Idem. Siedlungswesen der Lengyel-Kultur in der Slowakei // A Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve. 1986. № 13. P. 213–244; Idem. Siedlung der Lengyel-Kultur mit Palisadenanlagen in Žlkovce, Westslowakei // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1990. № 73. S. 137–142; Idem. Lengyel-culture fortified settlements in Slovakia // Antiquity. 1991. № 65. P. 348–357; Kamienska J. Frühe Entwicklungsphasen der Lengyel-Kultur in Kleinpolen // Študijné Zvesti (Nitra). 1969. № 17. P. 207–218.

48. Лендель I: красная и желтая окраска, типичное поселение – Лужянки;

лендель II: нарисованный и процарапанный орнамент, желтый цвет превалирует, но начинает появляться и белый, типичное поселение – Нитрянски-Градок;

лендель III: превалирует белая раскрашенная керамика;

лендель IV: неокрашенная керамика, появляются двуручные амфоры, типичное поселение – Боджаны-Нитра;

лендель V: неокрашенная лощеная керамика луданицкого типа.

Točik H.A. Erforschungsstand der Lengyel-Kultur in der Slowakei // Študijné Zvesti. 1969. № 17. P. 451–452.

49. Опирающиеся на лендель комплексы, существовавшие на этих территориях, известны под разными именами: в Центральной Германии и Богемии – гатерслебен; в Западной Польше и Восточной Германии – очич или оттиц, йорданов или йордансмюль и бжесць-куявский; в Баварии – мюнхсхофен; в Вюртемберге – айхбюль I. Носители лендель также селились в пещерах Альпийской области и Верхнего Дуная.

50. Dombay J. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövárkony // Archaeologia Hungarica (Budapest). 1960. № 37.

51. Kalicz N. Kökorifalu Aszódon (Neolithisches Dorf in Aszód). Aszód: Petöfi Múzeum, 1985.

52. Novotný B. Lužianska skupina a počiatky malóvanej keramiky na Slovensku. Bratislava: Slovenská Akadémia Vied, 1962.

53. Němejcová-Pavúková V. Vorbericht über die Ergebnisse der systematischen Grabung in Svodín in den Jahren 1971–1983 // Slovenská Archeológia. 1986. № 34. P. 133–173; Idem. Siedlung und Kreisgrabenanlagen der Lengyel-Kultur in Svodín (Südslowakei) // Internationales Symposium über die Lengyel-Kultur / Hrsg. von V.Němejcová-Pavúková. Nitra – Wien: Archäologisches Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität, 1986. S. 177–183.

54. Kalicz N. Kökorifalu Aszódon. P. 96.

55. Bogucki P.I. Early Neolithic Subsistence and Settlement in the Polish Lowlands // BAR International Series. 1982. № 150; Grygiel R. The Household Cluster as a Fundamental Social Unit of the Brześć Kujawski Group of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łódzi. Seria Arch. 1986. № 31. P. 43–271.

56. Grygiel R. Op. cit. P. 124.

57. Ibid. P. 129.

58. В 1924 г. раскопки проводились В.Кристеску, их материалы опубликованы в журнале: Dacia. 1925. № 3. В 1956–1959 гг. они были возобновлены Э.Комшей; публикацию их материалов см.: Materiale şi Cercetari Arheologice. 1959–1962. № 5–8.

59. Berciu D. Contribuţii la problemele neoliticului in Romînia in lumina noilor cercetari. Bucureşti: Editura Academie RPR, 1961. P. 367 ss.

60. Comşa E. Quelques données relatives à périodisation et à l'évolution de la civilisation Boian // Dacia. 1957. № 1. P. 61–71.

61. Comşa E. Quelques problèmes relatives au complexe néolithique de Radovanu // Dacia. 1972. № 16. P. 39–51; Idem. Der neolithische Wohnverband in Radovanu // Das Altertum. 1979. № 25/2. S. 113–116.

62. Cantacuzino G., Morintz S. Die jungsteinzeitliche Funde in Cernica (Bucharest) // Dacia N.S. 1963. № 7. P. 27–89; Cantacuzino G. Necropola preistorica de la cernica si locul ei in neoliticul românesc şi european // Studii şi Cercetari de Istorie Veche. 1967. № 18/3. P. 379–397; Comşa E. Die Bestattungssitten im rumänischen Neolithikum // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1974. № 58. S. 122–124; Necrasov O.I., Cristescu M., Botezatu D., Miu G. Sur les caractéristiques anthropologiques de la population néolithique de Cernica, appartenant à la culture Boian // Ann. Roum. Anthropol. 1983. № 20. P. 3–15.

63. Berciu D. Cultura Hamangia. Bucureşti: Editura Academiei RPR, 1966.

64. Necrasov O.I., Cristescu M., Maximilian C., Nicolaescu-Plopşor D. Studii antropologice ale scheletelor neolitice descoperite in cimitirul de la Cernavoda // Probleme de antropologie. 1959. № 4. P. 21–45; Necrasov O., Cristescu M., Botezatu D., Miu G. Aspects démographiques et caractères anthropologiques de la population néolithique de Cernavoda (Columbia) appartenant à la culture Hamangia // Ann. Roum. Anthropol. 1982. № 19. P. 11–24; Necrasov O., Cristescu M., Botezatu D., Miu G. Recherches paléoanthropologiques concernant les populations qui vecurent sur le territoire de la Romanie // Arheologia Moldovei. 1990. № 13. P. 173–206.

65. Todorova H., Dimov T. Ausgrabungen in Durankulak, 1974–1987 // Varia Archaeologica Hungarica. 1989. № 2. P. 291–310.

66. Excavations at Sitagroi. A Prehistoric Village in Northeast Greece. Vol. 1 / Ed. by C.Renfrew, M.Gimbutas, E.S.Elster // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1986. № 13.

67. Deshayes J. Travaux de l'Ecole Française en 1969: Dikili Tash // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1970. № 94. P. 799–808; Seferiades M. Dikili Tash: introduction à la préhistoire de la Macédoine orientale // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1983. № 107.

68. Todorova H. The Eneolithic in Bulgaria // BAR International Series. 1978. № 49. Данная работа представляет собой краткое изложение материалов, ранее уже опубликованных в Болгарии.

69. Todorova H., Tončeva G. Die äneolithische Pfahlbausiedlung bei Ezero in Varnasee // Germania. 1975. № 53. S. 30–46; Todorova H. The Eneolithic in Bulgaria. P. 38.

70. Тодорова Х. и др. Селищната могила при Голямо Делчево. София, 1975. С. 20–52; Радунчева А. Виница. Енеолитно селище и некропол. София, 1976. С. 10 и сл.; Тодорова Х. Овчарово. Праисторическа селищна могила. София, 1976. С. 36–39.

71. Тодорова Х. и др. Селищната могила при Голямо Делчево. С. 69–100.

72. Todorova H. The Eneolithic in Bulgaria. P. 61–62.

73. Скульптура хранится в Венском музее естественной истории. Воспроизведена в кн.: Gimbutas M. Gods and Goddesses of Old Europe. London: Thames and Hudson, 1974. P. 207–209.

74. Rosetti D.V. Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bukarest // IPEK. 1938. № 12. S. 29–50. Tab. 21, 22.

75. Gimbutas M. Mythical Imagery of Sitagroi Society // Excavations of Sitagroi. P. 225–303.

76. Berciu D., Berciu I. Sapaturi şi cercetari arheologice in anii 1944 – 1947 // Apulum. Vol. 3. Alba Iulia, 1947–1949. P. 9 ff.

77. Paul I. Der Forschungsstand über die Petreşti-Kultur // Študijné Zvesti. 1969. № 17. P. 325–344.

78. Idem. Ein Hockergrab der bemalten Keramik bei Salzburg (Ocna Sibiului) // Forschungen zur Volks- und Landeskunde (Bukarest). 1963. № 6. S. 123–138.

79. Idem. In legatura cu problema locuintelor de suprafata cu platforma din asezarile culturilor Petreşti şi Cucuteni-Tripolie // Studii şi Cercetari de Istorie Veche. 1967. № 18/1. P. 3–24.

80. Dumitrescu V. La civilisation de Cucuteni // Berichten van de rijksdienst voor het outheidkundig bodemonderzoek. Jaargang 9. Amersfoort, 1959. S. 7–48; Petrescu-Dîmboviţa M. Cucuteni. Bucureşti, 1966; Schmidt H. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Die befestigte Siedlung mit bemalter Keramik von der Steinkupferzeit bis in die vollentwickelte Bronzezeit. Berlin, 1932; Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 10; Passek T.S. La céramique tripolienne // Bulletin de l'Académie de la Culture Matérielle. Moscou, 1935.

81. Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni pe teritoriul Romînici. Bucureşti, 1974.

82. Dumitrescu V. Hăbăşeşti. Bucureşti, 1954; Petrescu-Dîmboviţa M. Die wichtigsten Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen in der neolithischen Siedlung von Truşeşti (Moldau) // Prähistorische Zeitschrift. 1963. Bd. 51. S. 172–186. Среди других монографий о данном поселении следует упомянуть: Dumitrescu V. La station préhistorique de Traian fouilles de 1936, 1938 et 1940 // Dacia. 1941–1944. № 9–10 (есть репринт); Vulpe R. Izvoare: Sapaturile din 1936–1948 // Biblioteca Arheologie. 1957. № 1 (там же есть краткая аннотация на рус. и фр. яз.); Passek T.S. La céramique tripolienne.

83. Florescu C.A. Befestigungsanlagen der spätneolithischen Siedlungen im Donau-Karpatenraum // Študijné Zvesti. 1969. № 17. P. 111–124.

84. Шмаглий М.М., Дудкін В.П., Зинькоуський К.В. Про комплексне вивчення трипільських поселень // Археологія (Київ). 1973. № 10. С. 23–31.

85. Маркевич В.И. Позднетрипольские племена северной Молдавии. Кишинев, 1981.

86. Шишкін К.В. З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях // Археологія. 1973. № 10. С. 32–34.

87. Маркевич В.И. Позднетрипольские племена северной Молдавии.

88. Ellis L. The Cucuteni-Tripolye Culture // BAR International Series. 1984. № 217. P. 162; цит. по: Stern E. von. Südrussland // Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. von M.Ebert. 1929. Bd. 13. S. 32–50.

89. Ellis L. Op. cit. P. 81 ff., 119 ff., 159.

90. Telegin D.Ya., Potekhina I.D. Neolithic Cemeteries and Populations in the Dnieper Bassin / Ed. by J.P.Mallory // BAR International Series. 1987. № 383. P. 182 ff.; Телегин Д.Я. Днепро-донецкая культура. Киев, 1986. Раньше всего крупный могильник был найден в Мариуполе, к северу от Азовского моря (см.: Макаренко В.П. Мариупольский могильник. Киев, 1933). Поэтому данная культура получила название мариупольской.

91. Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.

92. Jovanović B. Rudna Glava, Najstarije rudarstvo bakra na centralnom Balkanu (резюме на нем. яз.). Bor – Beograd, 1982; Kuna M. Zur neolithischen und äneolithischen Kupferverarbeitung im Gebiet Jugoslawien // Godišnjak (Sarajevo). 1981. № 19. P. 13–81 (ил.).

93. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1976.

94. Gimbutas M. Gold Treasure at Varna // Archaeology (New York). 1977. № 30/1. P. 44–51; Idem. Varna, a sensationally rich cemetery of the Caranovo civilization, about 4500 B.C. // Expedition (Philadelphia). 1977. № 19/4. P. 93–147; Ivanov I.S. Les fouilles archéologiques de la nécropole chalcolithique à Varna (1972 – 1975) // Studia Praehistorica (Sofia). 1978. № 1–2. P. 13–27.

95. Hartmann A. Ergebnisse der spektralanalytischen Untersuchung äneolithischer Goldfunde aus Bulgarien // Studia Praehistorica (Sofia). 1978. № 1–2. P. 24–46; Idem. Die Goldsorten des Äneolithikums und der Frühbronzezeit im Donauraum // Studia Praehistorica. 1978. № 1–2. P. 182–192; Dodd-Opriţescu A. Les éléments «steppiques» dans l'énéolithique de Transylvanie // Dacia. 1978. № 22. P. 87–97.

96. Jovanović B. Early Gold and Eneolithic Copper Mining and Metallurgy of the Balkans and Danube Bassin // Studia Prachistorica. 1978. № 1–2. P. 194 ff.

97. Bukowski A. Die Salzgewinnung auf polnischem Gebiet in vorgeschichtlicher Zeit und im Altertum // Surowce mineral-

ne w pradziejach i we wczesnym średniowieczu Europy środkowej / Red. B.Gediga. Wrocław: Ossolineum, 1988. P. 107–132.

98. Найдены в Сескло, Рахмани, Пефкакии (Волос), и в пещере Алепотрипа (Мани, южная оконечность Пелопоннеса). Изображение подвески и медных топоров сескло см. в изд.: Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B.C. London, 1972. P. 312 (fig. 16.2). Золотые браслеты и бусины, а также серебряную антропоморфную подвеску из пещеры Алепотрипа см. в изд.: Hauptmann H. Forschungsbericht über die Ausgrabungen und Neufunde zur ägäischen Frühzeit, 1961–1965 // Archäologischer Anzeiger. 1971. № 3. S. 359.

99. Сергеев Т.П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна // Советская археология. 1962. № 1. С. 131–151; Клейн Л.С. О дате Карбунского клада // Проблемы археологии. 1968. № 1. С. 5–75.

100. Ангелов Н. Златното съкровище от Хотница // Археология (София). 1959. № 1/1–2. С. 38–46.

101. Галбену Д. Неолитическая мастерская для обработки украшений в Хиршове // Dacia. 1963. № 7. P. 501–510. В данном случае был обнаружен сосуд с недоделанными или поврежденными браслетами и четырехугольными бусинами из раковин спондилус, а поблизости от него – медное шило. клиновидный инструмент и четыре кольца.

102. Bognár-Kutzián I. Tiszapolgár-Basatanya. Budapest, 1963.

103. Ellis L. The Cucuteni-Tripolye Culture. P. 115 ff.

104. Ibid. P. 133.

105. Ibid. P. 157.

Глава IV

1. Jażdżewski K. Kultura Pucharów Lejkowatych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Poznań, 1936; Idem. Wzajemny stosunek do siebie elementów północnych, południowych i zachodnich w obrębie kultury pucharów lejkowatych // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łódzi. 1970. № 17. P. 49–76; Schwabedissen H. Das Beginn des Neolithikums im nordwestlichen Deutschland // Großsteingräber in Niedersachsen / Hrsg. von H.Schirnig. Lax, Hildesheim, 1979. S. 203–222; Wiślański T. Kształtowanie się miejscowych kultur rolniczo-hodowlanych. Plemiona kultury pucharów lejkowatych // Prahistoria Ziem Polskich. Vol. 2: Neolit / Red. W.Hensel, T.Wiślański. Wrocław, 1979. P. 165–260; Larsson L. The Early Neolithic Funnel-Beaker Culture in Southwest Scania, Sweden // BAR International Series. 1985. № 264.

2. Wiślański T. Plemiona kultury pucharów lejkowatych // Prahistoria Ziem Polskich. P. 213–214.

3. Ibid. P. 217.

4. Ibid. P. 215.

5. Balcer B. A Study of Socio-economic Aspects of Neolithic Flint Working on the Example of the Funnel Beaker Culture // Unconventional Archaeology. New Approaches and Goals in Polish Archaeology / Ed. by R.Schild. Wrocław, 1980. P. 87–107; Idem. Wyniki badań nad krzemieniarstwem kultury pucharów lejkowatych na ziemiach Polski // Kultura Pucharów Lejkowatych w Polsce / Red. T.Wiślański. Poznań, 1981. P. 59–79.

6. Kultura Pucharów Lejkowatych w Polsce. P. 217 ff.

7. Podkowińska Z. Spichrze ziemne w osadzie kultury pucharów lejkowatych na Gawrońcu-Pałydze w Cmielówie pow. Opatów // Archeologia Polski. 1961. № 6. P. 21–63; Idem. Village énéolithique de Cmielów, District Opatów, Voivodie de Kielce // Archeologia Polona. 1962. № 4. P. 98–110.

8. Zimmermann W.H. Ein trichterbecherzeitlicher Hausgrundriss von Flögeln – im Örtjen, Kr. Cuxhaven // Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 16. P. 479–488.

9. Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows in Northern Europe // BAR International Series. 1985. № 259 (включает подробную библиографию вопроса).

10. Skaarup J. Stengade. Ein langeländischer Wohnplatz mit Hausreste aus der frühneolithischen Zeit. Rudkøbing, 1975.

11. Fischer C. Tidlig-neolitske anlaeg ved Rustrup // Kuml. 1975. P. 29–72; Madsen T. Earthen Long Barrows and Timber Structures: Aspects of the Early Neolithic Mortuary Practice in Denmark // Proceedings of Prehistoric Society. 1979. № 45; Idem. En tidligneolitisk langhøj ved Rude i Østjylland // Kuml. 1980.

12. Glob P.V. Barkaer. Danmarks aeldste landsby // Nationalmuseets arbejdsmark. 1949. Vol. 22. P. 1–12; Idem. Do dødes lange huse // Skalk. 1975. № 6. P. 10–14; Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows in Northern Europe. P. 144–145.

13. Madsen T. Earthen Long Barrows and Timber Structures.

14. Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows in Northern Europe. P. 190–198.

15. Kapica Z. Różnicowanie się składów antropologicznych ludności Kujaw w czasie od neolitu do współczesności na podstawie materiałów z terenu powiatu włocławskiego // Przegląd Antropologiczny. 1968. № 34. P. 325–339.

16. Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows in Northern Europe. P. 193.

17. Sprockhoff E. Die nordische Megalithkultur. Berlin, 1938; Kaelas L. The megalithic tombs in south Scandinavia – migration or cultural influence? // Symposium on the origins and interrelations of Neolithic cultures of Western Europe // Palaeohistoria. 1967. № 12; Idem. Megaliths of the Funnel Beaker Culture in Germany and Scandinavia // The Megalithic Monuments of Western Europe / Ed. by C.Renfrew. London: Thames and Hudson, 1983. P. 77–91; Schuldt E. Die mecklenburgischen Megalithgräber. Berlin, 1972; Ebbesen K. Die jüngere Trichterbecherkultur auf den dänischen Inseln // Arkaeologiske Studier (København). 1975. № 2; Sakker A. The TRB West Group. Studies in the Chronology and Geography of the Makers of Hunebeds and Tiefstich Pottery. Amsterdam, 1979.

18. Thorsen S. Klokkehøj at Bojden. A Dolmen with a Preserved Primary Grave from Southwest Funen // Kuml. 1980.

19. Kaelas L. The megalithic tombs in south Scandinavia – migration or cultural influence? P. 84.

20. Tilley C. Ideology and the legitimation of power in the Middle Neolithic of southern Sweden // Ideology, Power, and Prehistory / Ed. by D.Miller, C.Tilley. Cambridge University Press, 1984. P. 125.

21. Ibid.

22. Kjaerum P. Mortuary houses and funeral rites in Denmark // Antiquity. 1967. № 41.

23. Larsson L. A causewayed enclosure and a site with Valby pottery at Stävie, western Scania // Meddelanden från Lunds universitets Historiska Museet. Lund, 1982.

24. Ibid.

25. Kjaerum P. Mortuary houses and funeral rites in Denmark.

26. Kowalczyk J. Zmierzcz epoki kamienia. Wrocław: Ossolineum, 1971. P. 100–101.

27. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius: Mokslas, 1984. P. 69–84.

28. Gross H. Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer in Zedmar-Bruch // Prussia. 1939. № 33. S. 100–168; Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e. Wrocław, 1973.

29. Исаенко В.Е. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.

30. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. P. 112 ff.

31. Bohnsack D. Ein Steinzeitgrab mit Röttelbestattung aus Braynicken, Kr. Neidenburg // Altpreussen. 1939. № 4/2. S. 35–38.

32. Wiślański T. Krąg ludów subneolitycznych w Polsce // Prahistoria Ziem Polskich. P. 323.

33. Wiślański T. Krąg ludów subneolitycznuch w Polsce; Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. P. 181.

34. Брахицефальный череп, обнаруженный в торфяном болоте в Турлойишке (Южная Литва), имел несколько уплощенную лицевую часть, что побудило К.Ю.Марка отнести его к монголоидам (Марк К.Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 219–242). Однако П.Я.Денисова (Денисова П.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975. С. 75) и Г.Чеснис (см.: Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. P. 189) полагают, что нельзя делать подобные выводы на основании столь неполных данных.

35. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. P. 189–190; Česnys G., Girininkas A., Jankauskas R., Papreckienė-Balčiunienė I. Kretuono 1-os gyvenvietės vidurinio neolito kapai // Lietuvos archeologija. 1985. № 4; Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedijumu tipologija un hronologija // Archeologija un Etnografija. 1974. № 11. P. 7–27.

36. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinatne, 1987.

37. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje.

38. Rimantienė R. Šventoji I. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius: Mokslas, 1979; Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970; Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.

39. Girininkas A. Pakretuonės 3-čia gyvenvietė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1986 ir 1987 metais / Lietuvos TRS Mokslų Akademija, Istorijos Institutas. Vilnius, 1988. P. 7–10.

40. Лозе И.А. Новый центр янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике // Советская археология. 1969. № 3. С. 124–134 (с аннотацией на фр. яз.); Loze I. Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia // Przegląd Archeologiczny. 1975. № 23. P. 49–82; Akmens laikmets Lubana klanos / Latvian Academy of Sciences, Institute of History. Riga, 1979; Gimbutas M. East Baltic Amber in the Fourth and Third Millennium B.C. // Journal of Baltic Studies. 1985. № 16/3, special issue: Studies in Baltic Amber.

41. Wiślański T. Dalszy rozwój ludów neolitycznych. Plemiona kultury amfor kulistych // Prahistoria Ziem Polskich. P. 289 (ил. 169).

42. Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. P. 181–183.

43. Rimantienė R. Ariau, ariau, ariau... // Mokslas ir Gyvenimas. 1980. № 3. P. 22–23.

44. Rimantienė R., Česnys G. The Late Globular Amphora Culture and Its Creators in the Baltic Area from Archaeological and Anthropological Points of View // Journal of Indo-European Studies. 1990. № 18: Proceedings of the Conference on Transformation of European and Anatolian Culture 4500–2500 B.C. / Ed. by M.Gimbutas.

Глава V

1. Мезолитическое ракушечное отложение толщиной около 0,9 м с большим количеством микролитического кремня дало С-14 датировку 7770±340 лет до нашего времени, т. е. примерно LVIII – LVI вв. до н. э. Двадцатисантиметровый слой над ним содержит раннюю керамику и кремни; его С-14 датировка 7670±120 до н.в., т. е. приблизительно LVII–LVI вв. до н. э. Над ним – 70–80 см пустой почвы, который отделяет слой ранней керамики от слоя поселения с керамикой импрессо. Последний слой толщиной всего в 15 см имеет всего одну С-14 датировку, 7340±180 до н.в., т. е. приблизительно LVI–LIII вв. до н. э. См.: Sordinas A. Investigations of the Prehistory of Corfu during 1964–1966 // Balkan Studies (Thessaloniki). 1969. № 10/2. P. 401–414; Idem. Radiocarbon dates from Corfu, Greece // Antiquity. 1967. № 41. P. 64.

2. Мезолитическое поселение Ла-Порта в Кампанье (Италия) дало С-14 датировку 8619±200 до н.в. (6669 до н. э.): скорее всего, оно на самом деле датируется второй половиной VIII тыс. до н. э.

3. Benac A. Studien zur Stein- und Kupferzeit im nordwestlichen Balkan. Berlin, 1962.

4. Batović Š. Stariji Neolit u Dalmaciji. Zadar: Societas Archaeologiae Iugoslaviae, Museum Archaeologicum, 1966.

5. Trump D.H. Central and Southern Italy before Rome. London: Thames and Hudson, 1966.

6. Bradford J. Buried landscapes in Southern Italy // Antiquity. 1949. № 23.

7. Puglisi S.M. Lo strato neolitico de Coppa Nevigata // Civiltà Preistoriche e Protostoriche della Daunia. Firenze, 1975. P. 112–116. Исключение составляет датировка 8150 до н.в., полученная в Коппа-Невигате – поселении, расположенном в лагуне неподалеку от моря. С учетом калибрирования истинная дата должна быть около 7000 г. до н. э. Однако она получена при анализе кости животного и, возможно, завышена. Поселение располагалось на толстом слое коричневой аллювиальной почвы, которая крайне трудно поддается обработке каменными орудиями. По-видимому, жителей Коппа-Невигаты интересовало не земледелие, а сбор озерных моллюсков. Об этом свидетельствует куча отбросов толщиной в 7 футов, состоящая из скорлупы моллюсков и кремневых шил, с помощью которых их открывали.

8. Jarman R., Webley D. Settlement and land use in Capitanata, Italy // Paleoeconomy / Ed. by E.S.Higgs. Cambridge, 1975. P. 177–216; Sargent A. Exploitation territory and economy in the Tavoliere of Apulia // Studi sul neolitico del Tavoliere della Puglia / A cura di S.M.Cassano, A.Manfredini // BAR International Series. 1983. № 160. P. 223–236.

9. Tinè S. La civiltà neolitica del Tavoliere // Civiltà Preistoriche e Protostoriche della Daunia. P. 99–112; Idem. Passo di Corvo e la civiltà neolitica del Tavoliere. Genova: Sagep Editrice, 1983.

10. Evett D., Renfrew J. L'agricoltura neolitica italiana: una nota sui ceredi // Rivista di Scienze Preistoriche (Roma). 1971. № 26/2. P. 403–409; Follieri M. Cereali del villaggio neolitico di Passo di Corvo (Foggia) // Annali di Botanica (Roma). 1973. № 32. P. 49–59.

11. Bökönyi S. Animal Bones from the Excavations of Early Neolithic Ditched Villages on the Tavoliere, South Italy // Studi sul neolitico del Tavoliere della Puglia. P. 237–248.

12. Cipolloni M. Nuovi dati dello scavo del villaggio di Rendina pressa Melfi // Civiltà Preistoriche e Protostoriche della Daunia; Cipolloni Sampò M. Scavi nel villaggio neolitico di Rendina, 1970 – 1976 (репринт: Origini. 1982. № 11. P. 183–354).

13. Sargent A. Exploitation territory and economy in the Tavoliere of Apulia. P. 226.

14. Mosso A. La necropoli neolitica di Molfetta // Monumenti Antichi. 1910. № 20. P. 237–356; Whitehouse R.D. Prehistoric settlement patterns in southeast Italy // Archaeology and Italian Society / Ed. by G.Barker, R.Hodges //BAR International Series. 1981. № 102. P. 157–165.

15. Tinè S. La civiltà neolitica del Tavoliere. P. 185.

16. Ridola D. Le grande trincee preistoriche di Matera // Bollettino di Paletnologia Italiana. 1926. № 54. P. 137.

17. Barfield L.H. Patterns of North Italian trade 5000–2000 B.C. // Archaeology and Italian Society. P. 32.

18. Ibid. P. 35; Tanda G. Gli anelloni litici italiani // Preistoria Alpina. 1977. № 13. P. 111–155.

19. Bailloud G. Fouille d'un habitat néolithique et torréen à Basi, Serra di Ferro, Corse // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1969. № 66; Lanfranchi F. de, Weiss M.-C. La Civilisation des Corses. Les origines. Ajaccio: Editions Cyrnos et Méditerranée, 1973. Датировки Бази – 7700±150 до н.в. и Куракьягиу – 7600±180 и 7300±180 до н.в. на тысячелетие опережают те, что были получены в Фильестру (Сардиния), и потому представляются завышенными. Керамика обоих островов друг с другом связана.

20. Trump D.H. La grotta di Filiestru a Bonu Ighinu, Mara (SS). Dessi-Sassari, 1983.

21. Puxeddu C. Giacimenti di ossidiana del Monte Arci in Sardegna e sua irradiazione // Studi Sardi. 1955–1957. № 14–15. P. 10–66.

22. Loria R., Trump D.H. Le scoperte a Sa Ucca de Su Tintirriolu e il neolitico sardo // Monumenti Antichi. Seria misc. 1978. № 2/2.

23. Atzeni E. Aspetti e sviluppi culturali del neolitico e delle prime età dei metalli in Sardegna // Ichnussa. La Sardegna dalle origini all'età classica. Milano: Libri Scheiwiller, 1981. P. 27–41.

24. Ibid. P. XXVIII, ил. 5.

25. Ibid. P. 21–51.

26. Evans J.D. Malta. Ancient People and Places. London: Thames and Hudson, 1959.

27. Evans J.D. The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands: A Survey. London: The Athlone Press, 1971.

28. Trump D.H. Skorba // Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. Vol. 22. Oxford University Press; the National Museum of Malta, 1966.

Глава VI

1. Ducos P. L'élevage en Méditerranée occidentale // Actes du Colloque Internationale de l'Institut de Recherches Méditerranées, C.N.R.S. 1976. P. 77 ss.; Roche J. Le gisement mésolithique de Moita do Sebastião, Muge, Portugal. Lisboa, 1972; Guilaine J., Roudil J.-L. Les civilisations néolithiques en Languedoc // La Préhistoire Française. T. 2 / Sous la dir. de J.Guilaine. Paris, 1976. P. 267; Poplin F., Poulain T., Méniel P., Vigne J.-D., Geddes D., Helmer D. Les débuts de l'élevage en France // Le Néolithique de la France. Hommage à G.Bailloud / Sous la dir. de J.-P.Demoule, J.Guilaine. Paris: Picard, 1986. P. 37–51.

2. Mills N. The Neolithic of Brittany // Ancient France / Ed. by C.Scarre. Edinburgh University Press, 1984. P. 109.

3. Guilaine J. The earliest Neolithic in the West Mediterranean: A new appraisal // Antiquity. 1979. № 53. P. 22–30; Phillips P. Early Farmers of West Mediterranean Europe. London: Hutchinson, 1975. P. 48.

4. Bahn P. The Neolithic in the French Pyrenees // Ancient France. P. 184–222.

5. Olària C. Cova Fosca. Un asentamiento meso-neolítico de cazadores y pastores en la serrania del Alto Maestrazgo, Castellon // Monografíes de Prehistoria y Arqueologia Castellonenques. 1988. Vol. 3.

6. Schubart H., Pascual V. Datacion por el C-14 de los estratos con ceramica cardial de la Coveta de l'Or // Archivo de Prehistoria Levantina (Valencia). 1964. Vol. 9. P. 45–51; Marti B. Cova de l'Or (Beniares, Alicante) // Trabajos Varios del S.I.P. Valencia, 1977.

7. Hopf M. Triticum monococcum L. y Triticum dicoccum Schübl. en el Neolítico antiguo español // Archivo de Prehistoria Levantina. 1966. Vol. 11. P. 53–73.

8. Vicent A.M., Muñoz A.M. Secunda Campaña de Excavationes. La Cueva de Los Murcielagos, Zuheros (Cordoba) 1969 // Excavationes Arqueologica en España. 1973. № 77; Lopez P. La problematica cronologica del neolítico peninsular // C-14 y Prehistoria de la Peninsula Iberica. Serie Universitaria, 77. Madrid, 1978. P. 51.

9. Lopez P. Op. cit. P. 53.

10. Guilaine J., Veiga Ferreira O. da. Le Néolithique ancien au Portugal // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1970. № 67. P. 304–322; Phillips P. Early Farmers of West Mediterranean Europe. P. 71.

11. Scarre C. The Neolithic of West-Central France // Ancient France. P. 327.

12. Beltran A. Da cacciatori ad allevatori. L'arte rupestra del Levante Spagnolo. Milano: Jaca Book. 1979; Savory H.N. Spain and Portugal. London: Thames and Hudson, 1968. P. 57; Olària C. Cova Fosca. P. 423–424.

13. Pelicer M. El neolítico y el bronce de la Cueva de la Cariguela del Piñar // Trabajos de prehistoria (Madrid). 1966. № 15.

14. Binder D., Courtin J. Les styles céramiques du Néolithique ancien provençal // Le Néolithique de la France. P. 83–93; Guilaine J. Le Néolithique ancien en Languedoc et Catalogne // Ibid. P. 71–82; Treinen-Claustre F. Le groupe de Montbol dans son contexte pyrénéen // Ibid. P. 217–232.

15. Niederlander A., Lacam R., Arnal J. Le gisement néolithique de Roucadour // 3rd Supplement to Gallia Préhistoire. Paris, 1966; Scarre C. The Neolithic of West-Central France. P. 228.

16. Giot P.-R., L'Helgouach J., Monnier J. Préhistoire de la Bretagne. Rennes, 1979.

17. Vaquer J. Le Chasséen meridional. Etat de la question // Le Néolithique de la France. P. 33–44.

18. Meroc L., Simonnet G. Le village néolithique Chasséen de Saint-Michel-du-Touch, commune Toulouse (Haute Garonne) // Bulletin de la Société Méridionale de Spéléologie et de Préhistoire. 1969. P. 14–15, 27–37; Idem. Le Chasséen de la haute et de la moyenne vallée de la Garonne // Les Civilisations Néolithiques du Midi de la France / Sous la dir. de J.Guilaine. Carcassonne, 1970. Еще одно поселение было раскопано в Вильнев-Толозане: Clottes J., Giraud J.-P., Rouzand F., Vaquer J. Le village néolithique de Villeneuve-Tolosane // Archaeologia. 1970. № 130. P. 6–13.

19. Arnal J., Rodriguez G. Le gisement saintponien de Dorio. Félines-Minervois (Herault) // Bulletin du Musée d'Anthropologie Préistorique de Monaco. 1971. № 17. P. 171–190.

20. Barfield L. Northern Italy before Rome. London: Thames and Hudson, 1971; Bagolini B., Barfield L., Broglio A. Notizie preliminari sulle ricerche nell'insediamento neolitico di Fimon-Molino, Casarotto (Vicenza) 1969–1972 // Rivista di Scienze Preistoriche. 1973. № 27/1. P. 161–215.

21. Castelfranco P. Cimeli dei Museo Ponti nell'Isola Virginia Lago Varese. Milan, 1916.

22. Barfield L. Northern Italy before Rome. P. 52.

23. Sauter M.R. Sepultures à cistes du Bassin du Rhône // Sibrium. 1955. № 2. Кроме того, сошлемся на устное сообщение профессора Соте, сделанное в 1979 г.

24. Gonzenbach V. von. Die Cortaillod-kultur in der Schweiz // Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz. Bd. 7. Basel, 1949.

25. Vogt E. Das steinzeitliche Uferdorf Egolzwil. Kr. Luzern // Zeitschrift Schweizerischer Archäologie und Kunstgeschichte. 1951. № 12. S. 193 – 215; Wyss R. Das jungsteinzeitliche Jäger-Bauerndorf von Egolzwil 5 im Wauwilermoos // Archaeologische Forschungen, Schweizerisches Landesmuseum. Zürich, 1976.

26. Seeberg, Burgäschisee-Süd / Hrsg. von H.-G.Bandi, H.Müller-Beck // Acta Bernensia 2. Bern: Stampfli und Cie, 1963–1969.

27. Статья Э.Фогта в сб.: Das Pfahlbauproblem / Hrsg. von W.U.Guyan. Basel: Birkhausen, 1955; Vogt E. Der Stand der neolithischen Forschung in der Schweiz // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre / Sous la dir. de J.Böhm, S.J.DeLaet. Prague, 1961.

28. Boessneck J. Die Tierreste // Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 3. Bern, 1963.

29. Müller-Beck H. Prehistoric Swiss Lake Dwellers // Scientific American. 1961. № 205/4. P. 138–147.

30. Müller-Beck H. Jahrringchronologische Synchronisierung der jungsteinzeitlichen Siedlungen Thayngen-Weier und Burgäschisee-Süd und Süd-West // Germania. 1963. № 41/7.

31. Huber B. Seeberg, Burgäschisee-Süd. Dendrochronologie // Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 5. Bern, 1965; Ferguson C.W., Huber B., Suess H. Determination of the Age of Swiss Lake Dwellings as an Example of Dendrochronologically-Calibrated Radiocarbon Dating // Zeitschrift für Naturforschung. 1966. № 21/7. S. 1173–1177.

32. L'Helgouach J., Le Roux C.-T. Morphologie et chronologie des grandes architectures de l'Ouest de la France // Le Néolithique de la France. P. 181–191.

33. Giot P.-R., L'Helgouach J., Monnier J. Préhistoire de la Bretagne; Twohig E.S. The Megalithic Art of Western Europe. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 162; Burl A. Megalithic Brittany. London: Thames and Hudson, 1985.

34. Twohig E.S. The Megalithic Art of Western Europe. P. 178.

35. L'Helgouach J., Le Roux C.-T. Morphologie et chronologie des grandes architectures de l'Ouest de la France. P. 190.

36. Le Roux C.-T. Informations archéologiques // Gallia Préhistoire. 1981. № 24. P. 395–423; Idem. Le tumulus de Gavrinis, état des recherches // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1983. № 80. P. 131.

37. Lecornec J. Le cairn de Petit-Mont à Arzon (Morbihan) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1983. № 80. P. 131.

38. Thom A., Thom A.S. Megalithic Remains in Britain and Brittany. Oxford University Press, 1978.

39. Almagro M., Arribas A. El poblado y la necrópolis megalítica de Los Millares // Bibliotheca Praehistorica Espana. Vol. 3. Madrid, 1963; Leisner G., Leisner V. Die Megalithgräber der iberischen Halbinsel. Der Westen. Berlin: de Gruyter, 1956–1965.

40. Whittle A. Earlier Neolithic Enclosures in North-West Europe // Proceedings of Prehistoric Society. 1977. № 43. P. 329–348.

41. ApSimon A. An Early Neolithic House in Co. Tyrone // Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland. 1969. № 99 (pt. 2). P. 165–168.

42. Ibid. P. 167.

43. Pryor F. Excavation at Fengate, Peterborough, England. The First Report // Royal Ontario Museum Archaeology Monograph. 1974. Vol. 3; Houlder C.H. A Neolithic Settlement on Hazard Hill, Totnes // Proc. Devon Arch. Explor. Society. 1963. № 21. P. 2–31.

44. O'Kelly M.J. Early Ireland. Cambridge University Press, 1989.

45. Caufield S. Neolithic Fields: The Irish Evidence // Early Land Allotment in British Isles / Ed. by H.C.Bowen, P.J.Fowler // BAR British Series. 1978. № 48. P. 137–143.

46. Clarke D.V., Sharples N. Settlement and Subsistence in the Third Millennium B.C. // The Prehistory of Orkney / Ed. by C.Renfrew. Edinburgh University Press, 1985. P. 54–82.

47. Ibid. P. 68.

48. Whittle A. Earlier Neolithic Enclosures in North-West Europe. P. 337, 339.

49. Ashbee P. The Ancient British Causewayed Enclosures. Norwich: Geo Abstracts Ltd., 1978. P. 71.

50. Hedges J.D., Buckley D.G. Excavations at a Neolithic Causewayed Enclosure, Orsett, Essex, 1975 // Proceedings of Prehistoric Society. 1978. № 44. P. 219–308.

51. Drewett P. The excavation at a Neolithic causewayed enclosure on Offham Hill, East Sussex, 1976 // Proceedings of Prehistoric Society. 1977. № 43. P. 201–242.

52. Robertson-Mckay R. The Neolithic Causewayed Enclosures at Staines. Survey; Excavations 1961–1963 // Proceedings of Prehistoric Society. 1987. № 53. P. 23–128.

53. Smith I.F. Windmill Hill and Its Implications // Palaeohistoria. 1966. № 12. P. 469–481; The Neolithic // British Prehistory / Ed. by C.Renfrew. London: Duckworth, 1974. P. 100–136.

54. Drewett P. The excavation at a Neolithic causewayed enclosure on Offham Hill, East Sussex, 1976.

55. Thom A., Thom A.S. Megalithic Remains in Britain and Brittany.

56. Meaden G.T. Circles in the Age of Stonehenge. London, 1991.

57. Sieveking G. de G. et al. The New Survey of Grimes Graves, Norfolk // Proceedings of Prehistoric Society. 1973. № 39. P. 182–218.

58. The Neolithic. P. 100–136.

59. Cummins W.A. Stone Axes as a Guide to Neolithic Communications and Boundaries in England and Wales // Proceedings of Prehistoric Society. 1980. № 46. P. 45–60.

60. Coles J.M., Hibbert F.A., Orme B.J. Prehistoric Roads and Tracks in Somerset. 3: The Sweet Track // Proceedings of Prehistoric Society. 1973. № 39. P. 256–298.

61. Piggott S. Neolithic Cultures of the British Isles. Cambridge University Press, 1954; The Neolithic. P. 100–136.

62. Peacock D.P.S. Neolithic Pottery Production in Cornwall // Antiquity. 1969. № 43/170. P. 145–149.

63. Brindley A.L., Lanting J.N., Mook W.G. Radiocarbon Dates from the Neolithic Burials at Ballintruer More, Co. Wicklow and Ardcrony, Co. Tipperary // Journal of Irish Archaeology. 1983. Vol. I. P. 19.

64. Clarke D.V. Rinyo and the Orcadian Neolithic // From the Stone Age to the Forty-Five / Ed. by A.O'Connor, D.V.Clarke. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd., 1983. P. 45–56.

65. Valera R. de, O'Nualláin S. Survey of the Megalithic Tombs of Ireland. Dublin: Stationery Office, 1961 (vol. 1); 1964 (vol. 2); 1972 (vol. 3); 1982 (vol. 4).

66. Lynch A. Poulnabrone – A Stone in Time... // Archaeology of Ireland. 1988. № 2/3. P. 105–107.

67. Eogan G. Knowth and the Passage-Tombs of Ireland. London: Thames and Hudson, 1986.

68. O'Kelly M.J. Newgrange: Archaeology, Art and Legend. London: Thames and Hudson, 1982.

69. Jones-Bley K. The Earliest Indo-European Burial Tradition in Neolithic Ireland: Ph.D. Dissertation. UCLA, 1989. Ann Arbor: University of Michigan Microfilms Int., 1989.

70. Lynch F. Towards a Chronology of Megalithic Tombs in Wales // Welsh Antiquity / Ed. by G.C.Boon, J.M.Lewis. Cardiff: National Museum of Wales, 1976. P. 63–80.

71. The Earthen Long Barrows of Britain. 2nd ed. Norwich: Geo Books, 1984.

72. Atkinson R.J.C. Wayland's Smithy // Antiquity. 1960. № 34. P. 126–133.

73. Piggott S. The West Kennet Long Barrow Excavations 1955 – 1956. London: Her Majesty's Stationery Office, 1962.

74. Henshall A. Chambered Tombs of Scotland. Edinburgh University Press, 1963 (vol. 1); 1972 (vol. 2).

75. Idem. Scottish Chambered Tombs and Long Mounds // British Prehistory. P. 137–164.

76. Masters K.J. The Lochhill Long Cairn // Antiquity. 1973. № 47. P. 96–100.

77. Excavations of the Dalladies Long Barrow, Fettercain, Kincardinshire // Proc. Soc. Antiq. Scot. 1974. № 104. P. 23–47.

78. Brewster T.C.M. The Excavations of Whitegrounds Barrow, Burythorpe. Wintringham: The Last Riding Archaeological Research Committee, 1984.

Глава VII

1. Присутствие литической скульптуры и символических отметок зафиксировано начиная с периодов ашель и мустьер; см.: Musch J.E. Animal Farm Paleolithic Sculptures from the Northwest European Plains: Доклад, представленный на конгрессе «Мировая археология», Саутгемптон, 1986 г.; а также: Bilderbuch der Steinzeit // Archäologische Berichten. 1991. № 20.

2. См. превосходный труд о верхнепалеолитических пещерах и святилищах и о связанном с ними искусстве: Leroi-Gourhan A. Treasures of Prehistoric Art. New York: Harry N. Abrams, 1967.

3. Delporte N. L'image de la femme dans l'art préhistorique. Paris: Picard, 1979.

4. Gimbutas M. The Language of the Goddess. Unearthing the Hidden Symbols of Western Civilization. San Francisco: Harper and Row, 1989.

5. Onians J. (with D.Collins). On the Origins of Art // Art History. Journal of the Association of Art Historians. 1978. № 1/1. P. 1–25.

6. Freeman L.G., Klein R.G., Echegaray J.G. A Stone Age Sanctuary // Natural History. 1983. № 8. P. 47–52.

7. Clark J.G.D. Star Carr: A Case Study in Bioarchaeology // McMaleb Module. 1974. № 10. P. 1–42.

8. Graziosi P. Nuove manifestazioni d'arte mesolitica e neolitica nel riparo Gaban presso Trento // Rivista di Scienze Preistoriche. 1973. № 30/1–2. P. 237–278.

9. Об этом упоминается в ст.: Успенский Б.А. Культ Николы на Руси // Труды по знаковым системам. 1978. № 10. С. 86–140.

10. Thomson G. The Arkoudiotissa // Kretika Chronika. 1962. № 15–16, pt. 3. P. 93–96.

11. Nilsson M.P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Leipzig, 1906. P. 312.

12. Mannhardt W. Letto-preussische Götterlehre. Riga, 1936. P. 442–452.

13. Berger P. The Goddess Obscured. Transformation of the Grain Protectress from Goddess to Saint. Boston: Beacon Press, 1985. P. 49–70.

14. Дополнительный иллюстративный материал по статуэткам типа лепюг и виллендорф см. в книге: Leroi-Gourhan A. Treasures of Prehistoric Art. P. 44–45, а также таблицы.

15. Gimbutas M. Senosios Europos deivės ir dievai // Metmenys. 1984. № 48. P. 28–57.

16. Greimas A.J. Apie dievus ir žmones. Chicago: A and M Publication, 1979. P. 317–319.

17. Carmichael. 1990 (репринт 1983).

18. Rüttner-Cova S. Frau Holle. Die gestürzte Göttin. Basel: Sphinx Verlag, 1986.

19. Shapiro M. Baba-Jaga: A Search for Mythopoetic Origins and Affinities // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1983. № 27.

20. Doan J. Five Breton Cantiques from Pardons // Folklore. 1980. № 91. P. 35.

21. Cassar-Pullicino J. Studies in Maltese Folklore. Malta University Publication, 1976. P. 238.

22. Gimbutas M., Winn S., Shimabuku D. Achilleion. A Neolithic Settlement in Thessaly, Northern Greece. 6400–5600 B.C. // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1989. № 14.

23. Mellaart J. Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia. Edinburgh University Press, 1967; Cameron D.O. Symbols of Birth and Death in the Neolithic Era. London: Kenyon Deane, 1981. P. 4–14; Mellaart J., Hirsch U., Balpinar B. The Goddess from Anatolia. Milan: Eskenázi, 1989. Vol. 1 (стенопись); Vol. 2 (текст).

24. Gimbutas M. The Temples of Old Europe // Archaeology. 1980. № 33. P. 41–50.

25. Grbić M. et al. Porodin. Kasnoneolitsko naselje na Tumbi kod Bitolja. Bitola, 1960.

26. Радинградское святилище было раскопано в 1974 г. Т.Ивановым; отчет о раскопках пока не был опубликован.

27. Dumitrescu V. Căscioarele // Archaeology. 1965. № 18. P. 34; Idem. Edifice destiné au culte dans la couche Boian-Şpanţov de la station-tell de Căscioarele // Dacia. 1970. № 15. P. 5–24.

28. Lazarovici G. Das neolithische Heiligtum von Parţa // Neolithic of Southeastern Europe and Its Near Eastern Connections // Varia Archaeologica Hungarica. 1989. № 2. P. 149–174.

29. Kitanovski B., Simoska D., Jovanović B. Kultno mesto na nalazištu Vrbjanska Čuka (s. Slavej) kod Prilepa // Vinča and Its World. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts Symposia, 1990. P. 107–111; Sanev V. Neolitsko svetilište od tumba vo Macari, Skopsko // Macedoniae acta archaeologica. Prilep, 1988. P. 9.

30. Evans J.D. The Antiquities of the Maltese Islands: A Survey. London: The Athlone Press, 1971; Trump D.H. Skorba. Excavations carried out on behalf of the National Museum of Malta 1961 – 1963. The Society of Antiquaries (London) and the National Museum of Malta, 1966; Zammit T. Neolithic Representations of the Human Form from the Islands of Malta and Gozo // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1924. № 54. P. 67–100.

31. Evans J.D. Malta. Ancient People and Places. London: Thames and Hudson, 1959. P. 148.

32. Words and Objects / Ed. by G.Steinsland. Oslo, 1986. P. 91–110.

33. Péquart S.-J., Péquart M., Boule M., Vallois H. Téviec: Station nécropole mésolithique du Morbihan // Archives de l'Institut de paléontologie humaine. 1937. № 18; Péquart S.-J., Péquart M. Hoëdic. Deuxième station nécropole mésolithique du Morbihan. Anvers, 1954; Hibbs J. The Neolithic of Brittany and Normandy // Ancient France / Ed. by C.Scarre. Edinburgh University Press, 1983. P. 312–313.

34. Об этом свидетельствуют данные по ранненеолитической Македонии, культурам старчево и караново (Анза I в Македонии, Обре I в Боснии и Караново в Центральной Болгарии); ср.: Chapman J.C. Meaning and Illusion in the Study of Burial in Balkan Prehistory // Ancient Bulgaria / Ed. by A.C.Poulter. University of Nottingham, 1983. P. 1–42.

35. Jacobsen T.W., Cullen T. A Consideration of Mortuary Practices in Neolithic Greece: Burials from Franchthi Cave // Mortality and Immortality. The Anthropology and Archaeology of Death / Ed. by S.C.Humphreys, H.King. London: Academic Press, 1981. P. 79–103.

36. Kenyon K. Digging Up Jericho. London: Benn, 1957.

37. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinatne, 1987.

38. Srejović D. Lepenski Vir. Beograd: Srpska književna zadruga, 1969; Idem. Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir // New Aspects of Antiquity / Ed. by M.Wheeler. London: Thames and Hudson, 1972; Srejović D., Babović L. Umetnost Lepenskog Vira. Beograd: Narodni Muzej, 1983.

39. Bökönyi S. Animal Remains from Lepenski Vir: The Vertebrate Fauna of This Early Center of Domestication Represent an Atypical Animal Husbandry // Science. 1970. № 167 (3926). P. 1702–1704.

40. Srejović D., Letica Z. Vlasac: A Mesolithic Settlement in the Iron Gates. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 1978 (на серб.-хорв. яз. с кр. синопсисом на англ. яз.).

41. Zammit T. Neolithic Representations of the Human Form from the Islands of Malta and Gozo. P. 67–100 (рис.).

42. Раскопки были проведены совместно с Ш.Уинном и Д.Шимабуку. Исследование костяков было проведено будапештским специалистом Я.Немешкери; к сожалению, его болезнь и смерть в 1989 г. воспрепятствовали публикации результатов.

43. Hedges J.W. Tomb of the Eagles. London: J.Murray, 1984.

44. Chesterman J.T. Investigations of the Human Bones from Quanterness // Renfrew C. Investigations in Orkney. London: Thames and Hudson, 1979. P. 103.

45. Hedges J.W. Tomb of the Eagles. P. 135.

46. Ibid. P. 140.

47. Ibid. P. 155.

48. Clark J.G.D. Star Carr.

49. Gallus S. Die figuralverzierten Urnen vom Soproner Burgstall // Archaeologia Hungarica. 1934. № 3.

50. Renfrew C. Approaches to Social Archaeology. Cambridge: Harvard University Press, 1984. P. 180.

51. Bloch M. Tombs and states // Mortality and Immortality; Idem. Death, Women and Power // Death and Regeneration of Life / Ed. by M.Bloch, J.Parry. Cambridge University Press, 1982.

52. Douglas W.A. Death in Murelaga: Funerary Rituals in a Spanish Basque Village. Seattle: University of Washington Press, 1969.

53. Danforth L. Judgement of the Bones // Science Digest. 1981. P. 92–96 (фотографии А.Циараса).

54. Ibid.

55. Gasparini E. Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei protoslavi. Firenze: Sansoni, 1973. P. 597–630,

56. Twohig E.S. The Megalithic Art of Western Europe. Oxford: Clarendon Press, 1981.

57. Brennan M. The Stars and the Stones: Ancient Art and Astronomy in Ireland. London: Thames and Hudson, 1983.

58. O'Kelly M.J. Newgrange: Archaeology, Art, and Legend. London: Thames and Hudson, 1982 (рис. 45–47).

59. Eogan G. Knowth and the Passage-Tombs of Ireland. London: Thames and Hudson, 1986. P. 147 ff.

60. Le Roux C.-T. Gavrinis et les îles du Morbihan. Les mégalithes du golfe // Guides Archéologiques de la France. Rouen: Impr. Nationale, 1985. Дополнительный изобразительный материал см.: Twohig E.S. The Megalithic Art of Western Europe. P. 172–175.

Глава VIII

1. Vlassa N. Chronology of the Neolithic in Transylvania in the Light of the Tartaria Settlements Stratigraphy // Dacia N.S. 1963. № 7. P. 485–494; Falkenstein A. Zu den Tontafeln aus Tartaria // Germania. 1965. № 43/2. S. 269–273; Milojčić V. Die Tontafeln von Tartaria (Siebenbürgen) und die absolute Chronologie des mitteleuropäischen Neolithikums // Germania. 1965. № 43/2. S. 261–268; Hood M.S.F. The Tartaria tablets // Antiquity. 1967. № 41. P. 99–113; Idem. The Tartaria tablets // Scientific American. 1968. May. P. 30–37; Makkay J. The Late Neolithic Tordos Group Signs // Alba Regia (Annales Musei Stephani Regis). 1969. № 10. P. 9–49; Whipp D. The Tartaria tablets // Antiquity. 1973. № 47. P. 147–149.

2. Winn S.M.M. Pre-writing in Southeastern Europe: The Sign System of the Vinča Culture, ca. 4000 B.C. Calgary: Western Publishers, 1981.

3. Haarmann H. Writing from Old Europe // Journal of Indo-European Studies. 1990. № 17; см. также: Universalgeschichte der Schrift. Frankfurt – New York: Campus Verlag, 1990. P. 69–94.

Глава IX

1. Bachofen J.J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel, 1859 (репринт с предисловием К.Бернулли: Basel, 1925); Idem. Das Mutterrecht: Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861 (репринт: Basel, 1897); Idem. Die Sage von Tanaquil. Heidelberg, 1870; Idem. Myth, Religion,

and Mother's Right. Selected Writing / Transl. by R.Manheim. Bollinger: Princeton University Press, 1973; Briffault R. The Mothers: A Study of the Origins of Sentiment and Institutions. Vols. 1 – 3. 1927 (первое изд.); Idem. The Mothers / Abridged, with an introduction by G.R.Taylor. London: George Allen and Unwin, 1959; New York: Atheneum, 1977.

2. Thomson G. The Prehistoric Aegean. Studies in Ancient Greek Society. London: Lawrence and Wishart, 1949.

3. Fraser D. Land and Society in Neolithic Orkney // BAR British Series. 1983. № 117; Bintliff J. European Social Evolution. Archaeological Perspectives. University of Bradford, 1984; Renfrew C. Approaches to Social Archaeology. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

4. Velde P. van de. The Social Anthropology... a Neolithic Cemetery in the Netherlands // Current Anthropology. 1979. № 5. P. 37–58; Skomal S. Wealth Distribution as a Measure of Prehistoric Change: Chalcolithic to Copper Age Cultures in Hungary. Ann Arbor: University Microfilms International, 1983. См. также прим. 24, 31, 32, 34.

5. Bachofen J.J. Myth, Religion, and Mothers Right. P. 81.

6. Eisler R. Chalice and the Blade. San Francisco: Harper and Row, 1987.

7. Theocharis D.R. Development and Diversification: The Middle Neolithic of Thessaly and the Southern Region // Neolithic Greece / Ed. by S.A.Papadopoulos. Athens: National Bank of Greece, 1973. P. 65.

8. Ibid.

9. Rodden R.J. Recent Discoveries from Prehistoric Macedonia // Balkan Studies. 1964. № 5. P. 109–124.

10. Цит. по: Tabaczyński S. Neolit środkowo Europejski. Podstawy gospodarcze. Warszawa – Kraków – Wrocław: Ossolineum, 1970. P. 242.

11. Bintliff J. European Social Evolution. P. 101.

12. Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 10. С. 149–150.

13. Lüning J. Research into the Bandkeramik Settlement of the Aldenhovener Platte in Rhineland // Analecta Praehistorica Leidensia. 1982. № 15. P. 19.

14. Ibid. P. 16–19.

15. Bintliff J. European Social Evolution. P. 86.

16. Milisauskas S. Olszanica, an early farming village in Poland // Archaeology. 1976. № 29. P. 30–41.

17. Velde P. van de. On Bandkeramik Social Structure: Analysis of Pot Decoration and Hut Distribution from the Central European Neolithic Communities of Elsloo and Hienheim // Analecta Praehistorica Leidensia. 1979. № 12 (перепечатано в изд.: Current Anthropology. 1979. № 20. P. 37–58).

18. Phillips P. Attribute Analysis and Social Structure of Chassey-Cortaillod-Lagozza Populations // Man. 1971. № 6. P. 341–352.

19. Benac A. Obre I // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1973. Bd. 3A. S. 347–359; Nemeskéri J. Outline on the Anthropological Finds of a Neolithic Site // Obre I and Obre II / Ed. by M.Gimbutas // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1974. Bd. 6A. S. 37–46.

20. Chapman J.C. Meaning and Illusion in the Study of Burial // Ancient Bulgaria / Ed. by A.G.Poulter. University of Nottingham, 1983. P. 8.

21. Jacobsen T.W., Cullen T. A Consideration of Mortuary Practices in Neolithic Greece: Burials from Franchthi Cave // Mortality and Immortality. The Anthropology and Archaeology of Death / Ed. by S.C.Humphreys, H.King. London: Academic Press, 1981. P. 88.

22. Общее число могильников V тыс. до н. э. приблизительно равно 80. Самые крупные из них были раскопаны: это Черника в Бухаресте (362 захоронения культуры боян, см.: Cantacuzino G. The Prehistoric Necropolis of Cernica and Its Place in the Neolithic Culture of Romania and of Europe in the Light of Recent Discoveries // Dacia. 1969. № 13. P. 45–59); Чернаводэ в Констанце (могильник культуры хаманджия, ок. 600 захоронений: Berciu D., Morintz S. Santierul Arheologic Cernavoda // Materiale şi Cercetari Arheologice. 1957. № 3. P. 83–92; Berciu D. Cultura Hamangia. Bucureşti, 1966); могильник Зенгёварконь культуры лендель, 368 захоронений: Dombay J. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövarkóny. Budapest, 1960; могильник Тисапольгар-Башатанья в Северо-Восточной Венгрии с 200 захоронениями: Bognár-Kutzián I. Tiszapolgár-Basatanya. Budapest, 1963; Асод с 220 захоронениями культуры лендель: Kalicz N. Kökorifalu Aszódon. Aszód: Petöfi Múzeum, 1985.

23. Feustel R., Ullrich H. Totenhütten der neolithischen Walternienburger Gruppe // Alt-Thüringen. 1965. P. 105–202.

24. Höckmann O. Zur Verteilung von Männer- und Frauengräbern auf Gräberfeldern des Frühneolithikums und des älteren Mittelneolithikums // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1982. № 29. S. 13–74.

25. Pavúk J. Zur Problem der Gräberfelder mit der Linienbandkeramik // Aktuelle Fragen der Bandkeramik. Székesfehérvár, 1972. P. 23–129.

26. Höckmann O. Zur Verteilung von Männer- und Frauengräbern auf Gräberfeldern des Frühneolithikums und des älteren Mittelneolithikums. S. 30.

27. Pavúk J. Zur Problem der Gräberfelder mit der Linienbandkeramik; Höckmann O. Zur Verteilung von Männer- und Frauengräbern auf Gräberfeldern des Frühneolithikums und des älteren Mittelneolithikums. S. 18.

28. Gallay G., Schweizer R. Das bandkeramische Gräberfeld von Rixheim // Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz, 1971. S. 15–22.

29. Kulczycka-Leciejewiczowa A. The Linear and Stroked Pottery Cultures // The Neolithic of Poland / Ed. by T.Wiślański. Warszawa, 1970.

30. Kalicz N. Kökorifalu Aszódon. P. 103.

31. Zalai-Gaál I. Sozialarchäologische Untersuchungen des mitteleuropäischen Neolithikums aufgrund der Gräberanalyse // A Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve. 1988. № 14.

32. Lengyel I. Sozialarchäologische Deutung der Ergebnisse von Laboruntersuchungen unter besonderen Berücksichtigung der spätneolithischen Gräbergruppe von Mórágy-Tüzködomb / International Prehistoric Conference, Szekszard, 1985 // A Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve. 1986. № 13. P. 155–169.

33. Поселения и захоронения были раскопаны в 1930-х гг. К.Яждевским и в 1970-х гг. Р.Грыгелем и П.Богуцким, см.: Grygiel R. The Household Cluster as a Fundamental Social Unit of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łódzi. 1986. № 31. P. 43–271.

34. Skomal S. Wealth Distribution as a Measure of Prehistoric Change. P. 94 ff., 201 ff.; Meisenheimer M. Das Totenritual, geprägt durch Jenseitsvorstellungen und Gesellschaftsrealität. Theorie des Totenrituals eines kupferzeitlichen

Friedhofs zu Tiszapolgár-Basatanya (Ungarn) // BAR International Series. 1989. № 475.

35. Дергачев В.А. Выхватинский могильник. Кишинев, 1978.

36. Wiklak H. Podsumowanie wyników badań wykopaliskowych w obrębie grobowca 9 w Sarnowie, województwo włocławskie // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łódzi. 1986. № 33. P. 5–19.

37. Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows of Northern Europe // BAR International Series. 1985. № 259. P. 192.

38. Gimbutas M. The Language of the Goddess. Unearthing the Hidden Symbols of Western Civilization. San Francisco: Harper and Row, 1989. P. 237–240.

39. Chapman J.C. Meaning and Illusion in the Study of Burial. P. 32.

40. Todorova H. The Eneolithic in Bulgaria // BAR International Series. 1978. № 49. P. 77.

41. Gimbutas M. Gold Treasures at Varna // Archaeology. 1977. № 30. P. 44–51; Ivanov I. Les fouilles archéologiques de la nécropole chalcolithique de Varna (1972–1975) // Studia Praehistorica (Sofia). 1978. № 1–2. P. 13–26.

42. Тодорова Х. Късноенеолитният некропол край гр. Девня // Известия Нат. Муз. Варна. 1971. № 7. С. 3–40.

43. Радунчева А. Виница – енеолитно селище и некропол. София, 1976.

44. Renfrew C. Megalith, territories and populations // Acculturation and Continuity in Atlantic Europe / Ed. by S.J.DeLaet. Brugge: De Tempel, 1976. P. 200, 206; Idem. Approaches to Social Archaeology. Cambridge: Harvard University Press, 1984. P. 160.

45. Chapman R. The Emergence of Formal Disposal Areas and the Problem of Megalithic Tombs in Prehistoric Europe // The Archaeology of Death / Ed. by R.Chapman, K.Randsborg. London, 1981. P. 72, 80.

46. Fraser D. Land and Society in Neolithic Orkney. P. 356.

47. Ibid. P. 431–432.

48. Renfrew C. Megalith, territories and populations. P. 182, 234.

49. Behrens H. The first «Woodhenge» in Middle Europe // Antiquity. 1981. № 55. P. 172–177.

50. Wainright G. Durrington Walls: A Ceremonial Enclosure of the 2nd Millennium B.C. // Antiquity. 1968. № 42. P. 20–26; Idem. Woodhenge // Scientific American. 1970. № 233. P. 30–38.

51. Maier R.A. Fragen zur neolithischen Erdwerken Südbayerns // Jahresbericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege. 1962. S. 5–21.

52. Wainright G. Durrington Walls; Idem. Woodhenge.

53. Atkinson R.J.G. Stonehenge. Rev. ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

54. Joassaume E. Dolmen for the Dead. Batsford: Hatchett, 1987.

55. Fraser D. Land and Society in Neolithic Orkney. P. 329.

56. Chesterman J.T. Investigations of the Human Bones from Quanterness // Renfrew C. Investigations in Orkney. London, 1979. P. 97–111, 162–172.

57. Fraser D. Land and Society in Neolithic Orkney. P. 338–339. Данные взяты из кн.: Hedges J.W. Isbister: A Chambered Tomb in Orkney // BAR International Series. 1983. № 115.

58. Chesterman J.T. Investigations of the Human Bones from Quanterness.

59. Mellaart J. Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia. New York: McGraw-Hill, 1967 (ил. 83).

60. Byrne F.J. Irish Kings and High Kings. London: Batsford, 1973. P. 7–27; Dillon M. The Cyles of the Kings. London: Oxford University Press, 1946. P. 38–41; Mac Cana P. Aspects of the Theme of King and Goddess in Irish Literature // Etudes Celtiques. 1955–1956. № 7. P. 76–114; 1958. № 8. P. 59–65; Roider U. The Celtic Myth of Sacral Kingship // Journal of Indo-European Studies. 1990. № 18.

61. Frank R.M., Metzger D.P. The Mother Goddess in Basque Oral Tradition. Iowa City: University of Iowa, 1982.

62. Briffault R. The Mothers. New York: Atheneum, 1977. P. 87.

63. Frank R.M., Metzger D.P. The Mother Goddess in Basque Oral Tradition.

64. Henry P.L. Interpreting the Gaulish Inscription of Chamalières // Etudes Celtiques. 1984. № 21. P. 141–150; Hamp E.P. The Rebirth of Gaulish // Celtic Studies. Association of North America Newsletter. 1986. № 5/2. P. 3.

65. Tierney J.J. The Celtic Ethnography of Posidonius // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1960. № 60/2. P. 189–275.

66. Doan J.E. Women and Goddesses in Early Celtic History, Myth, and Legend // Irish Studies Program. Boston: Northeastern University, 1987. P. 20.

67. Detienne M. The Violence of Wellborn Ladies: Women in the Thesmophoria // The Cuisine of Sacrifice among the Greeks / Transl. by P.Wissing. University of Chicago Press, 1989. P. 138–139.

68. Дж.Хокинс цит. по: Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 202–203.

69. Цит. по: Hawkes J. Dawn of the Gods: Minoan and Mycenaean Origins of Greece. New York: Random House, 1969. P. 73–74.

70. Branigan K. Early Minoan Society – The Evidence of the Mesara Tholoi Reviewed // Aux Origines de l'Hellénisme / Sous la dir. de C.Nicolet. Paris, 1984. P. 29–37.

71. Coles J. Social ranking in prepalatial cemeteries // Problems in Greek Prehistory / Ed. by E.French, K.Wardle. Bristol, 1988. P. 49–61.

72. Briffault R. The Mothers. P. 86.

73. Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 99.

74. Briffault R. The Mothers. P. 88.

75. Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 145.

76. Herodotus. The Histories I, 173.

77. Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 122.

78. Ibid. P. 164.

79. Herodotus. The Histories I, 146.

80. Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 164.

81. Ibid.

82. Bachofen J.J. Myth, Religion, and Mother's Right. P. 84; Idem. Die Sage von Tanaquil. S. 211–246.

83. Heurgon J. Daily Life of the Etruscans. London, 1964. P. 95–122.

84. Bonfante Warren L. The Women of Etruria // Arethusa. 1973. № 6/1 (Spring). P. 91 ff.

85. Thomson G. The Prehistoric Aegean. P. 98.

86. Tovar A. The Ancient Languages of Spain and Portugal. New York: Vanni, 1961. P. 127.

87. Wilbur T. Indo-Europeanization of the Western Pyrenees // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/1–2. P. 4.

88. Baradiarán J.M. de. Mitologia Vasca. Vol. I. Madrid, 1960.

89. Baroja J.C. Los pueblos del norte de la peninsula hispánica. Madrid – Burgos: Imprenta Aldecoa, 1943; Duque A.M. Las Orígenes de los vascos // Hispania Antiqua. 1970. Vol. I. P. 271 ss.

90. Ibid.

91. Poumarède J. Les Successions dans le sud-ouest de la France au Moyen Age. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. P. 243–249, 257–261; Roslyn F.M., Laxalt M., Vosburg N. Inheritance, Marriage and Dowry Rights in the Navarrese and French Basque Law Codes // IV Proceedings of the Western Society of French Historians. Santa Barbara, Calif.: ABC-Clio Press, 1977. P. 22–42; Roslyn F.M., Lowenberg S. The Role of the Basque Woman as Etxeko-Andrea, The Mistress of the House // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Western Society for French History. Santa Barbara, Calif., 1977. P. 14–16.

92. Briffault R. The Mothers. P. 86.

93. Ibid. P. 92; Zimmer H. Das Mutterrecht der Pikten und seine Bedeutung für die arische Altertumswissenschaft // Zeitschrift für Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. Bd. XV. Weimar: Hermann Böhlan, 1894. P. 209–240; Anderson M. Kings and Kingship in Early Scotland. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1973.

94. Этот фрагмент из «Римской истории» Диодора Сицилийского (62, 2, 6) цит. в изд.: Doan J.E. Women and Goddesses in Early Celtic History, Myth and Legend. P. 28.

95. Ibid. P. 92.

96. Ibid.

97. Tierney J.J. The Celtic Ethnography of Posidonius. P. 252.

98. Chadwick H.M. Origin of the English Nation. Cambridge University Press, 1907. P. 328–340; Philpotts B. Kindred and Clan in the Middle Ages and After. Cambridge University Press, 1913. P. 270; Thompson E.A. The Early Germans. Oxford: Clarendon Press, 1965. P. 17; Briffault R. The Mothers. P. 90 ff.

99. Schultz H. The Prehistory of Germanic Europe. New Haven: Yale University Press, 1983. P. 320.

100. Veldre Beldavs A. Goddesses in a Man's World: Latvian Matricentricity in Culture and Spheres of Influence in Society // Journal of Baltic Studies. 1977. № 8/2. P. 105–129.

101. Gasparini E. Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei protoslavi. Firenze: Sansoni, 1973. P. 597–630.

Глава X

1. Gimbutas M. Prehistory of Eastern Europe. Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area // Peabody Museum, Harvard University. Bulletin № 20. Cambridge, 1956.

2. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у села Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976. С. 73–96; Васильев И.Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1981.

3. Бибикова В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол. 1921. № 5. С. 118–126; Bökönyi S. Horses and Sheep in East Europe in the Copper and Bronze Ages // Proto-Indo-European: The Archaeology of a Linguistic Problem. Studies in Honor of Marija Gimbutas / Ed. by S.Skomal, E.C.Polomé. Washington, DC: Institute for the Study of Man, 1987. P. 137–144.

4. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 13.

5. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984.

6. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. 1. С. 249 и сл., 404 и сл.; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge University Press, 1984.

7. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. С. 19 и сл.

8. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у села Съезжее. С. 73–96; Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. М.: Институт археологии Академии наук СССР, 1979; Он же. Энеолит Поволжья.

9. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. С. 12–20.

10. Там же. С. 23 и сл.

11. Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // Сообщения ГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.

12. Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г. Нальчике // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. № 3. С. 67–147.

13. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. С. 631. К сожалению, полученные в результате исследования точные датировки так и не были опубликованы.

14. Там же. С. 45 и сл.

15. Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья: их связь с Приднестровьем // Краткие сообщения института археологии АН УССР. 1958. № 7. С. 32–36.

16. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 78. С. 235.

17. Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья.

18. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. С. 43.

19. Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья.

20. Зіневич Г.П., Круц С. Антропологична характеристика давнього населення території України. Новая душла. Київ, 1968. С. 13–39; Круц С.И. Население территории Украины эпохи меди – бронзы. Киев, 1972. С. 125.

21. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 111.

22. Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // Journal of Indo-European Studies. 1977. № 5/4. P. 277–339; Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита. Кишинев: Штиинца, б.г.

23. Виезжев Р.И. Роботи на діляніци в поселення в с. Золотий Балці // Археологические памятники. Киев, 1960.

24. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья (Одесса). 1970. № 6.

25. Устно сообщено Ш.Бёкёни в 1987 г.

26. Мовша Т.Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // Советская археология. 1961. № 2. С. 186–199; Ellis L. Analysis of Cucuteni-Tripolye and Kurgan Pottery and the Implications for Ceramic Technology // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8. P. 211–230.

27. Шмаглий М.М., Дудкін В.П., Зинькоуський К.В. Про комплексне вивчення трипільських поселень // Археологія (Київ). 1973. № 10. С. 23–39.

28. Morintz S., Roman P. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau // Dacia N.S. 1968. № 12.

29. Ibid. P. 47–80.

30. Название дано по имени городища в районе Констанцы, Добруджа. Датировки чернаводэ II получены из второго поселения в тех же местах: Berciu D. Quelques données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda // Slovenská Archeológia. 1972. № 20/1. P. 268–280.

31. Название «лазинья» было в 1961 г. дано Димитриевичем одному хорватскому поселению и также применяется к похожим комплексам в Западной Венгрии и Восточной Австрии. Используемый в след. статье термин «балатон I» синонимичен «лазинье»: Kalicz N. Über die chronologische Stellung der Balaton-Gruppe in Ungarn // Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973. S. 131–163; Idem. The Problems of the Balaton-Lasinja Culture // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/3–4. P. 245–273. О лазиньском комплексе см.: Leben F. Zur Kenntnis der Lasinja-Kultur in Slowenien // Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. S. 187–197.

32. Patay P. Gräber von Sippen-Häuptlinge aus Kupferzeit // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 1966–1967. № 2. P. 49–55.

33. Из всех пригодных для исследования скелетов 28 относились к ранней фазе, а 11 (8 мужских и 3 женских) принадлежали к протоевропейскому типу. См. ст. Я.Немешкери в изд.: Bognár-Kutzián I. The Cemetery of Tiszapolgár-Basatanya. Budapest, 1963.

34. Skomal S. The Social Organization of the Tiszapolgár Group at Basatanya-Carpathian Basin Copper Age // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/1–2. P. 75–93.

35. Šiška S. Gräberfelder der Lažn'any-Gruppe in der Slowakei // Slovenská Archeológia. 1972. № 20/1. P. 107–175.

36. Эти производные от лендель культуры известны под разными именами: в Центральной Германии и в Богемии – гатерслебен, в Восточной Германии и Западной Польше – очич (оттиц), йорданов или йордансмюль и бжесць-куявский, в Баварии – мюнхсхофен, в Вюртемберге – айхбюль. См.: Lichardus J. Zu Problemen der Ludanice-Gruppe in der Slowakei // Slovenská Archeológia. 1964. № 12/1. P. 69–162.

37. Наиболее важными поселениями являются Бекашмедьер у Будапешта, Коронко у Дьёра, Эстергом, Пфаффштеттен, Рец и Вальтрахёле у Ямма. Seewald O. Die jungneolithische Siedlung in Retz (Niederdonau) // Praehistorica (Wien). 1940. № 7; Pittioni R. Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien, 1954. S. 177–187. Кроме того, Нитрянски-Градок, Высоки-Брег и Байч-Влканово у Нитры, Евишовице у Зноймо, Старе-Замки у Лишена неподалеку от Брно, Цимбурк у Кутна-Горы. Točik H.A. Záchranny vyskum v Bajči-Vlkanove v rokach 1959–1960 // Študijné Zvesti (Nitra). 1964. № 12. P. 15–185; Medunová A. Eneoliticke sidlište Stare Zámky v Brne-Lišni // Památky Archeologické (Praha). 1964. № 50. P. 91–155; Benesch F. Die Festung Hutberg. Halle, 1941.

38. Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe. P. 299–301.

39. Sangmeister E. Zur kulturellen und zeitlichen Stellung der Rössener Kultur // Festschrift für W.-H.Schuchhardt. Baden-Baden, 1960. S. 199–207; Schmidt B. Die Landschaft östlich von Magdeburg im Neolithikum // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle). 1970. № 54. S. 88; Gallay A. Signification culturelle et chronologique du Néolithique de Cravanche (Territoire de Belfort, France) // Homo. 1972. № 72. H. 1/2. P. 36–50.

40. Bersu G. Vorgeschichtliche Siedlungen auf dem Goldberg bei Nördlingen // Neue deutsche Ausgrabungen, Deutschtum und Ausland. 1930. H.23/24. S. 130–143; Idem. Rössener Wohnhäuser vom Goldberg, Württemberg // Germania. 1936. № 20. S. 229–243.

41. Lüning J. Aichbühl, Schwieberdingen, Bischheim // Študijné Zvesti. 1969. № 17. P. 233–247.

42. Vogt E. Ein Schema des schweizerischen Neolithikums // Germania. 1967. № 45. S. 1–20; Gallay A., Gallay G. Eléments de la civilisation de Rössen à Saint-Léonard, Valais, Suisse // Archives Suisses d'Anthropologie Générale (Genève). 1966. № 31. P. 28–41; Pétrequin P. La grotte de la Baume de Gonvillars // Annuaire litt. de l'Université de Besançon. 1970. № 107. P. 1–185.

43. Voigt T. Funde der Einzelgrabkultur auf dem Taubenberg bei Wahlitz, Kr. Burg // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1953. № 37. S. 109–153.

44. Grimm P. Die Salzmünder Kultur in Mitteldeutschland // Jahresschrift der Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder (Halle). 1939. № 19. S. 1–104.

45. Preuss J. Die Baalberger Gruppe in Mitteldeutschland // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. 1966. № 21; Behrens H. Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. 1973. № 27; Lichardus J. Rössen-Gatersleben-Baalberge. Bonn, 1976; Fischer U. Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet. Berlin, 1956. S. 48–66.

46. Wahl J., König H.G. Anthropologische-traumatologische Untersuchung der menschlichen Skelettreste aus dem bandkeramischen Massengrab bei Talheim, Kreis Heilbronn // Fundberichte aus Baden-Württemberg. 1987. № 12. S. 65–195.

47. Gimbutas M. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans, 3500–2500 B.C. // Journal of Indo-European Studies. 1973. № 1. P. 163–214; Chernykh E.N. Metallurgical Provinces of the 5th – 2nd Millennia in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanization // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/3–4. P. 317–337.

48. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962. С. 22–38.

49. Рудинский М.Ж. Каменная Могила // Краткие сообщения института археологии АН УССР. 1952. № 1. С. 21–31; Häusler A. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg (Halle). 1963. № 12/11. S. 889–921.

50. Schrickel W. Westeuropäische Elemente im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Leipzig, 1957.

51. Anati E. Evolution and Style in Camunian Rock Art. Capo di Ponte, 1976 (рис. 57, 64, 75).

52. Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki). 1934. № 9. P. 1–45.

53. Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // Советская археология. 1963. № 3;

Häusler A. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Berlin). 1964. № 48. S. 59–82.

54. Телегін Д.Я. Енеолітични стели и пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія (Київ). 1971. № 4. С. 3–17.

55. Чеченов И.М. Гробница эпохи раннеи бронзы в г. Нальчике // Советская археология. 1970. № 1. С. 109–124.

56. О них см. следующие публикации: Rostovzeff M.I. The Sumerian Treasure of Astrabad // Journal of Egyptian Archaeology. 1920. № 6/1. P. 4–27; Idem. L'âge de cuivre dans le Caucase et les civilisations de Soumer et de l'Egypte-Protodynastique // Revue archéologique. 1920. № 5/12. P. 1–37; Idem. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 17–34; Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental; Hančar F. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie // Bücher zur Ur- und Frühgeschichte. 1937. Bd. 6. S. 448; Childe V.G. The axes from Maikop and Caucasian metallurgy // Annals of Archaeology and Anthropology. 1936. № 23. P. 113–119; Йессен А.А. К хронологии Больших Кубанских курганов // Советская археология. 1950. № 12. С. 157–200.

57. Gimbutas M. Prehistory of Eastern Europe; Tallgren A.M. Staromyshastovskaya // Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. von M.Ebert. 1928. Bd. 12. P. 389, pl. 94; Idem. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. № 6. S. 126–145, pl. 141.

58. Schmidt E.G. Excavations at Tepe Hisar Damghan // The University Museum. Philadelphia, 1937.

59. Лагодовська О.Ф. Розкопки Усатівського кургану 1–11 // Наукови записки (Київ). 1946. № 2; Она же. Пам'ятки усатівського типу // Археологія (Київ). 1953. № 8. С. 95–109; Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 10. С. 194–275.

60. Мелюкова А.И. Курган усатовского типа у села Тудорово // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1962. № 88. С. 74–83.

61. Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений. С. 158 и сл.

62. Roman P.I. Strukturänderungen des Endneolithikums im Donau-Karpatenraum // Dacia. 1970. № 15. P. 31–169.

63. Георгиев Г.И., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитров Д.Г. Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.

64. Excavations at Sitagroi. A Prehistoric Village in Northeast Greece. Vol. 1 / Ed. by C.Renfrew, M.Gimbutas, E.Elster // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1986. № 13. Об апсидном доме см.: Renfrew C. The Burnt House at Sitagroi // Antiquity. 1970. № 44/174. P. 131–134.

65. О Северной Италии см.: Zorzi F. Resti di un abitato capannicolo eneolitico alle Colombare di Negrar // Actes du IV Congrès International du Quaternaire 2. Roma, 1953. P. 782–798; Anati E. I Camuni. Milan, 1979. P. 103.

66. Berciu D. Rezultatele primelor sapaturi de la Crivaţ // Studii şi Cercetari de Istorie Veche. 1966. № 17/3. P. 527.

67. Morintz S., Roman P. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau.

68. Tasić N. Der Badener und Vučedoler Kultur-Komplex in Jugoslawien. Belgrade – Novi Sad, 1967.

69. Pittioni R. Urgeschichte des österreichischen Raumes. S. 195.

70. Banner J. Die Peceler Kultur. Budapest, 1956; Pittioni R. Urgeschichte des österreichischen Raumes. S. 191 ff.; Sochacki Z. The Radial-decorated Pottery Culture // The Neolithic in Poland. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970. P. 319 ff.

71. Schmidt R.R. Die Burg Vučedol. Zagreb, 1945.

72. Točik H.A. Záchranny vyskum v Bajči-Vlkanove v rokach 1959–1960.

73. Warner J. The Megaron and Apsidal House in Early Bronze Age Western Anatolia: New Evidence from Karataş // American Journal of Archaeology. 1979. № 83/2 (April). P. 133–147; Best J.G.P. The Foreign Relations of the Apsis-House Culture in Palestine // Pulpudeva. Plovdiv, 1976. P. 205–209.

74. Bayer J. Die Ossarner Kultur, eine äneolithische Mischkultur im östlichen Mitteleuropa // Eiszeit und Urgeschichte (Wien). 1928. № 5. S. 60–120.

75. Sochacki Z. The Radial-decorated Pottery Culture. P. 329 (исследование было проведено В.Гизбертом); Milisauskas S., Kruk J. Economy, Migration, Settlement Organization, and Welfare during the Late Neolithic in Southeastern Poland // Germania. 1989. № 67. S. 84.

76. Sochacki Z. The Radial-decorated Pottery Culture. P. 321.

77. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974. P. 32 (рис. 1), 15, 16.

78. Schmidt R.R. Die Burg Vučedol (рис. 81a).

79. Kalicz N. Ein neues kupferzeitliches Wagenmodel aus der Umgebung von Budapest // Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburtstag. Wien, 1976. S. 188–202.

80. Nemeskéri J. Anthropologische Übersicht des Volkes der Peceler Kultur // Banner J. Die Peceler Kultur. S. 295–309; Toth I. Profilation horizontale du crane facial de la population ancienne et contemporaine de la Hongrie // Crania Hungarica. 1958. № 3/1–2. P. 3–126.

81. Benac A. Studien zur Stein- und Kupferzeit im nordwestlichen Balkan. Berlin, 1962. S. 146–148.

82. Schmidt R.R. Die Burg Vučedol; Tasić N. Der Badener und Vučedoler Kultur-Komplex in Jugoslawien.

83. Kalicz N. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn. T. 4. Budapest, 1968. S. 62–109.

84. Deschmann K. Über die vorjährigen Funde im Laibacher Pfahlbau // Mitteilungen der Altertumsgesellschaft in Wien. 1878. № 8/3–4. S. 3–20. Итоги раскопок 1963 г. подвел Т.Брегант.

85. Георгиев Г.И. и др. Езеро.

86. Nosek S. Kultura amfor kulistych w Polsce. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1967. P. 276 ff.

87. Ibid. P. 217 ff.

88. Ibid. P. 278.

89. Левіцький І.Ф. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині // Антропологія (Київ). 1929. № 2. С. 192–222.

90. Wiślański T. Kultura amfor kulistych w Polsce Północno-Zachodniej. Warszawa, 1966; Idem. The Neolithic in Poland. Warszawa, 1970. P. 178–231; Gimbutas M. East Baltic Amber in the Fourth and Third Millennia B.C. // Journal of Baltic Studies. 1985. № 16/3, special issue: Studies in Baltic Amber.

91. Свешников І.К. Нове поховання культури кулястих амфор у Ровеньський області // Археологія (Київ). 1973. № 8. С. 63–67.

92. Wiślański T. Kultura amfor kulistych w Polsce Północno-Zachodniej.

93. Kośko A., Klochko V.I. A Late Neolithic Composite Bow // Journal of the Society of Archer-Antiquaries. 1987. № 30. P. 15–23.

94. Necrasov O. Les populations de la période de transition du Néo-Enéolithique à l'âge du Bronze romaine et leurs particularités anthropologiques // Anthropologie et Archéologie: les cas de premiers âges des Metaux. Actes du Symposium de Sils-Maria, 25–30 septembre 1978 / Sous la dir. de R.Menk, A.Gallay. Genève, 1981. P. 60–61.

95. Schwidetzky I. The Information of the Steppe People Based on the Physical Anthropological Date // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8. P. 356.

96. Dinu M. Le problème des tombes à ocre dans les regions orientales de la Roumanie // Preistoria Alpina. 1974. № 10. P. 261–275; Ecsedy I. The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest, 1979; Jovanović B. Some Elements of the Steppe Culture in Yugoslavia // Journal of Indo-European Studies. 1983. № 11. P. 31–45.

97. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення.

98. Necrasov O. Les populations de la période de transition du Néo-Enéolithique à l'âge du Bronze romaine et leurs particularités anthropologiques. P. 63–65.

99. Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

100. Mašek N. Die Řivnac-Gruppe in Böhmen und ihre chronologische Stellung. Praha, 1961. S. 327–335.

101. Ehrich R.W., Pleslová-Štiková E. Homolka. An Eneolithic Site in Bohemia. Prague, 1968.

102. Benac A. Studien zur Stein- und Kupferzeit im nordwestlichen Balkan. S. 135–145.

103. Ibid. S. 140.

104. Parović M., Pešikan V., Trbuhović V. Fouilles des Tumulus du l'âge du bronze ancien dans la plaine de Tivat // Starinar (Beograd). 1974. № 22. P. 129–141.

105. Dörpfeld W. Alt-Ithaka. München, 1927; Hammond N.G.L. The Tumulus-Burials of Leucas and Their Connections in the Balkans and Northern Greece // The Annual of the British School of Archaeology at Athens. 1974. № 69. P. 129–144.

106. Hammond N.G.L. Op. cit.

107. Parović M., Pešikan V., Trbuhović V. Fouilles des Tumulus du l'âge du bronze ancien dans la plaine de Tivat.

108. Marinatos S. Further Discoveries at Marathon // Arch. Anal. Athens. 1970. P. 355 (рис. 10).

109. Caskey J.L. The Early Helladic Period in the Argolid // Hesperia. 1960. № 29. P. 301.

110. Xirotiris N. The Indo-Europeans in Greece. An Anthropological Approach to the Population of Bronze Age Greece // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/1–2. P. 201–211.

111. Сомнительно, чтобы подвески в форме полумесяца были изображениями луков (это предположение высказано в ст.: Piggott S. Beaker Bows: A Suggestion // Proceedings of Prehistoric Society. 1971. № 37/2. P. 80–94). Скорей всего, эти перфорированные полумесяцы носили на груди в качестве символических нагрудных пластин. Это солярные символы, значит, они могли быть посвящены Богу сияющего неба. Важное символическое значение нагрудных пластин прослеживается с баденского периода на всем протяжении бронзового века.

112. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974. P. 242; Kalicz-Schreiber R. Die Probleme der Glockenbecherkultur // Glockenbecher-Symposion. Oberried, 1974. S. 214.

113. Schule W. Glockenbecher und Hauspferde // Archäologisch-biologische Zusammenarbeit in der Vor- und Frühgeschichtsforschung. Wiesbaden, 1969. S. 88–93.

114. Hájek L. Die älteste Phase der Glockenbecherkultur in Böhmen und Mähren // Památky Archeologické. 1966. № 57. P. 221.

115. Novotný B. Hroby kultury zvoncovitych poharu u Smolina na Morave // Památky Archeologické. 1958. № 49. P. 297–311.

116. Replogle B.A. Social Dimensions of British and German Bell Beaker Burials: An Explanatory Study // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8/1–2. P. 165–201.

117. Kalicz-Schreiber R. Die Probleme der Glockenbecherkultur.

118. Dimitrijević S. Arheološka iskopavanja na području Vinkovačkog muzeja, rezultati 1957 – 1966 // Acta Musci Cibalensis. 1966. № 1.

119. Ecsedy I. Die Siedlung der Samogyvár-Vinkovci Kultur bei Szava und einige Fragen der Frühbronzezeit in Südpannonien // A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve. 1979. № 23. P. 97–136.

120. Tasić N. Die Vinkovci-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans / Hrsg. von N.Tasić. Beograd, 1984. S. 15–28.

121. Kempisty A. The Corded Ware Culture in the Light of New Stratigraphic Evidence // Przegląd Archeologiczny. 1973. № 26. P. 34–35.

122. Schwidetzky I. The Information of the Steppe People Based on the Physical Anthropological Date. P. 350 ff.

123. Wierciński A. Untersuchungen zur Anthropologie des Neolithikums in Polen // Fundamenta. Monographien zur Urgeschichte / Hrsg. von H.Schwabedissen. Ser. B. Bd. 3. Köln – Wien, 1974. S. 170–185; Idem. Problem strukturalnej i procesualnej identyfikacji antropologicznej Prasłowian // Slavia Antiqua (Warszawa). 1974. № 24.

124. Основано на данных, предоставленных Мартином Хульдом в 1989 г.

125. Friedrich P. Proto-Indo-European Kinship // Ethnology. 1966. № 1. P. 1–36.

Словарь основных археологических культур и памятников

Азмак (Azmak)

Один из самых крупных стратифицированных теллей культуры караново; расположен у г. Стара-Загора, Центральная Болгария. Последовательные напластования культур караново I–IV, ок. 6000–4300 гг. до н. э.

Раскопки проводились в 1960–1963 гг. Г.И.Георгиевым.

Музей: г. Стара-Загора.

Лит.: Georgiev 1961, 1967*.

Ай-Бунар (Ai-Bunar)

Медные шахты у г. Стара-Загора, Центральная Болгария, основной источник природной меди для Восточной и Центральной Европы. Древнейшие разработки восходят к началу V тыс. до н. э.; добыча меди продолжалась в периоды караново V и VI, в середине V тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1971–1972 гг. Н.Я.Мерпертом и Е.Н.Черных.

Лит.: Черных 1978.

Айсбистер (Isbister)

Мегалитическая гробница на юге Оркнейских островов (Шотландия) конца IV – начала III тыс. до н. э., важный источник информации о погребальных обрядах. В гробнице обнаружены сотни расчлененных (в результате экскарнации птицами) человеческих скелетов, а также скелеты рыб, орланов и других хищных птиц, которые, возможно, считались инкарнациями Богини возрождения.

Раскопки проводились Р.Саймисоном.

Лит.: Hedges 1984.

Ангелу-Рую (Anghelu Ruju)

Подземный некрополь (гипогей) культуры оциери в 9 км к северу от Альгеро, Сардиния; местное название этих гробниц – «domus de Janas», «ведьмовские дома». К каждой гробнице ведет наклонный, иногда – ступенчатый коридор, заканчивающийся у дверей передней крытой камеры. За второй дверью находится главная погребальная камера. В большинстве случаев в ее конце есть несколько открывающихся наружу небольших отсеков яйцевидной и прямоугольной формы. В некоторых камерах имеется пара колонн, в других – букрании или рельефное изображение бычьих рогов над входом или на внутренних стенах. Коллективные ингумационные захоронения.

Раскопки проводились в начале XX в.

Лит.: Taramelli A. Nuovi scavi nella necropole preistorica, Anghelu Ruju // Monumenti Antichi dei Lincei (Alghero). 1909. № 19. P. 397 ss.

Анза (Anza)

Стратифицированное поселение, расположенное в деревне Анзабегово между г. Титов-Велес и г. Штип, Македония. Анза I – ранний македонский неолит, ок. 6300–5900 гг. до н. э.; Анза II и III – культура старчево, ок. 5900–5300 гг. до н. э.; Анза IV – ранний период культуры винча, ок. 5300–5000 гг. до н. э.

Раскопки проводились Й.Корошецем в 1960 г. и совместной американо-югославской экспедицией М.Гарашанина и М.Гимбутас.

Музей: г. Штип.

Лит.: Gimbutas, ed. 1976.

Аргисса (Argissa)

Стратифицированный телль эпохи неолита и бронзового века в Гремносе, неподалеку от г. Ларисса, Фессалия (Греция). В 8,5 м культурных отложений выявлено 15 слоев, представляющих раннекерамическую фазу, протосескло, димини и микенскую культуру.

Раскопки проводились В.Милойчичем в 1955–1958 гг.

Музей: г. Ларисса.

Лит.: Milojčić, Boessneck, Hopf 1962.

Асод (Aszód)

Поселение и могильник культуры лендель площадью в 25 га; расположены к северо-востоку от Будапешта, Венгрия.

Раскопки проводились Н.Калицем в 1960–1982 гг.

Музей: музей Петёфи, г. Асод.

Лит.: Kalicz 1985.

Ахиллейон (Achilleion)

Неолитическое поселение в Южной Фессалии, Греция; принадлежит к культуре сескло (середина VII – середина VI тыс. до н. э.). Важный ключ к пониманию хронологии (42 радиоуглеродных датировки и превосходная стратиграфия), архитектуры, развития керамики и религии в Североэгейском регионе.

Раскопки проводились М.Гимбутас вместе с Ш.М.Уинном и Д.Шимабуку в 1973 и 1974 гг.

Лит.: Gimbutas et al. 1989.

Баденская культура (Baden)

Культурный комплекс, сложившийся под сильным влиянием курганной культуры из туземных поствинчевских (земледельческих) и чужеродных курганных (скотоводческих, патриархальных) элементов в бассейне Среднего Дуная между XXXIV и XXX вв. до н. э. Также имену-

* Полные названия цитируемых работ см. в *Библиографии*.

ется культурой баден-пецель или культурой керамики с радиальным орнаментом. Вместе с эзерской культурой (см. дальше) образует единый культурный комплекс, охватывавший территорию между Западной Анатолией и Польшей.

Балатон (Balaton)
Поствинчевский культурный комплекс в Западной Венгрии. Связан с комплексом лазинья в Хорватии, Боснии и Словении первой половины IV тыс. до н. э.

Бальберг (Baalberg)
Курган с одним центральным захоронением в каменной цисте середины IV тыс. до н. э., округ Бернбург, Центральная Германия. Его имя стало названием культурной группы, которая считается южной разновидностью культуры воронковидных кубков, однако, судя по погребальным обрядам, здесь имело место сильное влияние курганной культуры.
Раскопки проводились в 1901 г. П.Хёфер.
Лит.: Jahresschrift Halle. 1902. № 1. S.16 ff.

Баница (Banjica)
Стратифицированная стоянка культуры винча к северо-востоку от Белграда с 4 м культурных отложений.
Раскопки проводились Й.Тодоровичем и А.Цермановичем.
Лит.: Todorović, Cermanović 1961.

Барненез (Barnenez)
Большой каменный каирн (более 90 м в длину), под которым находится 11 коридорных гробниц со ступенчатым сводом, в Плуэзоке, Ланмёр, Финистер, Северо-Западная Бретань. Насколько можно судить, использовался на протяжении около 500 лет, первоначальный каирн с 5 гробницами восходит к середине V тыс. до н. э., второй был построен на 200–300 лет позже. На некоторых ортостатах в камерах – резные символические рисунки в виде волнистых линий, треугольников или топоров, кораблей и креста.
Раскопки проводились П.-Р.Жио в 1955–1968 гг.
Лит.: Giot 1980; Idem. Les leçons finales du cairn de Barnenez // Daniel, Kjaerum 1973. P. 192–202; Bulletin Soc. Preh. Française. 1956. № 54. P. 358–365.

Бжесць-Куявски (Brześć Kujawski)
Стоянка культуры линейно-ленточной керамики приблизительно 5100 г. до н. э. и поселение поздней культуры лендель, ок. 4300–4000 гг. до н. э., воеводство Быдгощ, неподалеку от г. Влоцлавек, Западная Польша. Более 50 трапециевидных домов культуры лендель длиной в 15–39 м, рядом с которыми – ингумационные захоронения.
Раскопки проводились К.Яжджевским в 1933–1936 гг., П.Богуцким и Р.Грыгелем в 1976–1980 гг.
Лит.: Wiadomości Archeologiczne. 1938. № 15. P. 1 ff.; Bogucki 1982; Grygiel 1986.

Биланы (Bylany)
Поселение линейно-ленточной культуры у Кутна-Горы, Колин, Чехословакия.
Раскопки проводились Б.Соудским в 1953–1961 гг.
Музеи: г. Биланы и Прага.
Лит.: Soudský 1969; Antiquity. 1962. № 36.

Бодрогкерестур (Bodrogkeresztúr)
Типичный памятник среднего периода венгерского медного века в устье реки Бодрог, Северо-Восточная Венгрия; могильник с 50 ингумационными захоронениями, ок. 4000 г. до н. э.
Раскопки проводились в 1921–1926 гг. Л.Белла.

Боевых топоров культура
см. *Шнуровой керамики культура*

Боян культура (Boian)
Возникла в Юго-Восточной Румынии в результате симбиоза ранней культуры винча и культуры линейно-ленточной керамики. На втором этапе развития оказала влияние на формирование культур петрешти и кукутени. Титульное поселение расположено на одном из островов озера Боян к северу от Дуная, между г. Олтеница и г. Кэлэраши, Юго-Восточная Румыния.
Раскопки проводились В.Кристеску в 1924 г. и Э.Комшей в 1956–1959 гг.
Музей: Нац. музей, Бухарест.
Лит.: Dacia. 1925. № 2; Materiale şi Cercetari Archeol. 1959–1962. № 5–8.

Броноцице (Bronocice)
Поселение культуры воронковидных кубков с чертами баденского комплекса, расположенное на возвышенности над поймой реки Нидзица (притока Верхней Вислы), район г. Кельце, Южная Польша. Поселение занимает 120 акров (более 50 га). Установлено 5 культурных периодов, из них 3 относятся к культуре воронковидных кубков, ок. 3770–3110 гг. до н. э., а 2 последние – к культуре баденского типа, ок. 3110–2400 гг. до н. э.
Раскопки проводились в 1974–1978 гг. Я.Круком и Ш.Милисаускасом.
Лит.: Germania. 1981. № 59. S. 1–19; 1982. № 60. S. 211–216; 1984. № 64. S. 1–30; Archeologia Polski. 1981. № 26/1. P. 65–113; Hensel W., Milisauskas S. Excavations of Neolithic and Early Bronze Age Sites in SE Poland. Wrocław: Ossolineum, 1985. P. 52–78.

Буго-днестровская культура
Ранненеолитическая культура Молдавии и Западной Украины 6500–5000 гг. до н. э. Еще за 500 лет до первых контактов с земледельцами культуры старчево (криш) туземные мезолитические группы предпринимали самостоятельные усилия по одомашниванию животных и растений. На ее поздних фазах сказывается сильное влияние культур старчево и линейно-ленточной керамики.

Буковац (Bukovaţ)
Подразделение культуры винча в Западной Румынии, названное по имени стратифицированного телля Буковац, район Тимишоары. Слой культурных отложений в 1,7 м подразделен на три фазы: Буковац I–III.
Раскопки проводились в 1973 и 1975 гг.
Лит.: Lazarovici 1979.

Бургеши (Burgäschi)
см. *Зееберг*

Бутмир (Butmir)

Поселение в Сараево, давшее имя боснийской культуре бутмир приблизительно 5300–4300 гг. до н. э.

Раскопки проводились в 1893–1896 гг.

Музей: Земальски Музей, г. Сараево.

Лит.: Radymský, Hoernes 1895; Fiala, Hoernes 1898.

Бюкк (Bükk)

Также именуется восточной культурой линейно-ленточной керамики. Культура бассейна Верхней Тисы VI тыс. до н. э., названная в честь горного массива Бюкк в северной части Венгерской равнины.

Валач (Valač)

Поселение поздневинчевской культуры у г. Косовска-Митровица, Южная Югославия, первой половины V тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1957 г. Н.Тасичем и Й.Глишичем.

Музей: г. Косовска-Митровица.

Лит.: Tasić 1957; Glasnik muzeja Kosova i Metohije. 1960. № 4–5. P. 11–82.

Валькамоника (Valcamonica)

Место расположения резных наскальных рисунков в альпийской долине Камоника, в 55 км к северу от Брешии, Северная Италия. Резные и выдолбленные узоры и символы датируются эпохой неолита (фаза I) – железным веком (фаза IV). На фазе II, ок. 3000 г. до н. э., появляются изображения кинжалов, алебард, лошадей, повозок, солнечных дисков и сцен поклонения солнцу. Сочетание этих мотивов можно видеть на стелах (см. главу X), являющихся характерной чертой индоевропейской религии. Насколько можно судить, многие стелы представляли собой монументы, воздвигнутые в честь Бога сияющего неба.

С начала 1960-х гг. по сегодняшний день исследования наскальных изображений проводились Эммануэлем Анати.

Лит.: Anati E. The Camonica Valley. London, 1964; Anati 1976.

Вальтернинбург (Walternienburg)

Могильник из поздних коридорных гробниц в бассейне реки Эльба, район г. Магдебург, Германия. Дал название вальтернинбургской-бернбургской культуре, представляющей собой вариант культуры воронковидных кубков.

Лит.: Jahresschrift Halle. 1925. № 13; Fischer 1956.

Валя-Лупулуй (Valea Lupului)

Поселение позднекукутенской (кукутени B) культуры на террасе реки Бахлуй, район г. Яссы, Северо-Восточная Румыния.

Раскопки проводились в 1953–1957 гг. М.Петреску-Дымбовицей и М.Дину.

Музей: г. Яссы.

Лит.: Studii şi Cercetari de Istorie Veche. 1954. № 5; 1955. № 6; Materiale şi Cercetari Arheologice. 1957. № 3; 1959. № 5.

Варваровка

Поселение поздекукутенской (трипольской) культуры у г. Кишинев, Молдавия.

Раскопки проводились в 1967 г. В.И.Маркевичем.

Музей: г. Кишинев.

Варна

Богатейший могильник середины V тыс. до н. э. с ингумационными захоронениями на окраине г. Варна, Болгария, берег Черного моря, с тысячами артефактов из золота, меди, ракушек и мрамора.

Раскопки проводились в 1972–1976 гг. Иваном Ивановым.

Лит.: Ivanov I. Treasures of the Varna Chalcholithic Necropolis. Sofia: Septemvri, 1978; Archaeology. 1977. № 30/1. P. 44–51; Expedition. 1977. № 19/4. P. 39–46.

Веселиново

Тель карановской культуры периода караново III, район Ямбол, Восточная Болгария. Название также используется для обозначения культуры данного периода.

Раскопки проводились В.Миковым.

Лит.: Известия (София). 1939. № 13.

Вестё-Магор (Vésztö-Mágor)

Одно из крупных поселений-теллей культуры тиса в Восточной Венгрии площадью в 4,5 га; раскопано 230 кв. м. 9 слоев материалов культурного типа сакальхат (ранняя культура тиса, представляющая собой переход от культуры кёрёш к классической культуре тиса); 3 слоя собственно культуры тиса (с 44 захоронениями); слой культуры медного века (тисапольгар), поверх которого, после промежутка, лежат три слоя культуры среднего бронзового века. Примечательны остатки больших двухкомнатных строений, одно из которых, возможно, было святилищем, поскольку в нем найдено внушительное собрание монументальных скульптур, ритуальных столов, сосудов и пр.

Раскопки проводились в 1972–1976 гг. К.Хегедюш.

Лит.: Hegedüs K., Makkay J. Vésztö-Mágor. A Settlement of the Tisza Culture // Raczky, ed. 1987. P. 82–103.

Видра (Vidra)

Поселение близ Джурджу, к юго-востоку от Бухареста, примечательное статуэтками и пластическим искусством. Нижний слой относится к фазе боян-джулешти, затем идут слои культур боян-видра и гумельница.

Раскопки проводились в 1931–1933 и 1958 гг. Д.Розетти.

Музей: г. Бухарест.

Лит.: Rosetti 1934; Publ. Muz. Municip. Bucureşti. 1935–1936. № 1–2; IPEK. 1938. № 12; Materiale şi Cercetari Arh. 1961. № 7.

Винковци (Vinkovci)

Сложившийся в Центральной Югославии и Венгрии симбиоз местной поствучедольской и ямной культуры чужаков-скотоводов; возможно, что именно он привел к формированию культуры колоколовидных кубков. Также известен под названием шамодьвар.

Винча (Vinča)

Поселение с 10,5-метровой толщей культурных отложений в 14 км к юго-востоку от Белграда на реке Дунай, район Бело-Брдо, Югославия. Два древнейших поселения (более чем на 8 м вглубь) относятся к культуре старчево, над ними располагаются 7 м материалов, характерных для

культуры винча, в которых можно видеть 4 последовательные фазы.

Раскопки проводились в 1908–1912, 1924, 1928–1932 гг. М.Васичем.

Музеи: Национальный музей г. Белграда, Белградский университет.

Лит.: Vasić 1932–1936.

Владимировка

Поселение классического периода кукутенской (трипольской В) культуры приблизительно из 200 домов, долина Южного Буга, Западная Украина.

Раскопки проводились в 1927–1928 гг. Б.Безвенглинским, в 1940 г. Т.Пассек.

Лит.: Passek T.S. Céramique tripolienne. Moscou, 1935; Пассек 1949.

Власац (Vlasac)

Одно из наиболее тщательно изученных поселений культуры лепенски-вир в районе Железных Ворот, IX–VIII тыс. до н. э., с трапециевидными постройками и яйцевидными скульптурами.

Раскопки проводились в 1970-х гг. Д.Срейовичем и З.Летица.

Лит.: Srejović, Letica 1978 (там же см. подробный отчет об анализе человеческих и животных костей).

Воронковидных кубков культура (Funnel-Necked Beaker Culture; TRB)

Полноценное земледельческое сообщество конца V – середины III тыс. до н. э., сперва освоившее территорию культур эллербек и эртебёлле, затем колонизировавшее бассейн Нижней Вислы (Северная Польша) и Немана (Западная Белоруссия).

Вучедол (Vučedol)

Курганизированная культура, пришедшая на смену баденской культуре на Северо-Западных Балканах в III тыс. до н. э. В Венгрии именуется культурой «зок», в Восточноальпийском регионе – культурой «лайбах-любляна». Ее материалы обнаруживаются на юге вплоть до адриатических островов, на северо-западе – до Богемии и Центральной Германии. Начавшаяся ок. 3000–2800 гг. до н. э. миграция населения на юг и северо-запад была вызвана вторжением на территорию Югославии и Венгрии носителей ямной культуры.

Вэдэстра (Vădăstra)

Поселение ранневинчевской культуры у Корабии, Олтения, Юго-Западная Румыния. Его названием также обозначается культура Олтении.

Раскопки проводились в 1926 г. В.Кристеску; в 1934 г. Д.Берчу; в 1946–1962 гг. К.Матееску.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dacia. 1927–1933. № 3–4; SCIV. 1955. № 6; Materiale şi Cerc. Arh. 1959. № 5–6; Archeologické Rozhledy. 1962. № 14.

Гавринис (Gavrinis)

Одна из самых богато украшенных коридорных гробниц Бретани, расположена на острове (в прошлом – полуострове) Морбиан. На 23 каменных плитах ее коридора выдолблен связанный с темой регенерации символический орнамент – поднимающиеся концентрические дуги, спирали, изображения топоров и быков.

Лит.: Le Roux 1985; Twohig 1981.

Гжантийя (Ġgantija), «Башня гигантов»

Лучше всего сохранившееся святилище из храмового комплекса на о. Гоцо (к северу от Мальты) IV тыс. до н. э. Состоит из двух храмов антропоморфных очертаний, в каждом из которых по 5 яйцевидных апсид (см. рис. 5-25). Известно с XVIII в., расчистка была предпринята в 1827 г.

Раскопки проводились Национальным музеем г. Валетта.

Лит.: Evans 1959, 1971.

Глубоке-Машувки (Hluboké Mašůvky)

Поселения культуры линейно-ленточной керамики и лендель близ г. Зноймо, Моравия. Примечательны расписной керамикой и скульптурой культуры лендель.

Раскопки проводились в 1927–1939 гг. Ф.Вильдомецем, а в 1949–1950 гг. Я.Неуступным.

Лит.: IPEK. 1931–1937. № 11; Obzor Prehist. 1946. № 13; Arch. Rozhl. 1950. № 2; 1951. № 3; Časopis Nár. Mus. Prag. 1948–1950.

Гольдберг (Goldberg)

Стратифицированное городище с отложениями культуры рёссен, михельсберг и альтхейм конца V–III тыс. до н. э. у Нёрдлингена, район г. Ален, Вюртемберг, Юго-Западная Германия. Расчищено несколько небольших прямоугольных построек с очагами.

Раскопки проводились в 1920-х гг. Г.Берсу.

Лит.: Neue deutsche Ausgrabungen. 1930. № 23/24; Germania. 1936. № 20; 1937. № 21.

Гомолава (Gomolava)

Стратифицированный телль на р. Сава, край Воеводина, Северная Югославия, с отложениями в нижнем слое среднего периода культуры винча, затем культуры баденкостолац, среднего и позднего бронзового века, латен II и III, римских и средневековых материалов.

Раскопки проводились в 1904 г. Й.Бруншмедом, в 1953 г. Р.Рашайски и С.Надь, в 1965–1971 гг. Б.Брукнером и Б.Йовановичем.

Музей: г. Нови-Сад.

Лит.: Brukner B. Die Siedlung der Vinča-Gruppe auf Gomolava // Brukner B., Girić M., Jovanović B., Mitrović B. et al. Gomolava Simpozium. Ruma. Novi Sad, 1986. P. 19–38.

Горжа (Gorzsa)

Одно из самых крупных теллевых поселений, расположенное на Венгерской равнине у слияния Тисы и Мароша, неподалеку от г. Ходмезёвашархей, Юго-Восточная Венгрия. В 3 м культурных отложений найдены материалы, относящиеся к позднему неолиту, раннему и позднему медному веку, раннему и позднему бронзовому веку. Наиболее значительную часть составляют отложения культуры тиса (ок. 2 м толщиной), в которых различают 5 фаз. Так, на уровне С найдены дома и жилые комплексы, организованные вокруг незастроенной центральной площадки. Стены некоторых внутри и снаружи были покрыты нарезным орнаментом и красной и желтой росписью. Кроме того, там имелись ритуальные сосуды, богато украшенные меандрами, алтари, столы, статуэтки и т. д.

Раскопки проводились в 1953 г. Э.Заботаи, в 1955–1957 гг. Г.Газдапустаи и с 1978 г. до сегодняшнего дня – Ф.Хорватом.

Музей: г. Ходмезёвашархей.

Лит.: Horváth F. Hódmezövásárhely-Gorzsa. A Settlement of the Tisza culture // Raczky, ed. 1987. P. 31–46.

Градешница

Несколько стратифицированных поселений эпохи неолита и халколита в окрестностях деревни Градешница у г. Враца, Северо-Западная Болгария. Культурные отложения датируются концом VII – началом V тыс. до н. э. и принадлежат к западноболгарскому ответвлению культуры старчево и ранней культуры винча, существовавшему параллельно с центральноболгарскими культурами караново I–III. При раскопках обнаружены остатки многочисленных прямоугольных построек, их вертикальных столбов с глинобитными стенами. Среди находок – 200 глиняных статуэток, модели святилищ, столы для приношений, удивительная расписная керамика и великолепные образцы пластин, статуэток и других ритуальных предметов с древнеевропейскими «письменами» конца VI тыс. до н. э.

Раскопки проводились между 1963 и 1973 гг. Б.Николовым.

Лит.: Николов 1974.

Граймз-Грэйвз (Grimes Graves)

Неолитический центр добычи кремня близ Брэндона, на границе графств Норфолк и Саффолк, Англия. В 346 шахтах обнаружен кремень высокого качества, из которого изготовляли топоры, а также делали заготовки, которые затем шли в торговлю. В одной из шахт найден алтарь из кремневых глыб, вокруг него сложены оленьи рога. У его подножья стоял меловой светильник, а перед ним были сложены меловые шары, статуэтка богини и фаллос, также изготовленные из мела.

Лит.: Clarke R.R. Grimes Graves. 1963.

Гумельница (Gumelniţa)

Поселение-телль у г. Олтеница, Южная Румыния.

Раскопки проводились В.Думитреску в 1925 и 1960 гг.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dacia. 1925. № 2; 1937/1940. № 7–8; 1960. № 4 N.S.; Archaeology. 1960. № 13.

Гумельница культура

Культура Южной Румынии середины V тыс. до н. э., родственная параллельно существовавшей в Центральной Болгарии культуре караново VI. Примечательна великолепной керамикой и скульптурным искусством.

Гурбаново (Hurbanovo)

Стратифицированное поселение с отложениями культуры линейно-ленточной керамики (вариант железовце), лендель, тиса и бюкк у Гурбаново близ г. Комарно, Словакия.

Раскопки проводились в 1953–1958 гг.

Музей: г. Нитра.

Лит.: Arch. Rozhl. 1953. № 5; 1956. № 8; Novotný B. Počiatky vytvarneho prejavu na Slovensku. Bratislava, 1958; Prähist. Zeitschrift. 1960. № 36.

Данило (Danilo)

Поселение у г. Шибеник, Западная Югославия, давшее название одноименной культуре.

Раскопки проводились в 1952 г. Д.Рендич-Миочевичем, в 1953–1955 гг. – Й.Корошецем.

Музей: г. Шибеник.

Лит.: Korošec 1964.

Данило-хварская культура (Danilo-Hvar)

Культура адриатического побережья Далмации приблизительно 5500–4000 гг. до н. э.

Даррингтон-Уоллз (Durrington Walls)

Церемониальный монумент в Эмсбюри, Уилтшир, эпохи среднего и позднего южноанглийского неолита, конец IV–III тыс. до н. э. Это хендж с двойным входом и диаметром более 1600 футов (500 м). Внутри ограды было две деревянных постройки из нескольких концентрических колец, к одной из них вела аллея из вертикально вкопанных бревен.

Даут (Dowth)

Одна из трех больших круглых могильных насыпей, входящая в погребальный комплекс долины р. Бойн, графство Мит, Восточная Ирландия. Ее диаметр 85 м, высота 15 м, основание окружено кербом. В западной части расположены две погребальные камеры: к той, что больше по размеру, ведет коридор длиной в 8 м; она имеет крестовидную форму, ступенчатый свод, а в середине – большой каменный резервуар. Меньшая гробница состоит из короткого коридора и круглой камеры. На ряде ортостатов из обеих гробниц выдолблены символические знаки.

Лит.: Coffey G. Newgrange and Other Incised Tumuli in Ireland. Dublin, 1912.

Дивостин (Divostin)

Поселения старчевской и поздневинчевской культуры у г. Крагуевац, Центральная Югославия.

Раскопки проводились в 1968–1969 гг. А.Мак-Ферроном и Д.Срейовичем.

Музей: г. Крагуевац.

Лит.: McPherron, Srejović 1988.

Дикили-Таш (Dikili Tash)

Поселение-телль у г. Филипи, Македония, Северо-Восточная Греция, с отложениями материалов эпохи неолита и раннего бронзового века конца VI – начала III тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1965, 1968–1970 гг. Ж.Дезеем и Д.Теохарисом.

Лит.: Bulletin de Correspondance Hellénique. 1962. № 86/2. P. 912–933.

Димини культура (Dimini)

Поздненеолитическая культура Фессалии ок. 5500–4000 гг. до н. э., названная по имени поселения вблизи г. Волос.

Раскопки проводились в 1901–1902 гг. К.Цунтасом.

Лит.: Tsountas 1980.

Днепро-донецкая культура

Неолитическая культура Днепровского бассейна, представленная коренастым кроманьонским населением,

пришедшим из бассейна Верхнего и Среднего Днепра. Всего между 5500–4500 гг. до н. э. различают три фазы ее развития, отличительной чертой которых являлись коллективные захоронения. В середине V тыс. до н. э. ее носители были вытеснены степными народами бассейна Волги.

Домица (Domica)

Пещера протяженностью в 5 км, начинается в Словакии у Кечово, в районе г. Шафариково, и заканчивается в Северо-Восточной Венгрии у Барадла, где ее именуют пещерой Аггтелек. Внутри обнаружены ритуальные постройки и материалы культуры бюкк.

Раскопки проводились в 1910 г. Л.В.Мартоном и О.Кадич, в 1933–1934 гг. – Й.Бёмом.

Лит.: Tompa F.V. Die Bandkeramik in Ungarn. Budapest, 1929; Novotný 1958.

Доня-Браневина (Donja Branjevina)

Поселение культуры старчево у г. Деронь, Северная Югославия; примечательно ритуальными предметами культуры старчево.

Раскопки проводились в 1968 г. С.Кармански.

Музей: г. Оджаци.

Лит.: Karmanski S. Žtrvenici, statuete i amuleti sa lokalitela D. Branjevina kod' Deronja. Odžaci, 1968.

Зальцмюнде (Salzmünde)

Городище и ингумационные захоронения (не мегалитические) на Средней Заале к северо-востоку от Галле, Центральная Германия, конец IV тыс. до н. э. Дало название постбальбергской культурной группе Центральной Германии и Богемии с чертами курганизации – патриархальными элементами и воинственным характером, которая совпадает по времени с вальтернинбургской группой строителей мегалитов бассейна р. Эльба.

Лит.: Grimm P. Salzmünder Kultur // Jahresschrift Halle. 1938. № 29.

Зееберг-Бургеши Южное (Seeberg-Burgäschi Süd)

Одно из лучше всего изученных приозерных поселений Швейцарии культуры кортайо, середина IV тыс. до н. э., озеро Бургеши, Центральная Швейцария. Сохранились свайные постройки и деревянные орудия.

Раскопки проводились в 1952, 1957 и 1958 гг. Бернским историческим музеем; с 1957 г. – Х.Мюллер-Беком.

Лит.: Seeberg, Burgäschisee-Süd. 9 vols. / Hrsg. von H.-G.Bandi, H.Müller-Beck // Acta Bernensia 2. Bern: Stampfli und Cie, 1963–1969; Müller-Beck 1961, 1965.

Зенгёварконь (Zengövárkony)

Поселение и могильник культуры лендель близ г. Печ, Юго-Западная Венгрия. Могильник состоял из 368 захоронений, по большей части единичных и ингумационных.

Раскопки проводились в 1936–1948 гг. Й.Домбаи.

Музей: г. Печ.

Лит.: Dombay J. A Zengövárkony öskori telep es temetö // Arch. Hung. 1939. № 23; Idem. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövárkony // Arch. Hung. 1960. № 37.

Зок (Zók)

См.: *Вучедол.*

Извоаре (Izvoare)

Поселение раннего периода кукутенской культуры на р. Бистрица близ г. Бакэу, Северо-Восточная Румыния; 5 горизонтов протокукутенской и кукутенской А культуры.

Раскопки проводились в 1936–1938 гг. Р.Вульпе.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Караново

Тель у г. Нова-Загора, Центральная Болгария, давший имя культуре, которая стала основой восточнобалканского культурного комплекса: караново I–IV–VII – первая половина VI тыс. до н. э., караново V–VI – первая половина и середина V тыс. до н. э. Караново VII относится к раннему бронзовому веку и не обнаруживает преемственности по отношению к караново VI.

Раскопки проводились в 1936–1957 гг. В.Миковым и Г.И.Георгиевым.

Музеи: гг. Нова-Загора и София.

Лит.: Известия (София). 1937. № 5; Antiquity. 1939. № 13; Советская археология. 1958. № 1; Georgiev 1961; Hiller S., Georgiev G.I. Tell Karanovo. Salzburg: Universität, Institut für Alte Geschichte und Altertumsforschung, 1988–1989.

Карбунский клад

Состоит из 852 предметов, найденных в сосуде предкукутенской (трипольской А) культуры в окрестностях г. Чимишлия, Молдавская ССР. Более половины составляют изделия из меди, и более 250 являются изделиями из раковин.

Лит.: Советская археология. 1962. № 1.

Карнак (Carnac)

Каменные кладки – аллея из рядов поставленных прямо камней длиной в 1–6 км – у Карнака, Бретань, по-видимому, восходят к той же эпохе, что и коридорные гробницы. Всего существует три самостоятельные конструкции: Менек, к северу от Карнака, состоит из 1000 камней, составленных в 11 параллельных рядов; Кермарио – 10 рядов; Керлесан – 13 рядов. У каждой кладки в западной части первоначально имелось каменное кольцо или какие-то другие постройки. Возможно, это были святилища, к которым вели аллеи.

Лит.: Giot P.R. Brittany. London, 1960.

Кастельновьен (Castelnovian)

Мезолитическая культура Восточной Испании и Южной Франции.

Кёкеньдомб (Kökénydomb)

Поселение-тель в Ходмезёвашархее, Юго-Восточная Венгрия, покрывающее 1,5 га, с захоронениями культуры тиса. Примечательно богатством скульптуры. Первая половина V тыс. до н. э.

Раскопки проводились Я.Баннером в 1929, 1940–1942 и 1944 гг.

Музей: г. Ходмезёвашархей.

Лит.: Banner J. A Kökénydombi neolithkori telep // Dolgozatok. 1930. № 6. P. 4–158; Banner 1958.

Кёльн-Линденталь (Köln-Lindenthal)

Типичное поселение линейно-ленточной культуры с длинными домами; расположено у г. Кёльн, Германия. При

раскопках территории в 30 000 кв. м расчищено более 30 домов. Самое позднее поселение было окружено рвом.

Раскопки проводились в 1929–1932 гг.

Лит.: Buttler W., Haberey W. Die bandkeramische Ansiedlung von Köln-Lindenthal // Röm.-Germ. Forschungen. 1936. № 11.

Керамика с радиальным орнаментом (Radial-Decorated Pottery)

См. *Баденская культура.*

Кёрёш культура (Körös)

Неолитическая культура Юго-Восточной Венгрии первой половины VI тыс. до н. э., названная по имени реки Кёрёш. Северное ответвление центральнобалканской культуры старчево.

Кносс (Knossos)

Город на Крите в 5 км к юго-востоку от Гераклейона, хорошо известный благодаря дворцу-храму, который в начале XX столетия был открыт Артуром Эвансом. Неолитические земледельцы поселились в этих местах приблизительно ок. 7000 г. до н. э.; под слоями раннеминойской культуры бронзового века находится еще 4 м неолитических отложений.

Раскопки проводились Дж.Д.Эвансом в начале 1960-х гг.

Лит.: Evans 1964.

Кова-Фоска (Cova Fosca)

Стратифицированная пещерная стоянка в Кастельоне, Восточная Испания, свидетельствующая о том, что в Западном Средиземноморье переход от присваивающего к производящему хозяйственному укладу был ранним и постепенным. Древнейший слой датируется VIII тыс. до н. э.: в нем есть следы наличия овец, но нет окультуренных растений. Каменная индустрия – мезолитическая. Керамика – глубокие яйцевидные чаши – появилась на следующей фазе, ок. 6500–6000 гг. до н. э.

Раскопки проводились в 1975–1979 гг. К.Оларией и Ф.Гузи.

Лит.: Olària 1988.

Коджадермен

Тепль высотой 7 м близ г. Шумен, Северо-Восточная Болгария; отложения культуры боян, затем гумельница.

Раскопки проводились в 1914 г. Р.Поповым.

Музей: г. София.

Лит.: Известия на Българското Археологическо Дружество. 1916–1918. № 6.

Колоколовидных кубков культура (Bell Beaker Culture)

Мобильная скотоводческая культура Восточной и Центральной Европы, в которой смешались традиции ямной и вучедольской культуры; в 2500–2100 гг. до н.э. распространилась по территории между Центральной Европой, Британскими островами и Иберийским полуостровом.

Кортайо культура (Cortaillod)

Культура приозерных жителей Западной и Центральной Швейцарии и Восточной Франции V–IV тыс. до н. э. Имели керамику мешковидной формы с малым количеством декоративных элементов. О занятиях земледелием свидетельствует присутствие зерновых культур, яблок, груш, слив, капусты, льна и опиумного мака. Кроме того, многочисленные материалы говорят о наличии высокоразвитого инструментария, ткачества и домашних животных.

Костолац культура (Kostolac)

Ответвление позднебаденской культуры в Северной Югославии и Боснии.

Коцофени культура (Coţofeni)

Культурный комплекс в долине Дуная, Западной Мунтении, Южном Банате и Трансильвании конца IV тыс. до н. э., вобравший в себя остатки древнеевропейских традиций. Ее носители были оседлыми земледельцами, которые использовали медные орудия и продолжали производить красную лощеную керамику с белой росписью.

Криш культура (Criş)

То же, что культура кёрёш. Старчевская культура в Румынии, названная по имени реки Криш.

Ксемксийя (Xemxija)

Скальные гробницы яйцевидной и почковидной формы с коллективными захоронениями на Северной Мальте; относятся к дохрамовому периоду: считается, что их формы явились прототипами очертаний мальтийских храмов. В некоторых гробницах имеется несколько ниш и каменных перегородок. Человеческие кости лежали беспорядочно, вперемешку с костями животных.

Раскопки проводились в 1955 г.

Музей: Национальный музей, г. Валетта.

Лит.: Evans 1959, 1971.

Кукутени (Cucuteni)

Стратифицированное поселение у г. Тыргу-Фрумос, район Яссы, Молдавия, Северо-Восточная Румыния, с материалами кукутенской культуры А, А-В и В, давшее название кукутенской культуре Молдавии.

Раскопки проводились Х.Шмидтом в 1909–1910 гг. и М.Петреску-Дымбовицей в 1961–1968 гг.

Музей: Берлин и Бухарест, Яссы и Бирлад.

Лит.: Schmidt 1932; Petrescu-Dîmboviţa 1966.

Кукутенская культура

Культура, существовавшая в Молдавии и на Западной Украине приблизительно в 4800–3500 гг. до н. э. Образовалась в результате колонизации носителями культуры боян молдавских земель с неолитическим населением культуры линейно-ленточной керамики, что привело к появлению одной из богатейших культур Древней Европы. В крупнейших поселениях позднекукутенской культуры могло быть до 2000 домов, стоявших концентрическими кругами и покрывавших до 400 га. Кукутенская керамика – одна из самых изысканных во всей Древней Европе.

Курганная культура

Воинственная, патриархальная и иерархическая культура Южной России со скотоводческим укладом, дополняющимся рудиментарным земледелием, и временными стоянками с жилищами-полуземлянками. Погребальные обычаи указывают на концентрацию богатства в руках вождей и предполагают могильные ямы с деревянными или

каменными «домиками мертвых» (или шатрообразными постройками), сверху покрытыми низкой каменной или земляной насыпью. Термин «курганная культура» был впервые предложен автором в 1956 г. для обозначения протоиндоевропейской культуры. В российской традиции курганная культура волжских степей и лесостепей ок. 4500–3500 гг. до н. э. именуется раннеямной, ее аналог в нижнеднепровских степях – среднестоговской II культурой, в Северном Причерноморье – майкопской культурой, а культура Волжского бассейна ок. 3500–2500 гг. до н. э. – позднеямной.

Кэшиоареле (Căscioarele)

Стратифицированное поселение с материалами позднего периода культуры боян и гумельница неподалеку от нижнедунайского острова Олтеница. Известно своими святилищами с колоннами, стенными росписями и глиняной моделью какого-то большого строения.

Раскопки проводились Г.Стефан в 1925 г., Х. и В.Думитреску в 1962–1969 гг.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dumitrescu V. 1965, 1970; Dumitrescu H. 1968.

Лагоцца период (Lagozza)

Характерен для североитальянских приозерных поселений середины – конца IV тыс. до н. э., на смену ему приходит период керамики с квадратным горлом, родственный культуре шассе.

Лажняны (Lažn'any)

Заключительный этап существования изолированной и угасающей культуры тиса, известный лишь по ингумационным и кремационным захоронениям в Восточной Словакии. Затухание медной и обсидиановой индустрии и деградация керамического стиля.

Лазинья культура (Lasinja)

См. *Балатон*.

Ларга-Жижия (Larga-Jijiei)

Множественные поселения в районе г. Яссы, Северо-Восточная Румыния, с материалами ранней (предкукутенской) и поздней (кукутенской Б) кукутенской культуры.

Раскопки проводились А.Д.Александреску.

Лит.: Dacia. 1961. № 5; SCIV. 1961. № 12/2.

Лендель (Lengyel)

Поселение и могильник у г. Сексард, Тольна, Венгрия, чье название стало именем культурной группы.

Раскопки проводились М.Вошински в 1882–1888 гг.

Музей: г. Сексард.

Лит.: Wosinszky M. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. 1888.

Лендель культура

Ярко выраженная культурная группа, сформировавшаяся в Дунайском бассейне ок. 5000 г. до н. э. на основе старчевской культуры и под влиянием усилившихся контактов с Боснией и побережьем Адриатики. Где-то после 4300 г. до н. э. также появляется в Баварии, Центральной Германии и Западной Польше, колонизируя центральные территории культуры линейно-ленточной керамики.

Лепенски-Вир (Lepenski Vir)

Комплекс из 50 треугольных/трапециевидных святилищ и захоронений на берегу Дуная у Железных Ворот, Северная Югославия, 6500–5500 гг. до н. э. В святилищах – красные обмазанные глиной полы, прямоугольные, обнесенные каменными стенами алтари, 54 монументальных скульптуры, некоторые с чертами Богини-рыбы, и другие ритуальные предметы.

Раскопки проводились в 1965–1969 гг. Д.Срейовичем и З.Летица.

Музей: Белградский университет.

Лит.: Srejović 1969; Srejović, Babović 1983.

Лепенски-вир культура

Туземная культура района Железных Ворот (Северная Югославия и Южная Румыния), переходный этап от верхнепалеолитической культуры граветт к культуре старчево, XI–VI тыс. до н. э. Всего изучено 14 поселений, включая Куина-Туркулуй, Власац, Падину и Лепенски-Вир.

Лерна (Lerna)

Стратифицированное поселение у г. Аргос, Восточный Пелопоннес, Греция, с двумя неолитическими слоями, поверх которых лежат материалы раннего бронзового века.

Раскопки проводились в 1956–1959 гг. Дж.Л.Каски.

Музей: г. Аргос.

Лит.: Hesperia. 1954. № 23; 1956. № 25; 1957. № 26; 1958. № 27; 1959. № 28.

Лец (Leţ)

Телль у г. Сынджорджу, Трансильвания, с двумя фазами культуры старчево (криш), затем слоями культуры боян и кукутени-арьюшд.

Раскопки проводили в 1949–1955 гг. З.Секели, И.Нестор и Э.Захария.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dacia N.S. 1962. № 6.

Линейно-ленточной керамики культура (Linearbandkeramik; LBK)

Существовала на территории между Восточной Францией и Румынией ок. 5500–4500/4300 гг. до н. э. Также именуется «дунайской», «линейной керамики» и «ленточной керамики».

Липари (Lipari)

Острова к северу от Сицилии, бывшие источником обсидиана. В Кастелло-ди-Липари найдены позднеолитические (культура диана) материалы, а также материалы медного и раннего бронзового века.

Раскопки были начаты в 1950 г. Л.Бернабо-Бреа и М.Кавалье и продолжались несколько десятилетий. Материалы хранятся в местных музеях, а часть выставлена прямо на месте, перед собором.

Лит.: Cavalier M. Castello di Lipari. Palermo, 1958.

Лисичичи (Lisičići)

Поселение культуры хвар у г. Кониц, Герцеговина, с тремя горизонтами обитания.

Раскопки проводил в 1952–1954 гг. А.Бенац.

Музей: Земальски Музей, г. Сараево.

Лит.: Benac A. Neolitsko naselje u Lisičićima kod Konjica. Sarajevo, 1958.

Лужянки (Lužianky)

Поселение и могильник культуры лендель на берегу р. Нитра, в 6 км к северо-западу от г. Нитра, Словакия. Название используется для обозначения развитой керамики ранней культуры лендель с красной и желтой росписью.

Раскопки проводили в 1942 г. В.Будински-Кричка, в 1956 г. Б.Новотны.

Лит.: Novotný 1962.

Лука-Врублевецкая

Поселение раннекукутенской (триполье А) культуры в долине Верхнего Днестра, Каменец-Подольский район, Украина.

Раскопки проводились в 1946–1950 гг. С.Н.Бибиковым.

Музей: Москва, Институт археологии.

Лит.: Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. № 38. С. 1–408.

Майкопская культура

Курганная культура Северопонтийского региона, расположенного между Нижним Днестром и Кавказом, более высокого уровня развития, чем курганная I культура. Ее ранний этап представлен нижним слоем Михайловки, ок. 3500 г. до н. э. Царские гробницы и сокровищницы поздней майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе начала III тыс. до н. э. говорят о баснословном богатстве племенных вождей и наличии контактов с Месопотамией.

Марица

Телль близ г. Марица, район Хасково, Центральная Болгария, с материалами культуры караново V, начало V тыс. до н. э. Без всякой необходимости используется в качестве обозначения одного из периодов культуры караново.

Лит.: Slovenská Archeológia. 1966. № 14.

Маэс-Хоу (Maes Howe)

Великолепная коридорная гробница на Оркнейских островах (Шотландия) с квадратной погребальной камерой и ступенчатым сводом, покрытая круглой каменной насыпью (каирном) и окруженная кольцевым рвом; была разграблена викингами. Черты сходства с Нью-Грейнджем позволяют отнести ее к концу IV тыс. до н. э.

Лит.: Childe V.G. Excavations at Maes Howe // Preh. Soc. AS. 1947–1948. № 82; Henshall 1963. P. 219–223.

Мгарр / Та-Хаграт (Mġarr / Ta' Haġrat)

Храмовый комплекс на севере Мальты, в километре к западу от Скорбы. Двойное святилище, состоящее из двух прилегающих храмов в форме трилистника. Больший относится к фазе гжантийя, поменьше – к фазе халь-сафлиени, середина и вторая половина IV тыс. до н. э.

Раскопки проводил в 1923–1926 гг. Ф.Заммит.

Лит.: Evans 1971.

Михельсбергская культура(Michelsberg)

Поздненеолитическая культура бассейна Верхнего и Среднего Рейна, на востоке достигающая Австрии, IV тыс. до н. э. Пограничное образование с чертами как западноевропейского неолита, так и культуры воронковидных кубков. Название ей дало городище к северо-востоку от г. Карлсруэ, Германия.

Раскопки велись с 1888 г.

Лит.: Lüning 1968.

Мнайдра (Mnajdra)

Один из самых красиво расположенных храмовых комплексов Южной Мальты: он стоит в низине у подножия холма с видом на море, которое находится всего в 100 м от него. На 500 м выше на склоне того же холма стоит храмовый комплекс Хагар-Ким. Мнайдра состоит из двух главных строений с антропоморфными очертаниями периода тарксиенны, ок. 3000 г. до н. э. (см. рис. 5-27), и небольшого храма в форме трилистника фазы гжантийя, сер. IV тыс. до н. э. Храмы выстроены из глыб и плит кораллового известняка, их внутренности также отделаны известняком, но другой породы. Среди здешних находок – статуэтки с разбухшими вульвами и беременным чревом, связанные с функциями Богини-роженицы.

Раскопки проводились Ж.Г.Вансом в 1840 г. и Национальным музеем Валетты в 1944, 1954 гг.; там же хранятся найденные материалы.

Лит.: Evans 1959, 1971.

Могельнице (Mohelnice)

Поселение линейно-ленточной культуры у Забржега, район г. Шумперк, Моравия.

Раскопки проводились в 1953 г. Р.Тихим.

Музей: г. Брно.

Лит.: Arch. Rozhl. 1956. № 8; Sbornik Arch. Ust. Brno, 1960. № 1; 1961–1962. № 2–3; Přehled Výzkumu Brno. 1960, 1962; Pam. Arch. 1958. № 49; 1962. № 53.

Мольфетта (Molfetta)

Поселение культуры керамики импрессо у г. Бари, Апулия, Италия.

Раскопки проводились в 1908–1910 гг. А.Моссо и М.Джервазио.

Музеи: Археологический музей г. Бари и Семинарио ди Мольфетта.

Лит.: Mayer M. Le stazioni preistoriche di Molfetta. Bari, 1904; Mosso A. La necropoli neolitica di Molfetta // Monumenti Antichi. 1910. № 20. P. 237 ss.

Монте-д'Аккодди (Monte d'Accoddi)

Пирамидальное ритуальное сооружение из камня и земли (6 м высотой и 30–37 м шириной) у г. Сассари, Северная Сардиния; относится к культуре оциери, ок. 4000 г. до н. э. К нему ведет рампа длиной в 41,5 м. Среди сделанных здесь находок – удивительная керамика, мраморные статуэтки и большие алтарные столы из камня. К северо-востоку от него стояли два менгира, а к западу – многокомнатное строение с очагом, керном, статуэтками и проч.

Раскопки проводились в 1952–1960 гг. Э.Конту.

Лит.: Bollettino di Paletnologia Italiana n.s. 1953. № 8/ V. P. 174 ss.; Rivista di Scienze Preist. 1953. № 8. P. 199 ss.; 1960. № 15. P. 236 ss.; Bollettino PI. 1957. № 66. P. 11, 39 ss.

Накольчатой керамики культура (Stroked Pottery)
Заключительная фаза культуры линейно-ленточной керамики, ок. 4700–4400 гг. до н. э.

Нарвская культура
Восточнобалтийская культура эпохи неолита, V – начало III тыс. до н. э. Население занималось рыбной ловлей, земледелие стало появляться только в поздних поселениях ок. 3000 г. до н. э.

Наут (Knowth)
Основной и самый величественный памятник погребального комплекса в долине р. Бойн, графство Мит, Ирландия, существовавший с середины IV тыс. до н. э. Центральная насыпь, покрывающая около полутора акров и имеющая 9,9 м в высоту, была окружена 16 могилами меньших размеров. Под ней находятся две коридорные гробницы: погребальная камера восточной имеет ступенчатый свод и три ниши с остатками кремационных захоронений. В одной из ниш найден каменный резервуар с желобками и круговым узором. На окружающих насыпь камнях керба и на ортостатах коридорных гробниц выбиты символические знаки.
Раскопки проводились Г.Эоганом в 1962–1980 гг.
Лит.: Eogan 1985.

Неа-Никомедия (Nea Nikomedeia)
Поселения у г. Верроя, Македония, с ранненеолитическими (протосескло) и поздненеолитическими материалами.
Раскопки проводились в 1961–1963 гг. Р.Дж.Родденом.
Музей: г. Верроя.
Лит.: Proceedings of Preh. Society. 1962. № 28; Scientific American. 1965. April.

Небо (Nebo)
Поселение культуры бутмир близ г. Травник, Босния.
Раскопки проводил в 1948–1949 гг. А.Бенац.
Музей: Земальски Музей, г. Сараево.
Лит.: Benac 1952; Glasnik Sarajevo Arh. NF. 1953. № 8.

Неманская культура
Туземная культура бассейна р. Неман в Южной Литве и Северо-Восточной Польше эпохи мезолита и неолита. В немецкой традиции также именуется культурой цедмар, в польской – культурой серово. Приблизительно в сер. IV тыс. до н. э. ее территория была колонизована культурой воронковидных кубков, а ок. 3000 г. до н. э. – культурой шаровидных амфор. В результате смешения традиций неманская культура утратила оригинальные черты.

Нитра (Nitra)
Могильник культуры линейной керамики (77 захоронений) на левом берегу р. Нитра, Словакия, и поселение культуры лендель с сохранившимися постройками.
Раскопки проводили Й.Лихардус и Й.Владар.
Лит.: Slovenská Archeológia. 1970. № 18/2.

Нью-Грейндж (Newgrange)
Одна из великолепнейших коридорных могил Ирландии, расположенная в 25 милях к северу от Дублина и входящая в религиозный комплекс долины р. Бойн. Возведенная ок. 3200 г. до н. э., она состоит из насыпи, в которой перемежаются слои торфа и камни, и ограничивающего насыпь керба из 97 камней; покрывает ок. 1 акра и имеет ок. 11 м в высоту. Внутри 19-метровый коридор заканчивается крестообразной камерой со ступенчатым сводом. Самая крупная из покровных плит весит 6-8 тонн. Многие камни у входа, в камере и в коридоре покрыты выдолбленным орнаментом в виде тройных змеевидных спиралей, концентрических кругов и дуг, ромбов, треугольников, змей и чашевидных знаков, являющихся частью регенерационной символики. В отсеках камеры найдены следы кремации.
Раскопки и публикация материалов осуществлены М.Дж.О'Келли (O'Kelly 1982).

Обре I (Obre)
Поселение культуры старчево (какань) у г. Какань, Босния, с 4 жилыми горизонтами. Самый ранний относится к старчевскому комплексу (красная керамика с черной геометрической росписью), три прочих – к заключительной стадии этой же культуры, здесь именуемой «какань». VI тыс. до н. э.
Раскопки в 1968 г. проводили А.Бенац и М.Гимбутас.
Музей: Земальски Музей, г. Сараево.
Лит.: Archaeology. 1970. № 23/4; Wiss. Mitt. des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums (Sarajevo). 1973. № 3. Heft A. S. 327–430.

Обре II (Obre)
Поселение культуры бутмир у г. Какань, Босния, с девятью жилыми горизонтами и тремя фазами развития. Ранняя и средняя культура бутмир 5000–4500 гг. до н. э.
Раскопки в 1967–1968 гг. проводили А.Бенац и М.Гимбутас.
Музей: Земальски Музей, г. Сараево.
Лит.: Archaeology. 1970. № 23/4; Benac 1973a; Wiss. Mitt. des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1974. № 4. Heft A.

Оверньe (Auvernier)
Стратифицированная стоянка с культурными слоями кортайо, хорген и шнуровой керамики, кантон Невшатель, Швейцария. Датировка материалов кортайо – ок. 4000–3200 гг. до н. э.
Раскопки проводились в 1919–1920, 1948, 1950, 1964–1965 гг.
Музеи: музей Невшателя и музей Человека.
Лит.: Vouga P. Le Néolithique lacustre ancien. Neuchâtel, 1934; Jéquier J.-P., Strahm C. Les fouilles archéologiques d'Auvernier en 1964. Neuchâtel: Musées neuchâtelois, 1965; Gallay A. Les fouilles d'Auvernier 1964–1965 et le problème des stations lacustres // Archives suisses d'anthropologie générale. 1960. № 30. P. 57–82.

Овчарово
Поселения эпохи неолита и халколита к юго-востоку от г. Тырговиште, Северная Болгария. Ранненеолитическая стоянка с жилищами-землянками была обнаружена в Овчарово-Земнике I. Халколитический телль с 13 горизонтами обитания расположен к западу от неолитического поселения на реке Калаиджере: был постоянно заселен на протяжении 500 лет, периоды I–IV его развития параллельны культуре караново V–VI и позднему периоду культуры караново-гумельница, ок. 4750–4250 гг. до н. э. Ценный

источник информации о структуре и архитектуре небольшого города. Среди находок, сделанных на 9 горизонте обитания, – двухэтажные здания (святилища), модели святилищ, керамические мастерские, замечательная керамика с графитной росписью и белой инкрустацией, украшения из раковин спондилус и набор фигурок для воспроизведения ритуальной сцены из 26 миниатюрных глиняных предметов – алтарей, женских статуэток, столов, сосудов, стульев и барабанов. Рядом с теллем расположен могильник с ингумационными захоронениями.

Раскопки проводились Х.Тодоровой в 1972–1975 гг.

Лит.: Тодорова 1976.

Ольшаница (Olszanica)

Поселение линейно-ленточной культуры у западной части Кракова, Южная Польша, на лёссовой возвышенности над рекой Рудава. Из 50 га общей площади раскопано лишь 1,5 га, что позволило обнаружить остатки более 20 длинных домов от 7 до 41,5 м в длину. Согласно радиоуглеродным датировкам, поселение существовало между концом IV и серединой V тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1967–1973 гг. Ш.Милисаускасом совместно с Институтом материальной культуры Польской Академии наук.

Лит.: Hensel W., Milisauskas S. Excavations of Neolithic and Early Bronze Age Sites in SE Poland. Wrocław: Ossolineum, 1985. P. 10–51.

Отзаки (Otzaki)

Телль близ г. Ларисса, Фессалия, с четырьмя слоями материалов культуры сескло.

Раскопки проводились в 1953–1955 гг. В.Милойчичем.

Музей: г. Ларисса.

Лит.: Arch. Anzeiger. 1954, 1955, 1959; Jb. Römisch-Germ. Zentral Museums. 1959; Milojčić, Milojčić von Zumbusch 1971.

Ошери (Ozieri)

Поздненеолитическая культура Сардинии конца V – начала IV тыс. до н. э. с гипогеями (подземными некрополями) и поразительной керамической традицией. Сосуды отличаются разнообразием форм, а также богатством символического и «мифологического» нарезного и расписного орнамента, вполне сравнимым с позднекукутенскими росписями этого же периода.

Оэдик (Hoëdic)

Куча хозяйственных отбросов и захоронения домегалитического периода в Бретани, на острове к югу от Ванна, Морбиан. 9 могил с 14 ингумационными захоронениями, 4 из которых были покрыты оленьими рогами. Имеет важное значение для изучения возникновения коллективных захоронений.

Раскопки проводились в 1931–1934 гг. М. и С.-Ж.Пекар.

Лит.: Péquart S.-J., Péquart M. Hoëdic. Deuxième station nécropole mésolithique du Morbihan. Anvers, 1954.

Падина (Padina)

Поселение у Железных Ворот, Северная Югославия, связанное с культурой лепенски-вир.

Раскопки проводились в 1968–1971 гг. Б.Йовановичем.

Лит.: Jovanović B. Stare Kulture u Djerdapu. 1969; Arheološki Pregled. 1968. № 10; Arch. Jugoslavica. 1971. № 9.

Парца (Parţa)

Поселение раннего и классического периодов культуры винча к юго-западу от Тимишоары, Юго-Западная Румыния. Примечательно двумя святилищами с монументальными скульптурами и букраниями.

Раскопки проводили в 1931 г. И.Милойя, в 1943 и 1951 гг. – М.Мога, в 1962–1963 гг. – М.Мога и О.Раду, с 1980 г. по сегодняшний день – Г.Лазаровичи.

Музей: г. Тимишоара.

Лит.: Lazarovici 1979; Varia Arch. Hungarica. 1989. № 2. P. 149–174.

Пассо-ди-Корво (Passo di Corvo)

Самый крупный из окруженных рвами поселков равнины Тавольере в 5 км к северу от г. Фоджа, Юго-Восточная Италия, вторая половина VI тыс. до н. э. Состоит из ок. 100 участков, огороженных С-образными рвами, которые окружены общим рвом диаметром ок. 1 км. Изучена центральная часть поселка с несколькими С-образными рвами: обнаружен небольшой прямоугольный дом на каменном фундаменте и с апсидным концом. Для поселения характерна великолепная расписная керамика и круглые и яйцевидные сосуды черного лощения типа скалория. Наиболее ценная находка – статуэтка Богини с орнаментом в виде знаков «М» и бабочек.

Раскопки проводились в 1965–1980 гг. С.Тине.

Лит.: Tinè 1983.

Петрешти культура (Petreşti)

Культура бассейна реки Муреш в Трансильвании середины V – начала IV тыс. до н. э., родственная кукутенской культуре классического периода. Типичной чертой является трихромная расписная керамика.

Пецель (Pécel)

См. *Баденская культура*

Плочник (Pločnik)

Поселение позднего периода культуры винча в Прокупле, Южная Югославия, ок. 3 м культурных отложений. Его название используется для обозначения поздневинчевской культуры в целом.

Раскопки проводились в 1927 г. М.Грбичем и в 1968–1970 гг. Б.Сталио.

Музей: Национальный музей, г. Белград.

Лит.: Grbić M. Äneolithische Ansiedlung. Belgrade (NM), 1929.

Поляница

Телль эпохи халколита к югу от г. Тырговиште, Северная Болгария: 8 последовательных уровней застройки или 3 м культурных отложений конца VI – первой половины V тыс. до н. э. Отличается продуманным планом и деревянной изгородью. Дома имели одну-три комнаты и были симметрично и компактно сгруппированы по отношению к четырем основным точкам. С каждой стороны изгороди посередине был вход.

Раскопки проводились в 1972 г. Х.Тодоровой.

Лит.: Todorova 1978. P. 48–51, tab. 18–21.

Породин (Porodin)

Поселение-телль у г. Битола, Южная Югославия. Ранний македонский неолит, ок. 6000 – начало VI тыс. до н. э. Модели святилищ, скульптурное искусство и прекрасная расписная керамика.

Раскопки проводились в 1953–1954 гг. М.Грбичем и др.

Лит.: Grbić et al. 1960.

Пфин (Pfyn)

Приозерное поселение из 9 домов, кантон Тургау, Швейцария, ок. 3000 г. до н. э., давшее имя поздненеолитической культуре Восточной Швейцарии.

Раскопки проводились в 1944 г. К.Келлер-Тарнуццер.

Лит.: Tschumi O. Urgeschichte der Schweiz. Frauenfeld, 1949. T. I. S. 717 ff.

Раст (Rast)

Стратифицированный телль на берегу р. Цифарулуй, менее чем в 300 м от Дуная, южная часть Крайовы, Западная Румыния; покрывает более 10 тыс. кв. м и содержит материалы раннего и классического периода культуры винча. Частично разрушен, но тем не менее дал большое количество керамических и каменных артефактов. Отличается богато украшенными статуэтками с «письменами», сосудами для приношений и другими ритуальными предметами.

Раскопки проводились в 1943, 1950 гг. В.Думитреску и др.

Лит.: Dumitrescu 1980.

Рендина (Rendina)

Ранненеолитическое стратифицированное поселение (тип поселений со рвами) в долине реки Офанто, Юго-Восточная Италия, конец VII – середина VI тыс. до н. э. Три фазы (I–III) поздней южноитальянской керамики импрессо последовательного культурного развития. Керамика периода III включала антропоморфные и украшенные символами сосуды, статуэтки и печати. Кроме того, имелись зерновые и бобовые культуры и 5 видов домашних животных – крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и собаки.

Раскопки проводились в 1970–1976 гг. М.Чиполлони-Сампо.

Лит.: Cipolloni Sampò 1982.

Рёссен (Rössen)

Поздняя фаза культуры линейно-ленточной керамики с элементами курганной I культуры. Название дано по могильнику у г. Мерзебург, Центральная Германия.

Раскопки проводились в 1882–1890 гг.

Лит.: Niquet F. Das Gräberfeld von Rössen // Museum Halle Publications. 1938. Vol. 9.

Рудна-Глава (Rudna Glava)

Медные разработки культуры винча в гористом регионе Северо-Восточной Сербии, близ гг. Рудна-Глава и Доне-Милановец, первая половина V тыс. до н. э. Найдено 30 шахт с каменными орудиями и керамикой культуры винча (в частности, тонкие черные сосуды с каннелюрами и стол для приношений с протомом в виде головы барана).

Раскопки проводились в 1968–1979 гг. Б.Йовановичем.

Лит.: Jovanović 1980, 1982, 1986.

Сава

Поселение-телль близ г. Варна, Восточная Болгария, давшее название культурной группе, существовавшей на Черноморском побережье до Варнского могильника, и современной ей культуре караново V («марица») Центральной Болгарии; начало V тыс. до н. э.

Лит.: Мирчев М., Златарски Д. Селищната могила при село Сава // Известия на Варненското Археол. Дружество. 1960. № 11; Slovenská Archeológia. 1966. № 14.

Салкуца (Salcuţa)

Стратифицированное поселение в Олтении к северу от Дуная, район г. Крайова, Юго-Западная Румыния: в нижнем слое – материалы культуры старчево, затем пустой слой, далее – материалы классического и позднего периодов винча, поверх них – отложения культуры коцофени и, наконец, материалы бронзового века. Дало название культуре Олтении и Баната V тыс. до н. э., которая представляет собой вариант культуры винча, родственный культурам гумельница и караново V–VI.

Раскопки проводились в 1916–1920 гг. И.Андрешеску, в 1947 г. Х.Думитреску, в 1961 г. Д.Берчу.

Лит.: Berciu D. Contribuţii la problemele neoliticului in Romînia. Bucureşti, 1961. P. 158 ss.

Самарская культура

Ранняя энеолитическая культура лесостепной зоны Средней Волги ок. 5000 г. до н. э.: следы жертвоприношения лошадей, скульптуры лошадей и быков, костяные и кремневые кинжалы.

Сарнате (Sarnate)

Торфяная стоянка нарвской культуры конца IV тыс. до н. э. в районе г. Алсунга, Западная Латвия: наземные прямоугольные дома с деревянными каркасами, большое количество кухонной утвари, рыболовных снастей и сетей, ковши в виде водоплавающих птиц, большая скульптура Богини, лодка, мастерская по обработке янтаря, целые слои орехов, большие горшки нарвского типа и т. д.

Раскопки проводились Э.Штурмс и Л.Ванкиной.

Лит.: Ванкина 1970.

Сарново (Sarnowo)

Могильник середины IV тыс. до н. э. из длинных треугольных насыпей (30–60 м длиной), район г. Влошлавек, Куявия, Западная Польша. Насыпь № 9 возведена над захоронением 70-летней женщины, лежавшей в гробу под ритуальной деревянной постройкой.

Раскопки проводились Круликовской в 1947 г.

Лит.: Chmielewski W. Zagadnienie grobowców Kujawskich. Warszawa, 1952; Prace i Materiały Muzeum Arch. i Etnogr. w Łódzi. 1986. № 33. P. 5–19.

Сатмар культура (Szatmar)

Древнейший неолитический комплекс бассейна Верхней Тисы.

Сегвар-Тюзкёвеш (Szegvár-Tüzköves)

Поселение и захоронения культуры тиса в Сентеше, Юго-Восточная Венгрия. Классический образец одновременного существования двух типов поселения: в середине – теллеобразная насыпь, а сбоку от нее – однослойное

поселение. Площадь тепля – 400 на 100 м, 2,5 м в высоту; поселение занимало 11 га. При раскопках центрального тепля обнаружены две фазы культуры тиса, ранняя и классическая, ок. 5000–4500 гг. до н. э. Среди находок – знаменитые скульптуры мужского и женского божества, антропоморфные сосуды и чаши на цоколе. К сожалению, хотя это – главный центр культуры тиса, он был сильно поврежден современным строительством сельскохозяйственных кооперативов.

Раскопки проводились в 1956–1957 гг. Й.Чалогом, в 1970 г. Я.Кореком и в 1978 г. М.Шеляну.

Музеи: г. Сентеш и Национальный музей, г. Будапешт.

Лит.: Czálog 1959, 1972; Korek J. Szegvár-Tüzköves. A Settlement of the Tisza Culture // Raczky, ed. 1987. P. 47–60.

Селевац (Selevac)

Поселение культуры винча в Нижнеморавской долине между Смедерово и Смедеревска-Паланкой, Сербия. Культурные отложения с 9 горизонтами обитания и материалами 3 фаз классического периода культуры винча, 5000–4400 гг. до н. э.

Раскопки проводились в 1976–1978 гг. Р.Трингхам и Д.Крстичем.

Лит.: Tringham, Krstić 1990.

Сены-Уазы-Марны культура (Seine-Oise-Marne; SOM)

Последняя культура неолита и медного века в Парижском бассейне, начало III тыс. до н. э.; более всего известна мегалитическими галерейными и скальными гробницами.

Серра-д'Альто (Serra d'Alto)

Поселение и могильник у г. Матера, Базиликата, Италия. Типичное поселение южноитальянского среднего неолита, V тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1919 г. Д.Ридола и У.Реллини.

Музей: Музей ди Матера.

Лит.: Mayer M. Molfetta und Matera. 1924.

Сескло культура (Sesklo)

Неолитическая культура Фессалии и Южной Македонии, ок. 6500–5500 гг. до н. э., достигшая высшего расцвета к 6000 г. до н. э. Название дано по имени стратифицированного поселения к западу от г. Волос, Фессалия, со слоями ранней, средней и поздней культуры сескло, над которыми лежит слой культуры димини.

Раскопки проводились в 1901–1902 гг. Х.Цунтасом, в 1957–1977 гг. – Д.Р.Теохарисом.

Музей: г. Волос.

Лит.: Tsountas 1908; Praktika. 1957. № 32; Thessalika. 1958. № 1; Theocharis 1973.

Силбюри-Хилл (Silbury Hill)

Крупнейшая из возведенных человеческими руками насыпей в неолитической Европе в 5,5 милях к западу от Марлборо, Уилтшир. Основание из дерна, покрытое слоями почвы и меловой крошки, датируется ок. 2600 г. до н. э. Высота 130 футов, покрывает площадь в 5,25 акров, окружена рвом (засыпанным).

Лит.: Atkinson R.J. Silbury Hill. London, 1969; Antiquity. 1968. № 42. P. 299; 1969. № 43. P. 216; Dames 1956.

Сипинци/Шипениц

Поселение позднекукутенской культуры к северо-западу от г. Черновцы на берегу р. Прут, Западная Украина (Буковина); примечательно сосудами с изобразительной росписью.

Лит.: Kandyba 1937.

Ситагрой (Sitagroi)

Тепль в долине Драмы, Северо-Западная Греция, с 12 м культурных отложений 5-ти периодов, ок. 5500–2500 гг. до н. э. Периоды I и II: поздний неолит (синхронный культурам карапово III и IV); период III: халколит (синхронный культурам карапово V–VI); периоды IV и V: балкано-дунайская культура раннего бронзового века.

Раскопки проводили в 1968–1969 гг. К.Ренфрю и М.Гимбутас.

Лит.: Renfrew, Gimbutas, Elster, eds. 1986.

Ситтард (Sittard)

Поселение линейно-ленточной культуры в провинции Лимбург, Нидерланды, вторая половина VI тыс. до н. э. На пространстве длиной более 600 м найдено 22 завершенных и 26 незавершенных длинных домов. В ямах обнаружена керамика 5 фаз и ок. 800 кремневых орудий.

Раскопки проводились в 1953–1958 гг. П.Моддерманом.

Лит.: Palaeohistoria. 1958–1959. № 6–7. P. 33 ff.

Скалория (Scaloria)

Пещера в Манфредонии, Юго-Восточная Италия, с отложениями эпохи верхнего палеолита, ранненеолитической культуры керамики импресс и средненеолитического периода («скалория») с замечательной расписной керамикой второй половины VI тыс. до н. э. Состоит из просторных верхних и узких нижних пещер со сталактитами и сталагмитами. В целом или фрагментарном виде найдено 1500 расписных сосудов с регенерационной символикой, а у входа в нижнюю пещеру – 137 целых и расчлененных скелетов. Очевидно, что самым священным местом был источник на дне нижней рукавообразной пещеры. Сосуды ставили рядом со сталагмитами.

Раскопки проводились в 1930 г. К.Куальяти, в 1978–1980 гг. – М.Гимбутас, Ш.М.Уинном и Д.М.Шимабуку.

Лит.: Rellini U. La piú antica ceramica dipinta in Italia. Roma, 1934; Bollettino Paleoist. Italiana. 1936–1937. № 56–57; Winn S.M., Shimabuku D.M. The Heritage of Two Subsistence Strategies: Preliminary Report on the Excavations at Grotta Scaloria, Southeastern Italy, 1978 // Anthropology (Dept. of Anthrop., Saint Mary's Univ. Halifax, N. Sc., Canada). № 9.

Скорба (Skorba)

Поселение и руины храмов, относящихся к фазам гжантийя и тарксиенна, середина IV – середина III тыс. до н. э., Северная Мальта. Двухкомнатная постройка конца V тыс. до н. э. (период красной скорбы) культового назначения с группой статуэток в треугольных масках. Изучение стоянки дохрамового периода дало важные сведения о доместикации растений и животных: есть свидетельства наличия чечевицы, ячменя, эммера и мягкой карликовой пшеницы, а также овец, коз и крупного рогатого скота.

Раскопки проводились в 1960–1963 гг. Д.Трампом.

Музей: Национальный музей, г. Валетта.
Лит.: Trump 1966.

Смилчич (Smilčić)
Поселение культуры керамики импрессо, сверху закрытое слоями культуры данило, близ г. Задар, Далмация, Западная Югославия.
Раскопки проводились в 1962 г. Ш.Батовичем.
Музей: г. Задар.
Лит.: Diadora. 1960–1961. № 2; Batović 1966.

Старчево культура (Starčevo)
Неолитическая культура Центральной Югославии, Южной Румынии и Юго-Восточной Венгрии, ок. 6300–5300 гг. до н. э., чьи традиции были тесно связаны с культурами Фессалии и Македонии. Титульное поселение расположено близ Белграда, Сербия.
Раскопки проводились в 1931–1932 гг. М.Грбичем, В.Фьюксом, Х.Голдманом, Р.В.Эрихом.
Музей: Национальный музей, г. Белград.
Лит.: Bull. Am. School Preh. Research. 1936. № 9; Arandjelović-Garašanin D. Starčevačka Kultura. Ljubljana, 1954.

Стейн (Stein)
Поселение культуры линейно-ленточной керамики в провинции Лимбург. На площади одного га найдено 50 домов различных фаз культуры линейно-ленточной керамики. Самый большой имел 37 м в длину и 7,5 м в ширину.
Раскопки проводились в 1962–1963 гг. П.Моддерманом.
Лит.: Modderman 1970.

Стентинелло (Stentinello)
Поселение позднего периода керамики импрессо в Сиракузах, Сицилия. Этим именем также обозначается ранний сицилийский неолит.
Раскопки проводились в 1890, 1912, 1920 гг. П.Орси; в 1961 г. – С.Тине.
Музей: Музео ди Сиракуза.
Лит.: BPI. 1890. № 16; 1910. № 36; Arch. Stor. Siracusano. 1961. № 7.

Стоунхендж (Stonehenge)
Самый знаменитый из британских хенджей, расположенный на равнине Сэлисбери близ Эмсбери, Уилтшир. Много раз перестраивался: Стоунхендж I, ок. 3000 г. до н. э., имел форму круга диаметром 107 м, с деревянной постройкой посередине. За рвом и насыпью располагался круг с 56 ямами, содержавшими кремационные захоронения. Около 1800 г. до н. э. или ранее памятник был перестроен: в центре было устроено два концентрических круга с углублениями для установки 82 глыб медного купороса, добытых в горах Пресцелли, Пемброкшир, Уэльс. К Стоунхенджу II относится аллея из двух параллельных насыпей длиной более 3 км, ведущая к реке Эйвон. Стоунхендж III принадлежит уэссекской культуре бронзового века. Глыбы медного купороса были заменены огромными заранее обработанными сарсеновыми блоками, вертикально поставленными кругом с непрерывными, изгибающимися перемычками, которые окружают U-образное скопление из 5 трилитов. В научной литературе широко обсуждалась проблема его связи с мегалитической астрономией.
Лит.: Atkinson R.J.C. Stonehenge. 1956; Burl A., Heggie D.C. Megalithic Science. London, 1981; Ruggles C.L.N. Megalithic Astronomy // BAR 123. London, 1984.

Стржелице (Střelice)
Поселение культуры лендель в Евишовице, Зноймо, Южная Моравия, Чехословакия; примечательно расписной керамикой и статуэтками. Начало V тыс. до н. э.
Раскопки проводились в конце XIX – начале XX в. Дж.Паллярди и Ф.Вильдомецем.
Музей: г. Босковштейн близ Зноймо и Брно.
Лит.: MPC (Wien). 1897. № I; 1914. № I; OP (Praha). 1928–1929. № 7/8; 1940. № 12; AR. 1951. № 3.

Табль-де-Маршан (Table des Marchands)
Коридорная гробница на полуострове Локмарьякер, Морбиан, Бретань; примечательна тем, что лицом к камере стоит 3-метровый треугольный камень, символически представляющий Богиню возрождения, с выпуклыми сторонами и выдающейся головой, украшенный рельефами 49 крюков и «чашевидным знаком» или изображением вульвы посередине. Одна из древнейших мегалитических гробниц Бретани; первые ее описания сделаны в XVIII в.
Лит.: Twohig 1981. P. 170.

Таинген (Thayngen)
Стратифицированное поселение в кантоне Шаффхаузен, Северная Швейцария, с отложениями культур михельсберг I и II, пфин III второй половины IV тыс. до н. э. Примечательно сохранившимися прямоугольными деревянными домами и артефактами. На разных строительных горизонтах найдено от 5 до 9 домов.
Раскопки проводились в 1914–1922 гг. К.Зульцбергером, в 1950–1963 гг. – В.Гуйан.
Лит.: Guyan 1955. S. 221 ff.; Helvetia Antiqua. 1966. S. 21 ff.

Тангыру (Tangîru)
Стратифицированный телль с 12 слоями культуры боян и 9 слоями культуры гумельница близ Джурджу, Нижний Дунай, Румыния.
Раскопки проводились в 1933–1935, 1956, 1957 гг. Д.Берчу.
Лит.: Berciu D. Contribuţii la problemele neoliticului in Romînia. Bucureşti, 1961.

Тарксиенна (Tarxien)
Один из наиболее примечательных храмовых комплексов Мальты, расположенный в 400 м к востоку от гипогея Халь-Сафлиени, Валетта, и датирующийся ок. 3300 (древнейший храм) – 3000–2500 (основные храмы) гг. до н. э. Состоит из двойного и тройного храмов с яйцевидными камерами и полукруглым внешним двором (см. рис. 5-28, 5-29). Примечательны статуя Богини, первоначально высотой в 2,5–3 м (рис. 7-64), алтарные плиты с резьбой в виде растительного спиралевидного мотива с изображением шествия животных, а также рельефами в виде двух быков и, возможно, суки с 13 щенками. Расположенный поверх храмов кремационный могильник относится к посттарксиенскому периоду и датируется ок. 2500–2000 гг. до н. э.
Музей: Археологический музей, г. Валетта.

Лит.: Zammit T. Prehistoric Malta, the Tarxien Temples. Oxford, 1930; Evans 1959, 1971; Trump D. Malta, Archaeological Guide. London, 1972. P. 65–72.

Тартария (Tartaria)

Стратифицированный телль с 3–4 м отложений раннего периода культуры винча (турдаш), а также культур петрешти и коцофени, в районе г. Орэштие, Трансильвания, Румыния. В ассоциированном с древнейшим (ранневинчевским) слоем шахтовом захоронении обнаружен скелет 35–40-летнего мужчины, уложенный на слое пепла и снабженный 26 схематичными глиняными и 2 алебастровыми статуэтками, наручным браслетом из раковины спондилус и 3 пластинами из обожженной глины с древнеевропейскими письменными знаками.

Раскопки проводились в 1942–1943 гг. К.Хоредтом, в 1961 г. Н.Власса.

Лит.: Apulum. 1947–1949. № 3. P. 44 ff.; Dacia. 1963. № 7. P. 485 ff.

Тевьек (Téviec)

Докерамическая стоянка с кучей хозяйственных отходов и захоронениями предшественников строителей мегалитов на небольшом острове в районе Морбиан, Бретань. Найдено несколько коллективных захоронений, содержавших до 6 человек, и 23 ингумационных захоронения. Поверх захоронений устанавливали ритуальные очаги, делали насыпи из челюстей оленя и кабана и из камней; кроме того, челюсти и рога оленя обнаружены в захоронениях рядом со скелетами.

Раскопки проводились в 1928–1930 гг. М. и С.-Ж.Пекар.

Лит.: L'Anthropologie. 1928. № 38; 1929. № 39.

Тирпешти (Tîrpeşti)

Поселение раннекукутенской («предкукутенской III») культуры в районе Тыргу-Нямц, область Бакэу, Северо-Восточная Румыния.

Раскопки проводились в начале 1960-х гг. В.Думитреску и С.Маринеску-Былку.

Музеи: Национальный музей, г. Бухарест, музей г. Бакэу.

Лит.: Marinescu-Bîlcu 1974.

Тиса культура (Tisza)

Культура эпохи халколита бассейна Нижней Тисы в Восточной Венгрии и Северной Югославии, происходившая от культуры старчево (кёрёш), ок. 5300–4300 гг. до н. э.

Тисадоб культура (Tiszadob)

Ранняя фаза культуры бюкк.

Тисапольгар (Tiszapolgár)

Заключительная фаза культуры тиса Северо-Восточной Венгрии, Восточной Словакии и Западной Трансильвании, XLIV–XXXIX вв. до н. э. Название происходит от могильника в деревне Польгар, Северо-Восточная Венгрия.

Тисапольгар-Башатанья (Tiszapolgár-Basatanya)

Могильник поздней культуры тиса (раскопано 166 захоронений) в деревне Польгар близ г. Тисалёк, Северо-Восточная Венгрия; ранний и средний медный век Карпатского бассейна.

Раскопки проводились в 1929 г. Ф.Томпой, в 1946 г. И.Богнар-Кутзян.

Музей: Национальный музей, г. Будапешт.

Лит.: Bognár-Kutzián 1963.

Траян (Traian)

Поселения культуры линейно-ленточной керамики и кукутенской культуры в Северной Молдавии и Северо-Восточной Румынии: Дялул-Фынтынилор с материалами культуры линейно-ленточной керамики, а также ранней и классической кукутенской (кукутени А-В) культуры; и Дялул-Вьей с единственным слоем раннекукутенской («предкукутени I») культуры.

Раскопки проводились в 1951–1959 гг. Х.Думитреску.

Музеи: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: SCIV. 1952. № 3; 1953. № 4; 1954. № 5; 1955. № 6; Materiale şi Cercetari Arh. 1957. № 3; 1959. № 5; 1959. № 6.

Триполье

Поселение классической кукутенской культуры близ Киева, Украина, давшее название кукутенской цивилизации в Молдавской ССР и на Западной Украине.

Раскопки проводил в 1899 г. В.В.Хвойко.

Музей: г. Киев.

Лит.: Труды XI Археолог. съезда. Киев, 1901.

Трушешти (Truşeşti)

Поселение кукутенской культуры у Ботошани, Северная Молдавия. Большая часть 98 раскопанных домов относится к классическому периоду кукутенской культуры (кукутени А2) середины V тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1951–1959 гг. М.Петреску-Дымбовицей.

Музей: г. Яссы.

Лит.: Petrescu-Dîmboviţa 1963.

Турдаш/Тордош (Turdaş/Tordos)

Ранневинчевское поселение на южном берегу реки Муреш, Трансильвания, Хунедоара, Западная Румыния. Дало название раннему периоду культуры винча ок. 5300–4900 гг. до н. э.

Бессистемные раскопки проводились в конце XIX в.

Музей: Институт истории, г. Клуж.

Лит.: Zeitschrift für Ethnologie. 1903; Torma Collection. 1941.

Уиндмиллхилл (Windmill Hill)

«Лагерь с вымостками» в Британии, в 1,6 км к северу от Эвбюри, Уилтшир, окруженный тремя разомкнутыми рвами, внешний диаметром в 1200 футов (ок. 400 м). Заселение местности началось до середины IV тыс. до н. э., монумент использовался в конце IV–III тыс. до н. э.: об этом свидетельствует наличие во внешнем рве черепков керамики культур уиндмиллхилл, питерборо, райнио-клэктон и кубковой.

Лит.: Smith 1965.

Усатово-Городище-Фолтешти

Амальгама курганных и кукутенских традиций, образовавшаяся в Усатово (степной регион близ Одессы), Городище (Северо-Западная Украина) и Фолтешти (румынская Молдавия) в XXXIV–XXIX вв. до н. э.

Уэст-Кеннет (West Kennet)

Один из самых больших длинных курганов Британии в 8 км к западу от Марлборо, Уилтшир. В конце погребальной камеры расположено 5 ниш, внешний двор имеет форму полумесяца. Приблизительно 40 ингумационных захоронений разрозненных костей; конец IV тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1955–1956 гг. С.Пигготом.

Лит.: Piggott S. West Kennet Long Barrow. London, 1962.

Фафос (Fafos)

Поселения культуры винча у г. Косовска-Митровица, Южная Югославия. Фафос I (ранний период культуры винча) и Фафос II (поздний период культуры винча) примечательны произведениями искусства и ритуальными предметами культуры винча.

Раскопки проводились в 1956 г. и в 1959–1961 гг. Б.Йовановичем.

Музей: г. Приштина.

Лит.: Arheološki Pregled. 1961. № 3.

Фильестру (Filiestru)

Стратифицированная пещерная стоянка на Сардинии, провинция Мара, в 30 км к югу от г. Сассари, с последовательными слоями культурных отложений неолита и бронзового века, с керамикой импрессо (кардиал), фильестру, бону-игину, оциери, монте-кларо, боннанаро и са-туррикула, все с радиоуглеродными датировками.

Исследована в 1969 и 1972 гг. Р.Лориа, затем раскопана в 1979 и 1980 гг. Д.Трампом.

Лит.: Trump 1983.

Фрумушика (Frumuşica)

Поселение классического периода кукутенской культуры у г. Пьятра-Нямц, Румыния, сер. V тыс. до н. э., примечательное своими удивительными расписными сосудами.

Раскопки проводились К.Маташэ.

Музей: г. Пьятра-Нямц.

Лит.: Mataşă 1946.

Хагар-Ким (Haġar Qim)

Храмовый комплекс на Южной Мальте вблизи от моря; строился из известняка с конца IV тыс. до н. э. Состоит из 6 двойных яйцевидных святилищ, окруженных общей стеной (см. рис. 5-26). В одной из ниш за приступкой в углу – статуя Богини с яйцевидными ягодицами и ногами (цветная вклейка 20). Похожие фигуры с яйцевидными щиколотками представлены на стенных рельефах: это изображения того же храмового божества, что и гигантская Богиня из Тарксиенны. У внешней стены одного из храмов стоит большой вертикальный камень 4,5 м высотой, возможно, менгир Богини.

Раскопки начал в 1839 г. Ж.Г.Ванс; в 1944 и 1954 гг. проводил Национальный музей г. Валетта.

Музей: Национальный музей, г. Валетта.

Лит.: Evans 1959, 1971.

Хаджилар (Hacilar)

Неолитический поселок в Юго-Западной Турции с докерамическим слоем VIII тыс. до н. э., неолитическими слоями с керамикой VI тыс. до н. э. (уровень IX–VI, поздний неолит), основательными домами из сырцового кирпича и отложениями халколита (V–I).

Раскопан и описан Д.Меллартом (Mellaart 1970).

Халь-Сафлиени (Hal Saflieni)

Большой и уникальный для Мальты гипогей на окраине г. Валетта, состоящий из расположенных на 3 уровнях 33 яйцевидных скальных гробниц и зал, уходящих вглубь на 10 м. Отсеки имеют яйцевидную форму и окрашены красной охрой, потолки расписаны вьющимися спиралями и дисками, на стенах фрески с изображением быков. Это убранство, как и найденные там амулеты в виде топора и двойного яйца, статуэтки рыб и возлежащих на ложе женщин с яйцевидными ягодицами, – говорит о явном преобладании регенерационной символики. Считается, что погребальные обряды совершались здесь приблизительно с 4000 по 2500 г. до н. э.

Раскопки проводились в 1905–1909 гг. Ф.Заммитом.

Лит.: Evans 1959, 1970; Trump D. Malta, An Archaeological Guide. London, 1972. P. 58–65.

Хаманджия культура (Hamangia)

Неолитическая культура Черноморского побережья, обладающая ярко выраженным художественным стилем – черной лощеной керамикой с белой узорной инкрустацией и индивидуализированными типами статуэток. Различают 5 фаз ее развития, параллельных культурам боян и караново III–IV, 5500–4700 гг. до н. э. Одной из наиболее ценных находок являются парные глиняные статуэтки мужского и женского божества из могильника Чернаводэ.

Хвар (Hvar)

Пещерная стоянка у Грапчева-Спили, о. Хвар, давшая имя позднеолитической культуре адриатического побережья Югославии.

Раскопки и публикация материалов осуществлены Г.Новак (Novak G. Hvar. Zagreb, 1955).

Музей: г. Загреб.

Херонея (Chaeronea)

Поселение культуры сескло в Беотии, Центральная Греция, с 6 м культурных отложений.

Раскопки проводились в 1902–1907 гг. Г.Сотириадисом.

Музей: г. Херонея.

Лит.: Athen. Mitt. 1905. № 30; Ephem. Arch. 1908; Rev. Études Greques. 1925. № 25.

Херпай (Herpály)

Поселение-тель в долине Береттьо, по имени которого названа родственная культуре тиса культурная группа Восточной Венгрии. Насыпь содержит 3 м позднеолитических отложений культуры херпай и 1,2 м материалов бронзового века. При раскопках слоев культуры херпай было обнаружено 5 строительных уровней с большими трехчастными постройками, в том числе – двухэтажными, которые могли служить святилищами. В них были искусно сложенные прямоугольные печи для выпечки хлеба с букраниями по четырем углам, стены украшали глиняные изображения бычьих голов, и на обоих этажах были глиняные резервуары, а также большое количество биконических сосудов и сосудов на цоколе, и многое другое. Ок. 4700–4400 гг. до н. э.

Пробные раскопки проводили в 1921–1922 гг. Л.Злоташ и Я.Шёрдь; в 1955 г. – Я.Корек и П.Патай; а широ-

комасштабные работы – в 1977–1982 гг. Н.Калиц и П.Рацки.

Лит.: Folia Arch. 1956. № 8. P. 23–42; Kalicz N., Raczky P. Berettyóújfalu-Herpály. A Settlement of the Herpály Culture // Raczky, ed. 1987. P. 105–125.

Ходмезёвашархей (Hódmesövásárhely)

См.: *Горжа, Кёкеньдомб.*

Хорген (Horgen)

Поздненеолитические поселения у озера Невшатель, кантон Цюрих, Швейцария, принадлежащие к периоду посткортайо и давшие имя культуре, родственной восточнофранцузской культуре сены-уазы-марны.

Раскопки проводились в 1923 г.

Лит.: Vogt E. Horgener Kultur, Seine-Oise-Marne Kultur und nordische Steinkiste // Anzeiger für Schweizerische Altertumskunde. Zürich, 1938.

Хэбэшешти (Hăbăşeşti)

Крупное поселение классического периода кукутенской культуры ок. 4300 г. до н. э. близ г. Тыргу-Фрумос, Северо-Восточная Румыния.

Раскопки проводились В.Думитреску в 1949–1950 гг.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dumitrescu 1954.

Цвенкау (Zwenkau)

Поселение линейно-ленточной культуры близ г. Лейпциг, Германия. На площади в 7000 кв. м раскопано 24 полных и 3 неполных дома различных размеров, от 12 до 36,5 м в длину (дома меньших размеров относятся к более поздним фазам).

Раскопки проводились в 1935 г. К.Такенбергом, в 1952–1957 гг. Х.Квитта.

Лит.: Germania. 1935. № 31. S. 217 ff.; Neue Ausgrabungen in Deutschland. Berlin, 1958. S. 68 ff.

Цедмар (Zedmar)

См. *Неманская культура.*

Чатал-Хююк (Çatal Hüyük)

Самый большой в мире неолитический город, расположенный на краю долины Конья на юге Центральной Турции, конец VIII–VII тыс. до н. э. В расчищенной части телля найдены дома и храмы из сырцового кирпича, стенные росписи и рельефы, скульптуры и большое количество разных предметов, которые помогают воссоздать неолитический образ жизни и религию.

Раскопки проводились Дж.Меллартом в 1961–1963, 1965 гг.

Лит.: Mellaart 1962, 1963, 1967, 1989.

Чернаводэ (Cernavoda)

1. Могильник культуры хаманджия к северо-западу от Констанцы, дельта Дуная, Румыния.

2. Укрепленное поселение-городище курганизированной культуры начала IV тыс. до н. э.

Раскопки проводились Д.Берчу в 1957 г.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Berciu 1966.

Черника (Cernica)

Могильник в Бухаресте, Румыния; ранние фазы культуры боян, начало V тыс. до н. э.; расчищено 362 ингумационных захоронения.

Раскопки проводились Г.Кантакузино и С.Моринц в 1960–1967 гг.

Музей: Национальный музей, г. Бухарест.

Лит.: Dacia N.S. 1963. № 7. P. 27 ss.; Dacia N.S. 1965. № 9. P. 45 ss.; Dacia N.S. 1969. № 13. P. 45–59.

Шамодьвар (Samogyvár)

См. *Винковци*

Шаровидных амфор культура (Globular Amphora Culture)

Культура партиархальных скотоводов, чье появление в Северной и Центральной Европе середины IV тыс. привело к распаду культуры воронковидных кубков. Кроме того, были затронуты территории кукутенской, неманской и нарвской культуры. Погребальные обряды напоминают курганную культуру Северопонтийского региона.

Шассе культура (Chassée)

Развитая неолитическая культура Франции, пришедшая на смену культуре керамики импрессо (кардиал); связана с культурами кортайо (Швейцария) и лагоцца (Италия). Ее носители занимались интенсивным выращиванием плодов, имели технологически развитую керамику и каменную индустрию. Датируется концом V – началом IV тыс. до н. э.

Швянтойи (Šventoji)

Торфяниковая стоянка нарвской культуры неподалеку от Балтийского моря, к северу от Паланги, конец IV – начало III тыс. до н. э. На протяжении последних 20 лет, начиная с 1966 г., ее раскопки проводит Р.Римантиене. Исследовано более 40 мест. Примечательна исключительной сохранностью деревянных артефактов, сетей, веревок, луба, значительного числа деревянных весел, мотыг, пестов, столбов от домов и изгородей. Кроме того, обнаружены мастерские, янтарные артефакты, деревянные скульптуры, в том числе 2-метровый столб с лицом Богини-совы. Здесь же найдено поселение раннего периода культуры шнуровой керамики (прибалтийский вариант).

Лит.: Rimantienė 1979; Rimantienė R. Šventoji II. Vilnius: Mokslas, 1980.

Шнуровой керамики культура (Corded Pottery Culture)

Скотоводческая, патриархальная культура одиночных захоронений первой половины III тыс. до н. э., охватывавшая бассейны Верхнего Дуная, Эльбы, Одера и Вислы. Из Центральной Европы она распространилась по Северо-Западной Германии, Южной Скандинавии, Восточнобалтийскому региону, Верхнеднепровскому бассейну и Центральной России. Также известна как культура боевых топоров.

Эвбюри (Avebury)

Одна из самых больших церемониальных построек, расположенная к западу от Марлборо, Уилтшир. Каменное кольцо, ров и внешняя насыпь этого хенджа окружают территорию в 28,5 акра (11,5 га). В центральной его части – два каменных кольца меньших размеров с выкладками из камней посередине каждого. Четыре входа разбивают ров и внешнюю насыпь на равные отрезки. У

южного входа начинается Кеннет-Авеню из двух параллельных рядов валунов песчаника, которая ведет к т.н. «святилищу», расположенному на расстоянии ок. 2 км. Монумент использовался с IV по II тыс. до н. э. Во рву найдены черепки керамики культур уиндмиллхилл, питерборо, райнио-клэктон, южнобританских кубков и керамики позднего бронзового века.

Раскопки проводились А.Кейллером в 1925–1939, 1965 гг.

Лит.: Smith 1965; Dames 1977; Burl A. Prehistoric Avebury. New Haven: Yale UP, 1979; Idem. Rites of Gods. London: Dent, 1981.

Эгольцвиль 1–5 (Egolzwil)

Небольшие неолитические приозерные поселения кантона Люцерн, Швейцария, чьи жители занимались разведением скота. Культурная группа эгольцвиль родственна культуре кортайо первой половины IV тыс. до н. э. Примечательны хорошо сохранившиеся прямоугольные деревянные постройки, инструменты и утварь из дерева и коры; богатый материал с точки зрения изучения истории леса и растительности.

Раскопки проводились Э.Фоттом в 1950, 1952, 1954–1964 гг. (Эгольцвиль 3 и 4) и Р.Вюссом в 1956 г. (Эгольцвиль 5).

Лит.: Vogt 1951, 1954, 1967; Wyss 1976.

Эзеро

Стратифицированный телль в Центральной Болгарии у г. Нова-Загора, в 6000–4300 гг. до н. э. первоначально заселенный носителями культуры караново. Вслед за перерывом, вызванным первой волной курганной культуры, здесь возникла гибридная культура, представлявшая собой смесь древнеевропейских и курганных традиций и близкая к баденской культуре. Телль оставался обитаемым почти на всем протяжении IV тыс. до н. э.

Раскопки проводились в 1970-х гг. Н.Я.Мерпертом, Г.И.Георгиевым и др.

Лит.: Георгиев, Мерперт и др. 1979.

Элатея / Драхмани (Elateia / Drakhmani)

Два телля культуры сескло (Фокида, Греция) с большим количеством керамики.

Раскопки проводились в 1909–1910 гг. Г.Сотириадисом, в 1959 г. С.Вейнбергом.

Музей: г. Херонея.

Лит.: Athen. Mitt. 1905. № 30; 1906. № 31; Ephem. Arch. 1908; Rev. Études Greques. 1912. № 25; Wace, Thompson 1912; AJA. 1961. № 65; Hesperia. 1962. № 31.

Эллербек культура (Ellerbek)

Мезолитическая культура обитателей Северо-Западной Германии V тыс. до н. э.

Эльсло (Elsloo)

Поселение и захоронения культуры линейно-ленточной керамики в провинции Лимбург, Нидерланды. На 10 га было обнаружено 95 длинных домов ок. 5500–5000 гг. до н. э. разных фаз культурного развития. Из 110 могил 70 были ингумационными захоронениями в скорченной позе, а 40 – кремационными.

Раскопки проводились П.Моддерманом в 1950, 1958–1959, 1966 гг. и Р.С.Хульстом в 1963 г.

Лит.: Palaeohistoria. 1958–1959. № 6–7; Modderman 1970.

Эренштейн (Ehrenstein)

Позднеолитические поселения IV тыс. до н. э. культурных групп михельсберг и шлуссенрид с хорошо сохранившимися однокомнатными и двухкомнатными домами; район г. Ульм, бассейн Дуная, Баден-Вюртемберг, Германия. Примечательны прекрасно сохранившимися деревянными артефактами и значительным количеством зерна.

Раскопки проводили в 1962 и 1960 гг. О.Парет и Х.Цюрн.

Лит.: Paret O. Das Steinzeitdorf Ehrenstein bei Ulm. Stuttgart, 1955; Germania. 1962. № 40.

Эртебёлле культура (Ertebölle)

Культура туземных мезолитических собирателей, обитавших в прибрежных районах Дании и Южной Швеции в V тыс. до н. э.

Терминологический словарь

Акрополь (Acropolis)
Цитадель или укрепленное поселение на возвышенности.

Аллювиация (Alluviation)
Образование осадочной породы, наносимой водным потоком.

Анатолия (Anatolia)
Древнее название Малой Азии – западной оконечности Азии (включая Турцию), располагающейся между Черным и Средиземным морем.

Антропоморфный (Anthropomorphic)
Имеющий сходство с человеческими формами.

Апсида, апсидное окончание (Apse, apsidal end)
Полукруглая часть строения.

Аск (Askos)
Сосуд, имеющий очертания птицы.

Атлантический период (Atlantic period)
Теплый и влажный климатический период ок. 5500–3000 гг. до н. э.

Бону-игину период (Bonu ighinu period)
Сардинский средний неолит, середина V тыс. до н.э. Отличительная характеристика: скальные гробницы печевидной или яйцевидной формы. В погребальный инвентарь входили столбообразные статуэтки сардинского стиля; керамика отличалась узорным лощением, а также нарезным и точечным орнаментом, в том числе символическими изображениями рогов и вульв.

Бореальный период (Boreal period)
Одно из подразделений постгляциального периода, характеризовавшееся температурным подъемом; континентальный (сухой) климат. Появляются смешанные дубовые леса. Ок. 7700–5500 гг. до н.э.

Брахицефальный (Brachycephalic)
Т.е. «короткоголовый», с черепным индексом более 80, когда ширина головы составляет не менее четырех пятых ее длины от лба до затылка.

Бронзовый век (Bronze age)
Второй период в системе трех веков (каменный, бронзовый, железный), для которого характерно использование бронзы из сплавов меди и мышьяка, меди и олова, меди и мышьяковистого олова (бронза As, Sn, As-Sn). Бронза тверже меди; ее появление в Европе во второй половине IV тыс. до н.э. связано с Черноморским (околопонтийским) регионом и совпадает с первыми свидетельствами изготовления оружия из твердых металлов.

Букрания (Bucranium)
Выполненный из глины или из других материалов череп быка/вола/коровы, символизирующий регенерирующую матку. Встречаются по всей Древней Европе и Ближнему Востоку, чаще всего – в предназначенных для проведения регенерационных ритуалов святилищах и гипогеях.

Верхний палеолит (Upper paleolithic)
Заключительный этап палеолита, берущий начало ок. 40000–38000 гг. до н.э. и продолжавшийся приблизительно 30 тыс. лет.; ассоциирован с распространением Homo sapiens, пластинчато-резцовыми индустриями, пещерным искусством, а также искусством малых форм.

Вотивный (Votive, ex voto)
Предложенный в качестве приношения или посвященный божеству в соответствии с молением или обетом.

Вторичное захоронение (Secondary burial)
Характерный для неолитических общинных захоронений обычай собирать освобожденные от плоти кости или черепа и помещать их в особые гробницы или оссуарии.

Галерейная гробница
(Gallery grave, Allée couverte [фр.])
Мегалитическая камерная гробница конца IV – начала III тыс. до н.э., состоящая из одного вытянутого помещения, выстроенного из массивных валунов.

Гилания (Gylany)
Термин, введенный Р.Эйслер для обозначения сбалансированности и равенства полов. «Gy» – от греч. корня «gyne», «женщина», «an» – от «andros», «мужчина», а буква «l» играет роль связки (от англ. «linking»).

Гипогей (Hypogeum)
Подземная гробница, обычно с одной или несколькими яйцевидными камерами. Самое крупное их скопление – гипогей Халь-Сафлиени на Восточной Мальте, где погребали мертвецов начиная с IV тыс. до н. э. и вплоть до 2500 г. до н. э. Большое число гипогеев известно по сардинской культуре оциери.

Глинобитный (Terre pisé, pisé de terre)
Сделанный из утрамбованной земли: долговечная форма строительства с использованием богатых песком и бедных глиной почв, нередко прошедших формовку.

Глиф (Glyph)
Символический знак.

Городище (Hill fort)
Укрепленное поселение на возвышенности, окруженное каменными или земляными защитными сооружениями и рвом. Не были известны в Европе вплоть до первой волны курганной культуры.

Дендрохронология (Dendrochronology)
Наука, связанная с изучением годовых колец деревьев, помогающая установить даты и хронологическую последовательность событий древности. В 1929 г. А. Э. Дуглас показал, каким образом этот метод может быть использован для датировки археологических материалов. Недавние исследования калифорнийской сосны позволили установить подвижную хронологическую систему, начинающуюся от 7210 г. до н. э. и приложимую к неолиту. Дендрохронологический метод служит для корректировки радиоуглеродных датировок (см. *Радиоуглеродный метод*).

Денталиум раковины (Dentalium shells)
Любые зубчатые раковины вида Dentalium.

Диана период (Diane period)
Заключительная фаза неолита в Южной Италии конца V – начала IV тыс. до н. э. Ее характерной чертой являются круглые сосуды с блестящей поверхностью. Также именуется «стилем беллависта».

Длинные земляные курганы (Earthen long-barrows)
См. *Длинные курганы*.

Длинные курганы (Long-barrows)
Треугольные или трапециевидные земляные насыпи, часто располагающиеся группами; имеют каменный или деревянный каркас, входное отверстие посередине широкого конца ориентировано на восход солнца. Их длина в основном варьируется между 25–45 м, однако может достигать 170 м. Найдены в Дании, Северной Германии, Западной и Южной Польше, где считаются связанными с носителями культуры воронковидных кубков IV тыс. до н. э. Исключение составляют длинные курганы Британии, распространенные от Южной Англии до Южной Шотландии.

Докерамический неолит (Pre-pottery neolithic)
Производительный хозяйственный уклад, еще не имеющий керамики. Также именуется «акерамическим» (aceramic) периодом.

Долихоцефальный (Dolichocephalic)
Т. е. длинноголовый, с черепным индексом менее 75, когда ширина головы мала по сравнению с ее длиной от лба до затылка. Индекс – процентное отношение максимальной ширины к максимальной длине.

Дольмен (Dolmen)
Мегалитическое сооружение из двух или более вертикально поставленных камней, накрытых покровной плитой, которые образуют камеру. Термин также используется как собирательное наименование мегалитических камерных гробниц.

«Дома ведьм» (Domus de janas)
Сардинские подземные гробницы периода оциери. Состоят из простых яйцевидных камер и сложной системы залов и комнат, украшенных красной, лиловой и желтой охрой и регенерационной символикой.

Зеленый камень (Greenstone)
Общее обозначение ряда каменных пород – змеевика, хризолита, жадеита, гагата и нефрита – из которых изготавливались неолитические топоры и украшения.

Зооморфный (Zoomorphic)
Имеющий облик животного: что характерно для символических и мифологических изображений.

Иберия (Iberia)
Древнее наименование Португалии и Испании.

Импрессо керамика (Impresso pottery)
Керамика со сглаженной поверхностью, украшенной оттисками раковин кардиум эдуле или ногтей. То же самое, что керамика кардиал. Характерна для Адриатики и Западного Средиземноморья 6500–5500 гг. до н. э.

Индоевропейцы (Indo-European)
Языковая семья, характеризующаяся сходством базовых словарей в том, что касается флексий, грамматического числа, рода и аблаута; дала индоиранское, славянское, балтийское, германское, кельтское, романское, греческое, албанское и армянское ответвления, а также ряд мертвых языков. В немецкой традиции принято говорить об «индогерманцах»; индоиранскую ветвь также называют «арийской», но иногда это наименование распространяется на всех индоевропейцев. По поводу доисторических языковых и культурных истоков см. *Протоиндоевропейцы*.

Каирн (Cairn)
Каменная насыпь над погребальной камерой.

Калиброванная хронология (Calibrated chronology)
Радиоуглеродные датировки, уточненные (калиброванные) при помощи дендрохронологии, которая определяет истинный возраст предмета. Практика калибрирования показала, что не калиброванные радиоуглеродные датировки слишком занижены.

Камерные гробницы (Chambered tombs)
Обнаруженные в Западной Англии, Южном Уэльсе и Шотландии камерные гробницы, связанные с ирландскими корт-каирнами и коридорными гробницами. Состояли из каменного «домика мертвых» внутри длинного кургана, который время от времени открывали для совершения ритуальных приношений и последующих погребе-

ний. Камерные гробницы Оркнейских островов датируются концом IV – началом III тыс. до н.э.

Каннелюры (Channeled decoration)
Желобковый орнамент, характерный для керамики культуры винча.

Кардиал керамика (Cardial pottery)
Керамика с оттисками, сделанными краями раковин кардиум.

Кардиум эдуле раковины (Cardium edule shells)
Раковины, использовавшиеся для украшения керамики импрессо или кардиал, широко распространенные в Центральном и Западном Средиземноморье.

Керамики с квадратным горлом период (Square-mouth pottery period)
Имел место в Северной Италии приблизительно в V тыс. до н. э.

Керб (Kerb, Curb)
Каменная кладка по внешней стороне окружности земляного кургана.

Кернос (Kernos, pl. Kernoi)
Керамическое изделие, обычно кольцевидной формы, к которому прикреплено несколько чашек или миниатюрных сосудов для приношений.

Кордон (Cordon)
Глиняная полоска, укрепленная на поверхности сосуда до обжига.

Коридорная гробница (Passage grave)
Состоит из коридора, который ведет к камере, сверху покрытой земляной насыпью или каирном. Под одной насыпью могла быть одна или несколько гробниц. В отличие от других типов, образовывали могильники: это могла быть большая гробница, окруженная меньшими по размеру, как в случае Наута, Ирландия. Древнейшие коридорные гробницы относятся к V тыс. до н.э. и найдены в Бретани; у них были круглые погребальные камеры, однако затем очертания последних стали более разнообразными – прямоугольными, угловыми, с боковыми ответвлениями и V-образными. Радиоуглеродные датировки из Нью-Грейнджа и Наута восходят к середине – концу IV тыс. до н.э.

Корт-каирн (Court cairn, tomb)
Ирландские гробницы, также именуемые «рогатыми», появившиеся, как можно предположить, в первой половине IV тыс. до н. э. Состояли из обширного двора и камер, покрытых треугольными, трапециевидными или почти прямоугольными каирнами.

Кроманьонский тип (Cro-magnon)
Ранний вид Homo sapiens крепкого сложения, известный по скелетным останкам, обнаруженным в пещере Кро-Маньон в Дордони, Южная Франция, в том же горизонте, что и верхнепалеолитические орудия.

Курган (Kurgan)
Слово заимствовано из турецкого языка и соответствует англ. терминам «barrow» и «tumulus»; в основном используется автором для обозначения круглых могильных насыпей, в том числе и над одиночными погребениями полукочевых патриархальных скотоводов Южной России; является воплощением радикально иных погребальных практик, нежели те, что были связаны с древнеевропейскими длинными курганами и другими видами насыпей. Курганы как таковые являются характерной чертой степей.

Курганная традиция (Kurgan tradition)
Термин, обозначающий протоиндоевропейские традиции, связанные с курганной культурой, распространившейся по Европе в 4300–2800 гг. до н. э.

Курс (Cursus)
Сооружение, состоящее из длинной дороги между двумя параллельными земляными валами, по внешней стороне которых идет ров. Обнаружены в поздненеолитической Британии.

«Лагеря с вымостками» (Causewayed camps, enclosures)
Расположенные вблизи от мегалитических гробниц или длинных курганов земляные сооружения, представлявшие собой более или менее овальную площадку, окруженную разомкнутыми концентрическими рвами, которые регулярно пересекали вымостки. Могли служить для сезонных праздников, кремации человеческих останков и совершения ритуалов, связанных со смертью и возрождением. Особенно богаты «лагерями с вымостками» Южная Британия и Уэльс; кроме того, они обнаружены в Дании и Швеции периода коридорных гробниц.

Лёсс (Loess)
Образовавшаяся под воздействием ветра каменная пыль от ледниковых и водно-ледниковых отложений, осевшая в качестве геологического пласта в перигляциальной зоне вокруг ледников Центральной Европы. Как обнаружили древние земледельцы культуры линейно-ленточной керамики, лессовые почвы плодородны и легко поддаются обработке.

Линкардстаун курганы (Linkardstown barrows)
Разновидность гробниц Восточной и Центральной Ирландии, состоявших из каменной цисты под круглой могильной насыпью; использовались только для одиночных захоронений. Датируются серединой IV тыс. до н.э. и свидетельствуют о прибытии первых носителей курганных традиций в столь отдаленные западные земли, как Ирландия.

Литический (Lithic)
Связанный с использованием камня; от греч. «lithos» – «камень».

Лос-мильярес, тип гробниц (Los millares type tomb)
Коридорные гробницы с коротким коридором и круглой камерой (или толосом), покрытые круглой земляной насыпью и окруженные каменным кольцом. Характерны для Иберии конца IV – начала III тыс. до н. э. Название дано

по могильнику и поселению Лос-Мильярес, расположенному в прибрежной зоне Альмерии, Юго-Восточная Испания, ок. 3000 г. до н. э.

Магула (Magula)
Греческий термин, используемый для обозначения телля или холмообразных напластований остатков поселений эпохи неолита и раннего бронзового века в Эгейском регионе, прежде всего в Фессалии и Македонии.

Мадлен (Magdalenian)
Заключительная палеолитическая культура Западной Европы, ок. 15000–9000 гг. до н.э., знаменитая своим пещерным искусством и искусством малых форм. Получила название по стоянке Ла-Мадлен, Дордонь, Франция.

Мазанка (Wattle-and-daub)
Способ возведения стен из вертикально поставленных столбов или кольев, которые переплетаются прутьями и покрываются сверху слоем глины или глиной, перемешанной с соломой.

Матриальное общество (Matristic society)
Матрилинейная «партнерская» общественная система, в которой женщины занимают почетное место, но не угнетают мужчин.

Матриархат (Matriarchy)
Общественная система, в которой верховная власть принадлежит женщинам.

Матрилинейная система (Matriliny, matrilineal)
Общественная структура, при которой система родства и наследование идут по женской линии.

Матрилокальный (Matrilocal)
Относящийся к территории матрилинейной родовой группы.

Мегалит (Megalith)
Отдельно стоящий огромный камень, который может являться частью погребального комплекса.

Мегалитическая культура (Megalithic culture)
Термин, используемый для обозначения западноевропейских матрилинейных сообществ, использовавших мегалитические постройки в качестве священных оссуариев и церемониальных центров.

Мегалитические монументы (Megalithic monuments)
Ритуальные постройки из больших камней, характерные для всей Западной Европы, в особенности для Франции, Иберии, Англии, Ирландии, Дании, Северо-Западной Германии и Южной Швеции, равно как и для Мальтийских островов. В их число входят большие вертикально стоящие камни, называемые менгирами, гробницы для коллективных захоронений костей (коридорные гробницы, галерейные гробницы и круглые камеры) и храмы (на Мальте). Самые ранние датировки получены в Бретани (ок. 4700 г. до н. э.): они показывают, что использование мегалитических монументов продолжалось по меньшей мере 2000 лет. Мегалитические гробницы нередко имеют форму вагины и матки или антропоморфные очертания тела Богини, тем самым символизируя регенерацию.

Мегарон (Megaron)
Тип постройки, состоящей из прямоугольной комнаты с портиком и очагом посередине, возникает в бронзовом веке в качестве жилищ вождей и военной элиты. Не путать с неолитическими святилищами, которые обычно были двухкомнатными и состояли из собственно святилища и мастерской.

Медный век (Copper age)
Исключительно медная металлургия в Восточной и Центральной Европе 5500–2600 гг. до н. э.

Мезолит (Mesolithic)
Буквально: «среднекаменный» век, отделяющий верхний палеолит от неолита. Жизнь людей по-прежнему зависела от охоты и собирательства, которые имели место в новых природных условиях, сложившихся после отступления ледников ок. 8300 г. до н. э. Характерной чертой кремневых индустрий этого периода часто бывали микролиты.

Менгир (Menhir)
Вертикально установленный камень, связанный с мегалитическими гробницами; некоторые менгиры представляют Богиню смерти и возрождения в виде Богини-совы.

Микролитические орудия (Microlithic tools)
Мелкие орудия длиной менее 2 см, выполненные на пластине или отщепе; часто имеют геометрические формы.

Мустьерская эпоха (Mousterian epoch)
Средний палеолит, имевший место приблизительно 100 тыс. лет назад, связанный с неандертальским человеком.

Неолит (Neolithic)
Буквально: «новокаменный» век, во время которого люди перешли к оседлому образу жизни, изготавливали орудия из поверхностных каменных пород и сами обеспечивали себя пищей, выращивая зерновые культуры и одомашнивая животных.

Обсидиан (Obsidian)
Стекло природного происхождения серого или черного цвета, встречающееся в вулканических районах. Обсидиан являлся основным предметом торговли на протяжении тысячелетий; в эпоху неолита использовался для изготовления орудий, прежде всего жатвенных лезвий. Благодаря спектрографическому анализу остаточных элементов удалось установить большую часть источников обсидиана. Среди европейских месторождений наиболее важную роль играли о. Мелос в Эгейском море, Монте-Арчи на Сардинии, Липари на Сицилии, Карпатские горы в Северо-Восточной Венгрии и Восточной Словакии.

Общеевропейский горизонт (Common European horizon)
Ранняя фаза культурного комплекса шнуровой керамики, ок. 3000–2600 гг. до н. э.

Ориньяк (Aurignacian)
Верхнепалеолитический период, связанный с кроманьонским населением и появлением пещерного искусства, характеризующийся ориньякской кремневой индустрией; ок. 43000–31000 гг. до н. э.

Орнитоморфный (Ornithomorphic)
Т. е. имеющий очертания птицы.

Ортостаты (Orthostats)
Вертикально поставленные камни, которыми часто бывают окружены мегалитические гробницы.

Оссуарий (Ossuary)
Гробница или какое-либо другое вместилище для захоронения человеческих костей. Неолитические оссуарии играли для общины роль священных центров, поддерживая связь между живыми родичами и умершими предками.

Охра (Ochre)
Красный, оранжевый или желтый окисл железа.

Палеолит (Paleolithic)
Буквально: «древнекаменный» век, отсчитывающийся от возникновения человека и начала производства каменных орудий около 3 млн лет назад. Делится на нижний, средний и верхний палеолит; завершился с окончательным отступлением ледников из Северной Европы ок. 8300 г. до н.э.

Патриархат (Patriarchy)
Форма организации общества, при которой верховная власть в семье, клане или племени принадлежит отцу (лат. «pater»).

Патрилинейный (Patrilinear)
Относящийся к системе родства или наследования по мужской линии.

Патрилокальный (Patrilocal)
Относящийся к территории семьи или племени мужа.

Петроглиф (Petroglyph)
Резное или рисованное наскальное изображение.

Пифос (Pithos, pl. Pithoi)
Большой керамический сосуд.

Пластина (Blade)
Длинный отщеп с параллельными сторонами, отколотый от специально подготовленного нуклеуса.

Повторное захоронение (Two-stage burial)
Перезахоронение отдельных костей или черепов после их освобождения от плоти путем экскарнации или кремации.

Портальная гробница, портальный дольмен (Portal tomb, portal dolmen)
Форма мегалитической камерной гробницы, в основном характерная для Ирландии, но также встречающаяся в Уэльсе и Корнуолле. Чаще всего их обнаруживают без покрывавшей их насыпи; они состоят из одной камеры, образованной 6 камнями: два портальных камня, два боковых, один задний и покровная плита.

Прото- (Proto-)
Ранняя стадия развития чего-либо.

Протоиндоевропейцы (Proto-Indo-European, PIE)
Гипотетическая реконструкция общего предка индоевропейской языковой семьи. Благодаря сравнительным исследованиям лингвистики, мифологии и археологии протоиндоевропейцы предстают как носители патриархальной, патрилинейной, скотоводческой, кочевой, воинственной культуры с пантеоном, в котором преобладают мужские божества, что является полной противоположностью общественной структуре, хозяйственному укладу и религии Древней Европы.

Протом (Protome)
Скульптурный выступ на сосуде для приношений, имеющий редуцированные зооморфные или антропоморфные очертания и, как правило, являющийся символом божества.

Радиоуглеродный метод (Radiocarbon, C-14)
Способ датировки, впервые предложенный У.Ф.Либби в 1946 г., основанный на определении радиоактивности углерода в том или ином образце. Когда органическая материя умирает, прекращается ее обмен углеродом с атмосферой, и при разложении углерод-14 постепенно истощается. Знание скорости распада углерода-14 – период полураспада составляет 5568±30 лет – позволяет определить, сколько времени прошло с момента смерти образца. Соотнесение этих данных с хронологией, основанной на подсчете древесных колец (см. *Дендрохронология*), показало, что истинные даты в солнечных годах являются более ранними, нежели полученные при радиоуглеродном анализе. Истинный возраст неолитических образцов устанавливается путем корректировки радиоуглеродных датировок дендрохронологическими данными. (Радиоуглеродные и калиброванные датировки см. в Хронологических таблицах).

Райнио-клэктон (Rinyo-clacton)
Поздненеолитический стиль керамики в Британии, известный по находкам в Южной Англии близ г. Клэктон и в Шотландии (Райнио). Для этого стиля характерны плоскодонные сосуды с прямыми коническими стенками.

Резец (Burin)
Заостренное орудие из оббитого кремня или камня, предназначенное для резьбы по оленьему рогу, кости, слоновой кости и другим материалам.

Ритон (Rhyton)
Глубокий сосуд для возлияний конической формы; в Древней Европе обычно бывал вырезан из мрамора.

Сати (Suttee burial)
Характерный для индоевропейской культуры обычай лишать жизни вдову или детей при погребении мужа/отца. В Древней Европе не известен.

Серра-д'Альто стиль (Serra d'Alto style)
Керамика фигулина с ручками фантастических очертаний.

Спондилус (Spondylus)
Средиземноморские раковины spondylus gaederopus, из которых вырезали бусины, подвески, диадемы и браслеты. Имели широкое хождение в Центральной Европе VII–V тыс. до н. э.

Стела (Stela, pl. Stelae)
Вертикально установленный камень или плита с резьбой или скульптурными изображениями.

Столбообразные фигуры (Stiff nude)
Антропоморфные изображения Белой Богини смерти и возрождения из кости, алебастра, мрамора, мягкого камня или глины; руки обычно сложены на груди, голова представлена схематично (обозначен только нос или маска с чертами Богини-птицы), грудь маленькая или просто отсутствует, ноги редуцированы до конуса. Их помещали вместе с умершими в могилу. Сардинские статуэтки этого типа VI–V тыс. до н.э. отличаются округлостью форм, в то время как для аналогичных статуэток с Киклад IV – начала III тыс. до н.э. характерна худоба и обобщенность черт. У всех столбообразных фигур посередине туловища обозначен большой лобковый треугольник. Белая Богиня из Караново имеет на лице маску с круглыми глазницами и зубами, тем самым выступая в облике ядовитой змеи.

Страта (Strata)
Пласты культурных остатков, представляющие разные этапы развития.

Стратиграфия (Stratigraphy)
Наложение одного слоя на другой, при условии отсутствия последующего вмешательства. Один из основных способов установления хронологии.

Сырцовый кирпич (Mudbrick)
Кирпич, не прошедший обжиг.

Телль (Tell)
Холм, образующийся из последовательных наслоений остатков поселений. Обычно встречается в районах, где дома строились из сырцового кирпича. Слово имеет арабское происхождение и обозначает то же, что персидское «тепе» или турецкое «хююк».

Теократия (Theacratic)
Здесь: общественная структура, основанная на поклонении Богине и возглавляемая царицей, которой помогает совет женщин.

Толос (Tholos)
Круглая гробница с искусно отделанным входом и церемониальным пространством, использовавшаяся для общинных погребений на Крите в III тыс. до н. э.

Фигулина керамика (Figulina pottery)
Тонкая керамика поздненеолитической культуры серра-д'альто в Южной Италии середины V тыс. до н. э. Изготавливалась из высокосортной оранжевой или кремовой глины, могла быть окрашена в темно-коричневый или красный цвет. Геометрический орнамент и изобретательно выполненные ручки в виде животных или спиралей. Требовала обжига в печи; имела широкое хождение.

Фруктовница (Fruitstand)
Открытая чаша на высокой ножке, предназначенная для ритуальных приношений; часто украшена прекрасной росписью или резьбой. Наиболее богато декорированные образцы найдены в культурах лендель, тиса, петрешти и кукутенской культуре.

Халколит (Chalcolithic)
См. *Энеолит.*

Хенджи (Henge monuments)
Гигантские сооружения с внутренним пространством в виде круга, по краю которого шел ров, а за ним – земляной вал; имели один или несколько входов и возводились в качестве мест церемониальных сборов. Центральная часть могла оставаться пустой или заключать в себе каменный круг, остатки деревянных столбов или ямы. Хенджи найдены в Британии и в Центральной Европе. Хенджи культуры лендель (часто ошибочно принимаемые за укрепленные поселения) и линейно-ленточной керамики датируются V тыс. до н.э. и принадлежат традиции, существовавшей в Древней Европе на протяжении нескольких тысячелетий.

Храм (Temple)
Строение, в котором происходит поклонение одному или нескольким божествам.

Хююк (Hüyük)
Телль (турецк.).

Циста (Cist)
Каменный гроб.

Чашевидный знак (Cup mark)
Вырезанное на мегалитах, менгирах и других типах камней чашевидное углубление, часто заключенное в круг или окруженное несколькими концентрическими кругами. Вода, которая скапливается в этих «чашах», по сей день считается целительной.

Шнуровой орнамент (Cord ornament)
Характерный для керамики орнамент, наносившийся на поверхность сырой глины при помощи перевитого шнура. Этот способ украшения сосудов дал имя культуре шнуровой керамики начала – середины III тыс. до н.э. в Центральной и Северной Европе.

Экзогамия (Exogamy)
Браки – обычно женщин, – заключаемые вне родовой группы.

Экскарнация (Excarnation)
Выставление мертвецов на поживу хищным птицам для освобождения скелета от плоти.

Эндогамия (Endogamy)
В противоположность экзогамии, браки, заключаемые внутри одной родственной группы.

Энеолит (Eneolithic)
«Медно-каменный век» от лат. «eneos» – «медь» и «lithos» – «камень». То же, что халколит (от греч. «chalcos» – «медь»).

Эпикардиал (Epicardial)
Поздняя керамика кардиал полностью перешедших к земледелию жителей Южной Франции и Восточной Испании. Включает не только сосуды с оттисками раковин (они встречаются редко), но и керамические изделия с накладными кордонами, каннелюрами, точечным, нарезным и бусовидным орнаментом и другими способами украшения.

Эпипалеолит (Epipaleolithic)
Позднепалеолитическая культура; термин также используется для обозначения продолжения палеолитических традиций в эпоху мезолита.

Эпоним (Eponym)
В археологии – наименование места, племени или культуры, данное по названию раскопок, где оно было впервые обнаружено.

Ямная культура
Культура погребений в могильных ямах под насыпями. Обозначения «раннеямная» и «позднеямная» относятся к соответствующим периодам курганной культуры южнорусских степей.

Хронологические таблицы

Краткая хронология основных событий

7000–6500 гг. до н.э.

Начальные стадии производства пищи и появления оседлых поселений в прибрежных районах Эгейского моря и Крита.

6500–5500 гг. до н.э.

Развитой керамический неолит в Эгейских областях, на Центральных и Восточных Балканах, Адриатике и в Средиземноморье. Культивация пшеницы, ячменя, вики и гороха, а также свидетельства наличия всего набора домашних животных, за исключением лошади. Появляются поселения с прямоугольными домами из сырцового кирпича и дерева. В Юго-Восточной Европе строят первые двухкомнатные святилища.

5500–5000 гг. до н.э.

Распространение производительного хозяйственного уклада из центральной части Восточной Европы в Центральную Европу. Начало медного производства в Югославии, Румынии и Болгарии. Увеличение размеров поселений и подъем цивилизаций винча, тиса, лендель, бутмир, данило и караново, затем – хаманджия, петрешти и кукутени. На церемониальных предметах культового назначения появляются «священные письмена».

5000–4300 гг. до н.э.

Вершина культурного развития Центральной и Юго-Восточной Европы. Расцвет керамического искусства, медной и золотой металлургии, архитектуры (включая двухэтажные святилища). В Западной Европе появляются мегалитические гробницы; на Британские острова и в Северную Европу приходят первые земледельцы.

4300–3500 гг. до н.э.

Первая волна патриархальных степных скотоводов служит толчком к дезинтеграции культур варна, караново, винча, петрешти, лендель, тиса, бутмир, а также данило-хварской культуры. Начало индоевропеизации (курганизации) Дунайского бассейна: заметно изменяются структура поселений, общественная организация, хозяйственный уклад и религия. Угасание древнеевропейского искусства: прекращение производства статуэток, полихромной керамики и строительства святилищ. Древнеевропейские традиции продолжают существовать в Средиземноморье и в культурах Западной и Северной Европы.

3500–3000 гг. до н.э.

Усиление индоевропеизации Центральной Европы. Новая волна влияния курганной культуры, на сей раз идущая из Северного Причерноморья. Конец кукутенской культуры. Образование в Центральной Европе из смешения местных и курганных элементов баденско-эзерской культуры и культуры шаровидных амфор. Древнеевропейская культура продолжает существовать в Средиземноморье и в Западной Европе. Эпоха возведения храмов на Мальте, мегалитических гробниц на пространстве между Иберией и Южной Скандинавией, невероятных могильных насыпей с мегалитическими постройками в Ирландии (Наут, Нью-Грейндж) и английских хенджей.

3000–2500 гг. до н.э.

Волна курганной (позднеямной) культуры из Южной России в восточную часть Центральной Европы вызывает нестабильность: носители культуры шнуровой керамики (наследники культуры шаровидных амфор) распространяются из Центральной по Северо-Западной Европе, Восточной Балтике и Центральной России. Носители вучедольской культуры мигрируют из Северо-Западной Югославии вдоль Адриатики в Северо-Западную Грецию; носители культуры колоколовидных кубков (возможно, амальгамы вучедольской и ямной культур) ок. 2500–2200 гг. до н.э. распространяются из Восточной и Центральной Европы по таким отдаленным районам, как Иберия и Британские острова.

Примечание к хронологическим таблицам

Вошедший в обращение в 1950-х гг. метод радиоуглеродной датировки решительным образом преобразил ранее существовавшие хронологические концепции и расширил рамки неолита и медного века более чем на три тысячелетия. Для большей точности уровень радиоуглерода в древесном угле или органических образцах с мест доисторических стоянок теперь сравнивают с дендрохронологическими данными, полученными при исследовании калифорнийской сосны. Согласно этой системе корректировки (калибрирования), датировки неолита и медного века оказываются приблизительно на 500–1000 лет старше, нежели те, что были получены при радиоуглеродном анализе. В настоящее время в археологии применяется комбинированный метод датировки, опирающийся на радиоуглеродный анализ в сочетании с дендрохронологией. В данном исследовании радиоуглеродные датировки обозначены аббревиатурой «до н.в.» (количество лет до нашего времени) и выведены на основании периода полураспада радиоактивного углерода, равного 5568 годам. Аббревиатура «*до н.э.*» обозначает дату, полученную после вычета из данных радиоуглеродного анализа 1950 лет (принятая точка отсчета внедрения радиоуглеродного метода): курсив указывает на то, что это – не истинная датировка. Аб-

бревиатура «до н.э.» обозначает приблизительную истинную датировку. В приводимых далее таблицах, где в правой колонке указаны «Приблизительные датировки (гг. до н.э.)», приводимые даты ни в коем случае не являются точными календарными, но обозначают временной промежуток в пределах века или большего временного отрезка. Все приводимые в тексте археологические датировки подразумевают «гг. до н.э.», если нет особых указаний другого толка.

Часть датировок по углероду-14 представлены графически после соответствующих таблиц.

Все калиброванные даты взяты из: Stuiver M., Reimer P.J. Radiocarbon 28, 1022–1030, 1986. Программа составлена с Microsoft, Fortran version 3.3, copyright Microsoft Corporation 1985. Был использован файл 2 данной программы, содержащий 20-летнюю (двудекадную) базу данных от 7210 до н.э. (ок. 8200 до н.в. по углероду-14). Часть 1950 г. н.э. – 2500 г. до н.э. (Stuiver, Pearson 1986; Pearson, Stuiver 1986) представляет собой международно принятую коррекционную диаграмму. Различные части полной коррекционной диаграммы см.:

Stuiver, Pearson 1986 AD 1950 – 500 B.C.

Pearson, Stuiver 1986 500 B.C. – 2500 B.C.

Pearson et al. 1986 2500 B.C. – 5210 B.C.

Двудекадные средневзвешенные даты взяты из:

Linick et al. 1985: для 5219–5882 гг. до н.э. и 6383–7199 гг. до н.э.

Stuiver et al. 1986: для 5685–5805 гг. до н.э., 6360 г. до н.э. и 6474–7198 гг. до н.э.

Kromer et al. 1986: для 5229–6200 гг. до н.э. и 6279–7207 гг. до н.э.

Linick et al. 1986: для 5355–5815 гг. до н.э. и 6089–6549 гг. до н.э.

Все датировки приведены без изменения лабораторных погрешностей. За исключением особо обозначенных случаев (кость, раковина), все даты получены при анализе зерна, древесного угля или дерева.

Таблицы и графики радиоуглеродных датировок

Таблица 1

Эгейский неолит и культуры сескло и димини

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ранний и средний неолит			
Кносс, Крит	BM-124	8050±180	–(7049)–
"	BM-126	7000±180	6077(5840)5640
"	BM-272	7570±150	6559(6431)6186
"	BM-278	7910±140	7050(6771, 6742, 6716)6568
"	BM-436	7740±140	6690(6563, 6510)6440
Сескло у г. Волос, Восточная Фессалия	P-1675	6694±87	5644(5616, 5599, 5578)5490
"	P-1676	6314±84	5342(5296, 5281, 5242)5224
"	P-1678	7427±73	6401(6225, 6192, 6189)6170
"	P-1677	6741±103	5720(5633)5530
"	P-1679	7611±83	6554(6455)6406
"	P-1680	7300±93	6218(6117)6006
"	P-1681	7755±97	6680(6566)6460
"	P-1682	7583±72	6473(6436)6388
"	P-1672	6504±85	5493(5474, 5433, 5428)5342
"	P-1674	6964±92	5970(5815)5730
Элатея, Фокида	GrN-3502	7040±130	6075(5959, 5890)5790
"	GrN-3041	7190±100	6120(6078, 6056, 6046, 6015, 6004)5970
"	GrN-3037	7360±90	6374(6174)6100
"	GrN-2973	7480±70	6429(6381, 6317, 6251)6182
Пещера Антре-Коришиен, Центральная Греция	Gif-2339	7370±100	6381(6177)6100
Аргисса, кость, Западная Фессалия	GrN-4145	7500±90	6440(6389)6183
"	UCLA-1657A	8130±100	датировка выходит за пределы имеющейся шкалы
"	UCLA-1657D	7990±95	7060(7028, 6979, 6966, 6863, 6829)6690
Пещера Франхти, Пелопоннес	P-1824	6670±70	5635(5569)5488
"	P-1922	6790±90	5740(5643)5574
"	P-1922A	6730±70	5648(5630)5545
Неа-Никомедия, Македония	P-1203A	7281±74	6176(6107)6606
"	P-1202	7557±91	6469(6426)6238
"	Gx-679	7780±270	7050(6600)6390
"	Q-655	8180±150	датировка выходит за пределы имеющейся шкалы
Ахиллейон, г. Фарсала, Южная Фессалия	P-2130	7084±91	6077(5970)5830
"	UCLA-1882A	6930±155	5970(5753)5640
"	UCLA-1896B	7460±177	6460(6374, 6325, 6240)6100
"	UCLA-1896A	7180±155	6170(6076, 6059, 6043, 6018, 6001)5878
"	UCLA-1896C	7330±95	6230(6146)6080
"	UCLA-1896E	7280±105	6215(6106)5996
"	LJ-2941	6900±100	5951(5740)5641
"	LJ-2942	7170±100	6110(6074, 6063, 6040, 6021, 5998)5960
"	LJ-2943	7020±150	6075(5954, 5923, 5879)5730
"	LJ-2944	7000±100	6075(5954, 5923, 5879)5730

продолж.

Таблица 1 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
"	LJ-3180	7510±50	6434(6398)6231
"	LJ-3181	7200±50	6099(6980, 6052, 6049, 6012, 6007)5986
"	LJ-3184	7280±50	6172(6106)6082
"	LJ-3186	7250±50	6126(6090)6002
"	LJ-3200	7030±80	5982(5956, 5956, 5884)5766
"	LJ-3201	7210±80	6118(6082)5981
"	LJ-3202	6940±100	5960(5768)5657
"	P-2117	7273±76	6175(6102)6002
"	P-2118	7471±77	6427(6378, 6321, 6246)6179
"	P-2120	7342±68	6224(6170)6096
"	P-2121	7181±85	6105(6076, 6059, 6043, 6018, 6001)5970
"	P-2122	7107±86	6081(5977)5846
"	P-2124	7086±85	6076(5970)5834
"	P-2125	6964±87	5964(5815)5730
Поздний неолит			
Кносс, Крит	BM-273	6210±150	5322(5220)4945
"	BM-274	6140±150	5240(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)4901
Пещера Антре-Корицион, Центральная Греция	Gif-2124	6380±90	5470(5329)5240
"	Gif-2123	6250±90	5317(5233)5081
Димини, фаза V, Фессалия	Heidelberg		4711(4468)4350
"	Penn. Lab	5622±80	4574(4466)4362
Салиагос, Киклады	P-1311	6172±74	5233(5206, 5153, 5146)5006
"	P-1396	6074±79	5201(5031, 5029, 4998, 4959, 4949)4902
"	P-1368	5909±87	4933(4780)4722
"	P-1333	5775±84	4777(4677, 4630, 4629)4526
"	P-1393	5716±85	4717(4651, 4649, 4579)4467
Пещера Франхти, Пелопоннес	P-1824	6170±70	5232(5205, 5155, 5148)5007
Пещера Китсос, Аттика	Gif-1729	5750±130	4780(4664, 4638, 4601)4470
"	Gif-1612	5700±140	4772(4572, 4536, 4536)4367
"	Gif-1832	5650±130	4711(4496)4360
"	Gif-1670	5550±150	4573(4365)4245
"	Gif-1280	5470±150	4470(4345)4155
"	Gif-1610	5350±200	4370(4233, 4183, 4167)3980

График данных из Таблицы 1: Ранний и средний неолит Греции

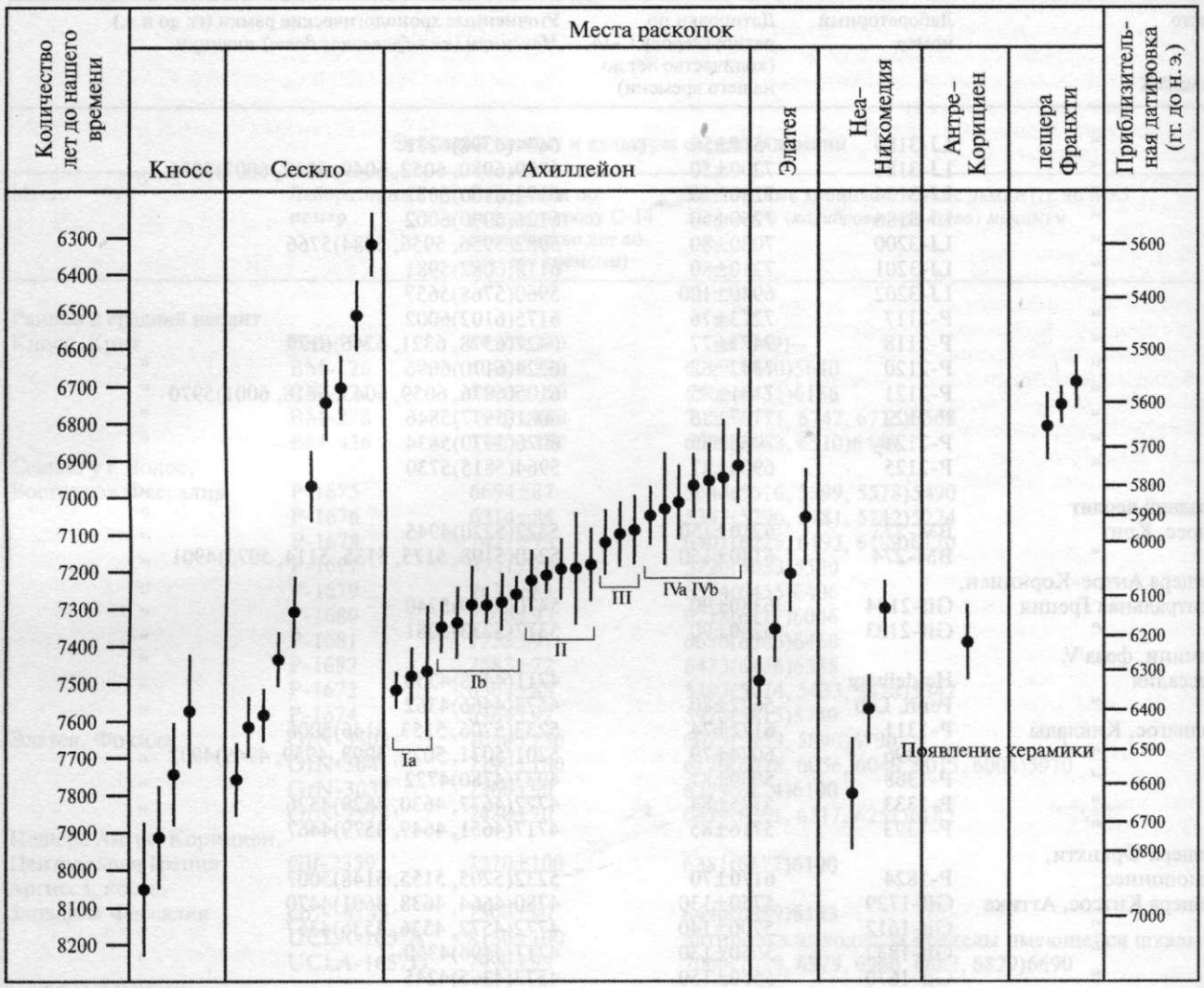


График данных из Таблицы 1: Ранний и средний неолит Греции

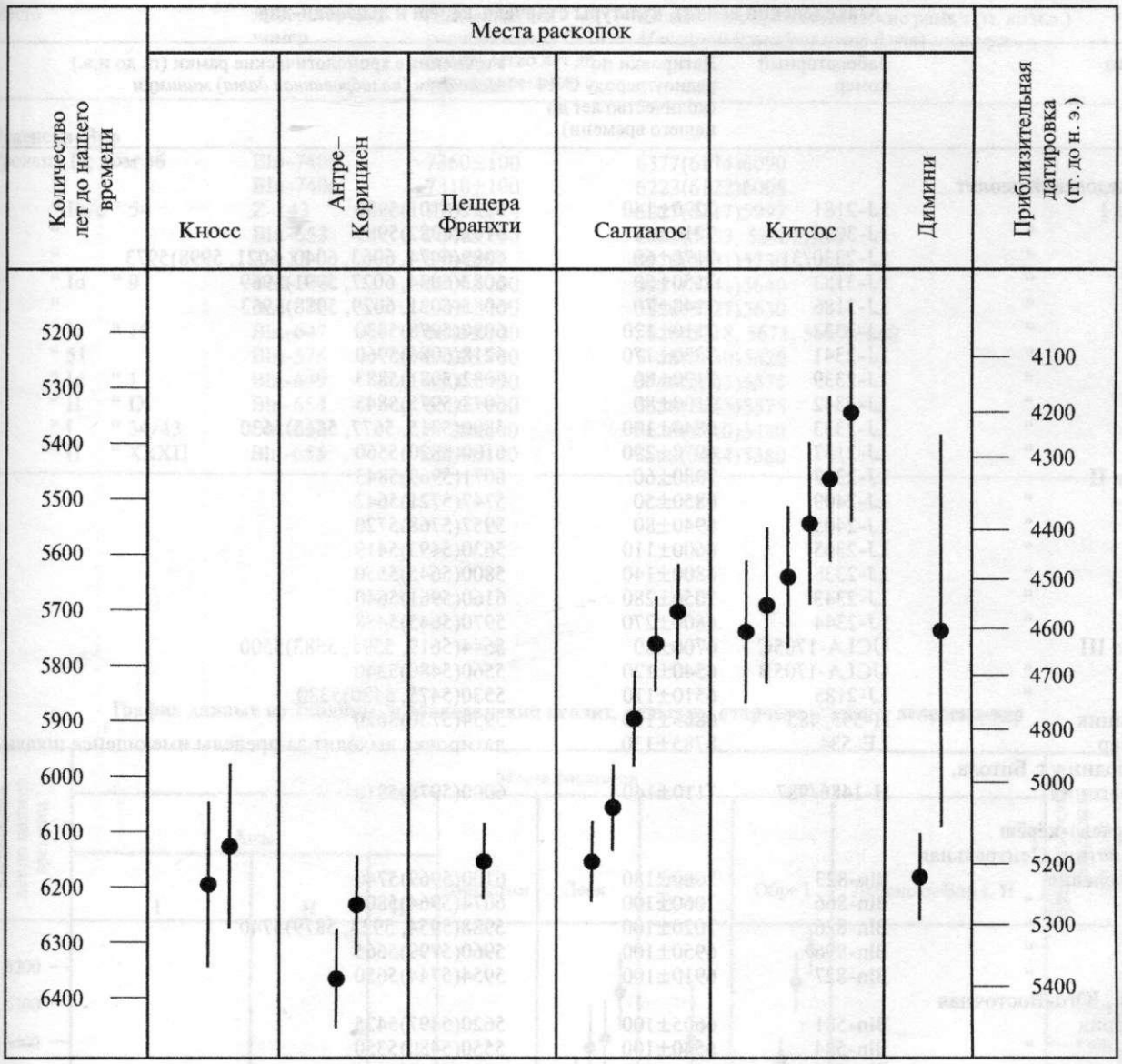


Таблица 2

Македонский неолит, культуры старчево-кёрёш и лепенски-вир

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Македонский неолит			
Анза I	LJ-2181	7270±140	6222(6101)5980
"	LJ-3032	7210±50	6105(6082)5989
"	LJ-2330/31	7170±60	6089(6074, 6063, 6040, 6021, 5998)5973
"	LJ-3183	7150±50	6083(6034, 6027, 5991)5969
"	LJ-3186	7140±70	6085(6031, 6029, 5988)5963
"	LJ-2332	7110±120	6090(5978)5830
"	LJ-2341	7230±170	6218(6086)5960
"	LJ-2339	7120±80	6082(5981)5883
"	LJ-2342	7100±80	6078(5975)5845
"	LJ-2333	6840±100	5800(5715, 5677, 5665)5630
"	LJ-2157	6970±290	6100(5820)5560
Анза II	LJ-2337	7080±60	6071(5969)5843
"	LJ-2409	6850±50	5747(5721)5642
"	LJ-2405	6940±80	5957(5768)5720
"	LJ-2345	6600±110	5630(5493)5419
"	LJ-2338	6800±140	5800(5645)5550
"	LJ-2343	7050±280	6160(5961)5640
"	LJ-2344	6800±270	5970(5645)5488
Анза III	UCLA-1705C	6700±80	5644(5619, 5595, 5583)5500
"	UCLA-1705B	6540±120	5560(5480)5340
"	LJ-2185	6510±110	5530(5475, 5430)5330
Вршник	H-595/485	6865±150	5954(5730)5620
Хисар	LE-534	8785±130	датировка выходит за пределы имеющейся шкалы
Породин у г. Битола, Пелагония	H-1486/987	7110±140	6090(5978)5810
Старчево-кёрёш			
Дивостин, Центральная Югославия	Bln-823	7080±180	6100(5969)5740
"	Bln-866	7060±100	6074(5964)5800
"	Bln-826	7020±100	5988(5954, 5923, 5879)5740
"	Bln-896	6950±100	5960(5799)5665
"	Bln-827	6910±100	5954(5744)5650
Деск, Юго-Восточная Венгрия	Bln-581	6605±100	5620(5497)5425
"	Bln-584	6540±100	5550(5480)5350
"	Bln-583	6410±120	5480(5343)5240
"	Bln-582a	6390±100	5474(5333)5240
"	Bln-582	6260±100	5325(5234)5082
Дьяларет	Bln-75	7090±100	6080(5972)5830
Котачпарт	Bln-115	6450±100	5480(5378)5246
Каталсег	Bln-86	6370±100	5470(5325, 5251, 5250)5230
Горня-Тузла, Босния	Grn-2059	6640±75	5629(5541)5482
"	Bln-	6390±150	5480(5333)5230
Обре I	UCLA-1605I	7240±60	6124(6088)5996
"	UCLA-1605G	6710±70	5644(5623)5533
"	UCLA-1605F	6430±60	5474(5354)5248
"	Bln-659	6230±80	5302(5230)5072
"	UCLS-1605H	6150±60	5222(5200, 5170, 5139, 5102, 5082)5003

продолж.

Таблица 2 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Лепенски-Вир			
Уровень Ia; дом 36	Bln-740b	7360±100	6377(6174)6090
“	Bln-740a	7310±100	6223(6122)6008
“ Ib/c “ 54	Z-143	7300±124	6227(6117)5997
“	Bln-653	7040±100	6033(5959, 5890)5750
“	Z-115	6984±94	5970(5831)5730
“ Id “ 9	BM-379	6900±100	5951(5741)5640
“	Bln-575	6860±100	5820(5727)5630
“ Ie “ 16	Bln-647	6845±100	5810(5718, 5671, 5669)5630
“ 51	Bln-576	6820±100	5750(5650)5620
“ Id “ 1	Bln-649	6800±100	5740(5645)5575
“ II “ IX	Bln-654	6630±100	5630(5645)5575
“ I “ 34/43	Bln-652	6620±100	5630(5510)5480
“ II “ XXXII	Bln-655	6560±100	5560(5484)5380

График данных из Таблицы 2: Македонский неолит, культуры старчево-кёрёш и лепенски-вир

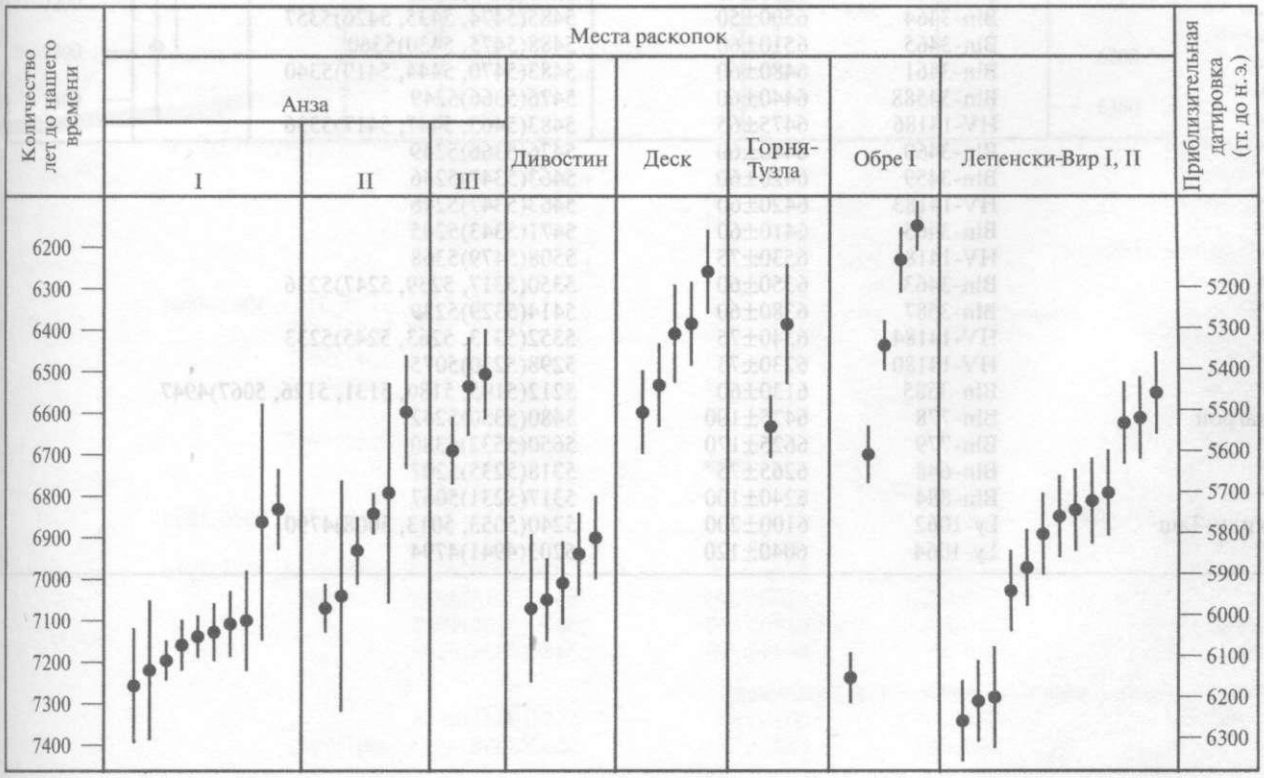


Таблица 3

Культура караново

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Фаза I			
Азмак	Bln-293	7303±150	6375(6118)5990
"	Bln-291	7158±150	6120(6071, 6068, 6036, 6024, 5994)5840
"	Bln-292	6878±100	5957(5734)5630
"	Bln-296	6779±100	5740(5641)5560
"	Bln-294	6768±100	5730(5638)5550
"	Bln-295	6720±100	5694(5626)5500
"	Bln-299	6812±100	5750(5648)5585
"	Bln-297	6675±100	5640(5563)5480
"	Bln-298	6540±100	5550(5480)5350
"	Bln-224	6652±150	5640(5563)5480
"	Bln-301	6483±100	5490(5471, 5443, 5420)5330
"	Bln-300	6426±150	5490(5350)5240
"	Bln-430	6279±120	5340(5237)5082
Фазы II–III			
Караново	Bln-152	6807±100	5750(5647)5581
"	HV-14610	6800±75	5737(5645)5624
"	Bln-201	6573±100	5612(5486)5410
"	Bln-234	6500±150	5550(5474, 5435, 5426)5246
"	HV-14611	6555±60	5535(5483)5419
"	Bln-3458	6440±60	5476(5366)5249
"	HV-14609	6535±70	5508(5479)5380
"	HV-14181	6530±75	5508(5479)5368
"	Bln-3464	6500±50	5485(5474, 5435, 5426)5357
"	Bln-3465	6510±60	5488(5475, 5430)5360
"	Bln-3461	6480±60	5483(5470, 5444, 5419)5340
"	Bln-34588	6440±60	5476(5366)5249
"	HV-14186	6475±65	5483(5463, 5447, 5417)5336
"	Bln-3460	6440±60	5476(5366)5249
"	Bln-3459	6420±60	5463(5347)5246
"	HV-14183	6420±60	5463(5347)5246
"	Bln-3465	6410±60	5471(5343)5245
"	HV-14181	6530±75	5508(5479)5368
"	Bln-3463	6350±60	5350(5317, 5259, 5247)5236
"	Bln-3587	6380±60	5414(5329)5239
"	HV-14184	6340±75	5352(5313, 5263, 5245)5233
"	HV-14180	6230±75	5298(5230)5075
"	Bln-3585	6130±60	5212(5195, 5180, 5131, 5126, 5067)4947
Ситагрой	Bln-778	6425±100	5480(5350)5242
"	Bln-779	6625±170	5650(5532)5380
"	Bln-648	6265±75	5318(5235)5207
"	Bln-884	6240±100	5317(5231)5067
Дикили-Таш	Ly-1062	6100±200	5240(5053, 5013, 5008)4790
"	Ly-1064	6040±120	5203(4941)4794

График данных из Таблицы 3: Культура караново

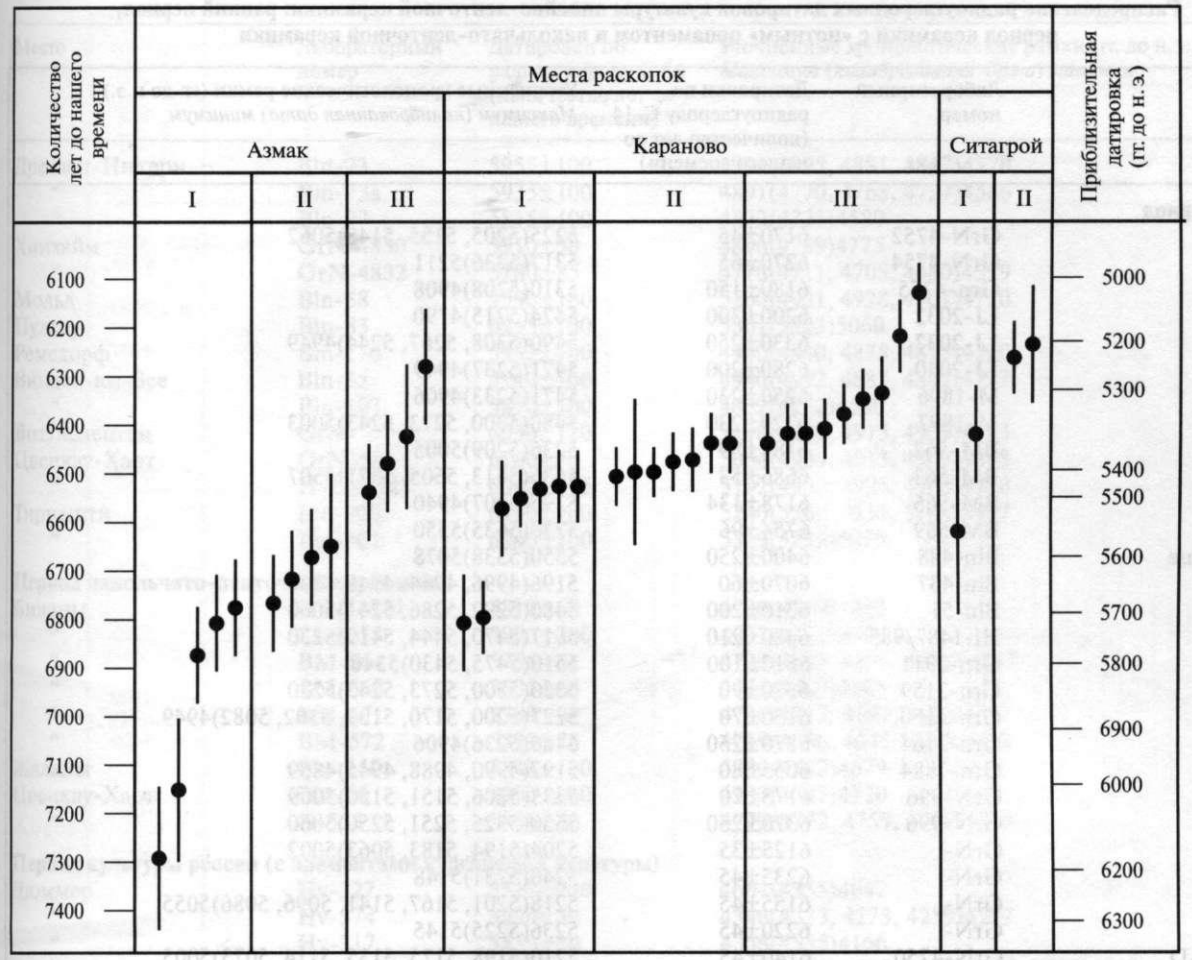


Таблица 4

Распределение радиоуглеродных датировок культуры линейно-ленточной керамики: ранний период, период керамики с «нотным» орнаментом и накольчато-ленточной керамики

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ранний период			
Биланы	GrN-4752	6170±45	5225(5205, 5155, 5148)5062
"	GrN-4754	6270±65	5317(5236)5211
"	Grn-4755	6180±150	5310(5208)4908
"	LJ-2032	6200±300	5474(5215)4790
"	LJ-2037	6330±250	5490(5308, 5267, 5244)4949
"	LJ-2040	6280±200	5471(5237)4949
"	M-1896	6250±230	5471(5233)4906
"	M-1897	6320±230	5480(5300, 5273, 5243)5003
"	BM-562	6184±89	5236(5209)5005
"	BM-563	6686±53	5636(5613, 5605, 5571)5507
"	BM-566	6178±134	5295(5207)4940
"	BM-569	6754±96	5730(5635)5550
Хабаровице	Bln-438	6400±250	5550(5338)5078
"	Bln-437	6070±60	5196(4996, 4964, 4948)4904
Айтцум	Bln-51	6310±200	5480(5292, 5286, 5241)5060
"	Hl-1487/985	6480±210	5617(5470, 5444, 5419)5230
Эльсло	Grn-2311	6510±100	5510(5475, 5430)5340
"	Grn-2159	6320±90	5350(5300, 5273, 5243)5220
"	Grn-2160	6150±70	5227(5200, 5170, 5139, 5102, 5082)4949
"	Grn-2164	6270±250	5480(5236)4906
"	Grn-2884	6055±80	5197(4990, 4988, 4945)4859
Гелен	GrN-996	6175±70	5233(5206, 5151, 5150)5009
"	GrN-996	6370±250	5530(5325, 5251, 5250)5060
Хинхайм	GrN-	6125±35	5204(5194, 5183, 5063)5002
"	GrN-	6235±45	5240(5231)5148
"	GrN-	6155±45	5218(5201, 5167, 5141, 5096, 5086)5055
"	GrN-	6220±45	5236(5225)5145
Лаутерек-D	GrN-4750	6140±45	5210(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)5005
Лаутерек-E	GrN-4667	6440±45	5474(5366)5327
Могельнице	Bln-102	6285±100	5340(5238)5210
"	Bln-102a	6405±100	5480(5340)5240
Ольшаница, Польша	GrN-5384	6430±75	5477(5354)5246
"	M-2011	6300±400	5620(5240)5790
"	M-2165	6150±210	5321(5200, 5170, 5139, 5102, 5082)4841
Ольшаница D1	M-2314	6700±220	5750(5619, 5595, 5583)5417
Росдорф	Hv-586	6350±250	5500(5317, 5259, 5247)5007
Ситтард	GrN-320	6100±150	5230(5053, 5013, 5008)4845
"	GrN-423	6200±200	5340(5215)4903
Штурово	Bln-553	6170±100	5240(5205, 5155, 5148)4947
"	Bln-559	6260±100	5325(5234)5082
Стшеке, Польша	GrN-5087	6260±60	5311(5234)5209
Самошшай, Венгрия	Mn-404	6136±100	5230(5197, 5177, 5134, 5119, 5070,4909
Вестерегельн	Bln-42	6045±100	5199(4942)4843
"	Bln-92	6140±100	5230(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)4940
"	GrN-223	6200±200	5340(5215)4903
Залавар	Bln-87	6180±150	5310(5208)4908
Жопи	Bln-57	6430±100	5480(5354)5243
Период керамики с «нотным» орнаментом (Notenkopf)			
Биланы	BM-561	6038±87	5194(4941)4845
"	BM-565	6023±77	5052(4938, 4915, 4907)4842

продолж.

Таблица 4 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Дрезден-Никерн	Bln-73	5955±100	4991(4895, 4881, 4847)4770
"	Bln-73a	5935±100	4891(4770, 4768, 4727)4586
"	Bln-77	5815±100	4832(4721)4580
Хинхайм	GrN-4830	5910±50	4896(4789)4775
"	GrN-4832	5780±85	4778(4711, 4708, 4680)4529
Мольд	Bln-58	5990±160	5200(4931, 4928, 4901)4720
Пулкау	Bln-83	6215±100	5301(5223)5060
Ремсдорф	Bln-176	5932±100	4940(4840, 4838, 4815)4720
Винден-ам-Зее	Bln-55	5940±100	4940(4892, 4887, 4841)4727
"	Bln-107	5820±100	4832(4722)4580
Виттисленген	GrN-	6030±110	5198(4939, 4913, 4909)4793
Цвенкау-Харт	GrN1581	6160±70	5054(4939, 4913, 4909)4848
"	H-224/223	6000±115	5192(4933, 4925, 4903)4780
Тирпешти	Bln-800	6170±100	5240(5205, 5155, 5148)4947
"	Bln-801	6245±100	5319(5232)5070
Период накольчато-ленточной керамики			
Биланы	GrN-4751	5810±60	4780(4719)4597
"	LJ-2053	5820±200	4937(4722)4470
"	BM-564	5756±51	4720(4667, 4636, 4609) 4537
"	BM-568	5635±65	4573(4469)4369
"	BM-571	5789±82	4780(4713, 4697, 4686)4541
"	BM-572	5729±78	4719(4656, 4645, 4585)4494
Жаланы	Bln-240	5881±100	4900(4782)4679
Цвенкау-Харт	Bln-66	5900±100	4933(4787)4720
"	K-555	5840±20	4779(4772, 4759, 4728)4719
Период культуры рёссен (с элементами курганной I культуры)			
Дюммер	Hv-327	5510±240	4664(4355)4042
"	Hv-374	5420±50	4346(4333, 4273, 4259)4237
"	Hv-317	5430±80	4356(4335)4166
"	Hv-814	5565±85	4497(4453, 4425, 4395, 4377, 4369)4347
"	Hv-816	5425±350	4677(4334)3821
"	Hv-1220	5170±90	4211(3991)3822
"	Hv-1230	5175±155	4228(3993)3788
Гонвиллар	Gif-468	5380±250	4470(4241)3970
"	Gif-466	5000±250	4040(3785)3522
Валиц	GrN-433	5300±200	4350(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)3826

График данных из Таблицы 4: Культура линейно-ленточной керамики

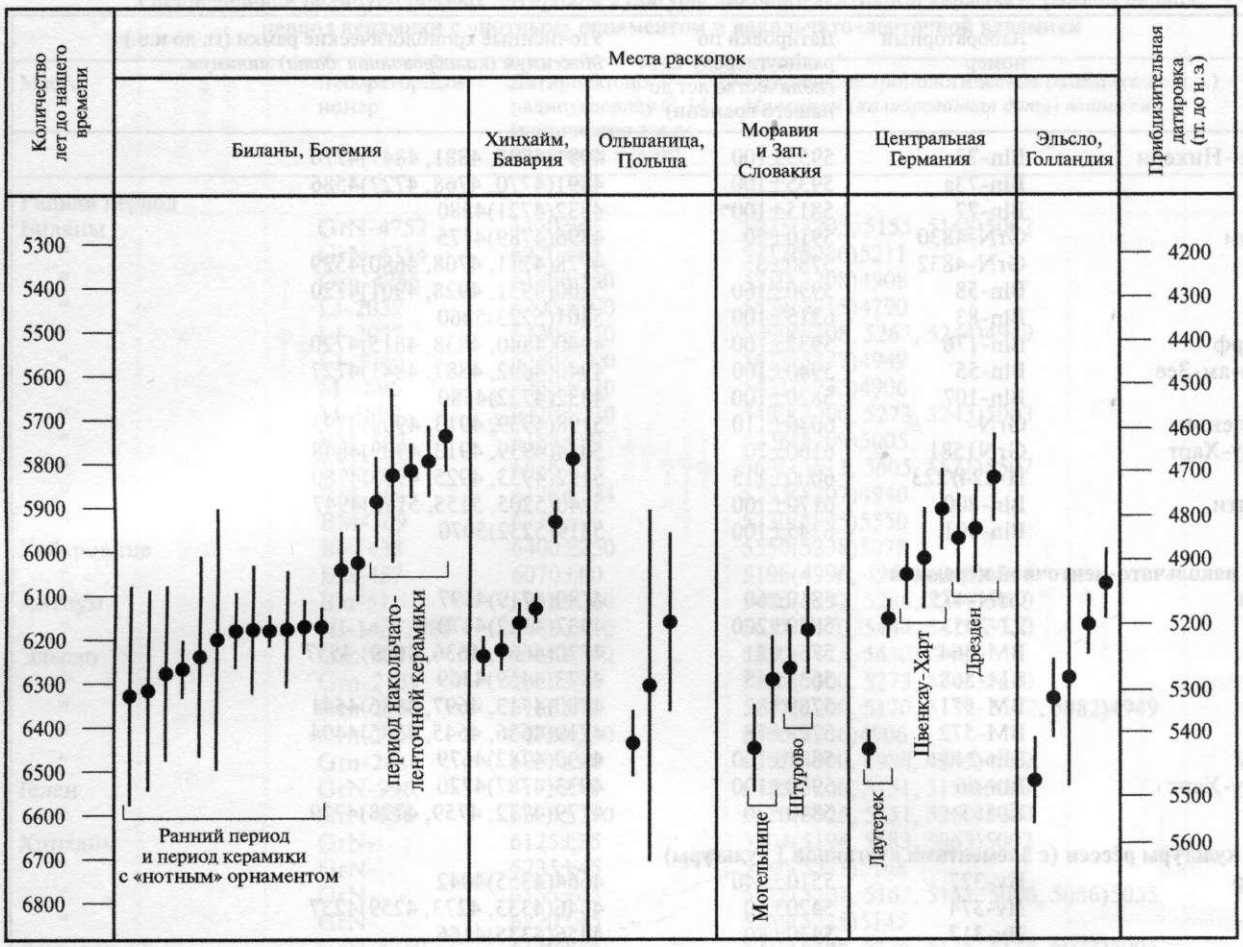


Таблица 5

Культура бюкк

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Фаза тисадоб			
Корлат	Bln-119	6440±100	5480(5366)5244
Тисавашвари-Керестфал	Bln-505	6305±100	5340(5241)5210
Тарнабод	Bln-123	6280±100	5330(5237)5148
Собственно бюкк			
Ошторош	Bln-549	6180±100	5240(5208)4949
Тарназадань	Bln-676	6155±100	5230(5201, 5167, 5141, 5096, 5086)4940
Самошшай	Bln-404	6136±100	5230(5197, 5177, 5134, 5119, 5070)4909
Тарназадань	Bln-506	6120±100	5230(5193, 5185, 5062)4906
Кечово (пещера Домица)	GrN-2435	6080±75	5202(5037, 5025, 5000, 4951, 4950)4904

Таблица 6

Буго-днестровская культура

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Сороки, II 3	Bln-588	7515±120	6460(6404)6180
" II 1	Bln-586	6825±150	5830(5653)5560
" 5	Bln-589	6495±100	5500(5473, 5437, 5424)5330

Таблица 7

Культура бутмир

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Ранний и средний период культуры бутмир			
Обре II	Bln-639	6175±80	5234(5206, 5151, 5150)5005
"	GrN-683	6110±65	5207(5190, 5058)4942
"	GrN-5684	6106±60	5205(5056)4942
"	Bln-792	6075±100	5210(5032, 5029, 4998, 4958, 4949)4859
"	UCLA-1605A	6020±60	5040(4937, 4917, 4907)4848
"	LJ-2327	6020±150	5205(4937, 4917, 4907)4780
"	GrN-5685	5985±40	4939(4900, 4870, 4869)4841
"	GrN-5686	5930±45	4899(4837, 4817, 4803)4782
"	Bln-657	5925±80	4935(4835, 4821, 4799)4729
"	UCLA-1605E	5890±60	4894(4784)4724
"	UCLA-1605C	5875±60	4892(4780)4720
"	Bln-638	5850±80	4838(4774)4620
"	Bln-656	5840±100	4892(4772, 4759, 4728)4589
"	Bln-790	5770±100	4780(4673, 4632, 4624)4510
"	Bln-637	5740±80	4723(4660, 4648, 4590)4501

График данных из Таблицы 5: Культура бюкк

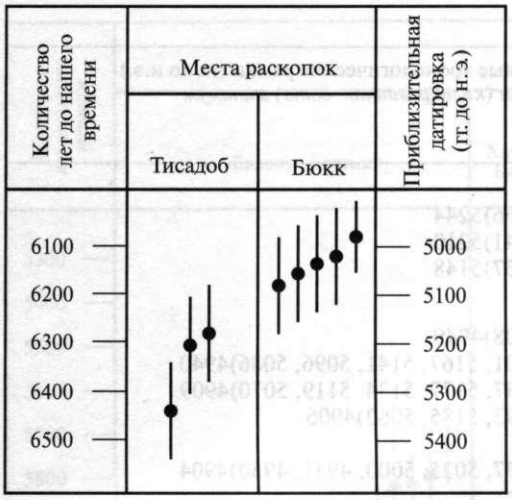


График данных из Таблицы 7: Культура бутмир

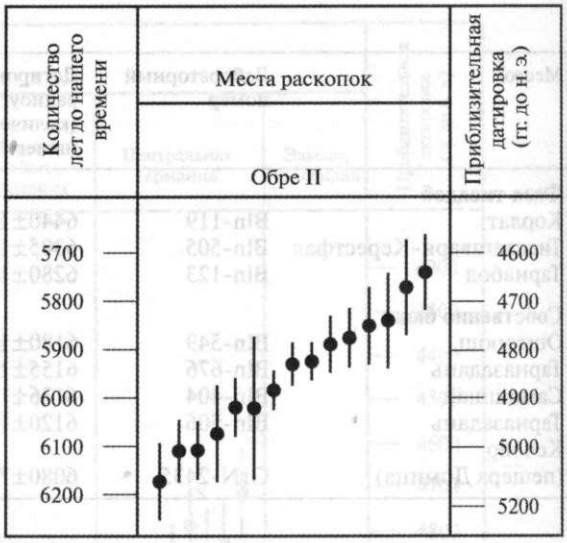


График данных из Таблицы 6: Буго-днестровская культура

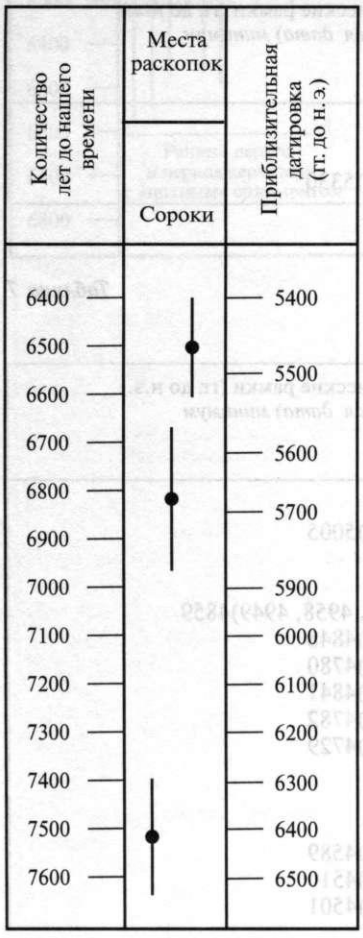


Таблица 8

Культура винча

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Ранняя фаза осентиван	Bln-477	6270±60	5315(5236)5213
Предионика	GrN-1546	6190±60	5234(5210)5063
Анза IV	LJ-2329	6210±60	5237(5220)5075
“	LJ-2178	6100±250	5317(5053, 5013, 5008)4770
“	LJ-2411	6070±200	5240(4996, 4964, 4948)4780
Магура-Фетелор, Вэдэстра	UCLA-1865	6230±80	5302(5230)5072
Осентиван	Bln-478	6070±100	5206(4996, 4964, 4948)4855
“	Bln-480	6050±100	5200(4943)4845
Дивостин	Bln-865	6020±100	5193(4937, 4917, 4907)4793
“	Z-336	6005±93	5053(4934, 4923, 4904)4789
“	Bln-867	5250±100	4233(4039, 4010)3980
“	Bln-868	6070±100	5206(4996, 4964, 4948)4855
“	Bln-871	6190±100	5210(5046, 5019, 5004)4901
“	Bln-863	5825±100	4936(4724)4582
“	Bln-898	5860±100	4896(4777)4611
“	BM-574	5247±80	4227(4038, 4011, 4009)3990
Бапска 2	Bln-346	5955±80	4941(4895, 4881, 4847)4780
Валач	Bln-436	5845±80	4835(4773, 4750, 4729)4615
“	GrN-1537	5845±160	4934(4773, 4750, 4729)4520
Бапска	Bln-348	5820±80	4787(4722)4588
Баница	GrN-1542	5710±90	4717(4577, 4553, 4547)4465
Селевац	Z-233b	6152±90	5232(5201, 5169, 5140, 5099, 5083)4945
“	Z-233a	6133±80	5223(5196, 5179, 5132, 5123, 5069)4944
“	Har-3211	6050±70	5198(4942)4843
“	Har-3232	6070	5194(4941)4845
“	LJ-2521	6080±100	5210(5037, 5025, 5000, 4951, 4950)4863
Медведняк	ALJ-2521	6100±100	5220(5053, 5013, 5008)4903
Горня-Тузла	Bln-349	5710±100	4720(4577, 4553, 4547)4460
“	GrN-1974	5580±60	4490(4456, 4417, 4403)4357
Винча	GrN-1536	5670±120	4714(4512)4360
“	GrN-1542	6190±60	5234(5210)5063
Беран-Крс	Z-491	6030±160	5210(4939, 4913, 4909)4780
Гомолава Ia	GrN-7376	6010±70	5039(4935, 4921, 4905)4809
Гривац	Bln-872	5930±100	4940(4837, 4817, 4803)4728
Беран-Крс	Z-492	5870±150	4938(4779)4580
Горня	Bm-1124	5869±54	4836(4779)4719
Винча	GrN-1537	5845±160	4939(4773, 4750, 4729)4520
Гомолава Ib	GrN-7374	5715±75	4714(4651, 4649, 4579)4469
Любляница	M-2455	5660±200	4720(4461)4245

График данных из Таблицы 8: Культура винча

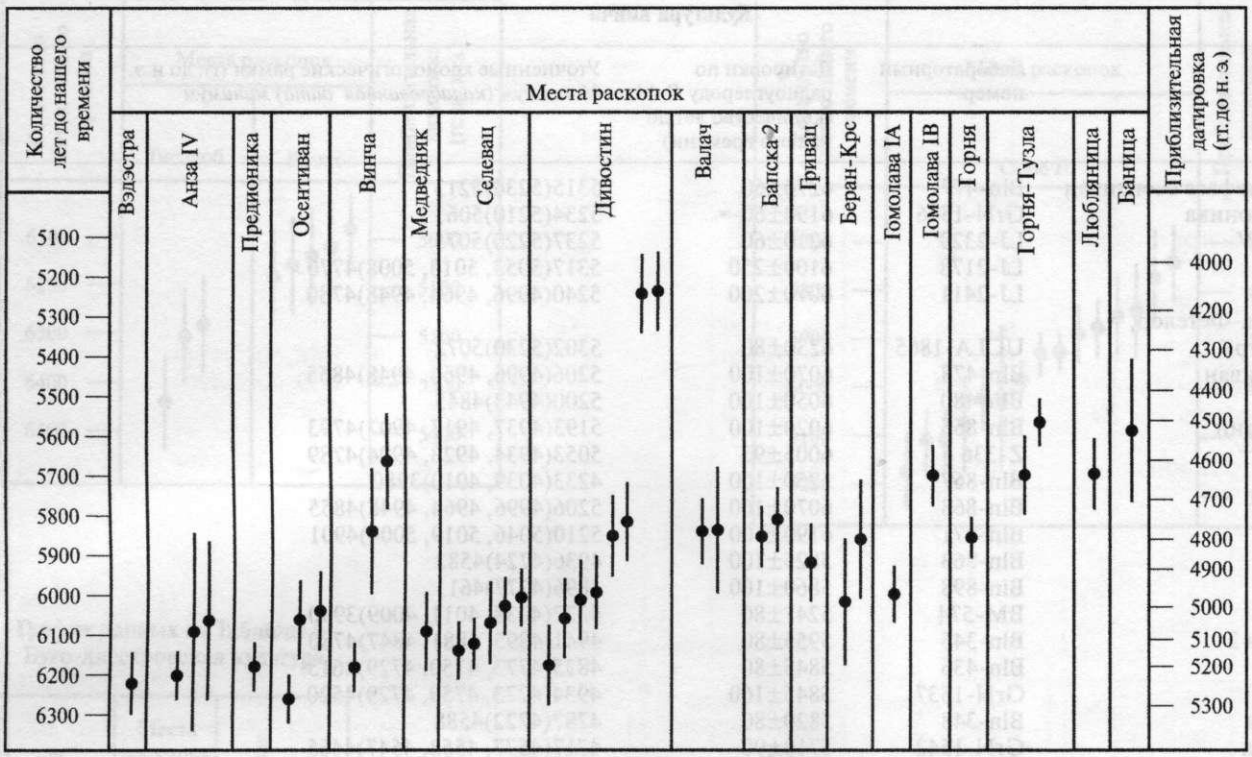


Таблица 9

Культура тиса

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Группа сакальхат			
Баттонья-Паразтанья	Bln-1966	6370±60	5371(5325, 5251, 5250)5239
“	Bln-1667	6280±60	5319(5237)5218
“	Bln-1971	6270±65	5317(5236)5211
“	Bln-1970	6175±70	5233(5206, 5151, 5150)5009
Девааньа-Рехей	Bln-1337	5955±60	4937(4895, 4881, 4847)4784
“	Bln-1378	5960±60	4938(4895, 4879, 4849)4786
“	Bln-1377	5875±60	4892(4780)4720
“	Bln-±1339	6095±60	5202(5050, 5016, 5006)4909
Вестё-Магор	Bln-±1628	6250±100	5321(5233)5074
“	Bln-1625	6150±100	5230(5200, 5170, 5139, 5102, 5082)5040
Группа эстар			
Береттьоуйфалу-Силхалом	Bln-5570	6330±90	5360(5308, 5267, 5244)5230
“	Bln-5579	6340±60	5345(5313, 5263, 5245)5235
Классическая культура тиса			
Ходмезёвашархей-Горжа (уровень 16)	Fra-108	5970±100	5345(5313, 5263, 5245)5235
“ (уровень 10)	Fra-77	5670±100	4675(4512)4369
“ (уровень 10)	Fra-76	5650±100	4669(4496)4360
“ (уровень 1)	Fra-95	5979±100	5038(4899, 4873, 4864)4780
“	Bln-?	5580±100	4529(4456, 4417, 4403)4350
Вестё-Магор	Bln-1626	6000±100	5054(4933, 4925, 4903)4790
“	Bln-1342	5970±80	4944(4897, 4876, 4857)4783
Кишкёре	Bln-179	5995±80	5034(4932, 4926, 4902)4790
“	Bln-515	5890±80	4898(4784)4718
Группа херпай			
Береттьоуйфалу-Херпай (уровень 9)	Bln-1934	5730±80	4720(4657, 4645, 4585)4493
“ (уровень 9)	Bln-2835	5790±60	4775(4713, 4696, 4687)4584
“ (уровень 9)	Bln-2936	5930±60	4932(4837, 4817, 4803)4778
“ (уровень 8)	Bln-2673	5630±70	4573(4468)4367
“ (уровень 8)	Bln-2939	5680±60	4662(4519)4465
“ (уровень 8)	Bln-2940	5640±60	4787(4772, 4759, 4728)4677
“ (уровень 8)	Bln-2928	5840±70	4790(4772, 4759, 4728)4620
“ (уровень 8)	Bln-2933	5830±60	4785(4725)4620
“ (уровень 8)	Bln-2927	5710±80	4714(4577, 4553, 4547)4467
“ (уровень 8–7)	Bln-2926	5770±80	4775(4673, 4632, 4624)4525
“ (уровень 8)	Bln-2930	5710±60	4676(4577, 4553, 4547)4493
“ (уровень 8–7)	Bln-2925	5830±70	4787(4725)4610
“ (уровень 8–7)	Bln-2929	5800±70	4780(4716)4584
“ (уровень 8–7)	Bln-2938	5600±60	4506(4461)4362
“ (уровень 7)	Bln-2924	5820±70	4785(4722)4597
“ (уровень 7)	Bln-2993	5520±70	4459(4358)4340
“ (уровень 7)	Bln-2931	5500±60	4452(4353)4337
“ (уровень 7)	Bln-2937	5770±70	4772(4673, 4632, 4624)4533
“ (уровень 7)	Bln-2706	5706±60	4673(4575, 4558, 4543)4485
“ (уровень 6)	Bln-2958	5630±60	4529(4468)4369
“ (уровень 6)	Bln-2923	5680±80	4669(4519)4460
“ (уровень 6)	Bln-2670	5810±50	4778(4719)4608
“ (уровень 6)	Bln-2584	5750±60	4720(4664, 4638, 4601)
“ (уровень 6)	Bln-2494	5655±50	4576(4550)4461

продолж.

Таблица 9 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
" (уровень 6–5)	Bln-2583	5490±60	4450(4350)4335
" (уровень 6–5)	Bln-2668	5750±50	4718(4664, 4638, 4601)4532
" (уровень 5)	Bln-2493	5645±55	4574(4492)4407
Силхалом	Bln-2675	5680±100	4711(4519)4402
Эстар-Феньвешпарт	Bln-1679	5770±55	4725(4673, 4632, 4624)4548
Группа чёсхалом			
Чёсхалом	Bln-509(верхний уровень)	5575±60	4470(4455, 4420, 4401)4356
"	Bln-510(средний уровень)	5875±100	4899(4780)4626
"	Bln-512(нижний уровень)	5775±100	4780(4677, 4630, 4629)4510
"	Bln-513(нижний уровень)	5940±100	4940(4893, 4883, 4845)4730
"	Grn-1993	5895±60	4895(4785)4725
"	Bln-100	5575±100	4520(4455, 4420, 4401)4350
Группа польгар (тисапольгар)			
Белмедьер-Мондоки-домб	Bln-?	5300±70	4239(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)4005
Мехкерек	Bln-2165	5385±65	4341(4242)4154
Тисапольгар-Башатанья	Deb-361 (Могила 5)	5350±190	4360(4233, 4183, 4167)3990
"	Deb-348 (Могила 23)	5020±180	4000(3895, 3887, 3810, 3788)3640
"	Deb-348 (Могила 28)	5060±170	4035(3938, 3867, 3818)3690
"	Deb-349 (Могила 54)	5090±190	4216(3951, 3842, 3824)3700

График данных из Таблицы 9: Культура тиса

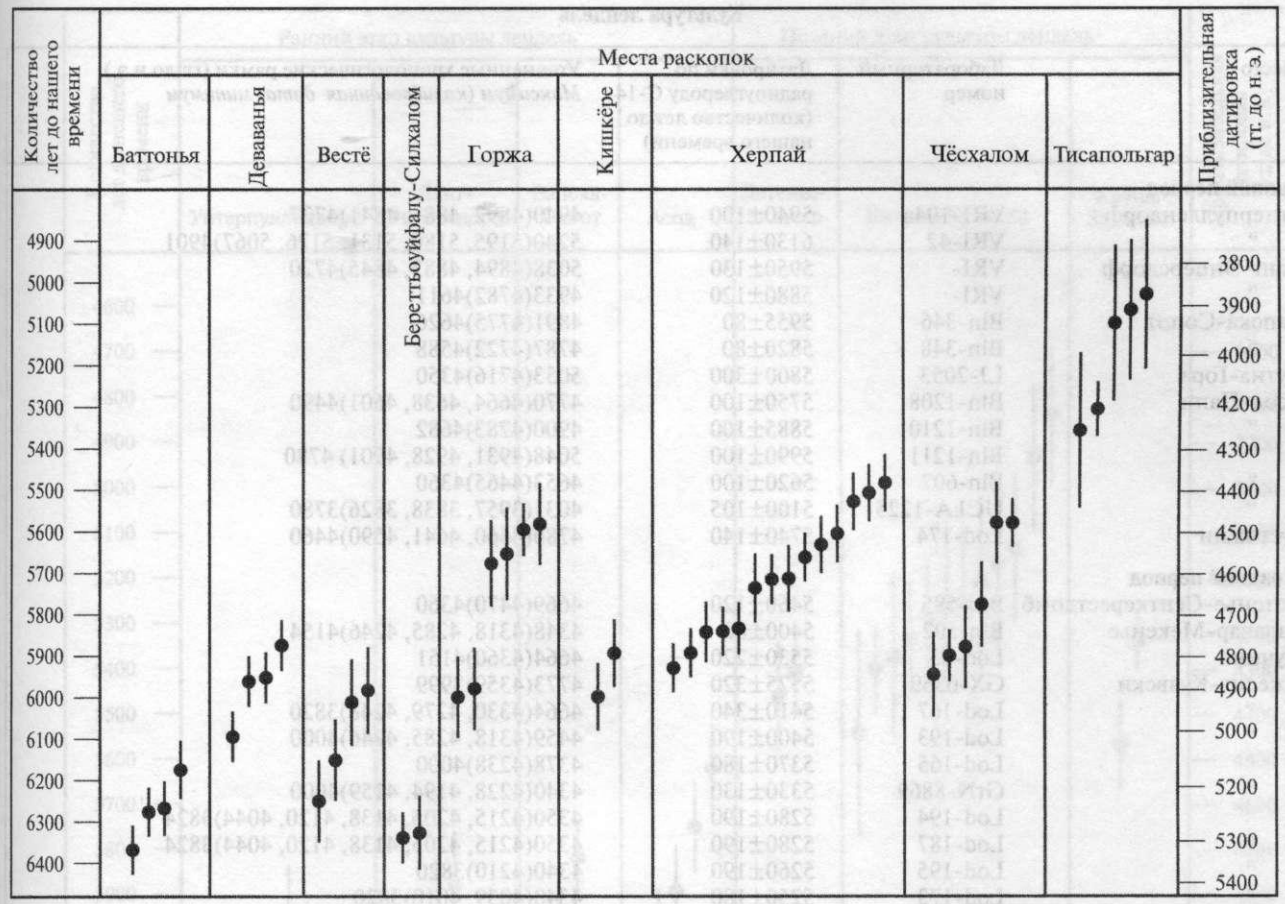


Таблица 10

Культура лендель

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Ранний период			
Унтерпуллендорф	VRI-104a	5940±100	4940(4892, 4887, 4841)4727
"	VRI-42	6130±140	5240(5195, 5180, 5131, 5126, 5067)4901
Ланг-Энцерсдорф	VRI-	5950±130	5038(4894, 4883, 4845)4720
"	VRI-	5880±120	4933(4782)4611
Бапска-Сопот	Bln-346	5955±80	4891(4775)4626
"	Bln-348	5820±80	4787(4722)4588
Кутна-Гора	LJ-2053	5800±300	5053(4716)4350
Асод-Папи	Bln-1208	5750±100	4770(4664, 4638, 4601)4490
"	Bln-1210	5885±100	4900(4783)4682
"	Bln-1211	5990±100	5048(4931, 4928, 4901) 4780
"	Bln-607	5620±100	4653(4465)4360
"	UCLA-1225	5100±105	4031(3957, 3838, 3826)3780
Густожин	Lod-174	5740±140	4780(4660, 4641, 4590)4460
Поздний период			
Летенье-Сенткерестдомб	Bln-585	5460±120	4669(4470)4360
Залавар-Мекенье	Bln-502	5400±80	4348(4318, 4285, 4246)4154
Кучина	Lod-93	5530±220	4664(4360)4151
Бжесць-Куявски	GX-6369	5525±320	4773(4359)3999
"	Lod-167	5410±340	4664(4330, 4279, 4248)3820
"	Lod-193	5400±190	4459(4318, 4285, 4246)4000
"	Lod-165	5370±180	4378(4238)4000
"	GrN-8869	5330±130	4340(4228, 4194, 4159)4000
"	Lod-194	5280±190	4350(4215, 4205, 4138, 4120, 4044)3824
"	Lod-187	5280±190	4350(4215, 4205, 4138, 4120, 4044)3824
"	Lod-195	5260±190	4340(4210)3820
"	Lod-173	5250±180	4340(4039, 4010)3820
"	Lod-164	5210±180	4240(4032, 4026, 4001)3790
"	Lod-110	5160±180	4230(3988)3780
"	Lod-163	5130±160	4218(3974)3726
"	Lod-170	4930±160	3950(3773, 3758, 3704)3530
"	Lod-162	4830±160	3780(3639)3378
Круша-Замкова, могила 392		5565±100	4510(4453, 4425, 4395, 4377, 4369)4340
с диадемой		5330±65	4315(4228, 4194, 4159)4041

График данных из Таблицы 10: Культура лендель

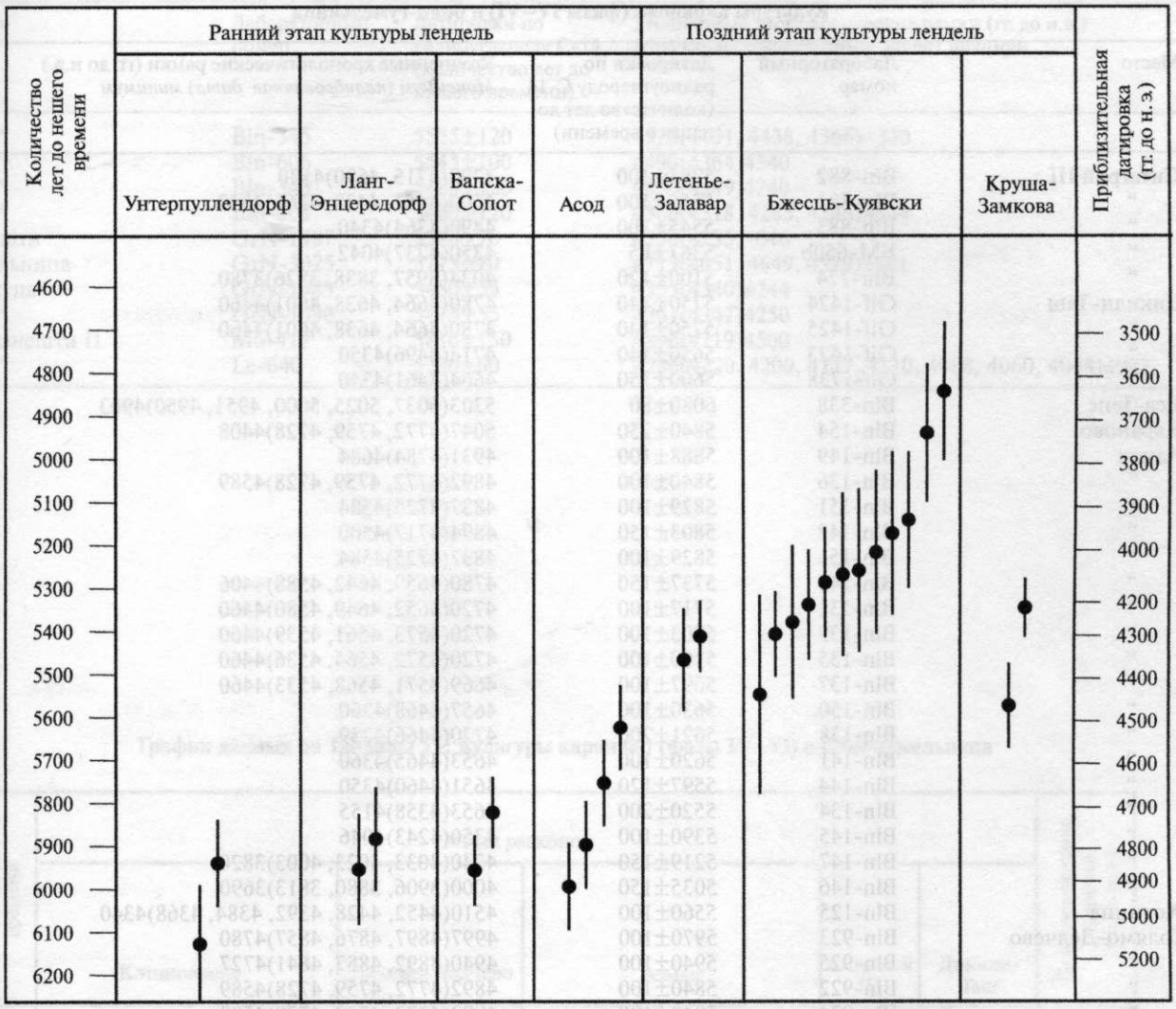


Таблица 11

Культуры караново (фазы IV–VI) и боян-гумельница

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ситагрой III	Bln-882	5795±100	4790(4715, 4690)4530
"	Bln-881	5555±100	4500(4451, 4438, 4366)4340
"	Bln-883	5545±100	4490(4364)4340
"	BM-650b	5367±85	4350(4237)4042
"	Bln-774	5100±120	4034(3957, 3838, 3826)3780
Дикили-Таш	Gif-1424	5750±140	4780(4664, 4638, 4601)4460
"	Gif-1425	5750±140	4780(4664, 4638, 4601)4460
"	Gif-1423	5650±140	4714(4496)4350
"	Gif-1738	5600±150	4664(4461)4340
Яса-Тепе	Bln-338	6080±80	5203(5037, 5025, 5000, 4951, 4950)4903
Караново	Bln-154	5840±250	5047(4772, 4759, 4728)4408
Азмак	Bln-149	5888±100	4931(4784)4684
"	Bln-136	5840±100	4892(4772, 4759, 4728)4589
"	Bln-151	5829±100	4837(4725)4584
"	Bln-142	5803±150	4894(4717)4500
"	Bln-151	5829±100	4837(4725)4584
"	Bln-143	5737±150	4780(4659, 4642, 4588)4406
"	Bln-131	5717±100	4720(4652, 4649, 4580)4460
"	Bln-139	5703±100	4720(4573, 4561, 4539)4460
"	Bln-135	5700±100	4720(4572, 4564, 4536)4460
"	Bln-137	5697±100	4669(4571, 4568, 4533)4460
"	Bln-150	5630±100	4657(4468)4360
"	Bln-138	5621±200	4720(4466)4259
"	Bln-141	5620±100	4653(4465)4360
"	Bln-144	5597±120	4651(4460)4350
"	Bln-134	5520±200	4653(4358)4155
"	Bln-145	5390±100	4350(4243)4046
"	Bln-147	5219±150	4240(4033, 4023, 4003)3820
"	Bln-146	5035±150	4000(3906, 3880, 3813)3690
Хотница	Bln-125	5560±100	4510(4452, 4428, 4392, 4384, 4368)4340
Голямо-Делчево	Bln-923	5970±100	4997(4897, 4876, 4857)4780
"	Bln-925	5940±100	4940(4892, 4887, 4841)4727
"	Bln-922	5840±100	4892(4772, 4759, 4728)4589
"	Bln-924	5840±100	4892(4772, 4759, 4728)4589
"	Bln-966	5840±100	4892(4772, 4759, 4728)4589
"	Bln-920a	5640±100	4661(4470)4360
"	Bln-920	5590±100	4530(4459, 4411, 4409)4450
"	Bln-921	5515±100	4460(4356)4249
Биково-Дончова	Bln-337	5590±80	4513(4459, 4411, 4409)4355
Кэшиоареле	Bln-335	5985±120	5060(4900, 4870, 4869)4780
"	Bln-336	5895±120	4937(4785)4627
"	Bln-332	5865±150	4936(4778)4578
"	Bln-598	5855±80	4891(4775)4626
"	Bln-334	5758±80	4772(4667, 4636, 4611)4516
"	Bln-333	5740±120	4780(4660, 4641, 4590)4470
"	Bln-602	5705±80	4713(4574, 4559, 4542)4466
"	Bln-605	5675±80	4667(4515)4459
"	Bln-599	5670±100	4675(4512)4369
"	Bln-344	5620±120	4661(4465)4350
"	Bln-603	5620±120	4661(4465)4350
"	Bln-604	5580±100	4520(4456, 4417, 4403)4350
"	Bln-607	5560±100	4510(4452, 4428, 4392, 4384, 4368)4340
"	Bln-624	5560±100	4510(4452, 4428, 4392, 4384, 4368)4340

продолж.

Таблица 11 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
"	Bln-345	5555±120	4520(4451, 4438, 4366)4340
"	Bln-606	5545±100	4490(4364)4340
"	Bln-343	5485±120	4460(4349)4240
"	Bln-608	5400±120	4360(4318, 4285, 4246)4044
Варашти	GrN-1987	5360±70	4336(4235)4046
Гумельница	GrN-3025	5715±70	4713(4651, 4649, 4579)4481
Салкуца	GrN-1989	5450±55	4355(4340)4244
"	GrN-1990	5475±55	4361(4347)4250
Вулканешти II	Mo-417	5810±150	4896(4719)4500
"	Le-640	5300±60	4236(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)4007

График данных из Таблицы 11: Культуры караново (фазы IV–VI) и боян-гумельница

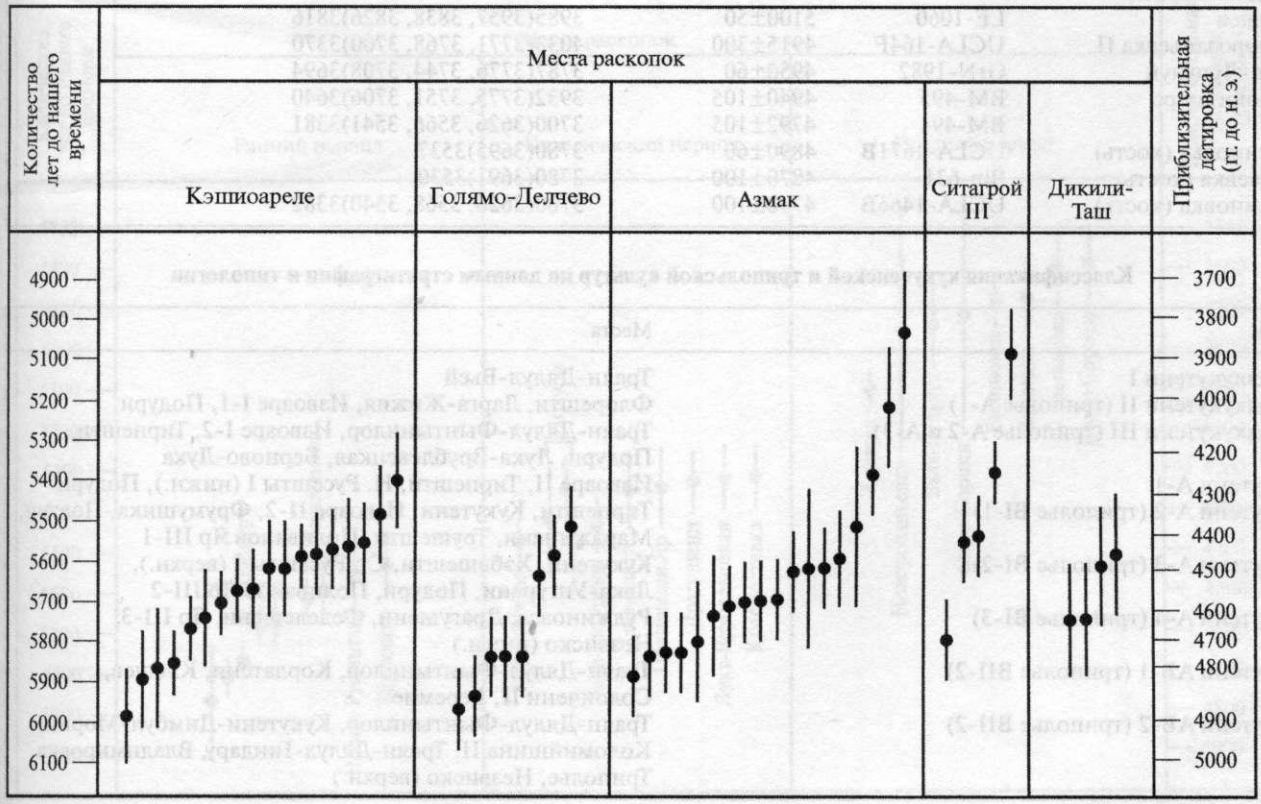


Таблица 12

Кукутенская культура

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ранний период			
Подури	Bln-2804	5820±50	4780(4722)4619
"	Bln-2803	5880±150	4940(4782)4584
"	Bln-2782	5780±50	4726(4711, 4708, 4680)4583
Новые Русешты I	Bln-590	5565±100	4510(4453, 4425, 4395, 4377, 4369)4340
Тирпешти I	GrN-4424	5540±85	4467(4363)4341
Подури	Bln-2783	5690±50	4662(4527)4469
"	Bln-2784	5680±60	4662(4519)4465
Марджинени	Bln-1536	5625±50	4518(4467)4398
"	Bln-1534	5610±55	4510(4463)4365
Классический период			
Марджинени	Bln-1535	5485±60	4365(4349)4264
Подури	Bln-2802	5420±150	4454(4333, 4273, 4259)4042
"	Bln-2766	5350±80	4336(4233, 4183, 4167)4042
Лека-Унгурени	Bln-795	5345±100	4340(4232, 4190, 4165)4008
Хэбэшешти	GrN-1985	5330±80	4331(4228, 4194, 4159)4009
Поливанов Яр	GrN-5134	5440±70	4356(4338)4237
Драгушени	Bln-1060	5355±100	4340(4234, 4174, 4169)4040
Лука-Врублевецкая (кость)	UCLA-1642C	5310±160	4350(4223, 4198, 4151, 4051, 4050)3980
Красноставка	Ki-882	5310±160	4350(4223, 4198, 4151, 4051, 4050)3980
Поздний период			
Клещев	LE-1060	5100±50	3985(3957, 3838, 3826)3816
Новорозаньевка II	UCLA-164F	4915±300	4033(3771, 3768, 3700)3370
Валя-Лупулуй	GrN-1982	4950±60	3787(3776, 3744, 3708)3694
Сороки озеро	BM-495	4940±105	3932(3775, 3751, 3706)3640
"	BM-494	4792±105	3700(3626, 3566, 3541)3381
Евминовка (кость)	UCLA-1671B	4890±60	3780(3695)3537
Чапаевка (кость)	Bln-631	4870±100	3780(3691)3530
Евминовка (кость)	UCLA-1466B	4790±100	3700(3626, 3568, 3540)3382

Классификация кукутенской и трипольской культур по данным стратиграфии и типологии

Фазы	Места
Предкукутени I	Траян-Дялул-Вьей
Предкукутени II (триполье А-1)	Флорешти, Ларга-Жижия, Извоаре I-1, Подури
Предкукутени III (триполье А-2 и А-3)	Траян-Дялул-Фынтынилор, Извоаре I-2, Тирпешти, Подури, Лука-Врублевецкая, Берново-Лука
Кукутени А-1	Извоаре II, Тирпешти, Н. Русешты I (нижн.), Подури
Кукутени А-2 (триполье BI-1)	Тирпешти, Кукутени, Извоаре II-2, Фрумушика, Подури, Марджинени, Трушешти, Поливанов Яр III-1
Кукутени А-3 (триполье BI-2)	Кукутени, Хэбэшешти, Ст. Русешты I (верхн.), Лека-Унгурени, Подури, Поливанов Яр III-2
Кукутени А-4 (триполье BI-3)	Руджиноаса, Драгушени, Феделешени, Яр III-3, Незвиско (нижн.)
Кукутени АВ-1 (триполье BII-2)	Траян-Дялул-Фынтынилор, Корлатени, Клещев, Солончени II, Веремие
Кукутени АВ-2 (триполье BII-2)	Траян-Дялул-Фынтынилор, Кукутени-Димбул-Морий, Коломийщина II, Траян-Дялул-Гиндару, Владимировка, Триполье, Незвиско (верхн.)

Фазы	Места
Кукутени B-1 (триполье BIII-1)	Кукутени, Петрены, Гелайешти-Недя, Кукутени-Четацуйя, Валени-Пьятра-Нямц, Подури, Шипениц (Сипинци), Варваровка 8, Майдан (Майданецкое)
Кукутени B2 (триполье BIII-3)	Кукутени-Четацуйя, Валя-Лупулуй, Подей-Тг., Окна, Стина 1, Подури
Кукутени B-3 (триполье BIII-3)	Попудня, Томашовка, Ст. Буда, Сушковка, Стина 4, Крутобородинцы II, Триполье B, Коломийщина I, Садовени-Манолеоза
Триполье CI	Кошиливцы, Новорозаньевка, Бильче-Злоте, Чапаевка
Триполье CII-1	Жванец, Выхватинцы, Лукаши, Софьевка II
Городище-Фолтешти (триполье CII-2)	Усатово, Терновка, Парканы, Суклея, Колодяжное, Извоаре III, Городище I, Фолтешти

*Пунктиром обозначен конец кукутенской цивилизации. Триполье CII-2 – курганная культура, в которой ощутимо сильное влияние кукутенского субстрата.

График данных из Таблицы 12: Кукутенская культура

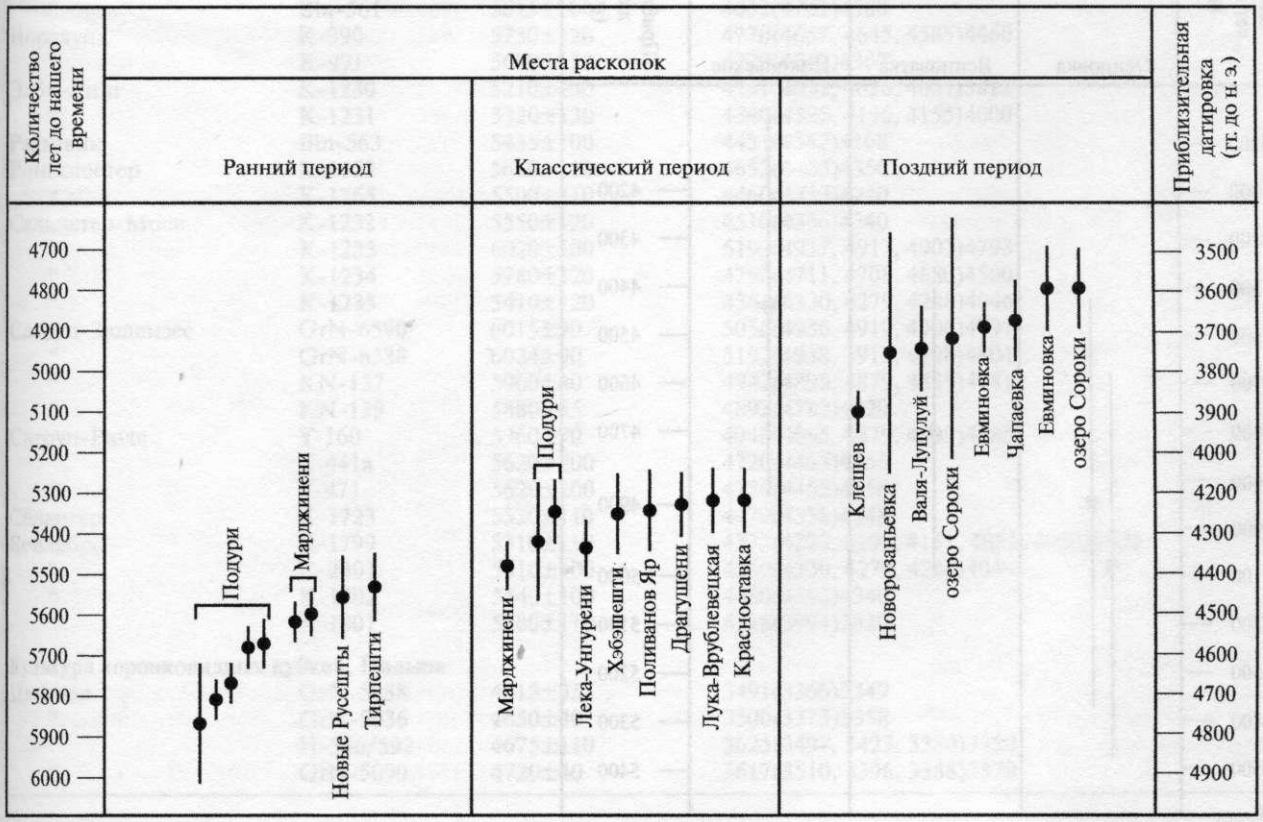


Таблица 13

Днепро-донецкая культура

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Осиповка	Киев	6075±400	5464 (5032, 5029, 4998, 4958, 4949) 4520
"	Киев	5940±420	5321 (4892, 4887, 4841) 4360
Ясиноватка	Киев	5800±300	5053 (4716) 4350
Никольское	Киев	5540±400	4892 (4363) 3980

График данных из Таблицы 13: Днепро-донецкая культура

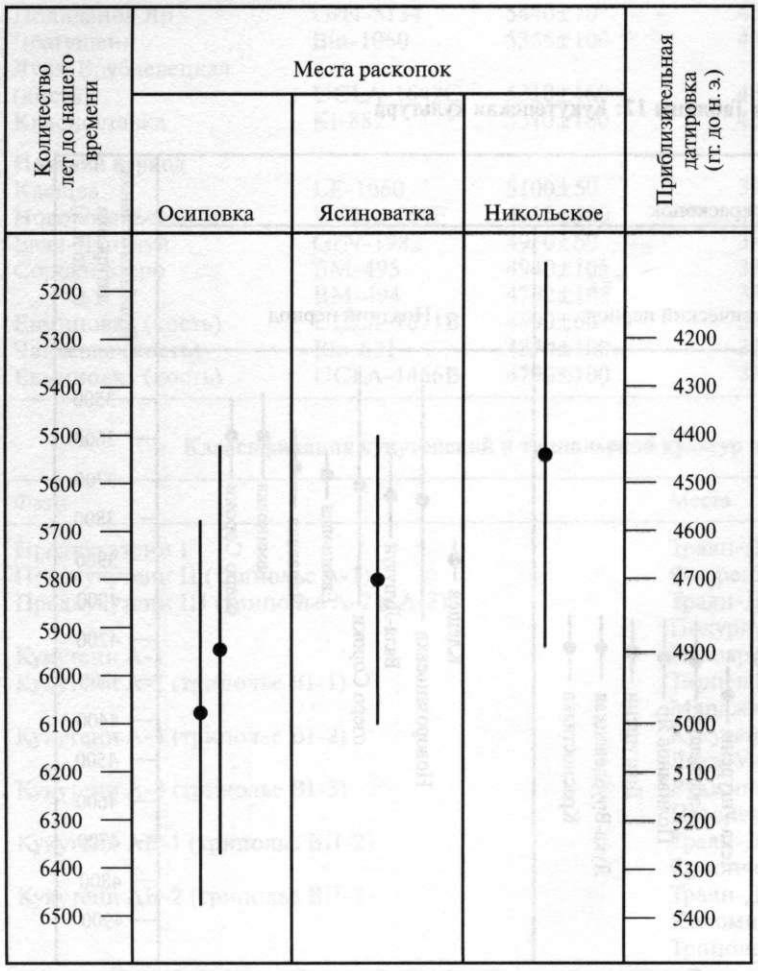


Таблица 14

Мезолитическая культура эртебёлле и неолитическая культура воронковидных кубков, Северная Европа

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Культура эртебёлле в Северо-Западной Германии и Скандинавии			
Бровст	K-1613	5610±100	4577(4463)4350
“	K-1855	5410±100	4360(4330, 4279, 4248)4049
“	K-1856	5500±100	4460(4353)4245
“	K-1857	5450±110	4452(4340)4163
“	K-1859	5490±110	3500(3356)3100
“	K-1861	5410±110	4360(4330, 4279, 4248)4048
“	K-1863	5400±110	4360(4318, 4285, 4246)4046
“	K-1864	5420±100	4360(4333, 4273, 4259)4049
Дюммер	Hv-1220	6060±115	5210(4992, 4979, 4946)4843
Элинелунд	U-48	5450±210	4500(4340)4007
Эллербек	Y-440	6060±200	5230(4992, 4979, 4946)4780
“	Kl-152	5170±110	4216(3991)3818
Эртебёлле	K-1529	5760±100	4780(4668, 4635, 4613)4500
“	K-1530	5660±120	4711(4504)4360
“	K-1531	5600±120	4653(4461)4350
“	K-1534	5580±110	4530(4456, 4417, 4403)4340
“	K-1533	5570±110	4520(4454, 4423, 4370)4340
“	K-1532	5550±110	4500(4365)4340
“	K-1535	5110±100	4032(3963, 3834, 3828)3790
Флиндерхаге	K-1450	5230±100	4228(4035, 4018, 4005)3970
Хальдруп-Странд	K-1612	5630±120	4665(4468)4350
Лицов	Bln-560	5190±120	4223(3996)3820
“	Bln-561	5815±100	4832(4721)4580
Норслунд	K-990	5730±120	4770(4657, 4645, 4585)4460
“	K-991	5680±120	4720(4519)4367
Элби-Линг	K-1230	5210±130	4231(4032, 4026, 4001)3822
“	K-1231	5320±130	4340(4225, 4196, 4155)4000
Ральсвик	Bln-563	5455±100	4451(4342)4168
Рингклостер	K-1652	5610±110	4653(4463)4350
“	K-1765	5500±110	4460(4353)4240
Сальпетер-Мосе	K-1232	5550±120	4510(4356)4340
“	K-1233	6020±100	5193(4937, 4917, 4907)4793
“	K-1234	5780±120	4790(4711, 4708, 4680)4500
“	K-1235	5410±120	4366(4330, 4279, 4248)4046
Сатруп-Зюдензее	GrN-6590	6015±90	5056(4936, 4919, 4906)4797
“	GrN-6588	6024±90	5192(4938, 4915, 4908)4804
“	KN-137	5960±80	4942(4895, 4879, 4849)4781
“	KN-139	5880±65	4893(4782)4720
Сатруп-Рюде	Y-160	5960±70	4940(4895, 4879, 4849)4783
“	Y-441a	5620±200	4720(4465)4256
“	Y-471	5620±200	4720(4465)4256
Сёлангер	K-1723	5520±110	4470(4358)4248
Вейлебро	K-1799	5310±110	4333(4223, 4198, 4151, 4051, 4050)4000
“	K-2301	5410±100	4360(4330, 4279, 4248)4049
“	K-1802	5540±100	4480(4363)4340
“	K-1801	5180±110	4218(3994)3820
Культура воронковидных кубков, Польша			
Цмелюв	GrN-5088	4615±35	3491(3366)3349
“	GrN-5036	4650±40	3500(3373)3358
“	H-566/592	4675±110	3625(3497, 3423, 3380)3350
“	GrN-5090	4720±40	3617(3510, 3396, 3388)3379

продолж.

Таблица 14 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
"	GrN-5089	4775±40	3636(3620, 3574, 3533)3389
Радзеюв		4680±380	3938(3498, 3419, 3380)2920
"	Grn-5045	4710±40	3613(3507, 3401, 3386)3378
Сарново	GrN-5035	5570±60	4468(4454, 4423, 4398, 4370)4354
Зарембово	GrN-5044	4625±40	3496(3370)3351
Гродек-Надбужны	KN-243	5050±160	4032(3933, 3874, 3816)3690
Недзведзь I	M-2323	4640±190	3640(3373)3048
"	M-2322	4600±190	3626(3360)3040
"	M-2321	4470±190	3493(3263, 3246, 3102)2910
"	Bln-927	4715±100	3630(3509, 3398, 3387)3370
Лупава	Bln-1814	6060±80	5198(4992, 4979, 4946)4863
"	Bln-1593	5730±45	4711(4657, 4645, 4585)4519
"	Bln-1313	4025±60	2852(2574, 2533, 2508)2474
"	Bln-927	4715±100	3630(3509, 3398, 3387)3370
Броноцице	DIC-719	5060±110	3990(3938, 3867, 3818)3708
"	DIC-362	4940±125	3871(3580)3460
"	DIC-542	4800±70	3692(3629, 3560, 3544)3393
"	DIC-718	4690±75	3618(3501, 3411, 3382)3365
"	DIC-716	4610±120	3596(3364)3107
"	DIC-360	4600±75	3498(3360)3145
"	DIC-363	4520±60	3352(3331, 3226, 3185, 3155, 3143)3098
Центральногерманские группы с элементами курганной культуры			
Бальберг:			
Хюде	Hv-373	4840±130	3780(3642)3386
Постолопрти	Bln-482	4925±80	3786(3772, 3761, 3703)3643
Бжежно	GrN-8803	5090±45	3978(3951, 3842, 3824)3814
Зальцмюнде:			
Галле-Дёлау	H-209/579	4970±90	3939(3780, 3731, 3727)3692
"	Bln-53	4630±100	3596(3371)3147
"	Bln-64	4780±100	3690(3622, 3572, 3535)3380
Бернбург:			
Аспенштедт	H-210/271	4560±110	3496(3344)3048
Галле-Дёлау	Bln-838	4105±110	2884(2856, 2822, 2659, 2639, 2671)2497
"	Bln-838a	4380±100	3296(3028, 2935, 2930)2910
"	Bln-912	4340±100	3094(2922)2890
Певешторф	Hv-582	4380±100	3296(3028, 2985, 2930)2910
Культура воронковидных кубков, Германия			
Берлин-Хейдмор	H-29/146	5140±115	4040(3979)3789
"	H-30/145	5020±105	3970(3895, 3887, 3810, 3788)3700
Грубе-Розенхоф	Kn-?	5200±70	4213(3998)3973
Сатруп-Мор	Y-472	4960±50	3787(3778, 3738, 3712)3698
Шёнер-Марк	–	5105±70	3993(3960, 3836, 3827)3813
Сатруп-Зюдензее	Y-472	4960±50	3787(3778, 3738, 3712)3698
"	Kn-667	4830±70	3698(3639)3525
"	GrN-6589	4815±85	3698(3634)3389
"	GrN-6592	4800±85	3695(3629, 3560, 3544)3386
"	KN-138	4740±75	3635(3604, 3585, 3518)3377
"	GrN-6591	4710±85	3628(3507, 3401, 3386)3369
"	Kn-666	4610±60	3496(3364)3340
Флёгельн (дом); древесный уголь из столбовых ям	Hv-8452	4795±60	3675(3628, 3564, 3542)3514
"	Hv-8454	4730±85	3635(3594, 3589, 3514, 3391, 3390)3373

продолж.

Таблица 14 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Флёгельн (дом); древесный уголь из траншеи в основании стены	Hv-8450	4500±65	3347(3307, 3235, 3177, 3163, 3134, 3112, 3110)3043
“	Hv-8453	4400±65	3260(3034)2921
Культура воронковидных кубков, Нидерланды			
Ангельсло	GrN-5070	4100±30	2863(2855, 2824, 2657, 2640, 2619)2590
“	GrN-2370	4145±30	2874(2866, 2809, 2771, 2724, 2698, 2672, 2669)2623
“	GrN-5767	4315±100	3040(2918)2785
“	GrN-5103	4355±45	3035(3015, 3004, 2925)2916
“	GrN-4201	4380±75	3098(3028, 2985, 2930)2916
Анло	GrN-1824	4420±50	3291(3040)2928
Одорн	GrN-2226	4590±80	3496(3356)3137
Культура воронковидных кубков, Швеция			
Вэттерид	U-46	4680±140	3640(3498, 3419, 3380)3200
“	U-47	4280±170	3096(2911)2622
Линнебьяр	Lu-35	4690±100	3650(3498, 3419, 3380)3138
Свенсторп	Lu-12	4780±100	3690(3622, 3572, 3535)3380
Бёленсваттнет	St-1661	4920±80	3785(3771, 3764, 3702)3641
Вэрби	Lu-10	4820±100	3772(3636)3387
“	Kn-103	4900±120	3896(3697)3534
Энгдала	–	4360±70	3091(3018, 3001, 2926)2913
Культура воронковидных кубков, Дания			
Коненхёй (A?)	K-923	5260±100	4240(4210)3990
Мосегарден (B)	K-3463	5080±90	3992(3946, 3846, 3822)3783
Линдебьерг (B)	K-1659	5010±100	3960(3786)3700
Руструп (C)	K-2254	4970±100	3943(3780, 3731, 3727)3690
“	K-2255	4920±100	3896(3771, 3764, 3702)3630
“	K-2253	4910±100	3790(3699)3548
Руде (B)	K-3124	4910±90	3785(3699)3635
Йордлёсе-Мосе	K-3776	4980±65	3933(3781)3700
Мосегарден (B?)	K-3464	4890±100	3780(3695)3539
Коненхёй (C)	K-919	4850±100	3777(3645)3521
Руде (B)	K-3125	4810±70	3694(3633, 3552, 3549)3517
Амосен	K-129	4940±160	3960(3775, 3751, 3706)3535
“	K-128	4910±160	3943(3699)3522
“	K-126	4880±170	3934(3693)3386
“	K-125	4840±170	3790(3642)3378
“	K-132	4660±150	3360(3252, 3249, 3099)2920
“	K-131	4610±150	3615(3364)3100
“	K-124	4600±170	3619(3360)3042
Сёлагер	K-1724	4650±100	3612(3375)3340
Сарруп	K-2628	4580±70	3490(3351)3137
“	K-2630	4600±90	3502(3360)3138
“	K-2631	4620±90	3508(3368)3147
Тофтум	K-2983	4590±60	3491(3356)3147
“	K-2979	4620±90	3508(3368)3147
“	K-2982	4550±90	3373(3341)3098
Мегалитический период в Дании и Северо-Западной Германии			
Коридорные гробницы, гробницы с каменной выкладкой, культовые постройки или места для приношений			
Вро	K-1569	4040±100	2865(2580)2470
“	K-1574	4210±100	2917(2883, 2796, 2784)2622

продолж.

Таблица 14 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
"	K-1572	4230±100	2921(2888, 2791, 2789)2665
"	K-1573	4270±100	3023(2909)2703
"	K-1571	4300±100	3030(2915)2782
"	K-1567	4430±100	3330(3091, 3065, 3043)2920
"	K-1568	4560±100	3493(3344)3100
"	K-1566	4570±100	3496(3348)3100
"	K-1570	4980±100	3950(3781)3690
Остер-Ристофте	K-1789	4310±100	3040(2917)2784
Туструп	K-718	4390±120	3320(3031, 2966, 2940)2910
"	K-727	4440±120	3340(3094, 3059, 3045)2920
Катбьерг	K-978	4490±120	3360(3301, 3239, 3173, 3167, 3107)2928
Ланум	K-1771	4510±100	3360(3318, 3231, 3181, 3159, 3139)3040
Херруп	K-1767	4510±100	3360(3318, 3231, 3181, 3159, 3139)3040
"	K-1768	4530±100	3370(3334, 3219, 3189, 3152, 3148)3042
"	K-1769	4530±100	3370(3334, 3219, 3189, 3152, 3148)3032
"	K-1766	4650±100	3612(3375)3340
Фовлум	K-1602	4530±100	3370(3334, 3219, 3189, 3152, 3148)3042
"	K-1601	4540±110	3380(3338, 3213, 3203)3042
Мекленбург: Фрауэнмарк	Bln-432	4010±100	2858(2569, 2538, 2503)2460
Гневиц	Bln-472	4250±100	3013(2897)2699
Кательбоген	Bln-554	3800±120	2460(2278, 2234, 2209)2042
Ланкен-Границ	Bln-991	3990±120	2858(2559, 2544, 2495)2354
"	Bln-992	3885±100	2556(2454, 2420, 2402)2203
Липен	Bln-473	4080±100	2875(2850, 2845, 2652, 2647, 2612)2491
Поггендорфер Ф.	Bln-990	3795±100	2456(2276, 2239, 2207)2046

Общая хронология культуры воронковидных кубков

Календарные даты	Фазы	Региональные хронологические обозначения
3000 до н. э.	фаза 5	Мегалитические гробницы в Голландии, Сев.-Зап. Германии, Дании и Южной Швеции, керамика «тифштих», датский средний неолит
3500 до н. э.	фаза 4	Вирум в Дании, Фуксберг в Сев. Германии, Зальцмюнде в Центр. Германии, Лубонь в Польше, Михельсберг V в Рейнском бассейне
3700 до н. э.	фаза 3	Ранний неолит С в Дании, Сатруп в Сев. Германии, молодая культура бальберг в Центр. Германии, Вьюрек в Польше, Михельсберг IV
4000 до н. э.	фаза 2	Ранний неолит В в Дании, Розенхоф в Сев. Германии, Пикутково в Польше, Михельсберг III
4300 до н. э.	фаза 1	Ранний неолит А в Дании и Сев. Германии, ранний период бальберг в Центр. Германии, Сарново в Польше, Михельсберг I и II в Верхнерейнской области

График данных из Таблицы 14: Культура воронковидных кубков в Польше и Германии

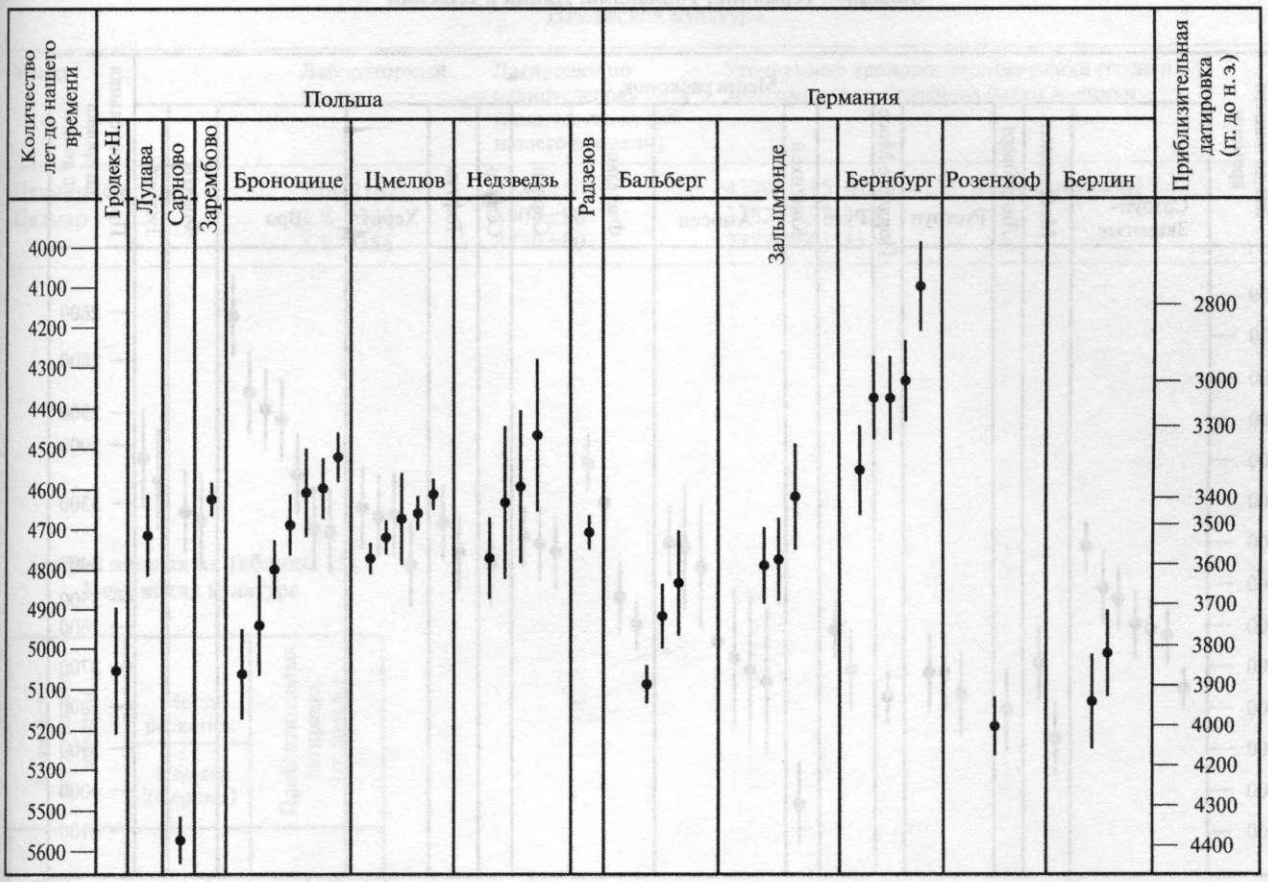
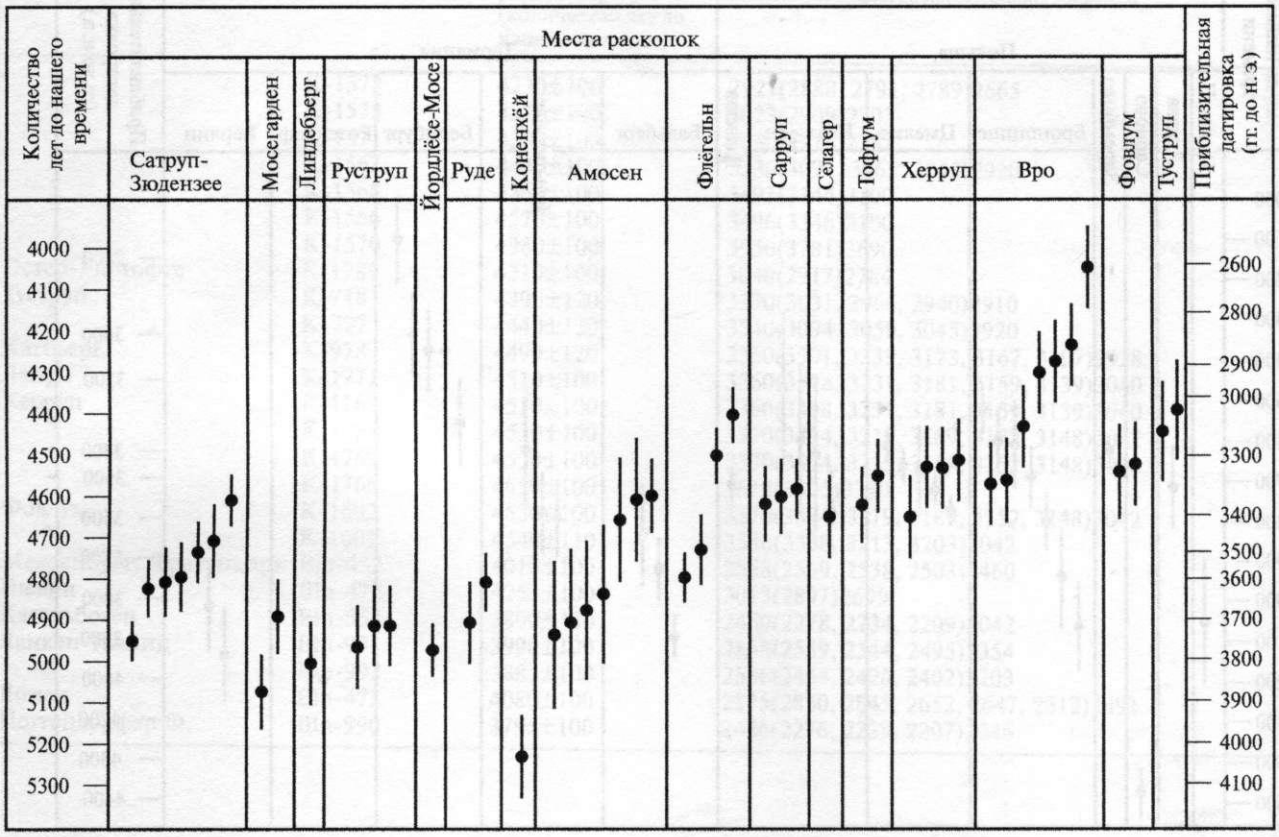


График данных из Таблицы 14: Мезолитическая культура эртебёлле (внизу) и культура воронковидных кубков в Северо-Западной Германии, Голландии, Дании и Швеции



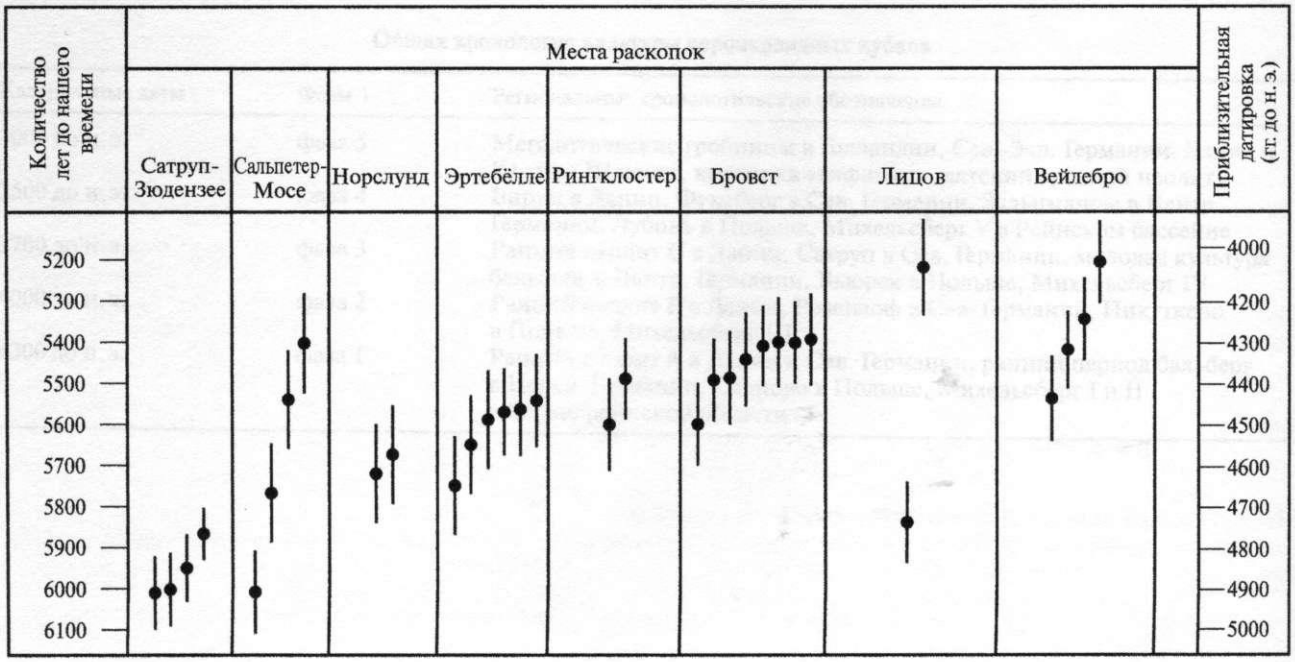


Таблица 15

Неманская культура

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Цедмар (Серово)	Bln-2162	5280±50	4229(4215, 4205, 4138, 4120, 4044)4004
Цедмар	LE-1387	4900±80	3782(3697)3635
	LE-1386	4870±80	3777(3691)3538

График данных из Таблицы 15: Неманская культура

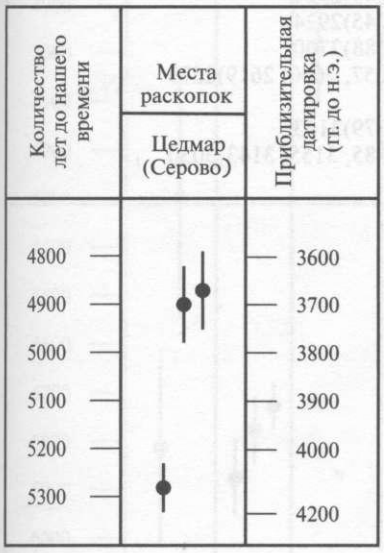


Таблица 16

Нарвская культура Восточной Балтики

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Нарва, Эстония	TA-33	5820±200	4937(4722)4470
"	TA-7	5300±250	4370(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060)3816
Оса, Латвия	LE-961	5880±80	4896(4782)4715
"	LE-962	5780±70	4775(4711, 4708, 4680)4544
"	LE-850	5730±50	4712(4657, 4645, 4585)4516
"	LE-758	4000±60	2588(2564, 2541, 2499)2465
Зацене, Белоруссия	LE-960	5450±75	4359(4340)4239
Кээпа, Эстония	TA-5	4865±235	3960(3686, 3650)3370
"	TA-6	4480±225	3510(3295, 3242, 3104)2900
"	TA-4	4350±220	3350(3013, 3007, 2924)2665
Сарнате, Латвия	TA-26	4700±250	3777(3504, 3406, 3384)3048
"	Bln-769	4640±100	3606(3373)3200
"	TA-265	4510±70	3352(3318, 3231, 3181, 3159, 3139)3045
"	LE-814	4501±110	3370(3308, 3235, 3178, 3163, 3134, 3110)2939
Швянтойи, Литва	LJ-2523	4730±100	3640(3594, 3589, 3514, 3391, 3390)3370
"	LJ-2628	4640±60	3505(3373)3350
"	TA-247	4440±90	3335(3094, 3059, 3045)2924
"	Vs-23	4440±90	3335(3094, 3059, 3045)2924
"	LE-904	4225±70	2915(2887, 2792, 2788)2700
"	LE-833	4100±60	2870(2855, 2824, 2657, 2640, 2619)2579
"	Vib-9	4410±70	3296(3037)2922
Пьестиня, Латвия	LE-750	4670±150	3640(3496, 3427, 3379)3143
"	LE-748	4520±120	3370(3331, 3226, 3185, 3155, 3143)3030
"	LE-867	4240±50	2914(2892)2708

График данных из Таблицы 16: Нарвская культура Восточной Балтики

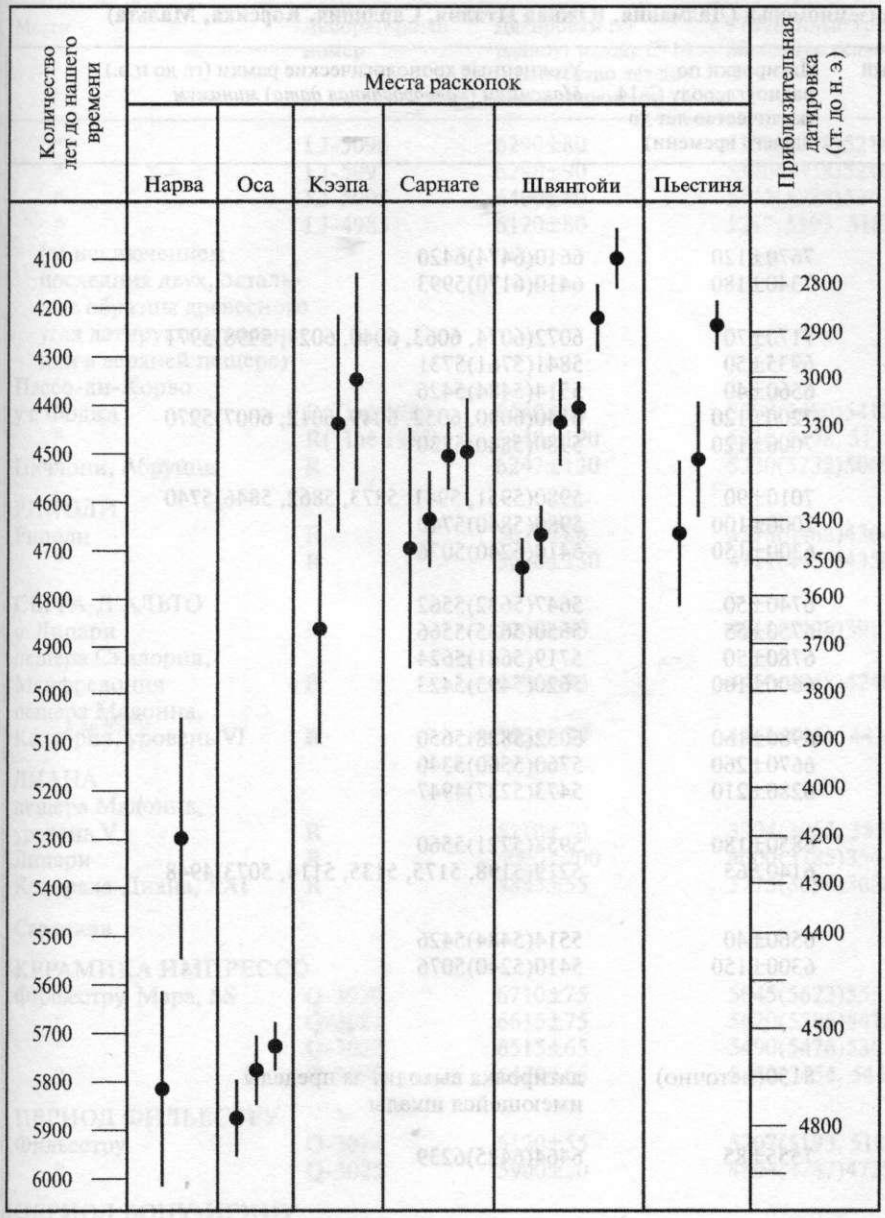


Таблица 17

Культуры Центрального Средиземноморья (Далмация, Южная Италия, Сардиния, Корсика, Мальта)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Восточная Адриатика			
КЕРАМИКА ИМПРЕССО			
Сидари, о. Корфу	Gxo-771	7670±120	6610(6474)6420
"	Gxo-772	7340±180	6410(6170)5993
Гудня, пещера I, Далмация	GrN-10315	7170±70	6072(6074, 6063, 6040, 6021, 5998)5971
"	GrN-10314	6935±50	5841(5761)5731
Гудня, пещера I/II	GrN-10311	6560±40	5514(5484)5426
Вела, пещера IA	–	7200±120	6140(6080, 6052, 6049, 6012, 6007)5970
"	–	7000±120	5980(5840)5730
Господска-Пецина, пещера	Z-579	7010±90	5980(5951, 5941, 5873, 5862, 5846)5740
Покровник I, I		7000±100	5980(5840)5740
Покровник I, II	Z-895	6300±150	5410(5240)5076
Шкарин-Самоград, пещера I	HD-11773	6740±50	5647(5632)5562
"	HD-12094	6750±55	5650(5635)5566
"	HD-11950	6780±50	5719(5641)5624
"	HD-11952	6600±100	5620(5493)5423
Тинь-Подливаде, I, стоянка	GrN-15236	6980±160	6032(5828)5650
"	GrN-15237	6670±260	5760(5560)5340
"	GrN-15238	6280±210	5473(5237)4947
Медулин-Вижула, I, стоянка	HD-12093	6850±180	5958(5721)5560
"	HD-11733	6140±65	5219(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)4948
КУЛЬТУРА ДАНИЛО			
Гудня, пещера	GrN-1031	6560±40	5514(5484)5426
Покровник I, стоянка	Z-895	6300±150	5410(5240)5076
Южная Италия			
КЕРАМИКА ИМПРЕССО			
Коппа-Невигата	Pisa	8150(неточно)	датировка выходит за пределы имеющейся шкалы
Мадонна, пещера, Калабрийское святилище (Прая-а-Маре)	R-285	7555±85	6464(6425)6239
Скарамелла-ди-Сан-Вито (заключительный этап керамики импрессо – ранняя расписная керамика)	Pisa	7000±100	5980(5840)5740
Рендина II у г. Мельфи	LJ-4548	7110±140	6090(5978)5810
"	LJ-4551	6900±150	5960(5741)5630
"	LJ-4549	6760±100	5730(5637)5550
"	LJ-4550	6440±150	5490(5366)5240
ПЕРИОД СКАЛОРИЯ			
Пещера Скалория, Манфредония	LJ-4649	6720±100	5694(5626)5500
"	LJ-4981	6530±260	5640(5479)5240
"	LJ-4650	6490±100	5490(5472, 5440, 5423)5330
"	LJ-4651	6330±90	5360(5308, 5267, 5244)5230

продолж.

Таблица 17 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
"	LJ-5096	6290±80	5330(5238)5214
"	LJ-5097	6290±90	5330(5338)5210
"	LJ-5095	6400±80	5472(5338)5241
"	LJ-4983	6120±80	5217(5193, 5185, 5062)4941
(за исключением последних двух, остальные образцы древесного угля датируют захоронения в верхней пещере)			
Пассо-ди-Корво			
у г. Фоджа	R(Tinè 1983)	6540±65	5509(5480)5412
"	R(Tinè 1983)	6140±120	5230(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)4906
Пиччони, Абруццы	R	6247±130	5330(5232)5060
РИПОЛИ			
Риполи	R	5630±80	4578(4468)4364
"	R	5630±150	4711(4468)4350
СЕРРА-Д'АЛЬТО			
о. Липари	R	5200±60	4211(3998)3977
пещера Скалория, Манфредония	R	5480±70	4450(4348)4248
пещера Мадонна, Калабрия, уровень VI	R	5555±75	4468(4451, 4438, 4366)4347
ДИАНА			
пещера Мадонна, уровень V	R	5110±70	3994(3963, 3834, 3828)3814
Липари	R	5000±200	4000(3785)3544
Контрада-Диана, XXI	R	4885±55	3775(3694)3638
Сардиния			
КЕРАМИКА ИМПРЕССО			
Фильестру, Мара, SS	Q-3020	6710±75	5645(5623)5531
"	Q-3021	6615±75	5620(5506)5478
"	Q-3022	6515±65	5490(5476)5361
"	Q-3023	6470±65	5482(5454, 5449, 5415)5334
ПЕРИОД ФИЛЬЕСТРУ			
Фильестру	Q-3024	6120±55	5207(5193, 5185, 5062)4946
"	Q-3025	5900±50	4894(4787)4729
ПЕРИОД БОНУ-ИГИНУ			
Фильестру	Q-3026	5625±65	4529(4467)4367
Су-Тинтирриолу	R-882	5680±160	4772(4519)4360
ПЕРИОД ОЦИЕРИ			
Фильестру	Q-3027	5250±60	4223(4039, 4010)3996
"	Q-3028	4950±50	3786(3776, 3744, 3708)3696
Гр. Д. Гуано, Ольена	R-884	5090±50	3980(3951, 3842, 3824)3813
"	R-883	4900–4830±50	3777(3697)3644
"	R-879	4900–4830±50	3777(3697)3644
ПЕРИОД МОНТЕ-КЛАРО			
Фильестру	Q-3029	4430±50	3297(3091, 3065, 3043)2929

продолж.

Таблица 17 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Корсика			
КЕРАМИКА ИМПРЕССО, РАННИЙ НЕОЛИТ			
Бази VII		7700±150	6680(6553, 6542, 6487)6420
Арагина-Сеннола XVII		7650±150	6620(6464)6265
Куракьягиу 6		7600±180	6600(6441)6186
“		7280±160	6355(6106)5980
Алерия-Казабьянда		6670±130	5650(5560)5480
Стретт XXb		6420±300	5630(5347)5060
“		6480±480	5810(5470, 5444, 5419)4903
СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ			
Бази VI		5200±120	4226(3998)3822
“		5250±120	4240(4039, 4010)3970
Куракьягиу 5		4930±140	3943(3773, 3758, 3704)3539
Скаффа-Диана 21–22		5330±100	4340(4228, 4194, 4159)4005
“		5360±100	4340(4235)4040
Скаффа-Диана 18–19		4775±90	3690(3662, 3574, 3533)3381
Мальта			
Скорба (красная фаза)	BM-148	5175±150	4227(3993)3789
Скорба (фаза цеббуг)	Bm-147	5000±150	3980(3785)3640
“	BM-145	5140±150	4218(3979)3780
Мгарр	BM-100	4640±150	3626(3373)3107
Скорба (фаза гжантийя)	BM-142	5240±150	4240(4037, 4014, 4008)3824
Скорба (фаза тарксиенна)	BM-143	4380±150	3330(3028, 2985, 2930)2788
Тарксиенна	BM-101	4485±150	3370(3298, 3240, 3171, 3106)2920

График данных из Таблицы 17: Ранний неолит Центрального Средиземноморья

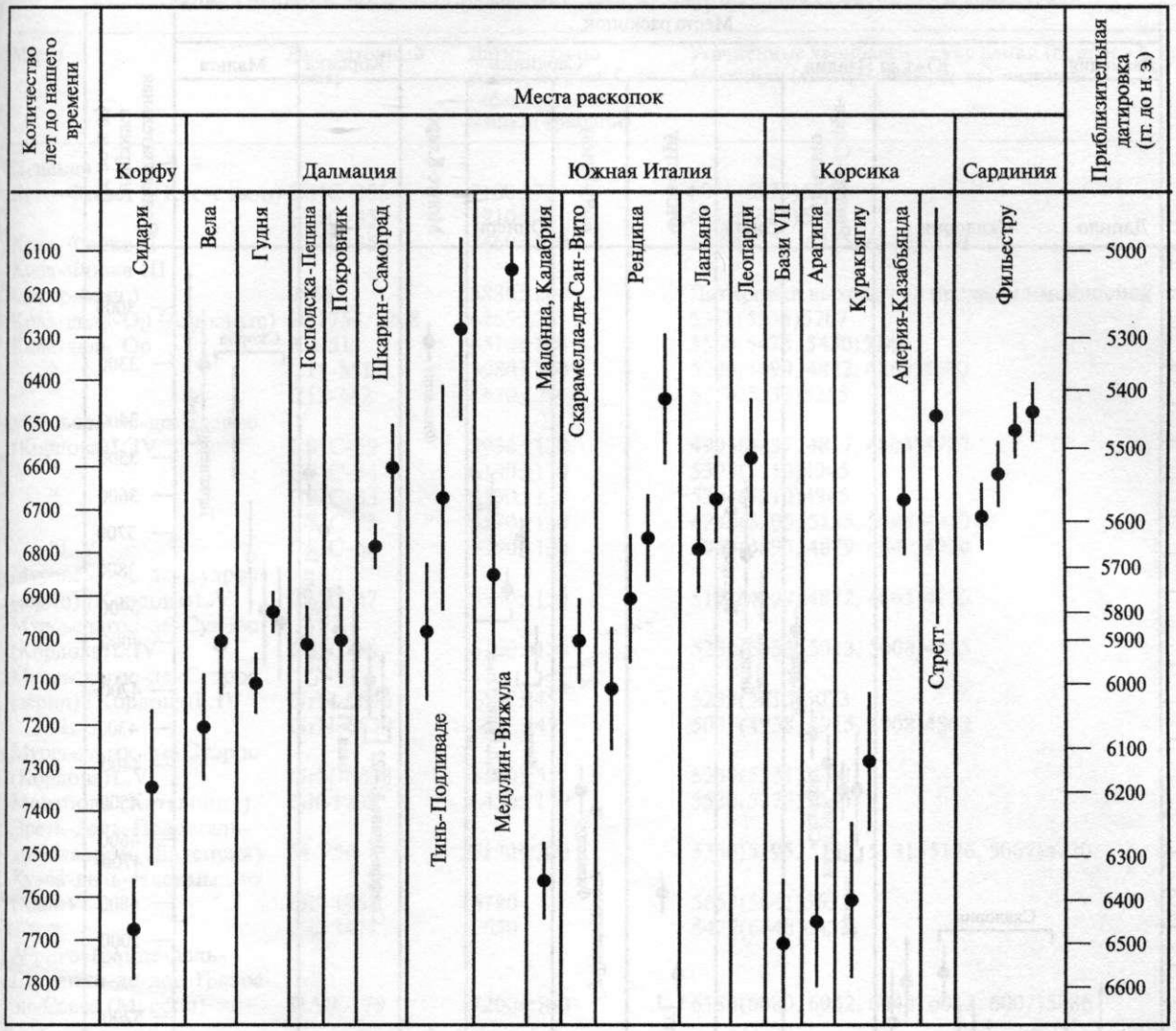


График данных из Таблицы 17: Средний и поздний неолит центрального Средиземноморья

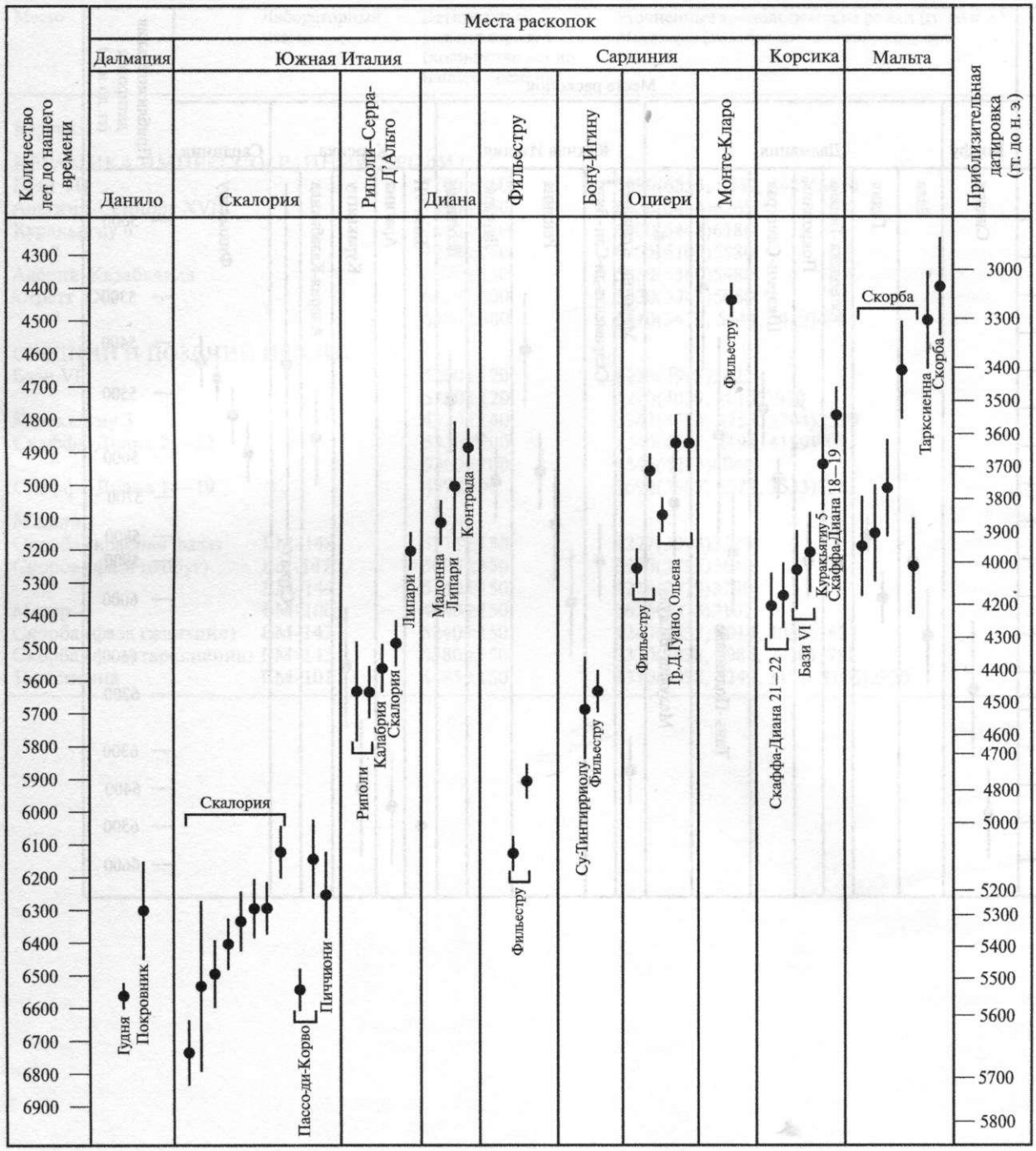


Таблица 18

Ранний неолит в Западном Средиземноморье, культуры кардиал (импрессо) и эпикардиал

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Испания			
Кова-Фоска I (Кастельон)	CSIC-356	7100±70	6076(5975)5849
“	CSIC-357	7210±70	6113(6082)5984
Кова-Фоска II	CSIC-353	7460±110	6430(6374, 6325, 6240)6170
Кова-Фоска III (докерамич.)	9868	8880±200	Датировка выходит за пределы имеющейся шкалы
Кова-дель-Ор (Аликанте)	H-1754/1208	6265±75	5318(5235)5207
Кова-дель-Ор	Kn-51	6510±160	5560(5475, 5430)5246
“	C11-M1	5980±260	5230(4899, 4872, 4865)4580
“	C12-M2	6630±290	5750(5535)5245
Мурсьелагос-де-Суэрос (Кордова)L.IV	CSIC-59	5930±130	4993(4837, 4817, 4803)4720
“	CSIC-54	6190±130	5304(5210)4945
“	CSIC-53	6190±130	5304(5210)4945
“	CSIC-55	6170±130	4240(5205, 5155, 5148)4940
“L.V	CSIC-56	5960±130	5048(4895, 4879, 4849)4720
Мурсьелагос-де-Суэрос (зерно) (Кордова)L.V	CSIC-57	5980±130	5191(4899, 4872, 4865)4770
Мурсьелагос-де-Суэрос (Кордова)L.IV	CSIC-58	6100±130	5230(5053, 5013, 5008)4855
Мурсьелагос-де-Суэрос (зерно) (Кордова)L.IV	GrN-6640	6196±45	5233(5213)5073
“L.II	GrN-6639	6025±45	5031(4938, 4915, 4908)4862
Мурсьелагос-де-Суэрос (Кордова)L.V	GrN-6638	6240±35	5239(5231)5208
Монтболо (Каталония)	Gif-1209	6450±170	5530(5378)5240
Эрета-дель-Педрегаль-эн-Наваррес (Валенсия)	M-754	6130±300	5360)5195, 5180, 5131, 5126, 5067)4720
Куэва-дель-Насимьенто (Хаэн)	Gif-1368	6780	5653(5641)5631
“	Gif-3471	7620	6472(6448)6433
Абриго-Гранде-дель-Барранко-де-лос-Грахос-эн-Сьеса (Мурсия)	HAR-179	7200±160	6180(6080, 6052, 6049, 6012, 6007)5886
Культуры кардиал (импрессо) и эпикардиал в Южной Франции			
ПРИБРЕЖНЫЙ ПРОВАНС			
Мыс Раньон, пещера (Буш-дю-Рон)	MC-500A(Shell)	7970±150	(7019, 6994, 6959, 6935, 6916, 6906, 6821) Крайние значения за пределами имеющейся шкалы
о. Риу (Буш-дю-Рон), стоянка	MC-500B(Shell)	7650±150	6620(6464)6265
	MC-440(Shell)	7600±150	6570(6441)6230
Серии из Шатонёф-ле-Мартиг (Буш-дю-Рон):			
кремни 8С	Ly-438	7830±170	7030(6675, 6651, 6648)6470
очаг 7	Ly-624	6780±240	5955(5641)5480
кремни 6	Ly-446	6430±140	5490(5354)5240
“ 7	Ly-447	6420±120	5480(5347)5240
очаг 5	Ly-623	6070±490	5480(4996, 4964, 4948)4403
“ 1	Ly-622	5940±290	5230(4892, 4887, 4841)4490
пещера	MC-531L(Shell)	6780±100	5740(4641)5560
“	MC-531T(Shell)	6760±100	5730(5637)5550

продолж.

Таблица 18 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ле-Баратен (Воклюз), стоянка	Gif-1855	6600±140	5230(5053, 5013, 5008)4849
Бом-Фонтбрегуа, пещера	Gif-2990	6700±100	5650(5619, 5595, 5583)5490
"	Gif-2989	6180±120	5240(5208)4945
"	Gif-2988	5800±150	4894(4716)4490
"	Gif-2757	5690±190	4780(4527)4350
"	Gif-2756	5690±190	4780(4527)4350
Рукадур, уровень С	Gsy-36a	5850±150	4933(4774)4535
Грот Газель (Од)	Grn-6702	6850±90	5800(5721)5630
"	Kn.s.m.	6780±200	5830(5641)5490
"	Gif-3575	6600±130	5630(5493)5410
"	Gif-218	6540±300	5717(5480)5230
"	Gif-218	6400±300	5620(5338)5007
"	Kn.s.m.	6540±200	5630(5480)5245
"	GrN-6707	6305±55	5327(5241)5231
"	GrN-6706	6095±65	5203(5050, 5016, 5006)4908
"	GrN-6705	6040±65	5056(4941)4859
"	Gif-1273	5050±150	4000(3933, 3874, 3816)3700
Пещера Сен-Митр (Верхний Прованс) III, Y II	MC-264	6700±130	5713(5619, 5595, 5583)5480
" III, 3	MC-263	6400±100	5475(5338)5240
" H III, 3	MC-265	6100±120	5230(5053, 5013, 5008)4864
" III, 12, 2	MC-202	5950±200	5200(4894, 4883, 4845)4600
Сен-Митр 2	M-203	5150±200	4233(3983)3708
Грот Бурбон С5 (Гар)	Ly-538	6180±180	5321(5208)4903
Грот Бурбон С2 (Гар)	Ly-412	6050±120	5205(4943)4802
Навес Жан-Кро	Gif-218	6500±150	5550(5474, 5435, 5426)5246
Лабастид-ан-Валь (Од), Гротто-де-Комб-Обскюр	Ly-423	6400±160	5480(5338)5230
«Абри-дю-Капитен», Сен-Круа-де-Вердон (Нижние Альпы)	Gif-1111	6050±150	5220(4943)4790
Кампрафо, уровень 19, Эро	Gif-1491	6300±140	5370(5240)5084
Кампрафо, уровень 17, Эро	Gif-1489	5900±140	4940(4787)4611
Кампрафо, уровень 16, Эро	Gif-1488	5900±140	4940(4787)4611
Кампрафо, уровень 18, Эро	Gif-1490	5800±140	3775(3629, 3560, 3544)3380
Фон-Жювеналь, С12 (Од)	MC-499	5850±100	4894(4774)4598
Культуры кардиал (импрессо) и эпикардиал в Лигурии, Сев. Италия			
СЕРИИ ИЗ РИПАРО-АРМА-ДИ-НАЗИНО			
Арма-ди-Назино IXs-66	R-315	6280±70	5322(5237)5214
" IXm-66	R-316	6015±65	5039(4936, 4919, 4906)4844
"	R-316a	5955±65	4938(4895, 4881, 4847)4783
" IXi-63	R-267	6470±120	5490(5454, 5449, 5415)5246
" IXs-63	R-265	6280±120	5340(5237)5083
" VIII-66	R-313	6420±65	5473(5347)5246
"	R-313a	6400±105	5480(5338)5240
"VIIIa-63	R-263	6140±110	5230(5198, 5175, 5135, 5114, 5073)4808
СЕРИЯ ИЗ КАВЕРНА-ДЕЛЛЕ-АРЕНЕ-КАНДИДЕ, ЛИГУРИЯ			
Арене-Кандиде	VR-101	6220±55	5238(5225)5087
Арене-Кандиде, уровень 12	LJ-4136	5960±140	5054(4895, 4879, 4849)4720
"	LJ-4137	5730±90	4723(4657, 4645, 4585)4469
Арене-Кандиде (Фьорано), уровень 13А	LJ-4138	5970±120	5048(4897, 4876, 4857)4770

продолж.

Таблица 18 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Арене-Кандиде, уровень 13В	LJ-4139	6260±90	5321(5234)5089
"	LJ-4140	6120±100	5230(5193, 5185, 5062)4906
" 13С	LJ-4141	6250±100	5321(5233)5074
"	LJ-4142	6100±90	5212(5053, 5013, 5008)4904
" 14	LJ-4144	6520±100	5540(5477)5340

График данных из Таблицы 18: Ранний неолит в Испании

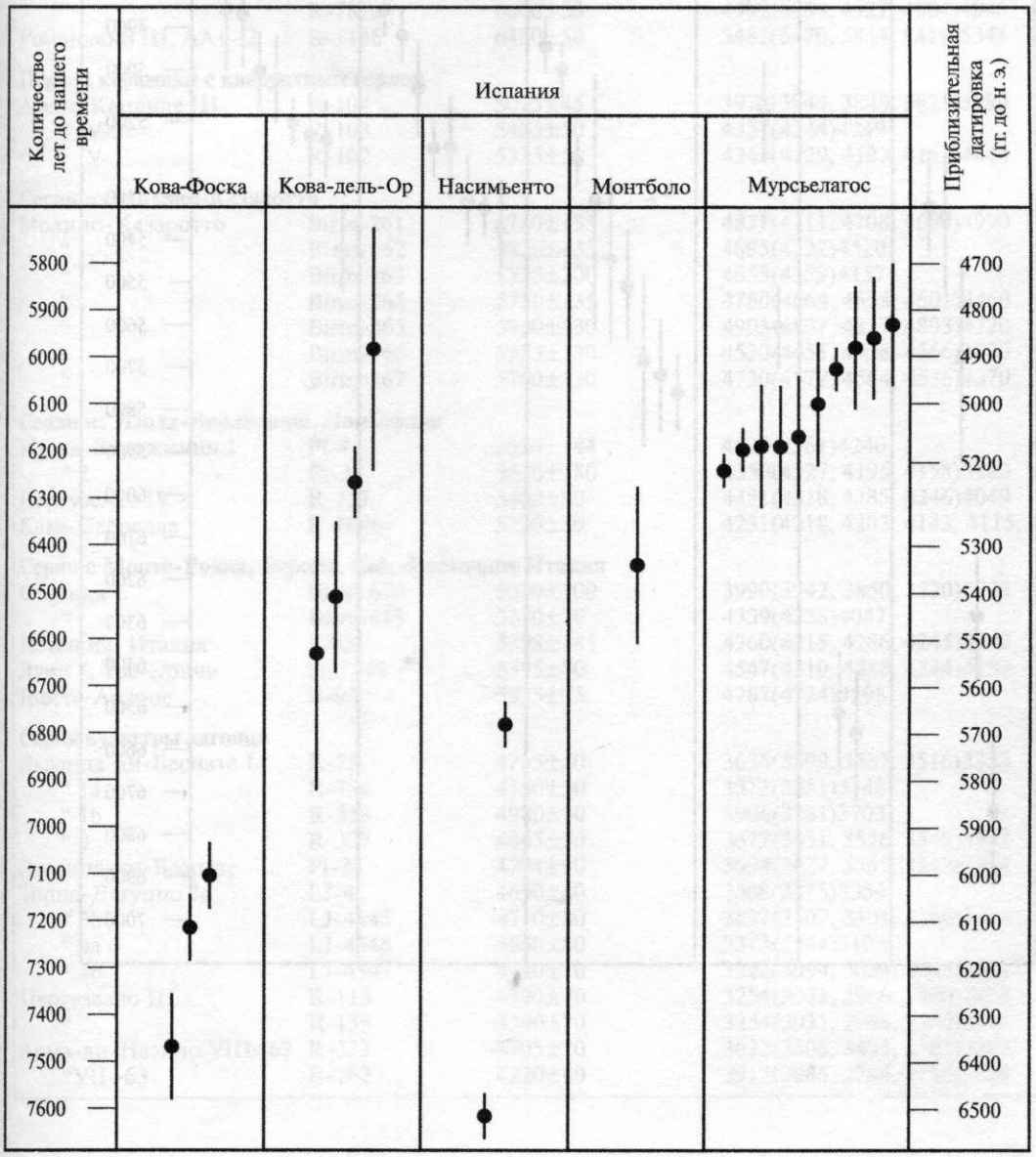


График данных из Таблицы 18: Ранний неолит в Южной Франции и Северной Италии

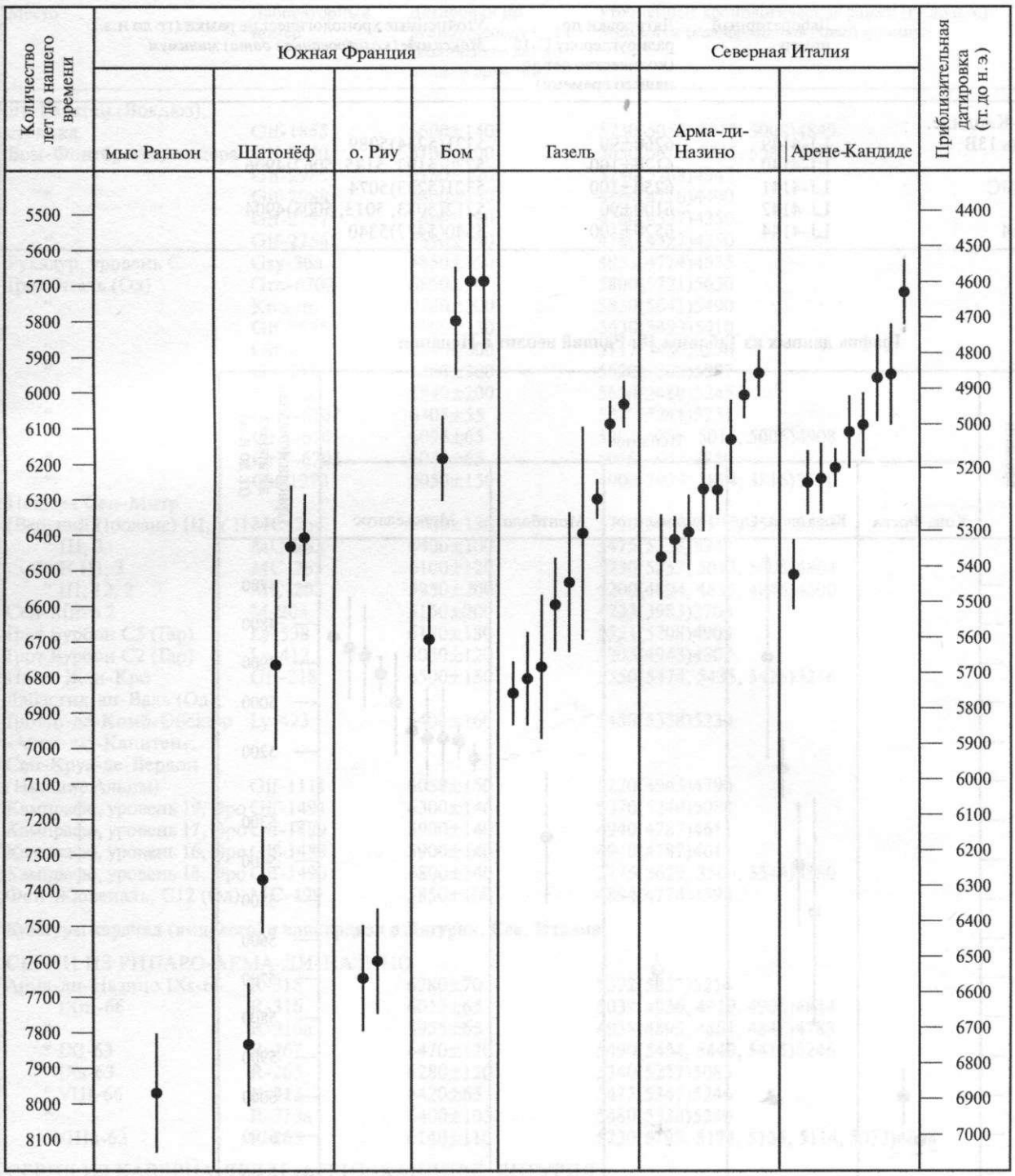


Таблица 19

Средний и поздний неолит: культуры фьорано, керамики с квадратным горлом и лагоцца

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Серии из Гротта-Арма-делло-Стефанин, Савона, Лигурия			
Арма-делло-Стефанин IIIa	R-124	5600±80	4521(4461)4357
“IIIb	R-143	5180±70	4039(3994)3828
“IIIc	R-143D	5480±80	4452(4348)4245
Серии из Романьяно, долина р. Адидже			
Романьяно III, 13–14, T1	R-776	5560±50	4464(4452, 4428, 4392, 4384, 4368) 4354
“ 15, T1	R-777	5530±50	4457(4360)4347
“ 17, T2	R-779	5470±50	4359(4345)4250
Романьяно III, 19–20, T4 (Фьорано)	R-781	5810±50	4778(4719)4608
“	R-781a	6006±50	4992(4934, 4922, 4904)4846
Романьяно III, AA1–2	R-1136	6480±50	5482(5470, 5444, 5419)5344
Период керамики с квадратным горлом			
Арене-Кандиде III	R-104	5075±45	3970(3944, 3848, 3821)3789
“ IV-2	R-103	5465±50	4357(4344)4249
“ IV-1	R-102	5335±50	4243(4229, 4193, 4161)4044
Серии из Молино-Казаротто			
Молино-Казаротто	Birm-261	5780±135	4831(4711, 4708, 4680)4990
“	Birm-262	5820±135	4895(4722)4520
“	Birm-263	5525±200	4655(4359)4157
“	Birm-264	5750±135	4780(4664, 4638, 4601)4460
“	Birm-265	5930±130	4993(4837, 4817, 4803)4720
“	Birm-266	5555±130	4520(4451, 4438, 4366)4330
“	Birm-267	5700±130	4730(4572, 4564, 4536)4370
Серии из Изола-Вирджиния, Ломбардия			
Изола-Вирджиния 1	Pi-4	5534±144	4520(4361)4240
“ 2	Pi-38	5326±180	4350(4227, 4195, 4158)3980
Пертузелло IV	R-157	5400±90	4351(4318, 4285, 4246)4049
Кава-Серрелле	R-1046	5290±50	4231(4218, 4203, 4143, 4115, 4073, 4068, 4046)4007
Серии с Монте-Рокка, Верона, Сев.-Восточная Италия			
Стоянка L	Birm-616	5070±100	3990(3942, 3850, 3820)3725
“	Birm-617	5370±70	4339(4238)4047
Петешия, Италия	Pi-28	5398±145	4360(4315, 4286, 4245)4040
Луни 7, Тре-Эричи	St-1344	5395±80	4547(4310, 4288, 4244)4152
Гротта-Аизоне	R-95	5825±75	4787(4724)4598
Серии культуры лагоцца			
Лагоцца-ди-Беснате 1	R-78	4735±50	3626(3599, 3587, 3516)3380
“ 1a	R-78a	4580±50	3372(3351)3146
“ 1b	R-338	4980±50	3906(3781)3703
“ 2	R-337	4805±50	3677(3631, 3556, 3546)3522
Лагоцца-ди-Беснате	Pi-34	4794±90	3694(3627, 3565, 3542)3384
Топпо-Дагуццо 3a	LJ-4	4650±60	3508(3375)3354
“ 3b	LJ-4545	4710±80	3627(3507, 3401, 3386)3374
“ 4a	LJ-4546	4560±80	3373(3344)3104
“ 4b	LJ-4547	4440±70	3322(3094, 3059, 3045)2928
Пертузелло III	R-115	4390±70	3254(3031, 2966, 2940)2918
“	R-155	4390±70	3254(3031, 2966, 2940)2918
Арма-ди-Назино VIII–62	R-332	4705±70	3622(3506, 3403, 3385)3371
“VII–63	R-262	4220±90	2917(2885, 2794, 2786)2629

График данных из Таблицы 19: Средний и поздний неолит в Италии

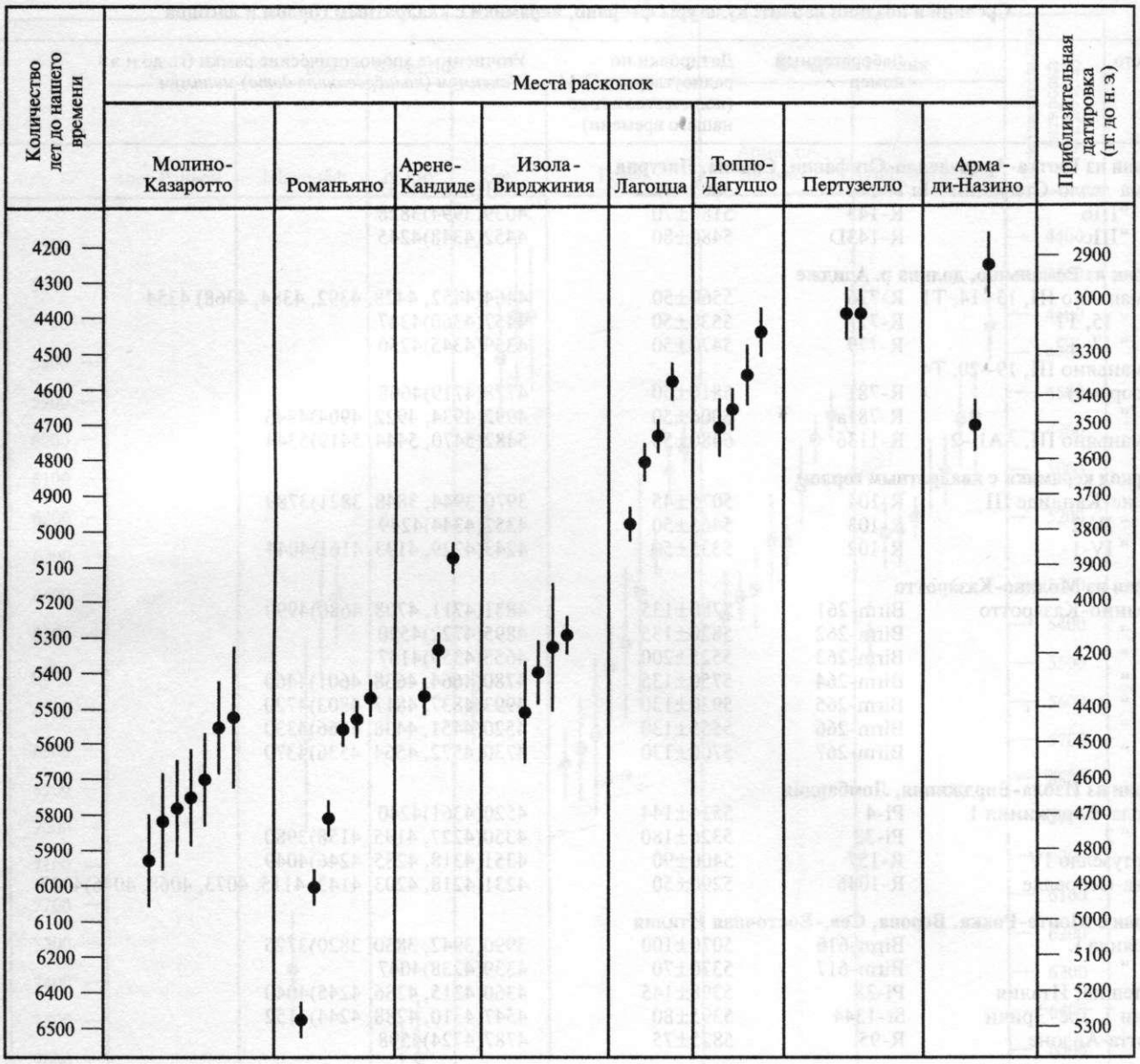


Таблица 20

Средне- и поздненеолитическая (шассе) культура Франции

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Серии из пещеры Кампрафо (Эро)			
Кампрафо, уровень 14	Gif-1486	5450±130	4457(4340)4155
“15	Gif-1487	5300±130	4340(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)3990
“13	Gif-1485	5100±130	4035(3957, 3838, 3826)3725
“12	Gif-1484	4900±130	3904(3697)3530
“10	Gif-1157	4350±140	3302(3013, 3007, 2924)2784
Серии со скального навеса Фон-Жювеналь (Од)			
Фон-Жювеналь С11	MC-498	5540±100	4480(4363)4340
“ С7а	MC-495	4860±90	3777(3676, 3663, 3648)3530
“ С8	MC-496	4800±150	3777(3629, 3560, 3544)3370
“ С5	MC-493	4490±80	3348(3301, 3239, 3173, 3167, 3107)3036
“ С12	MC-494	4570±90	3493(3348)3104
“ С12b	MC-490	4400±100	3308(3034)2910
“ С9	MC-491	4200±90	2914(2800, 2798, 2782)2622
Серии из пещеры Эглиз			
Гротт-де-Л’Эглиз, уровень 8А	Gif-1333	5500±140	4480(4353)4240
“ 9	Gsy-112B	4825±130	3778(3637)3383
“ 5	Gsy-112A	4510±125	3370(3318, 3231, 3181, 3159, 3139)2933
“ 15	Gsy-1332	4200±130	2920(2880, 2798, 2782)2590
Поселение Сен-Мишель-дю-Туш (Верхняя Гаронна)			
Сен-Мишель-дю-Туш	MC-2092	5510±100	4460(4355)4248
“	MC-843	5460±90	4366(4343)4237
“	MC-848	5440±90	4361(4338)4166
“	MC-2089	5440±130	4454(4338)4050
“	MC-109	5380±200	4457(4241)3990
“	MC-844	5350±90	4339(4233, 4183, 4167)4040
“	MC-2091	5330±100	4340(4228, 4194, 4159)4005
“	MC-2216	5270±140	4331(4213, 4207, 4134, 4125, 4043)3970
“	MC-104	5260±200	4340(4210)3818
“	MC-2215	5250±150	4319(4039, 4010)3826
“	MC-845	5190±90	4216(3996)3826
“	MC-846	5130±100	4036(3874)3790
“	MC-2217	5130±100	4036(3874)3790
“	MC-105	4900±190	3950(3697)3386
“	MC-106	4900±130	3904(3697)3530
“	MC-103	4580±120	3505(3351)3100
“	MC-102	4500±200	3504(3307, 3235, 3177, 3163, 3134, 3112, 3110)2910
Ле-Кюрник	Gsy-47B	5980±150	5196(4899, 4872, 4865)4720
Вальи-сюр-Энь	Sa-57	5470±300	4674(4345)3990
Бутиньи-сюр-Эссон	Sa-79	5410±300	4571(4330, 4279, 4248)3828
Сей-де-Шевр D7	Ly-69	5240±100	4231(4037, 4014, 4008)3980
Абри-Гэ, Понсен, Эн	Ly-513	5490±110	4460(4350)4240
Лампд, Пюи-де-Дом	Sa-208	5400±300	4572(4318, 4285, 4246)3826
Сей-де-Шевр	Ly-388	5300±180	4350(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)3970
Абри-де-Сен-Митр 2	MC-203	5150±200	4233(3983)3708
Ла-Бреш-о-Дьябль, Кальвадос	Gsy-39	4790±150	3775(3626, 3568, 3540)3370
Ле-Матигон, Шарант	Gsy-32	4570±200	3619(3348)2928
Сен-Этьен-де-Гурга	Gif-154i	4570±300	3690(3348)2910
Виделль II	GrN-4676	4500±50	3342(3307, 3235, 3117, 3163, 3134, 3112, 3110)3047

продолж.

Таблица 20 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
" I	GrN-4675	4500±60	3345(3307, 3235, 3177, 3134, 3112, 3110)3045
Монтавнь-де-Люмбр, Па-де-Кале	Gsy-49	4470±200	3496(3263, 3246, 3102)2910
Бьяр, Шарант	Gsy-71	4435±200	3370(3092, 3062, 3044)2789
Форт-Арруар, Эр-де-Луар	Gsy-97	4400±125	3330(3034)2910
Абри-де-Сен-Митр I	MC-201	4350±150	3308(3013, 3007, 2924)2782
Ришардмениль, Мёрт-э-Мозель	Ny-4	4280±?	2914(2911)2906
Перт-дю-Кро	Gsy-35A	4201±150	3013(2880, 2797, 2783)2580
"	Gsy-35B	4800±130	3773(3629, 3560, 3544)3378
Тру-Арно, Дром	Gsy-77	4140±135	2910(2865, 2810, 2747, 2725, 2697, 2674, 2668)2500
Парижский бассейн			
ЖОНКЬЕР (ЛЕ-МОН-Д'ЮЭТТ) (УАЗА)			
Жонкьер S XIV	Ly-2970	5300±140	4340(4220, 4200, 4147, 4110, 4088, 4060, 4048)3990
"	Gif-2919	5120±130	4040(3969)3780
" S XXII	Gif-2918	4290±100	3032(2913)2708
КАТНУА (ЛЕ-КАМ-СЕЗАР) (УАЗА)			
Катнуа S IV, C5a	Ly-2967	4550±160	3510(3341)2939
"	Ly-2965	4620±120	3606(3368)3109
" C5b	Ly-2968	4820±150	3780(3636)3378
" C5?	Ly-2713	4930±120	3934(3773, 3758, 3704)3548
" C5c	Ly-2966	5280±140	4333(4215, 4205, 4138, 4120, 4044)3980
БУРИ-АН-ВЕКСЕН (ЛЕ-КЮЛЬ-ФРУА) (УАЗА)			
Бури-ан-Вексен T.4, C.D.	Ly-2712	4570±130	3505(3349)3045
" T.3, C.E.	Ly-2711	5180±100	4216(3994)3822
" ST1, D.A.	Ly-2961	5240±150	4240(4037, 4014, 4008)3824
КОМПЬЕНЬ (ЛЁ-КОК-ГАЛЛЁ) (УАЗА)			
Компьень ST14	Ly-2718	5330±110	4340(4228, 4194, 4159)4003
Компьень, кубок 9са	Ly-2714	4950±160	3960(3776, 3744, 3708)3539
Компьень, ров 2	Ly-2715	4450±140	3360(3096, 3053, 3048)2920

График данных из Таблицы 20: Культура шассе во Франции

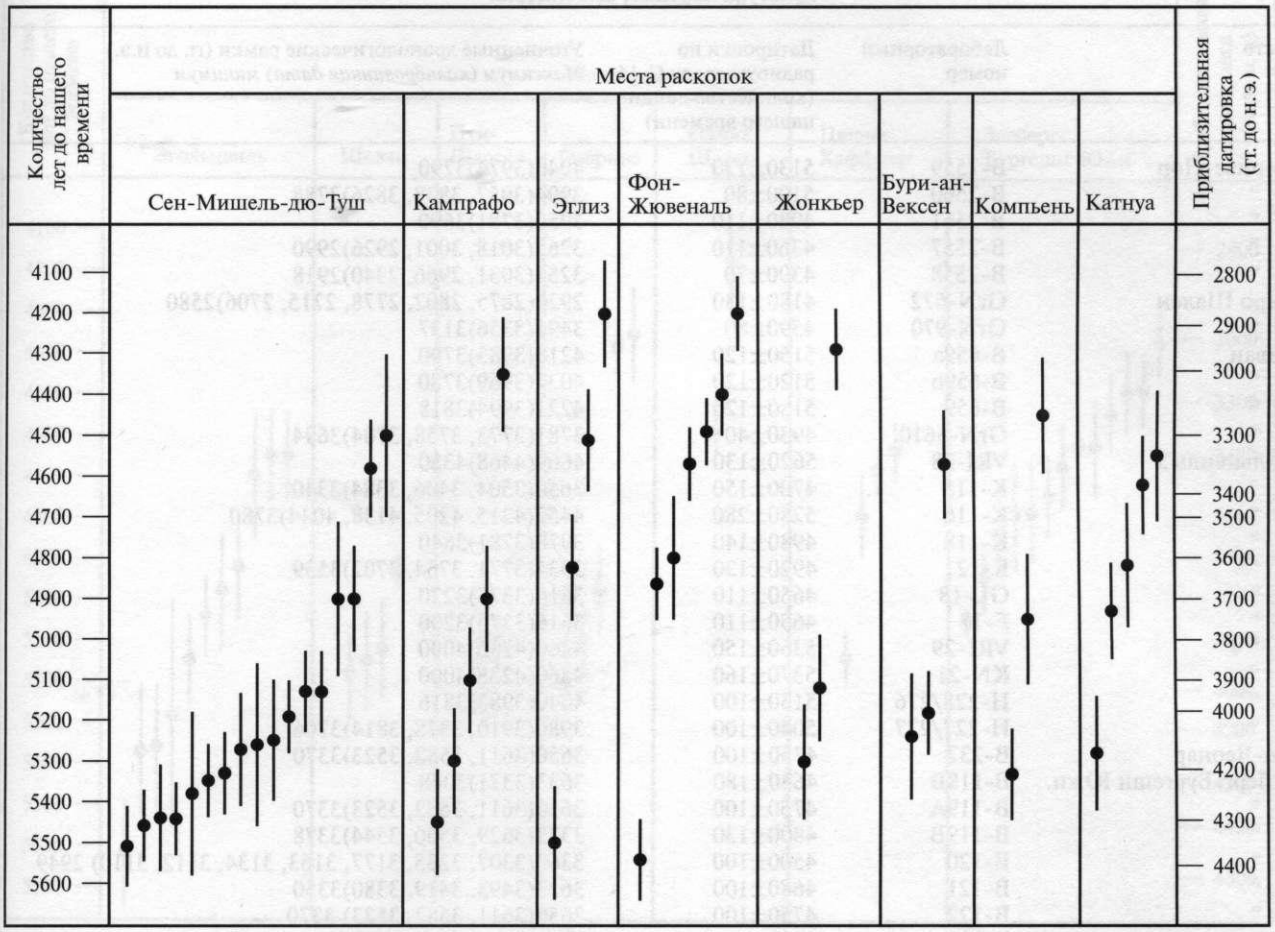


Таблица 21

Культура кортайо, Швейцария

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Оверньe-Пор	B-2559	5130±120	4040(3974)3790
"	B-2560	5100±80	3994(3957, 3838, 3826)3788
"	B-2561	4980±110	3950(3781)3690
"	B-2557	4360±110	3265(3018, 3001, 2926)2990
"	B-2558	4390±70	3254(3031, 2966, 2940)2918
Озеро Шален	GrN-672	4180±130	2920(2875, 2802, 2778, 2715, 2706)2580
"	GrN-970	4590±80	3496(3356)3137
Шаван	B-659a	5150±120	4213(3983)3790
"	B-659b	5120±120	4037(3969)3780
"	B-659	5180±120	4221(3994)3818
"	GrN-5610	4930±40	3781(3773, 3758, 3704)3694
Эгольцвиль 3	VRI-28	5620±130	4669(4468)4350
"	K-115	4700±150	3650(3504, 3406, 3384)3340
"	K-116	5280±280	4452(4215, 4205, 4138, 4044)3780
"	K-118	4980±140	3970(3781)3640
"	K-121	4920±130	3934(3771, 3764, 3702)3539
"	GL-18	4650±110	3616(3375)3220
"	F-17	4650±110	3616(3375)3200
" 4	VRI-29	5360±150	4360(4235)4000
"	KN-21	5370±160	4360(4238)4000
"	H-228/276	5150±100	4040(3983)3816
"	H-227/277	5040±100	3980(3910, 3878, 3814)3706
Сен-Леонар	B-232	4750±100	3650(3611, 3582, 3523)3370
Зееберг-Бургеши Южн.	B-118B	4630±180	3633(3371)3048
"	B-119A	4750±100	3650(3611, 3582, 3523)3370
"	B-119B	4800±130	3373(3629, 3560, 3544)3378
"	B-120	4500±100	3360(3307, 3235, 3177, 3163, 3134, 3112, 3110) 2949
"	B-121	4680±100	3623(3498, 3419, 3380)3350
"	B-122	4750±100	3650(3611, 3582, 3523) 3370
"	B-123	4530±100	3370(3334, 3219, 3189, 3152, 3148)3042
"	B-125	4550±100	3380(3341)3048
"	B-126	4500±100	3380(3341)3048
"	B-244	4790±120	3700(3626, 3568, 3540)3378
"	B-245	4630±120	3612(3371)3038
"	LJ-1293	5060±35	3956(3938, 3867, 3818)3788
"	B-114	4390±80	3290(3031, 2966, 2940)2917
"	B-115	4950±90	3930(3776, 3744, 3708)3648
"	B-116	4840±110	3777(3642)3389
"	B-118A	4490±90	3352(3301, 3239, 3173, 3167, 3107)2949
Сион-Пти-Шассёр	B-2110	5130±100	4036(3974)3790
"	B-2111	5100±70	3992(3957, 3838, 3826)3789
Цюрих-Хаффнер	UCLA-1664A	4800±100	3700(3629, 3560, 3544) 3384
"	UCLA-1722B	5145±70	4033(3981)3821
"	UCLA-1764A	4690±60	3613(3501, 3411, 3382)3370
"	UCLA-1722C	4640±70	3508(3373)3347

График данных из Таблицы 21: Культура кортайо, Швейцария

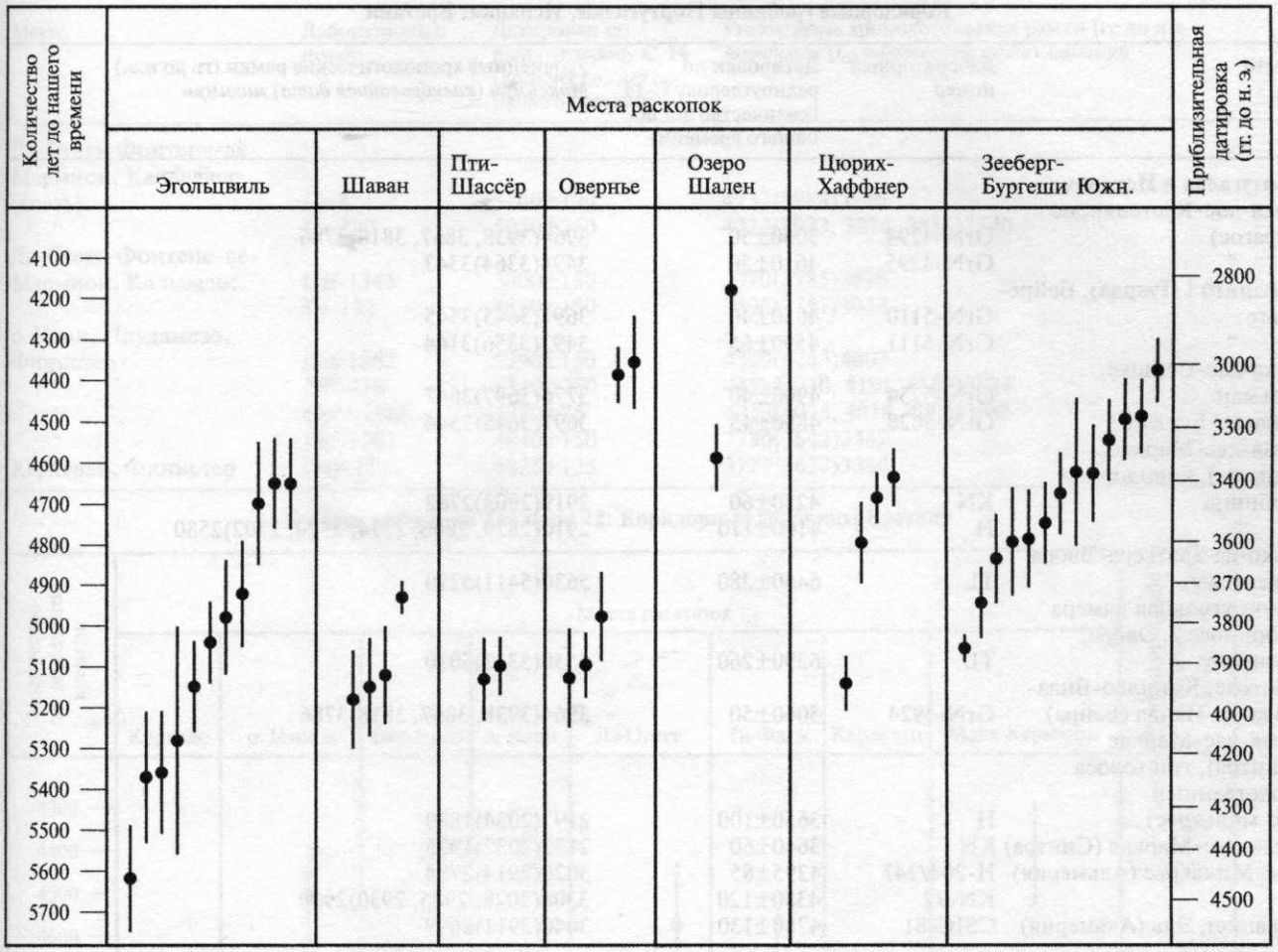


Таблица 22

Коридорные гробницы Португалии, Испании, Бретани

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Португалия и Испания			
Орка-дос-Кастенайрос (Фрагос)	GrN-4294	5060±50	3964(3938, 3867, 3818)3786
"	GrN-4295	4610±50	3494(3364)3343
Карапито I (Гуарда), Бейре-Альте	GrN-5110	4850±40	3697(3645)3545
"	GrN-5111	4590±65	3492(3356)3144
Орка-дас-Сейшас, дольмен	GrN-5754	4900±40	3776(3697)3647
Лапа-до-Буржиу	GrN-5628	4850±45	3697(3645)3544
Прая-дас-Маркас (Синтра), коридорная гробница	KN	4250±60	2919(2903)2782
"	H	4160±110	2910(2879, 2806, 2774, 2720, 2702)2580
Поко-да-Гратьера-Эвора (Алентежу)	TL	6460±280	5630(5411)5210
Многоугольная камера в Гориносе 2, Эвора, Алентежу	TL	6390±260	5550(5333)5070
Фрагоас, Конильо-Вила-Нова-де-Пайва (Бейра)	GrN-4924	5060±50	3964(3938, 3867, 3818)3786
Прая-дас-Маркас (Синтра), тип толоса (родственный лос-мильярес)	H	3650±100	2192(2034)1890
Прая-дас-Маркас (Синтра)	KN	3640±60	2133(2032)1935
Лос-Мильярес (Альмерия)	H-204/247	4295±85	3028(2914)2784
"	KN-72	4380±120	3308(3028, 2985, 2930)2900
Баранкет, Эль (Альмерия)	CSIC-81	4280±130	3040(2911)2699
Бретань			
Остров Боно-Финистер (древесный уголь в нижних слоях камеры)	Gsy-64A	5380±135	4360(4241)4008
Керкадо, Карнак, Морбиан	Sa-95	5840±300	5198(4772, 4759, 4728)4360
о. Геннок III, Ландеда, Финистер	Gif-165	5800±300	5053(4716)4350
"	Gif-1879	5075±140	4033(3944, 3848, 3821)3705
"	Gif-813	4505±120	3370(3310, 3233, 3179, 3161, 3136)2933
о. Геннок, каирн II, могила B, очаг в камере	Gsy-164B	4350±200	3340(3013, 3007, 2924)2669
Барненез, Плуэзок, Финистер	Gif-1309	5750±150	4790(4664, 4638, 4601)4460
"	Gif-1556	5550±150	4573(4365)4245
"	Gif-1310	5450±150	4460(4340)4048
"	Gif-1116	5100±140	4037(3957, 3838, 3826)3710
Ти-Флок, Сен-Туа, Финистер	Gif-5234	5580±120	4573(4456, 4417, 4403)4340
"	Gif-5233	4670±120	3626(3496, 3427, 3379)3340
Ла-Огетт-Фонтене-лё-Мармион, Кальвадос	Ly-131	5560±150	4577(4452, 4428, 4392, 4384, 4368)4248

продолж.

Таблица 22 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ла-Огетт-Фонтене-лё-Мармион, Кальвадос (кость)	Ly-421	5160±190	4233(3988)3726
“	Ly-420	5050±260	4223(3933, 3874, 3816)3540
Ла-Огетт-Фонтене-лё-Мармион, Кальвадос	Gif-1345	5000±130	3970(3785)3690
“	Ly-132	4580±150	3595(3351)3042
о. Карн, Плудамезо, Финистер	Gif-1362	5390±150	4360(4243)4007
“	Gif-414	5340±250	4459(4230, 4191, 4163)3824
“	GrN-1968	5230±75	4222(4035, 4018, 4005)3988
“	Gif-1363	4840±150	3780(3642)3382
Керлеван, Финистер	Gsy-111	4825±125	3777(3637)3384

График данных из Таблицы 22: Коридорные гробницы Бретани

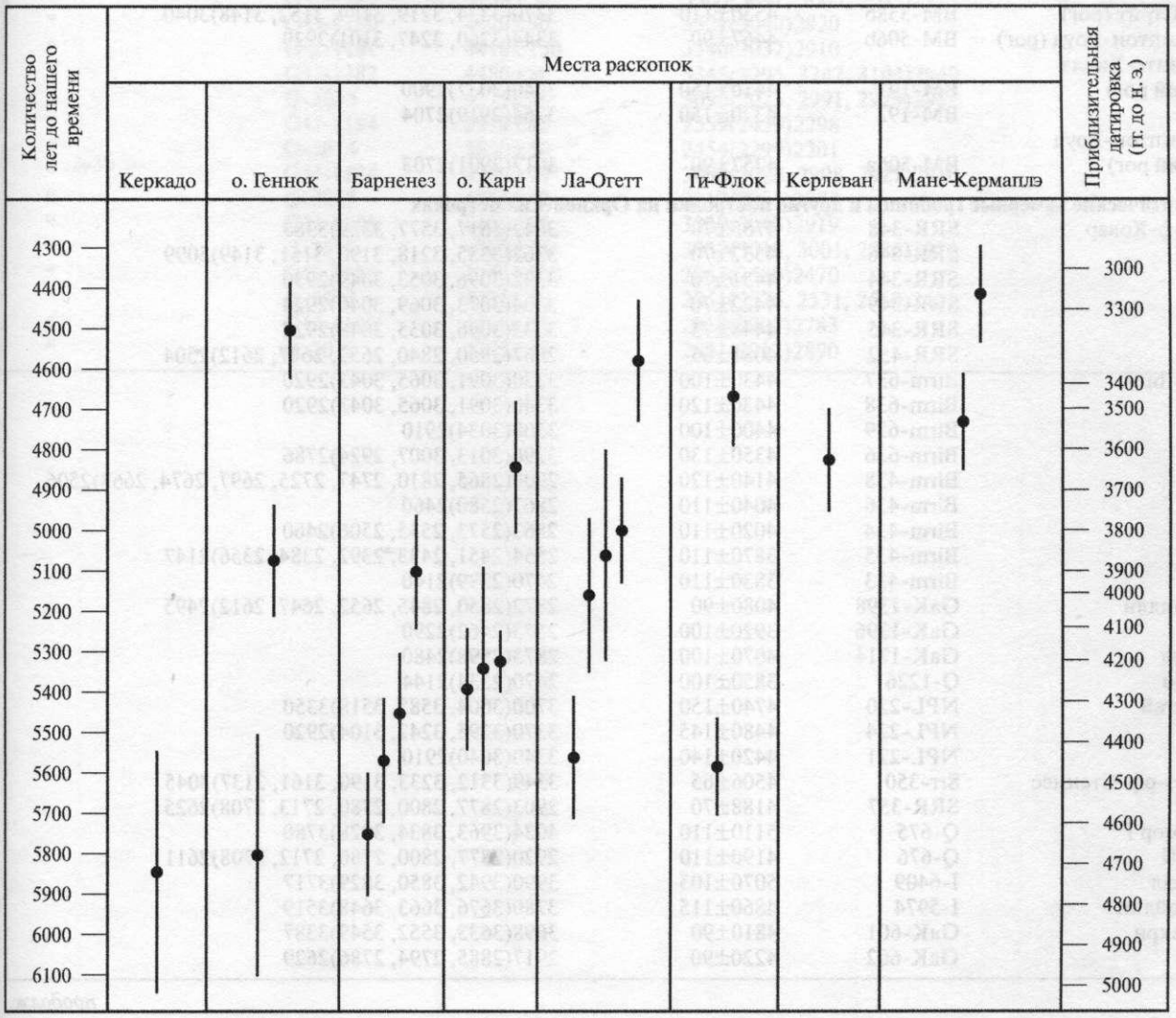


Таблица 23

Великобритания и Оркнейские острова

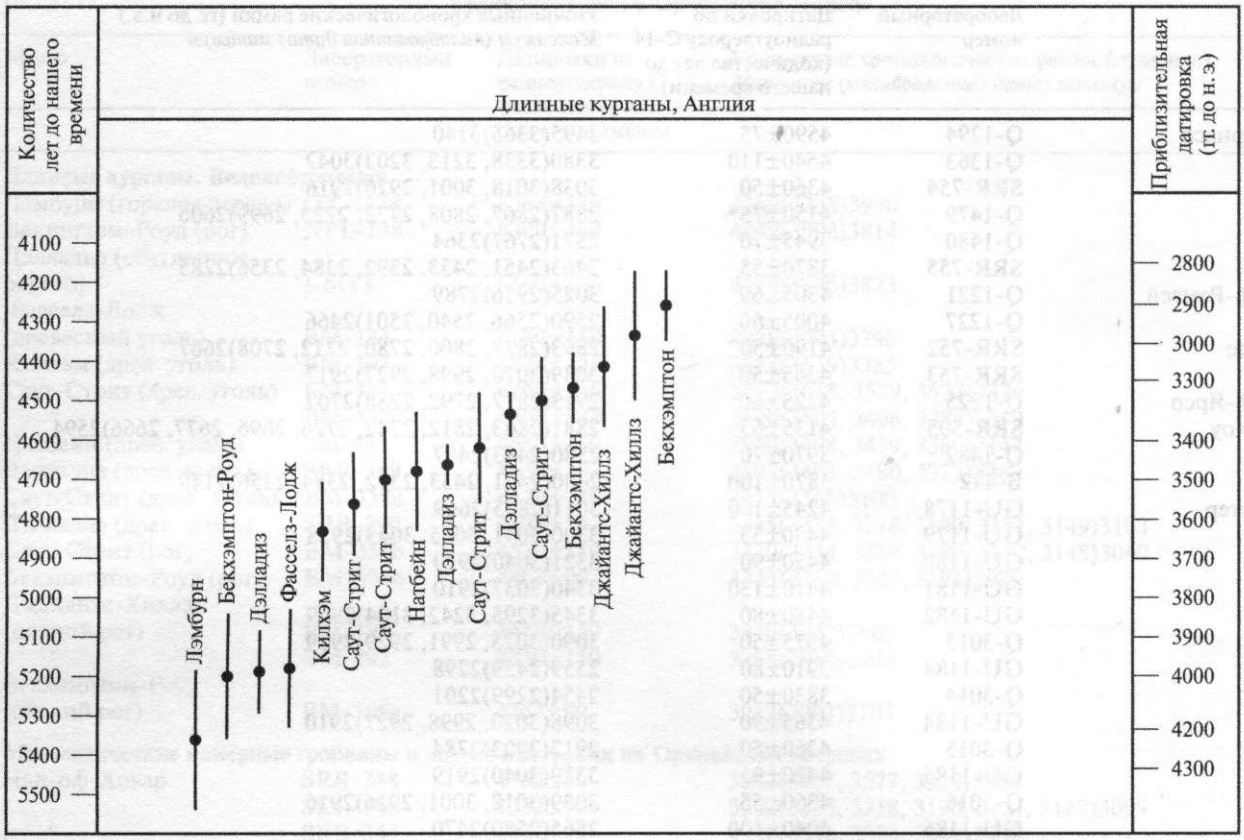
Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Длинные курганы, Великобритания			
Лэмбурн (горелое дерево)	GX-1178	5365±180	4360(4238)3990
Бекингхэм-Роуд (рог)	NPL-138	5200±160	4240(3998)3814
Дэлладиз (обугленное дерево)	I-6113	5190±105	4219(3996)3823
Фасселз-Лодж (древесный уголь)	BM-134	5180±150	4228(3994)3790
Килхэм (древ. уголь)	BM-293	4830±125	3778(3639)3385
Саут-Стрит (древ. уголь)	BM-356	4760±130	3700(3615, 3579, 3527)3370
"	BM-357	4700±135	3640(3504, 3406, 3384)3350
Натбейн (древ. уголь)	Bm-49	4680±150	3640(3498, 3419, 3380)3147
Дэлладиз (древ. уголь)	SRR-289	4660±50	3508(3493, 3480, 3377)3362
Саут-Стрит (древ. уголь)	BM-358a	4620±140	3615(3368)3100
Дэлладиз (древ. уголь)	SRR-290	4532±55	3355(3335, 3218, 3190, 3151, 3149)3103
Саут-Стрит (рог)	BM-358b	4530±110	3370(3334, 3219, 3189, 3152, 3148)3040
Бекхэмптон-Роуд (рог)	BM-506b	4467±90	3344(3260, 3247, 3101)2929
Джайантс-Хиллз (олений рог)	BM-191	4410±150	3340(3037)2900
"	BM-192	4320±150	3264(2919)2704
Бекхэмптон-Роуд (олений рог)	BM-506a	4257±90	3012(2901)2703
Мегалитические камерные гробницы и другие постройки на Оркнейских островах			
Нап-оф-Ховар	SRR-348	4765±70	3642(3617, 3577, 3529)3383
"	SRR-346	4532±70	3362(3335, 3218, 3190, 3151, 3149)3099
"	SRR-344	4451±70	3332(3096, 3053, 3049)2930
"	SRR-349	4422±70	3304(3073, 3069, 3040)2924
"	SRR-345	4448±75	3333(3096, 3055, 3048)2928
"	SRR-452	4081±65	2867(2850, 2840, 2652, 2647, 2612)2504
Скара-Брэ	Birm-637	4430±100	3330(3091, 3065, 3043)2920
"	Birm-638	4430±120	3340(3091, 3065, 3043)2920
"	Birm-639	4400±100	3308(3034)2910
"	Birm-636	4350±130	3296(3013, 3007, 2924)2786
"	Birm-438	4140±120	2900(2865, 2810, 2747, 2725, 2697, 2674, 2668)2506
"	Birm-436	4040±110	2867(2580)2460
"	Birm-434	4020±110	2863(2573, 2535, 2506)2460
"	Birm-435	3870±110	2554(2451, 2433, 2392, 2384, 2356)2147
"	Birm-433	3830±110	2470(2299)2140
Грэндталли	GaK-1398	4080±90	2872(2850, 2845, 2652, 2647, 2612)2495
"	GaK-1396	3920±100	2573(2462)2290
Таунхед	GaK-1714	4070±100	2873(2598)2480
Райнио	Q-1226	3850±100	2470(2334)2144
Лэндигей	NPL-220	4740±150	3700(3604, 3585, 3518)3350
"	NPL-224	4480±145	3370(3295, 3242, 3104)2920
"	NPL-221	4420±140	3340(3040)2910
Стоунз-оф-Стеннес	Srr-350	4506±65	3349(3312, 3233, 3190, 3161, 3137)3045
"	SRR-357	4188±70	2903(2877, 2800, 2780, 2713, 2708)2625
Монамор I	Q-675	5110±110	4034(3963, 3834, 3828)3780
" II	Q-676	4190±110	2920(2877, 2800, 2780, 2712, 2708)2611
Лочхилл	I-6409	5070±105	3990(3942, 3850, 3829)3717
Гленвойдин	I-5974	4860±115	3780(3676, 3663, 3648)3519
Питнакри	GaK-601	4810±90	3698(3633, 3552, 3549)3387
"	GaK-602	4220±90	2917(2885, 2794, 2786)2629

продолж.

Таблица 23 (продолжение)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Куонтернесс	Q-1294	4590±75	3495(3365)3140
"	Q-1363	4540±110	3380(3338, 3213, 3203)3042
"	SRR-754	4360±50	3038(3018, 3001, 2926)2916
"	Q-1479	4150±75	2887(2867, 2808, 2772, 2723, 2699)2606
"	Q-1480	3945±70	2571(2767)2364
"	SRR-755	3870±55	2463(2451, 2433, 2392, 2384, 2356)2285
Ноу-оф-Рамзей	Q-1221	4305±69	3025(2916)2789
"	Q-1227	4005±60	2590(2566, 2540, 2501)2466
Койнесс	SRR-752	4190±50	2893(2877, 2800, 2780, 2712, 2708)2667
"	SRR-753	4365±50	3039(3020, 2998, 2927)2917
Ноу-оф-Ярсо	Q-1225	4225±60	2913(2877, 2792, 2788)2702
Маэс-Хоу	SRR-505	4135±65	2881(2863, 2812, 2742, 2726, 2696, 2677, 2666)2594
"	Q-1482	3970±70	2580(2483)2457
Эмбо	B-442	3870±100	2480(2451, 2433, 2392, 2384, 2356)2149
Айсбистер	GU-1178	4245±100	3011(2895)2669
"	GU-1179	4430±55	3300(3091, 3065, 3043)2928
"	GU-1180	4420±90	3321(3040)2920
"	GU-1181	4410±130	3340(3037)2910
"	GU-1182	4480±80	3345(3295, 3242, 3104)2949
"	Q-3013	4375±50	3090(3025, 2991, 2929)2919
"	GU-1184	3910±80	2559(2459)2298
"	Q-3014	3830±50	2454(2299)2201
"	GU-1184	4365±90	3098(3020, 2998, 2927)2910
"	Q-3015	4260±50	2917(2903)2784
"	GU-1185	4420±95	3329(3040)2919
"	Q-3016	4360±55	3039(3018, 3001, 2926)2916
"	GU-1186	4040±100	2865(2580)2470
"	Q-3017	4030±50	2851(2576, 2531, 2510)2491
"	GU-1190	4260±55	2918(2903)2783
"	Q-3018	4285±45	2921(2912)2890

График данных из Таблицы 23: Длинные курганы и мегалитические камерные гробницы Великобритании



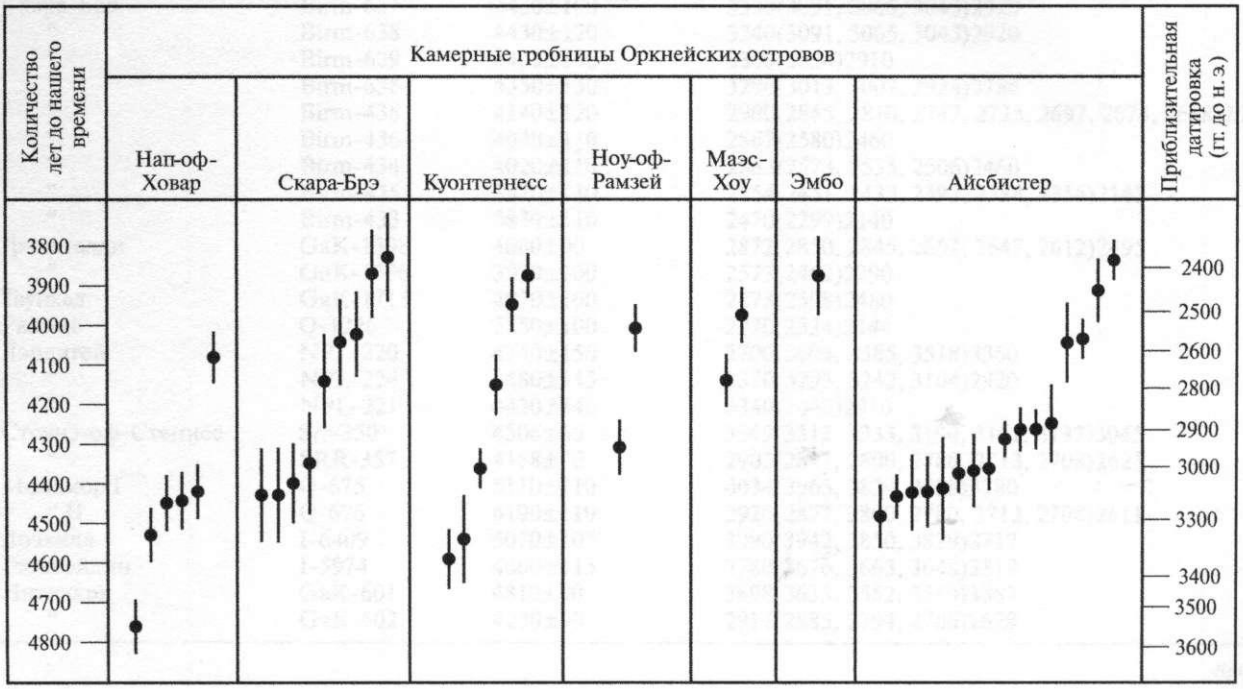


Таблица 24

Ирландские коридорные гробницы и связанные с ними постройки

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Материалы обитания под коридорными гробницами			
Наут	BM-1076	4852±71	3773(3646)3534
Наут 17	UB-318	4878±150	3902(3692)3389
“	UB-319	4795±185	3780(3628, 3564, 3542)3360
Места обитания, считающиеся современными коридорным гробницам Каллинеймор, графство Слайго			
каменный уголь из очага	ST-7624	4710±100	3633(3507, 3401, 3586)3360
“	LU-1948	3970±75	2582(2483)2407
“	LU-1759	3780±60	2317(2202)2137
Места хижин Нокнэрея Сев.	St-9030	4475±140	3370(3292, 3274, 3269, 3244, 3103)2920
“	St-1947	4250±75	2920(2897)2704
Тэмпл-на-Ферта, Скотч-Стрит, Эрмаг	UB-2379	4350±50	3035(3013, 3007, 2924)2915
Тэмпл-на-Ферта, древесный уголь из кольцевого рва, также содержавшего черепки керамики кэрроукил	UB-2380	4090±105	2879(2853, 2828, 2655, 2644, 2615)2493
Гробницы			
Наут I, древесный уголь из насыпи	GrN-12357	4405±35	3094(3036)2927
Наут I, древесный уголь из того, что, как считается, было поверхностью почвы в эпоху возведения насыпи	GrN-12358	4490±60	3342(3301, 3239, 3173, 3167, 3107)3042
Наут I, органический материал из базального (дернового) слоя насыпи	UB-357	4745±165	3700(3609, 3584, 3520)3350
Наут I, фрагменты дерева в базальном слое насыпи за 75 ортостатом восточной гробницы	GrN-12827	4465±40	3317(3258, 3248, 3100)3040
Наут 2, древесный уголь с поверхности насыпи	BM-785	4185±126	2920(2876, 2801, 2729, 2714, 2707)2590
Наут 9, древесный уголь из кремационного захоронения в концевой нише	GrN?	4415±50	3261(3038)2927
Наут 16, древесный уголь из насыпи	BM-1078	4399±67	3261(3034, 2950)2921
Нью-Грейндж	GrN-5462	4425±45	3291(3083, 3068, 3041)2929
“	GrN-5463	4415±40	3098(3038)2928
Обе даты получены из древесного угля, содержавшегося в почве, которую строители гробницы поместили между покрывавшими коридор плитами			
Нью-Грейндж, растительность из дерна, уложенного в базальном слое насыпи	GrN-9057	4480±60	3339(3295, 3242, 3104)3039
Кэрроумор, площадка 4, древесный уголь из «каменного фундамента Камня В» (паза?) центральной цисты	Lu-1840	5750±85	4771(4664, 4638, 4601)4505
Кэрроумор, площадка 4, древесный уголь, найденный близ второго «внутреннего каменного кольца». По мнению проводившего раскопки специалиста, вторичен	Lu-1750	4320±75	3033(2919)2894
Кэрроумор, площадка 7, каменный уголь из неповрежденного нижнего слоя центральной камеры (столбовой ямы на полпути между камерой и кругом)	Lu-1441	5240±80	4226(4037, 4014, 4008)3987
Кэрроумор, площадка 27	Lu-1698	5040±60	3958(3910, 3878, 3814)3781
“	Lu-1808	5000±65	3941(3785)3704
“	Lu-1818	4940±85	3901(3775, 3751, 3706)3646
Последние три даты получены из древесного угля, обнаруженного в том же месте между и под нижним слоем камней окружающей центральную камеру каменной выкладки			
Слайаб-Галлион	UB-179	5215±195	4331 (4033, 4024, 4002)3788
Пробы взяты из базального песчаного торфа, лежащего под слоем камней, который, возможно, имеет связь с возведением каирна			
Слайаб-Галлион, над слоем песчаного торфа	UB-180	3955±75	2477(2469)2398
“	UB-181	4035±75	2858(2578)2470

График данных из Таблицы 24: Мегалитические корридорные гробницы Ирландии

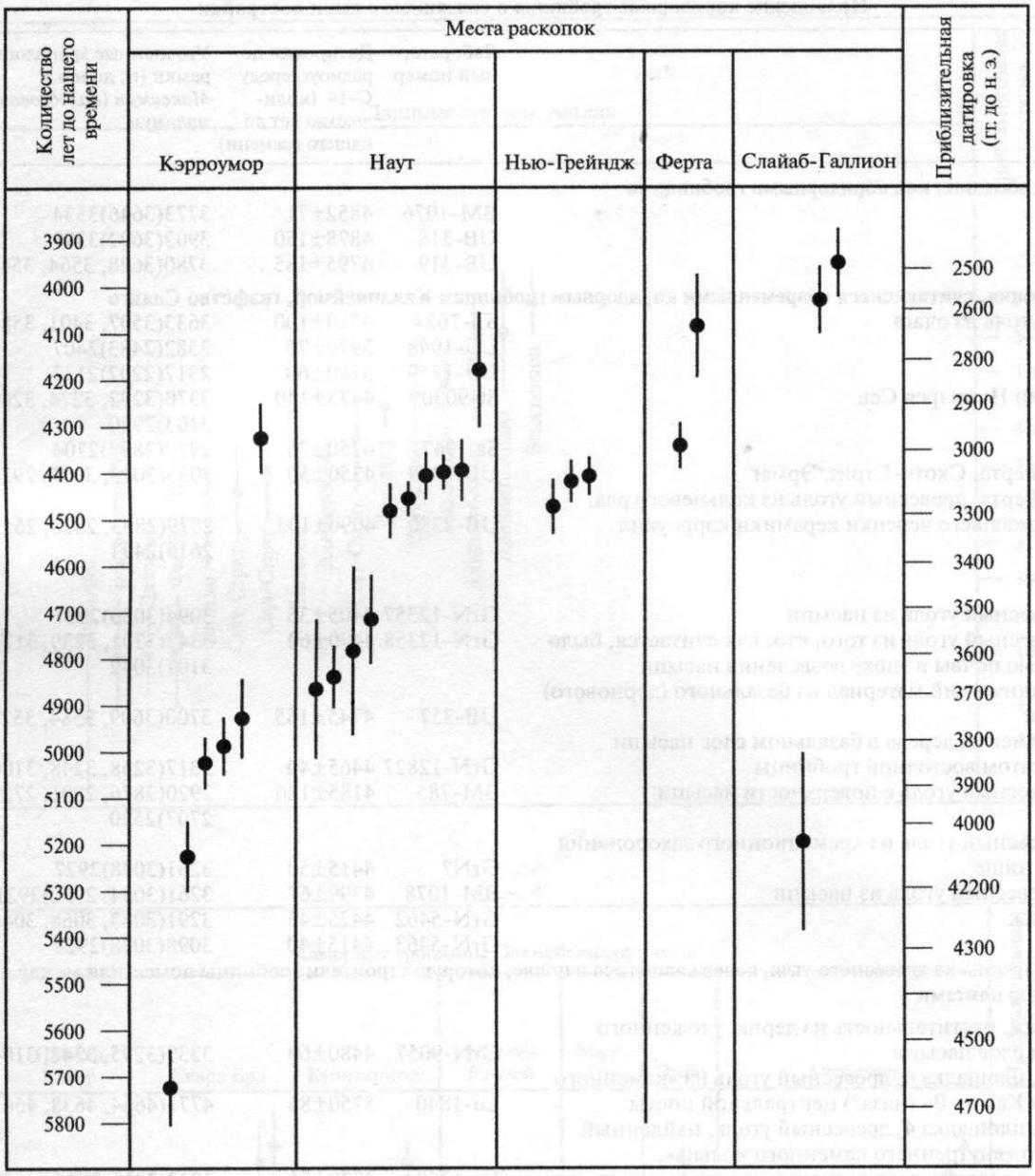


Таблица 25

Культуры михайловка I и северопонтийская (майкопская)

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Михайловка I	Bln-629	4400±100	3308(3034)2910
“	Le-645	4340±65	3036(2922)2910
“	Bln-630	4330±100	3091(2921)2788

Таблица 26

Поселения усатовской культуры

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Усатово	UCLA-1642A	4300±60	3018(2915)2891
Маяки	Bln-629	4400±100	3308(3034)2910
“	UCLA-1642B	4375±60	3093(3025, 2991, 2929)2917
“	UCLA-1642G	4375±60	3093(3025, 2991, 2929)2917
“	Ленинград	4340±65	3036(2922)2910

График данных из Таблиц 25 и 26: Северопонтийская (михайловка I) и усатовская культуры

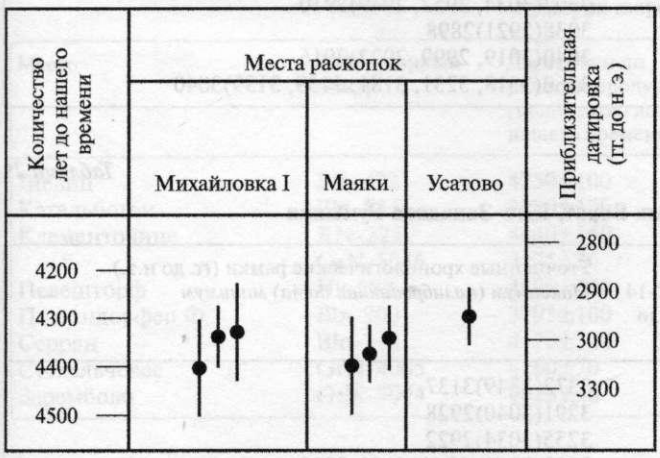


Таблица 27

Эзеро I, ранний бронзовый век, Болгария

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Эзеро I	Bln-428	4260±80	2923(2903)2706
"	Bln-427	4365±80	3095(3020, 2998, 2927)2912
"	Bln-421	4335±80	3039(2922)2899
"	Bln-422	4310±80	3032(2917)2788
"	Bln-423	4440±80	3332(3094, 3059, 3045)2926
"	Bln-424	4575±80	3492(3349)3108
"	Bln-522	4455±100	3340(3098, 3051, 3050)2925
"	Bln-526	4135±100	2890(2863, 2812, 2742, 2726, 2696, 2677, 2666)2580
"	Bln-523	4400±100	3308(3034)2910
"	Bln-524	4460±100	3340(3252, 3249, 3099)2926
"	Bln-525	4280±100	3028(2911)2706
"	Bln-527	4390±100	3302(3031, 2966, 2840)2910

Таблица 28

Ситагрой IV, равнина Драмы, Северо-Восточная Греция

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Ситагрой IV (желуди)	Bln-773	4390±100	3302(3031, 2966, 2940)2910
Ситагрой IV	Bln-879	4550±100	3380(3341)3048
"	Bln-878	4398±100	3307(3034, 2952, 2949)2910
Ситагрой IV (желуди)	Bln-651	4332±79	3038(2921)2898
Ситагрой IV	Bln-650a	4363±56	3040(3019, 2999, 2927)2916
"	Bln-880	4510±100	3360(3318, 3231, 3181, 3159, 3139)3040

Таблица 29

Культура коцофени, район Железных Ворот, Юго-Западная Румыния

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум (калиброванная дата) минимум*
Островул-Корбулуй	LJ-3797	4570±60	3372(3349)3137
"	LJ-3798	4420±50	3291(3040)2928
"	LJ-3799	4400±60	3255(3034)2922
Байле-Херкулане	LJ-3533	4470±50	3332(3263, 3246, 3102)3039
"	LJ-3534	4360±60	3974(3018, 3001, 2926)2915
"	LJ-3535	4360±60	3974(3018, 3001, 2926)2915
"	LJ-3536	4300±60	3018(2915)2891

Таблица 30

Культуры баден и вучедол

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Осентиван	Bln-476	4515±80	3359(3327, 3229, 3183, 3157, 3141)3044
Зюмег	A-246	4520±160	3499(3331, 3226, 3185, 3155, 3143)2926
Подолье	Bln-556	4455±80	3337(3098, 3054, 3050)2929
Вучедол, баденская фаза	Z-1446	4540±100	3370(3338, 3213, 3203)3045
“	Z-1647	4500±100	3360(3307, 3235, 3177, 3163, 3134, 3112, 3110)2949
“	Z-1619	4400±100	3308(3034)2910
“	Z-1618	4300±100	3030(2915)2782
Ивановице	M-2166	4375±200	3350(3025, 2991, 2929)2705
Хисар	Bln-350	4290±100	3032(2913)2708
Пивница	Kn-145	4110±160	2910(2857, 2821, 2691, 2689, 2660, 2637, 2623)2470
Хрустовача	Bln-564	4125±80	2882(2861, 2815, 2733, 2729, 2694, 2681, 2664, 2632, 2628)2581
Гомолка	GrN	4075±70	2866(2651, 2649, 2610)2500
Вучедол, фаза вучедол	Z-1637	4300±100	3030(2915)2782
“	Z-1621	4300±100	3030(2915)2782
“	Z-1447	4290±120	3040(2913)2703
“	Z-1453	4290±120	3040(2913)2703
“	Z-1624	4200±100	2915(2880, 2798, 2782)2619
“	Z-1449	4190±120	2920(2877, 2800, 2780, 2712, 2708)2590
“	Z-1454	4130±120	2900(2862, 2814, 2738, 2695, 2679, 2665, 2630)2502
“	Z-1622	4100±100	2880(2855, 2824, 2657, 2640, 2619)2498

Таблица 31

Культура шаровидных амфор

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Гневиц	Bln-472	4250±100	3013(2897)2699
Кательбоген	Bln-554	3800±120	2460(2278, 2234, 2209)2042
Клементовице	KN-225	4440±160	3340(3094, 3059, 3045)2920
“	GrN-5046	4175±30	2882(2873, 2803, 2777, 2716, 2705)2668
Певешторф	Hv-582	4380±100	3296(3028, 2985, 2930)2910
Поггендорфер Ф.	Bln-990	3795±100	2456(2276, 2239, 2207)2046
Серран	Bln-342	4170±120	2910(2872, 2804, 2776, 2717, 2704)2580
Стехельчевес	GrN-4065	4260±70	2921(2903)2708
Зарембово	GrN-5044	4625±40	3496(3370)3351

График данных из Таблиц 27–31: Культурные группы эзеро, коцофени, баденская и шаровидных амфор

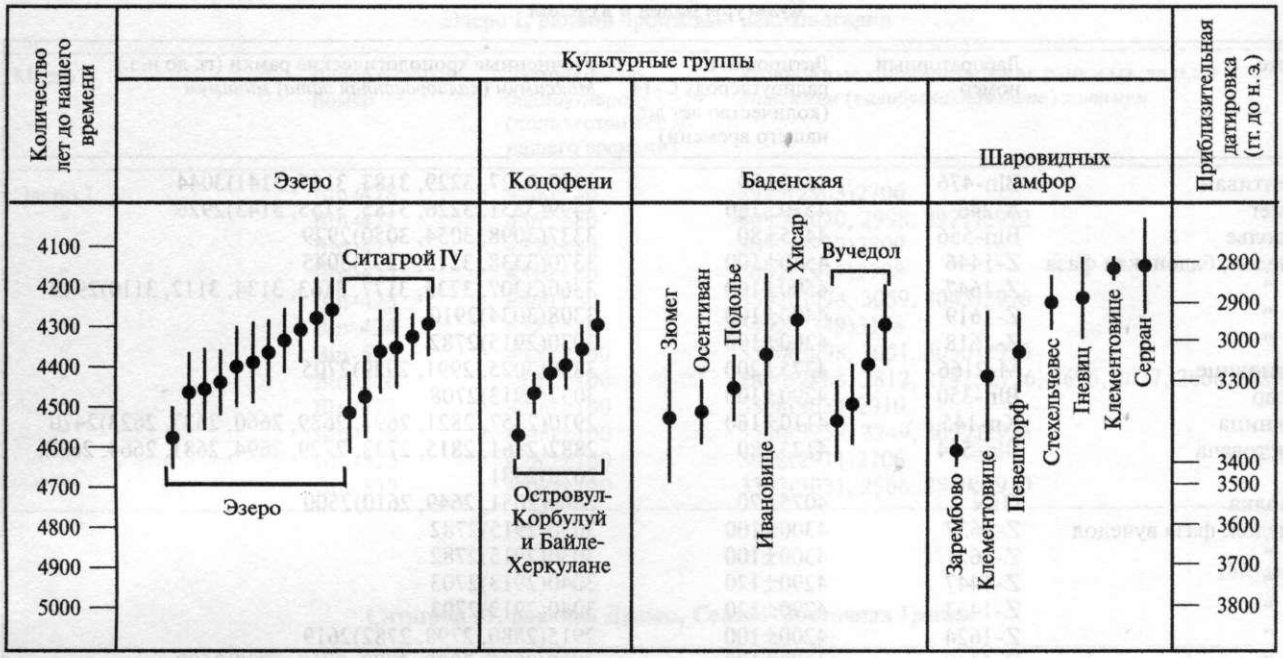


Таблица 32

Гробницы ямной культуры Западного Причерноморья

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Бая-Хаманджия (Румыния)	KN-38	4060±160	2886(2587)2460
“	Bln-29	4090±160	2900(2853, 2828, 2655, 2644, 2615)2460
Чернаводэ (Румыния)	Bln-62	4260±100	3018(2903)2701
Варна (Болгария)	KI-89	4210±60	2910(2883, 2796, 2784)2699
Кетедьхаза (Вост. Венгрия)	Bln-609	4265±80	3011(2906)2707

Таблица 33

Гробницы ямной культуры Восточной Украины и Южной России

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Перещепино 1/7	Ki-100/5	4310±105	3040(2917)2783
“ 1/6	Ki-100/4	4290±90	3028(2913)2782
Брилювата м.6	Ki-497	4270±120	3032(2909)2699
“ м.12	Ki-497	4080±100	2875(2850, 2845, 2652, 2647, 2612)2491
Цаца 6/3	UCLA-1270	4210±80	2914(2883, 2796, 2784)2629
Кристофоровка 1/1	Ki-578	4170±170	2912(2872, 2804, 2776, 2717, 2704)2499
Устьман 1/13	UCLA-1271	4150±80	2889(2867, 2808, 2772, 2723, 2699)2594
Сватово 1/1	Ki-585	4000±190	2878(2564, 2541, 2499)2280
Усть-Джегутинская 32/10	LE-693	4110±60	2873(2857, 2821, 2689, 2660, 2637, 2623)2583
“ 24/1	LE-687	4040±60	2855(2580)2491
Балки 1/40	LE-1168	4080±90	2872(2850, 2845, 2652, 2647, 2612)2495
“	Ki-601	3990±110	2855(2559, 2544, 2535)2398

Таблица 34

Гнилая яма культуры колоколовидных кубков, Будапешт

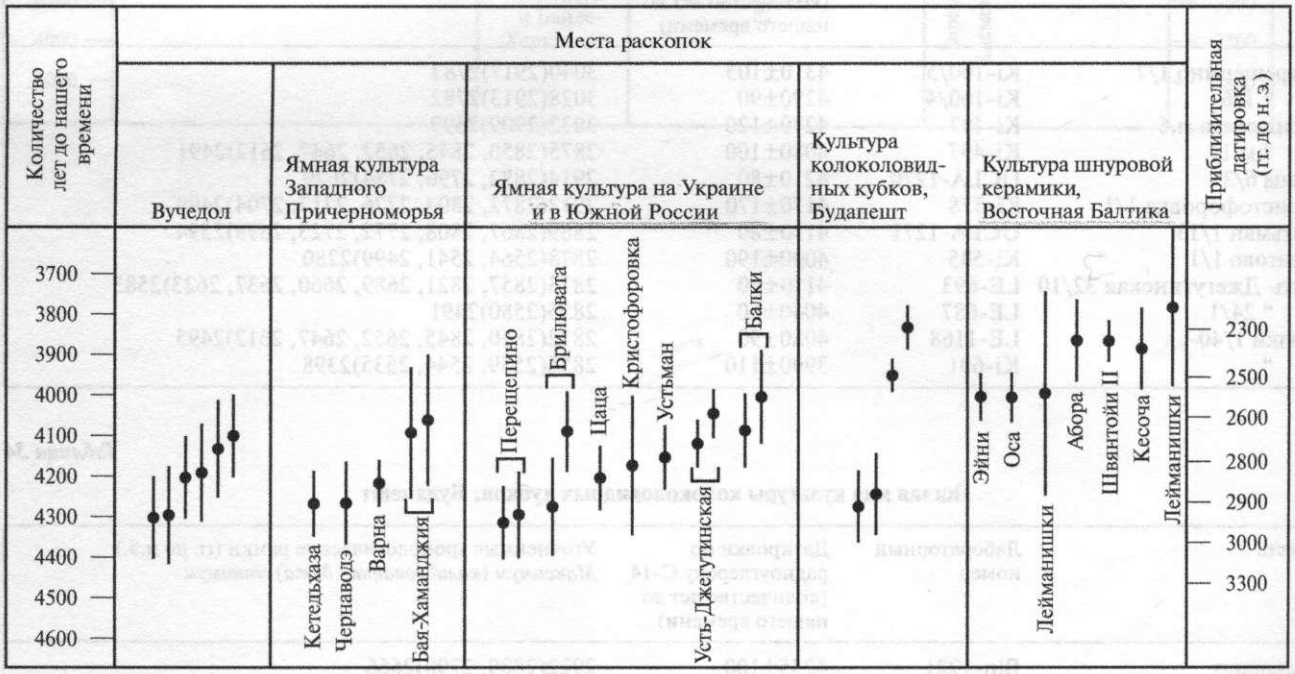
Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Будапешт	Bln-1221	4235±100	2922(2889, 2790)2666
“	Q-1122	4270±90	3018(2909)2706
“	GrN-6900	3945±40	2557(2467)2458
“	GrN-6901	3830±55	2455(2299)2200
(все образцы из одного источника)			

Таблица 35

Поселения культуры шнуровой керамики Восточной Балтики

Место	Лабораторный номер	Датировки по радиоуглероду С-14 (количество лет до нашего времени)	Уточненные хронологические рамки (гг. до н.э.) *Максимум* (*калиброванная дата*) *минимум*
Кесоча, Сев. Мазовия	K-1836	3880±100	2554(2453, 2423, 2398)2200
Швянтойи, Литва	LE-835	3860±50	2460(2343)2283
Абора, Латвия	LE-749	3860±100	2470(2343)2147
Эйни, Латвия	LE-751	4000±60	2588(2564, 2541, 2499)2465
Лейманишки, Латвия	TA-27	3770±200	2480(2198, 2151, 2149)1920
“	TA-23	3970±250	2886(2483)2140
Оса, Латвия	LE-758	4000±60	2588(2564, 2541, 2499)2465

График данных из таблиц 30, 32–35: Культуры вучедол, ямная, колоколовидных кубков и шнуровой керамики



Библиография

В библиографию включены обзорные работы, монографии, материалы по основным раскопкам, каталоги и статьи, имевшие важное значение для развития дисциплины и оказавшие на нее влияние. Региональные библиографии см. в Примечаниях и в Словаре основных археологических культур и памятников.

Almagro, Arribas 1963. – Almagro M., Arribas A. El poblado y la necrópolis megalitica de Los Millares //Bibliotheca Praehistorica Espana. Vol. 3. Madrid, 1963.

Ammerman, Cavalli-Sforza 1984. – Ammerman A.J., Cavalli-Sforza L.L. The Neolithic Transformation and the Genetics of Populations in Europe. Princeton University Press, 1984.

Anati 1976. – Anati E. Evolution and Style in Camunian Rock Art. Capo di Ponte: Centra Camuno di Studi Preistorici, 1976.

Arnal 1960. – Arnal J. Les styles céramiques du Néolithique français // Préhistoire 14 / Sous la dir. de G.Bailloud, R.Riquet. Paris, 1960. P. 1–211.

Arnal 1976. – Arnal J. Les statues-menhirs, hommes et dieux. Paris: Editions des Hespérides, 1976.

Ashbee 1966. – Ashbee P. The Fussell's Lodge Long Barrow // Archaeologia. 1966. № 100. P. 1–80.

Ashbee 1970. – Ashbee P. The Earthen Long Barrows in Britain. London: Dent, 1970.

Ashbee, Smith, Evans 1979. – Ashbee P., Smith I.F., Evans J. Excavations of Three Long Barrows Near Avebury, Wiltshire // Proceedings of Prehistoric Society. 1979. № 45. P. 207–300.

Atkinson 1965. – Atkinson R.J.C. Wayland's Smithy // Antiquity. 1965. № 39. P. 126–133.

Atzeni 1981. – Atzeni E. Aspetti e sviluppi culturali del neolitico e della prima età dei metali in Sardegna // Ichnussa. La Sardegna dalle origini all'età classica. Milan: Libri Scheiwiller, 1981. P. 27–41.

Bach 1978. – Bach A. Neolithische Populationen im Mittelelbe-Saale-Gebiet: zur Anthropologie des Neolithikums unter besonderer Berücksichtigung der Banderkeramiker // Monographien zu Ur- und Frühgeschichte. Bd. 1. Weimar, 1978.

Bailloud, Boofzheim 1955. – Bailloud G., Boofzheim M. de. Les civilisations néolithiques de la France dans leur contexte européen. Paris: Picard, 1955.

Bailloud 1964. – Bailloud G. Le néolithique dans le Bassin parisien. 2nd supplement to Gallia Préhistoire (2nd ed. 1974). Paris, 1964.

Bakels 1978. – Bakels C.C. Four Linearbandkeramik Settlements and Their Environment: A Palaeoecological Study of Sittard, Stein, Elsloo, and Hienheim // Analecta Praehistorica Leidensia. 1978. № 11.

Banner 1959. – Banner J. Anthropomorphe Gefässe der Theisskultur von der Siedlung Kökénydomb bei Hódmezövásárhely (Ungarn) // Germania. 1959. № 37. S. 14–35.

Barber 1991. – Barber E.J.W. Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages. Princeton University Press, 1991.

Barfield 1971. – Barfield L. Northern Italy Before Rome. London: Thames and Hudson, 1971.

Barker 1981. – Barker G. Landscape and Society: Prehistoric Central Italy. London: Academic Press, 1981.

Barker 1985. – Barker G. Prehistoric Farming in Europe. Cambridge University Press, 1985.

Barker, Gamble 1985. – Barker G., Gamble C., eds. Beyond Domestication in Prehistoric Europe. Orlando: Harcourt Brace Jovanovich, 1985.

Batović 1966. – Batović Š. Stariji Neolit u Dalmaciji. Zadar: Museum Archaeologicum, 1966.

Becker 1955. – Becker C.J. The Introduction of Farming into Northern Europe // Journal of World History. 1955. Vol. 2. № 4. P. 749–767.

Becker 1959. – Becker C.J. Flint Mining in Neolithic Denmark // Antiquity. 1959. № 33. P. 82–92.

Behrens 1973. – Behrens H. Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973.

Behrens 1981. – Behrens H. The First «Woodhenge» in Middle Europe // Antiquity. 1981. № 55. P. 72–178.

Behrens, Schröter 1980. – Behrens H., Schröter E. Siedlungen und Gräber der Trichterbecherkultur bei Halle (Saale). Berlin: Deutsche Akademie der Wiss., 1980.

Beier 1988. – Beier H.J. Die Kugelamphorenkultur in Mittelelbe-Saale-Gebiet und in der Altmark. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1988.

Beltran 1979. – Beltran A. Da cacciatori ad allevatori. L'arte rupestra del Levante Spagnolo. Milano: Jaca Book, 1979.

Benac 1952. – Benac A. Prehistorijsko naselje Nebo i problem Butmirske kulture. Ljubljana, 1952.

Benac 1958. – Benac A. Neolitsko naselje u Lisičićima kod Konjica. Sarajevo: Zemaljski Muzej, 1958.

Benac 1962. – Benac A. Studien zur Stein- und Kupferzeit im Nordöstlichen Balkan // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 42. Berlin, 1962.

Benac 1973a. – Benac A. Obre II. A Neolithic Settlement of the Butmir Group at Gornje Polje // Wissenschaftliche Mitteilungen des Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseums. 1973. Bd. 3A (combined ed. 1974).

Benac 1973b. – Benac A. Obre I. Neolitsko naselje Starčevačko-Impresso i Kakanjske kulture na Raskršcu // Glasnik Zemaljskog Muzeja. 1973. Vol. 5. № 27/28. P. 5–171.

Benac 1979. – Benac A. et al., eds. Praistorija Jugoslovenskikh Zemalja. Vol. 1–4. Sarajevo, 1979.

Berciu 1966. – Berciu D. Cultura Hamangia. Bucureşti: Academia Populare Romîne, 1966.

Berciu 1967. – Berciu D. Romania Before Burebista. London: Thames and Hudson, 1967.

Bernabó Brea 1957. – Bernabó Brea L. Sicily before the Greeks. Rev. ed. London: Thames and Hudson, 1957.

Bernabó Brea, Cavalier 1956. – Bernabó Brea L., Cavalier M. Civiltà preistoriche delle Isole Eolie e del territorio di Milazzo // Bollettino di Paletnologia Italiana. 1956. № 65. P. 1–99.

Bernabó Brea, Cavalier 1957. – Bernabó Brea L., Cavalier M. Stazioni preistoriche delle Isole Eolie // Bollettino di Paletnologia Italiana. 1957. № 66. P. 97–151.

Bernhard 1978. – Bernhard W. Anthropologie der Bandkeramik // Anthropologie 2 // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. Bd. 8b. Köln – Wien, 1978. S. 128–164.

Bocquet, Houot 1982. – Bocquet A., Houot A. La vie au Néolithique, Charavines, un village au bord d'un lac, il y a 5000 ans // Histoire et Archéologie. 1982. № 64.

Boessneck, Jéquier, Stampfli 1963. – Boessneck J., Jéquier J.P., Stampfli H.R. Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 3: Die Tierreste // Acta Bernensia 2. Bern: Stampfli und Cie, 1963.

Bintliff 1984. – Bintliff J. European Social Evolution. University of Bradford, 1984.

Bognár-Kutzián 1944, 1947. – Bognár-Kutzián I. The Körös Culture // Dissertationes Pannonicae (Budapest). 1944. Vol. 2; 1947. Vol. 26.

Bognár-Kutzián 1963. – Bognár-Kutzián I. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár-Basatanya. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963.

Bognár-Kutzián 1968. – Bognár-Kutzián I. The Early Copper Age in Hungary. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968.

Bognár-Kutzián 1972. – Bognár-Kutzián I. The Early Copper Age Tiszapolgár Culture in the Carpathian Basin. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.

Bogucki 1982. – Bogucki P. Early Neolithic Subsistence and Settlement in the Polish Lowlands // BAR International Series. 1982. № 150.

Bogucki 1984. – Bogucki P. Patterns of Animal Exploitation in the Early Neolithic of the Polish Lowlands // Animals and Archaeology. Husbandry in Europe / Ed. by. J.Clutton-Brock, C.Grigson // BAR International Series. 1984. № 227. P. 34–44.

Bogucki, Grygiel 1983. – Bogucki P., Grygiel R. Early Farmers of the North European Plain // Scientific American. 1983. Vol. 248. № 4. P. 104–112.

Böhm, DeLaet 1961. – Böhm J., DeLaet S.J. L'Europe à la fin de l'âge de la pierre // Actes du Symposium consacré aux problèmes du néolithique européen. Prague – Liblice – Brno, 5–12 Octobre, 1959. Praha, 1961.

Bökönyi 1970. – Bökönyi S. Animal Remains from Lepenski Vir // Science. 1970. № 167(3926). P. 1702–1704.

Bökönyi 1971. – Bökönyi S. The Development and History of Domestic Animals in Hungary // American Anthropologist. 1971. Vol. 73. № 3. P. 640–674.

Bökönyi 1974. – Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974.

Bökönyi 1976. – Bökönyi S. The Vertebrate Fauna of Anza // Neolithic Macedonia / Ed. by M.Gimbutas // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1976. № 1. P. 313–363.

Bökönyi 1986. – Bökönyi S. The Faunal Remains of Sitagroi // Excavations at Sitagroi, I / Ed. by C.Renfrew, M.Gimbutas, E.S.Elster // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1986. № 13. P. 63–133.

Bökönyi 1987. – Bökönyi S. Horses and Sheep in East Europe in the Copper and Bronze Ages // Proto-Indo-European: the Archaeology of a Linguistic Problem. Studies in Honor of Marija Gimbutas / Ed. by S.N.Skomal, E.C.Polomé. Washington: Institute for the Study of Man, 1987. P. 137–144.

Bökönyi 1989. – Bökönyi S. Animal Remains // Achilleion. A Neolithic Settlement in Thessaly, Greece. 6400–5600 B.C. / Ed. by M.Gimbutas, S.Winn, D.Shimabuku // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1989. № 14. P. 315–320.

Branigan 1984. – Branigan K. Early Minoan Society: The Evidence of the Mesara Tholoi Reviewed // Aux Origines de l'Hellénisme / Sous la dir. de C.Nicolet. Paris, 1984. P. 29–37.

Brennan 1983. – Brennan M. The Stars and the Stones: Ancient Art and Astronomy in Ireland. London: Thames and Hudson, 1983.

Broglio 1971. – Broglio A. Osservazioni sulle culture neolitiche del Veneto e del Trentino nel quadro del neolitico padano // Origini. 1971. № 5. P. 21.

Brønsted 1957. – Brønsted J. Danmarks oldtid. Vol. 1: Stone Age. København: Glydendal, 1957.

Brunnacker, Heim et al. 1967. – Brunnacker R., Heim B. et al. Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 4: Chronologie und Umwelt // Acta Bernensia 2. Bern: Stampfli und Cie, 1967.

Burgess, Topping, Mordant, Maddison, eds. 1988. – Burgess C., Topping P., Mordant C., Maddison M., eds. Enclosures and Defences in the Neolithic of Western Europe // BAR International Series. 1988. № 403.

Burl 1985. – Burl A. Megalithic Brittany: A Guide. London: Thames and Hudson, 1985.

Burnez-Lanotte 1987. – Burnez-Lanotte L. Le Chalcolithique moyen entre la Seine et le Rhin intérieur: Étude synthétique du rituel funéraire // BAR International Series. 1987. № 354.

Cameron 1981. – Cameron D.O. Symbols of Birth and Death in the Neolithic Era. London: Kenyon Deane, 1981.

Cann, Renfrew 1964. – Cann J.R., Renfrew C. The Characterization of Obsidian and Its Application to the Mediterranean Region // Proceedings of Prehistoric Society. 1964. № 30. P. 111–125.

Cassano, Manfredini 1983. – Cassano S.M., Manfredini A. Studi sul neolitico del Tavoliere della Puglia // BAR International Series. 1983. № 160.

Chapman 1981. – Chapman J. The Vinča Culture of Southeast Europe // BAR International Series. 1981. № 117.

Chapman 1983. – Chapman J. Meaning and Illusion in the Study of Burial in Balkan Prehistory // Ancient Bulgaria. Papers presented to the «International Symposium on the Ancient History and Archaeology of Bulgaria». University of Nottingham, 1981 / Ed. by A.G.Poulter. University of Nottingham, 1983. Part 1. P. 8.

Chernykh 1980. – Chernykh E.N. Metallurgical Provinces of the 5th – 2nd Millennia in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanization // Journal of Indo-European Studies. 1980. Vol. 8. № 3–4. P. 317–337.

Childe 1925. – Childe V.G. The Dawn of European Civilization. London: Kegan Paul, Trech, Trubner & Co., Ltd., 1925.

Childe 1958. – Childe V.G. The Prehistory of European Society. London: Penguin Books, 1958.

Chmielewski 1952. – Chmielewski W. Zagadnienie grobowców Kujawskich w świetle ostatnich badań. Łódź, 1952.

Cipolloni Sampò 1982. – Cipolloni Sampò M. Scavi nel villaggio neolitico di Rendina 1970 – 1976. Репринт: Origini. 1982. № 11.

Clark 1952. – Clark J.G.D. Prehistoric Europe. The Economic Basis. London: Methuen, 1952.

Clark 1966. – Clark J.G.D. Prehistoric Europe. Stanford University Press, 1966.

Clark, Piggott 1965. – Clark G., Piggott S. Prehistoric Societies. London: Hutchinson, 1965.

Clutton-Brock 1981. – Clutton-Brock J. Domesticated Animals from Early Times. London: Heinemann and British Museum (Natural History), 1981.

Clutton-Brock, Grigson, eds. 1984. – Clutton-Brock J., Grigson C., eds. Animals and Archaeology // BAR International Series. 1984. № 227.

Collins, ed. 1975. – Collins D., ed. The Origins of Europe. From New Studies in Archaeology and History. New York: Apollo Editions, 1975.

Comşa 1974. – Comşa E. Die Bestattungssitten im rumänischen Neolithikum // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1974. № 58. S. 113–156.

Constantin 1983. – Constantin C. Fin du Rubané. Céramique du Limbourg et Post-Rubané. Le néolithique le plus ancien en Bassin parisien et en Hainaut. 2 vols. Université de Paris, 1983.

Courtin 1974. – Courtin J. Le Néolithique de la Provence. Paris: Klincksieck, 1974.

Cremonesi 1965. – Cremonesi G. Il villaggio di Ripoli alla luce dei recenti scavi // Rivista di Scienze Preistoriche. 1965. № 20. P. 85–155.

Csálog 1959. – Csálog J. Die anthropomorphen Gefässe und Idolplastiken von Szegvár-Tüzköves // Acta Archaeologica (Budapest). 1959. № 11. P. 7–38.

Csálog 1972. – Csálog J. Thronende Frauen-Idol von Szegvár-Tüzköves // Idole, Prähistorische Keramiken aus Ungarn. Wien: Naturhistorisches Museum, 1972. S. 20–24.

Cucoş 1973. – Cucoş S. Un complex ritual cucutenian descoperit la Ghelaeşti (jud. Neamţ) // Studii şi Cercetari de Istorie Veche (Bucureşti). 1973. Vol. 24. № 2. P. 207.

Dames 1976. – Dames M. The Silbury Treasure. The Great Goddess Rediscovered. London: Thames and Hudson, 1976.

Dames 1977. – Dames M. The Avebury Cycle. London: Thames and Hudson, 1977.

D'Anna 1977. – D'Anna A. Les statues-menhirs et stèles anthropomorphes du midi méditerranéen. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1977.

Daniel 1980. – Daniel G. Megalithic Monuments // Scientific American. 1980. July. P. 78–90.

Daniel, Kjaerum, eds. 1973. – Daniel G., Kjaerum P., eds. Megalithic Graves and Ritual. København, 1973.

DeLaet 1967. – DeLaet S.J. La préhistoire de l'Europe. Bruxelles: E.Meddens, 1967.

DeLaet, ed. 1976. – DeLaet S.J., ed. Acculturation and Continuity in Atlantic Europe, Mainly During the Neolithic Period and the Bronze Age. Papers presented at the 4th Atlantic Colloquium, Ghent, 1975. Vol. 16. Bruges: De Tempel, 1976.

Delano-Smith 1979. – Delano-Smith C. Western Mediterranean Europe. London; New York: Academic Press, 1979.

Demeo 1991. – Demeo J. The Origins and Diffusion of Patrism in Saharasia, c. 4000 BC: Evidence for a Worldwide, Climate-linked Geographical Pattern in Human Behavior // World Futures. 1991. № 30. P. 247–271.

Demoule, Guilaine, eds. 1986. – Demoule J.P., Guilaine J., eds. Le Néolithique de la France. Hommage à G.Bailloud. Paris: Picard, 1986.

Dennell 1978. – Dennell R. Early Farming in South Bulgaria from the VI to the III Millennia B.C. // BAR International Series. 1978. № 45.

Dennell 1983. – Dennell R. European Economic Prehistory. London: Academic Press, 1983.

De Valera, O'Nualláin 1961–1982. – De Valera R., O'Nualláin S. Survey of the Megalithic Tombs of Ireland. Vol. 1, 1961; Vol. 2, 1964; Vol. 3, 1972; Vol. 4, 1982. Dublin: Stationery Office, 1961–1982.

Dimitrijević 1969. – Dimitrijević S. Starčevačka kultura u Slavonsko-srijemskom prostoru i problem prijelaza ranog u srednji neolit u srpskom i hrvatskom podunaviju. Vukovar: Gradski Muzej, 1969.

Dixon, Cann, Renfrew 1968. – Dixon J.E., Cann J.R., Renfrew C. Obsidian and the Origins of Trade // Scientific American. 1968. Vol. 218. № 3. P. 38–46.

Dombay 1960. – Dombay J. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövárkony // Archaeologia Hungarica (Budapest). 1960. № 37.

Driehaus 1960. – Driehaus J. Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1960.

Dumitrescu 1952–1959. – Dumitrescu H. Reports on the Excavations of the Cucuteni Site at Traian // Studii şi Cercetari de Istorie Veche. 1952. № 3. P. 121–140· 1953. № 4. P. 45–68; 1954. № 5. P. 35–68; 1955. № 6. P. 459–486; Materiale şi Cercetari Arheologice. 1957. № 3. P. 115–128; 1959. № 5. P. 189–202.

Dumitrescu 1968. – Dumitrescu H. Un modèle de sanctuaire découvert dans la station énéolithique de Căscioarele // Dacia. 1968. № 12. P. 381–394.

Dumitrescu 1945. – Dumitrescu V. La station préhistorique de Traian: fouilles de 1936, 1938, et 1940. Репринт: Dacia. 1941–1944. № 9–10.

Dumitrescu 1954. – Dumitrescu V. Hăbăşeşti. Bucharest: Institute of Archaeology, 1954.

Dumitrescu 1963. – Dumitrescu V. La civilisation de Cucuteni // Berichten van de rijksdienst voor het outheidkundig bodemonderzoek (Leiden). 1963. № 9. P. 7–48.

Dumitrescu 1965. – Dumitrescu V. Căscioarele // Archaeology. 1965. № 18. P. 34.

Dumitrescu 1968. – Dumitrescu V. L'art néolithique en Roumanie. Bucureşti: Meridiane, 1968.

Dumitrescu 1970. – Dumitrescu V. Edifice destiné au culte découvert dans la couche Boian-Şpanţov de la station-tell de Căscioarele // Dacia. 1970. № 15. P. 5–24.

Dumitrescu 1979. – Dumitrescu V. Arta Culturii Cucuteni. Bucureşti: Meridiane, 1979.

Dumitrescu 1980. – Dumitrescu V. The Neolithic Settlement at Rast // BAR International Series. 1980. № 72.

Ecsedy 1979. – Ecsedy I. The People of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979.

Efstratiou 1985. – Efstratiou N. Agios Petros: A Neolithic Site in the Northern Sporades // BAR International Series. 1985. № 241.

Ehrich, ed. 1965. – Ehrich R.W., ed. Chronologies in Old World Archaeology. University of Chicago Press, 1965. 3d. ed. 1991.

Ehrich, Pleslová 1968. – Ehrich R.W., Pleslová E. Homolka: An Eneolithic Site in Bohemia. Praha: Akademia, 1968.

Eisler 1987. – Eisler R. The Chalice and the Blade: Our History, Our Future. San Francisco: Harper and Row, 1987.

Ellis 1984. – Ellis L. The Cucuteni-Tripolye Culture // BAR International Series. 1984. № 217.

Eogan 1985. – Eogan G. Knowth and the Passage-tombs of Ireland. London: Thames and Hudson, 1985.

Escalon de Fonton 1956. – Escalon de Fonton M. Préhistoire de la Basse-Provence // Préhistoire (Paris). 1956. № 12. P. 1–159.

Evans 1959. – Evans J.D. Malta. Ancient Peoples and Places. London: Thames and Hudson, 1959.

Evans 1964. – Evans J.D. Excavation in the Neolithic Settlement at Knossos // Bulletin of the Institute of Archaeology. Vol. 4. London, 1964.

Evans 1971a. – Evans J.D. The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands: A Survey. London: The Athlone Press, 1971.

Evans 1971b. – Evans J.D. Neolithic Knossos: The Growth of a Settlement // Proceedings of Prehistoric Society. 1971. № 37. P. 95–117.

Evans, Renfrew 1968. – Evans J.D., Renfrew C. Excavations at Saliagos. London: Thames and Hudson, 1968.

Farruggia, Kuper, Lüning, Stehli 1973. – Farruggia J.-P., Kuper R., Lüning J., Stehli P. Der bandkeramische Siedlungsplatz Langweiler 2, Gemeinde Aldenhoven, Kreis Düren // Rheinische Ausgrabungen. Bd. 13. Bonn, 1968.

Ferguson, Huber, Suess 1966. – Ferguson C.W., Huber B., Suess H.E. Determination of the Age of Swiss Lake Dwellings As an Example of Dendrochronologically Calibrated Radiocarbon Dating // Zeitschrift für Naturforschung. 1966. Band 21a. Heft 7. P. 1173–1177.

Ferguson, Gimbutas, Suess 1976. – Ferguson C.W., Gimbutas M., Suess H. Historical Dates for Neolithic Sites of Southeast Europe // Science. 1976. № 191. P. 1170–1172.

Fernandes-Miranda 1983. – Fernandes-Miranda M. Neolitizacion en la peninsula Iberica // Actes du Colloque, «Premières commenautés paysannes in Méditerranée occidentale». Montpellier, 1983.

Fiala, Hoernes 1898. – Fiala F., Hoernes M. Die neolithische Station von Butmir. T. 2. Wien: Verlag von Adolf Holzhausen, 1898.

Fischer 1956. – Fischer U. Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet. Berlin, 1956.

Fraser 1983. – Fraser D. Land and Society in Neolithic Orkney, 2 // BAR British Series. 1983. № 356.

Gallay 1966. – Gallay A. Nouvelles recherches dans la station néolithique d'Auvernier // Ur-Schweiz (Basel). 1966. № 30.

Gallay 1975. – Gallay A. La Dynamique du peuplement néolithique Suisse // Bulletin d'Études préhistoriques alpines. 1975. № 7. P. 6–20.

Gallay 1977. – Gallay A. Le Néolithique Moyen du Jura et des plaines de la Saône. Frauenfeld: Verlag Huber, 1977.

Garašanin, Sanev, Simoska, Kitanovski 1971. – Garašanin M., Sanev V., Simoska D., Kitanovski B. Les Civilisations Préhistoriques de la Macédoine. Štip, 1971.

Gejvall 1969. – Gejvall N.G. Lerna, a Preclassical Site in the Argolid. 1: The Fauna. Princeton University Press, 1969.

Georgiev 1961. – Georgiev G.I. Kulturgruppen der Jungsteinzeit und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961. P. 45–100.

Georgiev 1967. – Georgiev G.I. Beiträge zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Südbulgarien // Archaeologia Austriaca. 1967. Vol. 41. № 2. P. 90–144.

Gerdsen 1987. – Gerdsen H. Die «Grossen Steine» von Kleinenkneten. Zwei Grossesteingräber bei Wildeshausen. Landkreis Oldenburg. Wildeshausen, 1987.

Gimbutas 1972. – Gimbutas M. Neolithic Cultures of the Balkan Peninsula // Aspects of the Balkans: Continuity and Change / Ed. by H.Birnbaum, S.Vryonis. The Hague; Paris: Mouton, 1972.

Gimbutas 1973a. – Gimbutas M. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies. 1973. Vol. 1. № 2. P. 163–215.

Gimbutas 1973b. – Gimbutas M. Old Europe c. 7000–3500 B.C.: The Earliest European Civilization before the Infiltration of the Indo-European Peoples // Journal of Indo-European Studies. 1973. № 1. P. 1–20.

Gimbutas 1974a. – Gimbutas M. Balkans, History of // Encyclopaedia Britannica. 15th ed.

Gimbutas 1974b. – Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe: 7000–3500 B.C. London: Thames and Hudson; Berkeley: University of California Press, 1974.

Gimbutas 1977. – Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // Journal of Indo-European Studies. 1977. Vol. 4. № 2. P. 277–339.

Gimbutas 1979. – Gimbutas M. The Three Waves of the Steppe People into East Central Europe // Archives Suisses d'Anthropologie Générale. 1979. Vol. 43. № 2. P. 113–137.

Gimbutas 1980a. – Gimbutas M. The Kurgan Wave № 2 into Europe and the Following Transformation of Culture // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8. P. 273–317.

Gimbutas 1980b. – Gimbutas M. The Temples of Old Europe // Archaeology. 1980. Vol. 33. № 6. P. 41–50.

Gimbutas 1986. – Gimbutas M. Remarks on the Ethnogenesis of the Indo-Europeans in Europe // Ethnogenese europäischer Völker / Ed. by Bernhard & Kandler-Pálsson. Stuttgart – New York: Gustav Fischer Verlag, 1986. P. 5–20.

Gimbutas 1989. – Gimbutas M. The Language of the Goddess. San Francisco: Harper & Row, 1989.

Gimbutas, ed. 1976. – Gimbutas M., ed. Neolithic Macedonia (As Reflected by Excavations at Anza, Ovče Polje) // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1976. № 1.

Gimbutas, Shimabuku, Winn 1989. – Gimbutas M., Shimabuku D., Winn S. Achilleion. A Neolithic Settlement in Thessaly, Northern Greece. 6400–5600 B.C. // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1989. № 14.

Giot 1960. – Giot P.R. Brittany // Ancient Peoples and Places. Vol. 13. London: Thames and Hudson, 1960.

Giot 1980. – Giot P.R. Barnenez, Carn, Guennoc. Rennes, 1980.

Giot 1981. – Giot P.R. The Megaliths of France // The Megalithic Monuments of Western Europe / Ed. by C.Renfrew. London: Thames and Hudson, 1981. P. 18–290.

Giot, L'Helgouach, Monnier 1979. – Giot P.R., L'Helgouach J., Monnier J.L. Préhistoire de la Bretagne. Rennes, 1979.

Göttner-Abendroth 1982. – Göttner-Abendroth H. Die Tanzende Göttin. Prinzipien einer matriarchalen Ästhetik. München: Frauenoffensive, 1982.

Göttner-Abendroth 1983. – Göttner-Abendroth H. Die Göttin und ihr Heros. Die matriarchalen Religionen in Mythos,

Märchen und Dichtung. 3rd ed. München: Frauenoffensive, 1983.

Gonzenbach 1949. – Gonzenbach V. von. Die Cortaillodkultur in der Schweiz // Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz. 1949. Vol. 7.

Grbić et al. 1960. – Grbić M. et al. Porodin, Kasnoneolitsko naselje na Tumbi kod Bitolja. Bitola, 1960.

Greenfield 1988. – Greenfield H.J. The Origins of Milk and Wool Production from the Central Balkans // Current Anthropology. 1988. № 29. P. 573–593.

Grimm 1938. – Grimm P. Die Salzmünder Kultur in Mitteldeutschland // Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Thüringischen Länder. 1938. № 29. P. 1–104.

Grygiel 1986. – Grygiel R. The Household Cluster As a Fundamental Social Unit of The Brześć Kujawski Group of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łódzi. 1986. № 31. P. 43–271.

Guilaine 1974. – Guilaine J. La Balma de Montbolo et Néolithique de l'Occident méditerranéen. Toulouse: Institut pyrénéen d'études anthropologiques, 1974.

Guilaine, ed. 1976a. – Guilaine J., ed. La Préhistoire Française. 2: Civilisations Néolithiques et Protohistoriques. Paris: Centre National Res. Sc., 1976.

Guilaine, ed. 1976b. – Guilaine J., ed. Premiers bergers et paysans de l'Occident Méditerranéen // Civilisations et Sociétés. T. 58. The Hague; Paris: Mouton, 1976.

Guilaine 1979. – Guilaine J. The Earliest Neolithic in the West Mediterranean: A New Appraisal // Antiquity. 1979. № 53. P. 22–29.

Guyan 1955. – Guyan W. Das jungsteinzeitliche Moordorf von Thayngen-Weier // Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz. Bd. 2. Basel: Birkhäuser Verlag, 1955.

Guyan, ed. 1955. – Guyan W., ed. Das Pfahlbauproblem. Basel: Birkhausen, 1955.

Haarmann 1989. – Haarmann H. Writing from Old Europe // Journal of Indo-European Studies. 1989. № 17.

Haarmann 1990. – Haarmann H. Universalgeschichte der Schrift. Frankfurt – New York: Campus Verlag, 1990.

Hamond 1981. – Hamond F. The Colonisation of Europe: The Analysis of Settlement Processes // Pattern of the Past: Studies in Honour of David Clarke / Ed. by I.Hodder, G.Isaac, N.Hammond. Cambridge University Press, 1981. P. 211–278.

Hauptmann, Milojčić 1969. – Hauptmann H., Milojčić V. Die Funde der frühen Dimini-Zeit aus der Arapi-Magula, Thessalien. Bonn, 1969.

Hawkes 1940. – Hawkes Ch. The Prehistoric Foundation of Europe. London: Methuen and Co., 1940.

Hawkes 1968. – Hawkes J. The Proper Study of Mankind // Antiquity. 1968. № 42. P. 255–262.

Hawkes 1969. – Hawkes J. Dawn of the Gods: Minoan and Mycenaean Origins of Greece. New York: Random House, 1969.

Hedges 1983. – Hedges J.W. Isbister. A Chambered Tomb in Orkney // BAR International Series. 1983. № 115.

Hedges 1984. – Hedges J.W. Tomb of the Eagles. London: J.Murray, 1984.

Heggie 1981. – Heggie D.C. Megalithic Science. Ancient Mathematics and Astronomy in Northwest Europe. London: Thames and Hudson, 1981.

Hensel, Wiślański, eds. 1979. – Hensel W., Wiślański T., eds. Prahistoria Ziem Polskich. Neolit. Wrocław: Ossolineum, 1979.

Henshall 1963. – Henshall A.S. The Chambered Tombs of Scotland. Vol. 1. Edinburgh University Press, 1963.

Henshall 1972. – Henshall A.S. The Chambered Tombs of Scotland. Vol. 2. Edinburgh University Press, 1972.

Herity 1974. – Herity M. Irish Passage Graves. Neolithic Tomb-Builders in Ireland and Britain, 2500–2000 B.C. Dublin: Irish University Press; New York: Barnes and Noble, 1974.

Herity, Eogan 1977. – Herity M., Eogan G. Ireland in Prehistory. London: Routledge & Kegan Paul, 1977.

Higgs, ed. 1975. – Higgs E.S., ed. Paleoeconomy. London: Cambridge University Press, 1975.

Höckmann 1975. – Höckmann O. Das Neolithikum Südosteuropas und des südöstlichen Mitteleuropa // Handbuch der Urgeschichte 2 / Ed. by K.J.Narr. Bern: Franke Verlag, 1975. S. 161–197.

Howell 1983. – Howell J.M. Settlement and Economy in Neolithic Northern France // BAR International Series. 1983. № 157.

Ivanov 1978. – Ivanov I.S. Les fouilles archéologiques de la nécropole chalcolithique à Varna, 1972–1975 // Studia Praehistorica (Sofia). 1978. № 1–2. P. 13–27.

Jarman, Jarman 1968. – Jarman M.R., Jarman H.N. The Fauna and Economy of Early Neolithic Knossos // Annual of the British School of Archaeology at Athens. 1968. № 63. P. 241–264.

Jażdżewski 1936. – Jażdżewski K. Kultura pucharów lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej (Die Trichterbecherkultur in West- und Mittelpolen). Łódź, 1936.

Jones 1987. – Jones G.D.B. Apulia. Vol. 1. Neolithic Settlement in the Tavoliere. Society of Antiquaries Research Report 44. London: Thames and Hudson, 1987.

Joassaume 1987. – Joassaume E. Dolmen for the Dead. Batsford: Hatchette, 1987.

Jovanović 1969. – Jovanović B. Chronological Frames of the Iron Gate Group of the Early Neolithic Period // Archaeologia Iugoslavica. 1969. № 10. P. 23–38.

Jovanović 1978a. – Jovanović B. Early Gold and Eneolithic Copper Mining and Metallurgy of the Balkans and Danube Basin // Studia Praehistorica (Sofia). 1978. № 1–2. P. 192–197.

Jovanović 1978b. – Jovanović B. The Oldest Copper Metallurgy in the Balkans // Expedition (Philadelphia). 1978. Vol. 21. № 1. P. 9–19.

Jovanović 1980. – Jovanović B. The Origins of Copper Mining in Europe // Scientific American. 1980. Vol. 242. № 5. P. 152–168.

Jovanović 1982. – Jovanović B. Rudna Glava. Najstarije rudarstvo bakra na centralnom Balkanu. Bor – Beograd, 1982.

Kaelas 1956. – Kaelas L. Dolmen und Ganggräber in Schweden // Offa. 1956. № 15. P. 5–24.

Kaelas 1981. – Kaelas L. Megaliths of the Funnel Beaker Culture in Germany and Scandinavia // The Megalithic Monuments of Western Europe / Ed. by C.Renfrew. 2nd ed. London: Thames and Hudson, 1981. P. 77–91.

Kalicz 1970. – Kalicz N. Dieux d'argile. Budapest: Corvina, 1970.

Kalicz 1985. – Kalicz N. Kökorifalu Aszódon. Aszód: Petőfi Múzeum, 1985.

Kalicz, Makkay 1972. – Kalicz N., Makkay J. Gefässe mit Gesichtsdarstellungen der Linienbandkeramik in Ungarn // Idole, prähistorische Keramiken aus Ungarn. Naturhistorisches Museum, N.F. (Wien). 1972. № 7. P. 9–15.

Kalicz, Makkay 1977. – Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.

Kandyba 1937. – Kandyba O. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes // Bücher zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 5. Wien; Leipzig, 1937.

Kinnes 1981. – Kinnes I. Dialogues With Death // The Archaeology of Death / Ed. by R.Chapman, K.Randsborg. London: Cambridge University Press, 1981.

Korošec 1959. – Korošec J. Prehistorijska glinena plastika u Jugoslaviji (Prehistoric Plastic Art in Yugoslavia) // Arheol. Radovi i Rosprave I (Ljubljana). 1959. Vol. I. P. 61–117.

Korošec 1964. – Korošec J. Danilo i Danilska Kultura. Ljubljana, 1964.

Kruk 1980. – Kruk J. The Neolithic Settlement of Southern Poland / Ed. by J.M.Howell, N.J.Starling // BAR International Series. 1980. № 93.

Lamberg-Karlovsky, ed. 1972. – Lamberg-Karlovsky C.C., ed. Old World Archaeology: Foundations of Civilization. Readings from Scientific American. San Francisco: W.H.Freeman and Co., 1972.

Lambert 1973. – Lambert M. Cave Kitsos // Bulletin of the Hellenic Correspondence. 1973. Vol. 97. № 2. P. 413–463.

Lanfranchi, Weiss 1973. – Lanfranchi Fr. de, Weiss M.-C. La Civilisation des Corses. Les origines. Ajaccio: Editions Cyrnos et Méditerranée, 1973.

Larsson 1978. – Larsson L. Ageröd I:B – Ageröd I:D. A Study of Early Atlantic Settlement in Scania // Acta Archaeologica Lundensia. 1978. № 12.

Larsson 1985. – Larsson L. The Early Neolithic Funnel-Beaker Culture in Southwest Scania, Sweden. Social and Economic Change, 3000–2500 B.C. // BAR International Series. 1985. № 264.

Lazarovici 1979. – Lazarovici G. Neoliticul Banatului. Cluj: Napoca, 1979.

Leisner, Leisner 1943. – Leisner G., Leisner V. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. 1: Der Süden. Berlin: Walter de Gruyter, 1943.

Leisner, Leisner 1956, 1959. – Leisner G., Leisner V. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. 2: Der Westen. Berlin: Walter de Gruyter, 1956, 1959.

Leisner 1965. – Leisner V. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Westen. Berlin: Walter de Gruyter, 1965.

Leisner, Zbyszewski, Ferreira 1969. – Leisner V., Zbyszewski G., Ferreira V. Les Monuments préhistoriques de Praia das Macas et de Casainhos // Services Geologicos de Lisboa. Lisboa, 1969.

Le Rouzic 1930. – Le Rouzic Z. Les cromlechs de Er, Lannic. Vannes, 1930.

Le Roux 1981. – Le Roux C.T. Circonscription de Bretagne // Gallia Préhistoire. 1981. № 24. P. 395–423.

Le Roux 1985. – Le Roux C.T. Gavrinis et les îles du Morbihan. Les mégalithes du golfe // Guides Archéologiques de la France. Rouen: Impr. National, 1985.

L'Helgouach 1965. – L'Helgouach J. Les sépultures mégalithiques en Armorique, dolmens à couloir et allées couvertes. Rennes, 1965.

L'Helgouach 1976. – L'Helgouach J. Les civilisations néolithiques en Armorique // La Préhistoire Française. 2. Civilisations Néolithiques et Protohistoriques. Paris, 1976. P. 365–374.

Lichardus 1986. – Lichardus J. Le rituel funéraire de la culture de Michelsberg, dans la région du Rhin supérieur et moyen // Le Néolithique de la France / Sous la dir. d J.-P.Demoule, J.Guilaine. Paris, 1986. P. 343–359.

Lichardus, Vladár 1970. – Lichardus J., Vladár J. Neskorc lengyelské sídliškové hrobové nálezy z Nitry // Slovenská A cheológia. 1970. Vol. 18. № 2. P. 373–421.

Lichardus, Lichardus-Itten, Bailloud, Cauvin 1985. – L chardus J., Lichardus-Itten M., Bailloud G., Cauvin J. La Prc tohistoire de l'Europe: Le Néolithique et le Chalcolithique er tre la Méditerranée et la mer Baltique. Paris: Nouvelle Clio, 198:

Lüning 1968. – Lüning J. Die Michelsberger Kultur. Ihr Funde in zeitlicher und räumlicher Gliederung // Berichten de Römisch-Germanischen Kommission. 1968. № 48.

Lüning 1982. – Lüning J. Research Into the Bandkerami Settlement of the Aldenhovener Platte in the Rhein land // Analecta Praehistorica Leidensia. 1982. № 15. P. 1–2

Lüning 1982. – Lüning J. Siedlung und Siedlungslandscha in Bandkeramischer und Rössener Zeit // Offa. 1982. № 3 P. 9–33.

MacKje 1977. – MacKje E. The Megalith Builders. Oxforc Phaidon, 1977.

Madsen 1979. – Madsen T. Earthen Long Barrows and Tim ber Structures: Aspects of the Early Neolithic Mortuary Prac tice in Denmark // Proceedings of Prehistoric Society. 197 № 45. P. 301–320.

Malmer 1962. – Malmer M. Jung-neolithisch Studien // Acta Archaeologica Lundensia. 1962. № 36.

Mallory 1989. – Mallory J.P. In Search of the Indo-Europe ans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames an Hudson, 1982.

Manfredini 1972. – Manfredini A. Il villaggio trincerato d Monte Acquilone el quadro del Neolitico dell'Itali meridionale // Origini. 1972. № 6. P. 29–154.

Marinatos 1984. – Marinatos N. Art and Religion in Thera Reconstructing Bronze Age Society. Athens: Mathioulakis 1984.

Marinescu-Bîlcu 1974. – Marinescu-Bîlcu S. Cultura Pre cucuteni pe Teritoriul Romîniei. Bucureşti: Institutul de Arhe ologie, 1974.

Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B. 1968 – Marinescu-Bîlcu S. Ionescu B. Catalogue sculpturilor eneolitice din Muzeul raio nal Oltenița. Oltenița, 1968.

Markotić 1984. – Markotić V. The Vinča Culture. Calgary Western Publishers, 1984.

Marković 1985. – Marković C. Neolit Crne Gore (Th Neolithic of Montenegro). Beograd, 1985.

Mataşă 1946. – Mataşă C. Frumuşica. Village préhistoriqu à céramique peinte dans la Moldavia du Nord. Bucureşti, 1946

Mataşă 1964. – Mataşă C. Asezarea eneolitica Cucuteni I de la Tîrgu Ocna-Podei (raionul Tîrgu Ocna, reg Bacău) // Arheologia Moldovei (Bucureşti). 1964. № 2–3 P. 166.

McPherron, Srejović, eds. 1988. – McPherron A. Srejović D., eds. Divostin and the Neolithic of Central Serbia University of Pittsburg; National Museum, Kragujevac, 1988.

Meaden 1991. – Meaden G.T. Goddess of the Stones: Th Language of the Megaliths / Foreword by M.Gimbutas. Lon don: Souvenir Press, 1991.

Meisenheimer 1989. – Meisenheimer M. Das Totenritua geprägt durch Jenseitsvorstellungen und Gesellschaftsrealität Theorie des Totenrituals eines kupferzeitlichen Friedhof Tiszapolgár-Basatanya (Ungarn) // BAR International Series 1989. № 475.

Mellaart 1962. – Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük. Second Preliminary Report // Anatolian Studies. 1962. № 13.

Mellaart 1963. – Mellaart J. Deities and Shrines of Neolithic Anatolia // Archaeology. 1963. Vol. 16. № 1. P. 29–38.

Mellaart 1964. – Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük. Third Preliminary Report // Anatolian Studies. 1963. № 14.

Mellaart 1967. – Mellaart J. Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia. New York: McGraw-Hill, 1967.

Mellaart 1969. – Mellaart J. Prehistory of Anatolia and Its Relations with the Balkans // Symposium International sur l'Ethnogenèse des Balkaniques. Plovdiv, 1969.

Mellaart 1970. – Mellaart J. Excavations at Hacilar. Vol. 1 (text); Vol. 2 (illustrations). Edinburgh University Press, 1970.

Mellaart 1975. – Mellaart J. The Neolithic of the Near East. New York: Scribner, 1975.

Mellaart, Hirsch, Balpinar 1989. – Mellaart J., Hirsch U., Balpinar B. The Goddess from Anatolia. Vol. 1–4. Milan: Eskenázi, 1989.

Mellars, ed. 1978. – Mellars P.A., ed. The Early Postglacial Settlement of Northern Europe. London: Duckworth, 1978.

Midgley 1985. – Midgley M.S. The Origin and Function of the Earthen Long Barrows of Northern Europe // BAR International Series. 1985. № 259.

Milisauskas 1978. – Milisauskas S. European Prehistory. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1978.

Milisauskas, Kruk 1984. – Milisauskas S., Kruk J. Settlement Organization and the Appearance of Low Level Hierarchical Societies During the Neolithic in the Bronocice Microregion, Southeastern Poland // Germania. 1984. № 64. S. 1–30.

Milisauskas, Kruk 1989. – Milisauskas S., Kruk J. Neolithic Economy in Central Europe // Journal of World Prehistory. 1989. Vol. 3. № 4. P. 403–446.

Milojčić, Boessneck, Hopf 1962. – Milojčić V., Boessneck J., Hopf M. Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa Magula in Thessalien // Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bonn, 1962.

Milojčić, Milojčić von Zumbusch 1971. – Milojčić V., Milojčić von Zumbusch J. Die deutschen Ausgrabungen auf der Otzaki-Magula in Thessalien // Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bonn, 1971.

Modderman 1958–1959. – Modderman P.J.G. Die geographische Lage der bandkeramischen Siedlungen in den Niederlanden // Palaeohistoria (Groningen). 1958 – 1959. № 6–7. S. 1–232.

Modderman 1970. – Modderman P.J.G. Linearbandkeramik aus Elsloo und Stein. Den Haag: Staatsuitgeverij, 1970; Analecta Praehistorica Leidensia. 1970. № 3.

Modderman 1971. – Modderman P.J.G. Neolithische und frühbronzezeitliche Siedlungsspuren aus Hienheim Landkr. Kelheim // Analecta Praehistorica Leidensia. 1971. № 4.

Müller-Beck 1961. – Müller-Beck H. Prehistoric Swiss Lake Dwellers // Scientific American. 1961. Vol. 205. № 6. P. 138–147.

Müller-Beck 1965. – Müller-Beck H. Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 5: Holzgeräte und Holzbearbeitung // Acta Bernensia 2. Bern: Stampfli und Cie, 1965.

Müller-Karpe 1968. – Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte 2: Jungsteinzeit. München: C.H.Beck, 1968.

Müller-Karpe 1974. – Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte 3: Kupferzeit. München: C.H.Beck, 1974.

Muñoz 1965. – Muñoz A.M. La Cultura Neolítica Catalana de los «Sepulcros de Fosa» // Publicaciones Eventuales (Barcelona). 1965. № 9.

Murray 1970. – Murray J. The First European Agriculture. Edinburgh University Press, 1970.

Nandris 1970. – Nandris J. The Development and Relationships of the Earlier Greek Neolithic // Man. 1970. Vol. 15. № 2. P. 192–213.

Nemeskéri 1978. – Nemeskéri J. Demographic Structure of the Vlasac Epipaleolithic Population // Vlasac, Mezolitsko naselje u Djerdapu, 1 / Ed. by M.Garašanin. Beograd, 1978. P. 97–133.

Necrasov 1981. – Necrasov O. Les populations de la période de transition du Néo-Enéolithique à l'âge du Bronze romaine et leurs particularités anthropologiques // Anthropologie et Archéologie: les cas de premiers âges des Metaux // Actes du Symposium de Sils-Maria, 25–30 septembre 1979 / Sous la dir. de R.Menk, A.Gallay. Genève, 1981.

Nica 1977. – Nica M. Nouvelles données sur le Néolithique ancien d'Olténie // Dacia. 1977. № 21. P. 13–53.

Nielsen 1985. – Nielsen P.O. The First Farmers from the Early TRB Culture at Sigerstad // Tilegnet Carl Johan Becker. Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1984. København, 1985.

Nosek 1967. – Nosek S. Kultura amfor kulistych w Polsce. Wrocław – Warszawa – Kraków: Ossolineum, 1967.

Nosek, ed. 1964. – Nosek S., ed. Studia i materiały do badań nad neolitem małopolski. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1964.

Novotný 1958. – Novotný B. Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1958.

Novotný 1962. – Novotný B. Lužianska Skupina a počiatky malovanej keramiky na Slovensku. Bratislava, 1962.

O'Kelly 1982. – O'Kelly M.J. Newgrange. Archaeology, Art, and Legend. London: Thames and Hudson, 1982.

O'Kelly 1989. – O'Kelly M.J. Early Ireland. London: Cambridge University Press, 1989.

Olària 1988. – Olària C. Cova Fosca. Un asentamiento mesoneolítico de cazadores y pastores en la serrania del Alto Maestrazgo, Castellon // Monografíes de Prehistoria y Arqueologia Castellonenques. 1988. Vol. 3.

Papadopoulos, ed. 1973. – Papadopoulos S. A., ed. Neolithic Greece. Athens: National Bank of Athens, 1973.

Papathanassopoulos 1981. – Papathanassopoulos G. Neolithic and Cycladic Civilization. Athens: National Archaeological Museum («Melissa» Publishing House), 1981.

Pape 1979. – Pape W. Histogramme neolithischer C 14-Daten // Germania. 1979. № 57. S. 1–51.

Pavúk 1991. – Pavúk J. Lengyel-culture fortified settlements in Slovakia // Antiquity. 1991. № 65. P. 348–357.

Peroni 1963. – Peroni R. La Romita di Asciano (Pisa). Riparo sotto roccia utilizzato dell'età neolitica alia barbarica // Bollettino Preistoriche Italiano. 1963. № 71–72. P. 251–442.

Pétrequin, Piningre 1976. – Pétrequin P., Piningre J.-F. Les sépultures collectives mégalithiques de Franche-Comté // Gallia Préhistoire. 1976. № 19. P. 287–394.

Petrescu-Dîmboviţa 1963. – Petrescu-Dîmboviţa M. Die wichtigsten Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen in der neolithischen Siedlung von Truşeşti (Moldau) // Prähistorische Zeitschrift (Berlin). 1963. № 51. S. 172–186.

Petrescu-Dîmboviţa 1966. – Petrescu-Dîmboviţa M. Cucuteni. Monumentele Patriei Nostre. Bucureşti, 1966.

Petrescu-Dîmboviţa et al., eds. 1987. – Petrescu-Dîmboviţa M. et al., eds. La civilisation de Cucuteni en contexte européen. Iaşi: Université Al.I.Cuza, 1987.

Phillips 1975. – Phillips P. Early Farmers of West Mediterranean Europe. London: Hutchinson, 1975.

Phillips 1980. – Phillips P. The Prehistory of Europe. Chap. 5: The Neolithic. London: Allen Lane, 1980.

Phillips 1982. – Phillips P. The Middle Neolithic in Southern France: Chasséen Farming and Culture Process // BAR International Series. 1982. № 142.

Piggott 1954. – Piggott S. The Neolithic Cultures of the British Isles. London: Cambridge University Press, 1954.

Piggott 1955. – Piggott S. Windmill–East or West? // Proceedings of Prehistoric Society. 1955. № 21. P. 96–102.

Piggott 1962. – Piggott S. The West Kennet Long Barrow. London: Her Majesty's Stationery Office, 1962.

Piggott 1965. – Piggott S. Ancient Europe, from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. University of Chicago Press, 1965.

Piggott 1982. – Piggott S. Scotland Before History. Edinburgh University Press, 1982.

Piggott 1983. – Piggott S. The Earliest Wheeled Transport: From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London: Thames and Hudson, 1983.

Piggott, Daniel, McBurney, eds. 1974. – Piggott S., Daniel G., McBurney C., eds. France Before the Romans. Park Ridge, N.J.: Noyes Press, 1974.

Pittioni 1954. – Pittioni R. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien: Denticke, 1954.

Prendi 1966. – Prendi F. La civilisation préhistorique de Malik // Studia Albanica (Tirana). 1966. № 1. P. 255–272.

Prendi 1972. – Prendi F. Traits du Néolithique Recent en Albanie à la lumière de nouvelles découvertes (La civilisation Maliq-Kamnik) // Studia Albanica (Tirana). 1972. Vol. 9. № 1. P. 1–13.

Preuss 1966. – Preuss J. Die Baalberger Gruppe im Mitteldeutschland // Publikationen des Landesmuseums für Vorgeschichte, Halle. Bd. 21. Berlin, 1966.

Raczky, ed. 1987. – Raczky P., ed. The Late Neolithic of the Tisza Region. Budapest – S. Szolnok: Kossuth Press, 1987.

Radymský, Hoernes 1895. – Radymský W., Hoernes M. Die neolithische Station von Butmir, Teil 1. Wien: Verlag von Adolf Holzhausen, 1895.

Radmilli 1962. – Radmilli A. Piccolo guida della preistoria italiana. Firenze: Sansoni, 1962.

Reed, ed. 1978. – Reed C.A., ed. Origins of Agriculture. The Hague; Paris: Mouton, 1978.

Renfrew 1969. – Renfrew C. The Autonomy of the Southeast European Copper Age // Proceedings of Prehistoric Society. 1969. № 35. P. 12–47.

Renfrew 1972. – Renfrew C. The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B.C. London: Methuen, 1972.

Renfrew 1973. – Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. New York: Knopf, 1973.

Renfrew et al. 1973. – Renfrew C. et al. The Explanation of Culture Change-Models in Prehistory. London: Duckworth, 1973.

Renfrew et al. 1976. – Renfrew C. et al. British Prehistory, a New Outline. Park Ridge, N.J.: Noyes Press, 1976.

Renfrew et al. 1979. – Renfrew C. et al. Investigations in Orkney. London: Society of Antiquaries, 1979.

Renfrew et al. 1983. – Renfrew C. et al. The Megalithic Monuments of Western Europe. London: Thames and Hudson, 1983.

Renfrew et al. 1984. – Renfrew C. et al. Approaches to Social Archaeology. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Renfrew, Gimbutas, Elster, eds. 1986. – Renfrew C., Gimbutas M., Elster E.S., eds. Excavations at Sitagroi. A Prehistoric Village in Northeast Greece. Vol. 1 // Monumenta Archaeologica. UCLA, 1986. № 13.

Renfrew J. 1973. – Renfrew J.M. Palaeoethnobotany. The Prehistoric Food-plant of the Near East and Europe. London: Methuen and Co., 1973.

Richards, Thomas 1984. – Richards C., Thomas J. Ritual Activity and Structured Deposition in Later Neolithic Wessex // BAR International Series. 1984. № 233. P. 189–215.

Ritchie, Ritchie 1978. – Ritchie A., Ritchie G. The Ancient Monuments of Orkney. Edinburgh: Her Majesty's Stationery Office, 1978.

Rimantienė 1979. – Rimantienė R. Šventoji I. Vilnius: Mokslas, 1979.

Rimantienė 1980. – Rimantienė R. The East Baltic Area in the Fourth and the Third Millennia B.C. // Journal of Indo-European Studies. 1980. Vol. 8. № 3–4. P. 107–141.

Rimantienė 1984. – Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius: Mokslas, 1984.

Ripoll, Llongueras 1963. – Ripoll E., Llongueras M. La cultura neolítica de los sepulcros de fosa en Cataluña // Ampurias. 1963. № 21. P. 1–90.

Rodden 1965. – Rodden R. J. An Early Neolithic Village in Greece // Scientific American. 1965. № 212. P. 82–92.

Rosetti 1934. – Rosetti D. Sapaturile de la Vidra // Museului Municipiului Bucureşti. 1939. № 1. P. 1–31.

Ruggles 1984. – Ruggles C.L.N. Megalithic Astronomy. A New Archaeological and Statistical Study of 300 Western Scottish Sites // BAR British Series. 1984. № 123.

Runnels, Andel 1988. – Runnels C., Andel T.H. van. Trade and the Origins of Agriculture in the Eastern Mediterranean // Journal of Mediterranean Archaeology. 1988. № I (1). P. 83–109.

Sakellaridis 1979. – Sakellaridis M. The Economic Exploitation of the Swiss Area in the Mesolithic and Neolithic Periods // BAR International Series. 1979. № 67.

Sangmeister, Strahm 1973. – Sangmeister E., Strahm Ch. Die Funde aus Kupfer in Seeberg, Burgäschisee-Süd // Seeberg, Burgäschisee-Süd. T. 6: Steingeräte und Kupferfunde. Bern: Stampfli und Cie, 1973. S. 189–272.

Sauter 1955. – Sauter M.-R. Sépultures à cistes du bassin du Rhône et civilisations palafittiques // Sibrium. 1955. № 2. P. 133–139.

Sauter 1973. – Sauter M.-R. Anthropologie du Néolithique, la Suisse. Présentation critique de la documentation // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeurope. Bd. 7a. Anthropologie 1. Köln; Wien: Böhlau, 1973. S. 235–246.

Sauter 1977. – Sauter M.-R. Suisse préhistorique, des origines aux Helvètes. Boudry: Éditions de la Baconnière, 1977.

Savory 1968. – Savory H.N. Spain and Portugal. The Prehistory of the Iberian Peninsula // Ancient Peoples and Places. Vol. 61. London: Thames and Hudson, 1968.

Scarre, ed. 1984. – Scarre Ch., ed. The Neolithic of France. Edinburgh University Press, 1984.

Schachermeyr 1976. – Schachermeyr F. Die Ägäische Frühzeit. 1: Die Vormykenischen Perioden. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976.

Schackleton, Renfrew 1970. – Schackleton N., Renfrew C. Neolithic Trade Routes // Nature. 1970. № 228. P. 1062–1065.

Schmidt 1932. – Schmidt H. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Die befestigte Siedlung mit bemalter Keramik von der Stein-Kupferzeit bis in die vollentwickelte Bronzezeit. Berlin: Walter de Gruyter, 1932.

Schmidt 1945. – Schmidt R.R. Die Burg Vučedol. Zagreb, 1945.

Schwabedissen 1980. – Schwabedissen H. Ertebølle/Ellerbek – Mesolithikum oder Neolithikum? // Mesolithikum in Europa / Ed. by B.Gramsch. Potsdam: Museum für Ur- und Frühgeschichte, 1980. S. 129–142.

Schwidetzky, Gerhardt, Mühlmann 1990. – Schwidetzky I., Gerhardt K., Mühlmann W.E. Sonderheft Neolithikum // Homo. 1990. № 40.

Sjøø, Mor 1987. – Sjøø M., Mor B. The Great Cosmic Mother: Rediscovering the Religion of the Earth. San Francisco: Harper & Row, 1987.

Skomal 1983. – Skomal S. Wealth Distribution as a Measure of Prehistoric Change: Chalcolithic to Copper Age Cultures in Hungary. UCLA, Unpublished Ph.D. Dissertation. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms International, 1983.

Simoska, Sanev 1976. – Simoska D., Sanev V. Praistorija vo centralna Pelagonija. Bitola: Naroden Muzej, 1976.

Šiška 1968. – Šiška S. Tiszapolgárska kultura na Slovensku // Slovenská Archeológia. 1968. № 16. P. 61–175.

Smith, ed. 1965. – Smith I.F., ed. Windmill Hill and Avebury. Excavations by Alexander Keiller 1925 – 1939. Oxford University Press, 1965.

Soudský 1969. – Soudský B. Étude de la maison néolithique // Slovenská Archeológia. 1969. № 17. P. 5–96.

Srejović 1966. – Srejović D. Neolithic Anthropomorphic Figurines from Yugoslavia // IPEK (Berlin). 1964 – 1965. № 21. P. 28–41.

Srejović 1969. – Srejović D. The Roots of the Lepenski Vir Culture // Archaeologia Iugoslavica. 1969. № 10. P. 13–21.

Srejović 1972. – Srejović D. Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. London: Thames and Hudson, 1972.

Srejović, Babović 1983. – Srejović D., Babović L. Umetnost Lepenskog Vira. Beograd: Narodni Muzej, 1983.

Srejović, Letica 1978. – Srejović D., Letica Z. Vlasac: A Mesolithic Settlement in the Iron Gates. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 1978.

Srejović, Tasić 1990. – Srejović D., Tasić N. Vinča and its World. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 1990.

Starling 1983. – Starling N. Neolithic Settlement Patterns in Central Germany // Oxford Journal of Archaeology. 1983. № 2(1). P. 1–11.

Tanda 1984. – Tanda G. Arte e religione della Sardegna preistorica nella necropoli di Sos Furrighesos-Anela (SS). Vol. 1–2. Sassari: Chiarella, 1984.

Tasić 1957. – Tasić N. Praistorisko naselje kod Valača // Glasnik Muzeja Kosova i Metohije. Vols. 2, 4, 5. Priština, 1957.

Tasić, Tomić 1969. – Tasić N., Tomić E. Crnokalačka Bara. Naselje Starčevačke i Vinčanske Kulture // Dissertationes. Vol. 3. Narodni Muzej Kruševac. Kruševac; Beograd: Arheološko Društvo Jugoslavije, 1969.

Telegin, Potekhina 1987. – Telegin D.Ia., Potekhina I.D. Neolithic Cemeteries and Populations in the Dnieper Basin / Ed. by J.P.Mallory // BAR International Series. 1987. № 383.

Theocharis 1956. – Theocharis D.R. Nea Makri: Eine Grosse Neolithische Siedlung in der Nähe von Marathon // Athenische Mitteilungen. 1956. № 71. S. 1–29.

Theocharis 1973. – Theocharis D.R. The Neolithic Civilization: A Brief Survey // Neolithic Greece / Ed. by S.Papadopoulous. Athens: National Bank of Athens, 1973.

Thimme, ed. 1980. – Thimme J., ed. Kunst und Kultur Sardiniens von Neolithikum bis zum Ende der Nuraghenzeit. Catalog of the Exhibition, 1980.

Thom, Thom 1978. – Thom A., Thom A.S. Megalithic Remains in Britain and Brittany. Oxford: Clarendon Press, 1978.

Thom, Thom, Burl 1980. – Thom A., Thom A.S., Burl A. Megalithic Rings // BAR British Series. 1980. № 80.

Thomas 1988. – Thomas J. The Social Significance of Cotswold-Severn Burial Practices // Man. 1988. Vol. 23. № 3.

Thorpe 1984. – Thorpe I.J. Ritual, Power, and Ideology – Reconstruction of Earlier Neolithic Rituals in Wessex // BAR British Series. 1984. № 133. P. 41–60.

Tinè 1983. – Tinè S. Passo di Corvo e la civiltà neolitica del Tavoliere. Genova: Sagep Editrice, 1983.

Todd 1976. – Todd I.A. Çatal Hüyük in Perspective. Menlo Park, Calif.: Benjamin Cummings Publishing Co., 1976.

Todd 1980. – Todd I.A. The Prehistory of Central Anatolia. Vol. 1. The Neolithic Period // Studies in Mediterranean Archaeology. Vol. 60. Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1980.

Todorova 1974. – Todorova H. Kultszene und Hausmodell aus Ovčarovo, Bez. Targovište // Thracia (Sofia). 1974. № 3. P. 39–46.

Todorova 1978. – Todorova H. The Eneolithic Period in Bulgaria in the Fifth Millennium B.C. / Transl. from the Bulgarian by V.Zhelyaskova // BAR International Series (Supplementary). 1978. № 49.

Todorović, Cermanović 1961. – Todorović J., Cermanović A. Banjica, naselje vinčanske kulture. Beograd, 1961.

Torrence 1986. – Torrence R. The Prehistoric Obsidian Trade in the Aegean. London: Cambridge University Press, 1986.

Treuil, Darque, Poursat, Touchais 1989. – Treuil R., Darque P., Poursat J.-C., Touchais G. Les civilisations égéennes du Néolithique et de l'Âge du Bronze // Nouvelle Clio. L'histoire et ses problèmes. T. 1. Paris: Presses Universitaires de France, 1989.

Tringham 1971. – Tringham R. Hunters, Fishers, and Farmers of Eastern Europe, 6000 – 3000 B.C. London: Hutchinson University Library, 1971.

Tringham, Krstić 1990. – Tringham R., Krstić D. Selevac. A Neolithic Village in Yugoslavia. Los Angeles: UCLA, Institute of Archaeology, 1990.

Trump 1966a. – Trump D.H. Central and Southern Italy Before Rome // Ancient People and Places. London: Thames and Hudson, 1966.

Trump 1966b. – Trump D.H. Skorba // Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. Vol. 22. Oxford University Press; National Museum of Malta, 1966.

Trump 1980. – Trump D.H. The Prehistory of the Mediterranean. New Haven: Yale University Press, 1980.

Trump 1981. – Trump D.H. Megalithic Architecture in Malta // The Megalithic Monuments of Western Europe / Ed. by C.Renfrew. London: Thames and Hudson, 1981. P. 64–76.

Trump 1983. – Trump D.H. La Grotta di Filiestru a Bonu Ighinu. Mara (SS). Dessi-Sassari, 1983.

Tsountas 1908. – Tsountas Ch. Proistorikae Akropolis Diminiou kai Sesklou. Athens: A.D.Sakellariou, 1908.

Twohig 1981. – Twohig E.S. The Megalithic Art of Western Europe. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Van de Velde 1979. – Van de Velde P. On Bandkeramik Social Structure: Analysis of Pot Decoration and Hut Distributions from the Central European Neolithic Communities of Elsloo and Hienheim // Analecta Praehistorica Leidensia. 1979. № 12.

Vasić 1932–1936. – Vasić M.M. Praistorijska Vinča. Beograd: Izdanje Drvavne Štamparje, 1932. T. 1; 1936. T. 2–4.

Vasil'ev, Matveeva 1984. – Vasil'ev I. B., Matveeva G. Vinča u praistorije i srednem veku. Catalog, Gallery of Serbian Academy of Sciences and Art. Belgrade, 1984.

Vine 1982. – Vine Ph.M. The Neolithic and Bronze Age Culture of the Middle and Upper Trent Basin // BAR International Series. 1982. № 150.

Vlassa 1972. – Vlassa N. Eine frühneolithische Kultur mit bemalter Keramik der Vor-Starčevo-Körös-Zeit im Cluj-Gura Baciului, Siebenbürgen //.Prähistorische Zeitschrift. 1972. Vol. 47. № 2. S. 174–197.

Vogt 1951. – Vogt E. Das steinzeitliche Uferdorf Egolzwil 3 (Kt. Luzern) // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1951. Bd. 12. Heft 4. S. 193–215.

Vogt 1954. – Vogt E. Pfahlbaustudien // Das Pfahlbauproblem / Hrsg. von W.V.Guyan. Birkhausen, 1954.

Vogt 1967. – Vogt E. Ein Schema des schweizerischen Neolithikums // Germania. 1967. Bd. 45. Heft 1–2. S. 1–20.

Vulpe 1957. – Vulpe R. Izvoare: Sapaturile din 1936–1948. Bucureşti: Biblioteca de Arheologie, 1957.

Wace, Thompson 1912. – Wace A.I.-B., Thompson M.S. Prehistoric Thessaly. London: Cambridge University Press, 1912.

Wainwright 1969. – Wainwright G.J. A Review of Henge Monuments in the Light of Recent Research // Proceedings of Prehistoric Society. 1969. № 35. P. 112–133.

Waldren, Chapman, Lewthwaite, Kennard 1984. – Waldren W., Chapman R., Lewthwaite J., Kennard R. The Deya Conference of Prehistory: Early Settlement in the Western Mediterranean Islands and Their Peripheral Areas // BAR International Series. 1984. № 229.

Weinberg 1962. – Weinberg S.S. Excavations at Prehistoric Elateia, 1959 // Hesperia. 1962. № 31. P. 158–209.

Whitehouse 1969. – Whitehouse R.D. Settlement and Economy in Southern Italy in the Neothermal Period // Proceedings of Prehistoric Society. 1968. № 34. P. 332–367.

Whittle 1977a. – Whittle A.W.R. The Earlier Neolithic of S. England and Its Continental Background // BAR. 1977. Supplement 35.

Whittle 1977b. – Whittle A.W. Earlier Neolithic Enclosures in North-West Europe // Proceedings of Prehistoric Society. 1977. № 43. P. 329–348.

Whittle 1985. – Whittle A.W. Neolithic Europe: A Survey. London: Cambridge University Press, 1985.

Wijnen 1982. – Wijnen M.-H.J.M.N. The Early Neolithic I Settlement at Sesklo: An Early Farming Community in Thessaly, Greece. Leiden: University Press, 1982. Также: Analecta Praehistorica Leidensia. 1982. № 14.

Willms 1983. – Willms C. Obsidian im Neolithikum Europas // Germania. 1983. № 61. P. 327 – 351.

Willms 1985. – Willms C. Neolithischer Spondylus‹ Hundert Jahre Forschung // Germania. 1985. № 63. S. 3

Winn 1981. – Winn Sh.M.M. Pre-Writing in South rope: The Sign System of the Vinča Culture, ca. 4000 B gary: Western Publishers, 1981.

Wiślański, ed. 1970. – Wiślański T., ed. The Neo. Poland. Wrocław – Warszawa – Kraków: Inst. Hist. Mat. Polsk. Akad. Nauk, 1970.

Wolkstein, Kramer 1983. – Wolkstein D., Kramer S na. Queen of Heaven and Earth. Her Stories and Hy Sumer. New York, 1983.

Wyss 1977. – Wyss R. Das jungsteinzeitliche Jäger-l dorf von Egolzwil 5 im Wauwilermoos. Naturwissensch Beiträge von H.R.Stampfli, S.Wegmüller, F.H.Schweiz Zürich: Schweizerisches Landesmuseum, Archäologisch schungen, 1977.

Wyss, Bill 1978. – Wyss R., Bill J. An Ancient Lal Settlement at Egolzwil Helps Clarify Europe's Ne Past // Archaeology. 1978. № 31(5). P. 24–32.

Zagorskis 1987. – Zagorskis F. Zvejnieku akmens la kapulauks. Riga: Zinatne, 1987.

Zaharia 1962. – Zaharia E. Considérations sur la civil de Criş à la lumière des sondages de Leţ // Dacia. 196 P. 5–51.

Zalai-Gaál 1988. – Zalai-Gaál I. Sozialarchäologisch tersuchungen des mitteleuropäischen Neolithikums au der Gräberanalyse // A Béri Balogh Ádám Múzeum Évk 1988. № 14.

Zervos 1962. – Zervos C. La naissance de la civilisat Grèce. Paris: Editions «Cahiers d'Art», 1962.

Zohary 1969. – Zohary D. The Progenitors of Whe Barley in Relation to Domestication and Dispersal in tl World // The Domestication and Exploitation of Plan Animals / Ed. by P.J.Ucko, G.W.Dimbleby. London: I worth, 1969. P. 47–66.

Zürn 1965.– Zürn H. Das jungsteinzeitliche Dorf E stein (Kreis Ulm). Ausgrabung 1960. Die Baugeschichte. gart: Staatliches Amt für Denkmalpflege, 1965.

Ванкина 1970. – Ванкина Л.В. Торфяниковая ст Сарнате. Рига, 1970.

Васильев 1981. – Васильев И.Б. Энеолит Повол степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Васильев, Матвеева 1976. – Васильев И.Б., Матве Поселение и могильник у села Съезжее // Очерки ист и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.

Георгиев, Мерперт, Катинчаров, Димитров 1979. оргиев Г.И., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитро Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.

Дергачев 1978. – Дергачев В.А. Выхватинский мог ник. Кишинев, 1978.

Дергачев 1986. – Дергачев В.А. Молдавия и сосе территории в эпоху энеолита. Кишинев, 1986.

Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962. – Л довська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М Михайлівське поселення. Київ, 1962.

Маркевич 1970. – Маркевич В.И. Многослойное п ление Новые Русешты // Краткие сообщения инсти археологии. 1970. № 13. С. 58–68.

Маркевич 1981. – Маркевич В.И. Позднетрипольс племена Северной Молдавии. Кишинев, 1981.

Мовша 1971. – Мовша Т.Г. Святилища трипольс культуры // Советская археология. 1971. № 1. С. 201–2

Николов 1974. – Николов Б. Градешница. София: Наука и изкуство, 1974.

Пассек 1949. – Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 10.

Пассек 1961. – Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 84.

Пассек 1962. – Пассек Т.С. Неолит и энеолит югоевропейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 102.

Телегін 1973. – Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

Титов 1969. – Титов В.С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М.: Наука, 1969.

Титов, Эрдели 1980. – Титов В.С., Эрдели И. Археология Венгрии. М.: Наука, 1980.

Тодорова 1976. – Тодорова Х. Овчарово. Праисторическа селищна могила. София, 1976.

Тодорова, Иванов, Василев, Хопф, Квита, Кол 1975. – Тодорова Х., Иванов С., Василев В., Хопф Х., Квита Х., Кол Г. Селищната могила при Голямо Делчево. София, 1975.

Черных 1978. – Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Академия наук Болгарии, 1978.

Указатель имен

Актеон – 273
Александреску А.Д. – 472
Алексей Михайлович, царь – 246
Аммерман А.Д. – 12
Ана – 333
Анати (Anati) Э. – 462–463, 467
Ангелов Н. – 453
Андрешеску И. – 476
Анку – 267, 333
Аннайа – 333
Ану – 267, 333
Аристофан – 378
Артемида – 246–247, 273, 343
Артемисия, царица – 382
Асклепий – 313
Аттис – 273
Атцени (Atzeni) Э. – 188, 455
Афина – 126, 257, 263, 273, 343

Бакхиды, род – 380
Баннер (Banner) Я. – 82, 450, 463, 470
Батович (Batović) Ш. – 450, 454, 478
Бахофен (Bachofen) Й.-Я. – 355, 382, 458–460
Безвенглинский Б. – 468
Белла Л. – 55, 466
Бенац (Benac) А. – 68, 72, 448, 450, 454, 459, 463 – 464, 473 – 474
Бернабо-Бреа Л. – 472
Бернулли К. – 458
Берсу (Bersu) Г. – 401, 462, 468
Берчу (Berciu) Д. – 98, 112, 451 – 452, 459, 462 – 463, 468, 476, 478, 481
Берчу (Berciu) И. – 112, 452
Бёкёни (Bökönyi) Ш. – 447 – 450, 454, 458, 461, 463 – 464
Бём (Böhm) Й. – 448, 456, 470
Бибиков С.Н. – 473
Бибикова В.И. – 461
Блок (Bloch) М. – 323, 458
Богнар-Кутзян (Bognár-Kutzián) И. – 369, 448, 451, 453, 459, 462, 479
Богуцки (Bogucki) П.И. – 94, 451, 459, 466
Бонфанте (Bonfante) Л. – 382, 460
Боудикка, царица – 383
Брегант Т. – 463
Бреннан (Brennan) М. – 325, 330, 458
Бригита, святая – 260
Бриффо (Briffault) Р. – 355, 380, 384, 459–461
Брукнер (Brukner) Б. – 450, 468
Бруншмед Й. – 468
Брэдфорд (Bradford) Д. – 172, 454
Брэниган (Branigan) К. – 379, 460
Будински-Кричка В. – 473

Валера (Valera) Р. де – 230, 457
Вальпурга, святая – 251
Ванкина Л.В. – 454, 476
Ванс Ж.Г. – 473, 480
Васильев И.Б. – 392, 461
Васич (Vasić) М. – 72, 75, 77, 450, 468
Вейнберг (Weinberg) С. – 447, 482
Вельде (Velde) П. ван де – 362, 459
Вергилий – 269
Веселовский Н.И. – 409
Виезжев Р.И. – 461
Вильдомец Ф. – 93, 468, 478
Владар Й. – 474
Власса (Vlassa) Н. – 448, 458, 479
Волькстайн Д. – 377
Вошински (Wosinszky) М. – 472
Вулли Л. – 379
Вульпе (Vulpe) Р. – 452, 470
Вюсс (Wyss) Р. – 212, 456, 482

Газдапустаи Г. – 469
Галбену Д. – 453
Гарашанин (Garašanin) М. – 447, 450, 465
Гарднер Э. – 450
Георгиев (Georgiev) Г.И. – 39, 448–449, 463, 465, 470, 482
Гера – 273
Геракл – 273
Гермес – 273, 274
Геродот (Herodotus) – 380, 382, 384, 460
Геттнер-Абендрот Х. – 272
Гизберт В. – 463
Гильтине – 266
Гимбутас (Gimbutas) М. – 5, 447–448, 450, 452, 454, 457, 459–463, 465, 474, 477
Гипсипила, царица – 382
Глишич Й. – 467
Голдман Х. – 478
Гольмстен В.В. – 461
Гомер – 380, 389
Гонценбах (Gonzenbach) В. фон – 212, 456
Гордон Чайлд (Childe) В. – 12, 46, 226, 463, 473
Гохман И.И. – 452
Грбич (Grbić) М. – 281, 457, 475–476, 478
Грыгель (Grygiel) Р. – 94, 451, 459, 466
Гузи Ф. – 203, 471

Гуйан (Guyan) В. – 456, 478
Даниленко В.Н. – 449
Дезей (Deshayes) Ж. – 452, 469
Деметра – 250, 251, 273, 378
Денисова П.Я. – 454
Деннел (Dennell) Р. – 447, 449
Дергачев В.А. – 460–461
Детев П. – 449
Дешманн (Deschmann) К. – 415,
Джервазио М. – 473
Джонс-Блай (Jones-Bley) К. – 23 457
Диевас – 439
Димитриевич (Dimitrijević) С. – 462, 464
Димитров Д.Г. – 463
Димов (Dimov) Т. – 101, 452
Дину (Dinu) М. – 464, 467
Диодор Сицилийский – 383, 461
Дион Кассий – 383
Дионис – 273, 378
Диус Фидиус – 439
Домбаи (Dombay) Й. – 451, 459,
Дрюитт (Drewett) П. – 228, 456
Дуглас А.Э. – 484
Дудкін В.П. – 452, 461
Думитреску (Dumitrescu) В. – 11 450, 452, 457, 469, 472, 476, 47 481
Думитреску (Dumitrescu) Х. – 47 476, 479
Дэнфорт (Danforth) Л. – 324, 458

Евтехий – 382
Елена – 324

Жемес-мате – 251
Жемине – 251
Жио (Giot) П.-Р. – 455–456, 466,

Заботаи Э. – 469
Загорскис (Zagorskis) Ф. – 162, 45 458
Залай-Гаал (Zalai-Gaál) И. – 368,
Заммит (Zammit) Ф. – 189, 458, 47 479–480
Захария Э. – 472
Зевс Ктесиос – 258
Зиневич Г.П. – 461, 464
Зинькоуський К.В. – 452, 461
Златарски Д. – 476
Злоташ Л. – 480
Зульцбергер К. – 478

Иванов (Ivanov) И.С. – 452, 460, 46

Иванов Т. – 104, 457
Иоксиды, род – 380
Ирина – 324
Исаенко В.Е. – 454

Йессен А.А. – 463
Йованович (Jovanović) Б. – 126, 129, 447, 450, 452, 458, 464, 468, 475–476, 480

Кавалли-Сфорца Л.Л. – 12
Кавалье (Cavalier) М. – 472
Кадич О. – 470
Калиц (Kalicz) Н. – 448–449, 451, 459, 462–463, 465, 481
Кантакузино (Cantacuzino) Г. – 451, 459, 481
Кармански (Karmanski) С. – 470
Каски (Caskey) Дж.Л. – 464, 472
Катинчаров Р.В. – 449, 463
Квитта Х. – 481
Кейллер А. – 482
Келлер Ф. – 212
Келлер-Тарнуццер К. – 476
Кембелл Д. – 5
Кибела – 273
Клейн Л.С. – 453
Комша (Comşa) Э. – 449, 451, 466
Конту Э. – 473
Корек (Korek) Я. – 82, 449, 477, 480
Корошец (Korošec) Й. – 450, 465, 469
Крамер С.Н. – 377
Кристеску (Cristescu) В. – 451, 466, 468
Кртич (Krstić) Д. – 450, 477
Круглов А.П. – 461
Крук (Kruk) Я. – 449, 463, 466
Круликовска В. – 476
Круц С.И. – 461
Ксеркс, царь – 382
Куальяти К. – 477
Кэмерон (Cameron) Д. – 269, 280, 457

Лагодовська О.Ф. – 462–464
Лазаровичи (Lazarovici) Г. – 283, 450, 457, 466, 475
Лайма – 266
Лалла – 382
Левіцький І.Ф. – 463
Лендель (Lengyel) И. – 368, 448, 459
Летица (Letica) З. – 310, 447, 458, 468, 472
Либби У.Ф. – 487
Лин – 273
Лихардус (Lichardus) Й. – 449, 462, 474
Лозе (Loze) И.А. – 454
Лориа (Loria) Р. – 455, 480
Луг – 439

Майзенхаймер (Meisenheimer) М. – 369, 459
Майр (Мауг) А. – 189
Макаревич М.Л. – 462, 464
Макаренко В.П. – 452
Макрина, святая – 251
Мак-Феррон (McPherron) А. – 448, 450, 469
Мальмер (Malmer) М. – 290
Мари – 267
Маринеску-Былку (Marinescu-Bîlcu) С. – 452, 479
Мария, дева – 244, 251, 269
Марк К.Ю. – 454
Маркевич (Markevitch) В.И. – 116, 136, 449, 452, 467
Маро – 333
Марс – 439
Мартон Л.В. – 470
Маташэ (Mataşă) К. – 480
Матвеева Г.И. – 461
Матееску К. – 468
Маццара К. – 189
Мелларт (Mellaart) Д. – 8, 17–19, 260, 269, 277, 447, 457, 460, 480–481
Мелюкова А.И. – 463
Менк (Menk) Р. – 447, 464
Мерперт Н.Я. – 463, 465, 482
Мидгли (Midgley) М.С. – 145, 453, 460
Миден (Meaden) Д.Т. – 228, 456
Миков В. – 39, 448, 467, 470
Милисаускас (Milisauskas) Ш. – 449, 459, 463, 466, 475
Милойчич (Milojčić) В. – 448, 458, 465, 475
Милойя И. – 475
Мильбурга, святая – 251
Минос, царь – 379
Мирчев М. – 476
Митра – 439
Мовша Т.Г. – 461
Мога М. – 475
Моддерман (Modderman) П. – 449, 477–478, 482
Мора – 267
Мора Ф. – 80
Морава – 267
Моринц (Morintz) С. – 451, 459, 462–463, 481
Морриган – 263, 267, 333
Моссо (Mosso) А. – 176, 455, 473
Мюллер-Бек (Müller-Beck) Х.-Ю. – 212, 214, 456, 470
Мюррей М. – 189

Надь С. – 468
Нейкетес – 382
Некрасова (Necrasov) О.И. – 424, 448, 451, 464
Немешкери (Nemeskéri) Я. – 447–450, 458–459, 462–463
Нертус – 251
Нестор И. – 472
Неуступны Я. – 468
Николов Б. – 39, 450, 469
Новак (Novak) Г. – 450, 480
Новотны (Novotný) Б. – 451, 464, 469–470, 473

Обри Д. – 240
Овидий – 269
О'Келли (O'Kelly) М.Д. – 456–458, 474
Олария (Olăria) К. – 203, 455, 471
Опс Консивия – 251
Орси П. – 478

Палльярди Д. – 478
Пан – 209, 274
Парет О. – 482
Парфена – 382
Пассек (Passek) Т.С. – 119, 358, 360, 452, 459, 463, 468
Патай (Patay) П. – 462, 480
Пауль (Paul) Ю. – 113, 452
Пекар (Péquart) М. – 458, 475, 479
Пекар (Péquart) С.-Ж. – 458, 475, 479
Передур – 378
Персефона – 250, 251
Перхта – 267
Петренко А.Г. – 461
Петреску-Дымбовица (Petrescu-Dîmboviţa) М. – 113, 358, 452, 467, 471, 479
Пиггот (Piggott) С. – 457, 464, 480
Пиотровский Б.Б. – 461
Плутарх – 380
Подгаецкий Г.В. – 461
Помпоний Мела – 378
Попов Р. – 471
Порфирий – 246, 269
Посидоний – 378
Пукседду (Puxeddu) К. – 181, 455

Рагана – 267, 378
Радегуна, святая – 251
Радимски (Radymský) В. – 67, 450, 467
Радлов В.В. – 461
Раду О. – 475
Радунчева А. – 452, 460
Рассон Ж. – 448
Рацки (Raczky) П. – 82, 450 – 451, 467–468, 477, 481
Рашайски Р. – 468
Реллини (Rellini) У. – 477
Рендич-Миочевич Д. – 469
Ренфрю (Renfrew) Д. – 448, 450, 454
Ренфрю (Renfrew) К. – 6, 20, 323, 372, 375, 447–448, 452–453, 456, 458–460, 463, 477
Ретия – 343
Ридола (Ridola) Д. – 455, 477
Римантиене (Rimantienė) Р. – 454, 481
Родден (Rodden) Р.Д. – 448, 459, 474
Роден О. – 102, 272
Розетти (Rosetti) Д. – 452, 467
Рудинский М.Ж. – 462

Саймисон Р. – 320, 465
Свентовит – 439
Свешников І.К. – 463
Секели З. – 472
Сергеев Т.П. – 453
Сильван – 274
Синицын И.В. – 393, 461
Скомаль (Skomal) С. – 369, 459, 461–462
Смирнов К.Ф. – 461
Смит (Smith) И. – 227, 456, 479, 482
Соте (Sauter) М.Р. – 456
Сотириадис Г. – 480, 482
Соудски (Soudský) Б. – 51, 449, 466
Срейович (Srejović) Д. – 310, 447–448, 450, 458, 468–469, 472
Сталио Б. – 475
Стеруд А.К. – 450
Стеруд Э. – 450
Стефан Г. – 472
Страбон – 378, 380, 383–384

Такенберг К. – 481
Тасич (Tasić) Н. – 450, 463–464, 467
Тацит – 384
Телегин (Telegin) Д.Я. – 452, 461, 463
Теохарис (Theocharis) Д. – 26, 356, 448, 459, 469, 477
Тивиас – 439
Тине (Tinè) С. – 176, 177, 454–455, 475, 478
Титов В.С. – 451
Тиу – 439
Тихи (Tichý) Р. – 449, 473
Тодорова (Todorova) Х. – 101, 104, 452, 460, 475
Тодорович (Todorović) Й. – 450, 466
Том (Thom) А. – 225, 228, 456
Том (Thom) А.С. – 225, 456
Томпа (Tompa) Ф. – 55, 470, 479
Томсон (Thomson) Д. – 355, 383, 457, 459–460
Трамп (Trump) Д. – 181, 184, 189, 454–455, 458, 477–480
Трингхам (Tringham) Р. – 450, 477
Туиг (Twohig) Э. – 325, 456, 458, 468, 478
Тюр – 439

Уинн (Winn) Ш.М.М. – 275, 338, 447–448, 457–458, 465, 477
Уиттл (Whittle) А. – 225, 456
Ульрих (Ullrich) Х. – 363, 365, 459
Успенский Б.А. – 457

Фавн – 274
Феопомп – 382
Фиала (Fiala) Ф. – 67, 450, 467
Филлипс (Phillips) П. – 363, 455, 459
Фишер Р.А. – 12
Фогт (Vogt) Э. – 212, 456, 462, 481–482
Фрейзер (Fraser) Д. – 373–375, 459–460
Фьюкс (Fewkes) В. – 448, 478

Хаарманн (Haarmann) Х. – 349–350, 458
Хартманн (Hartmann) А. – 129, 452
Хвойко В.В. – 113, 479
Хегедюш (Hegedüs) К. – 451, 467
Хеджес (Hedges) Д. – 320, 456, 458, 460, 465
Хелл – 267
Хеншолл (Henshall) О. – 240, 457, 473
Хёфер П. – 466
Хиллебранд Й. – 55
Хиллер (Hiller) С. – 39, 449, 470
Хокинс Д. – 379, 460
Холле – 267
Хольда – 267
Хольсте (Holste) Ф. – 450
Хорват (Horvath) Ф. – 451, 469
Хоредт К. – 479
Худ (Hood) М.С.Ф. – 337, 458
Хульд М. – 464
Хульст Р.С. – 482

Церманович (Cermanović) А. – 450, 466
Циарас А. – 458
Цунтас (Tsountas) Х. – 25–26, 28, 356, 447–448, 469, 477
Цюрн Х. – 482

Чалог (Csálog) Й. – 82, 450, 477
Чернобог – 443
Черных (Chernykh) Е.Н. – 129, 452, 462, 465
Черняков И.Т. – 461
Чеснис (Česnys) Г. – 454
Честерман (Chesterman) Д. – 320, 375–376, 458, 460
Чеченов И.М. – 463
Чиполлони-Сампо (Cipolloni Sampò) М. – 172, 455, 476
Чугай О.О. – 5
Чэпмен (Chapman) Д.К. – 72, 371, 450, 458–460

Шампольон Ф. – 5
Шапошникова О.Г. – 462, 464
Швидецки (Schwidetzky) И. – 424, 447, 464
Шеляну М. – 477
Шёрель Я. – 480
Шилов В.П. – 461
Шимабуку (Shimabuku) Д. – 26, 275, 447–448, 457–458, 465, 477
Шишкин (Шишкін) К.В. – 116, 452
Шмаглий М.М. (Н.М.) – 452, 461
Шмидт (Schmidt) Р.Р. – 415, 463
Шмидт (Schmidt) Х. – 113, 452, 471
Штерн (Stern) Э. фон – 116, 117, 452
Штурмс Э. – 476

Щепинский А.А. – 462

Эванс А. – 471
Эванс (Evans) Д.Д. – 189, 191, 448, 455, 458, 468, 471, 473 480
Эйслер (Eisler) Р. – 355, 459, 4
Энджел (Angel) Д. – 14, 447
Эоган (Eogan) Г. – 457–458, 4
Эрехтей – 273
Эрих (Ehrich) Р.В. – 464, 478

Яжджевски (Jażdżewski) К. – 459, 466
Янус – 439
Яровит – 439

Almagro M. – 456
Anderson M. – 461
ApSimon A. – 456
Arnal J. – 455–456
Arribas A. – 456
Ashbee P. – 456
Atkinson R.J.C. – 457, 460, 477-

Babović L. – 458, 472
Bagolini B. – 456
Bahn P. – 455
Bailloud G. – 449, 455
Balcer B. – 453
Bálint C. – 447
Balpinar B. – 447, 457
Bandi H.-G. – 456, 470
Baradiarán J.M. de – 461
Barbaza J. – 447
Barfield L.H. – 455–456
Barker G. – 449, 455
Baroja J.C. – 461
Bar-Yosef – 447
Bayer J. – 463
Behrens H. – 460, 462
Beltran A. – 455
Benesch F. – 462
Berger P. – 457
Bernhard W. – 449
Best J.G.P. – 463
Binder D. – 455
Bintliff J. – 459
Boessneck J. – 448, 456, 465
Bogdanović M. – 450
Bohnsack D. – 454
Boon G.C. – 457
Boroneant V. – 447
Botezatu D. – 451
Boule M. – 458
Bowen H.C. – 456
Braidwood R.J. – 447
Brewster T.C.M. – 457
Brindley A.L. – 457
Broglio A. – 456
Buckley D.G. – 456
Bukowski A. – 453
Burl A. – 456, 478, 482
Buttler W. – 471
Byrne F.J. – 460

Cann J.R. – 447
Carmichael – 457
Cassano S.M. – 454
Cassar-Pullicino J. – 457
Castelfranco P. – 456
Caufield S. – 456
Chadwick H.M. – 461
Chapman R. – 460
Chmielewski W. – 476
Clark J.G.D. – 457–458
Clarke D.V. – 456–457
Clarke R.R. – 469
Clottes J. – 455
Clutton-Brock J. – 447
Coffey G. – 469
Coleman J.E. – 448
Coles J.M. – 456, 460
Collins D. – 457
Constantin C. – 449
Coudart A. – 449
Courtin J. – 447, 455
Cristescu M. – 451
Cullen T. – 458 – 459
Cummins W.A. – 456

Dames M. – 477, 482
Daniel G. – 466
DeLaet S.J. – 448, 456, 460
Delporte N. – 457
Demeo J. – 388
Demoule J.P. – 449, 455
Detienne M. – 460
Dillon M. – 460
Dimbleby G.W. – 447
Doan J.E. – 457, 460, 461
Dobosi V.T. – 449
Dodd-Opriţescu A. – 452
Dörpfeld W. – 464
Douglas W.A. – 458
Ducos P. – 455
Duque A.M. – 461

Ebbesen K. – 453
Ebert M. – 452, 463
Echegaray J.G. – 457
Ecsedy I. – 464
Ellis L. – 452, 453, 461
Elster E.S. – 452, 463, 477
Erroux J. – 447
Evett D. – 454

Falkenstein A. – 458
Ferguson C.W. – 456
Feustel R. – 459
Fischer C. – 453
Fischer U. – 462, 467
Florescu C.A. – 452
Follieri M. – 454
Fowler P.J. – 456
Frank R.M. – 460
Freeman L.G. – 457
French E. – 460
Friedrich P. – 464

Gallay A. – 462, 464, 474
Gallay G. – 459, 462
Gallis Konstantinou I. – 448
Gallus S. – 458
Garašanin (Arandjelović-Garašanin) D. – 448, 478
Gasparini E. – 458, 461
Geddes D. – 447, 455
Gediga B. – 453
Giraud J.-P. – 455
Girić M. – 468
Girininkas A. – 454
Glob P.V. – 453
Graziosi P. – 457
Greimas A.J. – 457
Grigson C. – 447
Grimm P. – 462, 470
Gross H. – 454
Guilaine J. – 449, 455

Haberey W. – 471
Hájek L. – 464
Hammond N.G.L. – 464
Hamp E.P. – 460
Hančar F. – 463
Harlan J.R. – 447
Hauptmann H. – 448, 453
Häusler A. – 462–463
Hawkes J. – 460
Heggie D.C. – 478
L'Helgouach J. – 455–456
Helmer D. – 455
Henry P.L. – 460
Hensel W. – 449, 453, 466, 475
Hershkovits I. – 447
Heurgon J. – 460
Hibbert F.A. – 456
Hibbs J. – 458
Higgs E.S. – 447, 449, 454
Hirsch U. – 447, 457
Höckmann O. – 449, 459
Hodges R. – 455
Hoernes M. – 450, 467
Hopf M. – 448, 455, 465
Houlder C.H. – 456
Howell J.M. – 449
Huber B. – 456
Humphreys S.C. – 458–459

Ilett M. – 449

Jacobsen T.W. – 447–448, 458–459
Jankauskas R. – 454
Janouchevitch Z.V. – 449
Jarman M.R. – 447
Jarman R. – 454
Jéquier J.-P. – 474
Joassaume E. – 460

Kaelas L. – 453
Kalicz-Schreiber R. – 464
Kamienska J. – 451
Kandyba O. – 477
Kapica Z. – 453
Kemenczei T. – 449
Kempisty A. – 464
Kenyon K. – 458
Kephala K.I. – 448
Khazanov A.M. – 461
King H. – 458, 459
Kitanovski B. – 458
Kjaerum P. – 453, 466
Klein R.G. – 457
Klochko V.I. – 464
König H.G. – 462
Koško A. – 464
Kowalczyk J. – 454
Kozlowski J.K. – 447
Kromer B. – 491
Kulczycka-Leciejewiczowa A. – 459
Kuna M. – 452

Lacam R. – 455
Lambert N. – 448
Lanfranchi F. de – 455
Lanting J.N. – 457
Larsson L. – 453
Laxalt M. – 461
Leben F. – 462
Lech J. – 449
Lecornec J. – 456
Leisner G. – 456
Leisner V. – 456
Leroi-Gourhan A. – 457
Le Roux C.-T. – 456, 458, 468
Lewis G.M. – 457
Linick T.W. – 491
Lopez P. – 455
Lowenberg S. – 461
Lüning J. – 459, 462, 473
Lynch A. – 457
Lynch F. – 457

Mac Cana P. – 460
Madsen T. – 453
Maier R.A. – 460
Makkay J. – 448–449, 451, 458, 467
Mallory J.P. – 452
Manfredini A. – 454
Manheim R. – 459
Mannhardt W. – 457
Marinatos S. – 464
Markotić V. – 450
Marti B. – 455
Mašek N. – 464
Masters K.J. – 457
Maximilian C. – 451
Mayer M. – 473, 477
Medunová A. – 462
Méniel P. – 455
Meroc L. – 455
Metzger D.P. – 460
Miller D. – 453
Mills N. – 455
Milojčić von Zumbusch J. – 475
Mitrović B. – 468
Miu G. – 451

Monnier J. – 455–456
Mook W.G. – 457
Muñoz A.M. – 455
Musch J.E. – 457
Musil R. – 447

Němejcová-Pavúková V. – 451
Nica M. – 448
Nicolaescu-Plopşor D. – 451
Nicolet C. – 460
Niederlander A. – 455
Nilsson M.P. – 457
Niquet F. – 476
Nosek S. – 463

O'Connor A. – 457
Okulicz J. – 454
Onians J. – 457
O'Nualláin S. – 457
Orme B.J. – 456

Papadopoulos S.A. – 448, 459
Papreckienė-Balčiunienė I. – 454
Parović M. – 464
Parry J. – 458
Pascual V. – 455
Pavúk J. – 449, 451, 459
Peacock D.P.S. – 457
Pearson G.W. – 491
Pelicer M. – 455
Perrot J. – 447
Pešikan V. – 464
Pétrequin P. – 462
Petrović J. – 450
Philpotts B. – 461
Pittioni R. – 462–463
Plateaux M. – 449
Pleslová-Štiková E. – 464
Podborský V. – 451
Podkowińska Z. – 453
Polomé E.C. – 461
Poplin F. – 455
Potekhina I.D. – 452
Poulain T. – 455
Poulter A.C. – 458–459
Poumarède J. – 461
Preuss J. – 462
Pryor F. – 456
Puglisi S.M. – 454

Randsborg K. – 460
Redman C.L. – 447
Reed C. – 447
Reimer P.J. – 491
Replogle B.A. – 464
Robertson-Mckay R. – 456
Roche J. – 455
Rodriguez G. – 456
Roider U. – 460
Roman P. – 462–463
Roslyn F.M. – 461
Rostovzeff M.I. – 463
Roudil J.-L. – 455
Roussot-Larroque J. – 447
Rouzand F. – 455
Ruggles C.L.N. – 478
Rüttner-Cova S. – 457

Sakker A. – 453
Sanev V. – 458
Sangmeister E. – 462
Sargent A. – 454–455
Savory H.N. – 455
Scarre C. – 455, 458
Schild R. – 453
Schirnig H. – 453
Schmidt B. – 462
Schmidt E.G. – 463
Schrickel W. – 462
Schubart H. – 455
Schuchhardt W.-H. – 462
Schuldt E. – 453
Schule W. – 464
Schultz H. – 461
Schwabedissen H. – 447, 453, 464
Schweizer R. – 459
Seewald O. – 462
Seferiades M. – 452
Shackleton N. – 447
Shapiro M. – 457
Sharples N. – 456
Shiel R. – 450
Sieveking G. de G. – 456
Simonnet G. – 455
Simoska D. – 458
Šiška S. – 451, 462
Skaarup J. – 453
Sochacki Z. – 463
Sordinas A. – 447, 454
Sprockhoff E. – 453
Steinsland G. – 458
Strahm C. – 474
Stuiver M. – 491
Suess H. – 456
Szatmáry L. – 447
Szénaszky G. – 451

Tabaczyński S. – 459
Tallgren A.M. – 462–463
Tanda G. – 455
Taramelli A. – 465
Taylor G.R. – 459
Thompson E.A. – 461
Thompson M.S. – 448, 482
Thorsen S. – 453
Tierney J.J. – 460–461
Tilley C. – 453
Točik H.A. – 451, 462–463
Tomić E. – 450
Tončeva G. – 452
Toth I. – 463
Tovar A. – 460
Trbuhović V. – 464
Treinen-Claustre F. – 455
Tschumi O. – 476

Ucko P.J. – 447

Vallois H. – 458
Vaquer D. – 447
Vaquer J. – 455
Veiga Ferreira O. da – 455
Veldre Beldavs A. – 461
Vicent A.M. – 455
Vigne J.-D. – 455
Voigt T. – 462
Vosburg N. – 461
Vouga P. – 474

Wace A.J.B. – 448, 482
Wahl J. – 462
Wainright G. – 460
Wardle K. – 460
Warner J. – 463
Waterbolk H.T. – 449
Webley D. – 449, 454
Weiss M.-C. – 455
Wheeler M. – 458
Whipp D. – 458
Whitehouse R.D. – 455
Wierciński A. – 464
Wijnen M.-H.J.M.N. – 448
Wiklak H. – 460
Wilbur T. – 460
Willey G. – 447
Willms C. – 447
Wiślański T. – 453–454, 459, 463
Wissing P. – 460

Xirotiris N. – 464

Zimmer H. – 461
Zimmermann W.H. – 453
Živanović S. – 450
Zoffman Z.K. – 448, 450
Zohary D. – 447
Zorzi F. – 463

Содержание

Предисловие ... 5
Что такое цивилизация? ... 6
Глава I. Возникновение и распространение земледелия ... 9
Распространение земледелия в Европе ... 12
Неолитические города Анатолии (Турции) ... 15
Глава II. Неолитические культуры Юго-Восточной и Центральной Европы ... 21
Эгейский неолит: культура сескло Северной Греции ... 23
Культура старчево (криш, кёрёш) Центральных Балкан и Нижнедунайского бассейна ... 34
Культура караново Центральной Болгарии ... 39
Неолит в Центральной Европе: культура линейно-ленточной керамики ... 46
Культура бюкк в бассейне Верхней Тисы ... 54
Буго-днестровская культура ... 58
Заключение ... 59
Глава III. Зенит европейской цивилизации: Центральная и Восточная Европа, 5500–3500 гг. до н.э 61
Региональные группы и их хронологические рамки ... 64
Данило-хварская культура Далмации ... 64
Культура бутмир в Боснии ... 67
Культура винча Центральных Балкан ... 72
Культура тиса в бассейне реки Тиса ... 80
Культура лендель Среднедунайского бассейна и северных районов Центральной Европы ... 86
Культура боян Нижнедунайского региона ... 93
Культура хаманджия Черноморского побережья ... 98
Культура караново-гумельница Фракии и Восточной Македонии ... 102
Культура петрешти в Трансильвании ... 112
Кукутенская культура Молдавии и Западной Украины ... 113
Днепро-донецкая культура на Украине ... 121
Металлургия, торговля и ремесла ... 126
Глава IV. Неолитические культуры Северной Европы ... 137
Культура воронковидных кубков Северной Европы ... 140
Неманская культура ... 155
Нарвская культура на территории Восточной Балтики ... 162
Глава V. Неолитические культуры Адриатики и Центрального Средиземноморья ... 169
Южная Италия (Тавольере, Матерано и Сицилия) ... 172
Сардиния и Корсика ... 181
Мальта ... 188
Глава VI. Западноевропейский неолит ... 199
Ранний неолит Западного Средиземноморья ... 202
Средний и поздний неолит ... 208
Мегалитические гробницы Франции и Иберии ... 215
Неолит в Англии и Ирландии ... 225
Глава VII. Религия Богини ... 241
Категории, функции и символы различных божеств ... 244
Священные изображения и их происхождение ... 275
Святилища ... 280
Прически, головные уборы и ритуальные одеяния ... 291

Погребальные практики
Глава VIII. Священные знаки-письмена
История
Распространение
Внутренний анализ
Абстрактные знаки – символы, от которых произошли письмена
Следы письма
Заключение
Глава IX. Структура общества
Материалы поселений
Материалы захоронений
Отражение структуры древнеевропейского общества в религиозных изображениях и мифах
Остатки древнеевропейских матрилинейных структур в бронзовом веке и в историческую эр
Глава X. Конец Древней Европы: Вторжение скотоводов из южнорусских степей и преображение Европы
Скотоводы курганной культуры Южной России и их распространение по Восточной Украин
Первая волна курганной культуры в Восточной и Центральной Европе (ок. 4400–4300 гг. до н. э.) и ее последствия
Вторая волна курганной культуры (ок. 3500 г. до н. э.): преображение Центральной Европы во второй половине IV тыс. до н. э.
Культуры курганного типа Центральной и Восточной Европы: культурные группы баден-вучедол и эзерская
Культура шаровидных амфор на североевропейской равнине между Центральной Германией и Восточной Румынией
Третья волна курганной культуры (ок. 3000 г. до н. э.): вторжение южнорусской «ямной» кулы в Восточную и Центральную Европу и его последствия
Протоиндоевропейская традиция в хозяйственном укладе и в обществе
Столкновение двух идеологий
Заключение
Приложение
Примечания
Словарь основных археологических культур и памятников
Терминологический словарь
Хронологические таблицы
Библиография
Указатель имен

Учебное издание

Мария Гимбутас

Цивилизация Великой Богини

Компьютерная верстка и иллюстрации: *В.Д.Лавреников*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 17.08.2005.
Формат 84×108/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,48. Уч-изд. л. 37,7. Тираж 1500 экз. Заказ № 1751

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14